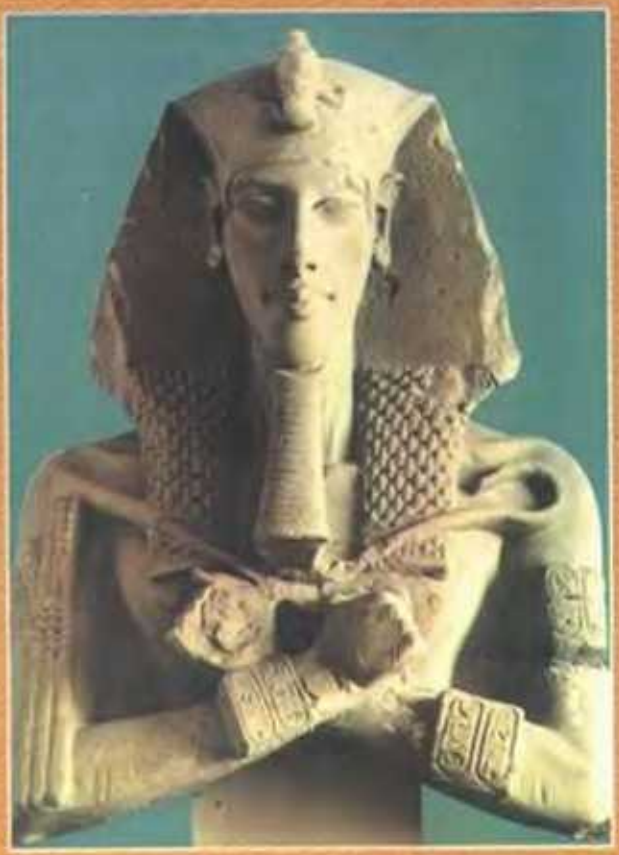
Ю. И. СЕМЁНОВ



ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

Ю. И. СЕМЁНОВ

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

Общая теория,
основные проблемы, идеи и концепции
от древности до наших дней

«СОВРЕМЕННЫЕ ТЕТРАДИ»
МОСКВА 2003

ББК 930.1 (0758)
УДК Ю252:Т08

СЕМЕНОВ Ю. И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней).
— М.: «Современные тетради». 2003. — 776 с.

Книга представляет собой уникальный энциклопедический справочник по философии истории и общей теории исторической науки, не имеющий аналогов не только в нашей, но и в мировой литературе. В работе рассматривается развитие философии истории (историософии) и общей ее теории от зарождения в античную эпоху до наших дней. В ней раскрывается, как на протяжении многих веков ставились и решались основные философско-исторические вопросы, проблема субъекта исторического процесса, проблема понимания и истолкования этого процесса и, наконец, проблема основы общества и движущих сил истории. Дается обзор всех основных существовавших и существующих сейчас в философской и исторической науках точек зрения по этим вопросам (ч. 1—3). Вслед за этим следует теоретический очерк всемирной истории как единого закономерного процесса (ч. 4), а затем выявляются и рассматриваются основные тенденции современного исторического развития и место России в мире к началу XXI века (ч. 5).

Книга предназначена для философов, социологов, историков, этнографов, археологов, студентов и аспирантов гуманитарных институтов и факультетов, для учителей истории средних учебных заведений, а также для всех тех, кто хочет не только знать исторические факты, но и понимать историю. Работа написана предельно ясно и понятно, имеет четкую структуру, способствующую усвоению материала. Поэтому она доступна для студентов и учащихся старших классов и вполне может служить в качестве учебного пособия. Развернутое оглавление, предметный и именной указатели помогают легко ориентироваться в материалах книги, а библиографический указатель — в литературе по всем затронутым вопросам.

Библиография. 1450 названий.

ISBN 5-88289-208-2

© Ю. И. Семенов, 2003
© «Современные тетради», 2003

ПРЕДИСЛОВИЕ

Можно по-разному понимать и толковать историю, но вряд ли существуют сомнения в том, что она действительно существует. Исследованием ее давно уже занимается наука, которую называют тем же именем, что и изучаемый ею объект, а именно *историей*. Употребление одного и того же термина для обозначения как реального исторического процесса, так и науки, изучающей этот процесс, создает известные неудобства. Чтобы избежать их, я буду в дальнейшем изложении называть *историей* только сам исторический процесс. Для обозначения же специальной науки об истории я буду использовать термины *«историческая наука»* и *«историология»* (от греч. логос — слово, понятие, учение).

Но историология — не единственная наука, изучающая историю. Существует по крайней мере еще одна дисциплина, занимающаяся историческим процессом. Она стремится выявить его общую природу, его основные закономерности и движущие силы. Иначе говоря, она является самой общей, предельно общей теорией исторического процесса. Значение этой предельной теории исторического процесса заключается в том, что она представляет собой самый общий метод проникновения в сущность исторических явлений. Эту самую общую теорию исторического процесса давно уже именуют *философией истории*.

Термин «философия истории» несколько позднее стал применяться для обозначения и еще одной дисциплины. Последняя исследует не историю саму по себе, а процесс ее познания. В ее задачу входит выявление специфики исторического познания. Это теория исторического познания, историческая гносеология, или, следуя новейшей моде, историческая эпистемология.

Настоящая работа посвящена лишь общей теории исторического процесса, которую помимо философии истории нередко именуют также *историософией* (от греч. софия — мудрость). Соотношение историософии и историологии носит довольно сложный характер.

Историология, по крайней мере цивилизованного общества, всегда занималась и сейчас занимается описанием исторических событий. Эту составляющую исторической науки можно назвать *повествовательной*, или *нарративной, историологией*. Когда-то вся историческая наука полностью или почти полностью сводилась к нарративной историологии. Это выражалась и в том, что кроме нарративной историологии никакой другой не существовало, и в том, что историологи даже в лучшем случаем ограничивались лишь выявлением причин исторических событий, но не объяснением исторического процесса. В те времена различие между историологией и историософией было крайне резким и отчетливым. Между ними не было посредствующих звеньев. В поисках общей концепции истории историологи могли обращаться только к историософии.

Но положения историософии по необходимости носили самый общий характер. Для мыслящих историков они были нужны, но этого им было недостаточно. Результатом было постепенное возникновение концепций того типа, которые применительно к общественным наукам, в частности к социологии, часто именуют теориями среднего уровня. Так началось становление нового раздела исторической науки, который можно назвать *теоретической историологией*.

Отношение нарративной и теоретической историологии в какой-то степени аналогично отношению между экспериментальной и теоретической физикой. Но если в физической науке значение физической теории общепризнано и никто не сомневается в необходимости специальности физика-теоретика, то в историологии дело обстоит совершенно по другому. Существование теоретической историологии не признается. Курсы теоретической историологии нигде не читаются, нет по этой дисциплине ни учебников, ни пособий. Если и появляются работы по теоретической историологии, то они либо определяются по ведомству социологии, где они числятся под названиями исторической социологиии, макросоциологии, социологии социальных изменений и т.п., либо относятся к философии истории.

Основание для последнего имеются: грань между теоретической историологией и философией истории весьма и весьма относительна. Историософия в самом узком смысле, т.е. система самых общих идей об историческом процессе одновременно входит, с одной стороны, в философию в качестве ее необходимой составной части, с другой, в теоретическую историологию в качестве ее ядра. Любой исследователь, создавший ту или иную концепцию историософии, никогда не ограничивается лишь общими положениями. Он всегда стремится их конкретизировать и тем самым углубляется в область уже собственно теоретической историологии. Философия истории никогда не может обойтись без каких-то элементов теоретической историологии. С другой стороны, историк, разрабатывающий проблемы теоретической историологии, нуждается в самых общих идеях о природе исторического процесса, т.е. в философии истории в первом значении этого слова, в историософии.

Сама теоретическая историология заключает в себе несколько уровней исследования, от самого общего, прямо смыкающегося с историософией, — *общей теоретической историологии*, до более конкретного, включающего концепции, которые относятся не к историческому процессу в целом, а отражают развитие обществ только одного типа и т.п. — *частной теоретической историологии*.

Историософия и общая теоретическая историология настолько тесно связаны и взаимно проникают друг в друга, что когда говорят о философии истории, то чаще всего практически имеют в виду не столько собственно историософию в самом узком смысле слова, сколько ее — взятую вместе с общей теоретической историологией. Вот еще одно, уже третье значение термина «философия истории» и второе, более широкое, значение слова «историософия». Именно философии истории в самом широком смысле слова посвящена настоящая работа. В ней в неразрывном единстве излагается и собственно философия истории, и общая теоретическая историология.

Причин невнимания историков к теоретической историологии существует несколько. Одна из них состоит в том, что нарративная историология столь долго была единственно существующим разделом исторической науки, что для многих историков понятие нарративной историологии было равнозначно понятию историологии вообще.

Другая причина, характерная для отечественных историков, — наше недавнее прошлое, когда всем историкам в принудительном порядке в качестве единственно верной общей теории общества и истории навязывался исторический материализм. Материалистическое понимание истории практически рассматривалось в качестве не просто наиболее общей, а единственно возможной и единственно правильной теории исторического поцесса. Поэтому всякая попытка разработки теоретической историологии встречалась нашим идеологическим руководством в штыки и объявлялась ревизионизмом. Все это отбивало охоту заниматься теоретическими изысканиями в области истории.

К этому нужно добавить, что марксизм, став господствующей идеологией и средством оправдания существующих в нашей стране «социалистических» (в действительности же ничего общего с социализмом не имеющих) порядков, переродился: из стройной системы научных взглядов превратился в набор штампованных фраз, используемых в качестве заклинаний и лозунгов. Настоящий марксизм был замещен видимостью марксизма — псевдомарксизмом.[1] Это затронуло все составные части марксизма, не исключая философии, а тем самым и материалистического понимания истории.

Произошло то, чего больше всего боялся Ф. Энгельс. «...Материалистический метод, — писал он, — превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроят и перекраивают исторические факты».[2] При этом не только превращались в мертвые схемы действительные положения материалистического понимания истории, но и выдавались за непреложные марксистские истины такие тезисы, которые не только не входили в систему идей материалистического понимания истории, но и вообще никак не вытекали из исторического материализма.

Все это порождало у наших историков сомнения в пользе материалистического понимания истории или даже резко отрицательную оценку всех его положений, а у некоторых из них все это перерастало в скептическое отношение к любым теоретическим построениям в этой области. Поэтому начавшаяся еще в годы перестройки критика материалистического понимание истории была встречена многими историками с сочувствием. Некоторые из них даже активно включились в борьбу. И далеко не все историки, отбросив исторический материализм, бросились искать иную философию истории. Часть их вообще стала отказываться от всякой теории.

Еще одна причина скептического отношения к теории связана с тем, что по поводу истории и в связи с историей всегда создавалось и сейчас создается огромное множество самых различных схем, находящихся в разительном противоречии с исторической реальностью. Самой обширной областью паранауки, лженауки всегда была и сейчас является квазиисториология, лжеисториология.

Лжеисторические работы выходят из-под пера не только прямых невежд или, в лучшем случае, откровенных дилетантов, но и людей, имеющих ученые степени и звания, в том числе и в области истории. Если не углубляться слишком глубоко в прошлое, то можно указать на многочисленные сочинения доктора исторических наук, профессора Льва Николаевича Гумилева. Сейчас книжные прилавки буквально затоплены потоком совершенно бредовых произведений, изготовляемых действительным членом РАН, доктором физико-математических наук Анатолием Тимофеевичем Фоменко и его многочисленными сподвижниками и последователями.[3] Имя же всем остальным — легион.[4]

[1] Подробнее см.: Семенов Ю.И. Россия: Что с ней случилось в двадцатом веке // Российский этнограф. Вып. 20. М., 1993.

[2] Энгельс Ф. Письмо П. Эрнсту, 5 июня 1890 г. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 37. С. 351.

[3] Фоменко А.Т. Методы статистического анализа нарративных тестов и приложения к хронологии. М., 1990, Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Новая хронология и концепция древней истории Руси, Англии и Рима. Факты, статистика, гипотезы. Т. 1-2. М., 1995; Они же. Империя. Русь, Турция, Китай, Египет. Новая математическая хронология древности. М., 1996; Они же. Библейская Русь: Русско-ордынская империя и Библия. Т. 1-2. М., 1998 и др.

[4] Не перечисляя все эти сочинения, обращу лишь внимание на появившиеся наконец работы, в которых разоблачаются писания как А.Т. Фоменко, так и других бредоисториков: Володихин Д., Елисее-

И если не все, то многие из них выступают в роли не столько повествователей, сколько теоретиков. Имеются работы, претендующие почти исключительно на теорию. Не все из них носят откровенно бредовый характер, но всех их отличает совершенно бесцеремонное обращение с историческими фактами. Факты подбираются, кроятся и подгоняются под заранее заготовленные схемы. В случае отсутствия подходящих фактов, они нередко создаются, как это можно видеть на примере сочинений Л. Н. Гумилева.

В результате всей этой вакханалии наши историки-профессионалы с крайним подозрением относятся к любым попыткам теоретизирования в области истории. Им везде мерещится гумилевщина или фоменковщина.

Но вообще без теории обойтись невозможно. В результате историки, даже те, которые на словах решительно порицают любое теоретизирование, на деле с неизбежностью обращаются к тем или иным концепциям историософии и теоретической историологии. И так как в большинстве своем они не обладают навыками самостоятельного теоретического мышления, то не могут должным образом оценить существующие концептуальные построения и нередко берут на веру далеко не лучшие из них.

После начала перестройки и особенно после ее конца некоторые наши историки с пылом неофитов стали принимать на веру различного рода философско-исторические концепции, включая самые нелепые, лишь бы они были иными, чем исторический материализм, а еще лучше — прямо противоположными ему. Еще хуже обстояло дело, когда они сами занимаются теоретизированием. Крайности сходятся: люди, пренебрегающие теорией, оказываются нередко в плену самых нелепых концепций: чужих или собственных.

Одна из причин печального положения, сложившегося сейчас с историософией и теоретической историологией, заключается в том, что мало кто даже из числа историков знаком с историей основных проблем, которые ставились и решались этими дисциплинами. С этим связано бесконечное изобретение велосипедов. Заново создаются концепции, которые давно уже известны и отброшены в силу полной их несостоятельности.

Как уже указывалось, в данной работе не рассматривается историческая гносеология (эпистемология). В центре внимания автора проблемы не специфики исторического познания, а самой истории, исторического процесса, причем, разумеется, наиболее общие. Ответы на вопросы, относящиеся к истории в целом, имеют важнейшее значение не только для историков, но и для всех, стремящихся не просто знать исторические факты, но и понять историю. И дать их может лишь исключительно историософия, выступающая в тесной связи с теоретической историологией.

История есть процесс. С этим сейчас согласно большинство историков и историософов. Но понимают они этот процесс по-разному. Для одних история — поступательное, восходящее развитие, т.е. прогресс. Для других — просто развитие. Есть люди еще более осторожные: для них история — только изменение. Последние не всегда понимают историю как процесс. Для некоторых из них она — беспорядочное нагромождение различного рода не связанных друг с другом случайностей.

Но если мы трактуем историю как прогресс или даже как просто развитие — перед нами неизбежно встает вопрос: что же при этом развивается, что же является

ва Ю., Олейников Д. История Росии в мелкий горошек. М., 1998; История и антиистория. Критика «новой хронологии» академика А.Т. Фоменко. М., 2000; «Антифоменко» // Сборник Русского исторического общества Т 3 (151) М., 2000. «Так оно и оказалось». Критика «новой хронологии» А.Т. Фоменко. (Ответ по существу). М., 2001; Мифы «новой» хронологии. Материалы конференции на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова 21 декабря 1999 года. М., 2001 и др.

субстратом исторического процесса, его *субъектом*. Без решения этой проблемы невозможно понимание сущности исторического процесса. Нельзя понять историю, не выявив ее субъекта. Помимо всего прочего, важность этого вопроса заключается в том, что он одновременно является и вопросом об *объекте* исторического исследования. Именно субъект исторического процесса и представляет собой тот самый объект, который изучают историки.

Но как ни странно, никто из историков и историософов в сколько-нибудь четкой форме данный вопрос перед собой не ставил. Это, отнюдь, не означает, что названная проблема никем никогда не решалась. Наоборот, почти все и почти всегда давали на этот вопрос какой-то ответ. Без этого не мог обойтись ни один историк.

Но люди решали эту проблему практически, часто совершенно не отдавая себе отчета в том, что они решают именно эту, а не иную проблему. По этому поводу можно вспомнить известного мольеровского героя, который говорил прозой, совершенно не подозревая об этом. Именно потому, что историки в большинстве случаев решали эту проблему совершенно неосознанно, предлагаемые ответы на этот вопрос зачастую были далеко не лучшими.

Решение этой проблемы с неизбежностью предполагает ответ на вопросы о содержании понятий общества, человечества, государства, страны, народа, этноса, нации, культуры, цивилизации, расы, а также выявление отношения между всеми этими понятиями. Именно этому посвящена вся первая часть настоящей работы.

Выявление субъекта исторического процесса открывает путь к пониманию самого этого процесса. Здесь проблем еще больше. Из их числа подробно рассматриваются в работе лишь две, но, пожалуй, самые важные.

Одна — проблема понимания и интерпретации исторического процесса. Ей посвящена вся вторая часть работы. В центре внимания находится прежде всего вопрос о том, существует ли реально человечество и всемирная история.

Семьдесят с лишним лет у нас без конца повторяли слова «общественно-экономическая формация» и «формационный подход», чаще всего даже толком не понимая, что они означают. Но умение без запинки произносить эти словосочетания было как для человека, который их твердил, так для лиц, его окружающих, свидетельством того, что он приобщен к самой передовой в мире исторической науке.

Теперь столь же истово повторяют слова «цивилизация», «цивилизационный подход», тоже не давая себе труда вдуматься в их смысл. Для многих не имеет никакого значения, что именно эти слова означают. Им просто нужно показать, что и они не лыком шиты, что они поднялись на уровень самой передовой в мире западной исторической науки. Многим даже в голову не приходит, что суть «цивилизационного подхода» состоит в отрицании существования человечества как единого целого, а тем самым и в отрицании мирового исторического процесса.

И парадокс состоит в том, что на Западе «цивилизационный подход» и раньше многими историками отвергался, а к настоящему времени давно уже вышел из моды. Там в почете другие концепции, в верности которым у нас будут клясться через 20—30 лет, когда на Западе их давно уже забудут.

Другая важнейшая проблема — вопрос об основе общества и движущих силах истории. На него, как известно, даются самые различные ответы, которые подробно рассматриваются в третьей части работы. С вопросом о движущих силах исторического процесса тесно связаны проблемы причинности, детерминизма, предопределенности и неопределенности, случайности и необходимости, возможности и действительно-

сти, альтернативности, свободы и необходимости в истории. Все они в той или иной степени с неизбежностью затрагиваются в книге, но специально не расматриваются. Для этого потребовалось бы слишком много места.

В трудах по философии истории нередко рассматривается еще сюжет, который обычно находит свое выражение и в их названиях. Сошлюсь в качестве примера на сочинения русского религиозного философа Николая Александровича Бердяева «Смысл истории» (Берлин, 1923; М., 1990 и др.) и немецкого мыслителя Карла Ясперса «Истоки истории и ее цель» (1949; русск перевод: Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991). Достаточно полный обзор такого рода сочинений можно найти в книге Бориса Львовича Губмана «Смысл истории. Очерк современных западных концепций» (М., 1991).

Но вопреки мнению названных выше и ряда других мыслителей, мы сталкиваемся здесь не с проблемой, а с псевдопроблемой. В действительности в истории общества, как и в истории природы, нет ни смысла, ни назначения, ни цели, а раз так, то и заниматься их поисками — дело совершенно пустое, бессмысленное.

В книге рассматриваются только реальные проблемы. Все три вопроса, которым посвящена книга, встали перед наукой не сейчас. Историки и историософы искали ответы на них на протяжении многих веков. И без знания истории проблемы невозможно прийти к верному ее решению. Поэтому в работе много внимания уделяется рассмотрению того, как, когда и в какой форме вставала перед наукой та или иная проблема и кто, когда и какие решения ее предлагал. В случае необходимости и специально прослеживается эволюция самых важных философско-исторических идей. Автор не ограничивается рассмотрением взглядов и учений исключительно лишь историков и историософов. Привлекаются труды социологов, экономистов и представителей других общественных наук, в которых ставились и решались проблемы, так или иначе связанные с пониманием исторического процесса в целом.

Достаточно объективную картину развития историософской мысли можно дать лишь при условии четкого различения, с одной стороны, одиночных идей, с другой, концепций как сознательно разработанных систем идей. Концепция может выступать в форме учения, обязательно включающегося в себя определенную программу поведения, в форме теории, а также может представлять собой одновременно учение и теорию.[5]

Если обратиться к истории человеческой мысли, то первое известное нам учение было создано фараоном Аменхотепом IV, или Эхнатоном, жившим в XIV вв. до н.э. в Египте в эпоху Нового царства. Оно было религиозным. Это учение было обоснованием и оправданием крутого переворота, совершенного названным правителем в жизни египетского общества, который в частности выразился и в принятии фараоном нового имени, и в создании новой столицы — Ахетатона.[6]

Место Эхнатона в духовном развитии человечества обычно недооценивается. А ведь по сути дела он был первым свободомыслящим, который не просто усомнился в верности старых традиционный положений, но попытался разработать целую систему новых идей. Недаром после смерти Эхнатон был объявлен «еретиком из Ахетатона». Эхнатон намного опередил свое время. Первые после него учения были созданы лишь 600—700 лет спустя — в VII—VI вв. до н.э.

[5] См.: Семенов Ю.И. Эволюция религии: смена общественно-экономических формаций и культурная преемственность // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985. С. 220-221.

[6] См.: Перепелкин Ю.Я. Переворот Амен-Хотпа IV. Ч.1. М. 1967; Ч. 2. 1984; Жак К. Нефертити и Эхнатон. Солнечная чета. М., 1999.

В истории человеческой мысли вообще, историософской в частности возникновение одиночных идей нередко намного опрежало разработку концепций. Но именно концепции, а не одиночные идеи должны быть главным объектом внимания. Так как развитие каждой проблемы, а также самых главных идей и концепций рассматривается в книге по отдельности, то это обусловило неоднократное обращение к одним и тем же эпохам и одним и тем же лицам. Однако в случае чисто исторического, строго хронологического подхода оказалось бы в тени самое главное — объективная логика развития философско-исторической мысли, все глубже проникающей в сущность мировой истории

После рассмотрения теоретических проблем всемирно-исторического процесса неизбежным является обращение к самой реальной всемирной истории. Поэтому в четвертой части дается краткий очерк действительной истории человеческого общества в целом Но этот базирующийся на эмпирии очерк носит теоретический характер. В нем всемирная история предстает как единый процесс развития человечества во времени и пространстве. В нем сделана попытка проследить объективную логику развития человечества.

И, наконец, в пятой части рассматривается современная эпоха, выявляется структура современного глобального человеческого общества и основные тенденции и перспективы его развития. Большое внимание в этой части уделяется месту России в современном мире

Предлагаемая вниманию читателя книга была задумана как учебное пособие по философии истории и теоретической историологии, хотя и своеобразное В учебном пособии принято излагать общепринятые истины. Но таковых в этой области практически нет Отсюда — упор на историю философско-исторической мысли Однако задуманная как обыкновенное учебное пособие, пусть с обилием далеко не общепринятых положений, работа превратилась в научное исследование Но при всем при этом она сохранила все важнейшие особенности учебного пособия.

Книга предназначена для философов, социологов, историков, этнографов, археологов, студентов и аспирантов гуманитарных институтов и факультетов, для учителей истории средних учебных заведений, а также для всех тех, кто хочет не только знать исторические факты, но и понимать историю Работа написана предельно ясно и понятно, имеет четкую структуру, способствующую усвоению материала Поэтому она доступна для студентов и учащихся старших классов и вполне может служить в качестве учебного пособия Развернутое оглавление, предметный и именной указатели помогают легко ориентироваться в материалах книги, а библиографический указатель — в литературе по всем затронутым вопросам

1. ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА (человечество, общество, общества, государства, страны, народы, этносы, нации, цивилизации, культуры, расы)

1.1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Вся история складывается из действий людей. Вряд ли кто станет с этим спорить. Исходя из этого, некоторые историки пришли к выводу, что предметом их науки является человек. Такова точка зрения, по крайне мере, значительного числа представителей школы «Анналов». «В самом деле, — писал один из ее основателей — Марк Блок (1886—1944) в книге «Апология истории или ремесло историка (1949; русск. перевод: М., 1973), —великие наши наставники, такие как Мишле или Фюстель де Куланж, уже давно научили нас это понимать: предметом истории является человек».[1]

Эта идея была с восторгом подхвачена рядом наших ученых. «Предмет исследования историков, — пишет, например, претендующий на роль теоретика исторической науки медиевист Арон Яковлевич Гуревич, — люди, мыслящие и эмоциональные существа».[2] Ему вторит член-корреспондент РАН Ахмед Ахмедович Искендеров, утверждающий, что «в центре исторических исследований» должна находиться «человеческая личность».[3]

Таким образом, у всех у них получается, что именно отдельный человек есть субъект исторического процесса. Но естественно, что никто из них не мог выдержать эту точку зрения последовательно до конца. После такого рода заявлений обычно сразу же следовали оговорки, что, собственно, нужно иметь в виду не человека, а людей, связанных друг с другом, образующих реальные коллективы и т.п.

И понять эту непоследовательность можно. К чему можно прийти, если последовательно придерживаться подобного рода взглядов, можно видеть на примере русского философа Владимира Францевича Эрна (1882—1917). Поставив в статье «Методы исторического исследования и книга Гарнака «Сущность христианства»» (1907) вопрос о том, «что должно быть познанным в истории?», он отвечал: «...Необходимо... каждую отдельную индивидуальную жизнь познать во всем объеме и ее внутреннем содержании и ее внешнего воздействия на окружающее. Но что это значит? Это значит, что нами должен быть познан *безусловно всякий* из тех миллиардов людей, которые жили на земле и которые ведь все безусловно вошли в исторический процесс. Только когда мы будем знать о каждом человеке все, т.е. когда мы узнаем во всей полноте всю бесконечную массу его всех мыслей, всех чувств, всех переживаний, а также всю совокупность воздействий, полученных им от других, а также произведенных им от себя на других, только тогда заполнятся действительно фактическим содержанием те грубые, часто возмутительно грубые, и пустые схемы, которыми историки

[1] Блок М. Апология истории или ремесло историка. М , 1973. С. 18.
[2] Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов»». М., 1993 С. 15.
[3] Искендеров А.А. Историческая наука на пороге XXI века // ВИ. 1996. № 4 С. 25.

хотят подменить познание того, что было в истории, и только тогда обрисуется во всей полноте нормальный образ исторического познания».[4]

Но историки никогда не знали и никогда не будут знать всего о каждом участнике исторического процесса. Более того, такое знание совсем и не нужно для знания и понимания данного процесса. Все дело в том, что отдельные люди никогда не были и никогда не станут субъектами исторического процесса. Это в равной степени относится как к рядовым его участникам, так и к крупным историческим деятелям. Жизненный путь Наполеона Бонапарта, например, не есть исторический процесс. Это всего лишь момент, хотя и существенный, истории Франции и Европы. Именно в качестве такового он и представляет интерес для историка.

То обстоятельство, что не индивиды, а их объединения являются объектами исторического исследования, давно уже достаточно четко осознано подавляющим большинство историков и вообще обществоведов. И это осознание было не только практическим. Было немало попыток теоретического осмысления и обоснования данного положения. Вот, например, что писал в свое время известный австрийский социолог Людвиг Гумплович: «Мы считаем отдельными реальными элементами в социальном процессе природы не *отдельных лиц*, а *социальные группы*: в истории мы будем исследовать, таким образом, не закономерное поведение индивидов, отдельных лиц, но, если можно так выразиться, *закономерное движение групп*»[5] Спор между специалистами идет о том, какое именно объединение людей следует считать субъектом истории.

Нередко в качестве субъекта исторического процесса называется *человечество*. Такую точку зрения отстаивал, в частности, русский философ Владимир Сергеевич Соловьев, один из немногих мыслителей, четко поставивших вопрос о субъекте истории. «Прежде всего развитие, — писал он в работе «Философские начала цельного знания» (1877; послед. изд.: Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1990), — предполагает один определенный субъект (подлежащее), о котором говорится, что он развивается: развитие предполагает развивающееся».[6] И таким субъектом истории он считал человечество. «Субъектом развития, — утверждал он, — является здесь человечество как действительный, хотя и собирательный организм».[7]

Его взгляд разделял историк-медиевист и философ Лев Платонович Карсавин в своей «Философии истории» (Берлин, 1923; СПб., 1993). «Содержание истории, — писал он, — развитие человечества, как единого, внепространственного и всевременного субъекта».[8] Взгляд на человечество как на субъект истории определял его понимания предмета исторической науки. «Предмет истории может быть ближайшим образом определен, — подчеркивал Л.П. Карсавин, — *как социально-психологическое развитие всеединого человечества*».[9]

Но с подобным взглядом на субъект истории были согласны далеко не все. Так, немецкий социолог и философ Пауль Барт (1858—1922) в книге «Философия истории как социология» (русск. перевод: СПб., 1902), заявив вначале, что «история есть история человечества»[10], сразу же уточняет, что историки рассматривают «не весь че-

[4] Эрн В.Ф. Методы исторического исследования и книга Гарнака «Сущность христианства» // Сочинения. М., 1991. С. 249-250.

[5] Gumplowicz L. Der Rassenkampf. Sociologische Untrsuchungen. Insbruck, 1883. S. 39-40.

[6] Соловьев В С. Философские начала цельного знания // Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1990. С. 141.

[7] Там же. С. 145.

[8] Карсавин Л. П. Философия истории. СПб., 1993. С. 88.

[9] Там же. С. 98.

[10] Барт П. Философия истории как социология. СПб., 1902. С. 2

ловеческий род, а лишь общества внутри этого рода; и каждое общество образует само по себе солидарное целое».[11] «...Предметом человеческой истории, — пишет он, — является не индивид и не род, но общество. Итак, предмет истории — человеческие общества».[12] И историки действительно чаще всего называли объектом своего исследования *общество*, не всегда, правда, вкладывая в это слово тот же смысл, что и П. Барт. Из-под пера исследователей выходили и выходят книги, носящие названия «История первобытного общества», «История античного общества» и т.п.

Крупный русский историк Сергей Федорович Платонов (1860—1933) в «Лекциях по русской истории» (1917; 1993, 2000 и др.) писал, что «История... есть наука, изучающая конкретные факты в условиях именно времени и места, главной целью ее признается систематическое изображение развития и изменения жизни отдельных исторических обществ и всего человечества».[13]

Другое, кроме «общества», часто употребляемое историками слово — *«страна»*. Заглавия типа «Новая история колониальных и зависимых стран», «Новая история стран Европы и Америки», «История стран Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке», «История стран Азии и Африки в новейшее время» и т.п. обычны в исторической литературе.

Нередко в трудах историков как субъект исторического процесса выступает *государство.* Достаточно вспомнить «Историю государства Российского» (1816—1829) Николая Михайловича Карамзина (1766—1826). В противовес Н.М. Карамзину другой русский писатель и историк — Николай Алексеевич Полевой (1796—1846) назвал свой труд «История русского народа» (1829—1833). «Всеобщую историю мы понимаем как историю народов», — писал известный русский мыслитель Николай Николаевич Страхов (1828—1896).[14] Взгляд на историю как на историю *народов* широко распространен и сейчас. «Народ — главный субъект истории», — довольно категорично утверждается, например, в коллективном труде казанских историков «Периодизация всемирной истории» (1984).[15]

Известный русский историк Сергей Михайлович Соловьев (1820—1879) попытался синтезировать взгляды Н.М. Карамзина и Н.А. Полевого. В своей работе «Наблюдения над исторической жизнью народов» (1868—1876) он начинает с утверждения, что история занимается изучением народов. Но далее он критикует тех историков, которые отрывают народ от государства. «...Государство, — утверждает С.М. Соловьев, — есть необходимая форма для народа, который немыслим без государства...».[16] Связь между государством и народом есть отношение между формой и содержанием. Но лишь приведенным выше определением предмета истории С.М. Соловьев не ограничился. Как считал он, от изучения отдельных народов историческая наука переходит к исследованию целого человечества. В другой, более ранней работе «Исторические письма» (1858) С.М. Соловьев использует для обозначения предмета исторического исследования наряду со словом «народ» слова «общество» и «общественный организм».[17]

[11] Там же. С. 3.

[12] Там же.

[13] Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 2000. С. 9-10.

[14] Страхов Н.Н. Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н.Я. Данилевского // Русский вестник. Т. 234. 1894. Октябрь. С. 172.

[15] Периодизация всемирной истории (учебное пособие). Казань, 1984. С. 120.

[16] Соловьев С. М. Наблюдения над исторической жизнью народов // Собрание сочинений. СПб., б. г. С. 1126.

[17] Соловьев С. М. Исторические письма // Там же. С. 848-854.

У таких выдающихся мыслителей XVIII в., как Джамбаттиста Вико и Адам Фергюсон, в качестве субъектов исторического процесса фигурировали *нации.* Но ни тот, ни другой даже не попытался обосновать свою точку зрения и раскрыть значение используемого ими термина. Такую попытку предпринял видный немецкий историк Карл Лампрехт (1856—1915) «Наше исследование, — писал он, — привело нас к понятию нации, — к этой единице исторической жизни, в которую включена жизнь отдельной личности, и в развитии которой можно отметить определенные, типичные фазисы... Конечно, кроме наций, есть в истории и другие массовые явления. Но нет никакого сомнения, что последние являются более частными и в то же время более сложными, чем первые, и что для их понимания нужно уже иметь ясное и определенное понятие о нации».[18]

С критикой такой точки зрения выступил другой крупный немецкий историк — Эдуард Мейер. «Итак, — утверждал он, — считать единицей истории нацию и из ее судеб выводить нормы исторической эволюции — совершенно ошибочно. Никакой замкнутой в себе национальной истории вообще нет: все народы, вступившие между собой в продолжительное политическое и культурное единение, представляют собой для истории до тех пор единство, пока связь их не нарушается ходом исторической эволюции, и в сущности истории отдельных народов, государств, наций являются частями единой всеобщей истории; хотя их и можно рассматривать отдельно, но никогда нельзя изучать совершенно изолированно, без связи с целым. Основной и высшей целью исторического изучения и всякой, даже направленной на частности, исторической работы может быть только *всеобщая история».*[19]

Однако, объявив по сути дела субъектом истории, а тем самым и объектом исторической науки человечество, Э. Мейер спустя несколько страниц пишет: «Объектом исторического интереса может быть как отдельный человек, так и общества людей: народы, государства, целые культуры».[20] И тут же вносит поправку: «Что история возможна только по отношению к человеческому *обществу,* к социальным группам, — это разумеется само собой, потому что жизнь и деятельность каждого отдельного человека могут протекать только в тесной связи и взаимодействии с жизнью других людей».[21]

Крупнейший русский историк Василий Осипович Ключевский (1841—1911) не возражал против взгляда, согласно которому предметом изучения истории является «жизнь человечества». Однако он тут же добавлял, что «этот термин «жизнь человечества» — есть очень широкое обобщение, которое выведено несколькими ступенями из конкретных явлений».[22] И на вопрос о том, что представляют собой «видимые конкретные предметы» исторического исследования, давал ответ: ими является различного рода человеческие союзы. «Предметом исторического изучения, — писал он, — служат человеческие союзы — их развитие, взаимодействие и смена».[23] Из местных исторических процессов складывается всеобщая история.

[8] Lamprecht K. Individualitat, Idee und sozialpsychische Kraft in der Geschichte // Jahrbhcher für Nationalokonomie. Dritte Folge, Band LXVII (III. Folge, Band XIII). Jena, 1897. S. 890

[19] Мейер Э. Теоретические и методологические вопросы истории. Философско-исторические исследования. М., 1904. С. 40.

[20] Там же. С. 44.

[21] Там же. С. 45.

[22] Ключевский В.О. Методология русской истории // Цивилизация: прошлое, настоящее и будущее человека. М., 1988. 144.

[23] Там же. С. 164.

Разные мыслители в разные времена объявляли субъектами исторического процесса *культурно-исторические типы* (Николай Яковлевич Данилевский), *культуры* (Лео Фробениус, Освальд Шпенглер и др.), *цивилизации* (Арнольд Джозеф Тойнби, Филип Бэгби, Кэррол Квигли и др.), *этносы* (Сергей Михайлович Широкогоров), *этносы и суперэтносы* (Лев Николаевич Гумилев, Эдуард Сальманович Кульпин), *расы* (Людвиг Вольтман). Особенно модным в последнее время стало рассматривать в качестве субъектов исторического процесса цивилизации. О «цивилизационном подходе» говорят все кому не лень.

Еще чаще историки, не вдаваясь ни в какие теоретические изыски, давали своим трудам такие, например, названия как «История древней Греции», «История Древнего Рима», «История Византии», «История Франции», «История России», «История Древнего Востока», «История античного мира», «История Европы», «История Тропической и Южной Африки» и т.п.

Но даже, когда историки пользовались не единичными, а общими понятиями, последние редко получали определения и почти никогда — теоретическую их разработку. О понятии общества написано множество работ. Но все они носят чисто философский или социологический характер. Нет ни одной, в которой бы предпринималась попытка разобраться в том, что именно имеют в виду историки, когда говорят об обществе как объекте своего исследования.

Понятие страны, как правило, вообще никак не определяется, хотя ему в последнее время стали придавать такое значение, что даже появился термин «страновый подход». Известный советский историк Борис Федорович Поршнев (1905—1972) в своем докладе «Мыслима ли история одной страны?», посвятив немало места выявлению значения слова «страна», так и не дал никакого определения этому понятию.[24]

Попытка дать определение понятия «страна» была предпринята в уже упоминавшейся выше работе «Периодизация всемирной истории». «Страна, — говорится там, — это не просто регион; это совокупность регионов, объединенных как некоторым сходством путей своего развития, так и проистекающим из него единством, общностью развития. Страна, как некоторый комплекс территорий, не исключает развития в их судьбах, а потому всякая страна может быть расчленена в ходе исторического познания на более дробные «страны», каждая со своим собственным темпом и ритмом развития».[25] Определение из числа не слишком ясных.

О понятии «народ» написано много, но ни в одной работе не поднимается вопрос о том, что собственно понимают под этим словом историки, когда говорят, что их наука изучает историю народов.

И, к сожалению, никто не предпринял попытки выявить соотношение между понятиями человечества, общества, страны, государства, народа, этноса, нации, цивилизации, культуры, расы. Таким образом, в исторической науке не существует никакого четкого представления о субъекте истории, а тем самым и об объекте ее исследования. А оно необходимо. Не разобравшись в вопросе о субъекте истории, невозможно понять всемирно-исторический процесс.

[24] Поршнев Б.Ф. Мыслима ли история одной страны? // Историческая наука и некоторые проблемы современности Статьи и обсуждения М., 1969. С. 301-306

[25] Периодизация всемирной истории (учебное пособие) С. 118-119.

1 2 ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО, ЦИВИЛИЗАЦИЯ, СТРАНА

1.2.1. Многозначность слова «общество»

Начать, на мой взгляд, нужно с понятия «общество» Оно является самым важным не только для исторической науки, но для всех вообще общественных наук. Обращаясь к анализу смысла слова «общество», мы сразу же сталкиваемся с тем, что оно имеет не одно, а множество значений Иначе говоря, существует не одно понятие общества, а несколько разных понятий, но выражаемых одним словом, что очень усложняет дело

Не буду останавливаться на житейских, обыденных значениях этого слова, когда о человеке говорят, например, что он попал в дурное общество или вращается в великосветском обществе. Лишь упомяну об использовании слова «общество» как в быту, так и в науке для обозначения тех или иных общественных и прочих организаций: «Общество соединенных славян», «Южное общество», «Философское общество», «Общество охраны памятников истории и культуры», «Общество взаимного кредита», общества любителей кошек, собак, акционерные общества и т.п.

Если оставить все это в стороне, то выяснится, что в философской, социологической и исторической литературе термин «общество» используется, по меньшей мере, в пяти, хотя и связанных между собой, но все же разных смыслах.

1.2.2. Два взгляда на общество: 1) как на простую совокупность людей и 2) как на целостное образование (организм)

Первое и, пожалуй, самое важное для историка и этнолога значение термина «общество» — отдельное, конкретное общество, являющееся относительно самостоятельной единицей исторического развития. Этот смысл слова «общество» очень часто не отличают от другого его значения — общества вообще, в котором выражается то общее, что присуще всем конкретным отдельным обществам, независимо от их типа, индивидуальных особенностей, времени существования и т.п. А отличать эти два смысла слова «общество» крайне необходимо для любого обществоведа, историка прежде всего.

Выделение отдельного конкретного общества позволяет поставить вопрос о том, имеет ли общество самостоятельное существование или его бытие есть производное от существования составляющих его индивидов. С самого начала теоретического подхода к исследованию общества в философской и исторической мысли существовали два основных ответа на этот вопрос.

Один из них заключался в том, что общество представляет собой простую совокупность, сумму индивидов Поэтому единственными реальными объектами социального исследования являются люди. Никаких других не существует. Такую точку зрения нередко называют *социологическим номинализмом* Подобного рода взгляд нашел свое предельно четкое выражение, например, в одном из мест работы известного русского историка, историософа и социолога Николая Ивановича Кареева (1850—1931) «Введение в изучение социологии» (СПб , 1897). Последний писал. «Личность есть единственное реальное существо, с которым имеет дело социология. Народы или отдельные классы одного и того же народа суть собирательные единицы, состоящие из отдельных личностей» [26]

[26] Кареев Н И Введение в изучение социологии СПб , 1897 С 103-104

Сходного взгляда придерживался известный немецкий социолог Макс Вебер (1864—1920). Наиболее четко он изложен в работе «Основные социологические понятия» (русск. перевод: Избранные произведения. М., 1990). «Для других (например, юридических) познавательных целей или для целей практических, — писал он, — может быть, напротив, целесообразно или даже неизбежно рассматривать социальные образования («государство», «ассоциацию», «акционерное общество», «учреждение») совершенно так же, как отдельных индивидов (например, как носителей прав и обязанностей или как субъектов, *совершающих* релевантные в правовом отношении действия). Для понимающей социологии, интерпретирующей поведение людей, эти образования — просто процессы и связи специфического поведения отдельных людей, так как только они являют собой понятных для нас носителей осмысленных действий».[27]

Подобная точка зрения и сейчас имеет много сторонников. Желая сэкономить время и место, ограничимся одним лишь высказыванием Дарио Антисери и Лоренцо Инфантино, которым открывается их предисловие к сборнику работ известного австрийско-американского экономиста Фридриха Августа фон Хайека (1899—1992) «Познание, конкуренция и свобода. Антология сочинений» (русск. перевод: СПб., 1999). «*Не существует ни классов, ни общества как такового,* — пишут они, — *существуют лишь индивиды.* Социальные науки (социология, экономика, историография, антропология и т.п.) имеют дело с коллективными понятиями, как государство, нация, партия, революция, капитализм, общество и т.д. Два крупных направления мысли отражают коллективистскую традицию интерпретации таких понятий и индивидуалистскую традицию. Коллективисты (Сен-Симон, Конт, Гегель, Маркс, неомарксисты, структуралисты) утверждают, что коллективистским понятиям соответствует некая определенная реальность, автономная и независимая от людей: общество, партии, классы в качестве реальных образований лепят индивидов, а ученый обязан искать и описывать законы развития этих субстанций. Сторонники методологического индивидуализма (А. Смит, Д. Юм, К. Поппер, Хайек — ближе к нам Р. Будон) утверждают, что коллективным понятиям не соответствует никакая специфическая реальность. Классов, обществ, партий, ни даже вооруженных сил не существует. Есть только индивиды. Только индивиды думают и действуют. В этом состоит теоретическое ядро методологического индивидуализма».[28]

Для завершения картины добавим к К. Попперу и Ф. Хайеку еще одного австрийско-американского экономиста — Людвига фон Мизеса (1881—1973), который занимался также и философией истории. В работе «Теория и история. Интерпретация социально-экономической эволюции» (1957; русск. перевод: М., 2001) он начинает с того, что объявляет вопрос «является ли общество суммой индивидов или оно больше этого, и тем самым является сущностью, обладающей независимой реальностью?» не имеющим смысла. «Общество не является ни суммой индивидов, ни чем-то большим или меньшим. Здесь арифметические концепции неприменимы».[29]

Но далее он развивает концепцию социологического номинализма. Стремясь опровергнуть «коллективистическую философию», под которой он подразумевает социологический реализм, Л. Мизес обвиняет ее в том, что она «отрицает существование индивидов и действий индивидов».[30] Он утверждает, что, согласно взглядам его оппо-

[27] Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. М., 1990. С. 614.
[28] Хайек Ф.А.фон. Познание конкуренция и свобода. Антология сочинений. СПб., 1999. С. 43.
[29] Мизес Л.фон. Теория и история. М., 2001. С. 183.
[30] Там же. С. 187.

нентов, «индивид суть простой фантом, не имеющий реальности, иллюзорный образ, изобретенный псевдофилософий апологетов капитализма».[31] Большей глупости сторонникам социологического реализма приписать просто трудно. Когда в ход идут такие аргументы, это свидетельствует о крайней слабости защищаемой точки зрения.

Ни названные выше авторы, ни другие сторонники данного взгляда никогда не могли привести его до конца последовательно. В другом месте той же самой названной выше книги Н.И. Кареев утверждал: «Общество не есть простая совокупность личностей, находящихся в психическом и практическим взаимодействии, но целая система этих взаимодействий, в коей последние получают известные постоянные формы, известную организацию».[32] Тем самым фактически он переходит на совершенно иную позицию.

Суть второго ответа на поставленный выше вопрос как раз и заключается в том, что общество, хотя и состоит из индивидов, но ни в коем случае не представляет собой их простой совокупности. Оно есть целостное образование, имеющее свою жизнь, не сводимую к существованию, составляющих его людей, особый субъект, развивающийся по собственным, только ему присущим законам. Подобную точку зрения нередко именуют *социологическим реализмом*. Такой взгляд в достаточно четкой форме проявился уже в труде Аристотеля (384—322 до н э.) «Политика» (русск. переводы: Соч. в 4-х т. Т. 4. М., 1983; Аристотель. Политика. Афинская полития. М., 1997 и др. изд.). «Итак, очевидно, — писал великий мыслитель, — государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку; поскольку последний, оказавшийся в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, то его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому».[33]

Перед теми исследователями, которые рассматривали общество как единое целое, несводимое к сумме составляющих его индивидов, с неизбежностью вставал вопрос об основе его целостности Многие из них искали истоки этой целостности в духовной сфере. Делая это, они в то же время не могли не видеть, что если понимать духовную жизнь общества как психическую, душевную жизнь составляющих его людей, то это с неизбежностью приведет к переходу на позиции социологического номинализма. Попытки преодолеть субъективизм в понимании душевной жизни как основы общества вели некоторых из них к объективному идеализму и даже к религии.

Примером может послужить сочинение русского религиозного философа Семена Людвиговича Франка (1877—1950) «Духовные основы общества. Введение в социальную философию» (1930; // Русское зарубежье. Из истории социальной и правовой мысли. Л., 1991; М., 1992; С.Л. Франк. Духовная жизнь общества. М., 1992). Утверждая, что «общественная жизнь по самому своему существу духовна, а не материальна», С.Л. Франк в то же время подвергал критике «социальный психологизм».[34] Конечный его вывод состоял в том, что «общественное бытие в целом есть как бы система божеств или божественных сил, некий пантеон, в котором выражается данная стадия или форма человеческого отношения к Божеству».[35]

Ясно, что для любого настоящего ученого подобного рода выводы совершенно

[31] Там же

[32] Карсев Н И Указ раб С 295-296.

[33] Аристотель Политика // Соч в 4-х т Т 4 М , 1983 С 379

[34] Франк С Л Духовные основы общества Введение в социальную философию // Русское зарубежье Из истории социальной и правовой мысли Л , 1990 С 317-318

[35] Там же С 330

неприемлемы. Он с неизбежностью должен искать иное объяснение целостности общества. Убежденным сторонником социологического реализма был известный французский социолог Эмиль Дюркгейм (1858—1917), автор прежде всего таких работ, как «О разделении общественного труда» (1893; 1902; послед. русск. перевод: О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991) и «Метод социологии» (1895; 1901). Он настаивал на том, что общество представляет независимую от индивидов, внеиндивидуальную и надындивидуальную реальность. Эта особого рода реальность, не сводимая к другим ее видам, включена в универсальный природный порядок. Социальная реальность столь же устойчива и основательна, как все другие виды реальности, и соответственно так же как и они, развивается по определенным законам.

На естественно возникавший вопрос о природе этой социальной реальности Э. Дюркгейм прямого ответа не давал. Но так как он с самого начала своей научной деятельности настаивал на духовном характере всех социальных явлений (включая экономические), то получалось, что эта реальность была в сущности духовной. Объяснить, каким образом духовная реальность могла быть независимой от людей, Э. Дюркгейм оказался не в состоянии. И в результате, начав с резкой критики психологизма, с подчеркивания внешнего и принудительного характера социальных фактов, он в последующем все в большей и большей степени стал склоняться к психологическому их объяснению.

Стремление найти действительно объективную основу общества издавна толкало мыслителей, придерживавшихся социологического реализма, к поискам аналогий между обществом и животным организмом, а иногда и к стремлению уподобить общество биологическому организму. Такие попытки начались еще в античную эпоху и продолжались в последующее время. Использовали, например, термин «организм» в применении к обществу французский просветитель Жан-Жак Руссо в труде «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755; русск. перевод: Ж.-Ж. Руссо. Трактаты. М., 1969; Об общественном договоре. Трактаты. М., 1998), французский материалист Клод Антуан Гельвеций в работах «Об уме» (1758; русск. перевод: Соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1973) и «О человеке» (1769, 1773; русск. перевод: Там же. Т. 2. М., 1974).

Но достаточно широко термин «организм» в применении к обществу стал использоваться лишь начиная с 40-х годов XIX в. Одним из первых это сделал основоположник позитивизма и одновременно родоначальник социологии как особой опытной науки Огюст Конт (1798—1857). Последний отнюдь не оттождествлял общество с биологическим организмом. Ему важно было лишь подчеркнуть, что общество есть целостное образование, особый субъект эволюции. И чтобы подчеркуть отличие общества от животного организма он называл его не просто организмом, а социальным организмом.

Термин «социальный организм» был подхвачен известным английским философом-позитивистом и социологом Гербертом Спенсером (1820—1903). Этому понятию он посвятил статью «Социальный организм» (русск. перевод: Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. Минск, 1998) и постоянно использовал его в своих «Основаниях социологии» (русск. перевод: СПб., 1898) и других работах. Главным для него было «уподобление общества живому телу»[36] с целью обоснования мыс-

[36] Спенсер Г. Социальный организм // Г Спенсер. Научные, политические и философские опыты. Т. I. СПб.,1866. С. 427.

ли о том, что общество не есть простая совокупность людей, а нечто целое, несводимое к сумме составляющих его индивидов. «...В социальном организме, — писал он, — как и в идивидуальном, является жизнь целого, совершенно отличная от жизней отдельных единиц, хотя и слагающаяся из этих последних».[37]

В 70-х годах XIX в. появляется своеобразная школа в социологии, пытающаяся не просто провести аналогию между обществом и биологическим организмом, но в значительной степени если не полностью оттождествить, то, по крайней мере, уподобить первое второму. Довольно радикальным в этом отношении был российский социолог Петр Федорович Лилиенфельд (1829—1903). Завершая первую часть своей работы «Мысли о социальной науке будущего» (СПб., 1872; в 1873—1881 гг. вышло расширенное издание этой работы на немецком языке в 5 томах), он писал: «В ней мы поставили своей задачей показать, что человеческое общество составляет в сущности такое же реальное существо, как все прочие организмы природы, и что вся разница между сими последними и социальными организмами заключается лишь в степени совершенства».[38]

Несколько менее радикальным был французский социолог Рене Вормс (1869—1926). Последний в работе «Организм и общество» (русск. перевод: Общественный организм. СПб., 1897) утверждал: «Анатомия, физиология и патология обществ воспроизводят, — в больших размерах и с важными добавлениями и изменениями, но все же на той же основе — анатомию, физиологию и патологию организмов. Законы, управляющие членами общественного тела, отчасти, по крайней мере, сходны с законами, управляющими клетками организма. Следовательно, все в обществе, элементы и законы, подобно — не говорим, разумеется, тождественно — тому, что мы находим в теле отдельного человека».[39]

Самую умеренную позицию среди представителей этой школы занимал французский социолог Альфреда Фулье (1838—1912). Вот что читаем мы в его работе «Современная социальная наука» (1880; русск. перевод: М., 1895): «Выше мы видели спор, поднимающийся по поводу этого основного вопроса: есть ли общество организм? Одни указывают на сходство, другие — на различия; первые отвечают на вопрос полным утверждением, вторые — абсолютным отрицанием. Но есть, кажется, средство примирить обе стороны: это принять в соображение, что сходства оправдывают, как мы уже указали, название организмов, даваемое обществам, а различия оправдывают установление особого класса организмов, составляющих новую группу в естественной истории».[40]

Кроме указанных выше лиц, к данной школе принадлежали немецкий экономист Альфред Эберхард Шеффле (1831—1903), написавшего четырехтомный труд «Строение и жизнь социальных тел» (1875—1878), и французский ученый Виктор Альфред Эспинас (1844—1922) с его известной в то время книгой «Общества животных» (1875; русск перевод: Социальная жизнь животных. М., 1882.)

Школа эта получила название органической. Но термин «органическое направление» иногда употребляется для обозначения всего течения, сторонники которого рассматривают общество как единое целое образование. И если органическая школа в

[37] Спенсер Г. Основания социологии. СПб , 1898. С. 284.
[38] П Л. Мысли о социальной науке будущего. СПб.,1872. С. 401.
[39] Вормс Р Обществсный организм. СПб , 1897. С. 2-3.
[40] Фуллье А. Современная социальная наука. М., 1895. С. 113-114.

первом смысле очень скоро потеряла популярность, то органическое направление в конце концов восторжествовало в общественной науке.

В России термин «социальный организм» широко использовал социолог, историософ и правовед Вениамин Михайлович Хвостов (1868—1920). Он разрабатывал это понятие как в статье «Социальный организм» (Хвостов В.М. Нравственная личность и общество. М. 1911), так и в работе «Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории» (М., 1914). «Принимая во внимание, — писал он, — что человеческое общество ведет свою особую жизнь, подлежащую действию особых законов, и что в этой деятельности оно создает продукты, создание которых непосильно отдельным индивидам, мы и делаем вывод, что общество есть не простая сумма индивидов, но особое целое, а так как это живое целое живет и развивается, то мы называем его *органическим целым*».[41]

Одновременно В.М. Хвостов предостерегает против уподобления общества биологическому организму. «Для нас, — продолжает он, — общество есть организм только в том смысле, что оно имеет особую жизнь, не исчерпывающуюся жизнью отдельных его членов и управляемую своими законами, законами социального развития. Но этот организм совершенно иного порядка, чем организм биологический».[42]

Термин «социальный организм» использовали в основном социологи, но не историки. И поэтому говоря о социальном организме, первые имели в виду не специальное отдельное конкретное общество, а прежде всего общество вообще и только тем самым конкретные отдельные общества. Но и историки, когда они пользовались словом «организм» в применении к обществу, тоже подразумевали под ним не только отдельное общество. Так, известный русский историк Иван Васильевич Лучицкий (1845—1918) во вступительной лекции к курсу новой истории говорил: «Дело в том, что общество, будь то все человечество в целом, или отдельная нация, есть организм, организм особого рода».[43]

Но в последующем некоторые ученые стали использовать словосочетание «социальный организм» для обозначения именно отдельного общества. Это можно видеть, например, в существенно переработанной и изданной в 1937 г. первой части первого тома труда известного русского историка, социального философа и политического деятеля Павла Николевича Милюкова (1859—1943) «Очерки по истории русской культуры» (послед. изд.: Т. 1—3. М., 1993—1995). Но и для него категория отдельного общества выступает как понятие не исторической науки, а социологии. Понятие отдельного общества и связанный с ним взгляд на человечество как на совокупность множества отдельных обществ он противопоставляет «идее всемирной истории». «Научная социология, — писал он, — отодвигает на второй план точку зрения всемирной истории. Она признает естественной единицей научного наблюдения отдельный социальный (-национальный) организм. Научная социология не признает отдельные национальные организмы неподвижными «типами». Она изучает эволюцию каждого отдельного организма и находит в нем черты сходства с эволюцией других организмов».[44]

Но хотя многие и западные, и русские ученые часто использовали термин «социальный организм», раскрыть характер связей, лежащих в основе общества, они не

[41] Хвостов В.М. Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории. М., 1914. С.183.

[42] Там же. С. 183-184.

[43] Лучицкий И.В. Отношение истории к науке об обществе // Знание. 1875. № 1. С. 32.

[44] Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. М., 1993. С. 43, 47.

могли: эти отношения явно не были ни духовными, ни биологическими. Не останавливаясь здесь подробно на взглядах, которые существовали и существуют по вопросу об основе общества, ибо они подробно рассмотрены в третьей части работы, отмечу лишь, что подлинный выход из положения предложил марксизм, окончательно выявивший объективный, материальный характер экономических отношений (2.4; 3.13).

Наличие в основе общества объективных, экономических отношений делает его своеобразным материальным образованием. Это образование вполне может быть названо организмом, но только не биологическим, а социальным, ибо оно основано не на биологических связях, а на качественно отличных от них объективных социальных отношениях. Термином «социальный организм» или близкими к нему иногда пользовались в применении к обществу и основоположники марксизма, и другие виднейшие представители этого направления.[45]

В нашей стране после 1917 г. словосочетание «социальный организм» перестало употребляться. Выступив в 1966 г. с обоснованием необходимости введения понятия отдельного конкретного общества в качестве важнейшей категории исторической науки, я предложил для обозначения этого понятия данный старый термин.[46] После этого словосочетание «социальный организм» получило распространение и вновь стало использоваться специалистами в области разных общественных наук, но далеко не всегда в предложенном мною смысле. Стали писать об этносоциальном организме, социальном организме родства и т.п. Социальными организмами стали называть самые различные общественные образования, включая общественные классы и т.п. Таким образом, в научное обращение вошел термин «социальный организм», но отнюдь не понятие отдельного конкретного общества. Именно многообразие значений, которые стали вкладываться в словосочетание «социальный организм» побудило меня отказаться от него и предложить для обозначения отдельного конкретного общества новый термин «социально-исторический (социоисторический) организм».

1.2.3. Первое значение слова «общество» — социально-исторический (социоисторический) организм

Теперь, когда термин *«социально-исторический (социоисторический) организм»* (сокращенно — *«социор»)* введен, необходимо детальнее ознакомиться с его значением. Социоисторический организм есть отдельное конкретное общество, которое представляет собой относительно самостоятельную единицу исторического развития. Каждый социально-исторический организм локализован во времени и пространстве. Он занимает определенную территорию. Он обязательно когда-то возник, а многие родившиеся в свое время социоисторические организмы давно уже исчезли, ушли с исторической сцены.

Понятие социоисторического организма необходимо для всех общественных наук, но особенно оно важно для историологии. Именно социально-исторические организмы являются главными, первичными субъектами истории и одновременно основными

[45] См : Маркс К. Введение // К. Маркс и Ф Энгельс. Соч Изд. 2-е. Т. 12. С. 712; Он же. Капитал. Т. 1 // Там же. Т. 23. С. 118; Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 167-168, Он же Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // Там же. С. 430.

[46] См.: Семенов Ю.И. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки // ВИ. 1966 № 8.

объектами исторического исследования. Историки прежде всего пишут историю Ассирии, Урарту, Византии, Японии, Англии, Франции, России и т.п.

Каждый социально-исторический организм составляют люди, подчиненные одной публичной власти. Границы социально-исторического организма есть границы публичной власти. В применении к классовому обществу социорные границы, как правило, совпадают с государственными границами.

Сам термин «государство» имеет два основных смысла. Одно значение — определенный аппарат власти, аппарат принуждения. Другое — достаточно четко отграниченная населенная людьми территория, находящаяся под властью одной определенной государственной машины. Именно такой смысл вкладывают в это слово, когда называют число государств в Европе, Азии, Африке, Америке, вообще в мире и т.п. Термин «государство» именно в этом втором смысле широко используется в исторической и вообще обществоведческой литературе для обозначения социально-исторических организмов классового общества.

Однако государство во втором значении этого слова не всегда совпадает с социоисторическим организмом. Когда в результате походов Александра Македонского возникла грандиозная держава, простиравшаяся от вод Нила до берегов Инда, она отнюдь не представляла собой единого социально-исторического организма. Это был конгломерат социоисторических организмов, объединенных лишь наличием общего властителя. Поэтому совершенно не удивительно, что после смерти Александра его держава сразу же распалась на несколько самостоятельных государств.

Чтобы объединенные под одной властью социально-исторические организмы срослись и образовали один социор, нужно время, неодинаковое для организмов разного типа. Иногда такое срастание вообще не происходит. Так, например, Британская колониальная империя никогда не представляла собой единого социоисторического организма. В определенной степени это было связано с тем, что эта империя не была единым государством. Великобритания продолжала сохраняться как особое государство со своим собственным особым гражданством и после образования империи. Последняя представляла собой конгломерат социоисторических организмов, один из которых был господствующим (метрополия), а остальные подчиненными (колонии).

То, что колонии были особыми социально-историческими организмами, отнюдь не означает, что они были особыми государствами. Особым государством в составе Британской империи была лишь Великобритания. Точно так же обстояло дело с Испанской, Португальской, Голландской, Французской колониальными империями. В этом отношении все они отличались от Российской империи, которая была единым государством и единым социоисторическим организмом.

Несмотря на определенные исключения, в классовом обществе в общем и целом существовало соответствие между государствами и социоисторическими организмами. Разделение одного государства на несколько самостоятельных государств рано или поздно вело к образованию нескольких социоисторических организмов. Например, на территории Германии после окончания второй мировой войны возникло два самостоятельных государства — Германская Демократическая Республика (ГДР) и Федеративная Республика Германия (ФРГ). Соответственно образовалось и два социоисторических организма, которые при этом принадлежали двум разным социально-экономическим типам.

Но если государственное, политическое объединение может произойти быстро, то процесс срастания нескольких ранее самостоятельных социоисторических организ-

мов может затянуться надолго. В октябре 1990 г. ГДР прекратила свое существование и вошла в состав ФРГ. Вновь возникло единое германское государство. Но процесс срастания западногерманского и восточногерманского социоров полностью не завершился и до сих пор. В значительной степени он был замедлен их социально-экономической разнотипностью.

На земле с момента появления людей всегда существовало множество социально-исторических организмов. В большинстве случаев соседние социоры были тесно связаны между собой. И это позволяет перейти ко второму значению термина «общество».

1.2.4. Второе значение слова «общество» — система социально-исторических организмов

Говоря об обществе, нередко имеют в виду не один социально-исторический организм, а целую группу, целую пространственно ограниченную *систему социоисторических организмов (социорную систему)*. Говорят ведь не только об английском, французском, польском обществах, но и об обществе Западной Европы, обществе Ближнего Востока и т.п. И такие региональные системы социоисторических организмов тоже являются объектами изучения историков. Последние пишут труды не только по истории Египта, Венгрии, Бельгии, но и по истории Западной Европы, Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии, Латинской Америки и т.п.

Границы классовых социально-исторических организмов являются более или менее определенными, ибо совпадают с государственными. Иначе обстоит дело с границами региональных систем социоисторических организмов. Разные историки проводят их по-разному. Одни включают тот или иной социор в данную региональную систему, другие, наоборот, исключают. И обычно это никак не обосновывается. Далеко не одинаково, например, проводятся историками границы Западной Европы.

Между социоисторическими организмами и их системами не существует абсолютной, непроходимой грани. Система социоисторических организмов может превратиться в единый социально-исторический организм, а последний может распасться на множество самостоятельных социоров. Примеров тому — масса.

В конце IV тысячелетия до н.э. в междуречье Тигра и Евфрата возникло множество небольших шумерских городов-государств, каждый из которых был вполне самостоятельным социально-историческим организмом. Эти социоисторические организмы, среди которых особо выделялись Ур, Урук, Киш, Лагаш, Умма, образовывали более или менее целостную систему. В конце III тыс. до н.э. все Двуречье было объединено под властью Саргона. Возникло единое государство — Аккадское царство, а вслед за ним единый социально-исторический организм, охватывавший, по меньшей мере, значительную часть Месопотамии.

В отличие от Двуречья в долине Нила классовое общество возникло в виде крупного социоисторического организма — Раннего, а затем Древнего (Старого) царства Египта. Этот возникший в конце IV тыс. до н.э. крупный социально-исторический организм в XXIII в. до н.э. распался. Наступил Первый переходный период. Номы, которые ранее были частями одного социально-исторического организма, превратились в самостоятельные социоры.

Таким образом, на территории Египта на месте крупного социоисторического организма возникла система мелких социоисторических организмов. Между всеми

этими небольшими социорами сохранялись тесные отношения. Все египтяне по-прежнему говорили на одном языке и имели общую культуру. Все это дает основания для выделения такого рода системы социально-исторических организмов в особый тип. Я буду называть такого рода совокупность социоров *гнездовой системой*. К числу гнездовых систем социоисторических организмов относится и описанная выше совокупность шумерских городов-государств.

Первый переходный период длился в Египте до XXI в. до н.э., когда гнездовая система социоров превратилась в новый единый социально-исторический организм — Среднее царство. Во второй половине XVIII в. до н.э. произошел новый распад общеегипетского социоисторического организма. Второй переходный период длился до начала XVI в. до н.э., когда в долине Нила возник третий по счету общеегипетский социально-исторический организм — Новое царство. В середине XI в. до н.э. и оно распалось.

Такого рода явления характерны не только для Древнего Востока. В середине XIV в. н.э. Северо-Восточная Русь и Северо-Западная Русь вместе взятые представляли собой гнездовую систему социально-исторических организмов. В нее входили Великое княжество Московское, Великое княжество Тверское, Великое княжество Нижегородско-Суздальское, Великое княжество Рязанское, Новгородская и Псковская земли. К концу XV — началу XVI вв. все они были объединены под властью Москвы. Возникло единое государство и соответственно единый социально-исторический организм, получивший в дальнейшем название России.

Приверженцы «цивилизационного подхода» обычно никак не определяют ключевое для них понятие цивилизации. Но, если присмотреться к тому, в каком контексте оно ими употребляется, нетрудно заметить, что под цивилизацией понимается либо — что реже — тот или иной социально-исторический организм со всей присущей ему культурой («египетская цивилизация», «китайская цивилизация»), либо — что гораздо чаще — та или иная региональная система социоисторических организмов, обладающая, по мнению людей, ее выделивших, общей культурой («шумерская цивилизация», «эллинская цивилизация», «античная цивилизация», «западная цивилизация» и т.п.). Один из классиков «цивилизационного подхода» — А. Дж. Тойнби в своем основном труде «Постижение истории» (русск. сокращ. перевод: Т. 1—7. М., 1991; Т. 8—10, 12. 2000) прямо ставил знак равенства между понятием цивилизации и понятием общества. В составленном им перечне цивилизаций значатся шумерское, древнекитайское, хеттское, западное и еще семнадцать «обществ».

Соотношение общества во втором смысле — системы социоисторических организмов — и общества в первом смысле — социоисторического организма — есть соотношение целого и части. Вполне понятно, что целостность системы социально-исторических организмов может быть весьма различной. Неодинакова и степень самостоятельности историй составляющих ее социоисторических организмов.

Выше уже шла речь о Британской и прочих колониальных империях, которые представляли собой не единые социально-исторические организмы, а совокупности социоисторических организмов, объединенных властью одного из них, выступающего в роли метрополии. Господствующий социоисторический организм был центром, ядром подобного рода объединения. Поэтому его можно назвать — *нуклесоциором* (от лат. nucleus — ядро). А само такого рода объединение представляло собой очень своеобразное социальное образование, противоречиво сочетающее особенности систе-

мы социоисторических организмов с чертами подлинного социоисторического организма. Это промежуточное между социором и социорной системой социальное объединение можно назвать *ультрасоциором* (от лат. ultra — далее, более, сверх, за), или *державой*. Ультрасоциоры (державы) существовали на протяжении чуть ли не всей истории классового общества.

Степень самостоятельности входящих в державу подчиненных социоисторических организмов могла быть различной. В одних случаях они могли сохранять свою собственную государственность. Такого рода подчиненные социоисторические организмы можно было бы назвать *вассальными социорами*, или *инфрасоциорами* (от лат. infra — под, ниже). Такими были русские княжества в составе Золотой Орды.

В других случаях подчиненные социоры были полностью лишены своей собственной государственности. Ими управляли представители господствующего социоисторического организма метрополии. Это не столько социоры, сколько *гемисоциоры* (от греч. геми — полу-). В целом в разных державах, а иногда даже в одной и той же, можно было наблюдать все степени зависимости от метрополии, начиная от полной и кончая чисто номинальной.

Держава могла представлять собой один единый территориальный блок и в этом смысле являться региональной системой. Но это не было обязательным. Британские владения были разбросаны по всему земному шару, что не препятствовало существованию державы.

Территориальное единство не было обязательным условием существования и обычных систем социоисторических организмов. Не все они были региональными в точном смысле этого слова. В античную систему входили, например, и греческие города-государства, разбросанные по берегам Черного моря.

Несколько региональных систем социоисторических организмов могли в свою очередь образовывать социорную систему более высокого порядка (социорную сверхсистему). Не исключено существование и еще более широких объединений. И каждая из социорных систем любого иерархического уровня тоже была субъектом исторического процесса.

Предельной системой при этом была бы, конечно, такая, которая бы включала в себя все социально-исторические организмы без исключения. Такая система существовала не всегда, но совокупность всех не только существующих, но и существовавших социоисторических организмов тоже всегда именовалась обществом. Это еще одно, третье по счету, значение слова «общество».

1.2.5. Третье значение слова «общество» — человеческое общество в целом

Третье значение термина «общество» — все существовавшие и существующие социально-исторические организмы вместе взятые. Для передачи данного смысла этого слова обычно употребляется словосочетание *«человеческое общество в целом»*, а иногда и слово «человечество». Но последнее имеет и несколько других значений. Под «человечеством» могут понимать всю совокупность людей без учета их принадлежности к тем или социорам, а иногда и просто биологический вид или род.

Человеческое общество в целом тоже является объектом изучения исторической науки. Историки пишут работы, посвященные не только историям отдельных социоисторических организмов и их систем, но и всемирной, или мировой истории. По отно-

шению к человеческому обществу в целом отдельные социоисторические организмы и их системы выступают как его части.

1.2.6. Четвертое значение слова «общество» — общество вообще

Четвертое значение термина «общество» — *общество вообще*, безотносительно к каким-либо конкретным формам его существования. Общество в таком смысле данного слова не является и не может являться объектом исторического исследования, ибо оно как таковое, как самостоятельное явление не существует. Это отнюдь не значит, что общество вообще совсем не имеет бытия. Оно, безусловно, существует в исторической реальности, но существует не самостоятельно, не само по себе, а лишь как то объективное общее, что присуще всем без исключения социально-историческим организмам.

Отношение социоисторического организма и общества вообще есть отношение отдельного и общего. И как всякое общее, общество вообще реально существует, но не само по себе, а только в отдельном и через отдельное. Этим отдельным, в котором существует общество вообще, являются социально-исторические организмы. Понятие «общество вообще» не является произвольной мыслительной конструкцией. Оно имеет объективное содержание, ибо фиксирует объективное общее, присущее всем социоисторическим организмам без исключения.

1.2.7. Пятое значение слова «общество» — общество вообще определенного типа (тип общества, или особенное общество)

Социоисторических организмов существовало и существует огромное количество. Разобраться в этом множестве невозможно без классификации социоисторических организмов, без их подразделения на классы, типы. Создавались и создаются самые различные типологии социоисторических организмов. И для обозначения *конкретного типа общества*, или, что то же самое, *общества вообще определенного типа* также применяется слово «общество».

Когда под обществом понимается общество вообще определенного типа, то к слову «общество» добавляют прилагательное, обозначающее его тип. Примерами могут послужить словосочетания: «первобытное общество», «феодальное общество», «капиталистическое общество», «традиционное общество», «индустриальное общество», «постиндустриальное общество» и т.п. Каждое из таких словосочетаний обозначает тип общества, выделенный по тому или иному признаку или по совокупности тех или иных признаков.

Если социально-исторический организм есть отдельное, то общество вообще определенного типа безусловно есть общее, но такое, которое представляет собой разновидность более широкого общего, а именно общества вообще. Иначе говоря, общество вообще определенного типа есть не что иное, как вид, тип общества, есть особенное общество. Конкретный социально-исторический организм, общество вообще определенного типа и общество вообще соотносятся как отдельное, особенное и всеобщее.

Общество вообще определенного типа как таковое, т.е. как особое самостоятельное явление, не существует. На этом основании некоторые исследователи утверждают, что феодальное общество вообще, капиталистическое общество вообще и т. п. пред-

ставляют собой чистые мыслительные конструкции, что они существуют только в сознании ученых, но не на грешной земле.[47]

Бесспорно, конечно, что, например, понятие «феодальное общество», как и любые другие понятия, включая не только научные, но и обыденные («кошка», «стол», «дом» и т.п.), имеет бытие только в сознании. Но это понятие фиксирует то фундаментально общее, что присуще всем феодальным социоисторическим организмам. И это общее существует не только в мыслях исследователя, но и вне его сознания. Но если в исторической реальности оно существует в социально-исторических организмах данного типа как их существенное тождество, как их глубинная сущность, то в сознании историка это общее выступает в «чистом» виде, в форме «чистого», идеального феодального социоисторического организма.

Конечно, этот идеальный феодальный социор является мыслительной конструкцией, но такой, в которой находит свое выражение фундаментальное общее, присущее всем реальным феодальным социоисторическим организмам. Это фундаментальное общее между всеми феодальными социально-историческими организмами столь же не зависит от сознания исследователя, как не зависят от его сознания отдельные феодальные социоры, в которых оно проявляется.

Создание понятия «феодальное общество» представляло собой важный шаг по пути выявления реального общего между всеми социально-историческими организмами данного типа, по пути познания их реальной, объективной сущности. Все сказанное о понятии «феодальное обществе» в той или иной степени относится и к другим подобного же рода понятиям.

Бывает так, что все социально-исторические организмы определенного типа образуют одну и только одну региональную систему. В таком случае обозначение определенного типа общества может совпадать с названием данной системы социоров. Например, под античным обществом понимают одновременно и (1) систему античных социально-исторических организмов, сложившуюся в Средиземноморье в I тыс. до н.э., и (2) общество античного типа вообще.

1.2.8. Понятие социоисторического организма — одна из самых важных категорий наук об обществе и его истории

Как следует из всего сказанного, первичные субъекты исторического процесса — это социоисторические организмы, вторичные — их системы, третичный — человеческое общество в целом, т.е. все существовавшие и существующие социально-исторические организмы вместе взятые. Таким образом, понятие социоисторического организма является исходной и одновременно самой важной категорией исторической и вообще всех общественных наук.

Но, к сожалению, оно пока не вошло в понятийный аппарат ни одной философско-исторической концепции. В частности оно изначально отсутствовало в категориальном аппарате исторического материализма.

Правда, в последние десятилетия XX в. некоторые западные марксисты и близкие к марксизму ученые попытались его ввести в научный обиход Начало этому положили Луи Пьер Альтюссер (1918—1990) и Этьен Балибар в книге «Читая Ка-

[47] См , например Гуревич А Я К дискуссии о докапиталистических формациях формация и уклад // ВФ 1968 № 2 С 118-119

питал» (1964; англ. перевод: 1970; 1977). За ними последовали Эмманюэль Террей в работах «Морган и современная антропология» и «Исторический материализм и сегментарные, линиджные общества», объединенных в книгу под названием «Марксизм и «примитивные» общества» (1969; англ. перевод: 1972), Самир Амин в монографиях «Накопление в мировом масштабе. Критика теории недоразвитости» (1970; англ. перевод: 1974) и «Неравное развитие. Очерк социальных формаций периферийного капитализма» (1973; англ. перевод: 1976), Хамза Алави в работе «Структура периферийного капитализма» (1982) и др.

Но почему-то для обозначения отдельного конкретного общества они стали использовать термины «социальная формация» или даже «социально-экономическая формация», которые в марксистской науке всегда применялись в совершенно ином смысле. В историческом материализме общественно-экономической формацией всегда было принято называть тип общества, выделенный по признаку его социально-экономической структуры.

1.2.9. Открытие двух основных видов социоисторических организмов (Б. Нибур, Г. Мейн, Л. Морган)

Именно потому, что понятие социоисторического организма оказывается одной из самых важных категорий исторической и других общественных наук, существует настоятельная необходимость в его дальнейшем анализе.

Социально-исторические организмы могут быть подразделены на типы по разным признакам, носящим содержательный характер: по социально-экономическому строю (рабовладельческие, феодальные и т.п. общества), доминирующей сфере экономики (аграрные, индустриальные и постиндустриальные общества) форме правления (монархии и республики), политическому режиму (автократические и демократические общества), господствующей конфессии (христианские, исламские, языческие страны) и т.п.

Но, кроме деления на подобного рода типы, существует подразделение социоисторических организмов на два основных вида по признаку, относящемуся к их форме, а именно, — по способу их внутренней организации. То обстоятельство, что общества могут быть организованы по-разному, было подмечено еще в XIX в.

Одним из первых обратил на это внимание немецкий исследователь античности Бартольд Георг Нибур (1776—1831). Ему принадлежит заслуга в постановке вопроса о природе такого института, каким является род. В трехтомной «Римской истории» (1811—1832) он нарисовал картину смены общества, основанного на родовом принципе, обществом с государственной организацией, базирующемся на территориальном делении. И римляне, по Нибуру, не исключение. Родовое устройство общества сменилось территориальным и у древних греков.

Английский юрист и историк права Генри Джеймс Самнер Мейн (Мэн) (1822—1888) в работах «Древнее право: Его связь с древней историей общества и его отношение к современным идеям» (1861; русск. перевод: СПб., 1873) и «Лекции по ранней истории институтов» (1875; русск. перевод: Древнейшая история учреждений. Лекции. СПб., 1876) говорил уже не о тех или иных конкретных обществах, а об обществах вообще. Он проводил различие между обществами, основой которых является родство, и обществами, в основе которых лежит земля, территория.

Эта идея была в дальнейшем разработана великим американским этнологом Льюисом Генри Морганом (1818—1881) в его труде «Древнее общество, или исследо-

вание линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации» (1877, русск. перевод: Л , 1933, 1934). Последний достаточно четко выделил два типа, или, как он выражался, два «плана» общества, которые совершенно различны по своим основаниям.

«Первый по времени, — писал он, — основан на личности и чисто личных отношениях и может быть назван обществом (societas). Второй план основывается на территории и частной собственности и может быть назван государством (civitas). Политическое общество организовано на территориальных началах, и его отношение к личности и собственности определяется территориальными отношениями. В древнем обществе этот территориальный план был неизвестен. Появление его составляет пограничную линию между древним и современным обществом».[49] Л.Г Морган связывал первый тип общества с первобытностью, второй — с цивилизованным, или классовым, обществом.

Утверждение, что социоисторические организмы только второго из двух выделенных типов базируются на территории, вызывал и вызывает возражения. Первобытные общины, долгое время являвшиеся единственными социально-историческими организмами, бесспорно, всегда были связаны с определенной территорией. В эпоху перехода от первобытного общества к классовому, т.е. в предклассовом обществе, возникли более сложные социоисторические организмы, состоявшие из нескольких общин. Одну из их разновидностей принято именовать племенем Классическим примером последнего являются описанные Л.Г. Морганом племена ирокезов: сенека, кайога, онондага, могауки, онейда. Каждое из подобного рода племен тоже имело свою территорию. Понятия общинной и племенной территории повсеместно употребляются в этнологической и исторической литературе.

Бесспорно, что все конкретные отдельные общества были связаны с той или иной территорией. И социально-исторические организмы названных двух типов различались вовсе не наличием или отсутствием у них территории, а принципами, лежавшими в основе их организации, что предопределяло разное их отношение к территории.

1.2.10. Проблема границ социально-исторических организмов

Общество всегда состоит из людей. Но, как уже указывалось, оно никогда не является простой их совокупностью. Люди образуют общество постольку, поскольку они включены в определенную систему отношений, которые принято именовать общественными. Поэтому общество прежде всего есть *определенная система общественных отношений,* в которой живут люди.

Каждый социально-исторический организм есть отдельное конкретное общество, т.е. определенным образом ограниченная система отношений, существующая рядом с другими такими же ограниченными системами. Вполне понятно, что оно включает в себя ограниченное число людей, которые живут опять-таки на ограниченной территории. Самой важной является проблема отграничения людей, составляющих один социоисторический организм, от людей, входящих в состав других, т.е. проблема социорной границы. Как уже указывалось, эта граница всегда есть граница публичной власти. Члены одного социора находятся под главенством одной власти, члены другого — под эгидой другой.

[49] Морган Л Г Древнее общество Л , 1934 С 7

Возможны два основных способа проведения границы между социально-историческими организмами.

1.2.11. Геосоциальные организмы (геосоциоры)

Начнем с социоисторических организмов второго, более позднего вида, ибо они более понятны современному человеку, живущему в социорах именно подобного рода. Граница такого социально-исторического организма — это граница, отделяющая территорию, которую он занимает, от территорий, на которых расположены соседние социоры. Данная граница в большинстве случаев является одновременно и государственной. Границы государства, как известно, обычно более или менее четко маркируются. Метками являются природные объекты (реки, холмы и т.п.) или искусственно созданные для этой цели предметы (пограничные столбы и т.п.). Все люди, проживающие на территории данного государства, входят — если оно не представляет собой державу — в состав данного социально-исторического организма.

Территориальными являются не только внешние границы такого социоисторического организма, но и границы между частями; на которые он делится. Все эти части занимают определенные места в пространстве, являются территориальными единицами. Пространственным является и порядок расположения этих подразделений. Короче говоря, социоисторические организмы такого типа пространственно организованы, имеют фиксированную территориальную структуру, обычно носящую иерархический характер. Так, например, Российская империя подразделялась на губернии, те — на уезды, а последние — на волости.

Неотделимость социоисторического организма такого вида от территории, которую он занимает, находит свое совершенно отчетливое выражение в том, что его название может быть только территориальным: Франция, Болгария, Турция и т.п. Такого рода социоисторические организмы я буду в последующем называть *геосоциальными организмами (геосоциорами)*. Как уже указывалось, геосоциальные организмы в исторической и вообще обществоведческой литературе чаще всего именуются государствами. Другое слово, используемое для обозначения геосоциора, — «страна».

1.2.12. Значение слова «страна»

Слово «страна» используется для обозначения любого из ныне существующих геосоциальных организмов. Странами называют не только США, Португалию, Италию, но и Люксембург, Кувейт, Лесото, Белиз и даже Андорру. Сложнее обстоит дело с применением этого термина по отношению к прошлому.

Как уже отмечалось, в определенные периоды истории Древнего Египта области, на которые он подразделялся, а именно номы, были вполне самостоятельными социоисторическими организмами. Однако историки никогда не называют их странами. Страной они называют только весь Египет в целом, даже применительно к тем периодам, когда он был не единым социоисторическим организмом, а системой геосоциальных организмов.

Никто из историков не называет страной ни Великое княжество Московское, ни Великое княжество Рязанское даже применительно к XIV в., когда они были самостоятельными геосоциальными организмами. А для обозначения Северной (Северо-Восточная + Северо-Западная) Руси в целом слово «страна» нередко применяется. Та-

ким образом, слово «страна» обычно не применяется для обозначения геосоциальных организмов, входящих в состав той или иной гнездовой их системы. Но сами эти системы в целом нередко именуются странами.

В целом же в использовании слова «страна» применительно к прошлому носит во многом условный характер. Ведь оно никогда не подвергалось историками теоретическому анализу. В употреблении этого слова огромную роль играет традиция. Если в XIX и XX веках на той или иной территории существовал один геосоциальных организм, то ее называют страной и в применении к тем эпохам, когда это пространство была раздроблено между множеством самостоятельных социально-исторических организмов. Поэтому слово «страна» не может считаться точным научным термином, что, конечно, не исключает его использования. В дальнейшем изложении под страной я буду понимать только геосоциальный организм.

1.2.13. Геосоциальный организм и его население

Когда мы сталкиваемся с геосоциальным организмом, то особенно бросается в глаза уже отмеченный выше факт, что хотя общество всегда состоит из людей, оно никогда не представляет собой простой их совокупности. Общество прежде всего — особое объективное образование, определенная система отношений. Когда речь идет о геосоциальном организме, то он есть такая система общественных отношений, которая намертво спаяна с определенным участком земной территории и в этом смысле представляет собой определенную территориальную единицу. Ни сам геосоциальный организм в целом, ни составные его части в принципе не способны передвигаться с места на место. Но люди, входящие в состав геосоциора, вполне понятно, могут свободно перемещаться по всей его территории, а также покидать его пределы.

Результатом является определенное противостояние геосоциального организма как такового, с одной стороны, и людей, входящих в его состав, с другой. В этом противопоставлении геосоциальный организм выступает только как пространственно организованная система общественных отношений, а люди, входящие в его состав, лишь как простая совокупность индивидов, проживающих на его территории, т.е. как его *население*.

Конечно, нет и не может быть страны без населения, но тем не менее страна и ее население всегда представляют собой два разных явления. Совокупность людей, входящих в геосоциальный организм, всегда выступает как нечто качественно отличное от него самого. Одно дело — сам геосоциальный организм, страна, государство, другое — население геосоциального организма, страны, государства.

1.2.14. Демосоциальные организмы (демосоциоры)

Иначе, чем геосоциальные, были организованы социоисторические организмы первого, более древнего вида. Хотя каждый из них всегда занимал определенную территорию, однако границы этой территории не были его собственными границами. Люди, входящие в его состав, были отграничены от всех остальных иным способом. Каждый такой социоисторический организм представлял собой своеобразный союз индивидов с четко фиксированным личным членством.

Существовали правила, которые определяли принадлежность человека именно к этому, а не иному союзу, именно к этому, а не иному социоисторическому организму.

Тот или иной человек становился членом этого союза обычно в силу связи, существовавшей между ним и человеком, который к моменту его рождения уже состоял в данном союзе.

Главным принципом членства в таком социоисторическом организме было родство, причем не биологическое, а социальное.[50] Если этот организм был невелик, то, по крайней мере, его ядро всегда состояло из родственников. В число их можно было попасть не только в силу происхождения, но и путем адопции (усыновления или удочерения). Другой способ вхождения в такой социор — вступление в брак с его членом.

Когда социоисторический организм был невелик, существующие правила прямо определяли принадлежность человека к нему. Крупные социоисторические организмы были подразделены на части. Иногда существовала многоступенчатая лестница такого рода подразделений. Число этих единиц и их взаимные отношения также были в достаточной степени фиксированы. Существующие в таком обществе правила определяли принадлежность человека к низшей структурной единице, например, подразделению рода, тем самым к данному роду и тем самым к племени, в состав которого входил этот род.

Единицы, на которые подразделялся такой крупный социоисторический организм, могли быть локализованы. Однако пространственные отношения между ними не составляли структуру социора, частями которого они являлись. Социоисторический организм такого типа был организован по принципу формального членства: членства отдельных людей и членства групп. В результате он выступал просто как определенная организованная совокупность людей.

Конечно, и в данном случае, как и в случае с любым обществом, существовало определенное различие между социоисторическим организмом и его человеческим составом. Оно выражалось хотя бы в том, что не всякое деление этого состава обязательно было и делением общества. Не общество само по себе, а лишь его людской состав подразделялся на детей и взрослых, на мужчин и женщин.

Социоисторический организм, возникнув, мог существовать очень долго. Особенно это относится к геосоциорам, возраст которых нередко исчислялся многими веками. Но продолжительность жизни каждого члена общества весьма ограничена. Поэтому неизбежна постоянная смена членов общества, постоянное обновление его человеческого состава. Состав общества постоянно обновлялся, но само оно сохранялось как таковое.

Но в отличие от геосоциального организма, в социоисторическом организме рассматриваемого типа его человеческий состав не выступал как особое, противостоящее ему явление, как его население. В применении к социоисторическому организму данного типа можно говорить о его человеческом *составе*, но нельзя — о его *населении*. Люди не *населяют* такой социоисторический организм, они его *составляют*.

Это отнюдь не означает, что к периоду доклассового общества термин «население» вообще не применим. Говорить о населении в применении к этой эпохе, разумеется, можно, но только о населении не тех или иных социоисторический организмов, а тех или иных территорий, регионов и т.п.

Если мы все же попытаемся использовать слово «население» в применении к социально-историческому организму такого типа, то у нас получится что-то совсем

[50] О природе родства см. Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М., 1974.

иное, чем тогда, когда речь идет о геосоциоре. Геосоциальный организм имеет население, обладает населением. Социоисторический же организм рассматриваемого типа сам представляет собой не что иное, как особо организованное, особо структурированное «население», совпадает со своим собственным «населением». Поэтому такого рода социально-исторические организмы можно было бы назвать *демосоциальными организмами* (*демосоциорами*). Если геосоциальный организм неотделим от территории, которую занимает, то демосоциальный — от своего личного состава.

Следствием было совпадение названия такого организма с наименованием совокупности людей, входивших в его состав, и каждого конкретного человека, принадлежавшего к нему. В качестве примера можно привести название племен ирокезов: сенека, каюга, могауки и др. Сенека — наименование ни в коем случае не территории, а одновременно 1) социоисторического организма, 2) совокупности людей его составляющих и 3) каждого человека, принадлежащего к нему.

Если неотделимость геосоциального организма от территории, которую он занимает, обеспечивает относительную самостоятельность его человеческого состава по отношению к нему самому, то неотделимость демосоциального организма от его людского состава оборачивается большой степенью его самостоятельности по отношению к территории, на которой он находится. Это выражается прежде всего в том, что он может, сохраняя свою идентичность, покинуть данный участок земли и переместиться на другой. В отличие от геосоциальных организмов, намертво прикрепленных к территории, демосоциальные организмы подвижны, мобильны.

Ближайшая аналогия демосоциальных организмов — воинские части. Каждая из них представляет собой определенный четко зафиксированный иерархически организованный круг людей. Полк состоит из батальонов, батальоны — из рот, роты — из взводов, взводы — из отделений. Когда человек зачисляется в одно из отделений, то тем самым он входит в состав соответствующего взвода, соответствующей роты, соответствующего батальона. Батальоны полка могут быть локализованы, но их пространственное расположение не имеет прямого отношения к структуре части. В силу такого рода внутренней организации полк может быть переброшен в другое место, оставаясь при этом той же самой воинской частью.

1.2.15. Еще о различии между демосоциальными и геосоциальными организмами

Различие между демосоциальными и геосоциальными организмами столь велико, что одни и те же термины в применении к тем и другим имеют различное значение.

Величина демосоциального организма определяется числом людей, входящих в его состав. Чем больше людей насчитывается в его составе, тем он крупнее. Размеры территории, которую он занимает, не имеют принципиального значения, хотя, разумеется, более крупный организм, как правило, занимает и большую территорию. Напротив, величина геосоциального организма всецело определяется размерами территории, которую он занимает. Чем больше его территория, тем он крупнее, независимо от численности его населения.

Увеличение демосоциального организма происходит путем возрастания числа его членов. До поры до времени увеличивающийся демосоциор может ограничиваться своей первоначальной территорией. Однако рано или поздно ему становится на ней тесно, и он начинает занимать новые земли, вытесняя с них другие демосоциоры. Но

рост территории, занимаемой демосоциором, не есть увеличение его самого. Территориальная экспансия того или иного демосоциора совершенно не обязательно предполагает включение в его состав демосоциальных организмов, ранее занимавших захваченную им территорию.

Увеличение размеров демосоциального организма может привести к распаду его на два новых, которые в одних случаях остаются жить по соседству, а в других — могут оказаться далеко друг от друга. Демосоциальные организмы были способны не только разделяться, но и сливаться, части одного могли переходить в состав другого и т.п.

В отличие от демосоциального организма увеличение геосоциального может идти только путем расширения его территории. Вместе с новой территорией в его состав входит и ее население. Таким образом, возрастание размеров того или иного геосоциального организма происходит за счет соседних геосоциоров. Эти последние или целиком входят в его состав, или от них отрываются отдельные куски.

Разумеется, несколько геосоциальных организмов могут объединиться и образовать один — более крупный. Единый геосоциальный организм может разделиться на несколько самостоятельных. Но это происходит иначе, чем в случае с демосоциальными организмами. Объединение геосоциальных организмов предполагает соединений их территорий, распад геосоциора — раздел его территории между вновь возникшими государствами.

С увеличением размеров геосоциального организма обычно увеличивается и его население. Но само по себе возрастание числа людей, входящих в геосоциальный организм, вовсе не означает увеличение его размеров. Если не растет территория геосоциального организма, то его размеры не увеличиваются, как бы ни росло при этом его население. Увеличение геосоциального организма и рост его населения — разные вещи.

Значение терминов «миграция», «переселение» в применении к демосоциальным организмам существенно отличается от смысла этих же терминов, когда они используются по отношению к геосоциальным организмам.

В первом случае речь идет прежде всего о перемещении с одной территории на другую самих социоисторических организмов или их союзов и сверхсоюзов. Именно такой характер носило «Великое переселение народов», которое погубило Западную Римскую империю. Это, конечно, не означает, что люди, живущие в первобытном обществе, могут передвигаться только в составе социально-исторических организмов. Отдельные люди и их группы вполне могли переходить из состава одного демосоциора в состав другого. Но это было явлением второстепенным. А когда выделившаяся из состава того или иного демосоциора группа людей не присоединялась к другому организму, а начинала вести самостоятельное существование, она сама становилась новым демосоциальным организмом.

Во втором случае — речь идет о перемещениях либо отдельных людей или их групп по территории геосоциального организма, либо об их выселении за его пределы. При этом движутся, перемещаются люди, а не социоисторические организмы. Особым случаем является выселение за пределы одного социально-исторического организма большой группы людей, которые на новом месте образуют новый геосоциор, относящийся к тому же типу. Примером может послужить древнегреческая колонизация, в результате которой греческие полисы возникли и на берегах Черного моря. Сходным образом возникли британские колонии на восточном побережье Северной Америки,

которые в последующем развитии дали начало США. Все это может быть отнесено к Канаде, Австралии, Новой Зеландии.

1.3. НАРОД, ЭТНОС, ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ, СОЦИОИСТОРИЧЕСКИЙ ОРГАНИЗМ

1.3.1. Многозначность слова «народ» в его применении к классовому обществу

Все сказанное вплотную подводит нас к пониманию слова «народ». Оно, как и слово «общество», тоже многозначно. Одно из его значений — низшие слои того или иного классового общества. Именно такой смысл вкладывают в него, когда говорят, например, о борьбе народа против знати, против власти и т.п. Но кроме него, слово «народ» в применении к классовому обществу употребляется еще в двух смыслах.

Один из них — вся совокупность людей, объединенных принадлежностью к тому или иному геосоциальному организму. Так, например, говорили о народе Югославии, советском народе. Говорили и сейчас говорят о народе Пакистана, народе Нигерии, индийском народе и т.п.

Но среди населения когда-то единой, а ныне распавшейся Югославии совершенно отчетливо выделялись такие совокупности людей, как сербы, черногорцы, хорваты, словенцы, боснийцы (босняки, бошняки, мусульмане), македонцы. Население Индии состоит из хиндустанцев, бихарцев, тамилов, маратхов, телугу, бенгальцев и многих такого же рода групп. В Пакистане живут панджабцы, синдхи, гуджаратцы, кхо, кохистанцы и т.п. И для обозначения каждой из таких общностей людей также применялось и применяется слово «народ». Точно такими же общностями являются англичане, шотландцы, ирландцы, французы, итальянцы, русские, украинцы, башкиры и т. п.

1.3.2 Этническая общность, или этнос

Ясно, что в применении к сербам, англичанам, валлонам, белорусам, голландцам и т.п. слово «народ» имеет иной смысл, чем в том случае, когда говорят об индийском или пакистанском народах. Для выражения именно этого, а не какого-либо другого смысла в науке существуют особые термины. Ими являются слово *«этнос»* (греч. этнос — народ) и словосочетание *«этническая общность»*.

Было время, когда в нашей науке считалось, что существуют три последовательно сменившиеся в процессе исторического развития формы этнической общности: племя, народность, нация. И даже годы спустя после XX съезда КПСС многие советские ученые, прежде всего философы и историки, придерживались определения нации, данного Иосифом Виссарионовичем Сталиным (наст. фам. Джугашвили, 1879—1953) в работе «Марксизм и национальный вопрос» (1912), согласно которому нация характеризовалась четырьмя основными признаками: общностью языка, общностью территории, общностью экономической жизни и общностью психического склада, проявляющейся в общности культуры. Определение это было далеко не оригинальным. Первые три признака И.В. Сталин позаимствовал из работ по национальному вопросу выдающегося теоретика марксизма Карла Каутского (1854—1938), среди которых прежде всего следует назвать: «Борьба национальностей и государственное право в Австрии» (1897—1898; русск перевод: Киев, 1906), «Кризис Австрии (язык и нация)» (1903; русск. перевод: Киев, 1905); «Национальность и международность» (1908; русск.

перевод: К. Каутский. Национальные проблемы, 1918), четвертый — из труда другого крупного марксистского же идеолога Отто Бауэра (1882—1938) «Национальный вопрос и социал-демократия» (1907; русск. перевод: СПб., 1909).[51] В нашей науке считалось, что все эти четыре признака в той или иной степени были присущи и другим формам этнической общности: племени и народности.

Подобный подход не только не помогал понять сущность этнической общности, но, наоборот, закрывал дорогу к этому. В самом деле, поставим вопрос, что объединяет, скажем, всех итальянцев независимо от их социального положения, политических взглядов и т.п. и одновременно отличает их всех от всех русских, всех англичан, всех французов. Во всяком случае не пребывание в составе одного геосоциального организма, а тем самым и не общность территории и экономики. Итальянец, даже навсегда покинувший родину и переселившийся, скажем, в США, долгое еще время, а чаще всего до конца дней своих остается итальянцем. В этой стране к концу 80-х годов проживало 5000 тыс. итальянцев, 5100 тыс. немцев, 3800 тыс. поляков, 1000 тыс. русских и т.п.[52]

Первое, что, казалось бы, роднит всех членов данной этнической общности и одновременно отличает от членов других таких же общностей, — язык. В известной степени это справедливо по отношению к русским, полякам, башкирам и многим другим этносам. В мире существует только одна этническая общность, члены которой говорят на польском языке. Это поляки. То же самое можно сказать о русских, башкирах, финнах и т. п.

Но это не может быть отнесено к англичанам, испанцам, немцам, французам, португальцам, сербам. Язык, отличая англичан от французов, не отделяет их от американцев, англо-канадцев, англо-австралийцев, англо-новозеландцев. Отличая испанцев, скажем, от шведов, язык не отграничивает их от мексиканцев, кубинцев, чилийцев, аргентинцев. На немецком языке говорят не только немцы, но также австрийцы и германо-швейцарцы. На французском языке, кроме французов, говорят валлоны, франко-швейцарцы и франко-канадцы. На одном языке говорят сербы, хорваты, черногорцы и боснийцы.

Однако различие не только между русскими и итальянцами, но и между англичанами и американцами, немцами и австрийцами, сербами и хорватами, французами и валлонами проявляется в культуре. Нет американского языка, но существует американская культура. Нет аргентинского языка, но существует аргентинская культура. Один язык, но разные культуры у сербов и хорватов.

Общая культура — вот что роднит всех англичан, пока они остаются англичанами, и отличает их от американцев, ирландцев, шотландцев и других такого же рода общностей людей, говорящих на английском языке. Что же касается языковой общности, то она, как в том случае, когда эта общность в общем и целом совпадает с культурной, так и в том, когда она значительно шире последней, является одновременно и важнейшим условием возникновения и развития культурной общности и существеннейшим компонентом последней.

Конечно, иногда различия в культуре между частями одной этнической общности могут быть не меньшими, чем между разными этносами. Например, различие в традиционной духовной и материальной культуре двух групп русских, которые в этнографии принято именовать северными великорусами и южными великорусами, не мень-

[51] См. об этом: Семенов Ю.И. Из истории теоретической разработки В.И. Лениным национального вопроса // НАА. 1966. № 4.

[52] См : Народы мира. Историко-этнографический справочник. М , 1988. С. 568.

ше, чем их отличие от белорусов и украинцев. И тем не менее эти группы этносами не являются.

Здесь перед нами предстает еще один важный фактор — этническое самосознание, т.е. осознание людьми, составляющими этническую общность, своей принадлежности именно к этой, а не к какой-либо другой общности. И северные великорусы и южные великорусы в одинаковой степени осознавали себя русскими. Таким образом, этническое самосознание состоит в том, что человек осознает себя русским, англичанином, норвежцем. Тем самым он осознает данную общность как «свою», а остальные как «чужие», данную культуру как «свою», а остальные как «чужие».

Наличие этнического сознания необходимо предполагает существования общего названия этноса — *этнонима* (от греч. этнос — народ и лат. nomina — название, имя). У этноса может быть несколько названий, одно из них — самоназвание, другие — имена, даваемые данному этносу людьми, принадлежащими к другим народам. Этническое самосознание невозможно без самоназвания.

Если члены той или иной культурно-языковой общности не обладают этническим самосознанием, то эта группа не является этносом.

Этнос есть общность социальная и только социальная. Но нередко она понимается не только как социальная, но и как биологическая. И это объяснимо. Члены этноса сосуществуют не только в пространстве, но и во времени. Этнос может существовать, только постоянно воспроизводясь. Он обладает глубиной во времени, имеет свою историю. Одни поколения членов этноса замещаются другими, одни члены этноса наследуют другим. Существование этноса предполагает наследование.

Но наследование наследованию рознь. Существует два качественно разных вида наследования. Одно из них наследование биологическое, через посредство генетической программы, заложенной в хромосомах, наследование телесной организации. Другое — наследование социальное, передача культуры от поколения к поколению. В первом случае принято говорить о наследственности, во втором — о преемственности.

Передача этнической принадлежности есть наследование чисто социальное, чисто культурное, есть преемственность. Но в нормальных условиях культурное, социальное воспроизводство человека неотделимо от биологического. Дети наследуют от родителей не только телесную организацию, но и культуру, и этническое самосознание. В результате неизбежно возникает иллюзия полного совпадения социального и биологического воспроизводства, биологического и социального наследования, более того — иллюзия производности социального наследования от биологического.

Отсюда вытекает представление, что этническая общность в своей основе есть общность происхождения, что этнос есть совокупность людей, имеющих общую плоть и одну общую кровь, что каждый этнос — особая порода людей. Таким образом, социальная по своему существу общность людей осознается как общность биологическая, что находит свое отражение в языке. Слово «народ», которым в обыденном языке именуют этнос, происходит от слов «род», «рождать», «порождать». И недаром, еще в XVII—XVIII, даже в XIX вв. для обозначения этноса нередко употреблялось слово «раса».

Когда перед человеком, который никогда не занимался теоретическими рассуждениями о природе этноса, встает вопрос о том, почему он принадлежит именно к этому, а не иному этносу, почему, например, он русский, а не татарин, англичанин и т.п., то у него естественно напрашивается ответ: потому что мои родители принадлежали к данному этносу, потому что мои родители — русские, а не татары, не англичане и т.п.

Для обычного человека его принадлежность к тому или иному этносу определяется его происхождением, которое понимается как кровное происхождение.[53] По законам Государства Израиль евреем считает человек, рожденный матерью-еврейкой.

Когда же предки человека принадлежат не к одному, а к разным этносам, то нередко и он сам и иные знающие об этом люди занимаются подсчетами, сколько в нем разных кровей и какова доля каждой из них. Говорят о долях русской, польской, еврейской и прочих кровей.

Поэтому сознание принадлежности к той или иной этнической общности до самого недавнего времени никогда не рассматривалось как что-то чисто субъективное, всецело зависящее от разума и воли человека. У человека именно такие, а не иные родители, именно такое, а не иное происхождение, именно такая, а не иная кровь.

Но сознание этнической принадлежности нельзя рассматривать как чисто субъективное явления даже в том случае, если понимать этнос в качестве социального и только социального образование, каковым он в действительности является. Оно включает в себя в качестве необходимейшего компонента чувство этнической принадлежности. А чувства человека, как известно, формируются в значительной степени независимо, а иногда и совершенно независимо от его разума, его рассудка. «Любовь зла, полюбишь и козла», — говорит русская пословица.

Сознание и чувство этнической принадлежности формируется под влиянием объективных условий жизни человека и, возникнув, существует уже во многом независимо от его сознания и воли. Этой независимости во многом, конечно, способствует осознания этнической принадлежности как принадлежности к особой биологической породе людей. Человек не может произвольно изменить сложившееся у него сознание принадлежности именно к этому, а не иному этносу, хотя, конечно, может скрыть его и объявить о свой принадлежности к другой группе.

Разумеется, сознание принадлежности к одной этнической общности может замениться сознанием принадлежности к другому этносу, но это происходит не в результате волевого решения человека, а в силу определенных объективных условий.

Если человек навсегда попадает в иноэтничную среду, то он вынужден, чтобы нормально жить в новых условиях, овладеть языком, на котором говорят окружающие его люди. Шаг за шагом он начинает впитывать ранее чужую для него культуру и постепенно все больше забывать о той, что была для него родной. Этот длительный процесс, который именуется *этнической ассимиляцией, этническим втягиванием или растворением*, завершается изменением сознания этнической принадлежности. Но чаще всего это происходит только во втором или даже третьем поколении.

Полному завершению процесса этнической ассимиляции мешает, конечно, осознание этнической общности как общности происхождения. Не только человек, первым оказавшийся в иноэтничной среде, но и его потомки помнят, что хотя по языку и культуре они теперь ничем не отличаются от окружающих их людей, но по происхождению, по крови они иные. Так возникают такие характеристики, как американец ирландского, немецкого и т.п. происхождения. И память различных групп американцев о различии их корней мешает им стать одним единым этносом. Особенно это наглядно

[53] Такой точки зрения придерживаются не только рядовые люди. Политики и ученые ряда стран говорят о «генном оружии», убивающем людей, принадлежащих к одному определенному этносу. Среди российских политических деятелей о «генном оружии» всерьез рассуждает депутат Госдумы Андрей Афанасьевич Кокошин (см.: Баренц В., Фалалеев М. Оружие, убивающее по национальному признаку // КП. 11.05 2002.)

видно на примере афроамериканцев (негроидов), которые действительно по своей телесной природе отличаются от других жителей США, которые в большинстве своем принадлежат к европеоидам.

Культурно-языковой или только языковой ассимиляции могут подвергнуться не только отдельные индивиды, но целые группы людей, принадлежащих к тому или иному этносу. И если они при этом не утратили прежнего этническое самосознания, то продолжают оставаться членами исходного этноса. Но при этом они образуют в его составе особую группу. Таковы терюхане, которые полностью перешли на русский язык, но при этом сохранили память о своем мордовском происхождении. Наконец, на чужой язык могут перейти целые этносы, что совершенно не обязательно ведет к утрате их этнического самосознания. Так, например, практически почти полностью перешли на английский язык, но при этом сохранились как этносы валлийцы, шотландцы и ирландцы.

В связи с переходом на русский язык большинства белорусов некоторые белорусские писатели и поэты подняли крик о геноциде этого народа. Это более чем нелепо. Даже если белорусы потеряют свое прежнее этническое самосознание и будут считать себя частью русского, ни о каком геноциде не может быть и речи. Геноцид этноса в точном смысле слова — прямое физическое истребление его членов или обречение их на биологическое вымирание. Но, скорее всего, белорусы сохранятся в качестве этноса даже в том случае, если перестанут говорить на белорусском языке.

Подводя итоги, можно сказать, *что этнос, или этническая общность, есть совокупность людей, которые имеют общую культуру, говорят, как правило, на одном языке, обладают общим самоназванием и осознают как свою общность, так и свое отличие от членов других таких же человеческих групп,причем эта общность чаще всего осознается как общность происхождения.*

1.3.3. Структура этноса

Этнос может иметь различную структуру. Он может состоять из 1) *этнического ядра* — компактно живущей на определенной территории основной части этноса, 2) *этнической периферии* — компактных групп представителей данного этноса, так или иначе отделенных от основной его части, и, наконец, 3) *этнической диаспоры* — отдельных членов этноса, рассеянных по территориям, которые занимают другие этнические общности.

Этнос может быть весь подразделен на *субэтносы* — группы людей, отличающиеся своеобразием культуры, языка и определенным самосознанием. В таком случае каждый из членов этноса входит в какой-либо из составляющих его субэтносов. Так, грузины делятся на картлийцев, кахетинцев, имеретин, гурийцев, мохевцев, мтиулов, рачинцев, тушин, пшавов, хевсуров и т.п. У членов такого этноса существует двойное этническое самосознание: сознание принадлежности к этносу и сознание принадлежности к субэтносу.

Основная часть русского этноса не подразделена на субэтносы. Северные великорусы и южные великорусы таковыми никогда не были, несмотря на культурные и языковые различия. Ни те, ни другие никогда не обладали собственным самосознанием. Это не субэтносы, а всего лишь *этнографические группы*. Несколько субэтносов существовало и в какой-то мере продолжает существовать в основном на периферии русского этноса Это — поморы, донские, терские, уральские казаки, колымчане,

русско-устьинцы на Индигирке и т.п. Но подавляющее большинство русских сейчас прямо входит в свой этнос, минуя и этнографические группы, и субэтносы.

1.3.4. Этнические процессы

Выше был охарактеризован один этнический процесс — этническая ассимиляция (втягивание, растворение). Но кроме него существуют и другие. Один из них — процесс *этнического слияния (консолидации)*, заключающийся в том, что несколько близких по культуре и языку соседних этносов объединяются в один, нередко долгое время продолжая сохранятся при этом в качестве частей этого нового этноса — субэтносов. Чаще всего это происходит тогда, когда все они оказываются в пределах одного геосоциального организма.

Образование в IX в. единого государства — Руси — на территории населенной несколькими родственными «племенами»: полянами, древлянами, северянами, вятичами, кривичами и т.п., привело к их консолидации в один этнос, который получил название русского народа. В литературе это государство обычно именуют Киевской Русью, а народ — древнерусским, но нужно помнить, что эти названия являются искусственными. Они созданы историками много веков спустя после окончания этого периода в истории восточных славян.

Наряду с этнической консолидацией может иметь место *этническое включение,* или *этническая инкорпорация,* — превращение ранее самостоятельного этноса в субэтнос в составе крупного соседнего этноса. Так, например, к настоящему времени мегрелы, а в какой-то степени и сваны, еще недавно бывшие самостоятельными народами, превратились в субэтносы в составе грузинского этноса.

Прямой противоположностью этнической консолидации является процесс *этнического расщепления,* или *этнической дивергенции,* — разделение ранее единого этноса на несколько новых самостоятельных этнических общностей. Чаще всего это связано с распадом того или иного геосоциального организма. После монгольского нашествия Северная Русь оказалась под властью Золотой Орды. Остальные части Руси в конце концов вошли в состав либо Польши, либо Великого княжества Литовского. В результат люди, образовывавшие один этнос, оказались в составе разных геосоциальных организмов.

Как уже отмечалось, каждый социоисторический организм есть относительно самостоятельная единица исторического развития. У разных социоров — разные истории или, как нередко говорят, разные исторические судьбы. Вхождения людей, принадлежащих к одному этносу, в состав разных социоисторических организмов, означало втягивание их в разные конкретные исторические процессы и тем самым разделение их исторических судеб. Это чаще всего, хотя и не всегда и не сразу, ведет к распаду ранее единого этноса на несколько самостоятельных этнических общностей.

Именно это и произошло с русским этносом. Он распался на три новых этноса. Один из них сохранил старое название, два других с течением времени обрели иные: белорусы и украинцы. Впрочем, нельзя не отметить, что на территории Западной Украины вплоть до самого позднего времени население называло себя русскими (руськими, русинами), а жители Карпатской Руси, которая была оторвана от Руси еще в XI в., так называют себя и до сих пор.

О том, что при формировании новых этносов решающую роль играет не степень культурной и языковой близости, а социорная граница, говорит хотя бы такой факт.

Если взглянуть на «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе» (М., 1915), отражающую картину распространения восточнославянских языков, какой она была в начале XX в., можно легко убедиться в том, что вся Смоленская губерния входит в зону диалектов белорусского языка. Но большая часть жителей Смоленщины уже много веков считает себя русскими и никогда не считали себя белорусами. Это связано с тем, что захваченная литовцами в 1404 г. Смоленская земля уже в 1514 г. вошла в состав Московского государства и с тех пор с небольшим перерывом (1611—1654 гг.) находилась в пределах России.

Кстати, и граница между сербами и хорватами не совпадает с языковыми различиями. На штокавском диалекте сербохорватского языка говорит большинство сербов, значительная часть хорватов, а также черногорцы и боснийцы. Решающим фактором были не диалектные, а социорные, политические границы, отделившие будущих сербов от будущих хорватов. За этим последовало принятие одними православия и кириллицы, другими — католицизма и латиницы и т.п.

Все приведенные выше примеры позволяют понять, почему в качестве одного из признаков этноса нередко называют общность исторической судьбы. Пребывание нескольких культурно-языковых общностей в составе одного геосоциора чаще всего ведет к их консолидации в один этнос, вхождение частей одного этноса в разные социоры — чаще всего к превращению их в самостоятельные этносы

1.3.5. Этнос и геосоциальный организм

Сказанное выше позволят понять соотношение этноса и социоисторического организма.

В литературе этнос нередко отождествляется с обществом подменяется обществом. Это в частности выражается в том, что те или иные авторы говорят о социально-экономической и политической структурах этноса, о хозяйстве этноса. В результате некоторые из них рассматривают этнос как некую самостоятельно развивающуюся по особым законам единицу исторического развития. И в большинстве случаев, когда этносы, или народы, объявляются субъектами истории, практически имеются в виду не собственно этносы, а социоисторические организмы

Понять исследователей, говорящих о социально-экономической и иных структурах этноса, можно. Люди, составляющие этнос, безусловно, всегда живут в обществе, в системе социально-экономических, политических и иных общественных отношений. Однако согласиться с ними нельзя.

В действительности этнос и общество — хотя и связанные, но совершенно разные явления. Это особенно наглядно видно тогда, когда люди, принадлежащие к одной этнической общности, входят в состав нескольких разных геосоциальных организмов. Было время, когда с карты Европы исчезла Польша, и поляки оказались в пределах трех разных геосоциоров. Польши как социально-исторического организма не стало, но польский этнос продолжал существовать. А в случае с ГДР и ФРГ немцы жили не просто даже в разных геосоциальных организмах, а в обществах разного типа, с разным социально-экономическим и политическим строем.

Но и тогда, когда геосоциальный организм и этнос по своему человеческому составу полностью совпадают, они ни в коем случае не являются одним и тем же. В случае же наличия в одном геосоциальном организме нескольких этносов последние никак не являются подразделениями, частями общества. Это — деления внутри всего

лишь *населения* общества, а не общества, как часто понимается. Этносы (или части этносов) представляют собой всего лишь группировки населения общества. Поэтому у них заведомо не может быть экономических или политических структур. Такие структуры имеет только общество, социоисторический организм. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что хотя этносы представляют собой культурно-языковые общности, и культура, и язык суть прежде всего продукты не этноса или этносов, а общества или обществ.

Как наглядно можно видеть на материалах как данного, так и предшествующего подразделов в отношении общества и этноса первичным является общество. Этносы не имеют своей самостоятельной истории. Их движение, изменение, развитие определяется историй обществ, в состав которых входят. Этносы суть порождения общества. Но это, отнюдь, не исключает, что в определенных условиях они могут приобрести относительную самостоятельность, причем иногда даже значительную.

Положение о первичности общества по отношению к этносу подтверждается всем ходом исторического развития. В число признаков этноса не входит ни общность территории, ни общность экономической жизни. Но понять, почему их таковыми считали, можно.

В принципе члены одного этноса могут жить на совершенно разных территориях и принадлежать к разным экономическими общностям, но возникнуть этнос без более или менее компактного совместного проживания будущих его членов на определенной территории и наличия между ними каких-то, пусть минимальных, экономических связей не может. Но при рассмотрения вопроса о становлении того или иного этноса необходимо иметь в виду не абстрактную «общность территории» и не абстрактную «общность экономической жизни», а конкретные геосоциальные организмы с их территорией и их экономикой.

1.3.6. Этнос и племя

Этносы суть подразделения населения. Но о населении общества как о самостоятельном явлении, отличном от самого общества, можно говорить только после смены демосоциальных организмов геосоциальными. А это значит, что этносы в точном смысле этого слова существуют только в классовом, или цивилизованном, обществе. В обществе первобытном их нет.

Могут спросить, как же быть с племенами, которые всегда в нашей литературе считались одной из форм этнической общности? Прежде всего следует предупредить, что слово «племя» в исторической и этнологический литературе употребляется не в одном, а в нескольких разных значениях. В качестве классического образца обычно рассматриваются племена ирокезов, описанные в трудах Л.Г. Моргана «Лига Ходеносаунн, или ирокезов» (1851; русск. перевод: М., 1983) и «Древнее общество». Это племена сенека, каюга, могауки, онейда онондага. Все они представляли собой многообщинные демосоциальные организмы.

Люди, входившие в состав каждого такого племени, имели обычно общую культуру, говорили на одном языке, даже, точнее, на одном диалекте ирокезского языка. Если добавить к этому, что они осознавали свою общность и свое отличие от людей, принадлежавших к другим подобного же рода группам, то становится совершенно ясным, почему такое племя нередко характеризуют как этническую общность. Подобное пле-

мя действительно было, как правило, и культурно-языковой общностью. Однако совсем не в этом заключалась его сущность.

Рассмотренное выше племя прежде всего было социоисторическим организмом. И сознание племенного единства было в своей основе сознанием принадлежности не к культурно-языковой общности, а к демосоциальному организму, определенному конкретному обществу. Это особенно наглядно выступает как в тех случаях, когда в состав племени входят люди, отличающиеся культурой и языком от основного его ядра, так и в тех, когда люди с одной культурой и языком образуют несколько разных племен.

Например, все пять племен, входившие в состав Лиги Ходеносауни, или ирокезов, имели общую культуру и говорили на одном языке. Ирокезоязычными были и индейские племена, входившие в состав конфедераций эри, гуронов, нейтральных, что нисколько не мешало им считать друг друга чужаками и вести войны между собой и с Лигой Ходеносауни.

Таким образом, в данном случае культурно-языковая общность представляла собой не самостоятельное явление, как в классовом обществе, а всего лишь аспект, одну из сторон, причем не самую важную, социорной, точнее, демосоциорной общности. Поэтому она не была этнической общностью в том смысле, который вкладывается в этот термин, когда мы используем его в применении к классовому обществу.

Выше шла речь о значениях слова «народ», но применительно лишь к классовому обществу. Однако это слово используется — и очень часто — в отношении доклассового общества. Понять, в каком смысле оно здесь употребляется, невозможно без анализа понятий «культура» и «культуры». Такой анализ важен и потому, что даст возможность лучше разобраться в природе этноса, который всегда является и культурной, хотя и не только культурной, общностью.

1.4. КУЛЬТУРА ВООБЩЕ, ЛОКАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ, ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ЦЕЛОМ

1.4.1. Понятие культуры вообще

О понятии культуры написаны горы литературы. Существует огромное множество определений слова «культура». Разные авторы вкладывают в него самый различный смысл. Американские этнографы Альфред Луис Кребер (1876—1960) и Клайд Кей Мэбеп Клакхон (1905—1960) в книге «Культура. Критический обзор понятий и определений», увидевшей свет в 1952 г., привели более 150 определений культуры, имеющих хождение в литературе.[54] Спустя почти два десятилетия французский ученый Абрам Моль в работе «Социодинамика культуры» (1969, русск. перевод: М., 1973) насчитал уже свыше 250 определений культуры.[55]

Только для рассмотрения всех этих и появившихся за прошедшие более двадцати лет определений культуры потребовалось бы целая книга. Но у меня нет ни времени, ни места, ни желания этим заниматься. Желающих с этим подробнее ознакомиться отсылаю к указанным выше работам, а также к книге отечественного исследователя Юрия Алексеевича Муравьева «Истина. Культура. Идеал» (М., 1995), в которой дан квалифицированный анализ основных существующих точек зрения на культуру.

[54] Kroeber A., Kluckhohn Cl. Culture. A Critical Review of Concept and Definition. New York, 1952.
[55] Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973. С. 35.

Не ставлю я перед собой и цель создать свое собственное понимание культуры. Моя задача и проще, и одновременно сложнее. выявить, какой смысл вкладывается в слово «культура» в его обычном употреблении. В отличие от ученой литературы, посвященной трактовкам понятия культуры, здесь наблюдается определенное единомыслие.

Бесспорно, что слово «культура» постоянно используется для обозначения совокупности продуктов духовного и материального творчества людей. В этом легко убедиться, ознакомившись с любой книгой по истории культуры, написанной профессионалами, будь это труд о культуре Древнего Египта, Древней Греции, средневековой Европы или Древней Руси. Такое понимание культуры можно объявить примитивным, поверхностным, упрощенным, даже полностью несостоятельным, как это делают некоторые из тех, что именуют себя культурологами.[56] Однако оно существует, и с этим фактом нельзя не считаться. Именно с таким пониманием культуры связано ее подразделение на духовную и материальную.

Однако выделенный выше смысл термина «культура» не является единственным существующим в обыденной речи. Он неразрывно связан и переплетается с иным, более глубоким пониманием культуры, которое тоже проявляется в повседневном употреблении этого слова. Культура именно во втором, а не в первом смысле имеется в виду, когда говорят о передаче культуры, об овладении культурой, об усвоении культуры, о приобщении к культуре. Именно с таким пониманием культуры связано противопоставление наличия и отсутствия культуры, как у отдельных людей, так и целых социальных групп, применение для характеристики людей таких определений как «культурный», «малокультурный», «некультурный».

Некоторые культурологи категорически возражают против такого, как они выражаются, аксиологического (ценностного, оценочного) подхода к культуре, считая его противоречащим самому понятию культуры.[57] Однако в таком случае они пытаются подменить утвердившийся в сознании большинства людей смысл слова «культура» ими же самими произвольно созданным.

Если попытаться одним словом выразить второй реальный смысл термина «культура», то им будет слово «опыт». *Культура есть опыт деятельности людей, имеющий в конечном счете жизненное значение для всей данной конкретной их общности в целом.* Этот социально значимый, или общезначимый опыт жизнедеятельности людей закрепляется в словарном фонде, грамматике и вообще системе языка, в структурах и образах мышления, произведениях словесности (пословицах, поговорках, сказках, повестях, романах и т.п.), различного рода приемах и способах действий, нормах поведения, наконец, в различного вида созданных человеком материальных вещах (орудиях, сооружениях и т.п.).

Все явления, в которых воплощается этот общезначимый опыт, носят название явлений культуры. В силу того, что культура как опыт всегда воплощается в явлениях культуры, существует в них, совокупность последних тоже может быть охарактеризована и, как мы уже видели, обычно характеризуется как культура.

Таким образом, слово «культура» имеет в обыденном языке два значения. Один смысл этого слова — общезначимый опыт жизнедеятельности людей Другой — совокупность всех явлений, в которых воплощен и закреплен этот социально значимый

[56] См , например Маркарян Э С Очерки по теории культуры Ереван, 1969 С 7
[57] См Там же С 6

опыт. Первое понятие выражает сущность культуры, второе — ее внешнее проявление. Эти два понятия культуры вообще неразрывно связаны, но никогда полностью не совпадают. Поэтому их нужно четко различать.

Когда то или иное явление характеризуется как культурное, то это означает, что оно рассматривается в строго определенном аспекте, а именно в качестве воплощения общезначимого опыта. Но у него обязательно имеется и множество других сторон, зачастую не только не менее, а более важных. Машина, например, представляет собой не только явление культуры, но и средство труда. И последняя ее характеристика более важна, чем первая. Философия, мораль, искусство, религия суть не только явления культуры, но и формы общественного сознания. Язык, безусловно, явление культуры. Но не в этом заключена его сущность.

Вообще нет явлений культуры, которые были бы только явлениями культуры и ничем другим. Поэтому любые попытки выделить явления культуры в особую самостоятельную область, противостоящую социальным явлениям и обществу в целом, несостоятельны. Явления культуры не составляют особой субстанции. Всех их объединяет только одно — все они являются носителями общезначимого опыта. Во всем же остальном они могут быть совершенно различными.

В свете подхода к культуре как к общезначимому опыту становится ясным тот ее аспект, который получил название аксиологического. Культурным является человек, который в достаточной степени усвоил накопленный предшествующими поколениями и его собственным общественно значимый опыт, некультурным — тот, который к нему не приобщился. При этом важно подчеркнуть, что овладение культурой означает приобретение не только и не столько *знаний*, сколько *умений*. Мало, например, *знать*, как нужно вести себя, нужно *уметь* вести себя соответствующим образом.

С понятием культуры теснейшим образом связаны, по крайней мере, еще три. Первое из них — понятие *программы* деятельности, поведения. Главный смысл социального значимого опыта в том, что он выступает для каждого конкретного человека, овладевшего им, в качестве руководства к действию, в качестве программы его поведения.

Другим, теснейшим образом связанным с категорией культуры является понятие *преемственности*. Культура есть опыт человеческой общности, который передается от одного поколения к другому. Конечно, культура не сводится к преемственности. Она не только передается, но обогащается и развивается. Однако никакое обогащение, никакое развитие культуры невозможно без передачи опыта от поколения к поколению. Культура всегда включает в себя как опыт, полученный от предшествующих поколений, т.е. *традиции*, так и собственный опыт нового поколения, т.е. *инновации*.

И здесь мы сталкиваемся еще с одним понятием — *накопления, аккумуляции*. Социально значимый опыт, являющийся программой человеческой деятельности, не только передается, но и накапливается. Процесс развития культуры носит кумулятивный характер.

1.4.2. Культуры (локальные культуры) и человеческая культура в целом

Культура есть общезначимый опыт. Поэтому она всегда есть опыт определенных совокупностей людей. Разные человеческие общности жили в различных условиях. Поэтому в каждой из них складывался свой собственный опыт, отличный от опыта других объединений. Подобно тому, как человеческое общество в целом всегда пред-

ставляло собой множество социально-исторических организмов, человеческая культура всегда существовала как множество различных конкретных культур. Такими культурами были, например, древнеегипетская, шумерская, хеттская, римская, русская и т.п.

Поэтому вслед за появлением понятия о *культуре вообще* появилось, во-первых, понятие об *отдельных культурах*, во-вторых, понятие о *человеческой культуре в целом* как совокупности всех этих отдельных культур Значительно позднее эти отдельные конкретные культуры получили название *локальных культур*.

И важнейшая проблема состоит теперь в том, какие именно конкретные человеческие общности были создателями и носителями локальных культур. Естественным кажется ответ, что такими общностями были социоисторические организмы. Но выше мы уже имели дело с таким культурными общностями, а именно этносами, которые не были ни социоисторическими организмами, ни их подразделениями. И это не единственная сложность. Существуют и другие.

Решить постановленную выше проблему невозможно, если не подойти к ней исторически. На разных этапах развития человеческого общества соотношение человеческих общностей и локальных культур было далеко не одинаковым.

1.5. ДЕМОСОЦИОРНЫЕ КОНГЛОМЕРАТЫ, АССОЦИАЦИИ И СОЮЗЫ

1.5.1. Генетические культурно-языковые общности и генетические демосоциорные конгломераты

Процесс становления человека и общества, начавшийся, примерно, 1,6 млн. лет тому назад, закончился приблизительно 35—40 тыс. лет тому назад. На смену праобществу пришло готовое, сформировавшееся человеческое общество.[58]

Крупнейшим переломом в развитии готового общества было появление общественных классов и государства, возникновение классового или, как его нередко называют, цивилизованного общества Первые цивилизации возникли в конце IV тысячелетия до н.э., т.е., примерно 5 тысяч лет тому назад Весь предшествующий период существования готового общества в нашей науке было принято относить к первобытному обществу

В развитии этого общества довольно отчетливо выделяются 1) эпоха собственно первобытного общества и 2) эпоха перехода от собственно первобытного общества к классовому. Общество этой переходной эпохи нередко называют предклассовым. В свою очередь в эволюции собственно первобытного общества можно выделить этапы 1.1) раннего первобытного (первобытно-коммунистического) общества и 1.2) позднего первобытного (первобытно-престижного) общества.[59]

Конечно, и в самые первобытные времена в состав социально-исторических организмов могли приходить извне люди, имеющие иную культуру, чем коренные члены того или иного общества Однако в целом состав этих обществ оставался, как правило, культурно однородным. Это было во многом связано с их малыми размерами.

На стадиях первобытно-коммунистического и первобытно-престижного общества социально-историческими организмами были общины и только общины. Числен-

[58] Подробнее об этом см Семенов Ю И Как возникло человечество М , 1966, 2-е изд М , 2002, Он же На заре человеческой истории М , 1989

[59] Подробнее об этом см Семенов Ю И Экономическая этнология Первобытное и раннее предклассовое общество Ч 1-3 М , 1993

ный состав раннепервобытных общин никогда не превышал сотню индивидов (а чаще всего они состояли из 25—50 человек), а позднепервобытных — обычно не выходил за пределы тысячи человек.

Демосоциорная общность на этих этапах была одновременно и культурной, причем культурная общность включала в себя в качестве своего важнейшего момента единство языка. Но если социорная общность была одновременно и культурно-языковой, то культурно-языковая общность, как правило, всегда была более широкой, чем социорная.

Разрастаясь, первобытные общины распадались. И дочерние общины наследовали от материнской общность культуры и языка. Делились в свою очередь и дочерние общины. Появлялись общины-внучки, общины-правнучки и т.п. Если даже допустить, что возникшие новые общины не поддерживали никаких контактов друг с другом, все равно неизбежным было образование широкой культурно-языковой общности. Это культурно-языковое единство было результатом общности происхождения. Поэтому такое единство можно назвать *генетической культурно-языковой,* или просто *генетико-культурной общностью.*

Реально такая общность существовала первоначально как совокупность общин, имеющих общего предка. Эти общины связывала общность происхождения. Совокупность общин, связанных подобного рода своеобразным культурно-языковым родством, я буду называть *генетическим демосоциорным конгломератом.*

О демосоциорном, а не общинном генетическом конгломерате я предпочитаю говорить потому, что общины были единственными социоисторическими организмам лишь на стадиях раннепервобытного и позднепервобытного общества. С переходом на стадию предклассового общества положение изменилось. Наряду с однообщинными демосоциальными организмами появились многообщинные.

Об одной из их форм выше уже говорилось. Это племена в том смысле этого слова, в котором его использовал Л.Г. Морган. Как уже отмечалось, слово «племя» имеет в этнографической и исторической литературе несколько значений. Во избежание путаницы я в дальнейшем буду называть такого рода многообщинные демосоциоры племенными демосоциорами или, короче, *трибосоциорами* (от лат. triba — племя).

Раньше этнографы именовали племенами все многообщинные демосоциоры. Однако в последние десятилетия стало ясным, что среди них существуют такие, которые качественно отличаются от племен в морганов ском понимании. В западной литературе для их обозначения стало использоваться слово «chiefdom». В нашей литературе такого рода многообщинный демосоциор называют чифдомом, или вождеством. Последнее слово представляет собой русскую кальку слова chiefdom. Я в своих работах предложил называть подобного рода многообщинные демосоциоры *протополитархиями.* Протополитархии являются формирующимися государствами.[60]

С переходом от позднепервобытного общества к предклассовому существенные изменения претерпели общины. Из позднепервобытных они превратились: одни в пракрестьянские общины, другие — в сверхобщины, или великообщины. Часть пракрестьянских общин вошла в состав трибосоциоров и протополитархий. В результате они перестали быть социоисторическими организмами, превратились в социаль-

[60] См.: Семенов Ю.И. Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии: прагосударство и аграрные отношения // Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1980.

ные суборганизмы. Другая часть пракрестьянских общин и почти все великообщины продолжали существовать в качестве самостоятельных демосоциоров.[61] Чтобы отличить их от общин, переставших быть демосоциорами, я буду называть их *общиносоциорами*.

Если на стадиях раннепервобытного и позднепервобытного обществ генетические демосоциорные конгломераты состояли из общин, то на стадии предклассового общества — из общиносоциоров, трибосоциоров и протополитархий, что не меняло их природы.

Культурно-генетическая общность не может быть названа этносом. И дело не только и не столько в отсутствии осознания этой общности и тем самым и самоназвания. Главное заключалось в том, что в отличии от этноса она была совокупностью не людей самих по себе, а прежде всего социоисторических организмов и только тем самым людей, входящих в их состав. Каждый генетический демосоциорный конгломерат был носителем определенной локальной культуры, но не ее создателем. В отличие от него ходившие в его состав демосоциальные организмы были не только носителями, но и творцами культуры. В каждом из них накапливался свой новый опыт, который не мог не отличаться от опыта других демосоциоров. Результатом было накопление определенных различие в культуре уже у дочерних общин, еще больших — у общин-внучек и т.д.

В результате культурно-генетические общности, которые выступали как генетические конгломераты различного рода демосоциальных организмов, с неизбежностью имели иерархическую структуру. Существовали генетические демосоциорные конгломераты первого порядка, второго порядка, третьего порядка и т.д. (первичные, вторичные, третичные и т.п.) Чем выше был порядок, тем меньшей была культурная и языковая общность между демосоциорами. По мере отдаления от общего предка возрастали культурные и языковые различия, при этом дифференциация культуры шла быстрее, чем дифференциация языка.

Но и последняя тоже имела место. Люди, входившие в состав демосоциоров, образовывавших генетический конгломерат первого порядка, могли говорить на одном диалекте одного языка. Следующий порядок мог уже характеризоваться наличием общего языка, но нескольких диалектов. Еще выше могло существовать несколько родственных языков, причем их сходство по мере движения вверх непрерывно уменьшалось.

Иерархически построенные генетические культурно-языковые общности не исчезли полностью с переходом к классовому обществу и превращением демосоциоров в геосоциоры. Но теперь, во-первых, они начали состоять уже не из демосоциоров, а из этносов, во-вторых, стали не столько культурно-языковыми, сколько просто языковыми.

Основное звено в этой иерархии — *семьи языков*, которые подразделяются на ветви и группы языков, а сами иногда объединяются в макросемьи, или стволы. Примером такой семьи являются индоевропейские языки, на которых сейчас говорит 45% населения земного шара. Возможно, что эта семья вместе с картвельской, афразийской, уральской, алтайской, дравидской и некоторыми другими семьями, а также рядом изолированных языков (японским, корейским, юкагирским) образует ностратический (гиперборейский, бореальный) ствол.

[61] Подробнее об этом см.: Семенов Ю И Проблема перехода от первобытного общества к классовому: пути и варианты развития // ЭО. 1993. 1, № 2 , Он же Война и мир в земледельческих предклассовых и ранних классовых обществах // Першиц А.И , Семенов Ю.И., Шнирельман В.А. Война и мир в ранней истории человечества. Т. 2. М., 1994, Он же. Введение во всемирную историю. Вып. 2. История первобытного общества. М., 1999.

Индоевропейская семья подразделяется на две основные ветви: восточную и западную. К первой принадлежат индоиранские (арийские) языки, включающие индоарийскую, иранскую и промежуточную между ними нуристанскую группу, а также греческий и армянский языки. К западной ветви относятся италийские, романские, кельтские (три подгруппы), иллирийские и германские (три подгруппы) языки. Промежуточное положение между восточной и западной ветвями занимают балто-славянские языки, которые делятся на балтийские и славянские. Последние в свою очередь подразделяются на восточнославянские (русский, украинский и белорусский), западнославянские (чешский, словацкий, польский, кашубский, лужицкие) и южнославянские (болгарский, македонский, сербохорватский, словенский) языки.

Но было бы ошибкой считать, что принадлежность людей к той или иной языковой группе всегда является результатом общности происхождения. Например, значительная часть европейских евреев говорила на идише, который принадлежит к группе западногерманских языков, а родным языком негров США давно уже является английский. Родство языков совершенно не обязательно совпадает с родством людей, говорящих на этих языках.

1.5.2. Демосоциорные ассоциации

Культурно-языковое единство могло долгое время сохраняться и при отсутствии контактов между родственными по происхождению общинами. Но завязывание и поддержание связей между соседними общинами было необходимым и неизбежным. Могли возникать и возникали местные (локальные) системы общин. Такие системы общин можно было бы назвать *демосоциорными ассоциациями*. Если на стадиях раннепервобытного и позднепервобытного общества демосоциорные ассоциации состояли только из общин, то на стадии предклассового общества они могли состоять и состояли из общиносоциоров, трибосоциоров и протополитархий.

Каждая ассоциация обычно состояли из демосоциоров, относившиеся к одной генетико-культурной общности. Эти демосоциоры, таким образом, объединяла и общность происхождения. В этом смысле они вместе взятые представляли собой одновременно и генетический демосоциорный конгломерат. Но демосоциоры, входившие в ассоциацию, объединяла не только и не столько унаследованное от прошлого единство культуры и языка, сколько множество различного рода практических уз. Между ними постоянно поддерживались самые разнообразные контакты. Генетическое единство дополнялось единством практическим, органическим.

Наличие практического единства в огромной степени способствовало не только сохранению, но и дальнейшему развитию общности культуры и языка между всеми демосоциорами, входившими в состав ассоциации. Люди, входившие в состав всех этих демосоциоров, в той или иной степени осознавали свое единство, что нередко выражалось в появлении общего для всех их названия. Так же как и генетические демосоциорные конгломераты, демосоциорные ассоциации могли иметь иерархическую структуру. Можно говорить об ассоциациях первого, второго, третьего и т.п. порядков (первичных, вторичных, третичных и т.п.).

Первичные ассоциации общин, которые были одновременно и органическими, и генетико-культурными общностями, в этнографической литературе чаще всего именуются, как и упоминавшиеся выше трибосоциоры, племенами. Таковы племена у або-

ригенов Австралии: диери, курнаи, аранда, варрамунга, тиви и т.п. Как племена характеризуются иногда и общинные ассоциации более высоких порядков. Но в англоязычной этнологической литературе их нередко называли нациями.

Этнографы называют племенами не только общинные ассоциации. Они нередко используют это слово для обозначения также и любых территориальных скоплений общин с общей или сходными культурами и с общим или близкими языками. При этом не считается необходимым ни существование между этими общинами более или менее постоянных связей, ни осознание единства, ни наличие общего имени.

Эти же самые совокупности общин, равно как и общинные ассоциации, особенно высших порядков, нередко называются и народами. Слово «народ» используется также для обозначения трибосоциоров, трибосоциорных и протополитархических ассоциаций любых порядков и просто любых совокупностей общиносоциоров, трибосоциоров и протополитархий, совершенно независимо от наличия между этими демосоциорами практических связей, но при условии существования между ними хоть какого-нибудь культурного (общая или сходные культуры) или языкового (один или сходные языки) единства.

1.5.3. Демосоциорные союзы и сверхсоюзы

Демосоциорные ассоциации складывались совершенно стихийно. Их возникновение было естественно-историческим процессом, который происходил независимо от воли и сознания людей. Но демосоциоры могли и сознательно объединяться и образовывать союзы. В таком *демосоциорном союзе* обычно существовали какие-то общие органы власти.

Образование союза могло быть шагом по пути слияния вступивших в него демосоциоров в один крупный демосоциальный организм. Но это не было обязательным. Демосоциоры, вступившие в союз, могли продолжать сохраняться в качестве самостоятельных обществ, но таких, которые постоянно координировали свои действия. Союзы демосоциоров были объединениями протополитическими.

На стадии раннепервобытного общества союзы демосоциоров не возникали. Вероятно, не было их и на стадии позднепервобытного общества. Но в предклассовом обществе образование союзов было нередким явлением. Союзы общиносоциоров существовали, например, в Африке, Юго-Восточной Азии, Дагестане. В последнем регионе союзы общиносоциоров и великообщин (вольные общества) иногда, в свою очередь, объединялись. Возникали союзы союзов общин и великообщин, или *общинные сверхсоюзы*.[62]

В союзы могли объединиться и объединялись трибосоциоры. Выше уже упоминался союз вначале пяти, а затем шести (шестым были тускарора) племен — Лига Ходеносауни, или ирокезов. Существовали и другие союзы ирокезоязычных племен: конфедерации гуронов, эри, нейтральных. Бытие союзов отмечено и у других индейцев Северной Америки, например, криков, тимуква. *Союзы и сверхсоюзы трибосоциоров* описаны у древних германцев.

Существовали и *союзы протополитархий*. Примерами могут послужить конфедерации Ашанти и Фанти в Западной Африке. Однако чаще всего объединение протополитархий происходило в форме не союзов, а *прадержав*. Могущественная прото-

[62] См Семенов Ю И Проблема перехода от первобытного общества к классовому , Он же Введение во всемирную историю Вып 2

политархия подчиняла себе соседние и превращала их в вассальные демосоциоры. И так обстояло дело не только с протополитархиями. Известны случаи подчинения одних общиносоциоров другими, господства одних трибосоциоров над другими.[63]

В союзы и сверхсоюзы чаще всего объединялись демосоциоры, состоявшие в культурно-языковом родстве. Однако это не было обязательным. В союз могли объединится и демосоциоры, персональный состав которых резко отличался по культуре и языку. Такими были, например, некоторые союзы общиносоциоров Дагестана.

1.6. КУЛЬТУРА ВООБЩЕ, ЛОКАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

1.6.1. Передача культуры от поколения к поколению и эволюционистские концепции культуры

Вопреки всем утверждениям сторонников субстанционального понимания культуры, она все же представляет собой не субстанцию, а акциденцию. Она есть творение людей, всегда живущих в обществе, есть продукт общества. Я уже неоднократно говорил о том, что общество никогда не является простой совокупностью людей. Общество и совокупность людей, входящих в его состав, никогда полностью не совпадают. Как уже отмечалось, время существования социоисторического организма всегда превышает длительность жизни любого из его членов. Поэтому неизбежностью является постоянное обновление его человеческого состава. В обществе происходит смена поколений. На смену одному приходит другое.

И каждое новое поколение, чтобы существовать, должно усвоить опыт, которым обладало уходящее. Таким образом, в обществе идет смена поколений и передача культуры от одного поколения к другому. Эти два процесса являются необходимым условием развития общества, но они, сами по себе взятые, не представляют собой развития общества. Они обладают известной самостоятельностью по отношению к процессу развития общества.

Упор на преемственность в развитии культуры дало основания для трактовки этого развития как совершенно самостоятельного процесса, а выявление аккумуляции в развитии культуры дало возможность трактовать этот процесс как поступательный, восходящий. В результате возникли эволюционистские концепции, в которых развитие культуры рассматривалось независимо от эволюции общества в целом. Центр тяжести в этих концепциях был перенесен с общества на культуру. Такова концепция крупнейшего английского этнографа Эдуарда Бернетта Тайлора (Тэйлора) (1832—1917) — автора знаменитой в свое время книги «Первобытная культура» (1871; послед. русск. изд.: М., 1989). Он был убежденным поборником *эволюционизма*. С его точки зрения, любое явление культуры возникло в результате предшествующего развития, появилось в обществе как продукт культурной эволюции.

1.6.2. Распространение культуры путем миграций. Миграционизм

Слово «культура» проникло в археологию, где получило особое значение. Объекты изучения этой науки принято именовать *археологическими памятниками*. Они

---

[63] См.: Семенов Ю.И. Война и мир в земледельческих предклассовых и ранних классовых обществах..; Он же. Введение во всемирную историю. Вып. 2.

обычно скрыты под землей и археологи занимаются их раскапыванием. Очень часто результат раскопок — выявление группы памятников, объединенных общим временем, общей территорией и общими характерными чертами. Эти группы получили название *археологических культур.* Эти культуры обычно именуются по месту нахождения (гальштатская, висло-неманская), народу (иберийская) или особо бросающемуся в глаза признаку (культура ямных погребений, культура боевых топоров, культура колоколовидных кубков). За культурами обычно скрываются те или иные демосоциорные общности (генетические демосоциорные конгломераты, ассоциации, союзы и сверхсоюзы).

Выше уже говорилось об иерархической структуре генетических демосоциорных общностей. Такая иерархия обнаруживается и в археологических культурах. Так, например, культуры ладьевидных топоров, одиночных погребений, саксо-тюрингская, висло-неманская и еще несколько других культур Европы второй половины II тысячелетия до н.э. образовывали область шнуровой керамики.

Исследуя культуры, археологи обнаруживали распространение той или иной культуры на территории, на которых раньше ее не было, перемещение культур в пространстве. Наблюдали они и такую смену культуры на одной и той же территории, которая никак не могла быть объяснена эволюцией, т.е. трансформацией более ранней культуры в более позднюю. И естественно напрашивалось объяснение всего этого *миграцией* людей — носителей той или иной культуры. В течение всей эпохи доклассового общества миграция была обычным явлением, причем мигрировали чаще всего не просто люди, а социоисторические организмы. Ведь социально-исторические организмы этой эпохи были демосоциальными. Он не были неразрывно связаны с территорией, были мобильными, подвижными.

Нередко для археологов миграции заслоняли эволюцию. Возникала тенденция сводить всю историю первобытного общества к одним лишь миграциям, игнорируя развитие. Так возник *миграционизм*, получивший в археологии определенное распространение и иногда вытеснявший эволюционный подход к истории общества.

1.6.3. Культурная диффузия и диффузионизм

В ходе развития как этнографической, так археологической наук становилось все более ясным, что распространение культуры совершенно не обязательно связано с перемещением людей. Самостоятельность культуры может проявляться и проявляется не только в том, что она передается от одного поколения к другому внутри общества. Но с подобного рода «вертикальной» передачей культуры, существует и «горизонтальная». Культура может передаваться не только внутри социально-исторического организма и не только во времени, но и от одного социоисторического организма к другому, т.е. в пространстве. Возникнув в одном обществе, то или иное явление культуры может быть усвоено членами многих других обществ. В таком случае мы имеем дело с особым пространственным распространением культуры, которое получило в науке название *культурной диффузии.*

Когда исследователи обратили внимание на культурную диффузию, то стало ясным, что то или иное явление культуры совершенно не обязательно должно было возникнуть в данном обществе в результате внутренней эволюции, оно вполне могло быть позаимствовано, воспринято им извне. Абсолютизация этого совершенно верного положения легла в основу особого направления в этнологической науке, которое полу-

чило название *диффузионизма*. Если эволюционисты главное внимание обращали на развитие, не придавая особого значения диффузии, хотя и не отрицая ее, то в центре внимания диффузионистов оказалась культурная диффузия. Эволюция оказалась у них на заднем плане или даже совершенно исчезла из их построений.

Предтечей диффузионизма была антропогеографическая школа, идеи которой нашли свое наиболее яркое выражение в трудах Фридриха Ратцеля (1844—1904). Возникший в Германии диффузионизм наиболее пышно расцвел в немецкоязычной этнографии. Он был представлен в ней школой «культурной морфологии» Лео Фробениуса (1873—1938), концепцией «культурных кругов» Фридриха Гребнера (1877—1934) и «культурно-исторической» школой Вильгельма Шмидта (1868—1954). В Англии диффузионистские идеи развивались в трудах Уильяма Хэлса Риверса Риверса (1864—1922). В России и СССР идеи диффузионизма получили достаточно отчетливое выражение в труде Владимира Германовича Богораза-Тана (1865—1936) «Распространение культуры на земле. Основы этногеографии» (М.-Л., 1928) и книге Петра Федоровича Преображенского (1894—1937) «Курс этнологии» (М.-Л., 1929).

Культурная диффузия есть особый процесс, отличный как от передвижения обществ (которое, как мы уже видели, вполне возможно, когда эти общества являются демосоциорами), так и перемещения отдельных людей либо их групп внутри обществ или из одного социора в другой. Конечно, в результате передвижения тот или иной демосоциальный организм с неизбежностью оказывался в контакте с массой обществ, с которыми раньше не сталкивался, что могло способствовать распространению культуры. Разумеется, когда в состав того или иного социоисторического организма входили люди извне, они приносили с собой и культуру своего родного общества, которая в какой-то степени могла быть усвоена принявшим их обществом. Но культура могла передаваться от общества к обществу и без перемещения как самих обществ, так и отдельных их членов. Диффузия культуры есть особая форма движения, отличная от миграций обществ и людей и никак не сводимая к этим процессам.

В таком случае культура выступает как нечто самостоятельное, могущее отделяться не только от создавших ее людей, что имеет место и при передаче ее от поколения к поколения, но и от породившего ее общества, и перемещаться независимо от миграций обществ и людей.

В результате начавшееся еще у некоторых эволюционистов смещение центра тяжести с понятия общества на понятие культуры получило дальнейшее развитие. Но если у эволюционистов внимание сместилось с понятия общества вообще на понятие культуры вообще, то у диффузионистов наблюдалось вытеснение и замещение понятия об отдельных обществах понятием отдельных, локальных культур. Отдельная культура стала рассматриваться не как продукт отдельного общества, а как нечто совершенно самостоятельно существующее, как своеобразная субстанция.

Если существование общества и признавалось, то оно рассматривалось как производное от культуры или как один из ее аспектов. А у ряда исследователей понятие общества совершенно исчезло. В результате отдельные культуры стали рассматриваться как подлинные и единственные субъекты исторического процесса, который стал пониматься тем самым как процесс культурного и только культурного развития.

Наиболее яркое выражение такого рода воззрение нашло в трудах Л. Фробениуса, прежде всего в его работе «Происхождение африканских культур» (1898). Культура для него есть особое органическое существо. «Я утверждаю, — писал он, — что

каждая культура развивается как живые организмы, она, следовательно, переживает рождение, детство, зрелый возраст и старость и, наконец, умирает».[64]

Понятие общества в концепции Л. Фробениуса отсутствует. Поэтому культура никак не может выступать у него как продукт общества. Но она у него и вообще не является чьим-либо творением. Она не создается ни людьми, ни народами. Не культура — продукт людей, а скорее, наоборот, люди суть продукты культуры. «Весь процесс развития культуры проявляется в своей истинной независимости от человека. Культура растет сама по себе, без человека, без народа».[65]

У Л. Фробениуса мы не находим какой-либо определенной концепции всемирной истории, базирующейся на понятии локальной культуры. Такое понимание истории попытался создать его соотечественник и современник О. Шпенглер в труде «Закат Европы» (1918). В качестве особых совершенно самостоятельных субъектов мировой истории им было выделено восемь культур: египетская, индийская, вавилонская, китайская, греко-римская, арабская, западноевропейская, мексиканская.

Нетрудно заметить, что во всех случаях под культурами О. Шпенглер понимает либо определенные социально-исторические организмы с присущей им культурой, либо региональные системы социально-исторических организмов с общей или сходными культурами. Иначе говоря, под культурами он понимает то, что А. Тойнби называл цивилизациями.

Самые радикальные сторонники диффузионизма стремились свести всю историю человечества к контактам, столкновениям, заимствованиям и переносам культур. Понятие эволюции, а тем более прогресса было ими отвергнуто. Везде и всюду они видели одну лишь культурную диффузию, т.е. пространственное перемещение различных явлений культуры.

Особенно последовательным в этом отношении был Ф. Гребнер. Им было написано множество работ, из которых особо выделяется «Метод в этнологии» (1911). Согласно его точке зрения, каждое явление, как материальной, так и духовной культуры (лук и стрелы, свайное жилище, земледелие, тайные мужские союзы, культ духов умерших и черепов, лунная мифология и т.д. и т.п.) возникло лишь однажды в истории и только в одном месте и затем из этого центра распространилось по Земле.

До крайнего предела идеи диффузионизма были доведены в работах целого ряда ученых, получивших наименования гипердиффузионистов (Г. Эллиот-Смит, У.Д. Перри, Г. Винклер, Ф. Делич и др.). С их точки зрения высокая культура, или цивилизация, зародилась лишь один раз в истории человечества, а затем распространилась по всей земле.

Хотя возникновение диффузионизма вообще, гипердифузионизма в частности относится к концу XIX — началу XX в., но у этого течения были предшественники еще в XVII—XVIII вв. Томас Гоббс (1588—1679) в работе «Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (1661) говорил о распространении культуры из Греции, другой английский мыслитель Уильям Темпл (1628—1699) в работе «Очерк древнего и современного образования» (1692) отстаивал мысль, что вся высокая культура распространилась по земле из Индии. Исаак Ньютон (1642—1727) в книге «Исправленная хронология древних царств» (1728) утверждал, что все великие культуры мира имеют своим общим истоком Египет. С ним в этом отношении солидари-

[64] Frobenius L. Der Ursprung der afrikanischen Kulturen. Berlin, 1898. S. X.
[65] Ibid. S. XII, XIII.

зировался крупный представитель шотландского Просвещения Джеймс Бернетт, лорд Монбоддо (1714—1799) в работе «Древняя метафизика» (Т. 1—6. 1779—1799).

Зародившись в конце XIX в., лоне этнографии диффузионизм проник в археологию, в которой он сосуществовал с миграционизмом.

1.6.4. Культурный релятивизм

Перемещение внимания с понятия общества на понятия культуры, причем культуры локальной, и отказ от эволюционизма создали условия для возникновения концепции *культурного релятивизма*.

Когда в центре внимания находятся общества, бросаются в глаза их различия по уровню развития. Например, земледельческие общества по целому ряду признаков явно выше обществ охотников и собирателей. Сложнее обстоит дело, когда рассматривается не общество в целом, а лишь культура. К такой ее сфере, как, например, художественное творчество, понятие прогресса применить не просто.

Обращаясь к культуре, многие этнологи прежде всего имели в виду систему норм и ценностей, существующих в том или ином отдельном обществе. В процессе исследования нередко выяснялось, что люди, принадлежащие к разным общества, могут совершенно по-разному оценивать те или иные человеческие действия. То, что в одних обществах рассматривалось как добро, в других обществах могло осуждаться как зло и т.п. Особенно резкими были различия между нормами и ценностями первобытных обществ, с одной стороны, и западноевропейских обществ нового и новейшего времени, с другой.

И когда перед этнологами вставал вопрос, какая из таких оценок верна, они оказывались в крайне затруднительном положении. Все они, по крайне мере на первых стадиях развития этнографической науки, были представителями европейских обществ. И крайне соблазнительным для них было принять за образец западноевропейские нормы и ценности. Самые ранние наблюдатели так нередко и делали. Они иногда прямо писали о крайней безнравственности дикарей, их аморализме и т.п. Но более поздние исследователи стали понимать, что такой подход крайне субъективен, что он есть не что иное, как проявление *этноцентризма*.

И как противоположность этноцентризму возник взгляд, согласно которому нормы и ценности одного общества нельзя рассматривать с позиций норм и ценностей другого, каким бы оно ни было. Набор норм и ценностей того или иного общества можно рассматривать только с позиций членов этого общества. Поступки людей первобытного общества, которые в западноевропейском обществе были бы расценены как безнравственные, вполне моральны, если они соответствуют нормам, существующим в их обществе. И там, и там существует мораль, но только разная. В таком подходе, несомненно, есть значительная доля истины, но отнюдь не вся истина. Доведенный до предела, он лег в основу концепции морального релятивизма, а далее и концепции культурного релятивизма.

Начало концепции культурного релятивизма было положено крупным американским этнологом Францем Боасом (1858—1942). Дальнейшее развитие она получила в трудах целого ряда ученых, прежде всего в книге Мелвилла Джина Херсковица (1895—1963) «Культурная антропология» (1948; 1955). Согласно этой концепции все культуры равноценны. Ни одна из них не может рассматриваться по отношению к другим ни как высшая, ни как низшая. С такой точки зрения, английская культура

XX в. ничем не превосходит культуру аборигенов Австралии. Ни одна из них не является ни более развитой, ни менее развитой. Они просто разные.

По существу, та же самая точка давно уже отстаивается сторонниками различных версий «цивилизационного подхода». Как утверждают они, все цивилизации являются эквивалентными, равноценными. Ни одну из них нельзя рассматривать как более высокую, чем какую-либо другую. Западноевропейская цивилизация XX в. нисколько не более прогрессивна, чем, например, шумерская III тыс. до н.э. или древнекитайская.

Замыслы создателей концепции культурного релятивизма были весьма благородными. Культурные релятивисты стремились доказать, что люди, которых колонизаторы называли дикарями, по уровню культурного развития стоят ничуть не ниже европейцев. Весь пафос этой концепции был направлен против расизма и колониализма. Но признание благородства данных идей, увы, не исключает оценки их как ошибочных.

Развитие культуры, несмотря на определенную степень самостоятельности, разную для различных культурных явлений, все же представляет собой неотъемлемую часть эволюции общества. Развитие же общества в общем и целом идет по восходящей линии. Существуют менее высокие и более высокие типы общества. Разные социоисторические организмы находятся на разных ступенях общественного развития. Соответственно прогресс имеет место и в культуре. Разные локальные культуры могут соотносится и реально соотносятся как низшие и высшие.

В представлениях если не всех, то многих культурных релятивистов человечество предстает как огромное множество совершенно равноценных уникальных замкнутых культурных миров. Для обозначения отношения между этими мирами все чаще используется слово «диалог». Согласно взглядам приверженцев такой точки зрения между разными культурными мирами происходят место диалоги. На самом деле слово «диалог» в данном контексте есть не более как пустышка. Употребляя его, хотят подчеркнуть равенство всех культур, которого в действительности нет.

Между обществами и системами обществ имеет место не «диалог», а, когда они вступают в контакт, взаимодействие, в ходе которого происходят и культурное влияние. Если общества находятся примерно на одном уровне развития, то чаще всего их культуры взаимно влияют друг на друга; если одно из них выше другого, то имеет место преимущественное влияние культуры первого на культуру второго; а если разрыв между уровнями их развития чрезмерно велик, то нередко происходит почти полное замещение культуры менее развитого общества культурой более развитого — *аккультурация*.

У некоторых культурных релятивистов даже этнографическое исследование выступает как момент «диалога» двух уникальных равноценных культурных миров. С такой точки зрения наука есть не что иное, как одна из специфических особенностей западной культуры, которое не дает ей никаких преимуществ при соприкосновении с другой культурой. Изучение ученым какого-либо другой культуры, отличной от его собственной, есть просто вид знакомства представителей одного культурного мира с представителями другого культурного мира, который не хуже, но и не лучше других форм ознакомления. И главное, что при этом нужно сделать, — это взглянуть на изучаемое общество с позиций его членов, поставить себя на их место, перевести туземные понятия на язык, употребляемый исследователем.

Не все этнологи стали культурными релятивистами. Но на определенный компромисс со сторонниками культурного релятивизма многие из них пошли. Результа-

том было использование для обозначения взгляда на изучаемое общество «изнутри» и взгляда на него «извне» понятия «эмного» (emic) и «этного» (etic) подходов. Эти понятия были введены применительно, прежде всего к языку лингвистом, этнографом и миссионером Кеннетом Ли Пайком (1920—2000) в работах «Этное и эмное как точки зрения для описания поведения» (1954) и «Язык в его отношении к единой теории структуры человеческого поведения» (1954).

Если для части этнологов «эмный» и «этный» подходы выступали как взаимодополняющие, причем второй как более объективный, то для самых ревностных культурных релятивистов, прежде всего тех из них, что перешли на позиции постмодернизма, «эмный» подход выступил на первый план или даже стал единственно важным и нужным. Все это прекрасно согласовывалось с отрицанием всеми постмодернистами, а не только этнологами-постмодернистами, объективности научного знания. По существу, постмодернисты вообще, сторонники постмодернизма в этнологии в том числе, встали на путь отрицания значения научного знания.

В действительности наука, хотя она и возникла на Западе, не представляет собой специфически западного явления. Она лишена этнической, культурной, или, как любят сейчас говорить, цивилизационной, специфики. Она — явление общечеловеческое. Нет и не может быть британской, германской или китайской физики. Существуют физика элементарных частиц, статистическая физика, квантовая физика и т.п., которые для всех людей, независимо от их культурной, этнической и классовой принадлежности, одни и те же. Как известно, предпринимались попытки создать «арийскую» физику, «марксистско-ленинскую» теорию наследственности, качественно отличную от растленной буржуазной генетики, но результаты были самыми печальными.

Конечно, в области общественных наук все обстоит сложнее. На ученого оказывает влияние, причем иногда весьма значительное, его общественное положение. Если говорить об этнографах, то когда они предпринимают изучение тех или иных чужих обществ, на них не могут не сказываться культурные установки собственного общества. Но настоящий ученый, преодолевая эти препятствия, должен стремиться нарисовать по возможности все более и более объективную картину исследуемой им действительности. И это вполне возможно, даже когда он изучает культуру.

Ведь культур самих по себе нет, существуют общества, обладающие культурами. Каждое общество представляет собой социальную реальность, включающую в себя социальную материю. Каждое из них имеет экономику, организацию власти, определенные нормы, регулирующие отношения между людьми, определенную духовную жизнь. И все это столь же доступно научному познанию, как и природные объекты. Научная картина любого общества, не исключая самого первобытного, должна быть выражена не в понятиях туземцев, а в категориях, выработанных наукой.

Вполне понятно, что это не только не исключает, но, наоборот, предполагает приобретение знания и о том, как сами туземцы понимают своей собственное общество. Но взгляд на данное общество «изнутри» есть не какой-то особый метод его познания, существующий наряду со взглядом на него «извне», а объект научного исследования. Представления туземцев о собственном обществе в значительной степени носят не адекватный, а иллюзорный характер. Кстати сказать, и взгляд на общество «извне» вовсе не обязательно должен быть научным. У любого человека, соприкоснувшегося с чужим общество, возникает определенное представление о нем. Но оно может быть весьма далеким от науки. Поэтому противопоставление «эмного» и «этного» как двух подхо-

дов к изучению того или иного общества, лишено смысла. Можно лишь различать, каково то или иное общество в действительности, и что его члены думают о нем и о себе.

Культурные релятивисты правы, когда они отказываются обсуждать вопрос, в каких обществах представления о добре и зле, о моральном и аморальном правильны, а в каких — неправильны. Но это отнюдь не значит, что все системы норм и ценностей совершенно равноценны. Просто нужно рассматривать эти системы не сами по себе взятые, а в связи с обществами, в которых они существуют и действуют, а эти общества могут находиться на разных ступенях развития.

С точки зрения культурных релятивистов нет и не может быть никакой общечеловеческой морали. Моральных систем столько, сколько культур. Последнее время релятивистский взгляд на мораль получил у нас довольно широкое распространение. Но одновременно еще более модным стало у нас говорить об общечеловеческих ценностях, об общечеловеческой морали. Подобного рода взгляд нашел свое предельно четкое выражение в одном из высказываний академика Дмитрия Сергеевича Лихачева (1906—1999). «Но одно следует подчеркнуть, — писал он в одной из своих статей, — нравственность едина для всего человечества. Она не может различаться по классам, сословиям, нациям. То, что нравственно для одного народа, нравственно и для другого. Когда говорят — «это мораль коммунальной кухни», «мораль капиталистов», «мораль пещерного человека», то только иронизируют».[66]

Такой взгляд находится в полном противоречии с данными как этнографии, на которые опирались культурные релятивисты, так и историологии. Чтобы понять его несостоятельность, совсем не обязательно быть ученым. Как писал великий английский поэт Джозеф Редьярд Киплинг (1865—1936):

Мир велик! И в синей раме замкнут он семью морями,
И на свете разных множество племен,
То, что в Дели неприлично, то в Рейкъявике обычно,
Из Гаваны не получится Сайгон!.[67]

Факты неопровержимо свидетельствуют: человеческая мораль всегда носила исторический характер. В зависимости от изменения самого общества менялись нормы морали, представления о добре и зле. Но исторический подход к морали далеко не равнозначен моральному релятивизму. Развитие морали носило кумулятивный характер. В исторически преходящей форме шло накопление того, что имеет непреходящий характер. В этом смысле можно говорить о формировании общечеловеческой морали, которое, однако, еще далеко от завершения.

1.7. ПЕРЕХОД К КЛАССОВОМУ ОБЩЕСТВУ, ПРЕВРАЩЕНИЕ ДЕМОСОЦИАЛЬНЫХ ОРГАНИЗМОВ В ГЕОСОЦИАЛЬНЫЕ, ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЭТНОСОВ И РАЗДВОЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

1.7.1. Превращение демосоциальных организмов в геосоциальные и возникновение этнических общностей

На ранних этапах истории человечества в состав социально-исторического организма входили люди, как правило, имевшие одну культуру и говорившие на одном

[66] Лихачев Д. Духовное одичание грозит нашей стране из ближайшего будущего // Известия. 30.05.1991

[67] Киплинг Р. (в переводе В. Бетаки). В эпоху неолита .. // Р Киплинг. Стихи Париж, 1986 С. 19.

языке. В период перехода от первобытного общества к классовому, когда начались не только грабительские и завоевательно-переселенческие, но и завоевательно-покорительные войны, стали возникать крупные социоисторические организмы, в состав которых могли быть инкорпорированы демосоциоры, состоящие из людей, отличавшихся по языку и культуре от завоевателей.

Одновременно в этот же период началось превращение демосоциальных организмов в геосоциальные, причем возрастание размеров социально-исторических организмов в огромной степени способствовало этому процессу. Крупный социоисторический организм с неизбежностью прирастал к территории и приобретал территориальную структуру, хотя остатки демосоциальных структур могли еще долгое время в нем сохраняться. А еще дольше продолжали жить представления, уходившие корнями к этой эпохе. Ведь еще в средние века французские монархи именовались королями не Франции, а всех французов, а английские — королями всех англичан. Сравнительно небольшие социоисторические организмы эпохи предклассового общества имели и демосоциальную, и территориальную структуры, были одновременно и демосоциорами, и геосоциорами.

В целом развитие шло по линии трансформации демосоциальных организмов в геосоциальные, т.е. в страны, а тем самым и выделения населения страны как особого явления, отличного от самой страны. И если население страны было неоднородным в языковом и культурном отношении, то совокупности людей, говорящих на одном языке и имеющих одну культуру, стали все в большей степени выступать как особого рода общности, отличные от данной социорной и вообще от социорных общностей. С возникновением особого самосознания эти общности превращались в этнические. Там же, где население страны было однородным в культурно-языковом отношении, там особое этническое самосознание долгое время не могло оформиться. Оно было неотделимо от сознания социорной общности.

1.7.2. Раздвоение культуры с переходом от первобытного общества к классовому

На протяжении почти всей истории первобытности существовала одна, единая культура всего общества в целом. На последнем этапе его бытия, когда стали зарождаться классовые отношения, внутри единой культуры начал формироваться две субкультуры: субкультура верхов общества и субкультура его низов. С возникновением классового, или цивилизованного, общества культура окончательно раздвоилась.[68]

Как известно, признаками перехода к цивилизации считаются: в области материальной культуры — появление монументальных каменных или кирпичных строений (дворцов, храмов и т.п.), в области духовной культуры — возникновение письменности. И монументальное зодчество, и письменность представляют собой яркое проявление культуры верхов, или элитарной культуры.

Элитарная культура есть новообразование, хотя, конечно, и связанное генетически с культурой первобытности. Что же касается культуры низов, простонародной, то она представляет собой прямое продолжение единой культуры первобытности. Она возникла в результате трансформации этой культуры и обладает многими чертами,

[68] Одна из немногих попыток проследить процесс раздвоения ранее единой культуры первобытного общества предпринята в работе. Шнирельман В А. Классообразование и дифференциация культуры // Этнографические исследования развития культуры. М , 1985.

роднящими ее с последней. В частности, простонародная культура, как и первобытная, является бесписьменной и анонимной.

Элитарная культура была порождением возникших с переходом к цивилизации относительно крупных классовых социоисторических организмов. Эти социоисторические организмы были творцами и носителями данной культуры. В этом смысле элитарная культура была культурой общества в целом, несмотря на то что она длительное время являлась достоянием лишь верхних его слоев.

Но внутри большинства ранних (и не только ранних) классовых социоров существовали крестьянские общины, которые возникли в результате трансформации пракрестьянских общин предклассового общества. И эти крестьянские общины не были простыми подразделениями классовых социоисторических организмов. В основе крестьянских общин лежали иные экономические отношения, чем те, что образовывали базис классового социоисторического организма, в состав которого они входили. Поэтому крестьянские общины обладали некоторыми особенностями социоисторических организмов, выступали в ряде отношений как социоры. Они были субсоциорами.

И будучи таковыми, они являлись создателями и носителями качественно отличной от элитарной культуры общества в целом простонародной культуры. Простонародная культура была прежде всего культурой крестьянской, культурой крестьянских общин. Именно эта простонародная, крестьянская культура и была культурой возникших с переходом к цивилизации этнических общностей. Только ее и изучает этнография. Элитарная культуры находится вне предметной области данной науки.

1.7.3. Коренное различие смыслов слова «народ» в применении к первобытному и классовому обществам

Подводя итоги, можно сказать, что в применении к первобытности народом называют не этническую общность, которой как особого явления в ту эпоху не существовало, а либо многообщинный демосоциальный организм, либо любую совокупность родственных по культуре и языку демосоциальных организмов, причем совершенно независимо от того, представляет она собой ассоциацию или какую-либо другую органическую общность или не представляет.

Поэтому применительно к первобытному обществу вполне правомерно говорить о социально-экономическим строе тех или иных народов: ирокезов, квакиютлей, зулусов, бушменов, андаманцев, ифугао, ненцев, якутов и т.п. Но по отношению к классовому обществу так делать нельзя. В применении к нему слово «народ» означает не социоисторический организм или группу сходных социоисторических организмов, а ту или иную группировку населения общества.

Не может быть и речи об общественном строе англичан, немцев, чехов, итальянцев и т.п. Можно говорить лишь об общественном строе Великобритании, Германии (теперь, когда существует одна Германия, а ведь совсем недавно их было две, причем с разными общественными порядками), Чехии, Италии и других социально-исторических организмов. Нельзя говорить об общественном строе жителей той или иной страны, можно говорить лишь об общественном строе страны, в которой они живут.

Исключение из этого правила возможно лишь тогда, когда в пределах того или иного геосоциального организма сохраняются демосоциальные организмы. До 1917 г.

многие малые народы Севера и Дальнего Востока России представляли собой либо демосоциальные организмы, либо группы родственных демосоциальных организмов.[69]

Как следует из всего сказанного выше, слово «народ» имеет совершенно разный смысл в применении к разным эпохам мировой истории. Одно дело — эпоха, когда существовали демосоциальные организмы, совсем другое — период бытия геосоциальных организмов.

Историческая наука, как нередко говорят, исследует историю народов и стран. Первая часть этого положения верна по отношению к первобытности, вторая — по отношению к эпохе классового общества, эпохе цивилизации. Но говорим ли мы об изучении истории народов, применительно к первобытности, или об изучении истории стран, применительно к более позднему периоду, мы всегда имеем в виду одно и то же: социоисторические организмы и их совокупности, но только в первом случае демосоциальные организмы, а во втором — геосоциальные.

1.8. ОБЩЕСТВО, ЭТНОС, НАЦИЯ

1.8.1. Проблема отношения этноса и нации

Именно социоисторические организмы и их системы являются основными объектами исторического исследования. Понятие «социоисторический организм» — важнейшая категория исторической и вообще общественных наук. В частности, оно и только оно может открыть путь к проникновению в сущность такого важного общественного явления, как нация.

Нередко между понятием «нация» и понятиями «народ», «этнос» ставят знак равенства. В самом деле, французы есть народ, этнос, и они же являются нацией. Отсюда естественно напрашивается вывод: этническая общность (народ) и нация суть одно и то же. В нашей литературе к этому обычно добавляли, что нация есть не просто этнос, а высшая его форма, пришедшая на смену народности.

В действительности же этнос и нация — явления, относящиеся к разным социальным сферам. Сущность этнической общности наиболее ярко проявляется в этнических процессах: этнической ассимиляции (втягивания, растворения), этническом слиянии (консолидации), этническом включении (инкорпорации) и этническом расщеплении (дивергенции). Они происходят стихийно и во многом независимо от сознания и воли людей.

Сущность же нации наиболее отчетливо выражается в национальных движениях, которые представляют собой деятельность масс людей, направленную к достижению определенных целей, причем чаще всего политических. Каждое такое движение имеет определенную программу. Национальные движения, в отличие от этнических процессов, относятся к сфере политики. Они представляют собой один из видов политических движений. Нация в этих движениях выступает как определенная общественная, прежде всего политическая, сила, с которой надо считаться.

[69] См.: Семенов Ю.И. Поздние первобытные и предклассовые общества Севера Европейской России, Сибири и Русской Америки в составе Российской империи // Национальная политика в императорской России. Поздние первобытные и предклассовые общества Севера Европейской России, Сибири и Русской Америки. М., 1998.

1.8.2. Возникновение наций в Западной Европе

Этнические общности как более или менее самостоятельные образования начали возникать с переходом от первобытного общества к классовому. Формирование наций связано с возникновением вначале предпосылок капитализма, а затем и самого капитализма. Капитализм спонтанно зародился только в одной области земного шара — в Западной Европе. Именно она и дает нам классические примеры зарождения и развития наций.

В эпоху, предшествующую тем сдвигам, которые привели к капитализму, на каждой из территорий, на которых в дальнейшем сложились капиталистические геосоциальные организмы, основная масса населения принадлежала к одной этнической общности или нескольким родственным этническим общностям, которые в нашей исторической и этнологической литературе чаще всего именуются народностями. В свою очередь эти этносы делились на субэтносы, а последние нередко на субсубэтносы или этнографические группы. Подобного рода этническая картина имела свои корни в структуре общества, для которого была характерна хозяйственная и политическая раздробленность, именуемая обычно феодальной.

Перелом в развитии феодального общества произошел с появлением городов как центров промышленности и торговли. Развитие товарно-денежных отношений постепенно вело к консолидации ранее обособленных областей в единое хозяйственное целое, что необходимо предполагало политическую централизацию. Единый в экономическом отношении социально-исторический организм формировался одновременно и как единое централизованное государство.

Зарождение капиталистических связей, превращение охватывающего всю страну рынка в капиталистический обусловило дальнейшее возрастание экономического и политического единства социоисторического организма. Вместе с появлением такого единого в экономическом отношении социоисторического организма возникли и его объективные интересы, которые не могли не быть интересами основной массы людей, входивших в его состав.

В результате этого единый социоисторический организм, который одновременно был и централизованным государством, выступил в глазах его членов как их общее отечество, а они, все вместе взятые, стали общественной силой, отстаивавшей интересы этого отечества, т.е. нацией. *Нация есть совокупность людей, имеющих одно общее отечество.*

1.8.3. Нация и социально-исторический организм

Отечеством в том смысле, который это слово приобрело с переходом от средних веков к новому времени, является (речь, разумеется, идет об идеальном случае, норме, а не всегда возможных и даже неизбежных отклонениях от нее) более или менее крупный социоисторический организм, имеющий своим фундаментом первоначально просто рыночные, а затем рыночно-капиталистические связи. В идеальном случае принадлежность к нации совпадает с принадлежностью к такому социоисторическому организму. Именно это и дало основание отождествить нацию с социально-историческим организмом. В результате нации стали приписываться такие признаки («общность территории», «общность экономической жизни»), которые в действительности характеризуют капиталистический геосоциальный организм.

Отождествлению нации и геосоциального организма способствовало то обстоятельство, что когда возник капиталистический геосоциор, возникла потребность в обозначении его объективных интересов. Проще всего, конечно, было бы назвать их государственными, но этому препятствовала многозначность термина «государство». Под интересами государства можно было понимать интересы не только социально-исторического организма, но и государственного аппарата, прежде всего правящей верхушки, которые могли и не совпадать с социорными. В этом отношении термин «национальные интересы» был более предпочтительным. Интересы нации полностью совпадали с интересами социоисторического организма.

С этим и связано широкое использование в литературе слова «нация» для обозначения социоисторического организма. Это наблюдается уже в XVIII в. Название вышедшего в 1776 г. основного труда великого экономиста Адама Смита обычно переводится на русский язык как «Исследование о причинах и природе богатства народов», что неверно, ибо в оригинале используется слово не «народы» (peoples), а «нации» (nations). А под нациями А. Смит понимал вовсе не нации, а социоисторические организмы, основанные на рыночных связях.

Но еще до А. Смита слово «нация» использовали для обозначения социальноисторических организмов, причем любых типов, такие выдающиеся мыслители, как Дж. Вико в своем труде «Основания новой науки об общей природе наций» (1725) и А. Фергюсон в «Опыте истории гражданского общества» (1767). Эта традиция сохранилась до сих пор. Достаточно вспомнить такие названия, как «Лига наций» и «Организация Объединенных Наций».

Таким образом, слово «нация» тоже многозначно. Нацией очень часто называют не только собственно нацию, но социоисторический организм. И во всех случаях, когда нации рассматриваются как субъекты истории, под нациями понимаются не собственно нации, а социоисторические организмы. Кроме того, это слово в англоязычной литературе нередко употребляется в тех же смыслах, что и слово «народ», исключая лишь одно его значение: оно никогда не используется для обозначения социальных низов.

Однако как бы ни были тесно связаны между собой нация и геосоциальный организм, они не совпадают друг с другом даже в том идеальном случае, когда все люди, входящие в данный геосоциор, образуют одну нацию, как никогда не совпадают и не могут совпасть страна и ее население. Капиталистический геосоциальный организм есть фундамент, на котором в норме возникает и существует нация, но не сама нация. Французская нация, например, никогда бы не появилась без образования французского социально-исторического организма, т.е. без появления самой Франции, однако понятия «Франция» и «французская нация» далеко не совпадают.

1.8.4. Нация как политическая сила

Возникновение нации нельзя рассматривать как автоматическое следствие формирования единого геосоциального организма. Для ее образования необходимо, чтобы люди не просто входили в состав одного единого социально-исторического организма, не просто составляли его население, но признавали бы его своим отечеством, а себя рассматривали как соотечественников.

А это невозможно без того, чтобы основная масса населения этого социоисторического организма не осознала бы его объективные интересы, причем осознала бы их как свои собственные интересы. А такое осознание могло родиться лишь в ходе борьбы за

удовлетворение насущных потребностей функционирования и развития этого социо-исторического организма. Лишь в процессе такой борьбы могла вызреть идея национального единства, без которой нация не смогла бы оформиться.

Начавшемуся после возникновения городов складыванию широкой экономической общности мешала феодальная политическая раздробленность. Поэтому объективной необходимостью стала ее ликвидация, создание единого централизованного государства. В классовом обществе объективные интересы общественного развития всегда выступают как интересы определенных классов, слоев, группировок. За ликвидацию феодальной раздробленности выступали горожане и крестьяне, страдавшие от феодальных междоусобиц, а также некоторые слои класса феодалов. Опираясь на эти силы, королевская власть повела борьбу за создание централизованного государства. Там, где она успешно осуществляла свою задачу, объединительное, ранненациональное движение масс не получило самостоятельного значения. Слои населения, заинтересованные в объединении страны в политическое целое, выступали не столько как самостоятельная политическая сила, сколько просто как опора королевской власти.

Лишь в критические периоды истории таких стран объединительное, ранненациональное движение масс могло в какой то степени приобрести самостоятельный характер. Примером могут послужить, например, события во время Столетней войны во Франции, связанные с именем Жанны д'Арк. Они свидетельствовали о начале формирования особой политической силы, которая в дальнейшем получила название нации.

В тех регионах, где назревшие объективные экономические потребности в политическом объединении не могли быть удовлетворены на протяжении длительного времени, мы наблюдаем подъем широкого самостоятельного, объединительного, раннационального движения, которое, втягивая массы крестьянства, приобретало и характер антифеодального. Таковы Реформация и Крестьянская война в Германии. И хотя желаемый результат не был достигнут, эти движения возвестили о начале формирования немецкой нации.

Начавшееся еще в ходе борьбы за создание единого централизованного государства формирование нации могло окончательно завершиться лишь с утверждением капиталистических отношений. На определенном этапе развития единого геосоциального организма объективной потребностью стало его полное преобразование из феодального в капиталистический.

Но были общественные силы, которые стояли на страже отживающего общественного порядка. Именно поэтому настоятельно нужным стало, чтобы все слои населения, интересы которых совпадали с интересами развития общества, осознали последние как свои собственные и поднялись во имя их на борьбу. В результате интересы геосоциального организма были на деле осознаны как интересы отечества, а задача окончательной ликвидации феодальных порядков предстала как такая, которую должна решить нация. Таким образом, общественная сила, выступавшая против феодализма, осознала себя силой патриотической, национальной, т.е. нацией.

Антифеодальное политические движение выступило как национальное, чему, например, в ходе Великой Французской революции способствовали попытки иностранных держав путем интервенции восстановить старый строй. «Отечество в опасности!» — эти слова поднимали людей на борьбу. Понятия «революционер» и «патриот» в то время совпадали.

Но национальная идея доминировала в ходе этой революции с самого начала. Достаточно вспомнить такие названия, как «Национальное собрание», «национальная

гвардия». В ходе буржуазной революции окончательно утвердилась идея отечества, оформилось национальное самосознание и тем самым завершился процесс формирования нации.

1.8.5. Нация и этнос

Консолидация ранее экономически обособленных областей в единую хозяйственную общность была результатом втягивания их в общий торговый оборот, возникновения единого рынка в масштабах страны. Важнейшим средством общения является язык. Поэтому экономические связи легче всего завязывались между областями, население которых говорило на одном языке или на близкородственных языках, т.е. принадлежало к одной этнической общности или же родственным этносам.

В свою очередь установление прочных экономических связей между областями способствовало слиянию родственных этнических общностей в одну, а также стиранию граней между субэтносами и этнографическими группами, на которые они ранее распадались. В идеале все население такого единого геосоциального организма должно было бы образовать одну этническую общность. Оно же в идеале должно было составлять и одну нацию. Таким образом, те же самые объективные процессы, которые привели к образованию нации, имели своим результатом метаморфозу этноса. Сказалось на этносе и само по себе появление нации.

Этнос есть явление историческое. Возникнув, он не остается неизменным. Можно выделить три стадии его развития. На первой стадии этнос состоит из большего или меньшего числа субэтносов, и каждый из членов этноса обязательно входит в один из субэтносов. Субэтническое самосознания на этой стадии нередко доминирует над этническим. Человек прежде всего осознает себя членом субэтноса и лишь затем этноса. Язык этноса на этой стадии существует как совокупность множества диалектов. Нередко в качестве общего письменного языка выступает чужой язык (латынь в Западной Европе, старославянский в Древней Руси). Такую этническую общность можно было бы назвать *ранним этносом*.

Для *позднего этноса* в отличие от раннего этноса характерно доминирование сознания принадлежности к этносу, этнического самосознания. Субэтническое самосознание если и сохраняется, то отходит на второй план. Однако чаще всего субэтносы превращаются в этнографические группы. Определенная часть людей начинает входить в этнос, минуя субэтносы и этнографические группы. Возникает общий литературный язык этноса, близкий к разговорному. В основу литературного языка обычно кладется один из диалектов языка этноса. Нередко превращение раннего этноса в поздний связано с вызреванием предпосылок капитализма, но это вовсе не обязательно.

Зарождение и развитие капитализма имеет одним из своих следствий превращение позднего этноса в *позднейший этнос*. Выше уже говорилось о завязывании прочных экономических связей и возникновении рынка в масштабе всей страны. Это ведет к резкому возрастанию подвижности населения и его интенсивному перемешиванию. Повсеместно распространяется грамотность. В результате распада крестьянских общин постепенно исчезает простонародная, прежде всего крестьянская культура, которая выступала в качестве культуры этноса. Ее замещают элитарная и городская культуры, которые, слившись воедино, постепенно проникают в самые широкое слои населения и становятся общесоциорной национальной культурой. В итоге постепенно ис-

чезают субэтносы и этнографические группы. Поначалу бóльшая часть людей, а затем и все они прямо входят в этнос.

Оформляется такой общий литературный язык, который одновременно функционирует и в качестве общего разговорного. Язык позднейшего этноса существует не в диалектах, не как совокупность диалектов, а как бы рядом с ними, постепенно поглощая и вытесняя их. Этому в огромной степени способствует возникновение и развитие средств массовой информации (газеты, радио, телевидение). Идеальным позднейшим этносом является такой, в котором совсем нет не только субэтносов, но даже и этнографических групп, и не существует никаких диалектных различий.

Как уже отмечалось выше, в идеальном случае население страны должно одновременно составлять и одну нацию и один этнос. В подобном случае этническое самосознание должно слиться с национальным, культура этнической общности полностью замениться национальной культурой, а язык этноса стать национальным языком. Именно это и дало основание для того, чтобы приписать нации такие признаки («общность языка», «общность культуры»), которые в действительности характеризуют этнос.

Вообще нельзя не заметить, что в знаменитом сталинском четырехэлементном определении нации, которое и сейчас не утратило полностью своего влияния на умы людей, занимающихся национальными проблемами, из четырех приписываемых нации признаков два («общность языка» и «общность культуры») относятся к этносу, два («общность территории» и «общность экономической жизни») — к геосоциальному организму и *нет ни одного*, который относился бы к собственно нации. Иначе говоря, ни сам И.В. Сталин, ни его последователи, а ими были чуть ли не все советские ученые, которые писали по этому вопросу, по существу, не понимали природы нации.

Но даже при самом тесном сближении нации и этноса полного тождества между ними не возникает. В предельном случае национальная общность, включая в себя в качестве компонента этническую общность, никогда к ней не сводится. Но, конечно, наиболее наглядно отличие национальной общности от этнической проявляется тогда, когда в состав нации входят люди, принадлежащие к разным этническим общностям.

1.8.6. Полиэтничные нации

Рассматривая процесс формирования нации, я исходил из допущения большей или меньшей этнической однородности состава населения единого геосоциального организма, который одновременно являлся и единым государством. В действительности же границы централизованного государства редко совпадали с этническими даже в Западной Европе.

Например, к 80-м годам XVIII в. ряд областей с населением, говорившим по-французски, остался вне границ Французского королевства (Валлония, Французская Швейцария). Но зато в пределах Франции оказались районы, население которых и по языку, и по культуре значительно отличалось от французов (кельты Бретани, баски припиренейской Франции, итальяноязычные жители Корсики, немцы Эльзаса и Лотарингии).

Все эти группы и до сих пор полностью не ассимилировались и не стали частями французской этнической общности. Но это ничуть не помешало ни бретонцам, ни баскам, ни корсиканцам, ни эльзас-лотарингцам войти в состав французской нации. В огне битв Великой революции Франция стала для них отечеством, а сами они из ее

подданных превратились в ее патриотов. Почему и как это произошло, прекрасно показал Фридрих Энгельс (1820—1895) на примере Эльзаса и Лотарингии, население которых до революции бесспорно принадлежало к немецкому этносу.

«Но вот, — писал он, — разразилась французская революция. То, что Эльзас и Лотарингия не смели и надеяться получить от Германии, было им подарено Францией... Крепостной, обязанный барщиной крестьянин стал свободным человеком, во многих случаях свободным собственником своей усадьбы и поля... Нигде во Франции народ не присоединился к революции с бóльшим энтузиазмом, чем в провинциях с говорящим по-немецки населением. Когда же Германская империя объявила войну революции, когда обнаружилось, что немцы не только продолжают покорно влачить собственные цепи, но дают еще себя использовать для того, чтобы снова навязать французам старое рабство, а эльзасским крестьянам — только что прогнанных господ феодалов, тогда было покончено с принадлежностью эльзасцев и лотарингцев к немецкой нации, тогда они научились ненавидеть и презирать немцев, тогда в Страсбурге была сочинена, положена на музыку и впервые пропета эльзасцами «Марсельеза», и тогда немецкие французы, невзирая на язык и прошлое, на полях сотен сражений в борьбе за революцию слились в единый народ с исконными французами».[70]

Ныне собственно французов, бретонцев, корсиканцев, эльзас-лотарингцев объединяет принадлежность к одному геосоциальному организму, который все они в одинаковой степени считают своим отечеством. В результате все они, независимо от сохраняющихся между ними этнических различий, составляют одну нацию — французскую и в этом смысле в одинаковой степени являются французами.

Еще более наглядно качественное отличие национальной общности от этнической выступает на примере Швейцарии. Население этой страны состоит из нескольких групп, одна из них говорит на немецком языке, другая — на французском, третья — на итальянском, четвертая — на ретороманском. Но ни германо-швейцарцы, ни франко-швейцарцы, ни итало-швейцарцы, ни ретороманцы (романши и ладины), являясь этническими общностями, не представляют собой особых наций.

Франко-швейцарцы, например, считают своим отечеством не область, населенную ими, а всю Швейцарию в целом. Это в равной степени относится и к представителям остальных групп. Всех швейцарцев объединяет принадлежность к одному геосоциальному организму, который все они в равной степени считают своим отечеством. Поэтому все они образуют одну единую нацию — швейцарскую.

Таким образом, разнородность этнического состава населения единого социально-исторического организма, сама по себе взятая, не может привести к образованию в его пределах нескольких наций. Но она создает возможность такого развития. Чтобы эта возможность превратилась в действительность, нужно действие иных факторов, не этнических, а экономических и политических.

1.8.7. Нация и национальное движение

Важнейшим из экономических и политических факторов, способствовавших возникновению внутри полиэтничного социоисторического организма нескольких наций, является дискриминация по признаку этнической принадлежности: наличие определенных прав и привилегий у людей, входящих в одну этническую общность, и отсутст-

[70] Энгельс Ф. Роль насилия в истории // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч Изд. 2-е. Т. 21. С. 460-461.

вие таковых у членов другого или других этносов, обращение с представителями той или иной этнической общности как с существами низшими, преследование их языка и культуры, навязывания им языка и культуры господствующего этноса. К этому следует добавить отношение к области, компактно населенной тем или иным этносом, как к колонии, т.е. выкачивание из нее средств, которые используются в интересах территории, населенной представителями господствующей этнической общности, торможение ее промышленного развития, превращение ее в сырьевой придаток и т.п. Все это вместе взятое принято называть *национальным*, или *колониальным,* гнетом.

Национальный гнет с неизбежностью порождает у представителей дискриминируемой этнической общности общие интересы, отличные от интересов социоисторического организма, и вынуждает их объединяться для борьбы за свои права. В результате дискриминируемый этнос становится политической силой, преследующей свои собственные цели. Происходит то, что крупнейший отечественный специалист по национальному вопросу Михаил Николаевич Губогло назвал *этнической мобилизацией.*

Если члены дискриминируемого этноса рассеяны среди людей, принадлежащих к другим этническим общностям, то их цели обычно не идут дальше уравнения в правах с людьми, принадлежащими к господствующему этносу. Иначе обстоит тогда, когда дискриминируемая общность сравнительно велика и члены ее более или менее компактно населяют определенную территорию.

Дискриминация, препятствующая представителям угнетенной этнической общности признать весь геосоциальный организм, в котором он живут, своим отечеством, одновременно побуждает их осознать как свое отечество только ту его область, которую они компактно населяют. В результате дискриминируемый этнос становится особой нацией, противопоставляющей себя всему остальному населению геосоциального организма.

Всех его членов теперь объединяет и одновременно отделяет от других людей, входящих в состав данного геосоциального организма, наличие своего собственного, особого отечества. Вполне понятно, что в таком случае как особая нация выступает и господствующий этнос даже тогда, когда его члены считают своим отечеством всю страну в целом.

Когда члены дискриминируемого этноса осознают себя как соотечественники, их борьба против дискриминации приобретает характер борьбы за интересы своего отечества против его врагов и угнетателей. Они теперь чаще всего начинают стремиться не к уравнению в правах с членами господствующего этноса, а к освобождению своего отечества от чужеземного гнета, к созданию собственного независимого государства, а тем самым и самостоятельного геосоциального организма.

Нация в таком случае возникает как политическая сила, стремящаяся к созданию независимого государства. Формируясь, она проявляет себя в особого рода политическом движении: *национальном* или, точнее, *национально-освободительном.*

Если в случае с Францией и Швейцарией нация формировалась в основном по признаку принадлежности к населению единого геосоциального организма, то в данном случае она складывается по признаку принадлежности к определенной этнической общности. Все представители данного этноса образуют нацию. Процесс превращения совокупности людей, которая являлась только этносом, одновременно и в нацию можно было бы назвать *нациезацией* этноса. В последнем случае с особой силой навязывается иллюзия полного тождества нации и этноса.

Таким образом, существуют два основных вида нации: нации, формирующиеся по признаку принадлежности составляющих их людей к одному геосоциальному организму, и нации, формирующиеся по признаку принадлежности составляющих их людей к одному этносу. Первые можно назвать *социорными нациями (соционациями)*, вторые — *этническими нациями (этнонациями)*.

Тенденцией этнонационального движения является стремление к отделению и образованию самостоятельного национального государства. На это в свое время особое внимание обращал Владимир Ильич Ленин (наст. фам. Ульянов, 1870—1924) в целом ряде работ, из которых особо выделяется труд «О праве наций на самоопределение» (1914).[71] Но в реальности до отделения дело доходит не всегда. Участники движения могут ограничиться требованием предоставления области, которую они рассматривают как свое отечество, большей или меньше степени автономии. И даже тогда, когда в программе движения значится требование отделения, его участники, столкнувшись с мощным сопротивлением центральной власти, могут пойти на компромисс, согласившись с автономным статусом данного региона.

Выше был приведен классический образец формирования нации по признаку этнической принадлежности. Но жизнь, разумеется, сложнее. Не всегда причиной подобного рода движений является национальный гнет.

Иногда у их истоков — властолюбивые и честолюбивые замыслы местных бонапартов, корыстные интересы местной элиты, стремящейся освободиться от контроля сверху с тем, чтобы свободно грабить свой собственный народ, столь же эгоистические интересы местного чиновничества, жаждущего закрепить за собой должности, местных предпринимателей, старающихся вытеснить опасных конкурентов, амбиции местной интеллигенции, желающей монополизировать за собой сферу духовной жизни и хлебные места в системе образования, науки, культуры и т.п. Все эти группы апеллируют к родным массам, спекулируют на различного рода теневых сторонах жизни и стремятся выдать себя за истинных защитников их интересов. В свое время все это было хорошо показано К. Каутским.[72] Вряд ли подобного рода движения могут быть названы национальными. Их, скорее всего, можно было бы именовать *псевдонациональными*, *квазинациональными*. И таких сейчас много.

1.8.8. Формирование наций в Америке

Все сказанное о борьбе с реальной, а не мнимой дискриминацией открывает путь к пониманию процессов формирования наций и за пределами Европы. Переселение европейцев, прежде всего англичан, на территорию нынешних США привело к образованию там системы геосоциальных организмов, имевших свои интересы, отличные от интересов Великобритании.

Нежелание господствующих слоев метрополии считаться с жизненными нуждами этих колониальных социально-исторических организмов привело, в конце концов, к их объединению и образованию новой патриотической силы — американской нации, которая в упорной борьбе добилась независимости своего отечества. Сходными были процессы становления наций в Латинской Америке.

[71] Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 25. С. 258-259

[72] Каутский К. Борьба национальностей и государственное право в Австрии. СПб, 1906, Он же. Национальные проблемы. Пг., 1918.

1.8.9. Становление наций в Африке южнее Сахары

Своеобразно шло складывание наций в Африке южнее Сахары. Народы этого региона к моменту европейского завоевания в большинстве своем находились на стадии перехода от первобытного общества к классовому. Ни о каких нациях там не могло быть и речи. Границы отдельных колониальных владений были проведены новыми хозяевами совершенно произвольно и, как правило, не совпадали с границами между «народами».

Однако, будучи установленными, они приобрели огромное значение. По мере того как капитализм «пересаживался» в колонии, развитие каждого такого отдельного колониального владения шло по линии превращения его в особый геосоциальный организм (точнее, гемисоциор), подчиненный метрополии и эксплуатируемый ею. В пределах каждого из этих геосоциальных формирований стала складываться особая политическая сила, которая считала его своим отечеством и стремилась к освобождению его от колониального гнета. Становление этой общности шло по признаку принадлежности не к тому или иному «народу», а ко всему коренному населению данной колонии.

В результате возникли нации, каждая из которых состояла из людей, относившихся к большому числу «народов» и подразделений «народов». Таковы нигерийская, ганская, гвинейская и другие африканские нации Все они добились независимости. Теперь будущее их зависит от того, насколько прочно будет обеспечено равноправие проживающих на их территории «народов» и формирующихся этносов.

Если в этих государствах возникнет и получит развитие практика дискриминации по признаку принадлежности к той или иной культурно-языковой группе населения, то неизбежной станет тенденция к формированию в их границах нескольких наций, а тем самым и к их разделению на несколько самостоятельных социоров. Достаточно вспомнить движение ибо Нигерии, которое привело к образованию республики Биафры и продолжавшейся два с половиной года (1967 – 1970) войне, завершившейся гибелью этого государственного образования.

Но, пожалуй, еще большей, чем такой национализм, является для государств Тропической Африки другая опасность — формирование политических сил на базе многочисленных существующих в них демосоциальных структур — полностью или частично сохранившихся демосоциальных организмов и их систем. Это явление получило в литературе название *трибализма*, или *трайбализма.* Трибализм имеет место и в целом ряде независимых азиатских государств, возникших на развалинах СССР.

1.8.10. Две современные концепции нации

В настоящее время в нашей науке соперничают две концепции нации Одну из этих концепций условно можно было назвать этнической, а другую — государственной, или гражданской. Согласно первой — нация есть этнос, согласно второй — нация есть совокупность всех граждан государства, это все его население без различия этнической принадлежности. Последнюю точку зрения сейчас усиленно отстаивает и пропагандирует известный специалист по национальному вопросу Валерий Александрович Тишков

Как видно из всего сказанного выше, в каждой из них присутствует доля истины, но отнюдь не вся истина. И та и другая упускает из вида то главное, что делает ту или

иную совокупность индивидов нацией, — наличие у составляющих ее людей одного общего отечества. Сторонники первой точки зрения не понимают, что люди, составляющие этнос, могут образовывать нацию, а могут и не образовывать ее. А сторонники второй концепции не принимают во внимание, что понятия страны, государства могут совпадать с понятием отечества, а могут и не совпадать. Они не хотят считаться с тем фактом, что для людей, живущих в том или ином государстве, оно может быть их отечеством, а может и не быть им.

Когда этнос совпадает с населением государства, являющего одновременно социором (речь, разумеется, идет о современных государствах и социорах), то эта совокупностью людей почти обязательно является и нацией. Если такого совпадения нет, все обстоит гораздо сложнее.

Когда в пределах государства существует несколько этносов, то люди, входящие в состав каждого из них, могут образовывать только этнос, но не особую нацию, а могут быть и самостоятельной нацией. Все зависит от того, что они считают своим отечеством: всю страну в целом или же только ту ее часть, которую компактно населяют.

Таким образом, население страны, разделенное на несколько этносов, может быть единой нацией, а может не быть ею. Все дело в том, принимают ли все граждане государства его за свое единое отечество или не принимают. Если принимают, то все они образуют одну нацию, если же члены каждого из этносов относятся как к своему отечеству только к той части территории страны, которую населяют, то в стране существует столько наций, сколько в ней этносов.

1.8.11. Нация: объективно существующее явление или только конструкция сознания?

Могут сказать, что при таком понимании нация выступает как явление чисто субъективное: обусловленное мнением людей, их взглядами, воззрениями. И некоторые исследователи, абсолютизируя эти моменты, приходят к выводу, что нации, как и этноса, вообще в социальной реальности не существует. Эти явления существуют лишь **в** сознании людей. Крайний взгляд — этносы и нации существуют лишь в головах исследователей, представляют собой лишь их мыслительные конструкции.

Дело, однако же, в том, что национальное самосознание формируется под влиянием определенных объективных факторов, которые уже были выше рассмотрены и среди которых главную роль играют объективные, материальные интересы. Нужно также учитывать, что сознание национальной принадлежности не является чисто умственным продуктом. Оно всегда включает в себя чувство национальной принадлежности, чувство патриотизма — одно из сильнейших общественных чувств.

Конечно, формирование сознания и чувства национальной принадлежности происходит под влиянием национальной идеологии, а тем самым и людей, создающих такую идеологию. Отсюда некоторые исследователи делают вывод, что нация, как и этнос, есть свободное творение группы интеллигентов, по той или иной причине заинтересованных в создании такой общности. Вряд ли можно отрицать огромную роль интеллигенции в формировании национального сознания и чувств, а тем самым и нации. И тем не менее ни нация, ни этнос не могут быть созданы по произволу интеллектуальной или политической элиты.

Как, скажем, ни пытались интеллектуалы и политики Народного фронта Молдавии убедить молдаван, что они на самом деле вовсе не молдаване, а румыны, что их

отечеством является не Молдавия, а великая Румыния, включающая в себя в качестве своей неотъемлемой части нынешнюю Молдавию, что самой важной задачей является немедленное вхождение Молдавии в состав Румынии, у них ничего не получилось.

Подавляющее большинство молдаван упорно продолжает считать себя не румынами, а молдаванами, и своим отечеством — одну только Молдавию. Кстати, и тогда, когда Бессарабия входила в состав Румынского государства (1918—1940 гг.), несмотря на то, что молдаване были официально объявлены румынами, несмотря на политику насильственной румынизации, а может быть, именно в силу проведения такой политики, молдаване в массе своей так и не изменили своего этнического и национального самосознания.

В годы франкистского режима все население Испании было объявлено единой испанской нацией. Но, несмотря на все принятые властями меры, таковой оно не стало. Сейчас власти Турции провозглашают все население единой турецкой нацией. Государство пытается силой искоренить все этнические различия. Но именно такая политика является одной из причин все более расширяющейся борьбы курдов Турции за создание своего независимого государства.

1.8.12. Субнации и супернации. Мононациезация и полинациезация

Выше уже отмечалось возможность наличия у людей двойного этнического самосознания: сознание принадлежности к субэтносу и этносу. Возможно и двойное национальное самосознание. Человек может одновременно считать своим отечеством и геосоциальный организм в целом, и ту часть его территории, которую компактно населяет его этнос. В таком случае мы сталкиваемся с нацией, состоящей из нескольких наций.

Можно называть первую просто нацией, а последние субнациями. Можно называть нациями последние, а первую — супернацией. Можно, наконец, говорить об *субнациях* и *супернации*. Это, в конце концов, вопрос терминологии. В Великобритании, например, по крайней мере две из трех существующих в ней этнических общностей, а именно англичане и шотландцы, являются одновременно и нациями. Но эти две нации вместе с валлийцами образуют британскую нацию. Супернации всегда представляют собой соционации, субнации — всегда этнонации.

Выше уже говорилось, что слово «народ» нередко используется для обозначения всего населения того или иного геосоциора, невзирая на этническую принадлежность, составляющих его людей. При таком употреблении в одних случаях под народом понимается нация, в других — супернация, а в третьих — такая совокупность людей, которая не представляет собой ни нацию, даже супернацию, хотя и способна в дальнейшем развитии стать последней.

Развитие в полиэтничной стране может в зависимости от условий идти в двух противоположных направлениях. Одно из них: группы людей, которые были только этносами, становятся и нациями. Идет процесс *нациезации* этносов, а тем самым и *полинациезации* страны. Такое развитие наблюдается, например, в Бельгии. Раньше там существовала лишь одна нация — бельгийская. Валлоны и фламандцы были лишь этносами. Сейчас они стали и нациями (субнациями), а бельгийская нация тем самым превратилась в супернацию. Следующий шаг в этом направлении может заключаться только в превращении этих субнаций в полностью самостоятельные нации и исчезновении объединяющей их супернации. Будет ли он сделан, покажет будущее.

Движение в другом направлении: население страны, состоящее из нескольких этносов, являющихся одновременно нациями, становится супернацией, а бывшие нации превращаются в субнации. Следующий шаг: группы людей, бывшие одновременно и этносами, и субнациями, становятся только этносами, а бывшая супернация становится единственной существующей в стране нацией. Здесь мы наблюдаем процесс *денациезации* этносов и тем самым *мононациезации* страны.

В полиэтничной стране движение в сторону мононациезации может сменяться движением в сторону полинациезации и наоборот. А иногда эти движения идут одновременно: одни группы внутри страны развиваются в одном направлении, скажем, денациезируются, а другие — наоборот — нациезируются.

Очень своеобразным было развитие этих процессов в СССР. С одной стороны, в нем долгое время в общем и целом шел процесс мононациезации. Возникла супернация, в которую вошли если не все нации и этносы, то по крайней мере многие. Именно эту супернацию фактически имели в виду, когда говорили о советском народе. Но одновременно с процессом мононациезации страны шли процессы нациезации, если не всех, то целого ряда этносов. И начиная с определенного периода процесс нациезации по крайней мере части этносов начал обгонять процесс мононациезации страны, что в огромной степени способствовало распаду СССР на государства, большинство которых претендует на то, чтобы быть национальными.

В общем, никакая страна с полиэтничным населением не застрахована от движения в сторону полинациезации. Даже во Франции, где со времен Великой революции все население составляло одну нацию, в последние десятилетия наблюдаются тенденции к нациезации некоторых этносов, в частности корсиканцев.

Все это побуждает власти тех или иных полиэтничных государств в целях обеспечения их территориальной целостности проводить политику, во-первых, ассимиляторства, т.е. насильственной этнической ассимиляции, во-вторых, переселения на территорию компактного обитания этнических меньшинств представителей этнического большинства. Иногда ассимиляторство приводит к достижению желаемой цели.

Но гораздо чаще результаты бывают прямо противоположными. Примером может послужить политика правящей элиты Грузии в Абхазии и Юго-Осетии еще в эпоху существования СССР. В Абхазии принудительная грузинизация дополнялась массовым переселением грузин в эту область. К чему это привело, можно сейчас наблюдать воочию.

1.8.13. Еще раз об обществе, нации и этносе

Как в отношении между этносом и обществом, так и в отношении между нацией и обществом ведущим является последнее. Об этом уже довольно было сказано выше. Остается добавить несколько штрихов, которые позволяют также лучше понять отношение между этносом и нацией.

Когда на территории, населенной одним этносом, возникают несколько геосоциальных организмов, имеющих разные объективные интересы, с неизбежностью начинает реализовываться тенденция к образованию нескольких разных наций. Социорная граница превращается в национальную, а затем и этническую. Так возникла австрийская нация и австрийский этнос.

Сколько раз западногерманские публицисты высмеивали утверждения теоретиков ГДР об образовании двух наций: восточногерманской и западногерманской. Но

теперь в объединенной политически Германии многим не до смеха. Различие между «остлерами» («осси») и «вестлерами» («весси») является реальностью, с которой приходится считаться и которое пока никак не исчезает.

Вот констатация современного положения вещей: «До сих пор взаимное отчуждение между «осси» и «весси» считалось «пережитком», преодолимой фазой сближения. Казалось очевидным, что бедное и больное общество бывшей ГДР должно медленно, но верно ассимилироваться в здоровом и богатом обществе ФРГ. Но расклад вышел иным: пришитые друг к другу части Германии срастаться отказались, а получившееся в результате операции существо, подобно чудовищу Франкенштейну, оказалось несчастным. Отчуждение не уменьшается, а растет: если до объединения немцы по обе стороны границы считали себя одной нацией, то сегодня уже почти все уверены: «осси» и «весси» — это два разных народа».[73] Это писалось в 1997 г. С тех пор положение не изменилось. Спустя три года в официальном докладе ведомства федерального президента отмечалось сокращение культурного взаимообмена между восточными и западными землями, рост отчуждения и даже агрессии в отношении между их жителями.[74]

Когда часть какой-либо этнической общности оказывается в составе чужого государства, а затем с течением времени начинает считать его своим отечеством, то между ней и основной частью этноса пролегает национальная, а затем и этническая граница. Если эта часть не была ассимилирована, то становится самостоятельным этносом. Так произошло с эльзас-лотарингцами. Социорная, а затем национальная граница сделали особыми этносами германо-швейцарцев, франко-швейцарцев, итало-швейцарцев.

Длительное пребывание украинцев в составе разных геосоциальных организмов провело между ними границу, если не национальную в точном смысле слова, то очень сходную с ней. Деление их на «схидняков» и «захидняков» достаточно четко проявилось после 1939 и особенно 1944 года. Как известно, некоторые политологи даже предрекали распад Украины.

Однако все описанные процессы не происходят автоматически. Не только этническая, но и национальная общность, возникнув на определенной объективной основе, может по инерции долго сохраняться и после исчезновения этой основы. Социорные границы в таких случаях не становятся ни национальными, ни этническими.

Наиболее яркий пример — поляки. В конце XVIII в. польский социально-исторический организм исчез, а польская нация и польская этническая общность продолжали сохраняться. Поляки, жившие в привислинских губерниях России, своим отечеством считали не Россию, и даже не эту ее область, а Польшу, какой она была до раздела. То же самое можно сказать о поляках, которые жили на землях, отошедших к Пруссии и Австрии. Это их национальное и этническое самосознание нашло свое выражение в созданной вскоре после раздела Польши знаменитой «Мазурке Домбровского», ставшей после возрождения польского государстве его гимном: «Еще Польша не пропала. Раз мы живы сами!»[75]

Выше говорилось, что нация в идеальном случае возникает на базе определенного геосоциального организма, который его население начинает считать своим отечест-

[73] Буртин А. Берлинская стена восстановлена? (В материале использована информация журнала «Шпигель») // МН 1997. № 3 С 27.

[74] См : Калашников В Что не хватает немцам? // НГ 25 11 2000.

[75] Выбицкий Ю. (в пер. С. Кирсанова) Мазурка Домбровского // Польская поэзия XIX-XX в в. М. , 1963 С 172.

вом. Был упомянут другой вариант: этнос, компактно населяющий часть территории геосоциального организма, начинает считать ее своим отечеством и тем самым становится особой нацией. Но возможен и еще один.

Бывает, что тот или иной этнос компактно населяет территорию, разделенную между несколькими государствами. Во всех этих странах его члены подвергаются дискриминации, являются объектом национального гнета. В результате эти люди становятся политической силой, которая борется за освобождение и одновременно объединение населенных им частей нескольких геосоциальных организмов в одно независимое государство, в один социально-исторический организм. Данное движение является одновременно национально-освободительным и национально-объединительным.

Члены этого этноса рассматривают как свое отечество всю населенную ими территорию, независимо от ее нынешней государственной принадлежности, и тем самым одновременно образуют и нацию. Здесь нация возникает раньше геосоциального организма. Но процесс ее формирования может завершиться только после образования такого организма. Что-то похожее на это происходит в настоящее время с курдами.

Весь приведенный материал свидетельствует в пользу трактовки нации как особой общественной, прежде всего политической, силы, представляющей собой совокупность людей, объединенных общностью отечества и отстаивающих его интересы, которые одновременно являются и их собственными общими интересами. Нация может иметь и другие характеристики, но именно в этом заключена вся ее суть. В отношении нации еще в большей степени, чем в отношении этноса, может быть сказано, что ее формирует общность исторической судьбы.

Как видно из всего сказанного, в отношении между нацией и отдельным конкретным обществом, социором, так же как в отношении между этносом и социоисторическим организмом, ведущим, определяющим в конечном счете всегда является социально-исторический организм. Именно социально-исторические организмы, а не этносы и не нации являются первичными субъектами исторического процесса, из которых складываются другие — более сложные — его субъекты.

1.8.14. Национализм и патриотизм

Слово «национализм» имеет немало значений. Чаще всего под национализмом понимают идеологию движений, руководствующихся «национальной идеей», и совокупность действия, совершаемые людьми под влиянием этой идеологией.

Возникновение нации с необходимостью предполагает появление «национальной идеи». Но когда нация формируется по признаку принадлежности к социоисторическому организму, национализма в привычном понимании этого слова не возникает. Национальная идея в таком случае не предполагает противопоставления людей по признаку этнической принадлежности. Это отнюдь не означает отсутствие вообще какого бы то ни было противопоставления групп людей в пределах социоисторического организма. Но это — противопоставление не одного этноса другому, а людей, отстаивающих интересы своего отечества, людям, которые выступают в разрез с этими интересами, т.е. подразделение населения социоисторического организма на патриотов и антипатриотов.

В эпоху складывания централизованных государств в Западной Европы в качестве антинациональной силы выступали те представители класса феодалов, которые противились этому процессу, независимо от их этнической принадлежности. В годы

Великой Французской революции нацию составили все те жители этой страны, которые боролись за ее революционное преобразование, опять-таки независимо от своей этнической принадлежности. В их числе были и этнические французы, и эльзас-дотарингцы, и корсиканцы и т.п. Объединяла их принадлежность к непривилегированному, «третьему» сословию.

Еще в январе 1789 г. Эммануэль Жозеф Сийес (1748—1836) в знаменитой брошюре «Что такое третье сословие?» прямо заявлял: «...Третье сословие обнимает все, что относится к нации; и все, что не заключается в третьем сословии, не может считаться частью нации».[76] В ходе революции в качестве врагов нации выступила значительная часть дворян, которые в большинстве своем были этническими французами. Логика борьбы привела к тому, что многие из них покинули Францию и вступили в ряды иноземных армий, боровшихся против их бывшего отечества.

Почти все они субъективно продолжали считать себя патриотами. Ведь они, как это им представлялось, сражались не против Франции вообще, а лишь против новой, революционной Франции. Они вели борьбу за Францию, но только не новую, а старую, дореволюционную, которая продолжала оставаться для них отечеством. Но вопреки их субъективным представлениям, к этому времени существовала только одна Франция — новая. Никакой другой не было. И поэтому, хотели они этого или не хотели, они стали предателями, оказались вне отечества и вне нации. То же самое произошло с и теми этническими русскими, которые в союзе с иностранными интервентами сражались в годы Гражданской войны 1918—1922 гг. в России против советской власти. Белоэмигранты оказались за пределами отечества и вне русской нации.

Но главное не в том, что после революции другого отечества, кроме нового, не существовало. Ведь в предреволюционное время тоже существовало одно отечество, причем со старыми порядками. И революционеры боролись против этих порядков. С чисто формальной точки зрения получалось, что они боролись против своего отечества. И, как хорошо известно, сторонники старого режима нередко обвиняли революционеров в антипатриотизме, в измене отечеству и т.п. грехах. Но это были фальшивые обвинения.

Суть дела в том, что интересы социоисторического организма, т.е. отечества, требовали изменения общественного строя. И поэтому те люди, которые боролись за коренное преобразование социора, служили интересам отечества, были патриотами. Революционеры всегда патриоты, истинные патриоты. К революционной борьбе их побуждают не просто интересы тех или иных классов, а патриотизм.

«Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? — писал В.И. Ленин, — Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всех работаем над тем, чтобы *ее* трудящиеся массы (т.е. 9/10 *ее* населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты... И мы, великорусские рабочие, полные чувства национальной гордости, хотим во что бы то ни стало свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великороссии...».[77]

[76] Сийес, аббат. Что такое третье сословие? СПб., [1905]. С. 10-11.

[77] Ленин В.И. О национальной гордости великороссов // Поли. собр. соч. Т. 26. С. 107-108.

Среди революционеров могут быть представители господствующего класса, заинтересованного в сохранение существующего строя. Это люди, которые поставили интересы своего отечества выше интересов своего класса. Они изменили своему классу во имя служения отечеству. Прекрасный пример — декабристы. Что же касается врагов революции, контрреволюционеров, то они всегда, независимо от своих субъективных намерений, переживаний, — враги отечества, предатели нации.

Национальная идея при том варианте развития, который имел место в Западной Европе, была идеей патриотической. Она выражала реальные интересы того или иной социоисторического организма и была явлением прогрессивным. Существование объективных интересов социоисторического организмов, которые представляют собой одновременно интересы, если не всего его населения, то значительной его части, есть несомненные факт, по крайней мере, для истории нового времени. Этот факт, к сожалению, нередко игнорировался многими марксистами, делавшими упор на классовые интересы.

Но это отнюдь не значит, что патриотическая, или социорнонациональная (соционациональная) идея всегда была явлением только позитивными. Нередко она использовалась для прикрытия своекорыстных интересов правящих классов или даже просто тех или иных клик. В случаях несправедливых войны, особенно колониальных, патриотическая идея были маскировкой и оправданием всевозможных преступлений и иных мерзостей. Об этом лучше всех сказал в свое время великий американский писатель Марк Твен (наст. имя и фам. — Сэмюэль Ленгхорн Клеменс, 1835—1910) в замечательных памфлетах, среди которых особо выделяются «О патриотизме» (1900; 1923) и «В защиту генерала Фанстона» (1902).

В самое последнее время среди наших публицистов, именующих себя демократами, но в действительности выражающих интересы российской компрадорской буржуазии, стало необычайно модным приводить изречение английского писателя Сэмюэля Джонсона (1709—1784): «Патриотизм — последнее прибежище негодяя». Но вопреки их трактовке С. Джонсон осуждает не патриотизм сам по себе, а использование лозунга патриотизма для прикрытия грязных делишек.

Когда нация строится по признаку не социорной, а этнической принадлежности, «национальная идея» всегда предполагает политическое, а нередко и правовое противопоставление людей, образующих разные этносы. Не буду долго задерживаться на национализме господствующего этноса, одновременно образующего и нацию. Это явление всегда отрицательное и только отрицательное. Национальная идея в таком случае служить оправданием и обоснование привилегированного положения данной группы людей, ее права на притеснение и дискриминацию всех других этнических групп.

В национализме дискриминируемого этноса выражается его стремление покончить с своим приниженным положением. В этом смысле в нем есть демократическое, позитивное содержание. И если бы данная идеология этим бы исчерпывалась, если бы лозунгом такого движения было полное равенство всех людей, независимо от их этнической принадлежности, то собственно нельзя было бы назвать ее национальной, тем более националистической.

Но так, обычно, никогда не бывает. В национализме притесняемой этнической общности почти всего присутствует его противопоставление всем остальным этносам, прежде всего господствующему. И когда программой движения является требование территориальной автономии, тем более независимости, то почти всегда явно или неявно подразумевается, что власть в автономной области, тем более в независимом госу-

дарстве, должна принадлежать прежде всего или даже исключительно представителям данной нации. Иначе говоря, данная программа предусматривает предоставление привилегий данной нации и явную или неявную дискриминацию людей, принадлежащих к иным этносам и прежде всего к господствующей нации. В таком случае идеологию движения обычно характеризуют не как национальную, а как националистическую.

Националистической может быть и чаще всего бывает и идеология настоящего национально-освободительного движения. В случае же квазинационального движения идеи этнократии, исключительности прав и привилегированного положения данного этноса являются центральными. Национализм нередко при этом перерастает в этнорасизм.

Ярким примером может быть положение, сложившееся в Латвии и Эстонии. Русское и вообще русскоязычное население в большинстве своем лишено гражданства этих стран, а тем самым и многих политических и гражданских прав.[78] Фактически в этих республиках сложился режим апартеида, во многом сходный с тем, что еще недавно существовал в Южно-Африканской республике. Отличие в основном лишь в том, что в ЮАР деление на привилегированную и дискриминируемую группы населения проводилось по расовому признаку, а в Латвии и Эстонии — если не формально, то по существу по признаку этнической принадлежности.

И в Латвии, и в Эстонии в самое последние время приняты законы, еще более ухудшающие положение русского и вообще русскоязычного населения. «Владение эстонским языком, — сообщают из Таллина, — основное условие не только для получения гражданства, но после принятия 9 февраля поправок к соответствующему закону оно стало основным и для получения работы. Сектор возможностей для тех, кто знает эстонский язык, широк, для тех, кто его не знает или знает плохо, катастрофически сужается, формируя принципиально разные общественные слои в рамках одного государства. Граждане и негражданe, эстонцы и неэстонцы — за этими понятиями скрываются своеобразные миры, существующие в Эстонии сепаратно, в несравнимо разных материальных, духовных и правовых ипостасях».[79]

Совершенно закономерно, что правящая элита этих государств, проводя политику апартеида, всемерно поощряет пропаганду национализма и этнорасизма, не только терпимо, но в высшей степени благосклонно относится к фашистским военным преступникам (солдатам и офицерам национальных частей СС), всячески оправдывает совершенные ими и служащими полиции, созданной немецкими оккупантами из местных жителей, чудовищные преступления. Дело дошло до того, что в Латвии 18 марта — день первого боя созданного по личному приказу Адольфа Гитлера латышского легиона «Ваффен СС» — был официально объявлен государственным праздником. В 1998 г. была переиздана антисемитская книга «Страшный суд», опубликованная латышскими фашистами в 1942 г. с предисловием Генриха Гиммлера. Не захотела отставать от Латвии и Эстония. 19 мая 1999 г. в Таллине были торжественно перезахоронены останки бывшего командира 20-й дивизии СС Альфонса Ребане.[80]

В нашей «демократической» прессе различного рода националистические партии и группировки, существующие в странах СНГ и Прибалтики, нередко именуют национально-демократическими. Чаще всего как демократические характеризуются также

[78] См, например, Биркенбах Х -М Расследование фактов как средство превентивной дипломатии Взгляды международных организаций на конфликт по вопросу гражданства в Эстонии и Латвии. М , 1998

[79] Соколов В До Таллина уже далеко // НГ 24 02 1999

[80] См Реутов А В Таллине похоронили нациста // НГ. 29 06 1999

такие, например, объединения, как Народный Рух Украины и Белорусский народный фронт (БНФ). В действительности же этнонационализм и демократия несовместимы, что можно видеть на примере деятельности названных политических образований.

Основной их лозунг — пропаганда вражды к России и всему русскому, насильственное вытеснение русского языка и принуждение населения этих стран к пользованию одним лишь языком, в первом случае украинским, во втором — белорусским. БНФ не повезло. Его политика наткнулась на упорное сопротивления населения Белоруссии и прежде всего самих белорусов и провалилась. На референдуме 14 мая 1995 г. за придание русскому языку статуса государственного высказалось 83% его участников. Программа же Руха вопреки воле большинства населения Украины настойчиво проводится в жизнь властями республики, ее правительством и президентом, хотя последний и был избран лишь постольку, поскольку обещал придать русскому языку статус государственного.[81]

1.9. РАСЫ, РАСИЗМ И КОНЦЕПЦИЯ РАСОВОГО ДЕТЕРМИНИЗМА

1.9.1. Концепция этносов и суперэтносов Л.Н. Гумилева

Среди различных представлений о субъекте истории особое место занимают взгляды по этому вопросу, развивавшиеся Львом Николаевичем Гумилевым (1912—1992) и наиболее полно изложенные им в книге «Этногенез и биосфера земли» (Л., 1989; 1990; 1994 и др.). В качестве субъектов исторического процесса в ней выступают образования, которые он называет этносами и суперэтносами. Но слово «этнос» он понимает иначе, чем это было изложено выше. По существу, он отказывается дать сколько-нибудь четкое определение этому понятию, что позволяет ему называть этносом все, что ему заблагорассудится. Это же относится и к понятию суперэтноса.

Но если внимательней приглядеться, то обнаружится, что в большинстве случаев суперэтносами он называет те образования, которые О. Шпенглер именовал культурами, а А.Дж. Тойнби — цивилизациями. Однако, в отличие от последних, Л. Н. Гумилев, как бы он от этого сам ни отрекался, этносы и суперэтносы понимает как особые породы людей, т.е., по существу, как расы. Сам по себя взгляд на этносы как на особые породы людей еще не есть расизм. Но только таким представлением взгляды Л.Н. Гумилева на этносы далеко не исчерпываются. В его историософских, и не только историософских, работах момент расизма несомненно присутствует, что уже отмечалось в литературе.[82]

Но если сам Л.Н. Гумилев прямо и не объявлял расы субъектами исторического процесса, то были люди, которые это делали. «Биологическая история человеческих рас, — писал немецкий антрополог и социолог Людвиг Вольтман (1871—1907) в «Политической антропологии» (русск. перевод: СПб., 1905; М., 2000), — есть истинная и основная история государств».[83] Все это заставляет рассмотреть вопрос о расовом делении человечества и его влиянии на историю.

[81] См. об этом: Семенов Ю И. Россия: Что с ней было, что с ней происходит и что ее ждет в будущем. М., 1995. С. 47-50.

[82] См.: Клейн Л. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л.Н. Гумилева // Нева. 1992. С. 4.

[83] Вольтман Л. Политическая антропология. Исследование о влиянии эволюционной теории на учение о политическом развитии народов. СПб., 1905. С. 3

1. 9. 2. Расовое деление человечества

Деление человечества на расы всегда привлекало к себе не меньше, а может быть, даже больше внимания, чем его подразделение на этносы. Прежде чем переходить к рассмотрению расистских концепций, необходимо хотя бы очень коротко остановиться на природе этого деления.

Само слово «раса» долгое время использовалось и в обыденном общении, и в литературе, включая научную, для обозначениях самых различных групп людей, не только собственно рас, но и этносов, групп этносов, культурно-языковых и языковых общностей, классов и т.п.[84] Только в XX в. за ним закрепилось более или менее определенное значение.

Расы, как они понимаются в антропологической науке, суть совокупности людей, каждая из которых обладает особым набором передающихся по наследству телесных (морфологических) признаков. Этот набор роднит всех людей, принадлежащих к той или иной расе, и одновременно отличает их всех от людей, относящихся к иным расам.

Издавна возникла традиция делить все человечество на три большие расы: черную, или негроидную, желтую, или монголоидную и белую, или европеоидную. В последнее время антропологи все чаще в качестве расы первого порядка, наряду с европеоидной, монголоидной и негроидной расами, выделяют австралоидную, или веддоавстралоидную расу.[85]

Каждая из этих больших рас, или рас первого порядка, делится на несколько групп, которые обычно именуются малыми расами, или расами второго порядка, а они, в свою очередь, подразделяются на еще меньшие единицы (группы антропологических типов и антропологические типы). Так, например, среди европеоидов чаще всего выделяют атланто-балтийскую, беломоро-балтийскую, среднеевропейскую, балкано-кавказскую и индо-средиземноморскую малые расы.[86]

К настоящему времени в антропологической науке существует несколько и иных биологических классификаций людей. Так, например, согласно одной из них все человечество прежде всего подразделяется на два ствола: восточный — амеро-азиатский и западный — евро-африканский. В свою очередь, первый из них подразделяется на американоидную и азиатскую, а второй — на европеоидную, негроидную и австралоидную ветви. Ветви подразделяются на локальные расы, которых всего насчитывается 25, а последние — на группы популяций.[87]

Я в дальнейшем изложении буду придерживаться традиционного деления. И не только потому, что ни одно из новых не получило общего признания в науке, но прежде всего в силу того, что именно оно было исходным пунктом почти всех, если не всех расистских концепций.

В число телесных наследственных признаков, отличающих одну большую расу от другой, входят цвет кожи, форма волос, степень развития волосяного покрова на теле, особенности лицевого скелета, а также формы и строение мягких частей лица (нос, губы).

[84] Обзор см.: Лакомб П Социологические основы истории. [М.], 1895.

[85] См.: Зубов А А. Проблемы внутривидовой систематики рода Homo в связи с современными представлениями о биологической дифференциации человечества // Современная антропология и генетика и проблема рас у человека. М., 1995 , Пестряков А. П. Расы человека в краниологической классификации населения тропического пояса. // Там же.

[86] См.: Хрисанфова Е.Н.,Перевозчиков И.В. Антропология. М., 1999. С. 277-278.

[87] См.: Алексеев В.П. География человеческих рас. М., 1974. С. 288-290.

Негроидам присущи темная кожа, курчавые волосы, среднее развитие волосяного покрова на теле, прогнатизм (выступание верхней челюсти вперед), умеренно выступающие скулы, широкий нос и толстые губы. Монголоидам свойственны желтоватая кожа, прямые жесткие волосы, слабый волосяной покров на теле, сильно выступающие скулы, умеренно толстые губы, наличие «монгольской» складки верхнего века (эпикантуса). Признаками европеоидов являются светлая кожа, волнистые волосы, сильный волосяной покров на теле, ортогнатизм (отсутствие прогнатизма), слабое выступание скул, узкий нос, тонкие губы.

Расовые различия затрагивают лишь внешние признаки, совершенно не касаясь важных морфологических и физиологических особенностей человека. Поэтому, как единодушно считают все подлинные ученые, все современные люди без малейшего исключения, независимо от расовых различий образуют один биологический вид — Homo sapiens, или подвид этого вида — Homo sapiens sapiens.

1.9.3. Сущность расизма и его основные разновидности

Долгое время никто не сомневался в бытии рас. Но в последнее десятилетие значительное число американских антропологов выступило с утверждениями, что в действительности никаких рас не существует и что признание реального бытия рас есть не что иное, как расизм.[88] Понять этих людей можно — это своеобразная реакция на длительное господство в США расистских представлений, находивших свое выражение в самых разнообразных формах дискриминации прежде всего негров.

Но согласиться с ними нельзя. Тем более, невозможно не осудить применяемых ими методов борьбы за утверждение таких взглядов. Ученые, признающие существование рас, объявляются «научными расистами», преследуются, изгоняются из университетов, лишаются работы. В этом есть нечто очень похожее на то, как утверждалось когда-то у нас печально знаменитое учение Т.Д. Лысенко о наследственности, когда отрицалось существование не только генов, но иногда даже и хромосом. Но бытие генов и хромосом и было, и остается фактом.

Таким же несомненным фактом является существование рас человека. И в признании этого абсолютно нет ничего расистского. Расизм начинается лишь там и тогда, где одна из рас объявляется высшей, а остальные — низшими. Так как расистские концепции первоначально создавались исключительно европейцами, то в них в качестве высшей расы выступала белая. Ниже ее ставили желтую, а еще ниже — черную. Но расисты не ограничивались лишь большими расами. В среде той же европеоидной расы та или иная малая раса (или даже ее подразделение) могла быть объявлена ими первосортной, а остальные — второсортными и третьесортными.

Различие между расами сторонники такого взгляда проводят по степени их наследственной духовной одаренности, по степени их передаваемой по наследству способности к духовному и материальному творчеству. Иногда в качестве примера самой последней, рафинированной формы расизма приводят психорасизм. При этом упускают из вида, что любой расизм был прежде всего психорасизмом. Просто некоторые

[88] См.: Reynolds L.T. A Retrospective on «Race»: The Career of a Concept // Sociological Focus. 1992. Vol. 25. № 1; AAPA Statement on Biological Aspects of Race // American Journal of Physical Anthropology. 1996. Vol. 101. № 4; Cartmill M. The Status of Race Concept in Physical Anthropology // AA. 1999. Vol. 1000. № 3; Stolberg S.G. Skin Deep. Shouldn't a Pill Be Colorblind // The New York Times. 13.05.2001; Проблема рас в российской физической антропологии. М. 2002.

из старых расистов жестко связывали наличие или отсутствие духовной одаренности с наличием или отсутствием определенного набора внешних телесных наследственных признаков. Но так поступали далеко не все.

Усмотрение главного различия между расами в степени их духовной одаренности давало возможность объявить особой расой любую совокупность людей. В результате в расистских построениях нередко фигурируют в качестве рас такие группы людей, которые в реальности таковыми не являются. Если попытаться дать какую-нибудь классификацию расистских концепций, то можно выделить три основные их разновидности.

Первая разновидность расизма состоит в том, что как высшие и низшие характеризуются реально существующие настоящие расы, будь то большие или малые. Это *реально-расовый расизм*, или, короче, *расорасизм*.

При второй разновидности расизма расами объявляются либо все, либо только некоторые этносы, а затем одни из них именуются высшими расами, а другие — низшими. Эту разновидность расизма можно назвать *этническим расизмом*, или *этнорасизмом*. Здесь ошибочной является уже сама исходная предпосылка, не говоря уже обо всем прочем.

Границы между этносами никогда не совпадают с границами между расами, тем более что расовые различия носят в силу существования большого числа переходных групп и постоянного смешения между расами крайне относительный характер. Конечно, тот или иной этнос может состоять из людей, принадлежащих к одной большой, реже — одной малой расе. Но нет ни одной расы, *все* представители которой принадлежали бы к одному этносу. Все большие этносы разнородны по своему антропологическому составу.

Так, например, среди русских имеются представители, по меньшей мере, трех малых рас: атланто-балтийской, беломоро-балтийской и среднеевропейской. И ни одна из этих рас не присуща одним только русским. Атланто-балтийская раса — важный элемент антропологического состава норвежцев, шведов, исландцев, датчан, шотландцев, белорусов, латышей, эстонцев, встречается у финнов, немцев и французов. К среднеевропейской расе относится значительная часть немцев, австрийцев, северных итальянцев, чехов, словаков, поляков, украинцев. Нет совпадения не только между расами и этносами, но и между расами и языковыми семьями.

Наконец, расами или особыми породами людей могли объявляться и объявлялись общественные классы. При этом, конечно, представители господствующего класса причислялись к высшей расе, а эксплуатируемое большинство общества — к низшей. Само классовое деление общества объявлялось производным от расового.

Утверждалось, что определенная группа людей стала господствующим слоем общества в силу высокой наследственной духовной одаренности. Все же остальные не обладали такими качествами, что и обусловило их приниженное положение. Эту разновидность расизма можно было бы назвать *социально-классовым расизмом,* или, короче, *социорасизмом*. Некоторые идеологи расизма шли еще дальше, утверждая, что и в основе общественного разделения труда лежит деление на расы. Каждой профессией занимаются люди, принадлежащие к особой породе.

Все названные выше три разновидности расизма были не просто тесно связаны друг с другом, но чаще всего взаимно переплетались. Почти в каждой расистской концепции мирно соседствовали и уживались элементы реально-расового, этнического и социально-классового расизма.

Как и любая ложная концепция, расизм основывался на раздувании, абсолютизации определенных моментов действительности, что и позволяло ему выдавать себя за истину. Фактом, например, является, что существуют люди более одаренные от природы и менее одаренные. Фактом является и то, что в некоторых случаях такая одаренность передается по наследству. Бесспорно наличие в классовом обществе различий между людьми, принадлежащими к разным социальным слоям, в уровне образованности, культуры и т.п. Крестьяне, например, в феодальном обществе были лишены возможности учиться и поэтому из поколения в поколение оставались неграмотными.

Выше уже шла речь о концепции культурного релятивизма, согласно которой культуры всех человеческих групп совершенно равноценны, они в принципе не могут быть подразделены на низшие и высшие (1.6.4.). Совершенно ясен антиколониалистский и антирасистский пафос этой концепции. Но от этого она не становится более состоятельной.

Фактом является то, что, например, к XIX в. разные социально-исторические организмы находились на различных ступенях развития. Одна часть человечества вступила в эпоху капитализма, а другие его части значительно отставали в своем развитии. Соответственно и культуры разных человеческих групп различались как более и менее развитые.

И в ряде случаев наблюдалось определенное соответствие между уровнем развития тех или иных человеческих групп и их расовым составом. К XIX в. все без исключения европеоиды достигли уровня цивилизации. Что же касается негроидов, то большая их часть все еще жила в то время в доклассовом обществе. И когда европейцы сталкивались с живым классовым обществом у негроидов, то всегда выяснялось, что его возникновение связано с влиянием цивилизаций, созданных европеоидами.

Несомненным было существование классовых обществ у значительной части монголоидов. И не было никаких данных, которые свидетельствовали бы, что их возникновение связано с влиянием европеоидов. Но уровень развития этих классовых обществ (как и немногих классовых обществ негроидов) был ниже, чем тот, которого достигли народы Западной Европы к началу XIX в.

Используя понятия одной из современных концепций общественного развития, можно сказать, что к этому времени все без исключения классовые общества негроидов и монголоидов оставались традиционными, или аграрными, в то время как классовые общества Западной Европы были уже индустриальными. Ни один социоисторический организм негроидов или монголоидов самостоятельно не достиг уровня индустриального общества.

Ошибочно считать, что расистские концепции возникли на основе обобщения всех этих фактов. Их появление было связано с действием факторов, не имеющих отношения к познанию вообще, научному в частности. Основные постулаты расизма никогда не вытекали из фактов. Они диктовались интересами определенных общественных групп. Идеологи расизма не обобщали факты. Они просто подбирали такие, которые представлялись им подходящими, чтобы обосновать заранее готовые положения.

Этнорасистские идеи мы находим в той части Библии, которую христиане называют «Ветхим заветом». Евреи там представлены как избранный богом народ. Этнорасизм и сейчас — важный элемент идеологии ортодоксального иудаизма. Привер-

женцы последнего подразделяют все человечество на евреев, которые только одни считаются настоящими людьми, и гоев — не вполне людей или даже совсем не людей.

Элементы этнорасизма присутствуют в «Политике» Аристотеля и работах некоторых других античных мыслителей. Социорасистскими представлениями пронизана идеология феодального общества. Кому не известно характерное для этого общества противопоставление «голубой» дворянской крови обыкновенной крови простолюдинов, «белой кости» и «черной кости».

Но расистские концепции в точном смысле этого слова возникли лишь в XIX в. Родиной их были США. И созданы они были для того, что оправдать рабство негров. Этот американский расизм был в основном реально-расовым. Я не буду на нем задерживаться, ибо он прямого отношения к проблеме субъекта исторического процесса, как правило, не имел.

1.9.4. Расистская историософия

Первая историософская расистская концепция была создана французом Жозефом Артюром де Гобино (1816—1882) и изложена им в четырехтомном труде «Опыт о неравенстве человеческих рас» (1853—1855; русск. перевод: М., 2001). Всю историю человечества он рассматривал прежде всего как борьбу между расами, которая вытекает из их биологической природы. В этой борьбе побеждают наиболее приспособленные, наиболее совершенные.

Расы произошли, скорее всего, от разных прародителей и не равны по своим способностям. Самой низшей является черная. Несколько более развитой — желтая. Высшей и единственной способной к прогрессу является белая, среди которой особо выделяется арийская раса, а элиту арийцев составляют германцы.

Именно белыми, а конкретно арийцами, созданы все десять (по счету Ж.А. Гобино) известных в истории человечества цивилизаций, которые рассматриваются им в следующем порядке: индийская, египетская, ассирийская, эллинская, китайская, италийская, германская, аллеганская, мексиканская, андская. Создавая ту или иную цивилизацию, арийцы захватывали области с иным расовым составом. В результате происходило их смешение с представителями низших рас, что вело к вырождению арийцев, потере ими своей первоначальной энергии и, как следствие, к крушению созданной ими цивилизации. Так погибли ближневосточные цивилизации, Древняя Греция, Рим.

Вырождению были подвержены прежде всего низшие слои общества. Аристократы же всегда старались соблюсти расовую чистоту, что позволяло им сохранить и первоначальную энергию. Расорасизм у Ж.А. Гобино сочетается с социорасизмом, но с преобладанием все же первого. Низшие расы не способны не только создать цивилизацию, но даже усвоить уже созданную высшую культуру. Народы, являющиеся дикими к настоящему времени, навсегда обречены пребывать в таком состоянии.

В концепции Ж. Гобино присутствуют два субъекта истории: расы и цивилизации. Но в основе истории цивилизаций лежит история рас. Именно расовый фактор определяет историческую судьбу цивилизаций: их возникновение, расцвет и гибель. Расы не просто субъекты истории, расовый фактор является источником ее развития. Так у Ж. Гобино мы сталкиваемся с концепцией расового детерминизма.

После Ж. Гобино расистские идеи получили довольно широкое распространение. Они развивались и пропагандировались французским социологом и психологом Гюставом Лебоном (1841—1931) в работе «Психология толпы» (1895; русск. пере-

вод: Психология народов и масс. СПб., 1895; 1995; под ориг. назв. // Психология толпы. М., 1908).

«*Первобытные расы*, — писал он, — те, у которых не находят ни малейшего следа культуры и которые остановились на той эпохе первобытной животности, какую переживали наши предки в каменном веке: таковы нынешние фиджийцы и австралийцы. Кроме первобытных рас существуют еще *низшие расы*, главными представителями которых являются негры. Они способны только к зачаткам цивилизации, но только к зачаткам. Никогда им не удавалось подняться выше совершенно варварских форм цивилизации.. К *средним расам* мы относим китайцев, японцев, монголов и семитические народы. Через ассирийцев, монголов, китайцев, арабов они создали высокие типы цивилизаций, которые могли быть превзойдены одними только европейскими народами. Среди *высших рас* могут занимать место лишь индоевропейские народы. Как в древности, в эпоху греков и римлян, так и в настоящее время одни только они оказались способными к великим открытиям в сфере искусства, науки и промышленности. Только им мы обязаны тем высоким уровнем, какого достигла ныне цивилизация. Между четырьмя большими группами, которые мы только что перечислили, невозможно никакого слияния; отделяющая их умственная пропасть очевидна».[89]

Идею неравенства человеческих рас отстаивал известный французский антрополог Арман де Катрфаж (1810—1892). Его книга «Единство рода человеческого» была переведена на русский язык (М., 1861) и нашла сторонников в России, причем, как это ни странно, даже среди некоторых представителей демократического лагеря. Такую позицию занял довольно известный публицист Варфоломей Александрович Зайцев (1842—1882) в рецензии на это сочинение А. де Катрфажа (см.: Зайцев В.А. Избр. соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1934).

Его взгляды сразу же были подвергнуты жесточайшей критике в работах других представителей демократического лагеря, в частности в статье Максима Алексеевича Антоновича (1835—1918) в журнале «Современник»(1865. № 2). А поэт Дмитрий Дмитриевич Минаев (1835—1889), придерживавшийся демократических убеждений, вывел в одной из своих сатирических поэм героя, который

Вслед за мрачным нигилистом
Произносил, что негр есть скот,
Едва ли стоящий забот.[90]

Расистские концепции разрабатывали английский аристократ Хаустон Стюарт Чемберлен (1855—1927) в двухтомном сочинении «Основы девятнадцатого столетия» (1899), в котором прославлялась «тевтонская» раса, создавшая наивысшую культуру, книге «Арийское миросозерцание» (русск. перевод. М., 1913) и ряде других работ. В России его идеи пропагандировал литератор, музыкальный критик и философ Эмилий Карлович Метнер (1872—1936), писавший под псевдонимом Вольфинг, в статьях, собранных в книге «Модернизм и музыка. Статьи критические и полемические (1907—1910). Приложение (1911)» (М., 1912).

Уже упоминавшийся выше Л. Вольтман в своей «Политической антропологии» и многие другие идеологи расизма пытались поставить на службу этой концепции дарвиновскую теорию естественного отбора. Но доказать, что расы играли роль субъектов исторического развития, не удалось никому, ибо таковыми они никогда не были.

[89] Лебон Г. Психология народов и масс СПб , 1995. С. 30.

[90] Минаев Д Д. Евгений Онегин нашего времени // Поэты «Искры». Т. 2. Л., 1955 С. 377.

И вообще расовый состав обществ практически никак не влиял на ход истории. Отставание обществ негроидов и монголоидов от западноевропейского, достаточно четко проявившееся к XIX в., никак не было связано с расовыми особенностями их человеческого состава.

Наряду и вместе с реально-расистскими и этнорасистскими построениями получили распространение социорасистские концепции. Во Франции их разрабатывал видный представитель т.н. антропосоциологии Жорж Ваше де Ляпуж (1854—1936). Другим горячим пропагандистом социально-классового расизма был немецкий социолог Отто Аммон (1842—1916). Согласно его взглядам процесс «сословного» (классового) расслоения всецело подчинен естественно-органическому закону отбора и выживания более приспособленных и биологическому закону борьбы за существование.

Приверженцем социорасизма был русский религиозный философ Николай Александрович Бердяев (1874-1948), восторженно отзывавшийся о труде Ж Гобино.[91] «Культура, — писал он в сочинении «Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии» (1923), — не есть дело одного человека и одного поколения. Культура существует в нашей крови. Культура — дело расы и расового подбора. «Просветительное» и «революционное» сознание.. затемнило для научного познания значение расы. Но объективная, незаинтересованная наука должна признать, что в мире существует дворянство не только как социальный класс с определенными интересами, но как качественный душевный и физический тип, как тысячелетняя культура души и тела. Существование «белой кости» есть не только сословный предрассудок, это есть неопровержимый и неистребимый антропологический факт».[92]

Все рассмотренные выше идеи и прежде всего взгляды Ж.А. де Гобино легли в основу идеологии германского фашизма, что можно наглядно видеть на примере сочинений Адольфа Гитлера (1889—1945) «Моя борьба» (1925; русск. переводы: Каунас, б.г.; М., 1998) и Альфреда Розенберга (1893—1946) «Миф XX века» (1930; русск. перевод: Tallinn, 1998). Совсем недавно на русском языке появился сборник сочинений известного немецкого расиста Ганса Фридриха Карла Гюнтера (1891—1968) «Избранные работы по расологии» (М , 2002), в который вошли такие перлы, как «Нордическая идея», «Расология немецкого народа», «Раса и стиль», «Выбор супружеской пары для счастья в браке и улучшения наследственности» и др.

Расизм, к сожалению, нельзя отнести к числу явлений прошлого. Он жив и сейчас. И самое печальное, что идеи расизма активно пропагандируются сейчас и в нашей стране. Существует у нас и расистская историософия.

В качестве примера можно привести обширный опус кандидата философских наук Виктора Николаевича Безверхого, озаглавленный «Философия истории». Вот с чего он начинается·

«Подобно сверкающим звездам на небосклоне истории возникают и исчезают цивилизации, государства, народы, оставляя после себя исторические предания, памятники культуры, которые неумолимое время доносит до нас через дымку столетий. К звездам первой величины относятся модели культур основного ствола белых людей: шумеров, хетто-троянцев, этрусков, скифов, сарматов, русских и его ответвлений: гре-

[91] См Бердяев Н А Философия свободного духа М , 1994 С 351

[92] Бердяев Н А Философия неравенства Письма к недругам по социальной философии // Русское зарубежье Л , 1990 С. 113

ков, римлян, немцев, англичан. Материальная и духовная культура — это система искусственно созданных (внебиологических) средств и механизмов для адаптации к среде обитания мыслящих людей в борьбе за выживание как с силами природы, так и с себе подобными. Созданная белыми людьми культура усваивается желтыми людьми, деградирует у черных людей и разрушается у ублюдков. Коллективная душа кровнородственного общества (моноэтнического концентрата) создает цветущие модели культур, а если моноэтнический концентрат находится в изоляте, побуждает членов общества к завоеваниям. Завоевание других народов и спокойная жизнь в благоустроенном государстве разбавляют концентрат иными этносами и ублюдками, что приводит к гибели моделей культуры».[93]

Комментарии, как говорится, совершенно излишни. Перед нами концепция Ж. де Гобино, приправленная О. Шпенглером и дополненная идеями экологического детерминизма. Лучше она от этого не стала. Горбатого может исправить только могила.

И В.Н. Безверхий не одинок. Наряду с его журналом «Волхв» существуют газеты, занимающиеся совершенно откровенной пропагандой расизма, прежде всего этнорасизма, и прямого фашизма. Примером может послужит газета «Штурмовик», которая в течение значительного числа лет издавалась в Москве под редакций К.Р. Касимовского. Для ее редактора признаками нации являются кровь, вера и земля. Русская нация для него прежде всего «русская раса». И эта раса является высшей и поэтому призвана господствовать над всем миром.

«... Мы призваны, — пишет К.Р. Касимовский в передовой статье своей газеты, — стать господами этого мира, потому что так захотел господь. И если для исполнения его воли потребуется утопить в крови пару миллиардов инородцев и иноверцев, — мы ни на секунду не задумаемся, гуманно это или нет, соответствует ли это правам человека. Чушь! У человека, настоящего человека нет и не может быть прав. У него есть обязанности. Обязанности перед богом, перед нацией, перед империей».[94]

Если националисты отстаивают этнорасизм, то наши «демократы» занимаются апологией социорасизма. Как утверждают они, наукой и опытом веков доказано, что только незначительная часть людей (8—12%) людей от природы одарена способностью заставить собственность приносить прибыль. Именно они и выдвигаются на вершину социальной лестницы. Остальные же обречены им служить.[95] Впрочем, не брезгуют «демократы» пропагандой и расорасизма, разумеется «белого».

Выше речь шла лишь о «белом» расорасизме. Но кроме него существует сейчас также и «желтый», и «черный» расорасизм. И последние разновидности расизма мало отличаются от «белого». Хотя «черный» расизм возник как своеобразная защитная реакция на многовековое угнетение и притеснение негров, особенно американских, вряд ли он в отличие от движения черных американцев, направленного против расовой дискриминации, может заслужить положительную оценку. И здесь та же самая расовая спесь и «теоретические» изыски, имеющие целью обосновать превосходство своей расы. Все это ярко проявилось в проповедях Уолласа Делани Фарда, принявшего имя Фарда Мохаммеда, и его верного последователя, основателя организации «Нация ислама» Элия Пула (Элия Мохаммеда).[96]

[93] Безверхий В.Н. Философия истории // Волхв Журнал венедов. 1993 1(7). С. 3.
[94] Касимовский К.Р. Беспощадный русский бунт // Штурмовик 1997. № 1.
[95] См., например: Вольский А. Социальный контракт: деноминация обязательств // НГ. 03.08. 2000.
[96] См Млечин Л Кто взорвал Америку? М., 2001. С 47-56.

Примером может послужить также получившая в США широкое распространение «афроцентристская египтология». Основные ее постулаты. древние египтяне были чернокожими, Древний Египет намного превосходил все древние цивилизации, древнеегипетская культура была истоком древнегреческой и тем самым всей европейской культуры, существовал и существует заговор белых расистов, ставящий целью все это скрыть.[97]

* * *

Теперь, когда проблема субъекта исторического процесса в принципе решена, можно перейти и к рассмотрению самого этого процесса, выявить основные его понимания и истолкования.

[97] См Нитобург Э Л Церковь афроамериканцев в США М , 1995 С 183-186, Вершовский М Другой расизм // НГ 27 09 1996

2. ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: ЕГО ПОНИМАНИЕ И ИСТОЛКОВАНИЕ (унитарно-стадиальный и плюрально-циклический подходы к истории, линейно-стадиальное и глобально-стадиальное понимания исторического прогресса)

2.1. ДВА ОСНОВНЫХ ПОДХОДА К ИСТОРИИ: УНИТАРНО-СТАДИАЛЬНЫЙ И ПЛЮРАЛЬНО-ЦИКЛИЧЕСКИЙ

Как было ранее выяснено, низшими, первичными субъектами истории являются конкретные отдельные общества — *социально-исторические организмы*, более высокими, вторичными — *системы социально-исторических организмов* и, наконец, высшим, третичным субъектом истории является вся совокупность существовавших и существующих социально-исторических организмов — *человеческое общество в целом*.

Соответственно, существуют процессы истории отдельных социоисторических организмов (общин, племен, вождеств, стран), процессы истории систем социоисторических организмов (исторических регионов) и, наконец, процесс всемирной, или мировой, истории.

Сразу же отмечу, что такого взгляда придерживаются далеко не все. Никто не сомневается в том, что существуют отдельные социоисторические организмы и их истории, системы социоисторических организмов и их истории. Иначе обстоит дело с понятием человеческого общества в целом (или, что почти то же самое, человечества в целом) и понятием процесса всемирной истории.

Наряду с изложенной выше точкой зрения, согласно которой реально существуют не только отдельные социоисторические организмы и различного рода их системы, но и человеческое общество в целом, и, соответственно, процессы развития отдельных социоисторических организмов и их систем, вместе взятые, образуют один единый процесс всемирной истории, существует и прямо противоположная. Если первое понимание можно было бы назвать *унитаристским* (от лат. unitas — единство), то второе — *плюралистским* (от лат. pluralis — множественный).

Суть плюралистического понимания истории заключается в том, что человечество подразделяется на несколько совершенно автономных образований, каждое из которых имеет свою собственную, абсолютно самостоятельную историю. Каждое из этих исторических образований возникает, развивается и рано или поздно с неизбежностью гибнет. На смену погибшим образованиям приходят новые, которые совершают точно такой же цикл развития.

В силу того, что каждое такое историческое образование все начинает с самого начала, ничего принципиально нового внести в историю оно не может. Отсюда следует, что все такого рода образования совершенно равноценны, эквивалентны. Ни одно из них по уровню развития не стоит ни ниже, ни выше всех остальных. Каждое из этих образований развивается, причем до поры до времени может быть даже поступательно, но человечество в целом не эволюционирует, и уж тем более — не прогрессирует. Происходит вечное вращение множества беличьих колес.

История человечества, таким образом, полностью раздроблена не только в пространстве, но и во времени. Существует множество исторических образований и, соответственно, множество историй. Вся история человечества есть бесконечное повторение множества одинаковых процессов, есть совокупность множества циклов. Поэтому такой подход к истории с полным основанием можно назвать не просто плюралистическим, а *плюрально-циклическим*. Исторический плюрализм неизбежно включает в себя циклизм.

Не составляет труда понять, что согласно такой точке зрения человеческого общества как целостного образование не существует. Нет человеческого общества в целом. Существует лишь человечество как простая сумма множества полностью самостоятельных общественных единиц. Соответственно всемирная история — простая совокупность историй этих единиц. Процессы их развития не образуют одного всемирного процесса. Нет мировой истории как единого процесса развития. Соответственно, не может быть и речи о *стадиях* развития человеческого общества в целом и тем самым об *эпохах* всемирной истории.

В последнее время выделяемые сторонниками такого понимания истории совершенно самостоятельные исторические единицы чаще всего называются цивилизациями. Поэтому такого рода подход к истории обычно именуется цивилизационным, что вряд ли можно считать удачным, хотя бы по той простой причине, что его основоположники использовали иные термины.

Так, например, Н.Я. Данилевский в работе «Россия и Европа» (1869), называл данные исторические образования культурно-историческими типами, а О. Шпенглер в первом томе своего «Заката Европы»(1918) — культурами, или великими культурами. В труде последнего плюралистский подход к истории получил наиболее рельефное воплощение. Для него идея единства человеческой истории совершенно неприемлема. Культуры у него выступают как совершенно самобытные, неповторимые, замкнутые в себе индивидуальности, связи между которыми отсутствуют. Каждая такая культура возникает, расцветает и гибнет совершенно независимо от других.

«...У «человечества», — писал О. Шпенглер, — нет никакой цели, никакой идеи, никакого плана, как нет цели и у вида бабочек или орхидей. «Человечество» — это зоологическое понятие или пустое слово. Достаточно устранить этот фантом из круга проблем исторических форм, и глазу тотчас же предстанет поразительное богатство *действительных* форм... Вместо безрадостной картины линеарной всемирной истории, поддерживать которую можно лишь закрывая глаза на подавляющую груду фактов, я вижу настоящий спектакль множества мощных культур, с первозданной силой расцветающих из лона материнского ландшафта, к которому каждая из них привязана всем ходом своего существования, чеканящих каждая на своем материале — человечестве — *собственную* форму и имеющих каждая *собственную* идею, *собственные* страсти, *собственную* жизнь, волнения, чувствования, *собственную* смерть». [1]

Говоря о культурно-исторических типах, великих культурах, цивилизациях и т.п., сторонники плюралистского подхода имели в виду либо отдельные социально-исторические организмы, либо, что гораздо чаще, те или иные совокупности социально-исторических организмов. Основанием для характеристики той или иной совокупности соцоисторических организмов как исторического единства была обычно общность культуры. Но никакого единого критерия общности культуры, а тем самым и границы

[1] Шпенглер О Закат Европы Т. 1. М., 1993 С. 151.

между культурами сторонники исторического плюрализма не выработали. Отсюда немало субъективизма и произвола в выделении границ исторических единиц.

Проще всего было, когда такой единицей объявляли реальный социально-исторический организм. И Н.Я. Данилевский, и О. Шпенглер, и А.Дж. Тойнби единодушно выделяют в качестве особой исторической единицы Древний Египет. Единодушие наблюдается и в том случае, когда имеется в виду региональная система социально-исторических организмов с более или менее четко очерченными границами. Так, например, все они в качестве особой исторической единицы называли Западную Европу. Но уже в вопросе об античности между ними существуют разногласия. Если О. Шпенглер говорит об античной, или греко-римской культуре, а А.Дж. Тойнби — об эллинской цивилизации, или эллинском обществе, то Н.Я. Данилевский — о двух различных культурно-исторических типах: греческом и римском.

Н.Я. Данилевский и О. Шпенглер подошли к истории человечества выборочно. Первый выделил десять развившихся культурно-исторических типов, добавив к ним два погибших насильственной смертью типа и еще один, которому еще предстоит расцвести. О. Шпенглер назвал восемь великих культур.

А.Дж. Тойнби же в своем «Постижении истории» попытался произвести полное историческое картографирование человечества. И делая это, он неоднократно менял точку зрения: то соединял несколько обществ, которые ранее считал особыми цивилизациями, в одну единицу, то разделял то, что ранее объявлял одной единицей, на несколько независимых цивилизаций.

Плюралистский подход к истории исключает существование стадий, имеющих всемирно-историческое значение. Но и унитаристский подход не обязательно связан с их признанием. Это можно наглядно видеть на примере «Философии истории» Л.П. Карсавина, в которой отстаивается унитаристское понимание истории и одновременно категорически отвергается идея исторического прогресса.

Выделение стадий всемирной истории с необходимостью предполагает соединение унитаристского понимания истории со взглядом на нее как на процесс не просто изменения, а развития, причем развития не вообще, а поступательного, т.е. прогресса. *Унитарно-стадиальное понимание* истории появилось первым. Оно возникло в результате длительного развития исторической и философско-исторической мысли.

2.2. АНТИЧНЫЙ МИР: ПЕРВЫЕ ШАГИ К УНИТАРНО-СТАДИАЛЬНОМУ ПОНИМАНИЮ ИСТОРИИ

2.2.1. Возникновение исторической науки (историологии)

Историология, или историческая наука, зародилась, как и вообще наука, только в античном обществе. Ранее такой науки не было, хотя и существовали различного рода описания исторических событий. Иногда их, чтобы отличить от исторической науки, называют историописаниями. Я буду называть это *преисториологией*. К преисториологии, в частности, относится ряд библейских книг (книга Судей Израилевых, две книги Самуила, две книги Царей, две книги Паралипоменон).

Древние греки тоже начали с преисториологии. В первой половине VI в. до н.э. появились произведения, который принято характеризовать как греческую историческую прозу. Авторов их называют логографами (от греч. логос — слово, прозаическое произведение и графо — пишу). Самый известный из них — Гекатей Милетский

(ок. 546—480 до н.э.). Труды логографов подготовили появление историологии, которая началась тогда, когда люди, пишущие о прошлом, стали размышлять о нем, ставить перед собой проблемы и предпринимать попытки их решить.

Первым историологом, или просто историком принято считать Геродота (ок. 484-425 до н.э.), хотя его труд «История» носит во многом еще преисториологический характер. Первым подлинно историологическим трудом является произведение младшего современника Геродота — Фукидида (460—396 до н.э.), которое тоже носит название «История». В этой работе впервые поставлен вопрос о цели и методе исторического исследования и сделана первая попытка ответить на него.

Фукидид считал, что в отличие от поэтов, воспевающих исторические события «с преувеличениями и прикрасами» и прозаиков, сложивших «свои рассказы в заботе не столько об истине, сколько о приятном впечатлении для слуха», историк должен искать истину.[2] Им впервые был поставлен вопрос об исторических источниках и их критике.

«Столь мало, — писал Фукидид, — большинство людей озабочено отысканием истины и охотно принимает готовые мнения... Пусть знают, что события мною восстановлены, с помощью наиболее достоверных свидетельств, настолько полно, насколько позволяет древность их... Я не считал согласным со своей задачей записывать то, что узнавал от первого встречного, или то, что я мог предполагать, но записывал события, очевидцем которых был сам, и то, что слышал от других, после точных, насколько возможно, исследований относительно каждого факта, в отдельности взятого. Изыскания были трудны, потому что очевидцы отдельных фактов передавали об одном и том же неодинаково, но так, как каждый мог передавать, руководствуясь симпатией к той и другой из воюющих сторон или основываясь на своей памяти. Быть может, изложение мое, чуждое басен, покажется менее приятным для слуха; зато его сочтут достаточно полезным все те, которые пожелают иметь ясное представление о минувшем... Мой труд рассчитан не столько на то, чтобы послужить предметом словесного состязания в данный момент, сколько на то, чтобы быть достоянием навеки».[3]

С появлением историологии историописание не исчезло. Наряду с историологами на всем протяжении античной эпохи жили и трудились сочинители исторической прозы. И последние всегда преобладали. Для них главным была не историческая истина, а искусство словесного выражения. Такого рода историография развивалась не как наука, а как искусство, как один из жанров повествовательной художественной литературы.[4]

2.2.2. Событийность и процессуальность в истории

История (везде, где это специально не оговорено, я имею в виду историю лишь цивилизованного, классового общества) всегда выглядит внешне как огромное множество индивидуальных событий, которые именуются историческими. И историк не может не заниматься их более или менее детальным описанием. Эта особенность историологии была в свое время абсолютизирована представителями баденской школы

[2] Фукидид. История. Т. 1. М , 1915. С. 15-16.

[3] Там же. С. 16.

[4] См.: Тронский И М. Корнелий Тацит // Корнелий Тацит. Соч. в 2-х т. Т. 2. Л., 1969; Дуров В С. Художественная историография Древнего Рима Л., 1993.

неокантианства — Вильгельмом Виндельбандом (1848—1915) и Генрихом Риккертом (1863—1936).

В своей речи «История и естествознание», произнесенной 1 мая 1894 г. В. Виндельбанд разделил все науки на два вида. Первые из них ищут в мире общее, законы. Это науки номотетические (от греч. номос — закон, гетос — установление). К ним относится прежде всего естествознание. Вторые изучают единичное в его исторически обусловленной форме, изучают отдельные явления, то, что было только однажды.

Если номотетические науки стремятся перейти от установления частного к пониманию общей связи, то вторые — останавливаются на тщательном выяснении частного. «Одни из них, — писал В. Виндельбанд, — суть науки о законах, другие — науки о событиях».[5] Науки второго рода он именует идиографическими (от греч. идиос — частное, особенное и графо — писать) и прежде всего относит к их числу историологию.

В дальнейшем эта идея была обстоятельно разработана в трудах Г. Риккерта «Границы естественно-научного образования понятий. Логическое введение в исторические науки» (Ч. 1.1896; Ч. 2. 1902; русск. перевод: СПб., 1903; 1997), «Науки о природе и науки о культуре» (1899; русск. перевод: СПб., 1911; послед. изд.: Г. Риккерт. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998) и «Философия истории» (русск. перевод: СПб., 1908; послед. изд.: Г. Риккерт. Философия жизни. Киев, 1998; Г. Риккерт. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998).

Г. Риккерт пишет о двух качественно отличных методах научного познания: генерализирующем и индивидуализирующем. Первый из них характерен для естествознания, которое является генерализирующей наукой, второй — для исторической науки. Правда, Г. Риккерт отмечает, что и историческая наука пользуется общими понятиями и может применять наряду со своим главным, индивидуализирующим методом и метод генерализирующей. Но в целом она по сущности своей является наукой индивидуализирующей.

Нельзя не отметить, что в рассуждениях В. Виндельбанда и Г. Риккерта имеется много верного. Естествознание никогда не задерживается на единичных фактах. От них она идет к общим фактам, а затем к теории, в которой отражается сущность изучаемых явления. Естественонаучное исследование есть процесс познания сущности, процесс *эссенциализации* (от лат. essentia — сущность). Историология всегда занимается не только общими, но единичными фактами. Она создает целостную картину, в которой каждый единичный факт занимает свое место, связывает эти единичные факты в одно единое целое. Историческое познание есть прежде всего процесс *холизации* (от греч. холос — целое).

Но обратив внимание на различие между естествознанием и историологий, В. Виндельбанд и Г. Риккерт в то же время абсолютизировали его. Их главный вывод практически заключается в том, что историология по самой своей природе не способна проникнуть в сущность изучаемых ею явлений, открыть их законы, что невозможно существование ни общих, ни частных исторических теорий. Тем самым они отказали историологии в возможность воспроизвести исторический процесс в его объективной необходимости.

В действительности в индивидуальных исторических событиях проявляется исторический процесс, идущий по объективным законам. Собственно, он и существует

[5] Виндельбанд В. История и естествознание // В. Виндельбанд Прелюдии. СПб., 1904 С 320.

только в этих событиях. Вне событий и без событий его нет. *Событийность* и *процессуальность* в истории неотделимы друг от друга и друг без друга не существуют. И тем не менее исторический процесс не сводится к сумме событий. Отношение исторических событий и исторического процесса есть, по существу, отношение явлений и сущности. Чтобы глубоко познать любое историческое событие, нужно понять его как проявление исторического процесса. Историку нужна не только холизация, но и эссенциализация. Более того, только эссенциализация и может обеспечить не поверхностную, а глубокую холизацию.

В определенной степени это понимают все мыслящие историки. Крупный французский исследователь Анри Берр (1863—1954) особо подчеркивал, что история должна «выработать общее», ибо наука существует только как знание об общем.[6] Другой известный современный историк англичанин Эдвард Наллетт Карр (1892—1982) писал: «Само использование языка принуждает историка, подобно естествоиспытателю, к обобщению. Пелопонесская война и Вторая мировая война очень различны, и обе уникальны. Но историк называет обе войнами, и только педант мог бы протестовать... Современные историки делают то же, когда пишут об английской, французской, русской и китайской революциях. В действительности историк интересуется не уникальным, а тем общим, что существует в уникальном... Историк постоянно использует обобщения, чтобы доказать свою правоту».[7] Поэтому «бессмыслицей является утверждение, что обобщение чуждо истории; история произрастает из обобщений и процветает на них».[8]

Это особенно важно подчеркнуть сейчас, когда некоторые российские историки, прежде всего уже упоминавшийся выше А.Я. Гуревич, не только сами принимают неокантианские взгляды, но и усердно их пропагандируют как последнее слово в развитии теоретико-познавательной мысли. Результат, если судить по их работам, довольно плачевен. Так, А.Я. Гуревич в одной из своих работ подвергает резкой критике Л. фон Ранке за то, что «тот воображает, что способен восстановить жизнь прошлого в том виде, в котором она некогда существовала», и Ж. Мишле за то, что тот говорить о «воскрешении» прошлого. «В действительности, — категорически утверждает он, — историк на «воскрешение» прошлого не способен, и лучше отдавать себе в этом ясный отчет».[9] И одновременно он же на той же странице той же самой работы говорит, что роль историка заключается в «осмыслении и реконструкции прошлого».[10] Таким образом, по мнению А.Я. Гуревича, «восстановить», «воскресить» прошлое нельзя, а «реконструировать» его можно. Но ведь слово «реконструкция» означает именно «воссоздание», «воспроизведениее», «восстановление», «воскрешение».

И такого рода противоречиями переполнены все его работы, в которых он обращается к вопросам теории. В той же статье он на одной странице превозносит презентизм, а на следующей объявляет его несостоятельным.[11] Правда, неокантианство здесь ни при чем. Просто автор не способен не только теоретически, но и просто логически мыслить.

[6] См. Таран Л. Теория «исторического синтеза» Анри Берра // Французский ежегодник. 1968. I., 1970. С. 370.

[7] Carr E.H. What is History? Harmondsworth, 1967. P. 63

[8] Ibid. P. 64

[9] Гуревич А Я. О кризисе современной исторической науки // ВИ. 1991 № 2-3. С. 32.

[10] Там же С. 32

[11] Там же. С 32- 33.

Убедительнейшим опровержением неокантианской концепции исторического познания является развитие самой исторической науки.

2.2.3. Два направления развития исторической и историософской мысли

Суть прогресса исторического знания состояла и состоит в движении мысли от событийной стороны истории к ее процессуальной стороне, от взгляда на историю как на совокупность, пусть связную, событий к пониманию ее как процесса.

Развитие исторической и философско-исторической мысли шло по двум линиям, которые на первых порах далеко не совпадали. Во-первых, историки и люди, разрабатывавшие проблемы философии истории (историософии), занимались поисками причин исторических событий, которые в дальнейшем дополнились поисками движущих сил исторического процесса.

Во-вторых, историки и историософы искали общее, особенное и повторяющееся в истории. Конкретно это выражалось в попытках создания типологий социально-исторических организмов и периодизаций истории. На первых порах типологизация социоров и выделение эпох истории не совпадали. Но в идеале, когда речь идет о научной периодизации всемирно-исторического процесса, она с неизбежностью должна представлять собой не что иное, как типологию социоисторических организмов, но не простую, а стадиальную.

С появлением стадиальных типологий социоисторических организмов проблема движущих сил истории, факторов исторического процесса вышла на первый план, оттеснив на второй вопрос о причинах исторических событий.

2.2.4. Историческая мысль в поисках причин исторических событий

Исторические события всегда представляют собой действия людей и результаты этих действий. История всегда складывалась из поступков людей. Деятельность людей в норме всегда мотивирована и является сознательной и целенаправленной. Поэтому в поисках причин исторических событий историки всегда обращались к мотивам, побуждавшим людей к действиям, и к целям, которые они перед собой ставили. В трудах многих греческих историков люди, прежде всего великие люди, выступали как двигатели истории. Считалось, что их воля предопределяет ход исторических событий.

Но одновременно становилось все более ясным, что ход и исход событий далеко не всегда был таким, каким хотели бы его видеть действующие лица. Далеко не всегда это можно было объяснить только тем, что воля одних людей столкнулась с волей других, которая и пересилила, — тем, что ход и исход событий предопределили действия не этих, а иных людей. Нередко в результате сознательных и целенаправленных человеческих действий получалось то, что не планировал, не желал и не ожидал никто даже из самых выдающихся участников исторических событий.

2.2.5. Понятие судьбы у античных историков

Сказанное выше объясняет, почему у древнегреческих историков с самого начала присутствовало в трудах понятие *судьбы*. Оно было не только в труде Геродота, который допускал вмешательство в действия людей сверхъестественных сил, но и Фукиди-

да, который исходил из того, что нужно искать естественные и только естественные причины исторических событий, в результате чего обрел славу атеиста.

Судьба понималась как нечеловеческая, объективная сила, которая предопределяла ход и исход событий. Когда люди сами своими действиями направляли ход событий, последние были одновременно предопределенными и предсказуемыми. Отсюда тенденция к отождествлению понятий предопределенности и предсказуемости. Когда ход и исход событий направлялся судьбой, они выступали перед людьми как непредсказуемые и тем самым как бы непредопределенные. Они действительно не были предопределены самими людьми, но предопределены господствовавшей над ними какой-то силой, которая и осознавалась как судьба. И в этом смысле они были одновременно предопределенными и неопределенными.

Существовало две основные трактовки судьбы как в обыденной жизни, так и в исторической науке. Одна из них — понимание судьбы как абсолютной предопределенности, т.е. как того, чего не могло не быть, как неизбежности, неотвратимости, необходимости. В языке такое понимание судьбы нашло свое выражение в словах «рок», «фатум». Неопределенность при такой трактовке выступала как нечто субъективное. Она сводилась к непредсказуемости, которая была следствием лишь незнания объективной неотвратимости, необходимости.

Другая трактовка предопределенности и неопределенности нашла свое выражение в словах «везение», «фортуна». В молодежном жаргоне ныне это обозначается как «везуха». Здесь предопределенность понимается как зависимость хода и исхода человеческих действий от случайного стечения обстоятельств. В данных условиях было именно так, но в принципе могло быть и иначе.

Во второй трактовке предопределенность неотделима от неопределенности и тем самым от непредсказуемости. Непредсказуемость здесь выступает как результат не отсутствия знания ситуации, а самой ситуации. Такая трактовка судьбы открывала дорогу для обоснования значения активной деятельности человека. Человек должен ловить миг удачи, использовать поворот колеса фортуны. Если он сам не будет активно действовать, удача может его обойти.

Через понятие судьбы античные историки вышли на понятия предопределенности и неопределенности, необходимости и случайности, альтернативности и безальтернативности в истории, предсказуемости и непредсказуемости хода исторических событий, а в дальнейшем и на проблему свободы и необходимости в истории.

На первых порах понятие судьбы играло не слишком заметную роль. История рассматривалась как предопределенная прежде всего волей людей. Но, начиная с эпохи эллинизма, понятие судьбы все больше выдвигается на первый план. Это была иллюзорная форма, в которой происходило осознание того, что история не представляет собой простой совокупности или даже цепи исторических событий, что в этих событиях проявляется исторический процесс, который протекает по законам, не зависящим от воли и сознания людей.

2.2.6. Провиденциализм Августина Аврелия и начало философии истории

Свое завершение этот процесс нашел в трудах ранних христианских мыслителей, которые, в конечном счете, пришли к выводу о принципиальной слепоте человеческих действий. Людям кажется, что они своей волей предопределяют ход и исход событий, но в действительности их воля, а тем самым их действия и результат этих действий в

конечном счете предопределяются не зависящей от них силой. Этой силой является бог. Вся история есть реализация божественного плана или провидения. Такой взгляд на историю носит название *провиденциализма*. Последний нашел свое классическое выражение в труде христианского церковного деятеля и богослова Августина Аврелия (354—430) «De civitate Dei» (413—427; русск. переводы: Блаженный Августин. О граде божием. Т. 1—4. М., 1994; Творения. Т. 3—4. СПб.— Киев,1998; М.— Минск, 2000).

Годы жизни Августина Аврелия пришлись на эпоху, когда Римская империя корчилась в предсмертных судорогах. В 378 г. под Адрианополем вестготы вместе с примкнувшей к ним массой недовольных римских подданных нанесли сокрушительное поражение войскам Валента — правителя восточной части Римской империи. Сам Валент был убит. В 395 г. Римская держава окончательно распалась на Западную Римскую империю и Восточную Римскую империю. В 410 г. вестготы во главе с Аларихом взяли и разграбили Рим. Затем они двинулись на запад, дошли до Галлии, где в 418 г. основали первое варварское королевство — Тулузское. Потом вестготы завоевали Испанию, вытеснив оттуда поселившихся там в начале V в. вандалов и аланов. Последние переправились в 429 г. в Северную Африку и основали свое королевство. Августин Аврелий умер в 330 г. в осажденном варварами североафриканском городе Гиппоне, в котором с 395 г. был епископом.

В подобные катастрофические эпохи перед людьми с особой силой встают вопросы о причинах происходящих бедствий и о будущем человечества. Имея в виду такие переломные периоды в истории, замечательный русский поэт Федор Иванович Тютчев (1803—1873) писал в стихотворении «Цицерон»:

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.[12]

Правда, существует и другое суждение о подобных временах. Его предельно четко выразил другой русский поэт — наш современник Николай Иванович Глазков (1919—1979):

Я на мир взираю из-под столика.
Век двадцатый, век необычайный.
Чем эпоха интересней для историка,
Тем она для современников печальней.[13]

Не будем гадать, был ли счастлив Августин Аврелий тем, что жил в подобную рода эпоху, но мысль его работала напряженно, пытаясь ее осознать. Для нас его труд «О граде божьем» прежде всего интересен тем, что в нем, по существу, впервые в более или менее отчетливой форме вся история человечества представлена как один единый процесс. В этом смысле Августин Аврелий стоит у истоков унитаристского понимания истории. Соответственно, им был поставлен вопрос не просто о причинах исторических событий, а о движущих силах исторического процесса и предложено своеобразное его решение.

[12] Тютчев Ф И Цицерон // Стихотворения Письма Воспоминания современников М , 1988 С 43.

[13] Существует несколько вариантов этого четверостишья Привожу тот, который представляется мне наилучшим Он был опубликован в газете «Московский комсомолец» 29 сентября 1993 г Другой вариант см Русская поэзия Антология М ·, 1999 С 447

По существу, в его труде мы сталкиваемся с первой философско-исторической концепцией. Если Геродота именуют отцом истории (историологии), то Августина, вероятно, можно назвать прародителем философии истории (историософии), хотя эта дисциплина окончательно оформилась и получила название гораздо позже. Сам же термин получил гражданство лишь после появления книги Вольтера «Философия истории» (1765; русск. перевод: СПб., 1868).

В основе исторической концепции Августина лежит идея о взаимодействии в истории человечества «двух градов» — земного (terrena) и небесного (coelestes), божьего (Dei), которые различаются по своей ценностной ориентации и своему высшему предназначению. Земной град составляют люди, желающие жить «по плоти», небесный — живущие «по духу». Небесный град есть общность, скитающаяся по земле, но ей не принадлежащая. Августин не отождествлял небесный град с христианской церковью, а земной — с миром. Не все члены церкви — подлинные граждане божьего града. С другой стороны, праведники есть и вне церкви, в миру. Эти два града рассеяны по земле, перемешаны в реальном всемирном человеческом обществе. Между ними нет видимой границы. Люди не осознают своей принадлежности к тому или иному граду.

Наиболее яркое проявление земного града — государство. Отношение Августина к нему двойственной. С одной стороны, он характеризует его как разбойничью шайку, отличающуюся от обычных банд лишь своей величиной[14], с другой, рассматривает его как организацию порядка. Так как государство, в том числе и римское, относится к земному миру, то его крушение не может сказаться на судьбах небесного града.

Борьба двух градов — столкновение добра и зла. Она должна завершиться полным отделением земного и небесного градов друг от друга. Это произойдет на страшном суде, который положит конец миру и истории. Праведники, предопределенные к спасению, обретут вечную блаженную жизнь в небесном царстве, остальные будут обречены на вечное наказание. Два града есть два общества людей, «из которых одному предназначено вечно царствовать с Богом, другому подвергнуться вечному наказанию с дьяволом».[15]

Конечно, в концепции Августина нашла свое завершение эволюция понятия судьбы в античной историологии. Он выступает против идеи судьбы-фортуны и принимает понимание судьбы как рока, но при том непременном условии, что эта абсолютная предопределенность трактуется как проявление божественной воли и силы. Всякое другое толкование судьбы-рока он категорически отвергает. «Царства человеческие, — пишет Августин, — устраиваются вообще божественным провидением. Если же кто-либо приписывает это судьбе на том основании, что именем судьбы называет самую волю или силу божественную, такой пусть мысль удержит, но выражение ее исправит».[16]

Вряд ли можно сомневаться в том, что взгляд Августина на историю человечества как на единое целое связан с расширением кругозора поздних античных мыслителей и историков, нашедшего свое наиболее яркое выражение в написании последними множества «всеобщих историй». Однако рассматривать концептуальное построение

[14] См.: Блаженный Августин. О граде божием. В двадцати двух книгах. Т. 1. Кн. 1-7. М., 1994. С. 183-184.

[15] Там же Т. 3 Кн. 14-17. С 66.

[16] Там же. Т. 1. С 234.

Августина только как результат обобщения достижений античной исторической науки вряд ли возможно. Многое, если не основное, в его концепции проистекало из того, что находилось вне науки, а именно из религиозных, прежде всего иудаистских и христианских догм.

Важнейшим авторитетом была для него Библия. Целиком на библейских сказаниях была основана предложенная им периодизация всемирной истории. Им были выделены шесть периодов: первый — от сотворения мира до Всемирного потопа, второй — от Ноя до Авраама, третий от Авраама до Давида, четвертый — от Давида до вавилонского пленения, пятый — от вавилонского пленения до рождения Христа, шестой, начавшийся с рождением Христа, должен завершиться вторым его пришествием, страшным судом и концом мира. Таким образом, концепция истории, созданная Августином, была эсхатологической. К исторической науке его периодизация никакого отношения не имела и никогда не представляла научной ценности.

Вряд ли можно согласиться с теми, кто считает Августина основоположником концепции исторического прогресса. Разумеется, он рассматривал всемирную историю как движение по одной прямой линии. Его концепция действительно противостояла идеям круговорота, которые имели в то время хождения. Но идеи исторического прогресса у него не было. Выделенные им периоды всемирной истории были только определенными отрезками времени. Понятие о стадиях развития человечества у него полностью отсутствовало. Его понимание истории было унитарным, причем первым таким пониманием в истории человеческой мысли, но никак не унитарно-стадиальным.

2.2.7. Идеи исторического прогресса в античную эпоху

Это не значит, что идея исторического прогресса была совершенно чужда античности. Она существовала в эту эпоху, равно как и идея исторического регресса. Причем последняя зародилась раньше. Она присутствует уже в поэме Гесиода (VIII—VII до н.э.) «Труды и дни» (послед. русск. изд.: Эллинские поэты. М., 1999), в которой говорится о пяти веках истории человечества: золотом, серебряном, медном, веке героев и, наконец, железном веке. С каждым из этих веков, исключая, может быть, героический, положение людей непрерывно ухудшалось. С исторической наукой эти построения Гесиода никак не были связаны: она тогда еще не существовала.

Идея прогресса человечества присутствует в трудах целого ряда древнегреческих философов. В частности, она обнаруживается у Демокрита (ок. 460—370 до н.э.), по мнению которого первые люди вели грубую и звериную жизнь, питаясь естественными кормами земли и случайными плодами деревьев. Составить более четкое представление о взглядах Демокрита по этому вопросу трудно, ибо ни одно его произведение до нас не дошло. В нашем распоряжении лишь разрозненные фрагменты (русск переводы: Демокрит в его фрагментах и свидетельствах древности. М., 1935; С.Я. Лурье. Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования. Л., 1970).

Более конкретными были представления одного из учеников Аристотеля — Дикеарха (350—290 до н.э.), который выдвинул идею развития форм человеческого хозяйства от охоты и собирательства через скотоводство к земледелию. Об этом свидетельствует римский писатель и ученый Марк Теренций Варрон (116—27 до н. э.) в своем труде «Сельское хозяйство» (русск. перевод: М.-Л. 1963), в котором он целиком присоединяется к мнению Дикеарха.

В достаточно четкой форме идея прогрессивного развития человечества присутствует в поэме последователя Демокрита и Эпикура римского философа Тита Лукреция Кара (ок. 99—55 до н.э.) «О природе вещей» (русск. перевод: Т. 1—2. М., 1946—1947; М., 1958). Трудно сказать, что из изложенного в поэме принадлежит самому Лукрецию, а что заимствованно им из работ Демокрита и Эпикура. Во всяком случае в ней говорится и о первоначальном зверином состоянии человечества, и о том, как люди выходили из него.

По Лукрецию, люди вначале занимались собирательством и охотой и лишь затем перешли к скотоводству и земледелию. Говорит он и об освоении ими огня. Как пишет Лукреций, сначала люди использовали орудия из дерева и камня, затем открыли медь и только вслед за этим — железо. Здесь отчетливо прослеживаются контуры будущей археологической периодизации, в которой в качестве стадий развития человечества выступают каменный, меднокаменный, бронзовый и железный века.

Все это были замечательные догадки, но к современной им исторической науке они прямого отношения не имели. Она возникла как наука лишь о писаной истории человечества, т.е. об истории одних только классовых, цивилизованных обществ. Предшествующий период истории человечества находился вне ее поля зрения. И так обстояло дело на протяжении очень длительного времени. Наука о неписаной истории человечества, т.е. истории первобытного и предклассового общества, возникла, во всяком случае, не раньше второй половины XIX в.

Поэтому попытки усмотреть во всех изложенных выше взглядах, начиная с Гесиода и кончая Лукрецием, подлинное понимание истории как процесса и настоящую ее периодизацию лишены основания. Выявление реальных, а не фантастических движущих сил истории и создание научной ее периодизации предполагало выявление общего и повторяющегося в истории. А по этой линии античные мыслители продвинулись не очень далеко, хотя кое-что ими все же было сделано.

2.2.8. Античные мыслители в поисках общего, особенного и повторяющегося в истории

В отличие от Древнего Востока, в античной Греции существовало многообразие форм государственного устройства, для обозначения которых стихийно возникали различного рода термины. Все это дало основу для создания выдающимся древнегреческим философом Платоном (427—347 до н.э.) типологии форм государственного устройства, которая была одновременно и косвенной типологией социально-исторических организмов. Он несколько раз видоизменял ее. В одном из произведений, относящихся к самому позднему периоду его творчества, — диалоге «Политик» (русск. перевод. Соч. в 3-х т. Т. 3. Ч. 2. М., 1972) он выделяет правление одного (монархию), двумя разновидностями которого являются царская власть и тирания, правление немногих, подразделяющееся на аристократию и олигархию, и правление большинства — демократию.

В последующем типология форм государственного устройства разрабатывалась другим великим греческим мыслителем Аристотелем (384—322 до н.э.), который помимо всего прочего был и крупным историком. Его перу принадлежит такой выдающийся исторический труд, как «Афинская полития» (русск. перевод: М.-Л., 1936; М., 1995, 1997). В книге «Политика» (русск. перевод: Соч. в 4-х т. Т. 4. М., 1983; 1997) Аристотель выделил три правильные формы государственного устройства и три не-

правильные. К правильным он отнес царскую власть, аристократию и политию, к неправильным — тиранию, олигархию и демократию.

Еще меньше продвинулись античные мыслители по пути поисков повторяющегося в истории. Хотя в литературе часто утверждается, что в античной историографии чуть ли не господствовала теория исторического круговорота, согласиться с этим вряд ли возможно. Конечно, идея циклизма в античной мысли присутствовала. Но она, как правило, относилась к миру в целом, к космосу. К истории она почти не применялась, хотя основания для этого были: на глазах историков возникали, расцветали и гибли державы.

Если говорить о собственно исторической науке, то идею круговорота можно усмотреть лишь в созданной выдающимся греческим историком Полибием (ок. 200—120 до н.э.) схеме эволюции форм государственного устройства. В шестой книге его «Всеобщей истории» (русск. перевод: Т. 2. СПб., 1995) рисуется такая картина. Первоначальной формой государственного устройства была царская власть. Она уступает место тирании, которая сменяется аристократией. Аристократия перерождается в олигархию, которая рушится в результате выступления народа, учреждающего демократию. Демократия вырождается в охлократию, которая делает неизбежным установление единоличной власти. А затем все идет по новому кругу.

В результате того, что греческие мыслители не слишком далеко продвинулись в поисках общего и повторяющегося в истории, подлинная периодизация всемирно-исторического процесса в античной мире так и не возникла. Но в античной науке на смену трудам, в которых исследовались те или иные крупные исторические события, все в большей степени стали приходить работы, в которых воссоздавались истории социоисторических организмов, а затем и история всех известных античным историкам обществ вместе взятых — «всеобщие истории».

Все это вызвало нужду в хотя бы какой-то периодизации, если и не всемирной, то во всяком случае выходящей за пределы истории не только одного социоисторического организма, но и средиземноморской их системы. Так как подлинная периодизации «всеобщей истории» в античном мире так и не возникла, то в какой-то мере ее роль со временем стала играть концепция «четырех мировых монархий», оформившаяся в III в. до н.э.

2.2.9. Концепция четырех мировых монархий

У истоков концепции четырех мировых монархий — труд греческого историка Ктесия «История Персии». Сам Ктесий происходил из Книда (Малая Азия), попал в плен к персам и 17 лет (415—398 до н.э.) провел при дворе царя царей Артаксеркса II в качестве врача. Все его исторические труды написаны им после того, как освободившись от царской службы, он перебрался в Грецию.

Изложение истории Ктесий начинает с Ассирии. Не располагая слишком большими данными о реальной истории этой державы, как это видно хотя бы из того, что ее основателем Ктесий объявляет никогда ни существовавшего в действительности царя Нуна, он рисует это царство по образцу могущественной Персидской монархии, которую наблюдал воочию. Затем Ассирийскую державу сменила ставшая столь же могущественной Мидия, а далее эстафета перешла к Персии. Таким образом, в работе Ктесия фигурировали три великие мировые державы.

Когда в результате побед Александра Македонского возникла новая мировая

империя, она вошла в этот список как четвертая. Концепция четырех монархий не получила распространения ни в Греции, ни в Египте, ибо история этих стран в ней по существу игнорировалась, но была подхвачена в той части бывшей державы Александра Македонского, которая оказалась под властью Селевкидов. И довольно скоро она стала идеологическим обоснованием борьбы против греко-македонского владычества.

В первых трех мировых державах: Ассирийской, Мидийской и Персидской — правителями были свои, восточные монархи, в четвертой у власти стоят чужеземцы. Господство их с неизбежностью должно рухнуть, и на смену четвертой державе придет новая, пятая, где снова будет править своя, восточная династия. И эта идея находила подтверждение в реальности. В середине III в. до н.э. отделились от державы Селевкидов и добились независимости Бактрия и Парфия.

Ко II в. до н.э. концепция четырех монархий получила широкое распространение. В частности, она нашла свое выражение в библейской книге пророка Даниила, которая была создана между 168 и 165 гг. до н.э., в разгар борьбы иудеев против Антиоха IV. В книге Даниила говорится о четырех монархиях (под которыми, по-видимому, понимались Халдейское, Мидийское, Персидское и Греко-Македонское царства) и идущей на смену державе Селевкидов пятой монархии. В такой форме автор выражал свою надежду на победу восстания под руководством Иуды Маккавея.

Во II веке до н.э. концепция четырех монархий проникает в Рим. В представлениях римлян их государство выступает как истинный преемник и наследник четырех мировых держав: Ассирии, Мидии, Персии и Македонии. Но если вначале данная концепция использовалась для апологетики Рима, то в последующем в ней начали находить выражение и оппозиционные Риму настроения. Рим стал в них выступать как четвертая монархия, на смену которой должна прийти пятая — с Востока.

В качестве четвертой монархии Римская держава выступает в работе римского историка Помпея Трога (I в. до н.э. — I в. н.э.), в которой предпринята попытка дать широкую картину развития человечества от царствования легендарных Нуна и Семирамиды до современных ему дней. История всех известных Помпею Трогу стран группируется вокруг последовательной смены четырех великих империй: Ассирийской, Персидской, Македонской и Римской. Правда, Риму в его работе уделено меньше всего внимания. В центре повествования — Македонская держава и ее основатель Филипп II — отец Александра Македонского. Поэтому труд Помпея Трога в том виде, в каком он дошел до нас, а именно в виде краткого изложения, сделанного Марком Юнианом Юстином, носит название «Филиппова история» («Historiae Philippicae»)

В последующем концепция четырех и пятой монархий проникает в христианскую историографию. Вокруг смены четырех мировых держав организована история всех известных стран и народов у Иеронима (ок. 340—419/20), который перевел на латинский язык, доработал и дополнил «Хронику» Евсевия Памфила (ок. 260—340) (русск. перевод последней части: Творения Блаженного Иеронима Стридонского. Часть 5. Киев, 1879) и написал «Одну книгу толкований на пророка Даниила» (русск. перевод: Там же. Часть 12. Киев, 1894). Картина смены четырех мировых царств. Вавилонского, Македонского, Карфагенского и Римского — рисуется учеником Августина Аврелия — Павлом Орозием (ок. 380 — ок. 420) в «Истории против язычников» (ок. 417; русск. перевод 1—3 книг: СПб., 2001; 4—5 книг. 2002)

Большинство христианских мыслителей считало, что Римская империя является последним земным государством, падение которого приведет к светопреставлению и наступлению царства божьего.

2.3. КОНЕЦ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОЕ ВРЕМЯ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ УНИТАРНО-СТАДИАЛЬНОГО ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ

2.3.1. Вводные замечания

Последние века существования античного мира характеризуются общим упадком науки и вообще теоретической мысли. Это в полной мере относится и к историологии. С гибелью этого мира наука исчезла совсем. Это верно и в отношении Восточной Римской империи (Византии), которая продолжала существовать вплоть до 1453 г. Исторические сочинения византийских авторов не были научными трудами. Они представляли собой историописания. В одном из самых последних трудов, посвященных византийской литературе, все эти произведения вместе взятые охарактеризованы как историческая проза.[17] Хроники и иные исторические произведения западноевропейского средневековья, равно как и русские летописи, также к науке не относятся. Все это — не историология, а преисториология, хотя своеобразная, ибо она все же кое-что унаследовала от античной историологии и историософии. В западноевропейской средневековой преисториологии почти безраздельно господствовал провиденциализм. И если не сразу, то довольно скоро возродились и концепция четырех мировых монархий, и шестичленная схема периодизации всемирной истории, созданная Августином Аврелием.

Наряду с ними возникает и третья схема — периодизация по трем «мировым эпохам», соответствующим трем ипостасям «божественной троицы». В ней в мистическо-религиозной форме была выражена идея исторического прогресса. Появилась она в трудах философа Иоанна Скота Эриугены (810—880).

Наиболее обстоятельно эта идея была разработана итальянским монахом Джоаккино да Фьоре, известным под именем Иоахима Флорского, или Калабрийского (1130—1202). Согласно учению Иоахима, изложенному в его трудах «Согласование Ветхого и Нового заветов» (в русск. переводе имеется извлечение: Антология средневековой мысли. Теология и философия европейского средневековья. Т. 1. СПб., 2001) и «Введение в Апокалипсис», история человечества есть проявление божественного откровения. С каждым лицом святой троицы связана своя особая ступень откровения, которой соответствует определенное «состояние мира» (status mundi).

Таким образом, человечество проходит в своем развитии три стадии. Первая фаза — от Адама до рождения Христа — время «бога отца», когда люди жили «по плоти», стремились прежде всего к «земному владению» и повиновались законам в силу страха. Они были полностью несвободны, находились в рабской покорности богу.

За ней следует вначале подготовка, а затем и само время «бога сына», когда божественное откровение достигает большего совершенства. Люди живут отчасти еще «по плоти», отчасти уже «по духу», стремление к «земному владению» у них все еще сильно, но уже не безраздельно. В этот период человек еще не свободен, хотя страх уже сменился сознательным поведением, дисциплиной. Он находится в сыновнем послушании богу. Этот период характеризуется организацией и расцветом христианской церкви.

Но уже со времени зарождения монашества закладываются семена нового, третьего состояния (tertius status), когда люди будут жить только «по духу». Третий

[17] Бибиков М В Византийская историческая проза. М , 1996

период — время «святого духа». Для него будет характерна полная свобода духа. Единственной связью между людьми станет не страх и не дисциплина, а любовь. Произойдет освобождение от «всякого рабского труда». Восторжествует вечная справедливость. Государство и церковь с присущими им элементами насилия перестанут быть нужными и исчезнут. «Первый статус мира, — писал Иоахим Флорский, — прошел в рабском служении, второй — в сыновнем послушании, третий — в свободе Первый есть статус рабов, второй — сыновей, третий — друзей».[18]

Таким образом, Иоахимом Флорским, по существу, была создана первая в истории философской мысли унитарно-стадиальная концепция всемирной истории. Она была крайне абстрактной, ибо в ее основе лежал не исторический материал, а страстное желание обездоленных народных масс добиться счастливой жизни не в царствии небесном, а на земле.

Учение Иоахима Флорского находилось в резком противоречии с официальной церковной доктриной. С опровержением его выступил величайший авторитет того времени Фома Аквинский (1225/1226—1274), и оно было последовательно осуждено тремя церковными соборами.

Историческая наука стала возрождаться в Западной Европе лишь в эпоху Ренессанса, а окончательно оформилась только в новое время.

2.3.2. Ранние концепции циклизма: Ибн Халдун, Н. Макьявелли, Ф. Патрици, Дж. Вико

Поиски повторяющегося в истории привели некоторых мыслителей к созданию концепций циклического развития. В их основу легли факты мировой истории: возникновение, расцвет и гибель социально-исторических организмов и их систем, прежде всего державных: Вавилонии, Ассирии, Персии, Рима и т.п. Собственно, все предпосылки такого рода построений содержались уже в концепции четырех монархий. Ведь каждая из этих мировых держав возникла, расцвела и, наконец, сошла с исторической арены. Нужно было только все это концептуально осмыслить.

Идея исторического циклизма существовала давно. Как уже указывалось, она присутствует во «Всеобщей истории» Полибия. Но последний имел в виду не социоисторические организмы, взятые сами по себе, а только формы их государственного устройства. Его концепция циклизма касалась развития общества в целом лишь косвенно.

Циклизм особенно наглядно проявлялся в развитии стран как древнего, так и средневекового Востока. Его не могли не заметить и люди, которые по роду своей деятельности были далеки от науки. Так, например, китайский поэт Чжан Сяосун, живший в XII в., писал:

Цветы цветут, когда их не посадишь.
Но у истории свои законы:
За процветанием приходит гибель...
И вот уж нет прудов и павильонов![19]

[18] Цит.: Стамм С.М. Учение Иоахима Калабрийского // Вопросы истории религии и атеизма. 7. М., 1959. С. 338.

[19] Голос яшмовой флейты. Из китайской классической поэзии в жанре Цы в переводах М. Басманова. М., 1988. С. 247.

Поэтому совершенно не удивительно, что первая подлинная концепция циклического развития общества была создана именно на Востоке. Ее творцом был великий арабский мыслитель Ибн Халдун (1332—1406). Самый крупный его труд нередко называют просто «Большой историей». Полное его название — «Книга поучительных примеров или диван сообщений о днях арабов, персов и берберов и их современников, обладавших властью великих размеров».

Но славу Ибн Халдуну принесло не столько само это произведение, сколько введение к нему, представляющее по существу вполне самостоятельную работу. По-арабски этот труд называется «Мукаддима», что передается как «Введение» или «Пролегомены». Написан он в основном в 1375—1379 гг. На русский язык «Введение» никогда не переводилось. Фрагменты из него опубликованы в книге «Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX—XIV вв.» (М., 1961) и в приложении к работе Александра Александровича Игнатенко «Ибн-Хальдун» (М., 1980). Именно в «Мукаддиме» Ибн Халдун изложил свои взгляды на человеческое общество и его историю.

По мнению Ибн Халдуна, исторически первой формой человеческой жизни является сельская, прежде всего кочевая. Суровые условия существования диктуют людям строгие нравы и заставляют их держаться друг друга. Подчинение одних племен другими имеет своим следствием появление царской власти и городов. Возникает вторая форма человеческой жизни — городская. В городах получают развитие ремесло и торговля, появляются достаток и роскошь. Все это ведет к порче нравов, утрате былых добродетелей. Люди становятся изнеженными, неспособными защитить себя.

Множатся траты и растут расходы власти и государственных людей. Все это имеет своим следствием увеличение налогового бремени. Податей не хватает, и государство начинает чинить несправедливость и насилие над подданными. Последние теряют всякую надежду на лучшую жизнь, и многие отвращаются от труда, что ведет к сокращению суммы сборов. В результате государство начинает клониться к бессилию и упадку и в конце концов разрушается.

Всего в развитии государства Ибн Халдун выделяет пять фаз. На последней наступает старость правящей царской династии, и ею овладевает затяжная болезнь, от которой она уже не может избавиться. Дряхлость настигает и одолевает династию даже тогда, когда нет внешних врагов. Но чаще всего гибель государства наступает в результате нашествия племен, которые до этого вели суровый кочевой образ жизни. Средняя продолжительность жизни династии — 120 лет.

Племена и племенные союзы завоевывают города потому, что стремятся к покою и удобству городской жизни. В результате завоевания к власти приходит новая царская династия. Ей, от отличие от первой, нет необходимости строить город. Нужно лишь обновить уже существующий. Большая часть победителей становятся горожанами. Начинается тяга к роскоши, теряются былые добродетели, растут пороки, усиливается налоговое бремя. Через 120 лет и эта династия дряхлеет и гибнет.

Приходят новые завоеватели, с которыми происходит то же самое. И так без конца. История есть вечный круговорот. Правда, каждый новый цикл начинается на основе, подготовленной предшествующими. В этом смысле в истории есть поступательное развитие. Но этот момент Ибн Халдуном почти совсем не разработан.

В Западной Европе идея исторического круговорота возродилась в эпоху Ренессанса. Мы ее находим в трудах выдающегося итальянского мыслителя и историка Никколо ди Бернардо Макьявелли (Макиавелли) (1469—1527). В первых главах

своих «Рассуждений о первой декаде Тита Ливия» (1513—1517; русск. перевод: Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., 1996; новый перевод:. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь. М., 2002.), написанных в первой половине 1513 г., он полностью присоединяется к концепции круговорота форм государственного устройства, созданной Полибием.

В работе «Государь» (русск. переводы: М., 1990 и в указанных выше книгах), созданной во второй половине 1513 г., Н. Макьявелли дает уже типологию не форм государственного устройства, как это было у Платона, Аристотеля и Полибия, а самих социоисторических организмов, но при этом по признаку государственного устройства. «Все государства, все державы, обладавшие или обладающие властью над людьми, — писал он, — были и суть либо республики, либо государства, управляемые единовластно».[20] По-видимому, это вообще первая прямая, а не косвенная, как у названных выше античных философов и историков, типология социоисторических организмов.

В своем последнем крупном труде «История Флоренции» (1520—1525; 1532; русск. перевод: Л., 1973; М., 1987) Н. Макьявелли говорит уже о циклическом развитии не просто форм государственного устройства, а самих государств, т.е. фактически социоисторических организмов. «Переживая непрерывные превращения, — читаем мы в этой работе, — все государства обычно из состояния упорядоченности переходят к беспорядку, а затем от беспорядка к новому порядку. Поскольку уже от самой природы вещам этого мира не дано останавливаться, они, достигнув некоего совершенства и будучи уже неспособными к дальнейшему подъему, неизбежно должны приходить в упадок, наоборот, находясь в состоянии полного упадка, до предела подорванного беспорядками, они не в состоянии пасть еще ниже и по необходимости должны идти на подъем».[21] Как указывает Н. Макьявелли, упадок государства может завершиться его гибелью. Так исчезла Римская империя. Она уже не возродилась, но на ее развалинах возникли новые государства.[22]

Сходные мысли можно найти в трудах крупнейшего итальянского историка Франческо Гвиччардини (1483—1540), хотя вряд ли можно говорить о существовании у него какой-либо концепции исторического круговорота. «Все города, все государства, все царства, — писал он, — смертны; все когда-нибудь кончается, естественно или насильственно...».[23]

В последующем идея круговорота была подхвачена итальянским гуманистом, философом Франческо Патрици (1529—1597) и изложена им в работе «Десять диалогов об истории» (1560). По его мнению, все существующее вначале зарождается, развивается и растет, а затем вступает в период упадка и, наконец, гибнет. Этому закону природы подчинены и искусственные творения человека, в частности, общество и государство. Последнее зарождается в форме города, который перерастает в подлинное государство, превращающееся затем в империю. Империя по достижении зрелости клонится к упадку и, в конце концов, рушится.

Англичанин Уолтер Мойл (1672—1721) в «Очерке об устройстве римского правления» не ограничился объяснением причины расцвета и упадка Рима. Он пришел к выводу, что «эти периоды и революции империй суть естественные переселения гос-

[20] Макиавелли Н. Государь. М.,1990. С. 4

[21] Макьявелли Н. История Флоренции. Л., 1973. С. 175.

[22] Там же. С. 175-176

[23] Ф. Гвиччардини. Заметки о делах политических и гражданских // Сочинения. М., 1934 С. 167.

подства, от одной формы правления к другой; и они образуют общий цикл зарождения и разложения всех государств...».[24]

Первая в истории западноевропейской мысли детально разработанная концепция исторического круговорота была создана выдающимся итальянским мыслителем Джамбаттиста Вико (1668—1744). Она была изложена в вышедшем в 1725 г. его труде «Основания новой науки об общей природе наций» (русск. перевод: М., 1940; М. — Киев, 1994). Говоря о «нациях», Дж. Вико практически имеет в виду социально-исторические организмы.

Основная идея его труда — человеческая история подчинена таким же незыблемым законам, что и мир природы. Все «нации» независимо от внешних условий проходят одни и те же стадии развития. Свою задачу Дж. Вико видит в том, чтобы выявить повторяющееся в развитии «наций», вскрыть общие законы, управляющие этим процессом, нарисовать картину эволюции общества вообще. Он является рьяным приверженцем идеи единства человеческого общества и его истории.

Начальный пункт движения человечества — «звериное состояние», когда нет истории. Первые люди были тупыми, неразумными и ужасными животными. Они в одиночку бродили по великому лесу земли, всецело находясь во власти животных стремлений. Но вот небо заблистало молниями и громами. Люди решили, что небо — огромное одушевленное тело и назвали его Юпитером. Страх родил веру в богов.

Боязнь перед богами заставила людей обуздать свои животные стремления, прежде всего похоть. Произошел переход от звериного состояния к человеческому обществу. Возник брак, причем моногамный, а вместе с ним семья. Люди осели. Вначале они жили в пещерах, затем стали строить жилища. Оседлость привела к возникновению собственности. Когда выросло население и стало не хватать плодов природы, люди стали жечь леса, обрабатывать землю и засевать ее хлебом. Этот первый период истории человечества Дж. Вико называет веком богов, или божественным веком.

В этот период единственной формой объединения людей была семья, которую возглавлял отец. В его руках была неограниченная власть над всеми членами семейства. Он был монархом и законодателем. Всеми средствами, включая наказания, он обеспечивал соблюдение морали и права.

Первоначально вышла из звериного состояния только часть людей. Остальные продолжали вести прежний образ жизни. Но он их перестал устраивать. В поисках обеспеченного существования они присоединялись к тем людям, которые уже жили в обществе, и входили в состав их семей в качестве зависимых — клиентов. Жили они на положении рабов. Патриархи — главы семей — имели право на их жизнь и смерть.

Когда зависимых стало много, они поднялись на борьбу против патриархов. Это вынудило благородных объединиться для защиты своих интересов. Возникло государство, которое приняло форму аристократической республики. Вместе с ним возник город. Власть в государстве находилась всецело в руках патрициев, героев, которые образовали правящее сословие. Клиенты стали плебеями, не обладающими гражданскими правами. Так начался второй исторический период — век героев, или героический век.

Плебеи героических городов возросли в числе и начали борьбу с патрициями, добиваясь уравнения в правах. Страх перед их силой заставил патрициев уступить.

[24] Moyle W An Essay upon the Constitution of Roman Government (fragments) // REA. P 389.

На смену аристократической республике пришла республика народная, свободная. Наступил третий исторический период — век людей, или человеческий век.

Неравенство, связанное с различием происхождения, исчезло. Но начало нарастать новое — имущественное. В условиях гражданского равенства богатство обеспечивало человеку могущество. Богатые и могущественные люди повели борьбу за власть, привлекая на свою сторону рядовую массу. Появились партии, начались гражданские войны и взаимное истребление. Единственным выходом из положения оказалось возникновение монархии. Монарх брал на себя заботу об общих интересах, оставляя на долю подданных заботу о своих личных делах. Он стремился уравнять подданных, подавить могущественных и освободить остальных людей от их гнета.

А далее, по Вико, на смену монархии приходит состояние «вторичного варварства», «вернувшегося варварства». Как и почему это произошло, он в пятой книге своего труда, посвященной веку людей, ничего не говорит. Лишь вскользь замечает, что монархию разрушили внутренние и внешние причины. Имеется также упоминание о варварских вторжениях, начавшихся с V века. И это все.

Чувствуя, что читатель явно не будет этим удовлетворен, Дж. Вико снова обращается к этой проблеме в «Заключении произведения». Но все, что им здесь сказано, еще более запутывает вопрос. Возвращаясь к последнему этапу существования народной республики, ознаменованному борьбой партий, гражданскими войнами и взаимным истреблением, он пишет теперь, что если одним из выходов из создавшегося положения был переход к монархии, то вторым — установление чужеземного господства.

А там, где не случилось ни того, ни другого, произошла катастрофа: города превратились в леса, а леса — в человеческие берлоги. Наступили долгие века варварства, а затем все начало повторяться: век богов, век героев, век людей. Примером может послужить развитие Западной Европы вообще, Италии в частности в период после крушения Римской империи.

Кое-где у Дж. Вико проскальзывает мысль, что каждый новый цикл начинается на более высоком уровне, чем прежний. Но она не получает у него разработки. Но на чем он категорически настаивает, так это на том, что развитие каждой нации идет по восходящей линии, является поступательным движением. Таким образом, циклизм у Дж. Вико сочетается с идеей прогресса.

2.3.3. Открытие Америки и его значения для понимания истории человечества

К тому времени, когда жил и работал Дж. Вико, идея исторического круговорота уже стала архаикой. В западноевропейской мысли все шире утверждалась идея исторического прогресса. В начале нового времени эта идея уже пробила себе дорогу в труде Жана Бодена (1530—1596) «Метод легкого познания истории» (1566; русск. перевод: М., 2000) и сочинении Джордано Бруно (1548—1600) «Пир на пепле» (1584; русск. перевод: Дж. Бруно. Диалоги. М, 1949). К концу XVIII в. она окончательно победила.

Прочную основу для этого создали те периодизации всемирной истории, которые к тому времени утвердились в науке. Ими были, во-первых, подразделение всей истории человечества на периоды дикости, варварства и цивилизации, во-вторых, выделение в истории человечества периодов, отличающихся друг от друга способами обеспечения существования человека: охотничье-собирательского, скотоводческого, или пастушеского, земледельческого и торгово-промышленного. Эти две периодизации были

теснейшим образом связаны, переплетались, но тем не менее полностью не совпадали.

Возникновение и разработка этих периодизаций были связаны с Великими географическими открытиями, расширившими кругозор европейцев, ознакомивших их с различными народами, жившими совершенно иначе, чем европейцы. Главный материал дала Америка. Более или менее детальное знакомство с народами Черной Африки, Австралии и Океании было еще впереди.

Значительная часть народов Америки не знала столь привычных для европейцев земледелия и скотоводства. Они жили охотой, рыболовством и собирательством. Не знали эти люди и металлов. Их орудия были каменными и деревянными. Не было у них не только городов, но и деревень. Они жили небольшими бродячими группами.

И, что сразу же бросилось в глаза европейцам, у многих из них отсутствовала частная собственность, на которой основывались все общества Европы. Одним из первых обратил на это внимание Христофор Колумб (1451—1506). «Я не мог узнать, — писал он об индейцах Америки, — имеют ли они собственность. Мне, однако, приходилось замечать, что то, чем владел один, делили между собой все остальные».[25]

Заметил это и Пьетро (Педро) Мартир — итальянский писатель-гуманист, состоявший на испанской службе в качестве «королевского советника по Индии», а затем «секретаря совета по Индии». На основе донесений, писем и устных рассказов командиров, солдат и матросов он создал труд «О Новом Свете». В первом его выпуске (1511) он писал, что туземцы Кубы не делят ресурсы на «мои и твои (что источник всех бед)».[26] Французский мореплаватель Жак Картье (1491—1557), совершивший три путешествия в Канаду (1534; 1535—1536; 1541—1542) писал об ее обитателях: «Этот народ имеет общее имущество, как и бразильцы».[27] Не было у многих народов Америки социального неравенства и господства одних людей над другими.

Для европейцев все более ясным становилось, что в Америке они столкнулись с совершенно иным состоянием общества, чем то, которое существовало не только в Европе, но и в государствах Азии. И для обозначения этого состояния все чаще стало употребляться слово «дикость». Людей, живущих в таком состоянии, соответственно начали называть дикарями.[28]

На вопрос о том, в каком отношении находилась дикость к европейскому состоянию, давалось два основных ответа. Первый из них состоял в том, что дикость есть результат деградации человека и общества. Концепция деградации человечества, начало которой положил Гесиод, после работ известного церковного деятеля и писателя Расция Цецилия Киприана (после 200—258 н.э.) вошла в христианскую традицию. В XVI в. ее отстаивал Эдмунд Спенсер (1552—1599), в конце XVII — начале XVIII вв. Томас Барнет (ок. 1635—1715). Давид Дойг (1719—1800), исходя из этой концепции, в «Письмах о диком состоянии» (1792) утверждал, что варварское и дикое состояния — результат деградации людей, которые ранее были цивилизованными.

Второй основной ответ: дикость есть состояние, представляющее собой более низкую стадию общественного развития, чем та, на которой находились европейцы. Люди, населяющие Европу, тоже раньше были дикарями. Но они в своем развитии ушли

[25] Путешествия Христофора Колумба. Дневники, письма, документы. М., 1950. С. 69.

[26] См.: Voget F.W. A History of Ethnology. New York etc., 1975. P. 24.

[27] Картье Ж. Краткий рассказ о плавании, совершенном к островам Канады, Хошелаге, Сагенею и другим с описанием наравов, языка и обычаев их жителей. М., 1999. С. 23.

[28] Об истории представления о дикарях в западноевропейской мысли и общественном мнении см.: Jahoda G. Images of Savages. Ancient Roots of Modern Prejudice in Western Culture. London, 1998.

вперед, поднялись на более высокую стадию, а многие народы Америки не сумели этого сделать и остались на стадии дикости.

Последнее представление о дикости постепенно стало господствующим. К нему привело сравнение общественных порядков индейцев Америки с тем, что писали древнегреческие и римские авторы о социальном строе целого ряда тех народов Европы, которые именовались ими варварами. Соответственно многие авторы стали использовать для обозначения этого низшего состояний наряду со словом «дикость» также и слово «варварство».

Слова и «дикость», и «варварство» для обозначения первоначального состояния человека использовал уже Ж. Боден. В «Методе легкого познания истории», увидевшем, как уже указывалось, свет в 1566 г., он подверг резкой критики концепцию деградации человечества. Ж. Боден считал, что от дикости, или, что для него то же самое, варварства люди в последующем поднялись до состояния, которое он именовал гражданским обществом (civil societas).[29]

Одним из первых, если не первым, попытался сравнить американских индейцев с древними обитателями Старого Света испанский иезуит Хосе де Акоста (1540—1600). В своей книге «Естественная и моральная история Индий» (1590) он отметил наличие значительного числа параллелей между культурами индейцев Америки и древних обитателей Старого Света. Называя тех и других дикарями и варварами, он тем самым практически обосновывал мысль, что и предки современных европейцев жили в состоянии дикости и варварства.

В более четкой форме эти идеи были изложены в труде Джона Огилби (1600—1676) «Америка: Последнее и наиболее точное описание Нового Света» (1671). Он указывал, что многие древние народы Европы и Азии вели точно такой же образ жизни, как современные индейцы Америки.

Английский философ Джон Толанд (1679—1722) в своих «Письмах к Серене» (1702; русск. перевод: Избранные сочинения. М.-Л., 1927; Английские материалисты XVIII в. Т. 1. М., 1967) писал: «Современные язычники, населяющие большую часть Африки, почти всю Америку и несколько уголков Европы, весьма приближаются по своим взглядам к древним».[30]

Но самый большой вклад в обоснование положения о дикости как исходной стадии развития человека внес французский миссионер Жозеф Франсуа Лафито (1670—1740) в своем двухтомном труде «Нравы американских дикарей в сравнении с нравами древних времен» (1724). «Я не ограничивал себя, — писал Ж. Лафито, — знакомством с характером индейцев и исследованием их обычаев и практики. Я искал в их практике и в их обычаях следы более отдаленной древности; Я читал, причем тщательно, наиболее древних авторов, которые описывали нравы, законы и обычаи людей, с которыми они были знакомы; Я сравнивал эти обычаи друг с другом; И я должен сказать, что если древние авторы помогли мне найти подтверждение некоторым моим счастливым догадкам о дикарях, то обычаи дикарей помогли мне более легко понять древних авторов и объяснить некоторые моменты в их работах».[31]

Одновременно с утверждением взгляда на дикость как на первоначальную стадию эволюции человечества шло развитие представление о характере общественных отно-

[29] Боден Ж. Метод легкого познания истории. М. 2000. С. 25, 127, 265, 268.

[30] Толанд Дж. Письма к Серене // Избранные сочинения. М.-Л., 1927. С. 75.

[31] Lafitau J.F. Moeurs des sauvages ameriquans, comperes aux moeurs des premiers temps. V. 1. Paris, 1724. P. 3—4.

шений, существовавших на этой стадии. Выше уже были приведены слова П. Мартира об отсутствии частной собственности у индейцев. Еще до трудов Х. де Акосты, Д. Огилби и Ж. Лафито, выдающийся французский мыслитель Мишель Монтень (1533—1592), обобщая имевшиеся в его распоряжении материалы об индейцах Америки, писал в своих знаменитых «Опытах» (1580; русск. перевод: Кн. 1-3. М., 1954 и др. изд.): «... Эти народы кажутся мне варварскими только в том смысле, что их разум мало возделан и они еще очень близки к первобытной непосредственности и простоте... Философы не были в состоянии вообразить себе столь простую и чистую непосредственность, как та, что мы видим своими глазами: они не могли поверить что наше общество может существовать без всяких искусственных ограничений, налагаемых человеком. Вот народ, мог бы я сказать Платону, у которого нет никакой торговли, никакой письменности, никакого знакомства со счетом, никаких признаков власти или превосходства над остальным, никаких следов рабства, никакого богатства и никакой бедности, никаких наследств, никаких разделов имущества, никаких занятий, кроме праздности, никакого особенного почитания родственных связей, никаких одежд, никакого земледелия, никакого употребления металлов, вина или хлеба».[32] Таким образом, М. Монтенем впервые была более или менее определенно сформулирована идея первобытного коммунизма.

Более глубокую разработку этой идеи мы находим в книге выдающегося голландского юриста Хейга де Гроота, известного как Гуго Гроций (1583—1645) «О праве войны и мира» (1625; русск. перевод: М., 1956; 1994). На основании данных об американских индейцах он пришел к выводу, что на ранних стадиях развития люди владели всем сообща. «...Общность имущества, — писал Г. Гроций, — как следствие чрезвычайной простоты, можно наблюдать у некоторых американских племен, которые в течение многих веков без особого затруднения пребывали в таком быту».[33]

Вначале люди довольствовались дикими растениями, жили в пещерах и одевались в древесную кору или звериные шкуры. Переход к земледелию и скотоводству привел к некоторому распределению имущества. Скот перешел в собственность отдельных лиц, произошел общий передел земли. Но пастбища оставались общими. С ростом населения землю стали делить не между родами, а между семьями. С появлением ремесла окончательно утвердилась частная собственность. Исчезло равенство и в труде, и в потреблении его плодов. Таким образом, по Гроцию, частная собственность есть сравнительно позднее явление.

Знаменитый философ Бенедикт (Барух) Спиноза (1632—1677) в «Политическом трактате» (1677; русск. перевод: Избр. произв. в 2-х т. Т. 2. М., 1957) писал, что в естественном состоянии все принадлежит всем, особенно земля и все связанное с землей. Лишь в государстве по общему праву решается, что принадлежит одному и что другому.

Возникнув, идея первобытной общности имущества сразу же стала объектом критики. В работе «Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (1661; русск. перевод: М., 1936; Избр. произв. в 2-х т. Т. 2. М.,1964; Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1991) знаменитый английский философ Томас Гоббс (1588—1679) признавал, что на первоначальной стадии развития человечества, которое он называет естественным состоянием, не было различия между «моим» и «твоим». Но

[32] Монтень М. Опыты. Кн. 1. М., 1954. С. 266. См также с 143-144.
[33] Гроций Г. О праве войны и мира М., 1994. С. 202.

это было не проявлением общности имуществ, а результатом полного отсутствия собственности. Естественное состояние было звериным состоянием, временем борьбы всех против всех. В таком состоянии живут, например, дикие народности во многих местах Америки. Собственность возникла позднее, причем как собственность частная. Другой не было и нет.

Несколько по-другому подошел к этому другой известный английский философ — Джон Локк (1632—1704). Он не сомневался в том, что состояние, в котором жили американский индейцы, было когда-то характерно для всего человечества. «Так вот, — писал он в работе «О государственном правлении» (1690; русск. перевод: Избр. философ. произв. в 2-х т. Т. 1. М., 1960; Соч. в 3-х т. Т. 3. М., 1988), — вначале весь мир был подобен Америке, и еще в большей степени, чем теперь; ведь тогда не существовало нигде такой вещи, как деньги».[34]

Бесспорно, считает Дж. Локк, что вся земля, все плоды, которые на ней естественно рождаются, все животные, которые она кормит, изначально принадлежали всем людям. Но как только человек своим трудом вырывал тот или иной объект из природы (срывал плод с дерева, убивал животное и т.п.), он сразу же становился его собственностью. То же самое относится и к земле. Когда человек начал обрабатывать той или иной участок земли, он тем самым переходил в его собственность. Таким образом, по Локку, частная собственность существовала с самого начала.

Мысли, в известной степени промежуточные между идеями Г. Гроция и Дж. Локка, развивались немецким правоведом и историком Самуэлем фон Пуфендорфом (наст. фам. — Фрайхерр) (1632—1694) в труде «О естественном праве и праве народов» (1672). Согласно его взглядам, первоначально существовала общность всех вещи, но не столько позитивная, сколько негативная: все вещи были доступны для всех и принадлежали одному ничуть не больше, чем другому. Но вещи могут быть использованы человеком только тогда, когда они присвоены им, и то, что выбрано одним, не может быть использовано другим. Поэтому во избежание конфликтов было заключено первое соглашение между люди, суть которого заключалась в том, что все вещи остаются открытыми для всех, но когда тот или иной индивид взял ту или иную вещь с целью ее использования, остальные люди не могут претендовать на нее. Так была преодолена негативная общность вещей и утверждено индивидуальное господство над ними, но не над всеми сразу и не на все время. Все это происходило постепенно и зависело от характера вещей и численности и положения людей.[35] Уже у охотников существовала собственность на грубую утварь и жилища. С переходом к скотоводству возникла собственность на стада. Последней в частную собственность перешла земля.

Согласно взглядам крупнейшего философа шотландца Давида Юма (1711—1776), изложенным в труде «Трактат о человеческой природе» (1739—1740; русск. перевод: Соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1965; 1996), первоначальное дикое необщественное состояние человека было непродолжительным. Люди нуждались в обществе и пришли к соглашению, устанавливающему общественный строй. И главным в этом соглашении был учреждение собственности, разумеется, частной. За каждым человеком было закреплено право владения тем, чем он к тому времени уже пользовался.

Состояние, при котором люди занимались охотой и собирательством, не знали металлических орудий и сообща всем владели, и то, которого достигли европейцы к

[34] Локк Д. О государственном правлении // Избр. философ. произв. в 2-х т. Т. 2. М., 1960. С. 31.
[35] См.: Pufendorf S. De jure naturae et gentum (fragments) // REA. P. 155.

началу нового времени, отличались друг от друга столь разительно, что трудно было допустить прямой переход от первого ко второму. Необходимо было допустить существование промежуточного между ними состояния.

Знакомство с трудами древнегреческих и латинских авторов, в которых приводились данные о жизни современных им варварских народов Европы, а также с более поздними материалами о кочевниках степного пояса Евразии, помогло заполнить пробел. Было ясно, что, например, германцы времен Цезаря и Тацита (I в. до н.э. — I в. н.э.) по своему развитию стояли ниже римлян этой эпохи, не говоря уже об европейцах XVI—XVIII вв., но значительно выше многих американских племен. У германских племен уже существовали земледелие и скотоводство, орудия из металла, постоянные селения, определенное имущественное и социальное неравенство. В античном мире для обозначения подобных народов давно уже использовалось слово «варвары».[36] Этот термин не был забыт и в средние века.[37] Слово «варварство» прямо-таки само собой напрашивалось для обозначения этого промежуточного состояния.

Однако различение между низшим и средним состояниями утвердилось далеко не сразу. Многие авторы долгое время признавали лишь одно низшее состояние и называли его попеременно то дикостью, то варварством, не проводя различия между смыслом этих двух слов. Однако понимание того, что низшее состояние подразделяется на два отличных этапа, которые нужно называть по-разному, постепенно овладевало умами все большего числа авторов.

Уже с выделением дикости возникла нужда в термине, который бы означал более высокое состояние, столь характерное и для Европы, и для государств Азии. Как уже отмечалось, Ж. Боден в «Методе легкого познания истории», который был написан на латыни, назвал это состояние «civil societas», что в переводе на русский язык означает «гражданское общество». Но с наступлением нового времени латынь в научной литературе начала вытесняться национальными языками (английским, французским и др.). И на этих языках одни авторы стали называть это состояние цивилизованным, другие политесным, полисизированным, обтесанным (polished). Уже в XVII в. достаточно широкое распространение получило прилагательное «цивилизованный». Оно, в частности, встречается в знаменитой работе Рене Декарта (1596—1650) «Рассуждение о методе» (1637).

Во второй половине XVIII в. от этого прилагательного было образовано существительное «цивилизация», которое постепенно и утвердилось в качестве обозначения высшего состояния. Впервые слово «цивилизация» в смысле особого состояния общества и стадии его развития было употреблено в 1757 г. маркизом Виктором де Мирабо (1715—1789) в работе «Друг людей, или Трактат о населении», а затем в 1764 г. английским ученым Джоном Брауном (1715—1766) в книге «История возникновения и прогресса поэзии»[38], а вслед за ним в 1766 г. Никола Антуаном Буланже (1722—1759) в труде «Древность, разоблаченная в своих обычаях».[39] Так как данная работа Н. Буланже вышла посмертно и под редакцией П. Гольбаха, то не исключено, что слово «цивилизация» было внесено в нее последним.

[36] См.: Toynbee A. The Meaning of Terms «Barbarian» and «Hellene» in Hellenic Usage // Some Problem of Greek History. London, 1969.

[37] См.: Jones W.R. The Image of the Barbarian in Medieval Europe // CSSH. 1971. Vol. 13. № 3.

[38] Беневист Э. Общая лингвистика. М., 2002. С. 378-388; Brown J. The History of the Rise and Progress of Poetry (fragments) // REA. P. 402.

[39] См.: Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 242-243.

2.3.4. Трехчленная стадиальная типология человеческих обществ: дикарские, варварские, цивилизованные

Понятие о дикости, варварстве и цивилизации как стадиях развития формировалось постепенно и стихийно. Люди долгое время пользовались этими понятиями, не пытаясь их теоретически осмыслить, провести четкие грани между обозначаемыми ими периодами. Первую теоретическую разработку этой периодизации мы находим в труде Адама Фергюсона (1723—1816) «Опыт истории гражданского общества», впервые увидевшего свет в 1767 г. (русск. перевод: М., 2000). А. Фергюсон был достойным представителем блистательно плеяды мыслителей шотландского Просвещения, которое сыграло в истории человеческой мысли не меньшую роль, чем французское Просвещение, хотя, к сожалению, значительно менее известно. Достаточно только назвать имена Фрэнсиса Хатчесона (1694—1746), Генри Хоума (лорда Кеймса) (1696—1782), Давида Юма (1711—1776), Уильяма Робертсона (1721—1793), Адама Смита (1723—1790), Джона Миллара (1735—1801).

А. Фергюсон, как и Дж. Вико, применяет для обозначения социально-исторического организма слово «нация» Он прежде всего различает «нации» развитые, воспитанные, цивилизованные и «нации» неразвитые, грубые, примитивные. Было время, когда все человечество находилось в грубом, примитивном состоянии. В последующем часть его в результате медленного и постепенного прогресса достигла более высокого состояния.

В свою очередь среди грубых «наций» можно выделить дикарские и варварские. Дикарские «нации» жили охотой, рыболовством, собирательством, а в некоторых случаях и земледелием. У них не было частной собственности. Весь продукт шел общине и делился между ее членами соответственно их нуждам. Все люди были равны. Не было ни бедных, ни богатых, ни правителей, ни управляемых.

Таким образом, у А. Фергюсона мы сталкиваемся не просто с идеей первобытного коммунизма, как это было в трудах М. Монтеня, Г. Гроция, а также в работах Морелли «Кодекс природы» (1755; русск. перевод· М.-Л,. 1957) и Габриэля Бонно де Мабли, а с достаточно разработанной его концепцией. В последующем эта концепция получила определенное развитие в трудах Генри Хоума (лорда Кеймса). В своей работе «Очерки истории человека» (1774) он указывает, что первоначально все было общей собственностью и продукты труда распределялись между членами общества по потребностям. Но такое распределение на определенном этапе стало тормозить развитие. В результате оно сменилось распределением по труду, которое стало мощным стимулом прогресса производства.

Варварское состояние А. Фергюсон связывает прежде всего со скотоводством. Но он не настаивает на том, что все варвары были кочевниками-скотоводами. В Западной Европе, например, они были земледельцами. С переходом от дикого состояния к варварскому зародились частная собственность, различного рода отношения зависимости, деление на ранги, власть одних людей над другими. Когда же возникло широкое разделение труда, появились общественные классы и государство, на смену варварскому состоянию пришло цивилизованное.

В последующем попытку нарисовать более детальную картину становления общественного неравенства и государства предпринял Дж. Миллар в работе «Наблюдения над различием рангов в обществе», вышедшей в 1771, и со второго издания (1773) получившей название «Происхождение различия рангов, или Исследование оснований, из которых возникают влияние и власть членов общества». Как показал

Дж. Миллар, социальное неравенство и государство окончательно утвердились с наступлением цивилизации.

Таким образом, понятие «цивилизация» при своем возникновении означало определенную стадию в развитии человеческого общества, характеризующуюся существованием общественных классов, государства, а также городов, письменности и других подобных явлений.

Утверждение представлений о дикости, варварстве и цивилизации как трех этапах развития человеческого общества было одновременно возникновением определенной классификации социально-исторических организмов. Все они были подразделены на дикарские, варварские и цивилизованные. Это была первая достаточно четкая типология социоисторических организмов, а тем самым и их систем, причем типология стадиальная. В результате теоретической разработки, предпринятой прежде всего А. Фергюсоном, трехчленная периодизация истории человечества превратилась в более или менее стройную концепцию мировой истории.

Если не сама эта концепция, то во всяком случае периодизация, на основе которой она возникла, продолжала пользоваться большой популярностью не только в последней трети XVIII в. но и на протяжении почти всего XIX в. Ее, в частности, не только принял, но разработал уже известный нам Л.Г. Морган в своем «Древнем обществе» (1877). Но разработал он лишь две первые стадии, разделив каждую из них на три ступени: низшую, среднюю и высшую и выделив признаки, характеризующие эти ступени. Нарисовав картину перехода от высшей ступени варварства к цивилизации, Л. Морган на этом остановился. Развитии цивилизации он, по существу, не касался.

В работе Ф. Энгельса «Происхождение, семьи, частной собственности и государства» (1884) трехчленная периодизация истории человеческого общества, по существу, окончательно превращается в двухчленную (дикость и варварство с подразделением каждой стадии на три ступени) периодизацию истории доклассового общества.

В таком качестве эта периодизация долгое фигурировала в работах советских историков первобытности, археологов и этнографов, в частности в книге члена-корреспондента АН СССР Владислава Иосифовича Равдоникаса (1894—1978) «История первобытного общества» (Ч. 1. Л., 1939; Ч. 2. 1947.). Последнее по времени использование этой периодизации — книга югославского обществоведа Данило Ж. Марковича «Общая социология» (М., 1998) и учебное пособие российского экономиста М.З. Бора «История мировой экономики» (М., 1998).

В процессе исследования первобытного общества выяснилось, что подразделение его истории на дикость и варварство имеет под собой серьезное основание. Фактически под названием варварского общества мыслителями XVIII в., и особенно А. Фергюсоном, было выделено общество, переходное от собственно первобытного к классовому, цивилизованному, которое сейчас принято именовать предклассовым обществом (1.5.1; 4.3.2).

2.3.5. Четырехчленная периодизация истории человечества: охотничье-собирательская, пастушеская, земледельческая и торгово-промышленная стадии

Параллельно с подразделение человеческой истории на стадии дикости, варварства и цивилизации в то же самое время и на том же самом материале складывалась и другая. Как уже отмечалось, идея развития форм хозяйства от охоты и собирательства через скотоводство к земледелию возникла еще в античную эпоху (Дикеарх). Но

свое развитие она получила лишь в новое время. Первоначально в этой схеме присутствовали лишь охота с собирательством, пастушество и земледелие. И она была не столько периодизацией истории человечества, сколько картиной развития хозяйственной деятельности человека.

Однако в последующем со сменой «способов жизнеобеспечения» стали связывать изменения форм собственности и вообще общественных порядков. Зачатки такого представления имеются уже в трудах Г. Гроция и С. фон Пуфендорфа. В последующем эта идея получила довольно широкое развитие. В результате появились понятия об охотничье-собирательской, пастушеской и земледельческой стадиях развития человеческого общества. Некоторые мыслители разделяли охотничье-собирательскую стадию на две самостоятельных: первую — собирательскую, вторую — охотничью. Но этот взгляд не получил слишком большого распространения.

Вскоре к трем более или менее общепризнанным стадиям в качестве высшей добавилась торговая (коммерческая), или торгово-промышленная, стадия. Тем самым возникла и определенная стадиальная типология социально-исторических организмов. Таким образом, данная периодизация истории человечества стала одновременно и определенной концепцией всемирной истории.

Впервые в достаточно четкой форме концепция была изложена в работе французского экономиста Анн Робера Жака Тюрго (1727—1781) «Рассуждения о всеобщей истории» (ок. 1750; русск. перевод: Избранные философские произведения. М., 1937) и в лекциях, которые читал в начале 50-х годов XVIII в. в университете Глазго Адам Смит. Впоследствии А. Смит изложил свои взгляды в уже упоминавшемся труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776).

В последующем эта концепция получила самое широкое распространение. Она излагалась и разрабатывалась в значительном числе работ, среди которых: «Очерки общей истории феодальной собственности в Великобритании» (1757) Джона Далримпла (1726—1810); «Очерки принципов морали и естественной религии» (1758) Генри Хоума (лорда Кеймса); «Об уме» (1758) Клода Антуана Гельвеция; «Происхождение законов, искусств и наук и их прогрессе у древних народов» (1758) Антуана Ива Гоге (1716—1758); «Философия земледелия» (1763) Виктора де Мирабо и Франсуа Кенэ; «Философские исследования об американцах» (1768—1769) Корнелия де По (1739—1799); «Происхождение различия рангов» (1771; 1773) Дж. Миллара; «Рациональная таблица принципов политической экономии» (1773) Пьера Самюэля Дюпона де Немура (1739—1817); «Древняя метафизика» (Т. 1. 1773) Джеймса Бернетта (лорда Монбоддо), «История Америки» (1777) Уильяма Робертсона; «Идеи к философии истории человечества» (1784—1791) Иоганна Готфрида Гердера.

В. де Мирабо в «Философии земледелия» особо подчеркивал, что образ жизни и поведение общества зависит от существующего в нем «способа жизнеобеспечения». «В любом исследовании деятельности людей, объединенных в общество, — писал шотландский историк У. Робертсон в своей «Истории Америки», — первым объектом внимания должен быть способ жизнеобеспечения. Когда он изменяется, другими должны стать и законы, и политика».[40] Сходные мысли высказывали и другие упомянутые выше мыслители.

Почти все они наряду с периодизацией истории по способам жизнеобеспечения широко использовали и ее подразделение на дикость, варварство и цивилизацию. Никто

[40] Robertson W The History of America Vol 2 London, 1821 P 1

из них не рассматривал указанные выше периодизации, а тем самым и концепции мировой истории как взаимоисключающие. В зависимости от контекста они делали упор то на одну из них, то на другую.

Концепция четырех стадий проникла и в Россию. В 1781 г. с ее изложением выступил профессор Московского университета Семен Ефимович Десницкий (ок. 1740—1789), который в 1761—1767 гг. учился в университете Глазго и слушал лекции А. Смита. Его выступление носило название «Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения в различных состояниях общежительства...» (послед. публ.: Избранные произведения русских мыслителей второй половине XVIII века. Т. 1. М., 1952).

Возникшая в середине XVIII в. периодизация истории человечества, в основу которой была положена смена форм хозяйства, продолжала пользоваться популярностью в течении всего XIX в., особенно среди историков первобытности, археологов и этнографов, которые, разумеется отбрасывали торгово-промышленную стадию, как находящуюся за рамками первобытной истории. В измененном виде эта периодизация была возрождена некоторыми социологами во второй половине XX в. (2.8.3).

2.3.6. Идея прогресса в XVIII веке: оптимизм (Ж.А. Кондорсе) и пессимизм (Ж.-Ж. Руссо)

Рассмотренные выше две периодизации истории человечества подвели прочную основу под идею прогрессивного развития человечества, которая во второй половине XVIII в. стала господствующей в философии и науке. Не случайно поэтому идея человеческого прогресса была впервые совершенно четко сформулирована в уже упоминавшейся выше работе А. Р. Ж. Тюрго «Рассуждения о всеобщей истории».

Свое наивысшее выражение эта идея получила в написанном в 1794 г. труде Мари Жана Антуана Никола Кондорсе (1743—1794) «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» (русск. перевод: М., 1936). Основываясь на работах своих предшественников, Ж. Кондорсе дает свою собственную периодизацию всемирной истории. Он выделяет в ней девять эпох. Эта периодизация была не самой удачной, ибо выделение эпох производилось по разными признакам. Поэтому она никем принята не была. Но дело не в конкретной картине развития. Труд Ж. Кондорсе интересен тем, что весь пронизан верой в безграничный прогресс человечества.

Как отмечает сам автор, цель его работы состоит в том, чтобы «показать путем рассуждений фактами, что не было намечено никакого предела в развитии человеческих способностей, что способность человека к совершенствованию действительно безгранична, что успехи в этом совершенствовании отныне независимы от какой бы то ни было силы, желающей его остановить, имеют своей границей только длительность существования нашей планеты, в которую мы включены природой. Без сомнения прогресс может быть более или менее быстрым, но никогда развитие не пойдет вспять...».[41] В будущем ему рисуется «картина человеческого рода, освобожденного от всех его цепей, избавленного от власти случая, как и от господства врагов его прогресса и шествующего шагом твердым и верным по пути истины, добродетели и счастья...».[42]

Однако эту уверенность Ж. Кондорсе разделяли далеко не все прогрессивные

[41] Кондорсэ Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1930. С. 5-6.
[42] Там же. С. 258.

мыслители эпохи Просвещения. Из них прежде всего должен быть назван Жан-Жак Руссо (1712—1778).

В труде «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755; русск. перевод: Ж.-Ж. Руссо. Трактаты. М., 1969; Об общественном договоре Трактаты. М., 1998) он выделяет два основных состояния человечества: первоначальное, которое он называет естественным, а также диким, и более позднее, которое именуется им и гражданским, и цивилизованным. Употребляет он и термин «варварство», но значение его остается не вполне ясным.

Естественное состояние не оставалось неизменным. Первым переворотом было выделение семей и появление «своего рода собственности», какой именно, автор не уточняет, по-видимому, все же отдельных людей или семей. Следующим крупным переворотом был переход к обработке железа и земледелию. Обработка земли привела к ее разделу. Возникла частная собственность и исчезло равенство. Проявились богатые и бедные. Началось господство и порабощение, насилия и грабежи. «Нарождающееся общество пришло в состояние самой страшной войны...».[43]

Выходом из положения было возникновение государства, общества и законов, «которые наложили новые путы на слабого и придали новые силы богатому, безвозвратно уничтожили естественную свободу, навсегда установили закон собственности и неравенства, превратили ловкую узурпацию в незыблемое право и ради выгоды нескольких честолюбцев обрекли с тех пор весь человеческий род на труд, рабство и нищету».[44] Таковы, по мнению Ж.-Ж. Руссо, «блага», которые принесла человечеству цивилизация.

В работе «Происхождение языков» (начало 60-х годов XVIII в., опубликована посмертно) Ж.-Ж. Руссо несколько уточнил свои взгляды на историю человечества. Он пишет здесь о трех образах жизни: охотничьем, пастушеском и земледельческом. «Этому нарисованному выше деление, — продолжает он, — соответствуют три состояния отношений человек к обществу. Дикарь является охотником, варвар — пастухом, цивилизованный человек — земледельцем.»[45] О торгово-промышленном образе жизни он здесь не говорит ничего, хотя в примечаниях к предшествующей работе обращалось особое внимание на то, что в последние века торговля и промышленность оттесняют на задний план земледелие и разоряют земледельцев, вынуждая их бежать из деревень в города. Но что осталось неизменным в работах Ж.-Ж. Руссо — это обличение зол, порожденных цивилизацией. Ж.-Ж. Руссо в этом не был одинок.

Сходные в ряде отношений взгляды развивались в работах Леже-Мари Дешана (1716—1774), в частности в труде «Истина, или Истиная система» (русск. перевод. М, 1973).

Морелли в «Кодексе природы» (1755; русск. перевод: М.-Л., 1957) исходил из того, что в прошлом человечества существовал золотой век, для которого характерны общая собственность и патриархальное правление. С возникновением частной собственности естественное состояние диких народов сменилось цивилизованным, что имело пагубные результаты: возникло огромное число пороков, прежде всего жадность, или любостяжание, и ее многочисленные проявления (тщеславие, честолюбие, хитрость, лицемерия, злодейство и т.п.)

[43] Руссо Ж -Ж Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Руссо Ж -Ж Трактаты М ,1969 С 82

[44] Там же С 84

[45] Цит Meek R L Social Science and Ignoble Savage L etc , 1976 P. 89.

Габриель Бонно де Мабли (1709—1785) в своих работах «Сомнения, предложенные философам-экономистам по поводу естественного и необходимого порядка политических обществ» (1768) и «О законодательстве или принципы законов» (1776; сокращ. русск. переводы в книге: Избранные произведения. М.-Л., 1950) указывал, что первоначально люди занимались собирательством и охотой и все было общим. Это был золотой век человечества. Затем произошел переход к земледелию и возникла частная собственность на землю.

«Как только вводится земельная собственность, — писал Г.Б. Мабли, — появляются неравные имущества, и разве не являются следствием этих неравномерно распределенных состояний неравные и противоположные интересы, пороки богатства, пороки бедности, порча нравов, одичание умов, предрассудки и страсти, постоянно заглушающие силу очевидности... Читайте историю всех народов, и вы увидите, что все они страдали из-за этого неравенства имуществ... Вы видите, как тут же нарождаются несправедливые и тиранические правительства, создаются пристрастные и притеснительные законы — вся та масса бедствий, под тяжестью которых народы стонут».[46]

На противоречивый характер прогресса указывали и другие мыслители XVIII в. Как подчеркивал А. Фергюсон в своем «Опыте истории гражданского общества» (1767) два важнейших двигателя прогресса — частная собственность и разделение труда неизбежно влекут за собой и определенное зло. Но он полагал, что человек, став цивилизованным, все же больше прибрел, чем потерял.

Об издержках цивилизации много писал Дж. Миллар и в «Происхождении различия рангов», и особенно в «Историческом взгляде на английскую форму правления» (4th edn., 1803). Одновременно он возражал Ж.-Ж. Руссо, указывая на необходимость исторического подхода . «Покойный знаменитый автор, — писал Дж. Миллар, — обладавший необычайной силой красноречия, зашел так далеко, что стал утверждать, вначале в популярном очерке, а затем в большой серьезной работе, что грубая и дикая жизнь — мать всех добродетелей, а пороки человечества — порождения богатства и цивилизации. Вместо того, чтобы отбрасывать или критиковать такое парадоксальное мнение, нужно исследовать влияние бедности и богатства, простоты и утонченности на практическую мораль; и сравнивать преобладающие добродетели и пороки на различных этапах развития общества».[47]

2.3.7. Выделение трех всемирно-исторических эпох: античности, средних веков и нового времени

Из двух рассмотренных выше периодизаций историков (в отличие от экономистов и философов) все же больше привлекало деление человеческой истории на стадии дикости, варварства и цивилизации. Но эта периодизация была для них явно недостаточной. Ведь историки вплоть до середины XIX в. занимались исследованием исключительно лишь писаной истории, т.е. историей только цивилизованных обществ. Историческая наука настоятельно нуждалась в периодизации писаной истории человечества.

И такая периодизация начала возникать, причем довольно рано — еще в эпоху Возрождения. Начало свое она берет в трудах выдающихся итальянских историков:

[46] Мабли Г. Сомнения предложенные философам-экономистам по поводу естественного и необходимого порядка политических обществ // Избранные произведения. М.-Л., 1950. С. 174-175.

[47] Millar J. A Historical View of the English Government. 4th edn. Vol. 4. London, 1803. P. 175.

Леонардо Бруни (1370/74—1444), Флавио Бьондо (1392—1463) и уже упоминавшегося Никколо Макьявелли.

Эпоха Возрождения означала крутой перелом в развитии не только Италии, но и всей Западной Европы. Внешне он выразился в появлении новой, более прогрессивной культуры и нового взгляда на мир. Эту новую культуру ее создатели резко противопоставляли той, что ей непосредственно предшествовала. Сама идея *возрождения* появилась вместе с эпохой. Идеологи новых, нарождавшихся социальных сил исходили из того, что с падением Западной Римской империи погибла великая античная культура, а тем самым и культура вообще. Вся эпоха после этого вплоть до самых недавних дней была временем, когда культура отсутствовала, временем бескультурья, варварства. И вот только теперь усилиями гуманистов стала возрождаться культура, причем не просто античная (как это нередко понимают), а культура вообще. Началось возвращение от варварства к культуре.

Великие подвижники Возрождения так или иначе осознавали, что живут в переломный период, что их деятельность открывает новую эпоху. Поэтому вполне естественным для историков-гуманистов было назвать время, в котором они жили и трудились, новым. Так возникло понятие «новое время».

Следуя позднеантичной христианской традиции, многие историописатели средних веков продолжали считать Римскую империю последней мировой монархией, которая будет существовать вплоть до «последнего суда». Но в действительности Западная Римская империя давно уже рухнула. Как средство согласования представления о том, что Римская империя все еще продолжает существовать, с исторической реальностью возникла идея «переноса империи» («translatio imperii»).

Одним из первых ее стал обосновывать автор «Хроники от начала мира до 1146 г.» Оттон Фрейзингенский (1113—1158). Он утверждал, что власть римских императоров была перенесена в начале к грекам, т.е. в Византию, затем к западным франкам в лице Карла Великого, от них к лангобардам, и, наконец, к немецким франкам в лице Оттона I. Таким образом, идея «переноса империи» имела и практическое, политическое значение. Она служила обоснованием представления о новой «Римской империи» (X в.), «Священной империи» (XII в.), «Священной Римской империи» (XIII в.) и, наконец, «Священной Римской империи германской нации» (XV в.).[48]

Историки-гуманисты бросили вызов господствующим взглядам. Понятию «переноса империи» («translatio imperii») они противопоставили понятие «падения империи» («declinatio imperii»). Крушение Западной Римской империи выступило у них как завершение одной всемирно-исторической эпохи и начало совершенно другой. Античная культура рухнула под ударами германцев и наступил «век варварства».

Уже великому итальянскому гуманисту и поэту Франческо Петрарке (1304—1374) было ясно, что история Римской империи отнюдь не «продолжалась» в его время, как утверждали средневековые преисториологи, а давно уже завершилась с приходом варваров и, соответственно, наступлением «темных веков». Эпоху, предшествовавшую «темным векам» он называл древней (античной).[49] Л. Бруни в своей работе «Двенадцать книг об истории флорентийского народа» (1439) также настаивал на том, что с варварским вторжением история Римской империи закончилась. Конец Рима он датировал 412 годом.

[48] См. Балакин В.Д Происхождение Священной Римской империи // ВИ. 1998. № 10.

[49] Петрарка Ф. Книга писем о делах повседневных // Ф. Петрарка. Эстетические фрагменты. М., 1982. С. 104.

Естественным для гуманистов было назвать давно отошедшую в прошлое эпоху, культуру которой они столь высоко ценили, античной, т.е. древней. Говоря о древности, они имели в виду не всякую, а лишь греко-римскую древность, т. е. период от VIII в. до н.э. по V в. н.э. Поэтому, например, в русском языке заимствованное из западноевропейских языков слово «античность» имеет только это узкое значение.

Столь же естественным было назвать период, лежащий между античностью и новым временем, средними веками. Ф. Бьондо был первым историком, который наметил хронологические рамки средних веков. Это он сделал в работе «Декады истории со времени падения Римской империи» (1440—1452;1483). Как особую историческую эпоху он выделяет тысячу лет с 412 г. по 1412 г. Начало этого периода он связывает со взятием и разграблением Рима вестготами во главе с Аларихом (в действительности это произошло в 410 г.) Он описывает в своем труде и события, происходившие в 1412—1442 гг., но относит этот отрезок времени уже к другой эпохе.

Однако, хотя Ф. Бьондо и выделил средние века как особую историческую эпоху, специального термина для наименования этого периода он не ввел. Впервые, по-видимому, употребил прилагательное «среднее» для обозначения данного отрезка времени епископ Алерии Джованни Андреа Бусси (1417—1475) в работе «Похвальное слово философу Николаю Кузанскому» (1469). Она была посвящена знаменитому церковному деятелю, философу и ученому — кардиналу Николаю Кребсу, известному как Николай Кузанский (1401—1464). Характеризуя широкие познания ученого, Дж.А. Бусси отметил, что покойный знал историю всех времен, не только древнего и нашего, но и среднего (medie tempestatis).

Трактовка эпохи безраздельного господства христианской религии как времени бескультурья, «готического варварства», «темных веков» была вызовом господствующим представлениям. И, разумеется, в резкое противоречие со средневековой церковной догмой о «старении» мира, о «близости его конца» вступала идея начала «нового века», «нового времени».

Таким образом, деление писаной всемирной истории на античную, средневековую и новую возникло в борьбе с господствовавшими в средние века представлениями о ходе человеческой истории. Эта периодизация складывалась постепенно и впервые нашла свое совершенно четкое выражение в трудах немецкого историка Кристофа Келлера (1637—1707), именовавшего себя на латинский лад Христофором Целлариусом (Целларием).

В 1675 г. он опубликовал работу, носившую название «Ядро истории средней между античной и новой» (Nucleus historiae inter antiquam et novam mediae). За этим последовала его «Трехчастная история» (Historia tripartita). Первая книга вышла в 1685 г. и называлась «Античная история» (Historia antiqua). В ней изложение доводилось до Константина Великого. Вторая книга, увидевшая свет в 1688 г., носила название «История средних веков от времени Константина Великого до взятия турками Константинополя» (Historia medii aevi a temporibus Constantini Magni ad Constantinopolim a Turcis captam deducta). В 1696 г. появилась третья и последняя книга — «Новая история» (Historia nova).

Если «История средних веков» кончалась 1453 годом, то вразрез с этим в следующей книге К. Келлер исходил из того, что эпоха новой истории началась лишь с переходом к XVI в. Последняя точка зрения была преобладающей в исторической науке как того, так и последующих времен. Не все историки принимали данную К. Келлером датировку смены античности средневековьем. Большинство их вслед за

итальянскими гуманистами и Эразмом Роттердамским, или Дезидерием (настоящие имя и фам. — Герхард Герхардс) (1469—1536) относило конец античности к V в. н.э. Такая точка зрения господствует и сейчас.

2.3.8. Выявление еще одной всемирно-исторической эпохи — эры Древнего Востока

Конечно, историки с самого начала знали, что до Греции и Рима на Востоке существовали государства — Египет, Ассирия, Персия и др. Некоторые мыслители, в частности Жан Боден и Луи Леруа, еще в XVI—XVII вв. создавали схемы, в которых Древний Восток и античность выступали как качественно отличные стадии исторического развития (2.13.2.—2.13.5). Но такие представления не получили широкого признания. О странах Древнего Востока тогда известно было очень мало. В результате их история нередко понималась как нечто второстепенное: в лучшем случае, как предварительный этап античности.

По существу, мир Древнего Востока стал представать перед европейцами во всем своем богатстве лишь с началом XIX в. (2.6.2). С этого времени историки все чаще стали выделять историю Древнего Востока в качестве особой самостоятельной эпохи, отличной от классической античности Во второй половине XIX в. деление всемирной истории на четыре мировых эпохи· древневосточную, античную, средневековую и новую в основном утвердилось в исторической науке.

Однако наряду с четырехчленным делением в какой-то степени продолжало сохраняться и старое, трехчленное, но в обновленном виде. Противопоставляя средним векам и новому времени древность (античность) как нечто целое, ее в то же время рассматривали как состоящую из двух эпох: древневосточной и собственно античной. В отличие от русского научного языка, в котором слово «античность» обозначает лишь греко-римскую древность, в западных языках оно имеет более широкий смысл. Поэтому, когда там хотят подчеркнуть, что имеют виду не всю цивилизованную древность вообще, а только греко-римскую, то к слову «античность» добавляют прилагательное «классическая». В русской исторической литературе Древний Восток и античность объединяются под названием древнего мира.

2.3.9. Движение исторической мысли XVIII века: от расчленения писаной истории во времени — к стадиальной типологии цивилизованных социоисторических организмов

С самого начала в делении истории на античность, средневековье и новое время в неявной форме присутствовала известная классификация социально-исторических организмов. В качестве типов в ней выступали античные и средневековые социоисторические организмы, а также общества нового времени. Однако эта типология была на первых порах крайне неопределенной. Да и стадиальной назвать ее было трудно. Ведь первоначально античная, средневековая и новая эпохи не понимались как связанные со стадиями поступательного развития человеческого общества.

Как уже указывалось, с точки зрения деятелей Возрождения переход от античности к средним векам был не шагом вперед, а глубоким регрессом, крушением культуры вообще. Соответственно и Ренессанс понимался многими гуманистами не столько как восхождение на новую, более высокую ступень развития, сколько как возвращение к

великому прошлому, его возрождение, причем далеко не полное. Многие гуманисты рассматривали культуру, создателями которой были, как стоящую ниже античной.

В дальнейшем появилась и прямо противоположная точка зрения, состоящая в том, что человечество с переходом к новому времени достигло значительно более высокого уровня развития, чем тот, который был характерен для античного мира. Разгорелась полемика, в результате которой сторонники последнего взгляда в конце концов победили. В последующем подвергся пересмотру и взгляд на средние века как на черный провал в истории человечества. Стали накапливаться данные, свидетельствующие о том, что в целом ряде отношений средневековье стояло выше античности.

Первоначально историки практически мало что могли сказать о признаках, отличающих античные, средневековые и современные социоисторические организмы. Но постепенно эта типология стала наполняться все более конкретным содержанием.

Публикация античных источников и работы исследователей обществ древней Греции и древнего Рима, из числа которых особенно выделялся вышедший в 1776—1788 гг. семитомный труд Эдуарда Гиббона (1737—1794) «История упадка и разрушения Римской империи» (русск. переводы: сокр. однотом. издание: СПб, 1994; Т. 1—7. М., 1997; Ч. 1—7. СПб.,1998-2000) дали основание прийти к выводу, что античный мир базировался на рабстве.

Для характеристики средневекового общества все чаще начали использоваться термины «феодальное право», «феодальные порядки», «феодальный строй», «феодальное общество», а к концу XVIII в. появился и термин «феодализм». Принято связывать начало изучения феодального строя с работой Ш. Монтескье «О духе законов» (1748; русск. изд.: Избранные произведения. М., 1955; О духе законов. М., 2000). Однако в действительности вопрос о происхождении феодов (de origine feodorum), феодальных институтов и феодального права был поставлен еще гуманистами (Ф. Петрарка) и был объектом дискуссий историков и юристов в XVI в. Одни считали, что корни этих институтов уходят в античность, другие выводили их из порядков галлов или германцев, третьи склонялись к признанию их результатом германо-романского (романо-германского) или, шире, варварско-романского синтеза.[50]

Если первоначально под «феодальным порядком» понималась в основном лишь столь характерная для раннего средневековья иерархическая система, связывавшая сюзеренов и вассалов, то в последующем все больше внимания стало уделяться отношениям между господствующим классом и крестьянством, прежде всего крепостничеству. В этом отношении большую роль сыграла работа У. Робертсона «История государствования императора Карла V...» (1769; русск, перевод: Т. 1. М., 1839). Средневековое общество все в большей степени стало рассматриваться как основанное на крепостничестве.

Тогда же возник и вопрос о том, представляет ли феодализм специфически западноевропейское явление или же он существовал и за пределами этого региона. Большинство историков придерживались первой точки зрения. Напротив, Вольтер в своем «Опыте о нравах и духе народов» (1756; 1769) находил феодальные порядки и в Оттоманской империи, Персии, Монголии, Перу, России.

При попытке понять сущность социоисторических организмов нового времени все чаще стали обращаться к понятиям, разработанным сторонниками той периодиза-

[50] См . Kelley D R. De Origine Feodorum // Speculum. 1964.Vol. 39. № 2.

ции истории человечества, в основу которой была положена смена «способов жизнеобеспечения», прежде всего к понятию торгово-промышленного общества.

Как наука об этом и только об этом обществе возникла политическая экономия. Зародившись в XVI в., она в XVIII в. стала подлинной теоретической дисциплиной. Появление первой системы политической экономии связано с именем Адама Смита. В его знаменитом труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776) дана анатомия и физиология нового общества, которое в последующем получило название капиталистического. Понятие «капитал», появившееся впервые в XII—XIII вв. в связи с бурным развитием в Западной Европе товарно-денежных отношений, получило к XVIII в. статус научной категории. Оно широко используется А. Смитом наряду с понятиями товара, стоимости, земельной ренты, заработной платы. В XVII в. возникло, а в XVIII в. получило права гражданства и слово «капиталист», но в качестве обозначения не столько предпринимателя, сколько финансового дельца, денежного спекулянта.[51]

Немалую роль в осмыслении новой и не только новой истории сыграл многотомный труд Гийома Тома Франсуа Рейналя (1713—1796) «Философская и политическая история учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях» (Т. 1—6. 1770; Т. 1—12. 1780; русск. неполн. изд.: Философическая и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях. Ч. 1—6. СПб., 1805—1811; 1834—1835). Кардинальным фактом истории нового времени он считал открытие «обоих Индий».

«Тогда, писал Г. Рейналь, — началась перемена в коммерции, в национальном могуществе, во нравах, промышленности и правлении всех народов... Все переменилось и еще переменяться будет».[52] Это связано с тем, что торговля, вообще обмен играют огромную роль в истории. В последующих изданиях своего труда Г. Рейналь включил очерк истории торговли, начиная с финикийцев и кончая европейцами накануне эпохи Великих географических открытий. Его труд в огромной степени способствовал привлечению внимания историков к экономическому фактору. Хотя в центре труда Г. Рейналя находилась Западная Европы, но в ней присутствовали и восточные общества.

Но он не был здесь первым. Ровно за сто лет до его труда появилась книга тоже француза Франсуа Бернье (1620—1688) «История последних политических переворотов в государстве Великого Могола» (1670; русск. перевод: М.-Л., 1936). Автор несколько лет был придворным врачом правителя Индии — Аурангзеба. Книга появилась вскоре после возвращения Ф. Бернье во Францию. В ней было прекрасно показано качественное отличие отношений собственности и вообще всех общественных порядков стран Востока (Индии, Персии, Турции) от социального строя государств Западной Европы, причем как от того, что существовал в средние века, так и от того, который шел ему на смену. По существу, Ф. Бернье дал первое систематическое описание того, что в дальнейшем получило название азиатского способа производства.

В целом результатом развития философско-исторической, исторической и вообще обществоведческой мысли XVI—XVIII вв. было утверждение к началу XIX в. в исторической — и не только исторической науке — унитарно-стадиального понимания развития человечества.

[51] См. Бродель Ф Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVII вв. Т. 2. Игры обмена. М, 1988. С. 222-228

[52] Рейналь. Философическая и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях. Ч. 1. СПб., 1805. С. V-VI.

2.3.10. Философско-историческая концепция А. Сен-Симона

В значительной степени утверждению такого понимания истории способствовала философско-историческая концепция, созданная выдающимся французским мыслителем Клодом Анри де Рувруа, графом де Сен-Симоном (1760—1825). В ней нашли свое концентрированное выражение если не все, то многие достижения исторической науки того времени. У А. Сен-Симона нет труда, специально посвященного изложению его концепции. Отдельные ее положения разбросаны по целому ряду его произведений (послед. русск. издание его трудов: Избр. соч. Т. 1—2. М.—Л., 1948).

А. Сен-Симон не сомневается в существовании первобытной эпохи в истории человечества, но на ней специально не задерживается. Почти совсем не учтено им все то, что связано с историей Востока вообще, Древнего Востока в частности. В его концепции присутствуют лишь античная, средневековая и новая эпохи мировой истории. Но здесь им сказано новое слово. Каждую из этих эпох он совершенно четко связывает с определенной общественной системой, определенной организацией общества.

С античной эпохой он связывает общественную систему, основанную на рабстве, причем в отличие от многих мыслителей XVIII в. он считает появление рабства огромным прогрессом в развитии человечества. Для средневековой эпохи была характерна феодально-богословская, или просто феодальная, система, базирующаяся на крепостничестве. Ее возникновение было большим шагом вперед в человеческой истории. Эпохе нового времени соответствует индустриальная (промышленная) система.

Каждая новая общественная система является более прогрессивной, чем предшествующая. Возникновение каждой из них означает подъем человечества на новую, более высокую ступень развития. Именно переход от одной такой общественной системы к другой лежит в основе смены эпох мировой истории.

Каждую из двух первых выделенных им стадий всемирно-исторического развития А. Сен-Симон связывает с определенной формой эксплуатации человека человеком: античную — с рабством, феодальную — с крепостничесвом. Но хотя ему было прекрасно известно, что для индустриальной системы характерным был наемный труд, он это оставляет в тени.

Данная непоследовательность была преодолена в трудах его учеников и почитателей. В книге «Изложение учения Сен-Симона. 1828—1829» (русск. перевод: М., 1961), представляющей собой запись лекций Сен-Амана Базара (1791—1832), которые были прочитаны по поручению сенсимонистской школы, история цивилизованного человечества предстает прежде всего как последовательная смена форм эксплуатации человека человеком. Первая из них — рабство, следующая — более мягкая — крепостничество, а последняя — еще более ослабленная — наемный труд. Следующий шаг в истории человечества должен состоять в полном уничтожении всякой эксплуатации и возникновения общества, в котором ее не будет совсем.

2.4. МАРКСИСТСКАЯ ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

2.4.1. Вводные замечания

Следующим шагом в развитии унитарно-стадиального истории было появление марксистского материалистического понимания истории. Хотя эта концепция исторического развития была создана Карлом Генрихом Марксом (1818—1883) и Фридри-

хом Энгельсом (1820 – 1895) еще в середине XIX в., она, бесспорно, является учением и современным. У материалистического понимания истории немало сторонников, причем не только в бывших «социалистических» странах, но и далеко за их пределами.

Последние десятилетия характеризуются растущим внимание ученых-обществоведов ведущих капиталистических стран к материалистическому пониманию истории. Особенно оно популярно среди этнологов (социальных антропологов) и археологов. В странах дальнего зарубежья только за последние 20 лет опубликовано несколько десятков монографий и сборников (не говоря уже об отдельных статьях в периодических изданиях), посвященных использованию исторического материализма в этнологии (социальной антропологии) и археологии. Достаточно назвать монографии: Дж.У. Уэссмен «Антропология и марксизм» (Нью-Йорк, 1981), М. Блох «Марксизм и антропология» (Оксфорд, 1983), Р. Макгвир «Марксистская археология» (Лондон, 1992); Д. Донхэм «История, власть, идеология: Центральные проблемы марксизма и антропологии» (Беркли, 1999); сборники: «Марксистский анализ и социальная антропология» (Лондон, 1975); «Производственные отношения. Марксистский подход в антропологии» (Лондон, 1978); «По направлению к марксистской антропологии. Проблемы и перспективы» (Гаага, 1979); «Марксистские перспективы в археологии» (Кембридж, 1984); «Перспективы в марксистской антропологии в США» (Нью-Йорк,1987); «Диалектическая антропология» (Гейнсвилл, 1992); «Марксистский подход в экономической антропологии» (Лэнхем, 1992).[53] Работ такого рода в западной науке так много, что в издаваемых в Пало Альто (США) «Ежегодных обзорах антропологии» уже появилось три обзорные статьи: «Марксистский подход в антропологии», (Т. 4. 1975), «Материалистический подход к преистории» (Т. 10. 1981), «Маркс и антропология» (Т. 26. 1997), содержащие обширнейшую библиографию.[54]

Высоко оценивают материалистическое понимания истории и многие видные западные историки, не принадлежащие к числу марксистов. Вот что, например, говорил в 1982 г. известный американский историк Бернард Бейлин в своем обращении в качестве президента Американской исторической ассоциации к ежегодному ее собранию: «Разумеется, марксисты создали могучее средство для упорядочения материала в исторических трудах. Какими бы ни были их слабости, историки-марксисты искали — именно искали — позади всех обстоятельств и случайностей усилия и достижения человечества и сводили вместе самые разнообразные материалы в единую непротиворечивую картину, которая показывала как настоящее вырастает из прошлого. Они выделяли лежащие в основе силы, которые как прямо, так и через «доминирующие идеологии» формировали живые человеческие функции, и стремились объединить базисные силы и структуры социальной и культурной жизни во всеобъемлющую схему, которая концентрировала

[53] Wessman J.W. Anthropology and Marxism. New York, 1981; Bloch M Marxism and Anthropology: The History of Relationship. Oxford, 1983, McGuire R.H. A Marxist Archaeology. London, 1992; Donham D.L. History, Power, Ideology: Central Issues in Marxism and Anthropology. Berkeley, 1999; Marxist Analysis and Social Anthropology. Ed. by M. Bloch. London, 1975; Relations of Production: Marxist Approach to Economic Anthropology. Ed. by D. Seddon. London,1978, Toward a Marxist Anthropology. Problems and Perspectives. Ed. by S. Diamond. The Hague, 1979; Marxist Perspectives in Archaeology. Ed. by M. Spriggs. Cambridge, 1984; Perspectives in US Marxist Anthropology. Ed by D. Hakken and H. Lessinger. New York, 1987; Dialectical Anthropology. Essays in Honor of S. Diamond. Vols.1 – 2. Gainesville,1992; Marxist Approach in Economic Anthropology. Lanham, 1992.

[54] O'Laughlin B. Marxist Approach in Anthropology // ARA. Vol. 4. 1975, Kohl P.L. Materialist Approaches in Prehistory // Ibid. Vol.10. 1981; Roseberry W. Marx and Anthropology // Ibid. Vol. 26. 1997.

внимание на критических переходах. Взгляд с позиций марксизма остается мощной силой в осознании прошлого, каков бы ни был подход к истории...».[55]

Английский историк Джон Тош в книге «Погоня за историей. Цели, методы и новые направления в изучении современной истории» (3rd edn. 2000; русск. перевод: Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000) в главе «История и социальная теория» характеризует материалистическое понимание истории как наилучшую социальную теорий из всех ныне существующих. И далее почти всю главу он посвящает изложению основных положений исторического материализма. «Мой продолжительный анализ марксистской исторической теории, — пишет в заключение Дж. Тош, — некоторые читатели могут расценить как субъективную приверженность автора вышедшему из моды радикализму. Разве марксизм не оказался на свалке истории теперь, после 1989 г., когда во всем мире сохранились лишь островки марксистских режимов, а международное коммунистическое движение потерпело полный крах?... Сейчас еще рано утверждать, какими будут долгосрочные последствия сдвига 1989—1992 гг. в интеллектуальном плане, но сразу по двум причинам можно предположить, что марксизм вряд ли удастся быстро списать со счетов. Во-первых, большинство историков-марксистов мало интересовались возможным влиянием их работы на политический процесс в прошлом и настоящем, придерживаясь мнения о минимальной связи между исторической теорией Маркса и и его революционно-политическим учением. Во-вторых, нынешнее враждебное отношение, как бы велико оно ни было, не изменит того факта, что марксизм оказал совершенно беспрецедентное воздействие на историческую науку и в качественном, и в количественном смысле. Эта теория не имеет равных по широте охвата и уровню научной проработки. Пока историки признают необходимость теории, они будут обращаться к марксистской традиции. Обоснованность этого прогноза станет совершенно бесспорной, если мы учтем сравнительную теоретическую бедность других направлений истории».[56]

И подобного рода высказывания можно было бы приводить без конца.

2.4.2. Марксистская стадиальная типология социально-исторических организмов

Согласно материалистическому пониманию истории, фундаментом, базисом любого конкретного общества, т.е. социально-исторического организма, является определенная система социально-экономических (производственных) отношений. Существует несколько типов социально-экономических отношений и, соответственно, несколько качественно отличных друг от друга их систем или *общественно-экономических укладов* (рабовладельческий, феодальный и т.п.). Каждая такая система социально-экономических отношений является общественной формой, в которой происходит процесс производства. *Производство, взятое в определенной общественной форме, есть не что иное, как определенный способ производства (рабовладельческий, феодальный и т.п.).*

Естественным поэтому для марксизма является положить в основу классификации социоисторических организмов господствующие в них общественно-экономические уклады или, что в данном отношении то же самое, способы производства. Социоисторические организмы, в которых господствует один и тот же общественно-экономиче-

[55] Bailyn B. The Challange of Modern Historiography // The American Historical Review. 1982. Vol 87 № 1. P 5-6

[56] Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерство историка М., 2000. С. 211.

ский уклад, относятся к одному и тому же типу. Социоисторические организмы, в которых доминируют различные способы производства, относятся к разным типам.

Типы социоисторических организмов, выделенные по такому признаку, получили название *общественно-экономических формаций*. Последних существует столько, сколько существует основных способов производства. Общественно-экономические формации — не просто типы общества. Они суть такие типы общества, которые одновременно представляют собой стадии развития человеческого общества. Всемирная история с такой точки зрения есть прежде всего процесс развития и смены общественно-экономических формаций.

2.4.3. Марксова схема развития и смены общественно-экономических формаций

Теория развития и смены общественно-экономических формаций возникла как своеобразная квинтэссенция достижений всех общественных наук своего времени, прежде всего историологии и политической экономии. В основе созданной основоположниками марксизма схемы развития и смены общественно-экономических формаций лежала утвердившаяся к тому времени в исторической науке периодизация писаной всемирной истории, в которой в качестве мировых эпох выступали древневосточная, античная, средневековая и новая.

К тому времени, когда жили и творили основоположники марксизма, стало ясным, что эпоха нового времени есть период становления и утверждения капиталистического общества. Ранее же капитализма не существовало. Для эпохи средних веков были характерны социоисторические организмы качественно иного типа — феодальные, основанные на ином — не на капиталистическом, а на феодальном способе производства. Но феодальный способ производства появился во всяком случае не раньше VI—VII вв. В античном мире его не было. Античные социально-исторические организмы базировались на рабовладельческом способе производства. Но и они существовали не всегда. Об античном обществе можно говорить, лишь начиная с VIII в. до н.э.

Ему предшествовала более чем двухтысячелетняя история стран Древнего Востока. К. Марксу во многом был неясен характер социально-экономических отношений, господствовавших в древневосточных социоисторических организмах. Но их однотипность и в то же время качественное отличие не только от буржуазных и феодальных, но и от античных, рабовладельческих не вызывала у него сомнения. Поэтому им был сделан вывод, что на Древнем Востоке существовал особый антагонистический способ производства, который он назвал азиатским. Азиатскую общественно-экономическую формацию он рассматривал как первую историческую форму классового общества.

Классовому обществу, как свидетельствовали факты, положенные в основу представлений о дикости как первой стадии развития человечества, предшествовало общество первобытно-коммунистическое. Капитализм К. Маркс рассматривал как последнюю антагонистическую общественно-экономическую формацию, за которой должна последовать коммунистическая.

Эту созданную К. Марксом схему смены общественно-экономических формаций в основном принимало большинство сторонников марксизма. Единственным спорным моментом в ней был азиатский способ производства и, соответственно, азиатская общественно-экономическая формация.

Идеологическим руководством всех «социалистических» стран, а тем самым и их

официальной общественной наукой эти понятия категорически отвергались. Всем ученым вменялось в обязанность считать общества Древнего Востока рабовладельческими. В периоды относительной свободы мнений проблема азиатского способа производства была предметом ожесточенных дискуссий. Первая из таких дискуссий имела место в конце 20-х — начале 30-х годов, вторая — во второй половине 60-х — начале 70-х годов. Ход их довольно полно, хотя и очень тенденциозно (в духе официальной точки зрения), был освещен в книге Владимира Николаевича Никифорова (1920—1990) «Восток и всемирная история» (М., 1975; 2-е изд., 1977).

2.4.4. Как и где существуют общественно-экономические формации

Понятие общественно-экономической формации — одна из ключевых категорий материалистического понимания истории. Однако, как это ни странно, ему меньше всего уделялось внимания специалистами по историческому материализму. В учебниках исторического материализма 40—50-х не было не только глав, но даже разделов, посвященных ему.[57] А когда такие разделы появились, то авторы, сказав буквально несколько слов о формации вообще, сразу же переходили к характеристике рабства, феодализма, капитализма и т. п. И если внимательно приглядеться к этим всем учебникам, то выяснится, что их авторы совершенно не понимали, что такое общественно-экономическая формация. Не лучше обстояло дело и в трудах по историческому материализму. И это неудивительно.

Чтобы разобраться в общественно-экономической формации, нужно было сопоставить ее с обществом. А как уже отмечалось, термин «общество» имеет по меньшей мере пять различных значений, важнейшее из которых — отдельное конкретное общество, социоисторический организм. Но все это оставалось для наших и не только наших истматчиков тайной за семью печатями.

И дело не просто в **их** догматизме. Понятие социоисторического организма с самого начала отсутствовало в понятийном аппарате марксистской теории общества и истории. И это с неизбежностью мешало понять категорию общественно-экономической формации. Определяя формацию как общество или как стадию развития общества, истматчики никак не раскрывали смысла, который вкладывали они при этом в слово «общество», хуже того, они без конца, сами совершенно не осознавая того, переходили от одного смысла этого слово к другому, что с неизбежностью порождало невероятную путаницу.

В какой-то степени проблема соотношения общественно-экономической формации и общества была уже поставлена и даже решена в первой части (1.2.6) при выявлении основных значений термина «общество» Но рассмотрена она была по необходимости кратко. Сейчас имеет смысл проанализировать ее более детально.

Каждая конкретная общественно-экономическая формация представляет собой определенный тип общества, выделенный по признаку социально-экономической структуры. Это означает, что конкретная общественно-экономическая формация есть не что иное, как то общее, что присуще всем социально-историческим организмам, обладающим данной социально-экономической структурой. В понятии конкретной формации всегда фиксируется, с одной стороны, фундаментальное тождество всех социоисторических организмов, имеющих своей основой одну и ту же систему производственных

[57] См например . Исторический материализм. М , 1951.

отношений, а с другой стороны, существенное различие между конкретными обществами с разными социально-экономическими структурами. Таким образом, соотношение социоисторического организма, принадлежащего к той или иной общественно-экономической формации, и самой этой формации есть отношение отдельного и общего.

Проблема общего (включая сущность) и отдельного принадлежит к числу важнейших проблем философии, и споры вокруг нее велись на протяжении всей истории этой области человеческого знания. Начиная с эпохи средневековья два основных направления в решении этого вопроса получили названия номинализма и реализма. Согласно взглядам номиналистов, в объективном мире существует только отдельное. Общего же, сущности либо совсем нет, либо оно существует только в сознании, является конструкцией человеческого ума.

Иную точку зрения отстаивали реалисты. Они считали, что общее существует реально, вне и независимо от сознания человека и образует особый мир, отличный от чувственного мира отдельных явлений. Этот особый мир общего, сущностей по своей природе духовен, идеален, и является первичным по отношению к миру отдельных вещей.

В каждой из этих двух точек зрения есть крупица истины, но обе они неверны, хотя и не в одинаковой степени. Для ученых несомненно существование в объективном мире законов, закономерности, сущности, необходимости. А все это — всегда общее. Общее таким образом существует не только в сознании, но и в объективном мире, но иначе, чем существует отдельное. И эта инаковость бытия общего состоит вовсе не в том, что оно образует особый мир, противостоящий миру отдельного. Нет особого мира общего, сущности. Общее существует не само по себе, не самостоятельно, а только в отдельном и через отдельное. С другой стороны, и отдельное не существует без общего. Такой взгляд можно назвать материалистическим *эссенциализмом* (от лат. essentia — сущность). Он противостоит как номинализму, так и объективно-идеалистическому эссенциализму (реализму).

Таким образом в мире имеют место два разных вида объективного существования: один вид — самостоятельное существование, как существует отдельное, и второй — существование только в ином и через иное: в данном случае в отдельном и через отдельное, как существует общее. К сожалению, в русском философском языке нет терминов для обозначения этих двух разных форм объективного существования. Иногда, правда, говорят, что отдельное существует как таковое, а общее, существуя, не существует как таковое. Я в дальнейшем буду обозначать самостоятельное существование как *самосуществование*, еее как *самобытие*, а существование в ином и через иное как *иносуществование*, или как *инобытие*.

Чтобы познать общее (сущность, закон и т.п.) нужно «извлечь» его из отдельного, «очистить» от отдельного, представить его в «чистом» виде, т.е. в таком. в котором оно может существовать лишь в мышлении. Процесс «извлечения» общего из отдельного, в котором он в реальности существует, в котором оно скрыто, не может быть ничем иным, как процессом создания «чистого» общего. Формой существования «чистого» общего являются понятия и их системы — концепции, гипотезы, теории и т.п. В сознании иносуществующее, общее выступает как самосуществующее, как отдельное. Но это самобытие не реальное, а идеальное. Здесь перед нами — отдельное, но только не реальное отдельное, а идеальное отдельное.

Так как каждая конкретная общественно-экономическая формация есть общее, то она может существовать и всегда существует в реальном мире только в отдельных

обществах, социоисторических организмах, причем в качестве их глубокой общей основы, их внутренней сущности и тем самым и их типа.

Общее между социоисторическими организмами, относящимися к одной общественно-экономической формации, разумеется, не исчерпывается их социально-экономической структурой. Но объединяет все эти социоисторические организмы, обусловливает их принадлежность к одному типу прежде всего, конечно, наличие во всех них одной и той же системы производственных отношений. Все остальное, что роднит их, является производным от этой фундаментальной общности.

Именно поэтому В.И. Ленин неоднократно определял общественно-экономическую формацию как совокупность или систему определенных производственных отношений. Однако вместе с тем он никогда не сводил ее полностью к системе производственных отношений. Для него общественно-экономическая формация всегда была типом общества, взятого в единстве всех его сторон. Он характеризует систему производственных отношений как «скелет» общественно-экономической формации, который всегда облечен и «плотью и кровью» других общественных отношений. Но в этом «скелете» всегда заключена вся сущность той или иной общественно-экономической формации.[58]

Согласно материалистическому пониманию истории, производственные отношения объективны, материальны. Соответственно, материальной является и вся система, образованная этими отношениями. А это значит, что она функционирует и развивается по своим собственным законам, не зависящим от сознания и воли людей, живущих в системе этих отношений. Данные законы и являются законами функционирования и развития общественно-экономической формации. Введение понятия об общественно-экономической формации, впервые позволив взглянуть на эволюцию общества как на естественно-исторический процесс, сделало возможным выявление не только общего между социоисторическими организмами, но одновременно и повторяющегося в их развитии.

Все социоисторические организмы, принадлежащие к одной и той же формации, имеющие своей основой одну и ту же систему производственных отношений, неизбежно должны развиваться по одним и тем же законам. Как бы ни отличались друг от друга современная Англия и современная Франция, современная Италия и современная Япония, все они представляют собой буржуазные социоисторические организмы, и развитие их определяется действием одних и тех же законов — законов капитализма.

В основе разных формаций лежат качественно отличные системы социально-экономических отношений. Это значит, что разные формации развиваются по-разному, по различным законам. Поэтому с такой точки зрения важнейшей задачей общественной науки является исследование законов функционирования и развития каждой из общественно-экономических формаций, т. е. создание теории каждой из них. По отношению к капитализму такую задачу попытался решить К. Маркс.

Единственный путь, который может привести к созданию теории любой формации, заключается в выявлении того существенного общего, что проявляется в развитии всех социоисторических организмов данного типа. Вполне понятно, что раскрыть общее в явлениях невозможно, не отвлекаясь от различий между ними. Выявить внутреннюю объективную необходимость любого реального процесса можно, лишь освободив его от той конкретно-исторической формы, в которой она проявилась, лишь пред-

[58] Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 138-139, 165.

ставив этот процесс в «чистом» виде, в логической форме, т.е. таким, каким он может существовать лишь в теоретическом сознании.

Если в исторической реальности конкретная общественно-экономическая формация существует только в социоисторических организмах в качестве их общей основы, то в теории эта внутренняя сущность единичных обществ выступает в чистом виде, как нечто самостоятельно существующее, а именно как идеальный социоисторический организм данного типа.

Примером может послужить «Капитал» Маркса. В этом труде рассматривается функционирование и развитие капиталистического общества, но не какого-либо определенного, конкретного: английского, французского, итальянского и т.п., а капиталистического общества вообще. И развитие этого идеального капитализма, чистой буржуазной общественно-экономической формации представляет собой не что иное, как воспроизведение внутренней необходимости, объективной закономерности эволюции каждого отдельного капиталистического общества. Как идеальные социоисторические организмы выступают в теории и все другие формации.

Вполне понятно, что конкретная общественно-экономическая формация в чистом виде, т.е. как особый социоисторический организм, может существовать только в теории, но не в исторической реальности. В последней она существует в отдельных обществах в качестве их внутренней сущности, их объективной основы.

Каждая реальная конкретная общественно-экономическая формация есть тип общества и тем самым то объективное общее, что присуще всем социоисторическим организмам данного типа. Поэтому она вполне может быть названа обществом, но ни в коем случае не социоисторическим организмом. В качестве социоисторического организма она может выступать только в теории, но не в реальности. Каждая конкретная общественно-экономическая формация, будучи определенным типом общества, является тем самым обществом данного типа вообще. Капиталистическая общественно-экономическая формация есть капиталистический тип общества и одновременно капиталистическое общество вообще.

Каждая конкретная формация находится в определенном отношении не только к социоисторическим организмам данного типа, но к обществу вообще, т.е. тому объективному общему, которое присуще всем социоисторическим организмам, независимо от их типа. По отношению к социоисторическим организмам данного типа каждая конкретная формация выступает как общее. По отношению к обществу вообще конкретная формация выступает как общее менее высокого уровня, т.е. как особенное, как конкретная разновидность общества вообще, как особенное общество.

Говоря об общественно-экономической формации, авторы ни монографий, ни учебников никогда не проводили четкой грани между конкретными формациями и формацией вообще. Между тем разница существует и она значительна. Каждая конкретная общественная формация представляет собой не только тип общества, но и общество данного типа вообще, особенное общество (феодальное общество вообще, капиталистическое общество вообще и т.п.). Совершенно иначе обстоит дело с общественно-экономической формацией вообще. Она не есть общество ни в каком смысле этого слова.

Наши истматчики этого никогда не понимали. Во всех монографиях и во всех учебниках по историческому материализму всегда рассматривалась структура формации и перечислялись ее основные элементы: базис, надстройка, включая общественное сознание, и т.п. Эти люди считали, что если выделить то общее, что присуще первобытному, рабовладельческому, феодальному и т.п. обществам, то перед нами предстанет

формация вообще. А на самом деле, перед нами в таком случае выступит не формация вообще, а общество вообще. Воображая, что они описывают структуру формации вообще, истматчики в действительности рисовали структуру общества вообще, т.е. рассказывали о том общем, что присуще всем без исключения социоисторическим организмам.

Всякая конкретная общественно-экономическая формация включает в себя два момента: 1) она — конкретный тип общества и 2) она же — общество вообще этого типа. Поэтому понятие конкретной формации включено в два разных ряда понятий. Один ряд: 1) понятие социоисторического организма как отдельного конкретного общества — 2) понятие о той или иной конкретной формации как обществе вообще определенного типа, т.е. особенном обществе, — 3) понятие об обществе вообще. Другой ряд: 1) понятие о социоисторических организмах как отдельных конкретных обществах — 2) понятие о конкретных формациях как типах социоисторических организмов, выделенных по признаку социально-экономической структуры, и — 3) понятие об общественно-экономической формации вообще как о социально-экономическом типе социоисторических организмов вообще.

Понятие общественно-экономической формации вообще, как и понятие общества вообще, отражает общее, но иное. Понятие общества вообще отражает то общее, что присуще всем социоисторическим организмам независимо от их типа. Понятие общественно-экономической формации вообще отражает то общее, что присуще всем конкретным общественно-экономическим формациям независимо от их специфических особенностей, а именно, что все они представляют собой типы, выделенные по признаку социально-экономической структуры.

Во всех трудах и учебниках, когда формация определялась как общество, причем без указания на то, о какой формации идет речь: конкретной формации или формации вообще, никогда не уточнялось, идет ли речь об отдельном обществе или об обществе вообще. И нередко и авторы, и тем более читатели понимали под формацией отдельное общество, что было совершеннейшей нелепостью. А когда некоторые авторы пытались все же принять во внимание, что формация есть тип общества, то нередко получалось еще хуже. Вот пример из одного учебного пособия: «Каждое общество представляет собой... целостный организм, так называемую *общественно-экономическую формацию,* т.е. определенный исторический тип общества со свойственным ему способом производства, базисом и надстройкой».[59]

Как реакция на подобного рода толкование общественно-экономических формаций возникло отрицание их реального существования. Но оно было обусловлено не только невероятной путаницей, которая существовала в нашей литературе в вопросе о формациях. Дело обстояло сложнее. Как уже указывалось, в теории общественно-экономические формации существуют в качестве идеальных социоисторических организмов. Не обнаружив в исторической реальности таких формаций, некоторые наши историки, а за ними и некоторые истматчики пришли к выводу, что формации в действительности вообще не существуют, что они представляют собой лишь логические, теоретические конструкции.[60] «...Социально-экономическая формация, — писал, например, А.Я. Гуревич, — есть умственная конструкция, своего рода «идеальный тип»,

[59] Основы марксизма-ленинизма. Учебное пособие. М., 1959. С. 128.

[60] См., например, Гуревич А. Я. К дискуссии о докапиталистических формациях: формация и уклад // ВФ. 1968, № 2. С. 118-119; Он же. О кризисе современной исторической науки // ВИ. 1991. № 2—3. С. 23; Израитель В.Я. Проблемы формационного анализа общественного развития. Горький, 1975. С. 16.

используемый историками для систематизации конкретного материала». И далее он критиковал К. Маркса за то, что «формации были в его системе реальными социально-экономическими образованиями, находящимися на грешной земле, а не в умах историков или социологов».[61]

Понять, что общественно-экономические формации существуют и в исторической реальности, но иначе, чем в теории, не как идеальные социоисторические организмы того или иного типа, а как объективное общее в реальных социоисторических организмах того или иного типа, эти люди оказались не в состоянии. Для них бытие сводилось только к самобытию. Инобытия они, как и все вообще номиналисты, во внимание не принимали, а общественно-экономические формации, как уже указывалось, не имеют самобытия. Они не самосуществуют, а иносуществуют.

В этой связи нельзя не сказать, что теорию формаций можно принимать, а можно отвергать. Но сами общественно-экономические формации нельзя не принимать во внимание. Объективное существование их, по крайней мере как определенных типов общества — несомненный факт. И это не мог в какой-то степени не осознать тот же самый А.Я. Гуревич. Но так как он знал только объективное самосуществование, то, решительно осудив иследователей за превращение формаций в «нечто материальное, отождествленное с существующими в данном месте и в данное время конкретными обществленными явления»[62] (т.е. проще выражась, за их понимание как отдельного), он в этой же самой и в других работах и выступлениях сам трактует формации как нечто отдельное, самостоятельно существующее во времени и пространстве. Он говорит о существовании в недрах «любой формации» нескольких общественно-экономических укладов, об их многоукладности, о взаимодействии и даже сотрудничестве между разными одновременно существующими формациями и т.п.[63] Несколько укладов действительно могут сосуществовать, но только не в недрах формаций, а в социоисторических организмах. И взаимодействовать могут не разные формации сами по себе, а социоисторический организмы, относящиеся к разным формациям. Здесь сказываются и полное непонимание природы формаций, и столь свойственная А.Я. Гуревичу неспособность логически мыслить, с неизбежностью заставляющая его на каждом шагу вступать в противоречие с самим собой.

2.4.5. Проблемы интерпретации марксовой схемы смены общественно-экономических формаций

В теории общественно-экономических формаций К. Маркса каждая формация выступает как общество вообще определенного типа и тем самым как чистый, идеальный социально-исторический организм данного типа. В этой теории фигурируют первобытное общество вообще, азиатское общество вообще, чистое античное общество и т.п. Соответственно смена общественных формаций предстает в ней как превращение идеального социально-исторического организма одного типа в чистый социально-исторический организм другого, более высокого типа: античного общества вообще в феодальное общество вообще, чистого феодального общества в чистое капиталистическое общество и т.п. Сообразно с этим человеческое общество в целом выступает в тео-

[61] Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки... С. 23.

[62] Гуревич А.Я. К дискуссии о докапиталистических формациях... С. 119.

[63] Гуревич А.Я. К дискуссии... С. 121-127; Философия и историческая наука. Материалы круглого стола // ВФ. 1988, № 10. С. 20-21.

рии как общество вообще — как единый чистый социоисторический организм, стадиями развития которого являются общества вообще определенного типа: чистое первобытное, чистое азиатское, чистое античное, чистое феодальное и чистое капиталистическое.

Но в исторической реальности человеческое общество никогда не было единым социально-историческим организмом. Оно всегда представляло собой огромное множество социоисторических организмов. И конкретные общественно-экономические формации тоже никогда в исторической реальности не существовали как социоисторические организмы. Каждая формация всегда существовала лишь как то фундаментальное общее, которое присуще всем социально-историческим организмам, имеющим своей основой одну и ту же систему социально-экономических отношений.

И в самом по себе таком расхождении между теорией и реальностью нет ничего предосудительного. Оно всегда имеет место в любой науке. Ведь каждая из них берет сущность явлений в чистом виде, а в такой форме сущность никогда не существует в реальности, ведь каждая из них рассматривает необходимость, закономерность, закон в чистом виде, но чистых законов в мире не существует.

Поэтому важнейшим делом в любой науке является то, что принято называть интерпретацией теории. Она состоит в выявлении того, как необходимость, выступающая в теории в чистом виде, проявляется в реальности. Нуждается в такой интерпретации и теория общественно-экономических формаций.

В теории, претендующей на отображение действительности, любой реальный исторический процесс выступает в чистом, идеальном виде, в форме логического процесса. Как указывал Ф. Энгельс, логическое есть «не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам которые дает сам действительный исторический процесс, причем каждый момент может рассматриваться в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости, своей классической формы».[64] Теория общественно-экономических формаций и претендует на отражение процесса развития человеческого общества в абстрактной и теоретически последовательной форме.

Теория каждой конкретной ощественно-экономической формации отображает объективную необходимость развития *всех* социоисторических организмов, имеющих своей основой данную систему социально-экономических отношений, *всех* социоисторических организмов *одного определенного* типа. Соответственно теория общественно-экономических формаций в целом воспроизводит объективную необходиость развития *всех* вообще социоисторических организмов, т.е. человеческого общества в целом.

Но последнее положение нуждается в уточнении. В применении к теории той или иной конкретной формации, говоря о *всех* социоисторических организмах данного типа, мы имеем в виду *каждый* из них, взятый в отдельности. Другой интепретации быть не может. В отношении же теории общественно-экономических формаций, взятой, в целом возможны две разных интепретации понятия «все» в применении к социоисторическим организмам.

Одна из них состоит в том, что схема, претендующая на то, что она воспроизводит объективную необходимость развития человеческого общества в целом, т.е. всех суще-

[64] Энгельс Ф. К. Маркс «К критике политической экономии» // К.Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 13. С. 497.

ствовавших и существующих социально-исторических организмов, представляет собой идеальную модель развития *каждого* социоисторического организма, взятого в отдельности. Другая интерпретация заключается в том, что теория общественно-экономических формаций воспроизводит объективную необходимость развития *всех* социоисторических организмов только *вместе взятых*, но ни одного из них, взятого в отдельности. И самый важный вопрос — какая из этих двух интерпретаций теории общественно-экономических формаций верна?

2.4.6. Противоречие между ортодоксальным пониманием смены общественно-экономических формаций и исторической реальностью

Как ни странно, но в марксистской литературе вопрос о том, представляет ли марксистская схема смены общественно-экономических формаций мысленное воспроизведение эволюции каждого социоисторического организма, взятого в отдельности, или же она выражает внутреннюю объективную логику развития лишь человеческого общества в целом, но не отдельных составляющие его социоров, в сколько-нибудь отчетливой форме никогда не ставился.

Во многом это связано с тем, что в марксистской теории отсутствовало понятие социоисторического организма, а тем самым и понятие системы социоисторических организмов. Соответственно, в ней никогда в достаточно четкой форме не проводилось различие между человеческим обществом в целом и обществом вообще, не анализировалось различие между конкретной формацией, как она существует в теории, и конкретной формацией, как она существует в реальности и т.п.

Но если данный вопрос теоретически не ставился, то на практике он все же решался. Фактически считалось, что марксова схема развития и смены общественно-экономических формаций должна реализовываться в эволюции каждого отдельного конкретного общества, т.е. каждого социально-исторического организма. В результате всемирная история представала как совокупность историй множества изначально существовавших социоисторических организмов, каждый из которых в норме должен был «пройти» все общественно-экономические формации.

Если не во всех, то, по крайней мере, в некоторых истматовских работах этот взгляд был выражен с предельной четкостью. «К. Маркс и Ф. Энгельс, — читаем мы в одной из них, — изучая мировую историю, пришли к выводу, что при всем многообразии общественного развития, во всех странах имеется всеобщая, необходимая и повторяющаяся тенденция: все страны проходят в своей истории одни и те же этапы. Наиболее общие черты этих этапов находят свое выражение в понятии «общественно-экономическая формация».[65] И далее: «Из этого понятия вытекает, что все народы независимо от особенностей их исторического развития проходят с неизбежностью в основном одни и те же формации».[66]

Таким образом, смена общественно-экономических формаций мыслилась как происходящая исключительно лишь внутри социоисторических организмов. Соответственно, общественно-экономические формации выступали прежде всего как стадии развития не человеческого общества в целом, а отдельных социоисторических организмов. Основание считать их стадиями всемирно-исторического развития давало только

[65] Попов П В., Сычев С В Методологические функции понятия «общественно-экономическая формация» // Методологический анализ некоторых философских категорий. М , 1976. С. 93.

[66] Там же С 95

то, что их «проходили» все или, по крайней мере, большинство социально-исторических организмов.

Конечно, исследователи, сознательно или бессознательно придерживавшиеся такого понимания истории, не могли не видеть, что были факты, которые никак не укладывались в их представления. Но они обращали внимание в основном лишь на те из этих фактов, которые можно было истолковать как «пропуск» тем или иным «народом» той или иной общественно-экономической формации, и объясняли их как всегда возможное и даже неизбежное отклонение от нормы, вызванное стечением тех или иных конкретных исторических обстоятельств.

Трактовка смены формаций как последовательного изменения типа существующих социоисторических организмов, в известной степени находилась в соответствии с фактами истории Западной Европы в новое время. Смена феодализма капитализмом происходила здесь, как правило, в форме качественного преобразования существовавших социально-исторических организмов. Качественно изменяясь, превращаясь из феодальных в капиталистические, социоисторические организмы в то же время сохранялись в качестве особых единиц исторического развития.

Франция, например, превратившись из феодальной в буржуазную, продолжала существовать как Франция. Позднефеодальное и буржуазное общества Франции несмотря на все различия между ними, имеют между собой общее, являются последовательно сменившимися стадиями эволюции французского геосоциального организма. То же самое можно было наблюдать в Англии, Испании, Португалии. Однако уже с Германией и Италией обстояло иначе: даже в эпоху позднего феодализма не существовало ни общегерманского, ни общеитальянского социоисторических организмов.

Если же мы взглянем на мировую историю, какой она была до позднего феодализма, то вся она предстанет уж во всяком случае не как процесс стадиального изменения определенного числа изначально существующих социально-исторических организмов. Всемирная история была процессом возникновения, развития и гибели огромного множества социоисторических организмов. Последние, таким образом, сосуществовали не только в пространстве, рядом друг с другом. Они возникали и гибли, приходили на смену друг другу, замещали друг друга, т.е. сосуществовали и во времени.

Это было замечено давно и притом не только историками. Как писал замечательный русский поэт Гаврила Романович Державин (1743—1816):

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.[67]

Если в Западной Европе XVI—XX вв. наблюдалась (да и то не всегда) смена типов социально-исторических организмов при сохранении их самих в качестве особых единиц исторического развития, то, например, для Древнего Востока была характерна прямо противоположная картина: возникновение и исчезновение социоистори-

[67] Державин Г.Р. «Река времен в свое стремлении...» // Стихотворения. М -Л., 1963. С. 374.

ческих организмов без изменения их типа. Вновь возникшие социоисторические организмы по своему социально-экономическому типу, т.е. формационной принадлежности, ничем не отличались от погибших.

Мировой истории не известен ни один социально-исторический организм, который «прошел» бы не только все формации, но хотя бы даже три из них. Зато мы знаем множество социоисторических организмов, в развитии которых вообще никогда не было никакой смены формаций. Они возникли как социоисторические организмы одного определенного типа и исчезли, не претерпев в этом отношении никаких изменений. Они возникли, например, как азиатские и исчезли как азиатские, появились как античные и погибли как античные.

Я уже отмечал, что отсутствие в марксистской теории истории понятия социально-исторического организма было серьезным препятствием для сколько-нибудь четкой постановки проблемы интерпретации марксовой схемы смены общественно-экономических формаций. Но оно же одновременно и в значительной степени мешало осознать то несоответствие, которое существовало между ортодоксальной интерпретацией этой схемы и исторической реальностью.

Когда молчаливо принималось, что все общества в норме должны «пройти» все формации, никогда при этом не уточнялось, какой именно смысл вкладывался в данном контексте в слово «общество». Можно было понимать под ним социально-исторический организм, но можно было — и систему социоисторических организмов и, наконец, — всю историческую последовательность социоисторических организмов, сменившихся на данной территории. Именно эту последовательность чаще всего и имели в виду, когда пытались показать, что данная «страна» «прошла» все или почти все формации. И почти всегда именно эту последовательность подразумевали, когда употребляли слова «регионы», «области», «зоны».

Средством сознательной, а чаще бессознательной маскировки несоответствия между ортодоксальным пониманием смены формаций и реальной историей было также и использование слова «народ», причем, конечно, опять-таки без уточнения его смысла. Например, как о само собой разумеющемся говорили о том, что все народы без малейшего исключения «прошли» первобытно-общинную формацию. При этом полностью игнорировался такой несомненный факт, что все современные этнические общности (народы) Европы сложились лишь в классовом обществе. В первобытности их не было.

Но все эти, чаще всего неосознаваемые, манипуляции со словами «общество», «народ», «исторический регион» и т.п. не меняли существа дела. А оно заключалось в том, что ортодоксальная версия смены общественно-экономических формаций бесспорно находилась в явном противоречии с историческими фактами.

Именно все приведенные выше факты и давали противникам марксизма основание для того, чтобы объявить материалистическое понимание истории чисто умозрительной схемой, находящейся в разительном противоречии с исторической реальностью. Ведь в самом деле, полагали они, если общественно-экономические формации в подавляющем большинстве случаев не выступают как стадии развития социально-исторических организмов, то тем самым они уж никак не могут быть и стадиями всемирно-исторического развития.

2.4.7. Классики марксизма и ортодоксальное понимание смены общественно-экономических формаций

Возникает вопрос, было ли изложенное выше понимание смены общественно-экономических формаций присуще самим основоположникам исторического материализма или же оно возникло позднее и было огрублением, упрощением или даже искажением их собственных взглядов. Несомненно, что у классиков марксизма имеются такие высказывания, которые допускают именно подобную, а не какую-либо другую интерпретацию.

«Общий результат, к которому я пришел, — писал К. Маркс в своем знаменитом предисловии «К критике полической экономии», содержащем изложение основ исторического материализма, — и который послужил затем руководящей нитью в моих дальнейших исследованиях, может быть кратко сформулирован следующим образом. В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания... На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является лишь юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке... Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества».[68]

Данное высказывание К. Маркса можно понять так, что смена общественных формаций всегда происходит внутри общества, причем не только общества вообще, но каждого конкретного отдельного общества. И такого рода высказываний у него много. Излагая его взгляды, В.И. Ленин писал: «Каждая такая система производственных отношений является, по теории Маркса, особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм».[69]

По существу, говоря о социальных организмах, В.И. Ленин имеет в виду не столько реальные социально-исторические организмы, сколько общественно-экономические формации, которые действительно в головах исследователей существуют как социоисторические организмы, но, разумеется, только как идеальные. Однако он нигде этого не уточняет. И в результате его высказывание можно понять так, что каждое конкрет-

[68] Маркс К. К критике политической экономии // К. Маркс. и Ф. Энгельс. Соч.. Изд. 2-е. Т. 13. С. 6-7.

[69] Ленин В И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 429.

ное общество нового типа возникает в результате преобразования социоисторического организма предшествовавшего формационного типа.

Но наряду с высказываниями, подобным приведенному выше, у К. Маркса имеются и иные. Так, в письме в редакцию «Отечественных записок» он возражает против попытки Николая Константиновича Михайловского превратить созданный им «исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются, — для того, чтобы прийти в конечном счете к той экономической формации, которая обеспечивает вместе с величайшим расцветом производительных сил общественного труда и наиболее полное развитие человека».[70] Но эта мысль не была конкретизирована К. Марксом, и ее практически почти никогда не принимали во внимание.

2.4.8. Интерпретации смены общественно-экономических формаций в маркистской литературе после Маркса

Набросанная К. Марксом в предисловии к «К критике политической экономии» картина смены формаций в известной мере согласуется с тем, что нам известно о переходе от первобытного общества к первому классовому — азиатскому. Но она совершенно не работает, когда мы пытаемся понять, как возникла вторая классовая формация — античная. Дело обстояла вовсе не так, что в недрах азиатского общества вызрели новые производительные силы, которым стало тесно в рамках старых производственных отношений, и что как следствие произошла социальная революция, в результате которой азиатское общество превратилось в античное.

Ничего даже отдаленно похожего не произошло. Никаких новых производительных сил в недрах азиатского общества не возникло. Ни одно азиатское общество, само по себе взятое, не трансформировалось в античное. Античные общества появились на территории, где обществ азиатского типа либо совсем никогда не было, либо где они давно уже исчезли, и возникли эти новые классовые общества из предшествовавшим им предклассовых обществ.

Одним из первых, если не первым из марксистов, попытавшихся найти выход из положения, был Георгий Валентинович Плеханов (1856—1918). Он пришел к выводу, что азиатское и античное общества представляют собой не две последовательные фазы развития, а два параллельно существующие типа общества. Оба эти варианта в одинаковой степени выросли из первобытного общества, а своим различием они обязаны особенностями географической среды.[71]

В 20-е годы распространенным среди советских ученых был взгляд на азиатский способ производства как на восточную разновидность феодализма и, соответственно, на древневосточные общества как на феодальные. О феодализме на Древнем Востоке, как о чем-то само собой разумеющемся, писали, например, известные марксистские теоретики Николай Иванович Бухарин (1888—1938) в книге «Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии» (М., 1921 и др. изд.) и Август Тальгеймер (1884—1948) в работе «Введение в диалектический материа-

[70] Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных записок» // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 19. С. 120.

[71] Плеханов Г.В. Основные вопросы марксизма // Избр. философ. произв. в 5-ти т. Т. 3. М., 1957. С. 164-165

лизм» (М.-Л., 1928).[72] А это предполагало признание феодализма первой формой классового общества. И такого взгляда придерживались в то время многие ученые.

Его отстаивали философ и экономист Александр Александрович Богданов (наст. фам. — Малиновский) (1873—1928) и публицист, специалист по политической экономии Иван Иванович Степанов (наст. фам. — Скворцов) (1870—1928) в «Курсе политической экономии» (4-е изд. доп. и исправл. Т. 1. М.-Л., 1925). «Феодализм, — писал социолог и этнолог Павел Иванович Кушнер (Кнышев) (1889—1968), — это именно та общественная формация, которая возникает при разложении родового общества».[73]

Но тогда вставал вопрос о месте в мировой истории античного, рабовладельческого общества. А.А. Богданов и И.И. Скворцов-Степанов полагали, что от феодализма развитие может пойти по трем разным линиям. Первая ведет к восточному рабству, или восточному деспотизму, вторая — к античному рабству, третья — к крепостничеству. Алексей Исаевич Гуковский (1895—1969) и Орест Васильевич Трахтенберг (1889—1959) в книге «Очерк истории докапиталистического общества и возникновения капитализма» (М.-Л., 1931) выводили античность, как и феодализм, из первобытности и рассматривали ее как особый путь происхождения и развития классового общества. Таким образом, и тут получалось два варианта развития, но не азиатский и античный, как у Г.В. Плеханова, а феодальный и античный.

Своеобразным был взгляд П.И. Кушнера (Кнышева). Он считал, что в Древней Греции, как и на Древнем Востоке, разложение первобытного общества привело к появлению феодальных отношений, однако затем на их смену пришли рабовладельческие, которые в конце концов снова были заменены феодальными. Произошел своеобразный «исторический зигзаг».[74]

Еще дальше по этому пути пошел историк Владимир Сергеевич Сергеев (1883—1941), который в книге «Феодализм и торговый капитализм в античном мире» (1926) утверждал, что античное общество вначале было феодальным, потом — торгово-капиталистическим. Разложение торгового капитализма открыло дорогу для перехода к новой фазе мировой истории, к «так называемому романо-германскому или христианскому феодализму».[75] Рабовладельческой общественно-экономической формации места в построениях В.С. Сергеева не нашлось.

После того как дискуссия об азиатском способе производства, имевшая место в конце 20-х — начале 30-х годов, была насильственно оборвана, советские философы и историки пошли по пути отрицания формационного различия между древневосточными и античными обществами. Как утверждали они, и древневосточные, и античные общества в одинаковой степени были рабовладельческими. Различия между ними заключались лишь в том, что одни возникли раньше, а другие — позже. В возникших несколько позднее античных обществах рабовладение выступало в более развитых формах, чем в обществах Древнего Востока. Вот, собственно, и все.

А те наши историки, которые не хотели мириться с положением о принадлежно-

[72] Бухарин Н.И. Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. 3-е издание. М.-Пг. [1924]. С. 174, 219-220; Тальгеймер А. Введение в диалектический материализм., 1928. С. 198-203.

[73] Кушнер (Кнышев) П. Предисловие // Гуковский А.И. и Трахтенберг О.В. Очерк истории докапиталистического общества и возникновения капитализма. М.-Л., 1931. С. XX.

[74] Кушнер (Кнышев) П. Указ. раб. С. XXVII-XXVIII.

[75] Сергеев В.С. Феодализм и торговый капитализм в античном мире. М., 1926. С. 213.

сти древневосточных и античных обществ к одной формации (а это стало на некоторое время возможным после XX съезда КПСС), с неизбежностью, сами того чаще всего даже не осознавая, снова и снова воскрешали идею Г.В. Плеханова. Как утверждали они, от первобытного общества идут две параллельные и самостоятельные линии развития, одна из которых ведет к азиатскому обществу, а другая — к античному.

Ненамного лучше обстояло дело и с применением марксовой схемы смены формаций к переходу от античного общества к феодальному. Последние века существование античного общества характеризуются не подъемом производительных сил, а наоборот, их непрерывным упадком. Это полностью признавал Ф. Энгельс. «Всеобщее обнищание, упадок торговли, ремесла и искусства, сокращение населения, запустение городов, возврат земледелия к более низкому уровню — таков, — писал он, — был конечный результат римского мирового владычества». Как неоднократно подчеркивал он, античное общество зашло в «безвыходной тупик». Открыли путь из этого тупика лишь германцы, которые, сокрушив Западную Римскую империю, ввели новый способ производства — феодальный. А смогли они это сделать потому, что были варварами.[76] Но написав все это, Ф. Энгельс никак не согласовал сказанное с теорией общественно-экономических формаций.

Попытку сделать это предприняли некоторые наши историки, которые пытались по-своему осмыслить исторический процесс. Это были те же самые люди, которые не желали принять тезис о формационной идентичности древневосточного и античного общества. Они исходили из того, что общество германцев бесспорно было варварским, т.е. предклассовым, и что именно из него вырос феодализм. Отсюда ими был сделан вывод, что от первобытного общества идут не две, а три равноправные линии развития, одна из которых ведет к азиатскому обществу, другая — к античному, а третья — к феодальному. С тем чтобы как-то согласовать этот взгляд с марксизмом, было выдвинуто положение, что азиатское, античное и феодальное общества являются не самостоятельными формациями и уж, во всяком случае, не последовательно сменяющимися стадиями всемирно-исторического развития, а равноправными модификациям одной и той же формации — вторичной. Такое понимание было выдвинуто в свое время китаеведом Леонидом Сергеевичем Васильевым и египтологом Иосифом Александровичем Стучевским (1927—1989).[77]

Идея одной единой докапиталистической классовой формации получила широкое распространение в нашей литературе. Ее разрабатывали и отстаивали и африканист Юрий Михайлович Кобищанов[78], и китаевед Василий Павлович Илюшечкин (1915—1996).[79] Первый называл эту единую докапиталистическую классовую формацию большой феодальной формацией, второй — сословно-классовым обществом.

Идея одной докапиталистической классовой формации обычно в явном или неяв-

[76] См.: Энгельс Ф. Из подготовительных материалов к «Анти-Дюрингу» // К. Маркс К. и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 20. С. 643: Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Там же. Т. 21. С. 148-155.

[77] Васильев Л. С., Стучевский И. А. Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ // ВИ. 1966. № 5.

[78] Кобищанов Ю. М. Феодализм, рабство и азиатский способ производства // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М.,1966 и др.

[79] Илюшечкин В. П. Система внеэкономического принуждения и проблема второй основной стадии общественной эволюции. М., 1970; Он же. Система и структура добуржуазной частнособственнической эксплуатации. Вып. 1—2. М. 1980, Он же. Сословно-классовое общество в истории Китая. М., 1986; Он же. Эксплуатация и частная собственность в сословно-классовых обществах. М., 1990. и др.

ном виде сочеталась с идей многолинейности развития. Но эти идеи могли существовать и по отдельности. Так как все попытки обнаружить в развитии стран Востока в период от VIII до н.э. до середины XIX в. н.э. античную, феодальную и капиталистическую стадии кончились крахом, то целым рядом ученых был сделан вывод, что в случае со сменой рабовладения феодализмом, а последнего — капитализмом мы имеем дело не с общей закономерностью, а лишь с западноевропейской линией эволюции и что развитии человечества не однолинейно, а многолинейно.[80] Конечно, в то время все исследователи, придерживавшиеся подобных взглядов, стремились (кто искренне, а кто и не очень) доказать, что признание многолинейности развития вполне согласуется с марксизмом.

В действительности же, конечно, это было, независимо от желания и воли сторонников таких воззрений, отходом от взгляда на историю человечества как на единый процесс, которое составляет сущность теории общественно-экономических формаций. Недаром же Л.С. Васильев, который в свое время всячески доказывал, что признание многолинейности развития ни в малейшей степени не расходится с марксистским взглядом на историю, в последующем, когда с принудительным навязыванием исторического материализма было покончено, выступил как ярый противник теории общественно-экономических формаций и вообще материалистического понимания истории.[81]

2.4.9. Пороки ортодоксального понимания смены общественно-экономических формаций

Признание многолинейности исторического развития, к которому пришли некоторые отечественные историки еще во времена формально безраздельного господства марксизма, последовательно проведенное, неизбежно ведет к отрицанию единства мировой истории, к плюралистскому ее пониманию.

Но нельзя при этом не обратить внимания на то, что и изложенное выше внешне как будто бы сугубо унитаристское ортодоксальное понимание истории на деле тоже в конечном счете оборачивается многолинейностью и фактическим отрицанием единства истории. Ведь по существу мировая история при таком понимании выступает как простая сумма параллельно протекающих совершенно самостоятельных процессов развития отдельных социоисторических организмов. Единство мировой истории сводится тем самым лишь к общности законов, определяющих развитие социально-исторических организмов. Перед нами, таким образом, множество линий развития, но только совершенно одинаковых. Это, по сути, не столько однолинейность, сколько *многоодинаковолинейность*.

Конечно, между такой многолинейностью и многолинейностью в привычном смысле есть существенное различие. Первая предполагает, что развитие всех социально-исторических организмов идет по одним и тем же законам. Вторая допускает, что развитие разных обществ может идти совершенно по-разному, что существуют совершенно различные линии развития. Многолинейность в привычном смысле есть *многоразнолинейность*. Первое понимание предполагает поступательное развитие всех отдельных обществ, а тем самым и человеческого общества в целом, второе исключает прогресс человечества.

Правда, с поступательным развитием человеческого общества в целом у сторон-

[80] См., например, Данилова Л.В. Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ // Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. I. М., 1968.

[81] См. например: Цивилизации в «третьем» мире («круглый стол») // Восток. 1992. № 3. С. 14-15.

ников ортодоксальной интерпретации смены формаций тоже возникали серьезные проблемы. Ведь было совершенно очевидно, что смена этапов поступательного развития в разных обществах происходила далеко не синхронно. Скажем, к началу XIX в. одни общества все еще были первобытными, другие — предклассовыми, третьи — «азиатскими», четвертые — феодальными, пятые — уже капиталистическими. Спрашивается, на каком же этапе исторического развития находилось в это время человеческое общество в целом?

А в более общей постановке это был вопрос о признаках, по которым можно было судить о том, какой стадии прогресса достигло человеческое общество в целом в тот или иной отрезок времени. На этот вопрос сторонники ортодоксальной версии никакого ответа не давали. Они вообще его полностью обходили. Одни из них его вообще не замечали, другие — старались не замечать.

Если подвести некоторые итоги, то можно сказать, что существенный недостаток ортодоксального варианта теории общественно-экономических формаций заключается в том, что он концентрирует внимание только на связях «вертикальных», внутрисоциорных, связях во времени, диахронных, да и то понимаемых крайне односторонне, лишь как связи между различными стадиями развития внутри одних и тех же социоисторических организмов. Что же касается связей «горизонтальных», т.е. связей между сосуществующими в пространстве социоисторическими организмами, связей межсоциорных, синхронных, то в теории общественно-экономических формаций им места не отводилось.

Это не значит, что сторонники материалистического понимания истории вообще не замечали межсоциорных связей. Последние играли такую роль в истории, что не заметить их не только историкам, но вообще обществоведам было просто невозможно. Точно так же ни историки, ни все вообще обществоведы не могли не принять во внимание существования отдельных конкретных обществ, т.е. социоисторических организмов. Но, как уже указывалось, понятие социоисторического организма в марксистской теории отсутствовало. Оно принималось не эксплицитно, а лишь имплицитно.

С межсоциорными связями обстояло чуть лучше. Были даже попытки их специально осмыслить. Но делалось это в рамках ортодоксального подхода. Чаще всего на них обращали специальное внимания, когда ставился вопрос о причинах перехода тех или иных социоисторических организмов («народов») от низшей формации сразу к значительно более высокой, минуя промежуточные стадии развития.

Первоначально постановка этого вопроса, как правило, была связана с фактом перехода германцев и славян в I тысячелетии н.э. от предклассовой стадии развития прямо, как у нас тогда считалось, к феодализму, минуя рабовладельческую формацию. В последующем этот вопрос начал ставиться на материалах современности. Он был связан с проблемой будущего тех стран и народов, которые к XX в. находились на низших стадиях общественного развития, вплоть до первобытной. Возникли различного рода понятийные построения, включая концепцию «некапиталистического пути развития».

И, конечно, при попытке решить этот вопрос чаще всего обращались к влиянию на социоисторические организмы, находившиеся на низших стадиях развития, социоисторических организмов, принадлежавших к высшим стадиям. В этом влиянии нередко видели причину «пропуска» тем или иным «народом» промежуточных стадий.

Дальше всего в попытке более или менее общего осмысления этих явлений пошли историки Михаил Абрамович Барг (1915—1991) и Ефим Борисович Черняк. В их совместной работе «Исторические структуры и исторические законы», вошедшей в качестве раздела в коллективную монографию «Теоретические проблемы всемирно-

исторического процесса» (М., 1979), они писали о «законе исторической корреляции», в силу которого «запоздавшие народы» подтягиваются до более высокого уровня. Однако, по их мнению, этот закон не действал при переходе германцев к феодализму, ибо до этого перехода феодальных обществ не было.

В последующем об «исторической корреляции» стали говорить и другие обществоведы, в частности Карен Хачикович Момджян в работах «Социум. Общество. История» (М., 1994) и «Введение в социальную философию» (М., 1997). «Суть подобных отношений, — писал он, — появляется в целенаправленном или спонтанном «подтягивании» лидерами аутсайдеров путем «экспорта» новых общественных форм, благодаря чему последние пытаются миновать «естественные» в плане внутренней логики фазы своего развития».[82]

О необходимости всестороннего исследования связей между конкретными отдельными обществами, странами писал Б.Ф. Поршнев в уже упоминавшейся выше статье «Мыслима ли история одной строки?» (1969).

Историки-медиевисты задолго до марксизма и совершенно независимо от марксизма при объяснении возникновения феодализма прибегали к понятию романо-германского синтеза. Некоторые сторонники материалистического понимания истории, подхватив это понятия, его расширили и стали говорить о «формационном синтезе», «синтезе традиционного и современного» и т.п. (См. например; Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984; Непомнин О.Е., Меньшиков В.Б. Синтез в переходном обществе. Китай на грани эпох. М., 1999).

Но все такого рода попытки не изменили характера ортодоксальной версии теории общественно-экономических формаций. Она продолжала оставаться такой, какой была раньше. И подобный подход делал невозможным понимание поступательного развития человеческого общества как единого целого, смены стадий этого развития в масштабе всего человечества, т.е. подлинное понимание единства мировой истории, закрывал дорогу к подлинному историческому унитаризму.

2.4.10. Линейно-стадиальный вариант унитарно-стадиального понимания истории

Рассмотренная выше господствующая интерпретация теории общественно-экономических формаций понимания истории требует названия. Исходя из того, что для обозначения такого взгляда на историю иногда применяют слова «линейный», «однолинейный» или «линеарный», я буду называть его *«линейно-формационным»* подходом. Подобного рода истолкование эволюции человеческого общества была характерна не для одной только теории общественно-экономических формаций, формаций. В определенной степени оно было присуще *всем* рассмотренным выше унитарно-стадиальным построениям, начиная с трехчленной концепции развития человечества (дикость, варварство, цивилизация) и кончая утвердившейся к середине XIX в. в исторической науке периодизации, в которой выделялись вначале три, а затем все чаще четыре эпохи всемирной истории (древневосточная, античная, средневековая и новая). Такую интерпретацию унитарно-стадиального понимания истории в целом можно было назвать *линейно-стадиальной*. Линейно-стадиальный подход практически чаще всего и имеют в виду, когда говорят об эволюционизме в исторической и этнологической науках.

Именно как реакция на унитарно-линейное понимание истории, господствовав-

[82] Момджян К.Х. Введение в социальную философию. М., 1997. С. 145.

шее в первые две трети XIX в , возник взгляд на нее, который выше был назван плюрально-циклическим. Характерной чертой всех плюрально-циклических концепций было отрицание единой линии развития человечества. Однолинейности они противопоставили многолинейность, смене стадий развития в масштабе человечества — чередование исторических единиц (культурно-исторических типов, культур, цивилизаций и т п.), их возникновение, расцвет и гибель. Если линейно-стадиальные концепции абсолютизировали непрерывность развития, то плюрально-циклические — его прерывность. Но прежде чем переходить к истории плюрально-циклических концепций, имеет смысл рассмотреть, кто и как отстаивал в нашей исторической науке линейно-формационный и шире — линейно-стадиальный подход к всемирной истории.

2.4.11. Линейно-стадиальное понимание истории и советская (ныне российская) историология древнего мира вообще, историология Древнего Востока в первую очередь

Сейчас у нас принято изображать советских историков как несчастных жертв марксистского диктата. В этом, безусловно, есть доля истины. Но отнюдь не вся истина. В руках некоторых руководящих историков исторический материализм довольно быстро превратился из метода получения новых результатов в шаблон, по которому не только они сами кроили и перекраивали исторические факты, но и принуждали так же поступать и других.

Когда началась первая дискуссия о социально-экономической структуре обществ Древнего Востока, известный востоковед Василий Васильевич Струве (1889—1965) писал· «Для правильного решения вопроса о формационной принадлежности древневосточного общества необходима самостоятельная проработка всего дошедшего до нас материала, раскопанного в древнейших слоях городов Ближнего Востока. ГАИМК, поставив точное определение докапиталистических формаций в свой производственный план, создала материальную базу для научного решения вопроса о древневосточном обществе».[83]

А сразу же за этими строками следует такое заявление: «Определение, которое получится в результате проделанной работы, будет совпадать с тем определением древневосточного общества, которое дал еще в 1877 г. Энгельс: «В азиатской и классической древности преобладающей формой классового угнетения было рабство, т.е. не столько экспроприация земли у масс, сколько экспроприация их личности». «Этим пророчеством» я и закончу мою краткую статью, посвященную итогам развития советской науки в области науки о Древнем Востоке».[84] Спрашивается, зачем же нужно проводить самостоятельную проработку всего фактического материала для выяснения характера строя Древнего Востока, когда результат и так заранее ясен?

Спустя год этот взгляд был изложен В.В. Струве в докладе «Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ Древнего Востока» (ИГАИМК. Вып. 77. 1934). Вскоре после этого данная точка зрения стала официально признанной и обязательной в советской исторической науке. После появления работы И.В Сталина «О диалектическом и историческом материализме» (1938) выступление с критикой такого взгляда стало абсолютно невозможным.

[83] Струве В В Советская наука о Древнем Востоке в период 1917-1932 гг // СГАИМК 1932 № 9-10 С 29

[84] Там же

Другой крупный востоковед — академик Николай Иосифович Конрад (1891—1970) не ограничился отстаиванием этой концепции. Он выступил как ярый защитник линейно-стадиальной интерпретации официальной пятичленной (первобытность, рабство, феодализм, капитализм, коммунизм) схемы смены общественно-экономических формаций. Если большинство советских историков лишь практически, но отнюдь не теоретически рассматривали всемирную историю как сумму параллельно протекающих процессов развития отдельных стран или регионов, то Н.И. Конрад сформулировал этот взгляд предельно четко или, как принято говорить, эксплицитно.

Во многих своих теоретических работах, которые в последующем составили книгу «Запад и Восток. Статьи» (М., 1966) он доказывал, что Европа, Ближний Восток, Индия, Китай развивались совершенно одинаково и проходили одни и те же стадии. В Китае I тысячелетия до н.э., как и в Греции того времени, существовала абсолютно та же самая формация — рабовладельческая. Н.И. Конрад даже нашел в Китае точно такие же, как в Древней Греции, города-государства. А далее, по мнению Н.И. Конрада, в первой половине I тысячелетия н.э. во всем мире с разрывом лишь в 200—300 лет произошла смена рабовладельческой формации феодальной. Везде произошел переход к средним векам, а затем во всех странах началась эпоха Возрождения.

Итальянский Ренессанс, по мнению Н.И. Конрада, лишь частный случай. Возрождение имело место в Китае, причем оно началось там раньше, чем в Италии, в арабском мире, Средней Азии. А затем последователи Н.И. Конрада стали искать и, конечно же, обнаружили Возрождение в Японии, Корее, Индии, Иране, Турции, Азербайджане, Армении, Грузии, России.[85] Вообще было сделано все, чтобы довести линейно-стадиальный подход к истории до полного абсурда. Казалось бы, что в этом отношении уже ничего больше сделать нельзя. Однако оказалось, что это не так.

Уже в постсоветское время вышла книга известного российского (ранее советского) исследователя Древнего Востока, историка и филолога Игоря Михайловича Дьяконова (1915—1999), которая носит название «Пути истории. От древнейшего человека до наших дней» (М., 1994). Она, как и упомянутые выше статьи Н.И. Конрада, является работой не столько исторический, сколько историософской. В ней, как сказано в аннотации, дается изложение «новой концепции хода исторического процесса, радикально отличающейся от марксистской».[86] Понятно, почему оставить это сочинение без рассмотрения невозможно.

Книга начинается с заявления, что «марксистская теория исторического процесса, отражавшая реалии XIX в., безнадежно устарела — и не только из-за теоретической слабости коммунистической посылки, но и вследствие других как теоретических, так и чисто прагматических неточностей и ошибок».[87] Далее сразу же следует пример. Марксизм настаивал на том, что древневосточное общество было рабовладельческим. Но, как пишет И.М. Дьяконов, советским историкам древнего мира уже со времен второй дискуссии об азиатском способе производства 60-х годов стало ясно, что древнее общество рабовладельческим не было.[88]

При этом И.М. Дьяконов молчит о том, что основоположники материалистического понимания истории не считали древневосточное общество рабовладельческим,

[85] Подробнее об этом см.: Петров М.Т. Проблема Возрождения в советской науке. Л., 1989.
[86] Дьяконов И.М. Пути истории. М., 1994. С. 2
[87] Там же. С. 7.
[88] Там же.

что, по их мнению, на Востоке господствовал совершенно иной способ производства, который они именовали азиатским. А ведь это означает, что взгляд на древневосточное общество как на рабовладельческое никак не вытекает из сущности исторического материализма. Это просто-напросто точка зрения некоторого числа людей, считавших себя марксистами. И то, что такое представление в свое время стало в нашем обществе официальным и обязательным для всех советских и не только советских историков, никак не меняет сути дела. Молчит И.М. Дьяконов и о том, что именно марксисты, прежде всего философы, выступили с критикой такого взгляда и встретили поддержку со стороны марксистски же мыслящих востоковедов.

Во второй дискуссии о социально-экономическом строе Древнего Востока, которая длилась несколько лет, принял участие и И.М. Дьяконов. И какую же позицию занял человек, который уже тогда совершенно определенно знал, что древневосточное общество рабовладельческим не было?

После некоторых колебаний (выразившихся, в частности, в том, что в ряде работ он вместо рабовладельческого способа производства стал говорить просто о древнем способе производства) И.М. Дьяконов самым решительным образом выступил в защиту тезиса о принадлежности древневосточных обществ к рабовладельческой формации. Вышедший в 1983 г. под его редакцией первый том «Истории Древнего Востока» был демонстративно, в пику всем противникам официальной точки зрения, назван: «Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Часть первая. Месопотамия» (М., 1983).

«В странах древневосточных и странах греко-римского мира, — утверждалось во введении к этому тому, — существовала одна и та же формация, а также одни и те же фазы развития общества. Но эти фазы развития рабовладельческой формации те и другие страны проходили в разное время. Древневосточные классовые общества и цивилизации возникли из недр доклассового общества много раньше античных, на значительно более низком уровне развития производительных сил, и развивались они по сравнению с античными обществами и цивилизациями гораздо более медленными темпами. Именно в различии исходных уровней и темпах развития заключается объяснение того, что Греция и Рим дали образцы завершенности социальных процессов в эпоху древности. Но это вовсе не свидетельство того, что античный мир и древневосточный мир относились к разным формациям, а Восток и Запад качественно противостоят друг другу».[89]

И в других работах 70—80-х годов И.М. Дьяконов, вступая в непримиримое противоречие с фактами, элементарной логикой и самим собой, отстаивал концепцию рабовладельческого характера стран Древнего Востока.[90] При этом И.М. Дьяконов был совсем не одинок. В защиту официальной точки зрения выступили из числа востоковедов академики Николай Иосифович Конрад и Михаил Александрович Коростовцев (1900—1980), доктора исторических наук Григорий Федорович Ильин (1914—1985), Илья Яковлевич Златкин (1898—1990), Афанасий Гаврилович Крымов (1905—1988), В.Н. Никифоров, античники Михаил Маркович Слонимский и Валентина Дмитриевна Нероновa, а также еще целый ряд других исследователей.[91]

[89] История древнего Востока. Зарождение древнейших обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. Месопотамия. М., 1983. С. 22.

[90] Подробнее об этом см.: Семенов Ю.И. Социально-экономический строй Древнего Востока: современное состояние проблемы // НАА.1988. № 2.

[91] См.: Коростовцев М.А. Особенности рабовладельческого общества на Древнем Востоке // Об-

Согласно И.М. Дьяконову, всем им было совершенно ясно, что древневосточное общество не было рабовладельческим. Спрашивается, чем же объяснить такую их позицию? Нельзя сказать, что они выступали за страх (в то время за защиту концепции азиатского способа производства не только уже не «сажали», но даже и с работы не выгоняли), хотя, может быть, и не всегда за совесть.

Начавшаяся в 1964 г. дискуссия о характера общественного строя Древнего Востока в начале 70-х годов была насильственно прервана. В адрес противников ортодоксальной точки зрения начали звучать угрозы. Так, например, заведующий отделом общих проблем Института востоковедения АН СССР Георгий Федорович Ким (1924—1989) в рецензии на книгу В.Н. Никифорова «Восток и всемирная история» (М., 1975) писал: «Большое место в книге занимают размышления автора о рабовладельческом обществе на Востоке. И это надо приветствовать, ибо особенно усиленным нападкам со стороны наших идеологических противников подвергается марксистское понятие рабовладельческой формации. Поскольку из всех классовых формаций она наиболее отдалена от нас, а изучение ее хуже обеспечено источниками, понятие рабовладельческого общества представляется буржуазным ученым слабым звеном в цепи учения о формациях. Отрицая существование рабовладельческого строя, они надеются опрокинуть все стройное здание материалистического толкования истории. Тем более отрицается ими рабовладельческий строй в странах Востока, где он имел свои особенности по сравнению с Европой. В то же время буржуазными социологами ставится под сомнение и факт существования феодализма в Азии и Африке. В этой связи перед марксистами, в первую очередь советскими историками, стоит важная задача обобщения накопленного материала по докапиталистической истории внеевропейских стран, объективного установления общего и особенного в развитии этих стран».[92]

Формально вся эта инвектива направлена против буржуазных ученых. Но в действительности имелись в виду прежде всего советские ученые, выступавшие с критикой утвердившихся в нашей науке догм. Ведь именно они отрицали принадлежность обществ Древнего Востока к рабовладельческой формации, а некоторые из них шли дальше и ставили под сомнение или даже отрицали существование феодализма в Азии и Африке. Именно их фактически и обвиняли в стремлении «опрокинуть все стройное здание материалистического истории», именно их выступления приравнивались к «усиленным нападкам наших идеологических противников».

И чтобы создать впечатление, что речь идет вовсе не о отстаивании догм, а о защите научной истины против людей, не знающих истории и повторяющих буржуазные мифы, Г.Ф. Ким ссылается на авторитет таких ученых, как В.В. Струве, И.М. Дьяконов, Г.Ф. Ильин и других их единомышленников.

Раньше И.М. Дьяконов утверждал, что и древневосточное общество является рабовладельческим. Теперь же он категорически настаивает на том, что рабовладельческой формации вообще нигде и никогда не существовало. По его мнению, от этого понятия нужно раз и навсегда отказаться, даже применительно к античному обществу,

щее и особенное в историческом развитии стран Востока. М.,1966; Ильин Г.Ф. Единство исторического процесса // Там же, Златкин Н.Я. Общие закономерности развития в полной мере действуют в странах Востока // Там же; Крымов А.Г. Марксистское учение об общественно-экономических формациях и критика теории азиатской формации // Там же; Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М.,1975; 1977; Слонимский М.М. Периодизация древней истории в советской историографии. Воронеж, 1970; Неронова В. Д. Введение в историю древнего мира. Пермь, 1973 и др.

[92] Ким Г.Ф. Рец.: В.Н. Никифоров. Восток и всемирная истории. М., 1975 // ВИ. 1976. № 6. С. 153.

хотя, как сам же он признает, в античности были и такие периоды, когда рабы играли ведущую роль в производстве.[93]

Ранее И.М. Дьяконов пытался, хотя и крайне неудачно, критиковать понятия азиатского способа производства и азиатской формации. Теперь он делает вид, что таких понятий вообще не существует. Но отвергать понятие азиатского способа производства — значит ничего не понимать в природе древневосточного общества. Но это еще не все. Приписывая К. Марксу введение понятия «феодализм», что, как мы видели, совершенно неверно, он на этом основании требует отказа от понятия не только рабовладельческой, но и феодальной формации.

На примере работ И.М. Дьяконова особенно наглядно видно, что знать и понимать историю — это далеко не одно и тоже. Вряд ли могут быть сомнения в его обширных знаниях о всех сторонах жизни обществ Древнего Востока. А вот с пониманием этих обществ обстоит гораздо хуже. Но если он плохо понимает даже те общества, которые исследовал всю жизнь, то трудно ожидать от него проникновения в сущность мировой истории. Всякая подлинная философско-историческая концепция всегда предполагает одновременно и знание, и понимание всей мировой истории, причем последнее в данном контексте — главное.

В предисловии к книге И.М. Дьяконов пишет, что он не считает себя специалистом по истории средних веков и нового времени. Зато, как полагает автор, он профессионально знает всю предшествующую историю, не только всю древнюю, но и первобытную. К сожалению, однако, все, что сказано им о первобытности, представляет собой невероятное нагромождение ошибок.[94] При чтении этих разделов невольно становится неловко за автора, который явно взялся не за свое дело. Увы, еще хуже обстоит с философско-историческими построениями автора.

В противовес когда-то бывшей официальной пятичленной схеме смены формаций И.М. Дьяконов выдвигает свою схему восьми фаз исторического развития. Эти фазы — первобытная, первобытнообщинная, ранняя древность, имперская древность, средневековье, стабильно-абсолютистское постсредневековье, капиталистическая, посткапиталистическая.

Формации в марксистской схеме выделены по одному единому признаку. Совершенно иначе обстоит дело у И.М. Дьяконова. Первая фаза отделена от второй по признаку формы хозяйства, вторая от третьей — по признаку отсутствия и наличия эксплуатации, третья от четвертой — по признаку отсутствия или наличия империй, наконец, «первым диагностическим признаком пятой, средневековой фазы исторического процесса является превращение этических норм в догматические и прозелитические...»[95] и т.д.

Иначе говоря, вся периодизация И.М. Дьяконова построена с нарушением элементарных правил логики. Он непрерывно меняет критерий выделения фаз В результате членение на фазы приобретает чисто произвольный характер. Применяя подобного рода метод, можно выделить три фазы, а можно и тридцать три, и даже триста тридцать три. Все зависит от желания человека, который этим занимается. К науке все это никакого отношения не имеет.

Нелогичность пронизывает всю книгу И.М. Дьяконова. С одной стороны, например, автор видит важнейший, коренной недостаток всех существующих концепций

[93] Дьяконов И. М. Пути истории. С. 7.

[94] См.: Семенов Ю. И. Рец.: И.М. Дьяконов. Пути истории. М., 1994 // ЭО. 1996. № 2.

[95] Дьяконов И. М. Указ.раб., С. 69-70.

исторического развития в том, что они построены на идее *прогресса*, а с другой, сам же выделяет восемь стадий *поступательного, восходящего* движения истории, т.е. сам строит свою схему на идее прогресса.[96]

Самое же удивительное заключается в том, что отбрасывая то положительное, что есть даже в официальной марксистской схеме, не говоря уже о созданной самим К. Марксом, И.М. Дьяконов не только принимает, но доводит до абсурда ее линейно-стадиальную интерпретацию. Все страны, все зоны, все регионы развиваются одинаково и проходят одни и те же стадии развития. «Единство закономерностей исторического процесса, — пишет И.М. Дьяконов, — явствует из того, что они равно прослеживаются как в Европе, так и на противоположном конце Евразии — в почти изолированной островной Японии... и даже Южной Америке».[97]

Для полноты картины стоит привести еще две цитаты. Первая : «Мы будем считать «средневековьем» в Европе период от III—V вв. н.э., в Китае от I в. н.э., в Японии с IX в. н.э. (в других регионах соответственно в пределах своих особых сроков)».[98] Вторая: «Фаза капитализма впервые наступает в странах Западной Европы и в Северной Америке. Все остальные страны мира, кроме Японии, не успели дойти до седьмой фазы и в начале — середине XIX в. все еще находились в шестой, а то и в пятой фазе. Это означало не абсолютную отсталость этих обществ, а лишь небольшое в общеисторическом масштабе запаздывание, обусловленное более или менее случайными или второстепенными причинами...».[99] До такого не договаривались даже наиболее догматически настроенные марксисты.

Линейно-стадиальное понимание истории в *любом* его варианте, включая марксистский, линейно-формационный, начало вступать в противоречие с данными науки уже во второй половине XIX в. В первой половине XX в. оно окончательно стало анахронизмом. Концепция исторического развития И. М. Дьяконова появилась на свет даже не просто безнадежно устаревшей. Она была мертворожденной. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с развитием исторической и историософской мысли в XIX и XX веках.

2.5. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПЛЮРАЛЬНО-ЦИКЛИЧЕСКОГО ВЗГЛЯДА НА ИСТОРИЮ

2.5.1. От «цивилизации» к «цивилизациям»

К началу XIX в., как помнит читатель, в исторической науке довольно прочно утвердилось унитарно-стадиальное понимание истории. Получил всеобщее распространение термин «цивилизация». Как мы уже знаем, понятие цивилизации при своем возникновении означало *стадию* в развитии человечества, характеризующуюся существованием общественных классов и государства. Таким оно оставалось, пока им не начали пользоваться историки.

Европейцы в то время почти совсем не занимались специальным исследованием истории стран Востока. Но кое-какими сведениями о восточных обществах они располагали. Бесспорным для каждого историка было, что Китай, например, относился к

[96] Там же. С. 10.
[97] Там же С 14
[98] *Там же. С. 71.*
[99] Там же С 205-206.

числу цивилизованных стран. Однако столь же несомненным было и то, что китайская цивилизация существенно отличалась от господствовавшей в странах Западной Европы. Иначе говоря, стало выясняться, что между социоисторическими организмами, находящимися на стадии цивилизации, могут существовать качественные различия.

Так, наряду с понятием о *цивилизации* начало формироваться понятие о *цивилизациях* (отдельных, *локальных цивилизациях*). Впервые слово «цивилизация» было использовано в двух значениях по-видимому в книге французского писателя и историка Пьера Симона Балланша (1776—1847) «Старик и юноша» (1820). Затем такое же его употребление встречается в книге востоковедов Эжена Бюрнуфа (1801—1852) и Христиана Лассена (1800—1876) «Очерк о пали» (1826), в работах известного путешественника и исследователя Александра фон Гумбольдта (1769—1859), философа и публициста Жозефа Мари де Местра (1753—1821) и ряда других мыслителей.

Но больше всего способствовали утверждению второго значения слова «цивилизации» работы известного французского историка Франсуа Пьера Гийома Гизо (1787—1874) «История цивилизации в Европе» (1828, русск. перевод: СПб., 1860; 1905) и «История цивилизации во Франции» (1829; русск. перевод: СПб., 1861; Т. 1—4. М., 1877—1881). В работе французского философа Шарля Ренувье (1815—1906) «Руководство к древней философии» (1844), по-видимому, впервые появился термин «локальная циаилизация». Среди этих цивилизаций Ш. Ренувье выделяет первичные, вторичные и третичные.

Параллельно с понятием цивилизации развивалось понятие культуры. Первоначально они были очень близки. Некоторые мыслители говорили, например, о народах бескультурных, полукультурных и культурных, что в общем и целом соответствовало делению на дикарей, варваров и цивилизованных людей. Но в дальнейшем стали считать, что в отличие от цивилизации культурой обладают все народы. Как уже было сказано раньше, наряду с понятием о культуре вообще стало формироваться понятие о культурах (локальных культурах) (1.4.2).

2.5.2. Ж. Гобино и Г. Рюккерт

Несмотря на частое использование понятия «цивилизации» во втором его смысле, Ф. Гизо оставался приверженцем унитарно-стадиального понимания истории. Но затем начался отход ряда мыслителей от этого взгляда и формирование плюрально-циклического взгляда на историю.

Одним из его основоположников был уже упоминавшийся выше Ж.А. де Гобино. В книге «Опыт о неравенстве человеческих рас» (1853—1855) он выделил 10 цивилизаций (индийскую, египетскую, ассирийскую, эллинскую, китайскую, италийскую, германскую, аллеганскую, мексиканскую и андскую), каждая из которых проходит свой собственный путь развития. Возникнув, каждая цивилизация рано или поздно погибает. Не представляет собой исключения и западная цивилизация, созданная германцами. Ее тоже ждет подобная участь.

Другим основоположником плюрально-циклического подхода к истории был немецкий историк Генрих Рюккерт (1823—1875), опубликовавший в 1857 г. (через четыре года после появления первых двух томов сочинения Гобино) двухтомный труд «Учебник всемирной истории в органическом изложении». По существу, он одним из первых, если не первым попытался теоретически поставить и решить проблему субъ-

екта исторического процесса, что с неизбежностью предполагало сосредоточение внимания на социоисторических организмах и их системах.

Социальные единицы, на которые распадается человечество, Г. Рюккерт именует историческими или культурно-историческими организмами, историческими или культурно-историческими индивидами (индивидуальностями), а также культурными типами. В качестве таких индивидов у него выступают то государства, то народы, то группы государств и народов. Сам он говорит, что историко-культурные индивиды могут иметь сложное строение: один крупный индивид может состоять из нескольких меньших. Сколько-нибудь четкого перечня культурно-исторических организмов Г. Рюккерт не дает. Из ныне существующих он выделяет пять высших «культурных типов»: германо-христианский (западноевропейский), восточно-христианский (славянский), арабский (исламский), индийский и китайский.

Каждый культурно-исторический индивид имеет свою собственную историю. Он возникает, развивается и рано или поздно исчезает. Потому история человечества — это не единый процесс, а сумма параллельно протекающих процессов развития культурно-исторических организмов, или индивидов, которые невозможно расположить на одной линии. Существует не одна линия, не одна нить исторического развития, а множество линий, множество нитей. Человечество есть не реальное, а лишь мыслимое единство.

В целом Г. Рюккерт явно склонялся к выводу, что не существует ни человечества как единого целого, ни мировой истории как единого процесса. И в то же время он не решался довести свою мысль до логического конца. Противореча себе, он одновременно говорит о человеческом прогрессе, о всеобщих стадиях культуры. В результате он размещает культурные типы вообще, высшие культурные типы в частности на разных ступенях развития. Наименее развит из числа последних индийский тип, более прогрессивен китайский тип, еще выше стоит арабский, следующий — восточно-христианский, а самый высокий — германо-христианский.

Как утверждает Г. Рюккерт, хотя существует несколько нитей исторического развития, но одна из них выделяется, преобладает над другими. Это — линия развития Западной Европы в новое время. Западноевропейский тип больше соответствует общей идее человечества, в большей мере воплощает в себе общечеловеческое. В связи с этим он ставит вопрос о приобщении неевропейских народов к западноевропейской культуре, об их европеизации.

2.5.3. Русская философско-историческая мысль 30—60-х годов XIX в. (П.Я. Чаадаев, И.В. Киреевский, В.Ф. Одоевский, А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин, А.И. Герцен, П.Л. Лавров)

Вопреки многочисленным трудам, в которых зарождение исторической и философской мысли на Руси относится чуть ли не к IX—XI вв., в действительности никакой историологии и никакой философии у нас не было, по крайней мере, до середины XVIII в. И историческая наука и философия у нас не возникли, а были привнесены с Запада. О более или менее самостоятельной философской мысли в России можно говорить лишь начиная с XIX в.

Все это полностью относится и к философии истории. Оригинальная философско-историческая мысль зарождается в России лишь в 30-е годы XIX в. Толкала русских мыслителей к постановке философско-исторических проблем вовсе не нужда

научного исторического исследования. Главной проблемой, над которой они бились, был вопрос о том, куда идет Россия, какое будущее ее ожидает. А для решения этого вопроса нужно было знать и прошлое, и настоящее России. И всегда эта проблема первоначально выступала в форме вопроса об отношении России и Западной Европы, короче, Запада, который рассматривался как единое целое.

Тем самым в их построениях Россия и Западная Европа выступали как противостоящие друг другу обособленные исторические образования. И эти исторические целостности не просто занимали разные территории, не просто были не одним и тем же. Они по-разному развивались, были разными, качественно отличными цивилизациями.

Для первых русских историософов было очевидным, что Запад превосходил Россию. Последняя отставала от него по уровню развития, прежде всего уровню образованности, просвещения. Но главное — Запад воплощал в себе общечеловеческие начала, он представлял собой магистральный путь развития человечества, Россия же была каким-то боковым ответвлением. Поэтому Россия, чтобы присоединиться к общему пути человечества, должна усвоить все достижения Запада. Огромный шаг в этом направлении был сделан в эпоху Петра I. Нужно дальнейшее движение в этом направлении.

Таких представлений первоначально придерживались не только те мыслители, что получили название западников, но и те, что в последующем стали известны под именем славянофилов.

Обычно изложение истории философско-исторических идей в России начинают с «Философических писем» П.Я. Чаадаева (1794—1856), первое из которых было опубликовано в 1836 г. (послед изд.: Сочинения. М., 1989; Полн. собр. соч. и избр. писем. Т. 1. М., 1991). П.Я. Чаадаев был предельно резок: «Одна из печальных особенностей нашей своеобразной цивилизации состоит в том, что мы все еще открываем истины, ставшие избитыми в других странах и даже у народов, в некоторых отношениях более нас отсталых. Дело в том, что мы никогда не шли с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось».[100]

Особенно П.Я. Чаадаева возмущает отсутствие у русских самостоятельного мышления. «Если мы хотим, — пишет он, — подобно другим народам, иметь свое лицо, мы должны сначала как-то переиначить у себя все воспитание человеческого рода. К нашим услугам — история народов и перед нашими глазами — итоги движения веков».[101]

П.Я. Чаадаева принято считать западником. Но будущий славянофил Иван Васильевич Киреевский (1806—1856) в опубликованной в 1832 г. статье «Девятнадцатый век» (послед. изд.: Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979; 1998; Избранные статьи. М., 1984) писал об отставании России от Запада, об общечеловеческом характере западной образованности и необходимости ее усвоения русскими.[102]

Дальше пути разных русских мыслителей стали расходиться. Возник целый веер мнений. На одном крайнем фланге считали, что Россия по сути ничем не отличается

[100] Чаадаев П.Я. Философические письма // Сочинения. М., 1989. С. 18.
[101] Там же. С. 20.
[102] Киреевский И.В. Девятнадцатый век // Полн. собр. соч. Т. I. М., 1861. С.82—83 и др.

от Запада, она лишь отстала от него. И в дальнейшем ей предстоит пройти все те ступени развития, что уже прошел Запад.

Другие мыслители подчеркивали, что в основе России и Запада лежали совершенно разные начала, что и определило принципиально разное развитие этих двух цивилизаций. Далее у них произошел постепенный отказ от взгляда на Запад как на носителя общечеловеческого просвещения. Западные и исконно русские общественные начала стали рассматриваться как одинаково важные. Следующий шаг — пропаганда идеи превосходства русских начал над западными.

В известной степени некоторые из этих моментов получили развитие в более поздней работе того же И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» (1852; послед. изд.: Киреевский И.В. Критика и эстетика. М. 1979; 1998.). Он пишет, что конечным результатом европейского просвещения было «почти всеобщее чувство недовольства и обманутой надежды», «чувство недовольства и безотрадной пустоты».[103] И это, по его мнению, совершенно закономерно: в силу целого ряда названных им причин «образованность Европейская должна была окончиться разрушением всего умственного и общественного здания, ею самою же воздвигнутого».[104]

Но в наиболее яркой форме все эти идеи получили развитие в работах Алексея Степановича Хомякова (1804—1860), Константина Сергеевича Аксакова (1817—1860) и Юрия Федоровича Самарина (1819—1876). К.С. Аксаков в статье «О том же» (1850; послед. изд. в книге: Очерк русской философии истории. Антология. М., 1996) писал: «Россия — земля совершенно самобытная, вовсе не похожая на Европейские государства и страны... В основании государства западного: *насилие, рабство и вражда.* В основании государства Российского: *добровольность, свобода и мир.* Эти начала составляют важное и решительное различие между Русью и Западной Европой, и определяют историю той и другой. Пути совершенно разные, разные до такой степени, что никогда не могут сойтись между собой, и народы, идущие ими, никогда не согласятся в своих воззрениях».[105] Приобщение России к западной культуре К.С. Аксаков характеризовал как совращение.[106] У России — свой самобытный путь, и она должна идти по нему, ни в коем случае не сворачивая на совершенно чуждый ей западный.

Нетрудно заметить, что приведенное выше рассуждения К.С. Аксвакова об коренном отличии основ российского общества от основ западного помимо всего прочего представляют собой апологетику существующих в России общественных порядков, включая самодержавие. Поэтому они были зло высмеяны неизвестным автором в стихотворении «Аксаковская мелодия», из которого я приведу первую строфу:

У них в Европе
Темно как в <...>.
Там волчий пир.
У нас же сладость,
Восторги, радость,
Любовь и мир.[107]

[103] Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1861 С. 231.

[104] Там же. С. 249.

[105] Аксаков К.С. О том же // Полн. собр. соч. Т I. М., 1889. С. 16-17.

[106] Там же. С. 16.

[107] Неизвестный автор. Аксаковская мелодия // Вольная русская поэзия. М., 1975. С. 498.

Идею самобытности развития России отстаивал и замечательный русский поэт Федор Иванович Тютчев (1803—1873) в статье «Россия и Германия» (1844), незаконченном трактате «Россия и Запад» и многих стихотворениях. Хрестоматийными стали его строки.

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.[108]

Там, где утверждается взгляд на историю как на совокупности развитий нескольких самостоятельных исторических образований, рано или поздно появляется и представление об исторических циклах. В русской философской мысли оно возникает прежде всего в форме идеи заката западноевропейского мира. Мы находим ее довольно рано. В написанном в начале 30-х годов XIX в. «Эпилоге» к «Русским ночам» (1844, послед. изд.: Л., 1975) Владимир Федорович Одоевский (1803-1869) писал «Осмелимся же выговорить слово, которое, может быть, теперь многим покажется странным и через несколько времени — слишком простым. Запад гибнет! Так! он гибнет! Пока он сбирает свои мелочные сокровища, пока предается своему отчаянию — время бежит, а у времени есть собственная жизнь, отличная от жизни народов; оно бежит, скоро обгонит старую, одряхлевшую Европу — и, может быть, покроет ее теми же слоями неподвижного пепла, которыми покрыты здания народов древней Америки — народов без имени».[109]

Эта идея нашла свое выражение в написанном в 1836 г. стихотворении великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова (1814—1841) «Умирающий гладиатор»:

Не так ли ты, о европейский мир,
Когда-то пламенных мечтателей кумир,
К могиле клонишься бесславной головою,
Измученный в борьбе сомнений и страстей,
Без веры, без идей — игралище детей,
Осмеянный ликующей толпою!.[110]

Причина упадка Запада понималась по-разному. Одни полагали, что это следствие ложных начал, на которых базировался Запад. Другие считали, что дело просто в том, что Западная Европа исчерпала все возможности развития. И в том и в другом случае делался вывод, что России нужно идти путем совершенно иным, чем Западная Европа.

Самое интересное, что в наиболее отчетливой форме тезис об упадке Запада присутствует не столько в трудах славянофилов, сколько тех мыслителей, которых причисляли к западникам, причем не всех, а лишь демократически настроенных. К такому выводу их привели наблюдения над капиталистической действительностью Западной Европы. Эксплуатации трудовых масс, их нищета, лицемерный характер буржуазной демократии, упадок духовной культуры, прежде всего искусства — все это порождало у русских демократов неприятие капитализма и стремление найти для свой страны иной путь — дорогу некапиталистического прогресса.

[108] Тютчев Ф И «Умом Россию не понять » // Стихотворения Письма Воспоминания современников М , 1988 С 129

[109] Одоевскии В Ф Русские ночи М , 1975 С 147

[110] Лермонтов М Ю Умирающнй гладиатор // Полн собр соч Т. 1 М , 1948. С. 9

Все это в наиболее яркой форме присутствует в работах Александра Ивановича Герцена (1812—1870). Впервые идея старения и гибели западного мира появляется уже в его работе «С того берега», в очерке «Перед грозой» (1847, Соч. в 9-ти т. Т.3 М , 1956) Затем она вместе с идеей особого пути развития России к социализму развивается в работах «О развитии революционных идей в России» (1850, 1851, Там же), «Русские немцы и немецкие русские» (1859; Там же. Т. 7 М., 1958), «Концы и начала» (1862-1863, Там же), «Порядок торжествует!» (1866—1867, Там же. Т. 8. М., 1958) и «Пролегомена» (1867; Там же)

Вопрос о закате Европы совершенно отчетливо был поставлен в стихотворении русского мыслителя Петра Лавровича Лаврова (1823—1900) «Отзыв на манифест»(1855).

Недуг неверия, гражданского раздора,
Недуг себялюбивых дел,
Дух малодушия, продажности, позора.
Европой старой овладел.
Восстанет ли с одра болезни и мученья
От лихорадочного сна?
Придут ли для нее минуты исцеленья,
Провозвестит ли нам она
Законы новые общественного строя —
Любви и равенства закон?
И скажут новые гражданские герои:
«Европы род еще силен».
Или томит ее предсмертное страданье,
Последний старческий недуг,
И дети Запада, как всякое созданье,
Свершили свой заветный круг
И сходят мрачные с окровавленной сцены,
Как братья старшие сошли?
Затем, что час настал для новой перемены
Всей декорации земли <...>
И как отжившие владыки Вавилона,
Как гибнувший немой народ,
Как Рима древнего герои — легионы,
Умрет и европейский род.[111]

Обращая главное внимание на предполагаемый упадок Запада, русские мыслители, разумеется, исходили из того, что циклы были обычным явлением в прошлом человечества, особенно в истории древнего мира. Россия и Запад были не единственными самостоятельными историческими образованиями. Их было множество. И все они возникали, развивались и исчезали. Но признавая бытие множества исторических образований и циклический характер их развития, русские мыслители в то же время рассматривали эти исторические единицы как части единого человечества, а их истории как составляющие единого мирового исторического процесса. Проблема единства и многообразия мировой истории была одной из важнейших, которую они стремились решить

[111] Лавров П Л Отзыв на манифест // Вольная русская поэзия второй половины XIX века Л , 1959 С 625

П.Я. Чаадаев неоднократно говорил о делении мира на Запад и Восток. Это подразделение не только географическое. «...Это, — писал он в «Апологии сумасшедшего», — два принципа, соответствующие двум динамическим силам природы, две идеи, обнимающие весь жизненный строй человеческого рода».[112] Казалось бы отсюда следует вывод о том, что нет единой истории человечества. Но П.Я. Чаадаев его не делает. Он пытается найти другое решение вопроса. Для него развитие, которое завершилось возникновение западной цивилизации, есть магистраль мировой истории. А развитие России, Абиссинии, Японии — отступление от магистрали.[113] Указывает он и на застойность Азии.[114]

Бились над этой проблемой и другие русские мыслители. Снова и снова к ней обращался А.И. Герцен. Приведем последнее, что он писал по этому вопросу. «Общий план развития допускает бесконечное число вариаций непредвидимых, как хобот слона, как горб верблюда... Общее происхождение нисколько не обуславливает одинаковость биографий. Каин и Авель, Ромул и Рем были родные братья, а какие разные карьеры сделали. То же самое во всех нравственных родах и общениях... В природе, в жизни нет никаких монополей, никаких мер для предупреждения и пресечения новых зоологических видов, новых исторических судеб и государственных форм; пределы их — одни невозможности. Будущее импровизируется на тему прошедшего. Не только фазы развития и формы быта изменяются, но создаются новые народы и народности, которых судьбы идут иными путями».[115]

В конце концов некоторые из них, стремясь согласовать представление о различных путях развития множества самостоятельных исторических образований с идеей единства мировой истории, так или иначе приходили к идее исторической эстафеты (подробно: 2.14.7). Правда, она не всеми понималась и принималась. Но во всяком случае их философско-исторические работы создавали возможность движения русской мысли по пути к плюрально-циклическому пониманию истории. И эта возможность рано или поздно должна была превратиться в действительность. И она превратилась.

2.5.4. Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, В.И. Ламанский

Работа Николая Яковлевича Данилевского (1822—1885) «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому» первоначально была опубликована в 1—6 и 8—10 книжках журнала «Заря» за 1869 г. Отдельным изданием она впервые вышла в 1871 г. (послед. изд.: М., 1991; СПб., 1995; М., 2002; 2003).

Существуют диаметрально противоположные точки зрения на отношение между данной работой Н.Я. Данилевского и упоминавшимся выше трудом Г. Рюккерта. По мнению уже упоминавшегося В.С. Соловьева, Н.Я. Данилевский просто-напросто повторил своими словами концепцию Г. Рюккерта.[116] Страстный поклонник Н.Я. Данилевского философ и публицист Николай Николаевич Страхов (1828—1896) катего-

[112] Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего // Сочинения. М., 1989. С. 145.

[113] Чаадаев П.Я. Философические письма... С. 28.

[114] Там же. С. 105-107.

[115] Герцен А.И. Концы и начала // Соч. в 9-х т. Т. 7. М., 1958. С. 532-534.

[116] См.: Соловьев В.С. Немецкий подлинник и русский список // Соч. в 2-х т. Т. I. М., 1989. С. 561-591.

рически утверждал, что его кумир вообще не был знаком с работой немецкого историка.[117] Вероятнее всего, что Н.Я. Данилевский испытал влияние взглядов Г. Рюккерта. Но труд последнего во всяком случае не был для него главным источником. Работа Н.Я. Данилевского во многом была логическим завершением эволюции русской философско-исторической мысли 30–60-х годов XIX в. Исторический плюрализм там явно вызревал, особенно в работах представителей славянофильского направления. Сам Н.Я. Данилевский был по своим убеждениям славянофилом. И он стремился подвести под славянофильство прочную теоретическую основу.

Славянский мир, включающий в себя Россию, развивался и развивается совершенно самобытно. И это не исключение, а правило. Этот мир является просто одним из самостоятельных исторических образований, каждое из которых развивается столь же самобытно. Другим историческим образованием является западный, романо-германский мир, который столь же самобытен. Славянский и романо-германский миры — два совершенно равноправных образования. Ни один из них не является ни лучшим, ни худшим, ни передовым, ни отсталым. Они просто разные. Таким был ход мысли Н.Я. Данилевского, который завершился созданием первой детально разработанной и достаточно последовательной плюрально-циклической концепция истории. В его работе в отличие от труда Г. Рюккерта были поставлены все точки над i.

Исторические индивиды, которые Н.И. Данилевский именует культурно-историческими типами, просто культурами, самобытными цивилизациями, историческими организмами, выступают у него как совершенно самостоятельные, неповторимые цельности. Он выделил десять основных культурно-исторических типов: египетский, китайский, ассирийско-вавилоно-финикийский (халдейский, или древнесемитический), индийский, иранский, еврейский, греческий, римский, ново-семитический (аравийский) и германо-романский (европейский). Этот список он пополнил двумя погибшими насильственной смертью американскими типами: мексиканским и перуанским, и славянским, которому еще предстоит расцвести.

Каждый из этих культурно-исторических индивидов совершенно самостоятельно проходит три этапа: древний или этнографический, когда происходит заготовление запаса для будущей деятельности, средний — государственный и, наконец, период цивилизации, который является временем растраты сил, а тем самым и их истощения (впрочем, буквально на тех же страницах автор говорит только о двух этапах: этнографическом этапе и этапе цивилизации). В результате народы впадают либо в апатию самодовольства, либо в апатию отчаяния. Выход из положения состоит в возвращение к первобытной этнографической форме быта, из которой снова может возникнуть историческая жизнь.

Кроме положительно-деятельных культурно-исторических типов существуют отрицательные деятели человечества, которые, появившись на исторической арене, добивают борющиеся со смертью цивилизации, а затем скрываются в прежнее ничтожество. Таковы гунны, монголы, турки. И, наконец, есть племена, которым не суждено ни положительной, ни отрицательной исторической роли. Они составляют лишь этнографический материал, входящий в качестве дополнительного в состав тех или иных культурно-исторических типов. Таковы финские и некоторые другие племена.

Никакой единой всемирной истории не существует. Подразделение истории на

[117] Страхов Н.Н. Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н.Я. Данилевского // Русский вестник. Т. 234 1894. Октябрь. С. 158.

античную, средневековую и новую, рассматриваемое европейскими историками как периодизация всемирной истории, относится исключительно к истории Западной Европы. Для других частей мира она не имеет никакого значения. Это деление истории есть яркое проявление европоцентризма, от которого нужно раз и навсегда отказаться.

Ни один культурно-исторический тип не может претендовать на то, чтобы считаться более развитым, более высоким, чем остальные. Западная Европа в этом отношении не представляет исключения. Правда, эту точку зрения Н.Я. Данилевский до конца не выдерживает.

Прежде всего он отличает типы уединенные (китайский, индийский) и типы преемственные (египетский, древнесемитический, греческий, римский, еврейский и германо-романский). Плоды деятельности последних передавались от одного к другому, в результате чего они далеко превзошли уединенные цивилизации. «Самые богатые, самые полные цивилизации изо всех доселе на земле существовавших, — пишет он, — принадлежат, конечно, мирам греческому и европейскому».[118]

Но тут же Н.Я. Данилевский добавляет, что цивилизация не передается от одного типа к другому. Имеет место не передача, а лишь воздействие одного типа на другой. Существует три способа распространения цивилизации: пересадка путем колонизации, прививка и, наконец, такое влияние, которое можно уподобить воздействию почвенного удобрения на растительный организм.

Далее Н.Я. Данилевский говорит о четырех разрядах культурной деятельности: деятельностях религиозной, культурной (в узком смысле), политической и общественно-экономической. В первых культурах (египетской, китайской, древнесемитической, индийской и иранской) ни один из этих видов деятельности не был выделен. Они были культурами подготовительными. В еврейском культурном типе была развита религиозная деятельность, в греческом — культурно-художественная, в римском — политическая. Эти культурные типы были одноосновными. Германо-романский тип — двухосновной. В нем развиты политическая и культурная стороны. В славянском типе будут развиты все четыре вида деятельности. Он будет четырехосновным культурным типом. В некоторых местах книги Н.Я. Данилевский и прямо говорит о превосходстве русского общественного строя над европейским. В конечном счете с равноценностью самобытных цивилизаций у него получилось примерно то же самое, что с равенством обитателей «Скотного двора» Джорджа Оруэлла: все равны, но некоторые равнее других.

Таким образом, будучи гораздо более последовательным, чем Г. Рюккерт, русский мыслитель в то же время допускает немалое число отступлений от своей концепции. Непоследовательность он проявляет и во взглядах на мировую историю. Доказывая на протяжении чуть ли не всей книги, что никакой единой всемирной истории не существует и существовать не может, на самой последней ее странице он вдруг говорит о «главном потоке всемирной истории», который подразделяется на несколько русел, которым суждено слиться «на обширных равнинах Славянства» в «один обширный водоем».[119] И это не случайно. Как ни стремился Н.И. Данилевский быть последовательным в своих построениях, историю все же он знал. И известные ему исторические факты вынуждали его вносить в свой труд коррективы, несовместимые с его собственными идеями.

[118] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 101.
[119] Там же. С. 509.

Идеи Н. Я. Данилевского были восприняты и разработаны целым рядом других русских мыслителей и ученых. Среди них прежде всего следует упомянуть Константина Николаевича Леонтьева (1831—1891). В его работе «Византизм и славянство» (1875; послед. изд. в книгах: Избранное. М., 1993; К.Н. Леонтьев. Восток, Россия и славянство. М., 1997) в качестве субъектов истории выступают не столько культуры, сколько государства, «государственные организмы». Каждая из исторически значимых исторических общностей проходит в своем развитии три стадии, что занимает, примерно, 1000—1200 лет. В 1892 г. в 1—4 номерах журнала «Славянское обозрение» был опубликован труд историка, слависта Владимира Ивановича Ламанского (1833—1914) «Три мира Азийско-Европейского материка», который затем был издан отдельной книгой (СПб., 1892; Пг., 1916), в котором также развивались взгляды Н.Я. Данилевского.

2.6. ИСТОРИОЛОГИЯ И СМЕЖНЫЕ С НЕЙ НАУКИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

2.6.1. Вводные замечания

Когда излагается история плюрально-циклического подхода к истории, то обычно от Н. Я. Данилевского прямо переходят к О. Шпенглеру. При этом сразу же бросается в глаза необычайное сходство построений последнего с концепцией первого, что невольно наводит на мысль о заимствовании. И эта мысль была бы оправданной, если бы концепция Н.Я. Данилевского была совершенно уникальной.

Но мы знаем, что труду этого русского мыслителя предшествовали работы Ж.А. де Гобино и Г. Рюккерта. А главное — подобного рода представления получили в конце XIX — начале XX вв. самое широкое распространение в европейских общественных науках, причем явно не в результате знакомства с трудом Н. Я. Данилевского. Причин было несколько.

Одна из них — социальная. В результате распространения марксизма и мощного подъема рабочего движения, возглавляемого социал-демократическими партиями, господствующий класс Западной Европы стал испытывать страх перед прогрессом, что не могло не сказаться на общественных науках, в том числе и на исторической. Вторая — чисто научная: нарастающее осознание противоречия между господствующим линейно-стадиальным пониманием истории и исторической реальностью. Этот разрыв становился все более острым по мере развития исторической и других родственных ей наук.

2.6.2. Новые данные исторической науки и линейно-стадиальное понимание истории

Кое-что о Древнем Востоке европейцы знали и раньше, но настоящее изучение его истории началось в Европе только в XIX в. Огромную роль сыграла в этом египетская экспедиция Наполеона Бонапарта, в которой приняли участие ученые, включая ориенталистов. Собранные материалы легли в основу вышедшего в 1809—1813 гг. грандиозного, состоявшего из 24 огромных томов, труда «Описание Египта». Тем самым в современный мир была введена почти совершенно неведомая ранее ему цивилизация.

Памятники Древнего Египта были описаны, но они молчали. Настоятельной необходимостью стала расшифровка иероглифической письменности. Этим делом занялись многие ученые, в частности врач и физик Томас Юнг (1773—1829), но решающий вклад был внесен Жаном Франсуа Шампильоном (1790—1832). В 1822 г. в «Письме к г. Дасье... относительно алфавита фонетических иероглифов...» (русск. перевод: Шампольон Ж.-Ф. О египетском иероглифическом алфавит. [М.-Л.], 1950) он изложил основы дешифровки древнеегипетской письменности. За этой работой последовали другие. Памятники Древнего Египта заговорили.

Почти одновременно в Египте начались раскопки, но они первоначально имели характер кладоискательства (Д.Б. Бельцони и др.). Важный сдвиг в изучении истории Древнего Египта связан с именем Рихарда Лепсиуса (1810—1884). Во время экспедиции 1843—1845 гг. он открыл много новых памятников и провел первые подлинные археологические раскопки. Но самое главное — Р. Лепсиус первым систематизировал все знания о прошлом Египта и тем самым сумел разглядеть за нагромождением руин древнюю историю этой страны. В 1849 г. в Берлине вышла его книга «Хронология Египта», за которой последовала «Книга египетских фараонов» (1850).

В 1850 г. в Египет приехал Огюст Мариэтт (1821—1881), которым положил начало систематическому изучению памятников древнеегипетской истории. Им был основан Египетский музей и до самой своей смерти он оставался бессменным директором Управления по делам египетских древностей и главным инспектором всех раскопок.

Почти одновременно с Египтом начались исследования и Месопотамии. В 1808 г. резидентом Ост-Индской компании в Багдаде был назначен Клавдий Джеймс Рич (1787—1820). Значительную часть своего времени он посвятил посещению древних городищ и сбору предметов старины. В 1811 г. К. Рич изучил руины Вавилона и описал их в работах, увидевшех свет в 1812 и 1818 г.г. А 1820 г. он произвел археологическую разведку Куюнджика, где впервые обнаружил руины Ниневии. В целом К. Рич сделал для изучения древностей Двуречья все, что только можно было совершить, не предпринимая раскопок.

Первые систематические раскопки были предприняты в 1843—1846 гг. Полем Эмилем Ботта (1802—1870). Он начал с холма Куюнджик, но почти ничего не нашел. Зато в Хорсабаде он раскопал Дур-Шаррукин — резиденцию царя Саргона II (721—705 до н.э.). Так был открыт первый дворец ассирийских владык. В 1849—1850 гг. вышел пятитомный труд П. Ботта, в котором были детально описаны сделанные им находки. Стало ясным, что в Двуречье существовала не менее блистательная древняя цивилизация, чем в долине Нила.

Третий и четвертый тома труда П. Ботта содержали огромное число клинописных надписей. И они заговорили. Первый шаг к расшифровке клинописи был сделан еще в 1802 г. Георгом Фридрихом Гротенфендом (1775—1853). Следующие шаги были предприняты лишь через тридцать лет. Среди ученых, которые занимались расшифровкой клинописи, особо следует отметить Генри Кресвика Роулинсона (1810—1895). В 1837 г. он с опасностью для жизни скопировал знаменитую надпись царя Дария I на отвесной скале близ Бехистуна, а в 1846 г. представил перевод древнеперсидской части текста. Затем учеными были расшифрованы и две другие части надписи: эламская и вавилонская.

В 1846 г. Остин Генри Лайярд (1817—1894) начал систематические раскопки на холме Нимруд и нашел вторую после Ашшура столицу Ассирийской державы — Ка-

лах. Затем им была раскопана третья и последняя столица Ассирии — Ниневия. Вначале помощник а потом продолжатель дела О. Лайярда — Ормузд Рассам (1826—1910) нашел там знаменитую библиотеку царя Ашшурбанипала (668—626 до н э.), содержавшую 30 тыс. глиняных табличек. Среди них Джорджем Смитом (1840—1876) был обнаружен и прочитан один из величайших памятников мировой культуры — эпос о Гильгамеше. Библиотека Ашшурбанипала оказалась ключом ко всей ассиро-вавилонской культуре.

Детальное изучение ассиро-вавилонских глиняных табличек привело ученых к выводу, что клинопись была создана не вавилонянами и ассирийцами, а более древним народом, говорившим на языке, отличном от ассиро-вавилонского. Такое предположение было сделано Эдвардом Хинксом (1792—1866), а в 1869 г. Юлиус (Жюль) Опперт (1825—1905) определил этот народ как шумеров. Как когда-то планета Нептун, шумерская цивилизация была первоначально открыта на кончике пера.

Спустя восемь лет Эрнест де Сарзек (1837—1901) начал раскопки в пустыне Телло и нашел шумерский город Лагаш. Было обнаружено огромное количество глиняных табличек с надписями на шумерском языке. В последующем выяснилось, что шумерская цивилизация возникла одновременно с египетской — в конце IV тысячелетия до н.э.

В 1870 г. Генрих Шлиман (1822—1890) приступил к раскопкам на холме Гисарлык и открыл цивилизацию Трои, начало которой восходило ко II тысячелетию до н.э. В 1876 г. он начал новые раскопки, в результате которых миру была явлена Микенская цивилизация, существовавшая на территории Греции задолго до античной эпохи.

В 1834 г. французский путешественник и археолог Шарль Феликс Мари Текстье (1802—1871) около деревни Богазкей в Малой Азии обнаружил развалины огромного города, принадлежавшего неизвестному народу. Спустя сорок с небольшим лет ирландский миссионер Уильям Райт и английский профессор Арчибальд Генри Сейс (1845—1933), сопоставив эту и множество других сходных находок со свидетельствами Библии, пришли к выводу, что тридцать или сорок веков тому назад на Древнем Востоке наряду с египетской, вавилонской и ассирийской империями существовала еще одна великая держава — хеттская. Это положение было обосновано У. Райтом в статье, опубликованной в 1878 г , А.Г. Сейсом в лекции «Хетты в Малой Азии», прочитанной в 1880 г. Затем в 1884 г. вышла книга У. Райта, которая назвалась «Империя хеттов». Так были открыты хетты и заложены основы хеттологии.

Во второй половине XIX в. окончательно оформилась в составе исторической науки такая дисциплина, как история Древнего Востока, включавшая в свой состав прежде всего египтологию и ассириологию. В результате писаная история человечества почти удвоилась — к 27 векам добавилось еще 23. А характерной особенностью развития древневосточных обществ был циклизм — чередование периодов их расцвета и упадка, а то и просто гибели. Мимо этого не мог пройти ни один востоковед. Как правило, мало кто из них стремился создать свою философско-историческую концепцию, но объяснить причины этого явления пытались почти все.

Крупнейший французский египтолог Гастон Камиль Шарль Масперо (1846—1916) в труде «Древняя история народов Востока» (1875; русск. перевод с 4-го изд.: М., 1885) писал: «Существование восточных монархий обуславливалось всегда беспрестанными войнами и беспрестанными завоеваниями. Они не могут ни ограничиваться определенной территорией, ни оставаться в оборонительном положении. С прекращением расширения границ начинается их распадение; теряя свой завоевательный

характер, они перестают существовать».[120] На естественно возникающий вопрос о том, почему же прекращаются завоевания, Г. Масперо общего ответа не дает.

Когда же он рассматривает крушение Персидской державы, то пишет: «Но не народ был виною тому, что распадение Персии совершилось так быстро. Персы остались такими же, какими были первоначально — трезвыми, честными и бесстрашными, — только царствующая династия и окружавшие ее знатные роды до такой степени выродились, что спасение стало почти невозможно».[121]

Крупный немецкий ассириолог Гуго Винклер (1863—1913) дает несколько иное объяснение крушению Персидской державы. «Правда, — пишет он, — персидское царство, как наследовавшее Вавилону, в противоположность грекам, владеет до известной степени высшей культурой; но оно дряхлеет, потому что не имеет носителей свежего народа. Жизненная сила греческого духа легко одержит над нею верх».[122]

Выдающийся немецкий историк Эдуард Мейер (1855—1930) в пятитомном труде «История древнего мира» (1884—1902) также обращает внимание на циклический характер развития древневосточных обществ. Но он не ограничивается только Востоком. В работах «Экономическое развитие древнего мира» (1895; русск. переводы: СПб., 1898; М., 1910) и «Рабство в древнем мире» (1898; русск. переводы: СПб., 1899; М., 1907) он излагает и обосновывает концепцию циклического развития обществ Европы. Первый цикл, по его мнению, имел место в античную эпоху. Второй начался в Западной Европе в IV в. н.э. и пока не закончился.

Общество Гомеровской и Архаической Греции Э. Мейер характеризует как средневековое, основанное на крепостничестве. Оно было уничтожено в результате революций VII—VI вв. до н.э. На первый план вышли торговля и промышленность. Начавшийся период соответствует эпохе нового времени в Западной Европе с тем лишь различием, что место наемного труда занимает рабство. Но это рабство *«стоит на равной линии со свободным трудом нового времени* и выросло из тех же моментов, что и последний».[123] Начиная со II в. н.э. роль рабства падает, и к IV в. снова воцаряется крепостничество. «Таким образом, — заключает Э. Мейер, — античная эволюция завершила свой кругооборот. Процесс развития возвращается к той же точке, из который он вышел: средневековый порядок вторично становится господствующим».[124]

Взгляды Э. Мейера получили широкое распространение среди историков, в частности среди русских. Уже в 1900 г. античник Михаил Иванович Ростовцев (1870—1952) в работе «Капитализм и народное хозяйство в древнем мире» не только полностью принимал идею циклизма, но и отрицал возможность выделения стадий развития человечества в целом.[125]

«Нам кажется, — писал в 1907 г. крупный русский медиевист Дмитрий Моисеевич Петрушевский (1863—1942), — что пора совсем оставить всемирно-исторические иллюзии, раз навсегда признав их уже отошедшим в прошлое культурным фактом, и центр тяжести научных интересов окончательно перенести на изучение именно этих

[120] Масперо Ж. Древняя история народов Востока. М., 1895. С. 640.

[121] Там же. С. 670.

[122] Винклер Г. Западная Азия в древние времена // История человечества. Всемирная история. Под общей редакцией Г. Гельмольта. Т. 3. СПб., 1903. С. 91.

[123] Мейер Э. Рабство в древности. СПб., 1899. С. 24.

[124] Там же. С. 47.

[125] Ростовцев М.И. Капитализм и народное хозяйство в древнем мире // Русская мысль. 1900. № 3. С. 195—197

внутренних процессов, развивавшихся и развивающихся в человеческих обществах, на их социологическое изучении; пора окончательно расстаться с идеей единого и единственного процесса, какой будто бы представляет собой история обществ древнего и нового мира, и окончательно утвердится в мысли, что здесь мы имеем дело не с единым и единственным процессом, а с целым множеством аналогичных процессов, сравнительное изучение которых, щепетильно внимательное к индивидуальным особенностям каждого из них, и составляет содержание науки *всеобщей* истории, ставящей себе чисто социологические цели выяснения механики общественного процесса, как такового, и законов, по которым он развивается. Пока традиции *всемирной* истории сами окончательно не станут достоянием истории, пока они будут сохранять свое в исторической науке, до тех пор этой последней трудно будет окончательно стать на чисто-научную точку почву».[126]

Нетрудно заметить, что именно к идеям Э. Мейера уходят своими корнями рассмотренные выше (2.4.8) исторические построения П.И. Кушнера и В.С. Сергеева.

Переход к детальному исследованию истории Востока был движением исторической науки не только в глубь, но и в ширь. Расширился не только временной, но и пространственный кругозор историков. Раньше они занимались в основном лишь Европой. Теперь в сфере их внимания оказалась часть Африки и почти вся Азия.

Заниматься историки стали изучением не только самых древних классовых обществ Азии, но также и историей стран Востока в античное, средневековое и новое время. И здесь их ожидал сюрприз. Оказалось, что общества Востока в античное время не были античными в привычном понимании этого слова, т.е. рабовладельческими, и что эти же общества в средневековую эпоху не были средневековыми в привычном смысле этого термина, т.е. феодальными.

И переход к новому времени на Востоке вовсе не означал зарождение там капитализма. Все в большей степени становилось ясным, что нигде на Востоке капитализм не возник в результате самостоятельного развития тамошних обществ. Он был туда привнесен извне — из Западной Европы. Унитарно-стадиальная концепция в ее линейно-стадиальном варианте стала разваливаться на глазах.

Идеи циклизма получили такое широкое распространение, что получили выражение и в поэзии. Р. Киплинг в стихотворении «Города, троны и славы» писал:

Грады, троны и славы
Этой Земли,
Как полевые травы,
На день взросли.
Вновь цветы расцветают,
Радуя глаз,
Вновь города из руин возникают
На миг, на час.[127]

2.6.3. Возникновение этнологии, первобытной археологии и палеоантропологии

Движение научного знания о прошлом человечества не исчерпывалось лишь новым постижением Востока. Во второй половине XIX в. возникла наука, которая полу-

[126] Петрушевский Д. Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1907. С. 35.

[127] Киплинг Р. (в пер. В. Шубинского). Города, троны и славы // Р. Киплинг. Рассказы. Стихотворения Л., 1989. С. 328

чила название *этнографии*, или *этнологии*. Она имела два объекта исследования. Первый — сохранившиеся к тому времени первобытные и предклассовые общества, второй — традиционное крестьянство классовых обществ Европы. Соответственно она подразделялась на две во многом самостоятельные научные дисциплины — этнографию первобытности и этнографию крестьянства.[128]

Нас в данном случае интересует только первая из них — этнография первобытности. Возникновение ее означало новое расширение пространственного кругозора обществознания. С появлением этнологии объектом научного познания стали *все* человеческие общества. Раньше общественные науки, включая историческую, изучали лишь классовые социоисторические организмы. Теперь объектом исследования стали не только геосоциальные, но и демосоциальные организмы.

С чисто формальной точки зрения этнография не может быть отнесена к числу исторических наук. Она изучает не прошлое, как историология, а настоящее. Этнографы, в противоположность историком, вели и ведут полевые исследования, в ходе которых исследуют жизнь реально существующие в это время обществ. Но настоящее, с которым имеют дело этнологи, одновременно является и прошлым. Прошлым для большей части человечества. Они изучают такое прошлое, которое существует в настоящем, такое настоящее, которое одновременно есть и прошлое. Недаром же этнографию нередко именовали наукой о живой старине.

С возникновением этнологии расширился не только и даже не столько пространственный кругозор исследователей человеческого общества, сколько временной. Объектом исследования науки стало общество, каким оно было до возникновения общественных классов и государства. Человеческая мысль устремилась в глубь времен, причем она продвинулась не на два тысячелетия, как в случае с Древним Востоком, а на десятки тысяч лет. Однако одна лишь этнология этого сделать была бы не в состоянии. На помощь пришли иные науки.

Ко второй половине XIX в. окончательно оформился тот раздел археологии, который занимался изучением первобытности, *археология первобытности*. Еще в 1819 г. датский ученый Кристиан Юргенсон Томсен (1788—1865) — первый куратор Национального музея в Копенгагене разделил археологический материал на три группы, соответствующие, как он считал трем последовательно сменившимся векам истории человечества:каменному, бронзовому и железному. Эту экспозицию он комментировал в лекциях, а затем в изданном в 1836 г. «Путеводителе по северным древностям». Большое внимание обоснованию этой периодизации на материале собственных раскопок уделил другой датский археолог — Якоб Ворсо (1821—1885).

Французский археолог-любитель Жак Буше де Кревкер де Перт (1788—1868) в результате систематических раскопок обнаружил массу грубых каменных орудий, которые он связал с древнейшими («допотопными») людей. Его первые выступления и публикации (1838—1841), встретили резкую оппозицию со стороны ученого мира. Его обвиняли в научной безграмотности и даже подделке. Однако он упорно продолжал свои исследования, отстаивая свою правоту. В 1846 г. вышла его работа «Примитивная индустрия», в 1847 г. —первый том труда «Древности кельтские и допотопные», в 1860 г. —книга «Допотопный человек и его творения». В них Ж. Буше де Перт впервые поставил вопрос о первобытном обществе как едином целом.

[128] Подробнее об этом см.: Семенов Ю.И. Предмет этнографии (этнологии) и основные составляющие ее научные дисциплины // ЭО. 1998. № 2.

Хотя научное исследование живой старины, современной первобытности развернулось, лишь начиная с середины XIX в., открыта она была раньше — в XVI—XVIII вв. И долгое время только ее одну и знали. Ж. Буше де Перту принадлежит честь открытия мертвой, исчезнувшей старины, доисторической, подлинно первобытной первобытности. В 1851 г. в работе Даниэля Уилсона «Археология и преисторические животные Шотландии» первые появился термин «преистория» (prehistory).

В 1865 г. в работе «Доисторические времена» (русск. перевод: М., 1876) английский этнограф и археолог Джон Леббок, получивший за заслуги перед наукой титул лорда Эвербери (1834—1913), подразделил век камня на древний каменный век (палеолит) и новый каменный век (неолит). В 70-х годах XIX в. французский археолог Габриэль де Мортилье (1821—1898) создал детальную периодизацию древнего каменного века. Первоначальный ее вариант после его использования на Парижской всемирной выставке 1867 г. был опубликован в 1869 г. В дальнейшем эта периодизация была разработана в целом ряде трудов, прежде всего в книге «Преистория» (1883, 1885; третье издание, доработанное сыном Г. де Мортилье Адрианом, было переведено на русский язык: Мортилье Г. и А.. Доисторическая жизнь. Происхождение и древность человека. СПб., 1903).

Г. Мортилье выделил шелльскую и ашельскую эпохи и объединил их под названием нижнего палеолита; мустьерская эпоха составила средний палеолит, а солютрейская и мадленская — верхний палеолит. По современным данным возраст ранних шелльских орудий Европы, которые были выделены Г. Мортилье, превышает полмиллиона лет.

В последующем развитии к археологии добавилась *палеоантропология* — научная дисциплина, изучающая костные остатки древних людей. Теоретическая база под эту науку была подведена трудом великого английского естествоиспытателя Чарльза Роберта Дарвина (1809—1882) «Происхождение человека и половой отбор» (1871; русск. перевод: Соч. Т. 5. М., 1953). В 1891-1892 гг. голландским врачом и анатомом Эженом (Евгением) Дюбуа (1858—1941) на Яве были открыты остатки питекантропа. По современным данным, возраст этих находок приближается к миллиону лет.

2.6.4. Возникновение науки о первобытной истории (палеоисториологии) и ее качественное отличие от историологии цивилизованного общества (неоисториологии)

Возникновение первобытной археологии, этнографии первобытности и палеоантропологии подготовило почву для зарождения *науки о первобытной истории*. Нередко, характеризуя эту науку, говорят, что она отличается от науки, изучающей историю классового или цивилизованного общества, лишь тем, что лишена письменных источников. Но отличие первой от второй состоит не только и даже не столько в этом.

Между ними существует значительное различие, которое делает их во многом двумя разными, хотя и родственными науками. Это различие прежде всего заключается в том, что они изучают социоисторические организмы разных типов: первая — демосоциальные организмы, вторая — геосоциальные. Из этого вытекают и другие различия.

Историология цивилизованного общества прежде всего имеет дело с индивидуальными историческими событиями и конкретными историческими деятелями. Историология первобытности не исследует ни индивидуальные исторические события,

ни деятельность конкретных лиц. И дело вовсе не в том, что последняя из-за отсутствия письменных источников не располагает данными обо все этом. Вся суть в том, что первобытные социоисторические организмы столь малы, что в них исторических событий в нашем понимании не происходит. Там имеют место лишь обыденные, бытовые события, описывать которые не имеет никакого смысла.

Недаром же этнографы, изучающие живые первобытные общества, описывают не события, а обычаи, ритуалы, нравы и т.п., иначе говоря, не отдельное, а общее. Если в их трудах речь и заходит о конкретных действиях отдельных лиц, групп, всех членов социора, вместе взятых, то все это служит лишь иллюстрацией к общим положениям. Не знает ни индивидуальных событий, ни конкретных лиц также и первобытная археология. Таким образом, первобытная историология в отличие от историологии цивилизованных обществ занимается только общим и особенным.

Как уже отмечалось, демосоциальные организмы очень малы по своим размерам. Поэтому первобытная историология исследует не столько демосоциоры, сами по себе взятые, сколько те или иные их совокупности, которые обычно именуются племенами или, чаще, народами (см. 1.5.2; 1.7.3). Историология же цивилизованного общества занимается прежде всего геосоциорами и лишь потом их системами.

Принципиальное различие между двумя этими науками интуитивно давно уже осознавалось всеми исследователями. Многие историки цивилизованного общества категорически настаивали на том, что понятие истории полностью совпадает с понятием писаной истории.

«Историей, — писал уже известный нам Г. Винклер, — мы называем то развитие человечества, которое засвидетельствовано *письменными документами*, которое передано нам в *слове и письме*. Все, что лежит до этого, относится к эпохе доисторической. История, следовательно, начинается тогда, когда нам становятся известными письменные источники».[129]

Нельзя в этой связи не привести строки из стихотворения русского прозаика и поэта Ивана Алексеевича Бунина (1870—1953) «Слово», в которых нашла поэтическое выражение сходная мысль:

Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.[130]

В западной науке ни сама история первобытности, ни наука о ней, как правило, никогда не именуется историей. В ходу другие названия: доистория. преистория, праистория, протоистория и т.п. Термин «история» в применении к первобытности использовался в основном лишь в советской науке. Но и это не выдерживалось до конца последовательно. Многие ученые, прежде всего археологи, часто пользовались и терминами «доистория» и «праистория».

На мой взгляд, различие между историологией первобытности и историологией классовых обществ столь велико, что существование для обозначения этих двух наук разных терминов вполне оправдано. Кроме того, необходимо выделить в качестве совершенно особого периода длившуюся более полутора миллионов лет эпоху станов-

[129] Винклер Г. Вавилонская культура в ее отношении к культурному развитию человечества. М., 1913. С. 3.

[130] Бунин И.А. Слово // Собр. соч. в 8-ми т. Т. 1. М., 1993. С. 282.

ления человека и общества, эпоху праобщества.[131] В применении к ней я буду говорить о *праистории* и, соответственно, о *праисториологии*.

Историю готового общества, какой она была до возникновения цивилизации, я буду называть первобытной историей, или *палеоисторией*, последующую историю — *неоисторией*. Соответственно науку об истории доклассового общества следует именовать *палеоисториологией*, а науку об истории цивилизованного общества — *неоисториологией*. Но так как на предшествующих страницах наука о писаной истории везде именовалась просто историологией, то для сохранения преемственности я там, где это возможно, буду называть ее прежним именем.

2.6.5. Этнология и археология: от эволюционизма к антиэволюционизму

В археологии первобытности идея развития господствовала, по существу, с самого ее начала. В этнологию первобытности она проникла тогда, когда началось теоретическое осмысление собранного этой наукой фактического материала. Первые теории этнологии были эволюционистскими совершенно независимо от того, что находилось в центре внимания исследователя: культура или общество. Я уже упоминал книгу Э. Б. Тайлора «Первобытная культура» (1871), в которой была дана яркая картина развития первобытной религии.

В центре внимания уже известного нам Л.Г. Моргана находилась не культура, а общество. В его знаменитой работе «Древнее общество» (1877) была изложена первая научная концепция развития первобытного общества и его превращения в общество классовое. Это была теория одновременно двух наук: во-первых, этнологии первобытности, во-вторых, палеоисториологии, т.е. истории доклассового общества. Она была почти целиком построена на этнографическом материале. И это было неизбежно.

Ни первобытная археология, ни палеоантропология, взятые сами по себе, не в состоянии нарисовать картину развития общественных отношений первобытности. Это может сделать только этнология. Не все этнологические концепции являются теориями первобытной истории. Но любая подлинно научная теория первобытной истории может быть только *этнологической* и никакой другой. Работа Л.Г. Моргана положила начало науке о первобытной истории — палеоисториологии.

И снова бросается в глаза различие между неоисториологией и палеоисториологией. В неоисториологии движение познания шло от описания индивидуальных событий к пониманию истории как процесса. Исходным пунктом палеоисториологии явился взгляд на первобытную историю как на закономерный процесс. Движение познания в этой науке шло от самого общего понимания данного процесса, которое мы находим уже у А. Фергюсона, к все более и более конкретной картине, которая складывалась на основе не только данных этнографии, но и материалов археологии и палеоантропологии.

Эволюционизм господствовал в этнологии почти до конца XIX в. Широкое распространение он получил и в России. Его сторонниками были Максим Максимович Ковалевский (1851—1916), Лев Яковлевич Штернберг (1861—1927), Николай Николаевич Харузин (1865—1900), Митрофан Викторович Довнар-Запольский (1867—1934) и многие другие ученые.

[131] Подробнее об этом см.: Семенов Ю.И. На заре человеческой истории. М., 1989.

А затем в западной науке начался крутой поворот к эмпиризму и антиэволюционизму. Как и в случае с исторической наукой, здесь также действовали социальные причины. Вот что писал об этом крупнейший американский этнолог и культуролог Лесли Олвин Уайт: «Использование эволюционной теории вообще и теории Л. Моргана, в частности, К. Марксом и радикальным социалистическим рабочим движением вызвало сильную оппозицию со стороны капиталистической системы. Вследствие этого антиэволюционизм стал символом веры определенных слоев общества... Он стал философией оправдания церкви, частной собственности, семьи и капиталистического государства подобно тому, как «социальный дарвинизм» стал философским оправданием безжалостной эксплуатации в промышленности».[132]

Но сводить все только к действию социальных факторов нельзя. Были причины и сугубо научные. Эволюционистские концепции в этнологии являлись по своему существу унитарно-стадиальными. В центре их находилось развитие общества вообще или культуры вообще. И если они никак не интерпретировались, то выступали как абстрактные схемы, которые отталкивали исследователей, имевших дело не с обществом вообще, а с конкретными социоисторическими организмами, представлявшими собой части человеческого общества в целом. Если же они интерпретировались, то их истолкование было линейно-стадиальным. И тогда эти схемы нередко вступали в противоречие с этнографической реальностью.

Все это и вызвало к жизни диффузионизм, о котором уже было достаточно сказано (1.6.3), и различного рода другие концептуальные течения, сторонники которых либо совсем отвергали идею развития, либо, в лучшем случае, оттесняли ее на задний план. В числе этих течений — французская социологическая школа, созданная Э. Дюркгеймом, функционализм или школа структурно-функционального анализа, основателями которой были английские этнологи Бронислав Каспар Малиновский (1884—1942) и Альфред Реджинальд Радклифф-Браун (1881—1955), и американская школа исторической этнологии во главе с Ф. Боасом. Антиэволюционистские идеи проникли и в Россию. В русской науке с резкой критикой эволюционистских построений выступил этнограф Александр Николаевич Максимов (1872—1941), работы которого недавно были переизданы (Избранные труды. М., 1997).

Ранее уже было приведено высказывание виднейшего диффузиониста Л. Фробениуса, в котором говорилось о возникновении, расцвете и гибели культур. Не чужд идеям плюрализма и циклизма был и Э. Дюркгейм. «...Фактически, — писал он в работе «Метод социологии» (1895), возражая поборникам идеи поступательного развития человечества как целого, — этого прогресса человечества не существует. Существуют же и даны наблюдению лишь отдельные общества, которые рождаются, развиваются и умирают независимо одно от другого».[133]

В результате распространения всех этих течений эволюционизм из западной этнологической науки был на долгое время почти полностью вытеснен. Подобное явление наблюдалось и в археологии. К диффузионизму склонялся крупнейший шведский археолог, создатель типологического метода в археологии Оскар Монтелиус (1843—1921), еще в большей степени датчанин Софус Отто Мюллер (1846—1834). Австрийский этнограф и археолог Освальд Менгин (1888—1973) положил в основу

[132] White L. A. The Concept of Evolution in Cultural Anthropology // Evolution and Anthropology: A Centennial Appraisal. Washington, 1959. P. 109.

[133] Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 425.

своей книги «Всемирная история каменного века» (1931) гребнеровскую идею «культурных кругов». Наряду с диффузионизмом получил широкое распространение миграционизм (1.6.2).

2.6.6. Плюрально-циклические концепции в социологии

Из исторической науки и этнологии идеи исторического плюрализма и циклизма проникли в конце XIX в. и в социологию. Выше уже говорилось о Э. Дюркгейме. Другим примером могут послужить работы известного австрийского социолога Людвига Гумпловича (1838—1909) «Расовая борьба» (1883), «Основы социологии» (1885; русск. перевод: СПб., 1899; Избранные главы в книге: Западно-европейская социология XIX — начала XX веков. М,. 1996), «Социология и политика»(1891; русск. перевод: М., 1895). В отличие от многих социологов своего времени Л. Гумплович признавал существование в ранней истории человечества первобытного коммунизма, считал, что государство возникло как орудие в руках меньшинства общества для подавления большинства, и не сомневался в бытии общественных классов и неизбежности классовой борьбы.

Одновременно он отстаивал концепцию исторического плюрализма и, тем самым, неизбежно, циклизма. «Социальное развитие, — писал Л. Гумплович, — насколько мы познакомились с ним, является частным, местным и временным: мы уже говорили, что мы не в силах представить себе развитие человечества как единого целого, так как у нас совсем нет общего представления о субъекте такого развития. Спрашивается теперь, можем ли мы иметь представление о развитии известного нам человечества помимо представлений о развитии отдельных групп и социальных обществ...?».[134] «Все речи о «развитии человечества»... — продолжает он, — основаны на ошибочном и совершенно ложном взгляде, так как можно говорить только о социальном развитии в пределах одного и того же рода: «человек». Это развитие всегда и всюду начинается там, где существуют налицо соответствующие социальные условия; оно течет закономерно до конечного пункта, где оно, так сказать, завершается, где оно по недостатку необходимых социальных сил гаснет и умирает... Факты эти приведены для идеи круговоротного течения социального развития — идеи, имеющей опорным пунктом круговоротное развитие государства».[135]

Общий вывод Л. Гумпловича состоит в том, что нет никакого прогресса в рамках человечества и не может быть ничего существенно нового в сфере его умственной жизни. Истории человечества как единого целого в реальности нет. Поэтому философия истории, которая всегда претендует на создание целостного представления об истории человечества, не имеет никакого права на существование. Любая философско-историческая концепция в принципе несостоятельна. Достаточно одной лишь социологии. Под социологией Л. Гумплович в данном случае понимал не столько эту науку в привычном сейчас для нас смысле слова, сколько социальную философию.

Но вопреки его мнению и в начале XX продолжали возникать философско-исторические концепции, главным принципом которых было отрицание единства мировой истории. Первыми были учение О. Шпенглера и евразийство.

[134] Гумплович Л. Основы социологии. М, 1899. С. 342.
[135] Там же. С. 344-345.

2.7. РАЗВИТИЕ ПЛЮРАЛЬНО-ЦИКЛИЧЕСКОГО ВЗГЛЯДА НА ИСТОРИЮ В XX ВЕКЕ

2.7.1. Н.С. Трубецкой и евразийство

Освальд Шпенглер в своих историософских исканиях был далеко не одинок. Независимо от него и одновременно с ним идею исторического плюрализма развивал русский языковед и философ Николай Сергеевич Трубецкой (1890—1938) в труде «Европа и человечество» (София, 1920; послед. изд.: Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М., 1995; Он же. Наследие Чингисхана. М., 1999.). Эта книга положила начало очень своеобразному направлению философско-исторической мысли в среде русской послереволюционной эмиграции, за которым закрепилось название евразийства.

В последнее время это течение получило у нас немалую известность. Появилось множество антологий, содержащих статьи или фрагменты работ евразийцев: «Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов» (М., 1992), «Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьба России» (М., 1992); «Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология» (М., 1993), «Мир России — Евразии: Антология» (М., 1995), «Исход к Востоку» (М., 1997); «Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. Сборник трудов евразийцев» (М., 1997). Издаются работы и сборники трудов основных представителей этого течения. Выше уже были упомянуты два однотомника Н.С. Трубецкого. Вышли сборники трудов Петра Николаевича Савицкого (1895—1968) «Континент Евразия» (М., 1997) и Николая Николаевича Алексеева (1879—1964) «Русский народ и государство» (М., 1998; 2000). Издана пятитомная «История России» Георгия Владимировича Вернадского (1887—1973) (М.—Тверь, 1996—1997).

В общем подходе евразийцев к истории человечества мало оригинального. Это — типичная плюрально-циклическая концепция. Характерно, по крайней мере для некоторых ее представителей, резко отрицательное отношения к западноевропейскому (романо-германскому) миру. Наиболее ярко оно проявилось в работе Н.С. Трубецкого «Европа и человечество». Этот мыслитель категорически выступает против взгляда на западноевропейскую культуру как на самую высокую из всех ныне существующих, как на общечеловеческую, к которой должны приобщиться все прочие народы, все человечество. С точки зрения Н.С. Трубецкого, все культуры и народы равноценны.

«Момент оценки, — пишет он, — должен быть раз навсегда изгнан из этнологии и истории культуры... Нет высших и низших. Есть только похожие и непохожие. Объявлять похожих на нас высшими, а непохожих низшими — произвольно, ненаучно, наивно, наконец, просто глупо».[136] Поэтому романо-германская культура ничем не лучше любой другой.

Совершенно невозможно, по мнению Н.С. Трубецкого, полное приобщение одного народа к культуре другого без антропологического смешения обоих народов. Поэтому никакой народ, который антропологически не смешался с романогерманцами, не может вполне европеизироваться, т.е. вполне приобщиться к романо-германской культуре. Но, как считает Н.С. Трубецкой, европеизация не только невозможна без потери народом своего исконного антропологического типа, но и не нужна, ибо вредна. «...По-

[136] Трубецкой Н.С. Европа и человечество // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М.,1995. С. 81-82.

следствия европеизации настолько тяжелы и ужасны, — утверждает он, — что европеизацию приходится считать не благом, а злом».[137]

И отсюда следует главный вывод: «...Если европейская цивилизация ничем не выше всякой другой, если полное приобщение к чужой культуре невозможно и если стремление к полной европеизации сулит всем неромано-германским народам самую жалкую и трагическую участь, то, очевидно, что с европеизацией этим народам нужно бороться изо всех сил».[138] Здесь в общем виде было выражено настроение, которое в наше время наиболее отчетливо проявляется в исламском фундаментализме.

Но если в работе «Европа и человечество» Н.С. Трубецкой в основном ограничивался критикой претензий западноевропейцев на всемирную роль их исторического образования, то в последующих его трудах на первый план выходит другое историческое целое, которое он именует Евразией. Именно это образование и находится в центре всех построений сторонников рассматриваемого идейного направления, что отличает их от Н.Я. Данилевского и его прямых последователей.

Западной Европе Н.Я. Данилевский противопоставлял как особое историческое образование Россию, имея ввиду области, населенные русскими, украинцами и белорусам, или еще шире, весь славянский мир. Евразийцы фактически тоже выделяли в качестве особого исторического образования территорию России, какой она стала к началу XX в., но, с одной стороны, не всю эту территорию, ибо исключалась Польша, Финляндия, Прибалтика, с другой, не только эту территорию, ибо включалась Тува и Внешняя Монголия. Но самое главное, они исходили из того, что особое целостное историческое полиэтническое образования сложилось на этой территории задолго до того, как большая ее часть оказалась под властью России. Не Россия создала Евразию, она лишь завладела ею.

«Под названием Евразии, —писал Г.В. Вернадский в работе «Начертание русской истории» (Прага, 1927; СПб., 2000), — здесь имеется в виду не совокупность Европы и Азии, — но именно Срединный Материк, как особый географический и исторический мир. Этот мир должен быть отделяем как от Европы, так и от Азии».[139] Так как Евразия сама по себе представляет особое целое, то отсюда вытекает необходимостью и неизбежность ее политического единства. Первыми всю ее объединили монголы. «...Чингисхану, — писал Н.С. Трубецкой, — удалось выполнить историческую задачу, поставленную самой природой Евразии, — задачу государственного объединения всей этой части света».[140]

В последующем эту задачу решила Россия. Российская империя была преемницей монгольской. «История русского народа, — писал Г.В. Вернадский, — с этой точки зрения есть история постепенного освоения Евразии русским народом. История России должна быть рассматриваема в свете истории Евразии, и только под этим углом зрения может быть должным образом понято все своеобразие русского исторического процесса. Но вместе с тем русская история до конца XIX в. далеко не совпадает с историей Евразии. Лишь с последней четверти XIX в. история России есть в сущности история Евразии».[141] «Государство, созданное русским народом в процессе

[137] Там же. С. 97.

[138] Там же. С. 98.

[139] Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Прага, 1927. С. 7.

[140] Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М.,1995. С. 215.

[141] Вернадский Г.В. Начертание русской истории... С. 12.

исторического развития, — продолжает тот же автор, — не есть только политический механизм; это государство есть огромный историко-культурный организм; это государство есть особый мир — особая часть света. В состав этого мира входит не только русский народ, но также народы иного этнического состава — турецко-монгольские, финские и иные племена... Стихийный исторический процесс сплотил и продолжает сплачивать все больше племена и народности Евразии в единое культурное целое... Российское государство есть государство Евразийское, и все отдельные народности Евразии должны чувствовать и сознавать, что это *их* государство».[142]

Таким образом, евразийство было не чем иным, как теоретически обоснованием единства и неделимости России, независимо от характера существующей в ней политической власти, будь она царской или советской. Другой его важнейшим момент — противопоставление России Западу и призыв к борьбе против влияния последнего. «Мы, — провозглашалось в своеобразном манифесте сторонников этого течения — «Евразийство (опыт систематического изложения)», — должны осознать себя евразийцами, чтобы осознать себя русскими. Сбросив татарское иго, мы должны сбросить и европейское иго».[143]

2.7.2. О. Шпенглер

Трудно сказать, был ли Освальд Шпенглер (1880—1936) знаком с книгой Н.Я. Данилевского. Но очень вероятно, что он читал сочинения Ж.А. де Гобино и Г. Рюккерта, и несомненно, что он знал работы Л. Гумпловича и Л. Фробениуса. И совершенно бесспорно, что по существу его труд «Закат стран Запада» (Т. 1., 1918; Т. 2. 1922; русские переводы: Закат Европы. Т. 1. М.-Пг., 1923; М.,1993; 1998; Новосибирск, 1993; Минск, 1998; Ростов-на-Дону, 1998; Т. 2. М., 1998) не содержит ничего принципиально нового по сравнению с работой Н. Я. Данилевского. То же самое выделение нескольких совершенно самостоятельных исторических образований, которые в отличие от русского мыслителя он именует не культурно-историческими типа, а культурами, или великими культурами. Таких великих культур он насчитывает восемь: западную, античную, индийскую, вавилонскую, китайскую, египетскую, арабскую и мексиканскую. Тот же самый циклизм. Та же самая критика подразделения истории на древний мир, средние века и новое время, то же самое обличение европоцентризма.

Только все это сочетается у О. Шпенглера с непомерно высокой оценкой своего труда. Автор считает, что он совершил в понимании истории открытие равное тому, которое было сделано Коперником в понимании мироздания. Как утверждает он, им была разрушена птолемеевская система истории, в которой все вращалось вокруг Западной Европы «как мнимого центра всего мирового свершения», и создана принципиально новая, в которой существует несколько отдельных исторических миров, «имеющих одинаковое значение в общей картине истории».[144]

Как и Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер меньше всего исходил из нужд исторического исследования. У первого побудительным мотивом было стремление обосновать самобытность развития России. О. Шпенглер же прежде всего стремился дать ответ на вопрос, что происходит с западноевропейским миром вообще, западноевропейской

[142] Там же. С. 230-231.

[143] Евразийство (опыт систематического изложения // Мир России-Евразии. Антология. М., 1995. С. 256-257.

[144] Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993. С. 146-147.

культурой прежде всего Этот вопрос в особенно острой форме встал перед интеллигенцией Западной Европы тогда, когда разразилась первая мировая война, когда великие достижения западноевропейской науки и техники были поставлены на службу небывалому в истории человечества массовому истреблению людей и плодов их рук.

И ответ, который дал О. Шпенглер, состоял в том, что каждая культура с неизбежностью обречена на гибель. Такая гибель постигла египетскую, античную и другие древние культуры. Теперь настал черед западной культуры, которая гибнет в результате всеобщей технизации мира, губящей все творческое и живое.

Как мы уже видели, положение о закате западного мира также не принадлежит к числу слишком оригинальных. Об этом задолго до О. Шпенглера писали русский мыслители 30—60-х годов XIX в. Имело оно хождение и в самой Западной Европе. Идея болезни западной искусства и западной литературу присутствует в труде Макса Нордау (наст. имя и фам. — Симон Зюдфельд) (1849—1923) «Вырождение» (1892—1893; послед русск. изд.: М., 1995). В 1897 г. Р. Киплинг в стихотворении «Отпустительная молитва» писал, имея в виду прежде всего Британскую империю:

Исчезнет наш могучий флот,
Огни замрут береговые
И наша слава упадет,
Как пали Тир и Ниневия.[145]

А ко второму десятилетию XX в сознание того, что Европа находится на пороге потрясений, грозящих ей гибелью, стало чуть ли не всеобщим в достаточно широких кругах европейской интеллигенции, включая русскую Выдающий русский поэт Валерий Яковлевич Брюсов (1973—1924) в одном из своих стихотворении 1919 г., обращаясь к интеллигентам России, писал.

Еще недавно, всего охотней
Вы к новым сказкам клонили лица:
Уэллс, Джек Лондон, Леру и сотни
Других плели вам небылицы.

И вы дрожали, и вы внимали,
С испугом радостным, как дети,
Когда пред вами вскрывались дали
Земле назначенных столетий.

Вам были любы — трагизм и гибель
Иль ужас нового потопа,
И вы гадали· в огне ль, на дыбе ль
Погибнет старая Европа?[146]

После начала Первой мировой войны в декабре 1914 г., т е. за четыре года до появления книги О. Шпенглера, в журнале «Северные записки» была опубликована работа русского философа и публициста Григория Адольфовича Ландау (1877—1941) «Сумерки Европы», в первых строках которой говорилось «Сумерки сгущаются над Западной Европой Из сверкания небывало яркого дня современной культуры, восторженной возносившейся, казалось, в безграничные просторы, она без перехода по-

[145] Киплинг Р (в пер Н Чуковского) Отходная // Честертон Г К Перелетный кабак Возвращение дон Кихота СПб , 1992 С 24

[146] Брюсов В Я Товарищам интеллигентам Инвектива // Собр соч в 7-ми т Т 3 М , 1974 С 53

грузилась во внезапно развернувшуюся жуть».[147] В последующем эта статья вошла в сборник работ Г.А. Ландау под тем же названием (Берлин, 1923). За работой Г.А. Ландау вскоре последовала статья Н.А. Бердяева «Конец Европы» (одно из послед. изд.: Бердяев Н.А. Судьба России. М.—Харьков, 1999).

Если говорить о концепции О. Шпенглера в целом, то ее автор, не добавив ничего принципиального нового, просто довел все мысли своих предшественников до крайнего предела, граничащего с абсурдом: абсолютная замкнутость и непроницаемость культур, никаких связей и взаимного влияния и т.п. В этом отношении он является самым последовательным приверженцем плюрально-циклического понимания истории. После О. Шпенглера дальше двигаться в этом направлении было просто невозможно.

2.7.3. А.Дж. Тойнби

И у следующего классика плюрально-циклического подхода — Арнольда Джозефа Тойнби (1889—1975), мы наблюдаем движение по существу уже в прямо противоположном направлении: от плюрально-циклического подхода к унитаристскому. Основной его философско-исторический труд «Исследование истории» (A Study of History), выходил в течение 28 лет: первый три тома увидели свет в 1934 г., тома 4—6 — в 1939 г., тома 7—10 — в 1954 г., том 11 (атласы) — в 1959 и последний 12 том появился в 1961 г.. На русском языке имеется сокращенное изложение первых семи томов в книге под названием «Постижение истории» (М., 1991; 1996; 2001) и томов 8—10 и 12 в сборнике работ А.Дж. Тойнби, озаглавленном «Цивидизация перед судом истории» (М., 2002).

Внешне в труде А.Дж. Тойнби все обстоит по-прежнему. Автор выделяет множества совершенно самостоятельных и равноценных (эквивалентных) социальных единиц, которые он называет цивилизациями, или обществами.

Перечень полностью развившихся (full-blown) обществ А.Дж. Тойнби начинает с западного, которое существует и сейчас. Кроме него, живыми являются еще четыре общества: православно-христианское, исламское, индуистское (hindu) и дальневосточное. Таким образом живых обществ всего пять. Однако в дальнейшем выясняется, что исламское общество состоит из двух совершенно самостоятельных обществ: иранского и арабского. В результате число живых цивилизаций возрастает до шести. Еще дальше, православное общество подразделяется на основное православное и православное в России, а дальневосточное — на основное дальневосточное (в Китае) и на дальневосточное в Японии и Корее. Таким образом оказывается, что сейчас продолжают существовать восемь цивилизаций (правда, сам А.Дж. Тойнби почему-то упорно повторяет, что их семь).

Кроме этих восьми живых обществ в прошлом существовало еще 13 полностью развившихся цивилизаций. К ним А.Дж. Тойнби относит эллинское, сирийское, китайское, минойское, шумерское, хеттское, вавилонское, индийское (indic), андское, мексиканское, юкатанское, майянское и египетское общества. Всего, таким образом, у него первоначально фигурирует 21 развившаяся цивилизация. В 7 томе он добавляет к этому списку еще две: шанскую (в Китае) и индскую (indus).[148] В результате число развившихся цивилизаций возрастает до 23.

[147] Ландау Г. Сумерки Европы // Северные записки. 1914. Декабрь. С. 28.
[148] Toynbee A. A Study of History Vol. 7. London, 1954. P. 772.

Кроме них существуют или существовали четыре приостановленные (arrested) цивилизации: эскимосы, кочевники, спартанцы, османы (иногда к ним причисляются полинезийцы и тогда их число доходит до пяти) и четыре недоразвитых (abortive) цивилизации (дальнезападная христианская, дальневосточная христианская, скандинавская и первая сирийская). В 5 томе появляется еще одно историческое образование, которое А.Дж. Тойнби именует «космосом средневековых городов-государств Запада» и никак не характеризует.[149] Такая картина предстает перед нами в первых десяти томах.

В 12 томе в нее были внесены существенные коррективы. Развившиеся цивилизации были разделены на две основные категории: независимые и сателлитные. К числу первых было отнесено 13 цивилизаций. Без каких-либо изменений вошли в этот список шесть цивилизаций: западная, индская, эллинская, сирийская, андская, египетская. Арабская была переименована в исламскую, минойская — в эгейскую, основная православная — в просто православную. Мексиканская, юкатанская и майянская цивилизации были слиты в среднеамериканскую, шумерская и вавилонская — в шумеро-аккадскую, индийская и индуистская — в индийскую, шанская, китайская и основная дальневосточная — в китайскую

Еще 15 цивилизаций были отнесены к числу сателлитных. Без каких-либо изменений в этот список вошли лишь хеттская и иранская. Православная цивилизация в России была переименована в русскую. Дальневосточная цивилизация в Японии и Корее была разделена на японскую и корейскую. И было добавлено 10 новых цивилизаций: миссисипийская, юго-западная (в Северной Америке), северо-андская, южноандская, эламская, урартская, вьетнамская, италийская, юго-восточно-азиатская, тибетская. В итоге — 28 развившихся цивилизаций.

Недоразвитая дальневосточная христианская цивилизация была переименована в несторианскую христианскую. Как недоразвитая цивилизация было охарактеризовано общество средневековых городов-государств Запада. Список недоразвитых цивилизаций был пополнен также монофизитской христианской цивилизацией, в результате чего число их дошло до шести. Категория приостановленных цивилизациях была отменена: кочевники были объявлены сателлитной цивилизацией (хотя в список таковых почему-то не были включены), о спартанцах и османах было сказано, что представляли собой не цельные цивилизации, а лишь фрагменты иных цивилизаций, эскимосы были охарактеризованы как находящиеся на стадии предцивилизованного общества.

В 1972 г. вышло в свет однотомное издание «Постижения истории», подготовленное автором в сотрудничестве с Джейн Каплан. Картина цивилизаций снова претерпела изменения. В списке на странице 72 в числе независимых цивилизаций была названа африканская. В таблице 54, приведенной на той же странице, фигурируют две африканских цивилизации: африканская цивилизация на Западе и африканская цивилизация на Востоке. Таким образом, независимых цивилизаций стало 14 или 15. В список сателлитных цивилизаций были дополнительно включены мероитская и кочевая. Тем самым число их возросло до 17, а всего развившихся цивилизаций стало 31 или 32. Состав недоразвитых цивилизаций остался прежним — 6.

В полном соответствии с основными канонами исторического плюрализма А.Дж. Тойнби считает, что все цивилизации не только существуют вполне самостоя-

[149] Toynbee A. A Study of History. Vol. 5. London, 1939. P. 612-642.

тельно, но и совершенно самостоятельно проходят одни и те же стадии: возникновения, роста, надлома и распада.

Однако к этому добавляется, что между цивилизациями существуют связи и взаимные влияния, причем не только в пространстве. Одни цивилизации могут выступать в роли «отцовских», другие быть «сыновними». Но тем самым А.Дж. Тойнби подрывает свой тезис об эквивалентности всех цивилизаций. Ведь «сыновние» цивилизации явно не могут считаться начавшими все с начала. Они неизбежно должны были усвоить что-то из достижений предшествовавших им «отцовских» цивилизаций. В противном случае понятия «отцовских» и «сыновних» цивилизаций лишается всякого смысла.

Все человеческие общества А.Дж. Тойнби делит на два основные вида. Первый составляют примитивные, или доцивилизационные, общества, второй — цивилизованные общества, или просто цивилизации. И между первыми и вторыми существует генетическая связь. Примитивные общества существовали уже в эпоху нижнего палеолита, отстоящую от нас на сотни тысяч лет. Именно они в результате «мутации» дали начало цивилизациям. «Согласно с современными представлениями, — пишет А.Дж. Тойнби, — Эра Цивилизации началась примерно 5 тысяч лет тому назад».[150]

Таким образом, в построениях А.Дж. Тойнби фигурируют по крайней мере две всемирно-исторические стадии развития: примитивное общество и цивилизованное. В первых десяти томах А.Дж. Тойнби более или менее последовательно отвергает идею поступательного развития человечества после возникновения цивилизации. А в последнем томе он допускает прогресс всего человечества, но ограничивает его лишь сферой религии.

2.7.4. Ф. Бэгби, К. Квигли, С. Хантингтон, Л.Н. Гумилев, П.А. Сорокин

Плюрально-циклический подход к истории имеет немало адептов. Можно назвать книгу Филипа Бэгби «Культура и история. Пролегомены к сравнительному исследованию цивилизаций» (1958). В ней выделены девять главных цивилизаций (египетская, вавилонская, китайская, индийская, классическая, состоящая из двух подцивилизаций — древнегреческой и римской, перуанская, среднеамериканская, западноевропейская и ближневосточная) и 29 периферийных или вторичных (хеттская, митаннийская, сиро-финикийская, эгейская, индская, бирманская, цейлонская, сиамская, кхмерская, камбоджийская, малайско-индонезийская, аннамитская, тибетская, непальская, корейская, японская, этрусская, иберийская, кельтская, греко-бактрийская, арабская, эфиопская, тевтонская, русская, индо-мусульманская, кушитская, эламская, тюрко-татарская, западно-африканская).

В целом у Ф. Бэгби наметилась та же самая тенденция, что наличествует у позднего А.Дж. Тойнби, — увеличение числа цивилизаций. Под цивилизацией все чаще стала пониматься не столько система социально-исторических организмов, объединенных общностью культуры, сколько отдельный социоисторический организм с присущей ему культурой. И в дроблении цивилизаций Ф. Бэгби явно переусердствовал. Он отдельно выделяет кхмерскую и камбоджийскую цивилизации, по-видимому, забыв о том, что Камбоджа — название страны, в которой живут кхмеры.

Еще один видный сторонник плюралистского подхода — Кэрролл Квигли, перу которого принадлежит работа «Эволюция цивилизаций. Введение в исторический

[150] Toynbee A. A Study of History London, 1977. P. 43.

анализ» (1961). В отличие от А.Дж. Тойнби он выделяет в развитии цивилизаций не четыре стадии, а целых семь: смешения, созревания, экспансии, конфликта, универсальной империи, разложения и вторжения.

Последнее слово западной науки в этой области — работы известного политолога Сэмюэла П. Хантингтона: вначале статья «Столкновение цивилизаций?» (1993; русск. перевод: Полис. 1994. № 1), а затем книга «Столкновение цивилизаций и перестройка мирового порядка» (1996; русск. перевод: Столкновение цивилизации. М. 2003). Автор выделяет в современном мире 7—8 крупных цивилизаций: западная, конфуцианская, японская, исламская, индуистская, православно-славянская, латиноамериканская и, возможно, африканская. Кроме них существуют мелкие цивилизации, например культура англоязычных жителей островов Карибского бассейна. Именно между крупными цивилизациями, а не между нациями-государствами, проходит сейчас линия разлома. И самые значительные конфликты будущего развернутся вдоль ее.

К числу приверженцев плюрально-циклического подхода к истории, бесспорно, должен быть отнесен Л.Н. Гумилев. Как уже указывалось, в своей работе «Этногенез и биосфера земли» (Л., 1989; 1990; 1994 и др.) он именует выделяемые им обособленные единицы исторического развития этносами и суперэтносами. Каждый этнос в процессе развития (этногенеза) проходит несколько фаз. Начало этому процессу дает пассионарный толчок.

В книге «Этногенез и биосфера земли» в качестве первой выступает фаза пассионарного подъема. Она продолжается примерно 300 лет. В книге «География этноса в исторический период» (Л., 1990) ей предпослан инкубационый период, длящийся около 150 лет. Ведя в «Этногенезе и биосфере Земли» речь о пассионаром подъеме, Л.Н. Гумилев одновременно говорит о пассионарном перегреве, нигде четко его не определяя (Л., 1990. С. 379—380). На других страницах этй же книги пассионарный перегрев относится уже к следующей за фазой пассионарного подъема акматической фазе, продолжающейся 300 лет (с. 407).

Продолжительность фазы надлома — от 150 до 200 лет. Длительность фаз инерции и обскурации крайне неопределенна. За обскурацией в «Этногенезе и биосфере Земли» следует мемориальная фаза (с. 445). Говорит Л.Н. Гумилев он также и о реликтовой фазе, предшествующей гомеостазу, причем невозможно понять, является ли она особой самостоятельной стадией этногенеза или это просто иное название мемориальной фазы (с. 448). И, наконец, наступает «переход в никуда» — гомеостаз. Это — последняя фаза (с. 448).

Несколько иная картина (точнее — несколько иных картин) рисуется в «Географии этноса в исторический период». В этом сочинении на одних страницах говорится о наступлении за фазой обскурации фаз регенерации и реликтовой (с. 46), на других — о тождестве фазы гомеостаза и мемориальной фазе (с. 222), а на третьих о следовании за фазой гомеостаза сначала мемориальной фаза, а затем фазы вырождения (с. 239). Длительность всего цикла в целом Л.Н. Гумилев в «Этногенезе и биосфере Земли», следуя за К.Н. Леонтьевым, определяет примерно в 1200 лет.

Л.Н. Гумилев с огромной симпатией относился к евразийству. Подхватив определенные идеи представителей этого направления, он довел их до абсурда. Как утверждал он, никакого татаро-монгольского ига в действительности не существовало. Был братский союз русского и монгольского народов, которые плечом к плечу дружно противостояли зловредному Западу и совместными усилиями отбили его натиск.

Сторонником циклической концепции развития культуры и общества был известный сначала русский, а затем американский социолог Питирим Александрович Сорокин (1889—1968), отстаивавший этот взгляд в большом числе работ, прежде всего в четырехтомной «Социальной и культурной динамике» (1937—1941; русск. перевод сокращенной однотомной версии работы, вышедшей в 1958 г.: М., 2000.). Некоторые из его трудов, посвященных этому сюжету, вошли в опубликованный на русском языке сборник «Человек. Цивилизация. Общество» (М., 1992). Более подробно взгляды П. Сорокина на развитие общества рассмотрены ниже (3.14.8).

2.7.5. Два разных циклизма

В концепциях Г. Рюккерта, Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А.Дж. Тойнби, Л.Н. Гумилева выделенные ими социальные единицы (культурно-исторические типы, культуры, цивилизации, этносы, суперэтносы) возникают, расцветают и с неизбежностью погибают. На этом основании их объединяют с построениями Ибн Халдуна и Дж. Вико и характеризуют все эти теории как концепции исторического циклизма, или исторического круговорота. Формальные основания для этого, безусловно, имеются. Однако между внешне сходными построениями тех и других существует принципиальное различие.

Дело не только в том, что и у Ибн Халдуна, и у Дж. Вико идея циклизма совмещается с идеей поступательного развития. Суть концепций Ибн Халдуна и Дж. Вико — поиски общего и закономерного в истории человечества. И тот, и другой стремились создать общую модель развития человеческого общества. Они, по существу, — сторонники унитарного понимания истории.

Суть же концепций Г. Рюккерта, Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Дж. Тойнби, Л.Н. Гумилева состоит в отрицании единства человечества и человеческой истории, в раздроблении человечества на совершенно уникальные, непохожие друг на друга и самостоятельно развивающиеся единицы, а тем самым и в разложении истории человечества на множество совершенно независимые друг от друга потоков.

2.7.6. Специалисты-историки о построениях О. Шпенглера, А.Дж. Тойнби и Л.Н. Гумилева

В отличие от широкой читающей публики профессиональные историки отнеслись к трудам О. Шпенглера и А. Тойнби не столько даже скептически, сколько иронически Им претил поражающий дилетантизм О. Шпенглера в области истории, его страсть к многословию, перерастающему в пустозвонство. Они не могли не заметить, что А. Тойнби подгоняет реально существующие общества и системы обществ под свои схемы, не останавливаясь перед прямым насилием над фактами.

Поэтому типичной для историка была реакция, подобная той, что мы находим в статье известного французского исследователя, одного из основателей знаменитой школы «Анналов» Люсьена Февра (1878—1956). Она была написана в 1936 г. и называется «От Шпенглера к Тойнби».

«Стоит ли вглядываться в эти бойко раскрашенные картинки, — пишет Л. Февр о книге О. Шпенглера, — с таким вниманием, с которым коллекционер вглядывается сквозь лупу в пробный оттиск гравюры? Какое отношение имеют к нам эти одноликие и всеобъемлющие культуры, включающие в себя без разбора всех живых людей дан-

ной эпохи независимо от их общественного положения — будь то Бергсон или Бэббит, приказчик за прилавком, ученый в лаборатории или крестьянин на ферме? Неужели все они наделены фаустовской душой в ее неистовом величии? А что означают эти красивые слова, эти цветистые метафоры: зарождение, расцвет, гибель культур? Это всего лишь заново перелицованное старье».[151]

А вот его мнение о первых трех томах труда А.Дж. Тойнби: «Сравнительная история глазами Тойнби... Что это такое, как не воскрешение в XX веке старого литературного жанра, бывшего в свое время популярным, давшим столько шедевров? От Лукреция до Фонтенеля жанр этот именовался «Диалогами мертвых». Подытожим в двух словах. То, что в «A Study of History» достойно похвалы, не представляет для нас ничего особенно нового. А то, что есть в нем нового, не представляет особенной ценности... Нам не преподнесли никакого нового ключа. Никакой отмычки, с помощью которой мы бы могли открыть двадцать одну дверь, ведущую в двадцать одну цивилизацию. Но мы никогда и не стремились завладеть такой чудодейственной отмычкой. Мы лишены гордыни, зато у нас есть вера. Пусть до поры до времени история остается Золушкой, сидящей с краю стола в обществе других гуманитарных дисциплин. Мы отлично знаем, почему ей досталось это место. Мы сознаем также, что и ее коснулся глубокий и всеобщий кризис научных идей и концепций, вызванный внезапным расцветом некоторых наук, в частности физики... И в этом нет ничего страшного, ничего такого, что могло бы заставить нас отречься от нашего кропотливого и нелегкого труда и броситься в объятия к шарлатанам, к наивным и в то же время лукавым чудотворцам, к сочинителям дешевых (но зато двадцатитомных) опусов по философии истории».[152]

С этими словами Л. Февра вполне гармонирует то, что было сказано о концепции Л.Н. Гумилева известным археологом и одновременно крупным специалистом по методологии науки вообще, археологии в частности, Львом Самуиловичем Клейном. «...Изложение, — писал он о работе Л.Н. Гумилева в целом, о его претензии на естественно-научный подход к истории, в частности, — яркое, увлекательное, но клочковатое и совершенно непоследовательное, даже местами противоречивое... Автор блещет эрудицией, книга изобилует фактами. Горы фактов, факты самые разнообразные, это изумляет и подавляет, но... не убеждает (или убеждает лишь легковерного). Потому что факты нагромождены именно горами, навалом, беспорядочно. Нет, это не методика естествознания. Л.Н. Гумилев не естествоиспытатель. Он мифотворец. Причем лукавый мифотворец — рядящийся в халат естествоиспытателя... Безоглядная смелость идей, громогласные проповеди, упование исключительно на примеры и эрудицию — ведь это оружие дилетантов. Странно видеть профессионального ученого, столь подверженного дилетантскому образу мышления».[153]

К сожалению, таковы не только философско-исторические, но и конкретные исторические работы Л.Н. Гумилева. Долгое время он занимался в основном кочевниками степей Евразии. И в этих его работах было множество натяжек, ни на чем не основанных положений. Но востоковеды, видя все это, щадили его. Л.Н. Гумилев был человеком, пострадавшим от власти, гонимым, и никому не хотелось присоединяться к гонителям. Однако полностью воздержаться от критики его построений они не могли. Китаисты, например, отмечая ошибочность его построений, связывали это с «ограниче-

[151] Февр Л. Бои за историю. М , 1991. С. 74-75.

[152] Там же. С. 95-96.

[153] Клейн Л. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л.Н. Гумилева // Нева. 1992. № 4. С. 229, 231.

скими дефектами источниковедческой базы его исследований». В частности, они указывали, что «основными использованными источниками» являются у Л.Н. Гумилева такие материалы, которые в действительности «представляются второстепенными в общей совокупности источников, имеющихся сегодня в распоряжении исследователя».[154]

В последующем, не бросая кочевников, Л.Н. Гумилев обратился к русской истории. Это он сделал в книге «Поиски вымышленного царства» (М., 1970). В ней было такое обилие прямых нелепостей, что специалисты по русской истории не выдержали. Академик Борис Александрович Рыбаков (1904—2001) убедительно показал, что 13 глава книги, посвященная русской истории и носящая название «Опыт преодоления самообмана», не просто содержит массу небрежностей и ошибок, а представляет собой прямую фальсификацию истории. «Тринадцатая глава книги Л.Н. Гумилева, — писал он в статье «О преодолении самообмана», — может принести только вред доверчивому читателю; это не «преодоление самообмана», а попытка обмануть всех тех, кто не имеет возможности углубиться в проверку фактического оснований «озарений» Л.Н. Гумилева».[155]

Своеобразно среагировал на книгу Л.Н. Гумилева польский медиевист Анджей Поппе. Он охарактеризовал ее как «красивую трепатню» (hubsche Plauderei), как «перфектологический» (от «перфект» — прошлое) роман, не имеющий никакого отношения к исторической науке. Поэтому его удивило, что Б.А. Рыбаков принял эту книгу «всерьез» и вступил с ее автором в научную полемику.[156]

Вслед за «Поисками вымышленного царства» появилась книга «Древняя Русь и Великая Степь» (М., 1989 и др.), в которой Л.Н. Гумилев снова наряду с кочевниками рассматривает Русь, а его следующее сочинение «От Руси к России: Очерки этнической истории» (М. 1992 и др.) почти полностью посвящено русской истории. Но к этому времени Л.Н. Гумилев из гонимого превратился в одного из самых почитаемых авторов, и специалисты перестали себя сдерживать.

Один из видных знатоков истории кочевых обществ — Анатолий Михайлович Хазанов дал совершенно недвусмысленную оценку «Древней Руси и Великой степи»: «Претенциозная монография Гумилева (1989) о кочевниках евразийских степей, опубликованная в России, примечательна лишь ничем не обузданной фантазией и плохо скрытым антисемитизмом».[157]

Развернутый разбор работ Л.Н. Гумилева предпринял крупнейший специалист по русской истории — Яков Соломонович Лурье (1926—1996) в своих статьях и монографии «История России в летописании и в восприятии нового времени» (Лурье Я.С. Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997). Характеризуя применяемые Л.Н. Гумилевым методы, Я.С. Лурье писал: «При изложении истории Киевской Руси автор в основном опирался на пробелы в летописной традиции, позволявшие ему строить произвольные конструкции; описывая историю последующих веков, он систематически умалчивает о том, что повествуется в летописях, сообщая читателям нечто такое, чего в письменных источниках найти не удается».[158]

[154] Крюков М.В , Малявин В.В., Сафронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979. С. 8.

[155] Рыбаков Б. А. О преодолении самообмана (по поводу книги Л.Н. Гумилева «Поиски вымышленного царства». М., 1970) // ВИ. 1971. № 3. С. 153-159.

[156] См.: Russia Mediaevalis. T. 1. Munchen, 1973. S. 220.

[157] Khazanov A. M. Nomads and the Outside World. Madison, Wisconsin. 1994. P. XXXIV.

[158] Лурье Я.С. Древняя Русь в сочинениях Л.Н. Гумилева // Звезда. 1994. № 10. С. 171.

Конечный вывод: «Критический разбор работ Гумилева в большинстве вышедших за последнее время статей (имеется ввиду и упомянутая выше статья Л.С. Клейна — Ю.С.) был посвящен именно их идеологии и теоретическим положениям. Но построение Гумилева не только теоретически уязвимо, но и фактически неверно. Поверка его на материале источников по истории Древней Руси обнаруживает, что перед нами не попытка обобщить реальный эмпирический материал, а плод предвзятых идей и авторской фантазии».[159]

2.7.7. Значение исторического плюрализма в развитии философско-исторической мысли

Как явствует из всего сказанного выше, собственные построения Г. Рюккерта, Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера и А.Дж. Тойнби научной ценности не представляли. И тем не менее сочинения этих мыслителей (но отнюдь не их многочисленных поклонников и эпигонов) сыграли в целом положительную роль. Ценной была критика, которой они подвергли линейно-стадиальное понимание исторического процесса.

До них большинство приверженцев унитарно-стадиального подхода, включая марксистов, в своих философско-исторических построениях исходили из общества вообще, которое они не отличали от человеческого общества в целом и которое выступало у них как единственный субъект истории. Они в своих теоретических построениях не принимали во внимание, что человечество как субъект истории подразделяется на множество исторических единиц, которые тоже являются субъектами истории, что мировой исторический процесс состоит из множества частных исторических процессов. Стремясь выявить смену стадий всемирного исторического процесса, они в теоретического плане не обращали внимание на то, что в истории человечества имеет место и смена единиц исторического развития.

Исторические плюралисты в противоположность линейным унитаристам обратили внимание на то, что человечество в действительности разбито на несколько во многом самостоятельных образований, что существует не один, а множество субъектов исторического процесса. Но если линейники-унитаристы абсолютизировали единство человечества и единство мирового исторического процесса, то плюралисты — множественность и в результате пришли к отрицанию и того, что человечества в целом представляет собой субъект истории, и того, что существует единый мировой исторической процесс.

Если линейники-унитаристы абсолютизировали непрерывность исторического процесс и в пространстве и во времени, то плюралисты — его прерывность, дробность и в пространстве и во времени. Если первые видели смену только стадий всемирной истории, то вторые — смену только единиц исторического развития.

Но абсолютировав раздробленность человечества как социального целого на относительно самостоятельные исторические единицы, плюралисты, сами того не осознавая, переключили внимание исследователей с общества вообще на человеческое общество в целом. Был практически поставлен ими, хотя и не решен вопрос о социоисторических организмах и их системах.

В какой-то степени их работы ориентировали на выявление связей между социоисторическими организмами. Все они в качестве независимых единиц исторического

[159] Там же. С. 177. См. также: Лурье Я.С. История России в летописании и восприятии нового времени // Я.С. Лурье Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997.

развития выделяли не столько социально-исторические организмы, сколько их системы. И хотя сами они не занимались исследованием связей между социоисторическими организмами, образующими ту или иную конкретную систему, но такой вопрос с неизбежностью возникал.

Настаивая на полной самостоятельности развития каждого из выделенных исторического образования, плюралисты, исключая пожалуй О. Шпенглера, в той степени или иной степени обращали внимание на воздействие их друга на друга. Это особенно наглядно можно видеть на примере Н.Я. Данилевского. «Вся история доказывает, что цивилизация не передается от одного культурно-исторического типа к другому, — писал он и тут же добавлял, — но из этого не следует, что они оставались без всякого воздействия друг на друга, но только это воздействие не есть передача, и способы, которыми распространяется цивилизация, надо себе точнее уяснить».[160] И далее он выделяет три таких способа: 1) «пересадка» путем путем колонизации, 2) «прививка» и 3) «удобрение».

В последующем пытался предпринять более или менее полное историческое картографирование человечества и нарисовать картину связей между выделенными им локальными цивилизациями А.Дж. Тойнби. В его историческом картографировании много субъективизма и даже прямого произвола, но все же оценить его усилия в этом направлении можно только положительно.

Труды исторических плюралистов не только привлекли внимание к связям между одновременно существующими отдельными обществами и их системами, «горизонтальным», но заставили по-новому взглянуть и на «вертикальные» связи в истории. Стало ясным, что их ни в коем случае нельзя свести к отношениям между стадиями развития внутри тех или иных отдельных обществ, что история дискретна не только в пространстве, но и во времени, что субъекты исторического процесса возникают и исчезают.

Стало ясным, что социоисторические организмы чаще всего не трансформировались из обществ одного типа в общаства другого, а просто прекращали существование. И поэтому естественно возникает вопрос о характере связей между обществами исчезнувшими и обществами, занявшими их место.

Тем самым перед историками встала проблема циклов в истории. Социоисторические организмы прошлого исчезали не просто в результате внешнего насилия. Они действительного проходили в своем развитии периоды расцвета и упадка, а нередко и гибли. И естественно возникал вопрос о том, насколько совместимо существование таких циклов с представлением о всемирной истории как поступательном, восходящем процессе.

К настоящему времени тот подход к истории, который принято называть цивилизационным, исчерпал все свои возможности и отошел в прошлое. Попытки его реанимировать, которые сейчас предпринимаются в нашей науке, ни к чему, кроме конфуза привести не могут. Об этом наглядно свидетельствуют статьи и выступления наших «цивилизационщиков». Их еще можно понять, когда они ограничиваются пересказом взглядов своих кумиров. Когда же они пытаются сказать что-то свое, то все их писания по существу представляют собой переливание из пустого в порожнее.

Вот пример подобного рода пустословия: «И в заключение, поскольку в науке нет еще общепризнанного определения категории «цивилизация», позволю себе сформулировать ее парадигмальный — в рамках исторической науки — смысл: *историко-антропологический* — цивилизация — это *историоризированная* природа обществен-

[160] Данилевский Н.Я Россия и Европа М., 1991 С. 98.

ного индивида, ее носителя, раскрывающаяся как *универсальный стиль* различных сторон его жизнедеятельности; *социо-культурный* — это совокупность универсально-стилевых, духовных, материальных и нравственных средств, которыми данное сообщество вооружает своего члена в его противостоянии внешнему миру; *социологический* — это диалектическое единство двух субстратов общества как динамически целостного объективно необходимого и субъективно-волевого, разрешающееся в процессе целенаправленной человеческой деятельности; и, наконец, *исторический* — это культурно-исторический тип организации общества, в котором его *фундаментальная конституитивная идея* — синтезирующая бытие в нем парадигма — выступает «*превращенно*» как его основание».[161]

Еще пример «цивилизационной» зауми. «Бытийные формы сознания создают единый предметный и понятийный континуум культурологических и цивилизационных исследований. Однако в отличие от культуры, которая практически целиком самоопределяется через указанную триаду, цивилизация, очевидно, представляет собой вырабатываемые в результате духовных прорывов в циклическом (природном) времени формы рефлекции и самопознания культурных (смысловых) континуумов, благодаря чему культура приобретает черты Личности».[162] И этот «словопомол» продолжается на тринадцати страницах.

А вот образчик компетентности наших приверженцев цивилизационного подхода: «Становление цивилизационных исследований на Западе шло в основном по двум направлениям. Первое связано прямо или косвенно с набором технико-экономических критериев, предложенных еще в конце XIX в. Г. Спенсером и Г. Чайльдом.... Другое направление сформировалось на основе подхода, впервые получившего выражение в работах Н. Данилевского и О. Шпенглера».[163]

Под названием «цивилизационных исследование» автор умудрился объединить два принципиально разных понимания истории — унитарно-стадиальное и плюрально-циклическое — только на основе того, что представители и того, и другого используют слово «цивилизация». Он, видимо, даже не подозревает, что слово «цивилизация» начало использоваться сторонниками унитарно-стадиального подхода еще в XVIII в. и что в XIX в. поборниками трехчленного (дикость, варварство, цивилизация) деления всемирной истории не было внесено ничего принципиально нового в понимании цивилизации как стадии развития человеческого общества в целом. В частности Г. Чайльд никак и ничего не мог предложить в конце XIX в. по той простой причине, что он тогда только что родился (1892). Не знает автор и о существовании Ж.А. де Гобино и Г. Рюккерта, стоявших у истоков плюрально-циклического похода к истории.

Другой наш «цивилизационщик» знаком с работой Г. Рюккерта, но и он не мог удержаться от ошибок. От него мы, например, узнаем, что крупнейший шаг в развитии цивилизационного подхода сделал «профессор из университета Бреслау, расположенного в глубине Польши, на самой границе Российской империи Г. Рюккерт (брат известного востоковеда Ф. Рюккерта)».[164] Бреслау (Вроцлав) отошел от Польши в

[161] Барг М.А. Цивилизационный подход к истории // Коммунист. 1991. № 3. С. 35.

[162] Следзевский И.В. Эвристические возможности и пределы цивилизационного подхода // Цивилизации. Вып. 4. М., 1997. С. 18.

[163] Ерасов Б.С. Культура, религия и цивилизация на Востоке (очерки общей теории). М.,1990. С. 81.

[164] Ионов И.Н. Понятие и теория локальных цивилизаций: проблема историографического приоритета // Цивилизации. Вып 4. М., 1997. С. 144-145.

1335 г. и вернулся в ее состав только после поражения Германии в 1945 г. И даже сейчас, когда границы Польши существенно сдвинулись по сравнению с 1918—1939 гг. на запад, этот город вряд ли можно назвать находящимся в глубине этой страны. Что же касается Фридриха Рюккерта (1788—1866), то он был не востоковедом, а известным немецким поэтом-романтиком, пропагандировавшим и переводившим восточную поэзию, и приходился Г. Рюккерту (1823—1875) не братом, а отцом.

2.8. ВОЗРОЖДЕНИЕ УНИТАРНО-СТАДИАЛЬНЫХ КОНЦЕПЦИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ НА ЗАПАДЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

2.8.1. Вводные замечания

Как мы уже видели, в конце XIX и в исторической, и в этнологической, и в социологической науках унитарно-стадиальные концепции или отступили на задний план, или были полностью вытеснены. На смену им пришел либо чистый эмпиризм, отказ от каких бы то ни было теоретических построений и вообще сколько-нибудь широких обобщений, что нашло свое выражение в трудах представителей уже знакомой нам баденской школы неокантианцев (В. Виндельбанд и Г. Риккерт), либо плюралистически-циклический подход к истории. И так обстояло дело на протяжении почти всей первой половины XX в. Но начиная с 40-х годов положение начало меняться. Унитарно-стадиальный подход к истории стал возрождаться и распространяться, захватывая все новые и новые области общественных наук.

Во многом все это было связано с началом и последующим развертыванием той революции в развитии производительных сил человеческого общества, которая получила название научно-технической (НТР). Этот переворот привлек внимание к развитию производства в целом. И тогда стало совершенно ясным, что эта революция не является первой. Ей предшествовало еще два крупнейших перелома в развитии производительных человеческого общества.

Первый из них — переход от собирательства и охоты к земледелию и скотоводству, от присваивающего хозяйства к производящему. Этот переход был впервые охарактеризован как революция в труде крупнейшего английского археолога Вира Гордона Чайльда (1892—1957) «Человек создает себя» (1936). Писал он об этом и в других своих работах: «У истоков европейской цивилизации» (5th edn., 1950; русск. перевод: М., 1952), «Древнейший Восток в свете новых раскопок» (4th edn., 1952; русск. перевод: М., 1956), «Прогресс и археология» (1945: русск. перевод: М., 1949) и др. Но идея этой, неолитический, как называл ее В.Г. Чайльд, революции получила широкое распространение лишь после второй мировой войны. В последующем за этим переворотом закрепилось название *аграрной, или агрикультурной, революции.* Термин «агрикультурная революция» использовал и В.Г. Чайльд, но для обозначения перехода не к земледелию вообще, а к плужному, полевому земледелию (лат. слово «ager» буквально означает «поле»).[165]

Вторым переворотом был переход от ручного производства к машинному, который именуют *промышленной (индустриальной) революцией.* Данный термин, по-ви-

[165] Childe V.G Man Makes Himself. London, 1937. P. 138.

димому, впервые был употреблен в работе французского экономиста Адольфа Бланки «История политической экономии от древности до наших дней» (1837).[166] Его постоянно использовали основоположники марксизма. Впервые в их работах он встречается в статье Ф. Энгельса «Положение Англии. Восемнадцатый век» (1844). В первом томе «Капитала» (1867) К. Марксом был дан глубокий анализ сущности промышленной революции. Наряду с ними этим понятием широко пользовались и другие обществоведы. Поэтому вряд ли можно согласиться с Ф. Броделем, когда он утверждает, что этот термин стал классическим лишь после публикации прочитанных в 1880—1881 гг. английским историком и экономистом Арнольдом Тойнби (1852—1883) «Лекций о промышленной революции» (1886).

Одним из первых, если не первым, к выводу о том, что после Второй мировой войны в мире начался новый грандиозный переворот в развитии производительных сил, пришел крупный английский физик и одновременно известный общественный деятель Джон Десмонд Бернал (1901—1971). В написанной им совместно с философом Морисом Корнфортом (1909—1980) и опубликованной в 1949 г. книге «Наука для мира и социализма» (русск. перевод его частей работы: Дж. Д. Бернал. Наука и общество. М., 1953) ученый называет этот переворот второй промышленной революцией. В следующем труде «Мир без войны» (1958; русск. перевод: М., 1960) Дж.Д. Бернал наряду с этим термином применяет словосочетания «новая революция», «научная и техническая революция», «научно-промышленная революция» и, наконец, «научно-техническая революция». Последний термин и стал общепринятым. Выявление названных трех переворотов неопровержимо свидетельствовало о том, что, по крайней мере, в сфере производства, имело и имеет место прогрессивное развитие.

Другим фактором, который способствовал возрождению в западной науке эволюционных идей, было выдвижение после второй мировой войны в число первочередных задач общественных наук проблемы будущего стран, составлявших так называемый «третий мир». Было совершенно ясно, что эти страны значительно отставали от развитых стран, социально-исторических организмов, составлявших «первый мир», что им нужно преодолеть это отставание, а для этого они должны развиваться. Возникла необходимость детальной разработки понятия развития, причем развития поступательного, восходящего, т.е. прогресса.

Вместе с возрождением унитарно-стадиальных концепций снова пробудился интерес к идее общественного прогресса. Появилось множество работ, посвященных истории этой идеи. Достаточно назвать только книги: Джон Бейли «Вера в прогресс» (1950); Моррис Гинсберг «Идея прогресса» (1953); А. Саломон «Тирания прогресса» (1955); Карл Беккер «Прогресс и власть» (1965); Чарльз ван Дорен «Идея прогресса» (1967); Сидни Поллард «Идея прогресса. История и общество»(1968); Роберт Нисбет «История идеи прогресса» (1980).

2.8.2. Возрождение эволюционизма в этнологии

Раньше всего идея поступательного развития возродилась в этнологии. Это произошло в 40—60-е годы XX в. Некоторые исследователи все это направление в целом

[166] См.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992. С. 553.

именуют неоэволюционизмом. Другие применяют последний термин для обозначения лишь некоторых течений внутри этого нового эволюционизма.

Огромную роль в деле возрождения эволюционистских идей сыграл уже упоминавшийся выше американский этнолог и культуролог Лесли Олвин Уайт (1900—1975). Важнейший его труд носит название «Эволюция культуры» (1959). В созданной им схеме исторического развития в качестве первой стадии выступает племенное (tribal) общество, базирующееся на собирательстве и охоте. Аграрная революция имела своим следствие превращение этого общества в цивилизованное (civil society). Средства производства перешли в частную собственность. Выделился правящий класс. Возникли города, а затем и империи. Первые великие культуры возникли на Ближнем Востоке. Затем наступил черед вначале Греции, а затем Рима. Античный мир рухнул под напором варваров. Но крушение империй еще не означало полной потери культуры. В недрах западноевропейского феодального общества зародились города, а вместе с ними гильдии, промышленность, купцы, банкиры. Была изобретена паровая машина и человечество вступило в век пара. Произошла топливная (fuel) революция. Возникли капитализм и демократия.

Другим видным представителем этого направления был американский этнолог Джулиан Хейнс Стьюард (1902—1972), выступивший с книгой «Теория культурных изменений. Методология многолинейной эволюции» (1955). Правда, он говорил о наличии в развитии не одной, а нескольких линий, что однако не помешало ему выделить такие последовательно сменившиеся формы общества, как примитивное, аграрное и индустриальное.

Элман Роджерс Сервис (1915—1996), среди трудов которого выделяются «Примитивная социальная организация. Эволюционная перспектива» (1962) и «Возникновение государства и цивилизации. Процесс культурной эволюции» (1975), в качестве основных стадий развития называет примитивные и цивилизованные общества. В свою очередь в первой из названных работ в эволюции примитивного общества он выделил этапы: 1) бродячих групп (bands), 2) племен (tribes) и 3) вождеств (chiefdoms). В более позднем труде он выделяет эгалитарные примитивные общества, затем вождества, которые он характеризует как промежуточную форму и, наконец, примитивные государства. В той же работе среди цивилизованных обществ он выделяет архаичные цивилизации, которые довольно подробно описывает, и современные (modern) цивилизованные общества, о которых он не говорит ничего.

Мортон Герберт Фрид в работой «Эволюция политического общества» (1967) говорит о таких стадия развития, как 1) простые эгалитарные общества, 2) ранжированные общества, 3) стратифицированные общества и 4) государства, которые он подразделяет на 4.1) первичные и 4.2) вторичные.

Новые эволюционисты в этнологии распространяли идею поступательного развития на все человеческое общество. Но практически почти все они занимались в основном обществом лишь первобытным и предклассовым. Цивилизованному обществу они уделяли мало внимания, а современного общества по сути дела почти совсем не касались. Этот недостаток концепций эволюции, созданных этнологами, попытались преодолеть специалисты в другой области — социологии.

2.8.3. Эволюционизм в социологии

Идея прогресса в 50—60 годы проникает и в западную социологию. Это явление получило название неоэволюционистского возрождения.[167]

Некоторые из социологов берут за основу уже знакомые нам трехчленную (охотничье-собирательская, скотоводческая, земледельческая стадии) и четырехчленную (те же три стадии плюс торгово-промышленная) схемы, внося в них определенные поправки, связанные с развитием знания в этой области.

Для этнологов, археологов, историков первобытности всегда существовала одна лишь трехчленная схема. И на определенном этапе она стала подвергаться серьезной критике. В 1896 г. вышел капитальный труд немецкого географа и зоолога Эдуарда Хана (1856—1928) «Домашние животные и их отношение к хозяйству человека», в котором был выдвинут ряд новых положений. Автор пришел к выводу, что первой стадией в развитии человеческого хозяйства была собирательская, за которой последовало охотничья. И хотя эта идея была подхвачена и получила довольно широкое распространение, она оказалась ошибочной. В свете новых данных науки совершенно ясно, что человек с самого начала был не только собирателем, но и охотником. Иначе обстоит дело с выводом Э. Хана о том, что на смену собирательству и охоте пришло не скотоводство (пастушество), а земледелие. Он получил полное подтверждение.

К настоящему времени наукой достаточно твердо установлено, что особой скотоводческой стадии в развитии хозяйственной деятельности человека не существовало. На смену охоте и рыболовству чаще всего приходило комплексное земледельческо-животноводческое хозяйство, а иногда и чисто земледельческое. Чистое скотоводческое хозяйство выделилось гораздо позднее из комплексного земледельческо-животноводческого.

Значительному уточнению подверглись взгляды на земледелие. Были окончательно выделены две основные стадии в его развитии. Как указывал в своей «Антропологии» (1881; русск. переводы: СПб., 1882; Пг., М., 1924 и др.) Э. Тайлор, раннее земледелие характеризуется использованием вначале копательной палки, а затем мотыги. Переход к следующей стадии связан с появлением плуга, который тянут животные (волы или лошади). Л.Г. Морган в «Древнем обществе» (1877) различал огородничество, или хортикультуру (от лат. hortos — огород, вообще огороженное место) и полевое земледелие,или полевую агрикультуру (field agriculture). Э. Хан говорил о мотыжном и плужном (пашенном) земледелии.

Наиболее последовательно идея классификации социоисторических организмов по формам хозяйства проведена в работе современного американского социолога Герхарда Ленски «Власть и привилегии. Теория социальной стратификации» (1966) и в его совместной с Джин Ленски книге «Человеческие общества: Введение в макросоциологию» (1970; 1974; 1978). Г. Ленски и Дж. Ленски особо подчеркивают, что они следовали сложившейся еще в XVIII в. традиции классифицировать общества по технологии жизнеобеспечения (subsistence technology).

Первая стадия в их схеме периодизации истории человечества — общества охотни-

[167] Smith A D The Concept of Social Change. A Critique of the Functionalist Theory of Social Change. London and Boston, 1973. P. 14.

ков и собирателей. Из них возникают, с одной стороны, простые хортикультурные (огороднические) общества, с другой специализированные рыболовецкие общества. Последние представляют собой боковую ветвь развития. Магистральная линия эволюции представлена простыми огороднических обществами, которые затем трансформируются в продвинутые хортикультурные общества. В обоих типах огороднических обществ земля обрабатывается при помощи копательных палок и мотыг, но в первых используются деревянные орудия, а во вторых — появляются орудия из металла.

Из простых огороднических обществ возникают не только продвинутые хортикультурные, но также и простые скотоводческие (пастушеские) общества, которые в последующем с началом использования в качестве транспортного средства лошадей и верблюдов превращаются в продвинутые пастушеские общества. Скотоводческие общества, как и рыболовецкие, — боковая линия развития.

На магистрали человеческой эволюции продвинутые хортикультурные общества дают начало простым аграрным обществам, а эти последние — продвинутым аграрным обществам. Во всех аграрных обществах используются плуги и тягловый скот, но в простых — орудия изготовляются из меди и бронзы, а в продвинутых — из железа. Параллельно с аграрными обществами могут существовать отделившиеся от них морские (maritime) общества, главное занятие в которых — заморская торговля. Но это — боковые линии развития. Между морскими обществами разных эпох не существовало преемственной связи. Они каждый раз возникали совершенно самостоятельно из аграрных обществ.

Из продвинутых аграрных обществ возникают индустриальные общества. Хотя начало современной технологической (т.е. промышленной) революции относится к XVIII в., но лишь в XIX в. самая передовая страна — Британия становится истинным индустриальным обществом. За ней последовали остальные страны. Кроме названных выше десяти типов общества могут существовать гибридные общества, которые основаны одновременно на двух или более базисных способах жизнеобеспечения.

В целом авторы выделяют в развитии человечества четыре главные эры: 1) охотничье-собирательскую (до 7000 г. до н.э.); 2) хортикультурную (от 7000 г. до 3000 г. до н.э.), 3) аграрную (от 3000 г. до н.э. до 1800 г. н.э.); 4) индустриальную (от 1800 г. до наших дней).

Довольно детальная периодизация истории человечества была разработана демографом и социологом Отисом Д. Дунканом в работе «Социальная организация и экосистема» (1964), на основе схемы, ранее предложенной этнографом Уолтером Голдшмидтом (р. 1913) в книге «Путь человека· Пролог к пониманию человеческого общества» (1959). В схеме О. Дункана семь типов обществ. Первый самый ранний — 1) бродячие группы (bands) охотников и собирателей. Их сменяет 2) бродячие охотничье-собирательские племенные (tribal) общества, за которыми следуют 3) оседлые охотничье-собирательские племенные общества. Из них возникают 4) хортикультурные деревенские и племенные общества. Следующая стадия — 5) агрикультурно-государственные общества, включающие в себя крестьянские деревни и городские общины. Параллельно с ними и возможно из них возникают 6) кочевые скотоводческие племенные общества, представляющие боковую линию развития. Агрикультурно-государственные общества дают начало индустриальным государственным обществам, в которых доминирует город.

Демограф и социолог Джудит Матрас, принимая в книге «Народонаселение и общества» (1973) эту схему, добавляет к ней новую и последнюю стадию — метрополь но-мегаполисные общества.

На исходе своей научной деятельности занялся разработкой идеи поступательного общественного развития крупный американский социолог Талькотт Парсонс (1902—1979). В работе «Общества: Эволюционные и сравнительные перспективы» (1966) он выделяет в развитии человеческого общества 1) примитивные общества, которые у него подразделены на 1.1) простые примитивные, представленные аборигенами Австралии, и 1.2) продвинутые примитивные, примером которых служат шиллуки Африки, 2) промежуточные общества, которые подразделяются на 2.1) архаичные общества (Древний Египет, Древняя Месопотамия) и 2.2) промежуточные империи (Китай, Индия, исламские империи, Римская империя). Несколько особняком у него стоят Древний Израиль и Древняя Греция.

Как пишет Т. Парсонс в следующей своей книге «Система современных обществ» (1971; русск. перевод: М., 1998), «современный тип возник в единственной эволюционной зоне — на Западе, который, по сути, представляет собой часть Европы, ставшую наследницей западной половины Римской империи к северу от Средиземного моря. Следовательно, общество западного христианского мира послужило отправной точкой, из которой «взяло начало» то, что мы называем «системой» современных обществ.[168]

Немецкий социолог и философ Юрген Хабермас в работе «К реконструкции исторического материализма» (1976) выделяет в развитии человечества четыре стадии: 1) неолитические общества, 2) ранние культуры, 3) развитые культуры и 4) современные общества.

Известный английский философ, социолог и этнолог Эрнест Геллнер (1925—1995) в книге «Нации и национализм» (русск. перевод: М., 1991), выделил в истории человечества три основные стадии: 1) доаграрную, когда люди жили охотой и собирательством, 2) аграрную, и 3) индустриальную. Характеризуя аграрные общества, он подчеркивает, что если не все из них, то большинство было облачено в государственную форму. Таким образом, говоря об аграрных обществах, он имеет в виду в основном лишь цивилизованные.[169]

2.8.4. Концепции индустриального общества

Если новые эволюционисты из числа этнологов, говоря о развитии человеческого общества в целом, практически более или менее детально рассматривали лишь первобытное и предклассовое общества и в какой-то степени раннее классовое, то совершенно противоположным был подход создателей концепций вначале индустриального, а затем постиндустриального общества. Они тоже говорил об истории человечества в целом, но в центре внимания создателей концепции индустриального общества было не столько прошлое, сколько настоящее, в центре же внимания творцов концепции постиндустриального — не столько даже настоящее, сколько будущее.

Первым концепцию индустриального общества выдвинул французский ученый Жан Фурастье (1907—1990) в книге «Великая надежда XX века» (1949). В истории человечества он выделил две основные стадии: период традиционного общества (от неолита до 1750—1800 гг.) и период индустриального общества (от 1750—1800 гг. до настоящего времени). Термин «традиционное общество» был заимствован им у немецкого социолога М. Вебера, термин «индустриальное общество» — у А. Сен-Симона.

[168] Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998. С. 11.

[169] Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 31.

Основное внимание Ж. Фурастье уделяет индустриальному обществу, которое, по его мнению, кардинально отличается от традиционного. Индустриальное общество, в отличие от традиционного, — динамично развивающееся, прогрессирующее общество. Источник его развития — технический прогресс. И этот прогресс меняет не только производство, но и все общество в целом. Он обеспечивает не только значительное общее повышение уровня жизни, но и выравнивание доходов всех слоев общества. В результате в индустриальном обществе исчезают неимущие классы. Технический прогресс сам по себе решает все социальные проблемы, что делает не нужным социальную революцию. Указанная работа Ж. Фурастье дышит оптимизмом.

Но хотя эта и ряд последующих работ Ж. Фурастье нашли читателей, но в целом идея индустриального общества долгое время не получала широкого распространения. Она стала пользоваться известностью лишь после появления работ другого французского мыслителя — Раймона Арона (1905—1983), которому, по крайней мере в нашей литературе, нередко приписывается ее авторство. Свою концепцию индустриального общества он развивал в лекциях, которые читал в Сорбонне в 1955—1956 гг., а затем в книге «Восемнадцать лекций об индустриальном обществе» (1962) и ряде последующих трудов.

Р. Арон, как и Ж. Фурастье, выделял два основных стадиальных типа человеческого общества: традиционное (аграрное) и индустриальное (рациональное). Для первого из них характерно доминирование земледелия и животноводства, натуральное хозяйства, существование сословий, авторитарный способ правления, для второго — господство промышленного производства, рынок, равенство граждан перед законом и демократия. Переход от традиционного общества к индустриальному был огромным прогрессом во всех отношениях. Как и Ж. Фурастье, Р. Арон придавал огромное значение развитию техники, которое, по его мнению, должно обеспечить решение всех социальных проблем. Весь настрой работ Р. Арона данного периода был крайне оптимистическим.

Следующий шаг был связан с осознанием того, что индустриальное общество в его капиталистическом варианте даже на самой поздней стадии его развития раздираемо противоречиями, которое оно не способно разрешить. Оптимизма у создателей концепций индустриального общества поубавилось. Более того, некоторые из них впали в пессимизм и вообще усомнились в возможности социального прогресса, что нашло свое яркое выражение в названии новой книги Р. Арона «Разочарование в прогрессе: Диалектика современного общества» (1969).

2.8.5. Возникновение и упадок концепций постиндустриального общества

Размышляя на проблемами современности, Ж. Фурастье пришел к выводу, что промышленная экспансия нового времени со всеми ее социальными, демографическими и психологическими пертрубациями всего лишь кратковременный период в истории человечества, причем период переходный. За индустриальным обществом должно последовать общество качественно нового типа — постиндустриальное. Такое понимание настоящего и будущего человечества было изложено Ж. Фурастье в книге «Открытое письмо четырем миллиардам людей» (1970).

К этому времени такого рода идея созрела не только у него, но и у значительного числа исследователей. Еще в 1959 г. понятие постиндустриального общества было использовано американским социологом Даниелом Беллом в лекциях, затем в остав-

шейся неопубликованной работе «Постиндустриальное общество: Предположительный взгляд на Соединенные Штаты в 1885 и последующие годы» (1962) и, наконец, в «Введении» к книге Германа Кана и Энтони Вейнера «2000 год. Рамки для размышлений о следующих тридцати трех годах» (1967). Джордж Литгейм в книге «Новая Европа: Сегодня и завтра» (1963) говорил о «постбуржуазном обществе», Кеннет Боулдинг в работе «Значение двадцатого столетия: Великий переход» (1964) о «постцивилизационном обществе», Ральф Дарендорф в статье «Недавние изменения в классовой структуре современной Европы» (1964) об «обществе классовых услуг» («the service class society»), Г. Кан и Э. Вейнер в книге «2000 год» (1967) о «постиндустриальном обществе», «пост-масс-консьюмерном обществе» («the post-mass consumtion society») «обществе изобилия» («the affluent society») «отчужденно-изобильном обществе» («the alienated-affluent society»), «постэкономическом обществе», Виктор Фукс в работе «Сервисная экономика» (1968) о «сервисной революции», Амитаи Этциони в труде «Активное общество» (1968) о наступлении постмодерной эпохи.

В 1969 вышла работа Алена Турена «Постиндустриальное общество». В том же году, что и названная выше работа Ж. Фурастье, т.е. в 1970, появились книги Олвина Тоффлера «Футурошок» (русск. перевод: СПб., 1997), Збигнева Бжезинского «Между двух веков. Роль Америки в технотронную эру» и Пола Халмоса «Общество личных услуг»(«The Personal Service Society»). В 1971 г. вышла книги Мюррея Букчина «Анархизм после исчезновения дефицита (scarcity)», в которой отстаивалась идея «пост-дифицитного общества»(«the post-scarcity society»), и Питера Фердинанда Драккера «Идея прерывности. Руководство для понимания нашего изменяющегося общества», где говорилось об «общество знания» («the knowledge society»).

Наконец, в 1973 г. увидела свет работа Даниела Белла «Грядущее постиндустриальное общество» (русск. перевод: М., 1999). Этому автору в нашей литературе чаще всего и отдается приоритет в создании концепции постиндустриализма. Затем концепция постиндустриального общества стала разрабатываться большим числом людей самых различных профессий от философов, социологов, экономистов до журналистов. Из множества работ можно упомянуть книги Теодора Роззака «Где кончается страна пустых трат. Политика и возвышение в постиндустриальном обществе» (1972; 1973), Ивана Иллича «Орудия для праздности» («Tools for Convivality») (1973), в которой пропагандируется идея «праздничного (пиршественного) общества» («the convival society»), Йонеджи Масуды «Информационное общество как постиндустриальное общество» (1983).

И почти всех поборников концепции постиндустриального общества подтолкнуло к созданию того или иного ее варианта осознание кризиса того общества, которое все они именуют индустриальным. «Индустриальное общество, — пишет, например, А. Турен, — находится в состоянии кризиса... Вызов брошен всей системе ценностей... Кризис поражает не только институты, но также наши мотивации и наше социальное поведение. Это действительно кризис цивилизации в целом, а не дисфункция лишь какой-либо определенной области социальной организации. Какова природа этого кризиса? Мы движемся прочь за рамки индустриального общества, но куда?.. Переживаем ли мы период упадка или же являемся свидетелями конца роста, длившегося несколько веков?.: Либо мы, возможно, движемся к обществу, отличающемся большей способностью к самоизменению, чем индустриальное общество, и которое условно может быть названо постиндустриальным обществом? Нет сомнения, что угроза упадка существует. Привыкшие быть в достатке, наши общества пресыщены и раздражительны, озабочены самосохранением и обладанием и, возможно, скатываются к бу-

дущему вырождению подобно Восточной Римской империи или более поздней Византии».[170]

Взгляды различных поборников концепции постиндустриального общества значительно отличаются друг от друга. Они даже именуют это общество по-разному: называют его не только постиндустриальным, но и супериндустриальным (сверхиндустриальным), технотронным, сервисным, информационным, программируемым и другими терминами, часть которых была уже приведена выше.

Но при всех различиях во всех вариантах постиндустриального общества существует общее. Большинство постиндустриалистов в основу классификации социально-исторических организмов кладут один и тот же признак. Все они принимают данное в работе известного английского экономиста Колина Кларка (1905—1989) «Условия экономического прогресса» (1940; 1947; 1957) подразделение экономики на три сектора: первичный (сельское хозяйство), вторичный (обрабатывающая промышленность) и третичный (сфера услуг). Исходя из этого они выделяют три сменяющих друг друга типа общества: 1) аграрное (традиционное, доиндустриальное), в котором господствует сельское хозяйство; 2) индустриальное, в котором ведущая роль переходит к обрабатывающей промышленности; 3) постиндустриальное (сверхиндустриальное, технотронное, сервисное и т.п.), в котором на первый план выходит сфера услуг, а среди услуг ведущее место занимает обработка информации, создание, распространение и применений знаний, прежде всего научных.

Некоторые постиндустриалисты подразделяют сферу услуг на две сектора: третичный и четвертичный. К третичному сектору они относят торговлю, финансовую деятельность и управление, четвертичный в свою очередь делится ими на две группы: одну, связанную с наукой и вообще исследовательской деятельностью, и другую, включающую образование, культурные услуги, здравоохранение, социальное обеспечение и отдых. Переход к постиндустриальному обществу эти люди связывают прежде всего с развитием четвертичного сектора.

Однако, принимая в принципе рассмотренные выше критерии, различные постиндустриалисты расходятся, когда от общих положений переходят к конкретному рассмотрению проблемы. Не все они (как в прошлом и сторонники индустриального общества) одинаково решают вопрос о том, когда именно произошел переход от традиционного общества к индустриального. Одни (вслед за А. Сен-Симоном) принимают в качестве грани конец средневековья и начало нового времени, когда промышленность стала играть ведущую роль в хозяйстве, другие ведут отсчет от начала промышленной революции.

Нет среди постиндустриалистов единстве и в вопросе о переходе от индустриального общества к постиндустриального. Одни считают, что этот переход еще впереди, другие говорят о начале такого перехода, по мнению третьих, превращение, если не всех, то многих индустриальных обществ в постиндустриальное уже произошло.

Почти все адепты постиндустриального обществе первоначально полагали, что переход к нему и связанное с этим развитие техники и технологии решит все тревожащие их проблемы. В значительной степени их оптимизм поубавился после появления в 1972 г. знаменитого первого доклада Римскому клубу[171], подготовленного под руко-

[170] Турен А. От обмена к коммуникации: рождение програмированного общества // Новая технократическая волна на Западе М., 1986. С. 410-411.

[171] Римский клуб — возникшая в 1968 г. неправительственная организация, поставившая своей главной целью исследование и поиски решения глобальных проблем, ставших в наше время перед человечеством.

водством Денниса Медоуза и носившего название «Пределы роста» (русск. перевод: Медоуз Д. и др. Пределы роста. М., 1988; 1991; сокращ. изложение в книге: Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы. М., 1997). В этом докладе доказывалось, что если современные тенденции роста численности населения, индустриализации, загрязнения природной среды, производства продовольствия и расхода невозобновимых ресурсов будут продолжаться, то в течение следующего столетия человечество прийдет к катастрофе, к мрачному полунищему существованию. Все это породило настроения, известные по названием алармизма (от англ. alarm — тревога).

Индустриалистов в первую очередь интересовало современное им общество, постиндустриалисты были прежде всего футурологами. И тех и других история, особенно давняя, интересовала меньше всего. Им было совершенно безразлично, что земледелие и скотоводство существовали не всегда, что этим формам хозяйства предшествовало время, когда люди жили охотой и собирательством. Да и говоря об аграрном обществе, они имели в виду не все вообще общества с земледелием и скотоводством, а только классовые, цивилизованные. Первобытность из их построений полностью выпадала.

Объединение под общим названием аграрного или традиционного общества восточных, античных и феодальных социоисторических организмов и противопоставление их всех вместе взятых более позднему — индустриальному обществу, разумеется, имело под собой реальное основание. Но поступая так, индустриалисты и постиндустриалисты полностью игнорировали качественные различия между восточным, античным и феодальным обществами, что для историков было совершенно недопустимо, ибо лишало их возможности понять особенности развития этих обществ. Естественно поэтому, что концепция постиндустриального общества совершенно не привлекла внимания историков — она мало что им давала.

Были попытки доработать концепцию постиндустриального общества с тем, чтобы она более точно отражала ход исторического процесса. В качестве примера можно привести работу Йохана Галтунга «О будущей интернациональной системе» (1969). В ней выделяются четыре сменяющиеся друг друга формы общества: примитивное, традиционное, модерное и неомодерное. Наряду с классификацией обществ по господству одной из трех сфер экономики (сельскохозяйственной, промышленной и сервисной) в схеме Й. Галтунга присутствует и иная, тоже связанная с экономикой. Для примитивного общество характерна жизнеобеспечивающая экономика, для традиционного — бартерная, для модерного — денежная, а для неомодерного — кредитная.

Уже на самых ранних порах наряду с восторженным принятием идеи постиндустриального общества наметилось и критическое отношение к ней. Оно выразилось, например, в статье Роберта Хейлбронера «Экономические проблемы постиндустриального общества» (1973).

Постиндустриалисты, как ранее индустриалисты, вводя понятие индустриального общества, помимо всего прочего, стремились заменить им понятие капиталистического общества как явно скомпрометированное в глазах очень многих. Но в отличие от некоторых индустриалистов они практически признавали, что индустриальное общество по сути есть общество капиталистическое. Иное дело — общество постиндустриальное. Разные постиндустриалисты понимали его по-разному, но всегда как общество, качественно отличное от капиталистического.

Р. Хейлбронер подвергает критике взгляд, согласно которому западное общество вошло в новую систему социоэкономических отношений, качественно отличную от

прежней, и тем уже перешло на новую стадию исторического развития, что оно из капиталистического превратилось в посткапиталистическое. Как показывает он, и сейчас продолжается процесс концентрации капитала. Нарастает неравенство в распределении общественного продукта. 10% семей на верху общества получают 30% доходов, а на долю 30% семей на дне приходится всего 10%. 1—2% семей на верху владеют 1/3 всего общественного богатства. 2/3 всего корпоративного богатства находится под контролем 0,2% семей.

Не решена ни одна из проблем, которые присущи капитализму. Все основные структурные особенности и тенденции развития, присущие капитализму, продолжают существовать и действовать в постиндустриальном обществе. Специфически «капиталистические» отношение с третьим миром приобрели еще более тревожный характер, в результате чего проблема «капиталистического империализма» снова стала центральной. Заключая все сказанное им о постиндустриальном обществе, Р. Хейлбронер пишет, что «мы должны рассматривать его как стадию капитализма, а не как шаг за пределы капитализма».[172]

В 1978 г. появилась книга британского социолога Кришана Кумара «Пророчество и прогресс. Социология индустриального и постиндустриального общества», в которой идея постиндустриального общества в целом принималось, но с множеством оговорок. Автор считал, что нужна иная модель постиндустриального общества, чем та, которая была создана Д. Беллом и принята большинством постиндустриалистов, и высказывал свои соображения на этот счет.

В последующем все в большей степени стало нарастать разочарование в концепциях постиндустриального общества.

Во многих странах Западу число людей, занятых в сфере услуг, стало превышать число работников в области производства материальных благ, получили необычайное распространение информационные технологии, возросло значение производства и распространения знаний, прежде всего научных и т.п. Но вопреки всем прогнозам ни университеты не стали основными центрами общества, ни власть в обществе не перешла в руки ученых. Западное общество как было капиталистическим, так и осталось им. Власть как находилась, так и осталась в руках капиталистов.

Даже многие постиндустриалисты пришли к выводу, что в постиндустриальном обществе не только сохранятся многие противоречия, свойственные индустриальному обществу, но возникнут новые, может быть еще более сложные. «Мы должны понять, — писал А. Турен, — что «исчерпанность» индустриального общества в странах, где оно достигло своего наибольшего развития, может возвещать трудный, но неизбежный переход к обществу нового типа, более активному и мобильному, но также более волюнтаристскому и опасному, чем общество, которое мы оставили позади».[173]

В результате в западной науке начало утверждаться все более и более скептическое отношение к концепциям постиндустриального общества. Они стали рассматриваться не как научные построения, а как очередные утопии. Это, в частности, нашло выражение в названии работы Бориса Френкеля «Постиндустриальные утописты» (1987), в которой дан обстоятельный обзор и разбор постиндустрализма.

Уже известный нам К. Кумар в своей новой книге «Возникновение современного (modern) общества. Аспекты социального и политического развития Запада» (1988)

[172] Heilbroner R. Economic Problems of «Postindustrial» Society // Dimensions of Society. Ed. by D. Potter and Ph. Sarre. London, 1974. P. 234.

[173] Турен А. Указ. раб. С. 411-412.

со всей определенность пишет, что современное западное общество как было индустриальным, так и осталось им, а вовсе не превратилось и даже не начало превращаться в постиндустриальное. Это индустриальное общество является капиталистическим и никаким другим. Если это общество и сможет трансформироваться в качественно иное, то это дело далекого будущего. В целом идею постиндустриального общества К. Кумар расценивает как утопическую в самой своей основе, столь же утопическую, какими были в свое время построения А. Сен-Симона и Ш. Фурье.

Вместе с отказом от идеи постиндустриального общества мы наблюдаем у К. Кумара довольно противоречивое совмещение унитарно-стадиального подхода к мировой истории с плюрально-циклическим. Если на одних страницах своего труда он рассматривает зародившееся на северо-западе Европы индустриальное общество как стадию, пришедшую на смену этапу традиционного общества, то на других — западное индустриальное общество выступает как одна из 26 цивилизаций. Но в отличии от других цивилизаций западное индустриальное, капиталистическое общество стало образцом для развития всех других общества. Все цивилизации обречены на упадок и гибель. Та же участь ожидает и западное общество, но когда это произойдет, неизвестно.

Когда-то в СССР концепции индустриального и постиндустриального общества подвергали критике, причем чаще всего не очень умной. Теперь в России концепции постиндустриального общества многими расцениваются как самое последнее слово науки и раболепно принимаются. Большинство наших восторженных их поклонников даже не пытается в них разобраться, тем более поставить под сомнение. Это особенно наглядно можно видеть на примере многочисленных статьей и книг экономиста и политического деятеля Гавриила Харитоновича Попова, свидетельствующих о том, что он не только не разобрался в концепциях постиндустриального общества, но не имеет никакого сколько-нибудь реального представления о современном западном обществе. Он, например, утверждает, что постиндустриальное общество возникло на Западе в 30-х годах XX в. и что он капиталистическим не является.[174]

Не намного лучше обстоит дело и тогда, когда предпринимаются попытки развить эти концепции, о чем наглядно свидетельствуют работы Владислава Леонидовича Иноземцева, прежде всего его книга «За пределами экономического общества» (М., 1998), в которой автор попытался создать свой собственный вариант концепции постиндустриального общества. Это общество, следуя за Г. Каном и Э. Вейнером, он именует постэкономическим.

Во вступительной статье В.Л. Иноземцева к составленной им в целом весьма полезной антологии «Новая постиндустриальная волна на Западе» (М., 1999) делается попытка доказать, что концепция постиндустриального общества не только к настоящему времени не пришла в упадок, а наоборот, развивается и представляет собой и сейчас самую влиятельную социальную метатеорию. В действительности большинство работ, включенных в антологию, вообще не имеют или имеют весьма отдаленное отношения к концепции постиндустриализма в точном смысле слова. Это вынужден признать и составитель. «Заглавие этой антологии — «Новая постиндустриальная волне на Западе» — не может не вызвать если не возражений, то по крайней мере некоторого недоумения. В книге, как сможет убедиться читатель, представлены отрыв-

[174] Попов Г. Острова в Греции не имею // МК. 30.04.1994; Он же. «Россия не потеряна. Ее заблудили» // Там же. 11.03.1995; Он же. Месяц Скорпиона, год Красной Змеи // Известия. 06.11.1997.; Он же. Новый строй. Над чем думать и что делать // НГ. 30.06.1998, Он же. Будет ли у России второе тысячелетие. М.,1998; Он же. Политическая суть первого съезда // НГ. 04.06.1999. и др.

ки из работ современных американских, английских и французских социологов, каждого из которых в отдельности обычно не относят к числу приверженцев постиндустриальной теории в том ее каноническом виде, в каком она сформулирована в трудах Д. Белла и его сторонников».[175]

А 1998 г. В.Л. Иноземцев проинтервьюировал нескольких крупнейших американских социологов и экономистов (Питера Фердинанда Драккера, Лестера Карла Туроу, Джона Кеннета Гэлбрейта, Маршалла Голдмана, Фрэнсиса Фукуяму) с целью выяснить их отношение к понятию и концепциям постиндустриального общества.Все опрошенные по существу отнеслись и к этому понятию, и к этим концепциям отрицательно. Все они считают, что живут в индустриальном обществе, хотя и изменившемся за последние десятилетия.[176]

М. Голдман, например, совершенно определенно заявил: «Я полагаю, что употребление термина «пост-» стало неким анахронизмом... Я не думаю, что мы действительно находимся в постиндустриальной эре. Причиной является то, что промышленное производство не только остается весьма значимым, но в определенной степени становится даже более важным, чем когда бы то ни было ранее, хотя технологические основы его и меняются. Не нужно забывать, что даже производство программного обеспечения, хотя оно и отличается весьма существенно от сборки оборудования или автомобилей, остается одной из отраслей промышленности».[177]

2.8.6. Еще одна современная стадиальная типология социоисторических организмов: премодерное, модерное и постмодерное общество

Многие социологи давно уже пользовались понятием современного (modern) общества, подразумевая под ним в большинстве случаев капиталистическое общество. Это понятие сейчас все чаще стало использоваться и в нашей литературе, причем для его обозначения теперь употребляется не только словосочетание «современное общество», которое никогда не было научным термином, но и словосочетания «модерное (варианты — модерновое, модернистское) общество». Под влиянием индустриалистской и постиндустриалистской концепций все общества, предшествующие индустриальному стали называться по аналогии со словом «доиндустриальные» премодерными (домодерными), а под влиянием постиндустриалистской концепции возникло словосочетание «постмодерные общества». В результате появилась своеобразная стадиальная типология социоисторических организмов: премодерные, модерные и постмодерные общества.

2.8.7. Концепции модернизации

Капиталистические общества давно уже было принято называть европейскими (хотя при этом имелась в виду обычно Западная Европа и США), западными, а с некоторых пор было ясно, что в современную эпоху существует множество обществ, которые относятся к другому типу. Их обычно называли восточными, традиционными, аграрными.

[175] Иноземцев В.Л. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. С. 3.

[176] См : Переосмысливая грядущее. Крупнейшие американские экономисты и социологи о перспективах и противоречиях современного развития // МЭМО. 1998. № 11.

[177] Там же. С. 8.

Столь же ясным было, что в традиционных (премодерных) обществах идет процесс индустриализации, возникновение «национальных» рынков, усвоения западной культуры и т.п., т.е. происходит их движение по пути, ведущему к превращению в подобные западному. Этот процесс обычно называли европеизацией, или вестернизацией. Он был замечен сравнительно давно, но он не столько изучался, сколько описывался. Примером может послужить работа Джеймса Харви Робинсона «Испытание для цивилизации: Очерк развития и всемирной диффузии наших сегодняшних институтов и идей» (1926).

По-настоящему названный процесс развернулся лишь после Второй мировой войны, что прежде всего было связано с крушением колониализм и возникновением в Азии, Африке и Океании множества молодых независимых государств, находившихся на значительно более низких стадиях общественного и культурного развития, чем страны Западной Европы и Северной Америки. В этих условиях необычайно остро встал вопрос о путях их дальнейшего развития, что предполагало детальное изучение социально-экономической и политической структуры этих стран. Это, кстати, послужило причиной бурного развития в 60—70-е годы научной дисциплины, исследующей, во-первых, социально-экономические отношения доклассовых обществ, во-вторых, экономику традиционного крестьянства, которая на Западе получила название экономической антропологии, а у нас — экономической этнологии.

Протекавший в странах «третьего мира» процесс развития привлек к себе всеобщее внимание и стал детально разрабатываться учеными самых разных специальностей (экономистами, социологами, политологами и т.п.). Именно тогда за ним закрепилось название модернизации.[178] Возникло множество концепций этого процесса. В разных концепциях модернизация понималась далеко не одинаково.

Некоторые ученые под модернизацией понимали подтягивание неразвитых стран до уровня развитых, которое происходило в результате распространения (диффузии) достижений передовых стран Запада среди отсталых обществ и усвоения их последними (аккультурации). Для них понятие модернизации было равнозначно понятиям европеизации, вестернизации. Так, например, трактовал модернизацию Даниел Лернер в книге «Уход традиционного общества: Модернизация Среднего Востока» (1958).

Но наряду с такого рода взглядом появилось значительно более широкое понимание модернизации. Сторонники его считали, что модернизация первоначально имела место в Западной Европе, а остальные страны, включая прежде всего государства «третьего» мира, в которых она уже развернулась или еще только разворачивается, просто напросто с большим или меньшим запозданием повторяют путь, уже пройденный западными странами.

Возникло несколько вариантов широкого понимания модернизации. В основе их различия лежало выделение в качестве главного разных составляющих этого процесса. Все исследователи обращали внимание на комплексный характер процесса модернизации. «Мы, — писал американский социолог Нейл Смелзер, — употребляем термин «модернизация» для характеристики сложной совокупности перемен, происходящих почти в каждой части общества в процессе его индустриализации. Модернизация включает постоянные перемены в экономике, политике, образовании, в сфере традиций и религиозной жизни общества. Некоторые из этих областей меняются раньше других, но все они в той или иной степени подвержены изменениям».[179]

[178] См.: Tipps D.C. Modernization Theory and Comparatie Study of Societies: A Critical Perspective // CSSH. 1973. Vol. 15. № 2.

[179] Смелзер Н. 1994. С. 620.

Как явствует из данного высказывания, ведущим среди всех названных процессов Н. Смелзер считал индустриализацию. Такого мнения придерживались многие исследователи. Поэтому важнейшей задачей науки они считали создания концепции индустриализации, а тем самым и теории экономического прогресса.

Самая известная такая концепция была создана американским экономистом Уолтом Уитменом Ростоу (р. 1916). Она была изложена в его нашумевшей в свое время книге «Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест» (1960; русск. перевод: Нью-Йорк, 1961). В ней было выделено пять стадий экономического роста и вместе с тем развития общества.

В качестве первой стадии выступало традиционное общество: общество с ограниченными производственными возможностями, с преимущественно сельскохозяйственным производством, т.е. аграрное, иерархической социальной структурой, властью в руках земельных собственников, доньтонианским уровнем науки и техники. Вторая стадия — период создания предпосылок для подъема, или переходное состояние, третья — стадия подъема (взлета), четвертая — стадия быстрого созревания, пятая — век высокого уровня массового потребления.

Согласно взглядам У. Ростоу, в принципе все конкретные, отдельные общества должны в конечном счете пройти все эти стадии. В этом и заключается процесс модернизации. Впервые этот процесс начался в Великобритании. Она вступила в стадию подъема в 1783 г., а в стадию зрелости в 1802 г. За ней последовали Франция — 1830—1860 гг., Бельгия — 1833—1860 гг., США — 1843—1860 гг., Германия — 1850—1873 гг., Швеция — 1868—1890 гг, Япония — 1878—1900 гг., Россия — 1890—1914 гг., Канада — 1896—1914 гг. В Аргентине стадия подьема началась в 1935 г., в Турции — в 1937 г., в Индии и Китае — в 1952 г.

Сейчас США, пройдя через стадию зрелости, вступили в стадию массового потребления. Приблизились к пятой стадии и частично вошли в нее страны Западной Европы и Япония. СССР, Аргентина и Мексика находятся на стадии зрелого общества, страны Восточной Европы (прежде всего Югославия и Польша), Индия, Китай, Бразилия и Венесуэла — на стадии подьема. Большинство стран Среднего Востока, Юго-Восточной Азии, Африки и Латинской Америки сейчас переживают переходную стадию. В течение ближайших 60 лет большинство стран мира достигнет стадии зрелости. Китай и Индия вступят в нее в 2000—2010 гг.

Нетрудно заметить, что размещая страны по стадиям, У. Ростоу не принимает во внимания существующие в них системы социально-экономических отношений. Например, СССР и Аргентина в равной степени относятся к четвертой стадии. Игнорирует он и ставшее к тому времени привычным подразделение стран на «первый мир» и «третий мир». Одни страны «третьего мира» он относит ко второй стадии, другие к третьей, а некоторые — даже к четвертой. Он обращает внимание на другое деление социоисторических организмов: 1) страны, в которых отправным пунктом модернизации было традиционное общество, и 2) страны, в которых такого общества не было — европейские переселенческие колонии (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия).

По Ростоу, движения вперед от первой стадии к последующим обычно происходили не вследствие внутреннего развития общества. Главным было внешнее давление со стороны более развитых обществ. Внешнее вторжение — в буквальном или переносном смысле — давало толчек к разложению традиционного общества или ускоряло уже начавшийся ранее процесс. Наиболее важной и могущественной силой модернизации

был «реактивный национализм», который возникал как протест против вмешательства в дела данной страны более развитой нации. Так было в Германии и России.

Так обстояло дело и в колониях европейских государств. Метрополия с целью укрепления своего господства предпринимала меры, которые с неизбежностью вели к модернизации. В таком полумодернизированном обществе возникали различного рода группы и организации, ставившие своей целью освобождение от чужеземного власти. Добившись независимости страна вступала на путь модернизации.

Но если модернизация была результатом «увлекающего примера» более развитых обществ, то чем же тогда был вызван этот процесс в Великобритании, которая первая пошла по этому пути. В одном месте работы У. Ростоу объясняет это необычайно редким стечением множества совершенно независимых друг от друга обстоятельств — статистической случайностью в истории, которая, раз случившись, уже не могла быть обращена вспять.[180] При этом он забывает, что сам же писал о вступлении всей Западной Европы в это время в переходный период.

В другом месте У. Ростоу относит Англию к числу стран, в которых модернизация была национальной реакцией на вторжение или угрозу вторжения более развитых держав. Англии угрожала могущественная Испания, выступавшая в союзе с Римской церковью, затем она оказалась в квазиколониальной зависимости от Голландии, и, наконец, в XVIII в. вступила в борьбу с более могущественной в то время Францией.[181]

Таким образом, У. Ростоу понимал модернизацию не как только и просто процесс подтягивания отсталых стран к уровню, достигнутыми передовыми, а как процесс индустриализации и связанных с нею экономических, политических и социальных измнений вообще. Страны Запада вступили на путь модернизации давно и поэтому значительно продвинулись по нему. Теперь по этому пути предстоит пройти все остальным странам, отставшим от первых.

Концепция У. Ростоу — ярчайший пример линейно-стадиального понимания исторического развития. И недаром при классификации концепций модернизации ее нередко объединяли в одну группу с марксистским ортодоксальным пониманием истории. Действительно между концепций У. Ростоу и ортодоксальным марксистским взглядом на будущее отсталых стран было много общего. Официальная марксистская доктрина состояла в том, что отсталые страны застряли на стадии одной из докапиталистических общественно-экономических формаций, в большинстве случаев, —феодальной. И теперь каждой из них предстоит подняться на более высокую стадию исторического развития. Правда, при этом, в отличие от У. Ростоу, марксистские ортодоксы допускали, что эти отставшие страны могут подняться до самой высокой стадии, достигнутой к настоящему времени человечеством, минуя все промежуточные.

Чуть раньше У. Ростоу и одновременно с ним, примерно, такое же понимание модернизации развивалось в целом ряде работ, в частности в книге Уильберта Мура «Экономика и общество» (1955) и коллективной монографии Кларка Керра, Джона Данлопа, Фридерика Харбисона и Чарльза Майерса «Индустриализм и индустриальный человек» (1960).

Широкое понимание модернизации вскоре стало господствующим. Но в целом ряде более поздних работ, в частности, в книгах Шмуэля Ноаха Эйзенстадта (Эйзештадта) «Модернизация: Протест и изменение» (1966) и Сирила Блэка «Динамика

[180] Ростоу В.В. Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест. Нью-Йорк, 1961. С. 52.

[181] Там же. С. 56.

модернизации: Сравнительное исследование истории» (1966), центр тяжести был перенесен с индустриализации на становление капиталистических социально-экономических отношений. В результате модернизация стала по существу трактоваться как процесс генезиса капитализма.

Так как капитализм возник в Западной Европе, то мнению Ш. Эйзенстадта, именно там нужно искать истоки модернизация. Она началась там в XVI—XVII вв., в Англии, например, при Тюдорах, в Голландии при Вильгельме Молчаливом. В отличие от У. Ростоу, придававшего огромное значение внешнему толчку, Ш. Эйзенштадт считал, что в Западной Европе, в отличие от других регионов мира, «первый исторический процесс модернизации развивался главным образом через трансформацию и действие различных внутренних сил и лишь в крайне незначительной степени под влиянием внешних событий».[182]

Исходя из этого, Ш. Эйзенстадт давал свое определение модернизации. «Исторически модернизация, — писал он, — есть процесс изменений, ведущих к тем типам социальных, экономических и политических систем, которые сложились в Западной Европе и Северной Америке в период между XVII и XIX веками и распространились на все страны и континенты».[183] Ш. Эйзенстадт придавал модернизации огромное значение. «Модернизация и стремление к модерности (modernity) — подчеркивал он, — вероятно наиболее сверхнаправляющая и наиболее всепроникающая черта современной мировой сцены.»[184]

Таких же взглядов придерживался и С. Блэк, который характеризовал модернизацию как «величайшую революционную трансформацию человечества» равную по значению двум другим великим революционным переворотам: возникновению человека и переходу от примитивных обществ к цивилизованным».[185]

Если У. Ростоу рассматривал общества, которые было отправными пунктами модернизации (традиционные, или феодальные, общества) как сравнительно одинаковые, то Ш. Эйзенстадт выделял несколько разных форм таких обществ: феодальное или абсолютистское государство с развитыми городскими центрами в Западной Европе; авторитарное государство и менее урбанизированное общество в Восточной Европе; олигархически-завоевательные общества в Латинской Америке; централизованное феодальное общество в Японии; имперская система в Китае.[186]

В последующем идея разнообразия премодерных обществ получила довольно широкое признания. В какой-то степени с этим связано возникновение концепции конвергенции (К. Керр, С.П. Хантингтон, Д. Голдроп), суть которой состояла в том, что каковы бы ни были исходные формы премодерного общества процесс модернизации неизбежно ведет к единству. «Модернизация, — писал С. Хантингтон, — это процесс, ведущий к однородности. Если традиционные общества невероятно разнообразны и объединяет их только отсутствие современных черт, то модерные общества обладают одинаковым набором основных качеств. Модернизация порождает тенденцию к сходству обществ».[187] Но концепция конвергенции в основном использовалась

[182] Eisenstadt S. N. Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs, 1966. P. 55.

[183] Ibid. P. 1.

[184] Ibid.

[185] Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. New York etc., 1966. P. 1-2.

[186] Eisenstadt S. N. Op. cit. P.1-2.

[187] Huntington S.P. The Change to Change: Modernization, Development and Politics // Comparative Modernization. Ed. by C.E. Black. New York, 1976. P. 31.

не столько в отношении стран третьего мира, сколько для характеристики будущего развития стран первого (западного) и второго («социалистического») миров.

В 50—60 годы в господствующих теориях модернизация чаще всего определялась как процесс, которые в свое время имел место и в Западной Европе. Но так как он там давно завершился, то практически все их авторы, обращаясь к современности, имели в виду в основном страны «третьего мира», а нередко также и социоисторические организмы «второго мира», не исключая и СССР. В результате широкое понимания модернизации сосуществовало с узким. Чтобы различить эти два значения, процессы, протекающие странах, отставивших от Запада, нередко стали называть запаздывающей или догоняющей модернизацией. Этот термины получили в последние десять лет широкое распространие и в нашей литературе.

В одних концепциях модернизации, или движения от традиционного общества к модерному, трактовалась как процесс объективный. В других концепциях модернизация рассматривалась прежде всего в качестве особого рода политики, проводимой верхами премодерных обществ. Лидеры или элита неразвитых стран, обеспокоенные их отсталостью, выбрав в качестве образца ту или иную развитую страну (или несколько) вырабатывают планы движения в избранном направлении и прилагают усилия с тем, чтобы добиться реализации намеченной цели. Эти лидеры или элита — главная сила, обеспечивающая модернизацию. Пробразования начинаются «сверху». Желая заручиться поддержкой снизу, лидеры организуют пропагандистские компании, объясняя массам огромные выгоды модернизации.

Широкое понимание модернизации было теоретический основой самых радужных прогнозов развития стран «третьего» мира. Так как в отставших («развивающихся») странах идут абсолютно те же самые процессы, что происходили когда-то на Западе, то и результаты будет абсолютно такими же. Как считалось в 50—60-е годы, все страны «третьего» мира в ближайшем времени догонят по основным показателям страны Запада. Они станут индустриальными государствами с высоким уровнем развития производства, науки, образования, культуры. Все они покончат с нищетой и обеспечат своим гражданам достойный уровень жизни. В них воцарится демократия, будут соблюдаться все права человека.

Однако вскоре все эти прогнозы и порожденные ими надежды стали рушиться. Экономический рост в отсталых странах шел крайне низкими темпами, а со времением во многих из них стал все больше замедляться. И даже там, где этот рост был значительным, он не только не вел к уменьшению нищеты населения, а наборот, сопровождался ее возрастанием. Продолжал резко возрастать разрыв в уровне экономического развития между передовыми и отсталыми странами. Отсталость не только не сокращалась, но, наборот, увеличивалась.

Появилась масса работ, в которых в которых давалась картина ужасающего положения большинства стран «третьего мира». Одной из них был трехтомный труд шведского экономиста Гуннара Карла Мюрдаля (1898—1987) «Драма Азии» (1968; русск. сокращ. перевод: Современные проблемы «третьего мира». М., 1972) с подзаголовком «Исследование о бедности наций». Тем самым он противопоставил и свой труд, и реальное положение изучаемых им стран классическому труду А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства наций», написанному на материалах экономики Западной Европы, прежде всго Англии.

В результате линейно-стадиальные концепции модернизации с середины 60-х годов начали подвергаться самой резкой критике и в 70-е годы сошли со сцены. Начали

отказываться от них и былые их горячие приверженцы. В этом отношении примечательно название опубликованной в 1970 г. статьи уже известного нам Ш. Эйзенстадта — «Крах модернизации». А статья американского экономиста Иммануэля Валлерстайна (Уоллерстайна), занимавшегося проблемами Африки, называлась еще хлеще — «Модернизация: Requiescat in pace» (1976).[188]

Концепции, в которых упор делался на внутрисоциорные, межстадиальные, «вертикальные», не проливали света на ситуацию, сложившуюся в мире. Поэтому стал неизбежным перенос внимания на межсоциорные, синхронные, «горизонтальные» связи. Возникли и получили распространение концепции, которые, в которых эти связи стали специально разрабатываться. К числу их прежде всего относятся концепции зависимости (или зависимого развития) и т.н. мир-системный подход.

2.9. КОНЦЕПЦИИ ЗАВИСИМОСТИ, ИЛИ ЗАВИСИМОГО РАЗВИТИЯ

2.9.1. Предыстория — концепции империализма

Современный мир как единое целое, в котором группа развитых европейских держав господствует на всеми остальными социоисторическими организмами, впервые предстал в теориях империализма, созданных в начале XX в.

Первой была работа Джона Аткинсона Гобсона (1858—1940) «Империализм. Исследование» (1902; русск. перевод: Харьков, 1918; Л., 1927). В книге рисуется картина территориальной экспансии европейских держав, а также США, и установления их господства над всем остальным миром. Под маской осуществления цивилизаторской миссии идет ограбление колониальных и зависимых стран. Автор допускает, что в конечном результате возникнет объединение западных государств, которое целиком будет жить за счет народов остального мира. Таким образом, Дж. Гобсон предугадал появление того, что впоследствие получило названия ультраимпериализма и что стало реальностью в наши дни.

Вместе с такого рода союзом возникнет «чудовищная опасность паразитизма Запада». «Этот паразитизм, — пишет Дж. Гобсон, — породит группа промышленно-развитых народов, чьи высшие классы, собрав богатую дань с Азии и Африки, будут держать под своей властью огромные массы покорных им наймитов, не занятых уже в земледелии и промышленности, а исполняющих личные услуги и второстепенную работу в производственных предприятиях, подчиненных контролю новой финансовой аристократии».[189] Этот паразитарный империализм, который воспроизвел бы многие черты позднейшей Римской империи, будет всячески маскировать свою сущность. «Но природу, — пишет Дж. Гобсон, — не обманешь; законы ее действуют всюду, они обрекают паразита на атрофию, на вымирание и полнейшее исчезновение, — этих законов не избежать ни народам, ни отдельным организмам».[190]

Теория империализма была в последующем разработана Рудольфом Гильфердингом (1877—1941) в книге «Финансовый капитал» (1910; послед. русск. изд: М., 1959), Николаем Ивановичем Бухариным (1888—1938) в работе «Мировое хозяйство и империализм» (1915; послед. изд. в книге: Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989; значит. расшир. изд.: М., 1918; М.-Л., 1925 и др.) и Вла-

[188] Слова произносимые над гробом или в память умершего: Да почиет в мире.
[189] Гобсон Дж. Империализм. Л., 1927. С. 283.
[190] Там же. С. 286.

димиром Ильичем Лениным (1870—1924) в труде «Империализм, как высшая стадия капитализма» (1916; изд. в 1917; Полн. собр. соч. Т. 27).

«Как доказано в этой книжке, — писал В.И. Ленин, — капитализм выделил теперь *горстку* (менее одной десятой доли населения страны, при самом «щедром» и преувеличенном расчете менее одной пятой) особенно богатых и могущественных государств, которые грабят — простой «стрижкой купонов» — весь мир».[191] И еще: «...Империализм есть эксплуатация сотен миллионов зависимых наций малым числом богатейших наций».[192]

Об эксплуатации кучкой западных стран всего остального мира много говорила Роза Люксембург (1871—1919) в своих работах «Накопление капитала» (1913; послед. русск. изд.: М., 1934) и «Введение в политическую экономию» (1912—1913; 1925; послед. русск. изд.: М., 1960).

«Таким образом, — писала она, характеризуя последние века мировой истории, — одна часть света за другой, а в каждой части света одна страна за другой, одна раса за другой попадают под господство капитала, но тем самым новые бессчетные миллионы людей подвергаются пролетаризации, порабощению, всем мукам необеспеченного существования, — одним словом, обнищанию. Образование капиталистического мирового хозяйства влечет за собой увеличение нужды, невыносимо тяжелого труда и все более растущей необеспеченности существования на всем земном шаре, которым соответствует накопление капитала в руках немногих. Капиталистическое мировое хозяйство все более означает подчинение всего человечества игу тяжелого труда, многочисленных лишений и страданий, при полном физическом и духовном вырождении, исключительно для целей капиталистического накопления».[193]

Вообще, согласно взглядам Р. Люксембург, существование отсталых стран есть необходимое условия бытия капитализма как способа производства. С их исчезновением неминуемо исчезнет и капитализм.[194]

Большое внимание выявление влияния колониальных и зависимых стран на развитие капитализма в странах Запада уделял в своих работах «Империализм» (1926), «Империализм и его критики» (1926) и «Империализм и кризисы» (М., 1930) немецкий социал-демократ Фриц Штернберг (1895—1963).

2.9.2. Концепции центра-периферии и периферийного капитализма (Р. Пребиш)

Концепции зависимости, или зависимого развития, были созданы первоначально на материалах Латинской Америки и лишь затем были распространены на весь «третий мир». Основы их были заложены выдающимся латиноамериканским экономистом Раулем Пребишем (1901—1986). Р. Пребиш был не только профессором политэкономии, но и занимался практической работой. В 1925—1927 гг. он — заместитель директора Государственного департамента статистики Аргентины, в 1927—1930 гг. — директор Экономического института, в 1930—1933 гг. — помощник министра финансов, в в 1933—1935 гг. — экономический советник правительства, в 1935—1943 гг. —

[191] Ленин В.И. Империализм, как высшая сталия капитализма // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 307-308.

[192] Ленин В.И. Замечания по поводу статьи о максимализме // Полн. собр. соч. Т. 30. С. 386.

[193] Люксембург Р. Введение в политическую экономию. М., 1960. С. 320.

[194] См.: Люксембург Р. Накопление капитала. Т. 1-2. М.-Л., 1931. С. 383-384.

директор Центрального банка Аргентины. Именно в это время Р. Пребиш убедился в том, что неоклассические экономические концепции мало что дают, а чаще всего ничего не дают для понимания экономики как Аргентины, так всех вообще стран Латинской Америки.

С 1950 г. по 1963 г. Р. Пребиш был исполнительным секретарем Экономической комиссии ООН для Латинской Америки (испан. сокращ. — СЕПАЛ; русск. — ЭКЛА). Во время руководства СЕПАЛ (ЭКЛА) им была разработаны основы собственной экономической теории. Они были изложены в его труде «Экономическое развитие Латинской Америки и его главные проблемы» (1950). Основные постулаты этой концепции были приняты и развиты целой группой экономистов, работавших вместе с ним в СЕПАЛ. Это концептуальное направление получило название сепализма.

Главное в концепции Р. Пребиша состояло в том, что капиталистическая мировая экономика представляет собой единое целое, совершенно четко разграниченное на «центр», который включает в себя несколько высокоразвитых индустриальных держав («центров»), и «периферию», которую составляют в основном аграрные страны. Периферийные страны находятся в экономической зависимости от «центра» («центров»), что препятствует их развитие. и обуславливает их отсталость. Важнейшая причина отсталости периферии — выкачивание центрами существенной части ее доходов.

С 1964 г. по 1969 г. Р. Пребиш — генеральный секретарь Конференции ООН по по торговле и развитию (ЮНКТАД). После завершения деятельности в центральном аппарате ООН он снова занялся теоретической разработкой экономических проблем Латинской Америки и «третьего мира» в целом. В 70-х годах им было создано несколько новых работ, которые были затем сведены в книгу «Периферийный капитализм: Кризис и трансформация» (1981; сокращ. русск. перевод: Периферийный капитализм: Есть ли ему альтернатива? М., 1992).

В этих работах в значительной степени под влиянием критики его первоначальной концепции со стороны более радикально настроенных иссследователей (Т. Дус-Сантуса, Р.М. Марини, Ф.Э. Кардозу и др.) она была обновлена и переросла в теорию «периферийного капитализма». Суть этой концепции в том, что периферийные страны, как и страны, составляющие центр, являются капиталистическими, но их капитализм качественно отличен от капитализма «центров». Он функционирует и развивается во многом по иным законам. Именно поэтому неоклассические экономические теории совершенно не пригодны для его анализа и понимания. Специфика периферийного капитализма определяет особый характер всего общества.

«Специфика периферии, — пишет Р. Пребиш, — проявляется во всем — в сфере техники и потребления, в производственной структуре, в уровне развития и демократизациии, в системе землевладения и формирования излишка, в демографическом росте».[195] Поэтому «рушится миф о том, что мы могли бы развиваться по образу и подобию центров».[196] Развитие периферийного капитализма есть «воспроизводство обездоленности». «Система..., — подчеркивает автор, — исключает широкие массы населения, которые оказываются обреченными на прозябание на дне социальной структуры».[197] Фактически периферийный капитализм представляет собой тупиковый вариант, не способный к сколько-нибудь существенному прогрессу. «Многолетние наблюдения за ходом событий, — подводит итоги Р. Пребиш, — убедили меня, что глубокие изъяны,

[195] Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М., 1992. С. 200.
[196] Там же. С. 21.
[197] Там же. С. 22.

свойственные латиноамериканскому капитализму, не могут быть преодолены в рамках существующей системы. Систему необходимо преобразовать».[198]

Крупная фигура среди сепалистов — Селсу Фуртаду, который во время президенства Жоао Гуларта был министром экономического планирования Бразилии, а затем возглавлял департамент развития ЭКЛА. В своей книге «Развитие и недоразвитие» (1964) он характеризует экономику, возникшую в результате проникновения капитализма в регионы с некапиталистическим хозяйством, как гибридную, сочетающее капиталистической ядро с архаичной структурой.

2.9.3. Депендетизм (Т. Дус-Сантус, Р.М. Марини)

Первоначальный вариант теории Р. Пребиша возник еще до краха линейно-стадиальных концепций модернизации. Другие концепции зависимости возникли во время кризиса последних — в 60-е годы.

Во второй половине этого десятилетия возникла и оформилась концепция, начало которой положил бразилец Теотониу Дус-Сантус (Дос Сантос), которому за революционную деятельность пришлось дважды бежать, спасаясь от расправы: первый раз в 1966 г. из Бразилии, где он был осужден военным трибуналом за «организацию мятежа», второй раз в 1974 г. из Чили после совершенного там генералом Аугусто Пиночетом военного переворота. Эта концепция получила название депендетизма (от исп. dependencia — зависимость).

Т. Дус-Сантус указывал, что истоки теории зависимости уходят к теории империализма, в частности к трудам В.И. Ленина. Но в новых условиях положения теории империализма должны быть расширены и переформулированы. Т. Дус-Сантус выступает с критикой теорий модернизации, которые они именует теориями развития (development). Главный их недостаток он видит в линейно-стадиальном их характере. «Историческое время, — пишет он, — не унилинеарно, и будущие общества не способы достигнуть стадий, к которым пришли общества в предшествующее время».[199]

Но от идеи развития он при этом не отказывается. Он считает необходимым создание новых теории развития, которые не сводили бы его к унилинейному переходу от обществ одного типа к обществам другого, которые рассматривала бы развитие в масштабах всего земного шара. Необходим учет взаимосвязей между конкретными обществами, а в нашу эпоху прежде всего существование зависимых обществ и зависимого развития.[200]

Депендетисты упрекали сепалистов за то, что для них зависимость сводится к проблемам, возникающим в области внешней торговли периферийных стран, в то время как зависимость означает установление определенных пределов и возможностей развития зависимых обществ. «Мы видим, — писал Т. Дус-Сантус, — что зависимость — важнейшая черта социально-экономической системы слаборазвитых стран. Международное положение характеризуется растущей взимосвязанностью национальных экономик в мировом масштабе при гегемонии одного или нескольких доминирующих центров, которые трансформируют это развития (зависимое. — *Ю.С.*) в акку-

[198] Там же.С. 21.

[199] Dos Santos T. The Crisis of Development Theory and the Problem of Dependence Latin America // Underdevelopment and Development. The Third World Today. Ed. by H. Bernstein. Harmondsworth, 1976. P. 59.

[200] Idem. P. 59-63.

мулировании богатства и власти в свою пользу. В доминируемых странах такая ситуация имеет свой внутренний аспект. А этот внутренний аспект, между прочим, не выражается лишь проекцией внешних факторов. Обретается собственная манера — зависимый способ — участия в процессе развития мировой капиталистической экономики. Таким образом, зависимость есть специфический способ капиталистического производства в наших странах».[201]

Так депентедисты вплотную подошли к идее, что в странах третьего мира существует иной капиталистический способ производства, чем в странах центра. Соответственно Т. Дус- Сантусом была поставлена задача исследования не просто особенностей эволюции зависимых стран, а создания «теории законов внутреннего развития» этих обществ.[202] Эта идея была подвергнута резкой критике со стороны ряда марксистских ордотоксов, в частности руководителя коммунистической партии Уругвая Родней Арисменди, заявившего, что концепция Дус-Сантуса не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом. И так подавляющее большинство депендетистов считало себя марксистами, то они, по крайне мере формально, отказались от этой идеи и стали говорить о специфической комбинации способов производства в Латинской Америке.

В процессе последующего развития этого направления один из депендетистов — бразилец Руй Мауро Марини создал концепцию «суперэксплуатации» трудящихся масс периферии в результате зависимости этих стран от центров.

2.9.4. Концепция зависимо-ассоциированного общества (Ф.Э. Кардозу, Э. Фалетто)

Несколько позднее депендетизма, но в тех же самых 60-х годах, возникла концепция зависимо-асоциированного общества. Ее основные фигуры — Фернанду Энрике Кардозу (в 1994—2002 гг. — президент Бразилии) и чилиец Энцо Фалетто. Ф.Э. Кардозу первоначально примыкал к левореформистскому крылу сепалистов, возглавляемому С. Фуртаду. Затем он пришел к идее «субкапитализма» — деформированного капиталистического общества и затем зависимо-ассоциированного, или просто зависимого капитализма. Как и Т. Дус-Сантус, Ф. Кардозу связывал свою концепцию с теорией империализма, созданной Дж. Гобсоном и развитой В.И. Лениным. При этом он подчеркивал, что в нашу эпоху не только продолжают существовать старые, но возникли и новые формы зависимости периферийных экономик от центральных.

В его совместной с Э. Фалетто книге «Зависимость и развитие Латинской Америки. Опыт социологических интерпретаций» (1971; англ. перевод: 1978; русск. перевод: М., 2002) подвергается критики положение большинства теорий модернизации о том, что недоразвитые страны повторят путь, который уже прошли нынешние развитые государства. Для авторов совершенно очевидно, что «теоретические схемы, созданные на основе опыта формирования капитализма в современных *развитых* странах, мало полезны для понимания ситуации в странах Латинской Америки. Различны не только исторический момент, но и структурные условия развития и общества».[203]

Недоразвитость латиноамериканских стран возникла в результате экспансии

[201] Цит Давыдов В М Латиноамериканская периферия мирового капитализма М , 1991 С. 34

[202] Dos Santos T. The Structure of Dependence // Readings in U S. Imperialism Ed by K T Fann and D C. Hodges Boston, 1971 P 226.

[203] Cardoso F H and Faletto E Dependency and Development in Latin America. Berkeley etc , 1978 P. 1727

вначале торгового, а затем промышленного капитализма Запада и включения их в мировой рынок «Историческая специфика ситуации недоразвития проистекает из отношений между «периферийными» и «центральными» обществами».[204]

Но хотя авторы согласны с тем, что зависимые капиталистические экономики не идентичны центральными капиталистическими экономикам, они не ставят своей целью создать «теорию зависимого капитализма». Они полагают, что особых «законов движения» зависимой капиталистической экономики не существует. Нужно исследовать специфику действия общих законов капитализма в зависимых странах. Поэтому они предпочитают говорить не о «категории», или «теории» зависимости, а о «ситуации зависимости».[205] В отличие от ряда сторонников теорий зависимости, которые полагали, что зависимость исключает экономический прогресс периферийных стран, Ф. Кардозу не считал зависимость и экономический прогресс взаимоисключающими явлениями.[206]

2.9.5. Концепция капитализма субразвития (А. Агиляр)

Во второй половине 60-х годов в Мексике возникла еще одна школа экономистов и социологов, разрабатывавшая проблемы зависимости. Самая крупная фигура среди этих ученых — Алонсо Агиляр Монтоверде. Им была создана концепция капитализма субразвития. Говоря о Латинской Америке, он писал, что «капитализм не развивается здесь по классическому европейскому образцу. Наши страны никогда не знали «совершенства» в функционировании рынка, никогда не проявлялся здесь процесс, который провел бы их от классического сберегательства и свободной конкуренции к «экономическому процветанию» или «обществу благоденствия», как характеризуют иные авторы стадию, достигнутую крупными индустриальными государствами Запада».[207] Говоря о «модификации» законов капитализма в латиноамериканском общества, А. Агиляр в то же время не принимает идею особого периферийно-капиталистического способа производства.

2.9.6. Латинская Америка как родина концепций зависимого развития и периферийного капитализма

Создание концепции зависимого развития и периферийного капитализма первоначально как теории развития стран Латинской Америки совершенно не случайно. Прежде всего это связано с тем, что почти все эти страны еще в первые десятилетия XIX в перестали быть колониями. Формально они давно уже были политически независимыми, полностью суверенными государствами. Но на деле все они в течение более чем сотни лет были во многом существенно зависимыми от ряда держав Запада, прежде всего США. И концепции зависимости возникли как ответ на естественно возникавший вопрос о природе этой зависимости. Эта зависимость была прежде всего экономической, с неизбежностью порождавшей зависимость и политическую.

Создатели и приверженцы теорий империализма не могли не видеть различия между капитализмом западных стран и капитализмом в колониях, полуколониях и

[204] Ibid P 16

[205] Ibid P XXIII.

[206] Cardoso F H Dependency and Development in Latin America // Introduction to the Sociology of «Developing Societies» Ed by H Alawi and T Shanin New York and London, 1982

[207] Цит Давыдов В М Указ соч С 53

прочих зависимых странах. Но оно трактовалось ими в основном как различие между капитализмом развитым, созревшим, безраздельно господствующим в стране и капитализмом еще возникающим, формирующимся еще не подчинившим себе прочие общественно-экономические уклады. В отношении стран Азии и особенно Африки южнее Сахары это было во многом справедливо не только тогда, но и в более позднее время. Но только не в отношении стран Латинской Америки. Во всяком случае в середине XX в. латиноамериканский капитализм явно уже не был ранним. Он был там не формирующимся, а вполне сложившимся и при этом господствующим способом производства. Страны Латинской Америки были к тому времени безусловно капиталистическими социоисторическими организмами, но при этом иными, чем государства Запада. В Латинской Америке существовал сложившийся, зрелый капитализм, но существенно иной чем, на Западе. Именно это и обусловило создание латиноамериканскими экономистами концепции периферийного капитализма.

В Азии и особенно в Африке даже после Второй мировой войны главной проблемой были отношениям между метрополиями и колониями. И только тогда, когда страны этих двух частей света окончательно освободились от колониальной зависимости, для них на первый план вышли понятия центра и периферии мировой капиталистической системы. И тогда в концепциях зависимого развития окончательно оформилось понятие о центре. В концепции зависимого развития в ее применении к Латинской Америке под центром прежде всего понимались США. Когда эти концепции стали разрабатываться на материале всего «третьего мира» под центром стали понимать систему, включающую в себя страны Западной Европы, США и Канаду, а затем и Японию.

2.9.7. Разработка концепции зависимости западными экономистами

Не в столь явной форме концепции зависимого развития стали разрабатываться и на Западе. Началось это еще до 60-х годов. Одним из первых был уже упоминавшийся шведский экономист Г. Мюрдаль. В работе «Мировая экономика. Проблемы и перспективы» (1956; русск. перевод: М., 1958) он подчеркивал, что весь несоветский мир представляет собой интегрированное экономическое целое. И этот несоветский мир есть не чтое иное, как классовое общество в международном масштабе. Жители развитых стран образуют «высший класс». «В своей основе, — писал Г. Мюрдаль, — различие между странами имеют черты сходства с различиями между классами внутри нации, если иметь в виду классы, как они существовали до того, как началось их быстрое размывание в связи с процессом национальной интеграции в наших современных государствах благоденствия. В этом смысле большая часть остального человечества образует низший класс наций, а ряд наций находятся в положении промежуточного слоя людей. В сущности, учитывая уровень жизни людей в этих странах, можно сказать, что термин «пролетариат» был бы более уместен при таком сравнении в международном масштабе, чем когда-либо, или во всяком случае, чем теперь внутри любой из развитых стран. Великое пробуждение отсталых стран постепенно пробуждает среди их народов классовое сознение, без которого общественная группировка является аморфной и разъединенной».[208]

Американский экономист Пол Баран (1910—1964), как и Г. Мюрдаль, не пользо-

[208] Мюрдаль Г Мировая экономика. Проблемы и перспективы. М., 1958. С. 479.

вался терминами «центр» и «периферия». Но он так же как, и Г. Мюрдаль, пришел к выводам, сходным с идеей Р. Пребиша. В своей работе «Политическая экономия роста» (1957; русск. перевод: К экономической теории общественного развития. М., 1960) он говорил, что система современного капитализма состоит из двух секторов, один из которых образуют высокоразвитые страны, а другой — слаборазвитые. Отсталость третьего мира — неизбежное следствие развития мировой капиталистической системы хозяйства. Высокоразвитые страны эксплуатируют слаборазвитые и тем препятствуют их развитию. «Именно в слаборазвитых странах, — писал П. Баран, — ярко бросается в глаза та главная и часто не принимаемая во внимание черта нашей эпохи, что капиталистическая система, бывшая некогда мощным двигателем экономического развития, превратилась в не менее внушительное препятствие на пути прогресса человечества».[209]

И Г. Мюрдаль, и П. Баран, фактически разделяя идеи зависимости, сами так свои взгляды не характеризовали. И в какой-то степени такая позиция присуща многим западным экономистам. Так, например, англичанин В. Джордж в книге «Богатство, бедность и голод: Мировая перспектива» (1988) даже прямо открещивается от теорий зависимости. Но это не мешает ему излагать взгляды, лежащие в их русле. «В конечном счете, — пишет он, — последствия разнообразных сложных взаимоотношений между развитыми и развивающимися странам являются фактором, усугубляющим существующее в мире неравенство. Этими взаимоотношениями, а не внутренними причинами объясняется в первую очередь бедность «третьего мира».[210]

2.9.8. Концепции альтернативного развития, опоры на собственные силы и нового международного экономического порядка

Разработка концепций зависимого развития в иных, кроме Латинской Америки, частях «третьего мира» началась позднее. Для ученых и практиков Азии и Африки не было нужды доказывать существование зависимости их стран от центра. Это было уже показано латиноамериканцами, которые довольно детально раскрыли и механизмы этой зависимости. Поэтому азиатские и африканские специалисты занимались главным образом вопросом о том, какими способами избавиться от этой зависимости, какую политику нужно проводить, чтобы обеспечить прогресс своих стран, что сказалось и в названиях вырабатываемых ими концепций.

Одной из них была концепция альтернативного развития, которую разрабатывали индиец Р. Котхари, бангладешец А. Рахман, индонезиец Соеджатмоко, ланкиец П. Вигнараджа, египтянин И.С. Абдулла и многие другие другие исследователи, в том числе и из Латинской Америки (Э. Отейсу).

Другой была концепция опоры на собственные силы, которая была четко сформулирована на III конференции неприсоединившихся государств в Лусаке (1970). Между двумя названными концепциями нет принципиальной разницы. Поэтому многие из тех, что примыкали к первой, затем участвовали в разработке второй. Ее обосновывали и развивали ученые из Бангладеша (А. Рахман, В. Хак), Индии (А.К. Багчи, Н. Мехта), Шри-Ланка (П. Вигнараджа), африканский экономист Дж. Омо-Фадака.

Наконец, можно упомянуть концепцию нового международного экономического

[209] Баран П. К экономической теории общественного развития. М., 1960. С. 368.
[210] George V. Wealth, Poverty and Starvation: An International Perspective. New York, 1988. P. 184.

порядка, которая в общих чертах была сформулирована на IV конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Алжире (1973).

Среди исследователей проблем зависимости, представляющих страны Азии и Африки, особо выделяется директор Африканского института ООН по экономическому развитию и планированию в Дакаре (Сенегал) Самир Амин, который в последующем стал сторонником мир-системного подхода. Его перу принадлежит множество статей и книг, среди которых можно отметить монографии «Накопление в мировом масштабе. Критика теории недоразвитости» (1970; 1974) и «Неравное развитие. Очерк социальных формаций периферийного капитализма» (1973; 1976).

2.9.9. Критика концепций зависимости апологетами капитализма

Современные апологеты капитализма всегда стремились опровергнуть концепции зависимости. Билл Уоррен в книге «Империализм: Пионер капитализма» (1980) назвал теории зависимости «национальной мифологией» и заявил, что под воздействием западного капитализма происходит стремительное развитие ранее отсталых стран. Питер Бергер в книге «Капиталистическая революция. 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе» (1986; русск. перевод: М., 1994), всячески передергивая факты и цифры, пытался доказать, что несмотря на отдельные недостатки, страны «третьего мира» и живут не так уж плохо, а главное — успешно развиваются.

Нет никакой необходимости специально опровергать этих авторов. Достаточно сослаться хотя бы на книгу профессора Нью-Йоркского университета Микаэля П. Тодаро «Экономическое развитие» (5th edn., 1993; русск. перевод: М.,1997), которая вот уже два десятилетия используется в качестве учебного пособия по экономике третьего мира во многих странах мира. Содержащиеся в ней данные говорят сами за себя.

В качестве опровержения концепции зависимости П. Бергер ссылается на пример экономического развития четырех «азиатских тигров»: Южной Кореи, Тайваня, Гонконга и Сингапура. Также поступает и Петр Штомпка в книге «Социология социальных изменений» (1993; русск. перевод: М., 1996). Само по себе это не довод: и сторонники концепции зависимости не исключают, что отдельные страны могут вырваться из отсталости. Но в конце 1997 г. начался финансовый кризис, который до основания потряс экономику не только четырех «азитских тигров», но и т.н. «новых индустриальных стран» Азии: Таиланда, Малайзии, Индонезии. Похоже, что сбывается предсказание С. Амина, который еще в 1991 г. писал, что в общей «перспективе «новые индустриальные страны», представляют собой не полупериферию, стоящую на пути превращения в новые центры, а подлинную периферию завтрашнего дня».[211]

2.10. МИР-СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

2.10.1. А.Г. Франк и его взгляд на недоразвитость и развитость стран мира

Не последнее место среди экономистов и социологов, выдвинувшихся в 60-е годы и принимавших активное участие в критике линейно-стадиальных концепций модернизации, занимает Андре Гундер Франк. Он родился в Берлине, но жил и получил образование в США, где проникся взглядами упоминавшегося выше П. Барана. С начала

[211] Амин С. Будущее социализма // МЭМО. 1991. № 7. С. 9.

60-х годов его жизнь и в прямом (продолжительная работа в Бразилии, Чили, Мексике), и в переносном смысле (объект научных интересов — данный регион) была связана с Латинской Америкой. В конце 70-х гг. Г.А. Франк переезжает в Западную Европу, где ведет работу в основном в университетах Западного Берлина и Амстердама.

Подобно Р. Пребишу, Т. Дус-Сантусу, Р. Марини, Ф. Кародозу и А. Агиляру А.Г. Франк выступил с защитой и разработкой идеи зависимости. Но существует определенное различие между его подходом к проблеме и подходом к ней названных выше исследователей. Все их концепции являются прежде всего экономическими, и в них рассматривается в основном современное положение вещей, причем главным образом в Латинской Америке. В ранних работах А.Г. Франка, таких, как «Развитие недоразвития» (1966) и «Социология развития и недоразвитие социологии» (1967), вопрос ставится значительно шире. Он подвергает критике теории модернизации и пытается заглянуть в глубину истории взаимоотношения ныне развитых стран Запада и недоразвитых (underdeveloped) стран остальных частей света.[212]

Прежде всего он обрушивается на линейно-стадиальные концепции модернизации, главным образом на теорию стадий экономического роста У. Ростоу. Как категорически заявляет А.Г. Франк, выделенные У. Ростоу стадии совершенно не согласуются ни с прошлой, ни с современной реальностью недоразвитых стран. Как следует из работы У. Ростоу, он ставит знак равенства между традиционным обществом и недоразвитым. Недоразвитость у него — это первоначальная стадия, с которой начинается развитие. Ныне развитые страны тоже в прошлом были недоразвитыми. Но все это противоречит фактам.

Сейчас в мире нельзя найти ни одного общества, которое можно было бы отнести к традиционным. Ныне развитые страны давно разрушили существовавшие до контакта с ними структуры всех прочих стран, будь они традиционными или какими-либо другими. Современные недоразвитые общества не представляют собой традиционных. Не относятся они и ко второй выделенной У. Ростоу стадии — переходной. В Латинской Америке, например, недоразвитость существут уже 400 лет, но никакого подъема нет и не предвидится.

Недоразвитость есть следствие эксплуатации ныне недоразвитых стран ныне развитыми странами. Поэтому последние никогда не были недоразвитыми (underdeveloped), они были в прошлом лишь неразвитыми (undeveloped). Недоразвитость не есть ни первоначальное, ни традиционное состояние. Ни прошлое, ни настоящее недоразвитых стран ни в одном важном отношении не напоминает прошлое развитых стран.

У. Ростоу и его последователи рассматривают ныне развитые страны так, как если бы они развивались в изоляции от остального мира. Это совершенно неправильный подход. Развитость этих стран неотделима от недоразвитости остальных. «На сам деле, — пишет А.Г. Франк, — экономическая и политическая экспансия Европы XV века привела к инкоропорации ныне недоразвитых стран в единый поток мировой истории, который одновременно породил нынешнюю развитость одних стран и недоразвитость других».[213]

Ныне развитые страны всемерно эксплутировали ныне недоразвитые страны. Недоразвитые страны сыграли ключевую роль в финансировании капитализации ныне

[212] Английские слова «underdeveloped» и «underdevelopment» в нашей литературе чаще всего передаются русскими словами «слаборазвитый» и «слаборазвитость».

[213] Frank A.G. Sociology of Development and Underdevelopment of Sociology // A. G. Frank. Latin America: Underdevelopment and Revolution. New York, 1969. P. 41.

развитых стран. Именно в этом заключается основная причина развития первых и недоразвития вторых. Поэтому для того, чтобы какая-либо недоразвитая страна прошла стадии роста ныне развитых стран, она должна найти народы, которые можно эксплуатировать и довести до недоразвитости, как это делали в прошлом все ныне развитые страны.

Все эти идеи А.Г. Франка были использованы уже упоминавшимся выше американским ученым И. Валлерстайном, тоже вначале занимавшимся экономическими проблемами третьего мира, конкретно — Африки. Последним была создана еще более широкая концепция, касавшаяся мировой истории в целом. Она получила название мир-системного подхода, или мир-системного анализа (МСА). После возникновения этой концепции А.Г. Франк стал ее сторонником и пропагандистом, хотя у него всегда сохранялись определенные разногласия с И. Валлерстайном.

Взгляды, в известной степени перекликающиеся с мир-системным подходом, развивались в трудах крупнейшего представителя французской исторической школы «Анналов» Фернана Броделя (1902—1985). Чисто внешне родство идей Ф. Броделя и И. Валлерстайна нашло свое выражение в том, что последний долгое время занимал должность директора Центра Фернана Броделя по изучению экономик, исторических систем и цивилизаций при Университете штата Нью-Йорк (г. Бингемптон). Этот Центр с 1977 г. издает журнал «Ревью» («Review»), в котором печатаются сторонники мир-системного подхода. Но несмотря на известное сходство, между взглядами Ф. Броделя и И.Валлерстайна имеются и определенные различия.

2.10.2. Концепция миров-экономик (Ф. Бродель)

Общими для для Ф.Броделя и И. Валлерстайна было выделение единиц больших, чем социально-исторические организмы, что роднит его с «цивилизационным подходом». Но в основу выделения этих образований классики мир-системного подхода клали не культуру, а экономику. А главное, что отличает этот подход от «цивилизационного», это ориентация на исследование связей (прежде всего экономических) между обществами, которые входили в состав такого образования.

Ф. Бродель ввел понятие «мира-экономики» (l'economie-monde), подчеркивая при этом, что он имет ввиду вовсе не мировую экономику в целом. Такая экономика («рынок всего мира») возникла, по его мнению, совсем недавно. В слово «мир» Ф. Бродель вкладывает понятие самодостаточности, независимости от других таких же образований. Как пишет он: *«Мир-экономика...* затрагивает лишь часть Вселенной, экономически самостоятельный кусок планеты, способный в основном быть самодостаточным, такой, которому его внутренние связи и обмены придают определенное органическое единство».[214] Мирами-экономиками были, например, Финикия, Карфаген, Рим, Индия, Китай, мир ислама.

Каждый мир-экономика пространственно ограничен и довольно стабилен. Он всегда имеет свой центр. Им является господствующий город. Центр мира-экономики может перемещаться, что имеет важные последствиядля всей системы в целом. Центр всегда — «сверхгород», которому служат другие города. Возможно наличие двух борющихся за лидерство центров. Успех одного из них приводит к упадку другого.

[214] Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992. С. 14.

Пространство мира-экономики делится на несколько зон, образующих иерархию. «Всякий мир-экономика, — пишет Ф. Бродель, — есть складывание, сочетание связанных воедино зон, однако *на разных уровнях*. В пространстве обрисовывается *по меньшей мере* три ареала, три категории: узкий центр, второстепенные, довольно развитые области и в завершение всего огромные внешние окраины... Центр, так сказать, «сердце», соединяет все самое передовое и самое разнообразное, что только существует. Следующее звено располагает лишь частью таких преимуществ, хотя и пользуется какой-то их долей; это зона «блистательных вторых». Громадная же периферия с ее редким населением представляет, напротив, архаичность, отставание, легкую возможность эксплуатации со стороны других».[215]

Понятие мира-экономики присутствовало уже в работе Ф. Броделя «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» (1949; перераб.и дополн. двухтомн. издание: 1966; англ. перевод: 1972—1973; 1995; русск. перевод: Ч. 1. М., 2002; 4.02.2003), но лишь неявно (имплицитно). В четкой форме оно появилось в его работах «Динамика капитализма» (1976; русск. перевод: Смоленск, 1993) и «Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII вв.» (1979; русск. перевод: Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986; Т. 2. Игры обмена. 1988; Т. 3. Время мира. 1992) В эти книгах он нарисовал становления и развития мировой капиталистической системы в XV—XVIII веках.

2.10.3. Мир-системиый анализ (И. Валлерстайн)

Идеи И. Валлерстайна были первоначально изложены в ряде статей. Широко известны они стали после выхода в свет в 1974 г. его книги «Современный мир-система I. Капиталистическое земледелие и возникновение европейского мира-экономики в шестнадцатом веке». За первым томом последовали еще два (II. 1980; III. 1989) и множество других работ. Именно в них его метод обрел название мир-системного подхода (перспективы), или мир-системного анализа.

В отличие от А.Г. Франка и Ф. Броделя И. Валлерстайн ставит самые общие вопросы методологии исторического исследования. Он подвергает критике подход к истории, который именует девелопменталистским (от англ. development — развитие). Согласно этому взгляду, мир состоит из множества «обществ». Называют эти образования по разному: «государства», «нации», «народы», но всегда имеют в виду какие-то «политико-культурные единицы». Понятие «индивидуального общества» выступает как «базисная единица анализа». Одни считают, что такие общества развиваются одинаково, другие полагают, что каждое идет своим собственным историческим путем.

После Второй мировой войны утвердилась перспектива, которую можно назвать девелопментализмом. Она состоит в том, что все общества вовлечены в развитие, причем прогрессивное. Все они развиваются параллельными путями и все они в одинакой степени способны добиться желаемых результатов.

Одна из этих версий — либеральная, наиболее ярко представленная работой У. Ростоу «Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест». «Ростоу, — пишет И. Валлерстайн, — рассматривает процесс изменения как серию стадий, через которые должна пройти каждая национальная единица. Это стадии, через которые, как полагает Ростоу, прошла Великобритания. А Великобритания представляет решающий

[215] Бродель Ф Указ раб. С. 32.

пример, ибо она есть первое государство, которое вступило на революционный путь, ведущий к современному индустриальному миру. Отсюда следовало заключение, что этот путь представляет собой модель, которая должна быть скопирована другими государствами. Оставалось только нализировать, как происходит движение со одной стадии на другую, выяснять, почему некоторые нации движутся медленнее, чем другие, и предписывать (как врачи), что нация должна сделать, чтобы ускорить процесс «роста».[216]

Другая версия — марксистская. «В социалистическом мире в этот период, — продолжает И. Валлерстайн, — не появилось книги, равной работе Ростоу. Вместо нее существовала устаревшая схема эволюционного марксизма, которая тоже выставляла жесткие стадии, через которые каждое государство или географическая общность должна пройти. Различия лишь в том, что эти стадии покрывали длительное историческое время, а страной-моделью был СССР. Эти стадии известны как рабство-феодализм-капитализм-социализм. Абсурдность этой жесткой схемы, которая идет от 30-х годов, и ее полную неприменимость на национальном уровне недавно хорошо показал индийский марксистский интеллектуал Ирфан Хабиб, который показал не только огромную значимость понятия «азиатского способа производства», но и нелогичность настаивания на том, что различные исторические способы извлечения излишка (прибавочного продукта. *— Ю.С.*) необходимо должны иметь место во всех странах и следовать в специфическом порядке».[217]

«...Я согласен, — заканчивает автор, — с его (И. Хабиба. *— Ю.С.*) фундаментальным положением, что эта версия марксисмской мысли, преобладавшая между 1945 и 1965 гг.. есть «механическое копирование» либеральных взглядов. В сущности анализ тот же самый, что у Ростоу, кроме того, что названия стадий изменены, а роль страны-модели перенесена с Великобритании на СССР. Я называю этот подход девелопменталистской перспективой, независимо от того, кто ее придерживается — либералы или марксисты».[218]

Но несмотря на все подобного рода теории, разрыв между «развитыми» и «развивающимися» обществами не уменьшается, а растет. Все это свидетельствует, что такой подход не годится и должен быть заменен другим — «мир-системной перспективой».[219] Эта новая перспектива медленно прокладывает себе дорогу в научном мнении начиная с 1960-х годов. У ней нет пока общепринятого названия, ранние формулировки этого взгляда частичны, путаны и неясны. Но именно она проявилась в работах Р. Пребиша, С. Фуртаду, Д. Сиеры, А.Г. Франка, Т. Дус-Сантуса, А. Эммануэля, С. Амина, Р.М. Марини, У. Мелотти.[220]

Девелопменталистский подход не только противоречит действительности. Он совершенно несостоятелен и методологически. Он предполагает создание «аисторических» (антисторических) моделей социальных изменений. Использование понятия «развития» с неизбежностью предполагает выделение «стадии» в «развитии» социальной структуры. «Решающая проблема при сравнении «стадий», — пишет И. Валлерстайн, — это определение единиц, синхронными портретами (или, если желаете,

[216] Wallerstein I. The Present State of the Debate on World Inequality // World Inequality. Origins and Perspective of World Systems. Montreal. 1975. P. 14.

[217] Ibid. P. 15.

[218] Ibid.

[219] Wallerstein I. World-System Perspective on the Social Sciences // I. Wallerstein. The Capitalist World-System. Essays. Cambridge etc., Paris, 1979. P. 153-155

[220] Wallerstein I. The Present State of the Debate on World Inequality... P. 15-16.

«идеальными типами») которых эти стадии являются. И фундаментальная ошибка аисторической социальной науки (включая аисторические версии марксизма) заключается в материализации и превращении частей тотальности в такие единицы, и затем сравнение этих существующих лишь в теории, но выдаваемых теперь за существующие в цельности, единиц».[221] В целом, И Валлерстайн приходит к выводу, «что все «идеальные типы» различных версий девелопменталистской перспективы в одинаковой степени далеки от эмпирической реальности».[222] Поэтому от них нужно полностью отказаться.

Переходя от этих слишком абстрактных рассуждений к более конкретным, И. Валлерстайн объясняет, почему «национальное государство» нельзя принимать за единицу истории. Сейчас весь мир образует один-единственный капиталистический мир-экономику. «Из этой предпосылки следует, что национальные государства являются *не* обществами, которые имеют отдельные, параллельные истории, а частями целого, отражающими это целое. В той степени, в какой стадии существуют, они существуют для системы как целого».[223] Поэтому «такой вещи», как «национальное развитие», не существует, и «истинным объектом сравнения является мир-система».[224]

И это верно и по отношению к периоду до возникновения капиталистического мира-экономики. Существовавшие в предшествовавшие эпохи «племена», общины, так же, как и нации-государства, не были тотальными системами.[225]

Вообще должно быть отброшено предположение, что существует «общество».[226] Нужна «альтернативная возможность организации материального мира», нужна иная «единица анализа». Ее и дает мир-системный подход. «Мир-системная перспектива принимает по контрасту, что социальные действия происходят в объекте, внутри которого существует разделение труда, и стремится открыть *эмпирически,* унифицирован или не унифицирован такой объект политически или культурно, выяснить *теоретически*, каковы следствия существования или несуществования такого единства».[227] И если даже мы будем говорить о стадиях, то «это должны быть стадии социальных систем, т.е. тотальностей. А единственными тотальностями, которые существуют или исторически существовали, являются минисистемы и миры-системы, а в XIX и XX веках существовал и существует один единственный мир-система — капиталистический мир-экономика».[228]

Наряду с понятием «социальная система» И. Валлерстайн пользуется понятием «способ производства», имея при этом в виду не столько производство, взятое в определенной общественной форме, сколько формы распределения и обмена. В основу своей классификации способов производства И. Валлерстайн положил представления основателя субстантивистского направления в экономической антропологии (этнологии) Карла Поланьи (1886—1964) о трех основных формах «экономической интеграции»: реципрокации (reciprocity), редистрибуции (redistribution) и рыночном обмене.

---

[221] Wallerstein I. The Rise and Future Demises of World Capitalist System: Concepts For Comparative Analysis // I. Wallerstein. The Capitalist World-System. Essays. Cambridge etc., Paris, 1979. P. 3.

[222] Wallerstein I. The Present State of the Debate on World Inequality... P. 22.

[223] Ibid. P. 16.

[224] Wallerstein I. The Rise and Future Demises of World Capitalist System.... P. 4.

[225] Wallerstein I. The Modern World-System I. Capitalist Agriculture and the Origin of European World-Economy in the Sixteenth Century. New York etc., 1974. P. 348.

[226] Wallerstein I. World-System Perspective on the Social Sciences.... P. 155.

[227] Ibid.

[228] Wallerstein I. The Rise and Future Demises of World Capitalist System ...P. 4-5.

И. Валлерстайн называет все самодостаточные экономические образования социальными системами. Их он прежде всего подразделяет на минисистемы и мир-системы.

О минисистемах он пишет меньше всего. Это — очень небольшие недолговечные автономные образования, которых было необычайное множество. Они обеспечивали свое существование охотой и собирательством или простейшим земледелием, и в них существовал реципрокальный, линиджный, или реципрокально-линиджный (reciprocal-lineage) способ производства. В минисистемах существовало полное разделение труда и культурное единство. К настоящему времени минисистемы исчезли. По существу, говоря о минисистемах, И. Валлерстайн, имеет в виду первобытные общины, являвшиеся социоисторическими организмами. Таким образом, вся оригинальность подхода сводится здесь лишь к замене привычной терминологии новой.

Признак мира-системы — самодостаточность. Как подчеркивает И. Валлерстайн, «мир-система» — не «мировая система», а «система», являющаяся «миром». Мир-система — единица с единым разделением труда и множественностью культур. Существует два вида миров-систем. Один — с единой политической системой — миры-империи, другой без политического единства — миры-экономики. Миры-экономики — нестабильны, они либо исчезают, либо трансформируются в миры-империи. Миры-империи базируются на способе производства, который автор именует редистрибутивным, даннническим, или редистрибутивно-даннническом (redistributive-tributary).

Миры-империи сравнительно велики по размерам, их было много, но значительно меньше, чем минисистем. Они долгое время существовали рядом с минисистемами. Для характеристики миров-империй учеными часто применяется термин «цивилизация».

Фактически под мирами-империями И. Валлерстайн понимает державы, т.е. системы, состоящие из господствующего социоисторического организма и нескольких подчиненных. В результате из его поля зрения выпадают социоисторические организмы, которые не входили в состав держав. А таких было большинство в истории человечества. Выпадают, например, города-государства Шумера, какими они были до возникновения аккадской державы, полисы архаической и классической Греции. Да и постоянно приводимый И. Валлерстайном качестве примера Египет в эпоху Древнего царства никак не может быть отнесен к числу миров-империй. Он был в культурном отношении однороден.

Но больше всего неувязок получается у И. Валлерстайна с мирами-экономиками. Как он пишет, миры-экономики коренным образом отличаются как от минисистем, так и миров-империй и формальной структурой, и способом производства. Так как в мире-экономике нет единой политической власти, то перераспределение производственного излишка может происходить только посредством рынка. Поэтому способ производства в мире-экономике может быть лишь капиталистическим.[229]

Но сам же он неоднократно подчеркивал, с одной стороны, что миры-экономики существовали задолго до XVI в.,[230] а с другой, что капиталистический способ производства стал возникать лишь начиная с XVI в.[231] Стремясь найти выход из положения,

[229] Wallerstein I. World-System Perspective on the Social Sciences.... P. 159.

[230] Wallerstein I. The Rise and Future Demises of World Capitalist System... P. 5; Idem. The Modern World-System I... P. 17. 348.

[231] Wallerstein I. The Rise and Future Demises of World Capitalist System...P. 6; Idem. The Modern World-System I... P. 348; Idem. World-System Perspective on the Social Sciences... P. 161.

И. Валлерстайн в более поздних работах говорит о «протокапиталистических элементах» и даже «протокапитализме».[232]

Хуже всего у него обстоит со средневековой Европой. С одной стороны, она была политически раздроблена и поэтому не могла быть мир-империей. С другой стороны, она не укладывалась и в понятие мира-экономики. В результате И. Валлерстайн то называет ее просто миром-системой, без отнесения к определенном виду[233], то заявляет, что она вообще не была никаким миром-системой.[234]

А там, где он называет Европу просто миром-системой, он определяет эту систему как редистрибутивную.[235] Тем самым он вступает в противоречие со своим собственным тезисом, что редистрибуция возможна лишь при наличии единой политической власти. Чтобы спасти положение, он выступает с утверждением, что политическое единство возможно не только в высоко централизованной форме (собственно «империи»), но и в административно крайне децентрализованной (феодальная форма).[236]

Характеризуя средневековую Европу как редистрибутивный мир-систему, И. Валлерстайн говорит, что она как раз базировалась на феодальном способе производства.[237] Но и это не дает выхода из положения. Если в отношении, скажем, Франции X—XII вв. еще можно говорить о каком-то политическом единстве, пусть крайне децентрализованном (был король, вассалами которого считались все крупные феодалы Франции), то ничего подобного нельзя сказать о Западной Европе в целом,не говоря уже о всей Европе. Да и французский король в названный период меньше всего мог заниматься редистрибуцией в масшабе всей страны.

Но как бы то ни было, с XVI в. феодальная Европа трансформируется в капиталистический мир-экономику. Европейский мир-экономика — единственный, который выжил: не дезинтегрировался и не превратился в мир-империю. Развиваясь, он постепенно втянул в себя все существующие в мире социальные системы без малейшего исключения. Весь современный мир представляет собой один единственный мир-систему — капиталистическую мировую экономику. В названной выше многотомной монографии (должны появиться еще два тома — четвертый и пятый) И. Валлерстайн рисует картину становления европейской капиталистической системы и ее превращения в мировую.

Мир-экономика подразделяется на ядро, полупериферию и периферию. Границы между этими частями относительны. Отдельные государства могут переходить и переходят из одного подразделения в другое. Ядро мира-системы состоит из нескольких государств, т.е. фактически социоисторических организмов. Но они не равноправны. Одно из них является гегемоном. История ядра — история борьбы за гегемонию между несколькими претендентами, победы одного из них, его господства над мирэкономикой и последующего его упадка. Но главное — отношения ядра и периферии. Суть их заключается в том, что государства ядра безвозмездно присваивают излишек, созданный в странах периферии.

В применении к современности мир-системный подход И. Валлерстайна представляет собой одну из разновидностей концепций зависимости (зависимого разви-

[232] Wallerstein I. The West, Capitalism and the Modern World-System // Review. 1992. Vol.15. № 4.

[233] Wallerstein I. World-System Perspective on the Social Sciences... P. 161; Idem. From Feudalism to Capitalism: Transition or Transitions // I. Wallerstein. The Capitalist World-System. P. 142.

[234] Wallerstein I. The Modern World-System I... P. 17.

[235] Wallerstein I. World-System Perspective on the Social Sciences... P. 161; Idem. From Feudalism to Capitalism... P. 142.

[236] Wallerstein I. World-System Perspective on the Social Sciences... P. 158.

[237] Wallerstein I. From Feudalism to Capitalism... P. 142.

тия). Критикуя концепции модернизации с чисто практической точки зрения, он говорил: «Великая иллюзия теории модернизации состояла в обещании сделать всю систему «ядром» без периферий. Сегодня вполне очевидно, что это невыполнимо».[238]

Капиталистический мир-система с неизбежностью поляризован на центр и периферию, и разрыв между ними не только не уменьшается, а напротив, непрерывно усиливается. Прежде всего выражается в растущем обнищании трудящихся масс периферийных стран. «Я думаю, — подчеркивает И. Валлерстайн, — Маркс оказался прав в одном из самых скандальных своих прогнозов, от которого впоследствие открестились сами марксисты. Эволюция капитализма как исторической системы действительно ведет к поляризации и к *абсолютному*, а не только *относительному* обнищанию большинства».[239]

2.10.4. Мир-системный подход: плюсы и минусы

Если говорить в целом о построениях Ф. Броделя и И. Валлерстайна, то их ценность заключается в пристальном внимании к «горизонтальным», т.е. межсоциорным, связям и в стремлении разработать понятия, которые позволили бы их лучше отразить. Им хорошо удалось показать, что, по крайней мере в новое время, невозможно понять историю ни одного конкретного, отдельного общества без учета воздействия на него других таких же обществ, входящих в одну с ним социорную систему, без учета места, занимаемого им в этой системе. Исследование системы социоисторических организмов как целого — необходимое условие понимания развития каждого отдельного общества, входящего в эту систему. Много интересного было сказано И. Валлерстайном и мир-системниками о взаимоотношении центра и периферии капиталистической мировой системы в нашу эпоху.

Но концентрация внимания на межсоциорных отношениях привела и Ф. Броделя, и в особенности И. Валлерстайна к абсолютизации этих связей. Это проявилось в преувеличении роли социорной системы и недооценке относительной самостоятельности составляющих ее социоисторических организмов. И тот, и другой были склонны к растворению социоисторические организмы в системе. Абсолютизация межсоциорных, «горизонтальных» связей с неизбежностью привела не только к отрицанию существования отдельных конкретных обществ, но и к игнорированию внутрисоциорных межстадиальных, «вертикальных» связей.

И. Валлерстайн начал с во многом справедливой критики теории стадий экономического развития У. Ростоу и всех вообще линейно-стадиальных концепций модернизации, с критики ортодоксального линейно-стадиального понимания смены общественно-экономических формаций. Это привело его к теоретическому (но отнюдь не всегда практическому) отказу от понятия отдельного, конкретного общества (социоисторического организма), от понятия типа вообще и особенно стадиального типа такого общества, а тем и стадий его развития, и, в конечном результате — стадий всемирно-исторического развития.

Крах линейно-стадиальных концепций модернизации и вообще линейно-стадиального понимания истории был воспринят И. Валлерстайном как крушение унитарно-стадиального понимания истории вообще. И это случилось несмотря на то, что

[238] Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500—2010 // СМ. 1996. № 5. С. 42.

[239] Там же.

И. Валлерстайн знал из статьи И. Хабиба о возможности не только линейного, но совершенно иного понимание смены общественно-экономических формаций.

Дальше всего в этом направлении он пошел в книге «Переосмысление социальной науки: Пределы парадигм XIX века» (1991), в которой прямо высказался за отказ от понятий развития вообще, прогресса в частности.

И в своей критике понятий развития и прогресса И. Валлерстайн не одинок. Его взгляды по целому ряду существенных моментов смыкаются со своеобразным подходом к процессу всемирной истории, который может быть назван нигилистическим, или антиисторическим. Этот подход противостоит как унитарно-стадиальному, так и плюрально-циклическому пониманиям истории.

2.11. СОВРЕМЕННЫЙ АНТИИСТОРИЗМ («АНТИИСТОРИЦИЗМ»)

2.11.1. К. Поппер, Ф. Хайек, Л. Мизес и Р. Арон

Антиисторический подход к истории наиболее полно был изложен и обоснован известным вначале австрийским, затем английским философом Карлом Раймундом Поппером (1902—1994) в работах «Открытое общество и его враги» (1945; русск. перевод: Т. 1—2. М.,1992) и «Нищета историцизма» (1957; русск. перевод: ВФ. 1992. №№ 8—10; М., 1993).

В этих работах К. Поппер обрушивается на то, что он именует историцизмом. Под историцизмом он понимает взгляд, согласно которому существует процесс исторического развития, подчиненный действию определенных, не зависящих от человека сил. Если эти силы не сверхъестественные, а естественные, то историцизм предполагает существование определенных объективных законов, определяющих ход исторического процесса.

В любом своем варианте историцизм предполагает если не абсолютную, то известную предопределенность исторического процесса, прохождение обществом тех или иных стадий развития, а тем самым и возможность для мыслителя и ученого предвидеть и предсказать ход истории. Для К. Поппера историцистами в равной степени являются и Августин Аврелий, и О. Конт, и К. Маркс, и О. Шпенглер, и А.Дж. Тойнби. Их концепции — это различные виды историцизма. Существует историцизм теистический, спиритуалистический, натуралистический, экономический и т.п.

Больше всего К. Поппера раздражает претензии «историцистов» на предвидение и предсказание будущего. Он именует их пророками, а их взгляды на будущее характеризует как пророчества. Если говорить о исходном пункте рассуждений К. Поппера, то это, конечно, его полное неприятие вывода К. Маркса о неминуемости гибели капитализма. Капиталистическое общество для К. Поппера «лучшее и справедливейшее общество из все доныне существовавших на земле».[240]

Именно стремление доказать ошибочность положения К. Маркса о грядущем исчезновении этого наилучшего общества побудило К. Поппера выступить с опровержением не только экономического учения этого мыслителя и не только созданного им материалистического понимания истории, но и всех вообще концепций, в которых история рассматривается как процесс развития, имеющий свои объективные законы, и даже любых концепций истории, в которых действуют объективные силы, пусть даже сверхъестественные.

[240] Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992. С. 485.

Критику «историцизма» К. Поппер ведет с определенной общеметодологической позиции, которую он характеризует как «методологический номинализм». И он действительно настоящий номиналист, ибо признает существование только отдельного, только явлений. Мир для него есть только совокупность многообразных явлений. Объективное бытие общего он отвергает. Речь, разумеется, идет вовсе не том, что он отрицает наличие у предметов и событий сходных признаков. Сходства между вещами никогда ни отвергал ни один номиналист. К. Поппер отвергает существование общего как объективной основы вещей, как их объективной сущности.

К. Поппер отказывается использовать для обозначения противоположной позиции термин «реализм», ибо далеко не все мыслители, признающие объективное бытие общего, сущности, считают, что общее, сущности образуют особый самостоятельный мир, отличный от мира отдельного, мира явлений. Он называет этот совершенно чуждый ему общеметодологический подход «методологическим эссенциализмом» (от лат. essentia — сущность).

Все свое опровержение «историцизма» К. Поппер строит на основе «методологического номинализма» или, что по сути то же самое, — феноменализма. Как мир в целом, так и общественная жизнь людей представляет собой совокупность огромного множества явлений, прежде всего разнообразных действий людей. История есть просто «последовательность событий».[241] И вообще «единой истории человечества нет, а есть лишь бесконечное множество историй, связанных с разными аспектами человеческой жизни, и среди них — история политической власти».[242]

Как пишет К. Поппер, мы часто описываем изменения в социальном устройстве, в способах производства и т.д. как *движение*. Но при этом нужно понимать, что «мы пользуемся метафорой, и притом довольно обманчивой».[243] «Идея о том, что общество, — продолжает К. Поппер, — подобно физическому телу, может двигаться *как целое*, по определенному пути и в определенном направлении, — есть просто холическое недоразумение. Надежда на то, что можно найти «законы движения общества», подобные Ньютоновым законам движения физических тел, зиждется именно на этих недоразумениях. Поскольку не существует движения общества, в любом смысле подобного или аналогичного движению физических тел, не существует и законов его движения».[244] Таким образом, по Попперу, история не есть процесс развития, идущий по определенным законом, в ней нет и быть не может никаких проследовательно сменяющихся стадий.

Но эту точку зрения К. Поппер оказывается не в состоянии провести до конца. Он все время вступает в противоречие сам же с собой. Как мы уже видели, он категорически утверждает, что процесса развития общества не существует. Однако, когда у него появляется нужда в аргументах в пользу положения о невозможности открытия законов общественного развития, он заявляет, что «эволюция жизни на Земле или человеческого общества — уникальные исторические процессы».[245]

Выходит, что процесс развития общества все же имеет место, но только нельзя открыть его законы в силу невозможности сравнения и обобщения. И при этом К. Поппер явно лукавит. Ведь и он знает, что человеческое общество в целом всег-

[241] Поппер К. Нищета историцизма. М., 1993. С. 138.
[242] Поппер К. Открытое общество. Т. 2. С. 312.
[243] Поппер К. Нищета историцизма. Там же. С. 130.
[244] Там же. С. 131-132.
[245] Там же. С. 124.

да состояло из множества конкретных отдельных обществ, развитие которых, по крайней мере, в определенные эпохи можно составить и сравнить.

И ведь недаром же он, категорически в теории отвергая существование стадий в развитии человеческого общества, практически признает существование в развитии человечества по меньшей мере двух всемирно-исторических этапов. Один из них — «магическое, племенное, коллективистическое общество», которое К. Поппер предпочитает именовать «закрытым обществом», второе — общество цивилизованное, или открытое.[246] «В свете всего сказанного, — пишет К. Поппер, — очевидно, что переход от закрытого к открытому обществу можно охарактризовать как одну из глубочайших революций, через которые прошло человечество».[247] Выходит, по Попперу, что были и другие, кроме названной, глубочайшие революции в истории человечества, а тем самым и иные, кроме упомянутых, стадии всемирно-исторического развития! И таких противоречий в названных в работах К. Поппера немало.

Сходных с К. Поппером взглядов на историю придерживались уже известные нам экономисты Ф. А. фон Хайек и Л. фон Мизес. Первый отстаивал их в работах «Факты общественных наук» (1942; русск. перевод в книге: Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. М., 2000) и «Контрреволюция науки: Исследование злоупотребления разумом» (1952), второй излагал их в книге «Теория и история. Интерпретация социально-экономической эволюции» (1957). В сочинении «Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма» (1988; русск. перевод: М., 1992) Ф. Хайек полностью присоединился к попперовский критике «историцизма».

А совсем недавно это сделал отечественный историк А.Я. Гуревич в выступлении, которое было опубликовано под названием «Не «вперед к Геродоту!», а назад — к анекдотам» (Историк в поиске. Микро- и макроподходы к изучению прошлого. М., 1999). Удивляться здесь нечему. От неокантианства до прямого феноменализма — всего один шаг.

Нельзя сказать, чтобы Ф.А. фон Хайек, К. Поппер и Л. фон Мизес в своих взглядах на историю были чрезмерно оригинальны. Еще в 1938 г. увидела свет работа Р. Арона «Введение в философию истории» (русск. перевод: Избранное: Введение в философию истории. М.-СПБ., 2000), в которой доказывалось, что история как целое, как единый процесс необъяснима. Поэтому невозможен прогноз будущего на основании изучения опыта прошлых веков. «История, — писал Р. Арон, — свободна, ибо она заранее не написана и не детерминирована, как природа или фатальность; она непредсказуема, как человек для самого себя».[248]

Истоки такого взгляда уходят, что признает и сам Р. Арон, к работам французского математика, экономиста и философа Антуана Огюстена Курно (1801 — 1877) и прежде всего к вышедшему в 1872 г. его двухтомному труду «Рассмотрение хода идей и событий в новое время». В последнем сочинении А.О. Курно выступает против тех, кто претендует на открытие законов истории. Историю он сводит к последовательности событий и видит задачу не только исторической науки, но и философии истории в установлении причинных связей между явлениями, причем рекомендует изучать эти причины с точки зрения их независимости друг от друга и от их взаимодействия. Взгляды А.О. Курно на историю пропагандировал в сочинении «Ульмская ночь.

[246] Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. С. 131-132.

[247] Там же. С. 220.

[248] Арон Р. Введение в философию истории // Р. Арон. Избранное: Введение в философию истории М.-СПб., 2000. С. 499.

Философия случая» (1953; Соч. в 6 кн. Кн. 6. М., 1996) русский писатель-эмигрант Марк Алданов (наст. фам. Марк Александрович Ландау, 1889 – 1957).

2.11.2. Р. Нисбет и Р. Будон

Идеи К. Поппера были подхвачены и развиты американским социологом Робертом Нисбетом в целом ряде работ, среди которых прежде всего следует отметить книгу «Социальное изменение и история. Аспекты западной теории развития» (1969). В этом и других трудах Р. Нисбет выступает против девелопментализма (developmentalism) — концепций развития человеческого общества, которые одновременно представляют собой и концепции его прогресса.

Р. Нисбет выделяет несколько положений, которые, по его мнению, присущи теориям общественного развития:

1. Изменения имеют естественную природу. Эти изменения естественны для базисных объективных общностей, каковыми являются цивилизации, институты, общественные формы.
2. Изменения носят направленный характер.
3. Изменения внутренне присущи объективным общностям, причем не только обществу как целому, но каждому из главных составляющих общество институтов.
4. Имманентность развития — ядро теории социальной эволюции.
5. Изменения непрерывны.
6. Изменения носят необходимый характер.
7. Изменения проистекают из однородных причин.[249]

Все эти положения Р. Нисбет объявляет несостоятельными и, как он сам считает, достаточно убедительно опровергает. Прежде всего он выступает против признания объективного существования общностей, которым девелопменталисты приписывают способность развиваться. Обращаясь к эволюционистской концепции Т. Парсона (2.8.3) Р. Нисбет подчеркивает, что «тотального общества», которое у этого социолога проходит три основные стадии развития (примитивную, промежуточную и модерную), в реальности не существует.

Это — «сконструированная общность», созданная умом ученого. Такими же «сконструированными общностями» являются фигурирующие в западной социологической литературе «цивилизация как целое», «человечество», «капитализм», «демократия», «культура» и т.п. Создав в своем уме эти общности, исследователи затем их «реифицируют» (от лат. rei. — вещь), т.е. переносят их в мир, рассматривают их в качестве реально, объективно существующих.

Из этого видно, что Р. Нисбет, как и К. Поппер, стоит на позициях номинализма. Действительно «тотальное общество», т.е. общество вообще, как особое явление не существует. Оно, как я уже говорил, не имеет самобытия. Но это отнюдь не означает, что оно существует только в уме ученых.

Общество вообще существует и в реальном мире. Но его бытие есть не самобытие, а инобытие. Если в голове ученого общество вообще существует в чистом виде, в идеальной форме, то в мире оно существует как то объективное общее, что присуще всем социоисторическим организма, т.е. как всякое общее оно имеет в мире бытие только в отдельном и через отдельное.

[249] Nisbet R. A Social Change and History. Aspects of the Western Theory of Development. New York, 1969. P. 166-182.

Если, по Нисбету, общество вообще существует лишь в умах ученых, то естественно, что процесс развития этого общества тоже представляет собой чисто умственную конструкцию, не имеющую ничего общего с реальностью. И историк, и социолог должны заниматься не подобного рода логическими конструкция, а изучением «социального поведения человеческих существ в специфических регионах и в определенные промежутки времени».

Нетрудно заметить, что Р. Нисбет практически выступает против схем развития, в которых фигурирует лишь общество вообще и игнорируется общество в целом как единство существовавших и существующих социоисторических организмов и которые естественно вырождаются в линейно-стадиальную интерпретацию истории. Но протестуя против такого подхода к истории, он приходит к отрицанию существования общего и необходимого в истории, а тем самым и понимания истории как процесса развития.

Р. Нисбет, как мы видели, довольно последователен в этом отношении: одновременно отрицает и субъект исторического процесса, и сам исторический процесс. Он не только отрицает объективное существование общества вообще. В его построении нет места и конкретным отдельным обществам, т.е. социоисторическим организмам. И это неизбежно. Хотя понятие общества вообще отличается от понятия отдельного, конкретного общества, но второе немыслимо без первого. Отвергая по существу не только общество вообще, но и отдельные общества Р. Нисбет в то же время ищет что-то конкретное. В результате вместо конкретных отдельных обществ у него в качестве объекта исторического исследования выступают действия каких-то человеческих существ в каких-то неопределенных «специфических регионах», или, что то же самое, в «специфических исторических областях».

Однако до конца отрицание объективного бытия определенных единиц исторического развития, т.е. практически социоисторических организмов, а тем самым и общества вообще, он выдержать не смог. Взгляду, согласно которому общество всегда находится в развитии, он противопоставляет точку зрения, заключающуюся в том, что нормальным, естественным для общества есть не изменение, а наоборот, отсутствие изменений — постоянство (constancy), неподвижность (fixity). Никакой внутренней необходимости, неизбежности изменений в обществе не существует. Если изменения в нем и происходят, то отнюдь не в результате внутренне присущих ему причин, а вследствие влияние внешних для него факторов. Поэтому нельзя говорить не только о необходимости изменений, но и об их необратимости.[250]

И вот здесь, стремясь отделить внутренние факторы изменений от внешних, Р. Нисбет, сам того не замечая, признает объективное существование той самой социальной «общности» или «единицы», которую он с таким жаром отрицал. Внутренние факторы — это те, которые действуют изнутри «общности», а внешние те, что влияют на нее извне.[251]

Линию, намеченную К. Поппером и Р. Нисбетом, пытался продолжить французский социолог Раймон Будон в книге «Место беспорядка. Критика теорий социального изменения» (1984; русск. перевод: М., 1998). По его мнению, все современные теории социального изменения представляют собой «перевоплощение» давно уже мертвых старых идей философии истории. Не утруждая себя доказательствами, Р. Будон

[250] Nisbet R. Developmetalism: A Critical Analysis // Theoretical Sociology. Perspectives and Developments. Ed. By J.C. McKinney and E.A.Tiryakian. New York, 1970. P. 199–201.

[251] Ibid.

объявляет, что все эти концепции сейчас потерпели крушение и полностью дискредитированы. «Постоянно возобновляемая погоня за primum mobile, — пишет автор, — так и остается безрезультатной. Законы изменений абсолютные, универсальные или причинно-следственные — представляют собой практически пустую конструкцию. Структурные закономерности имеют множество исключений».[252] Из всех конкретных концепций социального изменения особенно ненавистны автору теории зависимости, которые внушают иллюзии, «будто *зависимость* стран третьего мира является причиной их слабого экономического развития».[253] В целом автор, будучи также, как К. Поппер и Р. Нисбет феноменалистом, беспомощно путается в проблеме общего и отдельного, логического и исторического и ничего толкового сказать не может.

2.11.3. Ч. Тилли, П. Штомпка и постмодернисты

Если атака К. Поппера на «историцизм» имела под собой чисто идеологические причины — защиту капитализма, то взгляды Р. Нисбета помимо всего прочего были реакцией на возрождение линейно-стадиального понимания истории со всеми присущими ему недостатками. Еще в большей степени это проявилось в работе Чарльза Тилли «Крупные структуры. Масштабные процессы. Большие сравнения» (1984).

Он перечисляет восемь пагубных, как он выражается, постулатов (принципов), которыми руководствуется социальная мысль XX в., при характеристике социальных изменений:

1. Общество есть образование, существующее объективно. Мир как целое разделен на отдельные общества, каждое из которых имеет более или менее самостоятельную культуру, организацию власти, экономику и сплоченность.

2. Социальное поведение есть результат мыслей индивидов, которые определяются жизнью в обществе. Оно объясняется, таким образом, влиянием общества на умы индивидов.

3. «Социальное изменение» есть единый внутренне сцепленный феномен, который может быть объяснен только как целое.

4. Главный процесс социальных изменений на самом высоком уровне заключается в том, что отдельные общества проходят через последовательность стадий, каждая из которых более прогрессивна, чем предыдущая.

5. Неизбежная логика изменений больших масштабов состоит в дифференциации, которая обеспечивает продвижение вперед.

6. Состояние социального порядка зависит от равновесия между процессами дифференциации и интеграции. Быстрая или экцессивная дифференциация порождает беспорядок.

7. Многие виды осуждаемого поведения, включая сумасшествие, убийство, пьянство, преступление, самоубийство и мятеж, порождаются экцессивными, быстрыми социальными изменениями.

8. «Иллегитимные» и «легитимные» формы конфликтов, насилия и экспроприации представляют порождение существенно различных процессов: процессов изменения и беспорядка, с одной стороны, процессов интеграции и контроля, с другой.[254]

[252] Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М., 1998. С. 218.
[253] Там же. С. 6.
[254] Tilly Ch. Big Structures. Large Processes. Huge Comparisons. New York, 1984. P. 11-12.

Все эти постулаты Ч. Тилли оспаривает. Рассмотрим его критику только первых четырех принципов, ибо только они имеют кардинальное значение для понимания исторического процесса. Все остальные — второстепенны.

Ч. Тилли обявляет, что отдельные общества есть фиктивные объекты.[255] Но одновременно он признает, что «национальные государства» несомненно существуют.[256] Спрашивается, почему же их нельзя назвать отдельными обществами? Никакого вразумительного ответа на этот вопрос Ч. Тилли не дает. Как пишет он, антропологи (этнографы) выделяют общины, «племена», «народы», «королевства» и т.п. Но эти же ученые наблюдают их сосуществование и взаимопроникновение. Поэтому общины, «королевства» и т.п. как отдельные самостоятельные объекты суть фикции.

Действительно, общины могут входить в состав других, более крупных образований. Но они могут существовать и как вполне самостоятельные социоисторические организмы. И наличие связи между такими общинами ничуть не исключает их самостоятельности. «Королевства», т.е. вождества, протополитархии, — всегда самостоятельные социоисторические организмы. В слово «племя» этнографы, как мы уже видели, могут вкладывать различный смысл. Племенем могут называть совокупность вполне самостоятельных общин. Но один из смыслов этого слова — самостоятельный многообщинный социоисторический организм. И здесь никакого опровержения не получается. Взамен понятия отдельного общества Ч. Тилли предлагает понятие мира-системы. Но никакого определения мира-системы он не дает. На примере И. Валлерстайна мы уже видели, что под миром-системой фактически понимается либо социоисторический организм, либо чаще система социоисторических организмов, т.е. все сводится к изменению терминологии.

Переходя к критике третьего постулата, Ч. Тилли категорически заявляет, что «не существует такой вещи, как социальное изменение в общем».[257] Существует лишь много отдельных определенных крупномасштабных процессов: урабанизации, индустриализации, пролетаризации, демографического роста и т.п. А определенного целостного процесса социальных изменений нет. Такое опровержение никак нельзя признать убедительным.

В своей критике «теории стадий» Ч. Тилли прав, когда выступает против линейно-стадиальной концепции модернизации вообще, теории «стадий экономического роста» в частности. Но он не прав, когда считает, что тем самым он полностью опровергает представление о стадиях развития общества вообще.

Все концепции истории, в которых определенные объекты, будь то общества или цивилизации развиваются, проходя определенные стадии, Ч. Тилли характеризует как «естественные истории» (natural histories). К семейству «естественных историй» относятся не только линейно-стадиальные концепции истории (например,теории экономического роста и модернизации), но и схемы О. Шпенглера, А.Дж. Тойнби, П. Сорокина и т.п. Но отвергая и линейно-стадиальные (и вообще унитарно-стадиальные), и плюралыно-циклические концепции истории, Ч. Тилли сам ничего взразумительного взамен им предложить не может.

Изложив в книге «Социология социальных изменений» взгляды К. Поппера, Р. Нисбета, Ч. Тилли и И. Валлерстайна, П. Штомпка пишет: «Постоянная критика теории развития на протяжении нескольких десятилетий привела к медленному размыванию

[255] Ibid P. 21.
[256] Ibid P. 12.
[257] Ibid. P. 337.

ее и в конечном счете — к полному отрицанию. В настоящее время обе ее основные версии — эволюционизм и исторический материализм, похоже, уже принадлежат истории социального мышления».[258] Но самое, пожалуй, удивительное в том, что отвергая на одних страницах своей работы концепцию развития, П. Штомпка на других выступает в защиту идеи общественного прогресса.[259] Концы у него явно не сведены с концами.

Линию антиисторизма продолжили последователи т.н. философии постомодернизма. Сторонники этого направления отрицают объективность фактов, объективную истину, объективность результатов исторического исследования. Они пропагандируют полный произвол, отрицание всякой преемственности, исторической необходимости и прогресса в истории. Вот что, например, пишет об истории и задачах истории француз Жорж Лардро: «Итак, не существует ничего, кроме дискурсов о прошлом, содержанием которых являются те же дискурсы. Достоверно поставленный балет масок, представляющих интересы и противоречия современности, с переменой ролей, но с неизменным местом действия — история как костюмерная воображаемых записей, историк — как художник-костюмер, оформляющий маскировки, которые никогда не повторяются: история соткана из материи нашей мечты, окутана нашим мимолетным воспоминанием о приснившемся».[260]

Не отстают от зарубежных авторитетов и наши соотечественники. «Мы, — пишут Ирина Максимовна Савельева и Андрей Владимирович Полетаев, — являемся сторонниками феноменологического изучения общества, в рамках которого социальная реальность тождественна социальному запасу знания о нем».[261]

Американка Агнесса Хеллер в своем докладе на VI конференции философов Востока и Запада, происходившей в 1989 г. в Гонолулу, заявила, что всякая философия истории есть своего рода идеологический миф. Как уверяла она, жизненный опыт поколения, выросшего во время и после Второй мировой войны, враждебен унифицирующему и самодовольному величию концепций философии истории и не приемлет ни одну из них. Человечество вступило сейчас в постмодернистский период, когда оно не нуждается в костылях философии истории.[262] «Новизна нашей эпохи, — говорила А. Хеллер, — заключается в открытости горизонта и плюрализме интерпретаций как настоящего, так и прошлого».[263]

2.12. ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЖСОЦИОРНЫХ СВЯЗЕЙ И ПОПЫТКИ СОЗДАНИЯ ЦЕЛОСТНОЙ КАРТИНЫ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

2.12.1. Вводное замечание

Работы и Ф. Броделя, и И. Валлерстайна посвящены в основном возникновению и развитию мировой капиталистической системы. Более ранними периодами человеческой истории они специально никогда не занимались. С возникновения и развития

[258] Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 241.

[259] Там же. С. 59.

[260] Цит.: Анкерсмит Ф.Р. Историография и постмодернизм // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 162.

[261] Савельева И.М., Полетаев А.В. Микроистория и микроанализ // Историк в поиске. М., 1999. С. 107.

[262] См.: Степанянц М.Т. Восток-Запад: Диалог философов // ВФ. 1889. № 12. С. 156.

[263] Цит.: Там же.

мир-системного подхода перед его сторонниками возникла настоятельная задача показать не только его применимость, но и полезность для исследованиях всех эпох человеческой истории. А это можно сделать, лишь создав с его помощью целостную картину всей всемирной истории. Такая задача в достаточной четкой форме была поставлена И. Валлерстайном перед своими единомышленниками в статье «Мир-системный анализ: вторая фаза» (1990). В качестве первого пункта программы дальнейших изысканий значилось исследование миров-систем, отличных от капиталистического мира-экономики.[264] И сторонники мир-системного анализа действительно в течение уже многих лет стремятся нарисовать, используя этот подход, картину всемирной истории.

Но прежде чем перейти к рассмотрению результатов их деятельности в этом направлении, необходимо хотя бы кратко остановиться на предпринятых ранее попытках создать такую картину всемирной истории, в которой на первый план выступили бы «горизонтальные», т.е. межсоциорные связи.

2.12.2. Диффузионизм и всемирная история

Одна из форм межсоциорных связей была выделена этнографами на рубеже XIX—XX вв. под названием культурной диффузии. Диффузионизм во многом возник как реакция на эволюционизм XIX в., сосредоточивший внимание на «вертикальных» связях и передко подменявший человеческое общество в целом обществом вообще, человеческую культуру в целом культурой вообще.

Не буду повторять всего того, что уже говорилось о культурной диффузии (1.4.3 и 2.6.5). Суть ее заключается в том, что тот или иной элемент духовной или материальной культуры, возникший в процессе развитии одного общества (или группы обществ) заимствуется членами других социоисторических организмов. Происходит распространение, растекание (диффузия) этого элемента культуры по человеческому миру.

Любая концепция культурной диффузии явно или неявно исходит из существования своеобразного центра и периферии. Центр — общество, в котором впервые в результате его внутреннего развития возникло то или иное культурное достижение. Периферия — общества, в которых этот элемент не возник и которые заимствуют его из центра. Когда речь идет об отдельных культурных элементах, различие центра и периферии относительно. Центр в отношении одного элемента культуры может быть периферией в отношении другого.

Концентрируя свое внимание на пространственном распространении культуры, этнографы-диффузионисты отодвигали на задний план или даже отвергали эволюцию, развитие. Зато они детально исследовали реальные отношения между локальными культурами, а тем самым между обществами и их различного рода группировками. Ими было предпринято картографирование культур, выделены «культурные круги», культурные ареалы, провинции, области и т.п. Сходную работу, но уже на материале, относящемся к первобытным временам, проделали археологи, причем не только те, что придерживались диффузионистских идей.

Но и этнографы, и археологи изучали в основном мир первобытности, одни — живую старину, другие — мертвую, ушедшую. Лишь немногие из ученых обращались

[264] Wallerstein I. World-System Analysys· The Second Phases // Review. 1990.Vol. 13. № 3.

к истории цивилизованного общества. И чаще всего они были не просто диффузионистами, а гипердиффузионистами.

До крайнего предела идеи диффузионизма были доведены в работах английских ученых Графтона Эллиота-Смита (1871—1937) «Миграции ранней культуры» (1915) и «Человеческая история» (1930) и Уильяма Джеймса Перри (1889—1949) «Дети солнца» (1923), в которых главное внимание уделялось не столько первобытным, сколько цивилизованным народам. Согласно их взглядам, был только один мировой центр цивилизации — Египет, откуда созданная древними египтянами высокая культура распространилась по всему миру. Их концепцию часто характеризуют как гипердиффузионизм, или панегиптизм.

Аналогичные идеи развивали и некоторые историки. В работах немецких ассириологов Гуго Винклера «Вавилонская культура в ее отношении к культурному развитию человечества (русск. перевод: М.,1913) и Фридриха Конрада Герхарда Делича (1850—1922) «Библия и Вавилон» (1902; русск. перевод: СПб., 1904, 1906 и др.) отстаивалась концепция панвавилонизма. Согласно взглядам этих ученых, почти все, если не все, цивилизации Земли имеют своим истоком вавилонскую. В России сторонником панвавилонизма был крупный историк Роберт Юрьевич Виппер (1859—1954), посвятивший пропаганде этой концепции небольшую книгу «С Востока свет» (М., 1907).

В работах сторонников как панегиптизма, так и панвавилонизма речь шла о распространении не просто отдельных элементов культуры или даже культурных комплексов, а целых культур или цивилизаций. Беда была в том, что и те, и другие не только и не столько открывали реальные связи, сколько изобретали их в угоду своей концепции.

Выступивший с резкой и во многом совершенно справедливой критикой панвавилонизма Э. Мейер большое внимание уделял выявлению реальных культурных и прочих связей между отдельными обществами мира и даже их системами. Он ввел понятие культурного комплекса. Но в целом в отношении ранних эпох классового общества сделано было не очень много.

2.12.3. Всемирная история в работе У. Мак-Нилла «Подъем Запада. История человеческой общности»

До появления мир-системного подхода была по существу лишь одна серьезная попытка создать полную картину истории цивилизованного человечества, в которой учитывались бы по возможности все «горизонтальные», межсоциорные связи. Она была предпринята американским историком Уильямом Харди Мак-Ниллом в обширном труде, носящем название «Подъем Запада. История человеческой общности». Как говорит автор, замысел нарисовать историю человечества как единого целого возник у него еще в 1936 г. Труд его вышел в 1963 г. и неоднократно переиздавался.

О направленности труда У. Мак-Нилла достаточно красноречиво говорят заглавия разделов и подразделов: «Диффузия цивилизации», «Трансплантация цивилизации в районы дождевого земледелия», «Влияние цивилизации на окраины земледельческого мира», «Эллинистическая экспансия в варварскую Европу», «Экспансия и развитие неэллинистических цивилизаций Евразии», «Великие миграции», «Европейская экспансия на Новые Земли», «Подъем Запада. Космополитизация в глобальном масштабе» и т.п.

В развитии всемирной истории после появления первых цивилизаций У. Мак-Нилл выделяет три основных периода: 1) эру доминирования Среднего Востока (от 3100 г. до 500 до н.э.), 2) эру евразийского культурного равновесия (500 г до н.э. — 1500 г. н.э.) и 3) эру доминирования Запада (с 1500 г. до современности). Но признавая прогресс человечества, У. Мак-Нилл не дает никакой сколько-нибудь четкой стадиальной типологии обществ. Он говорит лишь о разных «стилях жизни».

Обращаясь к грекам, он оценивает созданный ими около 500 г. до н.э. «стиль жизни» как новый и более привлекательный. Одновременно он пишет о том, что в это время греческая цивилизация, возникшая как периферийное ответвление средневосточной цивилизации, поднялась до уровня равенства с древними центрами развития и даже превосходства над ними. Все это можно было бы истолковать, как признание им древнегреческого общества стадиально более высоким, чем древневосточное.[265]

Однако давая характеристику четырех главных цивилизаций, существовавшие в Евразии в период с 500 г. до н.э. по 1500 г. н.э., а именно 1) эллинистической (западной), 2) средневосточной, 3) индийской и 4) китайской, он пишет, что хотя каждой из них был свойственен свой «стиль жизни», все они находились на одном и том же уровне. Он не видит существенного различия между античной и средневековой Европой. Для него это одна и та же цивилизация: эллинистическая, или западная, хотя в применении к более раннему периоду он чаще всего использует первый термин, а в применении к более позднему — второй.[266]

С конца XVIII в. западная культура стала более высокой, чем все остальные. Главные достижения Запада — индустриализм и демократия. К 1917 г. история Запада растворилась в мировой истории. Это же произошло с другими цивилизациями, а также с народами, находившимися на стадиях дикости и варварства. Но в образовавшейся амальгаме Запад получил отчетливое преимущество над всеми остальными. Современная высокая культура почти полностью сформировалась на западной основе.

Труд У. Мак-Нилла несомненно интересен. Но отсутствие стадиальной типологии социоисторических организмов не позволило ему пойти дальше описания хода мировой истории. У него есть смена одних временных эпох всемирной истории другими, но нет процесса развития человечества.

В какой-то степени У. Мак-Нилл осознал это, и в последующем в статье «Организующие понятия мировой истории» (1986), опубликованной, кстати, в журнале мир-системников «Ревью», сделал попытку выделить, как он сам называл, «идеальные типы общества». По существу, он имел в виду стадиальные типы социоисторических организмов.

У. Мак-Нилл выделил три таких типа: 1) простые охотничье-собирательские группы (bands); 2) варварское общество; 3) цивилизация, или цивилизованное общество. Это, по существу, повторение старой привычной трехчленной схемы: дикость, варварство, цивилизация. Однако он не смог сделать самого главного: выделить стадиальные типы цивилизованного общества. Он ограничился лишь выделением двух фаз цивилизованной истории: 1) фазы возникновения отдельных цивилизаций и 2) фазы роста ойкуменной мировой системы, начавшейся примерно с 1000 г. н.э.

[265] Mc Neill W. The Rise of West. A History of Human Community. Chicago and London, 1963. P. 116, 217.

[266] Ibid P 249-251.

2.12.4. Сторонники мир-системного подхода и их попытки создания целостной картины всемирной истории

К настоящему времени сложилась целая школа мир-системного анализа, самые крупные представители которой, кроме уже известных нам А.Г. Франка и С. Амина, — Кристофер Чейз-Данн, Теренс Хопкинс, Джованни Арриджи (все три — США), Барри Гиллз (Великобритания), Жанет Абу-Лугход. И почти все перечисленные выше лица предприняли попытки создать, руководствуясь мир-системным подходом, картину если не всей мировой истории, то истории цивилизованного человечества или решающих ее эпох. Ими было опубликовано множество статей в различных журналах, но главным образом в «Ревью». Под редакцией А.Г. Франка и Б.К. Гиллза вышел сборник «Мир-система. Пять сотен или пять тысяч лет?» (1993), под редакцией К. Чейз-Данна и Э. Уилларда, книга «Отношения между ядром и периферией в докапиталистическом мире» (1993). Ж. Абу-Лугход опубликовала монографию «Перед европейской гегемонией. Мир-система 1250—1350» (1989).

Важным источником для многих из них была упомянутая выше работа У. Мак-Нилла, у которого, в частности, многими мир-системниками была заимствована схема периодизации мировой истории. Но, к сожалению, все их усилия не увенчались достижением поставленной цели. И главные причины их неудачи заключаются в том, что они в той или иной степени руководствовались обрисованной выше системой антиисторических положений И. Валлерстайна, которая предполагает абсолютизацию «горизонтальных» связей при игнорировании связей «вертикальных». Такой подход исключает создание стадиальной типологии социально-исторических организмов, а без нее сколько-нибудь четкую картину всемирной истории нарисовать невозможно.

Разные представители школы мир-системного анализа не совсем одинаково подходили к созданию картины всемирной истории. Одни из них, как и сам И. Валлерстайн, считали, что до появления капиталистического мира-экономики существовало много разных миров-систем (например, К. Чейз-Данн).

Иную позицию заняла другая группа мир-системников, в том числе А.Г. Франк. Последний считает, что у И. Валлерстайна в его подходе к истории сохраняется слишком много стадиальности. А.Г. Франк настаивает на том, что тот мир-система, который сейчас существует, не возник в XVI в. в Западной Европе и затем постепенно втянул в себя все общества, как полагает И. Валлерстайн, а появился пять тысяч лет назад и всегда охватывал Азию, Африку и Европу, а с XVI в. включал в себя и Америку.

По Франку, И. Валлерстайн ошибочно отождествил понятия «способ производства» и «система». Это и породило у него представление о капиталистическом мире-системе, возникшем в XVI в. В действительности ни о каком переходе от феодализма к капитализму говорить не приходится. Мир-система на протяжении пяти тысяч лет оставался в принципе одним и тем же. И вообще понятия «перехода» и «способов производства» не только бесполезны, но и препятствуют научному изучению преемственности и основных свойств мир-системы прошлого. От них нужно отказаться.[267]

Вся история этой возникшей пять тысяч лет мир-системы сводится к бесконечному чередованию периодов подъема и упадка и перемещению ее центра. Этот центр смещался по направлению с Востока на Запад. Продолжая движение в этом направ-

[267] См.: Франк А.Г. Формационный переходы и и мифологемы способов производства // Восток. 1992. № 2; Он же. Смещение мировых центров с Востока на Запад // ЛА. 1993. № 2.

лении, он пересечет Тихий океан и достигнет Японии, а затем Китая. В какой-то степени А.Г. Франк более последователен, чем И. Валлерстайн. В его схеме мировой истории совсем нет места развитию, тем более — прогрессу.

В целом все усилия как самого И Валлерстайна, так и его последователей создать, пользуясь мир-системным подходом, картину всемирной истории, кончились крахом. У них ничего не получилось и, можно с уверенностью сказать, ничего не получится. Стало ясным, что понятия мира-системы вообще, мира-экономики в частности, в тех смыслах, которые вкладывали в них Ф. Бродель и И. Валлерстайн, применимы, да и то с определенными оговорками, только к одному единственному исторического образованию — тому, которое давно уже принято назвать мировой капиталистической системой. А это значит, что мир-системный анализ есть всего лишь один из нескольких подходов к изучению мировой капиталистической системы, точнее, даже один из вариантов концепции зависимости. Достоинство этого варианта — попытка взглянуть на мировую капиталистическую систему исторически, рассмотреть процесс ее возникновения и развития. Недостатки — теоретическое отрицание реальности существования социоисторических организмов (при практическом признании этого факта), и недооценка, а затем и отказ от стадиальной типологии обществ. Мир-системный подход, сыграв определенную позитивную роль в развитии философско-исторической мысли, к настоящему времени исчерпал все свои возможности и ушел в прошлое.

2.12.5. Выход из тупика — глобально-стадиальное понимание истории

Линейно-стадиальное понимания истории, включая и линейно-формационное, находится в явном противоречии с исторической реальностью. Поэтому необходимостью является отказ от него. Но для большинства философов, социологов, историков и вообще обществоведов понятие унитарного-стадиального понимания истории было равнозначно понятию линейно-стадиального подхода к ней. Поэтому в их глазах выявление несостоятельности линейно-стадиального понимания истории выступало как крах унитарно-стадиального подхода к ней.

Но кроме унитарно-стадиального похода существуют еще только два: плюрально-циклический и агностический («антиисторицистский»). Получалось, что нужно выбирать один из них. Но, как мы уже видели, плюрально-циклический подход в целом к настоящему времени обнаружил свою полную несостоятельность. Отказ от него стал в настоящее время столь же настоятельным, как и отказ от линейно-стадиального понимания истории. Результатом выявления непригодности плюрально-циклического подхода к истории при досточно ясном понимании несостоятельности линейно-стадиального ее понимания и было соскальзывание определенного числа обществоведов на позиции исторического агностицизма, что можно было наглядно видеть на примере эволюции взглядов И. Валлерстайна. Но это означало отказ от науки.

Еще один путь — попытка создания своеобразного гибрида унитарного-стадиального понимания истории в его линейно-стадиальной интерпретации и плюрального-циклического подхода, — концепции многолинейной эволюции. Как мы уже видели, по такому пути пошло развитие мысли некоторых советских историков, разочаровавшихся в ортодоксальной интерепретации теории общественно-экономических формаций (2.4 8) и Дж. Стьюарда (2.8.2). Сейчас он снова обрел некоторую популярность, что можно видеть на примере сборника «Альтернативные пути к цивилизации» (М., 2000), содержащего статьи как российских, так и зарубежных ученых. Но практи-

чески этот путь до сих пор ни к чему не привел и с уверенностью можно сказать, ни к чему не приведет.

Казалось, возникла ситуация абсолютного теоретического тупика. Но, к счастью, это только видимость.

В действительности же понятия унитарно-стадиального и линейно-стадиального понимания всемирной истории не совпадают. Линейно-стадиальный подход представляет собой всего лишь одну из интепретаций унитарно-стадиального понимания истории. Кроме линейно-стадального истолкования унитарного-ствадиального понимания истории возможно и совершенно иная его интерпретациия.

Напомню, что в применении к теории общественно-экономических формаций был поставлен вопрос (2.4.5—2.4.6.): представляет ли собой схема смены формаций идеальную модель развития каждого социально-исторического организма, взятого в отдельности, или же она выражает внутреннюю необходимость развития только их всех вместе взятых, т.е. только всего человеческого общества в целом? Как уже было показано, практически все марксисты склонялись к первому ответу, что делало теорию общественно-экономических формаций одним из вариантов линейно-стадиального понимания истории.

Но ведь возможен и другой ответ. В таком случае общественно-экономические формации выступают прежде всего как стадии развития человеческого общества в целом. Они могут быть и стадиями развития отдельных социоисторических организмов. Но это совершенно не обязательно. Смена формаций в масштабах человечества в целом может происходить и без их смены в качестве стадий развития социоисторических организмов. Одни формации могут быть воплощены в одних социоисторических организмах и их системах, а другие формации — в совершенно иных социоисторических организмах и их системах. А это предполагает передачу исторической эстафеты от одних систем социоисторических организмов к другим системам.

Такая интерпретация унитарно-формационного, а тем самым и вообще унитарно-стадиального подхода к истории, может быть названа *глобально-формационным*, а более широко — *глобально-стадиальным* пониманием истории.

И такое понимание смены стадий всемирной истории не является абсолютно новым. Глобально-формационное понимание истории возникает только сейчас. Но сама идея исторической эстафеты и даже идея эстафетной смены стадий исторического развития, а тем самым и глобально-стадиального подхода к истории зародилась уже довольно давно, хотя и не пользовалась никогда широким признанием. Возник этот подход из потребности совместить идеи единства человечества и поступательного характера его истории с фактами, свидетельствующими о разделении человечества на обособленные образования, которые возникают, расцветают и погибают. И имеет смысл рассмотреть историю идеи исторической эстафеты и возникшего в результате ее разработки глобально-стадиального понимания истории.

2.13. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИДЕИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭСТАФЕТЫ И ГЛОБАЛЬНО-СТАДИАЛЬНОГО ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ

2.13.1. Идея исторической эстафеты

Зачатки если не эстафетно-стадиального, то эстафетного подхода к истории присутствовали уже в знакомой нам концепции четырех монархий. Еще римлянин Эме-

лий Сура в труде о римской хронологии, написанном где-то между 189 и 171 годами до н.э., подчеркивал, что первоначально могуществом обладали ассирийцы, от них оно перешло к мидийцам, затем к персам и, наконец, верховенство оказалось в руках Рима.

В средние века идея исторической эстафеты проявилась, как мы помним, в форме концепции «переноса империи» («translatio imperii»). Согласно ей, власть римских императоров была перенесена сначала на западных франков в лице Карла Великого, а затем на германцев в лице Оттона I.

В XV в. концепция четырех великих монархий становится известной на Руси. Она широко использована в «Российском Хронографе», составленном, вероятно, в 1442 в. Вместе с ней в русскую мысль проникает идея исторической эстафеты.

Она лежит в основе возникшей в России XVI в. концепции «Третьего Рима». Согласно ей, ведущая роль вначале перешла от первого Рима ко второму — Константинополю, а после его падения к Москве, которая и стала третьим Римом. В совершенно четкой форме эта идея была сформулирована в послании псковского старца Филофея великому князю Василию III: «...Блюди и внемли, благочестивый царю, яко все христианская црьства снидошас в твое едино, яко два Рима падоша, а третей стоит, а четвертому не быти...».[268]

В поэтической форме идея принятия Россией эстафеты от Константинополя была выражена в стихотворении В.С. Соловьева «Панмонголизм»:

Когда в растленной Византии
Остыл Божественный алтарь
То отреклися от Мессии
Иерей и князь, народ и царь,
Тогда он поднял от Востока
Народ безвестный и чужой,
И под орудьем тяжким рока
Во прах склонился Рим второй.[269]

Еще в первой половине XV в., до крушения Византии, на Руси было создано «Сказание о Вавилоне граде», в котором рассказывалось о передаче царских регалий из пришедшего в упадок Вавилона в Константинополь.[270] Уже после падения Константинополя в «Послании о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы, современника Ивана III и Василия III, рассказывается о передаче византийским императором Константином царских регалий, в том числе царского венца, великому князю киевскому Владимиру Всеволодовичу, от которого они перешли к великим князьям владимирским, а тем самым и к московским. «И от сего времени, — сообщается в послании, — князь великий Володимер Всеволодович наречся Манамах и царь великий великия Росия, и от того часа тем венцом царским, что присла великии царь греческий Констянтин Манамах, венчаются вси великие князи Володимерские, егда ставятся на великое кня-

[268] Филофей. Послание к великому князю Василию, в нем ж о исправлении крестного знамения и о содомском блуде // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984. С. 440.

[269] Соловьев В.С. Панмонголизм // В.С. Соловьев. «Неподвижно лишь солнце любви». Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников. М., 1990. С. 89.

[270] См.: Скрипиль М.О. Сказание о Вавилоне граде // ТОДРЛ. Т. 9. М.-Л., 1953 (в приложении к статье дан текст сказания); Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 679-682.

жение руское, якоже и сие волный и самодержец великия Росия Василей Иванович второйнадесят по колену от великого князя Володимире Манамаха...».[271]

И в последующем в «Сказании о Вавилоне граде» появилось дополнение, в котором говорилось о том, что доставленные из Вавилона в Константинополь царские регалии, через Владимира Мономаха перешли к московским царям.[272] Здесь историческая эстафета идет от Вавилона к Константинополю, а от него через Киев в Москву. Рим из нее исключен.

Идею исторической эстафеты, но не стадиально-эстафетного развития, принимал Н. Макьявелли, который писал в своих «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия»: «Обдумывая ход подобных вещей, я прихожу к выводу, что мир всегда был устроен одинаково и всегда в нем было столько же хорошего, сколько и плохого, однако от страны к стране картина менялась; об этом можно судить по древним монархиям, которые сменяли друг друга вследствие изменения нравов, но мир при этом оставался все тот же. Разница была только в том, что вся его доблесть был сосредоточена в Ассирии, затем перенесена в Мидию, потом в Персию и в конце концов достигла Италии и Рима».[273]

2.13.2. Ж. Боден

С глобально-стадиальным подходом к истории мы впервые сталкиваемся лишь в работе уже упоминавшегося выше замечательного французского мыслителя Жана Бодена (1530—1596) «Метод легкого познания истории» (1566; русск. перевод: М., 2000).

Он исходил из того, что человечество представляет собой один единый организм, или, как он писал, «мировое государство». Оно состоит из народов, между которыми разделены различные его функции.

В развитии этого единого организма Ж. Боден выделяет три великие эпохи, каждая из которых длилась 2000 лет. Первая из них характеризуется доминированием во всемирной истории народов Востока, живших на юге в жарком поясе. Эти народы выявили секреты природы, открыли математические дисциплины, первыми осознали природу и власть религии и небесных тел. Таким образом, «2000 лет человечество провело в постижении религии и мудрости и ревностно изучало движение небесных тел и всеобщую силу природы».[274]

На следующем этапе господство перешло к народам, обитавшим в средней полосе, в умеренном поясе, среди которых особо выделяются греки и римляне. У этих народов впервые появились государственные учреждения, законы, традиции и лучшие способы управления государством, от них пошла торговля, занятия риторикой, логикой и, наконец, педагогика. «В следующие 2000 лет, — пишет Ж. Боден, — люди занимались основанием государств, разработкой законов и основанием новых поселений».[275]

Затем по всему миру прошла великая волна беспорядков и войны. Под натиском народов севера пали империи. Исчезло язычество. Народы севера менее, чем южане, склонны к размышлению. «В силу этого, — пишет Ж. Боден, — они правильно стали

[271] Послание Спиридона-Саввы // Жданов И.Н. Повести о Вавилоне и «Сказание о князех Владимирских». СПб., 1901. СПб., 1901. С. 140

[272] См : Жданов И.Н. Указ. раб. С. 52; Скрипиль М.О. Указ. раб. С. 128.

[273] Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь. М., 2002. С 138.

[274] Боден Ж Метод легкого познания истории. М , 2000 С. 108-109.

[275] Там ж. С. 109.

проявлять интерес к тем вещам, которые подвластны чувствам, упражняясь в ручных ремеслах и изобретениях. Поэтому от северян пришли так называемые механические избретения — орудия войны, искусство литья, печатания и все, что связано с обработкой металлов».[276]

Таким образом, у Ж. Бодена мы наблюдаем выделение таких периодов истории человеческого общества, которые суть стадии развития только лишь человечества в целом, но не отдельных его частей (стран, народов и т.п.), т.е. глобально-стадиальный подход.

Как уже отмечалось, Ж. Боден выступает с критикой концепций деградации человечества. Никакого золотого века в истории человечества не было. Далекое прошлое было скорее железным, чем золотым веком. Люди первоначально были близки к животным. Затем зародилось общество и началось движение к все более совершенным его формам. От дикости и варварства люди перешли к гражданскому обществу. Такое обшество впервые зародилось у халдеев, ассирийцев, финикийцев и египтян.

В ходе развития человечества происходили подъем и гибель государств, расцвет и упадок искусств. Особенно тяжелый удар был нанесен по всем искусствам во время варварских нашествий, погубивших Римскую империю. Были преданы огню библиотеки и разрушены памятники древности. «Этот ужасный факт подорвал большинство наук так, что они потеряли всякое значение, уважение к ним пропало на многие сотни лет, и казалось, что науки действительно погибли...».[277] Но уже арабы возродили их к жизни. Однако высшего расцвета знания получили в современной Ж. Бодену Европе. Как подчеркивает он, именно в наше время «после столь длительного упадка почти всего мира высветилось такое изобилие знаний, такое стремление к наукам, такое торжество талантов, какими не отличалась ни одна эпоха».[278] У Ж. Бодена нет сомнения, что совершая свои открытия, его современники опирались на знания, накопленные в течение предшествующих эпох. Но они сумели продвинуться значительно дальше.

Ж. Боден был категорически не согласен с теми гуманистами, которые ставили античность выше современности. Он доказывает, что, наоборот, Западная Европа в его время ушла намного вперед по сравнению с древностью. Появился компас, о пользе которого древние ничего не знали. Если древние жили постоянно на своих территориях и плавали в своем внутреннем бассейне, то современные путешественники за несколько лет многократно пересекли всю Землю и проложили путь колонистам в другие миры. Получила необычайное развитие международная торговля, позволившая связать все человечество в действительно единое целое. Все народы, писал Ж. Боден, «неожиданно оказались работающими совместно в едином мировом государстве, словно в одном городе».[279] Было изобретено новое, ранее невиданное оружие — огнестрельное, получило развитие ремесло и ткачество, возникло книгопечатание. Вся работа Ж. Бодена пронизана верой в поступательное, восходящее развитие человечества, хотя сама идея прогресса не нашла в ней сколько-нибудь четкой формулировки.

2.13.3. Л. Леруа

Ж. Боден был не одинок. Сходные идеи развивал его современник Луи Леруа (1510—1577) в книге «О коловращении или разнообразии вещей во вселенной» (1575).

[276] Там же С. 100.
[277] Там же. С. 266.
[278] Там же.
[279] Там же 267.

По его мнению, развитие человечества шло от примитивной грубости и простоты к упорядоченному обществу. Обозревая историю египтян, ассирийцев, персов, греков, римлян, сарацин и народов современности, Л. Леруа делает вывод о том, что искусства ведения войны, красноречия, философии, математики, наконец, искусства, которые называют прекрасными, много раз проходили один и тот же цикл. начало, совершенствование, разложение и конец.

Но у разных народов и в разных частях света это происходило не одновременно. В одно время процветали одни народы или группы народов, затем происходил их закат и на арену выходили другие, к которым и переходило господство. Вчера на первом плане была, например, Азия, сегодня — Европа, а затем может наступить время для Африки. Так происходила смена великих периодов, для каждого из которых было характерно выдвижение на авансцену истории определенных народов, живших на той или иной территории. Возникали и перемещались центры высокого развития. Все эти сменяющиеся империи наследовали друг другу. От одной страны к другой переходили добродетели и пороки, знания и невежество. Достижения архитектуры Европы базировались на наследии Азии. Письменность из Эфиопии и Египта распространилась на север.

Современное состояние Западной Европы не только равно наиболее блестящим эпохам прошлого, но в ряде отношений выше их. Все эти достижения стали возможными потому, что было усвоено наследие ушедших народов и прошедших веков. Овладев им, современные европейцы смогли намного продвинуться вперед. Почти все гуманитарные и механические искусства, которые были потеряны 1200 лет тому назад, теперь восстановлены, и к ним добавились новые изобретения — прежде всего книгопечатание и компас. Изобретены пушки, хотя, по мнению Л. Леруа, этим вряд ли можно гордиться, ибо они служат скорее погибели, чем созиданию. В области астрономии и космографии превзойдены все достижения древних Теперь стал известен весь мир и все живущие в нем расы. Торговля связала всех живущих на земле людей, которые стали тем самым подобны обитателям одного города, или одного мира-государства.

Л. Леруа допускает возможность того, что вслед за процветанием нашей культуры наступит ее упадок, в результате которого знание сменится невежеством, и произойдет возвращение к дикости и грубости. Не исключает он и нашествия народов, которые могут все уничтожить. Но считая это нежелательным, он надеется, что современная ему эпоха будет исключением из правила. В целом же знание неистощимо, и прогрессу его нет конца.

2.13.4. Дж. Хейквилл и У. Темпл

В 1627 г. вышла в свет книга англичанина Джорджа Хейквилла (1578—1649) «Апология или декларация силы и провидения Бога в управлении миром, состоящая в исследовании и осуждении общих обычных ошибок, etc.». В ней дана резкая критика современных автору концепций деградации человечества.

Дж. Хейквилл рассматривает историю знаний и искусств как «своеобразный вид кругового (циклического) прогресса» Знания и искусства возникают, растут, цветут, слабеют, вянут, а затем воскресают и расцветают вновь. При этом способе прогресса светоч знания переходит от одного народа к другому. Вначале он перешел от народов Востока (халдеев и египтян) к грекам, затем почти погасший в Греции светильник

заново засиял в Риме. После тысячи лет варварства он был вновь зажжен Петраркой и его современниками.

Сходные мысли развивал английский мыслитель Уильям Темпл (1628—1699) в работе «Очерк древнего и современного образования» (1692). «Наука, искусства и ремесла, писал он, — проходят свои циклы и имеют свои периоды в нескольких частях мира: как все согласны, они держат свой курс с Востока на Запад, возникнув в Халдее и Египте, они были оттуда пересажены в Грецию, из Греции в Рим, затонув, они после многих веков восстали из пепла, а затем расцвели в Италии и других западных областях Европы. Когда Халдея и Египет были образованными и цивилизованными, Греция и Рим были грубыми и варварскими, какими являются сейчас Египет и Сирия. Когда Греция и Рим достигли вершины в ремеслах и науке, Галлия, Германия, Британия были столь невежественными и варварскими, как многие части Греции и Турции сейчас».[280]

2.13.5. Ж. Тюрго, Г. Мабли, Г. Рейналь, И. Гердер, И. Кант, И. Фихте, Вольней

В XVIII в. идея исторической эстафеты встречается в труде А.Р.Ж. Тюрго «Последовательные успехи человеческого разума» (1750; русск. перевод: Избранные философские произведения. М., 1937). «Мы видим, — писал он, — как зарождаются общества, как образуются нации, которые поочередно господствуют и и подчиняются другим. Империи возникают и падают, законы, формы правления следуют друг за другом, искусства и науки изобретаются и совершенствуются. Попеременно то задерживаемые, то ускоряемые в своем поступательном развитии, они переходят из одной страны в другую».[281]

Сходные взгляды излагал Г.Б де Мабли в книге «Об изучении истории» (1755, русск. перевод: М., 1993). «Именно в Азии, которая заложила первые основы общества, — писал он, — законы с самого начала принесли безопасность и спокойствие. Вы видите, как возникают в одно и то же время могущественные империи Ассирии, Вавилона и Египта, между тем как остальная земля еще пребывает в варварстве Наконец цивилизация переносится в Европу и вскоре населяются средиземноморские берега Африки».[282] Идея исторической эстафеты присутствует в уже упоминавшемся труде Г.Т.Ф Рейналя «Философская и политическая история учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях» (1770;1780).

Глобально-стадиальный подход к всемирной истории довольно четко проступает в труде Иоганна Готфрида Гердера (1744—1803) «Идеи к философии истории человечества», который выходил отдельными частями с 1784 по 1791 годы (русск. перевод: М., 1977). И. Гердер рассматривал человечество как единое целое, но состоящее из множества частей. Эти части — нации или народы, каждый из которых обладает особым, только ему присущим характером. Идея единства человечества органически сочеталась у него с идеей единства мировой истории, которую он рассматривал как процесс восходящего, поступательного развития

Самые древние государства мира сложились у подножья великих гор Азии.

[280] Temple W An Essay upon the Ancient and Modern Learning (fragments) // REA P 111

[281] Тюрго А Р Последовательные успехи человеческого разума // Избранные философские произведения М , 1937 С 51

[282] Мабли Г Б де Об изучении истории О том, как писать историю М , 1993. С 7.

Историю Востока И. Гердер начинает с Китая, который в то время считался первым очагом цивилизации. За ним идут страны Индокитая, Корея, Япония, Тибет и, наконец, Индия. Затем наступает очередь государств и народов Ближнего Востока: Вавилона, Ассирии, Халдейского царства, мидийцев, персов, Финикии и Карфагена. Завершается этот обзор Египтом.

От Востока И. Гердер переходит к Греции, за которой следует Рим. Подводя после этого предварительные итоги своему обозрению всемирной истории, И. Гердер пишет: «...Одна цепь культуры соединяет своей кривой и все время отклоняющейся в сторону линией все рассмотренные у нас нации, а также все, которые только предстоит рассмотреть».[283]

В последующих разделах он рассматривает народы Западной и Восточной Европы, варварские королевства, возникшие на развалинах Западной Римской империи, арабские государства, и, наконец, снова обращается к истории Западной Европы в средние века. Произведение И. Гердера обрывается на 20 книге. Завершить его автору помешала смерть. До нас дошел лишь план следующих пяти книг, которые должны были составить пятую часть работы.

К глобально-стадиальному пониманию истории склонялся и великий немецкий философ Иммануил Кант (1724—1804). В своей небольшой работе «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784; русск. перевод: Соч. в 6-ти т. Т. 6. М., 1966) он отстаивает взгляд на историю человечества как единый процесс поступательного, восходящего развития. Отмечая, что Рим поглотил греческое государство, а затем сам погиб под натиском варваров, И. Кант в то же время особо подчеркивает, что греки оказали огромное влияние на римлян, а те в свою очередь на варваров. По его мнению, если все это учесть, то «будет открыт закономерный ход улучшения государственного устройства».[284]

«Далее, — пишет он, — если только повсеместно обращать внимание на гражданское устройство, на его законы и внешние политические отношения, поскольку они благодаря тому доброму, что содержалось в них, в течение долгого времени способствовали возвышению и прославлению народов (и вместе с ними также наук и искусств), в то время как то порочное, что было им присуще, приводило эти народы к упадку, однако же так, что всегда оставался зародыш просвещения, который развиваясь все больше после каждого переворота, подготовлял более высокую ступень совершенствования, — то, я полагаю, будет найдена путеводная нить, способная послужить не только для объяснения столь запутанного клубка человеческих дел... но и для открытия утешительных перспектив на будущее...».[285]

Глобально-стадиальный подход к истории совершенно отчетливо проявляется в работе другого крупного немецкого философа Иоганна Готлиба Фихте (1762—1814) «Основные черты современной эпохи» (1806; русск. перевод; СПб., 1906; Соч. в 2-х т. Т. 2. СПб., 1993; И. Г. Фихте. Несколько лекций о назначении ученого. Назначение человека. Основные черты современной эпохи. Минск, 1998).

В 1791 г. в Париже французский просветитель и ориенталист Констанген Франсуа Шосбеф, более известный под псевдонимом Вольней (1757—1820), опубликовал работу «Руины, или размышления о расцвете и упадке империй» (русск. перевод:

[283] Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 441.

[284] Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч. в 6-ти т. Т. 6. М., 1966. С. 22.

[285] Там же.

Вольней. Избранные атеистические произведения. М., 1962) Назвать концепцию Вольнея глобально-стадиальной нельзя. Но идея исторической эстафеты в его работе не только присутствует, но и сочетается с глубоким убеждением в том, что постоянные взлеты и падения империй нисколько не исключают восходящего в целом развития человечества. «Моя мысль, — писал Вольней, — следовала за изменчивым ходом истории, которая поочередно передавала скипетр власти над миром различным народам, так отличавшимся один от другого своими религиозными верованиями и нравами, начиная от народов древней Азии до новейших народов Европы».[286]

В работе немецкого философа, критика, языковеда Фридриха Шлегеля (1772—1829) «Философия истории» (1829; на русск. языке опубликован лишь небольшой фрагмент в книге: Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. Т. 2. М., 1983) тоже присутствует идея эстафетности. Но отнести его концепцию к числу глобально-стадиальных, или даже эстафетно-стадиальных вряд ли возможно. По крайней мере в современную эпоху человеческое общество по Шлегелю скорее регрессирует, чем прогрессирует. В поэзии, например, наблюдается полный «упадок вкуса». Поэтому сейчас философия истории, по Шлегелю, есть «род социальной патологии, которая рассматривает человечество как опасного больного, состояние которого делается с каждым днем все хуже и хуже».[287]

2.13.6. Г.В.Ф. Гегель

Огромный вклад в разработку глобально-стадиального понимания истории внес великий немецкий философ Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770—1831). К общим проблемам всемирной истории он обращался во многих своих работах, в частности в «Феноменологии духа» (1807), в «Философии духа» (1817), «Философии права» (1820). В 1822—1831 гг. Г. Гегель пять раз читал для студентов курс лекций по философии истории, причем каждый раз по-новому. После смерти философа его ученик и последователь Эдуард Ганс (1798—1839) на основе рукописных материалов Г. Гегеля и записей его лекций студентами создал первый вариант книги, получившей название «Лекций по философии истории». Она вышла в 1837 г. в свет в качестве 9-го тома первого собрания сочинений великого мыслителя. При подготовке второго издания этого собрания сын философа Карл Гегель (1813—1901), сам посещавший и записывавший лекции отца, внес в книгу некоторые добавления, в результате которых объем книги увеличился с 446 до 547 с. Этот вариант был опубликован в 1840 г. и на долгие годы стал классическим. С него был сделан русский перевод. У нас эта книга была опубликована трижды, один раз под названием «Философия истории» (Соч. в 14-ти т. Т. 8. М.-Л., 1935), второй — под заглавием «Лекции по философии истории» (СПб., 1993; 2000).

Но на издании 1840 г. история книги не закончилась. В начале XX в. Георгом Лассоном было подготовлено новое, значительно расширенное ее издание. В нем были использованы различного рода рукописные материалы, которые ранее не были приняты во внимание. Было существенно дополнено и доработано «Введение», которое получило название «Разум в истории. Введение в философию всемирной истории». Его

[286] Вольней Руины, или размышления о расцвете и упадке империй // Избранные атеистические произведения. М., 1962. С. 35.

[287] Цит.: Стасюлевич М.М. Философия истории в главнейших ее системах. 3-е изд. СПб., 1908. С. 206.

объем увеличился почти в два раза (с 133 с. в варианте К. Гегеля до 257). Значительно расширился раздел «Восточный мир» (с 136 до 248 с.). Удвоился «Греческий мир» (с 66 до 132 с.). В целом объем нового варианта вырос до 907 с.

Он был опубликован в 1917—1920 гг. в четырех томах под заглавием «Лекции по философии всемирной истории». Одновременно этот вариант вошел в состав нового (не доведенного до конца) издания сочинений Г. Гегеля в качестве состоявшего из двух полутомов восьмого тома (1917, 1919) и девятого тома (1919). В первом полутоме восьмого тома и девятом томе работа именуется «Философия всемирной истории», во втором полутоме восьмого тома даются два названия: «Философия всемирной истории» и «Лекции по философии всемирной истории».

В 1955 г. Иоганном Хофмейстером был создан еще один вариант «Введения», отличный от трех предшествующих, включая и лассоновского. Он был опубликован и отдельной книгой под названием «Разум в истории» (1955; англ. перевод· 1975), и в качестве первой части работы в целом, сохранившей данное Г.Ласоном заглавие «Лекции по философии всемирной истории». Все остальные части «Лекций по философии всемирной истории» — «Восточный мир», «Греческий мир», «Римский мир» и «Германский мир» были приведены в лассоновском варианте. На русский язык ни вариант Г. Лассона, ни вариант Лассона-Хофмейстера до сих пор не переведены.

Г. Гегель попытался дать законченную картину всемирной истории. Она предстает в его труде как единый закономерный процесс движения от низших форм к высшим, более совершенным. В основе его, по Гегелю, лежит развитие абсолютного духа. Конкретизируя это понятие, Г. Гегель говорит о народном духе, который воплощает в себе единство законов, государственных учреждений, религии, философии, искусства у того или иного конкретного народа.

Прогресс во всемирной истории каждый раз осуществляется одним определенным народом, дух которого является на данном этапе носителем мирового духа. Другие народы к этому времени либо исчерпали себя, либо еще не дошли до необходимой ступени развития. Имеются и такие народы, дух которых никогда не был и не станет воплощением мирового духа. Это — неисторические народы.

Подъем человечества как целого на новую, более высокую ступень развития предполагает смену народа — носителя абсолютного духа. Мировой дух, развиваясь, перемещается. Движение всемирной истории происходит не только во времени, но и в пространстве. «Всемирная история, — говорит Г. Гегель, — направляется с Востока на Запад, так как Европа есть безусловный конец всемирной истории, а Азия ее начало».[288]

Именно поэтому последовательно сменяющиеся стадии в истории человечества выступают у него не столько как временные эпохи, сколько как «миры», которые имеют либо территориальное обозначение («восточный мир»), либо называются по имени народа — носителя мирового духа («греческий мир», «римский мир», «германский мир»).

Критерием поступательного развития является степень осознания свободы. «Всемирная история, — провозглашал Г. Гегель, — есть прогресс в сознании свободы, который мы должны познать в его необходимости».[289]

Всемирную историю Г. Гегель начинал с возникновения государства. Первобытное состояние человечества, «распространение языка и формирование племен лежат за пределами истории».[290] Впервые государство возникло на Востоке. Поэтому нача-

[288] Гегель Г Философия истории // Соч Т 8. М - Л. , 1936. С. 98.
[289] Там же С 19
[290] Там же С 107

лом истории является «восточный мир». Тремя его основными отделениями являются истории Китая, Индии и Персии. В «восточном мире» люди еще не осознали, что свобода составляет их сущность. Поэтому все они здесь — рабы, исключая верховного правителя — деспота. Но его свобода есть произвол.

С Востока мировой дух переместился в «греческий мир», а затем в «римский мир». Но хотя каждому из этих двух миров посвящен отдельный раздел, Г. Гегель иногда говорит не о «греческом мире» и «римском мире», а о «греческом и римском мире» (не мирах!). В этих двух крайне близких друг к другу мирах часть людей осознала, что свобода представляет их сущность. Они стали свободными в отличие от тех, которые этого не осознали и потому остались рабами.

Под «германским миром» Г. Гегель понимает не только Германию, но также и все те области Западной Римской империи и были в эпоху Великого переселения народов завоеваны германцами: Испанию, Португалию, Францию, Италию, Британию. Германские народы, приняв христианство, осознали, что человек свободен как таковой. Но для того, чтобы этот принцип был воплощен в жизнь, нужно было время.

Г. Гегель не отказывается от выделения периодов средних веков и нового времени. Но ту эпоху, которую в исторической науке принято именовать средневековьем, он подразделяет на два периода: один — от Великого переселения народов до падения империи Каролингов, другой — от крушения этой державы до начала Реформации. Название «средние века» он употребляет только по отношению ко второму. С Реформации, по Гегелю, начинается новая история. В результате в истории «германского мира» он выделяет три отдела: элементы христианско-германского мира, средние века и новое время.

2.13.7. В. Кузен, Ж. Мишле, П. Балланш

Разработанная Г. Гегелем глобально-стадиальная концепция истории была усвоена целым рядом французских философов и историков. Первым среди них должен быть назван Виктор Кузен (1792—1867), который во время своего путешествия в Германию в 1817 г. познакомился с самим Г. Гегелем.

В сочинении «Курс истории философии. Введение в историю философии», опубликованном в 1828 г. в виде нескольких выпусков, В. Кузен изложил свой вариант эстафетно-стадиального понимания истории. Он выделяет три идеи, последовательно сменившиеся в человеческом сознании. Каждая из этих идей была воплощена в определенном регионе земного шара и осуществлена в определенную эпоху всемирной истории. Первая эпоха реализовала идею бесконечного, воплощенную в Востоке, вторая — идею конечного, воплощенную в классической древности, третья — эпоха нового времени — идею отношения бесконечного и конечного, воплощаемую в современной Европе.

Каждая смена эпох представлет собой революцию. «История разнообразна, — писал В. Кузен, — так как эпохи следуют одна за другой в последовательном порядке. Различие эпох — это их противоречие, борьба, война. Отжившая свое время эпоха не уйдет со сцены добровольно, следующая за за нею должна устранить ее насильственным путем. Цель подобных революций — полное развитие цивилизации, и в этой цели их оправдание. Каждая эпоха вместе с предыдущей и последующей содействует полному осуществлению человеческой природы».[291] Так В. Кузен в эпоху Реставрации обосновывал необходимость и оправдывал Великую французскую революцию.

[291] Цит.: Реизов Б.Г. Французская романтическая историография (1815—1830). Л., 1956. С. 312.

Крупнейший французский историк Жюль Мишле (1798—1874) пытался в свой философии истории соединить идеи Г. Гегеля и В. Кузена с идеями Дж Вико. В работе «Введение во всеобщую историю» (1831) он утверждал, что содержанием мировой истории является развитие идеи свободы. В Индии — колыбели человечества господствовала необходимость. Затем история человечества, следуя солнцу, движется с Востока на Запад. Первые проблески свободы, зародившиеся еще в Индии, прослеживаются в Египте. В Персии и Иудее свобода могла уже остановиться и отдохнуть. Дальнейшее развитие свобода получает в Европе, где ее носителями поочередно становятся Греция, Рим и Франция.

В работе уже упоминавшегося выше Пьера Симона Балланша (1776—1847) «Опыты социальной социальной полигенезии» (1827), важной категорией является впервые введенное им в труде «Старик и юноша» (1820) понятие отдельной, конкретной цивилизации. Различные цивилизации выступают у него как стадии некоего идеального, общего для всех народов исторического развития. Смена цивилизаций происходит болезненно. Отжившие цивилизации погибают. Но из огня социальных катастроф, из пепла старых форм человечество как птица Феникс возрождается к новой жизни. Впрочем, старые цивилизации не обязательно гибнут. Одни народы идут дальше, другие остаются на ранних стадиях. Цивилизации, уже пройденные европейскими народами, все еще сохраняются в Азии.

2.13.8. Н.М. Карамзин и русские мыслители 30—60-х годов XIX века (П.Я. Чаадаев, И.В. Киреевский, В.Ф. Одоевский, А.С. Хомяков, А.И. Герцен, П.Л. Лавров, Т.Н. Грановский)

В истории русской общественной мысли идея исторической эстафеты, по-видимому, впервые встречается, хотя и в не в самой четкой форме, в «Записках русского путешественника» (первые неполн. публикации — 1791—1792, 1794—1795; первое отд. изд. — 1797—1801; послед прижизн. изд. — 1820) Николай Михайлович Карамзина (1766—1826). «Наблюдайте движение Природы, читайте историю народов; поезжайте в Сирию, в Египт, в Греции, — писал будущий историк, — и скажите, чего ожидать не возможно? Все возвышается или упадает: народы земные подобны цветам весенним; они увядают в свое время — придет странник, который удивлялся некогда красоте их; придет на то место, где цвели они... и печальный мох представится глазам его... Одно утешает меня — то, что с падением народов не упадает весь род человеческий: одни уступают место другим, и естьли запустеет Европа, то в средине Африки или в Канаде процветут новые политические общества, процветут науки, искусства и художества».[292] Навеяно это рассуждение было уже упоминавшейся книгой Вольнея «Руины, или размышления о расцвете и упадке империй», которую Н.М. Карамзин высоко ценил и рекомендовал русскими читателям в одной из своих работ, опубликованной в 1792 г.

В последующем идея исторической эстафеты получила развитие в трудах русских мыслителей 30—60-х годов XIX в., обращавшихся к проблемам философии истории. Как уже отмечалось, они, с одной стороны, отмечали существование в истории человечества циклов, а с другой, рассматривали ее как единый процесс.(2.5.3) И согласовать эти положения можно было только путем принятия идеи исторической эста-

[292] Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 212.

феты. Разработка проблемы исторической эстафеты занимала в трудах этих мыслителей заметное место. Это было связано и с тем, что многими из них эта идея использовалась для обоснования будущего места России в мировой истории.

«Когда азийские царства, которых имена, как грозные привидения, являются нам на страницах истории, в кровавой борьбе спорили о первенстве мира, — писал В.Ф. Одоевский, — свет истины тихо возрастал в пустыне евреев; когда науки и искусство Египта погасли в разврате, — Греция обновила их силу в своих объятиях; когда дух отчаяния заразил все общественные стихии гордого Рима, — христиане, этот народ народов, спасли человечество от гибели; когда в конце средних веков ослабевшая деятельность духа готова поглотить сама себя, новые части света дали новую пищу и новые силы ослабевшему старцу и продлили его искусственную жизнь».[293]

Сейчас, когда Европа одряхлела и идет к гибели, с неизбежностью появится новый, свежий, молодой народ, который, усвоив достижения Европы, обеспечит дальнейший прогресс. И этот молодой народ — русские. «Велико наше звание и труден подвиг! — продолжает В.Ф. Одоевский, — Все должно оживить мы! Наш дух вписать в историю ума человеческого, как имя наше вписано на скрижалях победы. Другая высшая победа — победа искусства, науки и веры — ожидает нас на развалинах дряхлой Европы».[294]

Идею исторической эстафеты мы находим и у П.Я. Чаадаева. «Первым выступил Восток, — писал он, — и излил на землю потоки света из глубины своего уединенного созерцания; затем пришел Запад со своей всеобъемлющей деятельностью, своим живым словом и всемогущим анализом, овладел его трудами, кончил начатое Востоком и, наконец, поглотил его в своем широком обхвате».[295] Пишет он и об эстафетном характере перехода от античности к средним векам.[296] И, наконец, в «Апологии сумасшедшего» он выражает надежду на великую будущую роль России.[297]

«Просвещение человечества, — писал И.В. Киреевский, — как мысль, как наука развивается постепенно, последовательно. Каждая эпоха человеческого бытия имеет своих представителей в тех народах, где образованность процветает полнее других. Но эти народы до тех пор служат представителями своей эпохи, покуда ее господствующий характер совпадает с господствующим характером их просвещения. Когда же просвещение человечества, довершив известный период своего развития, идет далее и, следовательно, изменяет характер свой, тогда и народы, выражавшие сей характер своей образованностью, перестают быть представителями Всемирной Истории. Их место заступают другие, коих особенность все более согласуется с наступающей эпохой. Эти новые представители человечества продолжают начатое их предшественниками дело, наследуют все плоды их образованности и извлекают из них семена нового развития».[298]

А.С. Хомяков писал об утрате Востоком своего превосходства и переходе первенства к народам Европы.[299] Что же касается грядущего, то в стихотворении «Россия» (1839) он писал:

[293] Одоевский П.Ф. Русские ночи... С. 148.
[294] Там же.
[295] Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего... С. 146.
[296] Чаадаев П.Я. Философические письма... С. 97-107.
[297] Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего... С.149-153.
[298] Киреевский И.В. Девятнадцатый век... С. 81-82.
[299] Хомяков А.С. Черты из жизни калифов // Соч. в 2-х т. Т. I. М., 1994. С. 483.

И станешь в славе ты чудесной
Превыше всех земных сынов,
Как этот синий свод небесный —
Прозрачный вышнего покров!.[300]

В стихотворении «Раскаявшаяся Россия» (1854) А.С. Хомяков вновь обратился к родине:

Иди! тебя зовут народы!
И, совершив свой бранный пир,
Даруй им дар святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни мир!
Иди! светла твоя дорога:
В душе — любовь, в деснице — гром,
Грозна, прекрасна, — ангел бога
С огнесверкающим челом!.[301]

Об эстетико-стадиальном характере всемирной истории и о будущей роли России говорил А.И. Герцен.[302] В приведенном ранее стихотворении «Отзыв на манифест» П.Л. Лавров после слов о возможной гибели Европы писал:

Быть может, суждено славянским поколеньям
Наследье славное принять,
Народам светлый луч гражданства, просвещенья
Возобновленный передать.[303]

Известный русский историк Тимофей Николаевич Грановский (1813—1855), не будучи последователем Г. Гегеля, в то же время принимал развитую им идею единства истории и исторической эстафеты. «И в истории человечества, — говорил он в курсе, прочитанном им в 1843—1844 гг., — совершается тот же великий процесс развития, вследствие тех же законов, которым подвержены растение, человек, народ. Дело в том, что в отношении всеобщей истории народы играют ту же роль, какую в отношении к истории народной играют лица и поколения. Один народ сменяет другой на поприще всемирно-исторической жизни, делаясь наследником всех умственных сокровищ, накопленных предшествовавшими поколениями. Эти сокровища умственные становятся семенами новой цивилизации, которую народ должен развить и в свою очередь передать поколениям грядущим».[304]

2.13.9. Современность

На Западе в середине XIX в. идею исторической эстафеты мы находим у известного бельгийского астронома, математика, статистика и социолога Ламбера Адольфа Кетле (1796—1874). Он писал в книге «Социальная система и законы ею управляющие» (1848; русск. перевод: СПб., 1866): «Но как распространялась по земному шару великое движение цивилизации и откуда родилась она? Движение ее в первобытные

[300] Хомяков А.С. России // Русская поэзия XIX века. Т. I. М 1974. С. 493.

[301] Там же. С. 499.

[302] Герцен А.И. С того берега. . С. 257-261, Былое и думы // Соч в 9-ти т. Т. 6. М., 1957. С. 251; Концы и начала . С. 509-511; Порядок торжествует // Там же. Т. 7. С. 274-302, Пролегомена // Там же. . 322-331 и др

[303] Лавров П.Л. Отзыв на манифест... С. 626.

[304] Задачи всеобщей истории Отрывок из университетского курса Грановского // Сборник в пользу недостаточных студентов университета Св. Владимира. СПб , 1895. С. 323-324.

времена покрыто густым мраком; однако все заставляет полагать, что цивилизация родилась на Востоке и оттуда, позднее, перешла в Египет. Утвердившись затем в Греции, она блистала там ярким светом, пока, оставив побежденных, она последовала за победоносными орлами римского народа, который сначала как бы хотел задушить ее в избранном ею убежище, и потом сам сделался ее данником. После долгой борьбы с северными варварами, она проявилась с новой силой и направилась к северу, к тем самым странам, которые чуть не прекратили ее существования. Этот громадный поток мог иногда останавливаться перед сильными преградами, но никогда не образался назад, к своей исходной точке».[305]

Начиная с 70-х годов XIX в. глобально-стадиальное понимание истории оказалось в пренебрежении. Философы его почти совсем забыли. Не часто обращались к нему и историки. Только у немногих из них встречается чаще всего не столько собственно глобально-стадиальное понимание истории, сколько идея исторической эстафеты.

В.О. Ключевский в «Методологии русской истории» в качестве одного из трех моментов общего исторического процесса называет *историческую передачу*. «Вы легко догадаетесь, — писал он, — какие процессы я разумею. Культура эллинов, какой мы ее знаем на высшей ступени ее развития, завязалась под влиянием, шедшим с Востока, а потом оказала могущественное обратное воздействие на свою родоначальницу — культуру Востока. Таким образом замечаем двоякое течение в общем историческом процессе; он не остается на одних и тех же пунктах, только расширяясь; расширяясь, он передвигается исторически. В известное время общая жизнь сосредоточивается в передней Азии, и постепенно захватывает южно-европейские острова; а потом эта общая жизнь сосредоточивается на этих островах, распространяясь на среднюю Европу, но уже не все части передней Азии входят в круг союзов, живущих общей жизнью... Так исторический процесс обнаруживается в *географическом перемещении*. Вместе с тем мы замечаем последовательное изменение форм и начал общежития, совершающееся при этом географическом передвижении... Мы имеем определенной представление о культуре античной, и черты этой культуры мы встречаем на той территории, где некогда росла культура Востока; но сравните обе: это не только две местные формации общежития, но они — последовательные ступени человеческого развития. Итак вместе с географическим перемещением процесса мы замечаем и *историческое движение*».[306]

Если глобально-стадиальное понимание истории в целом было не в слишком большом почете, то идея передачи исторической эстафеты от мира Древнего Востока к античному получила достаточно широкое распространение. Она присутствовала в большинстве курсов всемирной истории. Выдающийся русской востоковед академик Борис Александрович Тураев (1868—1920) в своем труде «История Древнего Востока» (Ч. 1—2. СПб., 1911; 1913; 1936) писал: «История Древнего Востока — первая глава истории цивилизаций, генетически предшествовавшая эллинству и христианству... Огромное влияние цивилизаций, развившихся в восточном углу Средиземноморского мира, на весь примыкающий район и на все протекавшие истории, до нашего времени включительно, не может подлежать сомнению».[307]

И оно действительно долгое время никем не ставилась под сомнение. Лишь в 60-х годах XX в. крупный антиковед Елена Михайловна Штаерман (1914—1991) не

[305] Кетле А. Социальная система и законы ею управляющие. СПб., 1866. С. 269-270.

[306] Ключевский В.О. Методология русской истории // Цивилизация: прошлое, настоящее и будущее человека. М., 1988. С. 194-195.

[307] Тураев Б.А История Древнего Востока. Ч. 1. СПб., 1913. С. 1-2.

просто усомнилась, а категорически заявила: «Античное общество возникло на основе разложения первобытно-общинного строя, а не в результате эволюции более ранних классовых обществ древневосточного типа и не может по отношению к ним считаться ни высшей или вообще какой бы то ни было стадией их развития».[308]

Идея исторической эстафеты легла в основу построения уже упоминавшейся выше знаменитой пятитомной «Истории древнего мира» Э. Мейера. Рисуя картину движения культуры от центров Древнего Востока к различным областям Средиземноморского бассейна, Э. Мейер писал: «Сначала греки, потом италики, затем народы Запада и Севера».[309] Если не об исторической эстафете, то о перемещении «культурно-географических центров» говорит Р.Ю. Виппер в книге «Очерки теории исторического познания» (М., 1911). Это перемещение он кладет в основу периодизации всемирной истории: 1) древний, или нильско-евфратский период, 2) средний, или средиземноморский, и 3) новый, среднеевропейский. О переходе первенства от одних конкретных обществ и групп обществ к другим много писал выдающийся русский востоковед Василий Владимирович Бартольд (1869–1930).[310]

Лучше обстояло дело с идеей исторической эстафеты в поэзии. Она, например, нашла необычайно яркое выражение в творчестве В.Я. Брюсова, который не только хорошо знал историю, но и глубоко чувствовал и понимал ее. Достаточно назвать такие его произведениях, как «Светоч мысли. Венок сонетов», «Мировой кинематограф», «Магистраль», «В разрушенном Мемфисе». Вот что он писал в последнем стихотворении:

Как царственно в разрушенном Мемфисе,
Когда луна, тысячелетий глаз,
Глядит печально из померкшей выси
На город, на развалины, на нас. <...>

Я — скромный гость из молодой Эллады,
И, в тихий час таинственных планет,
Обломки громкого былого — рады
Шепнуть пришельцу горестный привет:

«Ты, странник из земли любимой небом,
Сын племени, идущего к лучам, —
Пусть ты клянешься Тотом или Фебом,
Внимай, внимай, о чужестранец, нам!

Мы были горды, высились высоко,
И сердцем мира были мы в веках, —
Но час настал, и вот, под волей Рока,
Прогнулись мы и полегли во прах.

[308] Штаерман Е.М. Античное общество. Модернизация истории и исторические аналогии // Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. М., 1968. С. 647.

[309] Meyer E. Geschichte des Altertums. Bd. 2. Stuttgart-Berlin, 1893. S. 33.

[310] См. Бартольд В.В. Культура мусульманства // В.В. Бартольд. Соч. Т. 6. М., 1966. С. 144-146, 199-201, Он же. Мусульманский мир // Там же. С. 207-211, 216; Он же. Турция, ислам и христианство // Там же. С. 414; Он же. К вопросу о франко-мусульманских отношениях // Там же. С. 461.

В твоей стране такие же колонны,
Как стебли, капителью расцветут,
Падет пред ними путник удивленный,
Их чудом света люди назовут.

Но и твои поникнут в прах твердыни,
Чтоб после путники иной страны,
Останки храмов видя средь пустыни,
Дивились им, величьем смущены.

Быть может, в землях их восстанут тоже
Дворцы царей и капища богов, —
Но будут некогда и те похожи
На мой скелет, простертый средь песков.

Поочередно скиптр вселенской славы
Град граду уступает. Не гордись,
Пришлец. В мире все на время правы,
Но вечно прав лишь тот, кто держит высь».[311]

В числе других мыслителей прошли мимо глобально-стадиального подхода и сторонники материалистического понимания истории. Созданная К. Марксом и Ф. Энгельсом теория общественно-экономических формаций почти всеми марксистами практически понималась как линейно-стадиальная, что давало основания для достаточно убедительной ее критики.

К выводу о том, что эту теорию необходимо преобразовать в глобально-стадиальную, я пришел еще в 60—70-х годах. В период с 1970 г. по 1980 г. мною было опубликовано несколько работ, в которых давалась эстафетная интерпретация смены ряда общественно-экономических формаций.[312] Почти все они были переведены за рубежом.[313] Но наша философская и историческая научная общественность на эти работы никак не отреагировала.

Откликнулись на них лишь западные ученые. Высокая оценка концепции всемирной истории, изложенной в этих статьях, была дана известным английским философом и этнологом Эрнестом Геллнером[314] в статье «Русская марксистская философия истории» (1980. Была переиздана в 1988 г. под названием «Один главный путь или много?»).[315] Он в высшей степени образно охарактеризовал ее как теорию переда-

[311] Брюсов В Я. В разрушенном Мемфисе //Собр. соч. в 7-ми т. Т. 2. М., 1973. С. 180-181.

[312] Семенов Ю. И. Теория общественно-экономических формаций и всемирный исторический процесс // НАА. 1970. № 5; Он же. Марксистско-ленинская теория общественно-экономических формаций и исторический процесс // ФН. 1973. № 5; Он же. Теория общественно-экономических формаций и всемирная история // Общественно-экономические формации: Проблемы теории. М., 1978; Он же. Общественно-экономическая формация // Категории исторического материализма. М., 1980 и др.

[313] Semenov Iu. I. The Theory of Socioeconomic Systems and the Process of World History // Soviet Anthropology and Archaeology. 1977. Vol. 16. № 1; Idem. The Theory of Socio-Economic Formations and World History// Soviet and Western Anthropology. London, 1980; Idem. Die okonomishe Gesellshaftsformation // Kategorien des historischen Materialismus. Berlin, 1978 и др.

[314] См. о нем: Хазанов А. Вспоминая Эрнеста Геллнера // Вестник Евразии. 1998. № 1—2 (4—5).

[315] Gellner E. A Russian Marxist Philosophy of History // Soviet and Western Anthropology. London. 1880; Idem. One Highway or Many? // Gellner E. State and Society in Soviet Thought. Oxford. 1988.

чи факела (светоча) от одних народов к другим, как эстафетную теорию всемирной истории. Как писал он, суть этой теории заключается в том, что «факел лидерства переходит в течение человеческой истории от одного региона к другому и от одной социальной системы к другой».[316]

В более ранних работах я называл данное понимание истории эстафетно-стадиальным. Сейчас я пришел к выводу, что точнее всего его нужно называть глобально-стадиальным.

2.14. ГЛОБАЛЬНО-ФОРМАЦИОННОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ: СУЩНОСТЬ И КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ

2.14.1. Вводные замечания

Все рассмотренные выше глобально-стадиальные концепции истории носили слишком общий характер. По-настоящему теоретически они разработаны не были. И это вполне объяснимо: ни историология, ни другие общественные науки не давали для этого достаточного количества данных. К нашему времени все изменилось. Ограничиваться лишь общими положения теперь нельзя. И главное — общественными науками не только накоплен огромный материал, но сделаны определенные обобщения, которые могут лечь в основу не просто, как это было раньше, глобально-стадиальной концепции, а подлинной теории. Сейчас возникла и настоятельная необходимость, и одновременно реальная возможность создания новой, основанной на материале, накопленном к нашему времени исторической наукой, глобально-стадиальной теории всемирной истории.

Унитарно-стадиальная концепция истории может пробрести форму глобально-стадиальной только при условии введения в нее категорий, всесторонне отражающих «горизонтальные» связи, т.е. связи между одновременно существующими социоисторическими организмами. Как мы уже видели, такие попытки неоднократно предпринимались исследователями. Именно детальное исследование межсоциорных связей легло в основу концепций зависимости, или зависимого развития. Все они были обращены в основном лишь к нашему времени, что, однако, не помешало Р. Пребишу ввести такие понятия, как «центр» и «периферия», которые важны для понимания всей истории классового общества.

Попытки более широкого, всестороннего учета межсоциорных связей привели к созданию мир-системного подхода. Но характерный для его создателей упор на «горизонтальные», межсоциорные связи привел к абсолютизации значения последних и, соответственно, вначале к фактическому игнорированию, а затем и к прямому отрицанию «вертикальных», т.е. межстадиальных связей, а тем самым и к отказу от какой бы то ни было стадиальной типологии социоисторических организмов и их систем.

Провал попыток мир-системников создать полноценный взгляд на историю свидетельствует о том, что построение новой концепции мирового исторического процесса, адекватно отражающей историческую реальность, требует, чтобы выявление «горизонтальных», синхронных, межсоциорных связей ни в коей мере не только не вытеснило бы, но и ни в коей мере не умалило бы значение связей «вертикальных», диахронных, межстадиальных. И речь идет не просто об учете как тех, так и других связей. В этой теории именно «вертикальные», а не «горизонтальные» связи должны быть на первом

[316] Gellner E. One Highway or Many? P. 142.

плане. Это возможно лишь при условии, что в основе такой концепции будет находиться определенная стадиальная типология социоисторических организмов.

Из всех существующих к настоящему времени стадиальных типологий общества серьезного внимания заслуживает лишь одна: та, в которой в основу выделения типов социоров положена их социально-экономическая структура, т.е. только марксистская теория общественно-экономических формаций. Задача заключается в том, чтобы дать этому варианту унитарно-стадиального понимания истории вместо линейно-стадиальной интерпретации глобально-стадиальное его истолкование. Иными словами, нужно создать глобально-формационную теорию всемирной истории.

Для этой теории должен быть характерен не только синтез «горизонтальных», межсоциорных, синхронных и «вертикальных», диахронных связей, но и новое понимание последних. Нужен учет того, что в мировой истории имеет место смена не только стадий всемирного развития, но смена конкретных единиц исторического развития — социоисторических организмов и их систем.

Иначе говоря, «вертикальные», диахронные связи могут быть не только междустадиальными, но и междусоциорными. С разделением «вертикальных» связей на два вида: межстадиальных и межсоциорных, последние в свою очередь подразделяются на два вида: синхронные, «горизонтальные» межсоциорными связи и диахронные, «вертикальные» междусоциорные связи.

В свете этого важнейшим становится вопрос о характере отношений между двумя типами «вертикальных» связей: межстадиальными и межсоциорными. Необходимо выявление того, как может сочетаться и сочетается смена стадий всемирно-исторического развития со сменой, с заменой одних социоисторических организмов и их систем другими, как может совмещаться возникновение, расцвет и гибель отдельных конкретных обществ с поступательным развитием человеческого общества, циклизм в развитии отдельных обществ с прогрессом человечества.

Межстадиальные и «вертикальные» межсоциорные связи не просто сосуществуют. Первые могут проявляться и проявляются во вторых. Разумеется, что не все межсоциорные связи являются межстадиальными, они могут быть и чаще всего бывают внутристадиальными, и не все межстадиальные связи — межсоциорные.

Но несомненно, что нужен отказ от трактовки межстадиальных связей как связей только внутрисоциорных, понимание того, что кроме внутрисоциорных, «вертикальных», межстадиальных связей, существуют «вертикальные», межстадиальные связи в масштабах человеческого общества в целом. Линейно-формационная концепция знала лишь одну форму смены общественно-экономических формаций — внутрисоциорную, стадиальное преобразование социоисторического организма в результате действия внутренних сил. Глобально-формационная теория предполагает существование и внесоциорной формы смены общественно-экономических формаций.

Любое новое теоретическое построение с неизбежностью предполагает не только использование уже существующих понятий, но и создание новых. Это связано с теоретическим анализом тех сторон исторического процесса, которые либо совсем не замечались, либо в лучшем случае описывались. То или иное явление, тот или иной процесс могут считаться открытыми только тогда, когда для их обозначения создается четкий определенный термин. Поэтому в последующих разделах предлагается и используется довольно много новых, совершенно непривычных терминов, что может вызвать у некоторых читателей реакцию неприятия и даже отторжения. Но другого выхода нет. Новое понимание истории требует и новых понятий.

2.14.2. Межсоциорное взаимодействие

Связи между одновременно существующими социоисторическими организмами всегда существовали (и существуют сейчас), если не всегда между всеми, то, по крайней мере, между соседними социорами. Всегда существовали и сейчас существуют региональные системы социоисторических организмов, а к настоящему времени возникла всемирная их система.

Связи между социорами и их системами проявляются в их взаимном воздействии друга на друга. Это взаимодействие выражается в самых различных формах: набеги, войны, торговля, заимствование достижений культуры и т.п. Все это можно назвать *межсоциорным взаимодействием,* или *межсоциорной интеракциацией* (от лат. inter — между и actio — действие)

2.14.3. Социорная реорганизация

Особую форму межсоциорного взаимодействия представляет собой слияние и разделение социоисторических организмов — *социорная реорганизация*, или *социорная реконструкция*. Социоры могут объединяться, но сохранять при этом известную самостоятельность, оставаться особыми организмами. Это — *социорная унионизация*. *Социорная интеграция* означает слияние социоров в один, единый социоисторический организм. И *социорная уния*, и социоисторический организм могут распасться на несколько самостоятельных социоров. В первом случае — это *социорная дизунионизация,* во втором — *социорная дезинтеграция*. В раннепервобытном и позднепервобытном обществах деление демосоциальных организмов в результате увеличения числа их членов — нормальное явление. Происходило и их слияние.

Один могущественный геосоциор мог присоединить к себе один или несколько слабых геосоциоров. Он мог также оторвать от более слабых социоров и включить в свой состав те или иные их части. При этом возникали три варианта последующего хода событий.

Первый заключался в том, что присоединенные социоры (реже — части социоров) сохраняли свою собственную организацию власти и тем самым продолжали существовать как, хотя и подчиненные (вассальные), но тем не менее социоры — *инфрасоциоры* (лат. infra — под). При втором — присоединенные социоры (или части социоров) лишались собственной организации власти, но не вливались полностью в состав присоединившего их социора, тем самым в известной степени оставались социорами, но не полными, а частичными — *гемисоциорами (*греч. геми — полу-*)*. Такая ситуация складывалась всегда, когда присоединенные социоры по своему социально-экономическому типу отличались от присоединившего их В результате такой *социорной акцессии* (лат. accessio — присоединение) образовывалась *держава*, или *ультрасоциор (*лат. ultra — сверх, более). Последний состоял из господствующего социора — *нуклесоциора* (лат. nucleus — ядро) и подчиненных ему инфрасоциоров и/или гемисоциоров. Третий вариант — превращение присоединенных социоров или оторванных от других социоров их подразделений в составные части подчинившего их социора. Это — уже не социорная акцессия, а *социорная инкорпорация*.

Социорная сецессия (лат. secessio — отпадение) означает отделение подчиненного социора или гемисоциора от державы и превращение его в полностью самостоятельный социоисторический организм. *Социорная реинкорпорация* — отделение от

социоисторического организма какой-либо его части и трансформации ее в самостоятельный социор

Своеобразной формой социорной реорганизации является *колонизация, отпочкование* — выселение части членов социора за пределы его территории и создание на свободной (или полностью либо частично освобожденной от былых насельников) земле нового социора, принадлежащего к одному типу с исходным.

Особенно сложная ситуация складывалась, когда сталкивались не геосоциальные организмы с геосоциальными, и не демосоциоры с демосоциорами, а выступали, с одной стороны, геосоциальные организмы, с другой, демосоциальные. Не может быть и речи о присоединении демосоциора к геосоциору. Возможно лишь присоединение к территории геосоциора территории, на которой живет демосоциор. В таком случае демосоциор, если он продолжает оставаться на этой территории, включается, вводится в состав геосоциора, продолжая в то же время сохраняться как особое общество Это — *демосоциорная интродукция* (лат. introductio — введение).

Возможно и проникновение и поселение демосоциорных организмов на территории геосоциора — *демосоциорная инфильрация* (от лат in — в и ср. лат. filtratio — процеживание). И в том, и в другом случае лишь в последующем, причем не всегда и не скоро, происходит разрушение демосоциора и прямое вхождение его членов в состав геосоциора. Это — *геосоциорная ассимиляция*, она же — *демосоциорная аннигиляция.*

Особый случай — вторжение союза, чаще даже сверхсоюза демосоциоров на территорию того или иного геосоциора с последующим установлением его господства над ней. Это — *демосоциорная интервенция*, или *демоциорная интрузия* (от лат. intrusus — втолкнутый). В результате происходит наложение демосоциорных организмов на геосоциорный организм. В таком случае власть высших органов управления союза (сверхсоюза) демосоциоров распространяется на всю территорию геосоциора и тем самым этот союз обретает границы и в пространстве, завоеванный геосоциор лишается своих собственных органов верховной власти и становится гемисоциором.

Создается ситуация, когда на одной и той же территории часть людей живет в системе одних общественных отношений (прежде всего социально-экономических), а другая — в системе совершенно иных. Слишком долго это длиться не может. Дальнейшее развитие идет по одному из трех вариантов. Первый вариант — демосоциоры разрушаются, а их члены входят в состав геосоциора, т.е. происходит геосоциорная ассимиляция, или демосоциорная аннигиляция. Второй вариант — разрушается геосоциор, а составлявшие его люди становятся членами демосоциорных организмов. Это — *демосоциорная ассимиляция*, или *геосоциорная аннигиляция.*

При третьем варианте происходит синтез социально-экономических и вообще всех социальных отношений наложившихся друг на друга обществ, в результате которого возникают социально-экономические отношения совершенно нового типа, а соответственно и остальные социальные отношения. Появляется геосоциальный организм нового, ранее не существовавшего типа. Это вариант крайне редок, но особенно интересен.

2.14.4. Социорная индукция

Одна из важнейших форм межсоциорного взаимодействия — такое влияние одних социоисторических организмов (или систем социоисторических организмов) на

другие, при котором последние сохраняются как особые единицы исторического развития, но при этом под воздействием первых либо претерпевают существенные, надолго сохраняющиеся изменения, либо, наоборот, теряют способность к дальнейшему развитию. Это — *социорная индукция* (лат. inductio — возбуждение, наведение), которая может принимать различные формы.

По существу, одну из первых, если не первую попытку разработать проблему социорной индукции предпринял Н.Я. Данилевский, выделивший, как уже указывалось (2.7.7) три «способа, которыми распространяется цивилизация»: 1) «пересадка» путем колонизации, 2) «прививка» и 3) «удобрение».

2.14.5. Неравномерность исторического развития. Супериорные и инфериорные социоры. Исторические миры

Начиная с определенного времени важнейшей особенностью всемирной истории стала неравномерность развития социоисторических организмов и соответственно их систем. Результат — бытие в одно и то же время социоисторических организмов, относящихся к разным типам, к разным общественно-экономическим формациям, сосуществование и взаимовлияние разных исторических миров. Под *историческим миром*, или просто *миром*, я понимаю совокупность организмов одного типа, независимо от того, составляют ли они одну систему или не составляют.

В случае сосуществования нескольких исторических миров один из них представлен социоисторическими организмами самого нового, самого высокого для той или иной эпохи типа. Такие, самые передовые, социоры я буду называть *супериорными* (от лат. super — сверх, над), а все остальные — *инфериорными* (от лат. infra — под). Разумеется, что различие между теми и другими относительно. Социоры, которые были супериорными в одну эпоху, могут стать инфериорными в другую.

В супериорных социоисторических организмах воплощена наивысшая достигнутая к данному конкретному времени человечеством ступень эволюции. Они находятся на магистрали исторического развития, являются *магистральными.* Многие (но не все) инфериорные социоисторические организмы принадлежат к типам, которые ранее находились на магистрали всемирно-исторического развития. С появлением более высокого типа они из магистральных превратились в бывшие магистральные (*эксмагистральные*).

Такое подразделение социоисторических организмов подмечено уже давно. Историки и вообще все обществоведы говорили о передовых и отставших (или отсталых) странах и народах. В XX в. последние термины стали рассматриваться как обидные и заменяться другими — «слаборазвитые» и, наконец, «развивающиеся» страны.

2.14.6. Исторический центр и историческая периферия. Супериндукция

Как супериорные социоисторические организмы могли влиять на инфериорные, так и последние на первые. Наибольший интерес для понимания мирового исторического процесса представляет воздействие супериорных социоисторических организмов на инфериорные, которое я буду называть *супериндукцией*. Я сознательно употребляю здесь слово «организм» в множественном числе, ибо на инфериорные организмы обычно воздействовал не единичный супериорный социор, а целая их система.

После окончания эпохи доклассового общества если не все, то, во всяком случае, значительная часть утверждающихся супериорных социоисторических организмов сразу или спустя некоторое время начинала образовывать систему, которая становилась *центром всемирно-исторического развития,* или *историческим центром.* Эту систему супериорных социоисторических организмов можно назвать *центрально-исторической,* или *мировой.* Мировой она была в том смысле, что ее существование сказалось на всем ходе мировой истории. Все социоисторические организмы, не входившие в состав мировой системы, состав исторического центра, образовывали *историческую периферию.*

Суперидукция может иметь своим следствием совершенствование инфериорного организма. В таком случае это воздействие может быть названо *прогрессизацией.* В случае противоположного результата можно говорить о *регрессизации.* Это воздействие может иметь следствием стагнацию. Это — *стагнатизация.* И, наконец, результатом суперидукции может быть частичное или полное разрушение инфериорного социора — *деконструктизацию.* Чаще всего процесс суперидукции включает в себя все три первые момента, обычно с преобладание одного из них.

Специальные концепции суперидукции созданы лишь в наше время и применительно лишь к новой и новейшей истории. Это, как уже указывалось, некоторые концепции модернизации (европеизации, вестернизации), концепции зависимого развития и мир-системный подход. В концепциях модернизации на первый план выступает прогрессизация, в концепциях зависимого развития — стагнатизация. Мир-системный подход пытался раскрыть всю сложность процесса суперидукции. Своеобразная оценка современной суперидукции дана в концепции евразийства и в современном исламском фундаментализме. В них этот процесс характеризуется как регрессизация или даже деконструктизация.

В применении к более отдаленным временам специальные концепции суперидукции не создавались. Но процесс этот был замечен диффузионистами и абсолютизирован гипердиффузионистами. Сторонники панегиптизма рисовали картину «египтизации» мира, поборники панвавилонизма — его «вавилонизации». Историки, которые держались фактов, подобного рода концепций не создавали. Но не заметить процессов суперидукции они не могли. В результате они вводили термины для обозначения конкретных процессов происходивших в те или иные эпохи подобного рода вводили. Это — термины «ориентализация» (применительно к архаической Греции и ранней Этрурии), «эллинизация», «романизация».

2.14.7. Супериоризация

Результатом суперидукции может быть изменение типа инфериорного организма. В некоторых случаях он превращается в социоисторический организм того же типа, что и воздействующие на него, т.е. поднимается на самую высокую для данной эпохи стадию развития. Подобного рода трансформацию инфериорных социоров в супериорные можно назвать, *формационным подтягиванием, формационным возвышением,* или *супериоризацией.* Если инфериорный социор принадлежал к стадиальному типу, непосредственно предшествующему супериорному, то влияние супериорных организмов чаще всего лишь *ускоряло* процесс его стадиальной трансформации. Если же тип инфериорного организма был на несколько ступеней ниже супериорного,

влияние супериорных организмов *вызывало, инициировало* процессе его превращения в супериорный.

2.14.8. Латерализация и общественно-экономические параформации

Однако супериоризация — лишь один из вариантов изменения типа инфериорного социора в результате супериндукции. Под воздействием супериорных социоров инфериорные социоры могут превратиться в социоисторические организмы более высокого, чем исходный, типа, но такого, который находится не на магистрали, а на одном из боковых путей исторического развития. Этот тип является не магистральным, а *латеральным* (от лат. lateralis — боковой). Этот процесс я буду называть *латерализацией*. Латерализация — шаг одновременно и вперед, и в сторону.

Таким образом, кроме основных социально-экономических типов общества — общественно-экономических формаций существуют и неосновные его социально-экономические типы. Последние я буду называть *общественно-экономическими параформациями* (от греч. пара — около, возле, рядом). Если общественно-экономические формации являются не только типами общества, но и стадиями всемирной истории, поочередно сменяющимися на магистрали всемирно-исторического развития, то параформации — стадии развития лишь отдельных обществ или социорных систем.

2.14.9. Эндогенная стадиальная трансформация, супериоризация и латерализация как формы смены социально-экономических типов общества

Все сказанное выше приближает к пониманию форм смены общественно-экономических формаций в истории человеческого общества, однако пока еще не намного. Одна из этих форм известна давно. Это превращение социоисторических организмов одного типа в результате собственного независимого внутреннего развития в социоры другого, более высокого типа. Назовем ее *эндогенной* (от греч. эндон — внутренний, генез — происхождение) *стадиальной трансформацией*. При одном варианте развития смена стадий происходит внутри продолжающих свое существование социоисторических организмов. Эта смена формаций является внутрисоциорной в буквальном смысле слова. Так, в большинстве случаев происходила смена феодализма капитализмом. Именно ее прежде всего и имели в виду сторонники линейно-формационной концепции. От этого варианта они практически не отличали несколько иной, при котором при смене стадий происходило слияние нескольких социоисторических организмов в один более крупный или другие трансформации единиц исторического развития. Так нередко происходила смена первобытного общества классовым.

Выше было выявлено существование еще одной формы смены формаций — супериоризация: подтягивание в результате воздействия супериорных организмов инфериорных социоров до их уровня. Она — явно дополнительная. При этом происходит не возникновение новых формаций, а всего лишь увеличение числа социоров, относящихся к уже существующей супериорной формации. При латерализация происходит возникновение новых социально-экономических типов общества, но они не основные типы, не формации, а лишь параформации. Все эти понятия важны, но они дают ключ лишь к объяснению части (только части) явлений, которые обычно характеризуются как «пропуски» или «минование» теми или иными «народами» тех или иных формаций, но не смены формаций на магистрали мирового развития.

2.14.10. Ультрасупериоризация. Передача исторической эстафеты, или эстафетная смена общественно-экономических формаций

Эндогенная стадиальная трансформация может иметь место лишь тогда, когда внутри общества, относящегося к той или иной формации, действуют силы, способные превратить его в общество другого, более высокого типа. Но существуют общественно-экономические формации, в принципе не способные превратиться в более высокие. К таким тупиковым стадиальным типам относятся политарная и античная общественно-экономические формации. В таком случае часть инфериорных социоисторических организмов выступает в качестве своеобразного исторического резерва, в качестве материала, из которого могут возникнуть более высокие, чем существующие в данное время, супериорные социоисторические организмы.

Этот процесс возникновения новой формации, как и супериоризация, предполагает воздействие системы супериорных социоисторических организмов на инфериорные социоры. Но эти последние в результате такого воздействия претерпевают более чем своеобразную трансформацию. Они не превращаются в организмы того же типа, что воздействующие на них. Супериоризация не происходит. Но тип инфериорных организмов меняется. Инфериорные организмы превращаются в социоры такого типа, который, если подходить чисто внешне, должен быть причислен к латеральным. Этот тип общества действительно представляет собой не формацию, а параформацию.

Но это возникшее в результате супериндукции общество оказывается способным к дальнейшему самостоятельному прогрессу, причем особого рода. В результате действия теперь чисто внутренних сил оно превращается в общество нового типа. И этот тип общества находится уже на магистрали исторического развития. Он представляет собой более высокую стадию общественного развития, более высокую общественно-экономическую формацию, чем та, к которой относились супериорные социоисторические организмы, воздействие которых послужило импульсом к такому развитию. Это явление можно назвать *формационным сверхвозвышением*, или *ультрасупериоризацией*.

Если в результате супериоризации инфериорные социоисторические организмы «подтягиваются» до уровня супериорных социоров, то в результате ультрасупериоризации они «перепрыгивают» через этот уровень и выходят на еще более высокий. Появляется группа социоисторических организмов, которые принадлежат к общественно-экономической формации более высокой, чем та, к которой принадлежали бывшие до этого супериорными социоры. Теперь первые становятся супериорными, магистральными, а последние либо превращаются в инфериорные, эксмагистральные, либо вообще исчезают.

Происходит смена общественно-экономических формаций, причем не внутри тех или иных социоисторических организмов, а в масштабах человеческого общества в целом. Разумеется, в процессе этого перехода имели место две последовательные смены социально-экономических типов внутри вовлеченных в этот процесс инфериорных социоисторических организмов, а именно 1) смена исходного инфериорного типа общества особой общественно-экономической параформацией, а затем 2) смена этой параформации новой, никогда ранее не существовавшей общественно-экономической формацией. Но ни один из сменившихся внутри этих социоров социально-экономических типов не был той формацией, которая ранее господствовала, которая ранее была высшей. Таким образом, смена этой ранее господствовавшей формации более высокой,

к которой теперь перешла ведущая роль, не произошла внутри ни одного социоисторического организма. Она произошла исключительно лишь в масштабах человеческого общества в целом.

При такой смене общественно-экономических формаций происходит подлинная передача исторической эстафеты от одной совокупности социоисторических организмов к другой. Социоры второй группы не проходят той стадии, на которой находились социоры первой, не повторяют их развития. Выходя на магистраль человеческой истории, они сразу начинают движение с того места, на котором остановились ранее бывшие супериорными социоисторические организмы.

Такова вторая основная форма смены общественно-экономических формаций, которую можно назвать *эстафетной*. Она обязательно сопровождается пространственным перемещением центра всемирно-исторического развития. В истории человечества она имела место дважды.

Первый случай ультрасупериоризации — возникновение античного общества. Его появление было совершенно невозможно без воздействия ближневосточной мировой системы классовых обществ на бывшие до этого предклассовыми греческие социоисторические организмы. Это прогрессизирующее влияние давно подмечено историками, назвавшими этот процесс ориентализацией. Но в результате ориентализации предклассовые греческие социоры не стали политарными обществами, подобными тем, что существовали на Ближнем Востоке. Из предклассового греческого общества возникла вначале архаическая Греция, а затем классическая Греция.

Второй случай — возникновение феодального общества. Здесь ультрасупериоризации произошла в очень своеобразной форме. Выше (2.14.3) уже говорилось о наложении в результате демосоциорной интервенции демосоциорных организмов на геосоциорный и о трех вариантах последующего развития. Первый — геосоциорная ассимиляция и тем самым демосоциорная аннигиляции, второй — демосоциорная ассимиляция и тем самым геосоциорная аннигиляция. При третьем варианте происходит синтез геосоциорных и демосоциорных социально-экономических и других социальных структур. В результате такого синтеза возникает общество нового типа. Этот тип общества отличен как от типа исходного геосоциора, так и типа исходных демосоциоров.

Подобное общество может оказаться способным к самостоятельному внутреннему развитию, в результате которого оно поднимется на более высокую стадию магистрального развития, чем исходный супериорный геосоциальный организм. Именно такой процесс имел место при смене античности средними веками.

Рассмотренная выше смена общественно-экономических формаций произошла посредством исторической эстафеты. Но не следует думать, что всякая историческая эстафета предполагает смену общественно-экономических формаций. Кроме межформационных исторических эстафет вполне возможны и имели место и внутриформационные исторические эстафеты, когда вновь возникшие социоисторические организмы определенного типа усваивали достижения ранее существовавших социоров, относившихся к тому же самому социально-экономическому типу.

2.14.11. Заключение

С открытием ультрасупериоризации стало окончательно ясным, что кроме смены ступеней социального развития внутри социоисторических организмов существует еще

и другая форма подъема с одной стадии общественной эволюции на другую, которая происходит только в масшабах человеческого общества в целом, — эстафетная.

Открытие эстафетной формы смены ступеней общественного развития позволяет создать новый вариант унитарно-стадиального понимания всемирной истории, качественно отличный от линейно-стадиального. Представлялось вполне естественным назвать такое понимание истории унитарно-эстафетно-стадиальным, или просто эстафетно-стадиальным. Именно это я и сделал в целом ряде работ.[317]

Однако такое название является не вполне точным. Ведь не всякая смена ступеней исторического развития в мировой истории происходит путем эстафеты. Ультрасуперіоризация имела место лишь при возникновении античного и феодального обществ. Что же касается перехода от первобытного общества к древневосточному и от феодального к капиталистическому, то она происходила в форме эндогенной стадиальной трансформации.

Но и в случае не эстафетной, а трансформационной смены стадий развития она происходила не только внутри социоисторических организмах, но и в масштабах человеческого общества в целом. Эстафетная смена стадий является только глобальной, трансформационная одновременно и внутрисоциорной и глобальной. Таким образом, в любом случае смена стадий развития носит всемирно-исторический, глобальный характер, а сами стадии выступают как всемирно-исторические, глобальные. Поэтому данное понимание истории можно с полным правом называть *глобально-стадиальным.*

Доказать правильность такого подхода к всемирной истории невозможно никакими общими рассуждениями. Сделать это можно только одним способом: нарисовать, руководствуясь этим подходом, такую целостную картину всемирной истории, которая бы более соответствовала исторической реальности, чем все ныне существующие. Однако для этого необходимо прежде всего выявить силы, определяющие ход истории. Решению этой проблемы посвящена следующая часть работы — третья. А за ней последует четвертая часть, в которой дана картина всемирной истории, какой она предстает в свете глобально-формационного подхода.

[317] См.. Семенов Ю.И.Секреты Клио. Сжатое введение в философию истории. М., 1996; Он же. Всемирная история в самом сжатом изложении // Восток. 1997. № 2 и др.

3. ИСТОРИЧЕСКАЯ И ИСТОРИОСОФСКАЯ МЫСЛЬ В ПОИСКАХ ОСНОВЫ ОБЩЕСТВА И ДВИЖУЩИХ СИЛ ИСТОРИИ

3.1. ВВЕДЕНИЕ

По мере развития исторической науки перед ней с неизбежностью встают два тесно связанные вопроса. Первый из них — почему данное общество является именно таким, а не иным, чем определяется его качество, его специфика. Это вопрос об основе, фундаменте общества На него возможны различные ответы.

Можно выделить два основных подхода к решению этой проблемы. Первый состоит в том, что из множества явлений выделяется одно, которое и объявляется основополагающим, основообразующим фактором. Это — *однофакторный (монофакторный)* подход. В литературе его нередко называют монистическим. Согласно другому характер общества определяется взаимодействием множества в принципе одинаково важных факторов. Это *многофакторный (полифакторный)* подход. В литературе его принято называть плюралистическим.

Однофакторный подход не обязательно исключает существование и иных, кроме выделенного в качестве основополагающего, факторов, воздействующих на общество Но последние лишь влияют на общество (*влияющие факторы*), определяет же его качественную особенность только один фактор — *основополагающий.*

Возможен и такой взгляд, согласно которому в основе всех общественных явлений лежит один и только один фактор, но сам этот фактор в свою очередь определяется каким-то другим, отличным от него фактором — подосновообразующим И такая иерархия факторов не обязательно должна ограничиваться лишь двумя этажами Уровней может быть и больше. Такой подход может быть назван *иерархофакторным*, или этажнофакторным.

Вторая проблема, которая с неизбежностью рано или поздно встала перед историками, это вопрос о том, что определяет развитие общества, т.е. вопрос о движущих силах истории Данную проблему историки чаще всего не отделяли от вопроса об основе общества. Соответственно и предлагаемые ее решения не отличались от решений первой проблемы.

Люди, которые выделяли в качестве основы общества один фактор, чаще всего рассматривали его одновременно и как движущую силу истории. Для них понятия основополагающего фактора общества и движущего фактора истории полностью совпадали. В подобном случае однофакторный подход к решению первой проблемы был тем самым и точно таким же подходом к разрешению второй проблемы. И здесь тоже возможно было признание нескольких факторов, один из которых определяет общественное развитие (движущий фактор), а остальные более или менее существенно влияют на него (влияющие факторы).

Что же касается многофакторного подхода к решению вопроса об основе общества, то он всегда одновременно был и многофакторным подходом к решению проблемы движущих сил истории. Своеобразный характер приобретает иерархофакторный подход. Признается, скажем, один и только один основополагающий фактор. Как само

собой разумеющееся принимается, что изменение этого фактора влечет за собой преобразование всего общества. Но причину изменения основополагающего фактора ищут не в нем самом, а в каком-то ином, отличном от него факторе. В таком случае понятия основы общества и его движущей силы отделяются друг от друга.

Многофакторные концепции общества и истории не поддаются сколько-нибудь точной классификации. Однофакторные концепции, в которых в качестве определяющего и/или движущего фактора выделяются объективно существующие явления или комплексы явлений и которые поэтому нередко именуются детерминистическими, чаще всего классифицируются по выделяемому фактору. В качестве примера можно назвать географический детерминизм, демографический детерминизм, экономический детерминизм и т.п. Но иногда такое название присваивается и концепциям, в которых из массы объективных факторов выделяется не один, а два или даже больше: технико-экологический детерминизм, демо-технико-экономико-экологический детерминизм и т.п.

Некоторые исследователи, объявляя основополагающим и/или движущим фактором общества тот или иной комплекс явлений, в то же время никак не раскрывают источник его развития. И когда вопрос об этом источнике все же встает, то в результате за спиной провозглашаемого фактора встает иной фактор, который автором открыто не признается, но который реально выступает у него в качестве конечно определяющего.

Проблема движущих сил или факторов исторического процесса встала перед исследователями не сразу. И первыми ее более или менее четко поставили не историки, а философы. Вот, что писал, например, Платон в своих «Законах»:

«*Афинянин*. Не правда ли, тысячи государств возникали в этот промежуток времени одно за другим, и соответственно не меньшее число их погибало. К тому же они повсюду проходили через самые различные формы государственного устройства, то становясь большими из меньших, то меньшими из больших или худшими из лучших и лучшими из худших.

Клиний. Это неизбежно.

Афинянин. Не можем ли мы вскрыть причину этих перемен? Быть может, тогда мы скорее получим указание относительно возникновения государственного устройства и происходящих в нем перемен.

Клиний. Отлично, надо постараться сделать это».[1]

Платону, конечно, эту проблему решить не удалось. Но он, по крайней мере, ее поставил. Историки же первоначально, как правило, ограничивались лишь поисками причин исторических событий. Так как исторические события складываются из действий людей, а человеческая деятельность является сознательной и целенаправленной, то естественным было в поисках причин исторических событий обратиться к выявлению мотивов действий людей и целей, которые они перед собой ставили. Так возник первоначальный теоретически совершенно не осмысленный волюнтаристический подход к истории. Главное внимание историками, конечно, уделялось сознанию и воле выдающихся личностей. Именно их историки рассматривали как творцов истории. Однако этот первоначальный стихийный исторический *волюнтаризм* стал постепенно дополняться в дальнейшем и вытесняться иными представлениями.

Осознание того, что ход и исход человеческих действий нередко не зависел от сознания и воли людей, заставило историков ввести понятие судьбы, как в виде фатума, рока, так и в обличы фортуны, везения или невезения. Так постепенно историки в

[1] Платон. Законы // Соч. в 3-х т. Т. 3. Ч. 2. М., 1972. С. 144-145.

иллюзорной форме начали осознавать, что в исторических событиях, являющихся результатами деяний людей, проявляется исторический процесс, который идет по законам, не зависящим от воли и сознания людей.

Не повторяя всего сказанного о понятии судьбы в разделе об античной исторической науке (2.2.5), напомним лишь, что развитие этой идеи получило в античном мире завершение в философско-исторической концепции Августина Аврелия. Создав первую в истории человеческой мысли концепцию всемирной истории как единого процесса, Августин Аврелий попытался решить вопрос о движущей силе этого процесса. Этой силой, по его убеждению был бог. История человечества представляет собой реализацию божественного промысла. Провиденциализм по самой своей сути предполагал абсолютную предопределенность исторического процесса. И сразу же вставал вопрос: если ход истории в целом полностью предопределен, то являются ли полностью предопределенными исторические события, в которых он проявляется? Это был одновременно вопрос о том, насколько свободными являются люди в своих действиях, насколько свободной является их воля.

Августин Аврелий посвятил проблеме свободы и необходимости немало страниц своего философско-исторического труда «О граде божьем». Но все его попытки совместить провиденциализм с допущением свободы воли человека оказались тщетными. В конечном счете он с неизбежностью пришел к полному фатализму.

3.2. ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ. СНОВА Н. МАКЬЯВЕЛЛИ

Античный мир погиб, но идея провиденциализма не только не исчезла, но, напротив, стала безраздельно господствовать в средневековой преисториологии. Вызов ей был брошен тогда, когда с началом Возрождения снова стала возникать историческая наука. Историки-гуманисты в большинстве своем отвергали провиденциализм. Они исходили из того, что все исторические события имеют естественные и только естественные причины, и занимались поисками этих причин. И понятно, что эти причины они стали искать в головах людей. Отсюда вытекало определенное представление о задачах историков, которое господствовало не только в эпоху Возрождения, но и в последующие два века.

Оно получило достаточно четкое выражение в труде французского аббата Сезара Ришара де Сен-Реаля (1639—1692) «Пользование историей» (1672). Как писал последний, «знание вообще состоит в знании причинно-следственных связей, ибо знать — значит знать вещи по их причинам; также знать историю — значит знать людей, которые (своими действиями) и дают содержание историческому процессу, судить об этих людях...».[2]

Более пространно эти идеи были изложены в труде известного в свое время французского специалиста по методологии истории Никола Ленгле дю Френуа (1674—1755) «Метод изучения истории», увидевшем свет в 1713 г. «Изучать историю, — утверждал он, — значит изучать мотивы, мнения и страсти человека, чтобы проникнуть во все тайные причины его деятельности, все его пути и изгибы его души, наконец, чтобы узнать все иллюзии, которые овладевают его духом и неожиданно для него самого волнуют его сердце; одним словом, чтобы добиться познания самого себя в других».[3]

[2] Цит : Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Вып. 1 СПб., 1910. С. 25.
[3] Цит.. Там же.

Но чисто волюнтаристское объяснение исторических событий было для историков-гуманистов явно недостаточным. В результате в их понятийный аппарат снова вошло понятие судьбы. Чаще всего это было понятие не судьбы-фатума, а судьбы-фортуны. И дело было даже не в том, что судьба-фатум слишком походила на провидение, сколько в том, что судьба-фортуна оставляла место для известной свободы действий человека. Фортуну можно было оседлать, использовать в интересах человека.

Известную роль играла фортуна в исторических построениях Н. Макьявелли. К этому понятию он неоднократно обращается в «Государе»[4]. Оно для него ценно постольку, поскольку исключает, с одной стороны, полный фатализм, с другой, полный волюнтаризм. Выступая с критикой провиденциализма, Н. Макьявелли пишет: «И однако, ради того, чтобы не утратить свободы воли, я предположу, что, может быть, судьба распоряжается лишь половиной наших дел, другую же половину, или около того, она представляет самим людям».[5]

Но в своем понимании хода истории Н. Макьявелли одними лишь общими рассуждениями о судьбе не ограничивался. Выше уже говорилось, что он придерживался идеи циклической смены форм государственного устройства. Тем самым история не сводилась им к потоку событий. Этот поток шел по определенному руслу и в нем прослеживался определенный порядок. Смену форм государственного строя, причем закономерную, нельзя было объяснить, не переходя от событий к тому, что находило проявление в них, т.е. к историческому процессу. Нельзя было ограничиваться поисками одних лишь мотивов действий тех или иных отдельных людей. Нужно было искать более глубокие факторы. И в этом отношении Н. Макьявелли сделал существенный шаг вперед.

Он обратил внимание на политическую борьбу, которая была свойственна и античным полисам, и городам-государствам Италии эпохи Возрождения. В предисловии к «Истории Флоренции» Н. Макьявелли, характеризуя труды своих предшественников — Леонардо Бруни и Поджо Браччолини (1380–1459), писал, что при ознакомлении с ними «обнаружилось, что в изложении войн, которые вела Флоренция с иноземными государями и народами, они действительно проявили должную обстоятельность, но в отношении гражданских раздоров и внутренних несогласий и последствий того и другого они многое вовсе замолчали, а прочего лишь поверхностно коснулись, так что из этой части их произведений читатели не извлекут ни пользы, ни удовольствия».[6]

У Н. Макьявелли эти гражданские раздоры и внутренние несогласия находятся в центре повествования. Политическая борьба была борьбой политических партий и стоящих за ними политических сил. А за борьбой политических сил скрывалось различие интересов. Борющимися силами были группы людей, имевших разные интересы. «Ибо нет города, — писал Н. Макьявелли, — где бы не обособились эти два начала: знать желает подчинять и угнетать народ, народ не желает находиться в подчинении и угнетении...».[7]

У Н. Макьявелли все время проскальзывает понимание того, что различие интересов борющихся групп было прежде всего связано с различием имущественного положения составляющих их людей и что в основе борьбы лежит стремление одних сохранить, других изменить это положение. Однако какая-либо определенная концепция у него отсутствует. Создать таковую в его время было еще невозможно.

[4] Макиавелли Н. Государь. М , 1990. С. 19-20,43,45,53, 64, 73-74, 76.
[5] Там же С 74.
[6] Макьявелли Н. История Флоренции. М., 1973. С. 9.
[7] Макиавелли Н Государь... С. 29.

Переходя к изложению истории своего отечества, Н. Макьявелли пишет, что «...Во Флоренции раздоры возникали сперва среди нобилей, затем между нобилями и пополанами и, наконец, между пополанами и плебсом».[8] Раздоры между гвельфами и гибеллинами способствовали полному ниспровержению аристократии, которое произошло около 1343 г. Но в это время возникают противоречия внутри самого «народа» (popolo) — между старшими и младшими цехами. Эти противоречия обостряются, а затем на арену борьбы вступает простонародье (plebe), включающее наемных рабочих.

В 1378 г. произошло знаменитое восстание чомпи. Вот какую речь вкладывает Н. Макьявелли в уста одного из вождей восставших: «Все люди имеют одинаковое происхождение, и все роды одинаково старинны, и природа создала всех равными. Если и мы, и они разденемся догола, то ничем не будем отличаться друг от друга, если вы оденетесь в их одежды, а они в ваши, то мы будем казаться благородными, а они простолюдинами, ибо вся разница — в богатстве и бедности... Если вы поразмыслите над поведением людей, то убедитесь, что все, обладающие большими богатствами или большой властью, достигают этого лишь силой и хитростью, но затем все захваченное обманом или насилием начинают благородно именовать даром судьбы, дабы скрыть его гнусное происхождение Те же, кто от избытка благоразумия или глупости не решаются прибегнуть к этим средствам, с каждый днем все глубже и глубже увязают в рабстве и нищете... Бог и природа дали всем людям возможность достигать счастья, но оно чаще выпадает на долю грабителя, чем на долю умелого труженика, и его чаще добиваются бесчестным, чем честным ремеслом. Потому-то люди и пожирают друг друга, а участь слабого с каждым днем ухудшается. Применим же силу, пока представляется благоприятный случай, ибо более выгодным для нас образом обстоятельства не сложатся: имущие граждане не объединены, Сеньория колеблется, магистраты растеряны, и сейчас, пока они не сговорились, их легко раздавить».[9]

Все эти внутренние раздоры, в ходе которых каждая из борющихся группировок стремилась удовлетворить свои и только свои интересы, не считаясь с интересами государства, привели, по мнению Н Макьявелли, к ослаблению Флоренции и, в конечном счете, к установление тирании, чего ни одна из этих сил не хотела.

Рассматривая в «Истории Флоренции» все события как результаты деятельности людей, Н. Макьявелли в то же время показывает, что люди не в состоянии предвидеть всех последствий своей собственной деятельности. В целом Н. Макьявелли на примере истории Флоренции показывает, что в исторических событиях, каждое из которых, взятое в отдельности, могло и не быть, проявляется такая связь, которой не могло не быть, что общий ход событий не зависит от желания и воли исторических деятелей. Иначе говоря, история у Н Макьявелли фактически выступает как естественно-исторический процесс, хотя, конечно, никакого сколько-нибудь четкого выражения этой мысли мы у него не находим

3.3. ПРОВИДЕНЦИАЛИЗМ НЕ СДАЕТСЯ: Ж.Б. БОССЮЭ

Несмотря на удары, нанесенные гуманистами, провиденциализм все еще продолжал не только жить, но и претендовать на господство над умами. Во Франции манифестом воинствующего провиденциализма была книга епископа Жака Бениня Боссюэ

[8] Макьявелли Н История Флоренции С 10
[9] Там же С. 115–116

(1627—1704) «Рассуждение о всемирной истории» (1681; имеются два издания на русск. языке: Разговор о всеобщей истории. Ч. 1—3. М., 1761—1762; Всеобщая история, для наследника французской короны сочиненная. Ч. 1—3. М., 1774).

Ж. Боссюэ в своем изложении всемирной истории не просто руководствовался идеями провиденциализма. Его книга посвящена их разработке и обоснованию. Именно поэтому она занимает известное место в истории философско-исторической мысли.

Книга Ж. Боссюэ состоит из трех частей. В первой из них в хронологическом порядке распределены исторические события от сотворения мира до правления Карла Великого. Всего автором выделено двенадцать эпох. Первая — от сотворения мира (4004 г. до Р.Х.): вторая — от всемирного потопа (2348 г. до Р.Х.), третья — от призвания Авраама (1921 г. до Р.Х.), четвертая — от получения Моисеем скрижалей закона (1491 г. до Р.Х.), пятая — от падения Трои (1124 г. до Р.Х.), шестая — от возведения Соломоном храма (1004 г. до Р.Х.), седьмая — от основания Рима (784 г. до Р.Х.), восьмая — от эдикта Кира о возвращении евреев из вавилонского плена (536 г. до Р.Х.), девятая — от разгрома Карфагена Сципионом (200 г. до Р.Х.), десятая — от рождения Христа, одиннадцатая — от признания Константином христианства (312 г.) и двенадцатая — от возложения папой Львом III императорской короны на Карла Великого (800 г.). Эти двенадцать периодов сводимы к семи векам, связанным соответственно с Адамом, Ноем, Авраамом, Моисеем, Соломоном, Киром и Христом. И эпохи, и века включены в состав трех великих периодов: период законов природы, что предшествовал Моисею; период писаных законов, что длился от Моисея до Христа, и период милосердия.

Семь из эпох, все века и все великие периоды выделены в соответствии с указаниями Библии и связаны с судьбами еврейского народа, что расходится с претензией Ж. Боссюэ на изложение не какой-либо, а всемирной истории.

Библия является для автора непререкаемым авторитетом в области истории, хотя уже в то время появились труды, ставящие под сомнение и авторство ряда ее книг, и многие содержащиеся в ней сведения. В 1670 г. Б. Спинозой был опубликован «Богословско-политический трактат» (русск. перевод: Избр. произв. в 2-х т. Т. 2. М., 1957). В 1678 г. во Франции вышел труд Ришара Симона (1638—1712) «Критическая история Ветхого завета». И хотя автор выступил против Б. Спинозы и в защиту божественности Библии, он в то же время был вынужден признать, что Моисей не был автором всего Пятикнижия, что Библию писали многие люди, что в ней много путаницы и искажений. Об этой книге Ж. Боссюэ не мог не знать, ибо сам затратил немало сил, чтобы не допустить ее публикации.

Во второй части прослеживается развитие религий, к которым Ж. Боссюэ относит только иудейский и христианский монотеизм. Для автора, как и для Августина Аврелия, продолжателем которого он является, история религии есть история божьего народа, или божьего града. Но в отличие от Августина, который под божьим народом понимал совокупность людей, предназначенных для спасения, Ж. Боссюэ под градом божьим понимает реальные исторические общности: в древности — это еврейский народ, в более позднее время — христианская церковь, причем после раскола на православие и католицизм лишь католическая церковь. Связующим звеном между историей еврейского народа и историей христианской церкви является Иисус Христос.

Третья часть посвящена подъему и упадку империй, причем все это рассматривается лишь в связи с историей евреев и историей христианской церкви. Такое построение работы с неизбежностью обрекало автора на постоянные повторения.

Весь и легендарный, и исторический материал организован в книге Ж. Боссюэ в соответствии с основной ее идеей — идеей провиденциализма. Единственной движущей силой истории является бог, который намечает цель истории, вырабатывает план ее реализации и обеспечивает воплощение свои замыслов в жизнь. Единственной целью истории является утверждение церкви Христа, римской католической церкви. Все остальное — средства достижения этой цели.

Лишь орудиями в руках бога являются все народы (исключая лишь избранный, еврейский) и все империи. «Во-первых, — пишет Ж. Боссюэ, — эти империи по большей части необходимо связаны с историей богоизбранного народа. Бог использовал ассирийцев и вавилонян, дабы покарать этот народ; персов он использвал для того, чтобы его возродить его; Александра и его ближайших преемников — для того, чтобы покровительствовать ему; Антиоха Великого и его преемников — для того, чтобы подвергнуть его испытанию; римлян — для обеспечения его свободы по отношению к сирийским царям, только и думавшим о том, как бы уничтожить этот народ. Евреи продолжали оставаться под властью тех же римлян вплоть до Иисуса Христа. Когда они (евреи. — *Ю.С.*) отреклись от него и распяли, те же самые римляне участвовали, сами того не зная, в господнем отмщении и истреблении сего неблагодарного народа».[10]

Как указывает Ж. Боссюэ, мир народов, подобно миру природы, представляет собой связанную и упорядоченную систему, управляемую волей и обнаруживающую мудрость творца вселенной. Воля бога есть первичная причина. Но она не всегда действует непосредственно. Рука провидения проявляет себя в специальных вторичных причинах, которые и предопределили подъем и упадок Скифии, Эфиопии, Египта, Ассирии, Мидии, Персии, Греции и Рима. Воля бога предписала всем этим народам такие качества, которые были необходимы для того, чтобы они могли выполнить возложенную на них провидением миссию. В истории не существует случая, и фортуна есть слово, лишенное смысла. Правит один лишь бог, но он действует через вторичные причины, которые делают народы и людей такими, какими они являются. И лишь в определенных, исключительных случаях, когда бог желает, чтобы его рука была зрима людьми, он вмешивается прямо, непосредственно.

Такой подход открывал возможность, не ограничиваясь ссылками на провидение, заниматься выявлением реальных причин исторических событий. Но самому Ж. Боссюэ делать это не очень хотелось. И в результате он чаще всего объяснял те или иные исторические события прямым вмешательством бога в человеческие дела.

История идет по божественному плану с самого момента творения, но люди, как правило, об этом даже не подозревают. Мало у кого имеется даже малейший проблеск понимания того порядка, который проявляется в каждом их действии, еще меньше тех, которые пытаются сообразовываться с ним. С самого начала истории до наших дней подавляющее большинство людей ставят перед собой свои собственные цели, добиваясь личных выгод. Однако, несмотря на все это, через все беспорядки, мятежи и войны медленно и молчаливо пробивает себе дорогу божественный план, порядок и прогресс. Люди, которые претворяют этот план в жизнь, не знают об этом, как, например, не знают математических принципов пчелы, которые создают геометрически правильные ячейки медовых сот.

Идея Ж. Боссюэ о вторичных причинах была в последующем подхвачена Дж. Вико. Последний, с одной стороны, не мог полностью избавиться от идеи провиденциализма

[10] Bossuet [J.B.] Discours l'histoire universelle. Paris, 1892. P. 337.

(или, может быть, боясь преследования со стороны духовенства, не решался прямо выступить против нее), с другой, в духе времени, в котором жил, исходил из того, что нужно искать естественные и только естественные причины всех исторических событий. Выход из этой коллизии состоял в признании, что провидение как первичная причина действует только через вторичные причины, которые вполне доступны исследованию. По существу, в концепции Дж. Вико вторичные причины выступают как единственные, а ссылки на провидение носит число декларативный характер.

Сама по себе периодизация всемирной истории, предложенная Ж.Б. Боссюэ не представляет научной ценности. Но важно, что он не просто подразделил историю на периоды (это делали и до него), но был одним из первых, если не первым, кто попытался обосновать необходимость выделения исторических эпох. В последующем подобного рода обоснование мы находим в труде Генри Сент-Джона, лорда Болингброка (1678–1751) «Письма об изучении и пользе истории» (1735; 1752; русск. перевод: М.,1978).

3.4. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ДЕТЕРМИНИЗМА

3.4.1. Вводное замечание

Уже в XVI в. начинает зарождаться членение истории человечества на стадии дикости, варварства и цивилизации, окончательно оформившееся в XVIII в. Все в большей степени становится ясным, что у разных народов и в разных странах могут существовать разные общественные порядки. И перед мыслителями встает вопрос о причинах этого социально-исторического многообразия.

Одно из решений этого вопроса: объяснение разнообразия общественных порядков, при которых живут люди, различием природных условий их существования. Так возникает географический детерминизм. Этот термин нуждается в пояснении.

Влияние географического фактора на общество и на его развитие бесспорно. Его никто и никогда не отрицал. И само по себе признание этого факта никак не может быть названо географическим детерминизмом. О географическом детерминизме речь может идти только тогда, когда природная среда принимается за главный, основной фактор, определяющий характер социальной жизни. В ранних концепциях географического детерминизма природная среда выступала отнюдь не в качестве движущей силы исторического процесса. Она рассматривалась главным образом в качестве фактора, определяющего характер социальных порядков в том или ином конкретном обществе, а также фактора, влиявшего на его развитие.

3.4.2. Предтечи (Гиппократ, Аристотель, Полибий)

Идея географического детерминизма в зачаточной форме присутствовала в рассуждении знаменитого античного ученого и врача Гиппократа (ок. 460 — ок. 370 до н.э.) «О воздухах, водах и местностях» (русск. перевод: Избранные книги. М., 1936; 1994). Обозревая различные местности и народы, Гиппократ неоднократно подчеркивал, что от природных условий зависит не только физический облик людей, но и их нравы и тем самым общественные порядки. Общий его вывод состоит в том, что «большей частью формы людей и нравы отражают природу страны».[11]

[11] Гиппократ О воздухах, водах и местностях // Избранные книги М , 1994 С. 304.

Эта идея была подхвачена Аристотелем, который писал в «Политике»: «Племена, обитающие в странах с холодным климатом, притом в Европе, преисполнены мужества, но недостаточно наделены умом и способностями к ремеслам. Поэтому они дольше сохраняют свою свободу, но не способны к государственной жизни и не могут господствовать над своими соседями. Населяющие же Азию в духовном отношении обладают умом и отличаются способностями к ремеслам, но им не хватают мужества; поэтому они живут в подчинении и рабском состоянии».[12]

Большое значение придавал влиянию климата уже известный нам историк Полибий (ок. 200—120 до н.э.). «...Природные свойства всех народов, — писал он, — неизбежно складываются в зависимости от климата. По этой, а не по какой-либо иной причине народы представляют столь резкие отличия в характере, строении тела и в цвете кожи, а также в большинстве занятий».[13]

3.4.3. Снова Ж. Боден

Но первая концепция географического детерминизма была создана только в XVI в. Ее творцом был уже известный нам Жан Боден. Он развивал и обосновывал эту идею как в «Методе легкого познания» (1566), так и в «Шести книгах о государстве» (1576). По его мнению, главную роль среди природных факторов играет климат той или иной страны. Он выделяет три основные климатические зоны: южную, умеренную и северную. Одновременно он вводит также деление на Восток и Запад, приравнивая первый к югу, а второй — к северу. Помимо климата оказывают влияние также и такие природные факторы, как характер местности: она может быть горной, болотистой или пустынной, ветренной и безветренной, и, наконец, качество почвы — ее плодородие или бесплодие. Но главным является, конечно, климат.

По мере движения к северу количество тепла постепенно уменьшается. Южане имеют больше тепла от солнца, но меньше внутреннего тепла. Северяне поддерживаются своим внутренним жаром, что делает их более сильными и активными, чем южане. Южане более склонны к размышлению, северяне — к ручным ремеслам и изобретениям, люди среднего района — к устройству различного рода общественных дел.

Жители плодородных земель словно предназначены для роскоши. Люди, населяющие бесплодные месте, — доблестные солдаты и умелые работники. Так, например, бесплодная равнина Аттики заставила афинян изобрести искусство.

3.4.4. Ф. Бэкон, У. Темпл, Б. Фонтенель

Вслед за Ж. Боденом к идее географического детерминизма склонялся великий английский философ Фрэнсис Бэкон (1561—1626), что видно из его работы «Опыты или наставления нравственные и политические» (окончательный вариант — 1625; русск. перевод: Соч. в 2-х т., Т. 2. М., 1972). Более детально она разрабатывалась уже известным нам Уильямом Темплем в работе «Очерки происхождения и природы власти» (1672).

Во Франции к этой идее обратился Бернар Ле Бовье де Фонтанель (1657—1757). В работе «Отступление по поводу древних и новых» (1688; послед. русск.

[12] Аристотель. Политика. // Соч. в 4-х т. Т. 4. М., 1983. С. 601.
[13] Полибий. Всебщая история. I. СПБ., 1994. С. 363.

перевод: Фонтенель Б. Рассуждения о религии, природе и разуме. М., 1979) он говорит о влиянии климата на склад ума людей и тем самым на их идеи.

3.4.5. Ж.-Б. Дюбо

Широкое развитие географический детерминизм получил в эпоху Просвещения. Эта идея была разработана Жаном-Батистом Дюбо (1670–1742), перу которого принадлежит несколько исторических работ, в частности знаменитая в свое время книга «Критическая история установления французской монархии в Галлии» (1734). Свои взгляды на роль географической среды он изложил в труде «Критические размышления о поэзии и живописи» (1719; русск. перевод: М., 1976).

В этой книге он рассматривает не историю человечества вообще, а историю искусства. Как указывает он, в истории искусства были периоды расцвета и периоды упадка. Всего он насчитывает четыре великие эпохи в истории искусства: 1) век, начавшийся за десять лет до воцарения Филиппа, отца Александра Великого; 2) век Юлия Цезаря и Августа; 3) век Юлия II и Льва X и 4) век Людовика XIV.

В поисках причин расцвета и упадка искусства Ж.-Б. Дюбо обращается к природным факторам. Как пишет он, есть страны, в которых никогда не родятся ни великие живописцы, ни великие поэты. Таковы страны Крайнего Севера. «Давно уже подмечено, — пишет Ж.-Б, Дюбо, — что некоторые местности славятся своими дарованиями, тогда как сопредельные вовсе не разделяют этой славы».[14]

И главная причина — в климате этих мест, прежде всего в качестве воздуха. «Поскольку, — пишет Ж.-Б. Дюбо, — в продолжении всей человеческой жизни душа пребывает связанной с телом, то характер нашего духа и наших склонностей во многом обуславливается качествами крови, питающей наши органы и поставляющей им в течение детства и юности материал, нужный для их роста. А качества крови в свою очередь во многом зависят от воздуха, которым мы дышим. В еще большей степени зависят они от качества того воздуха, которым мы дышали в детские годы, ибо именно он определил особенности нашей крови. А эти особенности повлияли на строение наших органов, которое в силу обратной взаимосвязи уже в зрелые годы сказывается на качествах нашей крови. Вот почему народы, обитающие в разных климатах, столь разняться между собой по своему духу и наклонностям. Сами же качества воздуха зависят от испарения почвы, которую обволакивает этот воздух. При разных составах почвы разным бывает и омывающий ее воздух».[15]

Введение в качестве главного фактора, определяющего дух и склонности народов, качества воздуха, которым дышат люди, позволяет Ж.-Б. Дюбо объяснить, почему жители одних и тех же стран в разные времена отличаются разными нравами и разной степенью одаренности. Все дело в том, что воздух не остается одним и тем же, он подвержен многочисленным изменениям. А результатом изменения воздуха является изменение нравов народов.

Подводя итоги своим рассуждениям, Ж.-Б. Дюбо пишет: «Из всего вышеизложенного я заключаю: что причины перемен, происходящих в нравах и одаренности жителей разных стран, следует искать в изменениях, затрагивающих свойства тамошнего воздуха, подобного тому как отличия между характерами разных народов приня-

[14] Дюбо Ж.-Б. Критические размышления о поэзии и живописи. М., 1976. С. 348.
[15] Там же. С. 391.

то объяснять разницей между свойствами воздуха их стран. Подобно тому, как разницу, которая замечается между Итальянцами и Французами, приписывают различию между воздухом Италии и воздухом Франции, так и существенное различие, которое ощущается между нравами и одаренностью Французов в разные эпохи, следует приписать изменению свойств воздуха Франции».[16]

3.4.6. Ш. Монтескье

Самая известная в эпоху Просвещения концепция географического детерминизма изложена в знаменитом труде Шарля Луи де Секонда, барона де ля Бред и де Монтескье (1689—1755) «О духе законов» (1748; русск. перевод: Избранные произведения. М., 1955; . О духе законов. М., 1999).

Ш. Монтескье, вслед за Ж. Боденом и Ж.-Б. Дюбо, к числу важнейших сил, определяющих характер общественного строя, относит прежде всего климат. «Есть страны, — писал он, — жаркий климат которых настолько истощает тело и до того обессиливает дух, что люди исполняют там всякую трудную обязанность только из страха наказания. В таких странах рабство менее противно разуму; и так как там господин столь же малодушен по отношению к своему государю, как его раб по отношению к нему самому, то гражданское рабство сопровождается в этих странах политическим рабством».[17]

Другой важный фактор — рельеф местности. «В Азии, — читаем мы у Монтескье, — всегда были обширные империи; в Европе же они никогда не могли удержаться. Дело в том, что в известной нам Азии равнины гораздо обширнее и она разрезана горами и морями на более крупные области; а поскольку она расположена южнее, то ее источники скорее иссякают, горы менее покрыты снегом и не очень многоводные реки составляют более легкие преграды. Поэтому власть в Азии должна быть всегда деспотической, и если бы там не было такого крайнего рабства, то в ней очень скоро произошло бы разделение на более мелкие государства, несовместимое, однако, с естественным разделением страны».[18]

И, наконец, большое значение имеет характер почвы. «Бесплодная почва Аттики, — утверждал Ш. Монтескье, — породила там народное правление, а на плодородной почве Лакедемона возникло аристократическое правление, как более близкое к правлению одного — правлению, которого в те времена совсем не желала Греция».[19]

Доктрине провиденциализма деятели эпохи Просвещения противопоставили положение о том, что при изучении истории нужно искать естественные и только естественные причины происходивших событий, что в истории, как и в природе, действуют естественные и никакие другие закономерности. Однако общими положениями о объективных законах истории ограничиться было нельзя. Нужно было искать реальные естественные факторы, определявшие жизнь общества. С этим и связано обращение Ш. Монтескье к природным условиям, в которых существовали конкретные человеческие общества. Но если влиянием географической среды еще как-то можно было объяснить особенности социального строя той или иной страны, то для понимания причин развития общества географический детерминизм в том его варианте, в каком он был

[16] Там же.
[17] Монтескье Ш. О духе законов // Избранные произведения. М., 1955. С. 366.
[18] Там же С. 391.
[19] Там же. С. 392.

изложен у Ш. Монтескье, не давал по существу ничего. Мало что давала в этом отношении и концепция Ж.-Б. Дюбо.

И это еще тогда было подмечено целым рядом мыслителей, выступивших с аргументированной критикой географического детерминизма. Ее мы находим в работе К.А. Гельвеция «Об уме» (1758; русск. перевод: Соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1973) и труде Дж. Миллар «Происхождении различия рангов» (1771, 1781). «Как много наций может быть найдено, — писал последний, — где ситуация с точки зрения климата совершенно одинакова, а характер и политические институты, однако, полностью противоположны? Сравните, в этом отношении мягкость и умеренность китайцев с грубыми нравами и нетерпимыми принципами их соседей в Японии. Что за контраст проявляют народы, жившие рядом, такие как афиняне и лакодемонцы? Может ли быть принято, что различие между климатом Франции и Испании, между Грецией и соседними провинциями Турецкой империи ответственны за различные обычаи и нравы их нынешних обитателей? Как возможно объяснить национальные особенности, которые отличают англичан, ирландцев и шотландцев, различной природной температурой, при которой они живут? Различные нравы народа в той же самой стране, но в различные периоды не менее знаменательны, и дают свидетельства, еще более убедительные, что национальный характер мало зависит от непосредственного воздействия климата. Нынешние обитатели Спарты живут под влиянием тех же самых физических условий, что и во время Леонида. Современные итальянцы живут в стране древних римлян».[20]

3.5. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ДЕТЕРМИНИЗМА: К. ГЕЛЬВЕЦИЙ, А. БАРНАВ

А между тем к середине XVIII в. проблема развития общества стала особо актуальной. Ведь к этому времени окончательно оформилась и идея последовательной смены в истории человечества трех типов социально-исторических организмов: дикарского, варварского и цивилизованного, и концепция четырех стадий развития человеческого общества в целом: охотничье-собирательской, пастушеской, земледельческой и торгово-промышленной. А во второй половине века наполнилась конкретным содержанием схема смены трех (а у некоторых авторов и четырех) стадий эволюции цивилизованного общества. Общепризнанным стало, что античное общество было рабовладельческим, средневековое — феодальным, а общество нового времени — торгово-промышленным.

Окончательно утвердилась идея не просто развития человеческого общества в целом, а поступательного его развития, т.е. прогресса. И поэтому на первый план выдвинулся вопрос о том, в результате действия какой силы (или каких сил) происходил переход от одной всеобщей стадии развития общества к другой. Географический детерминизм ответа на этот вопрос не давал. Нужно было искать другие естественные факторы.

И в качестве такого фактора была названа динамика народонаселения общества. Возник *демографический детерминизм.* О демографическом детерминизме можно говорить только в том случае, когда не просто признается влияние демографического фактора на развитие общества, а когда он рассматривается в качестве главной силы,

[20] Millar J. The Origin of the Distinction of Ranks. London, 1781. P. 13-14.

определяющей либо характер общественного строя, либо подъем общества с одной стадии развития на другую, либо то и другое вместе.

Влияние демографического фактора на развитие общества было подмечено давно. Дж. Вико в своих «Основаниях новой науки об общей природе наций» (1725) высказал идею, что в результате роста населения людям стало не хватать «доброхотных плодов природы» и они тогда «стали обрабатывать землю и засевать ее хлебом».[21] Морелли в своем «Кодексе природы» (1755) считал переход от естественного состояния с общей собственностью и патриархальным правлением к цивилизованному состоянию с частной собственность и всеми порождаемыми ею пороками результатом прежде всего роста населения.

В дальнейшем эти идеи были разработаны французским материалистом К.А. Гельвецием в труде «О человеке» (1769, 1773; русск. перевод: Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1974). Им была создана первая, хотя и довольно абстрактная концепция демографического детерминизма.

Однако идея демографического детерминизма с самого начала имела и противников. Не отрицая влияния динамики населения на развитие общества, они в то же время указывали на то, что сама эта динамика во многом определяется характером общества. Об этом писали англичанин Роберт Уоллес (1697—1771) в книге «Исследование о численности человечества» (1753) и американский просветитель Бенджамен Франклин (1706—1790) в работах «Наблюдения, касающиеся увеличения человечества и населенности стран» (1751) и «Заметки по некоторым из предшествующих наблюдений, подробно показывающие влияние нравов на население» (русск. перевод: Избранные произведения. М., 1956) и известный естествоиспытатель Жорж Луи Леклерк, граф де Бюффон (1707—1778) в пятом томе своей «Естественной истории» (1749—1804). В книге Франсуа Жана маркиза де Шателлю (1734—1788) «Об общественном счастье или размышления о положении людей в различные эпохи истории» (1772), указывалось на зависимость численности населения от степени обеспеченности общества средствами существования. Автор отмечал, что во взаимоотношении земледелия и численности населения ведущая роль принадлежит первому.

Но несмотря на возражения противников идеи демографического детерминизма набирали силу. Они, например, довольно отчетливо проявились в работе англичанина Джозефа Таунсенда «Исследование законов о бедных доброжелателем человечества» (1786), которая будет подробно рассмотрена ниже (3.10.2).

Демографический детерминизм присутствует в работе Антуана Барнава (1761—1793) «Введение во Французскую революцию» (русск. перевод первых 9 глав: Хрестоматии по французскому материализму XVIII века. Выпуск 2-ой. Пг., 1923). По мнению А. Барнава, который был сторонником четырехчленной периодизации истории человечества, именно рост населения привел к переходу от охоты к пастушеству, от него к земледелию, а затем и к возникновению мануфактуры. Однако эту точку он не выдерживал до конца последовательно. Если в одних местах его работы как решающий выступал демографический фактор, то в других — географический. По-видимому, он одним из первых, если не первый провел деление страны на континентальные и прибрежные (морские), которое потом легло в основу современных концепций геополитики. Наряду с демографическим и географическим детерминизмом в построениях А. Барнава присутствует и то, что принято именовать экономическим детерминизмом.

[21] Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. М.-Киев, 1994. С. 216.

Но демографический детерминизм в варианте, представленном именами К. Гельвеция и А. Барнава, если в какой-то степени и объяснял переход от одной формы хозяйства к другой, то для понимания характера общественного строя давал очень мало. И совсем ничего он не давал для понимания существовавших в обществе социальных идей, общественного мнения. Это и побуждало А. Барнава заниматься поисками иных решений проблемы движущих сил общества.

3.6. ФРАНЦУЗСКИЕ МАТЕРИАЛИСТЫ XVIII В. И ПОРОЧНЫЙ КРУГ В ИХ РАССУЖДЕНИЯХ ОБ ОБЩЕСТВЕ И ЕГО ИСТОРИИ

3.6.1. Французские матерналисты XVIII века

Не только географический, но и демографический детерминизм не давал возможности решить самую важную из проблем, которая стояла перед деятелями Просвещения, когда они обращались к обществу. Эта проблема вставала перед всеми просветителями, будь они деистами, пантеистами или последовательными материалистами-атеистами. Но с особой остротой она вставала перед последними.

Напомню, что к числу классиков французского материализма XVIII в. относятся Жюльен Офре де Ламетри (1709—1751), Клод Адриан Гельвеций (1715—1771), Дени Дидро (1713—1788) и Поль Анри Дитрих Гольбах (1723—1789). Из числа их работ, в которых рассматриваются проблемы общества, следует прежде всего назвать труды Ж. Ламетри «Анти-Сенека, или Рассуждение о счастье» (русск. перевод: Сочинения. 2-е изд., М., 1983), К. Гельвеция «Об уме» (1758; русск. перевод: Соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1973) и «О человеке» (1769; 1973; русск. перевод: Там же. Т 2. М.,1974), Д. Дидро «Добавление к «Путешествию» Бугенвилля»» (1772, 1796; русск. перевод. Избранные атеистические произведения М., 1956) и «Последовательное опровержение книги Гельвеция «О человеке» (русск. перевод: Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1991), П. Гольбаха «Система природы, или о законах мира физического и духовного» (1770; русск. перевод: Избр. произв. в 2-х т. Т. 1. М., 1963) и «Основы всеобщей морали, или катехизис природы» (1765; русск. перевод: Там же. Т. 2. М., 1963).

Французские материалисты XVIII в. были самыми последовательными из всех материалистов, какие только существовали до появления марксизма Они стремились материалистически объяснить все явления без малейшего исключения. И при подходе к природным явлениям у них это так или иначе получалось. Иначе обстояло, когда они обращались к обществу. Здесь они с неизбежностью вопреки всем своим желаниям переходили на позиции идеализма. Попробуем понять, почему это происходило.

3.6.2. От человеческих действий к общественному мнению

Французские материалисты, как и все сторонники естественного объяснения исторических явлений, исходили из того, что история творится людьми и только людьми, что вся она складывается из действий людей, что все исторические события — результаты деятельности людей. Отсюда следовало, что для объяснения истории нужно понять, почему людей действовали именно так, а не иначе.

Люди — существа разумные. Их деятельность является сознательной и целенаправленной. Следовательно, чтобы понять, почему людей действовали именно так, нуж-

но выяснить, почему они решили так действовать. Иначе говоря, нужно было обратиться к сознанию людей, к их мыслям, замыслам, целям.

Причем важными были не все вообще мысли людей, а только те, которые побуждали их не к обыденным действиям, а к историческим. История складывается не из всех вообще действий людей, а лишь из тех, результатом которых являются исторические, а не обыденные события. Совокупность человеческих представлений об обществе, побуждающих людей к действиям, имеющим общественное значения, французские материалисты, как и вообще все просветители XVIII в., именовали *общественным мнением.* Таким образом, у них получалось, что общественное мнение определяет общественно значимые действия людей, а тем самым и ход истории.

3.6.3. От общественного мнения к общественной среде, а от нее — снова к общественному мнению

Но ясно, что остановиться на этом французские материалисты не могли. Перед ними вставал вопрос о том, чем же определяется общественное мнение. Все они были убежденными сенсуалистами. Никто из них не допускал существование врожденных идей. Согласно их взглядам, источником всех человеческих идей мог быть только внешний мир. Истоком идей о природе была сама природная среда. Соответственно источник общественных идей нужно было искать в том, что они обычно именовали *общественной средой.* Таким образом у них получалась следующая последовательность: общественная среда определяет общественное мнение, а последнее определяет общественно значимые действия людей, а тем самым и ход истории. Казалось бы, все ясно: перед нами материалистический взгляд на общество и его историю.

Но вслед за этим естественно возникал новый вопрос: а от чего зависит, что общественная среда является именно такой, а не иной? Ведь в разных обществах среда далеко не одинакова. И в ходе развития общества она может претерпеть и претерпевает существенные изменения. И вот здесь французские материалисты столкнулись с орехом, разгрызть который оказались не в состоянии.

Когда речь шла о природной среде, все было понятно. Природа существовала до человека и без человека. И объяснять, почему она является именно такой, необходимости не было. Но общественная среда возникла только с человеком и представляет собой его творение. Человек своими действиями создает и изменяет общественную среду. А он — существо сознательное, его действия определяются его идеями и т.д. В конечно счете получалось, что общественная среда является такой, а не иной потому, что таким, а не иным является общественное мнение.

3.6.4. Порочный круг: попытки его разорвать

В результате материалисты оказывались в порочном кругу: общественная среда определяет общественное мнение, а общественное мнение детерминирует общественную среду. На существование этого круга в рассуждениях французских материалистов и вообще французских просветителей XVIII в. обратил особое внимание выдающийся русский исследователь истории общественной мысли Георгий Валентинович Плеханов (1856–1918) в замечательной философско-исторической работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895; послед. изд.: Избр. философ. произв. в 5-ти томах. Т. 1. М., 1956)

Принятие подобного тезиса исключало возможность не только какого бы то ни было объяснения истории, но даже самого по себе допущения развития общества. Ведь в самом деле, для того, чтобы изменилась общественная среда, необходимо, чтобы предварительно изменилось общественное мнение, но само изменение общественного мнения невозможно без предварительного изменения общественной среды. Выходило, что общество развиваться не могло. Но в реальности-то оно развивалось, изменялось. Отсюда многочисленные попытки мыслителей разорвать создавшийся порочный круг.

Одна из попыток — обращение к географическому детерминизму. Но он не давал нужного результата. Природная среда на протяжении многих веков оставалась практически неизменной, а общественная среда в течение этого времени претерпевала существенные изменения. Французских материалистов отталкивало от концепции Ш. Монтескье и еще одно соображение. Согласно взглядам последнего, в Азии с неизбежностью всегда должен существовать деспотизм. Французские же материалисты были убеждены, что рано или поздно деспотизму везде придет конец.

Другая попытка — обращение к демографическому детерминизму. И она давала мало. Ни ссылки на плотность народонаселения, ни обращение к его динамике, сами по себе взятые, не давали ответа на вопрос, почему в данном обществе существовали такие, а не иные порядки, такое, а не иное общественное мнение.

Некоторые видели выход из положения в обращении к человеческим *страстям*. Ведь в самом деле, разве одними лишь идеями определяются действия людей. Не меньшую, а может быть, даже и большую роль играют человеческие чувства, эмоции. Может быть, именно в человеческих страстях — источник всех общезначимых действий людей, а тем самым — самая главная причина исторических событий. Но сразу же возникал вопрос об истоках человеческих страстей.

Одни искали их в вечной, неизменной природе человека. Как известно, тезис о существовании такой природы был одним из основных в идейном арсенале просветителей. Но обращением к чему-то неизменному никак нельзя объяснить происходящие в обществе изменения. Оставался один выход — искать исток человеческих страстей в общественной среде. Но это означало снова оказаться в том же самом порочном кругу.

Еще одна попытка — выдвижение на первый план человеческих *интересов*, человеческих *потребностей*. Ведь в самом деле, разве не интересы движут людьми. Когда человек в чем-то глубоко заинтересован, он и страстно стремится обрести желаемое, и напрягает свой разум с тем, чтобы изыскать пути к этому. И разум, и страсти подчинены интересам. Именно последние — ключ к пониманию общезначимых действий людей и тем самым хода истории.

Но сразу же вставал вопрос об источнике самих человеческих интересов. Ведь в разных обществах и у разных людей существовали разные интересы. Ничего не давали ссылки на вечную, неизменную природу человека. А обращение к общественной среде снова обрекало на вращение все в том же самому порочному круге.

В конечном счете французские материалисты так или иначе, осознавая это четко или не осознавая, приходили к выводу о существовании двух сортов людей. Одни — обычные, рядовые, серые люди, обыватели. Они способны лишь на то, чтобы усваивать общепринятые мнения. И если бы общество состояло только из таких людей, то никаких изменений в нем произойти бы не могло.

Но, к счастью, в обществе, кроме таких людей, время от времени появляются и совсем иные. Хотя эти люди живут в той же самой среде и в обстановке господства

того же самого общественного мнения, но они в силу своих исключительных качеств способны создавать новые оригинальные идеи. Выработав эти идеи, они их распространяют, меняют общественное мнение, а вслед за этим происходит изменение и общественной среды.

Таким образом, движущей силой истории является разум и воля особого рода выдающихся индивидов, которые с полным правом могут быть названы великими людьми. Как уже указывалось, такую концепцию истории принято именовать волюнтаристической. Таким образом, французским материалистам удавалось разорвать порочный круг, но дорогой ценой — путем признания идей движущей силой исторического развития, т.е. перехода на позиции социоисторического идеализма.

3.6.5. Социоисторический идеализм

Этот их социоисторический идеализм был резко отличен от обычного философского идеализма, не говоря о религии. Они отрицали существование не только бога, но вообще какого бы то ни было объективного нечеловеческого сознания, т.е. отвергали не только религию, но и объективный идеализм. Они не допускали существования сверхъестественного в любой его форме.

Их социоисторический идеализм не был и субъективным идеализмом. Они не допускали и мысли, что мир существует в сознании субъекта. И это относилось не только к природной среде, но и к общественной. Общественная среда бесспорно существует вне сознания. Но она зависит от сознания, зависит в том смысле, что ее характер определяется взглядами людей. Общественные идеи порождают общественную среду, но не прямо, не буквально, а лишь определяя действия людей. Непосредственно общественная среда создается не идеями самими по себе, а направляемой этими идеями общественной деятельностью людей.

Социоисторический идеализм, в отличие от философского идеализма, в двух его основных разновидностях предполагал естественное и только естественное объяснение всех явлений. Именно поэтому он и мог сочетаться с материализмом. Но последний с неизбежностью был ограничен при этом лишь областью природных явлений. Социоисторический идеализм вместе с такого рода натуристическим материализмом образовывали своеобразное мировоззренческое единство, которое можно было бы назвать *натурализмом*, имея в виду, что оба они вместе допускали лишь естественное (натурарное) объяснение всех без исключения явлений действительности.

Французские материалисты были материалистами лишь в понимании природы. Создать законченное материалистическое мировоззрение, которое охватывало бы не только природу, но и общество, они не смогли потому, что не сумели, несмотря на все усилия, обнаружить объективный источник общественный идей (общественного мнения). То, что они именовали общественной средой, таким источником никак не могло быть названо.

Даже когда французские материалисты утверждали, что общественная среда определяет общественное мнение, они одновременно исходили из того, что сама эта общественная среда детерминирована общественным мнением. Таким образом, они знали только природную материю, но не социальную.

Объективный, т.е. не зависящий от самих общественных идей, источник этих идей, социальную материю нужно были искать. И вся последующая магистральная история философской, социально-философской и историософской мысли была преж-

де всего поиском социальной материи. Только открытие этой материи могло дать ключ к пониманию движущих сил исторического процесса.

3.7. ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ И НЕОБХОДИМОСТИ НА СТЫКЕ ВЕКОВ (XVIII–XIX ВВ.)

3.7.1. Абсолютный детерминизм: что это означает для истории

Встав, в конечном счете, во взгляде на историю фактически на позиции волюнтаризма, французские материалисты в то же время не отказались от детерминизма, т.е. учения о естественной предопределенности всех явлений, причем детерминизма абсолютного.

«Природа, — писал П. Гольбах, — слово, которым мы пользуемся для обозначения бесчисленного количества существ и тел, бесконечных соединений и комбинаций, разнообразнейших движений, происходящих на наших глазах. Все тела — одушевленные и неодушевленные — представляют собой неизбежные следствия известных причин, со всей необходимостью производящие видимые нами явления. Ничто в природе не может быть случайным; все в ней следует точным законам, и эти законы представляют неизбежную связь известных следствий с их причинами. Какой-нибудь атом материи не может произвольно или *случайно* встретиться с другим атомом; эта встреча обусловлена постоянными законами, которые необходимо предопределяют поведение каждого существа, не могущего вести себя иначе в данных условиях. Говорить о *произвольном движении атомов* или приписывать какие-либо следствия *случайности,* значит не сказать ничего или же признаться в полном неведении тех законов, в согласии с которыми действуют, сталкиваются и соединяются тела в природе. Все происходит *случайно* только для людей, не знакомых с природой, со свойствами вещей и теми следствиями, которые необходимо должны произойти в результате действия определенных причин».[22]

Абсолютный детерминизм полностью исключает какую бы то ни было свободу человека. «С дня рождения и до самой смерти, — продолжает П. Гольбах, — человек ни одного мгновения не бывает свободен. «Но я все же чувствую себя свободным», — скажете вы. Это иллюзия — такая же, как и уверенность той мухи из басни, которая сидя на дышле, возомнила, что управляет повозкой. Итак, человек считающий себя свободным, не что иное, как муха, вообразившая себя управителем вселенной, тогда как она на самом деле сама, неведомо для себя, целиком подчиняется ее законом».[23]

Казалось бы, с таких позиций в мире все закономерно. И стоит открыть эти законы, как человек может предвидеть будущие. В действительности же, как это на первый взгляд не может показаться странным, такая точка зрения по существу исключает существование законов.

Когда абсолютные детерминисты поднимают случайные связи до уровня необходимых, они тем самым фактически низводят необходимые связи до уровня случайных. Крайности сходятся. Взгляд, согласно которому в мире все абсолютно необходимо, по существу равнозначен воззрению, согласно которому в мире все случайно.

[22] Гольбах П. Здравый смысл, или Естественные идеи противопоставленные идеям сверхъестественным // П. Гольбах. Письма к Евгении. Здравый смысл. М., 1956. С. 272-273.

[23] Там же. С. 303-305.

Как писал тот же Гольбах: «Излишек едкости в желчи фанатика, разгоряченность крови в сердце завоевателя, дурное пищеварение какого-нибудь монарха, прихоть какой-нибудь женщины являются достаточными причинами, чтобы заставить предпринимать войны, посылать миллионы людей на бойню, разрушать крепости, превращать в прах города, погружать народы в нищету и траур, вызывать войны, заразные болезни и распространять отчаяние и бедствия в течение целого ряда веков».[24]

Такой взгляд был далеко не нов и не представлял собой исключительного достояния материалистов. Двумя веками раньше известный французский ученый и одновременно религиозный философ Блез Паскаль (1623–1662) писал: «Нос Клеопатры: будь он чуть покороче, весь облик Земли был бы сегодня иным».[25]

3.7.2. Абсолютный детерминизм и волюнтаризм; как они могли совмещаться

Но если дело обстоит именно так, то история представляет собой простую совокупность событий, сумму параллельных причинных рядов. Не существует никакого единого исторического процесса. Поэтому не может быть и речи о движущих силах истории и ее законах. Существует лишь вопрос о причинах тех или иных единичных исторических событий. Но если история не является закономерным процессом, то, по существу, в ней может быть все. Недаром, тот же П. Гольбах неоднократно пользуется понятием судьбы. И последняя выступает у него то как фатум, то как фортуна.

Это позволяет не только П. Гольбаху, но и другим французским материалистам надеяться на счастливый случай, который может выпасть на долю страны, прежде всего появление властителя, который произведет все те преобразования, которых страстно желали все просветители и, прежде всего, разоблачит религию и уничтожит деспотизм. «По воле судеб, — писал П. Гольбах, — на троне могут оказаться просвещенные, справедливые, мужественные, добродетельные монархи, которые, познав истинную причину человеческих бедствий, попытаются устранить их, пользуясь указаниями мудрости».[26]

Буквально почти то же самое писали К. Гельвеций и Д. Дидро. «Он явится, — читаем мы в работе последнего, — настанет день, и он явится — тот справедливый, просвещенный и могущественный человек, которого вы ждете; ибо такой человек возможен, а неумолимое течение времени приносит с собой все, что только возможно».[27]

Такой человек может сделать все, что ему заблагорассудится. Его воля предопределит весь дальнейший ход событий. В результате в работах французских материалистов абсолютный детерминизм соседствовал с почти полным волюнтаризмом. И последний в их взглядах на историю явно преобладал.

3.7.3. Снова И. Гердер

Попытку преодолеть такого рода подход к истории предпринял И. Гердер в своем труде «Идеи к философии истории человечества». Когда он в нем использовал провиденциалистические формулировки, то легко его заподозрить либо в чрезмерной

[24] Гольбах П. Система природы // Избр. произв. в 2-х т Т. 1. М., 1963. С. 260.
[25] Паскаль Б Мысли. СПб., 1995 С. 81.
[26] Гольбах П. Указ. раб. С 663-664
[27] Дидро Д. Последовательное опровержение книги Гельвеция «О человеке // Соч в 2-х т. Т. 2. М., 1991. С. 498.

приверженности к религии, либо в стремлении избежать прямого конфликт с ее сторонниками. Возможно. что последнее играло определенную роль. Но в любом случае этим дело никак не исчерпывалось. Присущий И. Гердеру историзм исключал возможность сведения истории к сумме случайностей и волевых актов отдельных личностей. Он не мог не осознавать, что в историческом процессе присутствует какая-то необходимость, действует какая-то объективная сила. Назвав эту силу генетической, он по существу ничего не мог сказать о ней. Отсюда и провиденциализм, но очень своеобразный, ибо Божественный рассудок И. Гердер понимает не как стоящий на миром, над природой и обществом, а как существующий в самом мире. И. Гердер отвергает личного бога. Он — пантеист.

3.7.4. Вольтер — историк

Абсолютный детерминизм, соединенный с волюнтаризмом, исключает возможность направленного хода мировой истории. Однако сами же французские материалисты настаивали на признании прогресса общества. В результате они лишний раз запутывались в противоречиях. И в определенной степени все эти противоречия был в той или иной мере свойственны всем французским просветителям, в частности Вольтеру (наст. имя и фам. — Франсуа Мари Аруэ) (1694—1778).

Вольтер в этом отношении особенно интересен потому, что он, помимо всего прочего, был крупным историком, чего нельзя сказать о французских материалистах. Он автор книг: «История Карла XII» (1731), «Век Людовика XIV» (1739, второе полностью перераб. издание, 1753), «Анналы империи» (1754), «История России в царствование Петра Великого» (1759—1763), «Обзор века Людовика XV» (1755—1763), «История парижского парламента» (1769), «Фрагменты истории Индии» (1773), не считая множества мелких работ.

Среди его исторических трудов особо выделяется один, который первоначально назывался «Опыт о всеобщей истории и о нравах и духе народов со времен Карла Великого вплоть до наших дней» (1756). Вышедший в 1769 г. окончательный вариант носил более короткое название — «Опыт о нравах и духе народов». Введение к нему вышло в 1765 г. отдельным изданием под наименованием «Философия истории, сочиненная покойным аббатом Базеном» (русск. перевод: СПб., 1868).

«Опыт о нравах и духе народов» был полемически заострен против «Рассуждения о всемирной истории» Ж. Боссюэ. Вольтер полностью исключал воздействие каких бы то ни было сверхъестественных сил на историю. В мире действуют естественные и только естественные причины.

В «Опыте о нравах и духе народов» великий просветитель попытался обобщить весь известный к тому времени фактический материал о всевозможный странах и народах. Этот труд был первой поистине всемирной историй. В ней была дана история не только Европы, но и Китая, Индии, Персии, арабов, а также цивилизаций Нового Света — инкской и ацтекской.

Вольтер исходил из того, что все действия людей, в том числе исторические, определяются их сознанием. Но, как подчеркивал он, само сознание имеет земные источники. «Три вещи, — писал он в одном из своих трудов, — влияют на человеческий разум: климат, правительство и религия».[28]

[28] Цит.: Кузнецов В.Н. Франсуа Мари Вольтер. М., 1978. С. 191.

Однако в своих работах Вольтер меньше всего обращался к климату. Более того, он подвергал аргументированной критике взгляд на климат как на главную силу истории. В целом он так оценивал значение каждого из названных факторов: «Климат имеет некоторое влияние, но правительство в сто раз большее. Религия вместе с правительством обладает еще большим влиянием».[29] А дальше, правительство и религию он в свою очередь ставил в зависимость от мнений и в результате приходил к классической формуле почти всех просветителей: *мнения правят миром*. Историк прежде всего должен излагать историю мнений.

Наряду с мнением он допускал власть обстоятельств, которые он понимал как случайности, способные повернуть ход истории. В этом отношении он недалеко ушел от «носа Клеопатры» Б. Паскаля. Так, например, причину крестовых походов он видит в действиях одного человека — проповедника Петра Амьенского. «Он, — пишет Вольтер, — нам известен под именем Петра Пустынника. Этот житель Пикардии, отправившись из Амьена в паломничество в Аравию, был причиной того, что Запад вооружился против Востока и что миллионы европейцев погибли в Азии. Так сцепляются между собой мировые события».[30] Рассказав о разговоре между папой Урбаном VI и кардиналом де ля Гранжем, в ходе которого папа заявил, что Франция и Англия возмущают христиан смутами, а его собеседник в ответ сказал, что папа лжет, Вольтер резюмирует: «И эти три слова погрузили Европу в раздоры, длившиеся сорок лет».[31]

Соответственно он придавал огромное значение воле великих людей, особенно монархов, которая может определить судьбы народов. «Абсолютный монарх, — писал он, — желающий блага, может без труда достигнуть всех своих целей».[32]

Но такой подход, превращавший историю в хаос случайностей, находился в противоречии с его верой в прогресс человечества. И вот в основу эволюции мнения кладется развитие человеческого разума, которое определяет совершенствование всех сторон человеческой жизни, включая материальную культуры, в том числе технику, и экономику.

Историк должен заниматься не только единичными событиями, но изменениями во всех сферах общества. Вот что писал Вольтер о задачах исторической науке в письме к русскому вельможе, известному покровителю науки и искусства Ивану Ивановичу Шувалову (1727—1797): «Теперь хотят знать, как росла нация, каково было ее народонаселение в начале эпохи, о которой идет речь и в настоящее время; как выросла с тех пор численность войск, которые она (нация) содержала и содержит; какова была ее торговля и как она расширилась, какие искусства возникли в самой стране и какие были заимствованы ею извне и затем усовершенствованы; каковы были приблизительно государственные доходы в прошлом и в настоящем, как возникли и развивались морские силы; каково было численное соотношение между дворянами, духовенством и монахами и между ними и земледельцами и т.д.».[33] Недаром о Вольтере говорят, что он положил начало истории культуры или даже, шире, социальной истории.

В целом в подходе к истории Вольтер был эклектиком. Его, по всей вероятности, вполне можно рассматривать в качестве родоначальника той концепции движущих

[29] Цит.· Там же.

[30] Цит.: Косминский Е.А. Историография средних веков. М., 1963. С. 195.

[31] Цит.: Вайнштейн О.Л. Историография средних веков. М.-Л., 1940. С. 118.

[32] Цит: Косминский Е А. Вольтер как историк // Вольтер. Статьи и материалы. М.-Л., 1948. С. 165.

[33] Цит: Косминский Е.А. Историография средних веков... С. 185.

сил истории, которую принято именовать многофакторной и которая пользуется широкой популярностью и поныне.

В последующем идея о том, что движущей силой истории было развитие разума, причем не отдельных людей, а человечества вообще, была выделена и получила разработку в уже упоминавшемся выше труде Ж.А. Кондорсе «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» (1794).

3.7.5. Волюнтаризм как теоретическое обоснование борьбы против существующего строя

Возвращаясь снова к французским материалистам, хочу особо подчеркнуть, что их волюнтаризм вовсе не сводился к пассивному ожиданию прихода великого преобразователя. Помимо всего прочего, волюнтаризм был им близок потому, что выступал в качестве теоретического обоснования их собственной активной деятельности, направленной на распространение новых идей и тем самым на подрыв все еще господствующего, но уже отживающего строя. Вообще все идеи французского Просвещения представляли огромную опасность для существующего порядка. Это достаточно четко осознавала власть. Еще 16 апреля 1757 г. была опубликована королевская декларация, в которой говорилось: «Все те, которые будут изобличены либо в составлении, либо в поручении составить и напечатать сочинения, имеющие ввиду нападение на религию, покушение на нашу власть, или стремление нарушить порядок и спокойствие наших стран, — *будут наказываться смертной казнью.* Все те, кто будет печатать сказанные сочинения; книгопродавцы, разносчики, а также лица, распространяющие их, равным образом *будут наказываться смертной казнью».*[34]

И среди всех просветителей наибольшую угрозу для существующего строя представляли французские материалисты. Их работа по изменению общественного мнения получила высокую и совершенно справедливую оценку со стороны, как это не странно, одного из представителей господствующего класса.

18 августа 1770 г. парижский парламент (верховный суд) после обвинительной речи генерального адвоката (прокурора) Сегье приговорил к сожжению книги Гольбаха «Система природы», «Священная зараза», «Разоблаченной христианство», а также ряд других произведений гольбаховского кружка. Вот что сказал прокурор: «Философы сделались наставниками рода человеческого. Свобода мыслить — вот их лозунг, и этот лозунг слышится с одного края мира до другого. Одной рукой они стремятся пошатнуть престол, а другой — хотят опрокинуть алтарь. Цель их — дать иное направление умов относительно гражданских и религиозный учреждений, таким образом, ими как бы совершена революция. Государства почувствовали, что их старые основы колеблются, а народы, пораженные уничтожением их принципов, спрашивают себя: каким роком они приведены к такому необычайному положению?.. Красноречие, поэзия, история, романы, даже словари все было заражено. Едва эти сочинения появляются в столице, как с силой потока они распространяются по всем провинциям. Зараза проникла в мастерские и даже хижины!.. Этот дух мятежа ныне распространился повсюду. Он не успокоится теперь, пока законодательная и исполнительная власть не перейдет в руки народа, пока он не уничтожит необходимого неравенства

[34] Цит.: Рокэн Ф. Движение общественной мысли во Франции в XVIII веке. 1715-1789 гг. СПб., 1902. С. 219.

сословий и состояний, пока величие королей не будет повержено в прах, а их власть не подчинится капризам слепой толпы».[35] Королевский прокурор оказался провидцем. Ровно через 19 лет разразилась Великая Французская революция.

События, имевшие место до революции и в ее ходе, внешне выглядели как подтверждение правоты волюнтаристских представлений об истории. Более тысячи лет во Франции существовали несправедливые порядки. Однако люди терпели, смирялись с ними, ибо не понимали насколько они плохи. Но вот появилась плеяда умных людей, которые поняли, наконец, что эти порядки противоречат самой природе человека, требующей для полной своей реализации свободы и равенства. Они своей деятельностью помогли это понять всем остальным людям, радикально изменили общественное мнение. В результате народ поднялся на борьбу и коренным образом преобразовал общественную среду. А самая глубокая причина — ум и воля просветителей.

3.7.6. Великая Французская революция и крушение волюнтаризма

Казалось бы, что сам ход революции полностью подтверждал волюнтаристический взгляд на историю: появились великие люди, от ума и воли которых зависел весь ход событий: Оноре Габриэль Рикети Мирабо, Жан Поль Марат, Жорж Дантон, Максимильен Робеспьер. Наконец, на историческую арену вышел Наполеон Бонапарт, который по своему произволу стирал с карты и создавал государства, бесконтрольно вершил судьбы Европы. Оседлав историю, он гнал ее в нужном ему направлении.

Но тот же ход событий полностью опровергал волюнтаризм. М. Робеспьер действительно некоторое время имел почти неограниченную власть. Но кончил свою жизнь на гильотине. Наполеон действительно создавал и уничтожал королевства, сажал на престол и убирал монархов. Но конечный результат его деятельности был противоположен тому, что он замышлял. Вместо того, чтобы стать властелином Европы и мира, он окончил свою жизнь в плену на острове, затерянном в Атлантике. Он жаждал одного, стремился к одному, а получилось совсем иное. Все планы его рухнули.

В результате наблюдателям всех этих событий невольно навязывалось представление о какой-то объективной силе, которая определяет ход событий и которой не могут противостоять никакие, даже самые великие люди. Такое представление возникало не только у философов, историков, но и у поэтов, причем не обязательно великих.

Достаточно вспомнить стихотворение малоизвестного русского писателя Николая Семеновича Соколова «Он», которое не было забыто потому, что стало популярной народной песней. Поэт вкладывает в уста Наполеона, наблюдающего московский пожар, такие слова:

Судьба играет человеком;
Она, лукавая, всегда
То вознесет тебя над веком,
То бросит в пропасти стыда.
И я, водивший за собою
Европу целую в цепях,
Теперь поникнул головою
На этих горестных стенах![36]

---

[35] Цит.. Вороницин И.П. История атеизма. 3-е изд. испр и доп М., 1930. С. 295.
[36] Соколов Н С. Он // Кубок Баллады, сказаиия, легенды. М , 1970. С. 183-184.

В годы, последующие за началом Великой Французской революции, может быть, впервые в истории человечества на глазах одного поколения коренным образом изменился мир. К 1815 г. Западная Европа стала совершенно иной, чем она была в 1789 г. И всем вдумчивым свидетелям великих событий было ясно, что эти грандиозные преобразования не были случайными. Они были неизбежными, неотвратимыми. Конкретные события могли одними, могли быть иными, но конечный их итог не мог быть другим. Это создавало условия для возрождение исторического фатализма и даже провиденциализма.

Уже известный нам французский мыслитель и писатель Жозеф де Местр (1753—1821) в работе «Рассуждения о Франции» (1797; русск. перевод: М., 1997) прежде всего подчеркивал объективную предопределенность хода Великой французской революции. «Самое поразительное во французской революции, — писал он, — увлекающая собой ее мощь, которая устраняет все препятствия. Этот вихрь уносит как легкие соломинки все, чем человек мог ото него заслониться: никто еще безнаказанно не мог преградить ему дорогу. Чистота помыслов могла высветить препятствие и только; и эта ревнивая сила неуклонно двигаясь к своей цели, равно низвергает Шаретта, Дюмурье и Друэ. С полным основанием было отмечено, что французская Революция управляет людьми более, чем люди управляют ею. Это наблюдение очень справедливо, и хотя его можно отнести в большей или меньшей степени ко всем великим революциям, однако оно никогда не было более разительным, нежели теперь. И даже злодеи, которые кажутся вожаками революции, участвуют в ней в качестве простых орудий, и как только они проявляют стремление возобладать над ней, они подло низвергаются».[37]

Силой, определяющей ход революции и истории вообще, Ж. де Местр считал божественный промысел, существование которого, однако, по его мнению, не отменяет свободы воли человека. «Все мы привязаны, — утверждал он, — к престолу Всевышнего гибкими узами, которые удерживают нас, не порабощая. Одно из самых больших чудес во всеобщем порядке вещей — это поступки свободных людей под божественной дланью. Покоряясь добровольно, они действуют одновременно по собственному желанию и по необходимости: они воистину делают, что хотят, но не властны расстроить всеобщие начертания. Каждое из этих существ находится в центре какой-либо области деятельности, диаметр которой изменяется по воле *предвечного геометра*, умеющего распространять, ограничивать или направлять волю, не искажая ее природы».[38]

Сходные взгляды развивались философом и публицистом Луи Габриэлем Амбруазом виконтом де Бональдом (1754—1840) в работе «Теория политической и религиозной власти в гражданском обществе» (1796). Критикуя концепцию общественного договора, он отстаивал идею, что как природа, так и история являются проявлением божественной воли. Бог — создатель общества и наставник рода человеческого. Идея провиденциализма нашла свое выражение в книге известного писателя и мыслителя Франсуа Рене де Шатобриана (1768—1848) «Гений христианства, или Красоты христианской религии» (1802; на русск. язык переведены лишь две повести, призванные иллюстрировать теоретические положения труда: Атала, или Любовь двух дикарей // Французская романтическая повесть. Л., 1982; Рене, или Следствия страстей // Французская новелла XIX века. Т. 1. М.-Л., 1959), В трактате Ф. Шатобриана целая глава была посвящена восхвалению историческая концепция Ж.Б. Боссюэ.

[37] Местр Ж. де . Рассуждения о Франции. М., 1997. С. 14-15.
[38] Там же. С. 11.

Сторонником провиденциализма принято считать крупного немецкого историка Леопольда фон Ранке (1795–1886). Действительно, в предисловии к первому своему труду «История германских и романских народов с 1494 до 1535 г.» (1824) он писал: «Во всех исторических явлениях виден перст божий».[39] Однако в действительности его позиция далеко не так однозначна, о чем свидетельствует его работа «Об эпохах новой истории»(1854; русск. перевод: М., 1898).

Он и здесь отстаивает существование бога. И в то же время утверждает, что идея, согласно которой существует руководящая воля, определяющая движение истории к определенной цели, не выдерживает философской критики и не может быть доказана исторически.

Какая-то предопределенность существует, но не столько в общем ходе истории, сколько в истории эпох, на которые всемирная история подразделяется. «В каждой эпохе человечества, — писал Л. Ранке, — проявляется... определенная великая тенденция, и прогресс покоится на том, что известное движение абсолютного духа обнаруживается в каждом периоде, выдвигая то одну, то другую тенденцию и своеобразно проявляясь в ней».[40]

О том, почему абсолютный дух выдвигает в одну эпоху одну тенденцию, а в другую эпоху — другую тенденцию, Л. Ранке ничего не говорит. Нельзя даже категорически утверждать, что он видит их начало в боге. «Мне представляется, — пишет Л. Ранке, — что Божество, существуя вне времени, обозревает все историческое человечество в его целом и всюду считает его одинаково ценным».[41] И это все, что сказано им в данной работе о роли бога в истории. Таким образом, никаких сколько-нибудь четких представление о движущих силах истории у Л. Ранке не было.

Наивысшее свое осмысление события конца XVIII — начала XIX века получили в уже рассмотренной выше философии истории великого немецкого мыслителя Г.В.Ф. Гегеля.

3.7.7. Проблема свободы и необходимости в философии истории Г. Гегеля

В основе философии истории Г. Гегеля — представление об объективной силе, определяющей ход истории. Эту силу он называл мировым духом. Идея неизбежности преобразований, которые происходили на глазах Гегеля, получила четкое выражение в его «Феноменологии духа», увидевшей свет в 1807 г. «Впрочем, не трудно видеть, — писал он, — что наше время есть время рождения и перехода к новому периоду. Дух порвал с прежним миром своего наличного бытия и своего представления, он готов погрузить его в прошлое и трудится над своим преобразованием. Правда, он никогда не пребывает в покое, а вовлечен в непрерывное движение вперед. Но как у младенца при рождении после длительного спокойного питания первый глоток воздуха обрывает прежнюю постепенность лишь количественного роста, — совершается качественный скачек, — и ребенок появился на свет, так образующийся дух медленно и спокойно созревает для новой формы, разрушает одну частицу здания своего прежнего мира за другой; о неустойчивости последнего свидетельствуют лишь отдельные симптомы. Легкомыслие, как и скука, распространяющиеся в существующем, неопре-

[39] Цит.: Историография нового времени стран Европы и Америки. М., 1967. С. 152.
[40] Ранке. Об эпохах новой истории. М., 1898. С. 4.
[41] Там же. С. 5.

деленное предчувствие чего-то неведомого — все это предвестники того, что приближается нечто иное. Это постепенное измельчание, не изменившие облика целого, прерывается восходом, который сразу, словно вспышка молнии, озаряет картину нового мира».[42]

И возвращение Бурбонов в 1815 г. во Францию ни в малейшей степени не поколебало убеждения Г. Гегеля в неотвратимости изменений. Оно с особой силой звучит в одном его письме, относящемся к 1816 г. «Я считаю, — писал он, — что мировой дух скомандовал времени вперед. Этой команде противятся, но целое движется, неодолимо и неприметно для глаз, как бронированная и сомкнутая фаланга, как движется солнце, все преодолевая и сметая на своем пути. Бесчисленные легко вооруженные отряды бьются где-то на флангах, выступая за и против, большая часть их вообще не подозревает, в чем дело, и только получает удары по голове как бы незримой дланью. И ничто не поможет им: ни пускание пыли в глаза, ни хитроумные выходки и выкрутасы. Можно достать до ремней на башмаках этого колосса, немного замарать их дегтем или грязью, но не развязать их, тем более стащить с него сандалии бога с подвижными, согласно Фоссу (см. «Мифологические письма» и др.), подошвами, или семимильные сапоги, которые тот наденет».[43]

Мировой дух, по Гегелю, в каждый данный момент является объективной основой общества. Он определяет общественные взгляды людей (общественное мнение французских материалистов), их общезначимые действия, а тем самым и общественное устройство (общественную среду французских материалистов).

Эта объективная основа общества не является неизменной. Она развивается, причем независимо от воли и сознания людей. Это развитие носит поступательный характер. Происходит переход объективной основы с одной ступени исторического развития на другую, а тем самым и всего общества в целом. Мировой дух есть не только объективная основа общества, но и движущая сила истории. Развитие общества носит необходимый характер. Оно — предопределено. Но историческая необходимость может проявляться только в действиях людей. И перед Г. Гегелем естественно вставала проблема свободы и необходимости.

Когда для мирового духа становится необходимым переход на новую стадию его развития, становится необходимым преобразование общества, он должен привести людей в движение, ибо назревшие перемены могут быть совершены только их руками. А для этого нужно, чтобы они осознали необходимость преобразований, чтобы они оказались заинтересованы в изменении общества, чтобы они страстно стремились произвести эти изменения.

Осознание людьми задач, поставленных мировым духом, никогда не является адекватным, но оно всегда должно иметь место. Люди всегда преследуют частные цели. И хитрость мирового духа заключается в том, что он побуждает людей ставить такие частные цели, реализация которых способствует осуществлению объективной идеи, общей объективной цели истории или, иными словами, исторической необходимости.

Людей, в частных целях которых содержится всеобщая цель, Г. Гегель называет всемирно-историческими личностями, великими людьми, героями.[44] Эти люди одно-

[42] Гегель. Система наук. Часть первая. Феноменология духа // Соч. Т. 3. М., 1959. С. 6.

[43] Гегель Г.В.Ф. Письмо Нитхаммеру. Нюрнберг, 12 июля 1816 г. // Работы разных лет. Т. 2. М., 1971. С. 357-358. Упомянутый в письме Иоганн Генрих Фосс (1751–1826) — немецкий поэт, переводчик античных авторов, профессор Йенского, затем Гейдельберского университетов.

[44] Гегель. Философия истории // Соч. Т. 8. М.-Л., 1935. С. 29-30.

временно и осознавали объективную цель, идею и не осознавали ее. «Такие лица, — писал Г. Гегель, — преследуя свои цели, не сознавали идеи вообще; но они являлись практическими и политическими деятелями. Но в то же время они были и мыслящими людьми, понимавшими, что нужно и что *своевременно*. Именно это являлось правдой их времени и их мира, так сказать, ближайшим родом, который уже находился внутри. Их дело было знать это всеобщее, необходимую ближайшую ступень в развитии их мира, сделать ее своей целью и вложить в ее осуществление свою энергию... Именно великие люди и являлись теми, которые всего лучше понимали суть дела и от которых затем все усваивали себе это их понимание и одобряли его или по крайней мере примирялись с ним».[45]

Конечный вывод Г. Гегеля состоит в том, что «во всемирной истории благодаря действиям людей вообще получаются еще и несколько иные результаты, чем те, к которым они стремятся и которые они достигают, чем те результаты, о которых они непосредственно знают и которых они желают; они добиваются удовлетворения своих интересов, но благодаря этому осуществляется еще и нечто дальнейшее, нечто такое, что скрыто содержится в них, но не сознавалось ими и не входило в их намерения».[46]

Касаясь участи великих людей, Г. Гегель замечает: «...Если мы бросим взгляд на судьбу этих всемирно-исторических личностей, призвание которых заключалось в том, чтобы быть довереннными лицами мирового духа, оказывается, что эта судьба не была счастлива. Они появлялись не для спокойного наслаждения, вся их жизнь являлась тяжелым трудом, вся их натура выражалась в их страсти. Когда цель достигнута, они отпадают, как пустая оболочка зерна. Он рано умирают, как Александр, их убивают, как Цезаря, или их ссылают, как Наполеона на остров св. Елены».[47]

Как видно из сказанного, Г. Гегель отрицал не только волюнтаризм, но и фатализм. Люди не свободны в выборе общественного строя, не свободны в выборе общего направления исторического процесса. Но каждый человек волен выбрать тот или иной образ действий, волен действовать так, а не иначе.

Таким образом, Г. Гегель исходя из признания существования объективной необходимости, не только не исключал, а наоборот, предполагал бытие случайности, причем случайности объективной. Г. Гегель был диалектиком. Согласно его взгляду, необходимость и случайность существовали не рядом друг с другом, а представляли неразрывное единство. Они были не только не одним и тем же, но одновременно и одним и тем же. Необходимость проявлялась, а тем самым существовала только в случайностях и через случайности. А случайности были проявлением необходимости или дополнением к необходимости. Поэтому необходимость по своему проявлению всегда была случайной, а случайности были необходимыми.

Иначе говоря, по Гегелю, то, чего не могло не быть, проявлялось в том, что могло быть, а могло не быть. Или, иными словами, то, что могло быть, а могло и не быть, было формой, в которой проявлялось то, чего не могло не быть. Если применить все это к истории, то выходило, что ход ее одновременно и предопределен, и непредопределен. Предопределено общее направление исторического процесса, но не конкретные события, которые могут быть одними, а могут быть и другими.

Г. Гегель понял, что существует некая объективная основа общества, что эта объективная основа развивается и тем самым определяет ход всемирно-исторического

[45] Там же С. 29-30.
[46] Там же. С. 27.
[47] Там же С 30

процесса, что именно эта развивающаяся основа и есть движущая сила истории. Однако раскрыть природу этой основы, этой движущей силы истории он оказался не в состоянии. Выявив, что существует какой-то черный ящик, действие которого определяет ход исторического процесса, он так и не смог заглянуть в него и обнаружить действующую в нем реальную силу. В результате ему ничего не оставалось, кроме как назвать эту объективную основу и объективную силу мировым духом, что ничего ровным счетом не объясняло.

И в определенной степени Г. Гегель это понимал. С этим связаны неоднократно предпринимавшиеся им попытки найти хоть какие-то реальные силы, определявшие исторический процесс. Обращаясь к вопросу о природе государства, Г. Гегель без конца повторяет, что оно является «полной реализацией духа в наличном бытии», что «государство есть божественная идея как на она существует на земле» и т.п.[48] Однако наряду с подобного рода утверждениями мы встречаем у него и мысль, «что настоящее государство и настоящее правительство возникают лишь тогда, когда уже существует различие сословий, когда богатство и бедность становятся очень велики...».[49]

Пытаясь объяснить упадок греческого мира, Г. Гегель в строгом соответствии со своей концепцией пишет: «Дух мог лишь в течение непродолжительного времени оставаться на той точке зрения прекрасного духовного единства, которую мы только что охарактеризовали, и источником дальнейшего прогресса и гибели явился момент субъективности, моральности, подлинной рефлексии и внутреннего мира».[50] Но буквально вслед за этим он отмечает, что во время упадка Греции «в городах не прекращалась борьба, и граждане разделились на партии, как в итальянских городах в средние века».[51] А касаясь истории Спарты, он прямо говорит, что «главной причиной упадка Лакедемона было имущественное неравенство...».[52]

Но это были не более как догадки, не получившие развития. К тому времени, когда Г. Гегель создавал свою философию истории, уже существовала английская классическая политической экономии и появились основные труды французских историков эпохи Реставрации. Но хотя он был достаточно хорошо знаком с работами и А. Смита, и Д. Рикардо, это практически никак не сказалось на его философско-исторических построениях. Прошел он и мимо трудов названных историков.

А между тем только обращение к общественным классам и классовой борьбе и экономическим отношениям создавало возможность проникнуть в открытый Г. Гегелем черный ящик истории и нащупать действующий в нем механизм.

3 8. ФРАНЦУЗСКИЕ ИСТОРИКИ ЭПОХИ РЕСТАВРАЦИИ: ОТКРЫТИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ КЛАССОВ И КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

3.8.1. Предтечи (от Платона до Вольнея)

Если коротко охарактеризовать вклад французских историков эпохи Реставрации в развитие философско-исторической мысли, то он заключается в открытии ими общественных классов и классовой борьбы.

[48] Там же. С 17, 38 и др.
[49] Там же С 82
[50] Там же С 248
[51] Там же С 250.
[52] Там же. С. 246.

У этих мыслителей были предшественники. Истоки идеи общественных классов и идеи классовой борьбы уходят в глубокую древность. Социальное неравенство людей в цивилизованном обществе и связанные с ним общественные конфликты были подмечены еще в эпоху Древнего Востока. В античном обществе эти идеи обрели более отчетливую форму.

Платон в своем «Государстве», характеризуя олигархический строй, писал: «...Подобного рода государство неизбежно не будет единым, а в нем как бы будут два государства: одно — государство бедняков, другое — государство богачей. Хотя они и будут населять одну и ту же местность, однако станут вечно злоумышлять друг против друга».[53]

Большое внимание расчленению общества на группы людей с разными интересами уделил в своей «Политике» Аристотель. Чаще всего он говорил о делении общества на состоятельных (богатых, благородных) людей и на простой народ (народную массу).[54] В свою очередь в составе простого народа он выделял земледельцев, ремесленников, торговцев, моряков, военных, поденщиков.[55] Наряду с этим он проводил и другое деление. «В каждом государстве, — писал Аристотель, — есть три части: очень состоятельные, крайне неимущие и третьи, стоящие посредине между теми и другими».[56]

Как показал Аристотель, анализ подразделения общества на такие составные части и взаимоотношений между ними дает ключ к пониманию того, почему в том или ином конкретном обществе утвердилась та или иная форма государственного устройства. «Так как..., — писал он, — между простым народом и состоятельными возникают распри и борьба, то, кому из них удается одолеть противника, те и определяют государственное устройство, причем не общее и основанное на равенстве, а на чьей стороне оказалась победа, те и получают перевес в государственном строе в качестве награды за победу, и одни устанавливают демократию, другие — олигархию».[57]

Как сообщается в «Римских древностях» греческого ритора и исторического писателя Дионисия Галикарнасского (I в. до н.э. — I в. н.э.), римлянин Менений Агриппа, который был и участником, и свидетелем ожесточенной борьбы, развернувшейся в начале V в. до н.э в Риме между патрициями и плебеями, находил, что «не только у нас и не в первый раз беднота встала против богачей, низшие против высших, но, можно сказать, во всех государствах, как в мелких, так и больших, существует враждебная противоположность между большинством и меньшинством».[58]

Римский историк Тит Ливий (59 до н.э. — 17 н.э.) в «Истории Рима от основания города» (русск. перевод: Т. 1. М., 1989; Т. 2, 3. 1994) рассказывает, что когда плебеи в знак протеста против причиняемых им обид покинули города, то к ним в качестве посредника был послан Менений Агриппа. «И допущенный в лагерь, он, говорят, только рассказал по-старинному безыскусно вот что. В те времена, когда не было, как теперь, в человеке все согласовано, но каждый член говорил и решал, как ему вздумается, возмутились другие члены, что все их старания и усилия идут на потребу желудку; а желудок, спокойно сидя в середке, не делает ничего и лишь наслаждается тем, что получает от других. Сговорились тогда члены, чтобы ни рука не подносила

[53] Платон. Государство // Соч. в 3-х .т. Т. 3. Ч. 1. М., 1971. С. 365.
[54] Аристотель. Политика... С. 457,462, 484, 491, 493, 496, 509.
[55] Там же. С. 490, 493, 495.
[56] Там же. С. 507.
[57] Там же. С. 509.
[58] Цит.: Пельман Р. История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910. С. 560.

пищу ко рту, ни рот не принимал подношения, ни зубы его не разжевывали, Так, разгневавшись, хотели они смирить желудок голодом, но и сами все, и все тело вконец исчахли. Тут-то открылось, что и желудок не нерадив, что не только он кормится, но и кормит, потому что от съеденной пищи возникает кровь, которой сильны мы и живы, а желудок равномерно по жилам отдает ее всем частям тела. Так, сравнением уподобив мятежу частей тела возмущение плебеев против сенаторов, изменил он настроение людей».[59] Здесь перед нами зачаток концепции, которая в последующем получила название органической теории классов.

Римский историк Гай Саллюстий Крисп (86 — ок. 35 до н.э.) в сочинении «О заговоре Катилины (ок. 43 или 41; русск. перевод: Сочинения. М., 1981) подчеркивал: «Безумие охватило не только заговорщиков: вообще весь простой народ в своем стремлении к переменам одобрял намерения Катилины. Именно они, мне кажется, соответствовали его нравам. Ведь в государстве те, у кого ничего нет, всегда завидуют состоятельным людям, превозносят дурных, ненавидят старый порядок, жаждут нового, недовольны своим положением, добиваются общей перемены, без забот кормятся волнениями и мятежами, так как нищета легко переносится, когда терять нечего».[60]

Историк Аппиан (ок. 100 — ок. 170 н.э.), грек по происхождению, в своих «Гражданских войнах» (русск. перевод: Л., 1935; М., 1994 // Римская история. М., 1998; 2002) в отличие от многих своих предшественников увидел истоки внутриполитической борьбы в Риме, которая привела к краху республики и утверждению империи, не в моральной деградации римлян, а в отношениях поземельной собственности, обусловивших различие интересов разных социальных групп римского общества.

Не буду повторять всего того, что было сказано выше (3.2) о воззрениях Н. Макьявелли. Отмечу лишь, что раскол общества на классы заметил и его младший современник Томас Мор (1478—1535). В своей знаменитой «Утопии» (1516; русск. переводы: Пг., 1918; М., 1947; 1953) он подчеркивает, что богачи и знать — паразиты, живущие за счет эксплуатации обреченных на нищету тружеников. «Какая же это будет справедливость,— пишет Т. Мор, имея в виду первых, — если эти люди совершенно ничего не делают или дело их такого рода, что не очень нужно государству, а жизнь их протекает среди блеска и роскоши, и проводят они ее в праздности или в бесполезных занятиях? Возьмем теперь, с другой стороны, поденщика, ломового извозчика, рабочего, земледельца. Они постоянно заняты усиленным трудом, какой едва могут выдержать животные; вместе с тем труд этот настолько необходим, что ни одно общество не просуществует без него и года, а жизнь этих людей настолько жалка, что по сравнению с ними положение скота представляется более предпочтительным».[61]

И Т. Мору совершенно понятна причина такого положения вещей — частная собственность. На страже частной собственности и интересов богачей стоит государство. «При неоднократном и внимательном созерцании всех процветающих ныне государств, — продолжает автор, —я могу клятвенно утверждать, что они представляются не чем иным, как некиим заговором богачей, ратующих под вывеской и именем государства о своих личных выгодах».[62]

О расколе общества на богачей, ведущих праздный образ жизни, и замученных непосильным трудом бедняков писал другой утопист — Джан Доменико (в монашест-

[59] Тит Ливий. История Рима от основания города. Т. 1. М , 1989 С 89.
[60] Гай Саллюстий Крисп О заговоре Катилины // Сочинения. М , 1981 С 21
[61] Мор Т. Утопия. М , 1953. С 217.
[62] Там же. С. 218

ве — Томмазо) Кампанелла (1568—1639) в работе «О наилучшем государстве» (1637). И причину его он видел в частной собственности.

Не просто на классы, а на классовую борьбу обратил внимание Дж. Вико в «Основаниях новой науки об общей природе наций» (1725), и последняя играет немалую роль в его исторической концепции. Согласно его представлениям, именно борьба зависимых, клиентов против патриархов привела к появлению государства и тем самым к переходу от века богов к веку героев. Государство возникло как орудие в руках знати для удержания в повиновении угнетенных. В дальнейшем в результате борьбы плебеев против благородных произошла смена аристократической республики республикой народной, демократической, а тем самым и переход от века героев к веку людей.

XVIII в. во Франции был временем вызревания предпосылок революции и соответственно обострения классовых противоречий. Поэтому многие мыслители, жившие в эту эпоху, заметили и общественные классы, а значительная их часть — и классовую борьбу.

«Первым злом, — писал Жан Мелье (1664—1729) в своем знаменитом «Завещании» (русск. перевод: Т. 1—3, М., 1954), — является огромное неравенство между различными состояниями и положениями людей; одни как бы рождены только для того, чтобы деспотически властвовать над другими и вечно пользоваться всеми удовольствиями жизни; другие, наоборот, словно родились для того, чтобы быть нищими, несчастными и презренными рабами и всю жизнь изнывать под гнетом нужды и тяжелого труда. Такое неравенство глубоко несправедливо, потому что оно отнюдь не основано на заслугах одних и проступках других, оно ненавистно, потому, что, с одной стороны, лишь внушает гордость, высокомерие, честолюбие, а с другой стороны, лишь порождает чувство ненависти, зависти, гнева, жажды мщения, сетования и ропот».[63]

Такой же взгляд развивал Морелли в уже упоминавшейся книге «Кодексе природы, или истинный дух ее законов» (1755) и Г. Б. де Мабли в труде «О законодательстве или принципы законов» (1776). «Повсюду, — писал последний, — общество было подобно скопищу угнетателей и угнетенных».[64] Все названные мыслители видели причину существования классов в частной собственности. Они считали классовое неравенство несправедливым и мечтали об обществе, где не будет частной собственности.

Иную позицию занимал Вольтер. Видя деление общества на классы, он считал его неизбежным. «На нашей несчастной земле, — утверждал Вольтер в статье «Равенство» в «Философском словаре» (1765—1769), — невозможно без того, чтобы, живя в обществе, люди не были разделены на два класса: один класс богатых, которые командуют, и другой класс бедных, которые служат».[65]

О разделении людей в цивилизованных обществах на две основные группы, из которых одна эксплуатирует другую, писал Ж.-Ж. Руссо в работе «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755). «Несчастье почти всех людей и целых народов, — писал К. Гельвеций в труде «О человеке» (1769; 1773), — зависит от несовершенства их законов и от слишком неравномерного распре-

[63] Мелье Ж. Завещание. Т. 2. М., 1954. С. 154-155.

[64] Мабли Г. О законодательстве или принципы законов // Избранные произведения. М.-Л., 1950. С. 57.

[65] Цит.: Солнцев С.И. Общественные классы. Важнейшие моменты в развитии проблемы классов и основные учения. Пг. 1923. С. 26.

деления их богатств. В большинстве государств существует только два класса граждан: один — лишенный самого необходимого, другой — пресыщенный излишествами. Первый класс может удовлетворить свои потребности лишь путем чрезмерного труда. Такой труд есть физическое зло для всех, а для некоторых — это мучение. Второй класс живет в изобилии, но зато изнывает от скуки. Но скука есть такое же страшное зло, как и нужда».[66]

«Чистый равномерно распределенный продукт, — вторил ему Д. Дидро в одной из статей своей знаменитой «Энциклопедии», — предпочтительнее большей сумме чистого дохода, который был бы распределен крайне неравномерно и разделил бы народ на два класса, из коих один преобременен избытком, а другой вымирает от нищеты».[67] О распадении общества «на два класса: на очень малочисленный класс богатых и очень многочисленный класс бедных граждан» Д. Дидро говорил и в работе «Последовательное опровержении книги Гельвеция «О человеке».[68]

Идея общественных классов и классовой борьбы нашла свое выражение в труде уже известного нам Г. Рейналя «Философская и политическая история учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях» (1770; 1780). По его мнению, после крестовых походов в Европе начала водворяться собственность среди частных лиц и борьба вокруг нее. «Все нации, — пишет Г. Рейналь, — кажутся разделенными на две непримиримые части. Богатые и бедные, собственники и наемники, т.е. господа и рабы, составляют два класса граждан, к несчастью, противоположных. Напрасно некоторые современные писатели хотели установить посредством разного рода софизмов существование мирного соглашения между этими двумя состояниями. Повсюду богатые стремятся получить с бедного как можно больше, а издержать как можно меньше; бедные же всюду стремятся продать свой труд как можно подороже. На этом слишком неравном рынке богатый всегда будет устанавливать цену».[69]

Брат Г.Б. де Мабли философ Этьен Бонне де Кондильяк (1715—1780) в работе «О выгодах свободной торговли» (1776) писал, что существуют два класса граждан: класс собственников, которым принадлежат все земли и все производства, и класс наемных работников, которые, не владея ни землей, ни средствами производства, существуют на заработную плату, получаемую ими за своей труд.

Блестящий публицист и ученый Симон Никола Анри Ленге (1736—1794) в книге «Теория гражданских законов, или фундаментальных принципов общества» (1767) придерживался такого взгляда на классовое деление общества, которое в известной степени было пронизано историзмом. Он считал, что первой формой эксплуатации человека человеком было рабство, которое он не отличал от крепостничества. Рабство возникло в результате покорения охотниками хлебопашцев и пастухов. В более позднее время на смену рабам, в число которых Н. Ленге включал и крепостных крестьян, пришли наемные рабочие.

Современный рабочий есть прямой преемник раба. «Отменяя рабство, вовсе не имели в виду уничтожить ни богатство, ни его примущества, — подчеркивал Н. Ленге, — ...А поэтому все, кроме названия, должно было остаться по-прежнему. Наибольшая часть людей всегда должна была жить на заработную плату, находясь в зависимо-

[66] Гельвеций К.А. О человеке // Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1974. С. 382.
[67] Дидро Д. Человек // Собр. соч. Т. 7. М.-Л., 1939. С. 200.
[68] Дидро Д. Последовательное опровержение книги Гельвеция «О человеке». С. 470.
[69] Цит.: Солнцев С.И. Указ. раб. С. 26-27.

сти от ничтожного меньшинства, *присвоившего себе все блага*. Таким образом, рабство было увековечено на земле, но под более мягким названием».[70]

Положение наемных рабочих, по мнению Н. Ленге, не только не лучше положения рабов, а гораздо хуже. «У них, говорят, нет господ, — пишет Н. Ленге, —... Но это явное злоупотребление словом. Что это означает: у них нет господ? У них есть господин, и притом самый ужасный, самый деспотичный из всех господ: *нужда*. Он ввергает их в самое жесткое рабство. *Им приходится повиноваться не какому-либо отдельному человеку, а всем вообще.* Над ними властвует не какой-нибудь единственный тиран, капризам которого должны угождать и благоволения которого должны добиваться, — это поставило бы известные границы их рабству и сделало бы его более сносным. *Они становятся слугами всякого, у кого есть деньги,* и в силу этого их рабство приобретает неограниченный характер и неумолимую суровость».[71]

«Необходимо выяснить, — подчеркивал Н. Ленге, — какова в действительности та выгода, которое принесло им *уничтожение рабства.* Говорю с горечью и вполне откровенно: вся выгода состоит для них в том, что их вечно преследует страх голодной смерти, — несчастье от которого, по крайней мере, их предшественники в этом низшем общественном слое были избавлены».[72]

Особенно много писали об общественных классах и классовой борьбе в годы Великой Французской революции. Не приводя больше имен, ограничимся высказыванием уже знакомого нам Вольнея. «Невежество и алчность, — писал он в работе «Руины, или размышления о расцвете и упадке империй» (1791), — породив тайное брожение внутри каждого государства, разделили граждан, и каждое общество распалось на угнетателей и угнетенных, на хозяев и рабов».[73]

3.8.2. Эпоха Реставрации

Таким образом, идея общественных классов и классовой борьбы возникла задолго до французских историков эпохи Реставрации. Но никакой историологической концепции этого явления до них не существовало. Первая концепция общественных классов и классовой борьбы, которая была использована для понимания хода истории, была создана лишь французскими историками эпохи Реставрации.

Первым из них следует назвать Жака Никола Огюстена Тьерри (1795—1856). Он автор множества статей, которые были затем собраны в книгах «Письма по истории Франции» (1827) и «Десять лет исторических работ» (1835) (русск. переводы отдельных статей из этих сборников см.: Тьерри О. Городские коммуны во Франции в средние века. СПб., 1901; Избранные сочинения. М., 1937), и монографий: «История завоевания Англии норманнами» (1825; русск. переводы: М., 1900; Киев, Харьков,1904), «Опыт истории происхождения и успехов третьего сословия» (1853; послед. русск. изд.: Избранные сочинения. М., 1937) и др.

Следующий крупный представитель этой школы — уже известный нам Франсуа Пьер Гийом Гизо (1787—1874). К уже названным (2.5.1) его работам можно доба-

[70] Linguet N Théorie des loix civiles ,ou Principes fondamentaux de la société. T. 2. London, 1767. P. 462

[71] Idem. P. 470.

[72] Idem P. 464.

[73] Вольней. Руины, или размышления о расцвете и упадке империй // Избранные атеистические произведения. М., 1962 С. 52.

вить «Этюды по истории Франции» (1823) и «Историю английской революции» (1827-1827; русск. переводы: Ч. 1–2. СПб., 1859–1860; Т. 1–3. СПб., 1868; Т. 1–2. Ростов-на-Дону, 1996). Далее следует назвать Франсуа Мари Огюста Минье (1796–1884), среди работ которого выделяется «История французской революции с 1789 до 1814 г.» (1824; русск. перевод: Т. 1–2. СПб., 1866–1867;1901; 1906 и др.), и Луи Адольфа Тьера (1797—1877) с его главным трудом «История французской революции» (1823—1827; русск. перевод: Т. 1—5. СПб., 1873—1877).

Между их взглядами существует определенное различие, да и воззрения каждого из них в течение жизни претерпевали изменения. Не вдаваясь ни в какие детали, попытаемся проследить логику движения их мысли, которая завершилась созданием концепции общественных классов и классовой борьбы.

Начнем с общей характеристики эпохи, к которой относятся начало их научной деятельности. В 1815 г. после второго и окончательного отстранения Наполеона во Франции вновь утвердились Бурбоны. Французским королем стал брат обезглавленного Людовика XVI Людовик XVIII. Вместе с ним к власти во Франции вновь пришло дворянство. Конечно, социально-экономический строй страны не претерпел изменений. Франция, ставшая в годы революции страной буржуазной, ею и осталась. Дворянство было вынуждено считаться с интересами буржуазии, однако к власти последнюю не допускало. Буржуазию это не устраивало. Она повела борьбу за власть, в ходе которой опиралось на поддержку широких масс населения.

Политическая классовая борьба с неизбежностью сочеталась с идеологической. Идеологи дворянства оправдывали его претензии на политическую власть. И для этого обращались к истории. Была воскрешена концепция, которая в свое время была изложена в работе графа Анри де Буленвилье (1658—1722) «История древнего правительства Франции» (1727), в которой права дворян обосновывались тем, что они были потомками франков, завоевавших страну и подчинивших себе ее коренных обитателей.

Граф Франсуа Доминик Рене де Монлозье (1755—1838) в книге «О французской монархии» (1814) рассматривал борьбу третьего сословия против дворянских привилегий как бунт рабов против их законных хозяев, а результат этой борьбы как узурпацию законных прав дворянства. «Порода вольноотпущенных, — писал он, обращаясь к буржуазии, — племя рабов, освобожденных из рук наших, народ данников, народ новый! Это вам было даровано свобода, вам, а не нам, благородным; для нас все существует по праву, для вас все по милости».[74]

3.8.3. От изучения революции — к исследованию борьбы классов

Идеологи буржуазии приняли вызов. Целая плеяда блестящих историков обратилась к прошлому страны с тем, чтобы обосновать претензии именно этого класса на политическое господство. «В 1817 г., — писал О. Тьерри, — я начал в книгах по истории искать доказательств и аргументов в подтверждение моих политических взглядов».[75] Особое внимание было уделено детальному исследованию того периода истории Франции, когда дворянство было отстранено от власти, т.е. эпохи Великой рево-

[74] Цит : Виппер Р. Очерки исторической мысли в XIX веке и первая историческая формула борьбы классов // Мир божий 1900. № 3. С. 252.

[75] Цит.: История философии. Т. 3. М., 1943. С. 424.

люции. И когда люди, которые сами были активными участниками классовой борьбы, начали изучать ход революции, то им бросилась в глаза, что в эту эпоху вся страна раскололась на два лагеря, которые вели между собой борьбу не на жизнь, а на смерть. И было совершенно ясно, что от исхода этой борьбы зависела судьба Франции.

Сразу же возникал вопрос о том: возникли ли эти две силы только в ходе революции или они существовали и раньше. И когда историки эпохи Реставрации под таким углом зрения подошли к историческому материалу, то ответа на него долго искать не пришлось. Можно было только удивляться тому, как историки этого раньше не замечали. Эти две общественные силы, эти два общественных класса существовали в течение всей истории Франции. И на протяжении всего этого времени между ними шла, то обостряясь, то принимая более умеренные формы, непрерывная борьба.

«Революция и контрреволюция, новая Франция и Старый режим, — писал Ф. Гизо, — это те две силы, которыми мне хотелось бы определить соответствующую ситуацию со времен Реставрации и вплоть до сегодняшнего дня. Других целей я не ставил в этом сочинении. Прежде всего, следовало бы, таким образом, обозначить эти две силы и определить общий и определяющий характер их взаимоотношений. Его я усматриваю в войне, то публичной и кровавой, то в дальнейшем и чисто «политической», которая велась в ходе становления нашей монархии, с одной стороны, дворянством и духовенством, а с другой — третьим сословием. Революция мне казалась исходом этой войны, то есть окончательной победой третьего сословия над дворянством и духовенством, которые долгое время владели Францией, да и самим третьим сословием».[76]

Следующий вопрос: из-за чего шла борьба, чего добивались борющиеся силы? Весь ход Великой революции неопровержимо говорил о том, что борьба шла за власть. Совершенно ясно было, что основным вопросом революции был вопрос о власти. «Все шесть лет, которые мы рассмотрели (1789—1795 гг. — *Ю.С.*), — писал Ф. Минье, — прошли в стараниях утвердить господство одного из классов, составляющих французскую нацию. Привилегированные классы мечтали утвердить свое господство, противопоставив его двору и буржуазии, с помощью сохранения сословий и генеральных штатов; буржуазия жаждала установить свой порядок вещей, направленный против толпы, знати и духовенства, учреждением конституции 1791 г., толпа старалась захватить власть для себя против всех и вся конституцией 1793 г.».[77]

3.8.4. Из-за чего борются классы?

Но ради чего шла борьба за власть, зачем она была нужна как тому, так и другому классу? Это был, пожалуй, самый важный вопрос. Борьба за власть велась не ради самой власти. Власть нужна была каждому из борющихся классов для защиты и реализации своих интересов, для сохранения или создания выгодного ему общественного порядка.

У классов были различные, более того противоположные интересы. И эти интересы были объективными. Шли века, сменялись поколения, а деление на классы с разными интересами сохранялось. Интересы классов не зависели от сознания и воли отдельных людей. Наоборот, эти существующие независимо от сознания и воли людей

[76] Guizot F. Du gouvernement de la France depuis la Restaration et du ministére actuel Paris, 1821. P. V–VI.

[77] Минье [Ф]. История Французской революции с 1789 до 1814 г. СПб, 1906. С. 376-377.

интересы определяли их сознание и волю, тем самым их общезначимые действия и, в конечном счете, ход истории. «Господствующие интересы, — писал Ф. Минье в работе «О феодализме», — определяют ход социального движения. Это движение пробивается к своей цели сквозь все стоящие на его пути препятствия, прекращается, когда оно достигло цели, и замещается другим, которое на первых порах совершенно незаметно и которое дает о себе знать лишь тогда, когда оно становится наиболее мощным. Таков был ход феодального строя. Этот строй был нужен обществу до того, как он установился в действительности, — это первый период его; затем он существовал фактически, перестав быть нужным, — второй его период; И это привело к тому, что он перестал быть фактом».[78] Так был сделан решающий шаг к открытию в истории того фактора, который, существуя независимо от воли и сознания людей, определял их сознание и волю.

Было совершенно ясно, что корни классовых интересов заключены не в биологической природе человека. И дворяне, и буржуа, и крестьяне по своей биологической природе не отличались друг от друга. А интересы были разными.

Проще всего было раскрыть корни различия интересов дворянства и крестьянства. Дворяне владели землей, которую обрабатывали крестьяне, и в силу этого имели право на часть продукта, созданного последними. Они были кровно заинтересованы в сохранении такого рода поземельных отношений, ибо они обеспечивали их существование. Крестьяне же, наоборот, были кровно заинтересованы в уничтожении такого рода поземельных отношений. Они хотели стать полными собственниками земли, которую обрабатывали, хотели избавиться от эксплуатации со стороны дворян.

Дворянам власть была нужна для увековечения существующих поземельных отношений. Крестьяне все в большей степени приходили к пониманию того, что без лишения дворян политической власти невозможно ликвидировать несправедливые, по их убеждению, отношения поземельной собственности.

3.8.5. Общественные классы: что это такое?

Понятие общественного класса у историков эпохи Реставрации было не очень четким. Поэтому они выделяли то два, то три, то еще большее число классов. Под одним общественным классом они понимали дворянство, которое действительно был таковым. В случае двухклассового деления общества под вторым классом они понимали «третье сословие», т.е. все непривилегированные слои населения дореволюционной Франции, включая буржуазию, мелкую буржуазию, крестьянство и городскую бедноту, в том числе предпролетариат.

Когда речь шла о дворянстве и крестьянстве, то было ясно, что эти две группы людей отличались друг от друга прежде всего тем, что занимали разные места в системе поземельных отношений, т.е. отношений собственности на землю. В отношении других групп, входивших в состав третьего сословия, так сказать было нельзя.

В результате историки эпохи Реставрации пришли к выводу, что общественные классы суть большие группы людей, занимающие разные месте в системе не только поземельных отношений, но всех вообще отношений собственности, всех вообще имущественных отношений. Именно различие мест в системе имущественных отношений

[78] Цит.: Плеханов Г.В. Материалистическое понимание истории // Избр. философ. произв. в 5-ти т. Т. 3. С. 651.

и определяет различие интересов общественных классов. И когда историки эпохи Реставрации принимал во внимание не только поземельные, и и прочие имущественные отношения, то число выделяемых ими классов увеличивалось

Ф. Минье указывал, что каждое из трех существовавших во Франции сословии в свою очередь разделялось на несколько групп, которые он именовал классами Ф. Гизо говорил о существовании трех основных «социальных групп», или классов. Первую образуют люди, живущие на доходы с земельной («или иной» — рантьеры) собственности, — аристократия. Вторая состоит из людей, стремящихся увеличить свое движимое или земельное имущество свом трудом, — «буржуазия». Третью составляют люди, не имеющие собственности и живущие исключительно своим трудом, — «народ».

О. Тьерри выделял два привилегированных сословия (дворянство и духовенство), «народ», или «промышленников», куда он включал и крупных капиталистов, и простых рабочих, и, наконец, «самый невежественный класс», или «чернь».

Таким образом, историки эпохи Реставрации ушли далеко вперед от примитивного представления о классах как группах людей, из которых одна имеет много (богатые), а другая мало или совсем ничего (бедняки). Не в богатстве одних и бедность других состоит суть деления на классы. Богатство одних людей и бедность других производны от мест, которые занимают разные группы людей в системе имущественных отношений.

3.8.6. Имущественные отношения

Имущественные отношения являются основными, фундаментальными. Они определяют интересы людей, а те — общественное мнение и тем самым общезначимые действия людей во всех основных сферах общественной жизни. Характер имущественных отношений определяет ход политической борьбы, природу создаваемых людьми политических и иных общественных институтов. Иначе говоря, имущественные отношения определяют политические и все прочие общественные отношения Если имущественные отношения являются фундаментальными, базисными, то все прочие в конечном счете — производными от них. Таким образом, все общественные отношения были фактически подразделены на две категории. отношения первичные и отношения вторичные, производные от первых

3.8.7. Народные массы и выдающиеся личности

С открытием классов и классовой борьбы в историологию впервые вошел народ, причем не как пассивная страдающая масса, а как активная действующая социальная сила. Одна из работ О. Тьерри называлась «Подлинная история Жака Простака, написанная на основании подлинных документов» (русск. первод. Избранные сочинения. М., 1937). Под Жаком Простаком он понимал французское крестьянство.

По-новому встал вопрос о выдающихся деятелях истории и их отношении к массам. Великим становится человек, который лучше других понял и выразил интересы своего класса и который возглавил его борьбу за эти интересы. Сила великого человека в тех людях, которые за ним идут Если он пренебрегает интересами своего класса, то теряет сторонников и последователей и лишается силы, лишается возможности воздействовать на ход исторического процесса.

3.8.8. Классовая борьба — историческая закономерность

Стремясь выяснить, является ли наличие общественных классов и классовой борьбы специфической особенностью развития Франции или же это присуще и другим странам, историки эпохи Реставрации обратились к истории Англии. И убедились, что открытие ими закономерности не в меньшей степени проявляются в истории и этой страны. Английское общество тоже было расколото на классы, между которыми на всем протяжении его истории шла упорная борьба. Кульминацией этой классовой борьбы была Английская революция XVII в.

3.8.9. История как объективный, закономерный процесс

Открыв общественные классы и классовую борьбу, французские историки эпохи Реставрации тем самым пришли к определенному общему взгляду на историю, который, однако, ими нигде сколько-нибудь четко изложен не был. Ими фактически было признано существование нескольких качественно отличных общественных укладов, в основе каждого из которых лежала определенная система имущественных отношений, с неизбежностью порождавшая деление на общественные классы — группы людей с разными объективными интересами. Каждый уклад существовал до тех пор, пока соответствовал потребностям времени. Однако рано или поздно такому соответствию приходил конец. Тогда возникала объективная необходимость в замене этого общественного уклада новым. И эта смена укладов никогде не происходила автоматически. Были классы, кровно заинтересованные в сохранении старых отживших отношений и имевшие возможность препятствовать назревшим переменам, ибо им принадлежала власть. Чтобы эти перемены произошли, необходимо было, чтобы классы, интересы которых требовали преобразований, поднялись на борьбу и захватили власть. Только переход власти в руки этих прогрессивных сил мог обеспечить смену одного общественного строя другим, отвечающим нуждам времени.

Из всех французских историков эпохи Реставрации ближе всего к такому пониманию истории подошел Ф. Минье. Выше уже были процитированы строки из его работы, в которых говорилось об объективном характере социального движения, ведущего к смене одного общественного строй другим. Приведем еще одно из его высказываний, с которого начинается его основной труд — «История Французской революции с 1789 по 1814 г.». «Я собираюсь, — писал он, — дать краткий очерк французской революции, с которой начинается в Европе эра нового общественного уклада... Эта революция не только изменила соотношение политических сил, но произвела переворот во всем внутреннем существовании нации. В то время еще существовали средневековые формы общества, а общество разделилось на соперничающие друг с другом классы. Вся земля была разделена на враждовавшие друг с другом провинции. Дворянство, утратив всю свою власть, однако, сохранило свои преимущества; народ не пользовался никакими правами; королевская власть была ничем не ограничена, и Франция была предана министерскому самовластью, местным управлениям и сословным привилегиям. Этот противозаконный порядок революция заменила новым, более справедливым и более соответствующим требованиям времени. Она заменила произвол — законом, привилегии — равенством, она освободили людей от классовых различий, землю — от провинциальных застав, промышленность — от оков цехов и корпораций, земледелие — от феодальных повинностей и от тяжести десятины, частную собст-

венность — от принудительного наследования; она все свела к одинаковому состоянию, одному праву и одному народу... Главная цель была достигнута, в империи во время революции разрушилось старое общество и на месте его создалось новое».[79]

А затем следует обобщающий вывод: «Когда какая-нибудь реформа сделалась необходимой и момент выполнения ее наступил, то ничто не может помешать ей и все ей способствует. Счастливы были бы люди, если бы они умели этому подчиниться, если бы уступили то, что у них лишнее, а другие бы не требовали то, что им не хватает; тогда революции происходили бы мирным путем, и историкам не приходилось бы упоминать ни об излишествах, ни о бедствиях; им бы только пришлось отмечать, что человечество стало более мудрым. Но до сих пор летописи народов не дают нам ни одного примера подобного благоразумия: одна сторона постоянно отказывается от принесения жертв, а другая их требует, и благо, как и зло, вводится при помощи насилий и захвата. Не было до сих пор другого властелина, кроме силы».[80]

Казалось бы, все у французских историков эпохи Реставрации стало на свое место: действия людей, из которых складывается история, определяются общественным мнением, а общественное мнение разное, у разных классов детерминируется интересами этих классов, которые обусловлены местом этих больших групп людей в системе имущественных отношений. Имущественные отношения — основа общества, история есть смена систем имущественных отношений, а классовая борьба — сила, определяющая переход от одной такой системы к другой, и тем самым ход истории. История есть объективный процесс, ход которого в общем и целом предопределен, причем не богом, не абсолютым разумом, не разумом человечества, не разумом и волей великих людей, а объективными и естественными факторами. Проблема, казалось, была решена.

3.8.10. Проблема происхождения общественных классов

На деле же до решения ее было еще очень далеко. На пути к нему историков эпохи Реставрации подстерегал роковой вопрос: а почему в обществе существуют именно такие, а не иные имущественные отношения, чем определяется характер этих отношений, а вслед за этим и вопрос о том, почему те или иные системы имущественных отношений перестают соответствовать потребностям времени, почему возникает необходимость смены одних таких систем другими, что лежит в основе этой смены? Проблема возникновения тех или иных систем имущественных ношений был одновременно и вопросом о происхождениие общественных классов.

И вот здесь историки эпохи Реставрации не смогли удержаться на достигнутой высоте. В большинстве своем, следуя в этом отношении за А. Буленвилье, он стали объяснять возникновение классов во Франции франкским завоеванием. Вторгшиеся в страну франки, победив галлов, превратили их в своих крепостных, а сами стали дворянством. Побежденные не могли смириться с поражением и вели борьбу за свое освобождение от чужеземного гнета.

Два общественных класса в своей основе суть две расы: раса победителей и раса побежденных. Классовой борьба в своей сущности есть борьба рас. Со стороны побежденных и их потомков это борьба за освобождение от чужого господства. Из среды крестьян вышли горожане, лучшие из них стали буржуа. Естественно, что крестьяне,

[79] Минье [Ф.] История Французской революции с 1789 до 1814 г. СПб , 1906. С. 3-4.
[80] Там же. С. 4-5.

рядовые горожане и буржуа составляют один класс, борьбу которого по праву возглавила лучшая его часть — буржуазия. В ходе революции потомки побежденных одержали победу и по праву вернули себе власть над страной, которая была утрачена в результате франкского завоевания.

Дворянство во время революции проявило свою антинациональную суть, в массе свой бежав за границу и примкнув к внешним врагам Франции. Многие из них вступили в ряды армий государств, вошедших в антифранцузские коалиции, и с оружием в руках сражались против своей бывшей родины. И вот теперь вернувшиеся в обозе оккупационных войск дворяне снова пытаются вернуть страну к прошлому. Истинным французам нужно снова объединится, чтобы добиться своего полного освобождения. И эту борьбы, естественно, может возглавить только самая активная часть народа — буржуазия. Ее нужно поддержать.

Таким образом, у историков эпохи Реставрации были две трактовки и общественных классов, и классовых интересов, и классовой борьбы: социальная и расовая. У одних выступала на первый план одна, у других — иная. Но главное в том, что и в случае социальной трактовки классов и классовых интересов, такое объяснение возникновения классов делало появление феодальных имущественных отношений результатом сознательной деятельности группы людей.

Завоеватели путем насилия поработили людей, а затем закрепили это в праве. Бесспорно, что право является волей государство. Выходило, что феодальные отношения возникли по воле группы людей и созданного ими государства, т.е. являются, как все прочие общественные связи, отношениями волевыми.

И порочный круг снова замкнулся: общественное мнение определяется системой имущественных отношений, а сама система этих отношений возникла по воле группы людей, в силу того что у них существовало именно такое, а не иное общественное мнение. И выходом из этого круга был опять-таки волюнтаризм. Люди, забравшие в свои руки власть, путем насилия или убеждения могут создать любые имущественные, а тем самым и все прочие отношения. И поэтому наряду с рассмотренными выше положениям, свидетельствующими о фактическом признании французскими историками названной школы объективного характера исторического процесса, встречаются и прямо им противоположные. «...Мир создается, — писал, например, Ф. Гизо в «Истории цивилизации в Европе», — преимущественно самим человеком; от его чувств, идей, нравственных и умственных наклонностей зависит устройство и движение мира; от его внутреннего состояния зависит и состояние общества».[81]

Надо сказать, что все эти общие, чаще всего четко не осознаваемые теоретические посылки в период до 1830 г. мало влияли на конкретные исследования историков эпохи Реставрации. Практически во всех своих главных исторических трудах они исходили из идеи фундаментальности имущественных отношений, что обусловило исключительную их ценность. Но в общетеоретическом плане изъян был огромным.

3.8.11. Что помешало французским историкам Реставрации пойти дальше?

Французские историки эпохи Реставрации смогли бы продвинуться в теоретическом плане значительно дальше, если бы попытались применить основные положения своей концепции классов и общественной борьбы к современному им буржуазному

[81] Гизо Ф. История цивилизации в Европе. СПб., 1906. С. 56.

обществу. Чисто идейные предпосылки для этого существовали. В самой Франции еще в XVIII в. появились мыслители, которые подметили существование и иных классов, кроме дворянства и крестьянства. Выше я уже упоминал двух: Г. Рейналя и Н. Ленге. Да и сами они приближались к этой идее, что можно видеть на примере и Ф. Гизо, и Ф. Минье.

Французские историки эпохи Реставрации были идеологами буржуазии. Они обратили внимание на ту классовую борьбу, которая обеспечила приход буржуазии к власти. Но ту классовую борьбу, которая угрожала классовому господству буржуазии, они заметить не захотели. Одни из них, что можно видеть на примере одного из приведенных выше высказывания Ф. Минье, утверждали, что с победой революции классовые различия вообще исчезают. Другие, в частности Ф. Гизо, признавали существование классов и в буржуазном обществе, но тут же утверждали, что классовая борьба в нем «противоестественна» и «безумна». С победой буржуазии все конфликты между классами являются не более как «роковым недоразумением», плодом «искусственной агитации».

Когда речь заходила о классовых различиях в буржуазном обществе, а также внутри дореволюционного третьего сословия между буржуа и людьми, не имеющими средств производства, то французские историки названной школы объясняли их возникновение умом, талантом и бережливостью первых, и леностью и беспечностью вторых.

Когда же после революции 1830 г., навсегда изгнавшей Бурбонов из Франции и передавшей власть снова и окончательно в руки буржуазии, борьба теперь уже между капиталистами и рабочим классом стала приобретать все больший размах, французские историки рассматриваемой школы шаг за шагом стали отступать от основных положений своей прежней концепции.

Это сказалось, в частности, на оценке ими роли крестьянских восстаний. Если в 1820 г. О. Тьерри с гордостью писал: «Мы люди городов, люди коммун, люди земли, сыны тех крестьян, которых изрубили рыцари близ города Мо... сыны тех буржуа, которые заставили дрожать Карла V, сыны возмутившихся Жаков»[82], то в более поздние годы он стал утверждать, что крестьянское восстание 1358 г. оставило после себя «лишь ненавистное имя и печальные воспоминания».[83]

Если бы историки эпохи Реставрации занялись исследованием классов и классовой борьба в буржуазном обществе, то с неизбежностью бы поняли, что ни завоевание, ни насилие само по себе взятое, ни законодательная деятельность государства не могут объяснить возникновение и существование тех или иных отношений собственности. Им бы пришлось обратиться к политической экономии. Но хотя они знали о существовании этой наука, ее достижения оказались ими не востребованным.

А между тем именно в результате ее развития было установлено, что существуют два вида отношений собственности. Первый вид — правовые, волевые по своей природе, отношения собственности. Именно эти и только эти отношения имелись в виду, когда речь шла об имущественных отношениях. Эти отношения действительно были производными. Но кроме этих отношений собственности существует другой их вид — экономические отношения собственности, которые проявляются и существуют как от-

[82] Цит.: Виппер Р. Указ раб С 254.

[83] Тьерри О. Опыт истории происхождения и успехов третьего сословия // Избранные сочинения. М., 1937. С. 41.

ношения распределения и обмена материальных благ. Имущественные отношения, или волевые отношения собственности, были производными от этих фундаментальных связей.

3.9. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ И ОТКРЫТИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

3.9.1. Почему экономические отношения могли быть открыты только с возникновением капитализма?

Экономические отношения существовали всегда, на всех этапах развития человеческого общества. Но долгое время их не замечали и не изучали. Их стали исследовать лишь начиная с XVI в. Только в это время начала зарождаться наука об экономических отношениях — политическая экономия. Связано это было со становлением капиталистических социально-экономических отношений. Капиталистические экономические отношения были первыми, которые были замечены и стали объектом исследования. И это не случайно.

Дело в том, что все докапиталистические экономические отношения были скрыты под покровом имущественных, т.е. волевых отношений собственности. Люди видели волевые отношения собственности, но не замечали экономических отношений собственности. Капиталистические экономические отношения собственности были первыми, которые прорвали покров волевых отношений собственности, выступили как нечто самостоятельное, качественно отличное от имущественных отношений и тем самым стали зримыми.

Капиталистическое общество было первым в истории человечества индустриальным обществом. В этом обществе ведущая роль принадлежит не сельскохозяйственному производству, а обрабатывающей промышленности. Как следствие, для него характерно существование необычайно широкого общественного разделения труда. Каждая вещь в таком обществе есть продукт труда не отдельного работника, а множества производителей, занятых в разных отраслях производства.

Но производство каждого конкретного продукта всегда происходит в одной из множества хозяйственных ячеек, каждая из которых является при капитализме ячейкой частной собственности. Поэтому необходимым условием не просто нормального функционирования, а просто функционирования общественного производства в таком обществе является непрерывная циркуляция средств производства между хозяйственными ячейками и соответственно постоянная координация их производственной деятельности.

При капитализме это осуществляется посредством рынка. Все продукты, покидающие хозяйственную ячейку, в которой они были созданы, принимают форму товаров. Соответственно непрерывная циркуляция продуктов труда между хозяйственными ячейками облекается в форму обмена товарами, приобретает форму товарного обращения.

Каждый товар имеет не только потребительную ценность, но и стоимость, которая выражается в цене. Цена товара зависит не только от его стоимости, но и спроса и предложения. Когда данного продукта произведено больше, чем нужно, цена на него падает, производить его становится невыгодным и производство его сокращается или даже совсем прекращается. Если данного продукта производится меньше, чем необхо-

димо, цена на него поднимается и становится выгодным производить его больше. Соответственно производство его растет. Так рынок осуществляет координацию производственной деятельности хозяйственных ячеек.

Цель капиталистического производства — получение максимально возможной прибыли. Продукт создается для продажи и только для продажи. Каждый капиталист выходит на рынок со своим товаром. Цена на него устанавливается рынком. Цены на рынке все время колеблются, причем независимо от воли и сознания продавцов и покупателей. Капиталист с неизбежностью сталкивается на рынке с конкурентами, предлагающими такой же товар. Чтобы победить соперников, капиталист должен либо продавать по той же цене, что и они, товар более высокого качества, либо предлагать товар того же самого качества, но по более низкой цене. Но существует объективный предел снижения цены — издержки производства. Продавать товар по цене, равной издержкам производства, тем более не окупающей издержек производства, капиталист не может. Он в таком случае с неизбежностью разорится.

Чтобы продавать товар по более низкой цене, чем конкуренты, и в то же время получить прибыль, капиталист должен снизить издержки производства. Один из важнейших способов достижения такой цели — внедрение более совершенной техники и технологии. Но когда он добивается таким образом снижения издержек производства и наносит поражение своим конкурентам, у последних не остается никакого другого выхода, кроме как заняться тем же самым. В противном случае они с неизбежностью разорятся. Так рынок диктует капиталистам, как им действовать.

Капиталист, чтобы выжить, должен непрерывно вести самый точной расчет. Прежде, чем заняться производством того или того продукта, капиталист должен прикинуть, во сколько ему обойдется производство этого товара, найдет ли этот товар сбыт, много ли у него будет конкурентов, как будет складываться рыночная конъюктура к тому времени, когда его товар поступит в продажу. Каждый капиталист есть не только продавец, но и покупатель. Как продавец он стремится продать по возможно большей цене, как покупатель — купить как можно дешевле, но при том по возможности лучшего качества. Необходимостью для него является самое точное калькулирование издержек производства, соотношение цены и качества и т.п., и т.д.

Каждый капиталист стремится к наиболее экономному расходованию имеющихся у него средств, к наиболее эффективному хозяйствованию, к извлечения максимально возможной прибыли при минимально возможных расходах. Все это вместе с целым рядом других моментов дало крупному немецкому социологу Максу Веберу основание охарактеризовать капиталистическое общество как общество рационалистическое и противопоставить ему докапиталистические общества как общества традиционные (Избранные произведения. М., 1990)

Капиталистическое общество возникло одновременно как общество индустриальное и общество рыночное. Рынок возник задолго до капитализма. Рынки встречаются даже в предклассовом обществе, не говоря уже о докапиталистических классовых обществах. Рынки были на Древнем Востоке и в античном мире. Но даже в античном обществе в пору его расцвета, когда товарно-денежные отношения достигли небывалой для древности степени развития, рынок играл в экономике периферийную роль. До капитализма существовали экономики с рынком, но никогда и нигде не было рыночной экономики.

Капиталистическая экономика — первая в истории человечества рыночная экономика. При капитализме рынок не просто существует и действует. Он является

регулятором общественного производства. Рынок при капитализме есть общественная форма, в которой осуществляется процесс производства.

При капитализме все экономические отношения в обществе выступили в форме рыночных, товарно-денежных. И люди в большей степени начали осознавать, что эти отношения существуют независимо от воли и сознания людей, являются отношениями объективными. Рынок представляет собой объективную систему отношений, функционирующую по объективным законам. И когда рынок возник, людям ничего другого не оставалось, по крайней мере, в экономической сфере, как приспосабливаться к этой объективной реальности. Рынок не просто существует и действует независимо от сознания людей. Он выступает как объективная сила, заставляющая людей действовать именно так, а не иначе. Он определяет сознание и волю людей, формирует у них определенные мотивы, стимулирует их деятельность, заставляет людей поступать именно так, а не иначе. И это относится не только к капиталистам.

Человек, чтобы жить, должен удовлетворять, по меньшей мере, хотя бы такие свои потребности, как, например, в пище и одежде. В капиталистическом обществе единственный способ получить пищу и одежду — купить их на рынке за деньги. Чтобы иметь деньги, нужно что-то продать. Капиталист продает товары, созданные на его предприятии с помощью принадлежащих ему средств производства. Человек, не имеющий средств производства, может продать только одно — свою рабочую силу. Поэтому ему не остается ничего другого, кроме как искать покупателя этой силы, т.е. стать наемным работником на предприятии капиталиста.

Разумеется, он стремится продать свою рабочую силу по возможности дороже. Капиталист же старается купить ее по возможности дешевле. И когда работник получил заработную плату, он должен рассчитать, как максимально эффективно ее потратить. И перед ним встает проблема наиболее экономного расходования имеющихся средств, но только в отличие от капиталиста в форме вопроса о том, как протянуть от получки до получки.

Система рыночных отношений всегда выступает перед людьми, живущими в капиталистическом обществе, как объективная сила. Но особенно наглядно это проявляется во время экономических и финансовых кризисов. Перед этими катастрофами люди столь же беспомощны, как и перед природными бедствиями. Они не могут их отвратить и становятся их жертвами.

Конечно, и при капитализме существует право, существуют волевые отношения собственности. И при капитализме экономические отношения собственности проявляются в правовых отношениях собственности. Каждое действие по обмену, каждая купля-продажа является правовым актом — сделкой, которая регулируется законами государства. Однако не право заставляет людей продавать и покупать, не право вынуждает человека наниматься на работу к капиталисту. Действовать так заставляет рынок.

При капитализме в экономической сфере не существует внеэкономического принуждения. Капиталистическая экономика для своего функционирования в нем не нуждается. И роль права как внеэкономической силы заключается в этой области в том, чтобы не допустить внеэкономического принуждения. Не право определяет, каким должен быть рынок. Наоборот, рынок определяет, каким является право.

Общепризнанно, что для капитализма характерно экономическое принуждение. Но далеко не все делают из этого соответствующие выводы. Ведь бытие экономического принуждения означает, что система экономических отношений выступает как явление, существующее независимо от сознания и воли людей, живущих в этой систе-

ме, и прямо, непосредственно заставляющее, принуждающее этих людей действовать именно так, а не иначе, т.е. определяющее их сознание и их волю. И люди, живущие под диктатом экономических отношений, рано или поздно с неизбежностью должны осознать вначале практически, а затем и теоретически и существование этих отношений, и их объективность, т.е. их независимость от человеческого сознания и человеческой воли.

Люди, не имеющие средств производства, экономическое принуждение, порожденное рынком, осознают как объективную, неподконтрольную им власть нужды и прежде всего голода. Великий русский поэт Николай Алексеевич Некрасов (1821—1877) в замечательном стихотворении «Железная дорога» великолепно охарактеризовал действие объективной силы экономического принуждения, какой она выступает по отношению к труженикам:

В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод названье ему.
Водит он армии; в море судами
Правит; в артели сгоняет людей,
Ходит за плугом, стоит за плечами
Каменотесцев, ткачей.[84]

3.9.2. Возникновение политической экономии. Меркантилизм

Таким образом, с возникновением капитализма открытие экономических отношений стало неизбежным. Однако процесс научного осознания их существование, причем существования объективного, был далеко не прост. С началом становления капитализма стал возникать единый экономический комплекс в масштабах целой страны, подобного которому в истории человечества никогда не существовало. С этого времени начинают говорить о народном, или национальном хозяйстве. С появлением такого всесоциорного хозяйства возникает настоятельная нужда в экономической политике государства. Необходимостью становится принятие и проведение такой политики. И экономическая наука первоначально возникает как такая область знания, которая должна помочь людям, стоящим у власти, выработать наиболее правильную, наиболее выгодную для государства экономическую политику.

Самым важным для правящих кругов был вопрос о том, как сделать страну богатой. Богатство страны обеспечивало ее политическое значение и военное могущество. Большинство обычных людей, а вслед за ними и первые экономисты видели богатство страны в деньгах, в золоте и серебре. Самые ранние экономисты не шли дальше разработки административных мер, долженствующих обеспечить удержание денег в стране.

Более поздние считали, что роста богатства страны можно добиться путем развития внешней торговли и обеспечения активного торгового баланса. Если страна будет продавать больше, чем покупать, то ее золотой и серебряный запас будет расти. А для этого нужно поощрять развитие промышленности и сельского хозяйства, снижать пошлины на экспорт и увеличивать их на импорт.

Такая экономическая концепция и вытекающая из нее практика получили название *меркантилизма*. Она зародилась в XVI в. Одним из первых выдающихся пред-

[84] Некрасов Н.А. Железная дорога // Соч. в 3-х т. Т. 2. М., 1959. С. 8.

ставителей меркантилизма был Антуан Монкретьен (1575/6—1621). Именно ему новая наука была обязана своим названием. В 1615 г в Руане увидела свет его книга, носившая название «Трактат политической экономии».

Термин «экономика» возник в результате сочетания двух греческих слов. Первое из них «ойкос», обозначавшее домовое хозяйство, в состав которого кроме членов семьи могли входить зависимые люди, в частности рабы. второе — «номос» — закон. Уже в античной Греции стали появляться книги, целью которых было научить искусству ведения этого хозяйства — ойкономии (экономии). Самым известным из них является написанный древнегреческим историком Ксенофонтом (ок. 430—355/354) трактат «Ойкономия» (русск. перевод: Домострой // Ксенофонт. Сократические сочинения. СПб., 1993).

Целью А. Монкретьена было подчеркнуть, что в его работе речь идет о ведении не домашнего хозяйства, а хозяйства страны, государства. Греческий термин для обозначения государство — «полития». Отсюда и термин «политическая экономия», т.е. наука об экономике государства.

Уже меркантилисты стремились не только предложить определенную экономическую программу, но и разобраться в самой экономике. Капиталистическая экономика на поверхности выступает как рынок, как система отношений обмена, а люди, втянутые в эту систему, исключительно лишь как продавцы и покупатели. Если принять во внимания, что меркантилисты особое внимание обращали на международную торговлю, то нетрудно понять, почему они занимались в основном лишь сферой обращения. Собственно производством они пренебрегали.

Их прежде всего интересовала прибыль, которая у них сводилась к торговой. Такую прибыль можно было получить одним путем: покупая товары по одной цене, а продавая по другой, более высокой Поэтому их не мог не заинтересовать механизм образования и изменения цен. Так они подошли к проблеме стоимости и закона стоимости. Но решить ее они не могли. Помимо всего прочего мешало и то, что внешняя торговля, которая находилась в центре их внимания, нередко носила в те времена характер неэквивалентного обмена.

А между тем проблема стоимости была поставлена задолго до этого времени Это сделал Аристотель в своей «Никомаховой этике» (русск. перевод: Соч. в 4-х т. Т. 4. М., 1983). А в «Политике» он предпринял первую попытку анализа капитала в тех его формах, в которых последний существовал в ту эпоху: в форме торгового и ростовщического капитала. Для деятельности, направленной на извлечение прибыли, Аристотель предложил даже особый термин — хрематистика. Поэтому некоторые историки политэкономии считают, что именно он стоял у истоков этой науки [85] Но поставив все эти проблемы, Аристотель их не решил. И вряд ли его можно за это упрекнуть.

3.9.3. Начало классической политической экономии: У. Петти, П. Буагильбер, Ф. Кенэ, Ж. Тюрго

Следующий за Аристотелем шаг был сделан двумя выдающимися экономистами XVII в. — англичанином Уильямом Петти (1623—1687), среди работ которого выделяется «Трактат о налогах и сборах» (1662; русск. перевод. Экономические и стати-

[85] См , например Polanyi K Aristotle Discovers the Economy // Trade and Market in the Early Empires Chicago, 1957

стические работы. М., 1940; Антология экономической классики. Т. 1. М., 1993), и французом Пьером Лепезаном де Буагильбером (1646—1714) с его трудами «Розничная торговля во Франции» (1699) и «Рассуждение о природе богатства, денег и налогов» (1707; русск. перевод: Горький, 1973). Они явились родоначальниками буржуазной классической политэкономии. Оба они пришли к выводу, что источник богатства нужно искать не в сфере обращения, а в сфере производства.

Исследуя стоимость товара, У. Петти пришел к выводу, что она определяется затратами труда. Так в политическую экономию наряду с обращением был введен труд, а тем самым и производство. У. Петти заложил основы трудовой теории стоимости. Это позволило ему сформулировать закон стоимости и тем самым проложить путь к пониманию законов движения капиталистического способа производства.

О законах, управляющих обществом, говорили и раньше. Но это были лишь слова. Закон стоимости — первый открытый людьми реальный закон общественного движения. И было совершенно ясно, что этот закон существует и действует независимо от сознания и воли людей. Люди не могут отменить этот закон. Единственное, что остается им: считаться с этим законом, сообразовывать с ним свои действия. У. Петти одним из первых выразил идею о наличии в экономике законов столь же объективных, что и законы природы. Поэтому он назвал их естественными законами.

Своеобразие капиталистического способа производства состоит в том, что отношения распределения при нем проявляются в отношениях обмена и поэтому они не сразу заметны. Если подходить чисто внешне, то создается впечатление, что при капитализме вообще нет отношений распределения, а существуют лишь отношения обмена. Когда У. Петти перенес внимание с обращения на производство, стало ясным, что все, чем люди обмениваются, является продуктом труда и что этот продукт, прежде чем поступить в обращение должен быть распределен между членами общества. Так было обнаружено, что за отношениями обмена скрываются отношения распределения. У. Петти интересовала не торговая прибыль, а рента, из которой он выводил и промышленную прибыль, и процент. Обращал он внимание и на такую форму получения доли общественного продукта, как заработная плата. У. Петти ставил вопрос о законах, которые естественным образом определяют ренту и заработную плату.

Кое-что из того, что открыл У. Петти, мы находим у П. Буагильбера, но далеко не в столь четкой форме. Он только приблизился к пониманию закона стоимости, что связано с недостаточной развитостью капиталистических отношений во Франции. Этим объясняется и его взгляд на земледелие как на первооснову производства, который был воспринят школой физиократов, основателем которой был Франсуа Кенэ (1694—1774). Другим крупнейшим представителем физиократической школы был уже известный нам Анн Робер Жак Тюрго (1727—1781).

Главное внимание физиократы уделяли производству, которое сводили к земледелию. Только в земледелии, по их мнению, возникает *чистый продукт*, т.е. прибавочный продукт. При этом они полагали, что земельная рента является естественным плодом земли, даром природы. Подразделив капитал на основной и оборотный, Ф. Кенэ ввел понятие воспроизводства.

Исходя из своего понимания производства, Ф. Кенэ в «Анализе экономической таблицы» (1766; русск. перевод: Избранные экономические произведения. М., 1960), «Существенных замечаниях» (1766; русск. перевод: Там же) и ряде других работ выделил в обществе три класса. Первый класс — земледельцы, которые не только кормят себя, но и создают чистый продукт. Это — *производительный* класс. Второй

класс — земельные *собственники* — получатели чистого продукта. Третий класс — прежде всего ремесленники, а также рабочие, торговцы — в общем все люди, занимающиеся делами, не относящимся к земледелию. Этот класс Ф. Кенэ называл *бесплодным*. Его члены не создают чистого продукта и находятся как бы на зарплате у двух первых классов.

Значительно более интересна схема классового деления общества, изложенная А.Р.Ж. Тюрго в работе «Размышления о создании и распределении богатств» (1769—1770; русск. перевод: Избранные экономические сочинения. М., 1961). Первое подразделение общества — на класс *производительный* (земледельцы) и класс *содержимый* (ремесленники). Оно сложилось тогда, когда общественная собственность на землю сменилась частной и когда не осталось свободных земель, пригодных для обработки. Люди, которые не добыли себе земельной собственности, вынуждены были заняться ремеслом. И земледельцы, и ремесленники были заняты трудом. Первоначально земельный собственник не отличался от земледельца.

Когда появились безземельные люди, некоторые из них стали заниматься не ремеслом, а работой на чужих полях. Произошло отделение собственности на землю от земледельческого труда. Появился еще один класс — земельных собственников, отличных от земледельцев. Этот класс Ж. Тюрго называет *незанятым*. Становлению этого класса способствовал рост неравенства в распределении собственности. Ж. Тюрго назвал четыре источника неравенства: 1) наличие большой семьи, что позволяло расширить владения, 2) различие в плодородии земли, что давало возможность одному человека при равенстве земельных владений получить больше продукта, чем другому, 3) дробление и соединение участков земли при переходе их по наследству от родителей к детям и 4) «противоположность разумности, действенности и в особенности бережливости одних и беспечности, праздности и расточительности других»[86]. Последняя причина — самая могущественная из всех.

Земельные собственники сами не трудились. Они отдавали землю в обработку другим людям. Один из способов, существующий только в богатых странах, — сдача земли в аренду богатым земледельцам, которые использовали труд наемных работников. Класс земледельцев подразделяется на предпринимателей, или фермеров, и на простых наемников, слуг или поденщиков. Подобное же деление существует и внутри содержимого наемного класса. Он подразделяется на предпринимателей-мануфактуристов, хозяев-фабрикантов и простых наемных рабочих. Так в концепцию Ж. Тюрго входит капитализм. Выходя за пределы физократической концепции, он ставит вопрос о прибыли промышленного капиталиста и выявляет, что капитал, вложенный в производство, обладает способностью к самовозрастанию. Но на вопрос, почему и как это происходит, ответа он не дает.

В силу того, что в центре внимания Ж. Тюрго было земледельческое производства, он смог выделить и описать в качестве вполне нормальных видов экономических отношений несколько некапиталистических форм эксплуатации человека человеком. Самой ранней он считает рабство. Рабов использовали как для обработки земли, так и для различных промышленных работ и домашних услуг. На смену рабству приходит крепостничество. Когда рабам стали отдавать землю навечно с обязательством уплаты ренты продуктами или деньгами и выполнения известных обязательств, то возник еще

[86] Тюрго А.Р. Размышления о создании и распределении богатств // Избранные экономические произведения. М., 1961. С. 101.

один, кроме рабовладельческого, «способ обработки земли» — вассалитет. Он существовал в большей части Европы. Следующий способ — передача земли в аренду с условием выплаты доли урожая, чаще всего половины. Это — половничество, или колонат. Издольная аренда была широко распространена в современной автору Франции.

3.9.4. Создатели теоретических систем: А. Смит и Д. Рикардо

Несмотря на достижения названных выше, а также целого ряда других экономистов, политическая экономия все же так и не стала в их трудах подлинной теоретической дисциплиной. Первая настоящая система политэкономии была создана Адамом Смитом (1723—1790) и изложена в его знаменитом «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776, русск. перевод: М., 1962). Книга эта прославила его имя. Знакомство с ней считалось необходимым не для одних лишь экономистов, но и для всех образованных людей, как в Западной Европе, так и за ее пределами. Россия не представляла исключения. Вероятно, всем знакомо, что писал великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837) в «Евгении Онегине», характеризуя книжные симпатии и антипатии героя романа:

Бранил Гомера, Феокрита;
Зато читал Адама Смита
И был глубокий эконом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет.
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог.[87]

Другой крупнейший представитель английской (точнее было бы сказать британской, ибо А. Смит был не англичанином, а шотландцем) классической политической экономии — Давид Рикардо (1772—1823), основная работа которого носит название «Начала политической экономии и налогового обложения» (1817; русск. перевод: Соч Т. 1. М., 1955). В трудах этих выдающихся ученых политическая экономия выступила как истинная наука о системе капиталистических экономических отношений.

В центре внимания А. Смита и Д. Рикардо было, конечно, не обращение, а производства, причем как земледельческое, так и промышленное. Но они, как все вообще политэкономы, занимались исследованием не собственно производства, а той общественной формы, в которой оно осуществлялось, т.е. системы социально-экономических отношений. В их трудах получила глубокую разработку трудовая теория стоимости.

И если А. Смит допускал отступления от нее, то Д. Рикардо был последователен до конца. Как утверждал он, определение стоимости рабочим временем есть абсолютный, всеобщий закон. Но и Д. Рикардо не смог раскрыть тайну прибавочной стоимости, хотя и понимал, что капиталист забирает у рабочего часть стоимости, созданной его трудом. В трудах А. Смита и Д. Рикардо рыночный закон стоимости окончательно выступил как регулятор, координатор и двигатель общественного производства.

[87] Пушкин А С. Евгений Онегин // Полн собр соч Т 5 Л ,1978. С. 10-11.

Отношения распределения национального дохода, а не обмена товарами, — важный объект исследования у А. Смита, и главный у Д. Рикардо. «Определить законы, которые управляют этим распределением, — писал последний, — главная задача политической экономии. Как ни обогатили эту науку исследования Тюрго, Стюарта, Смита, Сэя, Сисмонди и др., все-таки объяснения, которые они дают относительно естественного движения ренты, прибыли и заработной платы, весьма мало удовлетворительны».[88]

Исследование отношений по распределению национального дохода привели к открытию классов, на которые распадалось капиталистическое общество. «Весь годовой продукт земли и труда каждой страны, или, что то же самое, вся цена этого годового продукта — писал А. Смит, — естественно, распадается, как уже было замечено, на три части: ренту с земли, заработную плату труда и прибыль на капитал — и составляет доход трех различных классов народа: тех, кто живет на ренту, тех, кто живет на заработную плату, и тех, кто живет на прибыль с капитала. Это три главных, и первоначальных класса в каждом цивилизованном обществе, из дохода которых извлекается в конечном счете доход всякого другого класса».[89]

Иногда взгляды А. Смита и Д. Рикардо на общественные классы характеризуют как распределительную концепцию классов, подчеркивая, что в основу классового деления ими была положена не собственность на факторы производства вообще, на средства производства прежде всего, а лишь распределение общественного продукта. Согласиться с этим нельзя.

Как явствует из приведенной цитаты, А. Смит прекрасно видел, что в основе распределения национального дохода лежало распределение факторов производства. В основе получения ренты лежала собственность на землю, в основе получения прибыли — собственность на капитал, т.е. на средства производства, заработную плату получали люди, которые могли предложить лишь свой труд.

Со всей отчетливостью это было сформулировано Д. Рикардо, который писал: «Продукт земли — все что получается с ее поверхности путем соединенного приложения труда, машин и капитала, — делится между тремя классами общества, а именно: владельцами земли, собственниками денег или капитала, необходимого для ее обработки, и рабочими, трудом которых она обрабатывается».[90]

Уже А. Смит понимал, что между интересами капиталистов и рабочих нет совпадения. «Размер обычной заработной платы, — писал он, — зависит повсюду от договора между этими сторонами, интересы которых отнюдь не тождественны. Рабочие хотят получать возможно больше, а хозяева хотят давать возможно меньше. Первые стараются договориться, чтобы поднять заработную плату, последние же — чтобы ее понизить».[91]

Эта мысль получила дальнейшее развитие в трудах Д. Рикардо. Выявив, что земельная рента представляет собой вычет из прибыли капиталиста, Д. Рикардо, по существу, свел три класса капиталистического общества к двум основным. А далее им был четко сделан вывод об обратной зависимости прибыли и заработной платы. Стоимость национального дохода распадется на заработную плату и прибыль (включая

[88] Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения // Соч. Т. 1. М., 1955. С. 30.

[89] Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. С. 194.

[90] Рикардо Д. Указ. раб. С. 30.

[91] Смит А. Указ. раб. С. 64.

ренту). Увеличение прибыли капиталиста достигается за счет уменьшение заработной платы, возрастание заработной платы означает сокращение прибыли.

Отсюда у Д. Рикардо вытекает вывод о принципиальной противоположности классовых интересов буржуазии и пролетариата. Недаром один из позднейших критиков Д. Рикардо назвал его теорию системой раздора и вражды между классами. Но сам Д. Рикардо никакого прямого вывода о неизбежности классовой борьбы не сделал. Понятие классовой борьбы отсутствует как у А. Смита, так и у Д. Рикардо.

Вполне понятно, что и А. Смит, и Д. Рикардо рассматривали экономические отношения как объективные, как не только не зависящие от сознания и воли людей, но, наоборот, определяющие их сознания и волю, по крайней мере, в сфере обращения и производства. У них не было сомнения в объективности экономических законов.

Как подчеркивал А. Смит, каждый капиталист «преследует лишь собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это».[92] Под невидимой рукой А. Смит понимает здесь стихийное действие объективных законов капиталистической экономики.

Когда классики британской политической экономии окончательно пришли к выводу об объективном характере экономических отношений, то перед ними, пусть не в явной форме, встал вопрос: а почему в Англии и не только в ней существуют именно такие, а не иные экономические отношения? И ответ был довольно прост: потому что иных экономических отношений быть не может. Они существовали всегда, ибо вытекают из самой природы человека.

Охарактеризовав огромное прогрессивное значение разделения труда, А. Смит писал: «Разделение труда, приводящее к таким выводам, отнюдь не является результатом чьей-либо мудрости, предвидевшей и осознавшей то общее благосостояние, которое будет порождено им; оно представляет собой последствие — хотя очень медленно и постепенно развивающееся — определенной склонности человеческой природы, которая отнюдь не имела ввиду такой полезной цели, а именно склонности к торговле, к обмену одного предмета на другой. В нашу задачу в настоящий момент не входит исследование того, является ли эта склонность одним из основных свойств человеческой природы, которым не может быть дано никакого дальнейшего объяснения, или, что представляется более вероятным, она является необходимым следствием способности рассуждать и дара речи? Эта склонность обща всем людям и, с другой стороны, не наблюдается ни у какого другого вида животных...».[93]

Нарисовав в своей работе картину исторического развития от падения Западной Римской империи до своего времени, упомянув о существовании у древних греков и римлян рабства, а в средневековой Западной Европе — крепостных крестьян, А. Смит тем не менее упорно утверждает, что в каждом цивилизованной обществе всегда существуют одни и те же классы: получателей земельной ренты, получателей прибыли на капитал и людей, живущих на заработную плату.

Буржуазное общество он считает единственно возможным, естественным и вечным. Исключение он делает лишь для «первобытного состояния», которое казалось

[92]Смит А. Указ. раб. С. 332.
[93] Там же. С. 27.

ему почти что мифом. Насколько можно его понять, оно представлялось ему обществом с частной собственностью, разделением труда и обменом, но без классов.

В английском обществе второй половины XVIII в. капиталистические отношения были гораздо более развиты, чем во Франции того же времени. Это позволило А. Смиту (1723—1790) значительно глубже проникнуть в сущность капитализма, чем его современнику Ж. Тюрго (1727—1781). Однако этот прогресс обернулся и известным регрессом. Следствием экономической отсталости Франции, которая выражалась, в частности, и в существовании в ней докапиталических экономических отношений, было признание Ж. Тюрго бытия и иных, кроме капиталистической, экономик. Безраздельное же господство в Англии капиталистических отношений привело А. Смита ко взгляду на буржуазные отношение как на единственно возможные.

Сходных взглядов придерживалось и большинство последующих экономистов. Однако с накоплением знаний им становились все труднее игнорировать существование и других, кроме капиталистической, экономических систем. Многими из них выход был найден опять-таки в той же человеческой природе. Люди склонны не только обмениваться, но и прибегать к насилию. И в результате применения силы единственная естественная экономическая система могла быть искажена или даже полностью разрушена, заменена на время неестественной, извращенной, искусственной системой.

Как писал по этому поводу К. Маркс «Экономисты употребляют очень странный прием в своих расуждениях. Для них существуют только два рода институтов: одни — искусственные, другие — естественные. Феодальные институты — искусственные, буржуазные — естественные. В этом случае экономисты похожи на теологов, которые тоже устанавливают два вида религий. Всякая чужая религия является выдумкой людей, тогда как их собственная религия есть эманация бога».[94]

Одна из попыток обосновать естественность и незыблемость капиталистических отношений была предпринята в самое последнее время в нашей стране известным «демократическим» т.е. буржуазным, публицистом Львом Михайловичем Тимофеевым в целом ряде сочинений, прежде всего в книге «Институциональная коррупция. Очерки теории» (М., 2000). Суть его рассуждений довольно проста. Всегда, в любые эпохи людям был присущ совершенный одинаковый здравый смысл. «Здравый смысл, — пишет автор, — это неуловимое, но фундаментальное свойство личности, приводящее ее — и обеспечивающее принадлежность — к очевидному *всеединству человечества,* всеединому опыту человечества. Этот опыт не знает временного фактора. Он метафизичен и абсолютен. Он единожды и навечно дан Господом — на всю историю человечества».[95]

Этот здравый смысл с неизбежностью требует строго определенных отношений — отношений даже не просто частной собственности, но рыночных, капиталистических. Большевики, взяв власть в 1917 г., силой, путем репрессий навязали российскому обществу совершенно чуждую здравому человеческому смыслу коммунистическую доктрину и тем оторвали его от исторического опыта человечества. Но здравый смысл все равно восторжествовал — в форме теневой экономики, коррупции. Поэтому коррупция в российском обществе должна не осуждаться безоговорочно, как это делается, а «рассматриваться как явление положительное разумное, как проявление здравого смысла в экономическом поведении человека».[96] Нетрудно понять реальные истоки концепции Л.М. Тимофеева. Они диктуются стремление оправдать современную кор-

[94] Маркс К. Нищета философии // К.Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 4. С. 142.
[95] Тимофеев Л. Институциональная коррупция. Очерки теории. М., 2000. С. 171.
[96] Там же. С. 7.

рупцию и современных российских коррупционеров. Последние — не преступники, а носители общечеловеческого здравого смысле. Поэтому они достойны не осуждения, а прославления.

Нельзя не обратить внимание и на то, насколько деградировали взгляды современных защитников вечности капитализма. Если А. Смит искал естественные причины для существования рыночных отношений, то Л.М. Тимофеев апеллирует к богу, что выводит его концепцию за пределы науки.

Возвращаясь к классикам британской политической экономии, замечу, что даже Д. Рикардо, который жил уже в то время, когда в Англии развернулось движение луддитов, не пожелал заметить классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом. Этому помешала его классовая ограниченность. Но в Великобритании его времени были и такие мыслители, в том числе и среди экономистов, которые стояли на иной позиции. Именно они открыли классовую борьбу в капиталистическом обществе. Но произошло это не сразу.

3.10. ПРОБЛЕМА НИЩЕТЫ, ОБЩЕСТВЕННЫХ КЛАССОВ, КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ И ДВИЖУЩИХ СИЛ ИСТОРИИ В ТРУДАХ АНГЛИЙСКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКОВ

3.10.1. Вводное замечание

К открытию социальных классов обществоведческая мысль двигалась различными путями. Французские историки эпохи Реставрации пришли к открытию общественных классов через исследование буржуазных революций и социальной борьбы в феодальном обществе. А. Смит и Д. Рикардо открыли общественные классы в процессе изучения экономических отношений капиталистического общества, прежде всего существовавших в нем отношений распределения.

Еще одну группу английских обществоведов привели к открытию общественных классов попытки решить ставшую в конце XVIII — начале XIX необычайно актуальной проблему нищеты. Она стала животрепещущей потому, что начиная со второй половины XVIII в. в Англии шел нарастающий процесс абсолютного обнищания самых широких масс населения. И естественно, что перед мыслителями самых разных направлений вставал вопрос, откуда берется нищета, почему она нарастает и как с ней покончить или, по крайней мере, как ее смягчить.

3.10.2. Дж. Таунсенд

Проблемой нищеты занимались многие, включая А. Смита. Но одним из первых сделал ее предметом особого исследования английский мыслитель Джозеф Таунсенд (1739—1816). Он посвятил ей работу «Исследование законов о бедных доброжелателем человечества» (1786).

Д. Таунсенд, пожалуй, был первым, кто попытался объяснить социальные институты исходя из принципа борьбы за существование и выживание сильнейших. В животном мире численность животных того или иного вида должна соответствовать количеству пищи, необходимой для их прокормления. Если ресурсов не хватает, то начинается внутривидовая конкуренция. Слабые гибнут, самые сильные и активные выживают.

То же самое имеет место и в человеческом обществе. «Количество пищи, — пишет Д. Таунсенд, — вот что регулирует численность человеческого вида».[97] Этот закон — универсален, он действует на всех ступенях развития общества. Он определяет и численность населения, и приводит к разделению людей на бедных и богатых.

В диком состоянии численность населения невелика. И пока пищи много, люди размножаются. Каждый мужчина способен обеспечивать семью и помогать друзьям в соответствии со своими способностями и силой. Слабые зависят от щедрости сильных. Но рано или поздно ленивых оставляют страдать от естественных последствий их праздности. Если будет введена общность добра и в то же время люди будут свободны вступать в брак, увеличится их число, но не общая сумма их счастья. И когда все в равной степени будут обречены на нужду и бедствия, то первыми погибнут самые слабые.

С переходом к скотоводству общество становится способным создавать больше пищи. Наиболее активные приобретают собственность, у них многочисленные стада и большие семьи. Что же касается ленивых и праздных, то они либо умирают от голода, либо становятся слугами богатых. Рано или поздно общество настолько увеличивается, что пищи становится снова недостаточно.

Переход к земледелию создает возможность прокормить большее по численности население. Происходит разделение труда. Наряду с земледельцами появляются благородные земельные собственники, денежные люди, ремесленники, купцы, художники, писатели, солдаты, слуги. Но когда вся плодородная земля будет введена в оборот, этим снова будет поставлен предел росту численности населения. Если численность людей перейдет этот предел, пищи для них не будет хватать.

Выходом из положения не может быть распределение собственности поровну между всеми. Ленивые, непредусмотрительные и порочные люди все спустят, а бережливые, активные и добродетельные вновь увеличат свое богатство. Все вновь вернется в прежнее русло. Восстановится подчинение и порядок.

Если же ввести общность имущества, не увеличивая при этом количества пищи и не вводя ограничения числа лиц, между которыми все будет делиться, то результаты будут ужасными. Поток возникающего время от времени излишка национального богатства будет перенаправлен от трудолюбивых к ленивым, увеличится число бесполезных граждан, будут посеяны зерна несчастья для всего общества, увеличится общее горе и страдания. Будет уничтожено благоденствие богатых и процветающих людей, но никому это не принесет никакой пользы. Просто нужда и несчастья, которые были уделом лишь части общества, станут универсальными, всеобщими. «Естественный порядок вещей можно легко нарушить, — писал Дж. Таунсенд, — но человек не способен отменить или изменить законы природы».[98]

В силу действия описанного выше закона в обществе, по крайней мере, начиная с выхода его из состояния дикости, всегда должны быть богатые и бедные, должна существовать часть населения, обреченная на голод и нуждающаяся в работе. Но увеличение численности бедных выше общественного спроса на них чревато самыми серьезными последствиями. Чрезмерная нищета представляет собой угрозу обществу.

И истинными виновниками этой чрезмерной нищеты являются сами бедные, кото-

[97] Townsend J Dissertation on the Poor Law by a Well-Wisher of Mankind Berkeley, Los Angeles, London, 1971 P 38

[98] Ibid P 39

рые увеличивают число человеческих особей ранее, чем будет обеспечена достаточная для их поддержания провизия. Безрассудное размножение бедных — главная причина роста нищеты. Вторая причина — леность и порочность бедняков. Они лишены тех добродетелей, которые обеспечивают обретение богатства: трудолюбия, умеренности и бережливости. Третья причина — законы о бедных, которые мешают естественному ходу вещей. По велению природы слабые должны погибнуть. А законы о бедных, по которым общество должно содержать пауперов, не только спасают бедных от вымирания, но способствуют увеличению их числа.

Д. Таунсенд предлагает противоположное средство: воздействовать на нищету голодом. Это приведет к сокращению населения и тем самым ограничит главный источник нищеты. Кроме того, это внушит людям страх перед голодом, они сократят рождаемость и тем самым будет восстановлено равновесие между численностью населения и объемом пищи.

Голод — регулятор не только размеров населения, но и социальных отношений. Это идеальное средство принуждения бедных к труду. Как пишет Д. Таунсенд, беднякам «мало известны мотивы, которые стимулируют деятельность более высоких слоев общества: гордость, честь, честолюбие. В результате лишь только голод может заставить их работать».[99] И еще одно назначение голода — держать бедных в страхе и повиновении. Голод и страх перед ним заставят бедных с благодарностью принять любые условия и подавят дух протеста.

Д. Таунсенд не создал концепции общественных классов. Он просто исходил из эмпирического факта деления общества на богатых и бедных. Но, как ни парадоксально это звучит, он создал одну из первых концепций возникновения общественных классов. Согласно Таунсенду, классы возникают в результате борьбы за существования и выживания сильнейших. Следующей, как мы уже видели, была концепция, объясняющая возникновение классов завоеванием. И первая, и вторая концепция генезиса классов могут сочетаться с рассмотренным в первой части взглядом на классовое деление общества как производное от деления людей на высшую и низшие расы, а могут и не сочетаться.

3.10.3. У. Годвин

Иного взгляда на нищету и ее причины придерживался видный английский писатель и публицист Уильям (Вильям) Годвин (1756—1836). Он изложил его в двухтомном трактате «Рассуждение относительно политической справедливости» (1793; русск. перевод восьмой книги произведения и отрывков из других его частей: Годвин В. О собственности. М., 1958) и иных работах.

Общество делится на два класса — богатых и бедных. Последние составляют 98% населения. Бедные создают весь доход, но сами они не получают почти что ничего. Они находятся в положении вьючных животных. Почти весь продукт их труда достается ничтожному меньшинству, которое в силу этого и является богатым. На долю же бедных остается нищета. Причина социального неравенства, а тем самым и нищеты — в существовании частной собственности. И У. Годвин требовал отмены частной собственности и упразднения государственной власти, покровительствующей богатым и обеспечивающей их господство.

[99] Ibid P 23.

3.10.4. Т. Мальтус

Вышедший в 1797 г. сборник статей У. Годвина послужил толчком для появления работы Томаса Роберта Мальтуса (1766—1834) «Опыт о законе народонаселения, как он влияет на будущее улучшение общества, с замечаниями на рассуждения мистера Годвина, мсье Кондорсе и других писателей». Книга вышла в 1798 г. Через пять лет (1803) увидел свет второй ее, существенно переработанный и дополненный вариант под несколько измененным названием. По объему он в четыре раза превышал первый. Затем при жизни Т. Мальтуса вышло еще четыре издания, в каждое из которых автор вносил все новые дополнения и изменения, не носившие однако принципиального характера. Первое русский перевод этой книги вышел в 1868 г. (Т. 1—2. СПб.). В последнее время она была опубликована в сокращенном виде в «Антологии экономической классики» (Т. 2. М., 1993).

Т. Мальтус ставит своей задачей исследовать влияние на человеческое общество великого закона. который «состоит в проявляющемся во всех живых существах постоянном стремлении размножаться быстрее, чем это допускается находящейся в их распоряжении количеством пищи».[100] В животном и растительном мирах недостаток места и пищи уничтожает все то, что переходит границы, указанные для каждой породы. Человечеству тоже присуще постоянное стремление к размножению, превышающему средства существования, и эти средства существования являются препятствием к чрезмерному размножению.

В отличие от животных, которые могут использовать только то, что дает природа, люди создают средства существования и могут производить их все в большем количестве. Но это не меняет сути дела. Когда нет препятствий для размножения людей, число их удваивается через каждые 25 лет и, следовательно, возрастает в каждый последующий двадцатипятилетний период в геометрической прогрессии. А что касается средств существования, то даже в самых благоприятных условиях они никогда не могут возрастать быстрее, чем в арифметической прогрессии.

Существуют препятствия для размножения населения: которые делятся на *предупредительные*, когда люди сознательно воздерживаются от брака из-за опасения, что они не смогут содержать рожденных ими детей, и *разрушительные* — различного рода пороки и несчастья. Таким образом, все препятствия могут быть сведены к тем видам: нравственному обузданию, порокам и страданиям.

Все эти препятствия действуют в каждой стране, но тем не менее почти в любой из них проявляется непрерывное стремление населения к размножению, превышающему средства существования. В какой-то степени это полезно. Всеми признано, что желание добыть средства существования всегда было главной побудительной причиной деятельности человека, благодаря которой достигнуты бесчисленные выгоды и преимущества цивилизации. Но если бы население и средства существования возрастали бы в равной степени, то трудно представить, как люди могли бы победить свою естественную леность. Разрыв же между численностью населения и объемом жизненных средств усиливает напряженность потребности в средствах существования и дает толчок к развитию производства. Голод и любовь — самые мощные страсти, которые движут людьми.

[100] Мальтус Т. Опыт о законе народонаселения // Антология экономической классики. Т. 2. М., 1993. С. 9.

Но то же самое превышение численности населения при отсутствии частной собственности на средства существования должно с неизбежностью пробудить инстинкт самосохранения. Одни люди будут захватывать пищу, не заботясь о других. Будут царить насилие и произвол.

Поэтому частная собственность необходима для существования общества. Оно должно охранять частную собственность во имя интересов не только собственников, но и всего общества в целом. Как пишет Т. Мальтус, «если не препятствовать людям утолять голод чужим хлебом, то количество хлеба повсеместно уменьшится».[101] А частная собственность неизбежно порождает социальное неравенство. Все это вытекает из великого закона народонаселения, который является законом природы.

В условиях господства частной собственности непрерывное стремление населения к размножению, превышающему средства существования, является причиной бедствий низших классов общества и препятствием к какому бы то ни было улучшению их положения. Главная и основная причина бедности мало или вовсе не зависит от образа правления или неравномерного распределения имущества. Она прежде всего заключается в том, что бедняки заводят детей, хотя и не способны их прокормить.

Подводя итог своим рассуждениям, Т. Мальтус пишет: «Из всего сказанного выше вытекает, что *сам народ является главнейшим виновником своих страданий*».[102] Как и Д. Таунсенд, Т. Мальтус считает, что законы о бедных только ухудшают положения пауперов.

Доведенные страданиями до отчаяния народные массы поднимаются на революцию. Но революция не может привести к улучшению их положения. Свергнув одну тиранию, она утверждает другую. А господствующие классы, напуганные угрозой народного мятежа, стремятся к установлению деспотического способа правления. Таким образом, борьба народа против существующего порядка может привести только к ухудшению его положения,

Но выход все же существует. Он состоит в том, что человек должен воздерживаться от вступления в брак до тех пор, пока он не окажется в состоянии содержать рожденных им детей. Все это приведет к сокращению прироста населения и, в конечном счете, к преодолению нищеты, к улучшению участи и увеличению счастья низших классов общества.

Как ни относиться к взглядам Т. Мальтуса, но, несомненно, его учение, включает в себя первую достаточно разработанную теорию народонаселения. В его труде биологизаторский подход к обществу сочетался с демографическим детерминизмом. Законами народонаселения и их последствиями он объяснял как развитие общества, так и существующие в нем порядки. Одновременно он обратил внимание на производство как на специфическую особенность людей и поставил вопрос об источниках его развития.

3.10.5. Ч. Холл

Работа Т. Мальтуса вызвала бурю откликов. У него нашлось как множество сторонников, так и немало противников. Наиболее обстоятельной критике его построения были подвергнуты в вышедшем в 1805 г. труде врача и оригинального мыслителя

[101] Там же С 42.
[102] Там же. С 60.

Чарльза Холла (1745—1825) «Влияние цивилизации на народы европейских государств».

Ч. Холл выделяет в истории человечества две основные стадии: нецивилизованную, или дикую, и цивилизованную. Для цивилизованного общества характерно деление его на два класса: богатых и бедных. Эти классы отличаются объемом получаемых материальных благ. Богатые получают много, бедные — очень мало. На этом основании нередко утверждали, что Ч. Холл ищет различие классов в сфере потребления, является сторонником потребительной концепции классов, Но это не так. В поисках ответа на вопрос, почему одна группа людей получает много, а другая мало, Ч. Холл обращается к отношениям по распределению общественного продукта, а затем и к отношениям по распределению средств производства, т.е. к отношениям собственности на средства производства.

К классу бедных относятся все те, кто, не имея никакой другой собственности, вынужден продавать свою рабочую силу: промышленные рабочие, ремесленники и работающие по найму в сельском хозяйстве. К богатым причисляются все владеющие такой собственностью, которая позволяет не продавать свой труд.

Однако в последующем Ч. Холл вносит уточнение: богатые — это прежде всего люди, покупающие рабочую силу. Они имеют такую возможность, ибо обладают богатством. «Выше говорилось, — пишет Ч, Холл, — что, как обычно полагают, богатство состоит в обладании вещами, которым люди по общему согласию приписывают ценность: например, земля, скот, серебро, золото, драгоценные камни и т.п. Однако кажется сомнительным, чтобы такие вещи могли рассматриваться как составляющие сущность и природу богатства, ибо обладание ими может быть временами поставлено в такие условия, что эти вещи могут не иметь никакой ценности для обладателя, как, например, земли в некоторых необитаемых частях Америки. Золото, серебро, драгоценные камни и тому подобные предметы могут во многих случаях, во многих местах и при многих обстоятельствах не иметь никакой пользы и не представлять никакой ценности для собственника; и они могут рассматриваться как богатство лишь в таких местах, где они могут быть обменяны на такие вещи, в которых нуждается или которые желает иметь их собственник: на все, что создает труд человека. Следовательно, лишь такая собственность на вещи, которая обеспечивает господство над человеческим трудом, может рассматриваться как богатство. Таким образом, богатство есть такая собственность, которое дает власть над трудом человека и позволяет им распоряжаться; это, следовательно, есть власть; и именно в этом и только в этом окончательное решение проблемы».[103] Таким образом, Ч. Холл понимает собственность не как вещь или сумму вещей, а как отношение между людьми, проявляющееся в их отношении к вещам.

Частную собственность он рассматривает в том виде, в котором она существует при капитализме. Власть ее по своей мощи превосходит все, что человечество знало до ее утверждения. Никакая даже самая абсолютная монархия не способна ее превзойти. Возможности ее безграничны. Она может заставить сотни тысяч людей трудиться в самых невыносимых условиях. То, для чего раньше потребовалось бы вмешательство армии и чрезвычайные репрессии, достигается этой властью тихо и скрытно. И хотя внешне она не имеет право на жизнь и смерть человека, как это было при рабстве, по сути она есть продолжение именно такой власти. Нетрудно заметить, что Ч. Холл дает характеристику столь характерного для капитализма экономического принуждения.

[103] Hall Ch. The Effects of Civilization on the People in European States. New York, 1965. P. 47-48.

«Группа людей, — пишет Ч. Холл, — владеющая совокупностью таких вещей, которые составляют богатство, распоряжается и управляет трудом тех, которые ничем этим не обладают. Это верно, что ни один конкретный бедняк не обязан работать на какого-то определенного богача; но на какого-то из богачей он обязан работать под страхом лишения вещей, без которых он не может существовать.Он не обязан работать на A, B, C и D и т.п.; но он находится под неизбежной необходимостью работать на того или иного из числа богачей, причем заниматься таким видом труда, который они ему навяжут. И это господство богатых над трудом бедных столь же сильно и эффективно, как власть над своими подданными наиболее абсолютного из всех когда-либо живших монархов...».[104]

Сами собственники средств производства ничего не создают ни для себя, ни для других. Производят лишь бедные. Но они создают общественный продукт при помощи средств производства, принадлежащих богатым. Поэтому богатые присваивают себе большую часть произведенного, оставляя бедным лишь ничтожную его долю. По подсчетам Ч. Холла, рабочие получают в качестве заработной платы лишь 1/8 или даже 1/9 часть стоимости созданного ими продукта. Остальное достается собственнику средств производства.

В последующем Ч. Холл вслед за понятием богатства вводит понятие капитала. Под капиталом он понимает, во-первых, ту часть богатства (средства производства), которая участвует в производстве и дает прибыль, во-вторых, саму прибыль. Именно то, что владельцы капитала, присваивают большую часть продукта, созданного трудом бедных, обрекает последних на нищету. Таким образом, дело не в действии закона народонаселения, а в существующих общественных порядках.

Ч. Холл не отрицает ни необходимости соответствия между средствами существования и численностью вида, ни существования стремления к безграничному размножению. Но обращаясь к статистическим данным, он показывает, что в силу огромной смертности, особенно детской, среди бедняков, естественный прирост этой части общества крайне низок. А раз так, то утверждение Т. Мальтуса, будто нищета народных масс есть следствие их неразумного размножения — ложно.

Не невежество и тупость народа является причиной его нищеты, а наоборот, нищета масс — причина их умственной и нравственной неразвитости. Богатые не только низвели бедных до уровня животных, но и прилагают все усилия, чтобы они все продолжали оставаться в таком состоянии. Богатым невыгодно позволить бедным развивать свои интеллектуальные способности, иначе они осознают весь ужас своего положения и взбунтуются.

Силой, которая заставляет бедных работать на богатых, является частная собственность, капитал. Но такой порядок вещей нуждается в охране и защите. Эту роль защитника существующего общественного строя и интересов богатых выполняет государство. Как считает Ч. Холл, государство в любой его форме (монархия, тирания, республика) представляет инструмент, при помощи которого богатство-капитал держит в повиновении труд. Каждое правительство — покорное орудие богатства, всегда обращенное против интересов неимущих,

Такой взгляд не является абсолютно новым. Еще А. Смит в своих лекциях утверждал: «До тех пор, пока нет собственности, не может быть и государства, цель которого как раз и заключается в том, чтобы охранять богатство и защищать имущих

[104] Ibid. P.48-49.

от бедняков».[105] То же самое он писал и в своем основном труде.[106] Как мы уже видели, такого же мнения придерживался У. Годвин. У Ч. Холла эта мысль выражена предельно четко.

Подчеркивая различие интересов богатых и бедных, Ч. Холл говорит о постоянном столкновении, об антагонизме и борьбе между этими классами. Борьбу эту он понимает в основном как экономическую, прежде всего как борьбу за повышение заработной платы. Но так как силы неравны, то рабочие редко добиваются успеха. Ч. Холл не исключает, что дух противодействия со стороны обездоленных может вылиться в восстание. Предвидя это, господствующий класс принимает предупредительные меры: издает суровые законы, содержит большую военную силу, увеличивает плату солдатам и т.п.

Рисуя картину классового общества, Ч. Холл исходил из данных о капитализме, каким он был в его эпоху. Но у него нет понятия о капитализме как особом типе классового общества. Несмотря на его высказывания о рабстве как чем-то отличном от наемного труда и некоторые другие аналогичные замечания, в целом он считает описанный им порядок характерным для всего цивилизованного общества. В этом смысле его построения лишены подлинного историзма.

Считая цивилизованное общество в существующем виде несправедливым, Ч. Холл предлагает план его переустройства. Его идеал — общество, в котором каждый ведет хозяйство и распоряжается продуктом своего труда.

3.10.6. П. Рейвенстон, У. Томпсон, Дж. Грей, Дж. Брей

Анализ классового деления общества, начатый Ч. Холлом, продолжил английский экономист Пирси Рейвенстон (ум. в 1830) в книге «Несколько сомнений относительно некоторых ходячих мнений в области политической экономии» (1821). Выделив два класса — производительный и непроизводительный, П. Рейвенстон ставит вопрос об их происхождении.

По его мнению, все началось с того, что люди были слишком слабы, чтобы обойтись без начальства. А избранные народом начальники и должностные лица со временем узурпировали жизненные источники страны и прибрели политическую силу. Экономическая и политическая силы всегда идут рука об руку. Завладев политической силой, властители все больше и больше начали давить на труд. В их руках оказался весь сбереженный труд, т.е. капитал. Так возник господствующий класс, а все остальные члены общества стали работать на него. Таким образом, П. Рейвенстон одним из первых, если не первым развил концепцию генезиса классов, которая в дальнейшем получила названия организаторской и до сих пор имеет многочисленных сторонников.

Между трудом и капиталом существует противоположность, которая сейчас стала непроходимой пропастью. Отсюда борьба между классами, которая для рабочего класса при существующих порядках безнадежна. Только революция может избавить страну от ига капитала.

В 1822 г. заканчивает, а в 1824 г. выпускает в свет книгу, носящую название «Исследование о принципах распределения богатства, применительно к человеческо-

[105] Smith A. Lectures on Justice, Police, Revenue and Arms. Ed. by E. Cannan. Oxford, 1896. P. 15.
[106] Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 512–513 и др.

му счастью» ирландский экономист и социолог Уильям Томпсон (ок. 1785—1833). Последний сразу же делит общество не просто на богатых и бедных, а на класс собственников капитала — капиталистов и на класс собственников труда — рабочих, интересы которых не только взаимно противоположны, но и враждебны. Первый класс он называет «праздным», или «непроизводительным», а второй — «производительным».

Общая тенденция развития существующего порядка состоит в обогащении немногих капиталистов за счет обнищания масс производителей. Капиталисты господствуют не только в экономике. В их руках находится власть в обществе. «Пока существует класс капиталистов, — пишет У. Томпсон, — общество обречено быть в больном состоянии».[107]

Кроме капиталистического строя У. Томпсон говорит об институте рабства, о феодальной системе, которую он отличает от порядков, господствующих в странах Востока, но подлинного исторического подхода у него нет. Обращает внимание использование им термина «производительные силы общества».[108]

Но наряду с делением общества на классы собственников средств производства и наемных рабочих, он подразделяет его, но уже по другому признаку — по величине получаемого дохода, на три класса: высший, средний и низший. Последнее членение общества уже тогда получило широкое распространение и пользуется в самое последнее время необычайной популярностью у нас.

Джон Грей (1798—1850) в «Лекциях о человеческом счастьи» (1825; русск. перевод: Сочинения. М., 1955) прежде всего подразделял всех членов общества на производителей и непроизводителей. В свою очередь непроизводительных членов общества он делил на людей полезных, которые оказывают необходимые услуги (врачей, учителей и т.п.), и бесполезных, которые либо ничем не занимаются, либо занимаются вредным делом. К последней группе он относил, в частности, большинство капиталистов.

Полезные, но не производительные члены общества живут за счет оплаты услуг, которые они оказывают другим людям. Непроизводительные и бесполезные члены общества владеют имуществом, которое позволяет им распоряжаться чужим трудом и присваивать его плоды. В результате люди, создающие своим трудом общественный доход, получают лишь 1/5 его часть.

Остальное получают владельцы имущества (капитала) в форме земельной ренты, арендной платы за дома, денежного процента и прибыли. Такое распределение с неизбежностью создает противоположность человеческих интересов. «Единственным справедливым основанием собственности, — считает Дж. Грей, — является труд».[109] Всякая иная форма собственности на продукт труда — несправедлива. Она существует «благодаря *силе* и благодаря привычке владеть им».[110]

Последним из этой когорты был Джон Фрэнсис Брей (1809—1895) — автор книги «Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению, или Век силы и Век справедливости» (1839; русск. перевод: М., 1956): «При нынешней социальной системе, — писал он, — общество делится на богатых и бедных, на предпринимателей и рабочих, причем последние в силу своего положения целиком отданы на

[107] Thompson W. An Inquiry into Principles of the Distribution of Wealth Most Coductive to Human Happines. London, 1869 P. 449

[108] Ibid P. 453.

[109] Грей Дж. Лекции о человеческом счастье // Сочинения. М , 1955. С. 45.

[110] Там же. С. 47.

произвол первых»,[111] Ему была совершенно ясна противоположность интересов этих больших групп людей. «При нынешней системе, — подчеркивалось в работе, — нет и никогда не может быть всеобщего единства интересов, так как интерес каждого класса противоположен интересу каждого другого».[112] И в основе такого деления лежат существующие отношения собственности. Последние определяют характер общества. «Дойдя, таким образом, до самой первоосновы вещей, мы найдем, что всякая форма правления, всякая социальная и политическая несправедливость, проистекают из господствующей в настоящее время социальной системы — из института собственности в его современной форме...».[113] Поэтому, чтобы покончить с существующей социальной несправедливостью, нужно заменить нынешнюю систему «системой общности имущества».[114]

3.11. КОНЦЕПЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ АНГЛИЙСКИХ ЭКОНОМИСТОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

3.11.1. Т. Годскин

В вышедшей в 1825 г. работе «Защита труда против притязаний капитала; или доказанная непроизводительность капитала» (русск. перевод: Сочинения. М., 1938) английский экономист Томас Годскин (1787—1869) продолжает разрабатывать концепцию общественных классов и классовой борьбы. При этом он широко использует теорию трудовой стоимости в том ее виде, который она приобрела в трудах Д. Рикардо.

Для Т. Годскина несомненно существование двух классов: капиталистов и рабочих, интересы которых противоположны и между которыми с неизбежностью идет борьба, Он не только обращает особое внимание на то, что «заработная плата изменяется в противоположном направлении по отношении к прибыли, т.е. заработная плата растет, когда прибыль падает, а прибыль растет, когда заработная плата падает»[115], но и делает из теории трудовой стоимости выводы, которых нет у Д. Рикардо.

Только труд создает стоимость. Поэтому продукт труда рабочего должен по праву принадлежать ему, а не капиталисту. Капиталист присваивает значительную часть труда рабочего, что и делает последнего бедным. Единственный выход из нищеты — переход всего продукта труда в собственность рабочего. И пока это не произойдет, пока не восторжествует принцип справедливости, не будет мира на земле. Рабочие должны объединиться для изменения общественного строя и ниспровержения существующей системы.

Система, при которой продукт труда достается работнику, является единственной естественной экономической системой. Распределение по труду — единственная естественная форма распределения. Всякая другая его форма вытекает из искусственно созданного права собственности. Такие системы являются искусственными.

Капитализм не единственная искусственная система. Ему в Британии и во всей Европе предшествовало личное рабство или крепостное состояние. Рабочие произошли от крепостных и рабов. Капиталисты лучше феодальных баронов. Они давно уже

[111] Брей Дж. Ф. Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению, или Век силы и Век справедливости. М., 1956. С. 238.

[112] Там же. С. 152.

[113] Там же. С. 58.

[114] Там же. С. 21 сл.

[115] Годскин Т. Защита труда против притязаний капитала // Сочинения. М., 1938. С. 5.

низвели власть прежних тиранов земли до сравнительно незначительной величины и унаследовали власть последних над всем рабочим классом. Теперь наступило время, когда все упреки, которые так долго бросались феодальной аристократии, направлены против капитала и капиталистов. Таким образом, уже в этом труде Т. Годскина не ограничивается современным ему обществом. У него проявляются элементы исторического подхода к классам и классовому делению общества.

Наиболее интересна в этом отношении другая работа Т. Годскина «Популярная политическая экономия» (1827; русск. перевод: Сочинения. М., 1938)), в которой он развивает свои взгляды на развитие человечества в целом. Он начинает с утверждения, что необходимо различать, «*во-первых, естественные условия,* или законы, не зависящие от правительства или не исходящие из него, как, например, страсти и способности человека; законы его животного существования и отношения между человеком и внешним миром; и, *во-вторых,* социальные установления, зависящие от правительств или исходящие от них, начиная с тех незыблемых законов, в силу которых присваивается земля страны или которые жалуют страну государственным устройством... и кончая законами о регулировании торговли и административными актами, причем многие из них задаются явной целью увеличить богатство общества или направлять его распределение».[116] Начать, конечно, нужно с выявления естественных законов, управляющем производством и распределением.

Прежде всего люди нуждаются в пище. Ее нужно добывать, а значит трудиться. Перед людьми стоит дилемма: или работать, или умереть от голода. Работа — необходимое условие существования человека. По существу, в такой форме Т. Годскин первым или одним из первых достаточно четко выразил тезис, что основой существования человека является производство. Но тут же он добавил, что существует альтернатива: человек может работать сам, а может заставить работать на себя других. В последнем случае мы имеем дело с социальными законами, которые представляют собой насилие над естественными законами,

Во всем дальнейшем изложении речь идет прежде всего о производстве и его развитии. Прогресс производства — несомненный факт. Везде развитие шло одинаково: от собирания плодов к охоте, от ней к пастушеству, за которым последовало земледелие и, в конце концов, обрабатывающая промышленность. Это обусловило переход человечества от дикости, или варварства, к цивилизации.

Для более точной характеристики прогресса производства Т. Годскин вводит понятие «производительная сила». Экономисты раньше писали только о производительной силе труда, имея в виду просто производительность труда. Т. Годскин, продолжая говорить о производительной силе труда, одновременно пишет о производительной силе или, иначе, о производительной способности того или иного конкретного общества: племени или страны. Прогресс производства прежде всего состоял в росте производительной силы общества. Этот рост всегда имел место, но стал особенно заметным с появлением машинной индустрии. По мнению Т. Годскина, производительная сила современной ему Англии примерно в две с половиной тысячи раз превышает производительную силу Египта той же эпохи. Причина в том, что в Англии широко применяются машины, а в Египте их нет.

Самым важным для Т. Годскина является вопрос об источнике развития производства, прогресса производительной силы общества. Он бьется над ним, но ни один

[116] Годскин Т. Популярная политическая экономия // Сочинения С 59

ответ его не удовлетворяет. Одно из первых решений, которое приходит ему в голову, состоит в том, что причиной развития производства является рост населения. Важнейшим, кроме пищевого, является инстинкт размножения. Неукротимое стремление к размножению имеет своим следствием рост населения, а тем самым потребности в пище и других средствах существования. А это побуждает людей развивать производство.

Но Т. Годскин не может не видеть, что рост населения идет далеко не повсюду. Есть страны, в которых население систематически сокращается. В человеческом обществе не существует никакого единого закона народонаселения. Увеличение или уменьшение населения зависит не только и не столько от биологической природы человека, сколько от существующих в той или иной стране общественных порядков,

Разочаровавшись в первом ответе, Т. Годскин ищет иной. И находит — все дело в росте знаний и связанным с ним появлением изобретений. Но развитие знаний само по себе не может породить изобретений. Нужен стимул. И в качестве его выступает голод. Он вызван ростом населения.

Т. Годскин не может не понимать, что сам по себе рост населения не может повлечь за собой переход к новому, более совершенному виду производственной деятельности. Растет число ртов, но одновременно увеличивается и число рабочих рук. Выход может быть найден и в экстенсивном расширении производства.

В результате Т. Годскин приходит к выводу, что рост населения стимулирует изобретения, когда он приводит к исчерпанию привычных ресурсов. Тогда действительно становятся необходимыми новые виды хозяйственной деятельности. Так люди перешли от охоты и рыболовства к первобытным формам земледелия.

Подчеркивая огромное значение изобретений, Т. Годскин в то же время далек от приписыванию изобретателям роли творцов истории. «Возможно, — писал он, — что в прошлом столетии не было ни одного человека, который как философ и механик стоял бы выше Джемса Уатта. Но большей частью своих научных знаний и знаний по механике, — всем тем, что на самом деле составляет его таланты и что привело его к славным успехам, — Уатт обязан тому обстоятельству, что он родился в Британии в XVIII в. Если бы возможно было, — что очевидно немыслимо, — чтобы такой одаренный ум достиг подобной способности изобретать среди грубого крестьянства Ирландии или еще более грубых гаучо Южной Америки, то он все же никогда бы ни изобрел такой величественной машины, как паровая машина. В тех условиях какая-либо побудительная причина для этого изобретения была бы невозможна...; если бы он все же изобрел паровую машину, будь это возможно, то не было бы никого, кто бы мог сделать ее или использовать ее, не было бы цели, для которой она могла бы применяться... Вполне ясно также, что г. Уатт не изобрел бы паровой машины во имя какой бы то ни было цели сто лет тому назад: общество не было подготовлено к тому, чтобы использовать такое изобретение, если бы даже оно было сделано; Уатт не мог бы обладать в то время необходимыми знаниями, а также не мог бы найти средств, чтобы применить свое изобретение на практике».[117]

Не изобретатель вызывает к жизни новую эпоху. Наоборот, эпоха порождает изобретателей. То же самое относится и к другим выдающимся людям: путешественникам (Колумб), религиозным реформаторам (Лютер), философам (Бэкон), ученым (Ньютон), политическим деятелям (Борджиа, Кромвель, Наполеон).

Памятуя, что ссылка на рост населения все же мало что дает для понимания

[117] Там же. С. 98-99.

прогресса производства, Т. Годскин упорно продолжает поиск Он говорит, например, о ненасытном желании людей удовлетворять свои нужды или улучшать условия жизни, которое является побудительным мотивом изобретений. Однако, опровергая себя, в другом месте он пишет, что физиологические потребности человека быстро удовлетворяются. Даже дикари обладают достаточными знаниями и умениями, чтобы обеспечить себя потребными для выживания средствами. Отсюда их леность.

Таким образом, чтобы люди развивали производство, необходимы иные стимулы, отличные от биологических потребностей Так, например, дикари начинают активно трудиться, чтобы получить от европейцев различного рода безделушки. И мы, европейцы, работаем и тогда, когда полностью удовлетворены все животные потребности, например, чтобы приобрести иностранные товары.

Огромное влияние на производство оказывает право собственности. Но эта мысль не получил у Т. Годскина развития. В какой-то степени к этому примыкает все сказанное им в связи с утверждением А. Смит о том, что важным источником развития производства является разделение труда, которое в свою очередь исходит из естественной склонности людей к обмену и торговле.

Таким образом, Т. Годскин, возможно даже впервые, обратил внимание на то, что человек не может жить без производства, пришел к выводу, что прогресс производства лежит в основе развития общества, и поставил проблему движущих сил общественного производства, а тем самым и общества, базирующегося на этом производстве.

3.11.2. Р. Джонс

Долгое время экономисты знали лишь один способ производства — капиталистический. Только он один был объектом их исследования. Т. Годскин поставил вопрос о существовании и других экономических систем, кроме капиталистической системы. Это, конечно, было известным шагом вперед. Но и капиталистическую, и другие антагонистические экономические системы он рассматривал как произвольно созданные людьми, прежде всего стоящими у власти, как искусственные. И это был, разумеется, шаг назад по сравнению с точкой зрения на капиталистические отношения как на объективные, возникающие и существующие независимо от воли людей и развивающиеся по объективным законам.

И к тому же о некапиталистических экономических системах Т. Годскин ничего не мог сказать, кроме самых общих слов. Представление о них было у него самым неопределенным. Он, например, то различал рабство и крепостную зависимость, то отождествлял их, то различал рабов и крепостных, то ставил между ними знак равенства. Поэтому его концепция общественного развития носит крайне абстрактный характер. Ее никак нельзя назвать философско-исторической.

Первым, который по настоящему занялся изучением докапиталистических антагонистических способов производства, был замечательный английский экономист Ричард Джонс (1790—1853). В отличие от Т. Годскина он был человеком очень умеренных, даже консервативных политических взглядов.

Ему принадлежит несколько работ, из числа которых прежде всего следует отметить «Опыт о распределении богатства и об источниках налогов» (1831), «Вводная лекция по политической экономии» (1833), «Лекции о труде и капитале» (ок. 1833), «Политическая экономия народов» (1852) (русск. переводы: Экономические сочинения. Л., 1937).

Р. Джонс исходит из того, что политическая экономия есть наука, изучающая законы производства и распределения общественного богатства. Установив, что в разные эпохи и в разных странах общественное богатство (т.е. общественный продукт) создается и распределяется по-разному, он вводит понятие об особых, специфических формах производства и распределения общественного богатства.

Для обозначения этих особых форм общественного производства Р. Джонс использует словосочетания «способ производства и распределения», «способ распределения» и «способ производства». Под способом распределения и производства он понимает, то 1) лишь особую систему экономических отношений, являющуюся общественной формой, в которой идет производство, то 2) все производство в целом, но взятое именно в данной специфической общественной форме, т.е. особое, конкретно-историческое производство.

Способ производства и распределения, понимаемый как система экономических отношений, образует экономический строй, экономическую структуру, экономическую организацию, скелет общества, который определяет все прочие существующие в нем социальные отношения и различные проявления его духовной жизни. Поэтому существуют различные формы общества.

Дальнейшее развитие получило в трудах Р. Джонса понятие производительных сил. Если у Т. Годскина говорится о производительной силе лишь как о характеристике общества, то в работах Р. Джонса производительные силы общества выступают как нечто самостоятельное, способное к развитию.

У Р. Джонса много говорится о развитии производства, Способы производства и потребления выступают у него как ступени экономического развития. В историческом развитии человечества происходит смена способов производства и распределения богатства. Он говорит также о стадиях развития производительных сил. Но сколько-нибудь четкое представление об отношении между системой экономических связей и производительными силами общества у него отсутствует. Он лишь в самом общем виде говорит о влиянии способов распределения общественного богатства на производительные силы, а также на политический и моральный характер народов. Ничего определенного не может он сказать об источниках развития производства.

Но для него несомненно, что развитие производства и преобразования в экономической структуре общества приводит к изменениям во всем обществе. «Изменения в экономической организации общества, — писал Р. Джонс, — сопровождаются крупными политическими, социальными, моральными и интеллектуальными изменениями, затрагивающими те обильные или скудные средства, при помощи которых осуществляются задачи хозяйства. Эти изменения неизбежно оказывают решительное влияние на различные политические и социальные основы соответствующих народов, и влияния эти распространяются на интеллектуальный характер, обычаи, манеры, нравы и счастье народов».[118]

С изменением экономического строя изменяется форма общества. На каждой новой ступени экономического развития общество обретает новую форму. Поэтому он пишет не только о различных формах, но и об этапах развития общества.

То, что экономическая структура общества определяет все его основные особенности, у Р. Джонса не вызывает никакого сомнения постоянно. Отсюда он делает очень важный вывод: «Только точное познание этой структуры может дать нам ключ

[118] Джонс Р. Политическая экономия народов // Экономические сочинения. Л., 1937. С. 320-321.

к пониманию минувших судеб различных народов мира, вскрывая их экономическую анатомию и показывая таким образом наиболее глубокие источники их силы, элементы их учреждений и причины их обычаев и характера... Нет ни одного периода древней или новой истории, на который обстоятельное знание различий и изменений в экономической структуре наций не проливало бы ясного и постоянного света. Именно такого рода знание должно научить нас понимать тайные чудеса древнего Египта, могущество его монархов, великолепие его памятников; военную силу, с которой Греция отбивала легко возобновляемые мириады войск великого царя; юную мощь и длительную слабость Рима; преходящую силу феодальных государств; более постоянную мощь современных наций Европы...».[119]

Можно спорить о том, кто стоял у самых истоков того понимания движущих сил истории и самой истории, которое в последующем получило название экономического детерминизма, но, безусловно, что его основные положения сформулированы Р. Джонсом с предельной четкостью.

В своих работах он главное внимание уделяет обществам, в которых господствовало земледелие. По существу, им было введено понятие аграрного общества, отличного от промышленного, индустриального. Хотя он признает существование первобытного общества, но оно находится за пределами его исследования. Согласно его точке зрения, там, где люди занимаются земледелием, земля всегда находится в собственности немногих и, соответственно, там уже существует земельная рента.

В центре его внимания — земельная рента, которую он называет просто рентой. Любое земледельческое общество прежде всего подразделяется на тех, кто платит ренту, и тех, кто получает ее. Ренту получают владельцы земли от людей, которые обрабатывают принадлежащую им землю. Система отношений между владельцами земли и теми, кто на ней работает, — главные связи внутри земледельческого общества.

Таким образом, и здесь перед нами предстает система экономических отношений, причем столь же естественная, как и капиталистическая, но только качественно иная. И здесь в основе отношений по распределению общественного продукта лежат не произвол, не насилие, а отношения по распределению средств производства, но только в данном случае прежде всего земли. Эта система также с неизбежностью порождает общественные классы, но иные, чем при капитализме. Рентные отношения образуют скелет земледельческого общества и определяют его социальные, политические и моральные черты. Поэтому изучение ренты дает ключ к пониманию такого общества. Ренту, которую платят люди, обрабатывающие землю, ее владельцам, Р. Джонс называет первичной, или крестьянской. Существуют разные формы крестьянской ренты, которые Р. Джонс подвергает исследованию.

Самая древняя форма ренты с незапамятных времен существовала и продолжает существовать в Азии. Ее Р. Джонс именует рентой райотов. Единственным собственником земли является монарх. Поэтому все земледельцы страны обязаны платить ему ренту. Полученные доходы монарх использует на содержание своего двора, чиновничьего аппарата и армии.

Люди, занимающиеся ремеслом, обслуживают монарха и его двор. Поэтому никакой силой они не являются. Когда монарх переносит столицу, все ремесленники и торговцы переселяются вслед за ним, и старый город исчезает. Так как не существует

[119] Джонс Р. Вводная лекция по политической экономии // Экономические сочинения. С. 221.

никакой социальной силы, которая могла бы ограничить власть монарха, в подобном государстве господствует деспотизм.

Для такого общества характерно стремление к непрерывному росту земельной ренты. Рост ренты при неизменном характере производства ведет к разрушению производительной способности райотов. Это в конце концов приводит государство к краху. На месте могущественной империи остаются руины.

Таким образом, Р. Джонс впервые дал экономический анализ того способа производства, который в последующее время получил название азиатского способа производства. В Европе в прошлом, по его мнению, также преобладали такие же порядки, а затем они приняли смягченные формы и, наконец, исчезли.

В земледельческом обществе более позднего типа существует класс крупных землевладельцев. Они сами ведут хозяйство при помощи чужих рабочих рук. Чтобы избавиться от забот по пропитанию работников, хозяева земли выделяют им участки, чтобы те могли сами содержать себя. А за это землевладельцы требуют от них работы на остальной земле. Это — рента трудом, или барщина. При такой форме ренты крестьянин находится в личной зависимости от землевладельца.

Земельная аристократия, имея собственный источник дохода, не зависящий от воли монарха, ограничивает власть последнего. Р. Джонс неоднократно употребляет слово «феодализм», но понимает под ним систему иерархических отношений внутри класса землевладельцев. Поэтому с его точки зрения феодализм существовал только в Западной Европе и лишь в средние века.

Неэффективность барщинного хозяйства делает неизбежным замену его издольной арендой. При такой форме землевладелец предоставляет работнику землю и снабжает его капиталом. Крестьянин-арендатор самостоятельно ведет хозяйство и платит землевладельцу ренту продуктами. Он является лично свободным человеком.

В стройную картину эволюции форм земельной ренты диссонансом врывается античная Греция и Рим. Там земля вначале обрабатывалась рабами, а затем им на смену пришли издольные арендаторы. И это произошло задолго до того, как во Франции и Англии вначале утвердилась рента трудом, а затем сменилась издольщиной.

В земледельческом обществе с издольной арендой проявляются ремесленники и мастеровые. Некоторые из них, разбогатев, начинают нанимать работников. Так возникает класс капиталистов, отличный от класса рабочих и класса земледельцев. Этот класс иногда появляется и в сельском хозяйстве и берет в свои руки земледелие. Таких капиталистов обычно называют фермерами. Ренту, которую они платят земледельцам, можно назвать вторичной, или фермерской.

В целом же при капитализме центр тяжести перемещается с земледелия на промышленность. Основная масса населения капиталистического общества не занимается земледельческим трудом. Капитал выступает как мощный двигатель производительных сил. Рост капитализма приводит к появлению и широкому использованию машин. Но и капитализм является преходящей формой общественного производства и общественного устройства. На смену ему рано или поздно придет новый строй, при котором рабочие станут собственниками средств производства.

3.12. СНОВА А. СЕН-СИМОН

В работах Т. Годскина и Р. Джонса излагаются определенные концепции общественного развития. Но эти концепции не являются философско-историческими. Они

не дают картины всемирной истории. И во многом это связано с тем, что ни Т. Годскин, ни Р. Джонс не клали в основу своих построений принятую почти всеми историками периодизацию истории классового, или цивилизованного, общества — деление ее на эпохи Древнего Востока, античную, средневековую и новую. Отсюда крайняя абстрактность их теоретических конструкций. В этом отношении от них выгодно отличалась концепция А. Сен-Симона, которая бесспорно была философско-исторической.

Как мы уже видели, она содержала в себе определенную стадиальную типологию социоисторических организмов. Один тип — организмы античные, основанные на рабстве. Другой — организмы феодальные, основанные на крепостничестве. Третий тип — социоисторический организмы, в которую главную роль играет промышленность, индустрия. Ученики Сен-Симона сняли известную непоследовательность своего учителя. Они подчеркнули, что организмы последнего типа, индустриальные, базировались на еще одной форме эксплуатации человека — наемном труде.

А. Сен-Симон не только выделил три сменяющие друг друга типа общества, но и попытался раскрыть силу, действие которой определило эту смену. По Сен-Симону, переход от одной общественной системе к другой был обусловлен развитием разума, но не отдельных людей, а человечества в целом. Важнейшим законом всемирной истории А. Сен-Симон считал закон прогресса человеческого разума.

Каждая общественная система до известного момента отвечает состоянию человеческого знания, цивилизации. В ее рамках человечество может развиваться. И сама она способна совершенствоваться. Но затем человечество ее перерастает. В результате между основой этой системы и состоянием знаний происходит разрыв и наступает период критики, разрушения системы. За этим следует период построения новой системы, отвечающей уровню знаний, достижениям цивилизации.

Говоря о разуме, А. Сен-Симон имел в виду отнюдь не мышление, а то, что сейчас принято именовать общественным сознанием. И поэтому развитие разума он не сводил лишь к росту знаний, как это делали Вольтер и Ж.А. Кондорсе. Он включал туда и эволюцию религии, причем, по его мнению, именно религии долгое время принадлежала ведущая роль.

Общественное сознание, не существуя без сознания отдельных людей, в то же время не представляет собой простой суммы индивидуальных сознаний. По отношению к сознаниям отдельных людей оно выступает как нечто от них независящее и в этом смысле объективное. Именно это «объективное» сознание и выступало у А. Сен-Симона в качестве силы, приводящей общество в движение.

А. Сен-Симон признает существование в истории человечества первобытной эпохи. Но на ней он специально не останавливается, так же как и на связанном с ней идолопоклонстве. Крупнейшим шагом в развитии человечества было возникновение политеизма, а вместе с ним и рабства.

В отличие от просветителей XVIII в., которые нередко характеризовали рабство как позор человечества, А. Сен-Симон считает появление рабства прогрессом. Пленных теперь перестали безжалостно истреблять. Но самое главное — рабство позволило выделиться из общей массы особой группы людей, которые, освободившись от физического труда, смогли уделить больше времени занятию умственным трудом. Тем самым были созданы благоприятные условия для совершенствования человеческого разума, а тем самым и для прогресса человечества вообще.

Политеизм не сразу вытеснил идолопоклонство. Эту религиозно-философскую систему вначале усвоили только немногие, которые объединились в особую замкнутую

касту жрецов. В народе же они продолжали поддерживать фетишизм. Такое резкое деление на мыслителей и рядовых верующих характерно, например, для Египта. Лишь позднее — у древних греков — политеизм стал всеобщим достоянием. В политеистической религии греков не было места деспотизму. Олимпийские боги собирались и совместно решали все дела. Результатом подражания порядкам, сложившимся на Олимпе, были республиканские конституции греческих городов-государств.

Возникновение общественной системы, основанной на политеизме, было прогрессом. Но все же она была во многом несовершенной. Значительную часть населения древнего мира составляли рабы, которые находились в полной зависимости от своих господ. От воли последних зависела жизнь и смерть людей, которые им принадлежали. Как светская, так и духовная власть передавалась в пределах класса патрициев. Возвышение плебеев было совершенно невозможно. Отсюда антагонизм между этими классами и, как следствие, борьба между ними. Хотя в древнем мире возникла духовная власть, власть ученых, она была подчинена государственной власти. В области науки достижения древних не были слишком высоки. Нужен был новый шаг.

Он выразился в переходе от политеизма к монотеизму, у истоков которого стоял Сократ. Переход носил крайне болезненный характер и сопровождался глубоким кризисом, который охватил весь древний мир. Окончательно утвердился принцип единобожия с возникновением и распространением христианства. Основная идея этой религии — братство людей. Она была претворена в жизнь в той форме, которая отвечала нравственному и умственному уровню народных масс. Поэтому результатом было не полное освобождение низших слоев общества, а лишь превращение их из рабов в крепостных. Но и это было огромным прогрессом. Бывшие рабы получили возможность обзавестись имуществом и семьей, жить своим домом.

В отличие от гуманистов Возрождения и мыслителей эпохи Просвещения, А. Сен-Симон не считал средние века провалом в истории. Для него переход от античности к средним векам связан с появлением новой более прогрессивной общественной системы — феодально-богословской. В средневековом обществе в отличие от античного духовная власть занимала господствующее положение. Богословы предавались духовной деятельности. Феодалы были организаторами работ в главной для того времени сфере экономической деятельности — в сельском хозяйстве. Поэтому им принадлежала политическая власть. До XI в. шло разрушение старой, античной системы, XI—XIII вв. — время утверждения феодальной системы. В XIV в. она еще безраздельно господствовала.

В XV в. начинается становление опытной науки, делаются крупные открытия в этой области. Светские ученые начинают борьбу против богословов, отстаивая право на свободу мысли. Развитие экспериментальной науки привело к возникновению промышленности (индустрии). Выдвинулись руководители промышленных предприятий, возник класс индустриалов. Промышленники вступили в борьбу с феодалами. В термин «класс индустриалов» А. Сен-Симон вкладывает далеко не одно и то же содержание. В одних случаях он имеет в виду только предпринимателей, в других — всех вообще людей, занятых в промышленности, включая наемных рабочих.

Во Франции в XVIII в. реальная светская власть оказалась в руках промышленников, реальная духовная власть — в руках ученых. Но продолжал сохраняться политический строй, отвечавший тому положению вещей, которое существовало несколько веков назад. Политическая власть по-прежнему продолжала оставаться у дворянства и духовенства. Это сделало неизбежным революцию, которая должна была пере-

дать власть промышленникам и ученым. Однако Великая Французская революция оказалась, по мнению А. Сен-Симона, незавершенной. Новая индустриальная система до сих пор еще не создана. Решение этой задачи — дело будущего.

В чем-то А. Сен-Симон стоял выше ряда рассмотренных выше мыслителей, в частности Т. Годскина и Р. Джонса, в чем-то им уступал. В его трудах немало высказываний об огромной роли производства, отношений собственности. Но самое главное — им впервые была создана такая, имеющая всемирное значение стадиальная типология социоисторических организмов, в которой стадиальные типы общества были выделены по признаку сходства и различия их экономических систем. А это с необходомостью предполагало и выделение основных типов собственности, основных экономических систем. Вряд ли можно сомневаться, что, создавая схему, в которой фигурировали три последовательно сменившие друг друга экономические системы: рабовладельческая, феодальная и капиталистическая, А. Сен-Симон, исходил из рассматренной выше работы А.Р.Ж. Тюрго «Размышления о создании и распределения богатств». Но в этой работе речь шла не об основных экономических, тем более общественных, системах, а лишь о «способах обработки земли», причем их выделялось пять и первым значилась «обработка земли наемными людьми».

А. Сен-Симон одним из первых обратил особое внимание на общественные классы и классовую борьбу. Именно из его идей исходили в своих трудах французские историки эпохи Реставрация. Основоположник этой школы О. Тьерри в 1813—1817 гг. был секретарем и учеником А. Сен-Симона.

Но все это не было сведено великим мыслителем в стройную систему. Ему чуждо бы представление о том, что именно развитие производства было основой исторической эволюции общества. И по мере развития исторической и экономической наук он все больше от них отставал. В его учении на первый план все в большей степени выходил разум. Учение о трех стадиальных типах общества дополнялось и оттеснялось на второй план высказанной еще А.Р.Ж. Тюрго идеей трех фазисов развития мышления: теологического, метафизического и позитивного.

И если О. Тьерри заимствовал у А. Сен-Симона идею классов и классовой борьбы, то сменивший его в 1818 в роли секретаря Огюст Конт (1798—1857) воспринял у своего учителя концепцию трех ступеней эволюции мышления, которою возвел в абсолют. Он излагал ее во многих работах, в частности в «Курсе положительной философии» (1830—1842; русск. перевод: Т. 1. М., 1899; Избранные главы // Западноевропейская социология XIX века. Тексты. М., 1996.) и «Духе позитивной философии» (1844; русск. перевод: СПб., 1910; Избранные главы // Западно-европейская социология XIX века. Тексты. М., 1996.).

Исходный пункт своей социальной философии О. Конт предельно четко сформулировал в «Курсе положительной философии». «Читателям этой книги, — писал он, — я не считал бы нужным доказывать, что идеи управляют и переворачивают мир, или, другими словами, что весь социальный механизм действительно основывается на убеждениях».[120] О. Конт не только не продвинулся дальше своего учителя, но во многом воспринял худшее у него. Его социальная философия явно отставала от уровня, достигнутого к тому времени общественными науками.

А между тем к 40-м годам XIX в. возникла настоятельная необходимость в синтезе всех достижений философской, исторической и экономической науки того време-

[120] Конт О. Курс положительной философии // Западно-европейская социология XIX века. М., 1996. С. 109

ни. Эта задача была решена К. Марксом и Ф. Энгельсом, создавшими материалистическое понимание истории.

3.13. МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ И ПРОБЛЕМА ОСНОВЫ ОБЩЕСТВА И ДВИЖУЩИХ СИЛ ИСТОРИИ

3.13.1. Был ли К. Маркс экономистом и знатоком капиталистической экономики?

К. Маркс был одним из величайших теоретиков политической экономии. Эту бесспорную истину пытались в перестроечное и постсоветское время опровергнуть люди, ненависть которых к Марксу была столь велика, что совершенно лишила их остатков разума. «Нельзя не отметить как недоразумение тот факт, — писал публицист Виктор Сергеевич Бондарев, — что до сих пор советские люди считают Маркса экономистом, хотя к экономике «Капитал» имеет косвенное отношение. На самом деле это — местами изысканное философское произведение, содержащее ряд концепций-гипотез. В нем нет статистических выкладок, эмпирических данных. Да и зачем философу статистика? Он творит по своим правилам согласно имеющимся традициям».[121]

На ниве поношения Маркса как экономиста особенно усердно потрудился некто Евгений Михайлович Майбурд — автор трех статей в «Независимой газете», которые прямо-таки поражают гармоничным сочетанием глупости, невероятного невежества и какой-то просто патологической ненависти к Марксу.[122] «Чтобы сделать привлекательным «призрак коммунизма», — заканчивает он последнюю статью, — потребовалось сотворить ужасающий *призрак капитализма.* Маркс выдумал его — описанный там «капиталистический способ производства». Поэтому «Капитал» — не научная монография, это чудовищно гипертрофированная поджигательская листовка».[123] Все это повторяется Е.М. Майбурдом в книге «Введение в историю экономической мысли. От пророков до профессоров» (М., 1996).

Мысли эти не оригинальны. Примерно то же самое, но в более корректной форме, излагал К. Поппер в «Письме моим русским читателям», предпосланным русскому переводу его сочинения «Открытое общество и его враги» (1945; 1966; русск. перевод: Т. 1—2. М., 1992). «Слово «капитализм», — читаем мы в нем, — получило широкую известность и всеобщее признание благодаря Марксу и марксизму... Важно, однако, то, что капитализм в том смысле, в каком Маркс употреблял этот термин, *нигде и никогда не существовал* на нашей планете Земля — он реален не больше, чем дантовский Ад... «Капитализм» в марксовом понимании представляет собой неудачную теоретическую конструкцию. Это всего лишь химера, умственный мираж».[124]

Из этих слов совершенно ясно, что К. Поппер плохо знаком с историей экономической мысли и вообще с экономической литературой. Термин «капитализм» был создан и введен в научный оборот вовсе не марксистами. Впервые употребил его, по-видимому, французский утопист и историк Луи Блан (1811—1882), а широкое распространение это слово приобрело после появления книги немецкого экономиста, социолога и историка Вернера Зомбарта (1863—1941) «Современный капитализм» (1902;

[121] Бондарев В. Последняя страсть вождя // Горизонт. 1991. № 10. С. 29.
[122] См.: НГ. 05.05.199, 28.02.1992, 07.04.1992
[123] Майбурд Е. Фиктивный «Капитал» // НГ. 07.04.1992.
[124] Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.1. М., 1992. С. 11, 14.

русск. полн перевод: Т. 1. Вып. 1—2. М., 1903; Т. 2. 1905). Сам К. Маркс слово «капитализм» в своих работах никогда не употреблял.[125] Но все это мелочи.

Самое же удивительное состоит в том, что почтеннейший философ совершенно забыл о том, что содержится в основном тексте его же собственной работы. А писал он о том, что «попытка Маркса использовать то, что можно назвать «логикой классовой ситуации», для объяснения функционирования институтов системы промышленного производства, несмотря на определенные допущенные им преувеличения и приуменьшения значения некоторых важных аспектов этой ситуации, представляется мне превосходной. Она действительно превосходна — по крайней мере, как социологический анализ той стадии развития системы промышленного производства, с которой Маркс в основном имел дело: существовавшей почти столетие назад системы «не ограниченного законодательно капитализма» (unrestreined capitalism), как я буду ее называть в дальнейшем».[126]

Все это сказано на 137 странице второго тома. А вот что пишет по поводу данной Марксом характеристики либерализма и демократии как прикрытия диктатуры буржуазии К. Поппер на странице 142: «Дело в том, что Маркс жил, особенно в свои молодые годы, в период наиболее бесстыдной и жестокой эксплуатации. И эту бесстыдную эксплуатацию цинично защищали лицемерные апологеты, аппелировавшие к принципу человеческой свободы, к праву человека определять свою собственную судьбу и свободно заключать любой договор, который он сочтет благоприятным для своих интересов. Используя лозунг «равная и свободная конкуренция для всех», не ограниченный, или не регулируемый, законодательно капитализм успешно препятствовал принятию какого-либо законодательства о труде до 1833 г. и еще в течение многих лет его практическому осуществлению. Следствием этого была жизнь рабочих в таком глубоком отчаянии и такой страшной нищете, которые вряд ли можно представить наши дни. Особенно велики были страдания женщин и детей».[127]

Приведя несколько ужасающих примеров из «Капитала», К. Поппер заключает: «Таковы были условия жизни рабочего класса даже в 1863 г., когда Маркс писал «Капитал». Его пылкий протест против этих преступлений, к которым тогда относились терпимо и иногда даже защищали не только профессиональные экономисты, но и представители церкви, навсегда обеспечат ему место среди освободителей человечества».[128] И в последующем он снова и снова подчеркивает, что «нарисованная Марксом жуткая картина экономики его времени очень точна», и что «его горячий протест против *ада* (курсив мой. — *Ю.С.*) не ограниченного законодательно капитализма «был абсолютно справедлив».[129]

И совершенно понятно, почему К. Поппер в основном тексте названного труда признает огромный вклад К. Маркса в развитие науки об обществе. «...Его труды, — пишет К. Поппер, — не пропали даром. Он на многое открыл нам глаза и обострил наше зрение. Возвращение к домарксистской общественной науке уже немыслимо. Все современные исследователи проблем социальной философии обязаны Марксу, даже если они этого не осознают. Это особенно верно для тех, кто не согласен с его теориями, как, например, я».[130]

[125] Об истории термина «капитализм» см.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 2. Игры обмена. М, 1988. С. 228-230.

[126] Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992. С. 137.

[127] Там же. С. 142.

[128] Там же. С. 143.

[129] Там же. С. 214-215.

Более конкретно высказался по этому вопросу уже известный нам британский социолог К. Кумар. Говоря о том, что ни одна из современных социологических концепций не может справиться с проблемой социальных изменений, он добавляет к этому: «Исключением, конечно, является марксизм. Марксизм есть наиболее мощная теория революции и социальной трансформации... Маркс дал не знающее соперников исследование генезиса современного общества. Его работы о возникновении и развитии капитализма — лучшая часть его трудов, и они лучше всего, чтобы было предложено по этой теме кем бы то ни было. В «Grundrisse»[131] и «Капитале», в разных статьях о европейской политике и обществе Маркс предложил исчерпывающую социологию буржуазного капиталистического общества, которая все еще остается непревзойденной и которой до сих пор живет современная социология».[132]

Для полноты картины приведем высказывание о марксизме в целом З. Бжезинского. Последний — ярый антикоммунист, но этот антикоммунизм не лишил его (в отличии от многих наших доморощенных антикоммунистов) способности мыслить здраво и объективно. «Марксизм, — писал он, — представляет собой новый, исключительно важный этап в становлении человеческого мировоззрения. Марксизм означает победу активно относящегося к внешнему миру человека над пассивным, созерцательным человеком и в то же время победу разума над верой... Марксизм ставит на первое место систематическое и строго научное изучение действительности, также как и руководство действием, вытекающим из этого изучения».[133]

Все нормальные современные экономисты, в том числе и те, что придерживаются взглядов, далеких от марксизма, смотрят на Маркса как на величайшего специалиста в области политической экономии капитализма. «Маркс, — писал, например, один из крупнейших экономистов XX в. Василий Васильевич Леонтьев (1906—1999) в статье «Современное значение экономической теории К. Маркса», — был великим знатоком природы капиталистической системы... Если, перед тем как попытаться дать какое-либо объяснение экономического развития, некто захочет узнать, что в действительности представляют собой прибыль, заработная плата, капиталистическое предприятие, он может получить в трех томах «Капитала» более реалистическую и качественную информацию из первоисточника, чем та, которую он мог бы найти в десяти последовательных выпусках «Цензов США», в дюжине учебников по современной экономике и даже, осмелюсь сказать, в собрании сочинений Торстена Веблена».[134]

3.13.2. Открытие социальной материи

К. Маркс прекрасно знал современное ему капиталистическое общество. Ему, как и другим экономистам, было совершенно ясно, что капиталистические экономические рыночные отношения существуют независимо от сознания и воли людей, живу-

[130] Там же. С. 98.

[131] Имеются в виду семь рукописей К. Маркса, впервые полностью опубликованные на языке оригинала под назвнием «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie (Rohenrwurf)» в 1939-1941 гг. Русск. перевод: Экономические рукописи 1857-1859 годов (Первоначальный вариант «Капитала») Ч. 1-2 // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. 1-2.

[132] Kumar K. The Rise of Modern Society. Aspects of the Social and Political Development of the West. Oxford, New York, 1988. P. 103-104.

[133] Brzezinski Z. Between Two Ages. America's Role in the Technotronic Era. New York, 1971. P. 73.

[134] Леонтьев В. Современное значение экономической теории К. Маркса // В. Леонтьев. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. М., 1990. С. 111.

щих в системе этих отношений, и определяют их сознание и волю. Капиталистический рынок есть не что иное, как общественная форма, в которой идет производство. Капитализм представляет собой прежде всего определенную систему общественного производства и тем самым определенный тип общества.

В средние века такой системы общественного производства не было. Но производство существовало. Люди и в это время создавали общественный продукт. Но по-другому. Если при капитализме основным создателем общественного продукта был наемный рабочий, то в средние века — зависимый от феодала крестьянин. В средние века тоже существовали экономические отношения, но иные, чем при капитализме, — отношения феодальные. И эти феодальные отношения были столь же объективными, как и капиталистические, и тоже определяли сознание и волю людей, живущих в системе этих отношений. Иначе говоря, здесь мы также сталкиваемся с определенной системой общественного производства, но качественно иной, чем капиталистическая. И эта экономическая система определяла тип общества.

В античную эпоху основным производителем был не наемный рабочий, и не феодально-зависимый крестьянин, а раб. Система рабовладельческих экономических отношения была общественной формой, в которой в ту эпоху шло производство. И эта качественно отличная и от капиталистической, и от феодальной система общественного производства определяла тип общества.

Таким образом, для каждой из трех всемирно-исторических эпох — античной, средневековой и новой прежде всего было характерно существование определенной экономической системы: для первой — рабовладельческой системы, для второй — феодальной, для третьей — капиталистической. Смена экономических систем лежала в основе смены типов общества и тем самым исторических эпох.

К. Маркс не ограничился констатацией этого факта. Им было сделано важное обобщение. Человек качественно отличается от всех животных. И это различие прежде всего состоит в том, что животное только приспособляется к среде, присваивает при помощи органов своего тела вещи, порожденные природой, а человека преобразует среду, создает вещи, которых в природе не существуют. Основной признак человек — производство.

И это производство всегда происходит в определенной общественной форме, которую образует система экономических отношений определенного типа. Существует несколько качественно отличных типов экономических (производственных) отношений. Соответственно существует несколько качественно отличных видов общественного производства. Эти виды К. Маркс назвал *способами производства*.

К тому времени, когда возник марксизм, науке были достаточно хорошо известны три таких способа производства: рабовладельческий, феодальный и капиталистический. В добавление к ним К. Марксом частично сразу, частично позднее были также названы из числа существовавших и существующих способов производства — первобытный (первобытно-коммунистический) и азиатский, а из тех, что еще не существовали, но с неизбежностью, по его мнению, возникнут — коммунистический способ производства.

Но самый важный из вопросов, вставших перед К. Марксом, состоял в том, почему в ту или иную эпоху существует именно этот, а не другой способ производства, и почему в историческом развитии одни способы производства сменяются другими, что лежит в основе смены способов производства. Это был тот роковой вопрос, который, правда, не в такой, а в иных формах вставал перед его предшественниками и на кото-

рый они не смогли дать ответа. Помочь здесь не могли ни ссылка на природу человека, ни на его разум.

К. Маркс и Ф. Энгельс жили в XIX в. В Европе в то время сосуществовали капиталистические и некапиталистические социоисторический организмы. На их глазах в Европе развертывался промышленный переворот и происходили революции. Везде, куда проникала машинная индустрия, рушились феодальные и иные докапиталистические отношения. Феодальные социоисторические организмы превращались в капиталистические.

На этой основе были сделаны широкие обобщения. Каждая система экономических отношений была общественной формой, в которой шел процесс создания общественного продукта. Общественный продукт создавался определенной силой, которую составляли работники, вооруженные средствами труда. Эти люди вместе со средствами труда, которые они приводили в движение, составляли *производительные силы* общества. И бросалось в глаза, что в разные эпохи разными были не только системы экономических отношений, но и производительные силы общества.

Одной производительной силой были люди, вооруженные деревянными копьями, иной — люди, которые создавали нужные им вещи с помощью бронзовых орудий, и совсем другой — люди, которые использовали в своей производственной деятельности машины, приводимые в действие паром. Разные стадии производства отличались друг от друга не только типами экономических отношений, но и уровнем развития производительных сил.

И отсюда был сделан вывод о зависимости типа существующих в обществе экономических отношений от уровня развития его производительных. Уровень производительных сил общества определяет существующую в нем систему экономических (производственных) отношений. Изменение производительных сил общества рано или поздно ведет к тому, что одна система экономических отношений сменяется качественно иной их системой. А вместе с тем меняется и тип общества.

К выводу о том, что система экономических отношений определяет сознание и волю людей, в явной или неявной форме пришли многие мыслители еще до Маркса. Но никто из них не мог объяснить, почему эти отношения являются именно такими, а не иными. Ссылка на природу человека ничего не давала. А любая попытка найти какие-либо иные факторы почти всегда с неизбежностью заставляла вращаться в порочном кругу. И этот круг всегда разрывался так, что при этом экономические отношения оказывались в зависимости от сознания, т.е. теряли свою объективность.

К. Маркс впервые нашел объективную, не зависящую от сознания и воли людей основу экономических отношений — уровень развития производительных сил. И тем самым они впервые выступили у него как отношения объективные и только объективные, как отношения, определяющие сознание и волю людей и в то же время ни прямо, ни косвенно не зависящие от их сознания и воли.

Философы давно уже пользовались словом «бытие». И оно имело в их устах два разных смысла. Один — все существующее без исключения, включая и сознание. Второй — только существующее вне сознания. В применении к природе существование вне сознания было по существу равнозначно существованию независимо от сознания. Поэтому в работах домарксистских материалистов бытие во втором смысле означало существование одновременно и *вне*, и *независимо* от сознания, или иначе, *объективное существование*. Бытие в таком смысле было первичным по отношению к сознанию, т.е. определяло сознание.

Исходя из этой традиции, К. Маркс и назвал систему социально-экономических отношений общественным бытием. Называя ее так, он стремился подчеркнуть, что эта система существует объективно, т.е. независимо о сознания и воли людей, и определяет их сознание и волю.

Однако в последующем стало ясно, что термин «общественное бытие» в данном контексте был не самым подходящим. Все дело в том, что социально-экономические отношения были не единственно существующими социальными отношениями. Наряду с ними существовали и иные. И эти иные общественные отношения не просто существовали, а существовали *вне* сознания и в этом смысле тоже были бытием, причем отнюдь не в самом первом значении этого слова.

Но существуя *вне* сознания, они в то же время *зависели* от него. Эти отношения создавались людьми, которые в своей деятельности руководствовались сознанием и волей. Эти отношения были производными от воли людей, т.е. волевыми. Волевые общественные отношения вместе с их узлами, которые именуются институтами, учреждениями и т.п., образовывали определенную систему.

Таким образом, если понимать под бытием просто существующее *вне* сознания, то в обществе (в отличие от природы) существует два качественно отличных вида бытия. Первый вид — существующее *вне* и *независимо* от сознания и воли, т.е. объективно существующее. Именно этот вид реальности имел в виду К. Маркс, говоря об общественном бытии. Второй вид — существующее *вне* сознания и воли людей, но *зависящее* от сознания и воли. И во избежание путаницы необходимы разные термины для обозначения этих двух видов социальной реальности.

Первый вид я буду называть *социальной материей.* Такого термина у основоположников материалистического понимания истории нет, но они неоднократно характеризовали социально-экономические отношения как связи не просто объективные, но материальные. Второй вид социальной реальности я буду именовать *социальной постройкой (конструкцией).*

Между социальной материей и социальной конструкцией существуют определенные отношения. Социальная материя, т.е. система социально-экономических отношений, определяет взгляды и представления людей об обществе, их волю и их действия, а тем самым и все прочие общественные отношения, т.е. социальную конструкцию. Последняя производна от социальной материи. Посредствующим звеном между социальной материей и социальной конструкцией является общественное сознание. Но последний термин нуждается в уточнении.

Словосочетание «общественное сознание» имеет два несколько отличных значения. Первое — совокупность всех представлений людей о мире, включая их знания о природе. Это общественное сознание в широком смысле. Физика, конечно, представляет собой отражение только природы, но никак не общества. Однако сама она, безусловно, — общественное явление. И в этом смысле физика относится к общественному сознанию в широком смысле.

Второе значение словосочетания «общественное сознание» — представления людей исключительно лишь об общественных явлениях. Это общественное сознание в узком смысле. В последующем изложении во избежание путаницы я буду употреблять термин «общественное сознание» только в широком смысле. Для обозначения совокупности представлений людей об обществе я буду использовать термин *«социарное сознание»*, а их взглядов на природу — *«натурарное сознание»*. Конечно, грань между социарным и натурарным сознание относительна, но она тем не менее существует.

Вполне понятно, что волевые общественные отношения являются производными не от общественного сознания в широком смысле, а лишь от социарного сознания, а тем самым от социальной материи.

Основоположникам материалистического понимания истории было важно подчеркнуть определяющую роль социальной материи по отношению и к социарному сознанию, и социальной конструкции. Когда они рассматривали исключительно лишь отношения социальной материи и социарного сознания, то использовали термины «общественное бытие» и «общественное сознание». Они здесь просто подчеркивали, что общественное бытие первично по отношению к общественному сознанию, и представляет собой объективный источник общественных идей.

Когда же речь у них заходила об отношении социальной материи к социарному сознанию и социальной конструкции, вместе взятым, то становилось ясным, что термин «общественное бытие» здесь не работает. Ведь социальная конструкция представляла собой не что иное, как особый вид социальной реальности. Отношение социальной материи и социальной постройки было отношением двух видов социальной реальности, из которых один был фундаментом для другого.

Поэтому неизбежным было появление еще двух новых понятий — *базиса* и *надстройки*. По отношению к социарному сознанию и социальной конструкции, вместе взятым, социальная материя выступала как их базис, а тем самым и как фундамент всего общества, они же вместе взятые как надстройка над этим базисом.

Все эти открытия вместе взятые означали не что иное, как такой разрыв того порочного круга, в коем вращались все домарксистские материалисты и вообще все мыслители, пытавшиеся найти материальные факторы истории, который вел не к социоисторическому идеализму, а к социоисторическому материализму.

Напомню, что у домарксистских материалистов получалось, что общественная среда (т.е. социальная реальность) определяла общественное мнение (т.е. социарное сознание), а последняя, в свою очередь, определяла общественную среду. К. Маркс в том, что мыслители прошлых лет называли общественной средой, выделил два качественно отличных компонента. Один из них — система социально-экономических отношений, которая не зависит от социарного сознания и определяет его. Другой компонент — система волевых отношений (социальная конструкция), которая зависит от социарного сознания, определяется им. И все стало на свое место.

Как только был открыт объективный источник общественных идей (социарного сознания) — социальная материя, материализм был достроен до верху, до конца. Он стал теперь материализмом во взглядах не только на природу, но и на общество. Материализм Маркса есть материалистическое понимание не только природы, но и общества, а тем самым и истории. Уже этим он качественно отличается от всех остальных видов материализма.

Словосочетание «материалистическое понимание истории» в литературе иногда применяется для обозначения не только марксистской концепции исторического процесса, но различного рода концепций, в которых решающая роль отводится не сознанию, а тем или иным материальным, чаще всего природным, факторам (биологическим, географическим, экологическим и т.п.).[135] «В частности, — писал известный английский философ Бертран Рассел (1872—1970), — философским материализмом не пред-

[135] См., например: Бернгейм Э. Введение в историческую науку. СПб., 1908. С.10–11; Kohl P.L. Materialist Approaches in Prehistory // ARA. Vol. 10. Palo Alto, 1981.

полагается, что экономические взгляды являются основным в политике. Взгляды Бокля, например, согласно которым климат — один из решающих факторов, равно совместимы с материализмом. Это относится и к взглядам Фрейда, который во всем обнаруживает секс. Существует бесчисленноле множество способов рассмотерения истории, которые являются материалистическими в философском смысле слова, не будучи при этом экономическими и не подпадая под формулу Маркса».[136]

«Нельзя забывать, — вторит ему, например, российский историк Е.Б. Черняк, — и того, что исторический материализм лишь одна из разновидностей материалистического истолкования истории, выводы из которых порой прямо противоположны марксистскому видению процесса развития общества в новое и новейшее время. Отвергая марксизм, многие историки, не только отечественные, но и зарубежные, сознательно или неосознанно, даже считая себя сторонниками иных философско-исторических идей, на практике придерживаются материалистического понимания истории».[137]

Думаю, что такая точка зрения неверна. На мой взгляд, подлинное материалистическое понимание истории немыслимо без признания существования социальной материи, которую могут образовывать только социально-экономические, производственные отношения. Поэтому единственным материалистическим видением истории является марксистское ее понимание.

Завершая список исходных понятий исторического материализма, нельзя не упомянуть категории «общественно-экономическая формация». Я не буду на ней специально останавливаться, ибо она детально рассмотрена в целом ряде подразделов второй части книги (2.4.2; 2.4.4—2.4.9). Эта категория с необходимостью вытекает из всех предшествующих. Если базис общества — система социально-экономических отношений, то совершенно естественна классификации социоисторических организмов по типу господствующих в них производственных связей. Общественно-экономическая формация есть социально-экономический тип общества, при этом такой, который одновременно представляет собой стадию всемирно-исторического развития.

3.13.3. Постановка и решение проблемы источника развития производительных сил общества в работах Г.В. Плеханова, П.Б. Струве, А.А. Богданова, П.П. Маслова, К. Каутского, Н.И. Бухарина

Согласно историческому материализму, в основе развития общества, а тем самым его истории, лежит эволюция производства. Развитие производства представляет собой единство эволюции производительных сил и производственных отношений. Ведущим в этом единстве является развитие производительных сил. Прогресс производительных сил лежит в основе развития социально-экономических отношений и смены их типов, а тем самым смены способов производства и соответственно общественно-экономических формаций.

Поэтому важнейшая проблема исторического материализма — это вопрос о том, почему производительные силы развиваются, что является источником их прогресса. Одни сторонники рассматриваемого понимания истории вообще никак не отвечали на этот вопрос. Так, например, поступил известный немецкий историк, социолог и этнограф Генрих Кунов (1862—1936) в своей работе «Марксова теория исторического

[136] Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 68.
[137] Черняк Е.Б. Цивилиография. Наука о цивилизации. М., 1996. С. 5.

процесса, общества и государства» (Т. 1—2. 1920—1921; русск. перевод второго тома: М.-Л., 1930). Другие писали, что производительные силы — конечная движущая сила исторического процесса или что производительные силы — самый подвижный элемент производства.[138] По существу, это был уход от ответа.

Точка зрения, которая господствовала в философской литературе науке в последние десятилетия советской власти, была достаточно четко сформулирована в выступлении на «круглом столе», имевшем место в 1980 г., известным специалистом по историческому материализму Юрием Константиновичем Плетниковым. «Центральное место в теории производительных сил, — сказал он, — занимает проблема источников их развития. В принципе, эта проблема решается в научной литературе вполне убедительно и корректно. Обоснованно делается вывод: источники развития производительных сил коренятся в диалектических противоречиях общественного способа производства, обнаруживающих себя во взаимодействии производительных сил и производственных отношений».[139] Подобные или сходные формулировки встречались в марксистской литературе и в более раннее время.[140] И многих они совершенно не устраивали, ибо носили крайне абстрактный характер. Всегда шли поиски более конкретного решения вопроса.

Были марксисты, которые искали источники развития производительных сил за пределами производства. К числу их относится, в частности, Г.В. Плеханов. Он видел источник развития производительных сил в свойствах географической среды. «Итак, — писал Г.В. Плеханов, подводя итог своим рассуждениям, — свойства географической среды обуславливают собой развитие производительных сил, развитие же производительных сил обуславливает собой развитие экономических, а вслед за ними и всех других общественных отношений».[141] Концепция Г.В. Плеханова была не однофакторной, а иерархофакторной. По существу, Г.В. Плеханов пытался соединить исторический материализм с географическим детерминизмом. В результате у него получился своеобразный экономо-географический детерминизм.

Этот гибрид существенно отличался от классического географического детерминизма. В последнем главной фигурой был человек. Считалось, например, что климат определяет психические особенности людей, живущих в том или ином обществе, тем самым — общественное мнение и через него — общественную среду, прежде всего политический строй.

У Г.В. Плеханова на первом плане находится общество как целостное образование, не только подвергающееся влиянию со стороны среды, но и в свою очередь воздействующее на нее. Каким образом географическая среда действует на общество, зависит не только от того, какова среда, но и от того, каково общество. «Влияние географической среды на общественного человека, — подчеркивал Г.В. Плеханов, — представляет собой переменную величину. Обуславливаемое свойствами этой среды развитие производительных сил увеличивает власть человека над природой и тем самым ставит

[138] Вольфсон С.Я. Диалектический материализм. Ч. 1-3. 7-е изд. Минск, 1929. С. 252.

[139] Плетников Ю.К. О соотношении предмета труда и производительных сил. Проблема источников развития производительных сил // ВФ. 1981. № 4. С. 102.

[140] См. Бернштейн Ал. Производительные силы как основная категория марксовой теории исторического материализма // ВКА. Кн. 1. 1927. С. 228.

[141] Плеханов Г.В. Основные вопросы марксизма // Избр. философ. произв. в 5-ти т. Т. 3. М., 1957. С. 153.

его в новое отношение к окружающей его географической среде; нынешние англичане реагируют на эту среду не так, как реагировали на нее племена, населявшие Англию во время Юлия Цезаря. Этим окончательно устраняется то возражение, что характер населения данной местности может существенно измениться несмотря на то, что ее географические свойства остаются неизменными».[142]

Другой ответ на вопрос об источнике развития производительных сил давал русский экономист, философ, историк, публицист Петр Бернгардович Струве (1870–1944), который на заре своей научной деятельности был главным представителем и теоретиком т.н. легального марксизма. В работе «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (Вып. 1. СПб., 1894) он в неявной, а затем в статье «Проблема роста производительных сил в теории социального развития» (1909) в явной форме выдвинул положение о том, что в основе развития производительных сил лежит рост народонаселения. «Рост населения, — писал П.Б. Струве, — есть фактор столь же материальный, сколько и рост производительных сил, но несомненно по существу более первичный, и поэтому в учете первичных моментов его следует, рассуждая отвлеченно, поставить раньше, чем рост производительных сил. Рост производительных сил есть как бы процесс приспособления к тому положению, которое для той или иной человеческой группы создается ростом населения. Таким образом — как это не представляется на первый взгляд странным в виду известного крайне отрицательного отношения Маркса к Мальтусу и его учению — в основу экономического материализма в смысле Маркса должна быть положена та же мысль, которая является основой и для учения Мальтуса».[143]

По существу, такого же взгляда придерживался А.А.Богданов, который считал себя приверженцем марксизма, а тем самым и материалистического понимания истории. В книге «Краткий курс экономической науки» (М., 1906) он утверждал, что источником развития производительных сил, по крайней мере, первобытного общества был рост населения, который рано или поздно приводил к абсолютному перенаселению.

«Абсолютное перенаселение, — писал он, — влечет за собой голод, болезни, усиленную смертность — целую массу страданий. Сила страданий понемногу побеждает тупую неподвижность обычая, и прогресс техники становится возможным. Голод заставляет преодолеть отвращение ко всему новому, и начинают развиваться зародыши новых способов борьбы за жизнь, как те, которые уже раньше были известны, но не находили общего применения, так и те, которые открываются вновь... Улучшение техники только временно облегчает те страдания, которые возрастают вследствие абсолютного перенаселения. Новые приемы общественного труда, в свою очередь, оказываются недостаточными, когда население увеличится еще более; и вновь сила голода заставляет людей сделать шаг по пути развития».[144]

Если Г.В. Плеханов пытался скрестить исторический материализм с географическими детерминизмом, то А.А. Богданов — с демографическим детерминизмом. У него получился своеобразный экономо-демографический детерминизм, концепция не

[142] Там же. С. 158-159.

[143] Струве П. Проблема роста производетельных сил в теории социального развития // Сборник статей, посвященных В.О. Ключевскому... М., 1909. С. 472.

[144] Богданов А. Краткий курс экономической науки. М., 1906. С. 33

однофакторная, а иерархофакторная. И он был далеко не одинок среди людей, считавших себя марксистами.[145]

Известный экономист Петр Павлович Маслов (1867 – 1946), будущий академик, в работе «Аграрный вопрос в России (условия развития крестьянского хозяйства в России» (СПб.,1903, 1905 и др.) писал: «...Мы должны принять в основу анализа основной фактор, который определяет хозяйственную деятельность человека при всех условиях. Таким фактором в производстве является, как мы увидим, стремление к развитию производительных сил. Развитие производительных сил является одним из частных проявлений стремления человека к экономии своей энергии. Это стремление присуще всем стадиям хозяйственного развития общества».[146] Эта точка зрения имела сторонников.[147] Но она практически ничего не объясняет.

Известный политический деятель, социолог и философ Виктор Михайлович Чернов (1873 – 1952) в работе «Экономический материализм под защитой критического реализма» объяснял развитие производительных сил, которое он сводил к совершенствованию техники производства, развитием научного знания. Развитие знания — первично, развитие техники — вторично.[148]

Иногда в качестве источника развития производительных сил называли рост потребностей. Но рост потребностей сам требует объяснения. И нетрудно понять, что он прежде всего вызван развитием производства. Производство, создавая новые ранее не существовавшие предметы, тем самым создает и потребность в них: потребность в одежде, жилище, телевизорах и т.п. И такая, первоначально чисто биологическая, потребность, как пищевая, в результате развития производства приобретает новый облик: необходимо не просто мясо, а приготовленное мясо, нужными становится хлеб, чай, сладости и т.п.

Нередко утверждают, что человеку от природы присуще стремление иметь все больше и больше предметов. Он никогда не удовлетворяется тем, что обладает. И этот постоянно возобновляющийся разрыв между тем, что человек имеет, и тем, что он хочет иметь, побуждает его производить все больше и больше, а тем самым и развивать производительные силы.

В действительности, когда такой разрыв существует, его корни вовсе не в природе человека, а в существующих экономических отношениях. Он, например, возникает в обществе с рыночной экономикой. Рынок предлагает людям огромное количество разнообразных товаров. Но запас денежных знаков у каждого рядового потребителя всегда ограничен. Именно этот разрыв между рыночными предложениями и кошельком покупателя и осознается как вечно присущий человеку разрыв между тем, что он имеет, и тем, что ему хотелось бы иметь.

Н.И. Бухарин в книге «Теория исторического материализма» (М., 1921 и др. изд.) отделался от проблемы источника развития общества самыми общими фразами. «Выше, — писал он, — мы разобрали вопрос о равновесии между обществом и природой. Мы видели, что это равновесие постоянно нарушается и постоянно восстанавли-

[145] См.: Горев Б.И. Очерки исторического материализма. Харьков. 1925. С. 97; Ефимов А. Производительные силы и диалектика их развития // ВКА. Кн. 22. 1927. С. 183-184.

[146] Маслов П.П. Аграрный вопрос в России (Условия развития крестьянского хозяйства в России). СПб., 1905. С 29.

[147] См.: Трахтенберг О. Беседы с учителем по историческому материализму. М., 1931. С. 78.

[148] Чернов В.М. Экономический материализм под защитой кртического реализма // В.М. Чернов. Философские и социологические этюды. М., 1907. С. 73.

вается, что здесь налицо противоречие, которое постоянно преодолевается и вновь возникает, вновь преодолевается, и что в этом заложена основная причина общественного развития или общественного упадка».[149]

Не лучше обстоит дело и в статье «К постановке проблемы теории исторического материализма», в которой Н.И. Бухарин пытался парировать прямой упрек профессора Э. Бранденбурга в том, что марксисты не дают никакого ответа на вопрос о причинах развития производительных сил. «Ответ на этот вопрос, — читаем мы, — ответ, который я считаю единственно правильным, таков: производительные силы определяют общественное развитие *потому,* что они выражают собой отношение между обществом как определенной реальной совокупностью, и его средой... *А соотношение между средой и системой есть величина, определяющая, в конечном счете, движение любой системы.* Это есть один из общих законов диалектики движущейся формы... Так, и только так, может быть решен основной вопрос теории исторического материализма».[150]

К. Каутский в своем обобщающем труде «Материалистическое понимание истории» (Т. 1—2. 1927—1929; русск. перевод второго тома «Государство и развитие человечества»: М.-Л., 1931) в ряде мест склонялся ко взгляду, что в основе развития производительных сил лежит процесс познания природы. В конечном счете он создал своеобразную концепцию развития человечества, в которой проявилась присущая ему тенденция к биологизации социальных явлений. «Я думаю, — писал он, — что общий закон которому подчинено как человеческое развитие, так и развитие животного и растительного царств, состоит в том, что всякое изменение как обществ, так и видов может быть сведено к окружающей среде. Где эта среда остается неизменной, там остаются неизменными и населяющие его организмы и организации. Новые форм организмов и общественных организаций появляются лишь в результате приспособления к изменяющейся среде».[151]

Но в отличие от животных человек сознательно создает искусственные органы — орудия труда и организации, которые становятся новыми элементами окружающей среды. В результате среда меняется, что делает необходимым изменение общества. К. Каутский следующим образом формулирует всеобщий закон человеческого развития: «создание новых учреждений для разрешения вновь возникающих проблем, каковые учреждения не только служат для разрешения этих проблем, но и скрывают в себе новые проблемы, которые делают необходимым создание в интересах общества новых учреждений и т.п.».[152]

3.13.4. Источник развития производительных сил при капитализме

В применении, по крайней мере, к капитализму, проблему источника развития производительных сил вполне можно решить, не выходя за пределы производства. Этот источник совершенно ясен: стремление капиталиста извлечь максимально возможную прибыль. Капиталистическое производства есть производство ради прибы-

[149] Бухарин Н.И. Теория исторического материализма. 3-е изд М.-Пг., [1924]. С. 139. См. также С. 113.

[150] Там же. С. 364.

[151] Каутский К. Материалистическое понимание истории. Т. 2. Государство и развитие человечества. М.-Л., 1931. С. 630.

[152] Там же. С. 634.

ли. И стремление к извлечению прибавочной стоимости вытекает вовсе не из какой-то вечной природы человека. Оно порождается существующей системой экономических отношений. По существу, это показали экономисты еще до Маркса. Последний лишь глубоко разработал и обосновал этот взгляд. Таким образом, в применении к капиталистическому обществу источник развития производительных сил заключен в существующих экономических, производственных отношениях. Именно экономические отношения при капитализме стимулируют прогресс производительных сил.

3.13.5. Проблема некапиталистических экономических систем и ее решения

Политэкономия возникла как наука о капиталистических и только капиталистических экономических отношениях. Никаких других экономических отношений она долгое время не знала. Как мы уже видели, первым, кто обратился к изучению иных, кроме капиталистических, экономических отношений был Р. Джонс. К. Маркс и Ф. Энгельс прекрасно понимали, что кроме капиталистической системы экономических отношений существуют и другие системы, качественно отличные от буржуазной, и что они тоже нуждаются в исследовании. Помимо теории капиталистической экономики должны существовать теории и иных экономик.

Ф. Энгельс впервые ввел разграничение между наукой о капиталистической экономике — политэкономией в узком смысле слова — и наукой обо всех вообще экономических системах — политэкономией в широком смысле. Политэкономия в узком смысле является частью политэкономии в широком смысле наряду с другими ее частями, для обозначения которых Ф. Энгельс также употреблял термин «политическая экономия», сопровождаемый названием экономической системы, являющейся объектом исследования.

«Политическая экономия, в самом широком смысле, — писал Ф.Энгельс, — есть наука о законах, управляющих производством и обменом материальных жизненных благ в человеческом обществе».[153] И тут же он подчеркивал, что политическую экономию в широком смысле нельзя понимать как одну, единую универсальную экономическую теорию, как теорию экономики вообще. Она неизбежно должна включать в свой состав столько теорий, сколько имеется особых систем общественного производства.

«Условия, при которых люди производят продукты и обмениваются ими, — писал Ф. Энгельс, — изменяются от страны к стране, а в каждой стране, в свою очередь, — от поколения к поколению. Политическая экономия не может быть поэтому одной и той же для всех стран и всех исторических эпох... Кто пожелал бы подвести под одни и те же законы политическую экономию Огненной Земли и политическую экономию современной Англии, — тот, очевидно, не дал бы ничего, кроме самых банальных общих мест. Таким образом, политическая экономия по своему существу — *историческая* наука. Она имеет дело с историческими, т.е. постоянно изменяющимся материалом, она исследует прежде всего особые законы каждой отдельной ступени развития производства и обмена, и лишь в конце этого исследования она может установить немногие, совершенно общие законы, применимые к производству и обмену вообще».[154]

Введя понятие политэкономии в широком смысле, Ф. Энгельс одновременно указывал, что такой науки пока не существует. «Однако политическая экономия как

[153] Энгельс Ф. Анти-Дюринг // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 20. С. 150.
[154] Там же. С. 150-151.

наука об условиях и формах, при которых происходит производство и обмен в различных человеческих обществах и при которых, соответственно этому, в каждом данном обществе совершается распределение продуктов, — политическая экономия в этом широком смысле еще только должна быть создана. То, что дает нам до сих пор экономическая наука, ограничивается почти исключительно генезисом и развитием капиталистического способа производства ...».[155] Это было сказано в 1877 г.

За годы, прошедшие с тех пор, в мире произошли колоссальные изменения. Но они меньше всего затронули положение дел в рассматриваемой области, несмотря на то, что представление об историческом характере экономики получило некоторое распространение и за пределами марксистской экономической науке. Исторический подход к экономике был свойствен представителям новой (молодой) исторической школы в политэкономии, в частности Карлу Вильгельму Бюхеру (1847—1930), и целому ряду других экономистов. Однако, хотя отдельные попытки и предпринимались, никому из экономистов не удалось до сих пор создать теории ни одной докапиталистической экономической системы.

В результате в западной экономической науке и до сих пор продолжают существовать отчасти в прямом, отчасти в завуалированном виде те взгляды, которые были охарактеризованы в конце подраздела, посвященного А. Смиту и Д. Рикардо (3.9.4). По-прежнему многие западные экономисты (и не только экономисты) убеждены, что рыночные капиталистические отношения, а тем самым и их законы являются единственно естественными и, соответственно, вечными, а все прочие отношения порождены насилием и искусственны. Отсюда нередко делается вывод, что только капиталистические отношения являются экономическими, а все прочие — неэкономическими. С такой точки зрения единственной экономической теорией может быть только теория капиталистической экономики.

С последним тезисом в определенной степени были согласны и некоторые из марксистов. Так, например, Н.И. Бухарин в работе «Экономика переходного периода» (М., 1920; послед. изд.: Избранные произведения. М., 1990) доказывал, что политическая экономия есть наука исключительно лишь о товарном хозяйстве и поэтому «конец капиталистически-товарного общества будет и концом политической экономии».[156]

Решительно высказал свое несогласие с такой точкой зрения В.И. Ленин в «Замечаниях на книгу Н.И. Бухарина «Экономика переходного периода»» (Ленинский сборник. XI. М.-Л., 1929). И Н.И. Бухарин был не одинок, что наглядно показала дискуссия об исторических границах предмета политической экономии, происходившая в начале 1925 г. (См.: Что такое политическая экономия? (Доклад И.И. Скворцова-Степанов. Прения) // ВКА. Кн. 11. М., 1925). И.И. Скворцова-Степанова, отстаивавшего взгляд, согласно которому политическая экономия есть наука обо всех способах производства, поддержали тогда А.А. Богданов и известный историк академик Михаил Николаевич Покровский (1868—1932). Против этого тезиса, помимо Н.И. Бухарина, выступило значительное число виднейших экономистов: Шолом Моисеевич Двойлацкий (1893—1937), Александр Феликсович Кон (1897—1941), Лев Натанович Крицман (1890—1937), Валериан Валерианович Осинский (наст. фам. — Оболенский) (1887—1938), Евгений Алексеевич Преображенский (1886—1937).

[155] Энгельс Ф. Анти-Дюринг // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 20. С. 153-154.
[156] Бухарин Н И. Экономика переходного периода // Избранные произведения. М., 1990. С. 83.

Правда, в ходе дискусии Н.И. Бухарин несколько уточнил свою точку зрения. Он не отрицал, что, кроме товаро-денежной, прежде всего капиталистической, экономики, существует и иная экономика — натуральная и что последняя может стать объектом теоретического изучения. Однако при этом он подчеркивал, что натуральная экономика столь резко отлична от капиталистической, что теория этой экономики, если она будет создана, не может быть названа теоретической экономией, не будет представлять собой политическую экономию. Политическая экономия есть теория только капиталистического хозяйства.[157]

По внешности совсем иного взгляда придерживаются сторонники неоклассического направления в экономической науке, оформившегося в последней трети XIX в. в трудах Уильяма Стэнли Джевонса (1835—1882), Карла Менгера (1840—1921), Альфреда Маршалла (1841—1924), Джона Бейнса Кларка (1847—1938) и др. В основу его легла теория предельной полезности. Это течение именуют также субъективной школой в экономике, маржинализмом (от франц. marginal — предельный), формальной экономической теорией, или просто формальной экономикой.

Признавая факт создания маржинализма на основе обобщения данных, относящихся к капитализму, сторонники этой концепции в то же время утверждают, что она является не специальной теорией капиталистической экономики, а теорией экономики вообще, универсальной экономической теорией, в одинаковой степени применимой к любой экономической системе.

И внешне маржинализм действительно выступает как универсальная теория, не несущая в себе ничего специфически капиталистического. Исходный пункт его — не понятия товара, товарообмена и рынка, как в теориях классической политиэкономии, а положение об ограниченности числа благ (вещей, услуг) и необходимости их экономного использования. Но это только внешне. В действительности же маржинализм представляет собой своеобразное, крайне абстрактное выражение капиталистических и никаких иных экономических отношений.[158]

Маржиналисты прямо не отрицают существование и иных, кроме капиталистической, экономических систем. Но когда формальные экономисты настаивают на том, что их теория универсальна, то тем самым они отрицают качественное различие между экономическими системами, сводят его к различиям в степени, к количественному различию. А так так их теория выражает реалии лишь капиталистической экономики, то тем самым они практически сводят все экономики в конечном счете к капиталистической.

В период перестройки и после него взгляды западных экономистов по рассматриваемому вопросу были подхвачены и стали упорно пропагандироваться и навязываться нашему обществу не только журналистами, всевозможного рода публицистами, но и специалистами в области экономики. Причем пропагандироваться ими стали не утонченные взгляды маржиналистов, а самые примитивные. Одни утверждали, что никакой экономики, кроме рыночной, капиталистической, вообще быть не может. Другие допускали существование наряду с естественной капиталистической системой систем искусственных, неестественных. Третьи умудрялись сочетать первую точку зрения со второй.

[157] Бухарин Н.И. Выступление на дискуссии // ВКА. Кн. 11. 1925. С. 297–298.

[158] Подробно об этом см.: Семенов Ю.И. Теоретические проблемы «экономической антропологии» // Этнологические исследования за рубежом. М., 1973. С. 31-36.

Выше (3.9.4) уже была рассмотрена концепция Л.М. Тимофеева, вызванная к жизни потребностью оправдать коррупцию и выставить коррупционеров в роли благодетелей. Коррупцию в России оправдывают далеко не все, но все три перечисленные выше точки зрения имеют у нас массу сторонников.

Вот, например, что писал доктор экономических наук (ныне — член-корр. РАН) Николай Петрович Шмелев еще в 1989 г.: «...Законы природы и законы экономики — это одно и тоже... Либо сила, либо рубль — иного выбора в экономике не было и нет от века, от Адама и до наших дней. Не мы первые (и не мы последние), кто пытался сделать ставку на силу... Люди жили до нас и будут жить после нас. И неужели мы еще недостаточно убедились, что стимулы к добросовестному, творческому труду везде, во всем мире, одинаковы, будь то Америка, или Япония, или Европа, или Соломоновы острова? Да-да — одинаковы!».[159]

Исходя из такого убеждения, Н.П. Шмелев устраивает головомойку египетским фараонам, которые вместе того, чтобы следовать законам рынка, силой принуждали людей строить совершенно нерентабельные пирамиды. И Рим просуществовал всего каких-то 12 веков лишь потому, что вместо рубля сделал ставку на силу. Остается при этом совершенно непонятным, какая же сила заставила пренебречь рублем Адама и Еву, т.е. первобытных людей.

Сходных мнений придерживается и другое светило нашей экономической науки — академик Николай Яковлевич Петраков. На первых страницахе книги «Русская рулетка. Экономический эксперимент ценой 150 миллиоов жизней» (М., 1998) он категорически утверждает, что рынок органически присущ экономике, что экономика без рынка невозможна.[160] Снова возвращаясь к этому вопросу, он пишет: «Выше мы уже имели основания поверить в неизбежность рынка как формы существования экономики. Рынок невозможно отменить, закрыть, уничтожить, как невозможно отменить заход и восход Солнца, пока существуют Земля и Солнце».[161]

Но одновременно мы узнаем, что рынок возник не сразу, что «он представляет собой одно из важнейших достижений цивилизации».[162] Далее сообщается, что «тот или иной строй экономических отношений отличается от другого (например, первобытно-общинный от рабовладельческого, феодальный от буржуазного) мотивацией поведения участников хозяйственного процесса. Это — основополагающий момент».[163] Но ведь если экономика может быть только рыночной, то никаких других мотивов хозяйственной деятельности, кроме рыночных, быть не должно. Именно из этого исходил Н.П. Шмелев, когда утверждал, что симулы к труду везде одинаковы. Он, по крайней мере, в этом был последователен, чего не скажешь о Н.Я. Петракове, который, кстати, в другой своей работе писал о наличии у человека «естественного, органически соответствующего природе человека импульса» к продолжению производственной деятельности.[164]

Таким образом, у Н.Я. Петракова в «Русской рулетке» получается, что, с одной стороны, экономика может быть только рыночной и ни какой иной, а с другой — могут

[159] Шмелев Н.П. Либо сила, либо рубль // Знамя. 1989. № 1. С. 129-130.

[160] Петраков Н.Я. Русская рулетка. М., 1998. С. 7-9.

[161] Там же. С. 36.

[162] Там же. С. 43. См. также С. 7.

[163] Там же. С. 50.

[164] Петраков Н. От экономических фетишей к логике свободной экономики // Хайек Ф.А. Дорога к рабству. М., 1992. С. 6.

существовать и существуют качественно различные экономики: первобытно-общинная, рабовладельческая, феодальная, буржуазная, в которых действуют разные мотивы хозяйственной деятельности.

Буржуазная экономика — бесспорно рыночная, в ней действуют рыночные стимулы. В других экономиках действуют иные, выходит, нерыночные мотивы. Значит, они являются нерыночными экономиками. И, наконец, Н.Я. Петраков прямо признает, что в СССР не было рынка, что советская экономика был нерыночной, безрыночной.[165] Выходит, что восход и заход солнца можно все же отменить.

Стремясь обосновать взгляд на рыночную экономику как единственно могущую существовать, Н.Я. Петраков заявляет, что в противном случае пришлось бы допустить, что рынок есть «историческая случайность или промежуточная форма экономических отношений».[166] Но рынок — явно не случайность и не промежуточная форма экономических отношений. Отсюда вывод, что рынок — всеобщ и вечен.

Но ведь возможен и еще один ответ. рыночная экономика — закономерно возникшая историческая стадия в развитии человеческой экономики. И только такой ответ согласуется с фактическим материалом. Как уже отмечалось, нельзя смешивать экономику с рынком и рыночную экономику. Рынок возник довольно давно, а рыночная экономика, а таковой является только капиталистическая, появилась всего лишь пять, самое большое шесть веков тому назад, причем долгое время она существовала лишь в одной ограниченной области земного шара. А капиталистической экономики предшествовало несколько качественно отличных от нее экономических систем. И некоторые из них к настоящему времени довольно детально изучены. В частности, это относится к первобытной экономике.

3.13.6. Экономическая этнология (экономическая антропология)

В 20-е годы XX в. в рамках этнологии (социальной антропологии) возникла и оформилась научная дисциплина, специальным объектом исследования которой стали экономические отношения первобытного (собственно первобытного и предклассового) общества. На Западе она получила название экономической антропологии (economic anthropology), в нашей науке — экономической этнологии или этнографии.

Как это ни странно, но в нашей стране, в которой, казалось бы, господствующим было материалистической понимание истории, экономической этнологии внимания почти что не уделялось. На Западе же экономическая антропология стала усиленно развиваться.

Можно назвать труды, которые были вехами в развитии этой дисциплины: «Аргонавты Западного Тихоокеанья» (1922; готовится русск. перевод) Бронислава Каспара Малиновского; «Экономика ифугао» (1922) Роя Франклина Бартона (1883—1947); «Первобытная полинезийская экономика» (1939) Раймонда Ферса; «Экономическая антропология. Экономическая жизнь примитивных народов» (1940, 1952, 1965) Мелвилла Джина Херсковица; «Черная Византия. Королевство Нупе в Нигерии» (1942) Зигфрида Фридерика Наделя (1903—1956); «Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени» (1944; русск. перевод: СПб., 2002) Карла Поланьи; работы Джорджа Дальтона, составившие книгу «Экономическая ант-

[165] Петраков Н Русская рулетка. С. 194-195 и др.
[166] Там же С 8

рополология и развитие. Очерки примитивной и крестьянской экономики» (1971); «Общество Соломонового острова. Родство и лидерство среди сиуаи Бугенвиля» (1955) Дугласа Оливера; «От камня к стали. Экономические последствия технологической перемены на Новой Гвинее» (1962) Ричарда Франка Солсбери; «Экономика папуасов капауку» (1963) Леопольда Ярослава Посипсила; «Экономика тив» (1968) Пола Бояннана и Лауры Бояннан; «Экономика каменного века» (1972; русск. перевод: М., 1999) Маршалла Салинза; «Кунг Сан. Мужчины, женщины и труд в охотничье-собирательском обществе» (1979) Ричарда Боршая Ли.

За время существования экономической антропологии, и особенно в 60—70 годы, когда эта дисциплина пережила подлинный бум, был накоплен поистине гигантский фактический материал, который настоятельно потребовал теоретического осмысления и обобщения. В результате в западной экономической этнологии возникли два основных идейных течения, между которыми развернулась упорная борьба.

Сторонники первого из них исходили из того, что различие между капиталистической и первобытной экономиками носит не качественный, а лишь количественный характер, и поэтому как к той, так и к другой в одинаковой степени применима формальная экономическая теория, или маржинализм. Они получили название формалистов.

Их противники — субстантивисты (К. Поланьи, Дж. Далтон, М. Салинз и др.) — настаивали на коренном, качественном отличии первобытной экономики от капиталистической. Убедительно показав, что маржинализм является концепцией исключительно лишь капиталистической экономики, они настаивали на необходимости созданий особой теории первобытной экономики.

В отличие от других названных выше исследователей, Карл Поланьи (1886—1964) был не этнографом, а экономистом и историком экономики. Он подверг резкой критике выдвинутое А. Смитом положение о природной склонности человека к обмену и погоне за выгодой как совершенно ошибочное. Знание истории экономики позволило К. Поланьи сделать вывод не только о существовании в истории человечества экономических систем, качественно отличных от капиталистической, но и четко сформулировать положение о том, что рыночная экономика является кратким, преходящим этапом в развитии человеческой экономики. «В то время как история и этнография, — писал он, — знают различные виды экономик, большинство из которых включат в себя и институт рынка, они не знают ни одной экономики, кроме нашей, которая бы хотя в какой-то степени контролировалась бы и регулировалась бы рынками».[167]

Он обрушился на присущий большинству, если не всем экономистам, «обветшалый рыночный менталитет», заставляющий их везде искать рыночную экономику, видеть ее там, где ее заведомо не было и быть не могло, и не признавать существования иных, нерыночных экономик.[168] В какой-то степени К. Поланьи даже перегнул палку. Если многие экономисты рассматривали капиталистическую экономику как естественные, а прочие как искуственные, то К. Поланьи склонялся к прямо противоположной точке зрения. Он писал, что возникновение саморегулирующегося рынка, столь характерного для классического капитализма, — есть результат не внутреннего развития, а

[167]Polanyi K. The Great Transformation: The Political and Economic Origins of our Time. New York, Toronto, 1944. P. 44.

[168] См.: Polanyi K. The Great Transformation.; Idem. Our Obsolete Market Mentality // Primitive, Archaic and Modern Economies. Essays of K. Polanyi. New York, 1968.

искусственного стимулирования.[169] По мнению К. Поланьи, свободная, сама себя регулирующая рыночная экономика не может существовать слишком долгое время, ибо она опасна для человечества. «Такой институт, — писал он, — не может существовать сколько-нибудь длительное время, не уничтожая человеческой и естественной субстанции общества; он физически разрушает человека и превращает все его окружающее в пустыню».[170]

В ходе дискуссии, пик которой пришелся на 60-е годы, была убедительно показана полная бесплодность и практическая бесполезность формалистского подхода к первобытной экономике. Но и субстантивистам, несмотря на все их усилия, не удалось создать теорию первобытной экономики. В результате на рубеже 60-х и 70-х годов западная экономическая антропология оказалась в состоянии глубокого теоретического кризиса. Материал продолжал накапливаться, а никакой теории создать не удавалось.[171]

Мое исследование первобытной экономики началось в 70-х годах. В 1973 г. появилась работа «Теоретические проблемы «экономической антропологии»[172], в которой я впервые познакомил нашу научною общественность с основными достижениями этой дисциплины. Итогом двадцатилетней работы в этой области был труд «Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество» (Ч. 1—3. М. 1993), в котором была изложена целостная система категорий, воспроизводящая не только статику, но и динамику социально-экономической структуры первобытно-коммунистического и первобытно-престижного общества. Были выявлены как основные стадии эволюции доклассовой экономики, так и закономерности перехода от одного такого этапа к другому. Была прослежена объективная логика развития экономики от стадии безраздельного господства первобытного коммунизма до зарождения политарного («азиатского») способа производства, с которым человечество вступило в эпоху цивилизации.

3.13.7. Значение теории первобытной экономнки для материалистического понимания истории вообще, для решения проблемы источника развития производительных сил в частности

То обстоятельство, что теория экономики возникла первоначально как теория исключительно капиталистической экономической системы, во многом препятствовало пониманию все прочих экономик. Слишком велик был соблазн строить их концептуальную картину, исходя из всего того, что было известно о капиталистической экономике.

В действительности же докапиталистические экономические системы столь разительно отличались от капиталистической, что многие ученые вообще отказывались считать их экономическими. Широкое распространение получила точка зрения, согласно которой лишь при капитализме существуют специфические экономические отношения, образующие в обществе особую систему со своими особыми законами, в других же общества особых экономических отношений нет, их роль выполняют моральные, религиозные, политические, правовые и иные неэкономические отношения. Такого взгля-

[169] Polanyi K. The Great Transformation... P. 57.
[170] Ibid P. 3.
[171] Подробно об этом см.: Семенов Ю.И. Указ раб.
[172] Там же.

да придерживались, в частности, все субстантивисты (К. Поланьи, Дж. Дальтон, М. Салинз и др.), хотя и не проводили его до конца последовательно.[173]

И основания для такой точки зрения были. Суть в том, что только при капитализме экономические отношения, выступая как отношения рыночные, прямо, непосредственно определяют волю людей, их поведение прежде всего в экономической сфере, но не только в ней (см. 3.9.1). Именно это имеется в виду, когда говорится о господстве при капитализме экономического принуждения.

Иначе обстояло дело в докапиталистических обществах. В них экономические отношения, будучи столь же объективными, материальными, как и капиталистические, определяли волю людей, а тем самым их поведение не прямо, непосредственно, а через посредство морали, обычного права, права, политики и других неэкономических общественных явлений. Это и создавало иллюзию отсутствия в этих обществах экономических отношений. Они были скрыты под покровом волевых (моральных, правовых, политических) имущественных отношений.[174] Чаще всего именно это имеется в виду, когда говорят о господстве в этих обществах внеэкономического принуждения в сфере экономики.

Создание первой в истории науки теории одной из некапиталистических экономик, причем такой экономической системы, из которой в конечном счете выросли все остальные докапиталистические системы экономических отношений, открывает путь к пониманию всех этих докапиталистических экономик. Но, на мой взгляд, самое важно заключается в том, что эта теория позволяет преодолеть, если можно так сказать, «капитализмоцентризм» созданной К.Марксом и Ф. Энгельсом теории исторического процесса. Конечно, основоположники историко-материалистического подхода к обществу и его истории понимали, что кроме капиталистической экономической системы, существуют и иные, качественно отличные от нее. Но политэкономия капитализма была в то время единственно существующей, и они были вынуждены в своих общетеоретических построениях вольно или невольно исходить из нее.

При обращении к эпохам, когда, как они прекрасно понимали, капитализма не было и заведомо быть не могло, их «капитализмоцентризм» проявлялся в явном преувеличении роли товарного обращения — в «товароцентризме». Так, например, переход от первобытного общества к классовому они во многом связывали с возникновением товаробмена и товарного производства, с действием закона стоимости, ведущего к обогащению одних и обнищанию других. Именно в превращении продукта в товар Ф. Энгельс видел «зародыш всего последующего переворота».[175] И понять его можно. Никакого другого экономического механизма социального расслоения, кроме связанного с действием закона стоимости, он не знал и знать в то время не мог.[176]

[173] Primitive, Archaic and Modern Economies. Essays of Karl Polanyi. Ed. by G. Dalton. New York, 1968. P.7, 9, 23, 30, 35, 65, 66, 84 etc; Dalton G. Introduction // Primitive, Archaic and Modern Economies. Essays of Karl Polanyi. Ed. by G. Dalton. New York, 1968. P. XVII; Idem. The Development of Subsistance and Peasant Economies in Africa // International Social Science Journal. 1964. Vol. 16. № 3. P. 81; Idem. Theoretical Issues in Economic Anthropology // CA. 1969. Vol. 10. № 1. P. 73 etc.; Sahlins M. Stone Age Economics. Chicago and New York, 1972. P. 76, 101, 185-186 etc.

[174] Подробно об этом см.: Семенов Ю.И. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. Ч. 1. М., 1993. С. 62-99.

[175] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 21. С. 113

[176] Подробнее см.: Семенов Ю.И. Переход от первобытного общества к классовому...

«Капиталоцентризм» изначального материалистического понимания истории был одной из причин, которая привела определенное число ученых к выводу, что эта концепция применима лишь к капиталистическому обществу, но не пригодна для понимания всех остальных. Такой точки зрения придерживались, в частности, К. Поланьи и Дж. Дальтон.[177]

Создание целостной теории первобытной экономики позволяет преодолеть «капитализмоцентризм» марксова понимания движения истории и глубже разработать материалистическое понимание истории, в частности, лучше разобраться в вопросе об источнике развития производительных сил человеческого общества.

Созданная сейчас теория первобытной экономики делает совершенно ясным, что и в первобытном обществе источником развития производительных сил были экономические, производственные отношения. Теперь на основе материалов, относящихся к первобытной и капиталистической экономикам, можно сделать в достаточной степени аргументированный вывод, что на всех стадиях развития человеческого общества существовал один и в то же время разные источники развития производительных сил. Один источник, ибо при всех способах производства стимулом развития производительных сил были социально-экономические отношения, и разные источники, ибо разным способам производства были присущи качественно отличные системы социально-экономических отношений. На всех этапах развития человеческой экономики единственными стимулами развития производительных сил были производственные отношения, но так как эти отношения на разных этапах были разными, то, соответственно и стимулы развития производительных сил были неодинаковыми.

В самом общем виде положение о том, что производственные отношения представляют собой «формы развития» производительных сил, было сформулировано К. Марксом в «Предисловии» «К критике политической экономии».[178] Отсюда оно перекочевало почти во все работы и учебные пособия по историческому материализму. Но, повторяя его, многие марксисты его просто не понимали, что можно было наглядно видеть на примере Г.В. Плеханова и А.А. Богданова, искавших источники развития производительных сил за пределами производства.

3.13.8. Проблема взаимоотношения между производительными силами и производственными отношениями

Во все учебные пособия по историческому материализму перекочевало из «Предисловия» «К критике политической экономики» и положение о том, что рано или поздно производственные отношения того или иного определенного типа из «форм развития производительных сил... превращаются в их оковы», что влечет за собой революцию, в результате эти отношения исчезают, а на смену им приходят новые, которые обеспечивают дальнейший прогресс производства. И это положение тоже было не очень хорошо понято. Да и само оно было сформулирована крайне абстрактно и, как уже указывалось (2.4.7), давало основание трактовать смену общественно-экономических формаций как всегда происходящую внутри социально-исторического организма.

[177] Polanyi K. Our Obsolete Market Mentality... P. 61,70-71; Dalton G. Introduction // Primitive, Archaic and Modern Economies. Essays of Karl Polanyi. Ed. by G. Dalton. New York, 1968. P. XVII.

[178] См. Маркс К. К критике политической экономии // К. Маркс и Ф. Энгельс Соч. Изд. 2-е. Т. 13. С. 6-7.

На самом деле все обстояло гораздо сложнее. Верно, что производственные отношения, возникнув, обеспечивают рост производительных сил. Действительно, на протяжении всей докапиталистической эпохи развития человечества производственные отношения того или иного типа рано или поздно переставали стимулировать развитие производительных сил. Возникала поэтому необходимость в производственных отношениях нового, более высокого типа, которые обеспечили бы дальнейший прогресс производительных сил.

Но ошибочно было бы делать вывод о неизбежности революции, которая приведет к смене старых производственных отношений новыми. В развитии первобытного общества, например, таких революций не было. Старые производственные отношения постепенно отмирали и шаг за шагом замещались столь же постепенно возникавшими новыми. Здесь действительно новые производительные силы не только требовали новых производственных отношений, но и порождали их.

Однако в более поздних обществах рост производительных сил совершенно не обязательно вел к возникновению новых производственных отношений. Более того, случалось, что, когда экономические отношения переставали стимулировать рост производительных сил, наступал резкий упадок последних, что в принципе исключало появление новых, более прогрессивных производственных связей. Но даже когда такого упадка не происходило, общество все равно могло оказаться в тупике. Старые производственные связи исчерпали свои прогрессивные возможности, а новые возникнуть в нем не могли. Для человечества в целом выход состоял в том, что экономические отношения более высокого типа начинали формироваться не в этом социоисторическом организме, а в совершенно иных социорах, к которым и переходила ведущая роль в мировой истории (см. 2.13.4).

Еще К. Каутский в «Материалистическом понимании истории» указывал, что марксово положение о социальной революции неприменимо в точном смысле его слов ни к истории первобытного общества, ни к истории Древнего Востока и античности. «То, — писал он, — что Маркс в 1859 г. считал всебщим законом общественного развития, в настоящее время, строго говоря, представляется лишь как закон такого развития с периода появления промышленного капитализма».[179]

Действительно, формулируя свою идею о смене старых социально-экономических отношений новыми в ходе революции, К. Маркс прежде всего исходил из опыта смены западноевропейского феодализма капитализмом. Но и здесь было известное расхождение между формулировкой и реальностью. Буржуазные революции действительно имели своим результатом уничтожение феодальных отношений, хотя говорить об этом можно лишь с определенными оговорками: остатки этих отношений могли сохраняться еще очень долго. Но главное: буржуазные отношения возникли вовсе не в ходе и не в результате революции. Они появились задолго до революции и последняя лишь обеспечила их превращение в господствующие.

Конечно, К. Маркс это прекрасно понимал. И все его сторонники, когда говорили о смене в результате революции феодальных отношений капиталистическими, всегда имели ввиду вовсе не возникновение капиталистического уклада производства, а его победу. Но когда эта формулировка применялась в самом общем виде, то ее нередко понимали буквально, что далеко не способствовало пониманию истории.

Возвращаясь к вопросу об источнике развития производительных сил, подчерк-

[179] Каутский К. Указ. раб. С. 619.

ну, что таким источником являются социально-экономические отношения до тех пор, пока они отвечают уровню и характеру этих сил. В свою очередь, если не в пределах отдельных социоисторических организмах, то в масштабах человеческого общества в целом, развитие производительных сил делает не только возможным, но в конечном счете и неизбежным появление новых социально-экономических отношений, который обеспечивают дальнейший прогресс производительных сил.

Таким образом, источник развития общественного производства заключен в самом производстве. Общественное производство есть саморазвивающаяся система. Развиваясь по своим собственным объективным законам, общественное производство определяет развитие общества. В результате история человечества представляет собой, как выражался К. Маркс, естественно-исторический процесс, происходящий независимо от сознания и воли людей, что отнюдь не исключает огромной роли и сознания, и воли людей в этом развитии.

Как мы уже видели, одно из основных положений материалистического понимания истории — тезис о том, что тип производственных отношений определяется уровнем и характером производительных сил. Это положение нередко оспаривается со ссылкой на те или иные факты истории. Так, например, общество майя классического периода (I тысячелетие н.э.) было бесспорно классовым. Но майя той эпохи совсем не знали металлических орудий, даже медных. А с другой стороны, многие народы Африки южнее Сахары еще в середине I тысячелетия до н. э. освоили плавку железа. И тем не менее они и к XIX в. не смогли продвинуться далее стадии предклассового общества.

Люди, приводящие эти доводы, исходили из того, что уровень развития производительных сил есть прежде всего уровень развития техники производства. Такая точка зрения была господствующей в историческом материализме. Она получила, например, четкое выражение в уже упоминавшейся книге Н.И. Бухарина «Теория исторического материализма». «...Исторический способ производства, т.е. форма общества, — читаем мы в ней, — определяется развитием производительных сил, т.е. развитием техники».[180] А в другом месте автором прямо ставится знак равенства между степенью развития производительных сил и степенью развития техники.[181]

И основание для отождествления развития производительных сил общества с прогрессом техники дали сами основоположники материалистического понимания истории. «Такую же важность, — писал К. Маркс, — какое строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения общественно-экономических формаций. Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерило развития человеческой производительной силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд».[182]

«Приобретая новые производительные силы, — пояснял К. Маркс, — люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни, — они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает нам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом».[183] «Орудия дикаря, — вторил ему Ф. Энгельс, — обуслов-

[180] Бухарин Н.И. Теория исторического материализма .. С. 133.
[181] Там же С. 131.
[182] Маркс К. Капитал. Т. 1 // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 191.
[183] Маркс К. Нищета философии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 4.. С. 133.

ливают *его* общество совершенно в той же мере, как новейшие орудия — капиталистическое общества».[184]

И понять К. Маркса и Ф. Энгельса можно. Они жили в эпоху капитализма, когда рост производительных сил обеспечивался главным образом за счет прогресса техники производства. И то, что было характерным для капитализма, они переносили на всю историю человечества. В действительности же существуют и иные — кроме повышения производительности труда и прогресса техники — способы повышения уровня развития производительных сил. И если принять их во внимание, то выяснится, что приведенные выше факты ни в малейшей степени не опровергают положение о зависимости типа производственных от уровня развития производительных сил.[185]

3.13.9. Исторический материализм и проблема свободы и необходимости в истории

Таким образом, с возникновением материалистического понимания истории был решен вопрос, который в наиболее отчетливом виде встал перед французскими материалистами XVIII в., — вопрос об объективном источнике общественных идей, приводящих людей в движение, т.е. об объективном в обществе, социальной материи. Французские материалисты не смогли даже приблизиться к его решению.

Важный шаг по пути к решению этой проблемы был сделан Г. Гегелем, который пришел к выводу, что у общества существует какая-то основа, которая, существуя независимо от сознания и воли людей, определяет их сознание и волю, а тем самым и их действия. Эта объективная основа общества не остается неизменной. Развиваясь независимо от воли и сознания людей, она определяет ход человеческой истории. Но реальную природу этой саморазвивающейся основы общества, этой объективной силы, действующей в истории, раскрыть Г.Гегель оказался не в состоянии. Он назвал ее абсолютным духом, что ровным счетом ничего не объясняло.

И вся последующая поступательная история философско-исторической, исторической и вообще обществоведческой мысли заключалась в выявлении реальной природы и реальных механизмов работы обнаруженного, но не вскрытого Г. Гегелем «черного ящика». Окончательно в тайны этого «черного ящика» проникли только К. Маркс и Ф. Энгельс.

Они выяснили, что в основе движения человеческой истории лежит саморазвитие общественного производства. Существуя и развиваясь независимо от сознания и воли людей, общественное производство определяет их сознание и волю, их действия, а тем самым весь ход мировой истории. Материалистическое понимание истории — единственное, в котором история человечества выступает как объективный процесс, развивающийся по объективным же, имманентно присущим ему законам.

Наличие объективной предопределенности хода истории, однако, не исключает человеческой свободы. Все дело в том, что эта предопределенность носит не абсолютный, а относительный характер. Марксистский материализм включает в себя детерминизм. Но этот детерминизм, в отличие от того, которого придерживались Т. Гоббс, П. Гольбах и который получил детальную разработку в работе выдающегося фран-

[184] Энгельс Ф. Письмо К. Каутскому, 26 июня 1884 г. // Там же. Т. 36. С. 146.

[185] См.: Семенов Ю.И. Об особенностях развития производительных сил докапиталистических классовых обществ // ФН. 1985. № 5, Он же. Введение во всемирную историю. Вып. 3. История цивилизованного общества (XXX в. до н.э. — XX в. н.э.). М. 2001.

цузского естествоиспытателя Пьера Симона Лапласа (1749—1827) «Опыт философии теории вероятностей» (1814; русск. перевод: М., 1908), был не абсолютным («лапласовским»), а относительным, диалектическим.[186]

Марксисты, как и Г. Гегель, придерживаются диалектики. Поэтому для них предопределенность не только не исключает, но наоборот, предполагает неопределенность. Необходимость, т.е. то, чего не может не быть, способна проявляться только в случайностях, т.е. в том, что может быть, а может и не быть. Единство необходимого и случайного, предопределенного и неопределенного находит свое проявление в вероятности. Действительность всегда таит в себе не одну, а несколько возможностей, из которых может реализоваться лишь одна. Превращение одних возможностей в действительность более вероятно, других — менее вероятно, причем степень вероятности реализации той или иной возможности может со временем меняться.

В ходе исторического развития важнейшим условием возрастания или уменьшения вероятности реализации той или иной возможности и, наконец, ее реализации является деятельность людей. Поэтому предопределенная в главном и основном история в деталях и частностях никогда не предопределена. В этом смысле люди всегда свободны, но эта их свобода всегда ограничена определенными объективными рамками, которые не одинаковы в разные эпохи.

Как в решении вопроса о случайности и необходимости, так и в решении проблемы свободы и необходимости в истории исторический материализм близок к Г. Гегелю с тем лишь различием, что заменяет требования саморазвивающегося абсолютного духа объективными потребностями развития общественного производства, которые одновременно являются объективными потребностями общества и тем самым составляющих его людей.

3.14. ИНЫЕ (КРОМЕ МАРКСИСТСКОЙ) СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ОСНОВ ОБЩЕСТВА И ДВИЖУЩИХ СИЛ ИСТОРИИ

3.14.1. Экономический детерминизм, экономический материализм и вообще экономический подход к истории (от Дж. Миллара, Р. Джонса и Дж. Роджерса до Э. Лабрусса и У. Ростоу)

Материалистическое понимание истории нередко называли и называют в немарксистской литературе экономическим пониманием истории[187], экономическим материализмом, и, наконец, экономическим детерминизмом. Когда-то марксисты и сами не отказывались от использования этих терминов. Достаточно сослаться хотя бы на работу известного приверженца марксизма Поля Лафарга (1842—1911), носящую название «Экономический детерминизм Карла Маркса» (1909; русск. перевод: Соч. Т. 3. М.-Л., 1931), книгу русского, затем советского историка, считавшего себя марксистом, М.Н. Покровского «Экономический материализм» (Пб., 1920) и, наконец, ранний труд будущего видного советского специалиста по отечественной истории академика Милицы Васильевны Нечкиной (1899—1985) «Русская история в освещении экономического материализма» (Казань, 1922).

[186] Подробнее см.: Семенов Ю.И. Детерминизм абсолютный (лапласовский) и детерминизм диалектический // Философские вопросы современной физики. М., 1969.

[187] См., например: Зелигман Э. Экономическое понимание истории. СПб., б.г.; Он же. Экономическое объяснение истории. Киев, 1906.

Но в настоящее время сторонники материалистического понимания истории от названных терминов и прежде всего словосочетания «экономический детерминизм» обычно открещиваются. И тому есть причины.

Прежде всего, нужно принять во внимание то, что взгляд на экономику как на важнейший и даже определяющий фактор развития общества возник еще до появления марксизма. По-видимому, одним из первых, если не первым был английский мыслитель, видный деятель революции Джеймс Гаррингтон (1611—1677). В работе «Республика Океания» (1656) он отстаивал мысль, что в основе политического строя страны лежат отношения собственности на деньги, вещи и землю. Решающими он считал отношения поземельной собственности, распределение земельных владений. «...Где существует неравное распределение земли, — писал он, — должно существовать неравенство силы, а где существует неравенство силы, там не может быть республики... Где существует равенство земельных владений, должно быть равенство силы, а где существует равенство силы, там не может быть монархии».[188]

По существу, идея решающей роли экономики лежала в основе рассмотренной ранее концепции четырех стадий развития человечества: охотничье-собирательской, скотоводческой, земледельческой и торгово-промышленной. Выше уже были приведены высказывания В. де Мирабо и У. Робертсона (2.3.5). Добавим к ним еще одно.

Уже известный нам Дж. Миллар, показав в работе «Происхождение различия рангов в обществе» (1771; 1781) всю несостоятельность географического детерминизма, сразу же вслед за этим писал: «Цель настоящего исследования — прояснить историю человечества в нескольких важных пунктах. Это предпринято путем указания на наиболее очевидное и общее усовершенствование, которое постепенно проистекает из состояния общества, и на последующее его влияние на нравы, законы и формы правления народа».[189] Говоря об очевидном и общем совершенствовании, Дж. Миллар имел в виду развитие и смену форм хозяйства.

Поэтому ничуть не удивительно, что известный британский исследователь Рональд Мик в работе «Социальная наука и неблагородный дикарь» (1976) охарактеризовал концепцию четырех стадий в том ее варианте, в котором она была изложена в труде Дж. Миллара, как настоящее материалистическое понимание истории.[190] В этом с Р. Миком вряд ли можно согласиться. Но Дж. Миллара, по-видимому, вполне можно отнести к числу первых представителей экономического детерминизма.

Другим таким представителем был Г. Рейналь, к труду которого «Философская и политическая история учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях» я уже неоднократно обращался (2.3.6; 3.8.1.) Во всем этом труде достаточно отчетливо проявляется тенденция объяснять все социальные, политические и идеологические перемены в конечном счете влиянием видоизменяющихся форм обмена и распределения. Автор неоднократно подчеркивает, что смена одних общественных форм другими происходит спонтанно, стихийно, вопреки и независимо от воли и сознания людей, ставящих свои частные ограниченные цели.

Экономический подъем итальянских городских республик был непосредственной причиной Ренессанса. Возникновение суконных мануфактур и ткацких фабрик обусловило рост политического могущества Голландии. Технический прогресс способство-

[188] Harrington J. The Commonwealth of Oceana and other works. London, 1887. P. 61, 64.
[189] Millar J. The Origin of the Distinction of Ranks... P. 14.
[190] Meek R. L. Social Science and Ignoble Savage. Cambridge etc., 1976. P. 161.

вал развитию естественных наук, прежде всего физики, и математики, и привел к распространению просвещения и знаний. «Как только Европа покрылась мануфактурами, — пишет Г. Рейналь, — течение мыслей и чувств человека, кажется, переменило свой наклон».[191]

Экономический детерминизм, во многом приближающийся к марксову пониманию истории, несомненно, присутствует в рассмотренных выше трудах английского экономиста Ричарда Джонса (3.11.2).

К мысли о том, что экономика играет важнейшую роль в истории, пришли во второй половины XIX в. многие историки. Это направление, которое принято называть историко-экономическим, или просто экономическим («экономизмом»), получило самое широкое распространение в исторической науке Германии, Франции, Великобритании, России. Более того, на рубеже XIX и XX веков оно стало ведущим, что признавали как его поборники, так и его противники.

Так, известный русский историк и историософ Н.И. Кареев в статье, опубликованной в 1890 г., спорил с «тем убеждением, все более и более утверждающимся среди историков, что главнейшие исторические явления имеют свою основную подкладку в экономических отношениях общественного тела, определяющих собой отношения и политические, и частно-правовые...».[192]

В 1903 г. известный историк, будущий академик, Евгений Викторович Тарле (1875—1955), в статье «Чем объясняется современный интерес к экономической истории» писал: «Никто не будет спорить, что в настоящее время ни одной стороной исторического процесса так не интересуются, как именно историей социально-хозяйственной. Притом интерес этот как в весьма широких (особенно в Германии) слоях читающего общества, так и среди ученого мира. Можно сказать, что последние 30—35 лет создали почти не существовавшую прежде отрасль исторической науки — хозяйственную историю: можно сказать также, что, кроме социально-экономической истории, никакая другая особенно не интересует последнее время большинство не специалистов».[193]

Взгляды сторонников экономического подхода к истории были весьма разнообразными. Прежде всего, среди них не было единства в том, что понимать под экономикой. Как известно, слово «экономика» имеет несколько значений. В самом широком смысле под экономикой понимают общественное производство, как оно существует в том или ином социоисторическом организме в целом, в единстве всех его сторон и моментов, включая технику и технологию разных отраслей хозяйства, их взаимосвязь и взаимоотношения, уровень производительности и формы организации труда, и, наконец, общественные отношения по производству. Именно такой смысл нередко вкладывают в это слово, когда говорят об экономике той или иной страны.

В более узком смысле под экономикой понимают организацию, структуру или состояние той или иной отрасли производства или вообще формы хозяйственной деятельности. Именно такой смысл вкладывают в данный термин, когда говорят об экономике сельского хозяйства, экономике транспорта и т.п. И, наконец, под экономикой

[191] Цит.: Попов-Ленский И.А. Антуан Барнав и материалистическое понимание истории. М.-Л., 1924. С. 179.

[192] Кареев Н.И. К вопросу о свободе воли с точки зрения исторического процесса // Вопросы философии и психоологии. 1890. Кн. 4. С. 120.

[193] Тарле Е.В. Чем объясняется современный интерес к экономической истории // Вестник и библиотека самообразования. 1903. № 17. Стлб. 739.

можно понимать существующую в обществе систему социально-экономических, производственных отношений.

Сторонники упомянутой выше четырехчленной схемы периодизации истории человеческого общества имели в виду прежде всего формы хозяйства. С каждой такой формой они связывали определенные отношения собственности и структуры власти. Дальше они не шли. Поэтому, когда перед ними возникал вопрос о причинах смены форм хозяйства, то многие из них склонялись к демографическому детерминизму. Р. Джонс, говоря о том, что экономика определяет форму общества, имел в виду прежде всего систему социально-экономических отношений. Но ответить на вопросы, почему в обществе существуют именно такие, а не иные экономические отношения, и почему происходит смена систем социально-экономических отношений, он не смог. Сторонники историко-экономического направления в большинстве случаев под экономикой, если не теоретически, то практически понимали прежде всего систему социально-экономических отношений. В ней они искали ответы на мучившие их вопросы.

Одни из них прямо заявляли о том, что экономический фактор является определяющим в истории. Их с полным правом можно назвать экономическими детерминистами. К числу их прежде всего относятся английский историк Джеймс Торольд Роджерс (1823—1890), перу которого принадлежат такие выдающиеся работы, как «История земледелия и цен в Англии» (Т. 1—8. 1866—1888), «История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX в.» (1884; русск. перевод: СПб, 1899), «Экономическая интерпретация истории» (1888), «Индустриальная и коммерческая история Англии» (1891).

«Труды, подобные предпринятому мною, — писал он в предисловии к первому тому «Истории земледелия и цен в Англии», — весьма существенны для экономической интерпретации истории, которое, я смело берусь утверждать это, имеет первостепенное значение для понимания прошедшего, все равно, идет ли речь о юридических древностях, дипломатических интригах или военных походах. Немного можно насчитать таких событий в истории, на которые не был бы пролит яркий свет с помощью фактов, составляющих предмет изучения одних лишь экономистов».[194]

Таких же взглядов придерживался его соотечественник Уильям Джеймс Эшли (1860—1927), среди трудов которого особо выделяется «Экономическая история Англии в связи с экономической теорией» (1886; русск. перевод: М., 1887). Но подчеркивая огромную роль экономики, эти ученые так и не смогли создать сколько-нибудь стройной концепции исторического развития. Не смогли этого сделать и те историки, которые прямо называли себя «экономическими материалистами».

Другие сторонники историко-экономического направления, практически исходя в своих исследованиях из положения о примате экономики, в то же время никогда его не прямо не провозглашали и не обосновывали. Наоборот, некоторые из них даже объявляли себя приверженцами плюралистического, т.е. многофакторного, подхода к истории, который выражался в признании существования нескольких одинаково важных факторов исторического развития. Поэтому от них еще труднее, чем от первых, можно ожидать создания сколько-нибудь последовательной концепции исторического развития.

Среди них прежде всего следует назвать известного русского историка, этнографа и социолога Максима Максимовича Ковалевского (1851—1916). Взгляды его все-

[194] Rogers J.E.T. A History of Agriculture and Prices in England. Vol. 1. Oxford, 1866. P. VI.

гда были довольно противоречивыми и к тому же претерпевали известные изменения. Практически в своих многочисленных трудах он исходил из того, что система социально-экономических отношений представляет собой фундамент общества. И в некоторых работах он и прямо это утверждал.

«Историку, который пожелал бы картину внутреннего быта той или другой страны в ту или иную эпоху ее существования, — писал он в книге «Общественный строй Англии в конце средних веков» (М., 1880), — необходимо остановиться прежде всего на вопросе о распределении в ней недвижимой собственности. Эта последняя всегда являлась и доселе является одним из материальных фундаментов всякого господства, общественного и политического; от сосредоточения ее в руках того или иного сословия зависело и зависит распадение общества на влиятельные и невлиятельные классы... Если и в наши дни поземельное владение является необходимым условием власти, то тем более так было в XV в. ...».[195]

И в то же время он выступал против исторического монизма (монофакторализма), т.е. выделения одного из факторов истории как определяющего, решающего. А когда он пытался объяснить эволюцию экономической структуры общества, то приходил к демографическому детерминизму. «Продолжительные изыскания, — писал он, — привели меня к тому заключению, что главным фактором всех изменений экономического строя является не что иное, как рост населения».[196] В этом отношении его взгляды ничем не отличались от точки зрения А.А. Богданова.

Однако сколько-нибудь четкой грани между названными двумя группами сторонников историко-экономического направления провести невозможно. И у первых встречаются элементы полифакторного подхода, причем иногда не декларативного, а реального, а среди вторых были такие, у которых полифакторализм носил во многом декларативный характер.

Однако все они без исключения отстаивали положение о важнейшей роли в истории экономического фактора. Кроме указанных выше исследователей, крупнейшими сторонниками историко-экономического направления были во Франции — Анри Сэ (1864—1936), в Австро-Венгрии — Карл Теодор Инама-Штернегг (1843—1908), в Германии — Густав Шмоллер (1838—1917), Карл Вильгельм Бюхер (1847—1930) и Карл Лампрехт (1856—1915).

Широко было представлено историко-экономическое направление в русской исторической науке. В какой-то степени его предтечей в России был замечательный мыслитель Николай Гаврилович Чернышевский (1828—1889), из под пера которого вышло несколько прекрасных историко-публицистических работ: «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X» (1858), «Кавеньяк» (1858), «Июльская монархия» (1860), и др. (Избр. философ. соч. Т. 2—3. М., 1950—1951).

Н.Г. Чернышевский руководствовался в своем подходе к событиям новой истории Западной Европы концепцией классов и классовой борьбы, созданной французскими историками эпохи Реставрации. Последовательно проводя эту линию, он пришел к выводу об огромной и даже решающей роли экономического фактора в истории. В «Примечаниях к переводу «Введения в историю XIX века» Г. Гервинуса» Н.Г. Чернышевский, приведя мысль Т. Бокля о том, что «история движется развитием знания», сопроводил ее следующим замечанием: «Если дополним это верное понятие полити-

[195] Ковалевский М. Общественный строй Англии в конце средних веков. М., 1880. С. 1.
[196] Ковалевский М.М. Развитие народного хозяйства в Западной Европе. СПб., 1899. С. 2.

ко-экономическим принципом, по которому и умственное развитие, как политическое и всякое другое, зависит от обстоятельств экономической жизни, то получим полную истину: развитие двигалось успехами знания, которые преимущественно обуславливались развитием трудовой жизни и средств материального существования».[197]

Известный историк общественной мысли Юрий Михайлович Стеклов (наст. фам. — Нахамкис) (1873—1941) в своей монографии «Н.Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность. 1828—1889» (СПб., 1909; Т. 1—2. М.-Л., 1928) утверждал даже, что этот выдающийся мыслитель самостоятельно открыл материалистическое понимание истории. «Чернышевский, — писал он, — смотрел на историю глазами строгого объективиста. Он видел в ней диалектический процесс, процесс развития путем противоречий, путем скачков, которые сами являются результатом постепенных количественных изменений. Действующими лицами в истории являются общественные классы, борьба которых обуславливается экономическими причинами. В основе исторического процесса лежит экономический фактор, определяющий политические и юридические отношения, а также идеологию общества. Можно ли отрицать, что эта точка зрения близка к историческому материализму Маркса и Энгельса. От системы основателей современного научного социализма мировоззрение Чернышевского отличается лишь отсутствием систематизации и определенности некоторых терминов».[198] С Ю.М. Стекловым вряд ли можно согласиться. Н.Г. Чернышевский не создал материалистического понимания истории. Но к экономическому детерминизму он действительно был близок.

Кроме уже упомянутого выше М.М. Ковалевского, к историко-экономическому направлению в России принадлежали (по крайней мере, в течение определенного периода своей творческой деятельности) — Иван Васильевич Лучицкий (1845—1918), Павел Гаврилович Виноградов (1854—1925), Иван Михайлович Гревс (1860—1941), Дмитрий Моисеевич Петрушевский (1863—1942), Владимир Константинович Пискорский (1867—1910), Митрофан Викторович Довнар-Запольский (1867—1934), Александр Николаевич Савин (1873—1923), уже упоминавшийся выше Е.В. Тарле и многие другие специалисты по всеобщей и отечественной истории.

Характеризуя экономическое направление в западной исторической науке, И.В. Лучицкий писал: «Благодаря ему, на первый план выдвинуто изучение важнейшего из факторов жизни: экономического фактора, и вполне ясно поставлено, как главная задача изучения, выяснение во всех деталях процесса экономических изменений, происходивших в жизни как отдельных народов, так и всей Европы, но процесса не самого лишь в себе (как то было раньше), а в связи с остальными явлениями и факторами жизни. Какое влияние оказывали экономические явления на ход событий, какое взаимодействие существовало между экономическими факторами и тем калейдоскопом событий и фактов, который составляет содержание того, что называют обыкновенно историей, — вот в чем деятели этого нового движения в историко-экономической науке видят главное условие для создания научной истории».[199]

И сам И.В. Лучицкий полностью разделял подобный взгляд. Возражая в одной

[197] Чернышевский Н.Г. Примечания к переводу «Введения в историю XIX века» Г. Гервинуса // Полн. собр соч. Т. 10. М., 1953. С. 441.

[198] Стеклов Ю.М Н.Г. Чернышевский Его жизнь и деятельность. 1928–1889 Т. 1. М.-Л., 1928. С 425-426.

[199] Лучицкий И. Джемс Сорольд Роджерс // Юридический вестник. 1891. Т. 7. Кн. вторая (сентябрь). С. 172.

из своих статей французскому математику и философу А.О. Курно, придававшему важнейшее значение открытию Америки самому по себе, И.В. Лучицкий писал: «Между тем чисто фактическое изучение этого периода показало бы ему, что развитие это (в новое время) исходило существенном образом из развития индустриального элемента, за которым следовало развитие эстетическое, и что собственно научное началось лишь в XVI веке, являясь результатом развития предварительно указанных двух элементов».[200]

«Сознание простого факта — влияния производственных форм на исторический процесс, — говорил М.В. Довнар-Запольский, — составляет важный поворот в направление исторической мысли... В настоящее время было бы ошибкой полагать, что формула исторического процесса, как она вылилась в учении Маркса, Энгельса и их последователей, является вполне обоснованной, подобно гегелевской философии для своего времени, Это обоснование пока не сделано удовлетворительно. Следовательно, конечная формула прогресса еще ждет своего разрешения. Теперь ясно одно: важное и даже преобладающее значение экономического фактора в истории и формула исторического процесса на нем, без сомнения, будет обоснована».[201]

Отстаивая важную или даже решающую роль экономики, часть сторонников историко-экономического направления одновременно выступала с критикой марксистского материалистического понимания истории. Для некоторых из них этот был способ отвести от себя обвинение в сочувствии марксистским идеям преобразования общества. Другие сторонники «экономизма» в конце концов пришли к пониманию огромной ценности исторического материализма.

Е.В. Тарле в уже упоминавшейся выше статье дал высокую оценку марксову материалистическому пониманию истории. «Как философская система, — писал он, — исторический материализм далеко не всегда, может быть (при состоянии нынешних исторических знаний), проведен со всей последовательностью и доказательностью, но, как метод, он дал и продолжает давать весьма плодотворные результаты... ученые же, даже не разделяющие материалистического воззрения, приучились отчасти под влиянием этого течения с особым вниманием относиться к пренебрегавшейся ими до тех пор хозяйственной истории».[202] А во вводной части курса по всеобщей истории, опубликованной под названием «Всеобщая история (Очерк развития философии истории)» (СПб., 1908; послед. изд.: Из литературного наследия академика Е.В. Тарле. М., 1981.) выдающийся историк довольно решительно защищал материалистическое понимание истории от различного рода обвинений.[203]

Как ни оценивать взгляды отдельных представителей историко-экономического направление, которое возникнув в второй половине XIX в., продолжало существовать и в XX в., совершенно ясно, что, по крайней мере, часть их считала экономику определяющим, решающим фактором истории.

Таким образом, если относить к экономическому детерминизму любую концепцию, считающую экономику определяющим фактором в развитии общества, то материалистическое понимание истории выступит всего лишь как одно из его направлений.

[200] Л-кий И. Обзор литературы по философии истории за 1872 год // Знание.1873. № 9. С. 88.

[201] Довнар-Запольский М.В. Исторический процесс русского народа в русской исторической науке. М., 1906. С. 30-31.

[202] Тарле Е.В. Указ. раб. Стлб. 741.

[203] См. Тарле Е.В. Всеобщая история (Очерк развития философии истории). СПб., 1908. С. 90-102.

Но все же главная причина отказа если не всех, то значительной части марксистов от термина «экономический детерминизм», заключается в том, что экономический детерминизм нередко стал истолковываться как учение, которое рассматривает экономику в качестве единственного фактора истории, причем такого, который автоматически и полностью, до мельчайших деталей определяет все остальные стороны жизни общества, лишая их даже тени самостоятельности. Для обозначения такого понимания общества и истории, кроме приведенного выше словосочетания, применяется также и термин «экономический материализм», а еще чаще — «вульгарный социологизм».

Если не все, то многие «вульгарные социологисты» и считали себя, и объявляли себя марксистами. Но их взгляды не были марксистскими даже тогда, когда они клялись именем Маркса. Некоторые из них пытались без остатка вывести все явления духовной жизни общества даже не из социально-экономических отношений, а из организационно-трудовых, а то и просто уровня развития техники производства.

Подобные интерепретации исторического материализма появились еще при жизни К. Маркса. По свидетельству Ф. Энгельса, великий мыслитель, ознакомившись с такого рода «марксизмом», сказал однажды П. Лафаргу: «Ясно одно, что я не марксист».[204] И к этому вопросу Ф.Энгельс обращался неоднократно. «Вообще для многих писателей Германии, — писал он в письме Конраду Шмидту 5 августа 1890 г., — слово «материалистический» является простой фразой, которой называют, что угодно, не давая себе труда заняться дальнейшим изучением, т.е. приклеивают этот ярлычок и считают, что эти вопрос решен. Однако наше понимание истории есть прежде всего руководство к изучению, а не рычаг для конструирования на манер гегельянства. Всю историю нужно изучать заново, надо исследовать в деталях условия существования различных общественных формаций, прежде чем попытаться вывести из них соответствующие им политические, частноправовые, эстетические, философские и религиозные и т.п. воззрения».[205] Детально эту проблемы он рассматривает в письме к Йозефу Блоху 21—22 сентября 1890 г. Ограничусь здесь приведением лишь небольшого отрывка из него: «Я определяю Ваше первое основное положение так: согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в *конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, но Маркс большего никогда не утверждали. Если кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную бессмысленную фразу».[206] Снова возвращается он к данной проблеме в письмах Конраду Шмидту 27 октября 1990 г. (Соч. Изд. 2-е. Т.37), Августу Бебелю 16 марта 1892 г. (Т. 38), Ф. Мерингу 14 июля 1893 г. (Т. 39), В. Боргиусу 25 января 1894 г. (Т. 39).

Вульгарный социологизм получил распространение и в России. Одним из первых вступил на этот путь уже известный нам А.А. Богданов. Такого рода подход досточно четко проявился в его статье «Авторитарное мышление» (Богданов А. Из психологии общества. СПб., 1906) и в работе «Эмпириомонизм» (Кн. 3. СПб., 1906). Отправляясь от идей А.А. Богданова, считавший себя марксистом Владимир Михайлович Шуляти-

[204] Энгельс Ф. Письмо Э. Бернштейну, 2-3 ноября 1882 г. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 35. С. 234.

[205] Энгельс Ф. Письмо К. Шмидту, 5 августа 1890 г. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд 2-е. Т. 37. С. 371.

[206] Энгельс Ф. Письмо Й. Блоху, 21-22 сентября 1890 г. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 37. С. 394.

ков (1872—1912) написал книгу «Оправдание капитализма в западноевропейской философии. От Декарта до Э. Маха» (М., 1908). Она была жестоко раскритикована В.И Лениным. «Вся книга, — писал последний, — пример безмерного опошления материализма... Карикатура на материализм в истории. А жаль, ибо есть стремление к материализму».[207] Во многом вульгарно-социологический характер носили труды известного русского историка Николая Александровича Рожкова (1868—1927) «Обзор русской истории с социологической точк зрения» (Ч. 1—2. СПб., 1902—1905) и «Русская история в сравнительно-историческом освещении» (Т. 1—12. Л.-М., 1918—1926).

Вульгарный социологизм проявился не только в философии и историологии, но и в литературоведении. Примером могут послужить работы Василия Афанасьевича Кельтуялы (1867—1942) «Курс истории русской литературы» (Кн. 1—2. СПб., 1906—1911; 2-е доп. изд. Ч. 1. Кн. 1. СПб., 1913), «Историко-материалистическое изучение литературного произведения» (Л., 1926), «Метод истории литературы» (Л., 1928); Владимира Максимовича Фриче (1870—1929) «Очерк развития западно-европейской литературы» (М. 1922 и др. изд.), «Социология искусства» (М.-Л.,1926); Валерьяна Федоровича Переверзева (1882—1968) «Творчество Гоголя» (М., 1914 и др. изд.), «Необходимые предпосылки марксистского литературоведения» (Литературоведение. Сб. статей. М., 1928.), «Проблемы марксистского литературоведения» (Литература и марксизм. 1929. № 2) и др. В области лингвистики вульгарный социологизм нашел свое выражение в «новом учении о языке», созданном академиком Николаем Яковлевичем Марром (1864—1934). Чтобы в этом убедиться, не нужно просматривать все пять томов его сочинений (Избранные работы. Т. 1—5. Л., 1933—1937), достаточно ознакомиться с книгой «Вопросы языка в освещении яфтической теории. Избранные отрывки из работ акад. Н.Я. Марра» (Библиотека ГАИМК. № 9. Л., 1933)

Марксизм никогда не считал экономику единственным фактором истории. Для него несомненным было, что в истории действуют многие факторы, среди которых экономический в конечном счете является определяющим. Материалистическое понимание истории никогда не отрицало, хотя и относительной, но тем не менее огромной самостоятельности духовной, политической и иных сфер общественной жизни. Если толковать экономический детерминизм столь примитивно, как это нередко делают, то материалистическое понимание истории к нему не может быть отнесено, как и многие другие концепции, в которых экономика рассматривается в качестве главного фактора общественного развития.

Кстати, именно такое примитивное понимание экономического детерминизма, а тем самым и материалистического понимания истории и было одной из причин критики марксизма со стороны ряда сторонников историко-экономического направления. Так, например, В.К. Пискорский, сказав во вводной лекции к курсу всеобщей истории, прочитанной в 1906 г., что «ни одна теория не оказала таких огромных услуг исторической науке, как учение о том, что не сознание людей определяет их бытие, а напротив, их общественное бытие определяет их сознание, что во всякую эпоху господствующая форма производства и обмена служит основанием для социального, политического и умственного развития»[208], в то же время упрекнул материалистическое понимание истории за недооценку роли идей и нравственных мотивов.[209]

[207] Ленин В.И. Философские тетради // Полн. собр. соч. Т. 29. С. 474.

[208] См.: Пискорский В.К. О предмете, методах и задачах науки всеобщей истории. Казань, 1906. С. 10.

[208] Там же. С. 11.

Столь же противоречиво и отношение к историческому материализму другого крупного историка — Д.М. Петрушевского. С одной стороны, он дает ему самую высокую оценку. «Таким образом, — писал он в 1907 г., — и привлечение к историческому исследованию с чисто социологическими целями материальной стороны исторического процесса (экономических и социальных отношений), и постановка вопроса о генезисе идей как продукта общественного процесса, попытка... вскрыть под идеями, как под символами, интересы составляющих общество социальных групп — это здоровая неумирающая сторона марксистского движения, это крупная заслуга так называемого исторического, или экономического материализма. Это была настоящая социологическая программа, открывавшая широкие научные перспективы, и как общую методологическую программу ее следует и понимать, и в этом смысле материалистическая доктрина еще долго будет служить богатым источником плодотворных импульсов для исследования общественной эволюции...».[210] С другой же стороны, Д.М. Петрушевский буквально тут же обвиняет исторический материализм в стремлении свести все многообразие общественных явлений к одной лишь экономике.[211]

И как бы отвечая этим двум ученым, Е.В. Тарле в своих лекциях 1908 г., убедительно показав всю несостоятельность выдвигаемых против исторического материализма возражений, заключил: «Такого рода девять десятых тех недоразумений, девять десятых тех укоров, которые этой доктрине выставляются».[212]

Традиции историко-экономического направления развивали и развивают многие современные западные исследователи, не принадлежащие к числу марксистов. Среди них прежде всего следует отметить бельгийского историка Анри Пиренна (1862—1935), вначале русского, а затем американского историка Михаила Ивановича Ростовцева (1870—1952), американского экономиста и социолога Эдвина Роберта Андерсона Селигмена (1861—1938), американского историка Чарльза Остина Бирда (1874—1948), английских историков и экономистов Ричарда Генри Тоуни (1880—1962), Джона Дугласа Хоурда Коула (1889—1959), Михаила Постана (1898/9—1981), французского социолога и экономиста Франсуа Симиана (1873—1935), французских историков Альбера Матьеза (1874—1932), Жоржа Лефевра (1874—1959), Эрнеста Камилла Лабрусса (1895—1989), Жана Бувье.

В русле этого направления работали основоположники исторической школы «Анналов» Марк Блок и Люсьен Февр. В своей рецензии на книгу «Дипломатическая история Европы (1871—1914)» Л. Февр, отвечая авторам, которые объявляли историческим материализмом любую попытку обращаться к экономическим факторам писал: «Праведное небо, при чем же тут «исторический материализм»?.. Мир есть Мир. Вы скажете, что до войны 1914 года он был не совсем таким, каким стал в период между 1920 и 1940 годами. Согласен, но ведь и в эпоху «вооруженного перемирия» он стал уже не тем, чем был в промежутке между 1848 и 1871 годами. Так в чем же причина всех этих перемен? В политике? В морали? Нет! Причина в экономике. Это самоочевидно».[213]

В какой-то степени к историко-экономическому направлению были близки уже упоминавшихся выше Ф. Бродель и И. Валлерстайн, хотя первый объявлял себя сторонником полифакторного подхода.

[210] Петрушевский Д. Очерки из истории средневекового общества и государства. М , 1907. С. 12
[211] Там же. С 10-12.
[212] Тарле Е В Всеобщая истории... С. 100.
[213] Февр Л. История или политика? // Л. Февр. Бои за историю. М., 1991. С. 61.

Понимание важности изучения социально-экономических отношений проникло в XX в этнографию (социальную антропологию), что, как уже говорилось, выразилось в появлении в рамках этой науки особой дисциплины — экономической этнологии (антропологии), объектом исследования которой со временем стала экономика не только первобытного общества (primitive economy), но и крестьянских общин классового общества (peasant economy).[214]

Экономический подход к истории заметен и в уже упоминавшейся работе У. Ростоу «Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест» (1960). Некоторые авторы даже прямо именуют его «либеральным экономическим детерминистом».[215] И для этого есть определенные основания. Сопоставляя свою концепции истории с марксистской, У. Ростоу пишет: «Обе системы признают факт, что экономические изменения ведут за собой социальные, политические и культурные последствия... Обе теории признают реальность групповых и классовых интересов в политических и социальных отношениях».[216]

Однако он тут же добавляет, что его «теория стадий роста отбрасывает мысль, что экономика, как отрасль жизни, и экономические выгоды, как мотивы деятельности человека, всегда являются доминирующими».[217] И в последующем, трактуя экономический детерминизм вообще, марксистское понимания истории прежде всего, как учение, согласно которому люди руководствуются исключительно лишь мотивами личной экономической выгоды, У. Ростоу всячески открещивается от экономического детерминизма. Много места он тратит на доказательство того, что у людей, кроме соображений личной материальной выгоды, существует множество самых различных мотивов деятельности.

Но все это не имеет отношения к делу. Марксисты никогда и нигде не утверждали, что люди в своей деятельности руководствуются исключительно лишь стремлением извлечь максимальную экономическую выгоду и никогда и нигде не отрицали существования у людей самым различных мотивов поведения. Они прекрасно понимали, что мотив личной экономической выгоды действует, а тем более выходит на первый план лишь в обществах определенного типа, да и то лишь среди части их населения. В первобытном обществе на раннем этапе его развития мотива экономической выгоды не было и заведомо быть не могло, что ни в малейшей степени не ставит под сомнение тезис об определяющей роли экономики.

Важно другое. «Конечно, — пишет У. Ростоу, — изменения в экономике влекут за собой политические и социальные последствия, но сами эти экономические перемены рассматриваются в книге как следствие политических и социальных, а также узко понятых экономических сил. Что же касается мотивов поведения человека, то многие из важнейших экономических сдвигов рассматриваются нами как следствие внеэкономических мотивов и стремлений людей».[218]

Так У. Ростоу приходит к полифакторной концепции общественного развития и

[214] См.: Семенов Ю.И. Общая теория традиционной крестьянской экономики (крестьянско-общинного способа производства) // Власть земли. Традиционная экономика крестьянства России XIX века — начало XX век. Т. 1. М. 2002.

[215] Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Stydy in Comparative History. New York etc., 1966. P. 191.

[216] Ростоу В.В. Стадии экономического роста Нью-Йорк, 1961. С. 210.

[217] Там же.

[218] Ростоу В.В. Там же. С. 13.

оказывается в порочному кругу: экономика определяет характер иных факторов, а эти неэкономическое факторы определяют экономику. Попытка вырваться из этого круга приводит его к выдвижению на первое место идеальных факторов: ход исторического развития зависит от того, какую из возможных линий поведения выберут люди, какое решение на этот счет они примут. А раз так, то не существует никаких «неизбежно следующих друг за другом исторических стадий».[219] В результате он подрывает свою же собственную концепцию исторических стадий экономического роста, а тем самым и стадий развития общества.

3.14.2. Географический детерминизм и иные, близкие к нему концепции (Т. Бокль, Э. Жюйар, Л.И. Мечников, Ф. Ратцель, Э. Семпл, Х. Маккиндер, А. Мэхэн, А.Л. Чижевский и др.)

Получивший после работ Ш. Монтескье широкое распространение географический детерминизм имел значительно число сторонников в XIX в. Из них можно упомянуть Генри Томаса Бокля (1821—1862) с его необычайно популярной в свое время «Историей цивилизации в Англии» (1857—1861; русск. переводы: Т. 1—2. СПб. 1862—1865, 1896, 1906; Т. 1. М., 2000; Т. 2. 2002 и др.). Согласно его взглядам, важнейшие факторы развития общества — климат, пища, почва и ландшафт (картина природы).

Плодородная почва, обеспечивая избыток пищи, ведет к перенаселению, нищете работников и чудовищному богатству властителей. Ландшафт действует на «накопление и распределение умственного капитала».[220] Существуют ландшафты, которые возбуждают воображение, и ландшафты, способствующие развитию логической деятельности ума. К их числу относятся природные условия Европы.

Поэтому для понимания истории Европы нужно главное внимание уделять не физическим факторам, а умственному развитию. Умственный фактор в этом случае истинный двигатель. «...Умственное начало, — пишет Т. Бокль, — начало проявлять такую деятельность и такую способность все охватывать, которая совершенно достаточно объясняет необыкновенные успехи, сделанные Европой в продолжение нескольких столетий».[221] Так Т. Бокль в поисках движущих сил истории от географического детерминизму переходит к концепции решающей роли человеческого разума и эклектически соединяет Монтескье с Сен-Симоном.

Во Франции уже в XX в. была предпринята попытка слить историю с географией и тем создать «геоисторию». Один из видных представителей этого направления — Этьен Жюйар рассматривал географическую среду как фактор, определяющий психологию людей, их поведение, их отношение к труду, а тем самым и экономический строй общества.

Классический географический детерминизм послужил исходным пунктом для целого ряда весьма своеобразных концепций, в которых на первое место выдвинулся не отдельный человек, испытывающий влияние среды, а совокупность людей: население определенной территории, народ, наконец, общество как целостное образование, взаимодействующее с природой.

[219] Там же С 212
[220] Бокль История цивилизации в Англии СПб , 1896 С 45
[221] Там же С 71.

Сдвиг в этом направлении заметен у Льва Ильича Мечникова (1831—1888), изложившего свои взгляды на всемирную историю в труде «Цивилизация и великие исторические реки (Географическая теория прогресса и социального развития)» (1-е изд. на французском языке, 1889; русск. изд.: СПб., 1898; М., 1924; 1995). Автор формулирует закон «трех фазисов исторического развития». Первые цивилизации возникли в долинах крупных рек: египетская, как выражался Геродот, была «даром» Нила, ассиро-вавилонская возникла на берегах Тигра и Евфрата, китайская — в бассейнах Хуанхэ и Янцзы, индийская — Инда и Ганга. Это были древние века, или *речная* эпоха.

«По прошествии многих веков, — пишет Л.И. Мечников, — поток цивилизации спустился по берегам рек к морю и распространился по его побережью. Так наступила вторая эпоха в истории развития цивилизации, которую можно назвать *морской* эпохой, или *Средиземноморской*, так как цивилизация охватила главным образом берега этого внутреннего морского бассейна, расположенного между Африкой, Азией и Европой».[222] Средние века, или средиземноморский период, охватывал двадцать пять веков — время с основания Карфагена до Карла Великого.

В результате одного из самых величайших событий в истории человечества, каким было открытие Нового Света Х. Колумбом, было быстрое падение средиземноморских наций и государств и соответственно быстрый рост стран, расположенных на побережье Атлантики (Португалии, Испании, Франции, Англии и Нидерландов). Центры цивилизаций переместились с берегов Средиземного моря на берега Атлантического океана и начался новая, третья и последняя эпоха всемирной истории — новое время, или период *океанический*.

К сожалению, Л.И. Мечников ничего не сказал ни о причинах возникновения первых цивилизаций, ни о силах, которые определили переход от одного великого периода в развитии цивилизованного человечества к другому.

Попытку детального обоснования географического детерминизма предпринял итальянский философ и социолог Гуго Маттеуцци в книге «Факторы эволюции народов» (1900).

У Г.В. Плеханова, создавшего своеобразный гибрид исторического материализма и географического детерминизма, в качестве решающей силы исторического развития стала рассматриваться не географическая среда сама по себе, а взаимодействие между ней и обществом. Подобный же взгляд был изложен, например, в книге Джона Фрэнсиса Хоррабина «Очерк историко-экономической географии мира» (М.-Л., 1930).

Высказанная Г.В. Плехановым мысль о том, что азиатский способ производства обязан своим возникновением особенностям географической среды была детально разработана в труде Карла Августа Виттфогеля (1896–1988) «Восточный деспотизм. Сравнительное исследование тоталитарной власти» (1957). Эту идею разделял и видный советский экономист академик Евгений Самуилович Варга (1879—1964), что видно из его статьи «Об азиатском способе производства» (Е.С. Варга. Очерки по проблемам политэкономии капитализма. М., 1964).

Еще одну попытку соединения материалистического понимания истории с географическим детерминизмом предпринял историк, академик Леонид Васильевич Милов в книге «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса» (М., 1998). Автор считает, что особенности географической среды, влияя на характер

[222] Мечников Л. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1924. С. 133-134.

трудового процесса и объем общественного продукта, определяли не только темпы развития России, но и своеобразие ее социально-экономического и политического строя и специфику ее исторической эволюции.

В последующем от географического детерминизма отпочковался т.н. экологический детерминизм или инвайронментализм (энвайронментализм), который будет рассмотрен особо (4.14.5)

В работах немецкого этнографа Фридриха Ратцеля (1844—1904), в частности в его книге «Земля и жизнь. Сравнительное землеведение» (русск. переводы: Т. 1—2. СПб.,1905—1909 и др.) имеются высказывания, которые мало чем отличаются от тех, что встречались в трудах Ж. Бодена и Ш. Монтескье. Он отмечает «влияние природы на тело и дух отдельных индивидуумов, а через них и на целые народы».[223] Народы севера и юга в силу различия климатических условий имеют разный характер, что и определяло в истории победу первых над вторыми. Климат влияет и на социальный строй. Условия тропиков порождают рабство и другие подобные формы зависимости.

Но наряду с этим Ф. Ратцель все большее внимание уделяет влиянию особенностей и положения территории, которую занимает тот или иной народ, государство, общество, на их взаимоотношения с другими народами, государствами, обществами. «Всякая жизнь государства, — писал он, — имеет корни в земле. Земля руководит судьбой народов со слепой жестокостью. Народ должен жить на земле, которую он получил от судьбы, на ней он должен умереть, и ее закону он должен подчиняться».[224] «История показывает нам осязаемо, — утверждал автор, — до какой степени земля является действительной базой политики».[225]

Тем самым Ф. Ратцель положил начало своеобразному ответвлению географического детерминизма — *геополитике* — концепции, объясняющей политику, а тем самым и историю тех или иных стран их географическим положением. Взгляды Ф. Ратцеля по этому вопросу наиболее полно были изложены в работах «Антропогеография» (Т. 1—2. 1882—1891), «Политическая география» (1897) и «Море, источник могущества народов» (1900). Сам Ф. Ратцель словом «геополитика» не пользовался. Этот термин был введен шведом Юханом Рудольфом Челленом (1864—1922) — автором работ «Великая держава» (1914), вышедшей на немецком языке, и «Государство как форма жизни» (1916), опубликованной вначале в Швеции, а через год в Германии.

В конце XIX — начале XX в. много внимания обоснованию географического детерминизма уделила американская исследовательница Эллен Черчилл Семпл (1863—1932) в работах «Американская история и ее географические условия» (1903; 1933), «Влияние географической среды. На основе системы антропогеографии Ратцеля» (1911; 1937) и «География Средиземноморья, ее отношение к древней истории» (1931). Сама Э. Семпл объявляла себя последовательницей Ратцеля. Однако она считала, что принципы антропогеографии Ратцеля не образуют единой целостной системы, одни из них разработаны, а другие — нет. Кроме того, у него нет достаточного их обоснования. Свою задачу Э. Семпл видела в создании последовательной и обоснованной концепции географического детерминизма, которая к тому же носила бы эволюционный характер.

И действительно, книга Э. Семпл «Влияние географической среды» содержит наиболее детально разработанную теорию географического детерминизма. Она выде-

[223] Ратцель Ф. Земля и жизнь. Сравнительное землеведение. Т. 2. СПб., 1906. С. 661.
[224] Ратцель Ф. Земля, общество и государство // Землеведение. 1907. Кн. 3-4. С. 233.
[225] Там же. С. 232.

ляет классы воздействий географической среды на человека и общество, отличает прямое и косвенное влияние географической среды и т.п. Э. Семпл принимает идеи геополитики, но все же ее работы носят более общий характер.

Другие последователи Ф. Ратцеля целиком занялись одной лишь геополитикой. В работе англичанина Хэлфорда Джорджа Маккиндера (1861—1947) «Географическая ось истории» (1904; русск. перевод: Элементы. Евразийское обозрение. № 7. 1996) была предпринята попытка нарисовать с позиций геополитики картину мировой истории. В ней получила достаточно отчетливое выражение мысль о том, что суть мировой истории заключается в борьбе между морскими и континентальными народами и державами. Идея борьбы теллургократии (сухопутного могущества) и талассократии (морского могущества), «Земли» и «Моря» нашла выражение в работах американца Альфреда Тейяра Мэхэна (1840—1914) «Влияние морской силы на историю. 1660—1783» (русск. переводы: СПб., 1896; М.-Л., 1941; СПб., 1995; М., 2002) и «Влияние морской силы на Французскую революцию и империю» (русск. перевод: т. 1—2. М.-Л., 1940; М., 2002).

В последующем эта идея была подхвачена и разработана многими другими адептами геополитики: французом Видалем де ля Бланшем (1845—1818), приверженцами немецкого фашизма (нацизма) Карлом Хаусхофером (1869—1946) и Карлом Шмиттом (1888–1985), американцами Никласом Спайкменом (1893—1943) и Дональдом Майнингом. Перу К. Хаусхофера принадлежит много работ, среди которых «Границы в их географическом и политическом значении» (1927), «Панидеи в геополитике» (1931), «Статус-кво и обновление мира» (1939), «Континентальный блок» (1941) (русск. переводы:. Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М., 2001). Взгляды К. Шмитта были четко изложены в статье «Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние Земли и Моря» (1959; русск. перевод: Элементы. Евразийское обозрение. № 8. 1996)

В России идеи геополитики разрабатывались Григорием Николаевичем Трубецким (1874—1930) в книге «Россия как великая держава» (СПб., 1910); Евгением Николаевичем Трубецким (1863—1920) в работе «Национальный вопрос, Константинополь и София» (М., 1915; послед. изд.: Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 1994), Вениамином Петровичем Семеновым-Тян-Шанским (1870—1942) в труде «О могущественном территориальном владении применительно к России» (Пг.,1915; послед. изд.: // Рождение нации. М., 1996) .В последующем эту эстафету подхватили евразийцы (С.Н. Трубецкой, П.Н. Савицкий и др.)

В СССР геополитика была под запретом. В настоящее время в России у нее немало приверженцев. Достаточно упомянуть книги Константина Эдуардовича Сорокина «Геополитика современности и геостратегия России» (М., 1996), Александра Гельевича Дугина «Основы геополитики. Геополитическое будущее России» (М., 1997) и Камалудина Серажудиновича Гаджиева «Геополитика» (1997) и «Введение в геополитику» (1998).

Идеи геополитики разделяет и пропагандирует Геннадий Алексеевич Зюганов. В книге «Держава» (М.,1994) он следующим образом излагает основные положение геополитики: *«На протяжении всей истории человечества в основе государственного строительства лежат два альтернативных, непрерывно соперничающих подхода к освоению земной поверхности.* Они могут быть обозначены как подход «континентальный», сухопутно-экспансионистский, характерный для материковых государств, и подход «морской», основывающий экономическую экономическое процветание и госу-

дарственную мощь метрополии на эксплуатации заморских территорий, что делает принципиально важным господство на водных коммуникациях».[226]

Эти положения, Г.А. Зюганов повторяет и в книгах «Уроки жизни» (М., 1997) и «География победы. Основы российской геополитики» (М., 1997). Он считает их верными и, исходя из них, пытается набросать дальнейшие пути развития России. Идеям геополитики не чужд и Владимир Вольфович Жириновский, о чем свидетельствует его объемистая книга «Геополитика и русский вопрос» (М., 1998).

Сейчас у нас все чаще и чаще геополитику трактуют как особую научную дисциплину, имеющую свой собственный объект иследования, что ошибочно. Геополитика не наука, а концептуальное направление, представляющее собой своеобразную разновидность географического детерминизма. И это течение столь же несостоятельно, как и любые другие варианты географизма. Геополитика выросла из абсолютизации, раздувание одного весьма реального момента — необходимости учета при выработке и внешней и внутренней политики того или иного государства наряду с другими факторами и его географического положения, его места в региональной и всемирной системах геосоциоров.

К географическому детерминизму уходят истоки концептуальных построений, в которых в качестве решающих факторов исторического процесса выступают космические явления, например, изменения солнечной активности. В России такие идеи развивал Александр Леонидович Чижевский (1897—1964) в книге «Физические факторы исторического процесса» (Калуга, 1924) и недавно опубликованной обширной работе «Земля в объятиях Солнца» (Чижевский А.Л. Космический пульс жизни. М., 1995). В предисловии к последней книге данная точка зрения именуется *космическим детерминизмом.* Несмотря на явную абсурдность это концепции, у нас то и дело появляются статьи, рекламирующие ее как величайший вклад в историческую науку.[227] Идея космического детерминизма разрабатывается в книге Владимира Николаевича Сидоренко и Ирины Владимировны Сидоренко «Эссе на тему: Феномены проявления солнечной активности и золотой пропорции в истории России» (2-е изд. М., 2001).

3.14.3. Демографический детерминизм (Л. Гумплович, А. Кост, Э. Дюркгейм, Д.И. Менделеев, А.А. Богданов, Р. Карнейро, О. Дуглас, Дж. Матрас, Дж. Саймон, Л. Шевалье, Н.И. Моисеев и др.)

Популярным в XIX и XX вв. продолжал оставаться и демографический детерминизм. К демографическому фактору обращался, например, Л. Гумплович. В плодовитости людей он видел причину грабительских набегов, войн, покорения одних народов другими, а тем самым и возникновения общественных классов и государства. С расцветом общества и увеличением благосостояния его членов начинается «забота о достижении будущего благосостояния потомства путем ограничения естественного размножения народа».[228] Рост населения останавливается, затем наступает его убыль. Все это порождает экономическую слабость и политический упадок, что делает общество легкой добычей тех народов, которые в силу природной плодовитости растут.

[226] Зюганов Г.А. Держава. 2-е изд., дораб. и доп. М., 1994. С.63.
[227] См, например: Беликов Д. Солнце в небе — к ледникам // Век 2000. № 41.
[228] Гумплович Л. Основы социологии. СПб., 1899. С. 347.

Демографический детерминизм разрабатывался в работах французских социологов Адольфа Коста (1842—1901) «Принципы объективной социологии» (1899) и «Опыт народов и предложения, на нем основанные» (1900) и Анри Секретана (1853—1916) «Население и нравы». А. Кост утверждал, что рост численности и плотности населения полностью определяет все изменения, происходящие в сфере и политики, и экономики, и права, и религии, и технический знаний. Он зашел в своем увлечении столь далеко, что это вызвало возражения со стороны других, более считающихся с фактами, поборников демографического детерминизма.

Отдал дань этому направлению Э. Дюркгейм. В работе «О разделении общественного труда» (1893) он видел главную причину перехода общества от механической солидарности к органической, прежде всего в росте плотности населения, а тем самым — плотности общества и увеличении его объема. «Мы не говорим, — пишет Э. Дюркгейм, — что возрастание и уплотнение обществ *допускают* все большее разделение труда, но утверждаем, что они обуславливают его *необходимость*. Это не орудие, посредством которого осуществляется разделение труда; это — определяющая причина его».[229]

В России идеи демографического детерминизма отстаивал Дмитрий Иванович Менделеев (1834—1907) в работах «Заветные мысли» (Ч. 1—3. СПб., 1903—1905; М., 1995; 2 и 9 главы опубликованы: Менделеев Д.Н. К познанию России. М., 2000) и «К познанию России» (СПб., 1906; М., 2002). «...Человечество взятое в целом, — писал он, — ...проникнуто инстинктивным стремлением к сохранению и развитию человеческого потомства...».[230] Именно эта «любовь к потомству» и «привела к разделению труда и к тем неравенствам, которые неизвестны в диком животном или начальном патриархальном быте (хотя в нем уже видны на то начатки) и ведет к разделению жителей по их экономическому положению на разные классы...».[231] Д.И. Менделеев был противником марксизма. Но к демографическому детерминизму склонялись, как мы уже видели, и некоторые российский ученые, считавшие себя марксистами (А.А. Богданов).

Эта концепция имеет массу сторонников и в наши дни. Она существует сейчас как самостоятельно, так и в качестве момента направления, именуемого экологическим детерминизмом (инвайронментализмом).

Идеи демографического детерминизма развивал в работе «Подсечно-огневое земледелие среди киукуру и его значение для культурного развития в бассейне Амазонки» (1961) известный американский этнограф Роберт Карнейро. Рост населения в условиях, когда площадь земли, пригодной к обработки, ограничена, ведет к переходу к более интенсивным методам хозяйства, к соперничеству между племенами и войнам. Войны имеют своим следствием подчинение одних племен другими и возникновение данничества. В последующем подчиненные племена инкорпорируются в состав общества завоевателей. Возникают вождества.

Идет процесс увеличения политических единиц. Как племена, так и вождества объединяются в союзы или конфедерации. Победоносные вождества возрастают в размерах и в конце концов возникают крупные завоевательные государства. Внутри этих новых обществ возникает знать. Пленников превращают в рабов. «Инкорпора-

[229] Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод в социологии. М.,1991. С. 245.
[230] Менделеев Д. К познанию России. 5-е изд. СПб , 1907. С. 64.
[231] Там же. С. 64-65.

ция рабов в завоевательное государство завершает стратификацию общества на четыре главных класса: вождей (или королей), знать, коммонеров (рядовых общинников. — *Ю.С.*) и рабов».[232]

Сами за себя говорят названия работ датского экономиста Эстер Босеруп «Условия агрикультурного роста. Экономика аграрных изменений под давлением народонаселения» (1965) и американского этнолога Марка Натана Коэна «Пищевой кризис в преистории. Перенаселение и возникновение земледелия» (1977).

Социолог и демограф О.Д. Дункан в работе «Социальная организация и экосистема» (1964) вводит понятие экологической экспансии. Она начинается с роста населения. Это требует увеличения количества энергии и материалов, извлекаемых обществом из внешней среды, что в свою очередь предполагает выработку новых форм организации человеческих коллективных усилий в этой области. Конечный результат — переход общества с одной стадии эволюционного развития на другую, более высокую. Как уже указывалось (2.8.4), таких стадий в концепции О.Д. Дугласа семь: от этапа бродячих групп охотников и собирателей до уровня индустриальных государственных обществ.

Американский социолог и демограф Дж. Матрас в книгах «Народонаселение и общества» (1973) и «Введение в народонаселение: Социологический подход» (1977) настаивает на том, что в обществах любого типа рост населения влечет за собой социальные структурные изменения: дифференциацию и разделение труда, экспансию социальных границ и принятие инноваций, что имеет следствие переход с одной стадии социальной эволюцию на другую. Таких этапов в схеме Дж. Матрас, как мы уже видели (2.8.4), восемь.

Другой американский социолог и демограф Джулиан Линкольн Саймон в работах «Экономика роста народонаселения» (1977) и «Теория народонаселения и экономического роста» (1986) выдвигает концепцию «народонаселенческого толчка» (population-push). Суть ее состоит в том, что рост населения и связанное с ним увеличение потребностей и нужд делает необходимым более интенсивный труд, что вызывает к жизни множество изобретений, прогресс техники и увеличение производительности. Эту концепцию Дж. Саймон пытается обосновать как фактами из истории Древней Греции, Рима, средневековой Европы, так и данными современности.

Популярен демографический детерминизм и у части историков. Как писал французский историк Луи Шевалье: «Недостаточно принять во внимание, что демография является одной из составных частей социальной истории, ибо она возрождает ее главный и, как правило, забытый объект население. Демография в качестве привилегированной дисциплины должна, наконец, вступить в полные права... Лидирует демография. Единственная и незаменимая».[233] Идея решающей роли демографического фактора пронизывает его работу «Трудящиеся и опасные классы Парижа в первой половине XIX века» (1958).

Идея демографического детерминизма присутствуют в работах академика Никиты Николаевича Моисеева (1917—2000) «Мировоззрение современного рационализма. Введение в теорию самоорганизации» (Моисеев Н.И. Расставание с простотой. М., 1998) и «Быть или не быть... человеку» (М., 1999). Автор плохо знает историче-

[232] Carneiro R.L. Slash-and-Burn Cultivation Among the Kuikuru and its Implications For Cultural Development in the Amazon Basin // Native Southamericans. Ethnology of Least Known Continent. Ed. by P.J. Lyon. Boston, 1964. P. 87.

[233] Цит.: Соколова М.Н. Современная французская историография. М., 1979. С. 319.

ские факты, что нисколько не мешает ему претендовать на осмысление всего пути человечества и предсказание его дальнейшей судьбы.

3.14.4. Технический, или технологический, детерминизм (Л. Уайт, Г. Ленски, О. Тоффлер и др.)

Мысль о том, что ведущая роль в развитии истории принадлежит технике, высказывалась довольно давно. Но окончательно концепции *технического*, или *технологического*, детерминизма оформились лишь во второй половине XX в., что было связано с началом и последующим развитием научно-технической революции.

В предельно последовательной форме концепция технологического детерминизма была развита и изложена в книге уже знакомого нам известного американского этнолога и культуролога Л.О. Уайта «Эволюция культуры. Развитие цивилизации до падения Рима» (1959).

Главным для Л. Уайта является понятие культуры. В отличие от других сторонников суперорганической концепции культуры он рассматривает ее не только как духовное, но и как материальное явление. Л. Уайт выделяет в культуре четыре компонента: идеологический, социологический, сентиментальный и технологический. Ведущим среди них является последний. Технологический фактор в общем виде определяет форму и содержание всех остальных. Он детерминирует и социальную систему, и философские взгляды, и общественные чувства. Изменения в технологии вызывают изменения во всех остальных секторах культуры. Технология — базис и движущая сила культурной системы.

Важнейшим в концепции Л. Уайта является понятие энергии. Культурная система, как и биологический организм, захватывает и «запрягает» энергию с тем, чтобы ее использовать для обеспечения своего существования и развития. Уровень развития культуры определяется тем, сколько энергии она «запрягает» и использует в расчете на душу населения в год.

Прогресс культуры выражается в увеличении пропорции отношения нечеловеческой энергии к человеческой. Или, то же самое, но лишь в другой форме: прогресс культуры выражается в увеличении числа удовлетворяющих человеческие потребности материальных благ и услуг, созданных единицей человеческого труда. Чем больше материальных благ и услуг создается единицей человеческого труда, тем больше их приходится на душу населения.

На самом первом этапе человек использовал только энергию своего собственного организма. Он обеспечивал свое существование охотой и собирательством. Это была эра человеческой энергии. Данной технологии соответствовала определенная экономическая, а тем самым и социальная система. Существовала взаимная помощь. Люди были равны и свободны. Все были братьями.

Крупнейшим переломом в развитии технологии, культуры в целом и общества была аграрная революция. Возникло земледелие и скотоводство. Люди «запрягли» и поставили себе на службу солнечную энергию, воплощенную в нечеловеческую биологическую форму, а именно форму животных и растений. Впервые были поставлены под человеческий контроль силы природы. Результатом этого технологического успеха было превращение племенного (tribal) общества в цивилизованное (civil society). Возникла частная собственность на средства производства, общественные классы, государство, города.

Дальнейшее развитие человеческого общества Л. Уайт сколько-нибудь детально не рассматривает. Из всех последующих технологических сдвигов он упоминает выдвижение на первый план промышленности, изобретение паровой машина и вступление человечество вступило в век пара. В связи с этим он говорит о топливной (fuel) революции. В результате всего этого возникли капитализм и демократия.

Подчеркивая определяющую роль техники, Л. Уайт в то же ни слова ни говорит о том, почему она развивается. В результате вопрос о движущих силах развития истории остается у него открытым.

Уже известный нам (2.8.4) американский социолог Г. Ленски в книге «Власть и привилегии. Теория социальной стратификации» (1966), обращаясь к механизму развития общества, выстраивал такую цепочку детерминации: «технология — экономика — политика — распределительная система».[234] Тем самым он фактически выступал как поборник технологического детерминизма.

Специально вопрос о технологическом детерминизме рассматривается в его совместной с Дж. Ленски книге «Человеческие общества: Введение в макросоциологию» (1974). Авторы критикуют, с одной стороны, точку зрения, согласно которой технология объясняет почти каждую социокультурную форму, с другой, концепции, преуменьшающие или даже отрицающие важность технологии.

Собственная их точка зрения изложена следующим образом: «В целом, современная эволюционная теория не принимает детерминистический взгляд на роль технологии: она рассматривает технологию жизнеобеспечения лишь как одну из сил в поле действия сил, которые вместе определяют общую модель социетальных характеристик. Эта позиция может быть коротко выражена в двух пунктах: 1. Технологический прогресс есть главный детерминант этого сочетания всеобщих тенденций — в населении, культуре, социальной структуре, материальных продуктах, который определяет общие контуры человеческой истории. 2. Технология жизнеобеспечения есть наиболее мощная единственная переменная, влияющая на социальные и культурные характеристики общества — не в смысле определения каждой и всякой характеристики, а в смысле определения целостного комплекса этих характеристик».[235] Это, конечно, не крайний, но тем не менее технологический детерминизм. Технология — не единственный, но главный фактор развития общества.

На неизбежно встававший вопрос о том, а чем же определяется технология и ее развитие, Г. Ленски отвечает: «Я склонен полагать, что в основе всех или большинства тенденций лежит одна, объясняющая все. Эта тенденция — рост объема информации, которой располагает человечество, особенно той, что необходима ему для воздействия на материальный мир, т.е. технология».[236] В результате технология сводится к сумме знаний и в качестве движущей силы истории выступает человеческий разум.

Так же обстоит дело почти у всех, если не у всех сторонников концепций как индустриального, так и постиндустриального общества, которых принято считать техническими детерминистами. Все они говорят об огромной или даже решающей роли техники и технологии. Но как только дело доходит до вопроса о том, что лежит в основе их прогресса, то обычный ответ — накопление информации, прогресс знания,

[234] Lenski G. Power and Privilege. New York, 1966. P. 436.

[235] Lenski G. and Lenski J. Human Societies: An Introduction in Macrosociology. New York, 1974. P. 103.

[236] Lenski G. History and Social Change // American Journal of Sociology. 1976. Vol. 82. № 3. P. 555.

прежде всего применительно к новому и новейшему времени, разумеется, научного. Впрочем, многие при этом предпочитают говорить о развитии общества как результате взаимодействия множества факторов.

В качестве примера можно рассмотреть хотя бы взгляды О. Тоффлера, которого очень многие исследователи характеризуют как технологического детерминиста. Он действительно много пишет о том, что технология представляет собой важнейшую силу социальных изменений. «Эти поразительные экономические факты, — подводит итоги О. Тоффлер всему сказанному им на предшествующих страницах книги «Футуршок» (1970), — приводят нас к тому, что технология является великим, ревущим двигателем перемен».[237]

Но буквально через несколько страниц мы читаем: «...Если технологию можно сравнить с большим двигателем, мощным акселератором, то знания — его топливо».[238] А конечный его вывод: «Я решительно отвергаю, что я — технологический или экономический детерминист, и каждому, кто внимательно меня читает, это должно быть ясно. Я не считаю, что какая-то одна-единственная сила приводит в движение систему, будь она технологическая, экономическая, сексуальная, расовая или экологическая».[239]

3.14.5. Экологический детерминизм (Дж. Кларк, Дж. Стюард, М. Харрис, Э. Ле Руа Ладюри, Э.С. Кульпин и др.)

Л. Уайт, выдвигая на первый план технику, рассматривал ее, как и всю культуру в целом, в качестве средства, при помощи которого общество приспосабливается к окружающей его природной среде. Но понятие среды не играло в его концепции сколько-нибудь существенной роли.

Зато в построениях других исследователей, большей частью тоже из числа этнологов, оно выступило на первый план. Развиваемые ими концепции, будучи генетически связанными с географическим детерминизмом, в то же время в целом ряде аспектов отличались от него. Своеобразным связующим звеном между географическим детерминизмом и этим новым направлением были труды Ф. Ратцеля, прежде всего его работа «Земля и жизнь» (русск. переводы: Т. 1. СПб., 1905; Т. 2. 1909 и др.).

Разрабатывая понятие внешней среды, все эти ученые исходили из данных экологии, которая, возникнув в качестве науки чисто биологической, в дальнейшем стала включать в себя и такие разделы, как социальная экология. Важнейшим понятием этой науки является категория экологической системы (экосистемы), под которой понимается единый комплекс, состоящий из множества как живых, биотических (организмы и их сообщества), так и косных, абиотических экологических компонентов. Все эти компоненты связаны между собой многообразными связями, включая причинно-следственные, обмен веществ и распределение потока энергии. Экосистемы образуют иерархию, низшими звеньями которой являются биогеоценозы, а высшим — биосфера Земли.

Исследуя конкретную экосистему, экологи выделяют те или иные живые организмы и их сообщества в качестве центрального объекта, и тогда вся остальная совокупность экологических компонентов (включая все другие организмы и сообщества) выступает по отношению к ним как среда их обитания. Таким образом, среда включает

[237] Тоффлер А. Футуршок. СПб., 1997. С. 21.
[238] Там же. С. 25.
[239] Toffler A. Previews and Premises. New York, 1983. P. 208.

в себя все абиотические экологические компоненты и те из биотических, которые в данном случае не выступают в качестве центрального объекта.

Все эти понятия экологии были заимствованы частью обществоведов и положены в основу их представлений о развитии общества. В созданных ими концепциях каждый социоисторический организм выступал в качестве компонента той или иной экосистемы, а совокупность всех остальных ее элементов представала как среда его обитания. Если не все, то по крайней мере многие из этих ученых в понятие среды данного социора включали и все остальные социоисторические организмы, принадлежавшие, по их мнению, к данной экосистеме.

Чтобы существовать, социоисторический организм должен приспособиться к среде, сбалансировать свои отношения со всеми остальными ее компонентами, прежде всего с теми, которые имеют жизненно важное для него и его членов значение. Если равновесие со средой по тем или иным причинам нарушается, то возникает кризис, который ставит под угрозу существование как социора, так и его членов. Чтобы продолжать нормальное существование, члены социоисторического организма должны принять меры к разрешению кризиса, восстановить, причем теперь на новой основе, его баланс со средой. Средство восстановления нарушенного равновесия — изменение культуры, прежде всего техники и технологии, а также и форм хозяйства. Как мы уже видели, в довольно абстрактной форме подобного рода идеи излагались в работах К. Каутского и Н.И. Бухарина (3.13.3).

Подобного рода концепций существует множество. В одних главный упор делается на среду. Основная их идея заключается в том, что в основе изменения общества лежат изменения окружающей среды, прежде всего природной. Такие концепции характеризуются обычно как экологический детерминизм, средовой детерминизм. Другое название — environmentalism (от англ. environment — среда), что по-русски чаще всего передается как энвайронментализм, хотя правильно было бы — инвайронментализм.

В других концепциях природная среда и технология (или природная среда и хозяйство) в целом выступают как во многом равноправные факторы, взаимодействие которых и обеспечивает развитие общества. Еще в ряде концепций в качестве решающей силы выступает технология или даже хозяйство либо экономика в целом. Но всегда при этом и технология, и хозяйство или экономика в целом рассматриваются как способы приспособления к среде.

Иногда в некоторых концепциях ко всем названным выше факторам добавляется и демографический, и ему тогда нередко отводится ведущая роль. Рост населения требует увеличения количества энергии и ресурсов, поступающих в общество из внешней среды, ведет к нарушению равновесия между ним и средой. Чтобы обеспечить такой приток и восстановить равновесие, необходимо развитие техники, изменение системы хозяйства, а нередко и всей социальной организации. В результате рост населения дает толчок к развитию общества. Пример такого подхода был уже приведен в разделе о демографическом детерминизме — это концепция «экологический экспансии» О. Дугласа.

Английский археолог Джон Грэм Дуглас Кларк (1907—1995) в книге «Доисторическая Европа: Экономический очерк» (1952; русск. перевод: М., 1953) придерживался взгляда, что «экономика всякого общества в любое время неизбежно является продуктом какого-то установившегося соотношения между состоянием культуры и окружающей природой».[240] Это равновесие может быть нарушено в результате изме-

[240] Кларк Дж.Г Д. Доисторическая Европа Экономический очерк. М., 1953. С. 19.

нения природных условий, роста населения или культурных перемен. Чтобы его восстановить, необходимы изменения в экономике. Именно так он объясняет переход населения Европы от «доистории» к «истории».

Провести грань между всеми этими концепциями трудно: они незаметно переходят друг в друга. Поэтому нередко все концепции, в которых в качестве если не единственного, то важного фактора развития общества выступает среда, характеризуют как экологический детерминизм.

Примером не столько средового, сколько техно-средового детерминизма может послужить концепция уже упоминавшегося выше американского этнолога Дж. Стьюарда, изложенная в его книге «Теория культурных изменений. Методология многолинейной эволюции» (1955). Сам автор отмежевывается и от географического, и от средового (инвайронментального) детерминизма, предпочитая называть свое учение культурной экологией. Другой американский этнолог Марвин Харрис в книге «Подъем антропологической теории. История теорий культуры» (1968) называет свою концепцию техноэкономо-экологическим или демо-техно-экономо-экологическим детерминизмом.

Идея хозяйственно-экологического детерминизма была заимствована у зарубежных ученых и некоторыми отечественными этнографами. Пример — книга Софьи Александровны Маретиной «Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии» (М., 1980). «В Северо-Восточной Индии, — говорится в ней, — хозяйство горных народов как сфера их общественной организации составляет одно из звеньев цепи «среда — хозяйство — социальная структура». Хозяйство в значительной степени определяется возможностями среды и в свою очередь оказывает активное воздействие на последнюю. Нарушение привычного баланса между ними незамедлительно сказывается на всей общественной структуре, которая именно от этой хозяйственной базы получает основной импульс для трансформации».[241]

Поборниками всех вариантов экологического и техно-экологического детерминизма были чаще всего этнологи, которые имели дело с небольшими по размеру демосоциальными организмами. Поэтому все подобного рода подходы развивались в рамках т.н. экологической (инвайроментальной) антропологии, или этнической экологии.

Но и историки не остались в стороне. Подход очень близкий к экологическому развивается в работах французского историка Эммануэля Ле Руа Ладюри «Крестьяне Лангедока» (1966) и «История климата с 1000 года» (1967; русск. перевод: Л., 1971). Попытку использовать своеобразный вариант хозяйственно-экологического детерминизма для объяснения истории геосоциальных организмов мы находим в работах российских востоковедов Э. С. Кульпина «Человек и природа в Китае» (М., 1990), «Социоестественная история: Предмет, метод, концепция» (М., 1992), «Путь России» (М., 1995), «Бифуркация Запад-Восток» (М., 1996) и Дмитрия Борисовича Прусакова «Природа и человек в Древнем Египте» (М., 1999) и др.

3.14.6. Классический волюнтаризм (Т. Карлейль, П.Л. Лавров, Н.В. Шелгунов, Х. Ортега-и-Гассет, К. Поппер, Л. Мизес и др.)

Взгляд, согласно которому развитие истории определяется разумом и волей отдельных людей, исчезнувший или, точнее, оттесненный на задний план в результате

[241] Маретина С. А. Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. М., 1980. С. 41.

великих потрясений конца XVIII — начала XIX вв. в последующем вновь начал обретать влияние. Одним из крупнейших апологетов исторического волюнтаризма в XIX в. был британский мыслитель Томас Карлейль (1795—1881), автор книги «Герои, почитание героев и героическое в истории» (1841; послед. русск. изд.: Карлейль Т. Теперь и прежде. М., 1994).

«...Всемирная история, — писал он, — история того, что человек совершил в этом мире, есть, по моему разумению, в сущности, история великих людей, потрудившихся здесь, на Земле... Все, содеянное в этом мире, представляет, в сущности, внешний материальный результат, практическую реализацию и воплощение мыслей, принадлежащих великим людям, посланным в этот мир. История этих последних составляет поистине душу всей мировой истории».[242]

Однако никто из приверженцев волюнтаристического взгляда на историю не мог выдержать его до конца последовательно. Не представлял исключения и Т. Карлейль. В той же самой книге он писал и о том, что великие люди были призваны своим временем, что они осуществляли то, к чему стремилась вся масса людей.[243] Тем самым он фактически признавал, что существуют какие-то объективные факторы, обусловливавшие характер эпохи и желания масс людей. Но рассматривать эти факторы он не пожелал, ибо в таком случае его концепция рухнула бы.

То же противоречие пронизывает работу уже упоминавшегося русского мыслителя П.Л. Лаврова «Исторические письма» (1868—1869—1891; послед. изд.: Лавров П.Л. Философия и социология. Т. 2. М., 1965). С одной стороны, он пишет, что «...Как ни мал прогресс человечества, но и то, что есть, лежит исключительно на критически мыслящих личностях; без них он безусловно не возможен; без их стремления распространить его он крайне не прочен».[244] С другой стороны, он же вынужден признать, что «культура общества есть среда, данная историей для работы мысли и обусловливающая *возможное* для этой работы в данную эпоху с такой же неизбежностью, с каковой во всякое время ставит пределы этой работе неизменный закон природы».[245]

В результате он оказывается в своеобразном кругу: культура обусловливает мысль, а последняя изменяет культуру. «История мысли, обусловленной культурой, в связи с историей культуры, изменяющейся под влиянием мысли, — вот вся история цивилизации», — таков его конечный вывод.[246]

Но особо противоречивыми в этом отношении являются взгляды русского публициста и общественного деятеля Николая Васильевича Шелгунова (1824—1891). В своей статье «Историческая сила критической личности», представляющей отклик на «Исторические письма» П.Л. Лаврова, он, полностью признавая правоту последнего, писал: «Но так как историю ведет лишь умственный элемент человечества, а представителями умственного элемента являются те счастливцы, которые «куплены ценою прогресса», то ясно, что и будущий прогресс ведут они, и личность их является руководящей и двигающей силой».[247] Это было сказано в 1870 г.

[242] Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории // Т. Карлейль. Теперь и прежде. М., 1994. С. 6.

[243] Там же. С. 6, 15.

[244] Лавров П.Л. Исторические письма // Избр. соч. на социально-политические темы. Т. 1. М., 1934. С. 227.

[245] Там же. С. 244.

[246] Там же.

[247] Шелгунов Н. В. Историческая сила критической личности // Соч.. 2-е изд. Т. 2. СПб., 1895. С. 414.

Но двумя годами раньше Н.В. Шелгунов в работе «Социально-экономический фатализм» утверждал: «Социально-экономический фатализм есть сила роковая: ничто не может устоять против нее: как она вела человечество до сих пор, так поведет она его вперед в будущем».[248] И не следует думать, что за эти два года его взгляды кардинально изменились. Через два года после отклика на книгу П.Л. Лаврова, в котором отстаивался волюнтаризм, появилась его статья «Фатализм исторического процесса». «... Прогресс, — говорилось в ней, — к сожалению, идет не путем сознания. Люди, стоящие во главе так называемых исторических событий, так же мало знают, что им делать, как и покорные люди, которыми они повелевают... Людская бессознательность исключала до сих пор возможность другого прогресса, кроме фаталистического».[249]

Таким образом, во взглядах Н.В. Шелгунова причудливо сочетались такие взаимоисключающие представления о ходе истории, как волюнтаризм и фатализм. И, по-видимому, ни тот, ни другой взгляд полностью его не удовлетворяли, в особенности волюнтаристский. Отсюда его метания. Собственно волюнтаризм как его самого, так и П.Л. Лаврова, был обусловлен одной единственной причиной — стремлением обосновать необходимость активной революционной деятельности в условиях, когда не было массового революционного движения.

Обычно к числу сторонников волюнтаристического взгляда на историю относят и такого видного русского мыслителя, как Николай Константинович Михайловский (1842—1904), чаще всего ссылаясь при этом на его работу «Герои и толпа» (1882. Соч. Т. 2. СПб., 1896; Избр. труды по социологии. Т. 2. СПб., 1998). Но ее содержание не дает оснований для такого вывода.

Как подчеркивает сам Н.К. Михайловский, в этой работе он не рассматривает вопрос о роли личности в истории. В центре внимание его отношение между толпой, массой и человеком, под влиянием которого она находится и за которым следует. И ту проблему он поставил и исследовал за 8 лет до появления книги Габриэля Тарда (1843—1904) «Законы подражания» (1890), которому обычно отдают приоритет.

Один из историков философской мысли, стремясь доказать волюнтаризм Н.К. Михайловского, ссылается на одно из мест в другой его работе, где, как этот автор утверждает, говорится, что ставить человека в зависимость от необходимости, закономерности общественного развития «значит унижать его человеческое достоинство, превращать его в машину, которая не ведает, что творит».[250] Такая мысль действительно изложена на этой странице данной работы и процитированные слова на самом деле взяты оттуда, но только эта идея принадлежит вовсе не Н.К. Михайловскому. Он просто излагает чужой взгляд, а затем подвергает его критике.[251]

Собственные взгляды Н.К. Михайловского на роль личности в истории лучше всего изложены в его статье «Граф Бисмарк» (1871). «История, — писал он, — управляется общими постоянными законами, но не они составляют прямую, непосредственную причину человеческих действий. Человек действует под напором той сети условий, среди которых ему приходится жить, а эта сложная, постоянно в известных пределах колеблющая, постоянно изменяющаяся, то отливающая, то приливающая сеть подчинена общим, простым и постоянным законам. И независимость человека от общих

[248] Социально-экономический фатализм // Там ж. С. 254.

[249] Шелгунов Н. В. Фатализм исторического процесса // Соч. 2-е изд. Т. 1. СПб., 1895. С. 490.

[250] История философии. Т. 4. М., 1959. С. 40.

[251] См. Михайловский Н.К. Аналитический метод в общественных науках // Соч.. Т. 1. СПб. 1896. С. 367.

законов истории, и его зависимость от ближайшего сочетания причин — относительны. С одной стороны, есть в истории течения, с которыми человеку, будь он семь пядей во лбу, бороться невозможно. С другой, человек, получив причинный толчок от данной комбинации фактов, становится к ней сам в положение причинного деятеля и может влиять на нее более или менее сильно. Сознательная деятельность человека есть такой же фактор истории, как стихийная сила почвы или климата. Общие, простые и постоянные исторические законы намечают пределы, за которые деятельность личности ни в коем случае преступить не может... Общими законами истории определяется тот порядок, в котором исторические фазисы следуют друг за другом. В этом отношении все тянущие в разные стороны усилия отдельных личностей в среднем выводе и в окончательном результате нейтрализуются. Но не то мы видим в отношении скорости, с которой исторические фазисы идут друг другу на смену. Здесь главным образом и сказывается значение индивидуальной деятельности. Бессильная вырыть новое русло для истории, личность может, однако, при известных условиях временно запрудить историческое течение или ускорить его быстроту... Итак, то обстоятельство, что в истории время от время являются личности, накладывающие свою индивидуальную печать, вовсе не противоречит законосообразности истории: общие законы заведуют порядком исторического движения, личности влияют на его скорость... Для того, чтобы личность могла давать тон истории, набросить свой личный колорит на эпоху, требуется, разумеется, чтобы она сама попала в тон, чтобы было нечто общее между ее задачами и средой, в которой ей приходится действовать».[252]

Волюнтаризма здесь нет. Единственное, в чем можно упрекнуть Н.К. Михайловского, так это в том, что говоря о объективных движущих силах истории, он ни в этой, ни в других своих работах ничего конкретного сказать о них не может. Будучи уверен в их существовании, он ничего о них не знает.

Отмеченная выше непоследовательность во взглядах характерна не только для Т. Карлейля, П.Л. Лаврова и Н.В. Шелгунова, но и вообще почти для всех мыслителей, которые либо прямо отстаивают волюнтаризм, либо так или иначе склоняются к нему.

При всей сумбурности и противоречивости взглядов Фридриха Ницше (1844—1900) на историю в них отчетливо пробивается струя волюнтаризма. Критикуя взгляд, согласно которому в центре внимания историка должны быть массы и законы их движения, Ф. Ницше в работе «О пользе и вреде истории для жизни» (1874; мн. русск. переводов) писал: «Массы представляются мне достойными внимания только в трех отношениях: прежде всего, как плохие копии великих людей, изготовленные на плохой бумаге со стертых негативов, затем, как противодействие великим людям и, наконец, как орудия великих людей; в остальном же побери их черт и статистика!».[253]

Эклектическая смесь волюнтаризма и провиденциализма обнаруживается в труде итальянского философа, историка и публициста Бенедетто Кроче (1866—1952) «Теория и история историографии» (1915; русск. перевод: М., 1998).

Из мыслителей XX в. к волюнтаристическому пониманию истории склонялся Хосе Ортега-и-Гассет (1883—1955). «В хорошо организованном обществе, — писал он в работе «Восстание масс» (1930), — масса не действует сама по себе. Такова ее роль. Она существует для того, чтобы ее вели, наставляли и представительствовали за

[252] Михайловский Н.К. Граф Бисмарк // Соч.. Т 6 СПб., 1897. С. 101-102.

[253] Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1990. С. 219.

нее, пока она не перестанет быть массой или, по крайней мере, не начнет к этому стремиться. Но сама по себе осуществлять это она неспособна. Ей необходимо следовать чему-то высшему, исходящему из избранных меньшинств. Можно сколько угодно спорить, кем должны быть эти избранные, но то, что без них — кем бы они ни были — человечество утратит основу своего существования, сомнению не подлежит, хотя Европа вот уже столетие, подобно страусу, прячет голову под крыло в надежде не видеть очевидного. Это не частный вывод из ряда наблюдений и догадок, а закон социальной «физики», под стать Ньютоновым по своей непреложности».[254] И конечно же испанский философ не может, как и большинство поборников волюнтаризма в истории, быть последовательным. Великие люди, по его мнению, чтобы добиться успеха, должны слышать «подземный гул истории».[255]

Согласно точке зрения уже известного нам К. Поппера, заниматься поисками действующих в истории сил могут только сторонники историцизма — направления абсолютно несостоятельного.[256] И сам он этим не занимается. Но полностью обойтись без каких-либо представлений о факторах исторического развития невозможно. И К. Поппер, сам того четко не осознавая, высказывается по этому вопросу.

Одно из практически предлагаемых им решений — волюнтаризм. К. Поппер возмущен историцизмом, который «близок к вере в социальные и политические чудеса, *отрицая за человеческим разумом силу сотворения более разумного мира*».[257] В пику историцистам он провозглашает: «Будущее зависит от нас, и над нами не довлеет никакая историческая необходимость».[258] Вот как он характеризует взгляд на историю своего единомышленника. «Он верит, что человек — хозяин своей судьбы и что мы можем влиять на историю или изменять ее соответственно с нашими целями, подобно тому, как мы уже изменили лицо земли. Он не верит, что эти цели навязаны нам условиями или тенденциями истории, но полагает, что они выбираются или даже создаются нами самими, подобно тому, как мы создаем новые идеи, новые произведения искусства, новые дома или новую технику».[259]

Но вполне понятно, что волюнтаристическую точку зрения он не может провести до конца последовательно. «...Наши институты и традиции, — пишет К. Поппер в другом месте той же самой работы, — не есть дело Бога или природы, а представляют собой результаты человеческих действий и решений и изменяются под их влиянием. Однако это не означает, что все они сознательно спроектированы и их можно объяснить на основе человеческих потребностей, ожиданий или мотивов. Наоборот, даже те институты, которые возникают как результат сознательных и преднамеренных человеческих действий, оказываются, как правило, *непрямыми, непреднамеренными и часто нежелательными побочными следствиями таких действий*».[260] И далее К. Поппер подвергает критике один из вариантов волюнтаризма — концепцию заговора.

Из числа более или менее последовательных сторонников волюнтаризма можно назвать, пожалуй, только Л. фон Мизеса. В своей книге «Теория и история. Интерпре-

[254] Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Х. Ортега-и-Гассет. Избранные труды. М., 1997. С. 110.
[255] Там же. С. 98.
[256] Поппер К. Нищета историцизма. М., 1993. С.55-56.
[257] Там же. С. 60-61.
[258] Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. М., 1992. С. 31.
[259] Там же. С. 53-54.
[260] Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992. С. 111.

тация социально-экономической эволюции» (1957; русск. перевод: М., 2001) он исходит из того, что история складывается из действий индивидов, которые всецело определяются идеями. Сами же идеи — не производны ни от чего. Они — целиком создание индивидов. Но большинство индивидов являются заурядными людьми. «Они не имеют собственных мыслей; они только воспринимают. Они не создают новых идей; они повторяют то, что слышали и подражают тому, что видели. Если бы мир был населен только такими людьми, то не существовало бы никаких изменений и никакой истории».[261] Новые идеи создаются отдельными выдающимися людьми — пионерами и лидерами, которым подражает и за которыми идет большинство.

Но Л. фон Мизес — редкое исключение. В целом же идеи классического волюнтаризма сейчас никто сколько нибудь подробно обосновать даже и пытается. Высказавшись в пользу такого подхода истории, автор обычно на последующих страницах сам себя опровергает. Все современные исследователи, специально обращающиеся к проблеме роли личности в истории, обычно выступают против волюнтаризма. В качестве примера можно привести книгу известного американского философа Сидни Хука (1902—1989) «Герой в истории» (1943; 1955; русск. перевод одного раздела: «Если бы» в истории // Thesis. Вып. 5. М., 1994.) с очень характерным подзаголовком «Исследование ограничений и возможностей».

3.14.7. Конспиративистский вариант волюнтаризма (концепции заговора от С.А. Нилуса до Е.Т. Гайдара)

Своеобразный вариант исторического волюнтаризма — различного рода представления о причинах исторических событий, которые можно объединить под название конспиративистских, или конспиралогических (от лат. conspiratio — заговор). Суть этих представлений заключается в том, что если не все, то большинство важных исторических событий происходит в результате решений, втайне задуманных и принятых небольшой группой людей.

На первых порах сторонники такой точки зрения не ставили своей целью создать целостную концепцию исторического развития. Они пытались либо объяснить таким образом те или иные исторические события, либо свалить вину за них на ту или иную группу людей. А иногда целью было просто возбудить ненависть к той или иной или партии, тому или иному движению, той или иной человеческой группе. Разумеется, все это вполне могло совмещаться.

Трудно сказать, когда именно появилась концепция заговора. Во всяком случае, еще в 1782 г. аббат Ф. Лефранк опубликовал книгу «Тайны революций, разоблаченные при помощи франкмасонства, и заговор против католической церкви». Вскоре после начала революции во Франции профессор Эдинбургского университета Дж. Робинсон в книге «Доказательства заговора против всех религий и правительств Европы» обявил это событие результатом заговора прежде всего масонов. Аббат Огюстен Барриэль, бежавший от революции в Англию, в пятитомном опусе под названием «Записки об историии якобинства» (1800) уверял, что она произшла в результате антихристианского заговора во главе с Вольтером, антимонархического заговора

[261] Мизес Л.фон. Теория и история. Интерпретация социально-экономической эволюции. М., 2001. С. 139.

Ш.Л. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо и, наконец, заговора против общественного строя, подготовленного орденом масонов и его филиалом орденом иллюминатов.[262]

Затем подобного рода сочинения пошли потоком. В них результатом заговоров масонов и иллюминатов объявлялись и Реформация, и Английская революция, и, разумеется, Великая Французская революция. Затем появился миф о тайных революционных союзах — карбонариях, бланкистах, анархистах, ставящих своей целью путем зловещих заговоров взорвать основы европейской цивилизации. Этот миф был распространен на деятельность I Интернационала, который, располагая неизвестно откуда взятыми гигантскими суммами денег, готовит в союзе с другими врагами порядка грандиозный взрыв и время от времени назначает восстания в разных странах.

Вера во всемирный заговор имела самое широкое хождение среди крайних правых кругов многих стран Европы, прежде всего Франции, в течение почти всего XIX в. И в числе его вдохновителей и организаторов все чаще начали называться евреи.

Именно во Франции были созданы печально знаменитые «Протоколы сионских мудрецов». Они были состряпаны между 1897 и 1899 годами в Париже заведующим заграничной агентурой Департамента полиции МВД России Петром Ивановичем Рачковским (1853—1911) и его сотрудниками. Впервые опубликованы они была в России в начале XX в. Наиболее известным их публикатором был православный писатель-мистик Сергей Александрович Нилус (1862—1929). Последний перевел их с французского языка и включил во второе и последующее издание своей книги «Великое в малом и Антихрист как близкая политическая возможность» (1905; 1911) и в книгу «Близ есть, при дверех» (1917).

Протоколы выдавались за дословную запись 24 тайных встреч глав мирового еврейского заговора, целью которого было разрушение всех государств и создание на их развалинах всемирной еврейской империи во главе с властителем из дома Давидова. Для достижения первой задачи предлагалось умело использовать парламент, либерализм, масонство, а также такие растлевающие учения, как дарвинизм, марксизм, ницшеанство.

Как следовало из протоколов, именно «сионские мудрецы» стояли за всеми беспорядками в истории, включая Великую Французскую революцию. Ими были организованы все политические убийства и крупные забастовки. Они повышают цены и тем вызывают недовольство масс, разжигают классовую борьбу, спаивают рабочих, распространяют инфекционные заболевания и т.п., вообще создают обстановку хаоса.

Фальшивка по замыслу создателей была направлена прежде всего против демократического и революционного движения. Его пытались скомпрометировать, выдав за махинации мировых еврейских заговорщиков. Но она была подхвачена главным образом антисемитами.

В России «Протоколы» первоначально не пользовались большим успехом. Так продолжалось до революции 1917 г. и гражданской войны, когда они начали усиленно пропагандироваться белогвардейцами. Русский офицерский корпус всегда отличался антисемитизмом, в годы же гражданской войны антисемитизм белых офицеров достиг патологического размаха.[263] Фанатичным поклонником «Протоколов» был, в частности «верховный правитель российского государства» адмирал Александр Василье-

[262] См.: Черняк Е.Б. Западноевропейское масонство XVIII века // ВИ. 1981. № 12; Он же. Невидимые империи. Тайные общества строго и нового времени на Западе. М., 1987. С. 127-136.

[263] См.: Кенез П. Идеология белого движения // Гражданская война в России: Перекресток мнений. М., 1994. С. 104.

вич Колчак (1873—1920). Именно с подачи русских белогвардейцев известность этой фальшивки стала мировой. «Протоколы» были переведены на многие языки и получили самое широкое распространение, особенно в Германии. В этой стране к 1933 г. они были изданы более 30 раз миллионными тиражами. После прихода Гитлера к власти «Протоколы» были включены в школьные программы.

В 20—30-х годы на Западе появилось множество книг, в которых пропагандировались «Протоколы» и в самых разных вариантах разрабатывались идеи всемирного заговора. Одна из довольно известных — сочинение Несты Х. Вебстер «Всемирная революция. Заговор против цивилизации» (1921; русск. перевод: Киев, 2000). Особую популярность эта идея получила в среде белой русской эмиграции. Пример — вышедшая двумя выпусками в 1928 и 1930 гг. и дважды переизданная сейчас у нас книга известного черносотенца Николая Евгеньевича Маркова (1866—1945) «Войны темных сил» (М., 1993; 2002).

В более утонченном варианте всемирный заговор превращается из еврейского в масонский, точнее в еврейскомасонский («жидомасонский»). Фантазии борцов против «жидомасонов» не было предела. Масоны убили Александра I, организовали Крымскую войну, а затем и Первую мировую войну. Русская революция была задумана масонами разных стран, среди которых были лорд Мильнер (представитель интересов Ротшильда), германский банкирский дом Вартбурга, американские банкиры Шифф и Кун, финансировавшие Троцкого, видный германский дипломат (в последующем — министр иностранных дел) Ульрих фон Брокдорф-Ранцау, которые снабжали деньгами Парвуса и через него Ленина. Согласно этой версии именно под давлением международного масонства германское правительство разрешило проезд Ленина из Швейцарии через Германию в Россию. Более чем забавный вариант заговорщической концепции содержится в недавно опубликованных у нас книгах Энтони Саттона «Как Орден организует войны и революции» (М.,1995) и «Уолл-Стрит и большевицкая революция» (М., 1998).

Концепцию заговора, применительно к Октябрьской революции 1917 г. в России, отстаивал Л. фон Мизес в сочинении «Запланированный хаос» (1949; русск. перевод: Мизес Л. фон. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М., 1993).

Концепции заговора отдал дань Александр Исаевич Солженицын в книге «Ленин в Цюрихе» (Paris,1975). В качестве тайного подстрекателя двух русских революций выступает у него уже упоминавшийся Парвус. Именно через него был осуществлен сговор между имперской Германией и русским эмигрантом Ульяновым, в результате которого рухнула старая Россия. Как неоднократно утверждает А.И. Солженицын, будучи реализацией привозного учения, Октябрьская революция была чуждой русскому народу, который в массе своей был против нее. Советская власть смогла восторжествовать вопреки воле народа только потому, что опиралась на штыки иностранцев: латышей, венгров, китайцев и т.п.[264]

В действительности все обстояло с точностью до наоборот. Октябрьская революция была великим народным движением. Большевики смогли победить в гражданской войне только потому, что пользовались поддержкой подавляющего большинство народа. Это признавали все политики того времени. Дейвид Ллойд Джордж (1863—1945) — один из организаторов иностранной интервенции против Советской Рос-

[264] Солженицын А. Публицистика. Т. 1. Ярославль, 1995. С. 70,77, 119, 329, 339, 389 и др.

сии — писал: «Когда стало ясно, что их (белых. — *Ю.С.*) стремление к власти обречено на неудачу и что русский народ окончательно отдает свои симпатии большевисткому режиму, наш уход стал неизбежным».[265]

А вот к белым отношение было прямо противоположным. «Как сказано, — писал ярый поборник белого дела князь Е.Н. Трубецкой, — меня поражала та ненависть, которая окружала добровольческую армию во всех местах, где приходилось ее наблюдать: в Киеве, в Одессе, в Крыму, в Новороссийске, в Екатеринодаре».[266] А вот что говорил в 1920 г. генерал Петр Николаевич Врангель, ставший к тому временем главнокомандующим белыми вооруженными силами Юга России известному политическому деятелю Василию Витальевичу Шульгину: «Я отлично понимаю, что без помощи русского населения нельзя ничего сделать...Политику завоевания России надо оставить... Ведь я же помню... Мы же чувствовали себя как в завоеванном государстве... Так нельзя... Нельзя же воевать со всем светом...».[267] Белые могли вести войну с красными несколько лет, только опираясь на иностранную поддержку. Но и это им не помогло. Они были наголову разгромлены.

Заговорщиками и бандитами были, по мнению А.И. Солженицына, не только Ленин и Троцкий. Захват власти тоталитарными бандами имел место в Северном Вьетнаме, Никарагуа, на Кубе, где они окуппировали страны и поработили народы.[268] При этом он никак не объясняет, каким же образом шайка, захватившая власть в Северном Вьетнаме, сумела не только полностью разгромить более чем миллионную армию южновьетнамского режима, но и нанести тяжелейшее поражение самой могущественной империалистической державе мира — США. Все это было бы смешно, если бы не было так грустно. Автор статьи «Жить не по лжи» (1974) в указанных и иных работах, появившихся после замечательного «Одного дня Ивана Денисовича», изолгался до предела.

Во время перестройки и в постсоветский период в стране возникло довольно разношерстное движение, которое именует себя и патриотическим, и националистическим. Я буду называть его просто националистическим. И оно взяло на вооружение все эти конспирологические мифы, причем в большинстве случаев с упором на антисемитизм. «Протоколы сионских мудрецов» были напечатаны в журналах «Кубань» (1991) и «Молодая гвардия» (1993), вышли несколькими отдельными изданиями (1990, 1991, 1993, 1994) и в составе книг С. А. Нилуса (1994, 1996). Сравнительно недавно увидела свет книга доктора экономических наук Олега Анатольевича Платонова «Терновый венец России. Загадка сионских протоколов» (М., 1999), в которой на нескольких сотнях страниц «доказывается» подлинность этой совершенно явной фальшивки.

Появилась масса и других книг, в которых на все лады перепевается концепция мирового заговора. Этим заговором стала объясняться в частности и перестройка, и крушение Советского Союза. Различие лишь в том, что в одних сочинениях развал СССР приписывается действиям «жидомасонов», в других — западных спецслужб, прежде всего ЦРУ. Впрочем, эти версии не исключают друг друга: ведь эти спецслужбы вполне могли выполнять волю «жидомасонов».

Желающих подробнее ознакомиться с положением дел в этой весьма далекой от

[265] Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. 6. М., 1938. С. 98.

[266] Трубецкой Е.Н. Из прошлого. Томск, 2000. С. 279.

[267] См.: Шульгин В.В. Дни. 1920. М., 1990. С. 463.

[268] См. Солженицын А. Публицистика. Т. 1. Ярославль, 1995. С. 226, 270, 321-322, 334, 291, 322, 358, 364-365, 389 др.

всякой науки сфере, могу отослать к обстоятельной монографии Вардана Эрнестовича Багдасаряна ««Теория заговора» в отечественной историографии второй половины XIX—XX вв.» (М., 1999). Я же беру из этого мутного потока наугад: Иоанн (митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский). «Борьба за Россию» (Саратов, 1993); Он же. «Самодержавие духа. Очерки русского самосознания» (Саратов, 1995); О.А. Платонов «Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731—1996». (Изд. 2-е испр. и доп. М., 1996); Он же. «Тайная история России. XX век» (М., 1996); В.В. Жириновский «Последний удар по России» (М., 1995; 1998); Юрий Козенков. «Голгофа России. Завоеватели: Краткая хроника приступлений мирового сионизма, масонства и Запада против России. От Петра I до Сталина». М., 2001.

В названном выше сочинении В.В. Жириновского утверждается, что убийство Александра II, Февральская и Октябрьская революции 1917 г., репрессии 30-годов в СССР, смерть Сталина (он, оказывается, был умерщвлен потомком хазарских ханов Раввином всея Руси Л. Кагановичем и его двоюродным братом полуиудеем Л. Берия), Чернобыльская катастрофа, приход к власти Горбачева, который был потомком иудейского пророка Моисея, решение о роспуске СССР, принятое в Беловежской пуще, и другие события представляют собой не что иное, как реализацию принятого в августе 1871 г. «Верховным советом» из одиннадцати масонов («Величайших светильников мира») под руководством Верховного Первосвященника Всемирного франкмасонства Альберта Пайка (Лиммуда Энсоффа) — программы установления масонского и сионистского господства над всем миром. Как известно, вклад В.В. Жириновского в науку получил высокую оценку. По представлениею Специализированно совета социологического факультета МГУ ВАК России присвоил ему ученую степень доктора философских наук.

Отдал дань концепции заговора и другой доктор философских наук — Г.А. Зюганов. Поставив в одной из статей вопрос о том, кто разрушает Россию, он отмечает, что на этот вопрос обычно дают три ответа. Первый состоит в том, что это делает нынешнее руководство России во главе с Ельциным. Но более проницательные люди указывают, что Ельцина нельзя считать самостоятельной политической фигурой, что «скорее он похож на марионетку, ниточки от которой тянутся за океан».[269] Это — второй ответ. Люди, еще более глубоко понимающие, считают, что дело не в самих по себе США. Все дело в «вожделении международной финансовой олигархии, в руках которой политическая, военная и экономическая мощь Америки служит просто-напросто орудием достижения их корыстных клановых интересов и целей. Космополитическая элита зарубежного капитала — вот настоящий дирижер русской смуты».[270]

«Все три ответа, — пишет Г.А. Зюганов, — несомненно, верны».[271] Но эти три структуры (правящий в России режим, Запад и транснациональный банковско-финансовый капитал) в конечном счете лишь послушные ретрансляторы агрессивной и непримиримо антирусской политики людей, одержимых мыслью создать сверхнациональные органы политического, экономического и военного руководства. «Эта маниакальная идея имеет давнюю историю, тесно связанную с развитием тайных политических обществ, религиозных сект и мистических верований».[272]

[269] См Зюганов Г Русский вопрос // СР 03 07 1993
[270] Там же
[271] Там же.
[272] Там же.

Эту идею Г.А. Зюганов развивает и в последующих работах. Он снова и снова пишет о резкой активизации транснациональных, космополитических сил, стремящихся создать геополитическую форму мирового сверхгосударства, о закулисных вдохновителях глобальной геополитической диверсии против России, о трех этапах организованной ими операции по демонтажу СССР и т.п.[273]

Выше мы уже видели, что Г.А. Зюганов принимает идеи геополитики. Теперь выясняется, что он не чужд и концепции заговора. Конечно, это — противоречие, но оно присуще построениям самого Г.А. Зюганова. Его взгляды на общество и историю представляют смесь, в которой чего только нет. Он хвалит Н.Я. Данилевского за то, что он «подверг критике главный эволюционистский принцип исторической науки, предполагающий последовательное, прогрессирующее развитие человечества от низших культурных форм к высшим»[274], восторгается взглядами К.Н. Леонтьева[275], объявляет выдающимся вкладом в общественную науку учение Л.Н. Гумилева[276], считает необходимым обратиться к сочинениям русских религиозных философов В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, С.Н. Трубецкого, Е.Н. Трубецкого, П.А. Флоренского и С.Н. Булгакова.[277] Единственное, что у него отсутствует, — материалистические понимание истории.

Справедливости ради следует отметить, что в самых последних своих статьях Г.А. Зюганов дает значительно более объективный анализ положения как в России, так и в мире. О геополитике если и упоминается, то лишь бегло, и практически отсутствует концепция заговора.[278] Однако он по-прежнему продолжает демонстрировать свою явную симпатию православию, стараясь создать что-то очень похожее на «православный марксизм».[279]

От националистов не отставали и люди, которые рекламировали себя как демократы. Но как показали их и слова, и дела, таковыми они не были. Невозможно назвать демократами людей, которые с восторгом приветствуют разгон и расстрел парламента, с ненавистью и презрением относятся к народу, славят рабство, крепостничество и колониализм, истребление коренного населения Америки, кровавые расправы с рабами, крестьянами и рабочими, обливают грязью А.Н. Радищева, декабристов, В.Г. Белинского, А.И. Герцена и одновременно восхваляют А.А. Аракчеева, К.П. Победоносцева, П.А. Столыпина, осуждают великих русских писателей за то, что они писали об «униженных и оскорбленных» вместе того чтобы воспевать купцов и фабрикантов, преклоняются перед Франко и Пиночетом и страстно желают восстановления самодержавной монархии, оплевывают советских солдат, защищавших родину, и поднимают на щит предателей (Власова, Пеньковского и др.), а также призывают ставить в России памятники фашистским убийцам и насильникам, борются против науки и активно навязывают все виды мракобесия, занимаются пропагандой расизма и рекламой национализма.[280] Я буду называть их буржуафилами.

[273] См.: Зюганов Г.А. Уроки жизни. М., 1997. С.20-21, 40-43 и др.

[274] Зюганов Г.А. Россия и современный мир. М , 1995. С. 15.

[275] Зюганов Г.А. Уроки жизни... С. 66.

[276] Зюганов Г.А. Россия и современный мир... С. 16-17.

[277] Там же. С. 15.

[278] Зюганов Г. Балканский кризис в зеркале российской смуты // СР. 06.04.1999.

[279] См.: Нам заповедана Россия // СР. 11.3.1999.

[280] Подробнее об этом см.: Семенов Ю.И. Россия: Что с ней случилось в двадцатом веке // Российский этнограф. Вып. 20. М., 1993; Он же. Россия: Что с ней было, что с ней происходит и что ее ожидает в будущем. М., 1995.

Буржуафилы тоже всячески пропагандируют идею заговора. Как утверждают многие из них, Октябрьская революция была совершена кучкой авантюристов по заданию германского генерального штаба и на немецкие деньги. И говорят это не только журналисты. Концепцию заговора отстаивают люди, имеющие ученые степени и звания.

Примером может послужить Дмитрий Антонович Волкогонов (1928—1995). Хотя этот человек носил звания доктора философских и доктора исторических наук, профессора и числился членом-корреспондентом РАН, все его сочинения никакого отношения к науке не имеют. Всю свою жизнь он верно служил начальству, действовал по принципу «чего изволите?», или, выражаясь словами А.И. Солженицына, «заказ собачий выполнял». Надо было начальству, славил большевиков и В.И. Ленина, переменилась власть, стал обливать их грязью.

Одно из последних его сочинений — объемистый опус под названием «Ленин. Политический портрет» (Кн. 1—2. М,. 1994; 1998) — представляет собой выдающийся образец исторической фальсификации. Автор не ограничивается лишь замалчиванием «неподходящих» фактов и выпячиванием «подходящих», как это сейчас делают очень многие. Он без всякого стеснения создает «нужные» ему «факты». Книга переполнена прямыми измышлениями, различного рода подтасовками и нелепостями. Об этом уже достаточно было сказано в нашей литературе.[281] К слову сказать, сочинение Д.А. Волкогонова о Л.Д. Троцком написано в том же ключе.[282]

Остановимся лишь на основной идее волкогоновского опуса. Суть его исторической концепции коротко изложена им самим в аннотации к книге: «В XX веке все главные беды России исходят от Ленина и созданной им организации, с предельно жестокой философией».[283] Согласно Волкогонову, Октябрьская революция — результат заговорщической деятельности Ленина и созданной им партии. Если бы Ленина не было, то всемирная история пошла бы совсем по-другому. «По сути, — пишет Д.А. Волкогонов, — Ленин изменил соотношение мировых политических сил, перекроил карту планеты, вызвал к жизни мощное социальное движение на континентах...».[284] Таким образом, автор по-прежнему рассматривает Ленина как божество, но только теперь как злое, а не доброе.

Одновременно, Д.А. Волкогонов всеми силами пытается убедить читателя в том, что Ленин и большевики получили огромные деньги от германского генерального штаба, хотя из самого текста книги видно, что сам он в это совершенно не верит. Но, как говорится, цель оправдывает средства. И Д.А. Волкогонов не одинок. Идею о том, что Октябрьская революция была результатом деятельности группы заговорщиков, отстаивает другой доктор наук — Егор Тимурович Гайдар, который в восторге от сочинений Волкогонова. «Как известно, — говорил он в одном из своих интервью, — хорошо вооруженная банда один раз власть в России уже захватила. И очень надолго. Меня всегда поражало, с какой легкостью эту власть им отдали».[285] Последний

[281] Подробнее об этом см.: Трофимов Ж Волкогоновский Ленин (критический анализ книги Д. Волкогонова «Ленин»).Ульяновск, 1995; Дедков Н.И. «Как я документально установил» или «смею утверждать». О книге Д.А. Волкогонова «Ленин» // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996; Тетюкин С.В. Современная отечественная историография РСДРП // ОИ. 1998. № 6. С. 57-58.

[282] См.: Панцов А.В., Чечевишников А.Л Исследователь и источник. О книге Д.А. Волкогонова Троцкий // Исторические исследования в России...

[283] Волкогонов Д. Ленин. Книга 1. М., 1994. С. 478.

[284] Там же. С. 125.

[285] См.: ЛГ. 28.09.1994.

«демократический» шедевр в этой области — книга «Тайна Октябрьского переворота. Ленин и немецко-большевистский заговор» (СПб., 2001).

Хотя в Советском Союзе материалистическое понимание истории считалось безраздельно господствующим, в действительности с ним меньше всего считались. Во всяком случае конспиративистское объяснение тех или иных событий, особенно неприятных, было обычным явлением. Например, и события 1956 г. в Венгрии, и «Пражская весна» 1968 г., и массовое движение 1980—1981 гг. в Польше объявлялись результатом происков западных спецслужб и прежде всего ЦРУ. Чего только стоят названия книг: Я. Берец. «Крах операции «Фокус» (М., 1986); «Необъявленная война против Польши» (М., 1984); В. Трубников. «Крах «Операции Полония» (М., 1985). ЦРУ, конечно, было и остается мощной организацией, но и ему не под силу вызвать широкое социальное движение.

После крушения СССР многие из тех, что писали подобные сочинения, быстро поменяли объекты обвинения, полностью сохранив при этом прежний подход. Вот образец: «Сальвадор стал последней политической провокацией бывшего Союза в Латинской Америке, последним из советских экспериментов в области «экспорта революции», которыми СССР буквально истерзал латиноамериканский континент».[286] Автору, по-видимому, совершенно неведомо, что самым мощным потрясением в Латинской Америке была мексиканская революция 1911—1917 гг., к которой Советский Союз явно не мог иметь никакого отношения. Общепризнанно также, что и другое крупнейшее историческое событие в Латинской Америке — победа революции на Кубе в 1959 г. — произошло без какого бы то ни было вмешательства СССР. Вообще революционные движения никогда не происходят по инициативе и в результате вмешательства спецслужб, даже таких могущественных, каким был в свое время КГБ.

Если вначале конспиративисты просто объясняли заговорами те или иные исторические события или даже целую их серию, то в последние десятилетия появились и целые конспиративистские концепции всемирной истории. Довольно много такого рода работ вышло в США. Одна из них недавно была переведена на русский язык. Это сочинение Ральфа Эпперсона «Невидимая рука» (СПб., 1996; 1999). В нем отстаивается, как это формулирует сам автор: «Взгляд на Историю как на Заговор: исторические события происходит по плану, смысл которого обычно неизвестен народу».[287] Результатами заговоров были и Американская революция, и Великая Французская революция, и Гражданская война в США, и Революция 1917 г. в России, и Кубинская революция и вообще все важные события мировой истории. В целом в сочинении Р. Эпперсона ничего нового нет. Это очередная версия того же самого подхода, который проявился в «антижидомасонских» опусах 20—30-х годов на Западе и 80—90-х годов в России. Еще одна книга, написанная в точно таком же духе, принадлежит перу русского эмигранта Андрея Константиновича Крыленко (р. 1909). Она называется «Денежная держава. Тайные механизмы истории» (1997; М., 2002).

Такого рода работ так много, что настоящие историки вынуждены на них реагировать. Выше уже упоминалась работа В.Э. Багдасаряна об отечественных конспиративистах. Американский историк Ричард Хофстадтер в своих работах прямо охарактеризовал все конспиративистские построения как параноидальный стиль. Специалист по Ближнему Востоку Даниел Пайпс написал книгу, специально посвященную

[286] Велехов Л. Последняя провокация. Сальвадор: революционный эксперимент закончен // НГ.11.01.1992.

[287] Эпперсон Р. Невидимая рука. СПб., 1956. С. 9.

критике конспиративизма, — «Заговор: Как процветает и откуда исходит параноидальный стиль» (1997). Обзор таких концепций содержится в статье профессора Пенсильванского университета Джорджа Энтина «Теория заговоров и конспиративистский менталитет» (Новая и новейшая история. 2000. № 1).

3.14.8. Концепции определяющей роли социально-духовного фактора (Л. Блан, П. Сорокин, К. Ясперс, М. Хайдеггер, Ф. Фукуяма, школа «Анналов» и др.)

Как мы знаем, Ж.А. Кондорсе, затем А. Сен-Симон, а вслед за ним и О. Конт в качестве движущей силы истории рассматривали разум, но не отдельных людей, а человечества в целом, фактически же общественное (социарное) сознание. И в последующем точка зрения, согласно которой основу общества и двигатель история нужно искать либо в общественном (социарном) сознании в целом, либо в тех или иных его составляющих (отдельных формах общественного сознания или его слоях) имела массу приверженцев.

Некоторые из сторонников такого подхода специально подчеркивали его отличие от волюнтаристического. Так, например, известный французский публицист и историк Луи Блан (1813—1882) в одном из предисловий к первому тому труда «История Великой французской революции» (1847; русск. переводы: СПб., 1871; 1907) писал: «...Личность может играть большую роль в истории только под тем условием, если она есть то, что я желал бы назвать *представительным человеком.* Сила, которой обладают могучие личности, почерпается ими из самих себя только весьма меньшей частью; большей же частью они почерпают ее из окружающей их среды. Жизнь их есть не что иное, как только сосредоточение коллективной жизни, в которую они погружены. Импульс, который они дают обществу, в сущности не велик в сравнении с импульсом, который они получают от него».[288] Именно господствующие в среде, в обществе мысли определяют ход истории.

«Три великие принципа, — полагал Л. Блан, — господствуют в истории: *авторитет, индивидуализм, братство».*[289] Принцип авторитета преобладал в мировой истории до Мартина Лютера. Принцип индивидуализма, провозглашенный М. Лютером, освободившись от религиозного элемента, правит нашим временем. Принцип богатства с неизбежностью возобладает в будущем и посредством гармонии обеспечит свободу.

Из числа современных мыслителей прямо объявлял себя последователем О. Конта П. Сорокин, который уже был упомянут как приверженец циклизма. «О. Конт, — писал он, — был прав, заявляя, что «идеи управляют миром и вертят им» и что «весь социальный механизм опирается в конце концов на мнения людей».[290]

Свою собственную точку зрения П. Сорокин формулирует следующим образом: «Так как сущность социального процесса составляет мысль, мир понятий, то, очевидно, он же и является основным первоначальным фактором социальной эволюции. Все основные виды социального бытия (миропонимание, искусство, практика) обусловле-

[288] Блан Л. Предисловие 1868 года // Л. Блан. История Великой французской революции. СПб., 1871. С. 20.

[289] Блан Л. История Великой французской революции. СПб., 1871. С. 42.

[290] Сорокин П. О так называемых факторах социальной эволюции // П. Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 527.

ны знанием (наукой) или, что то же, представляют модификацию этого фактора. Все социальные отношения в конце концов обуславливаются мыслью».[291]

Такое понимание основы общества и движущей силы истории легло в основу созданной П. Сорокиным циклической концепции истории, которая детально изложена в его четырехтомном труде «Социальная и культурная динамика» (1937—1941; русский перевод сокращенной однотомной версии работы, вышедшей в 1958 г.: М. 2000). В качестве важнейшего выступает у него понятие культурной суперсистемы, объединяющей несколько культурных систем (язык, наука, философия, религия, искусство и т.п.).

По Сорокину, существует три типа культурных суперсистем. Первый тип — «унифицированная система культуры, основанная на принципе сверхчувственности и сверхразумности Бога как единственной реальности и ценности...».[292] Такую систему П. Сорокин именует *идеациональной*. Основная посылка системы второго типа состоит в том, что «объективная реальность частично сверхчувственна и частично чувственна».[293] Это — *идеалистическая* суперсистема. Система третьего типа — *чувственная* (сенсорная, сенситивная) основывается и объединяется вокруг принципа: «объективная реальность и смысл ее сенсорны».[294]

В истории происходит смена этих суперсистем. Греческая культура с VIII по конец VI в. до н.э. была идеациональной, V—IV вв. до н.э. — идеалистической, затем в античном мире начала господствовать чувственная суперсистема. Культура средневековой Западной Европы была идеациональной вплоть до конца XII в. На смену ей пришла идеалистическая культура XIII—XIV вв. Начиная приблизительно с XVI в. восторжествовала чувственная культура. Смена культур лежит в основе эволюции общества.

Переживаемый сейчас Европой острейший кризис связан с тем, что одна форма культуры и общества (чувственная) исчезает, другая форма лишь появляется. «Это значит, — писал П. Сорокин в 1941 г., — что главный вопрос нашего времени не противостояние демократии и тоталитаризма, свободы и деспотизма, капитализма и коммунизма, пацифизма и милитаризма, интернационализма и национализма... Все эти темы не что иное, как маленькие побочные вопросы — всего лишь побочные продукты главного вопроса: чувственная форма культуры и образ жизни против других форм. Еще менее значительны такие вопросы, как Гитлер против Черчилля или Англия против Германии, Япония против Соединенных Штатов и прочие».[295]

П. Сорокин возражает тем, которые считали, что настоящий кризис есть предсмертная агония западной культуры и общества. Он представляет собой лишь разрушение чувственной формы западной культуры, за которым последует утверждение новой культуры.

По Сорокину, циклическая смена культурных суперсистем имела место не только в Европе. Он обнаруживает ее в истории египетской, вавилонской, индуистской, китайской и других культур. Единственное, о чем П. Сорокин не говорит ни слова, это об источнике развития культуры, о причинах смены одних культурных суперсистем другими.

[291] Там же. С. 531.
[292] Сорокин П. Кризис нашего времени // П. Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество. С. 430.
[293] Там же. С. 431.
[294] Там же.
[295] Там же. С. 432.

Человеческий разум, прежде всего философский, выступает как решающий фактор истории в труде Карла Ясперса (1883—1969) «Истоки истории и ее цель» (1949; русск. перевод: Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991). В противовес О. Шпенглеру, А. Тойнби и другим сторонникам исторического плюрализма К. Ясперс отстаивает идею единства человечества и мирового исторического процесса. В истории человечества он выделяет четыре основных периода: 1) доистории, или прометеевой эпохи (от возникновения людей до конца IV тысячелетия до н. э.) ; 2) великих культур древности (от конца IV тысячелетия до VIII в. до н.э.); 3) осевого времени (800—200 гг. до н.э.) и 4) эпоху науки и техники (с XVI в. по настоящее время).

Самый важный — период с 800 по 200 гг. до н.э. Время около 500 г. было осью мировой истории. Все, что происходило раньше, было подготовкой осевого времени, все, что случилось позже, — реализацией его достижений. В осевое время произошел гигантский переворот в духовной жизни, а тем самым во всей истории человечества.

Он выразился в том, что по существу одновременно в Китае возникла философия (Конфуций, Лао-цзы, Мо-цзы и др.), в Индии — Упанишады, буддизм и разнообразные направления философской мысли, в Иране — учение Заратустры, в Палестине выступила целая плеяда пророков (Илия, Исайя, Иеремия, Второисайя), в Греции появились Гомер, философы Парменид, Гераклит, Платон, трагики, Фукидид и Архимед. Иран, Палестину и Грецию К. Ясперс объединяет под названием Запада.

«Новое, возникшее в эту эпоху, в трех упомянутых культурах, — пишет К. Ясперс, — сводится к тому, что человек осознает бытие в целом, самого себя и свои границы. Перед ним открывается ужас мира и собственная беспомощность. Стоя над пропастью, он ставит радикальные вопросы, требует освобождения и спасения. Осознавая свои границы, он ставит перед собой высшие цели, познает абсолютность в глубинах самосознания и в ясности трансцендентного мира. Все это происходило посредством рефлексии. Сознание осознавало сознание, мышление делало своим объектом мышление. Началась духовная борьба, в ходе который каждый пытался убедить другого, сообщая свои идеи, обоснования, свой опыт. Дискуссии, образование различных партий, расщепление духовной сферы, которая и в противоречивости своих частей сохраняло их взаимообусловленность, — все это породило беспокойство и движение, граничащее с духовным хаосом».[296]

В результате духовного перелома началось новое движение — единственное, имевшее в истории основополагающее значение. «Вначале осевое время ограничено в пространственном отношении, — говорит К. Ясперс, — но *исторически оно становится всеохватывающим.* Народы, не воспринявшие идей осевого периода, остаются на уровне «природного» существования, их жизнь неисторична, подобно жизни множества людей на протяжении десятков тысяч и сотен тысяч веков».[297]

Одни из народов, живших вне трех сфер, составлявших осевое время, остались в стороне. Другие же вошли в соприкосновение с тем или иным центром духовного излучения и тем самым в историю. Так произошло с германцами и славянами на Западе, японцами, малайцами и сиамцами на Востоке. Именно духовный переворот, имевший место в осевое время, обеспечил новый исторический прорыв — возникновение науки и техники у германо-романских народов, который положил начало подлинно мировой, глобальной истории человечества.

[296] Ясперс К. Истоки истории и ее цель // К. Ясперс. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 33.

[297] Там же. С. 38.

Созданная К. Ясперсом концепция осевого времени пользуется сейчас у нас огромной популярностью. Многие философы и даже историки воспринимают ее как величайшее открытие.[298] У них не возникает даже тени сомнения в ее абсолютной истинности. А между тем эта концепция по существу не только ничего не дает для понимания всемирного исторического процесса, но, наоборот, препятствует ему.

Констатация практической одновременности перечисленных К. Ясперсом исторических свершений не нова. Сам он указывает, что об этом еще в прошлом веке писал Эрнст фон Лазо (1805—1861), немецкий мыслитель, занимавшийся проблемами философии истории, Да в последующем этот факт неоднократно отмечался. Можно указать, например, на работу Петра Михайловича Бицилли (1879—1953) «Восток» и «Запад» в истории Старого Света» (1922; послед сокращ. изд.: Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992) и книгу Л.П. Карсавина «Философия истории» (1923). Что же касается одновременности возникновения философии в Греции, Индии и Китае, то об этом сообщалось и сообщается в любом курсе истории этой области человеческой мысли.

Самому К. Ясперсу принадлежит лишь мысль о принципиальной тождественности этих явлений и об их огромном значении для всего хода мировой истории. Но принять ее вряд ли возможно.

Прежде всего, следует сказать, что Заратустра и иудейские пророки притянуты тут за волосы. В отношении последних это сделано из-за связи иудаизма с христианством. И, конечно, смешно объединение иранской, иудейской и греческой культур в одну — западную. Оно не выдерживает никакой критики. Сам же К. Ясперс в последующем говорит о подразделении этого Запада на собственно Запад и Восток, а в одном из мест даже о поляризации Европы на Запад и Восток, хотя ни Иран, ни Иудея никак не могут быть отнесены к Европе, даже Восточной.[299]

Остаются Китай, Индия, Греция и, разумеется, тесно связанный с последней Рим. Но между философской мыслью Греции, с одной стороны, и философскими учениями Китая и Индии, имеет место существенно различие. Философская мысль Эллады с самого начала была светской, философия в Китае и Индии зародилась в недрах религии, точнее, богословия и так никогда полностью и не секуляризировалась.

В Греции возникла наука, в Китае и Индии, как ранее в Древнем Египте и Вавилонии, развитие не пошло дальше преднауки. В Греции философская мысли на протяжении первых трех веков (от Фалеса до Аристотеля) претерпела стремительное и блистательное развитии. В Китае и Индии первые несколько веков она развивалось мучительно медленно, а затем стала топтаться на месте, что продолжалось почти до XX в.

Это качественно отличие древнегреческой философской мысли от китайской и индийской вынужден признать и К. Ясперс, когда перед ним встает вопрос о том, почему наука и техника возникли в одной только Западной Европе, почему в Китае и Индии осевой духовный переворот не породил нового прорыва. В качестве специфики Греции он указывает на политическую свободу, которая больше не возникла нигде,

[298] См., например, Манскин Р.В., Шемякин Я.Г., Коротаев А.В., Ионов И.Н.,. Дмитриев М.В. Альтернативность истории // Анналы. Научно-публицистический альманах. Донецк, 1992. С. 95-96; Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития. I. М., 1994. С. 15-16 и др.; Алаев Л.Б. Материалистическое поннмание истории в обороне // Восток. 1995. № 2. С. 48; История Востока. I. Восток в древности. М.,1997. С. 578-562; Вейнберг И.П. Введение в Танах. Ч. 1. М.-Иерусалим, 2000. С. 24 сл.

[299] Ясперс К. Указ. раб. С. 55, 95 и др.

и на до конца последовательную рациональность, резко отличную от восточного мышления. Такой рациональности тоже нигде больше не существовало.[300]

Стремясь примирить свою концепцию с исторической реальностью, К. Ясперс на каждом шагу противоречит сам себе. С одной стороны, он, говоря о специфике Запада, пытается поставить рядом иудеев и греков, а с другой, признает, что основу Западного мира заложили одни лишь греки.[301] С одной стороны он пишет, что Китай и Индия после осевого времени вплоть до 1500 г. развивались, в принципе, совершенно так же, как и Европа, что около 1400 г. жизнь Европы, Индии и Китая протекала примерно на одном уровне цивилизации, а с другой, утверждает, что после осевого времени эти три линии стали все больше и больше расходиться, что Европа в течение тысячелетий решительно совершала свой путь и принесла в мир радикальность, неведомую в такой степени ни Индии, ни Китаю.[302]

Но суть дела вовсе, конечно, не в специфике древнегреческой философии. Вопреки утверждению К. Ясперса о том, что во все трех областях осевого времени в результате духового переворота возникло одно и то же социальное устройство[303], в Греции, а затем в Риме возник совершенно иной общественный строй, чем на Востоке, включая сюда не только Китай и Индию, но также Иран и Иудею. Именно бытие этого строя подготовило и сделало возможным появление качественно отличного от восточного общества средневекового западноевропейского общества, в недрах которого вызрели предпосылки капитализма, а тем самым науки и техники. В свою очередь появление античного общества было подготовлено тремя тысячами лет развития египетской и месопотамской цивилизаций (древних культур).

По существу, концепция осевого времени мешает понять главное, основное, что произошло в первом тысячелетии до н.э. А этим главным было появление второй классовой общественно-экономической формации — античной и тем самым смена одной мировой эпохи — эры Древнего Востока новой — эрой античности.

Интересно отметить, что в труде К. Ясперса рядом с основным, «осевым» пониманием истории, присутствует и другое. Говоря об истории Западного мира, он выделяет три эпохи: 1) три тысячи лет Вавилона и Египта (до середины I тысячелетия до н.э.), 2) тысячелетие осевого времени (середина I тысячелетия до н. э. — середина I тысячелетия н. э.) — истории персов, иудеев, греков и римлян (в других местах труда в качестве основоположников Запада выступают одни только греки) и после перерыва в 500 лет начинается 3) новая западная история романо-германских народов (с X в. по наше время).[304]

В другом месте К. Ясперс пишет о том, что Греция отправлялась от чуждого ей прошлого восточных народов, а народы севера в свою очередь — от, по существу, чуждой им культуры Средиземноморья.[305] Тем самым он практически почти буквально повторяет глобально-стадиальную концепцию истории в том ее варианте, который присутствовал в работах Ж. Бодена.

Как решающая сила исторического развития выступает философия в трудах Мартина Хайдеггера (1889—1976), прежде всего в книгах «Проселочная дорога» (1952), «Что такое философия?» (1956), «На пути к языку» (1959).

[300] Ясперс К. Указ. раб. С. 85-86
[301] Там же. С. 86, 89 и др.
[302] Там же. С. 42, 79, 82, 96
[303] Там же. С. 35
[304] Там же. С. 81-82
[305] Там же. С. 83

Как считает М. Хайдеггер, до возникновения философии в древней Греции существовало нераздельное единство человека и бытия. Мир не был расколот на субъект и объект. Философы впервые поставили вопрос о том, что есть бытие. В результате мир для них раскололся на субъект и объект, тотальность бытия была подменена предметным миром — сущим. Теперь человек вместо того, чтобы рассматривать себя как ничтожную малость в безбрежном океане бытия, начал понимать себя как господина, творца действительности и тем самым впал в опаснейшую иллюзию. Так философы на две тысячи с половиной лет предрешили судьбу всего западного мира. Уже в поэме Парменида была заложена возможность будущей науки, в ней в некотором роде взорвалась атомная бомба.

«...Запад и Европа, и только лишь они, были во внутренней сущности хода истории по своему происхождению «философичны». Это удостоверяется подъемом и господством наук. Вследствие того что они проистекли из сокровенного западноевропейского курса истории, который был философским, они были способны к сегодняшнему дню наложить специфический отпечаток на историю человечества по всей земле».[306]

«Метафизическое» отношение к миру, породившее подавляющее человека отчуждение, в эпоху нового времени вылилось во всевластие науки и техники, растущий нигилизм и обезбожение. Научное сознание заменяет действительность «картиной мира», которую оно стремится покорить. Для него характерно «эксплуататорско-объективистское» отношение к миру. Удел человека, живущего в конце «метафизической эпохи», существование в десакрализованном и бессмысленном мире, подчиненном научно-техническому манипулированию. Выход из положения состоит, по Хайдеггеру, в отказе от «предметного» овладения бытием и возрождении чувства сакральности мира.

Идеи, которые развивались в работах К. Ясперса и М. Хайдеггера, имеют свою предысторию. Еще немецкий писатель и философ Новалис (наст. имя и фам. — Фридрих фон Харденберг) (1772—1801) выделял прошлое, когда человек был слит с природой, и настоящее, характеризующееся разрывом внутреннего единства человека и природы. С позиций романтизма он критиковал «царство разума», т.е. буржуазной культуры, науки и техники. Сходные мотивы звучат и в работах другого немецкого романтика — уже знакомого нам Ф. Шлегеля.

По существу, в качестве главной, но негативной силы исторического развития предстает человеческий разум в совместном труде мыслителей Франкфуртской школы — Макса Хоркхаймера (1895—1973) и Теодора Адорно (1903—1969) «Диалектика просвещения» (1944; 1947; 1967; русск. перевод: М.-СПб., 1997). Основной их тезис — «репрессивность разума», который с каждым своим шагом по пути рационализации мира и просвещения все в большей степени подавляет жизненные основы человеческого существования. Опасность представляют даже самые гуманные идеи, когда они переносятся философией истории в саму историю в качестве действующих сил.

«Таким образом, — пишут авторы, — христианство, идеализм и материализм, содержащие истину, наряду с тем все же несут ответственность за те мошеничества, которые во имя их совершаются. В качестве провозвестников силы — будь то даже сила добра — они превратились в способствующие укреплению организации исторические силы и в качестве таковых сыграли свою кровавую роль в действительной истории человеческого рода: роль инструментов организации. Так как история в каче-

[306] Heidegger M. What is Philosophy? New Haven,Conn., 1956. P. 31-33.

стве коррелята унифицированной теории, в качестве конструкта оказывается не благом, но как раз кошмаром, мышление становится воистину негативным элементом».[307]

Взгляд на общественное (социарное) сознание как на основу общества и ведущую силу исторического развития отстаивается в нашумевшей, но в теоретическом отношении совершенно пустой статье американского социолога Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории?» (1989; русск. перевод: ВФ. 1990. № 3; Философия истории. Антология. М., 1995), а затем в его книге «Конец истории и последний человек» (1992).

«Я же, наоборот, считаю, — пишет, критикуя марксизм, Ф. Фукуяма, — что и экономика и политика предполагают автономное предшествующее им состояние сознания, благодаря которому они только и возможны».[308] Как указывает Ф. Фукуяма, сознание не обязательно должно быть достаточно продуманным и выступать в облике политических учений. Оно может принимать форму религии или простых культурных или моральных обычаев. «Но в *конце концов* эта сфера сознания с необходимостью воплощается в материальном мире, даже — творит этот материальный мир по своему образу и подобию. Сознание — причина, а не следствие, оно не может развиваться независимо от материального мира; поэтому реальной подоплекой окружающей нас событийной путаницы служит идеология».[309]

В союзники Ф. Фукуяма привлекает Макса Вебера с его работой «Протестантская этики и дух капитализма» (1905; русск. перевод: Избранные произведения. М., 1990). «Центральная тема работы М. Вебера, — пишет он, — доказать вопреки Марксу, что материальный способ производства — не «базис», а наоборот, «надстройка», имеющая корни в религии и культуре».[310]

Такая трактовка труда М. Вебера широко распространена как в западной, так и в нашей литературе последних лет. М. Веберу приписывается взгляд на Реформацию и протестантизм как на причину появления капиталистического духа, а тем самым и капитализма.[311]

А между тем сам М. Вебер писал, что, не выводя Реформацию из экономических сдвигов, «вместе с тем мы ни в коей степени не склонны защищать столь нелепый докторинерский тезис, будто «капиталистический дух» (в том смысле, в котором мы временно употребляем это понятие) *мог* возникнуть *только* в результате влияния определенных сторон Реформации, будто капитализм как *хозяйственная система* является продуктом Реформации. Уже одно то, что ряд важных *форм* капиталистического предпринимательства, как известно, значительно *старше* Реформации, показывает полную несостоятельность подобной точки зрения».[312] В последующих изданиях свой работы М. Вебер в примечании к этим словам добавил: «Невзирая на данные и последующие (оставшиеся без изменений) достаточно ясные, с моей точки зрения, замечания, мне странным образом постоянно приписывают именно этот тезис».[313]

[307] Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.-СПб, 1997. С. 274-275.

[308] Фукияма Ф. Конец истории? // Философия истории. Антология. М., 1995. С. 297.

[309] Там же. С. 294.

[310] Там же. С. 295.

[311] См., например: Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1997. С. 296-300; Зарубина Н.Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб.,1998; Nisbet R. Developmentalism: A Crytical Analysis // Theoretical Sociology. Ed. by J.C. McKinney and E.A. Tirykian. New York, 1970. P. 200 и др.

[312] Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М. 1990. С. 106.

[313] Там же. С. 135.

Один из слоев общественного сознания оказался в центре внимания значительного числа историков, принадлежащих к «третьему поколению» школе «Анналов», или «Новой исторической науке». Как говорит наш страстный поклонник этого направления — А.Я. Гуревич, данных историков привело к этому «стремление возможно полнее и глубже раскрыть движущие силы экономики и общества».[314]

Этот новый объект исторического исследования получил название ментальностей. «Ментальности (mentalités), — писал А.Я. Гуревич, — термин, которым «новая историческая наука», наиболее влиятельное направление современной зарубежной историографии, обозначает главный предмет своего анализа: социально-психологические установки, автоматизмы и привычки сознания, способы видения мира, представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности. В то время как всякого рода теории, доктрины и идеологические конструкции организованы в законченные и продуманные системы, ментальности диффузны, разлиты в культуре и обыденном сознании. По большой части они не осознаются самими людьми, обладающими этим видением мира, проявляясь в их поведении и высказываниях как бы помимо их намерений и воли».[315]

«До недавнего времени, — утверждает А.Я. Гуревич, — историки не обращали внимания на ментальности, воображая, будто духовная жизнь исчерпывается философскими, религиозными, политическими, эстетическими доктринами и что содержание идей мыслителей и теоретиков якобы можно распространить на все общество».[316]

Как указывает он, впервые к изучению ментальности обратились в 30—40-е годы М. Блок и Л. Февр, но по настоящему оно развернулось лишь с 60-х годов. «Исследование ментальностей, — подчеркивает А.Я. Гуревич, — большое завоевание «Новой исторической науки», открывшей новое измерение истории, пути к постижению сознания «молчаливого большинства» общества, тех людей, которые образуют его основу, но которые, по сути дела, были исключены из истории».[317] В советской исторической науке этим совсем не занимались, чему препятствовал исторический материализм с его ориентацией исключительно лишь на экономику.

Прежде всего, следует отметить, что тот слой общественного сознания, который был окрещен представителями школы «Анналов» ментальностями, давно уже был известен ученым под названием общественной психологии. И сторонники исторического материализма не только не игнорировали его существования, но специально обращали на него внимания. Указание на качественное отличие общественной психологии от идеологии, т.е. от философских, политических и т.п. доктрин вошло во все учебники по историческому материализму, не исключая появившихся еще в сталинскую эпоху.

«Общественная психология, — указывалось в одном из них, — это совокупность чувств, настроений, переживаний, мыслей, иллюзий, привычек, навыков, черт характера людей данного класса или общества, стихийно возникающих в сознании людей в связи с непосредственными условиями материальной жизни».[318]

[314] Гуревич А Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы Вып. 1. М., 1989. С. 79.

[315] Там же. С. 75.

[316] Гуревич А.Я. Жак Ле Гофф и «новая историческая наука» во Франции // Ж. Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 356.

[317] Там же. С. 356.

[318] Исторический материализм. М., 1951. С. 562.

«Сферу общественной психологии, — говорится в другом учебнике, — образуют мысли, представления, чувства, настроения, непосредственно возникающие у людей в процессе их жизни, отражающие положение этих людей в обществе и побуждающие их на определенные общественные действия... Общественная психология отражает положение и интересы класса еще смутно и неоформленно, скорее стихийно, чем сознательно... Сила старых навыков, привычек, взглядов, когда эти взгляды, привычки охватывают миллионы людей, исключительно велика... В общественной психологии в *непосредственном единстве* даны политические, нравственные, эстетические и другие взгляды без их четкой дифференциации, общественная психология есть сумму всех этих взглядов, тесно переплетенных друг с другом и не всегда осознаваемых».[319]

«В отличие от идеологии, представляющей собой систему идей и в этом смысле нечто целостное, — читаем в третьем, — общественная психология включает в себя целую совокупность духовных образований, мыслей, чувств потребностей, настроений, иллюзий, нравов, представлений и т.д. Специальное изучение этих многообразных образований имеет принципиальное значение, поскольку понять историю как историю масс нельзя, не учитывая психологию массовых движений».[320]

Выделение общественной психологии (=ментальностей) имеет в марксистской мысли давнюю традицию. Огромное внимание уделял ей видный итальянский марксист Антонио Лабриола (1843—1904) в своей работе «Исторический материализм» (1896; русск. переводы: Л., 1925; А. Лабриола. Очерки материалистического понимания истории. М., 1960) и Г.В. Плеханов. В целях экономии места приведем лишь отрывок из весьма обширной рецензии последнего на книгу А. Лабриолы.

«Чтобы понять историю научной мысли или искусства в данной стране, недостаточно знать ее экономию, — излагает Г.В. Плеханов мысли автора рассматриваемой работы, полностью солидаризируясь с ними. — Надо от экономии уметь перейти к *общественной психологии*, без внимательного изучения и понимания которой невозможно материалистическое объяснение истории идеологий... Историческая наука не может ограничиться одной экономической анатомией общества, она имеет в виду *всю совокупность явлений, прямо или косвенно* обусловленных общественной экономией, до работы воображения включительно. Нет ни одного исторического факта, который своим происхождением не был бы обязан общественной экономии; но не менее верно и то, что нет ни одного исторического факта, которому не предшествовало бы, которого не сопровождало бы и за которым не следовало бы известное состояние сознания. Отсюда — огромная важность общественной психологии. Если с нею необходимо считаться уже в истории права и политических учреждений, то без нее нельзя сделать ни шагу в истории литературы, искусства, философии и проч.».[321]

Обращение представителей школы «Анналов» к исследованию общественной психологии можно только приветствовать, однако никакого ключа к пониманию сущности исторического процесса оно не дает и дать не может. Объясняя все ментальностями, они в то же время уклоняются от ответа на вопрос об источнике, основе ментальностей. И, разумеется, ничего они не могут сказать о движущих силах истории. Это вынужден признать и А.Я. Гуревич. «Возвращаясь к Школе «Анналов», — пишет он, — нужно признать, что в центре внимания ее представителей находятся не измене-

[319] Чесноков Д.И. Исторический материализм. М.,1964. С. 294-295.

[320] Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Исторический материализм. М., 1969. С. 293.

[321] Плеханов Г.В. О материалистическом понимании истории // Избр. философ. произв. в 5-ти т. Т. 2. М., 1956. С. 247-248.

ния, не развитие, но стабильные состояния, структуры (экономические, социальные, ментальные). Синхрония, а не диахрония, заполняет современное видение истории».[322] История без изменений, без развития, т.е. история без истории — вот последнее слово этого направления западной историологии.

Еще одна, довольно аморфная и расплывчатая концепция основы общества и движущих сил социальной эволюции возникла в результате попыток раскрыть качественное отличие человека от животных. Было ясно, что тут ничем не может помочь анализ морфофизиологической организации человека. Отличие физической организации человека от физической организации животных, конечно, значительно. Но не только не меньшим, а иногда существенно большим может быть различие между физической организацией животных разных видов. Вряд ли могут быть сомнения в том, что, например, шимпанзе по своей морфофизиологической организацией значительно больше отличается от паука, чем от человека.

Иная картина получается при сравнении поведения животных и поведения людей. Разумеется, животные разных видов ведут себя далеко не одинаково. Однако сходство и различие в поведении животных, относящихся к разным видам, имеет одно объяснение. Животное есть биологический организм. Его поведение представляет собой одну из форм функционирования его организма. Это обусловлено тем, что структура организма детерминирует потребности животных, стимулы их поведения, иначе инстинкты: пищевой, половой, самосохранения и др.

В зависимости от строения организма пищевой инстинкт может проявиться как потребность в мясе или как потребность в траве. Структурой организма определяется и способ реализации той или иной потребности. Одни хищники преследуют дичь, другие — подстерегают ее в засаде. Поведение животных наследственно предопределено, генетически запрограммировано.

Данное утверждение отнюдь не равносильно положению, будто все акты, из которых складывается поведение животных, представляют собой безусловные рефлексы. Если бы поведение животных было безусловно-рефлекторным, то оно не смогло бы обеспечить их существование в сложной и меняющейся среде. Поэтому поведение животных, исключая, может быть, самых низших, неизбежно в той или иной степени должно было быть индивидуально приобретенным, или условно-рефлекторным. У высших млекопитающих почти все конкретные акты поведения составляют по существу действия индивидуально приобретенные. Это не значит, что в их поведении вообще нет актов, которые можно было бы характеризовать как наследственные. Однако в отличие от низших животных такие акты не играют здесь сколько-нибудь существенной роли.

Поведение высших млекопитающих по своей форме почти целиком является индивидуально приобретенным. Вместе с тем оно представляет собой не что иное, как проявление наследственного содержания. Индивидуальные вариации поведения возможны лишь в определенных пределах. По своей сути они становятся средством удовлетворения тех основных потребностей, которые обусловлены строением организма.

Поэтому поведение всех животных, принадлежащих к одному виду, в своей сущности одинаково, так же как одинаковы в своей сущности их организмы. Поведение животного есть биологическое и только биологическое явление. Его можно объяснить целиком и полностью, не выходя за рамки биологии.

[322] Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. С. 282.

Иначе обстоит дело с человеком. Все люди, живущие на Земле в течение последних нескольких десятков тысяч лет, относятся к одному и тому же биологическому виду — Homo sapiens. Этот факт общепризнан. Но столь же несомненно существование значительных различий между поведением людей, входящих в состав различных социоисторических организмов — конкретных, отдельных обществ.

В связи с этим необходимо сделать одно важное уточнение. Говоря о поведении животных, я имею в виду всю их внешнюю деятельность, включая как их действия по отношению к вещам и животным других видов, так и взаимодействие между особями одного вида. Но если применительно к животным такой подход вполне оправдан, то применительно к человеку он неприемлем. Во всем дальнейшем изложении под поведением людей я буду подразумевать лишь их действия, точнее, поступки по отношению друг к другу. В поведении, понимаемом в таком смысле, наиболее отчетливо проявляются те самые различия, о которых идет речь.

Суть дела, следовательно, не просто в наличии индивидуальных вариаций поведения людей. Не является совершенно одинаковым и поведение особей, относящихся к одному и тому же виду животных. Но поведение таких животных одинаково по своей сущности. О поведении же людей сказать нечто подобное нельзя.

Одинаково, в сущности, лишь поведение людей одного и того же общества, а если общество имеет классовую структуру, то одного и того же класса. Нельзя забывать и то, что различия в поведении людей, входящих в состав разных социальных образований, не сводятся к различиям лишь в форме поведения. Их поведение может различаться и по содержанию. У людей, принадлежащих к разным обществам, классам и другим социальным группам, могут быть различные мотивы, стремления, намерения, желания. Не остается неизменным в процессе развития и поведение членов одного и того же социального образования. Оно меняется и по форме, и по содержанию.

Ни различия в поведении членов разных обществ, ни фундаментальную общность поведения членов одного общества (по крайней мере, представителей классов данного классового общества) невозможно объяснить особенностями структуры организма людей. Поведение людей генетически не запрограммировано, как поведение животных, включая высших. Но отсюда отнюдь не следует, будто поведение людей вообще не запрограммировано и не обусловлено.

Наоборот, совершенно отчетливо бросается в глаза и его запрограммированность, и его обусловленность. Люди в одном и том же обществе ведут себя в сущности одинаково потому, что руководствуются одной и той же программой. Различие поведения людей в разных обществах объясняется существованием в них различных программ.

В каждом из этих обществ программа поведения передается от одних людей к другим, от одного поколения к другому. Однако передается совершенно иным способом, чем генетическая программа. Последняя записана в молекулах ДНК и транслируется через зародышевые клетки. Программа, определяющая поведение людей, передается, минуя механизм биологической наследственности. Средствами ее передачи становится пример, показ, язык (членораздельная речь). Эту программу, представляющую собой концентрированный общезначимый опыт предшествующих поколений, обществоведы обычно именуют культурой. В таком понимание культура выступает как чисто идеальное, духовное явление и по существу совпадает с понятием общественного (социарного) сознания, но рассматриваемого не вообще, а в определенном ракурсе, под определенным углом.

Понятием культуры обществоведы пользуются давно. Однако вплоть до сравнительно недавнего времени они редко сопоставляли культуру с передачей генетической программы. Иначе подходили к этому биологи. Они, как правило, обращали внимание на передачу опыта через посредство примера и языка, сравнивая ее с биологической наследственностью.

Одни из них писали о двух процессах наследственности у человека.[323] Другие предлагали употреблять термин «наследственность» для обозначения исключительно лишь передачи информации через половые клетки, а передачу информации иным путем называть «преемственностью».[324] Встречаются в трудах генетиков и такие термины, как «генетическая программа» и «социальная программа», «биологическое наследование» и «социальное наследование», а также «социальная преемственность».[325]

Но чаще всего все же употребляется термин «культура». Именно в культуре ищет большинство западных исследователей-обществоведов основу человеческого поведения. Сущность поведения человека, подчеркивают многие из них, определяется культурой, а не структурой его организма.[326] С этим связана нередко встречающаяся в их работах характеристика культуры как суперорганического, надбиологического явления.[327] Таким образом, сущность отличия человека от животных они видят в том, что первый обладает культурой, а последние ее не имеют.

Казалось бы, проблема решена. Однако в действительности налицо лишь видимость ее решения, не более. Чтобы убедиться в этом, достаточно поставить вопрос об источнике и основе программы поведения человека. Ответ, казалось бы, прост: так как культура представляет собой общезначимый опыт человеческой деятельности, то ее источником и основой является сама практическая деятельность. Именно в практике приобретается людьми опыт. Но сама деятельность определяется, во-первых, программой, в которой выражается старый опыт, и, во-вторых, новым опытом, который вносит изменения в программу. Получается так, что программа определяется практикой, а практика — программой. Образуется замкнутый круг.

Применительно к материально-производственной деятельности людей подобный круг разрывается довольно легко. Материально-производственная деятельность представляет собой взаимодействие человека с природой, которая существует независимо от сознания и воли людей, с материальными вещами. В процессе материального производства человек изменяет вещи, придает им иную форму. Добиться этого он может только одним путем: действовать не как угодно, а вполне определенным образом.

Образ действия человека детерминирован в конечном счете объективными свойствами тех вещей, с которыми человек оперирует. Именно в процессе взаимодействия с объективным миром выявляется, какие действия человека являются правильными, обеспечивающими достижения желаемого результата, а какие ошибочными, обрекающими на неудачу.

Программа материально-производственной деятельности вырабатывается сознанием людей на основе практики взаимодействия с внешним миром и полученных в

[323] См.: Морган Т.Г. Экспериментальные основы эволюции. М.-Л., 1936.

[324] См.: Давиденков С.Н. Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии. Л., 1947.

[325] Дубинин Н.П. Философские и социологические аспекты генетики человека.// ВФ. 1971. № 1. С. 36-39; Эфроимсон В. Родословная альтруизма.// НМ. 1971. № 10. С. 193.

[326] Kroeber A.L, The Superorganic // A.L. Kroeber The Nature of Culture. Chicago, 1952; L.A. White. The Evolution of Culture. New York etc,1959. P. 12-17.

[327] Kroeber A.L. Op. cit.; White L.A. Op. cit.; Kaplan D. The Superorganic: Science or Metaphisics? // AA. 1965. Vol. 67. № 4.

ходе этого взаимодействия знаний о свойствах материальных вещей и возможностях их использования. В конечном счете источником этой программы является объективный внешний мир. Сознание человека способно правильно направлять человеческую деятельность по преобразованию объективного мира потому, что оно более или менее адекватно отражает этот мир.

Сложнее обстоит дело с поведением людей, т.е. с их действиями по отношению друг к другу. Ясно, что тот или иной образ поведения определяется существующей программой поведения. На вопрос о том, чем определяется сама эта программа, можно, конечно, как и в случае с материально-производственной деятельностью, сослаться на практики самого поведения, в ходе которой выясняется, как человеку нужно вести, а как нельзя, какие поступки людей правильны, а какие — ошибочны.

Но если в ходе материально-производственной деятельности критерий, отделяющий правильные действия от ошибочных, — это особенности объективных вещей, с которыми человек имеет дело, то в случае поведения человека получается, что таким критерием является соответствие или несоответствие его поступков существующей программе поведения. Правильны те поступки, которые соответствуют правилам, нормам, содержащимся в программе, ошибочны — расходящиеся с этими нормами.

В случае с материально-производственной деятельностью человека за неправильные действия наказывает природа, в случае с поведением — другие члены общества, которые руководствуются программой, которая определяет, как поступать можно и должно, а как — нельзя.

В рамках рассматриваемой концепции, которую можно назвать *культурным детерминизмом*, неизбежен вывод, что у программы поведения нет не зависящей от сознания, объективной основы. В результате сама программа, т.е. общественное сознание, выступает как единственная основа деятельности людей, а тем самым и человеческой истории. Порочный круг разрывается при таком подходе, но ценой признания сознания за первичное, определяющее по отношению к поведению. Это — типичный социоисторический идеализм.

Таков конечный итог, к которому неизбежно должны прийти все, кто разделяет взгляд, согласно которому суть отличия человека от животного заключается в наличии у него культуры. И если к нему не приходят прямо, то это говорит лишь о явной непоследовательности. Изменить идеалистический характер концепции не могут и утверждения о том, что культура не зависит от человека, что культура управляет человеком и т.п. Согласно такой точке зрения, именно развитие культуры, т.е. общественного (социарного) сознания лежит в основе эволюции общества. Но ответа на вопрос, почему развивается та часть культуры, которая определяет поведение людей, а тем самым и ход истории, сторонники этой точки зрения не дают.

Кстати сказать, взгляд на культуру как нечто существующее и развивающееся независимо от человека, не нов. Как мы уже знаем (1.4.2), его в свое время отстаивал Л. Фробениус, который тоже ничего не мог сказать о реальном источнике ее развития.

3.14.9. Биологические и социально-биологические концепции (Э. Уилсон, Ж. Дюби, И.П. Павлов, З. Фрейд, В. Райх и др.)

Выявление идеалистической природы последней из рассмотренных выше концепций стало одной из причин возникновения в последние десятилетия среди западных ученых весьма своеобразного течения. Сторонники его не могли примириться с фак-

тическим отрицанием материальной основы человеческого поведения. Как совершенно справедливо отмечали они, в суперорганической теории культуры все нормы человеческого поведения выступают по существу в качестве «свободных продуктов человеческого воображения».[328]

Стремясь преодолеть подобную интерпретацию программы социального поведения, они начали искать и «нашли» ее материальный базис в биологии человека, в его наследственной основе, в его генотипе. По их мнению, и анатомическая организация человека, и в своих основных чертах социальное поведение человека запрограммированы генетически. Они-то (генетически запрограммированные анатомическая и поведенческая системы) и являются единым базисом человеческой социальной организации.[329] Корни социальной организации уходят в их интерпретации к биологической организации человека. Поэтому отличие человека от других видов животных имеет точно такой же характер, как отличие любого животного вида от остальных видов.

С такой точки зрения проблема соотношения природы и культуры представляется надуманной и фальшивой, ибо «культура есть просто специфически видовое поведение одного особенного примата и должна быть объяснена теми же самыми принципами, что и развитое поведение любого примата».[330] Основной вывод, к которому приходят сторонники данной концепции, заключается в том, что изучение человеческого социального поведения становится одной из областей сравнительной зоологии животного поведения и является в широком смысле объектом того же самого рода анализа и объяснения. «Никакой другой специальной теории, кроме дарвиновской, не нужно, чтобы объяснить развитие и постоянство более общих черт человеческой социальной организации».[331]

Так утверждают сторонники «этологии человека». Им вторят последователи «социобиологии», представляя ее в виде систематического изучения «всех форм социального поведения, одинаково как у животных, так и у человека».[332] Свою задачу применительно к человеку они видят в том, чтобы поместить социальную науку в биологические рамки.[333] Они убеждены, что социобиология может помочь понять человеческое поведение и его фундаментальные правила.[334] В частности, по их мнению, эта дисциплина открывает путь к пониманию морали вообще, альтруизма в особенности. «Я полагаю, — пишет основоположник социобиологии Эдвард Осборн Уилсон, — что глубоко лежащая эмоция альтруизма, которая мощно выражает себя потенциально во всех человеческих обществах, есть следствие генетического вклада».[335]

Таким образом, стремление преодолеть идеализм в понимании отличия человека от животного, которое господствует у одной части западных исследователей, привело другую их часть к отрицанию существования качественной грани между человеком, с одной стороны, и животными — с другой, т.е. к биологизации человека и одновременно социализации животных. В настоящее время социобиология перестала быть чисто западным явлением. Она получила распространение и в нашей стране. В частности,

[328] Fox R. Primate Kin and Human Kinship // Biosocial Anthropology. London, 1975. P. 9.
[329] Tiger L., Fox R. The Zoological Perspective in Social Science // Man. 1966. Vol. I. № 1. P. 76.
[330] Fox R. Op. cit. P. 9.
[331] Tiger L., Fox R. Op. cit. P. 76.
[332] Wilson A. Sociobiology: a New Approach to Understanding the Basis of Human Nature // New Scientist. 1976. Vol. 70, № 1000, P. 342.
[333] Ibid.
[334] Ibid. P. 345.
[335] Ibid. P. 343.

нашими социобиологами было сделано выдающееся открытие — они нашли демократию у... обезьян.[336]

Взгляды, близкие к социобиологическим, развивал у нас крупный генетик Владимир Павлович Эфроимсон (1908—1989) в работах «Родословная альтруизма» (НМ. 1961. № 10) и «Генетика этики и эстетики» (СПб., 1995).

Подход, сходный с социобиологическим, наблюдается и в исторической науке. Крупный французский историк Жорж Дюби (1919—1996) в своей работе «Общество XI—XII веков в районе Макона» (1971) пытался обосновать взгляд, согласно которому в глубинной основе общественного строя средних веков лежали такие биологические факторы, как законы генетики, наследуемого кода, записанного самой природой в ДНК. В специальном номере «Анналов» с подзаголовком «Антропология Франции» (1976, № 4) в целом ряде статьей приводятся различного рода данные, которые, по мысли авторов, должны свидетельствовать о том, что социальное поведение человека диктуется наследственностью, генетическим кодом. В труде французских историков «За историю питания» (1970) человек выступает как биологический индивид, связанный с другими такими же индивидами, поведение которых обусловлено неким туманным «биологическим потенциалом».[337]

Этология человека и социобиология, разумеется, не первые биологические концепции общества. Биологический подход к обществу мы наблюдали у Дж. Таунсенда, обращавшего особое внимание на борьбу за существование, в которой побеждают сильнейшие. После появления «Происхождения видов путем естественного отбора» (1859) Чарльза Дарвина возникло множество концепций общества, которые объединяют под названием социал-дарвинизма. Одним из убежденных поборников социал-дарвинизма был итальянский социолог Микеле Анджело Ваккаро (р. 1854) — автор книг «Борьба за существование и ее последствия для человечества» (1886), «О жизни народов в связи с борьбой за существование» (1886), «Проблемы мира и будущего мирового устройства» (1917). Такого рода концепции продолжают возникать и сейчас. В качестве примера можно привести работу Роберта Байджлоу «Воины рассвета. Человеческая эволюция к миру» (1969), в которой естественный отбор, проявляющийся прежде всего в войнах, насилии, резне, истреблении, объявляется движущей силой истории.

Попытки объяснения истории с позиций биологии предпринимали многие естествоиспытатели. Остановлюсь лишь на одной из них, предпринятой великим русским физиологом Иваном Петровичем Павловым (1849—1836). Как-то в беседе с А.М. Горьким ученый заметил: «Вот мы с вами поспорили. Одно и то же вещество нашего мозга воспринимает впечатления и реагирует на них различно и даже непримиримо различно. Я ищу причину этого в биологической — органической химии, вы — в какой-то химии социальной. Мне такая незнакома...».[338]

И.П. Павлов, создавший теорию высшей нервной деятельности животных, в которой поведение животных выступало как условно-рефлекторное, не сомневался в том, что условно-рефлекторный характер носит и поведение человека. Тем самым он сводил человека к организму, т.е. считал его чисто биологическим существом. Отсюда и

[336] См.: Бутовская М.Л., Плюснин Ю.М.. Принципы организации пространственного поведения у человека и высших приматов (сравнительный анализ) // Современная антропология и генетика и проблема рас у человека. Сборник статей. М., 1995.

[337] См.: Соколова М.Н. Современная французская историография. М., 1979. С. 67-77, 292-295.

[338] Горький А.М. Из воспоминаний о И.П. Павлове // Собр. соч. в 30-ти т. Т. 17. М., 1952. С. 469.

глубокое убеждение, что поведение человека, так же как и поведение животных, может быть полностью, без остатка объяснено таким разделом естествознанием как созданная им физиология высшей нервной деятельности.

«...Теперь я, — писал он в 1922 г. во введении к «Двадцатилетнему опыту объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных», — глубоко, бесповоротно и неискоренимо убежден, что здесь главнейшим образом, на этом пути окончательное торжество человеческого ума над последней и верховной задачей его — познать механизмы и законы человеческой натуры, откуда только и может произойти истинное, полное и прочное человеческое счастье... Только последняя наука, точная наука о самом человеке — а вернейший подход к ней со стороны всемогущего естествознания — выведет его из теперешнего мрака и очистит его от теперешнего позора в сфере межлюдских отношений».[339]

Но провозглашая все это, И.П. Павлов в то же время не мог не видеть, что действия человека невозможно объяснить, исходя лишь из обычных животных инстинктов (по его терминологии — безусловных рефлексов): пищевого, полового и инстинкта самосохранения. Поэтому он придумывает новый безусловный рефлекс — рефлекс цели, который в наиболее яркой форме проявляется в коллекционерстве.

«Вся жизнь, — писал он, — все ее улучшения, вся ее культура делается рефлексом цели, делается только людьми, стремящимися к той или иной поставленной ими себе в жизни цели. Ведь коллекционировать можно все, пустяки, как и все важное и великое в жизни: удобства в жизни (практики), хорошие законы (государственные люди), познания (образованные люди), научные открытия (ученые люди), добродетели (высокие люди) и т.д.».[340] А затем он изобретает для объяснения поступков человека еще два прирожденных рефлекса: рефлекс свободы и рефлекс рабства.[341]

Кроме биологических, существуют и различного рода концепции, которые можно охарактеризовать как социально-биологические. К числу их прежде всего относится направление, начало которому положили работы Зигмунда Фрейда (1856—1939), среди которых обществу специально посвящены «Тотем и табу» (1912; русск. переводы: Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. Кн. 1. Тбилиси, 1991; Фрейд З. Я и Оно. М.-Харьков, 1998; СПб., 1997) и «Человек Моисей и монотеистическая религия» (русск. перевод: Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М., 1992). Изложить взгляды З. Фрейда на общество и историю не так просто, ибо они претерпевали определенные изменения и довольно противоречивы.

Основная его мысль состоит в том, что если первобытные люди полностью удовлетворяли свои инстинкты, прежде всего половой, то с созданием цивилизации им пришлось отказаться от этого, ограничив и подавив свои сексуальные стремления.

Подавленная половая энергия была трансформирована (сублимирована) в несексуальную психическую энергию, которая и была использована для строительства цивилизации. Чем выше уровень цивилизации, тем больше сексуальной энергии должен человек сублимировать и соответственно подавлять свое либидо (сексуальное стремление). Результат чрезмерного подавления (фрустрации) своих инстинктов — растущая склонность к неврозам.

[339] Павлов И.П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных Сборник статей, докладов, лекций и статей 7-е изд. М., 1951. С. 9-10.

[340] Павлов И.П. Рефлекс цели // Там же С. 199-200.

[341] Павлов И.П. Рефлекс свободы // Там же. С. 219-222.

И поэтому, хотя историческое развитие — позитивное явление (если учитывать только созданные цивилизацией продукты), но оно же с неизбежностью влечет за собой неудовлетворенность цивилизацией.

Начало цивилизации рисуется З. Фрейдом следующим образом. Существовала первобытная орда во главе с отцом, который пользовался всеми женщинами, не допускал к ним сыновей и изгонял их. В конце концов сыновья объединились, убили отца и съели его. Затем их охватило чувство вины. Они раскаялись и отказались от плода победы — доступа к женщинам орды. Так возникла первая моральная норма — табу, или запрет инцеста. Одновременно дается и другое объяснение этого табу: он был введен для того, чтобы предотвратить борьбу между братьями из-за женщин орды и тем обеспечить в ней мир.

По Фрейду, ребенок в своем развитии проходит тот же путь. В возрасте пятишести лет мальчик испытывает сексуальное тяготение к матери и сильнейшую ревность к отцу. Он подавляет в себе это желание из-за угрозы кастрации. Чтобы освободиться от постоянного страха, ребенок усваивает табу на кровосмешение и тем сам закладывает основу для формирования Супер-Эго. Этот комплекс, который З. Фрейд именует эдиповым, занимает в его учении центральное место.

Согласно Фрейду, личность человека включает три компонента: Ид (Оно), Эго (Я) и Супер-Эго (Сверх-Я). «Оно» представляет собой совокупность инстинктивных стремлений, это — неорганизованная, но единая сила, выступающая в качестве движущей силы личности. Так как большая часть этих желаний не допускается в сознание, то «Оно» практически совпадает с бессознательным.

«Я» совершает рационально оценку реальной ситуаций с целью наметить такую программу поведения, которая обеспечит выживание человека. «Я» решает, какие действия человек может позволить себе в данной ситуации, а какие нет, какие инстинктивные желания он может удовлетворить без риска погибнуть, а какие нужно подавить. «Я» можно считать выражением сознания.

Но «Я» лишь отчасти может контролировать слепые силы «Оно». «Я» не является хозяином в собственном доме, а одновременно служит «трем господам»: «Оно», внешнему миру и «Сверх-Я», которое представляет усвоенные вначале отцовские, а затем все вообще общественные требования и нормы. Эти «три господина» постоянно угрожают «Я» и держат его в состоянии напряжения и страха. Для обозначения действия сил и тенденций, фильтрующих бессознательные импульсы и препятствующих их проникновение в сознание, З. Фрейд применяет слово «цензура». Цензура действует в зоне перехода от бессознательного к сознательному. Все отклоненное цензурой вытесняется из сознания в подсознание.

Согласно Фрейду, сознание занимает сравнительно небольшое место в психической жизни. Оно всегда находится под влиянием психических процессов, которые протекают бессознательно и поэтому недоступны для сознательного контроля. Поэтому огромное значение для понимания поведения людей, жизни общества и исторических событий имеет изучение бессознательного и особенно эдипова комплекса. С позиций психоанализа З. Фрейд пытался объяснить все, включая литературное творчество. Так, например, у него есть работа «Достоевский и отцеубийство» (русск. перевод: З. Фрейд. »Я» и «Оно». Труды разных лет. Кн. 2. Тбилиси, 1991).

У З. Фрейда всегда была масса последователей. Одни из них были ортодоксами, другие — реформаторами и ревизионистами. К числу самых ярких ревизионистов относится Вильгельм Райх (1897—1957), который рассматривал проблемы общества и

его истории в работах «Психология масс и фашизм» (1933, 1934, 1942; русск. перевод: СПб., 1997) и «Сексуальная революция»(1936; русск. перевод: СПб. М., 1997). В. Райх пытался соединить фрейдизм с марксизмом. Он — основоположник фрейдомарксизма. Свою социологию в отличие от фрейдовской — психоаналитической — он именовал сексуально-энергетической.

Он считал, что при оценке человеческих реакций мы имеем дело с тремя разными слоями «биопсихической структуры». Для поверхностного уровня личности среднего человека характерны сдержанность, вежливость, сострадание, ответственность, добросовестность. Этот слой опирается на второй, промежуточный, который состоит исключительно из импульсов жестокости, садизма, сладострастия, жадности и зависти. Именно это, утверждает В. Райх, Фрейд называл бессознательным. По Райху же, эта совокупность влечений, будучи бессознательной, т.е. антисоциальной, представляет собой не первичное, биологическое явление, а вторичное. «Вторичные влечения» есть результат подавления первичных биологических влечений.

За вторым слоем обнаруживается третий, самый глубокий — биологическая основа. «В этой основе, — говорит В. Райх, — при благоприятных условиях человек, как правило, представляет собой искреннее, трудолюбивое, склонное к сотрудничеству, любящее и, при наличии достаточной мотивации, рационально ненавидящее существо».[342]

В отличие от З. Фрейда В. Райх считает, что подавление и вытеснение секса восходит не к истокам развития культуры, а к началу разделение общества на классы. Оно диктуется интересами возникающего господствующего класса. «В результате морального сдерживания естественной сексуальности ребенка, — пишет В. Райх, — которая на последнем этапе приводит к существенному ослаблению его генитальной сексуальности, у ребенка развивается пугливость, робость, страх перед авторитетом, покорность, «доброта» и «послушание» в авторитарном смысле этих слов. Такое сдерживание парализует действие мятежных сил в человеке, так как каждый жизненный порыв теперь обременен страхом; поскольку секс стал запретной темой, критическая способность и мысль человека также становятся запретными. Короче говоря, задача морали заключается в формировании покорных личностей, которые, несмотря на нищету и унижение, должны соответствовать требованиям авторитарного строя».[343]

Возникшая таким образом структура личности детерминирует все, что совершается в обществе. «Все происходящее в общественной жизни — активно или пассивно, намеренно или ненамеренно, — утверждает В. Райх, — определяется психологической структурой масс».[344]

С таких позиций он объясняет и фашизм. «В его сущности, — читаем мы у него, — воплощаются не поверхностный и глубинный слои, а, как правило, второй, промежуточный характерологический слой вторичных влечений».[345] «С точки зрения характера человека, — конкретизирует дальше В. Райх, — «фашизм» представляет собой основное, эмоциональное отношение «подавленного» в человеке к нашей авторитарной, машинной цивилизации и ее механистически мистическому понимании жизни».[346]

[342] Райх В. Психология масс и фашизм. СПб., 1997. С. 10.
[343] Там же С. 55.
[344] Там же. С. 311.
[345] Там же. С. 12.
[346] Там же. С. 12.

Из всего этого делается вывод, что для обеспечения лучшего будущего человечества нужна сексуальная революция, т.е. снятие всех ограничений в отношениях между полами, прекращение подавления половых влечений людей. По существу, та же самая идея обосновывается в книге известного философа, представителя Франкфуртской школы Герберта Маркузе (1898—1979) «Эрос и цивилизация. Философское исследование учения Фрейда» (1956; русск. перевод: Киев, 1995).

В заключение упомяну еще одну концепции, которая в общем и целом тоже может быть отнесена к числу биологических. Суть ее заключается в том, что психика, а тем самым деятельность людей, включая и общественную, в известной степени определяется качеством пищи. Такая идея, высказаная еще Ж. Ламетри в работе «Человек-машина» (Избранные сочинения. М.-Л., 1927. С. 185—186) развивалась в последующем т.н. «вульгарными» материалистами» — Карлом Фогтом (1817—1895) и Якобом Молешоттом (1822—1893). Как писал последний в работе «Физиологические эскизы» (русск. перевод: М., 1865): «Нельзя отрицать, что превосходство англичан и голландцев перед туземцами из колоний зависит от превосходства их мозга, которое обуславливается превосходством крови, зависящем от пищи».[347] В той же книге он связывает распространение на юге Европы католицизма, а на севере протестантизма с употреблением в первом регионе кофе, а во втором — чая. «Точные наблюдения показали, — писал Я. Молешотт, — что чай изощряет ум, между тем как кофе окрыляет воображение».[348] С распространением чая и кофе он связывает и рост образованности, начавшийся в XVIII в.

Подобного рода взгляды сочувственно излагались выдающимся русским мыслителем, публицистом и литературным критиком Дмитрием Ивановичем Писаревым (1840—1868) в статьях «Физиологические эскизы Молешотта» (1861; Соч. Ч. 6. Пб., 1866) и «Процесс жизни» (1861; Там же). Успехи в умственном и общественном развитии Европы он, например, связывал с разнообразием пищи вообще, с равновесием между мясной и растительной пищей в частности. У европейца нет дикости, которая характерна для охотников, питающихся в основном мясом, и сонливости, присущей индусам, пищу которых составляют коренья и овощи. У европейца «мозг тянет из крови столько фосфора, сколько понадобится; работа мысли идет широким махом, возникают философские системы и художественные произведения, слагаются социальные теории и практические усовершенствования, является вера в силы человеческие и человеческое достоинство...».[349]

В рецензии на книгу Я. Молешотта «Учение о пище» (русск. перевод: СПб., 1863) пропагандировал такого рода взглядов и уже знакомый нам В.А. Зайцев (Избр. соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1934). В самое последнее время отзвуки такого рода взглядов можно найти в сочинении Теренса Макенны «Пища богов» (русск. перевод: М., 1995).

3.14.10. Провиденциализм и русская религиозная философия конца XIX — начала XX вв.

Как ни странно, но и в XX в. продолжал существовать провиденциализм. Он в частности отстаивался представителями русской религиозной философии конца XIX —

[347] Молешотт Я. Физиологические эскизы М., 1865. С. 7.
[348] Там же. С. 77.
[349] Писарев Д.И. Физиологические эскизы Молешотта // Соч.. Ч. 6. Пб., 1866. С. 33.

начала XX вв. Так как эту философию сейчас всячески превозносят, то имеет смысл остановиться на ней.

Привычным штампом сейчас стали слова о русском культурном ренессансе вообще и русском философском ренессансе в частности, имевшем место в конце XIX — начале XX века. Их повторяют все, кому не лень, совершенно не вдумываясь в их значение. Это стало символом веры, но не предметом знания. А между тем задуматься над смыслом этих сакральных формул стоило бы.

Слово «ренессанс» в переводе на русский язык означает возрождение. О возрождении какого-либо явления можно говорить лишь в том случае, когда оно когда-то существовало, а затем погибло. Применение слова «ренессанс» для характеристики того, что происходило в Западной Европе в XIV–XVI вв. понятно. Гуманисты были убеждены, что в результате их усилий была возрождена погибшая, забытая античная культура. А какая же культура была возрождена в конце XIX — первой половины XX века в России? Русская? Но она никогда не погибала. Но если не было гибели, то не могло быть и возрождения. Иначе говоря, все разговоры о русском культурном ренессансе конца XIX — начала XX веков — пустая фраза, не имеющая реального содержания. Эти пустые, но с рвением повторяемые слова были направлены на достижение определенной цели.

Чтобы понять эту цель, перейдем от «русского культурного ренессанса» вообще, к «русскому философскому ренессансу». Конечно, никакой гибели философии в России тоже никогда не было. Как уже указывалось, философия у нас не возникла, а была привнесена с Запада (2.5.3). О более или менее самостоятельной философской мысли в России можно говорить лишь начиная с XIX в.

Была в XIX в. в России и религиозная философия, но она с самого начала находилась на обочине, была в основном казенной, православной. Из лиц, не принадлежавших к числу преподавателей духовных учебных заведений, к ней обращались лишь единицы. Начиная примерно с середины XIX в. среди русской интеллигенции восторжествовали идеи материализма и материалистически понимаемого позитивизма. Попытки религиозных философов, например Памфила Даниловича Юркевича (1826–1874), переломить эти настроения были встречены ядовитыми насмешками.

Так продолжалось почти до конца XIX в., когда религиозные веяния охватили определенную часть русской интеллигенции. На этой волне возникла новая, иная, чем раньше, русская религиозная философия. Конечно, ни о каком «возрождение русской философии» говорить не приходится. Но возрождение интереса определенной части образованных русских людей к религиозной философии действительно имело место. Это явление не получило слишком большого распространения. Шума было много, но результаты — ничтожны. Большинство интеллигентов продолжало придерживаться прежних взглядов и не собиралось от них отказываться. Религиозные философы в России и их последователи составляли ничтожную и мало влиятельную секту.

Но, разумеется, количественный критерий в истории не всегда применим. Гуманистов в Италии XIV в. было не слишком много, что нисколько не исключает их огромного влияния на культуру не только этой страны, но и всей Западной Европы, а в конечном счете и мира.

Чтобы понять значение новой русской религиозной философии, прежде всего нужно вскрыть причины, ее породившие. Суть дела в том, что в России в конце XIX — начале XX века назревала великая народная революция, которой предстояло смести старый отживший общественный строй. То, что старая Россия обречена на гибель, в той

или иной форме осознавали многие, причем не только политики. Предчувствием надвигающегося урагана принизана русская поэзия конца XIX — начала XX вв. В частности, такой «профетический» характер носят многие стихотворения основоположника новой русской религиозной философии Владимира Сергеевича Соловьева (1853–1900), и прежде всего «Панмонголизм» (1894), в котором гибель старой России по аналогии с падением Западной Римской империи и крахом Византии рисуется как результат внутреннего разложения и вторжения иных народов. Первый Рим был сокрушен варварами, второй Рим — османами, а третий Рим — станет жертвой нашествия желтой расы.

В.С. Соловьев был не одинок. Сходную картину рисует В.Я. Брюсов в «Грядущих гуннах». Можно вспомнить Александра Александровича Блока (1880–1921), предсказывавшего «неслыханные перемены, невиданные мятежи», и Максимилиана Александровича Волошина (1877–1932) с его «Ангелом мщения».

Та часть русской интеллигенции, которая жила общими нуждами с народом, приветствовала грядущую революцию. Но тот ее слой, который был тесно связан с русской буржуазией, (не говоря уж о тех ее представителях, что выражали интересы дворянства) революции панически боялся. Пусть не очень осознанно, но ощущая, что никакая естественная социальная сила не способна предотвратить надвигающуюся бурю, эти люди вынуждены были заняться поисками иных сил, возложить свою надежду на иной мир. Так они пришли к религии. Но понимая, что православие в его традиционной форме мало чем может помочь, они занялись созданием религиозно-философских систем.

Превращение их в сторонников религии шло бок о бок с эволюцией их политических взглядов. Уже в первые годы XX в. русские религиозные философы выступили как ярые противники революции. Уже тогда в их работах отчетливо проявился страх перед народом. Революция 1905–1907 гг. окончательно превратила их в прямых реакционеров. Страх перед народом дополнился ненавистью к нему.

Все это нашло отчетливое выражение в знаменитых «Вехах» (1909). Об этой книге написано много. Бессчетны попытки выдать ее авторов за благороднейших людей, озабоченных лишь судьбами родины. Но действительные мотивы, двигавшие ими, как нельзя лучше раскрыты А.А. Блоком в написанном им в разгар революции стихотворении «Сытые»:

Так — негодует все, что сыто,
Тоскует сытость важных чрев:
Ведь опрокинуто корыто,
Встревожен их прогнивший хлев!.[350]

Основная идея «Вех» до предела ясно была выражена в одном из высказываний Михаила Осиповича Гершензона (1869–1925): *«Каковы мы есть,* нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной».[351] И русские религиозные философы стеной встали на защиту российского самодержавия, стали его верными слугами. Это признают и нынешние их поклонники.

Вот, например, что пишет об идейной и политической эволюции одного из видных

[350] Блок А. Стихотворения и поэмы М , 1969 С. 55.
[351] Гершензон М.О. Творческое самосознание // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 90.

русских философов Николая Сергеевича Булгакова (1871—1944) автор предисловия к сборнику его работ: «К 1905 г. философский идеализм Булгакова уже успел получить религиозную окраску. В мировоззрение же его на смену революционизму пришел либерализм... Начиная с 1907 г. происходит и отказ от либерализма, уступающего место консерватизму, охранительству. С.Н. Булгакову... удалось, казалось бы, невозможное: он отказался от своих прежних идеалов, обратился к тому, что отвергал. Его ненависть к царю сменилась любовью к нему, нетерпимость по отношению к К.П. Победоносцеву и правым иерархам церкви — полным приятием их мыслей и дел. И хотя мыслитель словесно не обозначил этот вектор, он достаточно очевиден».[352]

И С.Н. Булгаков был не одинок. В своей ненависти к противникам самодержавия некоторые из русских религиозных философов сумели перещеголять даже сам царизм. Так, например, Василий Васильевич Розанов (1856—1919) написал, а Павел Александрович Флоренский (1882—1937) с величайшем готовностью поместил в редактируемом им «Богословском вестнике» статью, в которой критиковалось намерение правительства по случаю трехсотлетия дома Романовых объявить амнистию эмигрантам.[353] Статья преисполнена такой преданностью самодержавию и ненавистью ко всем его критикам, органически сочетающейся с антисемитизмом, что вполне могла бы стать программной для «Союза русского народа».

Чтобы покончить с «Вехами», остановимся еще на одном связанном с ними мифе. Принято считать эту книгу профетической. «Пророческая глубина «Вех», — писал, например, А.И. Солженицын, — не нашла... сочувствия читающей России, не повлияла на развитие русской ситуации, не предупредила гибельных последствий».[354] Это потом повторялось сотни раз.

Однако все это сплошная неправда. Никакого пророчества ни в одной из статей этого сборника при всем желании найти невозможно. Там нет ни слова о грядущей революции. Авторы действительно резко отрицательно отзывались о русской революции, но речь везде шла исключительно лишь о прошедшей революции — 1905—1907 гг., но отнюдь не о будущей. Зато когда произошла Октябрьская рабоче-крестьянская революция 1917 г., в новом сборнике «Из глубины» (1918) участвовавшие в нем веховцы задним числом объявили себя пророками.[355] И им поверили. Проверять не стали.

Не будем говорить об отношении русских религиозных философов к Октябрьской рабоче-крестьянской революции и советской власти, которое проявилось и в сборнике «Из глубины», и в других их сочинениях. Но важно подчеркнуть, что они всегда были ярыми противниками демократии.

Один из самых известных русских религиозных философов Николай Александрович Бердяев (1874—1948) в своих работах всячески клеймил демократию. «Демократия, — писал он, — есть уже выхождение из естественного состояния, распадение единства народа, раздор в нем. Демократия по существу механична, она говорит о том, что народа как целостного организма уже нет. Демократия есть нездоровое состояние народа. В «органические» эпохи истории никаких демократий не бывает и не возни-

[352] Акулинин В.Н. С.Н. Булгаков: Вехи жизни и творчества // С.Н. Булгаков. Христианский социализм. Новосибирск, 1991. С. 6.

[353] Розанов В. Впечатления мирянина. II. Не нужно давать амнистию эмигрантам // Богословский вестник. 1913. Март. Том первый. С. 644-650.

[354] Солженицын А. Образованщина // А. Солженицын. Публицистика. Т. 1. Ярославль. 1995. С. 87.

[355] Струве П.Б. Предисловие издателя // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 209.

кает. Демократия — порождение «критических эпох».[356] Демократия плоха во всем. «Дух демократизма в свой метафизике, в своей морали, в своей эстетике несет с собой величайшую опасность для аристократического начала человеческой и мировой жизни, для благородного качественного начала».[357]

Подлинная демократия всегда недолговечна. «И это счастье для человечества. Если бы возможна была окончательная демократия, то человечество погибло бы, утонуло бы во тьме. В самой идее народовластия, ничем не ограниченного и ничему высшему не подчиненного, нет никакой правды, нет и правды о человеке, человеческом образе, о его бесконечной духовной природе, на которую недопустимы никакие посягательства».[358]

Насколько Н.А. Бердяев ненавидел демократию, настолько он благоговел перед аристократией, а вместе с ней и перед монархией и вообще единоличным правлением. Целые страницы посвящены у него восхвалению прелестей тирании и деспотии. Аристократизм у него, как мы уже видели, органически совмещался с расизмом (1.7.4).

Видный русский религиозный философ С.Л. Франк в своем сочинении «Духовные основы общества. Введение в социальную философию» также вздыхает по монархии. «В монархической идее царя как «помазанника Божьего», — пишет он, — содержится поэтому глубокая и верная идея, отнюдь не связанная непременно формой династической монархии...».[359] Ревностно защищает он «и столь единодушно и решительно отвергнутое новым временем начало *сословности*».[360]

Но если Н.А. Бердяев и С. Л. Франк иногда обставляли свои антидемократические филиппики оговорками, то все эти тонкости были чужды Ивану Александровичу Ильину (1882/1883—1954), который был бескомпромиссным поборником самодержавной монархии и махровым националистом.

Ненависть к советской власти и одновременно к демократическим институтам завела некоторых из религиозных философов так далеко, что они вступили на путь сотрудничества с итальянскими фашистами и нацистами. Пособниками гитлеровцев во время оккупации Франции были русские религиозные философы Дмитрий Сергеевич Мережковский (1866—1941) и Борис Петрович Вышеславцев (1877—1954). Последний после разгрома фашизма вынужден был, спасаясь от суда, бежать из Франции.[361]

Явившийся результатом ужаса перед надвигающейся революцией переход на позиции религиозной философии с неизбежностью завел людей, который пошли по такому пути, в тупик. Понятие «религиозная философия» таит в себе явное противоречие. Подлинная философия предполагает полную свободу мысли. Только тот способен стать настоящим философом, кто может поставить под сомнение любое положение, для которого нет непререкаемых авторитетов. Религиозный философ на это в принципе не способен. Для него всегда существует набор положений, в правильности которых он не имеет права усомниться. Его мысль всегда заключена в определенные рамки, за которые она не смеет выйти.

[356] Бердяев Н.А. Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии,// Русское зарубежье. Л., 1990. С. 139.

[357] Там же. С. 120.

[358] Там же. С. 145.

[359] Франк С.Л. Духовные основы общества // Русское зарубежье. Л., 1990. С. 412.

[360] Там же. С. 413.

[361] См. об этом, например: Яновский В.С. Поля Елисейские. СПб., 1993. С. 127-129, 167-168; Вишняк М.В. «Современные записки». Воспоминания редактора. СПб., 1993. С. 161.

Были времена, когда и в рамках религиозной философии можно было что-то сделать. Речь идет об эпохе средних веков. Первоначально разум был всецело подчинен вере. Существовала теология, и не было никакой философии. По мере своего дальнейшего развития пробуждающийся разум стал ставить и философские проблемы. Переход от теологии к религиозной философии был, несомненно, шагом вперед. Но рано или поздно дальнейшее развертывание философской мысли в этой форме стало абсолютно невозможным. С возрождением науки и ее первыми успехами религиозная оболочка была сброшена и возникла светская философия, которая одна только была способна к подлинному развитию.

Как уже указывалось, не может быть и речи ни о каком возрождении русской культуры на грани прошлого и нынешнего веков. А вот о возрождение в применении к русской религиозной философии говорить можно. Но только это возрождение не только не имеет ничего общего с Ренессансом XIV—XVI веков, но по своей направленности прямо противоположно ему.

Слово «Возрождение» в применении к тому, что происходило в Западной Европе в XIV—XVI вв., совершенно не выражает сущность этого явления. Там произошло не возрождение давно ушедшей из жизни античной культуры, а возникновение принципиально новой, качественно отличной от господствовавшей ранее средневековой культуры. Если в центре средневековой культуры был Бог, то в центре новой — человек, если для средневековья было характерно засилье слепой веры, то теперь на первый план выдвигается свободный человеческий разум. Характерным для новой эпохи является борьба против религиозных догм, борьба за право свободно мыслить. Философия и наука освобождаются из-под власти религии.

В России конца XIX — начала XX веков наблюдалось явление прямо противоположное. Была предпринята попытка в совсем иную эпоху, чем средневековая, в эпоху расцвета науки и светской философии вернуться к религиозной философии, и тем самым не только снова заковать давно уже освобожденную философскую мысль, но и отбросить все ее основные достижения. Это действительно было возрождением в буквальном смысле этого слова — возрождением ушедшего в прошлое средневекового мракобесия с его культом бога и веры.

Все это нельзя охарактеризовать иначе, как огромный шаг назад, как явный регресс. И вполне понятно, что люди, вставшие на этот путь, обрекли себя на полное творческое бесплодие. Они не были способны решить ни одну из философских проблем, не были способны сделать даже малейший шаг вперед.

Когда началась перестройка, в изобилии появились вначале обширные статьи, а затем и монографии, в которых пелась хвала этим русским религиозным философам. В них утверждалось, что эти философы являются великими или даже величайшими, замечательными, гениальными мыслителями, которые на весь мир прославили русскую философскую мысль, что ими был внесен неоценимый вклад в сокровищницу мировой культуры, что ими были сделаны величайшие открытия, которые намного продвинули человеческую мысль, что их труды содержат величайшее, неоценимое духовное богатство, без приобщения к которому невозможно никакое дальнейшее развитие, и т.д. и т.п. Единственное, что не сообщалось в этих трудах, что же все-таки открыли русские религиозные философы, в чем же конкретно заключался их вклад в развитие философии. О том, что они гении, утверждалось без конца. Но ни одна из их гениальных идей почему-то никогда и нигде не приводилась.

И понятно, почему. Это был чистейшей воды блеф. Никаких великих открытий

русские религиозные философы не совершили, никакого вклада в развитие мировой философии не внесли, ничем мировой культуры не обогатили. И это вполне естественно. Движение по выбранному ими пути никуда, кроме тупика, привести не могло.

Ничего нового, оригинального невозможно найти в работах русских религиозных философов, посвященных онтологии, теории познания, этики и т.п. Нередко их сочинения содержат бесконечный набор пустопорожних фраз, лишенных всякого смысла. Не имея ничего за душой, но пытаясь создать видимость новизны, они в разных словесных формах без конца повторяют одно и то же. Работы большинства их представляют собой образцы явной графомании.

Когда поклонники русской религиозной философии все же пытаются перейти от громких фраз о ее величии и всемирно-историческом значении к показу ее конкретных достижений, то они обычно говорят о постановке этими мыслителями проблемы Софии — Премудрости Божией. Между ними шли споры о том, является ли София четвертой ипостасью божества наряду с тремя другими — богом-отцом, богом-сыном и богом-духом святым или она представляет собой нечто совсем иное. Нетрудно понять, что этот вопрос не имеет к философии ни малейшего отношения. Это — проблема богословия, причем ценность ее ничуть не больше, чем значение обсуждавшегося в средние века крайне актуального вопроса о том, сколько ангелов может поместиться на острие иглы.

Если средневековые религиозные философы пытались наряду с богословскими проблемами ставить и философские, пытались от богословия идти к философии, то русские религиозные философы двигались в противоположном направлении: от философии к богословию. Первые до поры до времени шли по пути прогресса, вторые — исключительно в одном направлении — назад и только назад. Идеалом для русских религиозных философов были средние века. Это проявлялось как в их философских, так и политических взглядах.

В средневековую эпоху науки либо совсем не было, либо она была еще в пеленках. Поэтому с ней можно было не очень-то считаться. Иное дело — XX в. Наука к этому времени стала такой величиной, что новым религиозным философам нужно было с ней что-то делать. Встать на путь прямой конфронтации с наукой в новую эпоху было совершенно немыслимо. И вот русскими религиозными философами было объявлено о необходимости синтеза религии, науки и философии. Но все их попытки осуществить этот синтез кончились полной неудачей, что не могут не признать и самые ярые поборники этой философии.

Василий Васильевич Зеньковский (1881—1962) в труде «История русской философии», завершая раздел о творчестве С.Н. Булгакова, писал: «Синтез науки, философии, религии так же не удается Булгакову, как не удался он Соловьеву, — как он вообще не может удасться в линиях метафизики всеединства».[362] Добавим лишь, что этот синтез вообще абсолютно неосуществим. Наука и религия являются антиподами, примирение между которыми полностью исключено.

И религия несовместима не только с естествознанием, но и с исторической наукой. Творческое бесплодие русских религиозных философов особенно наглядно демонстрирует их философия истории.

К историософским проблема постоянно обращался основоположник русской религиозной философии В.С. Соловьев. Философии истории специально посвящены

[362] Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 2. Ч. 2. Л., 1991. С. 225-226.

прежде всего такие его труды, как «Философские начала цельного знания» (1877; послед. изд.: Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1990), «Чтения о богочеловечестве» (1878—1879; послед. изд.: Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1989), «Три разговора о войне, прогрессе и всемирной истории»(1899; послед. изд.: Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1990).

Бесспорно, что В.С. Соловьев неплохо знал всемирную историю. Это помогло ему четко поставить вопрос о субъекте истории, о чем было уже сказано (1.1). Таким субъектом он считал человечество в целом. Он был сторонником унитаристского подхода к истории. Но это, пожалуй, и все, что заслуживает у него внимания.

Собственная его концепция истории мало интересна. Он прежде всего исходит из того, что развитие человечества идет к определенной всеобщей цели. Но если существует цель истории, то кто-то ее поставил. Тем самым В.С. Соловьев приходит к провиденциализму. Но его провиденциализм имеет своеобразный характер. Он нигде прямо не говорит о божественном плане, реализуемым человечеством.

Он выделяет два момента, или два фазиса, истории, первый из которых представлен восточным миром, а второй — западной цивилизацией. Существует сила, управляющая развитием восточного мира, и еще одна, управляющая развитием западной цивилизации. Характеризовать природу этих двух сил, или двух общих принципов развития, он отказывается. Обе эти силы совершили круг своего проявления и привели народы, им подвластные, к духовной смерти и разложению.

Возникает необходимость в новой, третьей силе, которая вывела бы человечество из тупика. «...Третья сила, — пишет В.С. Соловьев, — долженствующая дать человеческому развитию его безусловное содержание, может быть только откровением того-высшего божественного мира, и те люди, тот народ, через который эта сила имеет проявиться, должен быть только *посредником* между человечеством и сверхчеловеческой действительностью, свободным сознательным орудием этой последней».[363] Нетрудно догадаться, что под этим народом понимается русский. Его деятельность приведет к возникновению совершенного общества, свободной теократии со свободной теософией и свободной теургией. Тем самым произойдет реальное соединение божества с человечеством.

К концу жизни В.С. Соловьев разуверился и в мессианском предназначении России, и в идее вселенской теократии в целом. Он пришел к выводу, что нет никакой мировой силы, способной соединить в историческом развитии божественное начало с человечеством. Воцарится Антихрист, а затем наступит конец истории. Эти идеи нашли свое выражение в «Трех разговорах» и приложенной к ним «Краткой повести об Антихристе». Повесть была прочитана им в виде публичной лекции, которая встретила мало сочувствия, но зато вызвала массу насмешек.

Другой русский религиозный философ — Н.А. Бердяев, как известно, неоднократно писал, что в центре его внимания всегда была философия истории.[364] И что же он сделал в этой области? Откроем его книгу «Смысл истории» (Берлин,1923; М., 1990; 2002). «История, — читаем мы на одной странице, — есть свершение, имеющие внутренний смысл, некая мистерия, имеющая свое начало и конец, свой центр, свое связанное одно с другим действие, история идет к факту — явлению Христа и идет от факта — явления Христа. Этим определяется глубокий динамизм истории, движение истории к сердцевине мирового процесса и движение от сердцевины этого процесса».[365]

[363] Соловьев В С. Философские начала цельного знания // Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1990. С. 172.
[364] Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990 С. 3. и др.
[365] Там же. С. 27.

«История потому только и есть, — читаем мы на другой странице, — что в сердцевине ее есть Христос. Христос и есть глубочайшая мистическая и метафизическая основа и источник истории, драматической, трагической судьбы ее. К Нему идет и от Него идет Божественное, страстное движение и мировое человеческое страстное движение. Без Христа его не было бы и оно было бы непонятно».[366] И это повторяется без конца.

Доказательства правильности этих положений не приводятся и понятно почему: доказать это невозможно. Ясно только одно, автор является истово верующим христианином. Если бы он был буддистом, то с точно такой же убежденностью писал бы, что история идет к Будде и от Будды. Был бы мусульманином, центральной фигурой истории он сделал бы Мухаммеда. К науке все это не имеет ни малейшего отношения.

И, конечно, в историософских построениях Н.А. Бердяева нет ни грана оригинального. Все основные его идеи содержались еще в труде Августина Аврелия «О граде божьем»(413—427). Но если эта работа заслуживает внимания как первая, в которой была изложена определенная концепция мировой истории, то уже труд епископа Ж.Б. Боссюэ «Рассуждение о всемирной истории» (1681), в котором излагалась в основном та же концепция, был явным анахронизмом.

Когда же подобного рода взгляды пропагандируются в начале XX в., то их совершенно невозможно принять всерьез. Возникает впечатление какой-то мистификации. А когда единомышленник Н.А. Бердяева С.Н. Булгаков в своем труде «Свет невечерний» (1917; послед. изд.: М., 1994) выводит экономику из первородного греха, то нормальному человеку становится как-то не по себе.[367]

Совершенно бессодержательна и ничего не дает для понимания истории книга Льва Платоновича Карсавина (1882—1952) «Философия истории» (Берлин, 1923; послед. изд.: СПб., 1993), несмотря на то, что автор ее был не только философом, но и историком-медиевистом. Сейчас любая попытка создать религиозную философию истории с неизбежностью обречена на полный провал.

Сами русские религиозные философы не могли в глубине души не понимать полную пустоту их построений, не могли не ощущать свою абсолютную творческую импотенцию. И с тем, чтобы скрыть это, выдать себя за великих новаторов, они с самого начала развернули шумную рекламную кампанию. Ведь именно они сами начали говорить о философском ренессансе в России на грани XIX и XX веков, имея в виду появление на исторической арене самих себя и своих трудов. Ну а с тем, чтобы эта самореклама не слишком била в глаза, был сочинен миф о русском культурном ренессансе.

Использование термина «ренессанс» было во многом безошибочным ходом. Тот Ренессанс, который имел место в Западной Европе в XIV—XVI веках, всегда рассматривался как величайшее событие мировой истории, как гигантский рывок человечества вперед. И приклеивая ярлык ренессанса на свое движение, русские религиозные философы тем самым стремились создать впечатление грандиозности своих свершений.

Но если уж и приводить исторические параллели с возникновением новой русской религиозной философии, то нужно обратиться не к Западной Европе XIV—XVI вв., а к тому, что происходило в духовной жизни в последние века существования античного мира. А они характеризовались засильем мистики и религии. Если антич-

[366] Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 46.

[367] Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М,.1994. С. 304–305 и др.

ная философия сразу же возникла как светская философия и долгое время развивалась как таковая, то в эти века идет перерождение и разложение философии. Она все в большей степени становится религиозной, а затем превращается в богословие. Все это было проявлением гниения и упадка античного мира, который завершился в конце концов его крушением.

Как уже указывалось, Россия на грани прошлого и нынешнего веков была беременна революцией, грозившей разрушить старые порядки. Страх перед грядущим социальным преобразованием породил русскую религиозную философию. Но в отличии от последних веков античного мира, когда духовный кризис принял всеобщий характер, в России к религии и религиозной философии обратилась лишь жалкая кучка интеллектуалов, которые после этого потеряли всякое право называться мыслящими людьми.

Подводя итоги недолгой истории русской религиозной философии, поэт-эмигрант Арсений Несмелов (наст. фам. —Арсений Иванович Митропольский, 1889—1945) писал в стихотворении, посвященном журналу «Русская мысль» — одному из главных печатных органов этого идейного направления:

В сундуках старух и скупердяев
Лет пятнадцать книги эти кисли...
Сочно философствует Бердяев
О религиозной русской мысли.
Тон задорный, резкий. Неужели
Кто-то спорил, резко возражая?
Критик дерзко пишет о Мужейле,
Хает повесть «Сны неурожая».
О, скрижали душ интеллигентских,
Ветхий спор о выеденных яйцах <...>.[368]

«Ветхий спор о выеденных яйцах» — вот чем занималась русская религиозная философия. Она была мертворожденной. Некоторое время она существовала как упырь на живом теле философской мысли России. В последние годы были предприняты попытки гальванизировать этот труп. Но нельзя оживить мертвое, тем более такое, которое никогда не было живым.

В настоящее время у нас не только пропагандируются старые провиденциалистские концепции, но и возникают новые, которые ничем существенным от старых не отличаются. Так, например, посредственный публицист, которого определенная часть нашей прессы почему-то упорно выдает за крупнейшего философа и историка, — Григорий Соломонович Померанц — в своих «Лекциях по философии истории» (М., 1993) пишет: «Я думаю, что в решающий момент эпохи чувствуется та нечеловеческая рука, смысл действий которой мы даже не понимаем».[369] К числу поборников провиденциализма принадлежит уже известный нам А.Г. Дугин. Вот что сказано в его книге «Конспирология (наука о заговорах, тайных обществах и оккультной войне)» (М., 1993): «История имеет смысл и цель, ею правят комбинации архетипических принципов, выражающихся в тех или иных идеологических формах, которые, в свою очередь, имеют среди людей своих носителей, иерархически группирующихся вокруг

[368] Несмелов А. «Русская мысль» // А. Несмолов. Без Москвы, без России Стихотворения Поэмы, Рассказы. М., 1990 С 102.

[369] Миркина З Огонь и пепел, Померанц Г. Лекции по философии истории. М., 1993. С. 231.

идеологических принципов в соответствии со своим пониманием сущности последних. Эти смысл и цель Истории сопряжены с Божественным планом...».[370]

В последнее время число наших провиденциалистов пополнились. В их ряды вступил уже известный нам Г.А. Зюганов. «Смысл народной жизни, — сказал он на II съезде Народно-патриотического союза России (НПСР), — можно сформулировать как непрерывное познание — научное, религиозное, творческое — направленное на познание тайн Мироздания, в котором России Промыслом выделена особая роль, особая миссия — защищать попранную справедливость, воплощать в несовершенную земную реальность надмирные идеалы Веры и Любви, Милосердия и людского Братства».[371] Чуть позднее нашелся еще один поборник провиденциализма, но теперь уже из числа «демократов» — доктор философских наук Павел Семенович Гуревич.[372]

Если исходить из содержания, то нет никакого смысла упоминать в числе философско-исторических сочинение книгу Даниила Леонидовича Андреева (1906—1959) «Роза мира» (М., 1992 и др. изд.). Но автора ее нередко характеризуют в печати как глубочайшего мыслителя, создавшего совершенно новое понимание истории, что некоторых может сбить с толку. В действительности же эта книга представляет собой чистейший бред, причем даже не в переносном, а в буквальном смысле слова.

3.14.11. Концепции угасающей или пульсирующей силы общественного развития (Ж. Гобино, Н.А. Васильев, О. Шпенглер, А. Тойнби, Л.Н. Гумилев и др.)

Существует целая группа весьма различных концепций, объединенных лишь одним — признанием наличия какой-то особенной угасающей или пульсирующей силы, определяющей ход развития той или иной единицы истории, или, по крайней мере, существенно влияющей на это развитие. Чаще всего такое представление мы находим у сторонников плюрально-циклических концепций, которые связывали расцвет обществ с нарастанием этой силы, а их упадок и гибель с ее угасанием и, наконец, окончательной потерей.

К числу подобного рода построений, в первую очередь, должна быть отнесена концепция расового детерминизма в том варианте, в котором она была создана Ж. А. де Гобино. Арийцы способны к созданию цивилизаций в силу присущей им от природы особой творческой энергии. В результате смешения с представителями низших рас эта энергия теряется, происходит вырождение и, соответственно, гибель цивилизации.

О дряхлении, вырождении либо народа в целом, либо одного лишь его господствующего класса как причине упадка государств писали и многие историки, которые не разделяли расистских представлений. Выше (2.6.2.) уже были приведены подобного рода высказывания египтолога Г. Масперо и ассириолога Г. Винклера. Последний писал также и о приходе свежего народа, обладающего еще не растраченной жизненной силой. Эти идеи получили яркое выражение в стихотворении В.Я. Брюсова «Грядущие гунны»:

[370] Дугин А. Конспирология (наука о заговорах, тайных обществах и оккультной войне). М , 1993. С. 34.

[371] Зюганов Г. Манифест НПСР. Политический доклад второму съезду Народно-патриотического союза России. М., 1998. С 19.

[372] Гуревич П. Эффект бумеранга // НГ. 12.08.2000.

Где вы, грядущие гунны,
Что тучей нависли над миром!
Слышу ваш топот чугунный
По еще не открытым Памирам.
На нас ордой опьянелой
Рухните с темных становий —
Оживить одряхлевшее тело
Волною пылающей крови.[373]

Своеобразная концепция была создана логиком и философом, профессором Казанского университета Николаем Александровичем Васильевым (1880—1940). Она была изложена в работе «Вопрос о падении Западной Римской империи и античной культуры в историографической литературе и в истории философии в связи с теорий истощения народов и человечества» (Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. 31. Выпуск 2—3. Казань, 1920),

Как указывает Н. А. Васильев, историки от изучения политических и правовых учреждений перешли к исследованию экономических отношений как фундамента общественного строя. В свою очередь, природа экономического строя детерминируется уровнем развития производительных сил. Но самый важный вопрос состоит в том, чем же определяется развитие самих производительных сил.

Ответ, по мнению Н.А. Васильева, состоит в том, что развитие производительных сил объясняется ростом населения. «Когда народонаселение возрастает, — пишет он, — его производительные силы должны неминуемо возрастать в силу известной биологической необходимости, т.к. иначе это возрастающее население не найдет средств к существованию. Левассер вычислил для различных ступеней культуры (охотничьей, кочевнической, земледельческой и промышленной) предельную плотность населения. Раз эта плотность превзойдена, производительные силы должны непременно развиться, а общество должно перейти на следующую стадию культуры».[374]

Однако на демографическом детерминизме, как ранее на экономическом, Н.А. Васильев не задерживается. «Но рост населения, — продолжает он, — есть факт биологический, зависящий от состояния расы».[375] По мнению Н.А. Васильева, судьба конкретного отдельного общества есть не что иное, как судьба одного определенного народа, одной определенной нации, а каждая такая нация представляет собой особую биологическую породу, особую расу.

Поэтому на первый план выдвигается «национальная энергия — здоровье и жизнеспособность расы». Причиной упадка обществ является падение национальной энергии, вырождение, истощение народа, которое прежде всего проявляется в сокращении рождаемости и, соответственно, «в отсутствии прироста населения».

Самая глубокая причина исторического развития, таким образом, заключена в биологии. «История, — пишет он, — сначала была историей войн и правителей, потом

[373] Брюсов В.Я. Грядущие гуины // Собр. соч. в 7-ми т. Т. 1. М., 1973. С. 433.

[374] Васильев Н. Вопрос о падении Западной Римской империи и античной культуры в историографической литературе и в истории философии в связи с теорией истощения народов и человечества // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. 31. Вып. 2-3. 1920. С.195-196. Упоминаемый автором Пьер Эмиль Левассер (1828-1911) — французский экономист и историк.

[375] Там же. С. 196.

она стала политической, потом социальной, потом экономической и, наконец, должна стать биологической. Такая эволюция есть постепенное углубление ее содержания».[376]

В трудах Л. Фробениуса присутствует представление о творческой силе, не имеющей корней в биологии. Он наделял каждую культуру особой, только ей присущей душой — пайдеумой. Эта душа является творческим началом, лежащим в основе развития культуры.

Эта идея была подхвачена О. Шпенглером, который утверждал, что каждая выделенная им великая культура обладает собственной великой душой. «Культура, — писал он, — рождается в тот миг, когда из прадушевого состояния вечно-младенческого человечества пробуждается и отслаивается великая душа, некий лик из пучины безликого, нечто ограниченное и преходящее из безграничного и пребывающего. Она расцветает на почве строго отмежеванного ландшафта, к которому она остается привязанной чисто вегетативно. Культура умирает, когда эта душа осуществила уже полную сумму своих возможностей в виде народов, языков, вероучений, искусств, государств, наук и таким образом снова возвратилась в прадушевую стихию... Как только цель достигнута и идея, вся полнота внутренних возможностей, завершена и осуществлена вовне, культура внезапно *коченеет,* отмирает, ее кровь свертывается, силы надламываются — она становится *цивилизацией».*[377]

Своя концепция движущих сил исторического развития была создана А.Дж. Тойнби. Длительное существование людей на уровне примитивного общества он объясняет мощной сдерживающей силой инерции. И он занят поисками той неизвестной силы с обратным вектором, импульс которой запустил маховик человеческой жизни.[378]

Стремясь выявить причину возникновения и роста цивилизаций, он прежде всего обращается к среде, в которой существует общество. Под средой он понимает не только «природную среду», т.е. географические условия, но и «человеческое окружение», т.е. соседние общества. Эта среда ставит перед данным обществом определенные проблемы, бросает ему «вызов». И на этот «вызов» общество должно дать адекватный «ответ». Ответ должен быть таким, чтобы он сделал возможным новый вызов, а тем самым и новый ответ, таящий в себе возможность нового вызова и нового ответа и т.д. Пока это происходит, общество развивается по восходящей линии, происходит рост цивилизации.

Само общество подразделяется на небольшое число творческих личностей, образующих творческое меньшинство, и пассивную массу остальных его членов. Творческие личности, отличаются тем, что они обладают «творческой энергией» или «созидательным порывом». Идея «творческого порыва» или «жизненного порыва», которым обладают избранные личности, была заимствована А. Тойнби у французского философа Анри Бергсона (1859—1941), который обосновывал ее в таких работах, как «Творческая эволюция» (1907; послед. русск. изд.: М., 1998) и «Два источника морали и религии» (1932; русск. перевод: М., 1994).

Именно творческие личности находят решение проблем, которые ставит перед обществом среда. Творческое меньшинство привлекает на свою сторону нетворческую массу, вдохновляет ее, и в результате общество дает ответ на вызов, который бросает ему среда. Таким образом, возникновение и рост цивилизаций есть «дело рук творческих личностей или творческих меньшинств».[379]

[376] Там же.

[377] Шпенглер О. Закат Европы.Т. 1. М., 1993. С. 264.

[378] См.: Тойнби А.Дж. Постижение истории. М., 1991. С. 95.

[379] Там же. С. 259.

Но рано или поздно творческое меньшинство утрачивает «творческую силу и энергию», а тем самым способность и право быть лидером. Оно теперь не в состоянии обеспечить ответ на вызов, который бросает среда. Происходит надлом цивилизации. Однако лишившись вдохновения и способности управлять через доверие, меньшинство не желает уступить власть. Поэтому оно идет на нарушение общественного договора и начинает прибегать к силе. В результате творческое меньшинство перестает быть творческим и становится правящим меньшинством. Такая политика ведет к еще большему отчуждению большинства общества от правящего меньшинства. Происходит раскол общества на меньшинство, внутренний пролетариат и внешний пролетариат. Цивилизация вступает в фазу распада и, в конце концов, гибнет.

Своеобразную смесь всех изложенных выше концепций мы находим у Л.Н. Гумилева. Наряду с категориями этноса и суперэтноса важнейшим в его учении является понятие пассионарности. Л.Н. Гумилев в своей работе дает различные определения пассионарности, не всегда друг с другом совпадающие. Пассионарность у него — это и врожденная способность человеческого организма абсорбировать энергию внешней среды и выдавать ее в качестве работы, и избыток биохимической энергии живого вещества, и эффект этого избытка, толкающий людей к действиям, идущим вразрез с инстинктом личного и видового самосохранения, и, наконец, способность и стремление к изменению окружения. Те люди, у которых пассионарный импульс превышает силу импульса инстинкта самосохранения, являются пассионариями. Пассионарность есть биологический признак, передающийся по наследству.

Пассионарность есть характеристика не только отдельных людей, но и этноса в целом. Л.Н. Гумилев говорит о пассионарной напряженности этноса, измеряемой количеством имеющейся в этнической системе пассионарности, поделенной на количество персон, составляющих этнос. Пассионарная напряженность этноса тем больше, чем большую часть его членов составляют пассионарии. Пассионарии не только сами активны, но заражают пассионарностью людей, находящихся в непосредственной близости от них. Это называется пассионарной индукцией. Нормальные или гармоничные люди, оказавшись рядом с пассионариями, начинают вести себя так, если бы они сами были пассионариями.

Этногенез начинается после пассионарного толчка, вызванного каким-то таинственным космическим излучением. Результатом воздействия последнего почему-то всегда является возрастание числа пассионариев, которые заражают пассионарностью гармоничных людей. Возникающий этнос до предела насыщен пассионарной энергией, что и обеспечивает его первоначально поступательное развитие. За фазой пассионарного подъема наступает акматическая.

На последующих фазах происходит растрата пассионарного импульса. Идет гибель пассионариев и их генов, и этнос постепенно утрачивает пассионарность. Пассионарное оскудение приводит к надлому: развитие этноса идет теперь по нисходящей линии. Следуют фазы инерции, обскурации, мемориальная, реликтовая и, наконец, «переход в никуда» — наступает этап гомеостаза. На этом этногенез завершается. Вывести из этого состояния может только новый пассионарный толчок.

В конце 60-х годов Л.Н. Гумилев пытался подкрепить свою концепцию пассионарности авторитетом крупнейшего специалиста по радиационной и популяционной генетике Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского (1900—1981). Результат был малоутешительным. Вдова Л.Н. Гумилева вспоминает: «Тимофеев-Ресовский, как мне

после рассказал Лев, обозвал его сумасшедшим параноиком, обуреваемым навязчивой идеей доказать существование пассионарности».[380]

3.14.12. В заключение: еще о многофакторном подходе к развитию общества

Как видно из всего сказанного выше, однофакторными (монофакторными) являются почти все концепции, в которых в качестве движущей силы истории выступают идеальные факторы: провидение, воля отдельных людей, разум человечества в целом, общественное сознание в целом или отдельные его компоненты. Из всех концепций, в которых в качестве движущих сил выступают материальные факторы, по-настоящему однофакторной является лишь одна: марксистское материалистическое понимание истории в том его варианте, в котором оно было изложено в работах К. Маркса (но не Г.В. Плеханова и А.А Богданова).

Все остальные концепции из этого ряда, претендующие на то, чтобы считаться однофакторными, либо в конечном счете приходят к признанию единственной движущей силы истории идеального фактора, чаще всего человеческого разума в целом, либо, по существу, являются многофакторными (полифакторными). Это можно было наглядно видеть на примере и немарксистского экономического детерминизма или иной разновидности экономического подхода к истории, и географического, демографического, технического (технологического) детерминизма. И бесспорно многофакторными концепциями являются почти все варианты экологического детерминизма.

Остается только сказать несколько слов о том подходе, который прямо именуется многофакторным, или чаще плюралистическим. Суть его состоит в том, что исторический процесс объявляется результатом параллельного и равнозначного воздействия многих факторов: экономического, политического, идейного, психологического, биологического и т.п., из которых ни один не является определяющим, хотя в зависимости от исторических условий один из них может выйти временно на передний план, потеснив остальные.

Этот подход к истории всегда пользовался и сейчас пользуется наибольшей популярностью в западной общественной науке. Однако мало кто из его приверженцев специально занимался опровержением монофакторых подходов и теоретической разработкой и обоснованием полифакторного. Такую попытку предпринял в свое время уже известный нам Р. Арон. *«Нет перводвигателя всего исторического движения*, — одним словом, таково заключение нашего исследования», — писал он во «Введении к философии истории».[381]

Американский ученый Элсуорт Хантингтон (1876—1947) в монографии «Главные движущие силы цивилизации» (1945) не столько опровергал однофакторные подходы, сколько разрабатывал многофакторный. Рассматривая историю как процесс поступательного развития, он искал факторы, определяющие ее прогресс. Э. Хантингтон насчитывал три таких фактора. Один из них — генетическая наследственность. Она понимается им очень широко. При анализе этого фактора огромное значение придается биологическому отбору. Другой фактор — физическая среда, включая ландшафт, растительный и животный мир, климат, погоду, сезонные изменения, питание,

[380] Гумилева Н.В. Документы // Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Приложение. М., 1994. С. 616-617

[381] Арон Р. Введение в философию истории...С. 437.

плотность населения и др. Третий фактор — культурное наследие. Все эти факторы взаимодействуют друг с другом. Если их сочетание благоприятно, цивилизация испытывает быстрый прогресс, если неблагоприятно — имеет место регресс. Знание комбинированного влияния этих факторов — необходимая предпосылка полного понимания истории.

Из числа современных философов попытку если не обоснования, то систематического изложения многофакторного подхода к истории предпринял аргентинец (с 1966 г. работающий в Канаде) Марио Бунге в работе «Научный материализм» (1981). По его мнению, в обществе нет единого двигателя. Существуют три основных подсистемы общества: экономическая, политическая и культурная. Изменение в любой из них ведет к изменениям в остальных двух, а тем самым и в обществе в целом.

В настоящее время многофакторный подход завоевывает все большее число сторонников среди российских историков и социологов. Так, например, в совместном труде Р.В. Манекина, Я.Г. Шемякина, А.В. Коротаева, И.Н. Ионова и М.В. Дмитриева «Альтернативность истории» (Анналы. Научно-публицистический альманах. Донецк, 1992) любая попытка выделить из множества факторов исторического развития один в качестве определяющего объявляется редукционизмом, закрывающим «путь к познанию общества как целостности, во всей его сложности и противоречивости, во всем богатстве составляющих его элементов и связей».[382] Многофакторная концепция истории отстаивается и в работе Андрея Витальевича Коротаева «Факторы социальной эволюции» (М., 1997).

Политолог Герман Германович Дилигенский подчеркивал, что его понимание движущих сил исторического процесс «расходится с представлением о существовании некоего единого детерминанта или «мотора» истории, будь то техника, экономика или сознание. Нам ближе точка зрения, в соответствии с которой история, по формулировке французского историка П. Вейна, это «сплетение взаимодействий» различных факторов, одни из которых в конкретных ситуациях оказываются сильнее других и выступают таким образом в качестве «стратегических переменных»».[383]

Эту же точку зрения излагает член-корреспондент РАН Андрей Николаевич Сахаров в предисловии к книге «История России. С древнейших времен до конца XVII века» (М., 1996), — первой из трехтомной серии, предназначенной служить учебным пособием для студентов исторических факультетов университетов и педагогических институтов: «Характерной особенностью настоящей «Истории России» является также освобождение ее от какой-то одной навязчивой идеи, которая якобы доминировала в истории страны. В прошлые века это была идея автократической власти, якобы оплодотворявшая страну и народ, или рассуждения о великой роли православия в истории России. В XX в. таковой стала мысль о примате материального, экономического производства и классовой борьбы в мировой истории, в том числе и истории нашего Отечества. Не отрицая значения ни того, ни другого, ни третьего, создатели трехтомника полагают, что на историю страны воздействует гораздо более богатая и разнообразная палитра факторов, нежели скудный набор из двух-трех схематических доминант. Причем эти факторы имеют различное значение в разные периоды истории страны. Наряду с уже отмеченными рассмотрено влияние географического фактора

[382] Манекин Р.В , Шемякин Я.Г., Коротаев А В., Ионов И.Н., Дмитриев М.В. Указ. соч. 1992. С. 10.

[383] Дилигенский Г.Г. «Конец истории» или смена цивилизаций // Цивилизации. Вып. 2. М., 1993. С. 61.

на жизнь страны, ее полиэтничность, региональные особенности, внешнеполитические обстоятельства, колонизационные процессы, личностный фактор, влияние духовных начал на эволюцию общества и ряд других специфических обстоятельств, воздействовавших в тот или иной период особенно активно на исторический путь страны» [384]

Ничего хорошего от внедрения в нашу историческую науку многофакторного подхода ждать не приходится Он не только не позволяет понять ход исторического процесса, но, наборот, исключает такую возможность

* * *

Теперь, когда вслед за созданием глобально-формационного понимания к истории выявлены ее движущие силы, открывается возможность использовать этот подход для создания целостной картины всемирной истории

[384] История России С древнейших времен до конца XVII века М , 1996 С 7.

4. ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В СВЕТЕ ГЛОБАЛЬНО-ФОРМАЦИОННОГО ПОДХОДА

4.1. ВСТУПЛЕНИЕ

В предшествующих разделах было высказано немало критических замечаний в адрес не только современных сторонников исторического материализма, но и его создателей. Но это нисколько не мешает мне считать себя приверженцем материалистического понимания истории, основы которого были заложены К. Марксом и Ф. Энгельсом.

В философии и методологии научного познания в настоящее время широкое распространение получил взгляд, согласно которому каждая научная теория включает в себя, во-первых, прочное центральное ядро, во-вторых, окружающую его периферийную часть. Выявление несостоятельности хотя бы одной идеи, входящей в ядро, означает разрушение этого ядра и опровержение данной теории в целом. Иначе обстоит с идеями, образующими периферийную часть. Их опровержение и замена другими идеями не ставит под сомнение истинность теории в целом.

Я уже говорил об основных идеях исторического материализма. К числу их относится тезис о существовании нескольких основных типов социально-исторических организмов, выделенных по признаку их социально-экономической структуры (общественно-экономических формаций), которые являются одновременно и стадиями всемирно-исторического развития. Вопрос же о том, сколько существует общественно-экономических формаций, в каком порядке и как они сменяют друг друга, относится к периферийной части материалистического понимания истории.

Когда та или иная научная теория создана, она становится относительно самостоятельной и по отношению к своим собственным творцам. Поэтому не все идеи даже ее создателей (не говоря уже о последователях), причем даже прямо относящиеся к проблемам, которые ставит и решает теория, можно рассматривать как составные моменты этой теории.

Так, например, Ф. Энгельсом в свое время было выдвинуто положение, что на ранних этапах развития человечества социальные порядки определялись не столько производством материальных благ, сколько производством самого человека (детопроизводством).[1] И хотя это положение было выдвинуто одним из создателей материалистического понимания истории, оно не может рассматриваться как входящее не только в центральное ядро, но и в периферийную часть этой теории. Оно несовместимо с основными положениями исторического материализма. На это в свое время указал еще Г. Кунов.[2] И главное — оно является ложным.

К. Маркс и Ф. Энгельс пришли к пониманию ведущей роли экономики через концепцию общественных классов и классовой борьбы. Это вместе с исторической обстановкой 40-х XIX в., характеризовавшихся резким обострением классовых анта-

[1] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс и Ф. Энгельс Соч Изд 2-е. Т. 21. С 25-26.

[2] Кунов Г. Марксова теория исторического процесса, общества и государства. Т. 2. М.-Л , 1930. С. 121-124.

гонизмов, привело к явной переоценке значения классовой борьбы в истории человечества, что нашло свое яркое выражение в первых строках первой главы «Манифеста Коммунистической партии»: «История все до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов».[3]

В последующем, когда выяснилось, что классовому обществу предшествовало общество, в котором классов не было, Ф. Энгельс в английское издание 1888 г. внес уточнение: «То есть вся история, дошедшая до нас в *письменных* источниках».[4] Но определенное преувеличение роли классовой борьбы в истории цивилизованного общества у основоположников материалистического понимания истории сохранялось.

К. Маркс и Ф. Энгельс высказывались по самым разнообразным вопросам. У К. Маркса была определенная система взглядов на восточное (азиатское), античное и феодальное общество, у Ф. Энгельса — на первобытное общество. Но их концепции первобытности, античности и т.п. не входят в качестве составных моментов (даже периферийных) ни в материалистическое понимание истории, ни в марксизм целом. И устарелость, и даже прямая ошибочность тех или иных представлений К. Маркса и Ф. Энгельса о первобытности, античности, религии, искусстве и т.п. ни в малейшей степени не может свидетельствовать о несостоятельности материалистического понимания истории. Даже выявление неверности тех или иных идей Маркса, входящих в его теорию капиталистической экономики, являющуюся одной из трех основных частей марксизма (наряду с марксистской философией и теорий научного социализма), прямо не затрагивает центрального ядра материалистической концепции истории.

Я принимаю все идеи, входящие в центральное ядро материалистического понимания истории, и, конечно, идею общественно-экономических формаций как типов общества и стадий всемирной истории. Но при этом смене общественно-экономических формаций я даю не линейно-стадиальную, а глобально-стадиальную интерпретацию Мое понимание истории — глобально-формационное.

4 2. КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ

4.2.1. Вводные замечания

При изложении своего понимания всемирной истории я буду пользоваться целой системой понятий. Часть этих понятий заимствована мною из категориального аппарата исторического материализм. При этом некоторые из них в известной степени модифицированы. Другая часть понятий введена мною В этом разделе будет раскрыто содержание лишь основных понятий. Все прочие будут определяться по мере введения их в оборот.

Не буду специально останавливаться на значениях слова общества в исторической и других общественных науках. Они достаточно детально рассмотрены в соответствующем разделе первой части (1.2).

Отмечу лишь, что для историка особое значение имеют три первых значения термина общества: социоисторический организм (социор), система социоисторических организмов (социорная система) и человеческое общество в целом. Напомню в связи с этим, что все социоисторические организмы подразделяются на две основные категории: демосоциальные (демосоциоры) и геосоциальные (геосоциоры).

[3] Маркс К. и Энгельс Ф Манифест Коммуиистической партии // Соч Изд 2-е Т 4 С 424
[4] Там же

Социально-исторические организмы суть исходные, элементарные, первичные субъекты исторического процесса, из которых складываются все остальные, более сложные его субъекты. Самым высшим, предельным субъектом исторического процесса является человеческое общество в целом.

Но вхождение социоисторических организмов в человеческое общество в целом было обычно опосредовано их включением в те или иные социорные системы, которые в свою очередь могли входить в социорные системы более высокого порядка и т. д. Предельной системой при этом было, конечно, человеческое общество в целом. Каждая из социорных систем любого иерархического уровня тоже была субъектом исторического процесса, что должно обязательно приниматься во внимание историками.

Существует немало трудов, в которых предпринимается попытка дать картину всемирной истории. Но почти во всех, если вообще не всех такого рода работах мировая история предстает как сумма историй отдельных социоисторических организмов, в лучшем случае — региональных социорных систем. Моя задача — нарисовать историю всего человеческого общества в целом, несводимую к сумме историей отдельных его частей. Это невозможно без введения целого ряда понятий, обозначающих различного рода подразделения человеческого общества в целом и отношения между ними. Эти понятия: исторический мир, исторический центр и историческая периферия (внешняя и внутренняя), социорная индукция, суперіоризация и ультрасуперіоризация, историческое гнездо (гнездовой социор и гнездовая система), историческая арена, мировая социорная система, центральное (а затем всемирное) историческое пространство, историческая зона и т.п. Часть из них уже была рассмотрена (2.14), другие будут вводиться по мере надобности.

4.2.2. Социально-экономический строй общества, общественно-экономический уклад, способ производства, общественно-экономическая формация и параформация

Как уже отмечалось, согласно материалистическому пониманию истории, в основе эволюции человеческого общества лежит развитие общественного производства (производства материальных благ), а базисом каждого социоисторического организма является существующая в нем система социально-экономических (производственных) отношений. В дальнейшем я буду называть эту систему *социально-экономическим строем* общества.

Существует несколько качественно отличных типов социально-экономических отношений (рабовладельческие, феодальные и т.п.). Отношения определенного типа могут образовывать в обществе целостную систему — *общественно-экономический уклад*, а могут существовать в нем в качестве лишь придатка к существующим укладам — *общественно-экономического подуклада*.

Производство материальных благ всегда происходит в определенной общественной форме. Каждая система социально-экономических отношений одного определенного типа (общественно-экономический уклад) представляет особую общественною форму, в которой осуществляется процесс созидания материальных благ. Производство, взятое в определенной общественной форме, есть не что иное, как *способ производства*. Способов производства существует столько, сколько существует общественно-экономических укладов. Когда производство осуществляется в оболочке не уклада, а

общественно-экономического подуклада, мы имеем дело не со способом, а с тем или иным *образом производства.*

Каждый антагонистический способ или образ производства представляет собой особый *способ эксплуатации* или *образ эксплуатации.* Существуют и такие формы эксплуатации человека человеком, которые не представляют собой ни способа, ни образа производства. Эксплуатация в таком случае происходит не в процессе производства общественного продукта, который всегда одновременно является и процессом первичного распределения этого продукта, а после завершения этого процесса в ходе перераспределения общественного продукта. Подобные формы эксплуатации я буду называть *методами эксплуатации.* Методы эксплуатации подразделяются на внутрисоциорные (интрасоциорные) и межсоциорные (интерсоциорные).

Так как согласно материалистическому пониманию истории социально-экономические отношения составляют базис, фундамент любого общества, то естественной для марксистов является классификация социально-исторических организмов по типу господствующих в них производственных связей. Тип общества, выделенный по такому признаку, принято называть *общественно-экономической формацией.* Но общественно-экономической формацией может быть назван не всякий социально-экономический тип общества, а только такой, который является одновременно стадией *всемирно-исторического развития.*

Как уже отмечалось, кроме общественно-экономических формаций, существуют и такие социально-экономические типы общества, которые не представляют собой стадий развития человеческого общества в целом. Они могут быть стадиями развития лишь отдельных обществ. Эти типы общества, представляющие собой своеобразные дополнения к общественно-экономическим формациям, я называю *общественно-экономическими параформациями* (от греч. пара — возле, при).

Возникновение параформаций обусловлено неравномерностью развития человечества, в результате которой с определенного времени начинают одновременно существовать социоисторические организмы с разным социально-экономическим строем и находящиеся на разных стадиях развития. Именно в результате взаимного воздействия и прежде всего влияния более развитых социоисторических на менее развитые и возникали, в большинстве случаев, параформации.

Когда в социоисторическом организме существуют социально-экономические отношения только одного типа, то общество *одноукладно.* В применении к нему понятия общественно-экономический уклад и общественно-экономический строй общества совпадают. Но в социально-историческом организме могут одновременно существовать несколько общественно-экономических укладов, не говоря уже о подукладах. Такое общество *многоукладно.*

Обычно в таком обществе один из существующих в нем укладов является *господствующим, доминирующим*, осталыные же — *подчиненными,* Господствующий уклад определяет характер социально-экономического строя общества в целом, а тем самым и тип общества, его формационную или параформационную принадлежность. Различие между господствующим и подчиненным укладами во многих случаях носит относительный характер. В процессе исторического развития тот или иной господствующий уклад может стать подчиненным, а подчиненный превратиться в доминирующий.

Однако не всякий подчиненный уклад может стать господствующим. И здесь мы сталкиваемся с иной классификацией укладов. Они подразделяются на такие, которые

в принципе могут быть господствующими, и такие, которые никогда господствующими стать не могут. Первые уклады можно назвать *стержневыми*, вторые — *дополнительными*. Стержневые уклады могут быть единственными в обществе или господствующими в нем и определять тип общества. Они подразделяются на *формационные* и *параформационные*. Соответственно способы производства могут быть подразделены на *формационные, или основные*, *параформационные* и *дополнительные*.[5]

Возможны ситуации, когда тип общества определяет не один из существующих в социоисторическом организме укладов, а прочный и постоянный симбиоз двух общественно-экономических укладов. Такой дуалистический, симбиотический, химерный характер носит ряд параформаций.

4.2.3. Экономика и экономики

Согласно материалистическому пониманию истории ключом к пониманию конкретного общества и его истории является экономика. Чтобы понять то или иное конкретное общество, нужно знать его экономику. Это вроде бы азбучная истина для каждого сторонника исторического материализма. Но понимать ее можно по-разному. Прежде всего встает вопрос о том, что такое экономика.

Как уже указывалось (3.14.1), под экономикой нередко понимают общественное производство в целом в единстве всех сторон, т.е. общественное хозяйство. Такого понимания, если не теоретически, то практически, придерживались и некоторые из тех, что считали себя марксистами. Во многих исторических работах и учебных пособиях, когда заходила речь об экономике, нередко главное внимание уделялось тому, что, как и в каком количестве производилось в той или иной стране в той или иное время. Бесспорно, что такие сведения полезны, но сами по себе взятые они мало что могли дать для понимания процесса развития общества.

Другое основное значение — система социально-экономических отношений. Именно такого понимания придерживались основоположники марксизма. Теоретически его принимало большинство марксистов. Но среди них не было единство в вопросе о том, что нужно понимать под социально-экономическими отношениями. Как известно, в марксистской литературе социально-экономические отношения всегда было принято именовать производственными и определять их как отношения в процессе производства. И это нередко вело и ведет к их неверному пониманию.

Люди нередко, а теперь чаще всего трудятся совместно. Работники кооперируют свои усилия: совместно изменяют предмет труда или последний поочередно переходит из одних рук в другие, каждый раз подвергаясь все новой и новой обработке. Существует определенная организация труда и люди, которые организуют и координируют трудовую деятельность и т.п. Все описанные выше и другие связи несомненно представляют собой отношения в процессе производства, являются производственными в буквальном смысле этого слова. Но они не являются социально-экономическими и тем самым производственными в том смысле слова, который вкладывали в него К. Маркс и Ф. Энгельс. Это отношения существуют не в масштабе социоисторического организма в целом, не образуют базиса, основы общества. Это — отношения внутри хозяйственных ячеек общества. Их можно изменить, не меняя типа общества. Лучше всего их было бы назвать организационно-трудовыми отношениями.

[5] Подробно об этом см.: Семенов Ю.И. Общественно-экономические уклады // Теория общественно-экономической формации. М., 1982. С. 126-164.

Но если, с одной стороны, отношения производственные в буквальном, житейском смысле не есть отношения производственные в марксовом значении, то, с другой, отношения производственные в последнем смысле ни один человек, не изучавший политэкономии, никак не отнесет к числу производственных. Ведь это же отношения распределения в обмена, которые, как это представляется обычному человеку, явно относятся к иной сфере, чем производство. И тем не менее эти отношения безусловно являются производственными. Кроме столь привычного обыденного смысла слова «производства» существует и иной его смысл — производство как единство собственно производства, распределения и потребления. Именно отношения распределения и обмена, или, что то же самое, экономические отношения собственности и образуют базис, фундамент общества. Любая попытка подменить их организационно-трудовыми отношениями неизбежно ведет к искажению материалистического понимания истории.

Истинное знание экономики того или иного конкретного общества предполагает ее понимание. Но понимание невозможно без теории. Но это — не теория экономики вообще. Как уже неоднократно указывалось, производство всегда существует в определенной общественной форме, существует не одна единая экономика, а несколько разных качественно отличных экономик, типов экономик, общественно-экономических укладов. Поэтому необходимостью является создание теории каждой экономики и прежде всего теории каждого формационного стержневого общественно-экономического уклада. Выше (2.4.4) уже говорилось о необходимости создания теории каждой общественно-экономической формации, которая не может не быть теорией ее экономики.

Однако созданием теорий общественно-экономических укладов ограничиться нельзя. Когда общественно-экономический строй общества является многоукладным, необходимо выявить закономерности взаимодействия и взаимовлияния всех сосуществующих общественно-экономических укладов, господствующего и подчиненных, стержневых и дополнительных. Без этого применение к изучению общества материалистического понимания истории во многом может оказаться фразой.

Теории капиталистической экономики были созданы давно. Поэтому вопрос о создании теорий всех экономик практически сводится к проблеме создания теорий некапиталистических, т.е. докапиталистических экономик. В принципе, важность решения этой проблемы понимало большинство марксистов из числа тех, что занимались историей докапиталистических обществ. Но реально обращались к ней лишь очень немногие. Не будем касаться работ, посвященных истории экономик тех или иных конкретных докапиталистических обществ. Их много как у нас, так и особенно на Западе. Значительно меньше трудов, в которых предприняты попытки если и не создать теорию той или докапиталистической экономики, то, по крайней мере, дать общую характеристику ее основных черт.

В начале 30-х годов XX в. появилась работа Валерьяна Дмитриевича Преображенского «Краткий очерк экономики докапиталистических формаций» (М., 1933), в которой глава о первобытной экономике была написана Владимиром Капитоновичем Никольским (1894—1953). В следующем году вышла книга «Краткое введение в историю докапиталистических формаций» (ИГАИМК. Вып. 99. М., 1934), в которой глава о первобытном обществе принадлежала Владиславу Иосифовичу Равдоникасу, об античной экономике — Сергею Ивановичу Ковалеву (1886—1960), об экономике феодального общества — Ивану Ивановичу Смирнову (1909—1965), о разложении феодализма — Е.К. Некрасовой. Одновременно появился труд Виктора Владимировича Рейхардта (1901—1950) «Очерки по экономике докапиталистических форма-

ций» (М. — Л., 1934). Все эти книги представляли собой не столько научные разработки проблемы, сколько учебные пособия.

Более или менее подробное описание докапиталистических экономик давалось в большинстве учебников по политэкономии, выходивших в советское время (см. например,: Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. Т.1. 4-е изд. доп. и исправл М.:, 1925; Политическая экономия. Т. 1. М., 1969; Курс политической экономии в двух томах. 3-е изд Т. 1. Досоциалистические способы производства. М., 1973). Учебными пособиями были работы Константина Васильевича Островитянова (1892—1969) «Докапиталистические формации» (М., 1945; Избр. соч в 2-х т. Т. 1. М., 1972), и Нелли Федоровны Шилюк «Закономерности развития рабовладельческого общества» (Свердловск, 1982).

На большее претендовали работы Михаила Васильевича Колганова «Собственность. Докапиталистические формации» (М., 1962), Федора Яковлевича Полянского «Товарное производство в условиях феодализма» (М.-Л., 1969) и «Вопросы политической экономии феодализма» (М., 1980), Гурама Васильевича Коранашвили «Докапиталистические способы производства» (Тбилиси, 1988), Рустема Махмутовича Нуреева «Экономический строй докапиталистических формаций» (Душанбе, 1889) и «Политическая экономия. Докапиталистические способы производства. Основные закономерности развития» (М., 1991). Попытки раскрыть законы развития двух докапиталистических классовых формаций была предпринята Максом Михайловичем Мейманом в больших статьях: «Экономический закон движения рабовладельческого способа производства» (Исторические записки. Т. 22. М., 1947) и «Движение феодального способа производства» (Там же. Т. 42. М., 1953). Крупный специалист по истории средних веков и раннего нового времени Борис Федорович Поршнев написал труд «Очерк политической феодализма» М., 1956), который затем в доработанном виде вошел в его книгу «Феодализм и народные массы» (М., 1964). Антиковедом Василием Ивановичем Кузищевым была создана монография «Античное рабство как экономическая система» (М., 1990).

Из зарубежных работ можно отметить книги Троута Радера «Экономика феодализма» (1971), Мозеса Финли (1912—1986) «Древняя экономика» (1973), Барри Хиндесса и Поля Хирста «Докапиталистические способы производства» (1975). Заслуживает внимания сравнительное исследование систем рабства Орландо Паттерсона «Рабство и социальная смерть» (1982) и работа Эжена Дженовезе «Политическая экономика рабства» (1967), хотя последняя посвященная не античному рабству и даже не рабству вообще, а рабству на Юге США.

Многие из перечисленных работ представляют несомненную ценность, но в них нет подлинной теории ни одной из докапиталистических классовых экономик. Такие теории еще только нужно создавать. На положении в области исследования первобытной экономики я останавливаться не буду, ибо оно уже было рассмотрено раньше (3.13.6). Здесь, действительно, к настоящему времени создана теория в точном смысле этого слова.

Ф. Энгельс писал, что только тогда, когда наукой будут исследованы законы каждой экономической системы, она сможет «немногие, совершенно общие законы, применимы к производству и обмену вообще».[6] Трудно пока точно сказать, может ли существовать общая теория экономики в полном смысле этого слова. Но на основе знания

[6] Энгельс Ф Анти-Дюринг // К Маркс и Ф Энгельс Соч. Изд 2-е Т 20 С 150

теорий первобытной и капиталистической экономик и знакомства с основными особенностями всех остальных экономических систем вполне можно создать понятийный аппарат, пригодный для понимания всех общественно-экономических укладов и многоукладных социально-экономических структур. Изложению его и посвящена вся оставшаяся часть данного раздела.

4.2.4. Собственность и социально-экономические отношения

Социально-экономические отношения суть один из двух видов отношений собственности. Другой их вид — *волевые отношения собственности (имущественные)*, принимающие в первобытном обществе форму моральных, а в классовом — правовых, или юридических, связей. *Экономические отношения собственности* являются не волевыми, а материальными. Они реально существуют только в отношениях *распределения и обмена.*

Собственность есть не вещь и не отношение человека к вещи, взятое само по себе. Собственность есть отношение между людьми, но такое, которое проявляется в их отношении к вещам. Или, иначе, собственность есть отношение людей к вещам, но такое, в котором проявляются их отношения друг к другу. Собственность — такое отношение людей по поводу вещей, которое наделяет и людей, и вещи особыми социальными качествами: делает людей собственниками, а вещи — их собственностью. Каждая вещь в человеческом обществе всегда обладает этим социальным качеством. Она всегда является не только потребительной ценностью, но обязательно одновременно и чьей-то собственностью (индивида, группы индивидов или даже общества в целом).

Важнейшей категорией является понятие *ячейки собственности* (*собъячейки*), или *ячейки владения* (*владъячейки*). Такую ячейку образует собственник вместе с принадлежащими ему вещами. Каждая такая ячейка отделена от других границей, разумеется, социальной. Вещи могут пересекать эту границу, перемещаться из одной собъячейки в другую. Это движение вещей является чисто социальным, хотя, конечно, оно может сопровождаться и физическим их перемещением.

Для понимания социально-экономической структуры общества огромное значение имеют понятия *пользования* и *распоряжения*. Экономисты их, как правило, не употребляют. Эти понятия обычно находятся в арсенале юристов, которые раскрывают понятие права собственности через понятия права владения, права пользования и права распоряжения. Конечно, в такой формулировке все это относится лишь к волевым отношениям собственности. Но подобно тому, как, кроме права собственности, существует и сама собственность, причем в качестве не только волевого, но и экономического отношения, точно так же, кроме прав пользования и распоряжения, существуют реальное пользование и реальное распоряжение, причем опять-таки в качестве не только волевых, но и экономических явлений.

Так как эти понятия введены правоведами, то начать рассмотрение придется с их юридического аспекта. Право пользоваться вещью есть право употреблять ее для своих надобностей, для удовлетворения своих собственных нужд, для служения собственным интересам. А само пользование есть реализация этого права. Пока все это не выходит за пределы волевых отношений, причем отношений к вещи. Но уже само понятие права говорит о том, что здесь как само собой разумеющееся имеется в виду и отношение между людьми. Наличие у человека права на что-то предполагает признание за ним этого права окружающими его людьми.

Пользование не есть отношение только к вещи. Оно есть отношение людей по поводу вещей. Поэтому его нужно четко отличать от отношения человека только к вещи — потребления вещи, ее использования. Когда рабу выдают орудие труда, он не получает его в пользование. Никакого права на него он не имеет. Он получает это орудие для того, чтобы использовать его для удовлетворения нужды рабовладельца.

Но если рабу выделяют участок земли и потребные средства труда с тем, чтобы после уборки урожая он часть его отдал хозяину, а остальное оставил себе, то в данном случае мы сталкиваемся не только с использованием, но и пользованием. В последнем случае возникает особая ячейка пользования с определенными границами, конечно, социальными. И эта ячейка является прежде всего экономической.

Право распоряжения есть прежде всего право отчуждения вещи, право на ее передачу из одной ячейки собственности в другую. Распоряжение, помимо обмена, проявляется и в распределении. А распределение и обмен суть явления прежде всего экономические, хотя и не только. Каждый акт обмена в классовом обществе всегда выступает и как акт юридический — сделка. Вообще, экономические отношения собственности не существуют без волевых отношений собственности, равно, как последние без первых. Собственность как экономическое отношение и собственность как волевое отношение невозможны друг без друга.

Отношения собственности в норме включают в себя отношения распоряжения и пользования в качестве своих моментов. В определенных условиях возможно расщепление собственности и тем самым раздельное существование отношений собственности, распоряжения и пользования. Один человек может быть собственником вещи, а другой только ее распорядителем и пользователем, но не собственником. Еще вариант: человек является лишь пользователем вещи, но не ее собственником и даже не распорядителем. И таких вариантов несколько.

С собственностью в полном и точном смысле слова мы сталкиваемся тогда, когда собственник, распорядитель и пользователь полностью совпадают. Когда человек является только распорядителем и пользователем, но не собственником, перед нами своеобразная форма отношений людей по поводу вещей, которую можно охарактеризовать как подсобственность. Если же человек — только пользователь, но не распорядитель и тем более собственник, мы имеем дело с подподсобственностью.

Таким образом, наряду с ячейками собственности могут существовать ячейки распоряжения и пользования и ячейки только пользования. Пример ячейки пользования, не являющейся ячейкой собственности, был уже приведен. Раб может быть пользователем средств производства, включая землю, но распорядителем и собственником остается при этом рабовладелец.

Ячейки собственности, распоряжения и пользования суть узлы не только в системе волевых (в классовом обществе — правовых) отношений собственности, но прежде всего в системе экономических отношений. Именно внутри этих ячеек и между этими ячейками происходит распределение и обмен. Только введение понятий распоряжения и пользования позволяют понять суть отношений распределения и обмена.

Распределение есть *оставление* общественного продукта в собственности, распоряжении либо пользовании тех или иных людей или/и его *переход* в собственность, распоряжение либо пользование других людей, результат чего (оставления или/и перехода) — получение каждым членом общества определенной доли этого продукта. *Обмен* есть *переход* вещей из собственности одних лиц или групп лиц в собственность

других (из одних ячеек собственности в другие), возмещаемый встречным движением материальных ценностей или их знаков (бумажных денег, например).

Как уже отмечалось, всякий продукт труда всегда является потребительной ценностью и собственностью. Любые вещи создаются одновременно как потребительная ценность и чья-то собственность. Поэтому процесс собственно производства вещей всегда является одновременно и процессом поступления вещей в чью-то собственность, т.е. процессом распределения. Таким образом, отношения собственности проявляются не только в процессах собственно распределения и обмена, но и в процессе собственно производства. И присутствуя в процессе собственно производства, отношения собственности делают его отношением людей не только к природе, но и друг к другу, т.е. общественным отношением.

Рассмотренное выше распределение можно было бы назвать *первичным*. Оно есть распределение всего созданного в процессе производства: и средств производства, и предметов потребления. Когда весь общественный продукт или, по крайней мере, часть его создается работниками в качестве чужой собственности, процесс собственно производства является одновременно и процессом эксплуатации человека человеком.

После первичного распределения в большинстве случаев происходит собственно распределение как особый процесс, отличный от процесса собственно производства. Раб получает содержание: пищу, одежду, рабовладелец — доход. Капиталист получает прибыль, рабочий — заработную плату. Это распределение можно было бы назвать *вторичным*.

В тех обществах, где в результате вторичного распределения долю общественного продукта получает лишь часть членов общества (в обществах без частной собственники — работники, в обществах с частной собственностью — собственники средств производства и работники), существует *третичное* распределение. Это распределение в отличие от первичного и вторичного происходит в рамках не социоисторического организма, а существующих внутри его особых иждивенческих ячеек. Чаще всего такими ячейками являются семьи. Отношения третичного распределения являются, хотя и экономическими, но не социально-экономическими, не производственными. Поэтому политэкономией они не изучаются. Их можно было бы назвать *приватно-экономическими* отношениями.

Третичное распределение всегда происходит *по потребностям*, сообразно потребностям. Таким было и вторичное распределение в раннем первобытном обществе. В позднем первобытном обществе возникло *распределение по труду*. На смену ему пришло столь характерное для классового общества *распределение по собственности*.

В классовых общества в основе первичного распределения созданного продукта лежит распределение средств производства, которое уже существовало к началу цикла. Распределение используемых средств производства определяет распределение вновь создаваемых средств производства. Таким образом, собственно производство является воспроизводством не только вещей, но и социально-экономических отношений, в рамках которых оно осуществляется. В этих же обществах отношения собственности на факторы производства (средства производства и рабочую силу) определяют вторичное распределение.

Поэтому во всех классовых обществах отношения по распределению средств производства или, что то же самое, отношения собственности на средства производства, образовывали внутри системы производственных отношений особую подсистему, игравшую роль детерминанты по отношению ко всем остальным социально-экономи-

ческим связям. Эти отношения очень часто в литературе определяли как отношения в процессе производства и противопоставляли отношениям распределения и обмена, что, конечно, неверно.

Другая ошибка состояла в том, что такую структуру системы социально-экономических отношений рассматривали как всеобщую, присущую всем обществам без исключения, В действительности же, например, в раннем первобытном обществе отношения собственности на средства производства не образовывали особой подсистемы и не определяли характер прочих социально-экономических отношений.

В идеале за распределением, в результате которого каждый член общества получает в собственность, распоряжение или пользование причитающуюся ему долю общественного продукта, должно наступить потребление этого продукта. Так как продукт исчезает, то он должен быть воспроизведен. Процесс производства есть процесс постоянного воспроизводства.

В некоторых обществах действительно собственно производством, распределением и потреблением исчерпываются все действия с общественным продуктом. В таких обществах никаких других социально-экономических отношений, кроме отношений распределения, которые одновременно являются и экономическими отношениями собственности, не существует.

Однако в большинстве обществ к этим действиям прибавляется обмен и, соответственно, отношения обмена, которые могут приобретать самые разнообразные формы. Вопреки мнению значительного числа специалистов товарообмен всего лишь один из многих видов обмена. Отношения обмена могут существовать рядом с отношениями распределения, образуя особую сферу, отличную от сферы распределения.

Однако это имеет место не всегда. При капитализме, например, распределение происходит в форме обмена. Получение рабочим заработной платы — несомненно акт распределения. Но это же действие представляет собой заключительный момент акта товарообмена между капиталистом и рабочим: капиталист платит рабочему за рабочую силу, которую он у него на время купил.

Во многих обществах, наряду с распределением и обменом, существует также еще и *перераспределение*, принимающее самые разнообразные формы. К числу отношений перераспределения, входящих в систему социально-экономических отношений того или иного общества, относятся интрасоциорные методы эксплуатации, оплата различного рода личных услуг и т.п. Что же касается налогов, то они в разных обществах играют различную роль: в социоисторических организмах одного типа они относятся к числу отношений распределения (пример — рента-налог в обществах с азиатским способом производства), в других — к отношениям перераспределения (например, налоги при капитализме).

4.2.5. Общественное производство и производительные силы общества

Собственно производство (производство в узком, буквальном смысле), распределение, обмен и потребление образуют единый процесс, который чаще всего именуют производством в широком смысле слова или просто общественным производством. Отношения распределения и обмена, которые в своей сущности являются отношениями собственности, образуют внутреннюю структуру производства в широком смысле, общественную форму, в которой протекает процесс собственно производства. Собственно производство есть процесс создания общественного продукта определенной си-

лой, которую принято называть *производительной силой* общества. Этой силой являются люди, вооруженные средствами труда и умеющие приводить их в движение.

Производительная сила общества может быть различной: большей или меньшей. Она может возрастать, а может и уменьшаться. Это дает основание ввести понятие *уровня развития* производительной силы или, как чаще говорят, производительных сил общества. Именно уровень развития производительных сил общества был главным фактором, определявшим тип существующих в обществе социально-экономических отношений. Другим фактором была внутренняя структура производительных сил.

Уровень развития производительных сил того или иного социально-исторического организма измеряется величиной созданного в нем общественного продукта в расчете на душе его населения. Этот показатель можно было бы назвать *продуктивностью общественного производства.* Существуют различные способы повышения продуктивности общественного производства.[7]

Продуктивность общественного производства зависит не только от того, каковы исторически возникшие производительные силы, но и от тех природных условий, в которых совершается процесс общественного производства. Когда люди занимаются собирательством, охотой и рыболовством, то количество добываемого ими продукта зависит не только от техники и времени, затрачиваемого на работу, но и от того, насколько богаты природные ресурсы. При одном и том же уровне техники, но в различных природных условиях продуктивность общественном производства может быть разной.

Природные ресурсы могут использоваться не только в качестве предметов труда. Земля, например, в земледелии выступает не только как предмет труда, но и как средство труда. Тем самым она является элементом производительных сил. Превращение земли в средство труда и ее включение в состав производительных сил было результатом исторического развития. Использование земли в качестве средства труда бесспорно есть показатель развития производительных сил.

Но естественное плодородие земли — дар природы. А от этого дара в значительной степени зависит продуктивность земледельческого производства. При одной и той же сельскохозяйственной технике, одних и тех же системах земледелия, при одинаковом количестве времени, затрачиваемым на труд, продуктивность общественного производства в обществе с плодородной почвой может быть намного выше, чем в обществе, где природные условия хуже.

Поэтому настоятельно необходимо различать в продуктивности общественного производства две основные составляющие. Одна из них — результат социального, исторического развития. Другая — дар природы. Первую я буду называть *общественной (или социальной) продуктивностью*, вторую — *естественной продуктивностью*, а их неразрывное единство — *суммарной продуктивностью общественного производства.* Соответственно необходимо различать *социальный уровень развития* производительных сил и *суммарный уровень,* или *состояние,* производительных сил.

Для докапиталистических обществ характерен больший или меньший разрыв между социальным уровнем развития производительных и их суммарным уровнем (состоянием). С переходом к индустриальному обществу этот разрыв сокращается и может даже совсем исчезнуть. В таком случае можно говорить просто об уровне развития производительных сил без каких-либо уточнений.

[7] См. об всем этом: Семенов Ю И. Об особенностях развития производительных сил докапиталистических классовых обществ // ФН. 1985. № 1.

У основоположников марксизма есть высказывания, которые дают основания полагать, что приближались к различению естественного и социального уровней развития производительных сил, но сколько-нибудь четких формулировок мы у них не находим. И это понятно — они прежде всего исходили из данных, относящихся к капиталистическому обществу.

Этот же «капитализмоцентризм» имел, как уже отмечалось выше (3.13 8), фактическое сведение социального уровня развития производительных сил к техническому. Несомненно, что то, какой производительной силой является человек, в значительной степени зависит от используемой им техники. Но не только. Существуют и другие факторы, от которых зависит степень способности человека к созданию общественного продукта. И важнейшим среди них являются существующие социально-экономические отношения. При одной и той же технической вооруженности, но при разных социально-экономических отношениях люди могут создавать далеко не одинаковое количество общественного продукта. Этот и другие нетехнические факторы можно объединить под общим названием социально-гуманитарного фактора.

Таким образом, в социальной продуктивности общественного производства тоже нужно различать две составляющие: техническую и социально-гуманитарную. Говоря о технике производства, нередко ее сводят к орудиям и машинам. Но к технике в более широком смысле относятся и системы земледелия, и конская упряжь и т.п. Технический уровень развития производительных сил характеризуется не только орудийной (орудийно-машинной) техникой, но и неорудийной техникой.

Тип производственных отношений в докапиталистических обществах определяется техническим и даже не социальным, а суммарным уровнем производительных сил. Поэтому вполне возможно было существование в обществе с низким уровнем развития техники, но живущего в благоприятных природных условиях, социально-экономических отношений более высокого типа, чем в обществе с более развитой техникой, но обделенного от природы.

4.2.6. Ячейки собственности, хозяйственные ячейки, иждивенческо-потребительские ячейки, хозяйственные организмы

Все сказанное выше позволяет перейти к анализу ячеек собственности, представляющих собой важнейший элемент системы социально-экономических отношений.

Когда в ячейку собственности входят средства производства, она представляет собой производственную единицу: в ней создается общественный продукт. Такую ячейку собственности можно назвать *хозяйственной,* или *экономической, ячейкой (хозъячейкой,* или *экономъячейкой).* Экономъячейка может совпадать с социально-историческим организмом. В таком случае она одновременно является и *хозяйственным*, или *экономическим, организмом* (*хозорганизмом,* или *экономорганизмом*), т.е. таким экономическим образованием, которое в принципе может существовать и функционировать независимо от других таких же образований. Если при этом все члены социоисторического организма вместе взятые являются собственниками средств производства и предметов потребления, перед нами *общественная собственность* в ее наиболее чистом виде.

Когда экономическая ячейка не совпадает с социоисторическим организмом, в состав последнего входит не одна, а несколько хозяйственных ячеек. В таком случае экономическим организмом является объединение экономических ячеек, которое обычно совпадает с социально-историческим организмом.

Если в хозяйственной ячейке, входящей наряду с несколькими другими такими единицами в социор, не происходит эксплуатация человека человеком, ее можно назвать ячейкой *обособленной собственности.* Обособленная собственность может быть *персональной*, когда собственником является один человек, и *групповой*, когда несколько человек совместно владеют средствами производства.

Если в экономической ячейке процесс производства одновременно является и процессом эксплуатации, перед нами — ячейка частной собственности. С чисто юридической точки зрения частная собственность — такое отношение собственника к вещам, которое в идеале предполагает его безраздельное господство над ними. Все остальное не имеет значения. Частная собственность как экономическое отношение есть нечто иное.

Частная собственность как экономическое отношение есть такая собственность одной части членов общества, которая позволяет ей присваивать труд другой (и обязательно бóльшей) части его членов. Эти две части общества, отличающиеся друг от друга местом, занимаемом ими в определенном общественно-экономическом укладе (конкретнее: отношением к средствам производства и способом получения и размерами получаемой доли общественного продукта), а нередко также ролью в организации труда, представляют собой не что иное, как *общественные классы.* Каждый антагонистический общественно-экономический уклад с неизбежностью предполагает существование двух общественных классов. Это — *парно-антагонистические классы.*

Как уже указывалось, в обществе, кроме антагонистических укладов, которые всегда являются стержневыми, могут существовать дополнительные уклады, как правило, антагонистическими не являющиеся. И люди, связанные с каждым из таких дополнительных укладов, образуют особый общественный класс, ибо занимают особое место, но только не внутри какого-либо уклада как парно-антагонистические классы, а в социально-экономическом строе общества в целом. Примером может послужить мелкая буржуазия в капиталистическом обществе. Такого рода классы можно было бы назвать *одиночными.* В результате существования в обществе нескольких различного рода укладов число общественных классов в нем может доходить до пяти. Кроме того, в обществе всегда имеются люди, не входящие в состав ни одного класса. Это — *внеклассовые слои* общества.

Частная собственность является *полной*, когда члены господствующего класса безраздельно владеют средствами производства, а члены другого класса целиком отчуждены от них. Таковы рабовладельческая и капиталистическая частная собственность.

Но частная собственность может быть расщеплена на *верховную частную собственность* членов господствующего класса и *подчиненную обособленную собственность* членов эксплуатируемого класса. Такова, например, феодальная частная собственность. В подобном случае антагонистический способ производства является двухэтажным. Феодальный общественно-экономический уклад включал в себя в качестве своей основы крестьянско-общинный уклад. Верховная частная собственность — всегда собственность не только на средства производства, но и на личности непосредственных производителей. Последние — подчиненные собственники не только средств производства, но и своей личности.

Кроме верховной частной собственности на личность производителя, может существовать и полная собственность на нее, как это имело место при рабовладельческом способе производства. Рабовладельческая экономическая ячейка была единицей пол-

ной собственности, как на все средства производства, так и на личности работников, входивших в нее. Таким образом в ячейку собственности, кроме собственника (собственников), могут входить и иные люди. Однако они не обязательно должны входить в нее в качестве объектов собственности. Они могут быть, например, и наемными работниками.

Частная собственность может различаться и по тому, как конкретно члены господствующего класса владеют средствами производства (а иногда и работниками). Частными собственниками могут быть члены этого класса, взятые по отдельности. Это — *персональная частная собственность*. Частная собственность может быть *групповой*. Такова, например, акционерная собственность при капитализме.

И наконец, средствами производства (и работниками) могут владеть все члены господствующего класса, только вместе взятые, но ни один из них в отдельности. Это — *общеклассовая частная собственность*. Общеклассовая частная собственность всегда приобретает форму *государственной*. Это с неизбежностью обуславливает совпадение класса эксплуататоров, если не со всем составом государственного аппарата, то, во всяком случае, с его ядром.

Описанный способ производства известен под названием азиатского. Лучше всего назвать его *политарными* (от греч. полития, политея — государства), или просто *политаризмом*. Но если говорить точнее, существует не один единый политарный способ производства, а несколько разных политарных способов производства. Один из них, который был первым в истории человечества антагонистическим способом производства и существовал в эпоху Древнего Востока, а затем и в последующие периоды истории Востока, вплоть до XIX в., я буду называть палеополитарным, или древнеполитарным. Все политарные способы производства имеют между собой много общего.

Так как *политаристы* владели средствами производства и производителями материальных благ только сообща, то все они вместе взятые образовывали особого рода корпорацию. Общеклассовая собственность всегда есть собственность корпоративная. В данном случае эта корпорация представляла собой особую иерархически организованную систему распределения прибавочного продукта — *политосистему*. Глава этой системы, а тем самым и государственного аппарата, был верховным распорядителем общеклассовой частной собственности и, соответственно, прибавочного продукта. Этого человека, роль которого была огромна, можно было бы назвать *политархом*.[8] Соответственно с этим возглавляемая политархом ячейка общеклассовой частной собственности — *политархия*. Она же одновременно была *и социоисторическим организмом, и государством*.

Любой политарный способ производства предполагал собственность политаристов не только на средства производства, прежде всего землю, но и на личность непосредственных производителей. А это означает существование права класса политаристов на жизнь и смерть всех своих подданных. Поэтому для политарных обществ характерно существование практики постоянного систематического террора государства против всех своих поданных. Этот террор мог проявляться в разных формах, но он всегда существовал. Особенно жестким и массовым был террор в эпохи становления политаризма.

[8] Подробно об этом см.: Семенов Ю И. Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии // Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1980.

Кроме чисто общеклассовой корпоративной собственности могли существовать формы частной собственности, в которых классовая корпоративная собственность сочеталась либо с подлинной персональной собственностью, либо с более или менее выраженными моментами персонализации этой собственности. Наиболее яркий пример персонально-корпоративной частной собственности — феодальная собственность. Истории известны самые разнообразные формы корпоративно-персонализированной частной собственности.

Продолжая анализ социально-экономической структуры общества, необходимо принять во внимание такой вариант, когда в ячейку собственности входят только предметы потребления, но не средства производства. В таком случае в ней может иметь место только третичное распределение и потребление. В эти ячейки обычно входят не только собственники предметов потребления, но и люди, находящиеся на их иждивении. Данные ячейки собственности можно назвать *потребительскими* или *иждивенческо-потребительскими*. Связанную с ними собственность нередко называют личной, что не очень точно, ибо она может быть не только *персональной*, но и *групповой*. Лучшее для нее название — *отдельная собственность*.

Нередкий случай — совпадение хозяйственной ячейки с иждивенческо-потребительской. Особенно часто совпадают с иждивенческо-потребительскими ячейки обособленной собственности. В таком случае отдельная собственность отсутствует. Существует лишь обособленная собственность одновременно как на средства производства, так и на предметы потребления.

Ячейка частной собственности (исключая ячейки общеклассовой частной собственности) в идеале подразделена на две субъячейки. Одну из них образует частный собственник вместе с принадлежащими ему средствами производства и людьми, которые используют их для создания прибавочного продукта. Данная субъячейка частной собственности образует экономическую ячейку общества.

Другая субъячейка: частный собственник вместе с членами своей семьи и другими иждивенцами. Она представляет собой своеобразную разновидность иждивенческо-потребительской ячейки — *владельческо-иждивенческую* ячейку. Последняя существует за счет продукта, поступающего из входящей в одну с ней ячейку частной собственности хозяйственной ячейки.

Сама частнособственническая хозяйственная ячейка может быть одновременно и потребительской ячейкой для тех людей, которые подвергаются в ней эксплуатации. Это характерно, например, для рабовладельческого способа производства. Но это не обязательно. Работник может входить в состав особой потребительской, или иждивенческо-потребительской ячейки, причем в качестве собственника или одного из собственников предметов потребления. Существует такая ячейка за счет дохода, получаемого работником из той частнособственнической хозяйственной ячейки, в составе которой он трудится.

Отличие общественно-экономического подуклада от уклада состоит в том, что он не обладает своими собственными хозъячейками. Каждый общественно-экономический уклад, будь это стержневой или дополнительный, имеет специфические для него экономические ячейки. Для каждого стержневого общественно-экономического уклада характерно также существование своего собственного экономического организма. Что же касается дополнительных укладов, то они своих собственных хозяйственных организмов не имеют. Их хозяйственные ячейки вкраплены в состав экономического организма одного из существующих наряду с ним стрежневых укладов, чаще всего господствующего.

4.3. ОБЩИЙ ХОД МИРОВОЙ ИСТОРИИ

4.3.1. Период праобщества и праистории (1,6—0,04 млн. лет)

Человек выделился из животного мира Как сейчас твердо установлено, между животными предшественниками человека, с одной стороны, и людьми, какими они являются сейчас (Homo sapiens, или Homo sapiens sapiens), с другой, лежит период становления человека и общества (антропосоциогенеза). Люди, живщие в эту эпоху, были людьми еще только формирующимися (*пралюдьми*). Только еще формирующимся было и их общество. Его можно было бы назвать *праобществом*.

Одни ученые принимают за первых людей (пралюдей) *хабилисов*, пришедших на смену австралопитекам, примерно, 2,5 млн. лет назад, другие считают первыми людьми *архантропов* (питекантропов, синантропов, атлантропов и т.п.), сменивших хабилисов, примерно, 1,6 млн. назад. По-видимому, более близка к истине вторая точка зрения, ибо только с архантропами начали формироваться язык, мышление и социальные отношения. Что же касается хабилисов, то они, как и австралопитеки были не пралюдьми, а *предлюдьми,* но только не ранними, а поздними.

Процесс антропосоциогенеза завершился, примерно, 35—40 тыс. лет тому назад, когда на смену формирующимся людям (пралюдям) и формирующему обществу (праобществу) пришли готовые, сформировавшиеся люди и готовое, сформировавшееся человеческое общество. Таким образом, история человечества прежде всего подразделяется на два основных периода: 1) *историю праобщества (праисторию)* и 2) *историю собственно человеческого общества.*

В периоде праобщества довольно явственно выделяются два основные эпохи: этап *архантропов*, начавшийся 1,6 млн. тому назад и закончившийся 0,3—0,2 млн. тому назад, и сменивший его этап *палеоантропов,* начавшийся 300—200 тыс. лет назад и завершившийся 35—40 тыс. лет назад Все находки хабилисов были сделаны в Африке южнее Сахары. В отличие от хабилисов архантропы широко распространились по Старому свету, заняв не только Северную Африку, но также и значительную часть Азии и Европу. Палеоантропы освоили почти всю территорию Старого Света, исключая лишь районы Крайнего Севера.

С этапом палеоантропов связано появления памятников, свидетельствующих об утверждении в праобщинах этих пралюдей коммуналистических отношений распределения, развитии здравого знания и логического образа мышления, формировании различных норм поведения, зарождении магии, тотемизма и начатков искусства.

4.3.2. Эпоха первобытного (доклассового) общества или палеоистории (40—6 тыс. лет)

Если архантропы и палеоантропы обитали только в Старом Свете, то люди современного физического типа, неоантропы, появившись 35—40 тыс лет назад, почти сразу освоили Америку и Австралию. С этого времени вся Земля, исключая лишь Антарктиду, оказалась ареной человеческой истории

[9] Значительно более подробно процесс всемирной истории рассмотрен Семенов Ю И Введение во всемирную историю Вып Проблема и понятийный аппарат Возникновение человеческого общества М., 1997, Вып 2 История первобытного общества М , 1999, Вып 3 История цивилизованного общества (XXX в до н э — XX в н э) М , 2001

Важнейшей вехой в развития готового, сформировавшегося человеческого общества является возникновение общественных классов и государства или, как любят сейчас говорить, цивилизации. Первые классовые общества, или цивилизации, возникли в конце IV тысячелетия до н. э. Таким образом, период существования и развития готового человеческого общества прежде всего подразделяется на 1) *эпоху доклассового,* или *первобытного, общества,* и 2) *эпоху классового,* или *цивилизованного, общества.*

В западной науке общество, которое у нас принято называть первобытным, чаще всего именуется примитивным (primitive). Называют его западные исследователи также племенным (tribal), примордиальным (primordial, т.е. первобытным, изначальным), бесклассовым (classless), безгосударственным (stateless), эгалитарным (egalitarian) обществом.

После появления классовых обществ первобытные общества полностью не исчезли. Они вплоть до наших дней продолжали существовать наряду с классовыми, что, разумеется, не могло на них не сказаться. Чтобы учесть это различие, крупнейший специалист по первобытной истории Абрам Исакович Перщиц предложил назвать первобытные общества, какими они были до появления классовых, — *апополитейными* (от греч. апо — до и политеа, или полития, — государство), а первобытные общества, продолжавшие существовать после возникновения классовых, — *синполитейными* (от греч. син — со-, одновременный).[10]

Говоря о первобытной эпохе и первобытной истории, я всегда буду иметь в виду исключительно лишь апополитейное общество и его историю (палеоисторию). Палеоистория существенно отличалась от всей последующей истории человечества (неоистории). И одно из различий, разумеется, не самое главное, состоит в том, что об этой эпохе не существует никаких письменных сведений. Ни палеоантропология, ни археология, сами по себе взятые, ничего не могут сказать об общественных отношениях той эпохи. Единственный источник сведений об этих общественных отношениях — этнология, или этнография — наука, один из разделов которой — социальная этнология первобытности (на Западе это — социальная антропология), специализируется на изучении синполитейных первобытных обществ.[11] Любая схема эволюции первобытного общества всегда представляет собой реконструкцию, основанную прежде всего на данных, которыми располагает этнология об синполитейных первобытных обществах.

При общем подходе к истории доклассового, или первобытного, общества прежде всего принято выделять стадию *собственно первобытного общества* и стадию общества, переходного от собственно первобытного к классовому. В последнее время за этим переходным состоянием закрепилось название *предклассового общества.* Именно это общество практически имели в виду многие мыслители XVIII—XIX вв., начиная с А. Фергюсона, когда они говорили о варварах и варварстве. Термин «варварские» общества и сейчас применяется антиковедами и медиевистами для обозначения предклассовых обществ Европы и Азии. Поэтому и я буду им пользоваться в последующем изложении.

В свою очередь, стадию собственно первобытного общества нередко подразделяют на этап *раннего первобытного (раннепервобытного) общества* и этап *позднего первобытного (позднепервобытного) общества.*

[10] См.: Первобытная периферия классовых обществ. М., 1978. С. 5.

[11] См.: Семенов Ю.И. Предмет этнографии (этнологии) и основные составдяющее ее нучные дисциплиины // ЭО. 1998. № 2.

Для раннего первобытного общества была характерна совместная собственность всех членов первобытной общины, вместе взятых, как на все предметы потребления, так и на средства производства. Эта общественная собственность проявлялась в том, что все члены раннепервобытной общины имели право на продукт, добытый любым из них, исключительно лишь в силу принадлежности к этому коллективу. Других оснований не требовалось. Весь созданный продукт распределялся между всеми членами общины, сообразно их потребностям. Действовал принцип: от каждого по способностям, каждому по потребностям.

В раннем первобытном обществе существовали первобытно-коммунистические, или коммуналистические, отношения распределения и тем самым собственности, и, соответственно, коммуналистический способ производства. Раннее первобытное общество было *первобытно-коммунистическим*, или *коммуналистическим*.

Смена раннего первобытного общества поздним связана с появлением распределения по труду, которое постепенно вытесняет коммуналистическое распределение. Происходит раздвоение экономики на жизнеобеспечивающую и престижную. Престижно-экономические отношения приобретают такое значение, что позднепервобытное общество можно было охарактеризовать как *первобытно-престижное*. Возникновение распределения по труду и престижной экономики с необходимостью предполагало появление наряду с общественной собственностью отдельной собственности членов общества и тем самым соответственно имущественного и социального неравенства.[12]

С возникновением первобытно-престижных обществ, первобытно-коммунистические полностью не исчезли, они продолжали существовать наряду с первыми. Так первобытный мир разделился на два исторических мира: первобытно-коммунистический и первобытно-престижный. Первобытно-престижный мир был супериорным, первобытно-коммунистический — инфериорным, эксмагистральным.

Еще на стадии первобытно-престижного общества стали возникать различного рода методы и образы эксплуатации. Их развитие привело к переходу от первобытно-престижного общества к предклассовому. Наряду с названными выше двумя историческими мирами возник еще один: предклассовый, или варварский. Последний исторический мир был супериорным, первобытно-коммунистический и первобытно-престижный — инфериорными, эксмагистральными.

На ступени предклассового (варварского) общества уже существовали такие методы эксплуатации, как систематический военный грабеж, данничество, посредническая торговля и ростовщичество, а также *помогодоминарный* (от лат. dominari — господствовать) и *заемнодоминарный* образы эксплуатации.

Генезис частной собственности и социальное расслоение вообще, становление общественных классов прежде всего шло в нескольких формах. Становление персонально-корпоративной частной собственности, которая, как правило, была верховной, предполагало разделение людей на знать (аристократию) и простонародье (коммонеров). Это — аристарное (от греч. аристос — наилучший) расслоение. Становление персональной частной собственности, которая обычно была и полной, предполагало разделение людей на богачей и бедняков. Это — плутарное (от греч. плутос — богатство) расслоение. Становление политарной, т.е. общеклассовой, корпоративной собственности всегда начиналось как аристарное, но затем приобретало иные, очень своеобразные формы.

[12] См Семенов Ю И Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. Ч. 1-3. М., 1993.

На стадии предклассового общества шло формирование политарного способа производства. Становящийся политаризм можно было бы назвать *протополитаризмом*. Протополитарный способ производства был одним из основных на стадии предклассового общества.

Близким к протополитарному способу производства был *протонобиларный* (от лат. nobilis — знатный) способ, который отличался от первого тем, что при нем каждому члену эксплуататорской элиты выделялась определенная доля корпоративной собственности, что часто вело к ее полному разделу. Протонобиларная частная собственность в отличии от протополитарной была корпоративно-персонализированной. Нобиларное расслоение было аристарным.

Существовали еще две основные формы эксплуатации, который в зависимости от условий выступали то как образы, то как способы производства.

Одна из них — *доминатный,* или *доминарный,* способ (образ) производства. Суть его заключается в том, что эксплуатируемый полностью работает в хозяйстве эксплуататора. Этот способ выступает в пяти вариантах, которые часто являются и его составными частями.

В одном случае человек работает только за содержание (кров, пища, одежда). Это — *доминарно-приживальческий,* или просто *приживальческий* подспособ (подобраз) эксплуатации (1). Нередко поступление женщины в такого рода зависимость оформляется как заключение брака. Это — *брако-приживальчество (2).* Человек может работать за определенную плату. Этот вариант можно назвать *доминарно-наймитским,* или просто *наймитским* (3). Человек может оказаться в чужом хозяйстве в качестве заложника или несостоятельного должника. Это — *доминарно-кабальный* подспособ (подобраз) (4). И, наконец, еще одним является *доминарно-рабский* подспособ (подобраз) эксплуатации (5). Рабство как вариант составной элемент доминарного способа (образа) эксплуатации качественно отличается от рабства как самостоятельного способа производства. В литературе его обычно именуют домашним, или патриархальным рабством.

Другим ранним основным способом (образом) производства был *магнатный,* или *магнарный (*от лат. magnus — великий, ср.-лат. magnatus — владыка). Он выступал в четырех вариантах, которые нередко являлись одновременно и его составными элементами. При этом способе (образе) основное средство производства — земля, находившаяся в полной собственности эксплуататора, передавалась в обособленное пользование работника, который более или менее самостоятельно вел на ней хозяйство. Случалось, что непосредственный производитель получал от эксплуататора не только землю, но и все средства труда. Работник обычно отдавал собственнику земли часть урожая, а нередко также трудился в собственном хозяйстве эксплуататора.

Таким работник мог стать раб, посаженный на землю. Это *магнарно-рабский* вариант магнарного способа производства (1). Им мог стать приживал. Это — *магнарно-приживальческий* вариант магнарного способа производства (2). Им мог стать человек, оказавшийся в зависимости от владельца земли в результате задолженности. Это *магнарно-кабальный* подспособ (подобраз) эксплуатации (3). И, наконец, им мог стать человек, взявший участок земли в аренду и оказавшийся в результате этого не только в экономической, но и в личной зависимости от владельца земли. Это — *магнарно-арендный* подспособ (подобраз) эксплуатации (4).

И доминарное, и магнарное расслоение были вариантами плутарной стратификации. Очень часто доминарный и магнарный способы производства срастались друг с

другом, образуя, по существу, один единый гибридный способ производства — *доминомагнарный*. Доминаристы при этом одновременно были и магнаристами.

Различные предклассовые общества существенно отличались друг от друга по своей социально-экономической структуре. Были общества, в которых господствовал формирующийся крестьянско-общинный (пракрестьянско-общинный) уклад. Такие общества можно было бы назвать *пракрестьянскими* (1). В одних такого рода обществах отношения эксплуатации, если и существовали, то лишь в качестве придатков к этому господствующему укладу. Это — *собственно пракрестьянские общества* (1.1). В других важную роль играли доминарные отношения. Это *пракрестьянскодоминарные общества* (1.2.).

В значительном числе предклассовых обществ господствующим был протополитарный уклад. Это — *протополитарные* общества (2). Их можно подразделить на два подтипа: общества, в которых протополитарный уклад господствовал почти безраздельно — *собственно протополитарные* общества (2.1) и общества, в которых наряду с протополитарным укладом важную роль играл доминомагнарный, — *протополитомагнарные* общества (2.2). Первые из них иногда называют «деревенскими» обществами, вторые — «городскими».

Наблюдались общества с доминированием протонобиларных отношений. Это — *протонобиларные* общества (3), которые подразделялись на *собственно протонобиларные* (3.1) и *протонобилодоминарные* (3.2). Были социоисторические организмы, в которых господствовал доминомагнарный способ производства. Это — *протодоминомагнарные* общества (4). И, наконец, были общества, в которых сосуществовали и играли примерно одинаковую роль протонобиларная и доминомагнарная формы эксплуатации. Такие общества можно было бы назвать *протонобиломагнарными* (5).

Еще один тип — общества, в которых доминомагнарные отношения сочетались с эксплуатацией рядовых его членов со стороны особой военной корпорации, которую на Руси называли дружиной. Научным термином для обозначения такой корпорации могло бы стать слово «милития» (лат. militia — войско), а ее предводителя — слово «милитарх». Лучший термин для обозначения таких социоисторических организмов — *протомилитомагнарные* общества (6).

Ни один из этих шести основных типов предклассового общества не может быть охарактеризован как общественно-экономическая формация, ибо он не был стадией всемирно-исторического развития. Такой стадией было предклассовое общество, но оно тоже не может быть названо общественно-экономической формацией, ибо оно не представляло собой единого социально-экономического типа.

К разным социально-экономические типам предклассового общества вряд ли применимо и понятие параформации. Они не дополняли какую-либо общественно-экономическую формацию, существовавшую в качестве стадии мировой истории, а все вместе взятые заменяли общественно-экономическую формацию. Поэтому их лучше всего было бы именовать *общественно-экономическими проформациями* (от греч. про — вместо).

Некоторые проформации возникли в результате внутреннего развития предклассового общества. Это — апополитейные проформации. Другие обязаны своим появлением влиянию сложившихся классовых обществ. Это — синполитейные проформации. К числу последних, по-видимому, относится протомилитомагнарное общество.

Проформации не выступали по отношению друг к другу как стадии развития. Они были альтеративными вариантами предклассового общества. Их альтернатив-

ность наглядно проявлялась в том, что они могли превращаться друг в друга. Не только пракрестьянские общества превращались в протополитарные, но и протополитарные могли трансформироваться в пракрестьянские. Протонобиларные общества преобразовывались в протонобиломагнарные, а последние — в протодоминомагнарные. В свою очередь протодоминомагнарные общества могли стать протонобиломагнарными. Возможны были и другие взаимные превращения предклассовых обществ.[13]

Во всех проформациях, исключая пракрестьянскую, шли процессы становления частной собственности и общественных классов. Но из пяти оставшихся предклассовых обществ только одно было способно превратиться в классовое без воздействия извне более развитых (а именно классовых) социоисторических организмов — протополитарное (в обоих его вариантах — собственно протополитарном и протополитомагнарном). Таким образом, оно представляло собой магистральную проформацию. Трансформация остальных проформаций в классовое общества было возможно лишь при условии индукции со стороны классовых обществ. Поэтому первые классовые общества могли быть только древнеполитарными и древнеполитомагнарными.

Материальные условия для подъема на уровень классового общества были созданы таким крупным переломом в развитии производительных сил человечества, каким была *аграрная (агрикультурная) революция* — переход от охоты и собирательства к земледелию и животноводству. Первые очаги земледельческо-животноводческого хозяйства появились, примерно, в IX—X тысячелетиях до н.э. на территории Передней Азии.

4.3.3. Эпоха Древнего Востока (III—II тысячелетия до н. э.)

Первые классовые общества возникли как небольшие острова в море первобытного общества. Это произошло в конце IV тысячелетия до н.э. почти одновременно в двух местах земного шара: в с северной части долины Нила и на юге междуречья Тигра и Евфрата. Классовые общества столь резко отличались от первобытных, что по отношению к ним все последние, вместе взятые, выступили теперь как один исторический мир, разделенный на три исторических субмира: первобытно-коммунистический, первобытно-престижный и предклассовый. Из всех этих субмиров в последующий истории человечества заметную роль играл лишь один — предклассовый (варварский). Таким образом, основным стало деление человечества на два исторических мира: первобытный, прежде всего варварский, который весь стал инфериорным, и классовый, а именно древнеполитарный, который был супериорным.

В долине Нила классовое общество возникло в форме крупного социоисторического организма, в междуречье Тигра и Евфрата — в качестве региональной системы, состоявшей из нескольких десятков небольших социоисторических организмов (городов-государств) с общим языком и культурой. Общим термином для обозначения этих двух видов бытия классового общества могло бы быть словосочетание *«историческое гнездо»*. Таким образом, можно говорить о египетском гнездовом социоисторическом организме и шумерской гнездовой социорной системе. И египетское, и шумер-

[13] Подробнее см.: Семенов Ю.И. Проблема перехода от первобытного общества к классовому: Пути и варианты развития // ЭО. 1993. № 2, № 3, Он же. Война и мир в земледельческих предклассовых и ранних классовых обществах // А.И. Першиц, Ю.И. Семенов, В.И. Шнирельман. Война и мир в ранней истории человечества. Т. 2. М., 1994. С. 7-41; Он же. Введение во всемирную историю. Вып. 2. История первобытного общества. М., 1999. С. 143-176.

ское классовые гнезда были *первичными* классовыми обществами. Египетское общество было «деревенским», древнеполитарным, или орбополитарным (от лат. орбо — область, страна) шумерское — «городским», древнеполитомагнарным, или урбополитарным (от лат. урбо — город). Оба эти типа были вариантами одной общественно-экономической формации — древнеполитарной.

Процесс дальнейшего перехода человечества от первобытного общества к классовому шел в различных регионах по разному. Можно выделить два основных пути развития.

Первый путь — возникновение новых одиночных исторических гнезд, новых островов в море первобытного общества. Во второй половине III тысячелетия до н.э. новое историческое гнездо возникло в долине Инда — цивилизация Хараппы, или Индская. Около середины II тысячелетия до н.э. появилось историческое гнездо в долине Хуанхэ — Иньская, или Шанская, цивилизация. И хотя и Индское, и Иньское классовые общества возникли тогда, когда на земле уже несколько веков существовали другие цивилизации, они возникли не под влиянием и без влияния последних. И в этом смысле они, не в меньшей степени, чем Шумер и Египет, могут быть названы *первичными* цивилизациями.

Второй путь развития — появление новых исторических гнезд по соседству со старыми историческими гнездами и в значительной степени под влиянием последних. Эти классовые общества уже были *вторичными*. Этот процесс первоначально имел место лишь на Ближнем Востоке. Следствием было появление огромной системы исторических гнезд, охватывавшей весь этот регион. Она простиралась от западных границ Египта до восточных пределов Элама. К началу II тысячелетия до н.э. в нее был втянут Крит, где утвердилась Минойская цивилизация, а около его середины и часть материковой Европы, где возникла Микенская, или Ахейская, цивилизация.

Такое пространство, включавшее в себя множество тесно связанных исторических гнезд, в последующем изложении будет именоваться *исторической ареной.* Ближневосточная историческая арена уже не может быть названа островом в море первобытного общества. Это был целый континент, причем первый такого рода континент.

Занимая лишь ограниченную часть земного шара, ближневосточная система социоисторических организмов тем не менее являлась системой *мировой*. Ее мировое значение проявилось в том, что ее существование и эволюция подготовила и сделала в дальнейшим возможным подъем человечества на следующую ступень исторического развития. Об Индии и Китае этого сказать нельзя. Они могли быть, могли не быть, но вплоть до нового времени это не могло сколько-нибудь существенно сказаться на мировой истории. В течение III и II тысячелетий до н.э. ближневосточная арена, которая была не только первой, но единственной существующей в то время исторической ареной, являлась *центром мирового исторического развития (центроареной).*

С этих пор можно говорить о разделении мира на *исторический центр (ядро)*, или просто *центр*, и *историческую периферию*, или просто *периферию.* Центр был классовым, древнеполитарным, периферия делилась на первобытную, прежде всего варварскую, и классовую. Ни первобытная, ни классовая периферия не представляли собой единого целого. Классовая периферия состояла из нескольких, первоначально во многом изолированных исторических гнезд.

Характерным для древневосточных обществ был циклический характер их развития. Они возникали, расцветали, а затем приходили в упадок. В большинстве случаев последний проявлялся в распаде крупного социоисторического организма на

несколько более мелких, в превращении его в гнездовую систему социоров, каждый из которых продолжал оставаться классовым обществом. При этом исчезали крупные социоисторические организмы, но цивилизация сохранялась. В последующем гнездовая система социоров могла снова превратиться в один социоисторический организм, и общество вступало в новый период расцвета, который завершался очередным упадком.

Циклический характер развития древневосточных обществ особенно наглядно виден на примере Древнего Египта. Об этому уже шла речь в первой части работы (1.2.3). Чтобы не повторяться, кратко напомню общую схему истории этой страны в III и II тысячелетиях до н.э.: Раннее и Древнее царства — Первый переходный период — Среднее царство — Второй переходный период — Новое царство — новый распад страны.

Как уже отмечалось, в отличие от Египта классовое общество в Двуречье возникло как система мелких социоисторических организмов. Правитель Аккада Саргон (2316—2261 гг. до н. э.) объединил их под своей власть и создал могущественную державу, простиравшуюся от Персидского залива до Сирии. Но в XXII в. до н.э. Аккадское царство вступило в эпоху упадка и рухнуло под ударами кутиев. Вся последующая история Двуречья, как и история Египта, непрерывное чередование периодов подъема и упадка: Царство Шумере и Аккада при III династии Ура — вторжение амореев — Старовавилонское царство — вторжение касситов — расцвет при Навуходоносоре I — ассирийское владычество — Нововавилонское царство — персидское завоевание.

В Китае классовое общество возникло где-то около середины I тысячелетия до н.э. В конце XI в. до. н.э. общество Инь пришло в упадок и рухнуло под ударами чжоусцев. Возникла новая держава — Западное Чжоу.

Как видно из сказанного, пришедшее в упадок классовое общество нередко либо подпадало под власть процветавших соседних цивилизованных обществ, либо становилось добычей соседей-варваров. В случае вторжения последних нередко говорят о гибели этого общества и видят ее причины в варварском завоевании. В действительности вовсе не действия варваров, сами по себе взятые, привели к деградации классового общества, а, наоборот, его упадок создал условия для варварского вторжения.

Варварское завоевание может привести к тому, что классовое общество погибнет не в смысле исчезновения тех или иных конкретных социоров, а в том, что оно перестанет быть классовым, рассыплется на массу предклассовых социоисторических организмов. В таком случае можно говорить о гибели цивилизации в точном смысле слова. Таким образом наряду с супериоризацией социоисторических организмов была возможно и имела место их инфериоризация.

Цивилизация Хараппы, возникнув в XXIII в. до н.э., рухнула в XVIII в. до н.э. С ее гибелью произошел возврат на стадию предклассового общества. Исчезли монументальное зодчество и письменность. Вновь классовое обществ на территории Индии возродилось лишь в начале I тысячелетия до н.э. На территории материковой Греции классовое общество — Микенская, или Ахейская, цивилизация — сложилось первоначально к XVI вв. до н.э. В XII в. до н.э. оно погибло. Прекратилось монументальное строительство, исчезла письменность. Снова классовое общество в Греции возникло лишь около 800 г. до н.э.

Когда общество приходит в упадок и особенно, когда гибнет цивилизация, то нередко ищут причины в чем угодно, но не в его социальных порядках: во вторжении

варваров, в истощение почвы, в природных катаклизмах и т.п. Но если циклическим было развитие всех без исключения древневосточных обществах, то причины его нужно искать в их социальном, прежде всего, социально-экономическом строе.

Все возникшие в IV — II тысячелетиях до н.э. социально-исторические организмы относились к одному и тому же типу. Господствующим в них был азиатский, или древнеполитарный способ производства. Соответственно общества Древнего Востока относилось к древнеполитарной общественно-экономической формации. Палеополитаризм возник из предшествовавшего ему протополитаризма.

Древнеполитарный способ производства существовал в трех вариантах. Один из них был основным, самым распространенным, и когда говорят об азиатском способе производства, то только его и имеют в виду. В этом смысле его можно считать классическим.

При классическом варианте древнеполитарного способа производства эксплуатируемым классом являются крестьяне, живущие общинами. Крестьяне или платят налоги, которые одновременно представляют собой земельную ренту, или, что реже, наряду с ведением собственного хозяйства, обрабатывают землю, урожай с которой поступает государству. Этих крестьян также нередко в порядке трудовой повинности используют на работах различного рода (строительство и ремонт каналов, храмов, дворцов и т.п.). Как явствует из сказанного, древнеполитаризм в данном варианте — двухэтажный способ производства. Политарный общественно-экономический уклад включает в себя в качестве своего фундамента крестьянско-общинный уклад.

Существовавшие в недрах крупных политарных социоисторических организмов крестьянские общины не были их простыми подразделениями. В их основе лежали иные социально-экономические отношения, чем те, что образовывали базис классового социоисторического организма, в который они входили. Поэтому крестьянские общины обладали некоторыми особенностями социоисторических организмов, выступали в ряде отношений как подлинные социоры. В частности они имели свою особую культуру, отличную от культуры классового социоисторического организма, в состав которого входили. Они были субсоциорами.

Крестьянские общины были глубинной подосновой древнеполитарных обществ. Древнеполитарные социоисторические организмы возникали, исчезали, сливались и раскалывались. Но общины при этом сохранялись. А когда погибала цивилизация и происходил возврат на стадию предклассового общества, крестьянские общины превращались в пракрестьянские, которые в дальнейшем с новым переходом к классовому обществу снова трансформировались в крестьянские.

Происшедший впервые на Древнем Востоке переход от предклассового, протополитарного общества к древнеполитарному, классовому был гигантским шагом вперед в истории человечества. Однако техника, которую использовали крестьяне-общинники, мало чем отличалась от той, которая существовала на предшествующих этапах развития — в позднем первобытном и предклассовом обществах. На этом основании нередко делается вывод, что с переходом к классовому древнеполитарному обществу сколько-нибудь существенных сдвигов в развитии производительных сил не произошло. В основе данного вывода лежит сведение производительных сил к технике и соответственно прогресса производительных сил к росту производительности труда. И основание, на котором зиждился этот вывод, и сам вывод ошибочны.

Увеличение продуктивности общественного производства может быть достигнуто не только за счет прогресса техники и роста производительности труда. Кроме

технического (технологического) способа повышения продуктивности общественного производства, а тем самым и уровня развития производительных сил, возможно, существуют и иные.

Детальное исследование сохранившихся вплоть до наших дней позднепервобытных и предклассовых земледельческих обществ, живших в природных условиях, сходных с теми, что были характерны для древневосточных социоров, показало, что, вопреки привычным представлениям, время, которое члены этих обществ уделяли земледельческому труду, было сравнительно небольшим: 100—150 дней в году. В классовых же обществах Азии, которые еще в XIX в. были политарными, земледельцы работали в поле не менее 250 дней.

Развитие производительных сил в позднепервобытном обществе сделало возможным появление протополитарных отношений. Стремление протополитаристов получить возможно больше прибавочного продукта привело к возникновению мощного государственного аппарата и превращению протополитаризма в настоящий политаризм.

Утверждение политарных отношений привело, во-первых, к возрастанию продолжительности рабочего дня, во-вторых, к увеличению числа рабочих дней в году. В результате при той же самой производительности труда резко выросла продуктивность общественного производства. Отношения эксплуатации, утвердившись, сделали создателей материальных благ совершенно иной производительной силой, чем они были раньше. Последние теперь оказались способными трудиться не только по много часов в день без сколько-нибудь длительных перерывов, но и работать систематически, постоянно, изо дня в день по много дней подряд, работать не только в меру сил, но и через силу.

Такой способ повышения продуктивности общественного производства, а тем самым и уровня развития производительных сил можно назвать *темпоральным* (от лат. tempus — время). На приведенном выше примере можно наглядно видеть, что новые производственные отношения не просто влияют на производительные силы, не просто способствуют их развитию, а создают, вызывают к жизни новые производительные силы.

Подобного рода развитие производительных сил общества возможно было только до какого-то более или менее определенного уровня. Этот уровень зависел, в частности, и от природных условий. В странах, в которых в силу климатических особенностей земледельческие работы в течение определенного сезона, например, зимой, невозможны, увеличить число рабочих дней земледельца за счет этого периода времени было нельзя. Для стран, где земледельческие работы возможны в течение всего года, а такими были многие восточные, такое ограничение отпадает. В качестве ограничивающего момента там выступают прежде всего особенности природы самого человека.

Производители материальных благ физически не могли работать сверх более или менее определенного числа часов в сутки и сверх более или менее определенного числа дней в году. Начиная с определенного предела возрастание прибавочного продукта могли происходить только за счет изымание части жизнеобеспечивающего продукта. Движение пресса эксплуатации на каком-то уровне должно было остановиться. Происходило это, разумеется, не автоматически. Останавливало его движение сопротивления самих производителей.

Там, где это происходило слишком поздно, производительные силы разрушались, деградировали, и классовое общество не только приходили в упадок, но и гибло. В

других случаях происходил распад крупного социоисторического организма на мелкие, что вело к ослаблению мощи государственного аппарата и соответственно его способности высасывать прибавочный продукт. Все это давало возможность непосредственным производителя оправиться, а затем все начиналось сначала.

Но это не единственный механизм, лежавший в основе циклических изменение. Возникновение политарного общества означало конец политарного классообразования, но не класообразования вообще. Практически во всех политарных общества шел процесс плутарного расслоения, возникновения персональной полной частной собственности, становления доминарных, магнарных и доминомагнарных отношений, процесс вторичного класообразования. Возникая и развиваясь, магнарный, или доминомагнарный, уклад разъедал политарный социоисторический организм.

Каждая сколько-нибудь крупная политархия состояла из нескольких областей — субполитархий. Правители этих областей были заинтересованы в том, чтобы получить в свое распоряжение возможно большую долю дохода с подчиненного им населения, а то и весь доход. Но последнее было возможно лишь в случае превращения субполитархии в политархию. Развитие магнарных отношений способствовало росту самостоятельности субполитархов. Когда внутри сколько-нибудь крупного политарного социоисторического организма получали развитие магнарные отношения, он был обречен на развал.

Процессы разрушения человеческих производительных сил, вызревания магнарных отношений и роста самостоятельности субполитархов сочетались и переплетались по-разному, что определяло особенности упадка тех или иных древнеполитарных обществ.

Ближневосточная мировая система состояла из множества исторических гнезд, подверженных циклическим изменениям. Вполне понятно, что эти изменения происходили не синхронно. В то время как одни общества расцветали, другие приходили в упадок. Общества, которые находились в зените расцвета, в результате завоевательной политики подчиняли себе множество других, ослабевших или вообще менее сильных. Возникали грандиозные военные державы, включавшие в свой состав большое число исторических гнезд.

Когда историческое гнездо, ставшее центром такого обширного образования, приходило в упадок, империя распадалась, исчезала, уступая место новым державам, которых постигала та же участь. Характерным для ближневосточной мировой арены был постоянный переход гегемонии от одних исторических гнезд к другим и, соответственно, постоянное изменение политической карты.

Возникновение политарного общества было огромным прогрессом в развитии человечества. Огромные изменения произошли в культуре. Она, как уже указывалось ранее (подраздел 1.7.1) раздвоилась на культуру элитарную и культуру простонародную, прежде всего крестьянскую. Элитарная культура есть новообразование, качественно отличное от единой культуры первобытности. С переходом к классовому обществу появились монументальные архитектурные сооружения (храмы, дворцы, пирамиды и т.п.). Возникла письменность (первоначально идеографическая), что в огромной степени способствовало развитию духовной культуры. И монументальное зодчество, и письменность представляют собой яркое проявление культуры верхов, или элитарной культуры. Их появление, как известно, всеми историками и археологами рассматривается как неопровержимые признаки перехода к цивилизации.

На Древнем Востоке зародилась преднаука: математика, астрономия. Проявi-

лись школы, в которых учили письму, счету, знакомили с определенным запасом знаний, готовили профессионалов-писцов. Возникшая первоначально для хозяйственных нужд письменность в последующем стала использоваться для записи произведений словесности, в частности эпических («Эпос о Гильгамеше» и др.). Начали фиксироваться правовые нормы («Кодекс царя Хаммурапи» и др.).

4. 3. 4. Античная эпоха (VIII в. до н. э. — V в. н. э.). Мир в пределах центрального исторического пространства

Способ роста производительных сил, который лежал в основе развития древнеполитарного общества, был тупиковым. Для того чтобы человечество могло двинуться дальше, нужны были принципиально иные производственные отношения, более высокие, более прогрессивные. Но в недрах древнеполитарного общества они вызреть не могли. И в этом смысле оно тоже было тупиковым. И если бы все конкретные общества развивались бы одинаковыми темпами и достигли бы одновременно древнеполитарной стадии, то прогресс человечества был бы исключен.

Но политарные социоисторические организмы даже на исходе II тысячелетия до н.э., когда наряду с изолированными историческими гнездами возникла мировая ближневосточная система, занимали сравнительно небольшую часть ойкумены. Остальная ее часть была заполнена первобытно-коммунистическими, первобытно-престижными и предклассовыми обществами. Предклассовой, или варварской, была вся ближайшая периферия политарных обществ. Наряду с политарным историческим миром продолжал существовать первобытный, прежде всего варварский мир.

Вплоть до начала I тысячелетия до н.э. появлялись и существовали классовые общества только политарного типа. В VIII в. до н.э. начали возникать классовые общества иного вида. Их обычно называют античными. Первым античным обществом было древнегреческое.

На территории Греции ранее уже существовало классовое общество древнеполитарного типа — Микенская цивилизация. Но античное общество возникло не из предшествовавшего политарного и не в результате его трансформации. Как уже указывалось, возникшее в XVI в. до н.э. Ахейское политарное общество в XII в. до н.э. погибло. Произошел возврат на стадию предклассового общества.

В VIII в. до н.э. классовое общество на территории Греции возникло заново, во второй раз. И возникло оно, как и любое политарное общество, из общества предклассового, варварского. На этом основании многие авторы пришли к выводу, что от предклассового общества идут, по меньшей мере, две параллельные линии развития, одна из которых ведет к политарному обществу, а другая — к античному. В этом их убеждало и то обстоятельство, что на территории Италии, где несколько позднее тоже возникло общество античного типа, никаких политарных обществе ранее вообще не существовало. Высшей формой, предшествующей античному обществу, там было предклассовое общество и никакое другое.

Но при этом они упускали из вида два крайне важных обстоятельства.

Прежде всего эти ученые совершенно не принимали во внимание, точнее, вообще не знали, того, что предклассовые общества могли существенно отличаться друг от друга. Не все они были протополитарными, которые были способны превратиться лишь в политарные. Кроме протополитарных существовали предклассовые общества

еще нескольких иных типов. Эти последние проформации представлял собой своеобразный исторический резерв. Именно одна из проформаций и была востребована, когда возникла настоятельная необходимость в переходе человечества в целом на новую, более высокую стадию общественного развития, чем древнеполитарная.

И далее. Хотя эти исследователи не могли не знать, но они совершенно не принимали во внимание то, что новое греческое классовое общество формировалось в зоне интенсивного всестороннего воздействия мировой системы социоисторических организмов, существовавшей на Ближнем Востоке. Это не могло существеннейшим образом не сказаться на материальной и духовной культуре и на структуре античного общества. Оно творчески усвоило все достижений цивилизаций Ближнего Востока, прежде всего египетской и месопотамской (шумерской и вавилонской). В этом смысле между политарным обществом Древнего Востока и античным существует глубочайшая преемственная, генетическая связь. И это давно уже в самом общем виде было осознано теми философами и историками, которой принимали идею исторической эстафеты (2.13). К настоящему времени огромное воздействие ближневосточной системы на формирующиеся античные социоисторические организмы можно считать неопровержимо доказанным наукой.

«Прошли те времена, — писал еще в 1928 г. известный английский археолог Чарльз Леонард Вулли (1880—1960), — когда начало всех начал искали в Греции, а Грецию считали возникшей сразу, вполне законченной, точно Афина из головы олимпийского Зевса. Мы знаем теперь, что этот замечательный цветок вобрал в себя соки мидийцев и хеттов, Финикии и Крита, Вавилона и Египта. Но корни идут еще дальше: за всеми ими стоит Шумер».[14]

«Влияние Востока, — вторит британскому археологу-ориенталисту Л. Вулли российский антиковед Валерий Петрович Яйленко, — не ограничивается сферой искусства — это был всеобъемлющий процесс воздействия восточной цивилизации на складывающуюся культуру архаической Греции».[15] Роль Востока в формировании античного классового общества столь велика, что в настоящее время зарубежные историки говорят об ориентализационном периоде в истории древней Греции и даже об «ориентализационной революции».[16]

Но речь должна идти не просто об усвоении и переработке всех предшествующих достижений политарного общества в области материальной и духовной культуры, без чего появление античного общества было совершенно немыслимым. Нужно принять во внимание мощное экономическое воздействие ближневосточной мировой системы на социально-экономический строй возникающих в Греции новых классовых обществ. К этому времени сложилась система мировой (по тогдашним меркам) торговли, в которую были сразу же втянуты формирующиеся классовые социоисторические организмы Греции. Они сразу же в готовом виде получили и освоили экономиче-

[14] Woolly L. The Sumerians. Oxford, 1928. P. 193. Возражение Л. Вулли прежде всего направлено против одного из высказываний Г.Д С. Мейна, которое было использовано Теодором Гомперцем в качестве эпиграфа к первой части его работы «Греческие мыслители» (1895). Вот что было сказано Г.Д.С. Мейном: «Маленькому народу было дано создать принцип прогресса. Народ этот был эллины. За исключением слепых сил природы, все, что движется в этом мире, имеет свое начало в Греции» (Гомперц Т. Греческие мыслители. Минск, 1999. С. 6).

[15] Яйленко В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990. С. 210.

[16] См.: Murray O. Early Greece. London,1993: Bukert W. The Orientalizing Revolution: Near Eastern Influence on Greek Culture in the Early Archaic Age. Cambridge,Mass ,1992.

ские формы, которые были результатом длительного развития экономической жизни Востока.

В качестве примера можно привести монету. Хотя классовое общество на Ближнем Востоке возникло еще в конце IV тысячелетия до н.э., монета впервые появилась там лишь на рубеже VIII и VII вв. до н.э. Греки же начали использовать монету уже на заре своего второго классового общества. На о. Эгина чеканка монеты началась в VII в. до н.э. Все это не могло не сказаться на древнегреческой экономике.

Уже предклассовое общество, которое существовало в Греции в XII—IX вв., было качественно иным, чем то, которое предшествовало восточным классовым социоисторическим организмом. Шумерское, древнеегипетское, древнекитайское и прочие политарные общества возникли из протополитарных предклассовых обществ. Предклассовое общество, из которого возникло древнегреческое (это предклассовое общество нередко называют гомеровским), во всяком случае, протополитарным не было. Протополитарные отношения в нем полностью отсутствовали. Там существовало, по меньшей мере, три варианта доминарных отношений (приживальчество, наймитство и рабство), магнарно-рабовладельческие отношения и протонобиларные. И не исключено, что таким своим характером гомеровское общество было обязано влиянию соседних классовых обществ.

Как уже указывалось, предклассовое общество такого типа могло превратиться в классовое только под воздействием соседних более развитых (в данном случае — древнеполитарных) обществ. Результат классогенеза и политогенеза в данном случае определялся двумя факторами. Первый — характер исходного предклассового общества, второй — природа и сила внешнего влияния.

Конечным результатом была ультрасупериоризации, т.е. переход греческого предклассового общества к более высокой стадии всемирного развития, чем древнеполитарная формация, а именно к античной формации. Этот переход не был непосредственным. Связующим звеном между греческим предклассовым обществом и античной формацией была очень свобразная параформация.

Переход от гомеровского общества к классовому был ознаменован довольно бурным ростом магнарно-кабальных и, возможно, магнарно-арендных отношений. Причина этого во многом заключалась в развитии товарно-денежных отношений, что было связано, прежде всего, со все большим втягиванием греков в систему тогдашней мировой торговли. При этом продолжали существовать наймитство и рабство, причем последнее уступало по значению первому. Общество архаической Греции (VIII—VI вв. до н.э.) не было рабовладельческим. Оно являлось доминомагнарным, относилось к доминомагнарной общественно-экономической параформации. В результате внутреннего развития этой параформация произошел выход греческого общества на историческую магистраль.

В ходе революций VI—V вв. до н.э. в передовых социоисторических организмах Греции были уничтожены магнарные отношения, что сделало не только возможным, но и необходимым развитие рабство и его превращение из всего лишь элемента доминарного способа производства в самостоятельный способ, который и стал основой общества. Этот способ производства я предпочитаю называть *серварным* (от лат. servus — раб). Общество классической Греции, бесспорно, относилось к более высокой, чем политарная, общественно-экономической формации — античной, рабовладельческой или, точнее, серварной.

Смена древнеполитарной общественно-экономической формации серварной но-

сила эстафетный характер. Поэтому эта трансформация не могла привести и не привела к исчезновению ранее существовавших древнеполитарных обществ. С этого времени, наряду с первобытным, прежде всего варварским миром, на Земле стали сосуществовать два классовых мира: политарный и античный, из которых первый был инфериорным, эксмагистральным, а второй — супериорным.

И явные признаки выхода на более высокий уровень развития, чем тот, который был характерен для политарного общества, начали обнаруживаться еще в архаической Греции. Вновь возникшая в этом обществе письменность была уже не идеографической, а алфавитной. Греция является родиной первого в истории человечества подлинного алфавита, возникшего из финикийского полуалфавитного слогового письма, которое в свою очередь появилось в результате тысячелетнего развития на Востоке идеографической письменности. Древнегреческое общество было первым, в котором была распространена грамотность.

Если на Востоке существовали лишь деспотические режимы, выступавшие в форме монархии, то в Греции впервые возникла республиканская форма правление. На Востоке были только подданные, в Древней Греции впервые появились граждане, а тем самым и гражданское общество. Для Греции было характерно многообразие политических режимов. И наряду с тиранническими, олигархическими, аристократическими способами правления там впервые в истории человечества возникла демократия, а вместе с ней политическая жизнь, политическая борьба, политические партии, свобода политической деятельности, выражающаяся в свободе слова, собраний, выборные и подотчетные гражданам органы государственной власти.

Политическая борьба немыслима без борьбы идеологической, без столкновения разных мнений, противопоставления политических платформ. Ставятся под сомнение и подвергаются критике устоявшиеся взгляды, представления, включая религиозные. Возникает идейный плюрализм, впервые получает развитие свободомыслие. Огромное значение приобретает ораторское искусство, умение убеждать, вербовать сторонников.

Возникает первая форма теоретического знания — философия, причем сразу же светская. В последующем наряду с ней появляется наука (точнее, пранаука) как особая форма общественного сознания. Кроме естественных пранаук появляется историческая пранаука. В древней Греции впервые возникает подлинная художественная литература, включая поэзию, прозу, драматургию, появляется настоящий театр с профессиональными актерами. Это гигантский взлет человеческого духовного творчества нередко именуется «греческим чудом».

Греческое исторические гнездо возникло первым. Но оно было не единственным классовым обществом нового типа. Вслед за ним появилось этрусское историческое гнездо, затем латинское гнездо, в котором ведущее положение занял Рим.

Карфагенское общество принято рассматривать в курсе истории Древнего Востока. Финикийские социоисторические организмы действительно были древнеполитарными, точнее древнеполитомагнарными. В новых условиях, создавшихся в первой половине I тысячелетия до н.э., стало возможным превращение древнеполитомагнарных обществ в магнарные, а затем — и в рабовладельческие. По этому пути пошло развитие Карфагена, который поэтому с полным основанием должен быть включен не в восточный, а в античный мир. Его история была неотъемлемой частью истории последнего, а не первого.

Греческое, этрусское, латинское и карфагенское исторические гнезда вместе взятые образовали новую историческую арену — средиземноморскую. В эту систему

входили и греческие полисы, расположенные на берегах Черного моря. В отличие от древнеполитарного мира, который никогда не был единым, весь античный мир составлял собой одну систему — античную, средиземноморскую.

К ней от ближневосточной системы переходит роль центра всемирного исторического развития. Именно она становится теперь *мировой системой*. Ближневосточная же система перестает ею быть. С возникновением средиземноморской системы и переходом к ней главенствующей роли в истории человечества произошла смена эпох всемирной истории. Эпоха Древнего Востока сменилась античной.

Но когда это произошло, Восток, конечно, не исчез. Он не стал античным, серварным, а продолжал оставаться древнеполитарным. Поэтому в исторических трудах и учебных пособиях термин «Древний Восток» продолжают использовать применительно и ко всему I тысячелетию до н.э. и даже первой половине I тысячелетия н.э. С этим вряд ли можно согласиться. Восток в античную эпоху точнее всего называть не древним, а соантичным, или синантичным (от греч. син — со-, одновременный)

Превосходство античной мировой системы над ближневосточной политарной проявилось довольно рано. В то время, когда в Греции начало возникать классовое общество нового типа, на Ближнем Востоке происходило монотонное чередование периодов подъема и упадка политарных обществ и связанное с ним изменение политической карты. В VII в. до н.э. Мидия в союзе с Вавилонией разрушила Ассирийскую империю и, завоевав целый ряд областей, превратилась в крупную державу. В середине VI в. могущество мидян было сломлено персами.

Представители династии Ахеменидов — Кир II и его преемники — подчинили своей власти не только области, входившие в состав Мидийской державы, но и Малую Азию, включая греческие города, острова Эгейского моря, Фракию, Сирию, Палестину, Египет, Вавилонию и части Средней Азии и Индии. Возникла самая обширная из всех когда-либо существовавших до этого времени держав. Она охватила не только всю ближневосточную систему, но и некоторые области за ее пределами. В начале V в. до н.э. персидские владыки попытались завоевать Грецию, но потерпели сокрушительное поражение. Греко-персидские войны 490—449 гг. до н. э. наглядно продемонстрировали преимущество нового общественного строя.

Средиземноморская историческая арена с самого начала была тесно связана с ближневосточной ареной. В последующем эта связь становилась все более прочной, пока в результате походов (334—325 гг. до н.э.) Александра Македонского, сокрушившего Персидскую державу и овладевшего всей ее территорией, они вместе взятые не стали образовывать новую историческую целостность.

Эта система, в отличие от исторических арен, включала в себя социоисторические организмы не одного, а нескольких социально-экономических типов. Поэтому для ее обозначения требуется особый термин. Учитывая роль этой системы в мировой истории, я буду называть ее *центральным историческим пространством (центропространством).* Эта историческая сверхсистема состояла из двух систем.

После образования центрального исторического пространства две бывшие исторические арены стали двумя его *историческими зонами.* Одна из этих зон была центром всемирно-исторического развития, другая — периферией. С образованием центрального исторического пространства возникли два вида исторической периферии. Одна периферия — внутри центрального исторического пространства — *внутренняя*, другая — за его пределами, *внешняя*. Внутренняя периферия была классовой, в основном древнеполитарной. Внешняя периферия делилась на первобытную, прежде всего

варварскую, и на классовую, древнеполитарную. Центр был серварным, рабовладельческим, античным. Будучи мировой системой он оказывал огромное влияния как на внешнию, так и особенно на внутреннию периферию. Ближневосточная зона центрального исторического пространства подверглась интенсивной эллинизации.

В последующем ведущая роль, или гегемония в средиземноморской, античной зоне от Греции перешла к Риму. В результате римской экспансии возникла грандиозная держава, охватившая в себя все центральное историческое пространство, исключая лишь самую восточную его окраину — Парфию. Но если самый крайний восток центрального исторического пространства оказался вне границ Римской державы, то зато это пространство значительно расширилось за счет внешней периферии, как классовой, цивилизованной, так варварской, предклассовой (большая часть Западной Европы, включая территорию нынешней Англии, некоторые районы Центральной Европы и Северной Африки). Включение в состав Римской державы, а тем самым и центрального исторического пространства областей, население которых было на предклассовой стадии развития, сопровождалось приобщением их к цивилизации. Наряду с эллинизацией на всем пространстве Римской державы шел процесс романизации.

Но если говорить о Востоке, то и эллинизация, и романизация, существенно повлияв на культуру, не изменили сколько-нибудь коренным образом характера социально-экономического строя существовавших там обществ. Они в основе своей продолжали оставаться политарными.

Возникновение античного общества было новым крупным шагом вперед в развитии производительных сил человеческого общества. Оно в этом отношении стояло выше древнеполитарного. Но хотя в общем и целом техника в античную была более совершенной чем та, что существовала в эпоху Древнего Востока, однако рост производительных сил античного общества был обеспечен не за счет ее прогресса и соответственно роста производительности труда. Увеличение продуктивности общественного производства при переходе к античности было достигнуто иным способом. Этот способ был отличен и от того, который лег в основу прогресса древнеполитарного общества.

При более или менее неизменной производительности труда рост продуктивности общественного производства возможен за счет не только увеличения рабочего времени, но и возрастания числа работников. Вполне понятно, такое может произойти только в том случае, если увеличение числа работников не будет сопровождаться соответствующим ростом всего населения в целом. В противном случае никакого развития производительных сил не будет. Суть этого способа заключается в увеличении доли работников в составе населения общества.

После появления машинной индустрии подобного рода возрастание числа работников стало возможным за счет привлечения к работе на предприятиях женщин, ранее занимавшихся исключительно лишь домашним трудом, и детей. В предшествующие эпохи возрастание числа работников без увеличения в той же пропорции всего населения социоисторического организма могло происходить только одним способом — путем притока их извне.

Этот приток мог привести к росту продуктивности общественного производства лишь в том случае, если удовлетворял определенным условиям. Первое из них заключалось в том, что он должен был состоять если не полностью, то в основной своей массе из людей, уже пригодных к труду, т.е. готовых, а не потенциальных работников. Второе заключалось в том, что работники не должны были иметь семью и потомство. Воспроизводство этой рабочей силы если не полностью, то в основном должно было

происходить путем замещения выбывших работников прибывающими извне. Иными словами, приток работников извне должен был иметь не спорадический, разовый характер, а быть постоянным, систематическим.

Вполне понятно, что систематический приток работников в состав данного социоисторического организма с необходимостью предполагал столь же систематические вырывания их из состава других социоров. Все это, разумеется, было невозможно без применения прямого насилия. Обрисованные выше дополнительные работники могли быть только рабами.

Таким образом, рассматриваемый способ повышения уровня производительных сил состоял в утверждении рабства, причем не рабства вообще, а строго определенной его формы. При этой форме рабы, во-первых, поступают извне социоисторического организма, а не рекрутируются из состава его коренного населения, во-вторых, если не целиком, то в основной своей массе используются в материальном производстве.

Только подобного рода *экзогенное* рабство могло стать господствующим способом производства. И оно стало им в античном обществе. Поэтому его чаще всего именуют не просто рабством, а античным рабством и соответственно говорят не просто о рабовладельческом, а об античном способе производства. Этот способ производства, несомненно, требует особого названия. Именно для этого мною и был создан особый термин — *серваризм*.[17]

На этом примере в еще более отчетливой форме выступает, что новые производственные отношения не просто влияют на производительные силы, а вызывают к жизни новые производительные силы, которые не существовали к моменту их зарождения. Возникновение античных рабовладельческих, серварных отношений было одновременно резким повышением уровня развития производительных сил общества. Этот подъем было обеспечен за счет существенного увеличении доли работников в составе населения социоисторического организма.

В Афинах эпохи расцвета примерно на 200 тыс. свободного населения (включая метеков) приходилось около 100 тыс. рабов. Подавляющее большинство рабов составляли взрослые мужчины. Их было, вероятно, около 70 тыс.[18]

В результате продуктивность общественного производства, а тем самым и уровень развития производительных сил в таком обществе, были большими, чем в социоисторических организмах, которые хотя и существовали в сходных природных условиях и использовали такую же технику производства, но имели нормальную демографическую структуру. Такой способ повышения продуктивности общественного производства, а тем самым и уровня развития производительных сил можно назвать *демографическим*.

Вполне понятно, что такого рода прогресс производительных сил мог происходить только в ограниченном числе социоров и с неизбежностью предполагал падение их уровня в других социоисторических организмах. Развитие производительных сил по рассмотренному выше пути возможно было только в течение более или менее ограниченного периода времени. Рано или поздно оно с неизбежностью должно было зайти в тупик и прекратиться.

Необходимым условием существования серварного общества было непрерывное

[17] См. об этом: Семенов Ю И. Введение во всемирную историю. Вып. 1. Проблема и понятийный аппарат. Возникновение человеческого общества. М., 1997.

[18] См.: Доватур А.И. Рабство в Аттике VI—V веков до н.э. Л., 1980, 29-58.

выкачивание человеческих ресурсов из иных социоисторических организмов. И эти, иные социоры должны были относиться к типам, отличным от данного, причем предпочтительнее к обществу предклассовому. Бытие системы обществ античного типа с необходимость предполагало существование достаточного обширной периферии, состоящей преимущественно из варварских социоисторических организмов.

Таким образом, необходимым условием существования серварных обществ была непрерывная экспансия. А этой экспансии рано или поздно с неизбежностью должен был прийти конец. Одна из важнейших причин — изменение структуры этих обществ. Ядром античного социоисторического организма была полисная община, состоявшая в большинстве своем из свободных крестьян. Развитие серваризма вело к разорению и обезземеливанию крестьян и соответственно к резкому обострению социальных противоречий. Все это вело к исчезновению возможности дальнейшей экспансии и тем самым к сокращение, а в последующем и к прекращению притока рабов извне. Уменьшение доли работников в составе населения общества означало падение продуктивности общественного производства. С падением уровня развития производительных сил общество вступало в полосу регресса.

При этом рабство могло сохраняться, но уже в эндогенной форме. Подобного рода рабство не только не имело преимущества, а, наоборот, как способ создания прибавочного продукта уступало другим формам эксплуатации человека человеком. Поэтому эндогенное рабство в отличие от рассмотренного выше экзогенного никогда и нигде не было господствующим способом производства.

Эндогенное рабство никогда не существует как самостоятельный уклад. Оно — всегда момент доминарного, магнарного или доминомагнарного укладов. Чаще всего рабы становятся магнарно-зависимыми работниками. В таком же положении рано или поздно оказываются и разоренные и потерявшие землю крестьяне. Экзогенное рабству уступает место доминомагнаризму.

В Греции кризис общества начался еще в IV в. до н.э., что во многом способствовало ее подчинению вначале Македонии, а затем Риму. В Риме переход к серварной формации произошел на несколько веков позднее, чем в Греции. Соответственно позднее начался и ее кризис. Выразился он в начавшейся на грани I и II вв. н.э. постепенной сменой рабовладельческих отношений доминомагнарными. Именно доминомагнарный уклад имеют в в виду историки, когда говорят о колонате. Однако серварные отношения полностью не исчезли. Они продолжали еще долгое время сохраняться, но уже в роли второстепенных.

А еще раньше, в I в. до н.э. — I в. н. э., началось постепенное обволакивание всех существующих социально-экономических связей политарными. Становление политаризма невозможно без постоянного, систематического террора. В этом заключена глубинная причина и проскрипций, начало которым положил Луций Корнелий Сулла, и политики массовых репрессий Тиберия, Калигулы, Клавдия, Нерона. Завершение становления политаризма нашло свое внешнее выражение в переходе от принципата к доминату.

Результатом почти полного исчезновения экзогенного рабства было резкое падение производительных сил общества. Произошло их возвращение чуть ли не к исходному уровню. Все это прежде всего относится к западной части Римской империи, которая входила в состав античной зоны центрального исторического пространства, ибо восточная ее часть, исключая Греции, всегда была в основном политарной и составляла перферийную зону этого пространства. Но процесс политаризации довольно

далеко зашел к тому времени и в Греции, которая вступила в полосу кризиса задолго до Рима.

Различие социально-экономических отношений на западе и востоке Римской державы, принадлежность их к разным зонам обусловил распад империи на две части и разную их историческую судьбу. Восточная Римская империя (Византия), отчасти давно уже бывшая, отчасти ставшая к V в. н.э. политарным обществом, сохранилась. Политаризм в Византии носил очень своеобразный характер. В целом ряде отношений это общество отличался от обычного древнеполитарного, но в главном и основном оно относилось к тому же самому типу. Это нашло свое выражение и в том, что на протяжении тысячи лет своего существования Византия пережила несколько периодов подъема и упадка. И византийское политарного общество, как и любое другое общество данного типа, было тупиковым.

Для последнего периода эволюции вначале западной части Римской империи, а затем самостоятельной Западной Римской империи было характерно сосуществование политаризма и магнаризма. Западноримский политаризм существенно отличался от обычного палеополитаризма. Он возник и существовал как своеобразная надстройка над социально-экономическими отношениями иного типа, вначале серварными, затем доминомагнарными. И западноримский магнаризм был во многом иным, чем магнаризм в палеополитарных общества. Этот уклад не возник заново в рамках чисто политарного общества, а появился в результате трансформации серварного уклада, который существовал еще до становления политарных отношений.

В позднем западноримском обществе политарный и магнарный способы уклады не просто сосуществовали. Можно говорить о своеобразном симбиозе этих двух укладов, который и определял специфику этого общества. Оно относились к особой дуалистической, симбиотической, химерной параформации, которую можно назвать *античнополитомагнарной*.

Как уже указывалось, в любом классическом древнеполитарном обществе совмещение политарных отношений с магнарными нарушало его внутреннее равновесие и обрекало на развал. Неустойчивым был симбиоз политаризма и магнаризма и в позднем западноримском обществе. Все это неизбежно должно было бы завершиться его распадом. Трудно сказать, что последовало бы за ним.

В древнеполитарных обществах, в которые упадок не приводил к гибели цивилизации, обычно рано или поздно начинался процесс возрождения и развития политарных отношений и они вступали в период нового подъема. Во всяком случае, трудно было ждать зарождения в недрах западноримского общества принципиально новых социально-экономических отношений, который обеспечили бы подъем человечества на новую стадию развития.

Таким образом, в развитии общества, которое обычно именуют античным, сменилось три разных социально-экономических типа: 1) общество пресерварное (предсерварное), доминомагнарное, 2) общество серварное и 3) общество постсерварное, античнополитомагнарное. Последнее не было способно к прогрессу.

Казалось, развитие человечества зашло в тупик. Но кроме древнеполитарных обществ и зашедшего в тупик античного общества продолжали существовать предклассовые социоисторические организмы, причем разнообразных типов, составлявшие своеобразный исторический резерв.

Западная Римская империя была обречена на гибель. И она с неизбежностью рухнула. Решающую роль в ее падении сыграли германцы. Вторжение германских

племен и союзов племен на территорию Римской империи было составной частью Великого переселения народов, в котором участвовали и другие демосоциорные ассоциации и союзы: гунны, сарматы, славяне и т.д. Все эти народы находились на стадии предклассового общества. Их общества были не геосоциальными, а демосоциальными, т.е. мобильными, способными перемещаться с одной территории на другую. Великое переселение народов было перемещением демосоциорных союзов, сверхсоюзов и прадержав.

Пролог Великого переселения народов относится к II—III вв. н. э. В конце II — начале III вв. с северо-запада Европы к Черному морю двинулись восточногерманские демосоциорные союзы и сверхсоюзы: готы, бургунды, вандалы. Переселившись в причерноморские степи, готы стали ядром обширного сверхсоюза, объединявшего кроме них местные гето-фракийские и славянские племена.

Почти одновременно к границам Римской империи начали передвигаться западногерманские союзы и сверхсоюзы. Алеманны переселились на территорию между верхним Рейном и Дунаем и начали совершать частные нападения на Галлию. В 261 г. они захватили римскую провинцию Рецию и, двинувшись в Италию, дошли до Медиолана (Милана). В 258—260 гг. в Галлию вторглись франки.

В IV в. началось собственно Великое переселение народов. Толчком к нему послужило вторжение пришедших из Приуралья кочевых скотоводов — гуннов. Перейдя Дон, они в 375 г. разгромили державу Эрманариха, ведущую роль в которой играли остготы, двинулись дальше на запад и, в конце концов, обосновались в Паннонии.

Не рассматривая Великое переселение народов в целом, остановимся лишь на германских союзах и сверхсоюзах, ибо именно их передвижения сыграли решающую роль в судьбах Западной Римской империи.

В конце IV в. теснимые гуннами вестготы перешли Дунай и с разрешения римских властей поселились в Цезии. Первое их восстание против притеснения римлян было подавлено. В начале V в. они вновь восстали и двинулись в Италию. В 410 г. ими был взят и разграблен Рим. Затем они заняли Южную Галлию, где в 418 г. и основали первое на территории Западной Римской империи варварское королевство — Тулузское. В дальнейшем вестготы завоевали Испанию, но при этом утратили свои владения в Галлии.

Вандалы, поселившиеся в начале V в. вместе с аланами в Испании в 429 г. под натиском вестготов переправились в Северную Африку, захватили ее и основали там свое королевство. Алеманны, перейдя Рейн, овладели территорией современной Юго-Западной Германии, Эльзаса и большей части Швейцарии. Бургунды, заняв около 457 г. весь бассейн Роны, образовали Бургундское королевство. Франки, продолжая свои завоевания в Галлии, положили в конце V в. начало Франкскому государству. Будучи господствующей этнической группой, франки составляли в Галлии незначительное меньшинство и в дальнейшем были ассимилированы местным галло-римским населением.

В течение всей первой половины V в. обосновавшиеся в Паннонии гунны опустошали Переднюю Азию и Европу, пока не были в 451 г. разбиты на Каталаунских полях (Галлия) объединенными силами римлян, вестготов, франков и бургундов, которые возглавлял римский полководец Аэций.

В результате варварских нашествий Западная Римская империя рухнула. В 476 г. она и формально прекратила свое существование — был низложен последний римский император Ромул Августул. В V в. н.э. античному обществу пришел конец.

4.3.5. Мир в античную эпоху за пределами центрального исторического пространства

Прежде чем продолжить рассматривать магистральную линию развития человечества, необходимо хотя бы очень коротко сказать о том, что происходило в античную эпоху (VIII в. до н.э. — V в. н.э.) за пределами центрального исторического пространства, т.е. во внешней периферии.

В Китае пришедшая в XI в. до н.э. на смену государству Инь держава Западного Чжоу уже начиная с IX в. стала клониться к упадку. В VIII в. столица была перенесена из Хао в Лои и на смену Западному Чжоу пришел Восточный Чжоу. Номинально власть чжоуских правителей (ванов) продолжала существовать до III в. до н.э., но фактически страна разделилась на несколько крупных царств и множество мелких владений. Непрерывные междуусобные войны закончились в 221 г. победой царства Цзинь и созданием централизованной империи Цинь. Восстание народных масс положило ей конец. На ее обломках в 206 г. до н.э. возникла империя Первая (или Западная) Хань, которая просуществовала до 25 г. н.э.

На смену ей пришла империя Поздняя (или Восточная) Хань, которая в свою очередь пала в 220 г. Наступила эпоха Троецарствия — сосуществования и борьбы трех государств: Вэй, Шу и У. После присоединения в 265 г. царства Шу к царству Вэй к власти в последнем пришла новая династия Цзинь (или Западная Цзинь). В 280 г. в состав империи Цзинь вошло и царство У. Китай был объединен, но не надолго.

В 316 г. Западная Цзинь пала. После этого около трехсот лет Китай был раздроблен. Лишь в 581 г. он был объединен под властью династии Суй, которая правила до 618 г. На смену династии Суй пришла династия Тан, которая сумела создать могучую империю, просуществовавшую до X в.

Одновременно с чередованием периодов существования всекитайского социально-исторического организма и его распада на нескольких мелких социоисторических организмов, шел процесс расширения территории китайского гнезда. Китайское влияние ускорило возникновение нескольких новых исторических гнезд (японского, корейского, вьетнамского), которые вместе с китайским гнездом образовали историческую арену — восточно-азиатскую.

В Индии, в которой после гибели Индской цивилизации наступило вторичное варварство, в первой половине I тысячелетия до н.э. во второй раз начало возникать классовое общество. Этот процесс завершился возникновением нескольких исторических гнезд, которые вместе образовали индийскую историческую арену, которая имела тенденцию к расширению.

Несколько исторических гнезд возникло на территории Индокитая. Остается исследовать, образовывали ли они особую историческую арену — индокитайскую или же входили. одни в восточноазиатскую арену, другие — в индийскую. Возможно, мы имеем здесь дело с промежуточной исторической ареной. Несколько исторических гнезд возникло в Индонезии. Скорее всего они образовывали особую историческую арену — индонезийскую.

От Северного Китая через (употребляя современные названия) Южную Сибирь, Казахстан, Южную Россию, Причерноморье протянулась огромная полоса степей, последний форпост которой — венгерская пуста. Это пространство нередко именуют Великой Степью. Вся эта полоса вплоть до Днестра была заселена кочевниками-

скотоводами. И на этой территории уже во второй половине I тысячелетия до н.э. начала формироваться очень своеобразная историческая арена, которую можно назвать евразийско-степной, или великостепной.

Ее своеобразие было обусловлено особенностями развития кочевых обществ. Все они в обычном состоянии были предклассовыми, варварскими. Однако в определенных условиях в результате объединения многих кочевых социоисторических организмов под одной властью возникали кочевые империи, которые подчиняли себе и земледельческие области. Эти империи были обществами уже не предклассовыми, а классовыми, причем политарными.

Однако век их обычно был недолог. Если кочевники не переходили к оседлому образу жизни, их империи разваливались, а сами они возвращались на стадию предклассового общества. И все это могло повторяться много раз. Именно Великая степь была тем коридором, по которому пришли в Центральную Европу вначале гунны, а затем венгры.

В VI в. н. э. впервые возникла кочевая держава, под властью которой оказалась почти вся Великая степь и многие соседние земледельческие области, — Тюркский каганат. Но просуществовал он недолго. Недолговечными были и его преемники.

На территории, находившейся в промежутке между центральным историческим пространством, восточноазиатской, индийской и великостепной историческими аренами начала формироваться еще одна историческая арена, которую можно было бы назвать центральноазиатской. Крайне неопределенной является граница, отделяющая ее от центрального исторического пространства. Именно эта историческая арена чаще всего и была объектом экспансии кочевников, и ее области то и дело оказывались в составе кочевых империй.

Переход к цивилизации в Новом Свете произошел значительно позже, чем в Старом. Классовые общества стали там зарождаться почти одновременно в двух регионах, в которых в процессе дальнейшего развития образовались две исторические арены: андская и мезоамериканская.

В конце II тысячелетия до н.э. на территории нынешнего Перу появляется культура Чавин, просуществовавшая более пяти веков. Одни авторы считают ее уже цивилизацией, другие сомневаются в этом. Спорен вопрос о культуре Паракас, зародившейся во второй половине I тысячелетия до н.э., и наследовавшей ей в I тысячелетии н.э. культуре Наска. Первой признанной всеми цивилизацией этого региона является культура Мочика, которая расцвела в первой половине I тысячелетия н.э. и погибла примерно в VIII в.

Первой цивилизацией Мезоамерики многие авторы считают ольмекскую культуру, возникшую в конце II тысячелетия до н.э. и достигнувшую расцвета в первой половине I тысячелетия до н.э. Другие исследователи придерживаются мнения, что общество ольмеков так и не стало классовым. В конце I тысячелетия до н.э. возникли и в первой половине I тысячелетия н.э. расцвели цивилизации майя, Теотиуакана и сапотеков (Монте-Альбана). Ни одна из них не знала производственного использования металла, даже меди. Во всех этих обществах использовались каменные орудия. В этом смысле они жили в каменном веке. Как во всех вообще древнеполитарных обществах подъем производительных сил в этих цивилизациях был достигнут за счет увеличения рабочего времени.

Во всех перечисленных исторических аренах все классовые общества без исключения относились к одной и той же формации — древнеполитарной. И во всех этих

аренах наблюдалось циклическое развитие: периоды расцвета исторических гнезд чередовались с периодами их упадка, что наглядно можно было видеть на примере Китая, и даже гибели.

Таким образом, в античную эпоху древнеполитарные общества не только сохранялись, но продолжали возникать из предклассовых. Политарный мир в то время не только и не просто существовал, но и расширялся за счете первобытного. Во внешней исторической периферии шел интенсивный процесс расширения классовой периферии за счет первобытной, прежде всего варварской. Если в эпоху Древнего Востока классовая периферия, которая вся была внешней, существовала в виде сравнительно изолированных исторических гнезд, то в античную эпоху — в виде исторических арен, которые в Старом Свете, как правило, были более или менее тесно связаны друг с другом. В Новом Свете две исторические арены были во многом изолированы друг от друга.

4.3.6. Эпоха средних веков (VI — XV вв.)

После падения Западной Римской империи Западная Европа долго еще не могла успокоиться. Варварские королевства возникали и исчезали, границы между ними менялись.

В V в. началось переселение англов, саксов и ютов в Британию. Большинство прежних насельников страны — бриттов было истреблено, порабощено или вытеснено в Шотландию, Уэльс и на континент (в Бретань). В результате к концу VI в. на территории Англии образовалось несколько варварских королевств (Уэссекс, Суссекс, Эссекс, Мерсия, Нортумбрия, Восточная Англия, Кент).

В 488—493 гг. остготы, жившие по этого в Паннонии, куда они пришли вместе с гуннами, двинулись в Италию и завоевали ее. Возникло обширное королевство, которое в дальнейшем было уничтожено Византией. В 568 г. в Италию во главе большого племенного союза вторглись лангобарды. Образовалось Лангобардское королевство.

Активную завоевательную политику вело Франкское королевство. При основателе государства Хлодвиге и его ближайших преемниках были подчинены алеманны, бургунды, тюринги, бавары, отчасти саксы. После временного упадка государства, имевшего место в VII в., наступила эпоха новых успехов.

В 752 г. правитель королевства Карл Мартелл разбил в битве при Пуатье арабов и тем самым остановил их продвижение в Западную Европу. При нем и его преемниках была восстановлена власть франков над Аквитанией и Провансом, вновь подчинены Алеманния, Тюрингия и Бавария, завоеваны Саксония, Италия и территория к югу от Пиренеев. Вершины своего могущества франкское государство достигло при Карле Великом, который в 800 г. был коронован в Риме как император. Империя Каролингов охватывали практически всю Западную Европу.

Таким образом германцами была завоевана вся территория Западной Римской империи, везде ими были созданы государства, которые принято именовать варварскими королевствами. Для коренного населения данной территории это было регрессом. Многое из их духовной и материальной культуры погибло. Но этот регресс не был столь глубоким как в случае с Индской и Микенской цивилизациями.

Новые социоисторические организмы, возникшие на развалинах Римской империи, были не предклассовыми, а классовыми. Это было обусловлено тем, что германцами были восприняты и усвоены определенные элементы античной культуры. Внешне

это выразилось в принятии ими христианства, которое было одновременно и продуктом античного мира и его отрицанием. Христианство возникло как сила, враждебная существующим порядкам и примирилась с ними тогда, когда они претерпели существенные изменения. Для германцев, таким образом, возникновение варварских королевств несомненно было прогрессом· они поднялись со стадии предклассового общества на стадию классового. Об этом переходе наглядно свидетельствует сохранение письменности и монументального зодчества.

Но это внешняя сторона итогов завоевания. За ней скрываются значительно более сложные процессы. Западная Римская империя была геосоциальным организмом. Когда варвары разорвали ее на куски, то эти куски сами становились более или менее самостоятельными геосоциальными организмами. Германские завоевания не были простыми походами варварских армий. Перемещались не только и просто воинские отряды, перемещались не просто массы людей. Передвигались общества: демосоциальные организмы, их союзы и сверхсоюзы.

Иначе говоря на территориях, которые были геосоциальцыми организмами, обществами определенного типа, поселялись демосоциальные организмы, т.е. опять-таки общества, но качественно иного типа. Одни общества накладывались на другие. Но их раздельное сосуществование на одной и той же территории не могло продолжаться бесконечно. Неизбежным было возникновение одного единого общества.

Основой как геосоциальных, так демосоциальных организмов были системы социально-экономических отношений. Сосуществование обществ было сосуществование их социально-экономических структур. Возникновение одного единого общества с неизбежностью означало появление одной единой социально-экономической структуры. Как уже указывалось, возможно три варианта возникновению такой единой структуры: 1) ассимиляция геосоциорным организмом демосоциорных, 2) ассимиляция демосоциорными организмам геосоциорного и 3) синтез геосоциорных и демосоциорных социально-экономических отношение и возникновение в результате его социально-экономической структуры нового ранее не существовавшего типа. Именно последний вариант реализовался в варварских королевствах Западной Европы.

Результатом завоевания германцами Западной Римской империи был синтез частично разрушенной западноримской и германской социально-экономических систем. О первой уже было сказано. Что же касается германских социоисторических организмов, то в большинстве случаев они относился к тому типу предклассового обществ, который был ранее назван протомилитомагнарным. Этот тип был не апополитейным, а синполитейным. Он возник в результате взаимодействия предклассовых обществ с их цивилизованными соседями. Иначе говоря этот тип предклассового общества сам был продуктом социорной супериндукции.

В результате синтеза частично разрушенной западноримской социально-экономической структуры и германской протомилитомагнарной системы производственных отношений возник совершенно новый общественно-экономический уклад и соответственно способ производства, который принято именовать феодальным. Сам факт слияние порядков коренного населения Западной Римской империи с германскими давно уже замечен историками, которые назвали это явление романо-германским синтезом.

Процесс синтеза позднеримских и германских структур носил сложный и противоречивый характер и занял несколько веков. Существовали тенденции к возникновению на основе милитарных отношений не только нобиларных, но и политарных связей. Но, в конечном счете, произошло слияние всех этих отношений с магнарными,

бытовавшими в двух вариантах: позднеримском и германском. Результатом было возникновение феодального уклада. Завершился процесс его формирования, скорее всего, на грани X—XI вв. На смену протофеодальному обществу пришло феодальное. В западной исторической науке этот переход в последние десятилетия начали называть *феодальной революцией,* или *феодальной мутацией,* причем некоторые историки трактуют его даже как смену античного строя феодальным.[19] Следствием был распад охватившей всю Западную Европу империи Каролингов и наступления состояния, которое принято называть феодальной раздробленностью.

Как мы уже видели, в отличие от политарных социально-исторических организмов, которые могли возникать и возникали независимо друг от друга в самых различных регионах земного шара, античное общество было территориально ограниченным. Все античные социально-исторические организмы образовывали одну систему, причем мировую. Это связано с тем, что они могли возникнуть первоначально лишь в зоне влияния мировой ближневосточной системы, а затем только в зоне воздействия средиземноморской мировой системы.

Ограниченной была и территория феодальной системы. Как считал выдающийся французский медиевист М. Блок, феодальными в точном смысле слова первоначально были лишь Франция, Западная Германия и Северная Италия. В дальнейшем этот регион расширился за счет Англии и Южной Италии. К этому центральному ядру примыкали области в той или иной степени феодализированные — Северо-Западная Испания и Саксония. За этими пределами феодализм в Европе не существовал. Не были феодальными ни скандинавские страны, ни Ирландия, не говоря уже о остальных.[20]

Таким образом, первоначально феодальные порядки возникли лишь на той территории, которая входила в состав западных провинций Римской империи и была завоевана германцами, и лишь в последующем распространились на некоторые прилегающие области. Это было обусловлено тем, что феодализм родился и мог родиться только в результате романо-германского синтеза. Где не было этого синтеза, феодализм не возник. Феодальный мир, как ранее античный, представлял собой одну, единую систему. Эта феодальная система охватывала Западную Европу, была западноевропейской.

Романо-германский синтез вывел человечество из тупика, в который зашло развитие античного мира. Появление феодализма было в огромной степени подготовлено развитием античного мира. Феодальная общественно-экономическая формация преемственно, генетически связана с предшествовавшей ей во времени античной серварной формацией.[21] На смену античной мировой системе путем ультрасупериоризации пришла феодальная система, к которая перешла ведущая роль в мировой истории. Смена мировых систем означала и смену эпох мировой истории. Кончилась античная эпоха и началась новая — средневековая.

Все пертурбации, которые имели место после V в. н.э. не привели к исчезновению центрального исторического пространства. Эта сверхсистема сохранилась, но ее

[19] Последние обзоры состояния проблемы см.: Решин А.И. Еще раз о «феодальной революции» и источниках ее изучения в монографии Д. Бартелеми «Имела ли место революция тысячного года?» // Средние века. Вып. 62. М., 2001; Щеглов А.Д. «Феодальная революция» и насилие: Дискуссия в журнале «Past and Present» // Там же.

[20] Bloch M. Feudal Society. Vol. 1 Chicago, 1974. P. 176-189, Vol. 2. P. 441-447.

[21] См.: Семенов Ю.И. Проблема перехода...

конфигурация претерпела существенные изменения. Охарактеризованная выше западноевропейская мировая система стала центральной зоной. Другую зону образовали Византия и тесно связанные с нею Грузия и Армения. Третью зону составили все остальные области Ближнего Востока, прежде всего Иран.

Арабские завоевания VIII—VIII вв. существенно изменили положение. Возникла огромная исламская зона, простиравшаяся от восточных границ Ирана почти до Пиренеев. Резко сократилась византийская зона. Византийская и исламская зона были периферийными, они составляли внутреннюю периферию центрального исторического пространства.

Все перечисленные выше три зоны охватывали территорию, на которой классовое общество существовало уже давно. Первоначально ими исчерпывалось все центральное историческое пространство. А затем началось его стремительно расширение за счет внешней варварской периферии — территории Северной, Центральной и Восточной Европы (за границу между двумя последними регионами я условно принимаю западный рубеж расселения восточных славян).

Если исключить Грецию, то классовое общество в Центральной и Восточной Европе существовало в греческих колониях на северном побережье Черного моря, и в районах, которые вошли в состав Римской империи. Кроме того, в степной полосе то возникали, то исчезали различного рода социальные образования, чаще всего создаваемые кочевниками, о которых трудно сказать были ли они классовыми или предклассовыми. Возникший в VII в. Хазарский каганат отнесился к числу классовых обществ. Но в состав центрального исторического пространства он не вошел. Хазария принадлежала к внешней классовой периферии.

В эпоху Великого переселения народов в результате массового вторжения варваров в ряде бывших провинций Римской империи классовые отношения были уничтожены. На этих территориях произошел возврат к предклассовому обществу. Во всяком случае, к VI в. предклассовой была большая часть Центральной и Восточной Европы и вся Северная Европа.

В VII в. в Северном Причерноморье возникла крупная прадержава, господствующее положение в которое занимали кочевники-тюрки — болгары (булгары). Вскоре она распалась. Одна часть болгар оказалась под властью нового государственного образования — Хазарского каганата. Другая, спасаясь от хазар, дошла в конечном счете до Среднего Поволжья, где в X в. образовала государство — Волжско-Камскую Болгарию.

Третья часть болгар во главе с ханом Аспарухом переправилась через Дунай и захватила большую территорию, простиравшуюся до Балканских гор и Черного моря, населенную в основном славянами. Так в 681 г. возникло Первое Болгарское царство. В дальнейшем тюрки растворились в среде завоеванного населения, и Болгария стала славянской страной.

В IX в. классовое общество возникает в сербо-хорватском районе. В VII в. на территории Чехии, Моравии, Словакии возникло, но быстро исчезло прагосударство Само. В IX в. в этом регионе образовалось Великоморавское государство, которое постепенно расширило свои пределы. В начале X в. оно распалось. Еще в конце IX в. из его состава выделились земли, населенные чехами, и возникло Чешское государство. В X в. образовалось Польское государство.

Самым крупным из сложившихся славянских государств была Русь. Эта держава возникла в конце IX в. (предположительно в 882 г.) в результате объединения

двух прагосударственных образований, одного — с центром в Новгороде, другого — с центром в Киеве. Первым правителем Руси был варяжский (норманнский) конунг Олег.

К началу второго тысячелетия классовое общество возникло почти у всех славян, исключая лишь полабских и прибалтийских, которые продолжали оставаться на стадии предклассового общества и тем самым принадлежать к внешней варварской периферии.

В конце IX в. в Центральную Европу прорываются кочевники-мадьяры. Закрепившись на территории современной Венгрии, они в течение ста лет совершаются грабительские набеги на окружающие страны, доходя до Кельна, Парижа, Рима. На рубеже X—XI вв. у венгров возникает возникает классовое общество и государство. Набеги прекращаются.

Территория, на которой проживали перешедшие к классовому обществу славяне и венгры, вместе с восточногерманским землями образовали центрально-восточноевропейскую зону центрального исторического пространства. Эта зона была периферийной.

К VIII в. на стадии предклассового общества продолжали оставаться северные германцы — норманны. Жажда обогащения и нехватка земли были основными причинами их экспансии. Состояние феодальной раздробленности, характерное в то время почти для всех стран Западной Европы, облегчало и набеги, и завоевания.

Под ударами викингов оказались почти все страны Западной Европы: Англия, Шотландия, Ирландия, Германия, Франция, Испания, Португалия, Италия. Добрались они и до Марокко. Не ограничиваясь грабежами, норманны предприняли попытки колонизации ряда областей. В начале X в. один из предводителей норманнов — Роллон получил от французского короля Карла Простоватого в лен полуостров Котантен. Так возникло герцогство Нормандия. В последующем скандинавы смешались с местным населением. В середине XI в. выходец из Нормандии Роберт Гвискар заложил основы нового норманнского государства — Сицилийского королевства, которое включало в себя также Южную Италию.

Викинги действовали и в Восточной Европе, где их называли варягами. Они освоили дорогу от Балтийского моря до Византии (путь из варяг в греки), по Волге добирались до Каспийского моря и грабили его побережья, активно вмешивались в жизнь восточных славян, выступая в роли и военных предводителей, и наемников. Варягами были и первый правитель Руси — Олег, и его преемник — Игорь.

Но норманны занимались не только набегами и завоеваниями. Около 860 г. они добрались до Исландии (впервые она была открыта ирландскими монахами ок. 795 г.) и заселили ее. В 981 или 982 г. Эйрик (Эрик) Рыжий открыл Гренландию, а в 985 г. создал там первую колонию. Так европейцы не только добрались до Нового Света, но и обосновались в нем.

В 985 г. Бьярни Херюльфсон первым из норманнов увидел Ньюфаунленд, а в 1000 г. сын Эйрика Рыжего — Лейв Счастливый высадился на американской земле и провел там зиму. С тех пор норманны неоднократно совершала плавания к берегам Северной Америки. Норманнская колония в Гренландии продолжала существовать, по крайней мере, до начала XVI в.

На грани I и II тысячелетий в Дании, Швеции и Норвегии возникло классовое общество, что, в конце концов, привело к прекращению походов викингов. Образовалась периферийная североевропейская зона центрального исторического пространства.

Становление классовых общества, как в центрально-восточноевропейской, так и в североевропейской зонах шло под мощным воздействием уже существовавших классовых социально-исторических организмов. Все классовые общества североевропейской зоны и часть обществ центрально-восточноевропейской зоны испытали влияние западноевропейской мировой системы. В частности это выразилось в принятии ими католичества и латиницы. На остальных обществах центрально-восточноевропейской зоны существенно сказалось влияние Византии. Ими были приняты православие, и кириллица.

Но все территории, на которых возникли рассмотренные выше новые классовые общества либо были всегда предклассовыми, либо стали таковыми в результате варварских завоеваний. Поэтому на них синтеза классовых и предклассовых социально-экономических структур не произошло и произойти не могло. Они не могли стать и не стали феодальными.

Но так как в большинстве своем эти общества, во-первых, как и германские, были не протополитарными, а протомилитомагнарными, во-вторых, долгое время находились под огромным влиянием вначале мировой античной, а затем мировой феодальной систем, то они не стали и классическими древнеполитарными, как общества Востока. Результатом мощной социорной индукции была их прогрессизация, но эта прогрессизация имела своим следствием не ультрасуперiоризацию, как в случае с Западной Европой, и даже не суперiоризацию, а латерализацию.

В этих обществах, как и в западноевропейских, существовали и боролись тенденции перерастания милитарных связей, с одной стороны, в политарные отношений, с другой, в нобиларные. Но в отличие от Западной Европы там не намечался процесс синтезирования всех этих отношений с магнарными. Доминомагнарный уклад продолжал сохраняться. А милитарные отношений в одних обществах стали превращаться в политарные связи, в других — в нобиларные.

В результате возникли два разных типа общества, две разные общественно-экономические параформации. Одна из них базировалась на симбиозе политарного и магнарного укладов, другая — на симбиозе нобиларной и магнарной систем социально-экономических отношений. *Медиполитомагнарная* (от лат. medi — средний) параформация утвердилась в североевропейской зоне центрального исторического пространства[22], *нобиломагнарная* — в центрально-восточноевропейской зоне. Обе эти параформации имели своей основой не какой-либо определенный общественно-экономический уклад, а симбиоз двух социоэкономических укладов. Они были дуалистическими, симбиотическими, химерными.

В силу того, что североевропейские и центрально-восточноевропейские социоисторические организмы относились к другим социально-экономическими типам, чем феодальные западноевропейские, то они и развивались по другим законам.

Таким образом, на исходе первого тысячелетия нашей эры на Земле оказалось несколько качественно отличных исторических миров. Продолжал сохраняться первобытный, прежде всего варварский, мир. Не только сохранялся, но и продолжал расширяться за счет предклассовых обществ древнеполитарный мир. Но теперь основная часть предклассовых обществ стала превращаться не в древнеполитарные, а в классовые общества иных типов. Исчез античный мир, но возник качественно новый — феодальный. И, наконец, появилось множество классовых социальных организмов,

[22] См.. Семенов Ю.И. Проблема перехода ..

которые не были ни древнеполитарными, ни феодальными. Их можно было бы объединить под названием парафеодального мира (от греч. пара — около, возле).

Феодальный мир, который был супериорным, существовал в виде одной единой системы, которая была мировой системой и одновременно центральной зоной центрального исторического пространства. Прафеодальный мир составлял две периферийные зоны центрального исторического пространства — североевропейскую и центрально-восточноевропейскую.Этот мир был инфериорным, латеральным. Кроме феодальных и прафеодальных обществ в центральное исторической пространство входило несколько политарных обществ, составлявшие еще две его периферийных зоны — византийскую и исламскую. Все остальные древнеполитарные общества и все без исключения первобытные общества представляли собой внешнюю периферию.

Хотя центральное историческое пространство не только сохранилось, но и значительно расширилось, связи между некоторыми его зонами, прежде всего между западноевропейской и исламской была первоначально довольно слабыми. Они стали более тесными в результате начавшихся в конце XI в. крестовых походов, когда на время под властью европейцев оказалась часть Палестины и Сирии. В результате IV крестового похода (1204 г.) более чем на полвека исчезла с политической карты мира Византия.

И после X в. в Центральной Европе продолжала существовать внешняя варварская периферия: земли полабских и прибалтийских славян, пруссов, жемайтов (жмуди), аукшайтов (собственно литовцев), куршей, селов, земгалов, латгалов, ливов, эстов, карелов и финнов. Но вскоре положение изменилось. Немцами были завоеваны земли полабских и прибалтийских славян, а также Прибалтика. Шведы покорили Финляндию. Произошел переход от предклассового общества к классовому у литовцев. Возникло Великое Княжество Литовское. Таким образом на всех этих территориях утвердились классовые отношения и они (исключая Финляндию) вошли в центрально-восточноевропейскую периферийную зону центрального исторического пространства.

В это время за пределами центрального пространства в восточноазиатской, индокитайской, индонезийской индийской, центральноазиатской исторических аренах Старого Света и в андской и мезоамериканской исторических аренах Нового Света шло чередования периодов расцвета и упадка, а иногда и гибели исторических гнезд. Социоисторические организмы, переживавшие трудные времена, нередко становились добычей завоевателей.

Во второй половине I тысячелетия н.э. в Новом Свете на андской исторической арене погибли культура (возможно, цивилизация) Наска и цивилизация Мочика, возникли, расцвели и погибли цивилизация Тиауанако и тесно с ней связанная цивилизация Уари. К первой половине II тысячелетия относится расцвет империи Чимор, которая в последующем пала под ударами инков. К началу XVI в. вся андская историческая арена оказалась под властью империи инков — Таунтинсуйу.

На мезоамериканской исторической арене Нового Света во второй половине I тысячелетия н.э. погибли цивилизации Теотиуакана, сапотеков (Монте-Альбана) и майя. Их сменила цивилизация тольтеков, погибшая к концу XII в. В XV в. начинается экспансия ацтеков, подчинивших себе значительную часть мезоамериканской исторической арены.

В Китае возникшая в начале VII в. империя Тан с середины VIII в. вступила в период упадка и в 907 г. распалась. В 960 г. страна была объединена под властью династии Сун. В XII в. значительная часть Сунской империи была захвачена чжурженями, создавшими государство Цзинь. Оставшаяся часть, получившая название

Южной Сунской империи, признала себя вассалом Цзинь. Последующую историю Китая нельзя понять не обратившись к тому, что происходило на великостепной исторической арене.

Эти арена и в средние века продолжала оказывать огромное влияние на историю классовых обществ почти всего Старого Света. Не задерживаясь на истории всех возникавших и исчезавших там кочевых держав, сразу перейдем к такому крупнейшему историческому событию, которым было возникновение Монгольской империи (XIII в.). Основателем ее был Чингисхан (Темучин) Под властью монголов оказался весь Китай. В нем воцарилась монгольская династия Юань, которая правила вплоть до 1368 г., когда она была сметена народным восстанием.

Монголы подчинили себе часть Бирмы, всю великостепную и всю центральноазиатскую исторические арены, значительную часть исламской зоны центрального исторического пространства. Монгольская держава как сравнительно единое политическое целое просуществовала недолго. Уже во второй половине XIII в. она распалась на несколько государственных образований, в которых правили потомки Чингисхана.

Двигаясь на запад, монголы после разгрома Руси вторглись в Польшу и Венгрию и дошли до Адриатики. Но из всей восточноевропейской арены под их властью оказалась лишь Русь, которая к тому времени представляла собой не единый социально-исторический организм, а гнездовую систему социоисторических организмов. В последующем одна часть территории Руси оказалась под властью Польши, другая и значительно большая вошла в состав Великого княжества Литовского, которое в результате этого стало крупнейшей державой Европы. Под властью ставшей самостоятельной после распада Монгольской империи Золотой Орды оказалась лишь Северная (Северо-Западная и Северо-Восточная) Русь.

Монгольские завоевания во многом способствовали установлению более или более прочных связей между целым рядом исторических арен и центральным историческим пространством. Но одновременно в результате их Северная Русь была вырвана не только из центрально-восточноевропейской зоны, но и вообще из центрального исторического пространства. Как следствие центрально-восточноевропейская зона сократилась до центральноевропейской. Северная же Русь стала обособленным историческим гнездом, связанным с великостепной исторической ареной, но не вошедшим в ее состав. Из внутренней периферии она перешла в состав внешней классовой периферии.

В XV в. после падения татаро-монгольского ига Северная Русь, превратившаяся при Иване III в единый социоисторический организм, который в последующем стал называться Россией, снова вошла в состав центрального исторического пространства. Но так под монгольским воздействием претерпел существенные изменения ее социально-экономический строй, то она стала особой периферийной его зоной — восточноевропейской, или российской.

Столь характерное для политарных обществ чередование периодов расцвета и упадка происходило не только во всех исторических аренах внешней классовой периферии, но и в исламской периферийной зоне центрального исторического пространства. Уже начиная с VIII в. созданная в результате арабских завоеваний гигантская держава стали распадаться, а отдельные ее части становиться независимыми государствами.

В XIV в. на Ближнем Востоке появилась новая сила — османы. Началась их экспансия, в результате которой к началу XVI в. под их властью оказалась не только

почти вся исламская зона центрального исторического пространства, но и значительная часть восточноевропейской, а византийская зона перестала существовать вместе с окончательным исчезновением Византии (1453 г.).

Из всех социоисторических организма, входивших в центральноевропейскую зону центрального исторического пространства к концу XV в. остались полностью самостоятельными Польша и Литва, совместными усилиями отбившие натиск немцев, и в определенной степени также и Чехия. Все остальные были поглощены державами, центры которых находились в иных, чем центральноевропейская, зонах. исламской (Османская империя) и западноевропейской (империя Габсбургов).

Как уже указывалось, политарное общество не было способно трансформироваться в общество более высокого типа. Оно было обречено на вечное повторение циклов. Это не исключало определенного прогресса, но такого, который носил крайне ограниченный характер. Не способны были создать условия для появления общества более высокого типа ни североевропейские, ни центрально-восточноевропейские парафеодальные социоисторические организмы. Прогресс во всех этих областях, если и имел место, то в основном в рамках уже достигнутого человечеством уровня.

Радикальное движение вперед имело место лишь в западноевропейской зоне центрального исторического пространства — единственной, где возник феодализм. Начиная с X—XI вв. (в Италии несколько раньше — с IX в.) в Западной Европе начинается бурный рост городов как центров ремесла и торговли. Их нередко характеризуют как феодальные города, что неверно. Хотя эти города и существовали в феодальном обществе, феодальными они не были. Они базировались на ином, чем феодальный, способе производства, который можно было бы назвать купеческо-бюргерским. Эти города были не социоисторическими организмами, а лишь суборганизмами.

Городов подобных тем, что появились в Западной Европе в начале II тысячелетия н.э., в истории человеческого общества никогда ранее не существовало. Возникновение купеческо-бюргерского уклада и таких городов было крупнейшим переломом в развитии общества, который некоторые авторы называют коммерческой революцией.[23] Коммерческая революция изменила весь облик Западной Европы. Возникло денежное хозяйство и стала непрерывно возрастать власть денег. Она достаточно определенно проявила себя уже в XII—XIII в., о чем красноречиво свидетельствует «Стих о всесилии денег» неизвестного поэта-ваганта:

Ныне повсюду на свете
великая милость монете.
Ныне деньгою велики
цари и мирские владыки.

Ради возлюбленных денег
впадет во грехи и священник;
И на вселенском соборе лишь
золото властвует в споре. <...>

Деньги повсюду в почете,
без денег любви не найдете.
Будь ты гнуснейшего нрава —
за деньги поют тебе славу.

[23] См Lopez R S The Commercial Revolution of the Middle Ages, 950-1350 Cambridge etc , 1976.

Нынче всякому ясно:
лишь деньги царят самовластно!
Трон их — кубышка скупого,
и нет ничего им святого.[24]

Купеческо-бюргерский общественно-экономический уклад возник практически одновременно с феодальным укладом. Последний сам по себе взятый неспособен к самостоятельному развитию. В этом смысле он был тупиковым. Но он сделал возможным возникновение купеческо-бюргерского уклада, а тем самым и возможность дальнейшего поступательного развития общества. Все последующие изменения феодального уклада — результат воздействия купеческо-бюргерского уклада. По существу, развивались не феодальный уклад сам по себе взятый и не купеческо-бюргерский уклад тоже сам по себе взятый, а единая система, состоявшая из этих двух теснейшим образом связанных укладов. Только этот симбиоз был способен к самостоятельному развитию. Поэтому правильнее говорить не о феодальной общественно-экономической формации, а о симбиотической, химерной феодально-бюргерской формации. Но, следуя традиции, я и в последующем изложении буду называть эту дуалистическую формацию не только феодально-бюргерской, но и просто феодальной.

Только тогда, когда возникла феодально-бюргерская формация, образовалась и западноевропейская феодальная (феодально-бюргерская) мировая система. В отношении VI—VIII вв., а отчасти и IX в., когда феодальный уклад только еще формировался, а городов не было, можно говорить лишь о зародыше новой мировой системы. В этот период западноевропейское общество никакими особыми достижениями в области материальной и духовной культуры не отличалось. Более того, по многим признакам оно стояло ниже не только античного, но и восточного общества, что и давало, и дает основание ряду ученых утверждать, что Западная Европа в то время была одним из отсталых периферийных регионов Евразийского континента.

Поэтому говорить о превращении Западной Европы того времени в подлинный центр мирового исторического развития вряд ли возможно. Речь может идти только о подготовке условий для подобной трансформации. Западная Европа этого времени, если и была центром мирового развития, то только в возможности, но не в действительности. И тем не менее уже тогда она занимала особое положение в мире. Только там и ни в каком другом регионе мог образоваться центр мирового исторического развития.

Но с появлением городов Западная Европа, несомненно, во многих отношениях вышла на уровень более высокий, чем античное и современное ей восточное общество. Невиданных раннее масштабов достигает использование в производстве водяных и ветряных двигателей. Изобретаются и входят в обыденную жизнь механические часы, появляются компас, порох и огнестрельное оружие. Все эти сдвиги нередко объединяются под названием индустриальной революции средних веков.[25]

Одновременно происходит подъем духовной культуры. Феодальное общество было двухэтажным. Нижний его этаж составляли крестьянские общины, которые были субсоциорами и имели свою собственную культуру. В феодальном обществе, как и в

[24] Неизвестный поэт-вагант (в пер. М.Л. Гаспарова) Стих о всесилии денег // Поэзия вагантов. М., 1975. С. 149-151.

[25] Gimpel J. The Medieval Machine. The Industrial Revolution of the Middle Ages. Harmondsworth, 1983.

древнеполитарном, существовали две качественно отличные культуры: культура верхов, элитарная и культура низов — простонародная, прежде всего крестьянская.

Духовный подъем, который произошел в эту эпоху, выразился в возникновении новой формы и одновременно новой составной части элитарной культуры — городской культуры. XII столетие иногда называют веком «средневекового ренессанса», «средневековой культурной революции» и даже говорят о «Возрождении XII века». В недрах теологии возникает и первоначально в религиозной оболочке получает развитие философия. Одновременно возрождается преднаука и даже пранаука. Появляются университеты.

Везде, где существовали элитарная и простонародная культуры, между ними всегда шло взаимовлияние и взаимодействие. В частности, происходил процесс «опускания» элитарной культуры в массы. Новая возникшая городская культура сразу стала охватывать все более и более широкие слои населения, прежде всего, разумеется, городского. Начала распространяться грамотность и расти потребность в книгах.

Это вызвало к жизни знаменитое изобретение И. Гутенберга (ок. 1400—1468) — книгопечатание (1445—1455 гг.), которое оказало огромное влияние на духовную и не только духовную жизнь общества. О том, насколько это изобретение отвечало насущным нуждам времени, красноречиво свидетельствуют цифры. Только за первые 45 лет (1455—1500 гг.) было открыто не менее 1100 типографий в 260 городах Европы, которые выпустили в свет около 40000 изданий общим тиражом 10—12 миллионов экземпляров.

Во всяком случае, со времени появления городов западноевропейская зона центрального исторического пространства окончательно становится центром всемирно-исторического развития. Там окончательно утверждается третья по счету (после ближневосточной политарной и средиземноморской античной) мировая система. Дальнейшее развитие возникшего феодально-бюргерского общества пошло по двум разным путям.

Один из них состоял в том, что города, подчинив себе окружающие территории, образовали вместе с ними подлинные социоисторические организмы, относившиеся к иному, чем феодальный, типу общества. Этот тип общества можно было бы назвать *купеческо-бюргерской* параформацией. В этих обществах феодальные отношения стали исчезать и, в конце концов, исчезли. В сельской округе их заменили отношения, которые выше были названы магнарными и доминарными.[26] По такому пути пошло развитие северной Италии. Появились и расцвели города-республики: Венеция, Генуя, Милан, Флоренция, Пиза, Сиена и др. Возникновение такого рода обществ — прогресс, но своеобразный, ибо он вел, в конечном счете, в тупик. Купеческо-бюргерские общества были латеральными. В частности, их существование делало невозможным объединение Италии.

В итальянских городах-республиках уже в XIV—XV вв. на базе купеческо-бюргерского уклада начал зарождаться капиталистический уклад. Но этот ранний капитализм имел своей основой не внутренний национальный рынок, которого в Италии не существовало, а внешние рынки. И поэтому, когда в последующие века эти внешние рынки были утеряны, итальянский капитализм заглох и по существу перестал существовать. Стал нарастать процесс рефеодализации.

[26] См.: Гусарова Т.П. Город и деревня в Италии на рубеже позднего средневековья. М., 1983; Котельникова Л.А. Феодализм и город в Италии в VIII-XV веках. М., 1987 и др.

Процесс латерализации имел место и в Германии. Там тоже стали возникать купеческо-бюргерские социоисторические организмы, что стало серьезным, хотя и не единственным препятствием на пути объединения Германии.

Но подобного рода латерализация была на первых порах прогрессом. В результате в XIV—XV вв. Италия по уровню развития вышла на первое место в Западной Европе, что, в частности, выразилось в том мощном процессе становления новой культуры, который носит название Возрождения.

Другой путь заключался в том, что в границах той или иной более или менее обширной территории на базе городов стала возникать иерархическая система рынков, которая постепенно начала трансформироваться в единый рынок, охватывающий все данное пространство. Развитие рыночных связей постепенно вело к консолидации ранее обособленных областей в единое хозяйственное целое, что необходимо предполагало политическую централизацию. Национально-рыночные связи были не верховыми, а низовыми, они объединяли не одних лишь представителей господствующего класса, а всех членов общества. Формирование национальных рынка шло рука об руку с возникновением централизованных государств и становлением наций. Не останавливаясь на данных процессах, ибо они уже были рассмотрено в одном из разделов первой части (1.7.2—1.7.6), отмечу лишь, что все это создало предпосылки для зарождения и последующего развития капиталистического уклада. С началом его формирования приходит конец эпохе средних веков.

4.3.7. Эпоха нового времени (XVI в. — 1917 г.) — развитие капитализма вглубь

На грани XV и XVI веков в западноевропейском обществе наряду с феодальным и купеческо-бюргерским укладами начинает формироваться капиталистический. Такое общество вполне можно охарактеризовать как формирующееся капиталистическое или, короче, протокапиталистическое. В результате западноевропейская система социоисторических организмов все в большей и большей степени становится индустриальной и одновременно капиталистической. Не останавливаясь на определении индустриального общества, ибо оно уже было дано (3.9.1), отмечу лишь, что индустриальное общество окончательно сформировалось как общество капиталистическое.

Капитализм возник в результате закономерного развития предшествующего ему общества только в одном месте земного шара — в Западной Европе. Это — первичный, исходный капитализм. Во всех других областях Земли капитализм возник в результате воздействия западноевропейского общества. Везде за пределами Западной Европы капитализм является вторичным, производным.

Западноевропейская, вначале формирующаяся, а затем и вполне сформировавшаяся капиталистическая и одновременно индустриальная система, с самого начала являлась мировой. С появлением этой новой, четвертой по счету мировой системы на смену эпохе средних веков приходит эпоха нового времени. При этом перемещение центра всемирно-исторического развития не происходит. Он остается там, где находился раньше.

Развитие капитализма в XVI—XIX веках шло одновременно вглубь и вширь.

Развитие вглубь — вызревание и окончательное утверждение капитализма в его колыбели, в Западной Европе. Этот процесс был необычайно сложным и противоречивым. Формирование национальных рынков, которое началось еще в конце средних веков, а затем превращение этих рынков в капиталистические, оказало огромное влияние на социально-экономическую структуру общества. Произошло существенное из-

менение ранее бытовавших феодальных отношений, причем столь радикальное, что возникает вопрос, можно ли теперь называть их феодальными.

Общеизвестно, что с возникновение национальных рынков тесно связано становление абсолютных монархий. Абсолютизм обычно понимается историками как явление чисто политическое, как новая форма государственной власти. Однако все обстоит гораздо сложнее. Становление абсолютизма было одновременно и становлением новой системы социально-экономических отношений, отношений политарных. Эти отношения, которые можно назвать абсолютополитарными, возникая, обволакивали все остальные социально-экономические связи. Становящийся абсолютополитарный уклад включал в себя в качестве в качестве подчиненных все остальные существующие в обществе уклады: крестьянско-общинный, купеческо-бюргерский, а затем и капиталистический.

Становление политаризма невозможно без систематического массового террора. И волна страшного террора свыше действительно начиная с XVI на более чем сотню лет захлестнула всю Западную Европы. Речь идет прежде всего о терроре инквизиции. Инквизиция, как известно, возникла еще в средние века. Но ее костры ярче всего пылали не в темной ночи средневековья, а на заре нового времени, что всегда поражало историков вообще, историков культуры в особенности.

Историк Е.Б. Черняк в книге «Вековые конфликты» (М., 1988) указывает, что, начиная с этого времени, инквизиция, приобрела иной характер, чем раньше. В средние века инквизиторы стремились выявить и уничтожить действительных отступников от веры. В новое время задачей инквизиции стало создание врагов, обвинение ни в чем не повинных людей в ереси и истребление этих созданных ее же собственными усилиями еретиков. Именно с этим связано повсеместное применение пыток. Но обвинение в ереси невозможно было предъявить всегда и всем. В результате наряду с преследованиями еретиков началась охота за ведьмами и колдунами. «В течение всего XVI в. и первой половины XVII в. по всей центральной и западной Европе, — пишет французский исследователь Жан Делюмо в книге «Ужасы на Западе», — множатся процессы и казни колдунов; в период 1560—1630 гг. безумие преследования достигает своего апогея».[27] Обвинения в ведовстве были удобны тем, что от них не был застрахован никто. Обвинить можно был всех и каждого.

Преследование колдунов и ведьм не только не пресекалось государством, а всемерно им поощрялось. Церковь и инквизиция были по сути дела орудиями в его руках, хотя внешне они могли выступать в качестве вдохновителей. «Происходившие процессы и казни, — пишет Ж. Делюмо, — не были бы, конечно, возможны, без их постоянного инициирования церковными и гражданскими властями».[28] Инквизиция была важнейшим, хотя не единственным орудием террора в руках становящегося политарного государства. Право политаристов на жизнь и смерть подданных проявлялось в разных формах, из которых знаменитые «lettres de cachet» (буквально — секретные письма, реально — королевские указы о заточении без суда в тюрьму или о ссылке каких-либо лиц) были, пожалуй, самыми невинными.

Характеризуя в целом эту эпоху, Ж. Делюмо писал: «В Европе начала Нового времени повсюду царил явный или скрытый страх».[29] И этот страх был прежде всего результатом описанного выше массового террора. Кстати сказать, неоднократной цитированный выше автор, не давая четкого ответа на вопрос о причинах «безумия»,

[27] Делюмо Ж. Ужасы на Западе. М., 1994. С. 352.
[28] Там же. С. 354.
[29] Там же. С. 3.

охватившего Западную Европу, в то же время отмечает, что «различные формы демонического наваждения помогали укреплению абсолютизма».[30]

Крупнейший отечественный историк Е.В. Тарле прямо связывал политику массовых репрессий в Западной Европе раннего нового времени с абсолютизмом. Как указывал он, характерная черта абсолютизма заключалось в том, что везде и всюду выискал и карал врагов. «Если не было революционеров, преследовались умеренные реформисты; не было реформистов — преследовались вообще всякие лица, даже идеализирующие данный строй, но осмеливающиеся делать это хоть немного не по-казенному, хоть немного по-своему; не было и таких, — преследовались круглые шляпы, курение папирос на улице, участие в масонских ложах и т.д. и т.д. Такова историческая логика абсолютизма, который был в движении не только потому, что ему было важно двигаться к известной цели, а и потому, что он не мог не двигаться».[31]

Но показав, что абсолютизм всегда преследовал еретиков и диссидентов, Е.В. Тарле не мог найти причину этого явления. Как считает он, эти преследования не вызывались «решительно никаким потребностями ни его (абсолютизма. — *Ю.С.*) самого, ни тех классов, которые являлись его поддержками».[32] Его изумляла «даже не жестокость, а именно полная бессмысленность этих преследований», которые разоряли «иногда не только гонимых, но и правоверных», наносили «тяжкий удар торговле, промышленности, всему государству в его целом».[33] Единственное объяснение, которое он предлагает: абсолютизм все проделывал от нечего делать, из-за желания «занять свои досуги».[34] Как мы видели, в действительности для массовых репрессий были серьезные основания: без них абсолютизма просто бы не было.

Только массовый террор мог обеспечить утверждение в Западной Европе новой формы политаризма — *абсолютистского политаризма (абсолютополитаризма).* Характеризуя французский абсолютизм, Ф. Минье писал: «Корона распоряжалась совершенно свободно личностью при помощи бланковых приказов об арестовывании (lettres de cachet), собственностью при помощи конфискаций».[35]

С абсолютистским политаризмом связана политика меркантилизма, которая на первых порах способствовала развитию капитализма, а затем стала ему препятствовать. Рано или поздно политаризм пришел в противоречие с потребностями экономического развития. И там, где он набрал чрезвычайную силу, началось свертывание рыночных и капиталистическо-рыночных отношений, наступил не просто застой, а экономическая деградация. Так произошло, например, в Испании.

В других странах Западной Европы влияние абсолютистского политаризма не было столь губительным, но и там он стал тормозом развития. Неизбежным стало его уничтожение. И оно произошло насильственным путем. Основные вехи этого процесса — Нидерландская революция XVI в., Английская революция XVII в. и Великая Французская революция XVIII в.

Уже с появлением городов западноевропейской общество встало на единственный путь, который может обеспечить в принципе беспредельное развитие производительных сил, — путь роста производительности труда за счет совершенствования техники произ-

[30] Там же. С. 355.
[31] Тарле Е.В. Падение абсолютизма в Западной Европе и России. 2-е доп. изд. Пг., 1924. С. 71.
[32] Там же. С. 68
[33] Там же.
[34] Там же. С. 71.
[35] Минье [Ф.] История Французской революции с 1789 до 1814 г. СПб., 1906. С. 7.

водства. Этот способ повышения продуктивности общественного производства, а тем самым и уровня развития производительных сил можно назвать *техническими*, или *технологическим*. Он полностью возобладал в Европе с появлением капитализма

Вся история развития производительных сил капитализма есть прежде всего история совершенствования техники производства. Великим событием была начало в последней трети XVIII в второй крупнейшей революции в развитии производительных сил человеческого общества — переход от ручного производства к машинной индустрии. Этот переворот чаще всего именуют *промышленной (индустриальной) революци ей*. С появлением машинного производства под капитализм была подведена адекватная техническая база, что обусловило его последующее стремительное развитие

Возникновение капитализма вызвало крупные сдвиги в духовной культуре Для обслуживания новой техники были нужны были не просто грамотные, а образованные люди. Возникло и получило развитие всеобщее образование, вначале начальное, а потом и среднее. Капиталистическое общество стало вторым в истории грамотным обществом и первым обществом всеобщей образованности Вместе с капитализмом возникли средства массовой информации (СМИ) Первым из них была ежедневная печать, которая вскоре стала играть огромную роль в жизни общества. Характеризуя ее значение, Р. Киплинг писал.

Солдат забудет меч и бой,
Моряк — океанский шквал,
Масон пароль забудет свой,
И священник забудет хорал.
Девушка — перстни, что мы ей дарим,
Невеста — «да» прошептать,
И еврей забудет Иерусалим,
Скорей, чем мы печать!! <...>

Интердикты Папа пишет зря,
Зря декреты волнуют умы,
Вот пузырь раздут — и нет пузыря,
Это делаем только мы!
Помни о битве, она страшна,
И троны должны признать,
Что Королева гордыни одна:
Печать — Печать — Печать![36]

Вместе со школами и развитием всех видов печати элитарная культура все в большей и большей степени стала проникать в массы. Развитие капитализма привело к разрушению крестьянских общин, а тем самым и их культуры Все это вместе с всеобщим образованием и нараставшим процессом урбанизации привели к исчезновению столь характерного для политарного, феодального и парафеодального обществ дуализма культур В капиталистическом обществ на сосуществованию нескольких культур пришло сожительство нескольких субкультур в рамках одной культуры.

Развитие капитализма в Западной Европе в первой половине XIX в сопровождалось ростом нищеты. Многочасовой рабочий день, тяжелые условия труда, мизерная

[36] Киплинг Р (в переводе А Оношкович-Яцыны) Печать // Р Киплинг Стихотворения Роман Рассказы М , 1998 С 315-316

зарплата толкали рабочих на борьбу против существующих порядков. Возникло и начало набирать силу рабочее движение. Дважды (в 1831 и 1834 гг.) восставали ткачи Лиона (Франция). В Англии начали действовать чартисты, создавшие в 1840 г. первую в мире рабочую партию.

В этих условиях возник марксизм, который оказал огромное влияние на общественную жизнь Европы, а затем и всего мира. Под руководством К. Маркса и Ф. Энгельса возникло Международное товарищество рабочих (I Интернационал). В 1871 г. в обстановке социальных потрясений, вызванных проигранной войной с Пруссией, рабочие французской столицы на несколько месяцев установили в ней свою власть. Возникла Парижская Коммуна.

Вскоре после ее поражения I Интернационал прекратил свое существование. Но это не остановило роста рабочего движения. Во всех странах Европы стали возникать социал-демократические партии, руководствовавшиеся идеями марксизма. В конце века они объединились во II Интернационал.

Организованное рабочее движение стало огромной общественной силой. Под его натиском капиталистическое государство вынуждено было во имя сохранения существующего порядка, т.е. ради обеспечения интересов буржуазии в целом, ограничить аппетиты представителей этого класса, взятых в отдельности. Шаг за шагом стала законодательно ограничиваться продолжительность рабочего дня, вначале детей, а затем и взрослых, устанавливаться государственный надзор за условиями труда, создаваться система социального обеспечения.

4.3.8. Новое время с начала XVI в. до конца XIX вв. — развитие капитализма вширь

С началом становления капитализма в Западной Европе человечество разделилось на два основных мира: мир капиталистический и мир некапиталистический, включающий в себя первобытные (в том числе варварские), древнеполитарные и парафеодальные общества. И наряду с развитием капитализма вглубь шло его развитие вширь — распространение его по всему земному шару и формирование всемирного капиталистического рынка.

Капиталистическая мировая система — первая из мировых систем, которая втянула в орбиту своего влияния все народы и страны. Происходило это постепенно. Сфера влияние западноевропейской мировой капиталистической системы шаг за шагом расширялась, охватывая как страны, уже входившие в центральное историческое пространство (внутреннюю периферию), так и социоисторические организмы, не входившие в него (внешнюю периферию). Но по мере втягивания в орбиту влияния западноевропейской капиталистической системы последние входили и в состав центрального исторического пространства. Вхрождение в сферу влияния западноевропейской капиталистической системы социоисторических организмов, до этого находившихся за пределами центрального исторического пространства, означало одновременно и расширение этого пространства за счет внешней периферии.

Развивающийся в западноевропейской зоне центрального исторического пространства капитализм стал оказывать мощное влияние на развитие обществ всех остальных его зон, прежде всего североевропейской. В результате социоисторические организмы североевропейской зоны стали капиталистическими, были втянуты в западноевропейскую систему и тем самым в западноевропейскую зону. Североевропейская зона исчезла.

Что же касается центральноевропейской зоны, то к концу XVIII в. все составлявшие ее социоисторические организмы перестали существовать. Чехия была поглощена державой Габсбургов. Возникшая в результате объединения Польши и Литвы Речь Посполитая была разделена между Австрией, Пруссией и Россией. Но своеобразие социально-экономического строя этих территорий — принадлежность к парафеодализму — продолжала сохраняться. В результате своеобразный характер приобрело и развитие там капиталистических отношений.

Крупнейший русский историк С.М. Соловьев выделял в истории Руси-России несколько основных этапов. На первом этапе между членами княжеской семьи господствовали «родовые отношения», для следующего этапа характерен «переход родовых отношений между князьями в государственные».[37] Завершение этого этапа С.М. Соловьев связывал с царствованием Ивана IV.

Эти положения С.М. Соловьева нередко истолковываются неверно. Ему приписывается взгляд согласно которому в Древней Руси господствовал родовой строй и не было государства.[38] В результате его упрекают в том, что его схема противоречит исторической действительности. «В рассматриваемый Соловьевым период, — писал, например, известный специалист по русской историографии Николай Леонидович Рубинштейн (1897—1963), — родовые отношения уже сменились территориально-племенной организацией, русские земли переходили к системе государственных отношений феодального общества. Схема заслоняла от него эти явления».[39] В действительности С.М. Соловьев говорил о господстве родовых отношений не в древнерусском общества, а между членами княжеской семьи, что далеко не одно и то же. И он отнюдь не считал, что государство в России утвердилось лишь с Иваном IV.

С.М. Соловьев, выделяя названные выше этапы, имел в виду совсем другое, для адекватного выражения чего в исторической науке не только того, но и нашего времени нет понятий. Говоря о «родовых отношениях» в княжеской семье, он фактически имел в виду те социально-экономические отношения, которые были выше названы нобиларными. Говоря о переходе от них к государственным связям, он фактически имел в виду становление в России политарных отношений, которые действительно окончательно утвердились лишь в правление Ивана IV. И опричный террор был вовсе не результатом плохого характера или психического заболевания этого монарха. Как уже неоднократного указывалось, становление политаризма в любом его варианте с неизбежностью предполагает массовый террор и создание атмосферы всеобщего страха.

В истории Руси-России произошла смена одной классовой параформации другой. Для первой из их был характерен симбиоз нобиларного и магнарного укладов. Она была нобиломагнарной. Переход ко второй был связан с возникновением системы политарных отношений, но особого рода, отличной от всех других видов политаризма, не исключая и абсолютистского политаризма, который в это же время формировался в странах Западной Европы. Так как становления этого вида политаризма было неразрывно связано с утверждением в России самодержавия, то его можно назвать *самодержавным политаризмом,* или, короче, *державополитаризмом.*

Эта державополитарная система была подразделена на собственно политарную и политопоместную (политокрепостическую) системы социально-экономических отно-

[37] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга 1 (тома 1-2). М., 1962. С. 58.

[38] См.. например, Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен до 1917 года. М., 1993. С. 403-404 и др.

[39] Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 332.

шений. Поэтому эту, вторую параформацию можно назвать *державополитопоместной*. Российские поместья в ряде отношений были близки к западноевропейским манорам, что позволяла историком считать Россию феодальной. Победа политаризма в России обеспечила ее единство и избавило ее от той участи, которая постигла все социоисторические организмы Центральной Европы.

Из всех социоисторических организмов, образовывавших в начале второго тысячелетия центрально-восточноевропейскую зону центрального исторического пространства, лишь Россия, ставшая впоследствие особой зоной этого пространства, не только сохранила самостоятельность, но и расширила свою территорию на западе, юге и на востоке (где ее границы дошли до Тихого океана, а затем под ее властью оказалась и часть Америки). В результате российская зона центрального исторического пространства из восточноевропейской превратилась в евразийскую.

Вследствие реформ Петра Великого Россия приобщилась к многим достижениям Западной Европы: получили распространение мануфактуры, стала вначале усваиваться, а затем и развиваться наука и философия и т.п. В течение XVIII в. Россия превратилась в одну из великих европейских держав. С конца этого столетия в стране в результате влияния Запада начал формироваться капитализм. Следствием была неудавшаяся попытка совершить буржуазную революцию (1825 г.).

Османская империя, охватывавшая почти всю исламскую и значительную часть центральноевропейской зон центрального исторического пространства, была типичной древнеполитарной державой. Пережив в начале XVI в. пик подъема, она уже с конца его вступила в полосу упадка. Османская империя стала терпеть поражение за поражением, терять одну территорию за другой, все в большей степени распадаться на фактически независимые социоры и впадать в зависимость от других держав, прежде всего западных. Капитализм, начавший, хотя и довольно поздно, проникать в Османскую империю, только способствовал ее разрушению.

Развитие капитализма в Западной Европе сказалось не только на остальных зонах центрального исторического пространства, но и на всех исторических гнездах и исторических аренах, а также на областях, где продолжало сохраняться первобытное и предклассовое общество.

На грани XV и XVI веков началась эпоха Великих географических открытий. Первыми из них было открытие Христофором Колумбом Америки (1492) и Васко да Гамой морского пути в Индию (1497—1498). В 1519—1521 гг. Фернаном Магелланом было совершено первое кругосветное путешествие.

Европейцы не просто открывали все новые и новые страны. Они превращали их в свои колонии или создавали там свои колонии или, наконец, ставили их в иные формы зависимости. Возникли Испанская, Португальская, Голландская, Британская, Французская и, позднее всех, лишь в XIX в. Германская колониальные империи. Особое место занимала Российская империя, которая не может быть названа колониальной в точном смысле этого слова. В целом, к концу XIX в. весь внеевропейский мир был разделен между империалистическими державами.

В результате к этому времени все общества мира были втянуты в центральное историческое пространство, которое тем самым превратилось во *всемирное историческое пространство (миропространство)*. Все ранее существовавшие в мире исторические арены были либо разрушены, либо превратились в зоны всемирного исторического пространства. В результате исчезла внешняя историческая периферия, но отнюдь не внутренняя.

Ко времени открытия Америки в ней продолжали существовать две исторические арены — андская, находившаяся под властью инков, и мезоамериканская, в которой главенствующая роль принадлежала ацтекам. Индейцы, жившие за пределами этих арен, а также алеуты и эскимосы продолжали находиться на стадиях первобытного или предклассового общества.

Испанские конкистадоры уничтожили империи инков и ацтеков, а также все прочие классовые общества Нового Света. Под их властью оказалась вся Южная Америка, исключая Бразилию, ставшей владением Португалии, вся Центральная и часть Северной Америки. Колонизации привела к возникновению на этих территориях особой параформации, близкой к тем, что утвердились в конце I тысячелетия в Центральной и Восточной Европе. В результате освободительного движения в начале XIX в. почти все испанские колонии добились независимости В конечном счете, во всех этих странах стал развиваться капитализм. Возникла периферийная латиноамериканская зона всемирного исторического пространства.

Часть атлантического побережья Северной Америки начала заселяться в основном выходцами из Англии. Коренное население — индейцы — вытеснялось или уничтожалось. Возникли переселенческие колонии, в части которых стали утверждаться капиталистические отношения. Интересы колоний и метрополии — Великобритании стали расходиться. Возник конфликт, переросший в первую национально-освободительную революцию. В результате в конце XVIII в. возникло независимое государство — Соединенные Штаты Америки. И хотя в южных штатах США на время утвердилась особая параформация — неосерварная, или плантаторская, в целом страна стала капиталистической и вошла в состав западноевропейской центральной зоны всемирного исторического пространства, которая стала с тех пор просто западной. В эту же зону вошла и Канада.

Когда европейцы достигли Австралии, ее обитатели находились на стадии первобытного общества. На континент хлынул поток переселенцев из Англии, которые принесли с собой капиталистические порядки. Аборигены были истреблены или вытеснены в самые пустынные части материка. Австралия, став капиталистическим социоисторическим организмом, вошла в западную зону всемирного исторического пространства. Сходным путем пошло развитие Новой Зеландии, коренное население которого — полинезийцы-маори, находилось на стадии предклассового общества. И она пополнила западную зону.

Население Африки южнее Сахары, исключая лишь Эфиопию, к моменту появления европейцев находилось на стадии собственно первобытного и предклассового общества. На юге Африки возникли европейские переселенческие колонии, но особого рода. Капиталистические отношений стали проникать и в Тропическую Африки, которая к концу XIX в. была разделена между европейскими державами. В конечном счете там уже во второй половине XX века, после обретения независимости возникла африканская периферийная зона всемирного исторического пространства.

Как уже отчасти было сказано, на Востоке, под которым я понимаю Северную Африку и Азию (исключая Сибирь и российский Дальний Восток), в течение всего средневековья шло монотонное повторение одних и тех же циклов развития. Расцветали и приходили в упадок старые и новые исторические гнезда, возникали крупные социоисторические организмы, затем они распадались на множество мелких, которые вновь объединялись в одно единое целое, образовывались и рушились державы. В

моменты ослабления тех или иных обществ они становились жертвами своих как цивилизованных, так и нецивилизованных соседей.

Тоже самое продолжалось и в новое время. Так, например, возникшая в середине XIV в. в Китае после свержения монгольской династии Юань империя Мин на рубеже XVI—XVII вв. оказалась в состоянии жесточайшего кризиса. В результате мощной крестьянской войны в 1644 г. династия Мин пала. Внутренними неурядицами воспользовались манчжуры. Китай был завоеван ими, и к власти пришла манчжурская династия Цин. После недолгого периода успешной внешней экспансии Цинская империя с конца XVIII в. начала клониться к упадку, что в огромной степени способствовало успехам европейских колонизаторов.

В результате европейской экспансии одни страны Востока стали колониями европейских держав (Индия, Бирма, Индокитай, Индонезия и др.), другие, формально сохранив самостоятельность, оказались в зависимости от Запада (Китай, Иран, Турция и др.).

Когда европейцы столкнулись со странами Востока, им бросилось в глаза как огромное сходство между всеми ними, так и качественное отличие всех их от стран Запада. Запад и Восток стали рассматриваться как два совершенно различных мира. Это нашло свое предельно четкое выражение в знаменитых стихах Р. Киплинга:

О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест
они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный
господень суд.[40]

В настоящее время в нашей литературе, в частности и в исторической, усиленно разрабатывается и пропагандируется идея о двух совершенно самостоятельных и качественно отличных путях или линиях исторического развития — западной и восточной. Действительно, между западноевропейским и восточным обществами, какими они были, скажем, к середине XIX в., существует качественное, принципиальное различие.

Если сопоставить развитие Южной и Западной Европы в период с VIII в. до н.э. до начала XIX в. н.э., с развитием Востока в то же самое время, то сразу же бросится в глаза огромная разница. В Европе за это время античное рабовладельческое общество сменилось средневековым феодальным, а последнее — капиталистическим. На Востоке же не было ничего похожего: ни рабовладельческого общества, ни феодального, ни капиталистического.

Но разгадка довольно проста. Различие между Востоком, каким он был в XIX в., и Западом того же времени прежде всего заключается в том, что эти общества относятся к двум разным общественно-экономическим формациям: восточные социоисторические организмы — к самой первой классовой формации — древнеполитарной, западноевропейские — к самой последней классовой формации — капиталистической.

Поэтому говорить об особом восточном пути развития человеческого общества имеет нисколько не больше смысла, чем говорить, скажем, об австралийском пути развития. Ведь в развитии общества аборигенов Австралии мы не было даже политарной стадии, не говоря уж об античной, феодальной и капиталистической. Но это никого не смущает. Все понимают, что аборигены Австралии ко времени контакта их с европейцами (XVII—XVIII в.) просто продолжали оставаться на стадии доклассового общества. Но точно так же все общества Востока вплоть до середины XIX в. продолжали оставаться на стадии древнеполитарного общества.

[40] Киплинг Р. (в пер. Е. Полонской). Баллада о Востоке и Западе // Рассказы. Стихотворения. М., 1989. С. 275.

Как уже указывалось, древнеполитарное общество само по себе взятое, не способно трансформироваться в общество более высокого типа. Поэтому развитие обществ Востока с неизбежностью должно было носить застойный характер. Этот вековой застой был прерван европейской колонизацией.

Колониализм имеет две стороны. Об одной у нас писали много: безжалостное ограбление и даже полное уничтожение целых народов. Все это бесспорно имело место Европейцы действительно беспощадно грабили покоренные народы. И делали это не только в переносном смысле: облагали непомерными налогами, заставляли работать на себя, покупали за бесценок туземные продукты, продавали втридорга западные изделия и т.п. Грабили в буквальном значении этого слова.

Достаточно напомнить слова завоевателя Бенгала Роберта Клайва (1732—1818) в палате общин английского парламента: «Богатый город был у моих ног, могущественное государство было в моей власти, мне одному были открыты подвалы сокровищницы, полной слитками золота и серебра, драгоценными камнями. Я взял всего 200 тыс. ф. ст. Джентльмены, — до сих пор я не перестаю удивляться собственной скромности».[41]

Грабили все: генералы, офицеры, сержанты, рядовые. Как писал Р. Киплинг в стихотворении «Грабеж»:

Если в Бирму перебросят — веселись да в ус не дуй,
Там у идолов глаза из бирюзы.
Ну, а битый чернорожий сам проводит до статуй,
Так что помни мародерские азы!
Доведут тебя до точки — тут полезно врезать в почки,
Что не скажет—все вранье: добавь пинка
(Рожок: Слегка!)
Ежели блюдешь обычай — помни, быть тебе с добычей,
А в обычай лупцевать проводника.
(Хор.) Все в дрожь! Все в дрожь! Даешь!
Даешь! Гра-беж!
Гра беж! Гра-беж!
Ох, грабеж!
Глядь, грабеж!
Невтерпеж прибарахлиться, невтерпеж!
Кто силен, а кто хитер,
Здесь любой — заправский вор!
Все на свете не сопрешь! Хорош! Грабеж!
Хапай загребущей лапой! Все —в дрожь! Даешь!
Грабеж! Грабеж! Грабеж![42]

Насилие и грабеж, конечно, вызывали ненависть к колонизаторам и стремление сбросить европейское иго. И это всегда находило понимание у передовых людей Европы. Достаточно вспомнить «Проклятие Минервы» (1811) Джорджа Ноэля Гордона Байрона (1788—1824):

[41] Цит Новая история колониальных и зависимых стран Т 1 М , 1940 С 54

[42] Киплинг Р. (в пер. Е Витковского) Мародеры // Р Киплинг Стихотворения Роман Рассказы. М , 1958. С. 242

Взглянь на Восток, где Ганга смуглый род
Державу вашу грозно потрясет.
Мятеж поднимет там главу,
Мстя за людей поруганных судьбу,
И выйдет Инд из каменных брегов
От алой крови Англии сынов.
Так сгиньте ж! Вам была дана свобода,
А вы на рабство обрекли народы.[43]

Не прошло и полвека, как гневное пророчество великого английского поэта сбылось — в 1857 г. в Индии вспыхнуло грандиозное народное восстание, получившее название сипайского. Оно не покончило с британским владычеством в Индии, но существенно потрясло его основы.

Но у колониализма помимо обрисованной выше стороны существовала и другая. Она состояла в вырывании колонизируемых народов из векового застоя, в приобщении их к достижениям самых развитых к тому времени обществ. Англичане, например, не только грабили Индию. Они строили в ней фабрики и заводы, железные дороги, создавали телеграфную сеть, внедряли европейское образование и науку, готовили кадры местной интеллигенции, ученых, врачей, инженеров, современных администраторов и т.п. Но главное — в Индии началось формирование капиталистических отношений.

И поэтому в апологетическом «Бремени белого человека» того же самого Р. Киплинга есть определенное рациональное зерно. Как он писал:

Неси это гордое время —
Родных сыновей пошли
На службу тебе подвластным
Народам на край земли —
На каторгу ради угрюмых
Мятущихся дикарей,
Наполовину бесов,
Наполовину людей <...>

Неси это гордое Бремя
Не как надменный король —
К тяжелой черной работе,
Как раб, себя приневоль;
При жизни тебе не видеть
Порты, шоссе, мосты —
Так строй их, оставляя
Могилы таких, как ты![44]

В результате развития капитализма, возникшего первоначально лишь в Западной Европе, вширь капиталистические отношения стали распространяться по всему миру. Весь мир стал превращаться в капиталистический. Для всех социоисторических организмов, отставших в своем развитии, независимо от того, на какой стадии эволюции

[43] Байрон Дж. Проклятие Минервы (фрагмент) // Новая история колониальных и зависимых стран Т. 1. М., 1940. С. 283

[44] Киплинг Р. (в пер. А. Сергеева) Бремя белого человека // Стихотворения. М , 1990. С. 193-196

они задержались: первобытной, древнеполитарной или парафеодальной, стал возможным только один путь — к капитализму.

Они не просто получили возможность миновать, как любили у нас говорить, все стадии, которые лежали между той, на которой находились, и капиталистической. Для них, и в этом вся суть дела, стало невозможным не миновать эти ступени. Таким образом, когда человечество в лице группы передовых социоисторических организмов достигло капитализма, то все остальные стадии стали пройденными не только для этих, но и для всех прочих обществ.

Уже довольно давно модным стало критиковать европоцентризм. В этой критике есть моменты, заслуживающие внимание. Но в целом европоцентристский подход ко всемирной истории последних трех тысячелетий существования человечества совершенно оправдан. Если в III—II тысячелетиях до н.э. центр мирового исторического развития находился на Ближнем Востоке, где образовалась первая в истории человечества мировая система — политарная, то начиная с VIII в. до н.э. магистральная линия развития человечества идет через Европу. Именно там все это время находился и перемещался центр мирового исторического развития, там последовательно сменились остальные три мировые системы — античная, феодальная и капиталистическая

То, что смена античной системы феодальной, а феодальной — капиталистической имела место только в Европе, и легло в основу взгляда на эту линию развития как на одну из множества региональных, как на чисто западную, чисто европейскую. В действительности мы имеем здесь дело с линией всемирного развития. Неоспоримо мировое значение образовавшейся в Западной Европе буржуазной системы, которая к началу XX в. не только втянула в сферу своего влияния весь мир, но и своим воздействием вызвала появление в большом числе отставших в своем развитии стран капиталистических социально-экономических отношений.

Сложнее обстоит дело с ближневосточной политарной, средиземноморской античной и западноевропейской феодальной системами. Ни одна из них не охватывала своим влиянием весь мир. И степень их воздействия на отстававшие в своем развитии социально-исторические организмы была значительно меньшей. Однако без ближневосточной политарной системы социоисторических организмов не было бы античной, без античной не было бы феодальной, без феодальной не возникла бы капиталистическая. Только последовательное развитие и смена этих систем смогли подготовить появление в Западной Европе капитализма и тем сделать не только возможным, но и неизбежным переход всех отставших народов к капитализму. Тем самым, в конечном счете их существование и развитие сказалось на судьбе всего человечества.

Таким образом, историю человечества ни в коем случае нельзя рассматривать как простую сумму историй социоисторических организмов, а общественно-экономические формации — как одинаковые стадии эволюции социально-исторических организмов, обязательные для каждого из них.

История человечества есть единое целое, а общественно-экономические формации прежде всего являются стадиями развития этого единого целого, а не отдельных социально-исторических организмов. Формации могут быть стадиями в развитии отдельных социоисторических организмов, а могут не быть ими. Но последнее ни в малейшей степени не мешает им быть стадиями эволюции человечества.

Начиная с перехода к классовому обществу, общественно-экономические формации как стадии всемирного развития существовали в качестве мировых систем социально-исторических организмов того или иного типа, систем, являющихся центра-

ми всемирно-исторического развития. Соответственно и смена общественно-экономических формаций как стадий мирового развития происходила в форме смены мировых систем, которая могла сопровождаться, а могла и не сопровождаться территориальным перемещением центра мирового исторического развития. Смена мировых систем влечет за собой смену эпох всемирной истории.

Таким образом, глобально-формационное понимание истории дает возможность ответить на вопрос, который оказался неразрешимым для любой версии линейно-стадиального подхода к истории, включая линейно-формационную, — о признаке, по которому можно судить, на какой именно стадии исторического развития находится в то или иное время человеческое общество в целом. В применении к истории после возникновения классового общества, стадия, на которой находится человеческое общество в целом в данное время, определяется типом суперионых социоисторических организмов, образующих мировую систему, или, иными словами, систему социоисторических организмов, являющуюся в данный момент центром всемирно-исторического развития.

Каждая такая мировая система оказывала влияние на периферию. Результатом суперіндукции могла быть суперіоризация. Инфериорные социоисторические организмы по мере превращения их в суперіорные входили в состав мировой системы. Однако во все предшествующие капитализму эпохи мировые системы, как бы они не расширялись, всегда оставались территориально ограниченными. Наряду с суперіорным центром всегда продолжала существовать инфериорная периферия.

Возникшая в Западной Европе система капиталистических социоисторических организмов была мировой не только в том смысле, что являлась центром всемирно-исторического развития, но в том, что она втянула в сферу своего влияния весь мир. И это влияние выразилось в том, что весь мир стал превращаться в капиталистический. Из этого логически следовало, что все инфериорные социоисторические организмы должны были в конечном счете превратиться в капиталистические и войти в состав мировой капиталистической системы. Результатом суперіоризации всех ранее инфериорных социоисторических организмов должно было быть исчезновение периферии, а тем самым и центра всемирно-истрорического развития.

Именно так рассуждали сторонники концепций вестернизации и модернизации. Вестернизацию и модернизацию они понимали как суперіоризацию. С точно такой же точкой зрения выступил Ф. Фукуяма в уже упоминавшихся статье «Конец истории?» (1989) и книге «Конец истории и последний человек» (1992). Как утверждал он, в недалеком будущем во всем мира воцарятся точно такие же порядки, которые существуют в западном мире.

Но реальная история оказалась гораздо сложнее и поломала всю эту логику. Как уже было показано, все концепции модернизации потрепели крах (2.8.7). В противовес им возникли концепции зависимого развития. Как уже указывалось (2.9), суть их состояла в подразделении мира капитализма на две качественно отличные части: центр и периферию. В определенной степени деление современного мира на эти две части было подмечено еще в теориях империализма. Но как уже было показано выше (2.9), оно было в них не явным, эксплицитным, а лишь имплицитным. Термины центра и периферии в них отсутствовали. Но главное заключается в том, что данное деление понималось не столько как деление внутри мира капитализма, сколько как подразделение стран мира на такие, где капитализм уже окончательно утвердился, и такие, где капитализм еще только формируется, которые еще окончательно не стали капиталистическими. Такое понимание имело под собой основу. В конце XIX в. и начале XX в.

в большинстве стран периферии капитализм действительно только формировался, а в некоторых даже лишь начинал зарождаться.

Положение изменилось к середине XX в., когда стали возникать концепции зависимости. К тому времени стало ясно, что, по крайней мере, в части периферийных стран капитализм давно уже сформировался. Это особенно наглядно можно видеть на примере обществ Латинской Америки, в которых становление капитализма началось еще в начале XIX в. Поэтому совершенно понятно, почему именно Латинская Америка стала родиной концепций зависимого развития.

Основатель концепции зависимости Р. Пребиш не только ввел понятия центра и периферия, но и подчеркнул, что на центр и периферию подразделяется не мир вообще, а мир капитализма, что капиталистическим является не один лишь центр, что капиталистической является и периферия. Им было показано, что между капиталистическим центром и капиталистической периферий существуют определенные отношения, а именно отношения зависимости, выражающиеся прежде всего в эксплуатации центром периферии. Центр в разных формах эксплутирует периферию. Периферия зависит от центра, ее капиталистическое развитие носит зависимый характер. Будучи зависимым, капитализм периферии существенно отличается от того, который существует в центре.

Созданная Р. Пребишем теория зависимого развития и периферийного капитализма получила развитие в трудах многих исследователей (Т. Дус-Саптус, Ф. Кардозу, А. Агиляр и др.). Сторонники теории зависимого развития убедительно показали, что периферийный капитализм не представляет собой ни формы и ни начальной стадии классического капитализма. Он не предшествует классическому капитализму и не подготовляет его приход. Это тупиковая форма, не способная превратиться в классический капитализм. Как уже говорилось, некоторые из названных исследований (Р. Пребиш, Т. Дус-Саптус) вплотную подошли к выводу, что в данном случае перед нами особый способ производства, отличный от классического западноевропейского капитализма. И я полагаю, что они совершенно правы.

Таким образом, существует, по крайней мере, два разных капиталистических способа производства. В дальнейшем изложении я буду называть классический капиталистический способ производства *ортокапитализмом* (от греч. ортос — прямой, правильный, истинный), а периферийный капиталистический способ производства — *паракапитализмом* (от греч. пара — около, возле). Соответственно существует и два различных типа капиталистических социально-исторических организмов. Общества, в которых господствует ортокапиталистический способ производства относятся к ортокапиталистической общественно-экономической формации, общества, основанные на паракапиталистическом способе производства, — к паракапиталистической общественно-экономической параформации. Только ортокапиталистические социоисторические организмы могут быть названы суперiорными. Паракапиталистические явно относятся к числу инфериорных.

Ортокапиталистические и паракапиталистические социоисторические организмы вместе взятые образовывали одну единую систему, которая в литературе чаще всего называется мировой капиталистической системой. Такое название вряд ли можно принять. Во всем предшествующем изложении под мировой системой понималась совокупность суперiорных социоисторических организмов, представлявшая собой центр всемирно-исторического развития. Именно исходя из этого я назвал возникшую в Западной Европе систему капиталистических обществ мировой системой, так же как

ранее были названы мировыми ближневосточная политарная, средиземноморская сварная и западноевропейская феодально-бюргерская системы.

Система, состоящая из ортокапиталистических и паракапиталистических социоисторических организмов под данное определение никак не подходит. Это первая из причин, которая не позволяет назвать эту систему мировой. Вторая же состоит в том, что и после появления паракапиталистической периферии ортокапиталистические социоисторические организмы по-прежнему составляли одну единую систему, которая продолжала оставаться центром всемирно-исторического развития. Эта система была мировой в принятом в работе смысле слова.

Данная совокупность ортокапиталистических организмов была и системой и одновременно входила в качестве центра, ядра в более широкую систему, включавшую в себя, кроме ортокапиталистических, также и паракапиталистические социоры. Капиталистическая периферия особой системой не была, она являлась только частью системы, включавшей в себя и капиталистический центр. И если продолжать называть мировой системой капиталистический центр, то для обозначения этой более широкой системы необходимо особое название. Я буду называть ее *международной (интернациональной) капиталистической системой.*

Таким образом, вопреки широко распространенному представлению, нашедшему свое яркое выражение в концепциях вестернизации и модернизации, результатом воздействия мировой капиталистической (ортокапиталистической) системы на страны, в которых господствовали докапиталистические отношения, т.е. супериндукции, в большинстве случаев была не супериоризация, т.е. не превращение последних в ортокапиталистические общества, а латерализация, их трансформация в паракапиталистические социоисторические организмы.

Необходимым условием превращение некапиталистических обществ в паракапиталистические была их зависимость от центра. Паракапиталистическими стали все страны, которые к моменту появления в них капиталистических отношений были колониями, полуколониями или зависимыми обществами. Паракапитализм в них возникал не просто под влиянием ортокапиталистических стран. Он в них чаще всего насаждался, внедрялся метрополиями или странами, от которых они находились в зависимости. По такому шло развитие социальноисторических организмов Латинской Америки, почти всей Африки и значительной части Азии.

Но кроме зависимой некапиталистической периферии существовала и независимая. Капитализм в таких странах возникал в результате не внедрения его ортокапиталистическими странами-гегемонами, а лишь влияния ортокапиталистического мира. Если страна, бывшая к началу капиталистического развития вполне экономически и политически самостоятельной, в процессе самого этого развития становилась зависимой от ортокапиталистических стран, то в ней тоже с неизбежностью возникал паракапитализм. Такова, в частности, была участь царской России.

Во многих социоисторических организмах паракапиталистическая общественно-экономическая формация пришла на смену давно уже превратившейся из магистральной в экстрамагистральную древнеполитарной общественно-экономической формации. Как мы уже знаем, кроме древнеполитарных к моменту возникновения капитализма существовали социоисторические организмы, относившиеся к нескольким латеральным докапиталистическим классовым параформациям, который были объдинены под названием парафеодальных. И в большинстве этих стран, включая Россию, произошла смена одной из латеральных докапиталистических классовых параформаций

другой латеральной параформацией, но уже паракапиталистической. Таким образом, все данные страны с переходом к классовому обществу всегда развивались только по боковому пути, без выхода на магистральную дорогу истории. Там происходили смена только общественно-экономических парвформаций, но не формаций.

Но процесс всемирно-исторического развития, каким он стал после появления мировой капиталистической системы, не сводился лишь к превращению докапиталистической периферии в паракапиталистическую. Происходило и определенное расширение центра. Шло оно в основном за счет пересаживания, или отпочкование капитализма. Этот способ увеличения состава мировой капиталистической системы состоял, как мы уже видели, в том, что более или менее значительное число людей из западноевропейских стран переселялись на вновь открытые территории и создавали там новые социоисторические организмы (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия). Возникнув как ортокапиталистические, эти социоры входили в состав той мировой системы, которая первоначально охватывала лишь Западную Европу и которая после такого расширения переставала быть только западноевропейской. Как уже указывалось, ее принято теперь именовать просто западной.

Наряду с почкованием центр мог расширяться и путем суперіоризации, т.е. трансформации в результате влияния мировой капиталистической системы. некапиталистических социоисторических организмов в ортокапиталистические. Так произошло со странами Северной Европы, относившимися к латеральной медиополитомагнарной параформации. Там на смену этой параформации пришла ортокапиталистическая формация и они тем самым вышли на магистраль исторического развития.

За пределами Европы суперіоризация имела места только в Японии, которая до этого относилась к древнеполитарной общественно-экономической формации. Эта страна в течение нескольких веков была во многом изолированна от прочего мира. До второй половины XIX в. она даже не входила в центральное историческое пространство, принадлежала к внешней периферии. Вплоть до зарождения в ней капиталистических отношений Япония была страной полностью самостоятельной и экономически и политически. И когда после «обновления Мэйдзи» (1867 – 1868) началось быстрое развитие капитализма и интенсивное усвоения достижений Запада, она так и не стала зависимой от центра. В результате в ней утвердился не паракапитализм, а ортокапитализм, правда, обладавший рядом специфических особенностей.

Процесс развития капитализма вширь, начавшиеся еще в XVI в., к концу XIX в. привел к существенному изменению всего мира. К этому времени в основном сформировалась международная капиталистическая система. Практически она охватывала весь мир, т.е. была всемирной. Она совпадала с возникшим к тому временеи всемирным историческим пространством. Эта система состояла из двух основных частей: центра и периферии. Центр — ортокапиталистические страны, образующие мировую систему и одновременно центральную зону всемирного исторического пространства, которая первоначально была западноевропейской, а затем — просто западной. Периферия — все паракапиталистические страны вместе взятые. В отличие от ортокапиталистических стран они образовывали не одну, а несколько зон всемирного исторического пространства. И каждой из таких зон присущ свой особый вариант паракапитализма.

Как мы уже знаем, деление человеческого общества в целом на центр и периферию возникло еще в эпоху Древнего Восток и с тех пор не исчезало. Первоначально вся периферия была внешней. С возникновением центрального исторического пространства она распалась на внутреннюю, входившую вместе с центром в это простран-

ство, и внешнюю, находивуюся за ее пределами. С превращением центрального исторического пространства в всемирное историческое пространство внешняя периферия исчезла, осталась только внутренняя.

Ни в одну из прошлых эпох ни вся внешняя, ни вся внутренняя периферия никогда не находились в зависимости от центра. Наряду с зависимой периферией всегда была и независимая. К началу XX в. периферия, которая вся стала к этому времени внутренней, оказалась в зависимости от центра. Понятие периферии стало совпадать с понятием зависимой периферии.

Если воспользоваться понятием исторического мира, то к началу XX в. человеческое общество в целом стало в основном состоять из двух таких миров: ортокапиталистического, супериорного и паракапиталистического, который был инфериорным, латеральный, паракапиталистический мир подразделялся на несколько субмиров, которые в основном совпадали с соответствующими зонами всемирного исторического пространства. Все прочие деления потеряли свое значение.

Хотя первобытные, включая варварские, общества все еще продолжали кое-где существовать, они повсюду потеряли свою самостоятельность. Все территории, на которых они еще сохранялись, вошли в состав тех или иных геосоциальных организмов Вся населенная людьми территория земли оказалась разделенной на геосоциальные организмы. Варвары, оказавшись в подчинении у классовых обществ, перестали играть какую-либо роль в истории А древнеполитарные и парафеодальные общества либо превращались, либо во многом уже превратились в паракапиталистические.

4.3.9. Конец нового времени. Первая волна социорно-освободительных революций (1895—1917)

Так как к началу XX в. капитализм в Западной Европе окончательно утвердился, то эра буржуазных революций для большинства ее стран ушла в прошлое. Зато для остального мира и, в частности, для России, наступила эпоха революций, но иных, чем на Западе.

Когда историки пытаются воссоздать процессы, происходившие в странах периферии, они исходят из тех представлений, которые сложились в результате знакомства с историей Западной Европы. Рисуется примерно такая картина. Когда в этих странах начинает развиваться капитализм, то он неизбежно сталкивается с препятствием в виде докапиталистических отношений. Неизбежным становится конфликт, которые разрешается либо путем реформ, либо революции. Если при этом учесть, что многие историки считали докапиталистические классовые отношения, существовавшие в периферийных странах, феодальными, то совершенно естественным был взгляд на эти реформы и эти революции как на обычные буржуазные.

В действительности все обстояло значительно сложнее. Прежде всего, докапиталистические классовые отношения в периферийных странах не были феодальными. Они были либо древнеполитарными (Азия, Северная Африка), либо парафеодальными (Центральная Европа, Россия, Латинская Америка). Но главное, все эти докапиталистические классовые связи оказались теснейшим образом связанными с проникавшие извне капиталистическими отношениями. Возник особый единый общественно-экономический уклад, включавший в себя в качестве моментов капиталистические и докапиталистические классовые отношения, — и тем самым особый способ производства, который уже был выше назван паракапиталистическим.

О теснейшей взаимосвязи и даже взаимопроникновении капиталистических и докапиталистических отношений в периферийных обществах говорили многие исследователи, в частности почти все сторонники теорий зависимого развития. Например, Хамза Алави в своей работе «Структура периферийного капитализма» (1982) подверг критике, как он считал, ортодоксально-марксистский взгляд, согласно которому капиталистические и докапиталистические отношения находятся в непримиримом противоречии друг с другом и поэтому становление первых означает разложение и гибель вторых. В действительности же в зависимых странах капиталистический способ производства и докапиталистические способы производства находятся не в антагонистических, а в симбиотических отношениях. Капиталистические отношения, проникая в эти страны, втягивают, вбирают в себя докапиталистические отношения. Докапиталистические отношения в этих странах трансформируются и интегрируются в капитализм. Совмещение, сочленение (articulation) капиталистических и докапиталистических отношений принадлежит к числу тех особенностей периферийного капитализма, которые отличают его от капитализма метрополии.[45]

Как уже отмечалось (3.9.2)., о гибридном характере периферийных экономик писал С. Фуртаду в книге «Развитие и недоразвитие» (1964). Но гибридность этих экономик он в основном понимал как простое сосуществование капиталистических и классовых докапиталистических отношений. В действительности же в этих странах имело место взаимное проникновение и сращивание капиталистического и докапиталистических укладов, результатом которого было возникновение одного гибридного уклада и тем самым способа производства.

Различные варианты этого способа производства отличаются тем, какие именно докапиталистические классовые отношения в него абсорбированы. И тормозом в развитии производительных сил периферийных обществ были не просто докапиталистические отношения, а сам паракапитализм. Поэтому революции в этих странах с неизбежностью были революциями не просто антиполитарными и антипарафеодальными, а антипаракапиталистическими и уже в этом смысле антикапиталистическими. Но не только в этом смысле.

Ведь возникновение и сохранения паракапитализма в странах периферии было обусловлено влиянием ортокапиталистического западного центра и зависимостью этих стран от него. Поэтому антипаракапиталистические революции с неизбежностью были направлены против зависимости от ортокапиталистических стран и тем самым и против ортокапитализма. Эти революции были освободительными, точнее, социорно-освободительными и антикапиталистическими. В одной части периферийных стран они были буржуазными антибуржуазными революциями, в другой полностью антибуржуазными.

Момент борьбы против зависимости от ортокапиталистического центра выступал на первый план в тех периферийных странах, которые были колониями. Это было замечено, и революции в них было принято в нашей литературе называть национально-освободительными. В других странах периферии, которые хотя и были зависимыми, но формально сохраняли суверенитет, он не был столь отчетлив, но он всегда имел место.

Первыми революциями в паракапиталистическом мире были национально-освободительные движения в двух испанских колониях: на Кубе (1895 г.) и на Филипи-

[45] Alavi H. The Structure of Peripheral Capitalism // Introduction to the Sociology of «Developing Societies». Ed. by H. Alawi and T. Shanin. New York and London, 1982.

нах (1896—1899 гг.). В XX в. за ними последовала целая серия революций в зависимых странах: в России (1905—1907 гг.), Иране (1905—1911 гг.), Турции (1908—1909 гг.), Китае (1911—1912 гг.), Мексике (1911—1917 гг.). Это была первая волна социорно-освободительных революций.

Революция в России назревала давно. Отмена крепостного права в 1861 г. и последовавшие за ней другие реформы, открыли дорогу капитализму. Однако развитие капитализма в России шло далеко не по прямой линии. В частности это выразилось в том, что в сельском хозяйстве на смену крепостническим отношениям пришли не столько капиталистические, сколько магнарные (отработочная система). А главное — российский капитализм возникал как капитализм периферийный, паракапитализм. Становление капитализма в России было одновременно и превращение ее в страну, находящуюся в зависимости от Запада.

С конца XIX в. в страну шел поток капитала из стран центра в двух основных формах. Одна из них — инвестиции в русскую промышленность, которые несомненно способствовали индустриализации страны. Другая — займы, которые предоставлялись царскому правительству и использовались в разных целях, включая и вложения в производство.

К 1915 г. иностранные инвестиции достигли суммы в 2224,9 млн. золотых рублей. 32,3% их приходились на Францию, 24,8% — Великобританию, 19,8% — Германию, 14,5% — Бельгию, 5,2% —США.[46] Под контролем иностранного капитала находились добыча железной руды и марганца, угля, нефти, платины, металлургическая, электрическая и электротехническая промышленность.[47]

Во второй половине XIX в. стали быстро расти внешние долги. Цифры, приводимые разными исследователями, далеко не одинаковы, что в многих случаях связано с тем, что одни из них дают «чистый» государственный долг, а другие учитывают и гарантированные государством долги, прежде всего железнодорожные. Уже к началу 60-х годов XIX в. внешняя задолженность правительства превышала 500 млн. рублей. К началу 90-х годов она достигла 3 млрд рублей.[48]

В вышедшей в начале XX в.. работе крупного российского государственного деятеля Петра Христиановича Шванебаха (1848—1914), достаточно хорошо знакомого с состоянием экономики и финансов страны, «Денежное преобразование и народное хозяйство» (СПб., 1901) весь русский государственный долг на начало 1900 г. определен в 6150 млн. рублей, из которых около половины приходилось на заграницу.[49] В результате внешнего долга за рубеж из года в год уходили огромная, как выражался автор, *дань* — 170—150—140 млн. рублей, т.е. более десятой части средств, собираемых казной с населения. «В год, — писал П.Х. Шванебах, — мы отдаем за границу полтораста миллионов народных трудовых рублей; в десять лет — капитал, перед которым теряется воображение, полтора миллиарда».[50]

[46] Оль П.В. Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России. Л., 1925. С. 28.

[47] Зив В.С. Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышленности. Пг., 1917. С. 112-117.

[48] Гиндин И.Ф. О величине и характере русского государственного долга в конце 1917 г. // История СССР. 1957. № 5. С. 171.

[49] С учетом гарантированных займов государственный долг составлял 7858 млн. рублей, из которых 3966 млн. приходилось на внешнюю задолженность. См.: Шебалдин Ю.Н. Государственный бюджет России в начале XX в. (до первой мировой войны) // ИЗ. 65. М., 1959. С. 178.

[50] Шванебах П.Х. Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901. С. 193.

«Для государств с расстроенными финансами и для заокеанских республик заграничные долги, — продолжал автор, — стали, как достаточно известно, — быстро затягивающей петлей. Внешние долги приводили... к сделкам, ронявшим достоинства правительств, к утрате экономической, подчас и политической независимости».[51] Думать так о России, как бы ни рос ее внешний долг, заявляет П.Х. Шванебах, недопустимо.

Однако выразив свои патриотические чувства он дальше пишет: «Но можно ли сказать, что внешняя задолженность не создает и для нас некоторой зависимости? Ее отрицать невозможно, раз только верно, что за последние годы внешняя торговля не стала давать избытков, достаточных для покрытия платежей по заграничному долгу, так что, под страхом ослабления наших золотых средств, надо во чтобы то ни стало заключать внешние займы... Наша Ахиллесова пята разоблачена: точка опоры нашей валюты не в нас самих; крупный рост внешнего долга переместил ее в область, не зависящую от наших воздействий, а при известных, всегда возможных обстоятельствах, и от нашего влияния».[52]

В последующие годы внешний долг России продолжал нарастать, а вместе с ним непрерывно усиливалась зависимость от Запада. В 1904 г. из всего «чистого» долга в 6651 млн. рублей внешняя задолженность составляла 4071 млн.[53] Как писал спустя два года, в 1906 г., немецкий публицист Рудольф Мартин: «Никогда в мировой истории ни одна страна не имела такого громадного внешнего долга, как Россия».[54]

В 1914 г. по одним данным «чистый» долг равнялся 8811 млн. рублям, из которых на внешний долг приходилось 4229 млн. (48%.), по другим — превышал 9 млрд., из которых внешняя задолженность составляла 4,3—4,6 млрд. Из 4229 млн. рублей 80% приходилось на Францию, 14% — Великобританию.[55] С учетом гарантированных железнодорожных займов и долгов по закладным листам Дворянского и Крестьянского банков весь государственный долг России на начало 1914 г. составлял 12725 млн. рублей, из которых внешний долг — 5404 млн.[56] По данным американского финансиста Гарвея Фиска из всей внешней задолженности всех стран мира в 1914 г., составлявшей 6317 млн. долларов, на Россию приходилось 1998 млн. долларов (31,2%).[57]

В течение последних двадцати лет перед войной Россия имела пассивный платежный баланс. В 1894—1903 гг. страна выплачивала Западу, примерно, по 240 млн. рублей каждый год, в 1904—1908 гг. — примерно, по 305 млн. в год, в 1909—1913 гг. — примерно, по 345 млн. рублей каждый год.[58] Одновременно в течение 20 лет перед Первой мировой войной Россия была вынуждена ежегодно занимать в среднем около 200 млн. рублей.[59]

Иностранные историки, признавая все эти цифры, в то же время в большинстве своем отказываются говорить о зависимости России от Запада.[60] В крайнем случае,

[51] Там же. С. 194

[52] Там же. С. 194-195.

[53] Посвольский А. и Моултон Г. Русские долги и восстановление России. М , 1925. С. 23.

[54] Цит.: Посвольский А. и Моултон Г. Указ. раб. С.22.;

[55] Посвольский А. и Моултон Г. Указ. раб. С. 23-26; Falkus M.E. The Industrialisation of Russia. 1700-1913. London and Basingstoke, 1972. P. 60; Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны. М., 1960. С. 6, 85; Ананьич Б.В. Россия и международный капитал. 1897—1914. Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970. С. 297 и др.

[56] Гиндин И.Ф. Указ. раб. С. 169-170.

[57] Фиск Г. Финансовое положение Европы и Америки после войны. М., 1926. С. 375. Таблица III.

[58] Посвольский А. и Моултои Г. Указ. раб. С. 174-176.

[59] Ананьич Б.В. Указ. раб. С. 298.

[60] Falkus M.E. Op. cit. P. 60.

они признают определенное влияние Франции особенно перед 1914 г., но тут же подчеркивают, что «потеря суверенитета» была «не очень значительной».[61]

И лишь в одной из работ — в последнем издании книги Майкла Корта «Советский колосс. Подъем и падение СССР» (1993) прямо говорится об экономической зависимости царской России от Запада. «Несмотря на прогресс в последние тридцать лет, — пишет американский советолог и социолог, характеризуя время после реформы 1861 г., — Россия в 1892 г. была все еще в преобладающей степени аграрной крестьянской страной. Ее соперники в Западной Европе, наоборот, были современными индустриальными державами, и хотя Россия была политически независима, ее экономические отношения с Западной Европой строились по классическому колониальному типу. Россия служила Европе как рынок промышленных товаров и источник сырья».[62] Далее он приводит слова С.Ю. Витте о том, что возрастание доли иностранной собственности в русской экономике может постепенно расчистить путь для триумфального проникновения политического влияния зарубежных держав, и заключает: «Иными словами, Россия легко могла стать другой Индией или другим Китаем — могла быть колонизирована и расчленена индустриальным Западом».[63]

Никто из советских историков не сомневался в зависимости России от Запада. Некоторые из них шли так далеко, что объявляли Россию полуколониальной страной.[64] Другие, признавая значительную экономическую и финансовую зависимость страны от Запада, в то же время считали, что полуколонией она все же не была. Главным источником зависимости они считали не иностранные инвестиции, а гигантскую и непрерывно нараставшую внешнюю задолженность государства.[65]

Ряд советских историков обращал внимание на существенное отличие российского капитализма от западного. Обосновывая положение о том, что в нашей стране существовал иной капитализм, чем на Западе, они ссылались на слова В.И. Ленина о «военно-феодальном империализме» в России в его статье «О двух линиях революции» (1915) и ряде других работ.[66] Их оппоненты, также ссылаясь на В.И. Ленина, доказывали, что в России существовал такой же капитализм, что в Западной Европе и США, но только оплетенный густой сетью докапиталистических отношений.

В свою очередь последние не были едины. Одни утверждали, что Россия конца XIX — начала XX вв. была уже вполне капиталистической страной. Другие подчеркивали многоукладность ее экономики, что приводило фактически некоторых из них опять-таки к идее особого российского капитализма.[67]

Что же касается В.И. Ленина, на которого ссылались представители всех течений, то его взгляды по этому вопросу не отличались достаточной четкостью, что позволяло давать им различное толкование. Но во всяком случае в ряде работ он обратил

[61] McKay J.P. Pioneers of Profit. Foreign Enterprenership and Russian Indusrialization 1885-1913. Chicago and London, 1970. P. 275.

[62] Kort M. The Soviet Colossus. The Rise and Fall of the USSR. 3rd edn. New York, London, 1993. P. 50.

[63] Ibid.

[64] См. например: Лященко П.И. История народного хозйства СССР. Т. 2. Капитализм. М., 1950. С. 214-226 и др.

[65] Подробный обзор точек зрения и дискуссии см.: Тарновский К.Н. Социально-экономическая история России. Начало XX в. Советская историография середины 50-х — 60-х годов. М., 1990. С. 55—74; Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений. М., 1988. С. 57, 120-125.

[66] Ленин В.И. О двух линиях революции // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 81.

[67] Обзор точек зрения и дискуссии см.: Об особенностях империализма в России. М., 1963; Тарновский К.Н. Указ. раб. С. 75-81; Бовыкин В.И. Указ. раб. С. 93-110.

внимание на отличие русского капитализма от западноевропейского. Поставив в статье «Как увеличить размеры душевого потребления в России?» (1913) вопросы «о причинах экономической (и всяческой) отсталости России» и о том, *«почему...* развитие капитализма и культуры идет у нас с черепашьей медленностью? почему мы отстаем все больше и больше?», В.И. Ленин дает на них ответ.

Причины, по его мнению, заключаются в том, что «сатрапы нашей промышленности... не представители свободного и сильного капитала, вроде американского, а кучка монополистов, защищенных государственной помощью и тысячами проделок и сделок с теми именно черносотенными помещиками, которые своим средневековым земледелием... и своим гнетом осуждают 5/6 населения на нищету, а всю страну на застой и гниение».[68]

К выводу о том, что в России существовал иной капитализм, чем на Западе, пришли и некоторый иностранные историки. Такое мнение обосновывал, например, швейцарский исследователь Хайко Хауманн в работе «Государственное вмешательство и монополия в Царской империи — пример организованного капитализма?» (1979).[69]

Американский специалист по русской истории Леопольд Хеймсон во введении к сборнику «Политика сельской России, 1905–1914» (1979) характеризовал общественный строй России как амальгаму докапиталистических и капиталистических элементов. Как писал он, даже те группы населения России, которые наиболее тесно были связаны с динамикой нового капиталистического времени (коммерческий индустриальный класс городов, «буржуазная» интеллигенция, помещики, модернизирующие свое хозяйство, кулаки) представляли собой «гротескные, карикатурные версии западного капиталистического развития».[70]

И в результате получил отповедь со стороны группы советских историков. «Такая оценка, — писали они, — не нова. Тезис об отсталости России, и в силу этого принципиальном отличии ее политической и социальной структуры от западных образцов весьма распространен в буржуазной историографии. Советские историки не раз указывали на его несостоятельность, на то, что он находится в противоречии с реальными фактами».[71] И все же вопреки подобного рода заявлениям все фактические данные неопровержимо свидетельствуют о том, что в России во второй половина XIX — начале XX утверждался иной капитализм, чем на Западе, не ортокапитализм, а паракапитализм.

В России сохранились помещичье землевладение, сословное деление и самодержавие. Поэтому внешне надвигавшаяся в ней революция выглядела как обычная буржуазная. Естественно, что многие теоретики, в том числе марксистские, приходили к выводу, что в результате ее власть, как это было на Западе, перейдет в руки буржуазии и в стране утвердится полноценное капиталистическое общество. А в дальнейшем, полагали те из них, которые считали себя марксистами, с развитием производительных сил вызреют предпосылки социализма и где-то через сотню или две сотни лет он победит.

В действительности эта революция была антипаракапиталистической. Но очень

[68] Ленин В.И. Как увеличить размеры душевого потребления в России? // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 360-361.

[69] Haumann H. Staatsintervention und Monopole im Zarenreich — ein Beispiel fhr Organisierten Kapitalismus? // Indusrialisierung und Social Wandel in Russland. Göttingen, 1979.

[70] The Politics of Rural Russia, 1905–1914. Ed. by L.H. Haimson. Bloomington and London, 1979. P. 5.

[71] Зырянов П.Н., Корелин А.П., Шелохаев В.В. Политика сельской России. 1905–1914. Под ред. Л. Хеймсона // Новейшие исследования по истории России периода империализма в советской и зарубежной историографии. М., 1985. С.121.

своеобразной, отличной от такого же рода революций в других паракапиталистических странах. Она вызревала в стране, которая, с одной стороны, была отсталой и зависимой от центра, а с другой, в значительной степени сохраняла статус великой европейской, а тем самым и мировой державы. Эта страна, с одной стороны, продолжала быть аграрной, а с другой, ею были сделаны немалые шаги по пути превращения в индустриальную. В ней, с одной стороны, важнейшим вопросом был земельный и существовала возможность великой крестьянской войны, с другой, утвердилась машинная индустрия и возник достаточно мощный рабочий класс, который страдал как от капиталистической эксплуатации, так от сословного неравноправия. И у этого класса была своя политическая партия, имеющая достаточно четкую выработанную программу. Что же касается русской буржуазия, то она панически боялась революции и была совершенно неспособна возглавить ее и довести до конца.

Успешное развитие революции в такой стране с необходимостью предполагало и требовало не только гегемонии рабочего класса, но и прихода его к власти в лице наиболее радикальной его партии. Только переход власти в руки рабочего класса и его партии мог обеспечить полное решение задач революции.

Это было осознано Владимиром Ильичем Лениным (1870—1924), создавшим теорию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Впервые она была намечена в труде «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (1905; Полн. собр. соч. Т. 11).

Почти одновременно другой социал-демократ — Израиль Лазаревич Гельфанд, более известный как Парвус (1867—1924), в статье «Что дает нам девятое января» (1905; Парвус. Россия и революция. СПб.,1906) и ряде других выдвинул идеи, которые легли в основу созданной Львом Давидовичем Троцким (наст. фам. — Бронштейн) (1879—1940) концепции перманентной революции. Она наиболее полно была изложена в работе Л.Д. Троцкого «Итоги и перспективы. Движущие силы революции» (1906; послед. изд.: Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990).

Не создала собственной концепции, но видела существенное отличие русской революции от прошедших буржуазных революции на Западе Р. Люксембург. Это проявилось в ряде ее статей, среди которых выделяется «Русская революция» (1906; послед. русск. изд.: Люксембург Р. О социализме и русской революции. М., 1991)

Между взглядами В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого существовало определенное различие, но в одном оба они были едины: революция в России, начавшись как буржуазная, завершится приходом к власти рабочего класса, который, не ограничиваясь решением задач буржуазной революции, поставит вопрос о социалистическом переустройстве общества.

Такая трактовка революции в России была несомненно более близка к действительности, чем та, которая ей противостояла. Но и она не учитывала всю специфику российской революции и прежде всего ее антипаракапиталистический характер. Однако нельзя не обратить внимания на то, что мысль В.И. Ленина двигалась по пути к пониманию этой ее особенности.

Об этом свидетельствует приведенное выше его высказывание о характере русского капитализма. В одном из писем А.М. Горькому (1911) В.И. Ленин писал даже о двух «сортах» капитализма: демократическом и черносотенном, из которых первый существует в Западной Европе, а второй — в России и Азии.[72] В работе «О праве

[72] Ленин В.И. Письмо А.М. Горькому. 3 января 1911 // Полн. собр. соч. Т. 48. С. 12-13.

наций на самоопределение» (1914) он как о чем-то само собой разумеющемся пишет о том, что «не только маленькие государства, но и Россия, например, целиком зависят экономически от мощи империалистского финансового капитала «богатых» буржуазных стран».[73] В статье «К пересмотру партийной программы» (1917) В.И. Ленин относил Россию к числу стран, «которые подвергаются империалистскому грабежу, которым угрожает раздел и удушение их гигантами-империалистами...».[74]

Во всяком случае, в статье «Пробуждение Азии» (1913) В.И. Ленин прямо поставил русскую революцию 1905—1907 гг., которую он в работах тех лет именовал демократической, в один ряд с революциями в Азии. «Вслед за русским движением 1905 года, — писал он, — демократическая революция охватила всю Азию — Турцию, Персию, Китай. Растет брожение в английской Индии».[75]

Но если В.И. Ленин приближался к пониманию главной особенности русской революции, то она осталась тайной за семью печатями для советской и вообще всей марксистской историографии. Антипаракапиталистический ее характер был в значительной степени скрыт тем, что она происходила в стране, которая, несмотря на свою отсталость, была одной из мировых держав, и тем, что эта революция, начавшись как антибуржуазная буржуазная революция, с неизбежностью должна была стать только антибуржуазной. Но пожалуй, главная причина, такого положения вещей — догматизм.

В большей степени к пониманию природы русской революции приблизились некоторые западные историки. Это выразилось в созданных ими концепциях «революций запоздалой модернизации», «развитийных революций третьего мира», «крестьянских революций», «аграрных революций восточноевропейского типа» и т.п.

Одними из первых были работы американского историка немецкого происхождения Теодора фон Лауэ (1916—2000) и, прежде всего, его труд «Почему Ленин? Почему Сталин? Переоценка русской революции, 1900—1930» (1964). «Этот очерк, — писал автор, — предлагает новое объяснение прихода к власти Ленина и Сталина. В нем предпринята попытка рассмотреть возникновение русского коммунизма как интегральную часть европейской и мировой истории... а не как изолированный феномен, который в большей части может быть объяснен одними лишь российскими условиями».[76]

Революция в России, по мнению Т. фон Лауэ, была обусловлена действием двух факторов. С одной стороны, как и в случае Великой Французской революции, существовали противоречия между привилегированными и непривилегированными стратами общества. С другой, и русское общество и русское правительство «находились под давлением крутого процесса модернизации (навязанного, в конечном счете, извне, безжалостным давлением политики великих держав). В этом смысле русская революция вызвала к жизни новую категорию — революцию недоразвитых стран».[77]

«Во многих отношениях, — продолжает Т. фон Лауэ, — испытания России в период с 1900 г. по 1930 предвкусили агонии других народов на окраинах Европы, в Азии, Африке и даже Латинской Америке, у которых под западным влиянием пробудились политические амбиции и которые начали борьбу за самоутверждение».[78]

[73] Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 25. С. 261.

[74] Ленин В.И. К пересмотру партийной программы // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 371.

[75] Ленин В.И. Пробуждение Азии // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 145.

[76] Laue T.H. von. Why Lenin? Why Stalin?. A Reappraisal of Russian Revolution. 1900—1930. Philadelphia and New York, 1964. P. 7.

[77] Ibid. P. 16.

[78] Ibid. P. 17.

Сходные взгляды развивались в работах Лионеля Кочена «Становление современной России» (1962) и «Россия в революции, 1890—1918» (1966), Баррингтона Мура «Социальное происхождение диктатуры и демократии: Роль помещика и крестьянина в создании современного мира» (1966), Теодора Шанина «Россия как «развивающееся общество»» (1985) и «Революция как момент истины. Россия 1905—1907 → 1917—1922» (русск. перевод: М., 1998) и целом ряде других.

В статье К. Кумара «Революции XX века в исторической перспективе», которая впервые была опубликована в 1976 г., а затем включена в качестве главы в книгу «Возникновение современного общества. Аспекты социального и политического развития Запада» (1988), был дан обзор концепций революций нашего века. Среди не названных К. Кумаром работ заслуживает упоминания книга румынского социолога Павла Чампеану «Генезис сталинского режима» (1988).

Все названные и другие авторы связывали русской революцию с необходимостью преодоления отсталости, ускоренной индустриализации, вообще модернизации всего общества, со стремлением догнать передовые страны Запада. Некоторые из них, в частности Т. фон Лауэ, даже указывали, что ускоренная модернизация навязывалась России «безжалостным давлением» великих развитых держав. В ряде работ встречается указание на принадлежность России к иному миру, чем Запад, и даже к периферии.

Но никто из этих историков и социологов не понимал периферию в том смысле, который был вложен в это слово сторонниками концепций зависимости. Они не обратили должного внимания на зависимость России от Запада, на ее эксплуатацию развитыми странами. В результате антипаракапиталистический и антиортокапиталистический характер русской революции не был ими понят, как не был раскрыт подобный же характер других периферийных революций.

Как известно, первая русская революция потерпела поражение. Определенные изменения в результате ее в обществе произошли, но основные задачи революции решены не были. Провалились столыпинские реформы. В результате революция в России оставалась столь же неизбежной, как и раньше.

Революция в России была вначале отсрочена, а затем стимулирована Первой мировой войной. К началу XX в. окончательно сформировался мировой капиталистический рынок, всемирная капиталистическая система и завершился колониальный раздел мира между державами Европы. Обострение противоречий между ведущими державами этой части света и борьба между ними за передел мира привели к Первой мировой войне (1914—1918), в которой Великобритания, Франция и Россия противостояли Германии и Австро-Венгрии.

Поражения в войне и тяготы, ее вызванные, сделали революционный взрыв в России неизбежным. И он произошел в феврале 1917 г. Но буржуазия, получившая в результате переворота власть, как это и предвидели, оказалась совершенно неспособной решить назревшие проблемы революции. Столь же никчемными оказались и российские мелкобуржуазные демократы.

В силу неспособности буржуазных и мелкобуржуазных партий удовлетворить чаяния народных масс приход к власти рабочего класса в лице большевистской партии был предопределен. Взяв власть, большевики буквально за несколько дней решили проблемы, к которым их предшественники боялись даже подступиться в течение нескольких месяцев.

4.3.10. Новейшая история (1917—1991 гг.). Вторая волна социорно-освободительных революций

Придя к власти, большевики первоначально ограничились лишь претворением в жизнь лозунгов буржуазно-демократической революции. Это отчетливо можно видеть на примере декретов II Всероссийского съезда советов. Большевики вначале не ставили своей задачей национализацию даже крупных промышленных предприятий. Они ограничились лишь созданием рабочего контроля.

В дальнейшем началась национализация отдельных предприятий. Но она не носила массового характера и проводилась чаще всего под давлением низов. Центральная власть в большинстве случаев просто санкционировала инициативу мест. И только в июне 1918 г., уже в разгар Гражданской войны, были приняты декреты о национализации крупных предприятий почти всех отраслей промышленности.

Можно дискуссировать о том, существует ли в принципе уровень производительных сил, по достижении которого отпадет объективная необходимость в частной собственности, но бесспорно, что Россия такого уровня к 1917 г. не достигла. С этим были согласны все, не исключая В. И. Ленина. Большевики надеялись, что они сумеют создать материально-техническую базу для социализма. Но даже если считать, что такая задача в принципе была по силам стране, для ее решения требовались годы и даже десятилетия. А реальная жизнь ждать не могла.

При том уровне производительных сил, который существовал в то время в России, общество могло быть только классовым и никаким другим. Поэтому в стране с неизбежностью начался процесс становления частной собственности и общественных классов. Путь к возрождению в полном объеме капиталистической собственности был надежно заблокирован государством. В результате процесс классообразования пошел по иному пути.

В ходе революции и гражданской войны возник достаточно мощный партийно-государственный аппарат, в задачу которого помимо всего прочего входило руководство производством и распределение материальных благ. В условиях всеобщей нищеты и дефицита неизбежными были попытки отдельных членов партгосаппарата использовать служебное положение для обеспечения себя и своей семьи необходимыми жизненными благами, а также для оказания услуг, причем не обязательно безвозмездных, различного рода людям, не входившим в аппарат.

Такого рода практика уже в первые годы после революции получила достаточно широкое распространение. Так постепенно стала складываться система привилегий для руководящих работников партии и государства. И помешать этому не могли никакие меры. Становление такого рода отношений предполагало уничтожение всякого контроля над аппаратом со стороны масс, т. е. ликвидацию демократии.

Этому способствовали условия гражданской войны, которые делали необходимыми использование авторитарных методов управления. Но дело не в самой по себе гражданской войне, ибо пик классообразования пришелся не на военное, а на мирное время. Уничтожение демократии предполагало фактический отказ от выборности в партии и государстве, а тем самым переход к системе назначений сверху до низу.

Самых нижестоящих чиновников назначали те, что были рангом выше, тех в свою очередь — еще более высокопоставленные и т.д. Но где-то должен был существовать верховный назначающий, выше которого не стоял никто. Верховный вождь не мог быть назначен. Он должен был выдвинуться сам. Формирование подобного рода

иерархической системы с необходимостью предполагало появление человека, находящегося на вершине пирамиды. За это положение шла борьба.

Одержать в ней победу мог только тот человек, который обеспечил себе поддержку большинства новых хозяев жизни. Но для этого он должен был понимать их интересы и служить им. Таким человеком оказался Иосиф Виссарионович Сталин (1879—1953). Однако главой системы вполне могло стать и другое лицо. Это могло сказаться на некоторых проявлениях происходившего процесса, но не на его сущности.

Таким образом, процесс классообразования, с неизбежностью начавшийся после революции в России, пошел по линии возникновения общеклассовой частной собственности, выступавшей в форме государственной, и соответственно превращения основного состава партийно-государственного аппарата в господствующий эксплуататорский класс. В России возник политарный способ производства, возникла политосистема и появился политарх.

Этот новый политарный способ производства, имея много общего с тем, что с конца IV тысячелетия до н.э. существовал в странах Востока, в то же время значительно отличался от него. Материально-технической основой древнего политаризма было доиндустриальное сельское хозяйство. Новое политарное общество было, как и капиталистическое, обществом индустриальным. Его можно было бы назвать индустриально-политарными (индустрополитарным) или просто неополитарным. Неополитаризм возник на почве, подготовленной капитализмом. И дело не только в технике производства и структуре производительных сил.

Само развитие капиталистических отношений создало возможность появления политарного общества нового типа. В последней трети XIX в. начали возникать монополистические объединения капиталистов, которые имели тенденцию к укрупнению. Возникали все более и более крупные монополии. Несколько позднее стала проявляться еще одна тенденция — сращивание монополий с государством, соединение их в единый организм.

Логическим завершением действия этих двух тенденций было бы появление такого монополистического объединения, в состав которого входили бы все представители господствующего класса и которое совпадало бы, если не со всем государственным аппаратом, то, по крайней мере, с его верхушкой. Иначе говоря, логическим завершением развития в этом направлении было бы появление индустрополитарного общества.

Возникновение тенденции развития капитализма по пути превращения в индустрополитаризм не осталось незамеченным. В романе Джека Лондона (1876—1916) «Железная пята» (1908) была нарисована впечатляющая картина пришедшего на смену капитализму индустрополитарного общества. В целом ряде работ Н.И. Бухарина, прежде всего в его труде «Мировое хозяйство и империализм» (1915; послед. изд.: Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989) эта тенденция была осмыслена теоретически.

В последующем об опасности превращения капитализма в подобного рода общество много писали экономисты, выступавшие за свободный рынок и против государственного регулирования. Прежде всего можно упомянуть работы Л. фон Мизеса «Социализм: Экономический и социологический анализ» (1923; русск. перевод: М., 1994; 1995), «Бюрократия» и «Запланированный хаос (1949; русск. перевод: Мизес Л. фон. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М., 1993), Ф.А. Хайека «Дорога к рабству» (1944; русск. перевод: М., 1992) и «Пагубная самонадеянность» (1978; русск. перевод: М.,1992), Милтона Фридмена «Капитализм и

свобода» (1962) и «Хозяева своей судьбы» (русск. перевод фрагментов из этих книг: Фридман и Хайек о свободе. Минск, 1990).

Россия не была ортокапиталистической страной, но по уровню монополизации промышленного производства и государственного регулирования экономики она стояла не только не ниже, но, наоборот, выше ряда ортокапиталистических социоисторических организмов. Это в значительной степени способствовало формированию в ней политаризма не столько аграрного, сколько индустриального типа.

Политаризм во всех его разновидностях предполагает верховную собственность политаристов на личности всех остальных членов общества. А это означает существование права класса политаристов на жизнь и смерть всех своих подданных. Право это могло проявляться в разных формах, но оно всегда существовало. Любой вариант политарного классообразования предполагает репрессии. Но особенно они были неизбежны в стране, в которой имела место народная по своим движущим силам революция и где была разбужена самостоятельная активность широких масс.

Первый цикл массовых репрессий в СССР пришелся на 1928—1933 гг. Он обеспечил завершение в основном процесса становления в СССР неополитарного строя. Господствующий класс обрел право на жизнь и смерть рядовых граждан. Но для эффективного функционирования политарной системы необходимо было, чтобы политарх имел право на жизнь и смерть не только представителей эксплуатируемого класса, но и членов господствующего, т.е людей, входивших в состав политосистемы. Такое право И.В. Сталин получил в результате жесточайших репрессий 1934—1939 гг., пик которых пришелся на 1937 г. На смену олигархическому способу правления пришел деспотизм.[79]

Все сказанное выше вплотную подводит к ответу на вопрос: победила или же потерпела поражение Октябрьская рабоче-крестьянская революция 1917 г. Речь, разумеется, идет не о военной победе революции, которая несомненна, а о социальной победе или социальном поражении. Чтобы ответить на этот вопрос, нужно четко провести различие между объективными задачами революции и субъективными целями ее участников. Люди, поднявшиеся на революцию, обычно осознают стоящие перед ней задачи не в адекватной, а в иллюзорной форме.

Объективной задачей Великой Французской революции было окончательное утверждение в стране капиталистических порядков. Субъективной целью значительной части ее активных деятелей было создание царства свободы, равенства и братства. Поэтому после победы революции наступило всеобщее разочарование.

Вот что писал о революционных иллюзиях Ф. Энгельс: «Предположим, эти люди воображают, что могут захватить власть, — ну, так что же? Путь только они пробьют брешь, которая разрушит плотину, — поток сам быстро положит конец их иллюзиям. Но если бы случилось так, что эти иллюзии придали бы им бóльшую силу воли, стоит ли на это жаловаться? Люди, хвалившиеся тем, чтó *сделали* революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, что *сделанная* революция совсем непохожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель называл иронией истории, той иронией, которую избежали немногие исторические деятели».[80]

Объективной задачей Октябрьской рабоче-крестьянской революции было унич-

[79] Подробнее обо всем этом см Семенов Ю И Россия Что с ней пронзошло в двадцатом века // Российский этнограф Вып 20 М , 1993

[80] Энгельс Ф Письмо В И Засулич, 23 апреля 1885 г // К Маркс и Ф Энгельс Соч Изд 2-е Т 36 С 263

тожение паракапитализма и зависимости страны от ортокапиталистического центра. Эта объективная задача революции была осознана ее участниками как борьба за создание в России социалистического общества. Социализм в России не возник. Цель, которую ставили перед собой активные деятели революции, не была достигнута. Если исходить из того, что революция в России, действительно по своей объективной задаче была социалистической, то придется признать ее поражение. В стране на смену одному антагонистическому способу производства пришел другой, тоже антагонистический способ производства.

Но в реальности Октябрьская революции 1917 г. была не социалистической, а антипаракапиталистической и антиортокапиталистической. Выше уже говорилось о огромной экономической зависимости России, связанной прежде с ее огромным внешним долгом. За годы первой мировой войны долг этот еще больше возрос. Если на начало 1914 г. «чистый» внешний долг правительства России равнялся 4300—4600 млн. рублей, а с учетом гарантированных займов — 5404 млн., то к октябрю 1917 г. он достиг величины в 14860 млн. рублей.[81] Из всей внешней задолженности всех стран мира, составлявшей к началу 1917 г. сумму в 16385 млн. долларов по паритету, на Россию приходилось 5937 млн. долларов (36,2%).[82]

Такой колоссальный долг Россия никогда бы выплатить не смогла. Она была обречена превратиться из зависимой страны в настоящую полуколонию. От этой участи ее спасла Октябрьская рабоче-крестьянская революция. 21 января (3 февраля) 1918 г. ВЦИК РСФСР принял декрет об аннулировании внешних государственных долгов. «Безусловно и без всяких исключений, — гласил третий пункт этого документа, — аннулируются все внешние займы».[83]

Социорно-освободительный характер Октябрьской революции более чем наглядно проявился в разразившейся гражданской войне. Ведь как бы ни вещали белые генералы о своем патриотизме, но факты остаются фактами: они призвали в страну иностранные войска и воевали против красных в союзе с интервентами: англичанами, французами, американцами, немцами, японцами, чехословаками, итальянцами и т.д. Кое-где, например, на Севере и в Приморье, белые режимы держались исключительно на иноземных штыках. Белые правительства получали от иностранных государств огромную помощь оружием, боеприпасами, средствами транспорта, обмундированием и т.п.

Помогали белым правительствам иностранные державы далеко не бескорыстно. И в случае победы пришлось бы платить по счету. Пришлось бы выплачивать и прежний колоссальный внешний долг России, и новые долги. И платить пришлось бы не только деньгами, материальными ресурсами и т.п. Белые правительства за помощь в борьбе с красными обещали иностранцам огромные льготы, готовы были передать под контроль Франции, Англии, Японии целые регионы страны. В случае победы белых России не только превратилась бы в полуколонию, но и была бы фактически расчленена.

Как известно, еще 23 декабря 1917 г. член правительства Великобритании лорд Мильнер и премьер-министр Франции Жорж Клемансо подписали в Париже конвенцию «О действиях на юге России», согласно которой «сферой влияния» Англии становились «казацкие территории, Кавказ, Армения Грузия, Курдистан», а к Франции отходили «Бессарабия, Украина, Крым».[84]

[81] Гиндин И.Ф. Указ. раб. С 169-171.

[82] Фиск Г. Финансовое положение Европы и Америки после войны. М., 1926. С. 394. Таблица XV.

[83] Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 386.

[84] См Фишер Л. Жизнь Ленина. Т. 2. М., 1997. С. 4-5.

Как подчеркивает историк Луис Фишер, впервые опубликовавший этот документ, хотя это соглашение было заключено в военное время, оно было планом послевоенных операций. После победы в мировой войне Англия и Франция ввели свои вооруженные силы в области, предназначенные им по конвенции. Но так как этих войск было недостаточно для достижения первоначально поставленных целей, они стали поддерживать «белых защитников неделимой России».[85]

Факт, что целью интервентов был расчленение и колонизация России, вынуждены были признать и некоторые поборники белого дела. Вот, например, что писал в «Книге воспоминаний» двоюродный дядя Николая II и одновременно муж его сестры великий князь Александр Михайлович (1866—1933): «По-видимому, «союзники» собираются превратить Россию в британскую колонию, писал Троцкий в одной из своих прокламаций к Красной Армии. И разве на этот раз он не был прав? Инспирируемое сэром Генрихом Детердингом, всесильным председателем компании Рояль-Детч-Шел, или же следуя просто старой программе Дизраэли-Биконсфильда, британское министерство иностранных дел обнаруживало дерзкое намерение нанести России смертельный удар, путем раздачи самых цветущих русских областей союзникам и их вассалам. Вершители европейских судеб, по-видимому, восхищались своей собственной изобретательностью: они надеялись одним ударом убить и большевиков, и возможность возрождения сильной России. Положение вождей белого движения стало невозможным. С одной стороны, делая вид, что они не замечают интриг союзников, они призывали своих босоногих добровольцев к священной борьбе против советов, с другой стороны — на страже русских национальных интересов стоял не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской Империи, апеллируя к трудящимся всего мира».[86]

Поэтому со стороны красных война была не только классовой, но и отечественной. Красные были не только революционерами, но и патриотами. Они боролись за независимость своей родины и против ее расчленения. Белые режимы были одновременно и антинародными, и антинациональными. Поэтому они с неизбежностью рухнули. Большевики победили, ибо за ними шла большая часть народа.

Национальный, патриотический, а не только революционный характер стоявшей перед ними задач осознавали лидеры большевиков. В написанной 11 марта 1918 г. статье «Главная задача наших дней» В.И. Ленин писал: «Мы принуждены были подписать «Тильзитский мир». Не надо самообманов. Надо иметь мужество глядеть прямо в лицо неприкрашенной горькой правде...Чем яснее мы поймем это, тем более твердой, закаленной, стальной сделается наша воля к освобождению, наше стремление подняться снова от порабощения к самостоятельности, наша непреклонная решимость добиться во что бы то ни стало того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле могущей и обильной».[87] И далее, отмечая, что «...Россия идет теперь — а она бесспорно идет — от «Тильзитского мира» к национальному подъему, к великой отечественной войне...», В.И. Ленин особо подчеркивал: «Мы оборонцы с 25 октября 1917 г. Мы за «защиту отечества»...».[88]

Октябрьская революция была революцией социорно-освободительной, и в таком качестве она победила. Были уничтожены паракапиталистические отношения. Рево-

[85] Там же. С. 5.

[86] Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 256-257.

[87] Ленин В.И. Главная задача наших дней // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 79.

[88] Там же. С. 82.

люция вырвала Россию из международной капиталистической системы, освободила ее от экономической и политической зависимости от ортокапиталистического центра.

И это сделало возможным ее быстрое экономическое развитие. Неополитарные социально-экономические отношения, которые в основном сложились к началу 30-х годов, дали на первых порах мощный толчок развитию производительных сил общества. СССР превратился в одно из самых мощных индустриальных государств мира, что в дальнейшем обеспечило ему положение одной из двух мировых сверхдержав.

После Октябрьской революции 1917 г. наряду с ортокапиталистической формацией и паракапиталистической параформацией на Земле стала существовать новая, некапиталистическая параформация — индустрополитарная, или неополитарная. И хотя этот новый общественный строй первоначально возник лишь в одной стране, но эта страна была столько велика и влияние ее на мировой историческое развитие было столь значительным, что это было равносильно появлению новой мировой системы. А после Второй мировой войны, когда в результате целой серии антипаракапиталистических революций неополитарные порядки утвердились в значительном числе стран Европы и Азии, образовалась мировая система неополитарных социоисторических организмов в буквальном смысле этого слова.

До 1917 г. понятия всемирного исторического пространства и международной капиталистической системы по своему объему практически совпадали. После этого события совпадение исчезло. Международная капиталистическая система перестала быть всемирной. От этого всемирное историческое пространство не исчезло. Но теперь оно стало включать в себя две качественно отличные системы социоисторических организмов: международную капиталистическую систему (состоящую из центра — мировой ортокапиталистической системы и паракапиталистической периферии), и мировую неополитарную системы. В рамках этого противопоставлении международная капиталистическая система, включавшая в себя мировую ортокапиталистическую, выступала в целом как мировая капиталистическая система.

В результате всех этих преобразований впервые в истории человечества на Земле возникла ситуация, характеризующаяся сосуществованием и соперничеством *двух мировых систем*, *двух центров*. С превращением мира из монополярного в биполярный произошла смена всемирно-исторических эпох: на смену эпохе нового времени пришло новейшее время.

Первая мировая война была следствие и проявлением кризиса мирового капитализма. И после ее окончания этот кризис еще более углубился. Продолжали обостряться внутренние противоречия ортокапитализма. И кроме того он столкнулся с вызовом, который бросил ему новый общественный строй, который долгое время и довольно успешно выдавал себя за социализм.

Вызов этот состоял вовсе не в намерении осуществить «красную интервенцию». Декретом Совета Народных Комиссаров от 29 октября (11 ноября) 1917 г. был введен восьмичасовый рабочий день. А вслед за этим постепенно была создана такая система социального обеспечения, какой не было не только в царской России, но ни в одной даже самой передовой ортокапиталистической стране. И это не могло не оказать влияния на рабочее движение в странах капитала Нужно было противодействовать этому притягательному воздействию. Уже в 1919 г. представители капиталистических стран заключили в Вашингтоне международное соглашение о введении восьмичасового рабочего дня. Но рабочие требовали большего. Их натиск усиливался.

В 1929 г. разразился самый тяжелый за всю историю капиталистического мира

кризис, охвативший все страны. Он свидетельствовал о том, что дальнейшее сохранение полной свободы рынка могло привести к краху капиталистической системы. Насущной необходимостью стало государственное регулирование рынка. На фоне всеобщего кризиса выделялся СССР, плановая экономика которого в эти годы развивалась невиданными темпами.

Перед капиталистическим миром открывались два пути решения назревших задач. Один — развитие по направлению к индустрополитаризму. Возникновения единой государственной монополии обеспечивало, с одной стороны, регулирование экономики в масштабе страны, с другой, — подавление рабочего движения.

Однако мало было усмирить рабочих. Чтобы обеспечить длительное существование такой системы, нужно было что-то дать трудящимся массам в ближайшем будущем и открыть перед ними какую-либо заманчивую далекую перспективу. Это обусловливало милитаризацию общества и подготовку к войне. Победоносная война сразу же открывала возможность грабежа покоренных стран, а затем и превращения побежденных в рабов народа-победителя. Господствующими в таком обществе с неизбежностью должны были стать идеи корпоративности, национализма, расизма и мирового господства.

Данный вариант становление индустрополитаризма не предполагал насильственного уничтожения капиталистических отношений и ликвидацию класса капиталистов. Капиталистические отношения сохранялись, но при этом обволакивались возникающими политарными, что вело к их существенному изменению. Такого рода общество может быть охарактеризовано как политарно-капиталистическое.

Раньше ее подобного рода строй начал формироваться в Италии. По такому пути пошла и дальше всех зашла Германия. В значительной степени это было связано с Версальским договором, который представлял собой попытку победивших империалистических держав лишить Германию места в ортокапиталистическом центре и вышвырнуть ее в периферийный паракапиталистический мир. Так как это одновременно и ущемляло национальную гордость немцев, и обрекало большинство ее населения на безысходную нищету, то неизбежностью был рост патриотических, антианглийских, антифранцузских и антиамериканских настроений, все более принимавших форму реваншизма. Во многом на этой волне пришли в 1933 г. ко власти гитлеровцы, широко использовавшие и патриотическую, и антизападную, и антикапиталистическую, риторику.

В 20—30-х годах фашистские или близкие к фашистским порядки установились во многих странах Европы: Португалии, Испании, Болгарии, Югославии, Польше, Венгрии, Румынии, Испании, Литве, Латвии, Эстонии.

Другой путь выхода из кризиса был намечен «новым курсом» президента США Франклина Делано Рузвельта (1882—1945). Наряду с государственным регулированием рынка он предполагал существенное повышение заработной платы и создание развитой системы социального обеспечения, что предполагало изъятие государством определенной доли общественного продукта с последующим его распределением среди значительной части населения.

Теоретическое обоснование практика государственного регулирования капиталистического рынка нашла в работе английского исследователя Джона Мейнарда Кейнса (1983—1946) «Общая теория занятости, процента и денег» (1936; русск. перевод: М., 1948; // Антология экономической классики. Т. 2. М., 1993; М., 1999), которую многие западные ученые считают третьим великим экономическим трудом после «Исследования о природе и причинах богатства народов» А. Смита и «Капитала» К. Маркса.

Как утверждает, например, американский экономист К.Ф. Флекснер, кейнсианская революция положила конец свободнорыночному капитализму. Он был радикально реформирован и на смену ему в странах Запада пришли разные формы смешанной экономика, сочетавшие капитализм с элементами социализма.[89]

Уже после Второй мировой войны этот путь привел к возникновению того, что получило наименования «государства всеобщего благосостояния» (Welfare State). В одних случаях эти преобразования проводились руками буржуазных деятелей, в других — пришедшими к власти партиями, представлявшими интересы широких трудящихся масс, — социалистическими или социал-демократическими.

Социоисторические организмы, входившие в состав западной мировой капиталистической системы разделились на две группы. В качестве союзников Германии выступили Италия, Япония, а также ряд государств центральноевропейской зоны. Им противостояли Великобритания, Франция и США. Ярый антикоммунизм нацистов и их планы расширения «жизненного пространства» за счет продвижения на Восток создавали возможность союза между этими странами и СССР. Развязанная в 1939 г. Германией Вторая мировая война завершилась в 1945 г. военным поражением и крахом фашизма. Решающую роль в разгроме нацизма сыграл Советский Союз.

После Второй мировой войны началась новая, еще более бурная, чем в первые два десятилетия XX в., вторая волна социорно-освободительных, антипаракапиталистических, а тем самым антикапиталистических революций. Разумеется, все эти революции произошли в странах паракапиталистической периферии. Первая подсистема мировой капиталистическая система — ортокапиталистический центр — полностью сохранилась. Ни одна из ортокапиталистических стран не претерпела кардинальных изменений — не превратилась в общество иного типа. Иначе обстояло дело в странах периферии.

Антипаракапиталистические революции произошли во всех странах Восточной Европы. Они не были буржуазными антибуржуазными революциями. Они носили чисто антибуржуазный характер. В их результате во всех этих странах утвердился неополитарный строй. Интересно отметить, что граница между орткапиталистической и неополитарной Европой почти полностью совпало с сложившейся к началу второго тысячелетия н.э. границей между западноевропейской и центрально-восточноевропейской зонами центрального исторического пространства. Неополитарной оказалась и Восточная Германия.

Мощная волна социорно-освободительных революций прокатились по Азии и Африке. В результате ее рухнула мировая колониальная система. Быстрому ее крушению в огромной способствовало существование СССР и мировой неополитарной системы. В части стран Азии (Китай, Вьетнам, Лаос, Камбоджа) антипаракапиталистические революции были антибуржуазными и только антибуржуазными. В них утвердился неополитаризм и они вошли в состав мировой неополитарной системы. То же самое произошло на Кубе. В других периферийных странах эти революции были антибуржуазными и одновременно буржуазными Данные страны добились политической независимости, но остались паракапиталистическими. Были страны, которые заняли промежуточное между первыми и вторыми (например, Бирма) или еще более своеобразное (Иран) место в мире.

[89] Флекснер К Ф Просвещенное общество. Экономика с человеческим лицом М , 1994 С 65-70, 279-284

Мировая неополитарная система целиком сформировалась из стран, ранее входивших в паракапиталистическую периферию. Но последняя, численно сократившись, тем не менее сохранилась, хотя существования неополитарной системы в определенной степени способствовало уменьшению зависимости периферийных социоров от ортокапиталистического центра. Таким образом и на новом этапе международная капиталистическая система продолжала состоять из двух частей. Но теперь наряду с ней окончательно оформилась и новая мировая система — неополитарная.

Такое положение, сложившееся на Земле после Второй мировой войны, нашло свое выражение в принятом тогда и в науке, и в самом широком обиходе подразделении человеческого общества в целом на три мира: первый (ортокапиталистический), второй (неополитарный) и третий (паракапиталистический).

В этот период мировой истории на первый план выступило соперничество между двумя мировыми системами — неополитарной и ортокапиталистической, возглавляемыми двумя сверхдержавами — СССР и США. Началась «холодная война», которая грозила перерасти в горячую. В условиях, в которых противостоящие силы обладали ядерным оружием, это угрожало самому существованию человечества.

Неополитарный строй обеспечил СССР положение одной из двух сверхдержав. Однако возможности этой экономической системы были ограничены. Она не могла обеспечить интенсификацию производства, внедрение результатов нового, третьего по счету переворота в производительных силах человеческого общества — *научно-технической революции*.

Примерно с 50-х годов темпы экономического развития страны стали непрерывно уменьшаться, пока к середине 80-х годов не упали почти до нуля. Это свидетельствовало о том, что неополитарные производственные отношения превратились в тормоз на пути развития производительных сил.

Непрерывно нарастал кризис экономики и всего общества. Объективной необходимостью стала ликвидация ставшей совершенно неэффективной неополитарной системы. И она с неизбежностью началась. Именно в этом заключалась объективная задача процесса, начальный этап (1985—1991) которого получил название перестройки. Необходимостью была революция. Но вместе ее произошла контрреволюция. Главные завоевания Октябрьской рабоче-крестьянской антипаракапиталистической революции — политическая и экономическая независимость — были утрачены.

В 1991 г. распался СССР. В результате в мире осталась лишь одна сверхдержава — США. В самом большом обрубке СССР, который получил название Российской Федерации, и других государствах, возникших на развалинах этой страны, начал формироваться капитализм. По такому же пути пошло развитие подавляющего числа неополитарных стран.

Почти все страны, входившие в неополитарную мировую систему, стали интегрироваться в международную капиталистическую систему, причем в ее периферийную часть. Почти все они, включая Россию, снова оказались в экономической и политической зависимости от центра. Во всех этих странах стал формироваться не просто капитализм, а периферийный, зависимый капитализм. Для России все это было ни чем иным, как реставрацией положения, существовавшего до 1917 г. Реставрация произошла и в масштабах всего мира взятого в целом. Исчезла неополитарная мировая системы, а международная капиталистическая система снова стала превращаться во всемирную. Человечество вступило в новый этап свой истории — современный.

5. СОВРЕМЕННОСТЬ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

5.1. КОНЕЦ ИСТОРИИ?

Уже упоминавшийся выше Ф. Фукуяма в своей нашумевшей статье «Конец истории?» (1989), а затем в книге «Конец истории и последний человек» (1992) писал о наступившей в мире неоспоримой победе идей экономического и политического либерализма. А так как, по его мнению, мир идей определяет и творит материальный мир, то это означает грядущую в самом недалеком будущем полную победу капитализма на всем земном шаре. Капитализм есть наивысшее достижение человечества, дальше которого оно пойти не может и не пойдет. Поэтому с торжеством капитализма во всем мире придет конец человеческой истории «Триумф Запада, западной *идеи,* — пишет он, — очевиден прежде всего потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив . То, чему мы, вероятно, свидетели, — не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления».[1]

Как оговаривается Ф. Фукуяма, это не означает, что в дальнейшем вообще не будет происходить никаких событий Ведь от победы либерализма в сфере идей до его победы в реальном мире еще далеко. Мир в это переходное время будет разделен на две части: одна будет принадлежать уже к постистории, а другая пока еще к истории. Поэтому будут конфликты в остающейся еще исторической части мира, а также между постисторический и исторической его частями. Но все это мелочи «...Для серьезного конфликта нужны крупные государства, все еще находящиеся в *рамках истории;* а они-то как раз и уходят с исторической сцены» [2]

«Конец истории, — заключает автор, — печален. Борьба за признание, готовность рисковать жизнью ради чисто абстрактной идеи, идеологическая борьба, требующая отваги, воображения и идеализма, — вместо всего этого — экономический расчет, бесконечные технические проблемы, забота об экологии и удовлетворение изощренных запросов потребителя. В постисторический период нет ни искусства, ни философии, есть лишь тщательно оберегаемый музей человеческой истории» [3] В целом наступает царство всеобщей мещанской радости и вечной скуки.

Как уверяет автор, он не первый, кто провозгласил грядущий конец истории. Когда-то ярым пропагандистом этой идеи был К. Маркс. Но только последний считал, что конец истории наступит с пришествием коммунизма, который разрешит все противоречия. Здесь у автора то же самое, что мы наблюдали у него в случае с ссылкой на М. Вебера. О последнем он знал понаслышке. Таков же характер его знакомства и с К. Марксом Основоположник марксизма никогда не считал и не писал, что с победой коммунизма наступит конец человеческой истории Наоборот, К. Маркс утверждал, что с этого момента только и начнется подлинная истории человечества. Все, что было

[1] Фукуяма Ф Конец истории? // Философия истории Антология М , 1995 С 290-291
[2] Там же С 310
[3] Там же

до этого, — это лишь предыстория человеческого общества.[4] Кстати сказать, Ф. Фукуяма не первый, кто приписал К. Марксу идею конца истории. До него с подобного же рода утверждением выступали уже знакомые нам Л. фон Мизес и К. Поппер.[5]

Но хотя ссылка на К. Маркса неверна, автор действительно не оригинален. Идея конца истории обосновывалась в свое время Г.В.Ф. Гегелем, а в XX в. — почитателем великого немецкого философа русским эмигрантом Александром Владимировичем Кожевниковым, известным как Кожев (1902—1968) в целом ряде работ, в частности в книге «Введение в чтение Гегеля» (француз. оригинал: 1947; англ. перевод: 1969; русск. перевод ряда разделов: Идея смерти в философии Гегеля. М., 1998.). «На самом деле, — писал А. Кожев, — конец человеческого Времени или Истории, т.е. окончательное уничтожение собственно Человека или свободного и исторического Индивида означает просто прекращение Действия в самом сильном смысле этого слова. Что практически означает следующее: исчезновение кровавых революций и войн. А также и исчезновение *Философии:* раз Человек по сути своей больше не меняется, то нет больше оснований и для того, чтобы изменять (истинные) принципы, лежащие в основе познания Мира и Я».[6]

Но вопреки и А. Кожеву, и особенно Ф. Фукуяме имеются все основания полагать, что человечество в конце XX — начале XXI вв. в. вступило в период величайших потрясений, которые и определят его будущее.

5.2. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ГЛОБАЛЬНОЕ КЛАССОВОЕ ОБЩЕСТВО

Долгое время в литературе широко использовался термин «интернационализация». Говорили о интернационализации экономики, общественной и культурной жизни и т.п. Сейчас все чаще для характеристики происходящих в мире процессов начинает употребляться слово «глобализация». Возникают и разрабатываются различного рода концепции глобализации.

За сменой терминов скрывается существенное изменения происходящих в масштабе земного шара процессов. Начиная с XVI в. шел процесс формирования всемирной системы социоисторических организмов — всемирного исторического пространства. Он то и получил название интернационализации. К началу XX в. века этот процесс в основном завершился.

Во второй половине этого столетия развернулся новый процесс — началось превращение всемирной системы социоисторических организмов в один мировой социально-исторический организм. Именно для его обозначения и возник термин «глобализация». Глобализация предполагает сращивание экономик всех стран в одну единую экономическую систему. Огромную роль играют в этом транснациональные корпорации (ТНК). Глобализация прежде всего проявляется в свободном, ничем не ограниченном перемещения капитала, товаров и денег из страны в страну. Наибольшее продвижение произошло в сфере финансов: уже сейчас возникла и прибрела гигантское влияние на всю экономическую жизнь мира глобальная финансовая система.

[4] См.: Маркс К. К критике политической экономии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 13. С. 7-8.

[5] См.: Мизес Л. фон. Теория и история. М , 2001. С 264; Поппер К Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992. С. 481.

[6] Цит.: Декомб В Современная французская философия. М., 2000. С. 31.

Еще в начале XX в. видный итальянский экономист Вильфредо Парето (1848—1923) обратил внимание на то, что объемы финансовых соглашений намного опережают число реальных товарных сделок. К настоящему времени разрыв между финансовыми и товарными рынками настолько усилился, что первые потеряли непосредственную связь со вторыми. Известный российский экономист академик Дмитрий Семенович Львов сравнивает современную мировую финансовую систему с перевернутой пирамидой. Нижнее ее основание — финансы, обслуживающие реальный сектор или поток товарных благ. На их долю приходится не более 10—12% от общего оборота мировых финансовых ресурсов. Весь остальной денежный капитал находится в свободном плавании, не имеет реального материального накопления. «Это рынок, — пишет Д.С. Львов, — где деньги делают деньги, то есть рынок игроков в рулетку».[7]

Объем операций со спекулятивным (фиктивным) капиталом на мировом финансовом рынке, в десятки раз превышает объем операций по обслуживанию сферы производства и непрерывно нарастает. Если объем валютных сделок в глобальной финансовой системе за один день в 1987 г. составлял сумму в 600 млрд долларов, в 1988 г. — 800 млрд, в 1993 г. — 1 трлн, то в 1996 и 1997 гг. по 1,25 трлн.[8] В 1998 г. он приблизился к уровню в 1,5 трлн долларов.[9] Таким образом, оборот средств в глобальной финансовой системе за одну только неделю равен годовому валовому продукту США, а за время чуть меньше месяца — всему мировому валовому продукту.[10]

«В молниеносных перемещениях этих гигантских финансовых ресурсов, — пишет видный российский финансовый эксперт Лев Николаевич Макаревич, — участвуют ежедневно тысячи транснациональных и национальных банков, корпораций, финансовых и брокерских компаний, инвестиционных институтов, пенсионных, паевых и хедж-фондов... Они вооружены новейшими техническими средствами, финансовыми технологиями и продуктами, для которых не существует государственных границ».[11]

Именно этот спекулятивный капитал (а главную роль в нем играет американский) определяет сейчас динамику мировой экономики. Его таранная сила огромна. В любой момент финансовый шквал может обрушиться на экономику любой слабой страны, включенной в эту глобальную систему, и привести ее к катастрофе.

«Мировая финансовая система, — пишет Д.С. Львов, — превратилась, по существу, в глобальный спекулятивный конгломерат, функционирующий не в интересах развития национальных экономик, роста промышленного производства и уровня жизни людей, а в интересах укрепления позиций стран золотого миллиарда. Это раковая опухоль на живой ткани мировой экономики. Масштабы ее постоянно разрастаются. Метастазы пронизывают финансовые системы все большего числа стран. Опасность разрастания этой финансовой чумы XX в. становится все более очевидной. Если ее не остановить, то, как предсказывают прогрессивные мыслители современности, она может разразиться в глобальный мировой кризис XXI века».[12]

Мировой капиталистический рынок, который существовал уже давно, представлял собой систему национальных (социорных) капиталистических рынков. Дейст-

[7] Львов Д. Предисловие к русскому изданию // Г.-П. Мартин, Х. Шуманн. Западня глобализации. Атака на процветание и демократию. М., 2001. С. 14.

[8] Henwood D. Wall Street. How It Works and for Whom. New York, 1997. P. 10.

[9] Долгов С.И. Глобализация. Новое слово или новое явление. М., 1998. С. 10.

[10] Там же.

[11] Макаревич Л. Спекулятивный капитал берет на прицел российские стратегические позиции // ФИ. 02.04.1998.

[12] Львов Д.С. Указ. соч. С. 15.

вующими субъектами этого рынка были национальные предприятия и корпорации. Возникающий глобальный рынок представляет собой нераздельное единое целое, которое надстраивается над национальными рынками, втягивает их в себя и поглощает. Действующими его субъектами в первую очередь являются ТНК и различного рода транснациональные же финансовые образования.

Если национальные рынки денег и товаров до начала процесса глобализации в определенной степени контролировались и регулировались правительствами, то глобальная экономическая система не контролируется и не регулируется никем. В ней царит анархия, что дает возможность крупнейшим финансовым дельцам и хозяевам транснациональных корпораций не только действовать без всяких ограничений и помех, но и навязывать свою волю руководителям государств. Глобальный рынок шаг за шагом начал подминать под себя правительства стран, вовлеченных в него. Глобализация неизбежно ведет к умалению, а затем и к потере вначале экономического, а затем и политического суверенитета вовлеченных в этот процесс государств. Как сказал на Всемирном экономическом форуме в Давосе в феврале 1996 г. глава Бундесбанка Ганс Титмайер проблема сейчас состоит лишь в том, что «политики в большинстве своем все еще не понимают, до какой степени они уже находятся под контролем денежных рынков и даже управляются ими».[13]

Формирование глобальной экономики — основа формирования всемирного социоисторического организма. Но этот формирующийся на наших глазах всемирный социоисторический организм (по крайней мере сейчас и в обозримом будущем) не представляет собой социально-исторического организма в абсолютно точном смысле этого термина. Его возникновение не представляет собой исчезновения ранее существовавших отдельных конкретных обществ. Они сохраняются, но при этом становятся частями всемирного социоисторического организма. Поэтому последний скорее всего должен быть назван не столько организмом, сколько социоисторическим сверхорганизмом (суперорганизмом).

Чтобы эта мысль стала более ясной, прибегнем к аналогии. В животном мире существуют такие своеобразные группировки биологических особей, как рои пчел, муравейники, термитники. И зоологи давно уже пришли к выводу, что здесь мы имеем дело не с обычными объединениями зоологических организмов, какими являются, например, стада обезьян, стаи волков и т.п., а с особыми биологическими организмами. Так как эти организмы сами состоят из биологических организмов, то их стали характеризовать как биологическими сверхорганизмы (суперорганизмы).[14]

Если в животном мире возникли биологические сверхорганизмы, состоящие из обычных зоологических организмов, то в мире людей сейчас идет процесс становления социально-исторического организма, состоящего из обычных социоисторических организмов.

Существенным препятствием для формирования всемирного сверхсоциора было бытие в мире двух мировых систем — капиталистической и неополитарной. «Третий мир» в общем и целом представлял собой часть мировой капиталистической экономики, ведущую роль в которой играл «первый мир». «Второй мир» был вполне самостоятельной экономической системой. И наличие этой автономной системы препятствовало глобализации и в том отношении, что позволяло определенной части стран «третьего

[13] Цит.: Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западня глобализации. Атака на процветание и демократию. М., 2001. С. 91.

[14] Подробнее см.: Семенов Ю И. На заре человеческой истории. М., 1989. С. 108-109.

мира», воздерживаться от полного включения в состав возникающего в рамках капиталистической международной системы сверхсоциора.

С крушением неополитарной мировой системы главное препятствие на пути глобализации исчезло. Почти во все неополитарные социоисторические организмы начали проникать капиталистические производственные отношения и большинство их стало интегрироваться в мировую капиталистическую экономику.

Аналогия между биологическими сверхорганизмами и социоисторическим суперорганизмом не исчерпывается сказанным выше. Все биологические сверхорганизмы имеют иерархическую структуру. Внутри их отдельные особи или группы особей, специализированы на выполнение тех или иных отдельных функций, играют роль тех или иных органов суперорганизма. В пчелином рое выделяются матка, трутни, рабочие пчелы. Еще больше специализированных групп особей существует в муравейниках.

Иерархия существует и внутри мирового социоисторического суперорганизма. Ранее уже много говорилось о подразделении в XIX — начале XX вв. всего мирового исторического пространства, а во второй трети XX в. международной капиталистической системы на две основные части: центр и периферию. В центре существовал ортокапитализм, на периферии — периферийный, зависимый капитализм, или паракапитализм. Ортокапиталистический центр эксплуатировал и продолжает эксплуатировать паракапиталистическую периферию. С этим и связана данная Г. Мюрдалем характеристика этих двух основных частей международной капиталистической системы как классов (2.9.5).

Мировой суперорганизм формируется на базе существующих социоисторических организмов, которые сейчас можно подразделить на четыре группы. Первая группа — *мировая ортокапиталистическая система*. Вторая — *старая зависимая периферия*. Третья — социоисторические организмы, ранее входившие в неополитарную систему, а теперь вступившие на путь капитализма. Все они находятся в разной степени зависимости от центра и во всех их формируется периферийный капитализм. Это — *новая зависимая периферия*. Вместе вторая и третья группы образуют *зависимую периферию* новой эпохи. Четвертая группа — страны, сохранившие свою независимость от центра. В нее входят несколько социоисторических организмов, ранее прямо или опосредованно входивших в неополитарную систему (Китай, Вьетнам, Куба, Белоруссия, до 2000 г. Югославия), и ряд стран старой периферии, порвавших цепи зависимости от центра (Ирак, Иран). Это — *независимая периферия*.

Социоры первой, второй и третьей групп интегрируются в мировой суперорганизм, но в совершенно разном качестве. Как уже указывалось, ортокапиталистический центр всегда эксплуатировал и сейчас продолжает эксплуатировать значительно расширившуюся за счет неополитарной мировой системы паракапиталистическую периферию. И когда начал формироваться мировой сверхорганизм, ортокапиталистический центр и паракапиталистическая периферия начали становиться общественными классами, но такими, которые в отличие от обычных классов непосредственно состоят не из человеческих существ, а из социоисторических организмов. Такого рода социальные классы можно было бы назвать *глобальными классами*.

Таким образом, возникновение мирового социоисторического сверхорганизма представляет собой становление *глобального классового общества*. Но там, где существуют классы и классовое общество, с неизбежностью должна начаться и классовая борьба. И глобальная классовая борьба уже идет, причем в самых разнообразных формах. История современной эпохи есть история глобальной классовой борьбы.

5.3. СОВРЕМЕННЫЙ ОРТОКАПИТАЛИЗМ

5.3.1. Основные этапы развития ортокапитализма

Многие обществоведы утверждают, что на Западе капитализма давно уже нет, что там возникло качественно иное общество — постиндустриальное, сервисное и т.п. Это совершенно неверно. Западное общество и было, и остается капиталистическим. Но ортокапитализм за время своего существования действительно претерпел существенные изменения.

Французский экономист Мишель Альбер в книге «Капитализм против капитализма» (1991; русск. перевод: СПб., 1998) считает, что капитализм в своем развитии прошел три четко различимые фазы, каждая их которых характеризуется определенным его взаимоотношением с государством.

Первая фаза, начавшаяся с 1791 г. может быть коротко охарактеризована так: *капитализм против государства*. В этот период не существует правовых ограничений деятельности капиталистов. В результате усиливается экономическое угнетение рабочего класса. Прекрасная характеристика капитализма этого периода дана в «Коммунистическом манифесте» К. Маркса.

С 1891 г. начинается развитие капитализма *в рамках, очерченных государством*. «Государство прилагает все усилия к тому, чтобы посредством законов, декретов, принимаемых под давлением борьбы рабочих, с помощью коллективных соглашений сделать более гуманным первоначальный капитализм».[15]

С 1980 г. начинается и в 1991 г. завершается переход к третьей фазе: *капитализм вместо государства*. Для нее характерно господство принципа: рынок — хорошо, государство — плохо. Суть же ее в отказе от «государства благоденствия». «Социальная защита, — пишет М. Альбер, — рассматриваемая как критерий прогресса общества, теперь осуждается и обвиняется в поощрении лени».[16] Результат — значительное ухудшение положения основной массы населения стран Запада.

Скорее всего, следует выделять в развитии уже победившего ортокапитализма четыре стадии: 1) *раннего*, законодательно не ограниченного капитализма, при котором идет абсолютное обнищание рабочего класса (до 60—90-х гг. XIX в), 2) переходного, или *раннепозднего*, капитализма, когда начинается ограничение капиталистической эксплуатации и замедляется, а затем и прекращается абсолютное обнищание (конец XIX в. — первая половина XX в.), 3) *позднего* капитализма, характеризующегося возникновением и развитием «государства всеобщего благоденствия» (первые десятилетия второй половины XX в.); 4) *позднейшего*, или глобального, капитализма, при котором возобновляется абсолютное обнищание и идет демонтаж «государства всеобщего благоденствия» (последние десятилетия XX в. и начало XXI в.).

5.3.2. Поздний ортокапитализм и консьюмеризм

Ортокапитализм — первый в истории человечества основанный на эксплуатации человека человеком общественный строй, который на определенном этапе своего развития, а именно на третьей из названных выше стадий, обеспечил достаточно высокий

[15] Альбер М. Капитализм против капитализма. М., 1998. С. 266.
[16] Там же. С. 268.

жизненный уровень для людей, не принадлежащих к господствующему классу, включая значительную часть (даже большинство) членов эксплуатируемого класса. Такого в истории цивилизованного общества раньше никогда не было.

С этим связано возрастание значения подразделения общества на группы людей, отличающихся друг от друга *размерами* получаемой доли общественного богатства. Существуют три основные такие группы, или имущественных разряда: 1) богатые люди (богачи, многоимущие), 2) обеспеченные люди (зажиточные, среднеимущие) и 3) бедные люди (бедняки, малоимущие и неимущие).

Это деление известно давно. Именно оно, а не подразделение на общественные классы, всегда прежде всего бросалось в глаза. Давно оно было выделено и теоретически. Достаточно вспомнить У. Томпсона (3.10.6), который наряду с делением капиталистического общества на группы людей, отличающихся отношением к средствами производства, т.е. на общественные классы в точном смысле слова, а именно на капиталистов и рабочих, говорил и о подразделении его членов по величине получаемого дохода на три группы, которые он также называл классами, а именно высший, средний и низший классы.

Но для докапиталистических классовых обществ и раннего капиталистического общества деление на имущественные разряды не имело особого значения, ибо подразделение людей на разряды богачей и бедняков в общем и целом совпадало с их подразделением на классы эксплуаторов и эксплуатируемых. Что же касается разряда обеспеченных людей, то он либо был столь незначительным, что мог не приниматься во внимание, либо опять-таки в общем и целом совпадал с каким-то классом. В применении к античности средним классом обычно называют крестьян и ремесленников, самостоятельно ведущих хозяйство, к феодальном обществу — буржуазию, к раннему капиталистическому обществу — мелкую буржуазию.

С переходом к позднему ортокапитализму, возник огромный разряд обеспеченных людей, который не совпадал ни с одним из классов. В него входят члены различных классов и внеклассовых слоев: значительная часть рабочего класса, почти вся мелкая буржуазия, служащие и т.п. Наличие дохода, позволяющего вести более или менее достойное существование, объединяет всех этих людей и противопоставляет их остальным общественным группам. У этих людей возник общий интерес, который в известной степени оттеснил на задний план интересы, обусловленные их классовым положением. С возникновением такого разряда обеспеченных людей исчезло и совпадение разряда бедняков с рабочим классом.

Что же касается разряда богачей, то он и при позднем капитализме в основном продолжает совпадать с господствующим классом, хотя в силу развития сферы услуг в этот разряд, наряду с капиталистами, стали входить звезды спорта, кино, телевидения, сочинители бестселлеров и т.п. Для примера несколько цифр относящихся к миру шоу-бизнеса: Пол Маккартни заработал 713 млн фунтов стерлингов (1 фунт = 1,4 доллара), Эндрю Ллойд-Уэббер — 420 млн, Камерон Макинтош — 400 млн, Мадонна и ее муж Гай Ричи — 180 млн, Элтон Джон и Мик Джаггер — каждый по 150 млн, Джордж Харрисон оставил своей вдове 140 млн.[17]

Важнейшим условием для включения значительной части эксплуатируемого класса в разряд обеспеченных людей была невиданная до капитализма производительность труда, позволяющая создать огромную, невозможную ни при одном из ранее существо-

[17] Круче только небеса // МК. 12 04.2002.

вавших способов производства массу общественного продукта. Как следствие, для господствующего класса возникла возможность поделиться значительной частью созданного общественного продукта с его творцами. Раньше такой возможности не было. Эта возникшая на определенном этапе развития капитализма возможность превратилась в действительность в результате классовой борьбы.

Классовая борьба имела место при всех антагонистических способах производства. Она проявлялась в социальных движениях угнетенного класса. Но вплоть до появления капитализма социальные движения эксплуатируемых масс имели характер кратковременных вспышек. Даже крестьянские войны в политарных, феодальных и парафеодальных обществах длились, самое большое, несколько лет.

Рабочее движение, возникнув, стало постоянным явлением. Оно могло быть более активным или менее активным, но никогда не прекращалось. И это движение, таившее в себе угрозу перерастания в пролетарскую революцию, заставило буржуазию пойти на огромные уступки. Другой фактор, действовавший на протяжении большей части XX в., — возникновение и существование СССР.

Уже в второй половине XIX в. небольшая часть рабочих стала обеспеченными людьми. Она получила название рабочей аристократии. Во второй половине XX в. понятие рабочей аристократии исчезло, ибо обеспеченного положения добилось большинство рабочего класса. Рабочий класс ортокапиталистических стран в большинстве своем перестал быть пролетариатом в буквальном смысле этого слова, что привело к потере им революционности.

Не нужно забывать, что стимул капиталистического производства — погоня за прибылью. Но чтобы получить прибыль, нужно продать созданный продукт. А для этого нужны покупатели, нужен постоянный платежеспособный спрос. Превращение большинства членов общества в обеспеченных людей обеспечивает гарантированный сбыт постоянно возрастающего объема произведенной продукции. Возникает общество массового потребления, или *консьюмеризма* (от англ. consume — потреблять).

Поздний оротокапитализм во второй половине XX в. смог полностью удовлетворить основные потребности большей части населения общества: в пище, одежде, жилье и т.п. Но для дальнейшего роста капиталистического производства этого недостаточно. Выход из положения — формирование все большего и большего числа искусственных нужд, потребностей в том, что реально людям совершенно не нужно. Важнейшее средство — интенсивная назойливая реклама. Людей усиленно убеждают в том, что только наличие у них тех или иных вещей обеспечит им престиж. Возникает и утверждается общественное мнение, осуждающее тех, кто этих вещей не имеет, и превозносящее их обладателей. Возникает и утверждается новая форма престижной экономики.

Первый раз престижная экономика возникла на определенном этапе развития первобытного общества, и она подготовила переход к предклассовому обществу, которое в последующем сменилось классовым (4.3.2). Суть первобытной престижной экономики заключалась в престижном обмене.[18]

Суть новой престижной экономики — в престижном потреблении. Нельзя сказать, что престижное потребление — явление совершенно новое. Оно было, например, довольно подробно рассмотрено в книге известного американского экономиста Тор-

[18] Подробнее о первобытной престижной экономике см.: Семенов Ю.И. Экономическая этнология: Первобытное и раннее предклассовое общество. Вып. 2-3. М., 1993.

стейна Бунда Веблена (1857—1929) «Теория праздного класса. Экономическое исследование института» (1899; русск. перевод: М., 1984). Роскошь и потребность в ней существовала и в предклассовом обществе, и на всех стадиях эволюции классового общества. Но все это затрагивало лишь незначительное меньшинство населения общества, в основном — господствующий класс и некоторые связанные с ним прослойки. Ортокапитализм во второй половине XX в. сделал необходимым и породил массовое престижное потребление.

«На мой взгляд, — пишет известный русский мыслитель, долгое время живший в Германии, — Александр Александрович Зиновьев в книге «Запад. Феномен западнизма» (М., 1995), — главным суммарным (или всеобъемлющим) мотивом западного общества в его современном состоянии является принудительно высокий жизненный уровень большинства населения, для которого этот стандарт зависит от личный усилий. Чтобы удержаться на этом уровне, люди вынуждены проявлять беспрецедентную в истории человечества личную активность, изобретательность и деловитость... Причем они вынуждаются на это в таких массовых масштабах, каких история ранее не знала... И они лишь в ничтожной мере суть добровольцы. У них просто нет другого выбора. Они может быть согласились бы на более низкий жизненный уровень, если бы это сделало их жизнь несколько спокойнее, беспечнее и увереннее, но это уже невозможно без крушения всего западнистского образа жизни».[19]

Все это потребовало привлечение гигантского количества природных ресурсов, причем в значительной части импортируемых из стран периферии. Развитые страны, составляющие менее 20% всех государств Земли располагают 84,7% мирового ВНП, на их граждан приходится 84,2% мировой торговли, 84,5% сбережений на внутренних счетах. Эти страны потребляют 70—75% всей производимой на планете энергии, 79% добываемого ископаемого топлива, 85% мировой древесины, 75% обработанных металлов, в них производится 72% стали.[20] Одни лишь США с населением в 260 млн. человек (4—5% жителей Земли) использует от 30 до 40% добываемых на планете ресурсов. Каждый американец потребляет столько же, сколько 8 среднестатистических жителей Земли или 20 жителей стран периферии, включая Россию.[21] США потребляют около 1/3 мирового производства минерального сырья, из которого более половины импортируется.

Если в периферийных странах нарастает нищета и обездоленность, то в странах центра — безудержное паразитическое потребление продуктов и ресурсов. «...Наше бурное и беспокойное общество, — писал первый президент Римского клуба Аурелио Печчеи (1908—1984), — движимое, по-видимому, исключительно целями материального характера и готовое заплатить любую цену за намеченные достижения, развило в себе прямо-таки поразительную *склонность к расточительству*, и этот порок мешает ему воспользоваться плодами даже достигнутого ныне роста. И главными рассадниками этого зла явились сверхразвитые, перезрелые страны и регионы, породившие уродливое дитя, консьюмеризм — живое свидетельство их вырождения».[22]

[19] Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. М., 1995. С. 312.

[20] Мартин Г.-П., Шуманн Х. Указ. раб. С. 52-53; Ивашов Л. Россия, мир, война // Завтра. 2001. № 20. С. 4.

[21] См.: Ивашов Л. Вот уже два месяца Югославия отражает военные удары 14 стран Запада // НВО. 21-27.05.1999.

[22] Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985. С. 161.

5.3.3. Аморализация и дегуманизация

А. Печчеи увидел в престижном потреблении свидетельство вырождения ортокапиталистического общества. Но признаки вырождения проявляются во всех сферах этого общества и особенно в области духовной культуры, где они появились значительно раньше. Ведь о гниении, деградации духовной культуры западного общества начали говорить еще в первой половине XIX в. (2.5.3). С началом же XX в. положение о кризисе этой культуры стало общим местом. Об этом кризисе писали мыслители самых различных направлений, от крайне левых до крайне правых, от марксистов до правоверных католиков. Некоторые из их высказывания были уже приведены (2.8.4; 3.14.8).

Об этом пишут сейчас и политики, причем отнюдь не принадлежащие к числу левых радикалов. Бывший вице-президент США Альберт Гор в своей книге «Земля на чаше весов. Экология и человеческий дух» (1992; русск. перевод: М. 1993) сравнивает современное западное общество с коллективным наркоманом. Наркоман накрепко привязан к своей страсти даже тогда, когда его вены истекают жизненными силами.

«Подобным же образом, — пишет А. Гор, — наша цивилизация все сильнее привыкает к тому, чтобы потреблять с каждым годом все больше природных богатств, превращаемых не только в необходимое нам пропитание и кров, но во многое совершенно нам ненужное — горы загрязняющих отходов, продуктов (на рекламу которых истрачены миллиарды исключительно с целью убедить себя в их необходимости), огромные излишки товаров, сбивающих цену, а затем отправляющихся на свалку, и т.д. Мы, похоже, все более стремимся раствориться в изобилие форм культуры, общества, технологии, средств массовой информации, а также способов производства и потребления, но платим за все это потерей своей духовной жизни. Свидетельств этой духовной потери не сосчитать. Умственные расстройства во всем своем многообразии дошли до уровня эпидемий, в особенности среди детей. Несчастные случаи на почве алкоголизма и наркомании, самоубийства и преднамеренный убийства — вот три основные причины смерти среди молодежи. Поход по магазинам ныне признан видом активного отдыха. Накопление материальных ценностей достигло наивысшей за все времена точки, однако то же самое произошло и с числом людей, чувствующих пустоту своей жизни».[23]

Одно из самых заметных проявлений деградации капиталистического общества — нарастание аморализма и дегуманизация. И это не случайно, оно вытекает из самой сущности капитализма.

Мораль — самая важная форма общественной воли. Чувства долга, чести и совести образуют костяк морального облика человека и тем самым ядро человека как общественного существа. С формированием этих чувств общественные отношения, продолжая свое бытие вне человека, начинают одновременно существовать и в нем самом, входят в его плоть и кровь. Формирование этих чувств есть процесс интернализации, или «вовнутривления», общественных отношений. И эта интериоризация, которая начинается с формирования чувств вины и стыда и завершается становлением чувств долга, чести и совести, является процессом социализации, очеловечивания человека. В результате этого процесса появившийся на свет индивид вида Homo sapiens становится человеком, т.е. общественным существом.

[23] Гор Эл. Земля на чаше весов. М., 1993. С. 243.

В конечном счете, то, каким становится человек, определяет социально-экономическая структура общества. Однако формирует человека во всех докапиталистических обществах не экономика непосредственно, а детерминируемая экономикой общественная воля, прежде всего мораль. Но, разумеется, в формировании человека участвует не только мораль, но и вся духовная культура общества в целом.[24]

Совесть — стержень человека. Она не только не в меньшей, но, напротив, в еще большей степени родовой признак человека, чем наличие у него разума, мышления. Человек, лишенный разума, не человек. Это — человекоподобное животное. Человек, не имеющий совести, тоже не человек, даже если он сохранил разум. Он в таком случае — пусть рационально мыслящее, но животное. Он тогда — рационально мыслящий и поэтому особенно опасный зверь.

Во всех докапиталистических обществах система социально-экономических отношений определяла волю, а тем самым действия людей не прямо, а через посредство общественной воли: в первобытном обществе — в основном через посредство морали, в классовых — через посредство морали и права. Мораль и право определяли действия людей и в экономической области — прежде всего в сфере распределения общественного продукта. Член раннепервобытной общины делился своей добычей с остальными его членами потому, что этого требовали нормы морали. Крепостной крестьянин отдавал часть продукта своего труда владельцу поместья потому, что этого требовал закон, прикрепивший его к земле, и потому, что согласно закону помещик мог его физически наказать.

На поверхности в этих обществах выступали моральные и правовые отношения. Социально-экономические были скрыты под ними. Люди даже не догадывались об их существовании. Отсюда и выводы многих исследователей, что в докапиталистических обществах социально-экономических отношений либо вообще не существовало, либо они были производными от морали, права, родства, религии и т.п. неэкономических факторов (3.3.7).

Социально-экономические связи выступили на первый план и стали прямо определять волю и действия людей тогда, когда они стали отношениями капиталистического рынка. Действия людей в сфере экономики всецело стали определяться стремлениями к материальной выгоде и рациональным расчетом. Именно эти и только эти факторы имеются в виду, когда говорят об экономических мотивах человеческих действий. На этом основании многие исследователи утверждали, что, если материалистическое понимание истории и справедливо, то лишь по отношению к капиталистическом обществу, — к докапиталистическим обществам оно совершенно не применимо (3.13.7).

Выгодой и расчетом при капитализме стали определяться действия людей не только в экономической, но и в других сферах жизни. «Буржуазия, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его «естественным повелителям», и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана». В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожало-

[24] Подробнее см Семенов Ю.И. Личность, общество, культура // ФиО. 2001. № 3.

ванных и благоприобретенных свобод *одну* бессовестную свободу торговли. Словом, эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, черствой».[25]

Буквально то же самое пишет в наше время британский социолог К. Кумар: «Рыночные механизмы и ментальности проникают в каждую сферу жизни — не только в труд и политику, но и в отдых, дружбу, семью и брак. Все подчинено капиталистической рациональности «наименьшей стоимости» и «максимальной выгодности»».[26]

Капитализм — общество, в котором, как и в животном мире, господствует индивидуализм, но не зоологический, а имеющий качественно иные корни — не биологические, а социальные. Общая тенденция капитализма — уничтожение морали и совести как регуляторов человеческого поведения, превращение человека в рационально калькулирующего зверя, обесчеловечивание, дегуманизация человека. Эту тенденцию чутко уловил Фридрих Ницше (1844—1900), выступивший с пропагандой аморализма в своих работах, среди которых особо выделяется «По ту сторону добра и зла» (1886; русск. перевод: Соч. в 2-х т. Т. 2., М., 1990).

На то, что капитализм в сущности своей несовместим с моралью, указывал английский историк Р.Г. Тоуни (1880—1962) в труде «Стяжательское общество» (1921; 1961; 1982; русский перевод отдельных глав: Личность. Культура. Общество. 2001. № 4; 2002. № 1—2), социологи Фред Хирш в работе «Социальные пределы роста» (1976), Ирвинг Кристол в сочинении «Два ура в честь капитализма» (1979), К. Кумар в книге «Возникновение современного общества. Аспекты социального и политического развития Запада» (1988). Но, как пишут эти авторы, общество не может существовать без морали. И капитализм долгое время жил старой, унаследованной от прошлого традиционной моралью. Одновременно он разрушал ее и тем подрывал существование буржуазного общества.

«Вот уже полтораста лет, — писал И. Кристол, — социальные критики предупреждали нас, что буржуазное общество живет накопленным моральным капиталом традиционной религии и традиционной моральной философии и что, как только этот капитал будет истрачен, буржуазное общество обнаружит еще большую сомнительность своей легитимности... В то время как многие критики предсказывали разложение этого общества под определенными напряжениями и давлениями, никто не предсказал — никто не мог предсказать — веселое и бездумное саморазрушение буржуазного общества, свидетелями которого мы являемся сегодня».[27] Бездна нравственного падения в США глубоко показана в книге журналиста Фреда Кука «Коррумпированная страна. Социальная мораль современной Америки» (1967).

Некоторые авторы даже утверждали, что капитализм в сущности не только аморален, но и вообще предполагает аномию (от греч. а — не, номос — закон), т.е. враждебен любым нормам, любым законам. Полностью с этим согласиться нельзя. Без норм, регулирующих отношения между людьми, не может существовать ни одно общество. При капитализме развертывается процесс замещения моральных норм, соблюдать которые заставляют чувства долга, чести и совести, правовыми нормами, базирующимися на внешнем принуждении со стороны государства. Как отмечает Ф. Хирш, в либеральном рыночном обществе существовавшая ранее интернализация социальных обязательств за-

[25] Маркс К. и Энгельс Ф. Маиифест Коммунистической партии // Соч. Изд. 2-е. Т. 4. С. 426.
[26] Kumar K. The Rise of Modern Society. Oxford, 1988. P. 119.
[27] Kristol I. Two Cheers for Capitalism. New York, 1978. P. 65-66.

меняется обеспечением соблюдения социальных норм поведения путем сочетания угроз с санкциями и обещаниями выгод, т.е. политикой кнута и пряника.[28]

В конце 1998 г. вышла в свет книга известного финансиста Джорджа Сороса, носящая крайне характерное название — «Кризис мирового капитализма» (русск. перевод: М., 1999). Как указывает автор, в наши дни идет ускоренное «распространение рыночных ценностей». Они проникли и в области, в которых им не должно быть места: политику, медицину, право, личные отношения. Все продается, все покупается. Человеческие отношения заменяются сделкой, а для успеха в жизни совсем не обязательно соблюдать моральные требования. Скорее наоборот, они могут мешать. В условиях капиталистической конкуренции люди, которые не считаются с нравственными предписаниями, имеют больше шансов добиться успеха.[29]

Ранее уже шла речь о концепции Т. Гоббса, изложенной в «Левиафане», в которой в качестве первоначального состояния человечества фигурирует такое, при котором идет война всех против всех (3.3.3.). Практически этот мыслитель рисует общество, в котором полностью и до конца реализовалась основная тенденция развития капитализма — движение к абсолютному индивидуализму и эгоизму. Но такое общество не могло бы существовать. И Т. Гоббс вводит общественный договор, который люди заключают между собой и соблюдение которого обеспечивается силой государства. Это общество, в котором действует только право, но нет морали.

Развитие капитализма само по себе неизбежно ведет к крайнему индивидуализму. Оно же порождает воспевание и обоснование индивидуализма. Апологеты капитализма на все лады говорили и говорят о примате личности над обществом, а иногда даже и о необходимости полной свободы личности, ее абсолютной независимости от общества. Лишь в самое последние время некоторые из них перепугались и стали писать об опасности и нежелательности полного индивидуализма.[30]

Развития капиталистического общества с неизбежностью ведет к разрыву между людьми почти всех связей, кроме экономических, рыночных, и к коммерциализации тех неэкономических связей, которые в принципе не могут исчезнуть, например, отношений между полами. В результате общество атомизируется. И распыленные, отчужденные друг от друга люди, становятся легкими объектами всевозможных манипуляций.

В качестве орудий, при помощи которых господствующий класс манипулирует людьми, навязывает их свою волю и свое видение мира, выступает вся совокупность средств массовой информации (СМИ, масс-медия). Если в XIX в. и в начале XX единственным средством массовой информации была ежедневная печать, то в последующим появилось радио, а затем телевидение, которому в настоящее время принадлежит ведущая роль.

Как уже отмечалось, мораль при капитализме постепенно исчезает, в значительной степени замещаясь правом. Но ни одно общество не могло обойтись только внешним принуждением. Людей необходимо не только принуждать, но и убеждать. Если функцию принуждения берет на себя государство, то функцию убеждения — СМИ. Наряду с такими привычными для цивилизованного общества формами общественной воли, как мораль, право и этикет, при капитализме постепенно возникает еще одна — информационная. Коротко ее можно было бы назвать инфорномией (от лат. inform — сообщать, греч. номос — закон).

[28] См.: Hirsch F. Social Limits to Growth. Cambridge, Mass. and London, 1976. P. 139-140.

[29] Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. М., 1999. С. XX, XXII, XXIII, 83, 85, 91, 94 и др.

[30] См. например: Бергер П. Капиталистическая революция...С. 145-145.

В первобытном обществе в морали выражались интересы общества в целом, в классовом — интересы того или иного класса и обязательно в какой-то степени интересы общества. В праве находили выражение прежде всего интересы господствующего класса в целом и в определенной степени интересы того или иного социоисторического организма.

Средства массовой информации в буржуазном обществе в большинстве своем находятся в собственности или отдельных представителей господствующего класса, или групп его членов. В инфорномии в какой-то степени проявляются интересы господствующего класса в целом. Но в большинстве случаев она навязывает людям волю отдельных членов или групп членов господствующего класса, содержание которой в значительной мере диктуется стремлением к персональной или групповой выгоде. С превращением СМИ в особый вид предпринимательства, содержание инфорномии во многом стало определяться интересами тех или иных информбизнесменов или их корпораций.

Видный американский философ Пол Куртц в своих работах ввел термин «медиократия» (mediocracy) для обозначения, прежде всего власти глобальных финансово-информационных конгломератов, владельцев масс-медиа над сознанием людей, а также порождаемой этими силами власти усредненных стандартов культуры, унифицированных вкусов, чувств и мыслей, власти пошлости.[31]

Инфорномия в капиталистическом обществе стала важнейшим средством формирования того, принято именовать общественным мнением. С тем, чтобы не создавать новый термин, я буду пользоваться этим словосочетанием. Однако при этом нужно давать себе отчет в том, что это общественное мнение качественно отлично от того, которое во всех докапиталистических обществах было выражением морали и одновременно силой, обеспечивавшей соблюдение норм нравственности.

Сейчас все в большей степени именно инфорномия, а не мораль формирует облик человека, его вкусы, образ поведения, стиль жизни. Выше уже упоминалась реклама товаров. Эта реклама есть один из видов инфорномии, а вся инфорномия в целом представляет собой рекламу желательного для информбизнесменов и вообще тех или иных представителей господствующего класса образа жизни в целом.

Инфорномия не просто отлична от морали. Она противостоит морали и способствует ее уничтожению. Более того, инфорномия в определенной степени противостоит и праву. Это выражается, в частности в пропаганде насилия и беспредела. Бизнес все больше приходит в противоречии с существующими в обществе даже правовыми нормами, не говоря уже о моральных.

Он, — пишет когда-то известный советский журналист, а ныне обитатель США Мэлор Георгиевич Стуруа, — уже не может процветать, а иногда и существовать, не выходя за эти рамки, не нарушая и разрушая их».[32] М. Стуруа далее приводит слова знаменитого американского журналиста Джона Лео, который предупреждает: «Барабанный бой рекламы, призывающий нарушать правила, носит разрушающий характер. Наша коммерческая реклама и рекламная индустрия находятся в состоянии войны с традиционными ценностями... Настало время призвать за это к ответу корпорации и

[31] См.: Кувакин В.А. Мужество вопрошать (предисловие редактора) // Куртц П. Искушение потусторониим. М., 1999. С. 5.

[32] Стуруа М. Беспредел по-американски // Известия. 15.09.1995.

рекламные агентства. Они заняты тем, что финансируют наше социальное таяние».[33] Но все подобного рода увещевания остаются гласом вопиющего в пустыне.

«Средства информации, — пишет крупнейший американский специалист по мировой экономике и глобальным проблемам Лестер Карл Туроу в книге «Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний день» (1996; русск. перевод: Новосибирск, 1999), — наживают деньги, продавая возбуждение. Нарушение существующих общественных норм вызывает возбуждение. Можно даже сказать, что средства информации должны нарушать все больше фундаментальных норм, чтобы вызывать возбуждение, потому что нарушение любого кодекса поведения становится скучным, если повторяется слишком часто. Первый раз, может быть, вызывает возбуждение, когда видят на экране, как крадут автомобиль и как его затем преследует полиция. Может быть, это вызывает возбуждение и в сотый раз, но в конце концов это перестает быть интересным, и для возбуждения надо увидеть какое-нибудь более серьезное нарушение общественным норм. Возбуждение продается. А подчинение существующим или новым общественным нормам не возбуждает и не продается».[34]

Идущая в капиталистическом обществе аморализация в первую очередь затронула представителей господствующего класса. Этот процесс был прекрасно показан в произведениях таких, например, великих писателей, как Оноре де Бальзак, Ги де Мопассан, Эмиль Золя. Достаточно вспомнить, что говорила в «Отце Горио» виконтесса Босеан Эжену Растиньяку: «Я лично читала книгу света, но оказалось, что некоторых страниц я не заметила. Теперь я знаю все: чем хладнокровнее вы будете рассчитывать, тем дальше вы пойдете. Наносите удары беспощадно, и перед вами будут трепетать. Смотрите на мужчин и женщин как на почтовых лошадей, гоните не жалея, пусть мрут на каждой станции, и вы достигнете предела в осуществлении своих мечтаний».[35]

В среде рабочего класса ценность морали долгое еще время продолжала сохраняться. Чтобы защитить свои интересы, рабочие должны были объединяться. Рабочая солидарность была немыслима без формирования чувств долга, чести, совести. Но с тех пор, как значительная часть рабочих получила возможность повысить свой жизненный уровень и стать потребителями в том значении этого слова, которое оно получило во второй половине XX в., т.е. членами общества массового потребления, консьюмерами, процесс атомизации и аморализации получил развитие и в их среде.

Именно превращение ортокапиталистического общества в консьюмерное общество, сделало необходимым господство СМИ. Пока преуспевающими людьми были в основном лишь члены господствующего класса инфорномия и медиократия были не нужны. С превращением большей части населения общества в консьюмеров без инфорномии и медиократии обойтись стало невозможным.

Возникновение и развитие инфорномии с неизбежностью ведет к унификации людей. Людей начинают штамповать по готовым образцам. Они все в большей и большей степени теряют способность к самостоятельному мышлению. Парадокс состоит в том, что в обществе, превозносящем индивидуализм, люди теряют индивидуальность. Происходит их обезличивание.

Все эти процессы были подмечены крупным испанским мыслителем Х. Ортега-и-Гассетом еще тогда, когда они еще только начали намечаться. В работе «Восстание масс» (1930; русск. перевод: Избранные труды. М., 1997) он говорил о появлении в

[33] Цит Стуруа М. Указ. раб.

[34] Туроу Л К Будущее капитализма. Новосибирск, 1999. С. 328

[35] Бальзак О. де. Отец Горио // Собр соч. в 28-ми т Т. 3. М., 1993 С. 71.

Западной Европе «массового человека». «Массовыми человеками» стали прежде всего представители растущего среднего слоя населения. Связано это с появлением того, что Х. Ортега-и-Гассет называет «избыточными благами». Массовый человек» лишен морали.

«Суть, — писал автор, — такова: Европа утратила нравственность. Прежнюю массовый человек отверг не ради новой, а ради того, чтобы, согласно своему жизненному складу не придерживаться никакой... Так что наивно укорять современного человека в безнравственности. Это не только не заденет, но даже польстит. Безнравственность ныне стала ширпотребом, и кто только не щеголяет ею... Массовый человек попросту лишен морали, поскольку суть ее — всегда в подчинении чему-то, в сознании служения и долга».[36] На смену нравственности пришла даже не безнравственность, а «противонравственность», «антимораль, негатив». Результат — впадение Западной Европы в варварство, нарастающий процесс одичания.[37]

Это одичание проявляется во всем, в частности и в отношении между полами. Неизбежным и прогрессивным при капитализме стало изменение формы брака и семьи, превращение семьи из патриархической в неоэгалитарную.[38] Столь же неизбежным была и трансформация моральных норм, регулирующих отношения между полами. Но в условиях господства рынка и СМИ все это с неизбежностью привело к т.н. «сексуальной революции», которая означала снятие всех вообще норм, регулирующих отношений между полами, к сексуализации быта, к оскотиниванию человека.

Поборники «сексуальной революции» ссылаются на происходящее освобождение человека от многовековых запретов. Но как хорошо сказал болгарский писатель Богумил Райнов: «Когда тягостные ограничения заменяются произволом, когда на место излишней стыдливости приходит наглое бесстыдство, когда тайна интимной жизни превращается в нахально разложенный и предлагаемый на каждом углу товар, когда естественная необходимость перерастает в разврат, в противоестественные бесчинства, уместно спросить: какова в конечном счете ценность такого освобождения и не является ли это освобождение освобождением от всего человеческого».[39]

Выше уже говорилось о непрерывно нарастающем при капитализме оскотинивании человека. Но нигде оно не проявляется так наглядно, как в отношениях между полами. Суть процесса превращения животного в человека заключалась в становлении принципиально новых, неизвестных в животном мире отношений, — социальных, которые не могли утвердиться иначе, как обуздывая зоологический индивидуализм. Становление общества было процессом ограничения, введения в жесткие социальные рамки проявления животных инстинктов, прежде всего пищевого и полового. Начав с обуздания пищевого инстинкта, становящееся общество окончательно утвердилось, стало готовым обществом только с ограничением, с введением в социальные рамки полового инстинкта. Без половых запретов подлинное человеческое общество не может существовать.[40]

Поэтому происходящее при капитализме снятие всех ограничений и запретов в

[36] Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Избранные труды. М., 1997. С. 161-163.

[37] Там же. С. 8-110, 161-162.

[38] См. Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М., 1974.

[39] Райнов Б. Массовая культура. М., 1979. С. 455.

[40] См. по этому вопросу: Семенов Ю.И. Как возникло человечество. М., 1966; 2-е изд. с новым предисловием и приложениями. М., 2002; Его же. Происхождение брака и семьи. М., 1974; Его же. На заре человеческой истории. М., 1989 и др.

сфере отношения полов есть огромный шаг вспять, есть движение по пути, ведущему от общества к зоологическому миру и тем самым от человека к животному. Не могу в этой связи не напомнить о появлении на Западе большого количества работ, в которых на все лады доказывается, что человек суть не что иное, как животное, причем крайне мерзкое. Яркий пример — нашумевшая в свое время книга Десмонда Морриса «Голая обезьяна» (1967; русск. перевод: СПб., 2001). И дело не отдельных книгах. Как уже указывалось (3.14.9), в западной мысли появились выдающиеся себя за науки направления, суть которых заключается в подходе к человеку как к одному из видов животных. Это — социобиология и этология человека.

При капитализме получила колоссальное распространение даже не просто порнография, а, как писал тот же Б. Райнов: «...Порнография в ее наиболее уродливой форме — в форме извращений, фетишистских, гомосексулистских и садо-мазохистских навязчивых идей, которыми одержимы душевно больные люди. Именно наиболее отталкивающий вид порнографии и является самым характерным в современной эротической продукции Запада».[41]

Но порнография губительна не только в самой уродливой, но в любой форме. «Секс, — пишет И. Кристол, — также как и смерть — проявление одновременно человеческое и животное. Человеческие чувства и человеческие идеалы составляют часть этого животного проявления. Но когда половой акт совершается на глазах у публики, человек не видит (не может видеть) чувства и идеалы. Он может видеть только животную случку... Когда секс становится публичным зрелищем, человеческие отношения низводятся до животных».[42] «...Порнография, — делает вывод автор, — однозначно и сознательно подрывает цивилизацию и ее институты...».[43] Добавим, подрывает не только и не просто цивилизацию и ее институты, она подрывает человеческое общество вообще и все человеческие институты. В какой-то степени это допускает и И. Кристол. Он, как сам пишет, с глубоким уважением относится к работам Нормана О. Брауна, в которых говорится о нисхождении человека вспять, к животной первозданности.[44]

Но покончить с порнографией при капитализме невозможно. Здесь действуют не только рассмотренные выше общие причины, но и присущая капитализму погоня за прибылью. Поставленный на промышленную основу порнобизнес только в США приносит несколько миллиардов долларов в год.[45]

Все это с неизбежностью ведет и во многом уже привело к исчезновению величайшей ценности, приобретенной человечеством в ходе своего исторического развития, — любви между мужчиной и женщиной. «Издревле, — писал великий русский писатель Алексей Максимович Горький (наст. фам. — Пешков, 1868—1936) — великие поэты всех народов, всех эпох вдохновенно тратили творческие силы свои на то, чтобы облагородить этот акт (половой. — *Ю.С.*), украсить его достойно человека, чтоб не сравнялся в этом человек с козлом, быком, боровом. Созданы сотни и тысячи прекрасных поэм, воспевающих любовь. Это чувство играло роль возбудителя творческих сил мужчины и женщины. Силой любви человек стал существом неизмеримо более социальным, чем самые умные из животных. Поэзия земного, здорового, активного

[41] Там же. С. 455.
[42] Кристол И. В конце II тысячелетия. Размышления о западной цивилизации. М., 1996-67
[43] Там же. С. 71.
[44] Там ж. С. 70.
[45] См. Семенов Ю.И. Указ. раб. С.257-265.

романтизма в отношении полов имела огромное социально-воспитательное значение... Пришел толстый хищник, паразит, живущий чужим трудом, получелôвек с лозунгом: «После меня — хоть потоп», — пришел и жирными ногами топчет все, что было создано из самой тонкой нервной ткани великих художников, просветителей трудового народа. Ему, толстому, женщина не нужна как друг и человек, она для него — только забава... В мире толстых эпидемически разрастается «однополая» любовь. «Эволюция», которую переживают толстые, есть вырождение».[46]

Если раньше исчезновение любви было характерно для высших слоев буржуазного общества, то теперь этот процесс охватывает все общество. И огромную роль в этом играют СМИ, прежде всего телевидение. Недавно ушедший из жизни поэт Владимир Николаевич Корнилов (1928—2002) писал после возвращения из поездки в Италию:

Десятка два программ,
Все дарования
От спорта и реклам
До раздевания.

В отеле «Шерантон»,
Вблизи Палермо,
Гляжу ошеломлен,
Что дело скверно.

...Всю ночь телестрептиз
Идет в охотку:
У каждой свой каприз,
Своя походка,

Свой шарм, изгиб, азарт,
И бесподобны
Любой фасад и зад,
Любые бедра!

Ни тайны, ни греха —
Лишь горы теста...
И только для стиха
Нет больше места.

Какой блестящий ад!..
И кнопки тыча,
Шепчу: — прощайте, Дант
И Беатриче,

И Лермонтов, и Блок,
И вы, Есенин...
Пришел последний срок,
И нет спасенья.[47]

Правда, стихи еще не перестали появляться. Но уже другие. Раньше писали: «Я помню чудное мгновенье: / Передо мной явилась ты, / Как мимолетное видение, / Как гений чистой красоты»; «Средь шумного бала, случайно, / В тревоге мирской суеты, /

[46] Горький А.М. О музыке жирных // Собр. соч. в 30-ти т. Т. 24. М., 1953. С. 355.
[47] Корнилов В. Итальянские наброски. I. Телестриптиз // Избранное. М., 1990. С. 245.

Тебя я увидел, но тайна / Твои покрывала черты»; «Среди миров, в мерцании светил / Одной Звезды я повторяю имя.../ Не потому, что я Ее любил, А потому, что я томлюсь с другими. / А если мне сомненье тяжело, / Я у Нее одной молю ответа, / Не потому, что от нее светло, / А потому, что с Ней не надо света». Теперь пишут: «Женщину сию ты ведь видел, голой? / Ты ее трахал?»[48] И последние «стихи» обнародованы не на стенах мужского туалета, а на страницах когда-то весьма уважаемого журнала «Новый мир».

С половых отношений срывается все человеческое. Все сводится к физиологии. Человек превращается в животное, но особого рода — животное похотливое. У животных совокупление происходит для продолжения рода. У человека половой акт становиться сейчас одним из видов развлечения.

Деградация ортокапиталистического общества находит свое выражение в разгуле преступности, в росте насилия. Вслед за США, которые давно уже побили все рекорды в этой сфере, потянулась Западная Европа. Только за последние пять лет по данным официальной статистики, которую социологи рассматривают как сильно заниженные, число преступлений в одних странах этого региона возросло на 40%, а в других — даже на 70%. Если в 1993 г. во Франции произошло 4 тысячи нападений злоумышленников на людей, то в 1997 г. — уже более 16 тысяч. Прирост на 400%! По мнению 82% западноевропейцев криминогенная обстановка достигла небывалых за всю историю этого региона масштабов.[49] По данным ООН за последние 30 лет число преступлений в США выросло в 8 раз, в Великобритании и Швеции — в 7, во Франции — в 6.[50]

В ФРГ начиная с 1989 — 1999 был зарегистрирован резкий рост преступности среди детей и юношества. И как отметил известный исследователь молодежных проблем Вильгельм Хайтмейер, молодые люди совершают преступления не потому, что они отвергают, а, наоборот, потому, что они претворяют в жизнь идеалы «радикального общества свободного рынка».[51] А установки эти, поясняет газета «Берлинер тагецайтунг»: «Вымогай, грабь, избивай ради сиюминутного удовольствия. Кругом полно соперников».[52]

Преступниками становятся далеко не от нужды, как это обычно обстояло в прошлом. Преступность изменила свой характер. Вот, например, что думает об этом отставной комиссар французской полиции Клод Труви: «В том то и дело, что все переиначилось, перепуталось напрочь. Теперь любой добропорядочный человек может запросто совершить преступление, тяжкое преступление, и как ни в чем не бывало продолжать жить. В каждом затаилась агрессивность, которая как мина замедленного действия может взорваться когда угодно, непредсказуемо. Уверяю вас — это новое свойство нашего общества».[53]

И главные причины понятны: во-первых, исчезла или, по меньшей мере, исчезает мораль, совесть, во-вторых, СМИ в целях извлечения наибольшей прибыли ведут усиленную пропаганду насилия. Под подсчетам Европейского общества защиты детей в фильмах и передачах по всем европейским каналам ежечасно показывают не менее двадцати убийств и кровавых преступлений.[53]

[48] Полищук В. Ода к Му // НМ. 1999. № 8. С. 114.

[49] См.: Катии В. Насилие как образ жизни. Благополучная Западная Европа страдает от роста преступиости // НГ. 28.07.1998.

[50] См.: Полунин А. 200 тысяч преступлений в час // Труд. 03.04.2002.

[51] Мартин Г.-П., Шуманн Х. Указ. соч. С. 225.

[52] Цит.: Там же. С. 225.

[53] См. там же.

[54] См. там же.

В результате насилие в американских школах стало, по признанию бывшего президента США Уильяма (Билла) Джефферсона Клинтона, национальным бедствием. Появился даже термин «школьные расстрелы» Яркий пример — кровавое побоище в средней школе Литтона (штат Колорадо), когда было убито 25 учеников и 20 ранено.[55]

В деле унификации и оглуплении людей, превращения их в зверей первое место занимают США Американский журналист Мэтт Тэйби писал в 2000 г. в статье «Человек-ящик. Если в Америке отключат телевизор»: «В первую же ночь без телевидения в США президент Клинтон объявит зоной бедствия всю страну. Возможно, даже введет чрезвычайное положение. Потому что жизнь в Штатах, насколько мы о ней знаем, без телевидения просто прекратится. Отсутствие телевидения заставит американцев думать самостоятельно, и большинство лишиться рассудка за несколько часов. Так долго сдерживаемые гнев и ненависть вырвутся наружу, и столь хорошо вооруженное гражданское население превратится в агрессивную, одержимую манией убийства толпу, справиться с которой смогут только самые отборные войска... Ты работаешь — и ты одинок. Тебе не с кем выпить или уколоться, если ты даже вдруг захочешь... Все это превращает работу и телевизор в единственное пространство для жизни. Работа — единственный допустимый порок, людей приучают быть жадными. «Ящик» — единственная отдушина... Бесконечно разнообразный мир, который так отличается от твоей изматывающей и приземленной жизни. И это так отвлекает... Но многим телевизора уже мало. По крайней мере, раз в неделю какой-нибудь американец заходит в офис и с криками «С меня хватит!» расстреливает сорок или пятьдесят человек и стреляется сам. Этот человек дошел до точки. Телевизор не смог отвлечь его от того, что у него нет ни семьи, ни друзей, а его жизнь, растраченная на унизительной службе бездушной корпорации, пуста».[56]

Идея Х. Ортега-и-Гассета о «массовом человеке» в последующем была подхвачена Г. Маркузе в работе «Одномерный человек Исследование идеологии развитого индустриального общества» (1964, русск. перевод· М., 1994). Вместе с массовым, или одномерным человеком возникло массовое общество, как совокупность атомизированных, обезличенных субъектов, получила развитие массовая культура (масскульт) и массовое искусство.

5.3.4. Кризис духовной культуры

Результатом развития капитализма была деградация не только морали, но и вообще всей духовной культуры. «Тирания интеллектуальной пошлости в общественной жизни, — писал Х. Ортега-и-Гассет, — быть может, самобытнейшая черта современности, наименее сопоставимая с прошлым».[57] В значительной степени это затронуло искусство вообще, литературу в первую очередь. Еще К. Маркс отмечал, что «...капиталистическое производство враждебно известным отраслям духовного производства, например искусству и поэзии» [58]

Как уже говорилось (4.3.7), возникновение капитализма оказало огромное влияние на духовную культуре. Возникла поголовная грамотность. Было введено вначале

[55] См Абаринов В Чисто американское убийство // Известия 22 04 1999

[56] Тэйби М Человек-ящик Если в Америке отключат телевизор // ВН 04 09 2000.

[57] Ортега-и-Гассет Х Указ раб С 80

[58] Маркс К Теории прибавочной стоимости // К Маркс и Ф Энгельс Соч Изд 2-е Т 26. Ч 1 С 280

обязательное начальное, а затем среднее образование. Постепенно стала исчезать простонародная, прежде всего крестьянская, культура, зато прежняя элитарная и городская культуры стали проникать в массы, в результате чего на их основе возникла общесоциорная культура, которую обычно именуют национальной. И эта, теперь уже общесоциорная, культура стала на первых порах успешно развиваться. Это была настоящая, подлинная культура. Поэтому я буду называть ее ортокультурой (от греч. ортос — правильный, истинный, прямой).

Однако довольно рано началась коммерциализация культуры. Произведения искусства стали превращаться в товары и в качестве таковых поступать в обращение на капиталистический рынок. Вначале продавались лишь рукописи, но не вдохновение. Но со временем появились предприниматели, которые стали извлекать из искусства вообще, литературы прежде всего материальную выгоду для себя. Появились писатели, которые стали работать лишь для заработка. Их труд стал производительным в особом, характерном для капитализма смысле этого слова: начал приносить прибыль определенному слою предпринимателей.

«Один и тот же вид труда, — писал К. Маркс, — может быть как *производительным*, так и *непроизводительным*. Например, Мильтон, написавший «Потерянный рай» и получивший за него 5 ф. ст. был *непроизводительным* работником. Напротив, писатель, работающий для своего книготорговца на фабричный манер, является *производительным* работником. Мильтон создавал «Потерянный рай» с той же необходимостью, с какой шелковичный червь производит шелк. Это было действенное проявление *его* натуры. Потом он продал свое произведение за 5 ф. ст. А лейпцигский писатель-пролетарий, фабрикующий по указке своего издателя те или иные книги (например, руководства по политической экономии) является *производительным работником*, так как его производство с самого начала подчинено капиталу и совершается только для увеличения стоимости этого капитала. Певица, продающая свое пение на свой страх и риск, — *непроизводительный работник*. Но та же самая певица, приглашенная антрепренером, который, чтобы загребать деньги, заставляет ее петь, — *производительный работник*, ибо она производит капитал».[59]

Тенденция развития состояла в превращении всех деятелей искусства, включая писателей в производительных работников в указанном смысле слова, т.е. в создателей товаров, приносящих прибыль. Конечно, эта тенденция не реализовалась полностью и к настоящему времени, однако именно она определяет сейчас развитие искусства и вообще духовной культуры. Возникло то, что М. Хоркаймер и Т. Адорно в «Диалектике просвещения» (1944) назвали культуриндустрией. Продукт культуриндустрии — массовая культура вообще, массовое искусство и массовая литература в частности.

В словосочетания «массовая культура», «массовая литература» можно вкладывать различные смыслы. Можно понимать под этим культуру, понятную массам. В этом смысле к массовой культуре можно отнести много произведений, созданных в рамках элитарной культуры, в частности стихотворения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и других великих поэтов. Они вполне понятны самому широкому слою читателей.

Другой смысл данного словосочетания — всевозможные ремесленные поделки, сфабрикованные ради денег и не представляющие никакой художественной ценности. Собственно они ни к искусству, ни к духовной культуре в точном смысле слова отношения не имеют. Это не культура, а псевдокультура, это не искусство, а эрзацискусство.

[59] Там же. С. 410.

«Массовая культура», — писал Б. Райнов, — это *производство* псевдохудожественного продукта в соответствии с определенными стандартами и требованиями определенного воздействия. Именно потому, что она не творчество, а производство, «массовая культура» легко подчиняется шаблонной идейной и технологической программе. Это не только псевдоискусство, но и псевдокультура потому, что она не содержит художественных открытий, не несет по настоящему глубоких знаний о действительности... Мы считаем, что точнее всего содержание этого феномена можно было бы выразить термином *массовая буржуазная псевдокультура*».[60]

Во избежание недоразумений я буду все это именовать коммерцкультурой и коммерцискусством. К настоящему времени коммерцкультура потеснила и во многом вытеснила возникшую в результате слияния и опускания в низы общества элитарной и городской культур общесоциорную ортокультуру. В результате массы населения общества, потерявшие старую простонародную культуру, взамен ее получили не общесоциорную ортокультуру, вобравшую в себя все достижения прошлой культуры и обогатившуюся в результате последующего развития, а коммерцкультуру, т.е. псевдокультуру.

Принципиальное различие между западноевропейской ортокультурой и все более вытесняющей ее западной же коммерцкультурой все в большей степени осознается. А.А. Зиновьев в работе «Запад. Феномен западнизма» подчеркивает, что под термином «западная культура» скрываются два принципиально различных явления: западноевропейская культура, зародившаяся в эпоху Возрождения и достигшая расцвета в XIX в., и убивающая ее сейчас культура западнизма.[61]

Если вначале коммерцкультура, возникшая в недрах общесоциорной ортокультуры, в какой-то степени использовала ее достижения, то в последующем пошел процессе ее примитивизации и деградации. Масслитература превратилась в примитивнейшее чтиво, спекулирующее на самых низменных качествах человеческой природы. Чуть не самое главное в ней — пропаганда насилия и жестокости, садизма, сексуального разгула и сексуальных извращений. К числу подобного рода поделок, несомненно» относится и превозносимая ныне у нас «Лолита» Владимира Владимировича Набокова (1899—1977).[62]

Не лучше обстоит дело с музыкой, пением, танцами и т.п. Не только классическая, но и т.н. легкая музыка (И. Штраус, И. Кальман, Ф. Легар и др.) вместо того, чтобы стать достоянием масс, была вытеснена поп-музыкой, прибретавшей и продолжающей приобретать все более грубые и дикие формы. То, что все это не имеет никакого отношения к искусству, начинает признаваться и людьми, занятыми в этом деле. На смену термину массовое искусство» пришел новый — «шоу-бизнес». Художников вытеснили и заменили шоумены.

Тому, кто знает этнографию, невольно бросается в глаза, что современная западная музыка и танцы воспроизводит все более и более первобытные образцы этих видов искусства. Исчезает все то, чтобы плодом пятитысячелетнего развития цивилизованного общества. Идет варваризация, одичание. И оно настолько заметно, что никто не пытается это отрицать. Но с тем, чтобы суть этого явления не била в глаза, его предпочитают называть иначе: архаизацией. И в этой «архаизации» пытаются найти нечто положительное, оправдать ее.[63]

[60] Райнов Б. Указ. раб. С. 107.

[61] См.: Зиновьев А.А Указ. соч. С. 314-317 и др.

[62] См.: Выдра Д. Над кем смеемся господа? // ВФ. 2000. № 5. С. 140-141.

[63] См., например: Генис А. Вавилонская башня. Искусство настоящего времени. М., 1997. С. 241 и др.

Но это еще не предел падения. Сравнительно недавно весь мир обошла весть о появлении певицы, которая приводит в восхищение многомиллионные массы слушателей, превращающихся в ее ревностных поклонников. Эта чудо певческого искусства не принадлежит к роду человеческому. Она — самка павиана.

Таким образом, прямой путь ведет от цивилизации к дикости, а от последней — в животное состояние и даже хуже. Поп-музыка не просто разнуздывает животные инстинкты. Она превращает людей в скопление индивидов, обуянных страстью разрушения. Это даже не животное состояние, а патологическое.

Поклонники масскультуры обычно говорят, что она возникла потому, что была востребована массами, не понимающими и не приемлющими обычной культуры. «Глас народа — глас божий». В действительности потребность в масскультуре и пренебрежительное отношение к ортокультуре целенаправлено формируется через СМИ бизнесменами от масскультуры. Реклама масскультуры — неотъемлемая составная часть информомии.

Одним из широко распространенных терминов в настоящее время стало слово «раскручивание». Раскручивают писателей. Как говорит Георгий Александрович Вайнер, когда-то известный советский писатель, живущий ныне в США, успех книги на Западе ни в малейшей степени не зависит от ее качества. «Все определяет сумма, которую здешний инвестор вкладывает в рекламу издания».[64] Раскручивают политических деятелей, певцов, музыкантов и т.п. Как заявил когда-то один из тех, кто занимается раскручиванием политиков, что он, если ему хорошо заплатят, проведет в президенты США «рыжего пса против апостола Павла». С тем, чтобы получить прибыль, раскручивают полных бездарностей. Раскручивают не только тех или иных персон, раскручивают ту или иную политику, раскручивают масскультуру в целом. Но дело, конечно, не только в рекламе. Есть и другие причины, которые будут рассмотрены чуть позднее.

Еще один признак кризиса духовной культуры — появление культуры, которую можно было бы назвать элитарной в узком смысле слова, т.е. предназначенной исключительно лишь для крайне узкого слоя людей и в принципе совершенно недоступной для масс. Но так как словосочетание «элитарная культура» уже было мною использована в ином смысле, то я буду называть эту культуру, сознательно создаваемую для немногих избранных, *снобистской* культурой. Детальный анализ снобистского искусства дал в свое время Х. Ортега-и-Гассет в работе «Дегуманизация искусства» (1925; русск. перевод: Х. Ортега-и-Гассет. Эстетика. Философия культуры. М., 1991). Он охарактеризовал его как искусство обесчеловеченное и антинародное.

Снобистская литература также как масслитература в большинстве случаев не представляет художественной ценности. Люди, которые изображают восхищение снобистскими произведениями, в большинстве случаев делают это потому, что бояться прослыть среди окружающих невеждами и консерваторами. Внешне снобистская литература противостоит масслитературе. Но в действительности она нередко прямо смыкается с последней.

Деградацию в настоящее время претерпевает философия. Это началось еще в XIX в., когда от подлинной настоящей философии отделились концепции, которые по внешним признакам были философскими, но таковыми в действительности не были. У истоков квазифилософии (от лат. quasi как будто бы, будто бы), или, помягче, парафилософии (от греч. пара — около, возле) стоит Артур Шопенгауэр (1788—1860), за

[64] Вайнер Г. Место встречи между Москвой и Нью-Йорком // ВМН. 11.01.2002.

которым последовали Сёрен Кьеркегор (1813—1855), Фридрих Ницше, философы-фрейдисты, экзистенциалисты всех мастей и оттенков (М. Хайдеггер, К. Ясперс и др.). К числу парафилософов относятся, конечно, и все представители русской религиозной философии, о которых уже шла речь выше (3.14.17). Последнее слово парафилософии — современная постмодернистская философия во всех своих разновидностях. Произведения философствующих постмодернистов, равно как и не выдающих себя за философов их сподвижников по постмодернизму, — типичные снобистские умственные артефакты. В связи с этим нельзя не вспомнить, что Ф. Фукуяма как о само собой разумеющемся говорит, что в его будущем идеальном капиталистическом мире не будет ни искусства, ни философии.

Наиболее типичный пример масскультуры — масскультура США. Когда-то крупнейший французский политический деятель Жорж Клемансо (1841—1929) сказал о США, что это единственная страна, которая перешли от варварства прямо к декадансу, минуя стадию цивилизации. И в этой злой шутке много истины. Поэтому в США ортокультура так быстро уступила место масскультуре. Американская масскультура и американская информомия — наиболее примитивная из существующих на Западе. Но так как США в настоящее время самая экономически развитая и богатая из стран центра, то именно ее масскультура грязным потоком льется по всеми миру, сметая по пути все действительные культурные ценности. Крупнейший американский политолог Пол Кеннеди писал: «Соединенные Штаты являются главным производителем и распространителем массовой культуры, откровенно эксплуатирующей первичные инстинкты человека и разрушающей гуманистические традиции».[65]

Мир, который именовали третьим, действительно к XIX в., значительно отставал от Западной Европы не только технически и экономически, но в культурном отношении. Распространение западноевропейской культуры по всему миру было явлением прогрессивным, несмотря на огромные издержки, связанные с зависимостью и колониализмом. Но так было до тех пор, пока распространялась западноевропейская ортокультура. Он действительно во многих отношениях стояла выше традиционных культур народов и стран третьего мира.

Положение резко изменилось, когда ортокультура была заменена западной, прежде всего американской, масскультурой. По сравнению с последней традиционные культуры стран третьего мира во многих отношениях стоят гораздо выше. Они являются в отличие от масскультуры пусть менее развитыми, чем западноевропейская ортокультура, но, тем не менее, подлинными культурами.

Мыслители, заметившие и нарисовавшие картину духовного кризиса западной цивилизации, естественно попытались и вскрыть его корни. Наиболее распространенный ответ — все дело в машинной технике, которая сама по себе губит все духовные ценности. В достаточно четкой форме эту мысль выразил и попытался обосновать О. Шпенглер в своем «Закате Европы» (1918). И с тех пор кто только не упражнялся в проклятиях технике. А так как современная техника неразрывно связана с наукой и является ее продуктом, то ненависть к технике обернулась и против науки. И, в конце концов, в качестве причины всех современных бедствий человечества выступил разум, выступило рациональное мышление. Вероятно, в наиболее яркой форме такой взгляд получил свое выражение в уже упоминавшейся работе М. Хоркхаймера и Т. Адорно «Диалектика просвещения» (1944). Все это послужило обоснова-

[65] Цит.: Криштапович Л. Москве надо делать ставку на Пекин // Правда. 05-06.02.2002.

нием и оправданием получающего все большее распространение на Западе иррационализма.

В действительности же ни техника, ни наука и ни человеческий разум ни в малейшей степени не повинны в духовном кризисе западной культуры. Причина всего этого в капиталистическом общественном строе, в господстве рыночных отношений. Из регулятора экономической жизни рынок превратился в регулятора всех сфер общественной жизни, включая область духовного производства. Рыночная экономика превратила все общество в рыночное.

В таком обществе даже обеспеченные люди всегда живут под страхом лишиться своего положения и опуститься на дно. Их благополучие находится в зависимости от рыночной конъюнктуры которая непрерывно меняется независимо от их сознания и воли. Эмигрант из СССР, давно уже приспособившийся к жизни на Западе, пишет, сравнивая два знакомых ему мира — советский и западный: «Нет ничего более драматичного, чем заданная человеку неумолимая повседневность. Молох развитого Запада, на протяжении столетий методично перемалывающий миллионы человек, — более чем впечатляющее зрелище. Да, жители развитых стран наслаждаются куда более высоким уровнем жизни, комфорта, обеспеченности и порядка. Но за эти удовольствия они платят отказом от свободы выбора. Жизнь отнимается и у них, но только не сразу, а постепенно — что не намного лучше. Да и принадлежит ли она им вообще? Скорее, жизнь на Западе дается в долг. Кабала на Западе — неизбежная и вынужденная. Затраты на любые покупки, на транспорт, образование, на решение семейных проблем чаще всего покрываются не наличными, а кредитами. Объем займов растет вместе с расходами, новые кредиты берутся на покрытие прежних. Растет и объем труда, необходимого для выплаты долга. Смыслом существования становится компенсация затрат на существование, а сам человек превращается в машину, ежемесячно производящую определенную сумму денег или ценностей. Точнее, превращается в рабочий скот, который после ежегодной пахоты получает перед сном телевизионную похлебку и пиво. Все меньше в нем человека, который нуждается в свободе выбора и духовной жизни. Плохо ли это? Это неизбежно. Таковы правила игры в историю. Свободы нет нигде — ни на Западе, ни в России... Молох Запада беспощаден и обманчив, но его существование оправдано стабильностью и обеспеченностью всего общества. Иного выбора у нас все равно нет, поскольку другой истории человечеству никто не придумал».[66]

В обстановке постоянной неуверенности в свое будущее, во власти случайностей, с неизбежностью порождающей стрессы, живет подавляющее большинство населения ортокапиталистических общества. Как писал Уолтер ван Кирк: «Во времена кризисов люди охвачены чувством безнадежности, призраки страха и паники шествуют по земле, и мы впадаем в ужас...Сейчас человечество пребывает в состоянии анархии... у него нет обязательной этики, совести, убеждения в правильности поисков спасительной цели».[67]

Отсюда стремления спрятаться, уйти от действительности. Именно поэтому возникает потребность в масскультуре вообще, масслитературе в частности. Особым успехом пользуется литература, уводящая от реальности. Это течение получило название эскейпизма (от англ. escape — бегство) или эвазионизма (от француз. Jvasion с тем же значением). Самые популярные формы эскейпистской литературы — это фэн-

[66] Тюрин А. Нет рая на земле. Запад и Россия — размышления русского канадца // ОГ. 03-09.97.1997. С. 10.

[67] Цит.: Райнов Б. Указ. соч. С. 235.

тези, любовные романы. Аморализм, оскудение духовной жизни порождают тягу к масскультуре, а последняя еще более опустошает человека духовно. Возникает спираль, ведущая к все большей дегуманизации человека Традиционные религии с их затвердевшими догмами и ритуалами ничем не могут помочь. Отсюда поиски нетрадиционных верований, волна мистики, иррационализма и других форм мракобесия.

Наряду с духовными средствами ухода в мир иллюзий, широкое распространение получают и материальные наркотики. Нарастает наркомания. США, имея 4—5% от общей численности населения земли, потребляют 50% производимого в мире кокаина. И причина роста потребления наркотиков не только в стремлении людей уйти от действительности, порожденном в конечном счете рыночной экономикой, но и прямо, непосредственно в действии законов этой экономики. Торговля наркотиками дает невиданные прибыли. И дельцы наркобизнеса кровно заинтересованы в расширении круга потребителей и принимают для этого все меры.

Наркомания, в свою очередь, подпитывает преступность, которая, как мы уже видели, непрерывно растет. Преступность в свою очередь усиливает состояние неуверенности и это кладет начало новому циклу деградации.

5.3.5. Деградация науки

Деградацию претерпевает сейчас в западном мире и его величайшее достижение — наука и тесно связанная с ней система образования. Сказались здесь и происходящие на Западе, прежде всего под влиянием СМИ, потеря способности к самостоятельному мышлению и всеобщее оглупление. Повсеместно растет функциональная неграмотность. Примерно, от 60 до 80 млн. американцев являются неграмотными или полуграмотными, от 23 до 30 млн. полностью неграмотны, т е. фактически не могут читать и писать. Не на много лучше ситуация и в других странах центра. В Канаде функционально неграмотно 20% населения. В Англии функционально неграмотны 25% выпускников школ.[68]

Особенно плохо обстоит дело в ортокапиталистических странах с математическим образованием. И опять-таки лидируют в этом США. «80 процентов современных учителей математики в Америке, — говорит ученый с мировым именем, академик Владимир Игоревич Арнольд, — понятия не имеют о дробях, не могут сложить половину с третью. А среди учеников таких — 95 процентов».[69] «Осенью 2000, — пишет он в другой работе, — в Москву приезжали представители фирмы «Боинг» из Сиэтла. Они рассказали мне, что не могли бы поддерживать традиционно высокий технический уровень своих разработок, если бы не использовали труд лучше американцев подготовленных иностранцев — японцев, китайцев и русских, которых в школах еще до сих пор продолжают учить как основам фундаментальных наук, так и умению думать и решать нетривиальные задачи. Но они опасаются, что американизация обучения вскоре ликвидирует и этот источник кадров...».[70] В Великобритании, по данным министерства образования, «математические неграмотны» 11 млн человек.[71]

[68] Чудинова В П Функциональная неграмотность — проблема развитых стран // Социс 1994 № 3; Кеннеди П. Вступая в двадцать первый век М , 1997. С 360, Мартин Г -П , Шуманн Х Указ. раб. С. 272, Программа «Чтение» // КО 2002 № 11-12 С 9-10

[69] Арнольд В И Путешествие в хаосе // Наука и жизнь 2000 № 12 С. 3.

[70] Арнольд В Математические эпидемии XX века // НГ-наука 2001 № 1

[71] Англия // Правда 08-11.02 2002

Ликвидация полноценного математического образования убийственно сказывается не только на науке в целом, но и на общественной жизни. «Особенно опасна, — пишет В.И. Арнольд, — тенденция изгнания всех доказательств из школьного обучения. Роль доказательств в математике подобна роли орфографии и даже каллиграфии в поэзии. Тот, кто в школе не научился искусству доказательства, не способен отличить правильного рассуждения от неправильного Такими людьми легко манипулировать безответственным политикам. Результатом могут стать массовый психоз и социальные потрясения. Лев Толстой писал, что сила правительства основана на невежестве народа, что правительство знает об этом и поэтому будет всегда бороться против просвещения».[72]

Деградирует сейчас не только математика, но и вся вообще наука. Это стимулирует появление массы книг, в которых на все лады доказывается, что науке приходит конец. Одна из таких — сочинение отнюдь не мракобеса, не теолога, а штатного сотрудника одного из лучших научно-популярных журналов США «Сайентифик Америкен» Джона Хоргана, носящее очень красноречивое название — «Конец науки. Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки» (1996; русск. перевод: СПб., 2001).

На Западе получил сейчас широкое распространение взгляд, согласно которому не существует грани между истиной и заблуждением Его там отстаивают многие и в частности люди, считающиеся себя специалистами по философии науки. Такая точка зрения, в достаточной степени наметившийся в работах Т. Куна, получила свое предельное четкое выражение в сочинениях П. Фейерабенда, согласно взглядам которого научные теории в принципе ничем не отличаются от религиозный учений, мифов и любых других творений человеческого духа. Любой бред ничем ни лучше и не хуже научной концепции. Получившая сейчас широкую популярность философия постмодернизма отвергает объективность фактов, объективную истину. Философский релятивизм в очередной раз набирает силу на Западе и обретает все новых и новых приверженцев в нашей стране.

Все это привело В.И. Арнольда к весьма пессимистическому выводу: «Расцвет математики в уходящем столетии сменяется тенденцией подавления науки и научного образования обществом и правительствами большинства стран мира. Ситуация сходна с историей эллинистический культуры, разрушенной римлянами, которых интересовал лишь конечный результат, полезный для военного дела, мореплавания и архитектуры. Американизация общества в большинстве стран, которую мы наблюдаем, может привести к такому же уничтожению науки и культуры современного человечества. Математика сейчас, как и две тысячи лет назад, — первый кандидат на уничтожение. Компьютерная революция позволяет заменить образованных рабов невежественными».[73]

5.3.6. Переход от позднего ортокапитализма к позднейшему: следствия и причины

Поздний ортокапитализм, превративший большинство членов общества в обеспеченных людей, в то же время не только не устранил гигантского и постоянно увеличивающегося разрыва в имущественном положения разных групп населения, но и самой настоящей нужды и бедности.

[72] Цит Арнольд В И Путешествие в хаосе С 2
[73] Цит Арнольд В И. Путешествие в хаосе С 6

Впечатляющая картина нищеты в одной из самых развитых стран Европы — Великобритании нарисована в целом ряде работ, из которых можно назвать книгу Пола Гаррисона «Внутри внутреннего города. Жизнь под нависшим лезвием» (1983). Как показывает автор, факты полностью опровергают мифы, которые навязываются пропагандой, а именно мифы об уничтожении абсолютной нищеты, о государстве всеобщего благоденствия, о бесклассовом обществе, о смешанной экономике и демократии в Англии.[74]

Но все же, хотя при позднем ортокапитализме разрыв в имущественном положении самых верхов и остальной части общества, включая «средний класс», продолжал расти, положение среднего имущественного разряда в общем и целом улучшалось. Шло относительное обнищание, но не было абсолютного. Положение начало меняться, начиная, примерно, с середины 70-х годов XX в. Началось перерастание позднего ортокапитализма в позднейший.

С 1973 г. по 1994 г. реальный ВВП на душу населения в США вырос на 33%. Но одновременно реальная почасовая заработная плата рядовых работников упала на 14%, а реальная недельная заработная плата — на 19%. При этом чем меньше зарабатывали люди, тем больше снижались их заработки. У нижней квинтили (20%) рабочей силы заработки снизились на 23%, у следующей — на 21%. К концу 1994 г. реальные заработки вернулись к уровню конца 50-х годов. В среднем заработки снижались на 2,3% в год, причем с каждым годом темп падения заработков основной массы работников ускорялся.[75] Все это нельзя назвать иначе как абсолютным обнищанием.

Абсолютное обнищание на одном полюсе сопровождается абсолютным ростом богатства на другом. В течение 80-х годов весь прирост заработков у мужчин достался верхним 20%, причем 64% этого прироста пришлось на долю верхнего одного процента. Если же рассматривать не заработки, а доходы, то оказывается, что верхний 1% получил еще больше — 90% всего увеличениях доходов. Средний заработок 500 самых высокооплачиваемых управляющих в американских компаниях повысился с 35 до 135 средних заработков промышленных рабочих. К началу 90-х годов доля богатства, принадлежащего верхнему одному проценту населения удвоилась по сравнению с серединой 70-х годов (с, примерно, 20% до более чем 40%).[76]

Процесс абсолютного обнищания основной массы работников и резкого возрастния имущественного неравенства, начавшийся в США, распространился на все остальные страны центра.[77] По меньшей мере, с 1991 г. идет непрерывное снижение среднего дохода западных немцев.[78]

Одновременно во всех странах Запада растет безработица. Сокращение числа рабочих мест нарастает лавиноподобно. «Перемещение производства в более благоприятные зоны, упрощение его структуры, массовые увольнения, — пишут известные немецкие публицисты, редакторы журнала «Шпигель» Г.-П. Мартин и Х. Шуманн в книге «Западня глобализация. Атака на процветание и демократию» (1996; русск. перевод: М., 2001), — все это говорит о том, что высокопроизводительная и высокотехнологичная экономика оставляет обществу всеобщего благоденствия все меньше рабочих мест и делает его потребителей лишними людьми. Назревает экономическое и

[74] Harrison P. Inside the Inner City. Harmondsworth, 1983. P. 423-427.
[75] Туроу Л.К. Указ. раб. С. 33, 35.
[76] Там же. С. 31-32.
[77] Там же. С. 47 сл.
[78] Мартин Г.-П., Шуманн Х. Указ раб. С. 22 сл.

социальноеь потрясение неслыханных масштабов».[79] Всеэто вызывает тревогу даже у людей, которые совсем недавно прославляли курс на неуклонное сокращение рабочих мест. Американский экономист и банкир Стивен Роуч в мае 1996 г. в письме клиентам своего банка писал: «Рабочую силу нельзя выдавливать вечно. Тактика бесконечного сокращения рабочей силы и урезания реальной зарплаты — это в конечном счете рецепт индустриального вымирания».[80]

Постоянно растет тот слой людей, который некоторые экономисты именуют люмпен-пролетариатом. Одну из его составляющих принято именовать бездомными. В США в составе этой текучей массы за пять лет побывало 7 млн. Начавшаяся в в конце 70-х годов в Америке бездомность, получила распространение и в Западной Европе. Вторая составляющая люмпен-пролетариата, отчасти пересекающаяся с первой, — мужчины, не работающие и не имеющие права на пенсию по старости, живущие без видимого источника средств к существованию. Они были выброшены или сами вышли из нормальной экономики. В США их 5,8 млн человек.[81] Особую, все время увеличивающуюся категорию составляют временные, нерегулярные работники, которые в общем получают половину того, что они получали бы на регулярной работе.[82]

В целом в США число людей, живущих за порогом бедности, растет и составляет сейчас 20% населения. Фактически 37 млн. американцев не имеют медицинского страхования. Отношения доходов 20% состоятельного населения США и 20% бедного населения — 9:1.[83] В целом же по последним данным в ортокапиталистическом мире 100 млн. людей живет ниже черты бедности, 100 млн. бездомных, 37 млн безработных и 200 млн. тех, кто не может рассчитывать, что перевалит за рубеж в 60 лет.[84] Только в Германии насчитывается 4 млн безработных.

Другое следствие процесса абсолютного обнищания — сокращение слоя обеспеченных, знаменитого «среднего класса», о котором так любят говорить наши «демократические» экономисты и публицисты. Нижняя прслойка «среднего класса» медленно, но верно скатывается к нищете. «...Теперь среднему классу говорят, — пишет Л. Туроу, — что их прежние упования устарели. Все меньшее их число сможет иметь собственный дом. Они будут жить в непохожем мире, где неравенство будет расти и где реальные заработки большинства их будут снижаться. Прошла эпоха ежегодного роста заработной платы; они не могут надеяться на повышение уровня жизни ни для себя, ни для своих детей».[85] В целом считает автор, к настоящему времени «неявный общественный договор», заключенный после второй мировой войны не просто расшатан, но по существу разрушен.[86]

Одновременно с падением заработной платы на Западе начался и процесс «демонтажа» «государства всебщего благосостояния». Идет непрерывное сокращение расходов на социальные нужды. Как пишут Г.-П. Мартин и Х. Шуманн «после реформ социал-демократического столетия начинается контрреформация историческо-

[79] Там же. С. 142.
[80] Там ж. С. 168.
[81] Туроу Л. Указ. раб С 41-42.
[82] Там же. С. 40.
[83] См.: Радышевский Д. Человеческий потенциал планеты // МН. 11-12.08.1996. С.11; Кеннеди П. Вступая в двадцать первый век. М., 1997. С. 356-357.
[84] См.: Михеев В. Качество жизни не зависит от доходов страны // Известия. 10.09.1998.
[85] Туроу Л. Указ. раб. С. 46.
[86] Там же. С. 362-363.

го масштаба, движение в будущее — это движение в обратном направлении».[87] И центром этой «капиталистической контреволюции» являются США.[88]

Господствующий класс ортокапиталистического мира повсеместно перешел в контрнаступление и пытается отнять у трудящихся многое из того, что ими было завоевано в прошедшие десятилетия XX в. Такие попытки были предприняты во Франции, Италии, Германии, Англии, США и других ортокапиталистических странах. В США, например, принят закон о реформе вэлфера, который лишает многих американцев пособий по бедности. В Германии была предпринята попытка урезать на 20% пособия по болезни. Во Франции правое правительство, которое стояло у власти до 1997 г., встало на путь существенного сокращения государственных расходов на социальные нужды.

Под все эти изменения подводится идейное обоснование. Предвозвестниками и глашатаями перемен стали апологеты свободного капиталистического рынка вообще, монетаристы в первую очередь — Ф.А фон Хайек, Л. фон Мизес, М Фридмен. Они выражают взгляды той части буржуазии, которая не хочет мириться с перераспределением значительной доли общественного продукта в пользу трудящейся части общества и надеется повернуть колесо истории вспять.

Возрождаются взгляды, которые в свое время пропагандировали Дж. Таунсенд, Т. Мальтус и Г. Спенсер и суть которых в выживании наиболее приспособленных. Г. Спенсер был убежден, что долг экономически сильного — изгнать экономически слабого из жизни, что всякие спасительные социальные меры вредны, ибо они только затягивают и распространяют человеческие мучения, увеличивая население, обреченное в конце концов на голодную смерть. По существу те же идеи отстаивают сейчас многие современные авторы. Пример — сочинение Ричарда Дж. Херстейна и Чарльза Мюррея «Колоколообразная кривая. Интеллект и классовая структура в американской жизни» (1994), в которой утверждается, что люди, находящиеся на дне экономической системы, оказались там в силу своих личных недостатков и поэтому вполне заслуживают своей своей участи Помогать им невозможно и ненужно. Иными словами, в ортокапиталистическом мире идет пропаганда каннибализма.

Характеризуя современную эпоху, Л. Туроу пишет: «Факты очевидны. Неравенство богатства и доходов посюду растет. Реальные заработки значительного большинства падают. Растет люмпен-пролетариат, нежелательный в продуктивной экономике. Общественный договор между средним классом и американскими корпорациями разорван. Главное средство против неравенства, действовавшее в теченике ста лет, — государство всеобщего благосостояния — начало отступать».[89]

Многие авторы видят одну из причин перехода от позднего ортокапитализма к позднейшему в исчезновении угрозы со стороны социализма. «Без социального конкурента, — указывает Л. Туроу, — капитализм может поддаться соблазну игнорировать присущие ему внутренние недостатки. Этот соблазн уже проявляется в высоком уровне безработицы в индустриальном мире. Неудивительно, что когда угроза социализма исчезает, то повышается уровень безработицы, допускаемый для борьбы с инфляцией, быстро расширяется неравенство в доходах и богатстве и растет люмпен-пролетариат, отвергнутый экономической системой. Таковы были проблемы капитализма при его рождении. Он составляют часть системы. Они привели к рождению социализма, ком-

[87] Мартин Г -П , Шуманн Х Указ раб С 26
[88] Там же С 27
[89] Туроу Л Указ раб С 369-370

мунизма, государства всеобщего благоденствия».[90] «Когда исчезла угроза диктатуры пролетариата, — пишут Г.П. Мартин и Х. Шуманн, имея ввиду крушение СССР и неополитарной мировой системы, — все силы были брошены на построение диктатуры всемирного рынка. Внезапно массовое участие рабочих в валовом национальном продукте стало выглядеть не более как уступкой, призванной в условиях «холодной войны» выбить почву из под ног коммунистической агитации».[91]

Однако дело не только в исчезновении угрозы социализма, в крушении СССР и неополитарной мировой системы. Важнейшая причина происходящих в ортокапиталистическом мире изменений — глобализация. Возникновения глобальной финансовой системы сделало свободным перемещения капитала из страны в страну. Правительства государств утратили над ним контроль. И это дало огромную власть мировой предпринимательской и финансовой олигархии. Угрожая выводом капитала из национальной экономики и соблазняя его вложением в эту экономику, олигархи стали диктовать правительствам свои условия. Одно из них — снижение налогов на прибыль. На этот путь стали сейчас правительства всех ортокапиталистических стран. В ФРГ налоги на прибыль корпораций только с 1990 г. по 1995 г. снизились с 33% до 26% и в результате доходы государства из этого источника упали на 40%.[92]

Наряду с таким средством снижения налоговых трат олигархи использовали и другие, в частности занижение суммы прибыли. БМВ, самая рентабельная автомобильная компания ФРГ, в 1988 г. сообщила налоговым властям о доходах в 545 млн марок. Через четыре года обявленная сумма прибыли снизилась до 31 млн. А в следующем году, несмотря на возросшую прибыль и неизменившиеся дивиденды, БМВ объявила об убытках от операций внутри страны и получила от налоговой службы компенсацию в 32 млн марок.[93]

Свободное перемещение капитала сделало возможным появление оффшорных финасовых центров, которые стали использоваться для сокрытия полученной прибыли и вообще капитала. По данным Международного валютного фонда (МВФ), всего под сенью различных оффшорных карликовых государств «крутится» свыше 2 трлн долларов, недоступных странам, где эти деньги были сделаны.[94]

Обычным делом стал нажим на правительства с тем, чтобы они представили корпорациям, желающим завести дело в данной стране, государственные субсидии. Так, например, в 1993 г. компания Даймлер-Бенц, которая сама не платит никаких налогов, получила свыше 500 млн марок из федерального исследовательского фонда.[95]

Если учесть постоянное сокращение заработной платы основной массы трудящихся, а тем самым и налогоблагаемой базы, то нетрудно понять, что результатом деятельности олигархов было сокращение доходов государственных бюджетов. Это делало неизбежным сокращение и расходов, причем прежде всего за счет социальной сферы. Но олигархи подрывали «государство всеобщего благоденствия» не только таким образом, но и прямо, ставя в качестве необходимого условия вложения капитала в экономику страны сокращение социальных расходов. Другим немаловажным условием было снижение или даже полное прекращение расходов на защиту природной среды.

[90] Там же. С. 320.
[91] Мартин Г.-П., Шуманн Х Указ. раб. С. 27.
[92] Там же С. 212.
[93] Там же. С 261.
[94] Там же С. 95
[95] Там же С. 269.

С тем, чтобы окончательно лишить государство возможности влиять на экономическую жизнь, корпорации требуют от правительств передачи в их руки всех ранее управляемых государством секторов экономики. Идет приватизация и дерегулирование почты и телефонной связи, электроэнергиии и водоснабжения, воздушного сообщения и железных дорог.

Угроза вывода капитала и сокращения рабочих мест использовалась и для того, чтобы заставить рабочих и служащих смириться со снижением заработной платы и ухудшением условий труда. Рабочие и служащие предприятий тех или иных стран столкнулись теперь с силой глобальной капиталистической олигархии. И перед ней они оказались во многом беспомощными. Забастовки, которые ранее были действенным средством обуздания алчности хозяев, в новых условиях стали терять свою действенность. «Организациям трудящихся, в большинстве случаев национальным, — пишут Г.-П. Мартин и Х. Шуманн, — противостоит корпоративный Интернационал, который в ответ на любые претензии прибегает к своему излюбленному и безотказно действующему средству — переводу производства за границу».[96]

Государство в новых условиях потеряло не только валютный и налоговой суверенитет. Пошатнулась и его монополия и на насилие. Снятия ограничений на движение капитала способствовало необычайному росту экономической преступности. «Эксперты считают, — писали в 1996 г. Г.-П. Мартин и Х. Шуманн, — что организованная преступность является сейчас наиболее растущей отраслью мировой экономики, ежегодно приносящей прибыль в 500 миллирдов долларов».[97] Растет торговля наркотиками, угнанными автомашинми, оружием, перевоз нелегальных иммигрантов, незаконный временный труд, всевозможные виды контрабанды, охранный рэкет. Мощные гангстерские картели прибирают к рукам легальный безнес и значительную часть государственного аппарата. Привычным делом стали заказные убийства. Судебные власти не способны ни добраться до подлинных организаторов экономической преступности, ни конфисковать активы преступных корпораций. В условиях существования глобальной финансовой системы и оффшорных зон «отмывание» криминальных денег — дело более чем легкое. «Если вы хотите отмыть доходы, нажитые нечестным путем, — откровенно признает немецкий банкир Фолькер Шрайб, —то в сегодняшем мире это можно без проблем делать почти повсеместно».[98]

Характеризуя общее положение на Западе, Г.-П. Мартин и Х. Шуманн пишут: «Страны до сих пор наслаждавшиеся процветанием, сейчас пожирают социальную составляющую своей структуры даже быстрее, чем они уничтожают окружающую среду».[99] В результате в массе населения крайне обостряется неуверенность и страх за свое будущее, который был заметен и на стадии позднего ортокапитализма. Но теперь он проявляется не только в уходе от действительности, но и в участие в различных формах борьбы. «На самом деле, — подчеркивают указанные авторы, — бунтуют не нищие; скорее, речь идет о страхе потерять свое положение, охватывающем в настоящее время средние слои общества и представляющем собой политическую бомбу замедленного действия, сила взрыва которой не поддается оценке».[100]

Контрнаступление буржуазии в большинстве европейских стран встретило от-

[96] Там же С 154.
[97] Там же С. 276.
[98] Цит.. Там же С 275.
[99] Там же. С. 27.
[100] Там же. С. 29.

пор со стороны трудящихся. Сокрушительное поражение потерпели в 80—90-е годы правые силы в Великобритании, Франции и Германии, где к власти снова пришли партии, которые традиционно считались левыми: лейбористы, социалисты и социал-демократы.

Но если раньше социал-демократы, отказавшись от идеи уничтожения капитализма, в то же время стремились улучшить положение трудящихся в условиях продолжения существования этого общества, то теперь они стали послушными слугами ультраимпериалистов. Сейчас, например, стоящие у власти в Великобратании лейбористы готовятся ограничить бесплатность здравоохранения. Нельзя не напомнить и о той активной роли, которую сыграли лейбористское правительство Великобритании и социал-демократическое правительство Германии в организации агрессии против Югославии. Сейчас практически нет большой разницы в предвыборных программах либеральных буржуазных и социал-демократических партий.

В результате массы населения стран Запада все больше разочаровываются не только в буржуазных либералах, но и в социал-демократах. В условиях упадка влияния коммунистов, многие из которых фактически перешли на социал-демократические позиции, значительная часть западноевропейцев начинает поворачиваться к правым радикалам, нередко прямого фащистского толка. Это можно наглядно видеть на примере Австрии, где в 1999 г. социал-демократы потерпели поражение, а к власти пришла коалиция буржуазных либералов и неонацистов. Социалистические и социал-демократические партии отстранены за последние годы от власти в Испании, Португалии, Италии, Бельгии, Дании. Об этом говорят итоги первого тура президентских выборов во Франции 21 апреля 2002 г. Во второй тур наряду с правым Жаком Шираком вышел не лидер социалистов Лионель Жоспен, как это всеми ожидалось, а глава крайне правого «Национального фронта» Жан Мари Ле Пен. Поражение потерпели социалисты и на парламентских выборах 9 и 16 июня 2002 г.

Но одновременно в странах центра все чаще начинают проявлять себя силы, которые выступают под явно левыми знаменами против капиталистической глобализации. Эти выступления являются частью всемирного антиглобалистского движения, охватывающего и страны периферии.

Снова начинает возрождаться и набирать силу рабочее движение. В ответ на намерение правого правительства Сильвио Берлускони изменить в пользу капиталистов трудовое законодательство 18 марта по призыву профсоюзов была организована общенациональная однодневная забастовка, в которой приняли участие 13 млн человек. Вслед за этим 23 марта 2002 г на улицы Рима вышли с протестом против политики правительства почти 2 млн человек.

В мае 2002 г. немецкие металлурги провели забастовку, равной которой не было с 1930 г. Одновременно бастовали рабочие автомобильных заводов и электронных концернов. Немецкие профсоюзы, влияние которых на последние годы резко упало, встали на путь перестройки и активизации своей деятельности, о чем свидетельствует их последний съезд.[101] Вообще в 2002 г. в отличие от прежних лет информационные агентства чуть ли не каждую неделю сообщают о все новых и новых забастовках в Западной Европе, которые возглавляют профсоюзы. По их призыву прошла, например, грандиозная всеобща забастовка в Испании.

[101] См Колчанов Р. Ни бог, ни царь и не герой // Труд 04.06 2002.

5.3.7. Современный ортокапитализм и глобальные проблемы экологии

Капиталистическое рыночное хозяйство, стимул которого — погоня за прибылью, сыграло необычайно прогрессивную роль в истории человечество. Только оно смогло вызвать к жизни производительные силы, способные обеспечить все человечество всем необходимым для достойного существования. Но эти же мощные силы, оказались способными разрушить среду существования человека и самого человека Выше уже говорилось о первом докладе Римскому клубу «Пределы роста», появившемся в 1972 г. (2.8.5). К его двадцатилетию было проведено повторное исследование, результаты которого были изложены в работе Донеллы Медоуз, Денниса Медоуза и Йоргена Рандерса «За пределами: Глобальная катастрофа или стабильное будущее?» (1992, русск. перевод: За пределами роста: Предотвратить глобальную катастрофу, обеспечить устойчивое будущее. М., 1994).

Выводы крайне неутешительны: почти ничего не изменилось в лучшую сторону, зато многое — в худшую. В результате Д. Медоуз делает, к сожалению, достаточно аргументированный вывод, что человечество уже сейчас находится за пределами роста и мир приближается к глобальной катастрофе.

Нарастает загрязнение среды, в результате которого Земля, если не принять срочных мер, в самом недалеком будущем станет непригодной для жизни людей. Нарастание престижного потребления в странах центра ускоряет процесс исчерпания источников энергии. Если рынок будет продолжать господствовать, то, если даже ограничиться отношением людей только к природе, отвлекаясь от отношений между людьми, человечеству грозит гибель. Меры по уменьшению загрязнения и очистке среды могут быть только нерыночными. Их может предпринять лишь общество в целом в лице государства. Кое-какие меры уже принимались в эпоху позднего ортокапитализма, но это всего лишь паллиативы. А с переходом к позднейшему ортокапитализму с его анархическим глобальным рынком капитала борьба с загрязнением окружающей среды практически прекратилась.

Нельзя спасти человечество, если не поставить рынок под жесткий контроль общества. Свобода рынка в наше время с неизбежностью погубит не только людей, но все живое на земле.

5.4. КАПИТАЛИЗМ — ОБЩЕСТВО БЕЗ БУДУЩЕГО. ПРОБЛЕМА ЕГО ЗАМЕНЫ ДРУГИМ ОБЩЕСТВЕННЫМ СТРОЕМ

Таковы неизбежные результаты во многом бесконтрольного действия капиталистической рыночной экономики. «Как бы там ни было, — писал еще в 1977 г. уже упоминавшийся выше А. Печчеи, который не принадлежит к числу ни только марксистов, но даже и левых радикалов, — но очевидно одно, что кроме всех прочих пределов, нашему дальнейшему стабильному росту препятствует сама *социально-политическая структура и философские основы существующего в нашем мире конгломерата обществ.* Ведь если в человеческой системе господствует анархия, парализовавшая великим множеством препятствий и помех все, если система страдает серьезным расстройством, о котором я уже упоминал, то совершенно ясно, что ей никогда не достигнуть того потолка материального роста, который в принципе допустим при разумном, эффективном использовании Земли.. Даже наиболее четко организованный сектор — *мировая производственная система*, которую я бы назвал истинной, реальной властью

общества, тоже в свою очередь создает косвенные помехи росту всей человеческой системы в целом... Более того, основные стимулы современной экономической деятельности — стремление к быстрой прибыли и быстрому обороту капиталовложений — создают ситуации, прямо противоположные тому, что необходимо для разумного использования совокупных материальных ресурсов, которыми располагает человечество. Необходимо, как я уже говорил, принять меры, чтобы обеспечить рационализацию всей производственной системы и передислокацию промышленности в масштабах планеты».[102]

По существу, А. Печчеи говорит о необходимости, если не уничтожения, то существенного ограничения власти рынка в масштабах, как отдельных стран, так и мира в целом, о необходимости замены существующего капиталистического общественного строя принципиально иным. Он нигде не дает грядущему социальному порядку четкой характеристики и никак его не называет, но по существу речь идет о коммунизме.

Это особенно наглядно видно на примере следующего его высказывания: «*Социальная справедливость составляет главную цель человеческой революции.* Раз начавшись, кризисы, скачки и перемены могут в дальнейшем лишь набирать скорость, наращивать способность к дальнейшим мутациям. Точно также и идеи. И одну из таких могучих идей представляет упомянутая идея социальной справедливости, ставшая одним из самых страстных стремлений современного человека. Именно она вдохновила движение за новый мировой порядок и стала важнейшим принципом нового гуманизма... А иногда приходится слышать совсем уже нелепые утверждения, что сохранение и закрепление существующего неравенства между различными членами человеческого сообщества в распределении силы, власти, доходов, влияния и возможностей служит важным фактором разнообразия, гетерогенности всей системы в целом, а это в свою очередь способствует ее устойчивому развитию. Нет, для того, чтобы действительно могли цвести сто цветов человечества, *необходимо прежде более равноправное общество на всех без исключения* уровнях *человеческой организации.* Господствующие ныне законы и правила управления обществом — весьма близкие к законам джунглей — совершенно непригодны для того, чтобы обеспечить развитие массового и в то же время разнообразного сообщества людей — как групп, так и отдельных личностей — которое действительно позволяло бы им жить лицом к лицу, невзирая на расовые, идеологические и культурные различия, оказывать все более активное воздействие на развитие событий. Сейчас это социальное и политическое неравенство — которое было, возможно, допустимо и в силу необходимости приемлемо в предшествующие эпохи — стало абсолютно нетерпимым, а завтра оно сможет сыграть роковую роль в развитии человечества... Ведь, в сущности, если смотреть на будущее в долгосрочной перспективе, без справедливости нет и не может быть никакого стабильного мира или безопасности, никакого социального развития, никакой свободы личности, человеческого достоинства или приемлемого качества жизни для всех. Справедливость становится, таким образом, в новую эпоху условием sine qua non самого существования человеческого общества. Концепция справедливости приобретает сейчас все более широкое, отличное от прежнего толкование. Это связано с растущим осознанием необходимости более равномерного распределения власти и доходов между всеми гражданами, группами и странами. С моей точки зрения, широкая либеральная трактовка этого принципа предполагает обязанность общества неукоснитель-

[102] Печчеи А. Указ. раб. С. 160-161.

но следить за тем, чтобы действительно *все* обеспечиваемые системой блага — включая товары и услуги — предоставлялись в распоряжение *всех* без исключения членов общества, и при этом каждый имел бы достаточно реальную и равноправную возможность для раскрытия заложенных в нем способностей».[103]

Те же самые мотивы звучат в первом докладе (отчете) Римского клуба «Первая глобальная революция» (1990; русск. перевод: М., 1991), в котором выражена общая позиция его членов. Окончательные текст доклада был написан президентом клуба Александром Кингом и генеральным секретарем клуба Бертраном Шнайдером. Не приводя всего того, что совпадает со взглядами А. Печчеи, остановимся лишь на отношении авторов к рынку и рыночной экономике. «Одним из важных факторов последних лет является прогрессивный переход к рыночной экономике. Эффективность рынка как социального учреждения для использования продуктивной энергии человека и удовлетворения его потребностей сейчас признана повсеместно. Но, — пишут авторы, — механизмы рынка не способны решать глобальные проблемы, которые требуют долгосрочного стратегического подхода. Рыночные силы могут иметь опасные побочные моменты, поскольку они не основываются на общем интересе».[104]

Авторы дают в целом довольно пессимистическую картину современного состояния человечества. «Складывается впечатление, — читаем мы на первых страницах доклада, — что на пороге нового столетия человечество охвачено фатальным чувством неопределенности... Существует... неоспоримый факт: мировое неравенство, крайняя бедность и чрезмерное богатство несут всякого рода напряженности и конфликты».[105] «Ударная волна, — подводят авторы итоги сказанному в конце первой части доклада, — прокатившаяся по миру, разрушила систему ценностей и веру, не оставив никаких ориентиров. Авторитеты рухнули, мир усложнился, неопределенность возросла, будущее глобальное общество вырисовывается очень трудно, растет число нерешенных проблем, в крупных городах все еще наблюдаются вспышки насилия, угроза международного терроризма стала постоянной, распространились наркотики и связанные с ними преступления. Все это неотвратимо становится нормой жизни... Главная ценность общества — семья — оказалась разрушенной... Впервые в истории человечество столкнулось со столь грозными опасностями — несбалансированным экономическим ростом, утратой способности к управлению, нехваткой продовольствия и ресурсов, загрязнением среды, энергетическими кризисами, демографическим взрывом, усилением миграции, изменениями мировой геополитической ситуации...Традиционные управленческие структуры не могут справиться с клубком задач, люди беспомощны перед сложившейся ситуацией... Как не поддаться фатализму, покорно признавая неизбежность гибели человечества? Человечество должно дать ответ на брошенный ему вызов».[106]

Авторы видят выход в претворении в жизнь концепции устойчивого развития. «Такая концепция, — пишут они, — безоговорочно подразумевает общество, основанное на долгосрочном предвидении последствий своей деятельности, чтобы обеспечить неразрывность циклов обновления. Такое общество должно избегать несовместимых целей, а также быть обществом социальной справедливости, поскольку огромные различия в благосостоянии и привилегиях породят разрушительную дисгармонию. Дру-

[103] Там же. С.216-217.

[104] Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция // Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные документы М., 1997. С. 200.

[105] Там же. С.197

[106] Там же. С. 229-231.

гими словами, концепция утопичная, но к ней стоит стремиться. Общество устойчивого роста никогда бы не возникло внутри мировой экономики, основанной исключительно на действии рыночных сил, важных самих по себе для развития инновативности. Как мы отмечаем выше, рыночные силы реагируют на краткосрочные показатели и не могут быть хорошим гидом в долгосрочных перспективах... Сможет ли мировое хозяйство, движимое запросами потребителей, долго существовать? Конечно, это спорный вопрос, но и жизненно важный в настоящее время. Мы считаем, что потребительство в его современной форме не может продолжаться долго».[107]

Известный мыслитель и политический деятель, первый президент Европейского банка реконструкции и развития Жак Аттали в 1990 г. выпустил книгу «Линия горизонта» (англ. перевод: Тысячелетие. Победители и побежденные в грядущем мировом порядке. 1991; русск. перевод: На пороге нового тысячелетия. М. 1993), в которой предпринял попытку подвести итоги XX веку и наметить перспективы развития человечества в XXI веке.

Рисуя картину грядущего века, Ж. Аттали ожидает только худшего. «Даже в самых привилегированных нациях далеко не все получат равную долю при распределении бессметных богатств в новом мировом порядке. Например, большинство людей, живущих на более состоятельном Севере, залитом ошеломляющим потоком информации и развлечениями, превратится в слабоволых и обнищавших «пешек», которым предстоит быть лишь беспомощными свидетелями всемогущества и разгула меньшинства и испытывать при этом черную зависть. Простые люди, живущие в своих скромных городских предместьях или просто на улице, будут с чувством почтительного страха и с негодованием взирать на растущие словно на дрожжах состояния и на маячащие над их головами небоскребы власти, куда вход им будет запрещен».[108]

Общий его вывод: «Никогда еще мир не находился в таком плену у законов, диктуемых деньгами. Капитализм нахально выражает уверенность в своем полном превосходстве... Он вознаграждает победителей и карает побежденных. Но сам успех капитализма создает условия для его провала. Грядущий мировой порядок будет связан с опасностью: он будет относиться к природе как к товару и превратит самого человека в товар массового производства... Мечта о бесконечном, неограниченном выборе может завершиться такой кошмарной ситуацией, где вообще не будет никакого выбора. Мир изобилия может погрузиться в век всеобщей скудости».[109]

«Времена изменились, — подчеркивают Г.-П. Мартин и Х. Шуманн, — теперь повседневную жизнь большей части человечества формируют не прогресс и рост благосостояния, а дезинтеграция, уничтожение окружающей среды и культурная деградация».[110] Все это — результат действия никем не неконтролируемой, но крайне выгодной для определенных сил глобальной финансовой системы. «Выступить против этих сил, продолжают указанные авторы, — давно уже не отваживалось ни одно правительство. Всех, кто ратовал за реформы, быстро поставили на место. Тем не менее дни глобальной финансовой сочтены; рано или поздно не останется другого выбора как вновь установить жесткий государственный контроль над рынками капиталов. Ибо полностью совладать с хаотической динамикой финансового мира не под силу даже его действующим силам. Риск, накапливающийся в среде их обитания — киберпро-

[107] Там же. С. 211-212.
[108] Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. М., 1993. С. 26.
[109] Аттали Ж. Указ. раб. С. 121-122.
[110] Мартин Г.-П , Шуманн Х. Указ. раб. С. 52.

странстве миллионов взаимосвязанных компьютеров, можно сравнить с риском, заложенным в атомной технологии».[111] Как говорил ведущий нью-йоркский банковский деятель Феликс Рохатин, «смертоносный потенциал, заложенный в сочетании новых финансовых инструментов и высокотехнологичных методов торговли, может способствовать началу разрушительной цепной реакции. Сегодня финансовые рынки опаснее для стабильности, нежели атомное оружие».[112]

Американский экономист, директор Совета по внешним сообщениям (г. Вашингтон) Этан Капстейн писал в 1996 г.: «Возможно, мир неумолимо движется к одному из тех трагических моментов, что заставят будущих историков спросить: почему ничего не было сделано вовремя? Разве экономическая и политическая элиты не знали о том глубочайшем расколе в обществе, к которому привели экономико-технологические изменения? Что же не позволило им предпринять шаги, необходимые для предотвращения глобального социального кризиса?».[113]

В настоящее время капитализм как в центре, так и на периферии находится в состоянии кризиса. Нынешнее буржуазное общество не имеет будущего. И это все в большей степени осознается. «Парадоксы исторической арифметики, — пишет один из современных культурологов Александр Генис, — ставят перед нами новый вопрос: как жить без будущего?»[114] И единственный ответ, который может дать автор: «Будущее ведь недавнее изобретение. Большую часть своей истории человек обходился без него».[115]

В дополнение ко всему этому в мире капитализма в 2001 г. начался очередной экономический кризис. Как говорят западные экономисты, мир вступил в фазу затяжной рецессии. Экономика Японии уже десять лет находится в состоянии спада и застоя. МФВ предсказывает, что и 2002, и 2003 гг. не принесут этой стране ничего хорошего: спад продолжится.[116] Но сейчас спад темпов роста производства, перемежающийся со спадом производства охватил почти все развитые страны. В третьем квартале 2001 г. ВВП в США сократился на 0,4% по сравнению с предыдущим годом, а в целом рост ВВП в этом году составил 1%. Безработица достигла самого высокого за 20 лет уровня — 5,4%. В ФРГ рост ВВП была равен 0,6%, в Западной Европе в целом — 1,5%.[117] Уровень безработицы в 12 странах зоны евро достиг 8,4%.[118]

И хотя было с большой помпой было объявлено, что в 2002 г. рецессия в США закончилась, положение на финансовом рынке продолжает ухудшаться, падает курс доллара вместе со всеми значимыми фондовыми индексами, включая индекс Доу-Джонса. В 3 квартале 2002 г. основные мировые финансовые фонды спикировали до минимальным отметок за последние пять-шесть лет. Немецкий ДАКС, потеряв почти 40%, повторил рекорд падения 1959 г., а Доу-Джонс рухнул так, как не падал 15 лет. Трезвые аналитики считают, что из этой ямы финансовому рынку до конца года не выбраться.[119]

[111] Мартин Г.-П., Шуманн Х. Указ. раб. С. 121.

[112] Цит.: Там же. С. 126.

[113] Цит.: Там же. С. 312-313.

[114] Генис А. Указ. раб. С. 172.

[115] Там же.

[116] МФВ ожидает экономического спада в Японии // ВМН. 09.08.2002.

[117] См.: Бондарь Т. Экономика США потеряла знамя // Век. 2001. № 43; Блинов А. Главный банкир Америки // ВМН. 14.11.2001. Гук С. Еврозоне не угнаться за США // Там же. 12.01.2002; Там же. 18.01.2002.

[118] Уровень безработицы в 12 странах зоны вырос до 8,4% // ВМН. 08.08.2002.

[119] Падшая экономика // Деньги. 2002. № 39. С. 16

В США рекордно растет внешнеторговый дефицит, еслив первом квартале он составлял 112,5 млрд долларов, то во втором — уже 130 млрд. Для его пократия стране требуется приток капиталов в объеме 700 млрд долларов. Но условяих низкой учетной ставки и падающего финансового рынка ожидатть его не стоит. Наборот, иностранные инвесторы активно выводят свои капиталы из США. В первом квартали одна только Саудовская Аравия перевела в Европу около 200 млрд. долларов.[120] Почти у тысячи компаний США доходы упали до уровня 1997 г.[121] Попытки экономики США выкрабкаться из продолжавшейся длительное время стагнации блокируются разразившимися скандалами с отчетностью крупных корпораций США.[122]

Все это не случайно. Как говорил еще в 2001 г. известный российский экономист член-корреспондент РАН Сергей Юрьевич Глазьев, и финасовая сфера экономики США, и мировой финансовый рынок в целом очень далеко оторвались от реального сектора производства. Американские и мировые финасовые активы представлют собой гигантские «мыльные пузыри». Они не имеют по собой материальной основы и поэтому начинают лопаться. Долларовая масса сейчас обеспечена золотовалютными резервами США лишь на 4%. Курс доллара завышен на 25—30%. Поэтому и доллар, и экономика США могут рухнуть в любой момент. Во всяком случае «нет никаких сомнений в том, что перманентный кризис, в котором мировая финансовая система уже находится, будет развиваться и дальше».[123] Другой крупный российский экономист Михаил Леонидович Хазин в статье «Впереди — катастрофа. Экономические итоги и тенденции 2002 года» подчеркает, что пока фиктивно «накаченный долларовым воздухом» ВВП США не сократится на 20—25%, «никакого роста быть не может».[124]

Американский финансист Дж. Сорос предсказывает, что в течение блжайших нескольких лет курс доллра может упасть на 30—35%, что крайне негативно повлияет на состояние не только американской, но и мировой экономики.[125] Еще более радикальны оценки американского экономиста Линдона Х. Ларуша. Выступая на международной конференции в Абу-Дабу в июня 2002 г. он заявил, что в мире нарастает валютно-финансовый кризис, который уже подорвал экономику США и угрожает привести к банкротству всю мировую финансовую систему. По его мнению современный мир достиг сейчас исторического перекрестка. И если он будет продолжать идти по пути, выбранному американским и западноевропейскими правительствами, то следующее поколение людей будет жить в условиях, в котором находилась Европа примерно 750 лет назад. Нужно менять всю экономическую политику. «...Если мы не хотим увидеть закат человеческой цивилизации, — говорил Л. Ларуш, — нам необходимо создать элементарные условия для мирного прогресса человечества, включая основные экономические предпосылки».[126]

Так как капитализм не имеет будущего, то единственный выход из создавшегося положения заключается в ликвидации этой системы. Объективной необходимостью является смена его другим более прогрессивным общественным строем — коммунистическим.

[120] Там же. С. 17.

[121] Колесников А. Меняем «у.е.» на «е» // ВМН. 27.06.2002.

[122] См.: Кузьмин В. США пора искать спонсоров // НГ. 03.07.2002.

[123] Глазьев С. Доллар и США могут рухнуть в любой момент // Правда.17-18.08.2001.

[123] Хазин М. Впереди — катастрофа. Экономические итоги и тенденции 2002 года // Завтра. 2003. № 4. С. 4.

[125] См.: Скогорева А, Абраменко В. Конец эпохи доллара // Газета. 01.07.2002.

[126] Ларуш Л. Ближневосточный перекресток // Завтра. 2002. № 27. С. 4.

К. Маркс и Ф. Энгельс считали, что капиталистические отношения, как и все предшествовавшие им типы производственных отношений, рано или поздно перестанут стимулировать развитие производительных сил и превратяться в тормоз на пути их дальнейшего прогресса. Результатом будет замена капиталистических экономических отношений качественно иными. К. Каутский пришел к иной точке зрения. Как он писал: «...Нет оснований ожидать, что капитализм сам будет порождать контртенденции этому развитию (производительных сил — Ю.С.), которые с неизбежной необходимостью должны привести его к концу». В течение определенного периода были основания полагать, что К. Каутский был ближе к истине.

Однако сейчас положение изменилось. Еще в 1967 г. видный американский экономист Джон Кеннет Гэлбрейт в работе «Новое индустриальное общество» (русск. перевод: М., 1969) доказал, что в современном капиталистическом обществе непрерывно нарастают тенденции к уменьшению роли рыночного регулирования и увеличения значения планирования. Это связано с тем, что рыночные отношения все в большей степени тормозят развитие крупномасшабного производства.

Недавно вышла книга другого американского экономиста (когда-то бывшего гражданином СССР) Ильи Ставинского «Капитализм сегодня и капитализм завтра» (1995; русск. изд.: М., 1997). Эта работа, кстати сказать, привлекла внимание У.Дж. Клинтона, написавшего автору теплое письмо. В ней достаточно убедительно показано, что с ростом автоматизации и роботизации рыночные отношения становятся препятствием на пути дальнейшего развития производительных сил. Единственный выход из создавшегося положения И. Ставинский видит в замене частного капитала общественным.

Можно оспаривать доводы этих ученых. Но одно можно сказать с определенностью: на нынешнем этапе развития человечества дальнейшее существование капиталистических рыночных отношений с неизбежностью ставит под угрозу само бытие человека и человеческого общества. Сейчас, в наше время перед мировым человеческим обществом встала альтернатива: либо исчезнет капитализм, но сохранится человечество, либо погибнет человечество и тем самым, конечно, и капитализм. В этом смысле капитализм обречен безусловно, а человечество — условно.

К. Маркс и Ф. Энгельс полагали, что смена капитализма социализмом произойдет в результате пролетарской революции, в ходе которой все средства производства перейдут из частной собственности капиталистов в собственность всего общества. Но их предсказание о том, что рабочий класс развитых капиталистических стран станет могильщиком капиталистического общественного строя, не сбылось. Конечно, имеются серьезные основания предполагать, что развертывающееся сейчас в странах Запада наступление капиталистов на социальные завоевания рабочего класса приведет к новой его революционизации. Но это только предположение.

Ясно одно: прямая трансформация капитализма в социализм в развитых странах в настоящее время мало вероятна, если вообще возможна. Отсюда многими защитниками существующего строя делается вывод, что хорош или плох капитализм, но он будет существовать столько лет и веков, сколько еще просуществует человечество. И если бы во всем мире был бы такой капитализм, каким он является на Западе, то подобный вывод было бы оспорить трудно. Получается, что человечество зашло в тупик, выхода из которого нет. Человечество обречено на исчезновение. Люди обречены превратиться в скопление дрессированных зверей, или живых роботов.

И недаром И. Валлерстайн, который пришел к выводу, что сейчас наступил пери-

од неизбежного упадка и «окончательной смерти» капиталистического мира-экономики, что он полностью исчерпал свои возможности и поэтому должен быть заменен качественно иной исторической системой, практически ничего не может сказать, ни о том, какой будет это новая система, ни о том, как произойдет этот переход.[127]

«Сегодня мы живем посреди всемирной революции, — говорил в 1996 г. тогдашний генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос Гали. — Планета зажата в тисках двух мощнейших противоборствующих сил: глобализации и дезинтеграции». И тут же добавлял: «История показывает, что застигнутые революционными преобразованиями редко понимают их конечный смысл».[128]

Но попытаться проникнуть в сущность происходящего процесса необходимо. И помочь в этом сможет только обращение к опыту истории. Как свидетельствует история, кроме той формы смены формаций, которая выше была названа эндогенной стадиальной трансформацией, существует и иная — эстафетная — ее форма. Она уже дважды выводила человечество из тупика: первый раз таким образом произошла смена древнеполитарного общества серварным, вторым был переход от серварной формации к феодальной.

Эстафетная смена формаций возможна только в том случае, когда наряду с зашедшими в тупик социоисторическими организмами высшего для данного времени типа существуют социоисторические организмы иного типа. Именно такова ситуация, сложившаяся в мире к настоящему времени. Кроме ортокапиталистических обществ на земном шаре существуют паракапиталистические страны и государства, для которых характерен своеобразный симбиоз неополитаризма и рыночной экономики (Китай, Вьетнам и др.). Все периферийные общества в меньшей или большей степени усвоили достижения, которых добился Запад при капитализме. Но самое, пожалуй, важное: люди, живущие в странах периферии, пока сохранили пусть архаичную, но настоящую культуру, сохранили путь архаичную, но мораль, сохранили чувства долга, чести, совести, т.е. они все еще продолжают оставаться людьми в отличие от стремительно оскотинивающихся жителей государств центра.

Но для того, чтобы понять, в какой степени периферийный мир способен свершить рывок к новой общественно-экономической формации, необходимо рассмотреть его подробнее.

5.5. СТАРАЯ ПАРАКАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ПЕРИФЕРИЯ

Если в центре царит расточительность, то в странах старой зависимой периферии происходило и происходит постоянное воспроизводство обездоленности, нищеты подавляющего большинства их населения. Если свобода рынка внутри страны ведет к резкому классовому расслоению, то в мировом масштабе она с неизбежностью делает все более резкими различия между центром и периферией, между странами ортокапитализма и странами паракапитализма, т.е. углубляет расслоение на глобальные классы.

Согласно данным президента Всемирного банка (ВБ) Джеймса Вулфенсона, развивающиеся страны, в которых живет 81% населения мира, создают 18% совокупного

[127] Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С.112-130, 219-223 и др.; Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? // International Sociology. 2000. Vol. 15. № 2.

[128] Цит.: Мартин Г.-П., Шуманн Х. Указ . раб. С. 51-52.

внутреннего валового продукта (ВВП).[129] ВВП развитых индустриальных стран, где живет 1/5 населения Земли, составляет 24 трлн долларов. В то же время развивающиеся страны с 4/5 землян имеют только 5,8 трлн. И положение ухудшается. По данным ООН за последние тридцать лет доля общемирового дохода 20% беднейшего населения земного шара сократилась с 2,3% до 1,4%, тогда как доля 20% самых богатых наций выросла с 70% до 85%. В большинстве развивающихся стран в период с 1982 г. по 1990 г. шло неуклонное снижение потребления на душу населения.

Если жители стран центра, которые составляют 20% населения планеты, потребляют 86% всех материальных благ, создаваемых в мире, то 20% землян, проживающих в наименее развитых обществах, довольствуется 1,3%.[130] 358 человек из числа живущих на земном шаре владеют таким же богатством, что и 2,5 миллиарда людей вместе взятых, т.е. почти половина его населения.[131] Соотношение доходов 20% беднейших людей планеты и 20% богатейших составляет 1:75.[132]

К настоящему времени 70% людей, проживающих в развивающихся странах, едва сводит концы с концами.[133] Как указывает генеральный директор ЮНЕСКО Федерико Майор, треть населения этих стран обречена на смерть в возрасте до сорока лет, 152 млн детей в возрасте от 6 до 11 лет не ходят в школу, многие дети — жертвы сексуальной эксплуатации, эксплуатации на заводах, фабриках и полях.[134] По данным МОТ более 250 млн. детей в возрасте от 5 до 14 лет в развивающихся странах — рабы. 120 млн. работают полный рабочий день, без перерывов. 60 млн. детей в возрасте от 5 до 11 лет работают на «рискованном», опасном для жизни производстве.[135]

Если в США в 1991 г. на душу населения приходилось 2614 кг нефти, то в том же году в Индии — 62 кг, в Эфиопии — 14 кг, в Заире (ныне Демократической республике Конго) — 10 кг. Примерно также обстоит дело и с другими видами сырья. В целом на долю развивающихся стран, в которых живет 75% населения земли, приходится 17% производимой в мире энергии.

Из этих цифр следует, что страны периферии не могут по уровню производства и потребления сравняться со странами центра, не по одним лишь социальным причинам, но и по чисто физическим. Чтобы они смогли бы даже приблизиться к существующему в США экономическому уровню, пришлось бы добычу сырья увеличить в 75—250 раз. Но в таком случае природные ресурсы Земли были бы полностью исчерпаны в ближайшие двадцать лет.

Все надежды, что при существующих отношениях народы периферийных стран когда-нибудь будут жить так же, как живет население центра, тщетны. «Сказка сказана, — пишут Г.-П. Мартин и Х. Шуманн, — и теперь, когда ее знают все крестьяне Камчатки, Огненной Земли и Мадагаскара, вся бедная молодежь и молодая беднота, возникает вопрос: неужели мечта никогда не станет реальностью? Никакой Калифорнии или Германии для всех? Это еще куда ни шло. Но никакой Калифорнии или Германии для всех за пределами ЕС, Японии и «Богом благословенной страны» Соединенных Штатов Америки? Действительно, никакой жизни из грез для тех, кто уже ничего не имеет? Никогда!».[136]

[129] См.: Гук С. Это был не «азиатский грипп» // Известия. 27.09.1997.
[130] Михеев В. Качество жизни не зависит от доходов страны // Известия. 10.09.1998.
[131] Мартин Г.-П., Шуманн Х. Указ. раб. С. 46.
[132] Ивашов Л.Г. Международная ситуация и мировой капитал // СР. 01.06.2002.
[133] Тодаро М.П. Указ. раб. С.112.
[134] Майор Ф. Ответы на вопросы анкеты «МН» // МН. 1998. № 27. С. 15.
[135] См.: Авербух В. Мы — не рабы // Известия. 19.06.1999.
[136] Мартин Г.-П., Шуманн Х. Указ. раб. С. 64.

Одна из главных особенностей периферийного капитализма — крайне неравномерное распределение национального богатства и валового национального продукта. Огромная часть национального дохода поступает в распоряжение крайне ограниченного круга лиц, образующих господствующий класс. Этот класс делится на несколько олигархических группировок, между которыми ведется борьба за распоряжение национальным богатством и контролем за доходами. Олигархическая верхушка значительную часть дохода тратит на чрезмерное личное потребление не только сопоставимое, а нередко превосходящее личное потребления элиты развитых стран. Другая часть дохода тратится на приобретение земли.

Огромные суммы переводятся в банки развитых стран. С 1976 по 1985 г. только из пяти стран (Венесуэлы, Аргентины, Бразилии, Мексики и Филиппин) было вывезено резидентами примерно 200 млрд. долларов. К 1998 г. в заграничных банках находилось 75 млрд. долларов из одной лишь Аргентины. В одном только 2001 г. из этой страны «утекли» 20 млрд долларов.[137] В результате интересы господствующего класса периферийных стран тесно переплетаются с интересами верхушки развитых стран. По существу его члены служат не столько интересам собственных стран, сколько интересам господствующего класса держав центра. Поэтому эту верхушку часто характеризуют как компрадорскую. Наряду с бегством капитала идет утечка умов — миграция высококвалифицированных специалистов из развивающихся стран в развитые.

В результате утечки капитала из страны становятся невозможными внутренние инвестиции в ее народное хозяйство вообще, в промышленность в первую очередь. Отсюда огромная внешняя задолженность страны и большие траты на обслуживание внешнего долга, на выплату процентов по займам. За 1970—1992 гг. внешний долг развивающихся стран вырос с 68,5 млрд. долларов до 2 трлн., т.е. на 2000%. К середине 1999 г. он увеличился до 2,5 трлн. Расходы на его обслуживание в начале 90-х годов составляли 169 млрд. долларов. С 1980 г., когда долг стран Латинской Америки составлял 257 млрд. долларов, ими было выплачено до конца 1995 г. 448 млрд., а в результате долг вырос до 607 млрд. Все это имеет следствием обогащение стран-кредиторов за счет стран-должников.

Так как внутренние инвестиции практически отсутствуют, то вся надежда возлагается на привлечение капитала из развитых стран. Но в результате значительная часть, если не вся прибыль предприятий, созданных на иностранные вложения, переводится за границу.

Развивающиеся страны всегда были, а многие и сейчас являются поставщиками сырья для развитых государств и покупателями их промышленных изделий. Так как природные ресурсы обычно шли по ценам ниже стоимости, а промышленные товары продавались по ценам, превышающим их стоимость, то результатом было опять-таки обогащение ортокапиталистических стран.

Следствием всего этого была огромная зависимость развивающихся стран от развитых. «Для большинства стран Третьего мира, — пишет М.П. Тодаро, — подобная зависимость весьма значительна: в отдельных случаях она охватывает все сферы жизни».[138] Как следствие «развивающиеся страны сильно зависят от решений в столицах Северной Америки, Западной Европы и Японии (не говоря уже об МВФ и Всемирном банке)...».[139]

[137] Кузнецов П Аргентина-Россия· повторение кошмара // МН. 2002. № 1-2 С. 20.
[138] Тодаро М.П. Указ раб. С. 50.
[139] Там же. С. 97.

«Дело в том, — пишет премьер-министр Малайзии Махатхир Мохамад, — что политическое и экономическое положение почти всех бывших колониальных территорий не стало лучше, чем до обретения независимости. По многим аспектам по-прежнему сохранилась достаточно высокая степень колонизации. Прекратилась прямая политическая оккупация, но колонизация в других формах продолжается. Поэтому борьба за независимость далека от завершения. Даже те неевропейские страны, которые никогда не были колониями, не свободны от политического, экономического и социального ущемления... Истощенные племенными и гражданскими войнами, подвергаясь махинациями с их ресурсами посредством контролируемой издалека рыночной системы, неискушенные в государственном и экономическом отношении, эти развивающиеся страны, казалось бы, обречены навечно сохранить развивающуюся экономику. Некоторые из них действительно регрессировали и, похоже, продолжат движение по пути регресса. Их долги растут и будут накапливаться до тех пор, пока любые поступления, которые удастся собрать, не пойдут на погашение кредитов. Целые страны попали в долговое рабство к богатым государствам и работают на своих кредиторов, не имея никакой перспективы на освобождение... После тридцати с лишним лет независимости бывшие колонии Запада осознали всю никчемность завоеванной ими независимости. Они поняли, что стали еще более зависимыми, чем были в своем колониальном прошлом. Они поняли, что их политика, экономика, социальные и поведенческие системы находятся под прямым или косвенным контролем прежних хозяев-колонизаторов и великих держав».[140]

На внутреннем рынке периферийных стран практически отсутствует свободная конкуренция. На нем почти безраздельно господствуют олигархические группировки. В результате рынок теряет роль регулятора производства и не может обеспечить подъем экономики. Если на одном полюсе периферийного общества идет воспроизводство богатства, то на другом — нищеты и обездоленности. Верхи непрерывно богатеют за счет абсолютного обнищания подавляющего большинства населения. Это обнищание имеет место даже и в том случае, когда идет рост объема валового внутреннего продукта в расчете на душу населения.

Последнее время некоторые экономисты, а вслед за ними публицисты начали упорно говорить о том, что понятие третьего мира утратило всякий смысл. И дело, по мнению этих людей, не только в том, что исчез второй мир. Страны, которые традиционно объединялись под названием третьего мира, к настоящему времени стали столь различными, что ничего общего между ними практически найти нельзя.[141] Некоторые из них включаются и даже уже включились сейчас в мировую экономическую систему в роли равноправных партнеров.[142]

Доля истины в этих рассуждениях содержится. Если в начале и даже в течение первой половины XX в. все паракапиталистические социоисторические организмы были аграрными, то к концу этого столетия некоторые из них стали индустриальными. Их стали называть «новыми индустриальными странами». К числу их обычно относят Бразилию, Мексику, Сингапур, Гонконг, Южную Корею, Тайвань, Таиланд, Малайзию, Индонезию, Филиппины. Особое внимание при этом уделялось Сингапуру, Гонконгу, Южной Корее и Тайваню, которых именовали четырьмя «азиатскими тиграми». В 1997 г. Международный валютный фонд (МВФ) даже заменил термин «промышлен-

[140] Махатхир Мохамад. От имени своего народа. СПб., 1998. С. 147-149.
[141] Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция... С. 205, 220.
[142] Там же. С. 221.

но развитые страны» на словосочетание «страны с развитой экономикой», включив в число последних, кроме стран Запада и Израиля, всех четырех «тигров».[143]

Названные выше страны Латинской Америки и Азии действительно либо уже превратились из аграрных в индустриальные, либо близки к этому. Но при этом они не стали ортокапиталистическими. Эти страны как были, так и остались паракапиталистическими, зависимыми. Однако держать их в зависимости ортокапиталистическому центру оказалось труднее, чем раньше. Некоторые из этих стран предприняли попытки вести более независимую политику.

И тогда центром были приняты чрезвычайные меры. Все эти страны давно уже были включены в глобальную финансовую систему, о которой выше уже шла речь (5.2). Инструментом воздействия на экономику данных стран стал циркулировавший в этой системе гигантский спекулятивный (фиктивный) капитал. В начале 80-х годов был инициирован финансовый кризис, который серьезно подорвал экономику новых индустриальных стран Латинской Америки. С середины 80-х годов все три сменивших друг друга президента Мексики послушно выполняли все предписания Всемирного банка, Международного валютного фонда и правительства США, направленные на полное освобождение рынка. По началу внешне выглядело неплохо. Но в декабре 1994 случилось неизбежное: мыльный пузырь лопнул. В стране же развернулся новый кризис, который с легкой руки тогдашнего руководителя МВФ Мишеля Камдессю получил название «первого финансового кризиса 21 века».[144]

В середине 1997 г. настала очередь новых индустриальных стран Юго-Восточной Азии, не исключая и «азиатских тигров». Они стали «второй финансовой жертвой».[145] Резко обострившийся осенью валютно-финансовый кризис настолько подорвал экономики этих стран, что наблюдатели стали говорить об экономической катастрофе. «Азиатских тигров» переименовали в «больных котят». По мнению премьер-министра Малайзии Махатхира Мохамада, страны ЮВА были отброшены на 10—15 лет назад.[146] В Малайзии доход на душу населения снизился с 5000 долларов до 1500.[147]

Группа индустриально развитых стран («семерка») и МВФ предложили каждой из этих стран большие займы (одной лишь Южной Корее 57 млрд. долларов), но на предельно жестких условиях: снижение темпов роста, отказ от реализации индустриальных проектов стратегического значения, прекращение государственного контроля над рынком капитала, свободный допуск на внутренний рынок западных корпораций с их финансами, товарами и услугами с одновременным прекращением субсидирования национального торгового бизнеса, ликвидация значительного ряда предприятий и сокращение персонала остальных, обеспечение большей открытости национальных экономик, прежде всего для контроля со стороны международных финансовых институтов, свертывание всех социальных программ.

Вынужденные согласиться с предписаниями МФВ руководители этих стран жаловались, что давление извне возвращает их в колониальное прошлое.[148] Предста-

[143] Развитых стало больше // Известия. 30.04.1997.

[144] Asia's Economic Crisis. // Economist. November 15 1997. P. 19; Калашников В. Давление на Москву продумывалось // НГ. 23.10.1998.

[145] Asia's Economic Crisis. P. 19.

[146] Махатхир Мохамад. Указ. раб. С. 186.

[147] Там же. С. 234.

[148] См.:например, Полищук Л. Кризис в Восточной Азии снизил привлекательность азиатской модели // ФИ. 02.12. 1997. С. V.

вители беднейших стран, входящих в «Группу 24» на встрече в феврале 1998 г., обсуждая валютно-финансовый кризис в Азии, прямо заявили, что диктуемая МВФ и ВБ «открытость» подставляет их экономику «под паровой каток финансового кризиса».[149]

Премьер-министр Малайзии Махатхир Мохамад еще в сентябре 1997 г. изложил свое понимание причин кризиса. «...Малайзия и соседние страны Юго-Восточной Азии продолжали развиваться и процветать. Непокорные, упорные и порой дерзкие, эти выскочки, и особенно Малайзия, опрометчиво осмелились поставить более высокие цели, чем развитые могущественные страны, которые двигают и сотрясают мир... Среди тех, кто контролирует большие деньги и средства массовой информации, похоже, есть немало людей, желающих, чтобы эти страны Юго-Восточной Азии и, в частности, Малайзия знали свое место и отказались от своих попыток догнать вышестоящих. Если они не сделают это добровольно, то их следует заставить, а уж у этих людей есть средства и возможности навязать выскочкам свою волю».[150]

В середине июня 1998 г. лидер Малайзии обрушился на «легионеров современного капитализма», которые столкнули азиатские страны в пучину кризиса. Как заявил он, в результате этого кризиса и вмешательства МВФ банкротами становятся местные компании, банки и правительства, происходит захват национальных экономик транснациональными корпорациями. Азиатским странам грозит опасность превращения в «банановые государства». Но, как убежден Махатхир Мохамад, «народы не потерпят новых чужеземных властелинов...начнется партизанская война за освобождение».[151]

Касаясь роли, которую сыграл в рассматриваемом кризисе МВФ, известный американский экономист М. Фридмен писал: «Международный валютный фонд был дестабилизирующим фактором в Восточной Азии, не столько в силу условий, которые он налагал на своих клиентов..., сколько из-за того, что он пытался уберечь частные финансовые институты от последствий тех ошибок, которые они сделали. Не будет преувеличением сказать, что если бы не существование МВФ, то не было бы и восточноазиатского кризиса...».[152]

«Опыт Азии и России, — возмущался американский экономист Джеффри Сакс, — показывает, что МВФ просто-напросто не понимает разрушительной мощи своих собственных советов. В Восточной Азии МВФ исходил из того, что его политика приведет в 98-м году к 3-процентому росту экономики в Индонезии, Корее и Таиланде. Вместо этого его политика вызвала экономический коллапс — на 7% сократился ВВП в Корее и Таиланде и на 15% — в Индонезии. МВФ полагал, что в России его политика сохранит стабильность рубля и предохранит реформы от провала. Но произошло обратное — высокие процентные ставки перевернули воз российской экономики».[153]

Дж. Сакс все еще верит, или делает вид, что верит в благие намерения МВФ. Но многие специалисты давно уже поняли его истинную роль. Еще 22 апреля 1992 г., один из ведущих экспертов по развивающимся странам — Джон Каванг писал в газете «Нью Йорк таймс», что «МВФ во многих отношениях напоминает средневекового доктора, который лечит все болезни с помощью пиявок, обескровливающих пациента. У меня создается впечатление, что фонд весьма успешно мобилизует ресурсы

[149] Михеев В. Финансовый кризис в Азии подорвал доверие к МФВ // Известия. 11.02.1998.

[150] Махатхир Мохамад. Указ. раб. С. 162-163.

[151] См.: Слюсареико М. Олигархам угрожают партизанской войной в Азии // Известия. 16.06.1998.

[152] Фридман М. Уроки финансового кризиса. МВФ был дестабилизирующим фактором в Юго-Восточиой Азии // НГ. 23.10.1998.

[153] Цит.: Пушков А. Давос-99: Как быть с глобальным самотеком // НГ. 09.02.1999.

стран на оплату долгов коммерческим банкам, но подобные действия разрушительны с позиций долговременного здоровья этих стран».[154]

Еще более резко выразился американский экономист Л.Х. Ларуш: «Сегодня англо-американцы грабят большую часть планеты при помощи убийственной и кровожадной практики Международного валютного фонда. Он ежегодно добывает сотни миллиардов долларов для экономики США».[155] По мнению американского экономиста Уолдена Белло именно МВФ, ВБ и ВТО несут солидарную ответственность за нищету и неравенство, царящие в странах третьего мира.[156] МВФ требует от стран-должников прежде всего массовой приватизации и демонтажа системы социальных гарантий (бесплатного образования, здравоохранения, реформы ЖКХ и т.п.).[157] Характеризуя рекомендации МВФ по изменению экономической структуры стран периферии, английский экономист Джон Росс пишет, что их выполнение обрекает их население на «голод и нищету».[158] Американский специалист по внешним долгам Сьюзен Джордж вторит ему: «Структурные изменения — это геноцид».[159]

Ведь действительно, сколько апологетами капитализма говорилось о гигантских успехах, которых добилась, например, Индонезия за последние тридцать лет: индустриализация, внушительный рост валового национального продукта не только в абсолютных цифрах, но в расчете на душу населения, значительное повышение общего жизненного уровня. Все это использовалось для опровержения концепций зависимого развития и периферийного капитализма. А конечный результат? Только в одной Джакарте 2,5 млн. людей живут в трущобах в ужасающей нищете. Министр продовольствия Индонезии вынужден был признать, что 70 млн. жителей страны живут впроголодь, едят 1—2 раза в день. В целом из 202 млн. населения страны более 100 млн., человек живет за чертой бедности.[160]

После Юго-Восточной Азии финансовый и экономический кризис поразил Россию, а затем обрушился на Бразилию.[161] За ней последовали Эквадор, а затем Перу и Колумбия. Крайне тяжелое экономическое положение сложилось в Венесуэле, где на волне народного недовольства в 1998 г. на президентских выборах победил радикально настроенный Уго Рафаэль Чавес Фриас.[162] А во второй половине 1998 г. мировая и российская печать все чаще стала говорить уже о мировом финансовом и даже экономическом кризисе.[163]

[154] Цит.: Тодаро М.П. Указ. раб. С. 435.

[155] Цит.: Масленников В. Спросите с Лившица! // СР. 10.12.1998.

[156] См.: Гук С. В Порту-Алегри ищут альтернативу МВФ // ВМН. 31.01.2002.

[157] См.: Кагарлицкий Б. Иногда деньги стоят слишком дорого // Труд. 05.11.2002.

[158] Там же

[159] Там же.

[160] См.: Митин С., Юсин М. Конец индонезийского чуда // Известия. 9,10,11.06.1998; Слюсаренко К. В Индонезии недоедают 70 миллионов // НГ. 02.10.1998.; Голубчиков Ю. В чем виновата Индонезия // НГ-сценарии. № 11. Ноябрь 1998 г.; Индоиезия: уверенные шаги к пропасти // ОГ. 19-25.11.1998.

[161] См. Дорнбуш Р. Моиетаризм не работает без доверия инвеститоров // НГ. 18.11.1998; Сакс Дж. МВФ игнорирует реалии // Там же; Никольский А. Россия-Бразилия. 1:1. Оба любимых клиента МВФ доигрались до кризиса // Известия. 15.01.1999.

[162] См.: Борисова М. Ставка больше чем жизнь // ВМН. 10 марта 1999 г.; Чрезвычайное положение в Эквадоре // НГ. 16.03.1999.; Сакс Дж. В Южной Америке усиливается финаисовый шторм // Там же. 7 апреля 1999 г.

[163] См.: Кризис охватил весь мир // Известия. 29.08.1998; Софрончук В. Мировой кризис и беспомощный МВФ // СР. 13.10.1998; Логинов В., Кузьмичев В. Мировой кризис длится целый год // НГ-политэкономия. 1998. № 16.

Бесконечный ряд катастроф, постигших в эти годы самые различные страны, общее между которыми состоит в том, что их правительства ревностно вели политику, диктуемую МВФ, повсеместно подорвали доверие к этому учреждению. К отказу от исполнения его рекомендаций призывает теперь не только Махатхир Мохамад. Напуганы последствиями, которыми эти катаклизмы могут обернуться для центра, и некоторые более или менее дальновидные западные экономисты.

«Как великолепно это получается у МВФ, — иронизировал уже известный нам Дж. Сакс, — пять масштабных планов спасения и пять грандиозных провалов. Последней с рельсов сошла Бразилия... Очень вероятно, что от этой катастрофы пострадает не только Бразилия, но и большая часть Латинской Америки. Всего этого можно было бы избежать, но халатность проявили все три «машиниста», управлявшие бразильской экономикой: и правительство, и МВФ, и американские официальные лица. И пока их, и прежде всего МВФ, не призвали к ответу за провалы, всем нам грозит в одно прекрасное утро проснуться от финансового землетрясения, способного подорвать уровень жизни в развивающихся странах и угрожать стабильности во всем мире. Откровенно говоря, МВФ заботился об интересах Уолл-стрит... Стратегии МВФ-США, требующей от стран защищать курс национальной валюты, вводя высокие процентные ставки, подкрепляемые займами МВФ, следует положить конец, а директору МВФ г-ну Мишелю Камдессю — указать на дверь. Бразилия поняла, что к чему, но этот урок достался ей дорогой ценой. Другие развивающиеся страны должны ввести гибкие валютные курсы и умеренные процентные ставки и отбросить от себя «спасительные» займы МВФ, как кубок с ядом».[164]

Генеральный директор Всемирного экономического форума (ВЭФ), проводимого в Давосе, Клод Смаджа возложил все ответственность за разразившуюся в Азии «человеческую катастрофу» на МВФ. «Я потрясен, — сказал он, — теми ошибками в анализе и действиях МВФ, которые превратили вполне управляемый кризис в настоящую катастрофу. Они высокомерно хотели применить американскую финансовую модель ко всему миру, и еще неизвестно, какие последствия и раны это оставит».[165] Стоит ли повторять, что дело вовсе не в халатности и ошибках.

Генри Киссинджер на давосском форуме 1999 г. признал, что деятельность международных финансовых институтов провоцирует падение правительств и обостряет социальную напряженность в ряде стран мира. Его больше всего беспокоит, что для руководства этих стран стратегия МВФ становится неприемлемой, поскольку является источником внутренних трудностей, — ведь все это ведет к тому, что эти страны отдаляются от Запада.[166]

Уже упоминавшийся выше Мохатхир Мохамад не ограничившись критикой, бросил вызов всемогущему МВФ, категорически отказавшись принять от него помощь на диктуемых последним условиях. Он, как писали журналисты, «повернулся спиной к свободному рынку», что вызвало гнев США, развязавших против него пропагандистскую войну. На очередном форуме Организации азиатского-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), состоявшемся в ноябре 1998 г. в столице Малайзии, вице-президент США А. Гор, вопреки всем дипломатическим правилам,

[164] Сакс Дж. Бразильский финансовый экспресс сходит с рельсов. Губительной стратегии МВФ-США следует положить конец // НГ. 30.01 1999.

[165] Цит.: Смирнова М. Открылся форум в Давосе. Мировые финансовая и политическая элиты обсудят кризис в Азии, России и ситуацию в Бразилии // НГ. 29.01.1999.

[166] См.: Пушков А. Указ. раб.

выступил с речью, в которой подверг резкой критике руководство этой страны и поддержал оппозицию, невзирая на то, что она прибегала к насильственным формам борьбы. Его позицию полностью одобрил президент США.

Но ничего не помогло. В заключительном коммюнике форума были рекомендованы методы выхода из экономического кризиса, прямо противоположные тем, что навязывал МВФ.[167] Приняв оригинальные, шедшие вразрез с со стандартными рецептами западных либеральных экономистов, решения, Махатхир Мохамад за два с небольшим года вывел Малайзию из тяжелейшего экономического кризиса.[168]

Совершенно иная участь постигла Аргентину, которая послушно следовала всем предписаниям МВФ. Вдохновителем неолиберальных реформ был министр финансов Доминго Кавальо, которого наша «демократическая» печать величала «отцом аргентинского чуда». После августовского дефолта 1998 г. в России «демократы» категорически настаивали на том, что России нужно полностью принять экономическую стратегию Д. Кавальо. Сам он приехал в нашу страну, чтобы проконсультировать Б.Н. Ельцина и его окружение. Но В.С. Черномырдин не прошел в премьер-министры, а Е.М. Примаков и его правительство, к счастью, отвергли все подобного рода планы.

При Д. Кавальо внешний долг достиг астрономической суммы — 214 млрд долларов. С 1996 г. численность полностью и частично безработных неизменно превышала 32%. Непрерывно росла бедность. К 2001 г. число аргентинцев, проживавших в условиях крайней нищеты, достигло более 12 млн человек, что составляет примерно треть населения.[169] Все это в декабре 2001 г. завершилось полным крахом экономики страны, что вызвало широкие народные выступления, в ходе которых погибло 27 человек и более 200 ранено.

Экономический кризис привел к политическому. За две недели в стране сменилось пять президентов. Так как экономический кризис сделал недоступной для малообеспеченной части населения даже самую элементарную пищу, власти вынуждены были ввести в стране «чрезвычайное продовольственное положение».[170] Новое правительство Аргентины, подвергнув критике деятельность МВФ, заявило, что «эксперты МВФ не владеют ситуацией в стране и чем меньше они будут давать советов, тем лучше».[171] Бывший главный экономист Всемирного банка Джозеф Стиглиц заявил, что МВФ допустил непоправимые ошибки, консультируя Аргентину. А еще ранее он неоднократно говорил, что подобного просчеты МВФ были характерны для этой организации и раньше, начиная с азиатского кризиса 1997 г. Необходимо реформирование мировой финансовой системы и эта реформа должна начаться с самого МВФ.[172]

Вслед за Аргентиной экономические неполадки начались и в других странах Латинской Америки. Пошатнулись денежные единицы Чили и Мексики.[173] В состоянии жесточайшего кризиса находится Колумбия. 30 июля 2002 г. валютный кризис разразился в Уругвае. Это было кульминацией экономического спада, который продолжался четвертый год. Спасло экономику страны от полного краха только вмеша-

[167] См.: Косарев Д. После победы. Форум АТЭС стал триумфом Малайзии, но это не сняло ее проблем // НГ. 09.12.1998.

[168] См.: Доктор Махатхир Мохамад. Политик и личность М., 2001.

[169] Ларин Е. Как «чикагский мальчик» погубил богатую страну // Правда. 28.12.2001.

[170] Вадимов Д. Аргентиицам нечего есть // ВМН. 18 01.2002.

[171] См.: ВМН. 15.01.2002.

[172] См.: ВМН. 18.01.2002.

[173] Кочук Г. Латинская Америка опасается кризиса // Труд. 26.06.2002.

тельство США, которые в счет нового кредита от МВФ представили 1,5 млрд долларов.[174] В начале августа наступила очередь самой большой латиноамериканской страны — Бразилии, общая сумма внешнего долга которой достигла цифры в 250 млрд долларов. Стал стремительно обесцениваться бразильский реал. Крах крупнейшей экономики Южной Америки с неизбежностью должен был утащить за собой в пропасть весь регион и существенно сказаться на мировой экономике и без того, пораженной кризисом. Чтобы спасти положение МВФ принял выделить Бразилии ссуду в 30 млрд долларов, 80% которой будут выплачены в течение 2003 г. Только экстренные внешние валютные вливания поддерживают пока экономику Бразилии на плаву. Стоит им прекратиться, и страна рухнет в ту же пропасть, что и Аргентина. И причины те же самые — неуклонное следование рецептам МВФ.[175]

Иначе обстоит дело в Венесуэле, которая после прихода к власти У. Чавеса отвергла рекомендации МВФ. Как писал директор еженедельника «Монд дипломатик» Игнасио Рамонета: «Венесуэльский процесс является самым важным из тех, что идут сейчас в Латинской Америке. В Перу программа Толедо пошла ко дну, амбициозный план Висента Фокса в Мексике не работает, в Аргентине неолиберализм потерпел поражение. А в Венесуэле пока не произошло ни одной катастрофы».[176]

По инициативе генерального секретаря ООН Кофи Анана в марте 2002 г. в мексиканском городе Монтерее состоялась конференция по финансированию развития, на которой он рассчитывал добиться в ближайшие годы увеличения вдвое помощи развивающимся странам со стороны развитых. Она кончилась полным провалом. Как пишут журналисты, участники конференции занимались переливанием из пустого в порожнее. Как признал Кофи Анан, конференция не помогла ни добиться эффективной помощи в борьбе с бедностью, ни ослаблению удавки внешней задолженности на шее развивающихся стран.[177]

Характеризуя отношение Запада и стран периферии известный экономист Михаил Геннадиевич Делягин писал: «Поскольку либерализм вытягивает из всего мира финансы и интеллект, остальной мир перестает эти финансы и интеллект производить, превращается в Сахару, откуда ничего, кроме песка терроризма, извлечь уже невозможно. Иными словами, либерализм разрушает мир, и Запад пытается отгородиться от создаваемой им же мировой пустыни: зачем нам эта преступность, зачем нам эта бедность, зачем нам эти безграмотные и больные люди, зачем нам все эти проблемы вообще?»[178]

5.6. МЕСТО БЫВШИХ НЕОПОЛИТАРНЫХ СТРАН В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Вхождение того или иного социора в состав мирового сверхорганизма означает занятие им определенного места в его иерархической структуре. Все страны, входившие ранее в состав неополитарной мировой системы, с развалом этой системы превра-

[174] Кармен А. Доживет ли Уругвай до понедельиика //ВМН. 02.08.2002; Теперман В. Экономики рушатся в ритме таиго // Там же; Минаев С. США спасают уругвайское песо // Коммерсантъ. 06.08 2002; Алексеев А. Падают, падают, падают песо ... // Там же.

[175] Уваров Д. И Бразилию вылечат // ВН. 09.08.2002; Скогорева А. Как стать Бразилией // Газета. 12.08.2002; Черковец О. Модель петли // СР. 18.08.2002.

[176] Цит.: Трушин А. Захват Каракаса // ВМН. 12 10.2002.

[177] См.: Кочук Г. Из пустого в порожиее переливают участники международного форума в Моитерее // Труд. 22.03.2002.

[178] Делягин М. Либеральный тупик // Завтра. 2001. № 43.

тились в периферийные. В результате наряду со старой периферией («третьим миром»), возникла новая периферия, которую составило большинство стран, ранее входивших во «второй мир».

Однако не все государства, входившие ранее в мировую неополитарную систему, стали зависимыми от ортокапиталистического центра. Новая периферия подразделилась, таким образом, на две части: периферию, не находящуюся в зависимости от ортокапиталистического центра, и периферию, которая, как и старая периферия, оказалась в зависимости от последнего. В результате сейчас существуют три исторических мира: ортокапиталистический мир, зависимый периферийный (паракапиталистический) и независимый периферийный. Ортокапиталистический мир образует единую систему, которая является мировой. Зависимый периферийный и независимый периферийный миры систем собой не представляют.

В странах новой зависимой периферии, взявших курс на реставрацию капитализма, возникает или уже возник тот или иной вариант паракапитализма. Это произошло со всеми странами Восточной и Центральной Европы, и почти со всеми государствами, возникшими в результате распада СССР, не исключая России. Правда, ни элита, ни широкие массы населения этих стран до сих пор четко не осознали, что тот строй, который в них возник, это — вовсе не переходный этап к капитализму в той форме, в которой он существует в центре системы, а иной, причем тупиковый, вариант капитализма. Они оказались в яме, из которой до сих пор ни одна страна, оказавшаяся в ней, не выбиралась.

В какой-то степени сознание этого все же пробивает дорогу в ряде стран Восточной и Центральной Европы. Именно стремление выбраться из этой ямы, пробиться в центр побуждает эти страны к вступлению не только в Европейское сообщество, но в НАТО. Однако непохоже, что это их спасет. Почти все, если не все, они обречены жить при паракапитализме.

Подобный ход событий давно уже предсказал известный нам А.Г. Франк. «Долгосрочный экономический парадокс, — писал он в статье, впервые увидевшей свет еще в 1991г., — заключается в том, что многие восточноевропейцы «второго мира», стремящиеся присоединиться к «первому миру, вместо этого обнаружат себя в «третьем мире» Юга».[179] А вот что было сказано на «круглом столе», посвященном десятилетию начала «реформ» в этих странах: «...Не оправдались надежды на преодоление разрыва между Востоком и Западом Европы ни в социально-экономическом, ни в технологическом отношении. За десять лет перемен бывший «второй мир» (за некоторым исключением) отдалился от столь желаемых стандартов «первого мира» и в целом скорее приближается к «третьему миру».[180]

Для целого ряда неополитарных государств, возникших на территории СССР, путь в паракапитализм после распада этой страны был во многом предопределен. Но только не для России. Последняя, оказавшись перед необходимостью изменения социально-экономического строя и внедрения рыночных отношений, вообще могла бы избежать капитализма.[181] Условием было сохранение достигнутой в результате Октябрьской рабоче-крестьянской революции 1917 г. экономической и политической са-

[179] Франк А.Г. Экономические парадоксы в мировой политике // Восток. 1992. № 6. С. 14.

[180] Демократические революции в Центральной и Восточной Европе: десять лет спустя // НИИ. 2002. № 2. С. 91.

[181] См.: Семенов Ю.И. Россия: Что с ней было, что с ней происходит и что ее ожидает в будущем? М., 1995.

мостоятельности. И это было вполне реально, как это можно видеть на примере Китайской Народной Республики.

Китай, начавший в 1978 г. реформирование своей экономики, полностью сохранил экономическую самостоятельность и в результате добился огромных хозяйственных успехов. С тех пор объем ВВП вырос в 5,5 раза и к 2002 г. составил 1,13 трлн долларов (6-е место в мире). В среднем с 1990 по 2000 г. темп его роста составлял около 10,3%. Внешнеторговый оборот Китая к началу 2002 г. достиг почти 510 млрд долларов, валютные запасы — 228 млрд. На протяжении всех этих лет шел неуклонный рост жизненного уровня населения. Доходы населения за 20 лет выросли в 20 раз и продолжают увеличиваться. Инфляция доведена почти до нуля. Накопления китайского населения достигли суммы в 933 млрд долларов.[182] Все это отнюдь не означает, что в Китае все обстоит благополучно. В китайском обществе возникла масса сложнейших проблем, которые не легко поддаются решению.[183] Но в целом оно пока развивается по восходящей линии, чего о России не скажешь.

Китай не вошел в мировой центр, но не оказался и в составе зависимой периферии мирового капитализма. И при этом Китай начал с уровня, значительно более низкого, чем тот, который существовал в России в 1991 г. Таким образом, у России была вполне реальная возможность сохранить экономическую самостоятельность и не оказаться в составе зависимой мировой периферии. Однако она этой возможности не использовала. Кризис, а затем и крушение неополитаризма в СССР не был, разумеется, результатом капиталистического заговора, хотя, конечно, внешние силы были заинтересованы в таком исходе и всемерно ему способствовали.

Но после августа 1991 г. в СССР пришли ко власти новые политические силы, которые во всем стали ориентироваться на Запад. Именно туда они обратились за помощью в деле реформирования экономики страны. Верхушка капиталистического мира была крайне заинтересована в уничтожении неополитаризма и утверждения на территории СССР капитализма. Однако меньше всего она хотела вхождения этой страны в состав центра. Поэтому были приняты все усилия для того, чтобы развитие этой территории пошло по пути к паракапитализму, чтобы она стала составной частью зависимой периферии всемирной капиталистической системы.

И дело тут не в чьих-то субъективных злых умыслах. Как на это указывал И. Валлерстайн, число стран-членов ядра (центра) капиталистического мира-системы с неизбежностью ограничено. Необходимое условие вхождения какого-либо государства в состав центра — перемещение примерно такого же по масштабам социоисторического организма из центра в периферию. Исходя из размеров России, нельзя не понимать, что ее восхождение в центр должно было сопровождаться выпадением из него не одного, а нескольких государств. Разумеется, ни одно государство центра не могло с этим примириться.

Все это — своеобразное проявления закономерности, действующей в любом классовом общества. Суть ее в том, что число эксплуататоров в обществе не должно превышать определенного процента состава его населения, не всегда совершенно одинакового в обществах разного типа. Как уже отмечалось, сейчас на Земле возникло глобальное классовое общество. И в нем с неизбежностью действует названная закономерность.

[182] См.: Видьманов В,М. Опыт Китая поучителен // Правда. 23-24.11. 2001; Блинов А. Китай в эпоху перемен // ВМН. 15.05.2002.

[183] См.: Ху Депин. Построить социализм в одной стране // ВМН 31.10.2002; Делюсин Л. «Борьба вокруг смены руководства закончится только на съезде» // ВН. 04.11.2002.

5.7. ПРЕВРАЩЕНИЕ РОССИИ В ЗАВИСИМУЮ ПЕРИФЕРИЙНУЮ СТРАНУ

5.7.1. Запад и «демократические реформы» в России

У мировой экономической элиты было накоплен огромный опыт работы с периферийной экономикой, в частности, опыт укрепления зависимости этой экономики от центра. Роль важнейших орудий такого регулирования периферийной экономики, при котором она была бы важным источником доходов центра, выполняли Международный валютный фонд (МВФ), Международный банк реконструкции и развития (МБРР) и Международная ассоциация развития (МАР). МБРР и МАР вместе образуют организацию, известную под именем Всемирного банка (ВБ). ВБ имеет филиал — Международную финансовую корпорацию (МФК). Все эти международные экономические институты находятся под фактическим контролем США.

Привлеченные руководством России западные, прежде всего американские, экономисты разработали план реформирования экономики страны, а затем в качестве советников президента и правительства страны при поддержке и нажиме МВФ и ВБ обеспечили претворение его в жизнь. Результат известен — полный развал экономики страны.

Американцы с 1992 г. вплоть до сентября 1998 г. и прямо, и через МВФ определяли экономическую политику правительства России, которое вначале возглавлял Егор Тимурович Гайдар, а затем — Виктор Степанович Черномырдин. Механизм был довольно прост. Все ключевые параметры российской государственной экономической политики на новый год разрабатывались экспертами МВФ и направлялись правительству России. В ответ следовали «Заявление Правительства и Центрального банка РФ о среднесрочной стратегии и экономической политике на [...] год», в котором давалось обязательство неуклонно выдерживать предложенные параметры, и «Приложение к Заявлению», в котором излагались все основные требования МВФ. Но хотя и «Заявление», и «Приложение» шли от имени российского руководства, эксперты МВФ не обременяли российских чиновников работой, они писали эти документы сами. В России их лишь переводили с английского языка на русский.[184]

В сентябре 1997 г. в «Независимой газете» было опубликовано письмо заместителя министра финансов США Лоуренса Саммерса первому вице-премьеру российского правительства Анатолию Борисовичу Чубайсу в котором содержались указания, каким должен быть экономический курс России.[185] Затем было предано гласности содержание посланий руководителей МФВ и ВБ главе правительства России.[186]

По этому поводу главный редактор «Независимой газеты» Виталий Товиевич Третьяков писал: «Опубликованные во вчерашнем номере «НГ» выдержки из писем главе российского правительства Виктору Черномырдину руководителя Всемирного банка Джеймса Вулфенсона и директора-распорядителя Международного валютного фонда Мишеля Камдессю оставляют настолько тяжелое впечатление, что к этому факту стоит еще раз вернуться... Давайте называть вещи своими именами: речь по существу идет о внешнем управлении, по крайней мере, экономикой нашей страны. Пусть этим

[184] См.: Глазьев С. Как добиться экономического роста? // РЭЖ. 1996. № 5-6. № 7; Величенков А. Куда мы идем с МВФ? // Там же. 1996. № 8

[185] См.: НГ. 26.09.1997.

[186] См.: Кошкарева Т, Нарзикулов Р. Зачем России собственное правительство? // НГ. 18.12.1997.

занимаются и умные люди, но, во-первых, они не граждане России, а во-вторых, их никто не избирал и не назначал внутри РФ, т.е. господа Камдессю и Вулфенсон абсолютно не ответственны ни перед кем в нашей стране. Так управляют банкротами. И если такое управление наличествует, значит и управляющие, и управляемые факт банкротства признают... Существуют ли вообще гордость и честь, не гражданские, а хотя бы человеческие у руководства нашего правительства? В отставку нужно подавать сразу же. Кто же вас будет всерьез воспринимать из ваших подчиненных... после того, как подобные письма вам публикуются, а главное — вам пишутся, вами читаются и вами превращаются в якобы ваши указы и постановления? Холопы, настоящие холопы!».[187]

Столь же послушным был и преемник В.С. Черномырдина на посту премьера — Сергей Владиленович Кириенко. «Позвольте заверить Вас, — писал он М. Камдессю, — в моей готовности всячески содействовать всесторонней реализации программы, описанной в Меморандуме (МВФ — Ю.С.), и предпринять все меры, необходимые для достижения ее целей».[188]

В настоящее время роль руководства США и международных экономических организаций в разрушении экономики России ясна как россиянам, так и западным ученым. «Ведь именно рецепты МВФ и Министерства финансов США, — указывал директор Института США и Канады РАН Сергей Михайлович Рогов, — легли в основу политики прежнего российского правительства и довели нашу экономику до нынешнего ступора».[189] А известный американский историк и политолог Стивен Коэн в своей статье «И это называется реформой?» как о само собой разумеющемся писал о ««неолиберальной» монетаристской ортодоксии госдепартамента, министерства финансов США, МВФ, Мирового банка и легиона западных советников, сделавших так много, чтобы подвести Россию к нынешнему бедствию».[190]

Да и сами чиновники МВФ не очень скрывают цели, которые преследовала их организация. Московский представитель Фонда Мартин Гилмен в одном из своих интервью фактически признал, что МФВ является не столько помощником в деле экономических реформ, чьи кредиты позволяют стабилизировать бюджет, сколько рычагом, без которого не может работать насос по выкачиванию западными кредиторами долгов России.[191]

Европейский банк реконструкции и развития в своем отчете за 10 лет прямо признал, что «реформы» в России и других странах бывшего СССР привели к разрушению их экономики и виноват в этом Запад, в том числе и сам ЕБРР. В нем с предельной ясностью говорится, что «в результате ошибочной политики западных финансовых институтов бывшие республики Советского Союза столкнулись с такими проблемами, как падение производства, обнищание основной массы населения и социальное расслоение общества».[192]

Однако прилагая все усилия для превращения территории СССР в составную часть зависимой капиталистической периферии, верхушка капиталистического мира учитывала связанные с эти опасности. СССР был настолько велик по территории и силен экономически, что попытка опутать его узами зависимости, могла привести к

[187] Третьяков В. Правительство холопов // НГ. 19.12.1997.
[188] Цит.: Глазьев С. Кто в стране хозяин? // СР. 23.04.1998.
[189] Рогов С. Приоритеты и долги // НГ. 03.10.1998.
[190] Коэн С. И это называется реформой? // СР. 27.08.1998.
[191] МВФ помогал России платить долги // Известия. 15.01.1999.
[192] Цит.: ЕБРРР признался, что развалил Россию // Новая газета. 20-26.12.1999.

разрыву всей системы мировой капиталистической паутины, оплетавшей третий мир. Его нужно было расчленить. И новое руководство страны охотно пошло на это.

Но даже после распада СССР, тот его обрубок, который получил название Российской федерации, все еще продолжал и продолжает представлять опасность. Он все же еще слишком велик. При приходе к власти в России иных политических сил и изменения политики, страна может предпринять попытку восстановить экономическую, а тем самым и политическую независимость.

Именно с целью предотвращения этой опасности были предприняты (прежде всего со стороны США) попытки установления по возможности более полного контроля над всеми остальными государствами, возникшими в результате распада СССР. Они удались почти во всех случаях. Единственное исключение — Белоруссия, президент которой — Александр Григорьевич Лукашенко упорно проводит курс на сохранение экономической и политической независимости страны от Запада и одновременно на интеграцию с Россией. Плоды такой политики налицо. За первые четыре года правления А.Г. Лукашенко внешний долг республики сократился с 4 млрд. долларов до 950 млн, а на 1 января 2002 г. он составил 763 млн долларов), на треть уменьшилась безработица. К 2002 г. безработица была сведена до 2%

В то время как в России с 1991 г. по 1999 г. шел непрерывный спад производства и объема ВВП,[193] в Белоруссии в 1996 г. валовой продукт вырос на 2,8%, в 1997 г. — на 11,4%, в 1998 г. — на 8, 4%, в 1999 г. — на 7,0%, в 2000 г. — на 5,8%, в 2001 г. — на 4,1, за девять месяцев 2002 г. — на 4,4%.[194] В результате в 2001 г. ВВП Белоруссии достиг 91% от уровня 1989 г., а в России — только 67%.[195] За 9 месяцев 2001 г. среднемесячная начисленная зарплата в Белоруссии увеличилась на 122%, т.е. более чем вдвое, и соответственно повысились все основные показатели благосостояния населения.[196]

В Белоруссия сохранилось бесплатное здравоохранение и бесплатное образование. По данным ООН Белоруссия занимает сейчас по индексу человеческого развития, включающего ожидаемую продолжительность жизни, образование и доход на душу населения, 56 место среди 173 стран, опережая Россию, находящуюся на 60 месте.[197] Если в Минске в 1988 г. на среднюю заработную плату можно было купить 24 набора, состоящих каждый из 7 основных предметов питания, то в 2001 г. — 26. Соответствующие цифры для Москвы — 24 и 18,5 наборов, для Киева — 22,6 и 15,6 наборов, Тбилиси — 17,4 и 5,7—6,8 наборов.[198] В отличие от России, потерявшей за годы «реформ» продовольственную независимость, Белоруссия полностью обеспечивает себя продуктами питания.[199] И в свете всех этих данных представляются весьма странными постоянные

[193] В начале 1998 г. нашн тогдашние руководители и поддерживающие их средства массовой информацин устроили граднозную шумиху по поводу роста российского валового продукта на 0,5%. В действительности эта цифра была результатом введения Госкомстатом по настоянию правительства нового метода расчета валового продукта. Если бы был использован прежний метод, то он дал бы падение объема продукта на 2,5%.

[194] Содружество независимых государств в 1999 году. Статистическнй ежегодник. М., 2000. С. 18; Экономика содружества независимых государства в 2001 году // ВС. 2002. № 4. С. 46-48; Строганов Ю. Что стоит общий дом построить? // Труд. 28.06.2002; Пронзводство и нспользование валового внутреннего продукта в странах СНГ в 1999—2002 гг. // ВС. 2003. № 1. С. 59

[195] Производство и использование валового внутреннего продукта в странах СНГ в 1999—2002 гг. // ВС. 2003. № 1. С. 60—61.

[196] Гнездовский Ю.Ю. Темпы роста заработной платы в белорусской экономике как результат инфляционного перераспределения ресурсов // ВС. 2002. № 5. С. 23 сл.

[197] На 60-м месте // СР. 27.07.2002.

[198] Головачев В. Не всем хватит на хлеб с маслом // Труд. 14.11.2001.

[199] Карелин С. Кризис по-белорусски // НГ. 12.09.1998.

истошные вопли российских и белорусских «демократов» о «развале» и «глубочайшем кризисе» экономики Белоруссии, о «нищенском уровне жизни» ее граждан.[200]

Независимая политики А.Г Лукашенко и его ориентация на Россию вызвала злобную компанию против него как на Западе, так в российской «демократической», точнее, буржуафильской печати. Его обвиняют в антидемократизме, хотя в Белоруссии свободно действуют оппозиционные партии, издаются оппозиционные газеты и журналы. Наши «демократы» упирают на то, что оппозиция в Белоруссии не имеет своего телевизионного канала, забыв при этом, что и в России левая патриотическая оппозиция вообще, КПРФ в частности, полностью отстранена от телевидения.

Но одновременно и западная, и наша буржуафильская печать не только молчит о полной ликвидации всякой оппозиции в Туркмении и Узбекистане, и постоянном ее подавлении в Казахстане и Киргизии, но нередко публикует панегирики и туркменскому, и узбекскому, и казахскому, и киргизскому ханам. И понятно почему — эти руководители способствуют утверждению американского влияния в своих странах.

Другой способ нейтрализации возможного противодействия попытки России порвать цепи экономической зависимости от Запада, — расширение НАТО. Но некоторые американские политики считают и эти меры недостаточными. З. Бжезинский полагает, например, что лучшим выходом из создавшегося положения было бы расчленение России на три части: Европейскую Россию, Сибирскую республику и Дальневосточную республику.[201] В таком случае у нее, наверняка, не будет никакого шанса выбраться из тупика, в котором она оказалась по милости своих отчасти нынешних, отчасти уже прошлых руководителей.

З. Бжезинский — не одинок. Джекоб Хайлбрун в журнале «Нью Рипаблик» пишет, что наилучший курс для США — всемерно поощрять мирный распад России. Этот распад крайне выгоден для США. «Во-первых, — говорится в статье, — Соединенные Штаты будут иметь более... эффективные рычаги давления, имея дело с индивидуальными государствами внутри бывшей России, поскольку США могли бы натравливать их друг на друга. США будут иметь больше власти над ними уже хотя бы благодаря своим явно превосходящим масштабам. Во-вторых, ситуация, когда не существовала бы великая держава Россия, в неизмеримой степени помогла бы поддержанию господства Америки на международной арене. Соединенные Штаты уже присвоили себе бывшую восточноевропейскую часть империи России путем расширения НАТО».[202]

5.7.2. Результаты «демократических реформ» в России

Выше уже было сказано, что результатом «демократических реформ», проводившихся в России под патронажем Запада, прежде всего США, был полный развал хозяйства страны. Прямым организатором этой экономической катастрофы было правительство России, действовавшее под верховным руководством Бориса Николаевича Ельцина. Быстрыми темпами пошел процесс деиндустриализации, экономика страны была полностью развалена, ВВП уменьшился более чем вдвое. Если в 1985 г. доля

[200] См., например: Петрачев М. Дипломат бросил вызов белорусскому президенту // НГ. 25.07.2001; Чугаев С. Русобелия отменяется // КП. 15.06.2002.

[201] Бжезинский З. Геостратегия для Евразии // НГ. 24.10.1997; Он же. Великая шахматная доска. М., 1998. С 239-240.

[202] Цит.: Стуруа М. «..И натравливать их друг на друга» // НГ. 15.12.1998.

РСФСР в мировом производстве составляла 5% (СССР — около 8%), то в 1997 г. доля России — 1,6%.

Если в 1990 г. по абсолютному объему ВВП (967,3 млрд долларов) Россия занимала 7-ое место в мире: впереди нее были лишь США, Япония, Германия, Франция, Италия и Великобритания (СССР занимал тогда 4-е место в мира, а до 1990 г. — 3-е место), то в 2000 г. — 18-ое место. Ее обогнали Бразилия, Аргентина, Мексика, Южная Корея, Индия и Китай. По объему ВВП на душу населения в 1990 г. Россия числилась на 44-ом месте, в 2000 г. — на 90-ом. Ее обошли по данному параметру все указанные выше страны, кроме Китая, а также Чили, Венесуэла, Коста-Рика, Колумбия, Уругвай, Перу, Панама, Сальвадор, Доминиканская республика, Куба, ЮАР, Ботсвана, Ливия, Габон, Тунис, Намибия, Турция, Малайзия, Таиланд, Иран, Фиджи, Польша, Словакия, Венгрия, Хорватия и др.[203] По индексу развития человеческого потенциала, включающего объем ВВП на душу населения, уровень образования и ожидаемую продолжительность жизни Россия в 2002 г. заняла 60-е место среди 173 стран.[204]

Резко сократилось промышленное и сельскохозяйственное производство. С 1990 г. по 2000 г. производство стали упало на 43%, тепловозов — на 65%, грузовых вагонов — на 84%, пассажирских вагонов — нв 51%, грузовых автомобилей — на 74%, тракторов — на 90%, плугов — на 98%, зерноуборочных комбайнов — на 97%, доильных установок — на 98,7%, строительных материалов — на 56—66%, синтетических моющих материалов — на 56%, химических волокон и тканей — на 80%, компьютеров — на 96%, фотоаппаратов — на 96%, часов — на 90%, тканей, пальто, обуви — на 82—92%, консервов — на 68%, мяса — на 83%, колбасных изделий — на 59%, масла животного — на 69%, цельномолочной продукции — на 73%. Добыча нефти упала на 41%, угля — на 37%.[205] В 2,5—3 раза сократилась за это время производительность труда.[206]

Для пущей наглядности приведем абсолютные цифры в следующем порядке: объем производства в 1989 г., объем производства в 2001 г. (т.е. уже после трех лет роста) и в скобках год, уровню которого соответствует производство в 2001 г. Нефть — 552 и 337 млн тонн (1972). Уголь — 410 и 269 млн тонн (1957). Стальные трубы — 12510 и 5404 тыс. тонн (1965). Вагоны — 28000 и 7385 шт. (1910). Металлорежущие станки — 64600 и 8288 шт. (1931). Кузнечно-прессовые машины — 27800 и 1290 (1933). Грузовые автомобили — 697 и 173 тыс. шт. (1937). Тракторы — 235 и 15,2 тыс. шт. (1931). Зерноуборочные комбайны — 62200 и 9063 шт. (1933). Устройства радиоприемные — 5561 и 273 тыс. шт. (1947). Телевизоры — 4465 и 1004 тыс. шт. (1958). Кальцинированная сода — 3546 и 2334 тыс. тонн (1968). Волокна и нити химические — 731 и 158 тыс. тонн (1959). Вывозка древесины — 351 и 87,2 млн кв. метров (1929). Пиломатериалы — 83 и 17,3 млн кв. метров (1930). Бумага — 5344 и 3415 тыс. тонн (1969). Цемент — 84,5 35,1 млн тонн (1962). Шифер — 5034 и 1715 млн плиток (1958). Кирпич строительный —24,1 и 10,5 млн шт. (1953). Ткани всех видов 8707 и 2617 млн. кв. метров (1910). Шерстяные ткани — 471 и 56,4 млн кв. метров (1880). Обувь — 377,7 и 32,2 млн пар (1900). Мясо — 6621 и 1233 тыс. тонн (1953). Цельномолочная продукция — 20800 и 6734 тыс. тонн (1963). Животное мас-

[203] Тульский М. Нам Намибию бы догнать... // НО. 2002. № 19. Ср. Страны мнра. 2000. Статистический справочник ООН. М., 2001; Страны и регионы. 2000. Статистнческий справочник Всемирного банка. М., 2001.

[204] На 60-м месте // СР. 27.07.2002.

[205] См.: Амосов А. Без компаса // Труд. 29.02.2002.

[206] Борисов В. Непрожиточный уровень // Труд. 25 01.2002.

ло — 820 и 269 тыс. тонн (1956). Молоко — 55,7 и 32,9 млн тонн (1958). Поголовье крупного рогатого скота — 58,8 и 27,1 млн голов (1885), свиней — 40 и 15,5 млн голов (1936), овец и коз — 61,3 и 15,2 млн голов (1775).[207] Если в 1990 г. обрабатывалось 117,7 млн га и пустовало 4,2 млн, то в 2001 г. обрабатывалось 84,4 млн га (на 33,3 меньше) и пустовало 36,6 га (почти в 5 раз больше).[208] За последнее десятилетие строительство жилья сократилось более чем в два раза — с 70983 млн квадратных метров в года в 1987 г. до 32 млн в 1999 г.[209]

В 2002 г. не только наши министры, но и президент выражали бурный восторг по поводу великих успехов нашего сельского хозяйства — собрано 85 млн тонн зерна. Налицо великое достижение: если раньше СССР ввозил зерно, то новая демократическая Россия с рыночной экономикой производит его столько, что может его вывозить. Но стоит обратиться к цифрам, чтобы понять, истинную цену этого успеха. В 1990 г. в РСФСР было собрано 113,5 млн тонн зерновых, причем не на глазок, а в весе после доработки. Все дело в том, что Россия практически лишилась собственного животноводства. Специалистами подсчитано, что для продовольственной безопасности нашей стране нужно иметь тонну зерна на душу населения. Значит Россия, чтобы обеспечить себя, должна производить около 145 млн тонн зерна. И только потом можно думать об его экспорте.[210]

Россия впервые в свой истории утратила продовольственную самостоятельность. По меньшей мере, 52% продовольственных товаров, потребляемых в стране, стало завозиться из-за рубежа. Разрушены системы здравоохранения, образования, гибнет наука. Развалены военная промышленность и вооруженные силы страны. К началу августа 1998 г. уровень жизни подавляющего большинства населения снизился в 2—3 раза, а сельских тружеников, ученых, учителей и пенсионеров — в 6—7 раз.[211]

Значительная часть населения России недоедает. По данным директора Института социально-экономических проблем народонаселения доктора экономических наук Натальи Михайловны Римашевской в 2000 г. около 60 млн человек находились в крайне тяжелом положении, «не имея возможности обеспечить себе даже полноценное питание».[212] Если в 1991 г. потребление мяса и мясопродуктов на душу населения составляло 69 кг, то в 1992 г. — 60, 1994 г. — 57, в 1995 г. — 55, 1996 г. — 51, 1997 г. — 50, 1998 г. — 48. По молоку и молочным продуктам это ряд выглядит так: 347, 281, 278, 253, 232, 229, 221 кг.; по яйцам: 288, 263, 236, 214, 207, 210, 218 шт.; по овощам и бахчевым культурам: 86, 77, 68, 76, 75, 79, 78 кг. Потребление рыбы сократилось с 20,3 в 1990 г. до 8 кг. в 2001 г. Увеличилось лишь потребления «хлеба голодных» — картофеля.[213]

[207] См.: Тульский М. Итоги десятилетня реформ // НО. 2002. № 6.

[208] Сколько в Россин заброшенных пашен // КП. 20.09.2001.

[209] См.: Народное хозяйство в СССР в 1989 г. М., 1990. С. 156; Российскнй статистический ежегодник. 1999 г. М., 2000. С. 409.

[210] См.: Петраков Н. Еще одно поле чудес все в той же стране // Труд. 22.10.2002.

[211] См.: Семенов Ю.И. Россия: что с ней было, что с ней происходнт и что ее ожидает в будущем? М.,1995; 14.02.1998; Монастырский О. Судьба нации зависит от того, чем она питается // КЖ. 1998. № 4; Санько В. Радикальные рецепты // НГ. 04.06.1998, Максимснко В. Время задавать вопросы // НГ. 15.07.1998; Санько В. Бедных становится больше // Там же. 13.02.1999. н др.

[212] Римашевская Н. Эта программа будет посильнее шоковой терапии Гайдара // КЖ. 2000. № 14.

[213] Содружество независимых государств в 1999 году. Статнстический ежегодник. М., 2000. С. 42; Глазьев С. Рыба ищет где глубже // Труд. 07.07.2001.

Наукой дневная норма потребления определена в 3000 килокалорий. В 1990 г. в СССР она достигала в среднем 3400 килокалорий, в 2002 г. в России она равнялась 2300 килокалориям, из которых 1000 килокалорий приходилось на импортные продукты.[214]

Уже несколько лет работники Министерства обороны, ведающие призывом, и военные медики отмечали, что значительная часть призывников страдает гипотрофией — дефицитом массы тела в связи недоеданием. Поэтому этих юношей приходится вначале доводить до более или менее приемлемого состояния, «откармливать» и лишь затем привлекать к службе.[215] В 2002 г. правительство РФ официально признало, что 50% мужского населения страны потребляют продуктов питания ниже физиологически необходимого уровня. Результатом систематического недоедания является развитие дистрофии.[216]

После решений российского правительства во главе с С.В. Кириенко, принятых 17 августа 1998 г., и последовавшего затем роста цен жизненный уровень основной массы населения снизился еще в два, а то и в три раза. В частности средний размер пенсий в мае 1999 г. был равен двум третям прожиточного уровня.[217]

Дополним цифры несколькими иллюстрациями, позаимствованными из «демократической» прессы. «Глинка — это райцентр Смоленской области, по которому словно вчера прошла война. Повсюду руины: бывших административных зданий, сельскохозяйственных и промышленных предприятий. Страшные жилые дома: первый этаж смотрит занавешенными ситцем окнами — здесь живут, на втором окна слепые, без стекол и рам».[218]

То был город Смоленщины, а теперь — деревня Ивановской области. «Деревню Марищи Пучежского района еще при советской власти называли медвежьим углом. Местный совхоз никогда не отличался особыми успехами... Но худо-бедно землю пахали, в каждой деревне держали большую ферму. Без работы никто не сидел. Построили клуб, школу, медпункт, магазины. Всего на территории совхоза было 16 учреждений соцкультбыта. Сейчас при подъезде к Марищам видны лишь остовы прежних ферм и машинных ангаров, давно не пашутся здешние поля. На ладан дышит клуб, хлеб привозят три раза в неделю, и, видимо, последний год работает школа. Давно нет уличного освещения, из-за отключенной от электричества водонапорной башни люди сидят без воды. Цена одно бочки доходит до 40 рублей... На полях, где некогда собирали урожай ржи или овса, — заросли молодого ельника...После того как вырезали всех коров, которых нечем было кормить, в хозяйстве еще некоторое время оставался один дорогой бык-производитель. Однако потом и его из-за «простоев» отправили на мясо. Неудивительно, что из 700 человек в совхозе осталось всего 260, большей частью — старики. Те, кто помоложе, сидят на шее у родителей-пенсионеров, перебиваются случайными заработками да воровством. Глава Марищинской администрации В. Аршинов с горечью признается: «На всю деревню осталось, может быть, полтора десятка трудоспособных мужиков. Остальные на глазах деградировали. Солярку никому доверить нельзя — вмиг пропьют...»... По причине высокой смертно-

[214] Бурдуков П. Продукты по карточкам? // Век. 2002. № 29.

[215] См.: Ганеева О. Юноши четвертой категории // Труд-7. 11.11.2001.

[216] Российские мужчины недоедают // Газета. 30.05.2002.

[217] См.: Волков В. Пенснонеры за чертой бедности // Известия. 30.06.1999.

[218] Мухамедьярова Л. Тупик с заветной дверцей. В Смоленской области за последние годы исчезли с лица земли 500 деревень // ОГ. 2001. № 22

сти пустеют один за другим дома. После смерти хозяина их век недолог. Местные мужички раскатывают осиротевшие избы на бревна или разбирают на кирпичи. «Все равно, — объясняют, — лет через пять тут вообще никого не останется». А окрестные места — красивейшие.. . Но умирают деревни... Никто не считал, сколько их за последние годы стерто с карты области. Сиротливые погосты да вековые липы напоминают о том, что когда-то здесь бурлила жизнь».[219]

Короче говоря, то, что называли реформами, вылилось в тотальное разрушение страны. Потери от них были большими, чем те, что страна понесла в результате Великой Отечественной войны. К приведенным цифрам можно добавить еще детали. К 9 мая 1945 г. в СССР в результате войны в детских домах находилось 678 тыс. детей, к маю 1999 г. в одной только России число обитателей таких домов достигло 640 тыс., к середине 2001 г. — 720 тыс. к середине 2002 г. — 851,1 тыс. Начиная с 1994 г. в стране каждый год прибавляется 100—113 тыс. так называемых социальных сирот. Сейчас в России от 2,5 млн (данные МВД) до 4 млн (данные независимых экспертов) беспризорников.[220]

Число нищих достигло 3,4 млн человек, бомжей — 4,0 млн, наркоманов — 3 млн. Пышно расцвела проституция. В стране 1,3 млн уличных проституток.[221] По докладу Международной организации труда (МОТ) только в Москве насчитывается до 100 тыс. человек, занимающихся проституцией, из них 20—25 тыс. несовершеннолетних.[222] Огромное количество «живого товара» поставляется за границу, прежде всего в Западную Европу. По данным органов Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) после развала Советского Союза в бордели Европы за бесценок проданы 10 миллионов жительниц СНГ.[223]

Правда, некоторые «реформаторы» настаивают на том, что они не только разрушали, но и создавали. Е.Т. Гайдар неоднократно с величайшей гордостью заявлял, что под его руководством в России были созданы рынок и рыночная экономика.

Но если в России и был создан рынок, то более чем странный. В нормальных капиталистических странах рынок регулирует, координирует экономику и стимулирует ее развитие. В России рынок стал орудием разрушения экономики и страны в целом.

Возникновение рынка в истории Западной Европы вело к сплочению ранее экономически и политически обособленных территорий в экономическое и политическое целое. У нас рынок разорвал ранее существовавшее экономическое и политическое единство России, породил сепаратистские тенденции. Рынок обычно порождает широкую мобильность в масштабах страны. Наш рынок сделал для обычных людей невозможным перемещение по территории страны, немыслимым стало даже посещение родственников, живущих в другом регионе. Все это настоящий рецидив средневековья.

С появлением у нас рынка 70—80% общего объема обмена между предприятиями стало совершаться посредством бартера или с использованием различного рода

[219] Писанов В Почем бочка с водой? // Труд. 08.0.2002.

[220] См.. Лиханов А Для государства 1 июня должно стать днем извинения // НГ. 29.05.1999; Он же. Не загоняйте ребенка в угол // Труд-7. 31.05.2001; Спасти детство — от кулака, бескормицы, болезней сиротства // СР. 01.06.2002.

[221] Рнмашевская Н. Эта программа будет посильнее шоковой терапии Гайдара // КЖ. 2000. № 14; Наркомания в России: угроза нации // КЖ. 2001. № 9; Мамедова М. Воднчки не дадите? // Труд. 19.01.2002; Горбачева А. Бывшие люди // НГ. 06.06.2002; Сухая С. В притон через «эффект скуки» // Труд. 28.06.2002; Соловьев Н. Наркотики — больше, чем угроза //Известия. 26.06.2002.

[222] См.: Головачев В, Поруганное детство // Труд. 01.03.2002.

[223] Масштабы работорговли потрясают // Труд-7. 21.02.2002.

денежных суррогатов. А на многих предприятиях заработная плата стала выдаваться натурой. Денежная система страны была полностью подорвана. Безденежный рынок — специфически российское явление, свидетельствующий о возврате к чему-то очень похожему на средневековые экономические порядки.

Возникновение нашего рынка привело к переходу значительной, если не большей части населения страны к натуральному хозяйству. Не говорю уже о полном развале службы быта и возвращении, например, людей к домашней стирке белья, причем хорошо еще, если с использованием стиральных машин, а не стиральных досок, и вообще к почти полному самообслуживанию.

Для российского рыночного хозяйства стало характерным то, что в принципе немыслимо для рыночной экономики, — систематическая невыплата заработной платы. Это — не только не капитализм, но даже и не рабство, ибо если раб и не получает заработную плату, то его кормят. Возникла беспримерная в мире форма эксплуатации, при которой весь продукт является прибавочным, а необходимый отсутствует.

В результате огромная часть населения страны, причем не только сельских жителей, но и горожан, стала обеспечивать свое существование за счет огородов, садовых участков, обрабатываемых вручную лопатами, вилами и т.п. По данным Госкомстата почти 40 млн домохозяйств в той или иной степени занимаются «индивидуальной сельскохозяйственной деятельностью», а каждая четвертая семья «живет со своего огорода». 100 млн россиян обеспечивают себя картофелем, 50 млн — мясом. В личных подсобных хозяйствах производится до 90% картофеля, 76% овощей, 55% мяса, 47% молока.[224] Это возрождение даже не средневековья (тогда все же использовался тягловый скот), а еще более глубокого прошлого человечества.

Результатом действия рынка было прекращение завоза необходимых средств существования в районы Севера, постоянное отключение электричества и отопления не только в жилых домах, но в школах, детских садах, больницах, родильных домах, промышленных предприятиях, фермах, воинских частях, включая объекты, обеспечивающие оборону страны, и т.п. и т.д. Следствие — катастрофы, причинившие огромные убытки, выход из строя оборудования, прекращение производства, гибель людей, прежде всего больных, новорожденных, падеж скота, порча продуктов.. Некоторые районы, причем в центре России, оказывались не только без электроэнергии, но без газа, воды, телефонной связи, без больниц, бань и магазинов.[225] Во многих городах, в частности, в Приморье в зимнюю стужу люди, лишенные электроэнергии и тепла, жгли во дворах домов костры, обогревались вокруг них и готовили на них пищу. Это уже возвращение к древнему каменному веку. А если попытаться вспомнить более близкое к нашему времени, то это, конечно, ленинградская блокада. Но если последнее бедствие — результат действий внешних врагов — немецких фашистов, то нынешним мы всецело обязаны врагам внутренним, каковыми являются наши «демократические» повелители. И нынешний руководитель РАО «ЕЭС» А.Б. Чубайс категоричен, как в свое время царский министр Макаров: так было и так будет. «Есть только одна проблема, — сказал он в одном из своих интервью, — мы категорически не будем раздавать энергию даром. Кто бы на это не претендовал — Ракетные войска стратегического назначения, службы ФСБ или школы. Мы работаем на платежеспособный

[224] Савин А. Мифология нищеты // ОГ. 1999 № 5; Соколин В. Масштабы бедности в стране завышаются // Труд-7. 14.06.2001.

[225] Князев В. Погружение в во тьму // Труд. 30.05.2001.

спрос. Ровно столько, сколько нам заплатят, ровно столько мы и произведем. Ни одного киловатта-часа больше».[226]

В связи с нашими «реформами» экономическая теория обогатилась не только понятием безденежной рыночной экономики, но и терминами «реальная экономика» и «реальный сектор экономики». «Реальной экономикой» стали называть производство в узком смысле этого слова, т.е. собственно процесс созидания материальных благ. То, что экономика, т.е. производство в широком смысле включает в себя, кроме собственно производства, распределение, а в большинстве случаев также обмен и перераспределение, известно давно. Но никто никогда не противопоставлял собственно производство как «реальную экономику» распределению и обмену как чему-то не совсем реальному, ирреальному. Вся экономика в целом всегда рассматривалась как реальная.

Говоря о секторе экономики, отличном от реального, сейчас у нас обычно имеют ввиду сферу финансов. Но в нормальной рыночной экономике финансовый сектор является необходимой составной ее частью, без которого она функционировать не может. Но хотя финансовый сектор в этой экономике, прежде всего банковская система, нередко для непосвященных в ее тайны выступает как нечто самодовлеющее и чуть ли не как основное в этой экономической системе, в действительности он играет служебную роль по отношению к собственно производству. Его задача — обслуживать собственно производство, в частности обеспечивать перемещение капитала из одних отраслей в другие. И когда он это делает, он представляет собой элемент экономики, которая в целом вся является реальной и только реальной.

И если у нас этому сектору стали отказывать в праве считаться частью реальной экономики, то для этого должны были быть серьезные основания. С самого начала «реформ» у нас начала создаваться система банков и других финансовых учреждений. Довольно скоро выяснилось, что компании типа «МММ», «Русского дома Селенга», «Властилины» и т.п. были не чем иным, как организациями по ограблению легковерных людей, стремившихся без труда обогатиться. Созданные хозяевами этих компаний финансовые пирамиды за короткий срок оставили без денег десятки миллионов людей.

С целью ограбления массы населения было создано подавляющее большинство, если не все вообще банки. Они занимались не распределением и не обменом, не обслуживанием собственно производства, а почти исключительно перераспределением непрерывно сокращавшегося общественного продукта в пользу людей, возглавлявших эти учреждения. Они «прокручивали» бюджетные средства, оставляя значительную их долю в карманах банкиров и покровительствующих банкам чиновников, и занимались множеством других подобного рода махинаций. «Что такое банки в России?, — спрашивал экономист и политический деятель Григорий Алексеевич Явлинский отвечал, — Учреждения, главная цель которых — взять деньги у предприятий и населения (а еще лучше — из бюджета) и отправить их куда-нибудь на Кипр».[227]

Этот непомерно раздутый паразитический, спекулятивный сектор не только не способствовал развитию собственно производства, но, наоборот, выкачивал из него огромные средства, которые переводились за рубеж, и тем самым способствовал его непрерывному падению. Руководство страны этому не только не препятствовало, но,

[226] Второе разрушение Берлинской стены // МН. 2002. № 12.

[227] До и после семнадцатого августа. Вопросы «Общей газеты» и Радио «Свобода» Григорию Явлинскому // ОГ. 19-25.11.1998.

наоборот, содействовало. «Не удалось, — говорил тот же Г.А. Явлинский, — да и не было желания остановить сворачивание обрабатывающей промышленности. Власть всеми своими действиями усиливала спад в сельском хозяйстве. Провоцировала отток капитала из реального сектора в финансовый и из страны вообще».[228]

Следуя примеру организаторов «МММ» и других таких же жульнических организации, правительство В.С. Черномырдина на базе государственных краткосрочных обязательств (ГКО) создало свою грандиозную финансовую пирамиду. Это не только сделало совершенно невыгодным вложение средств в промышленность и сельское хозяйство («реальную экономику»), но и высосало из них последние средства.

Такого рода финансовый сектор настолько резко противостоял собственно производству, что перестал быть и частью производства в широком смысле, вообще оказался вне пределов подлинной, реальной экономики. Это была экономика только по названию, экономика не просто ирреальная, а по существу фиктивная, мифическая. Она подобно обычному вульгарному грабежу, обычному вульгарному воровству выполняла лишь одну функцию — обогащала людей, занимавшихся этой деятельностью. Если эту функцию можно назвать экономической, то это экономика в особом специфическом смысле слова. В таком случае и обычный грабеж, и обычную кражу вполне можно называть экономической деятельностью.

Исходя из того, что положение о примате собственно производства есть догматическое марксистское, а тем самым и глубоко ошибочное положение, теоретики и практики наших «реформ» главную свою задачу видели в создании валютного и фондового рынков, в подавлении инфляции и создании устойчивого курса рубля.

Инфляцию в 1995—1998 годы они подавили, но в основном за счет увеличения государственного долга и невыплаты зарплаты и пенсий, что фактически означало превращение инфляции из открытой в скрытую. Резкое сокращение платежеспособного спроса населения, если не повсюду, то в крупных городах, создавало видимость изобилия материальных благ. По подсчетам трезвых экономистов в течение этих лет сумма невыплаченной зарплаты и пенсий всегда превышала совокупную стоимость запасов розничной торговли. Так на начало 1997 г. суммарная задолженность по зарплате равнялась 48 трлн рублей, по пенсиям — 16 трлн, итого — 64 трлн. А совокупные запасы розничной торговли на то же время составили 38 трлн. рублей.[229] Это означает, что если бы вся зарплата и все пенсии были бы выплачены, полки в магазинах оказались бы пустыми, а инфляция достигла бы неизмеримых высот. Весь рынок был бы разнесен вдребезги.

Огромные суммы тратились Центральным банком России на поддержание курса рубля. Для этого использовались зарубежные кредиты, хотя большая часть их просто разворовывалась как чиновниками, так и банкирами.

Так создавалась видимости финансового благополучия. Но это была не более, как грандиозная потемкинская деревня. Невозможно создать процветающие валютный и фондовый рынки в условиях разрушения промышленности и сельского хозяйства. Можно называть положение о примате собственно производства и догматическим, и марксистским, всячески поносить его, но от этого оно не перестанет быть верным.

Для выхода из положения была сделана попытка нового, второго рывка в деле реформировании страны. К власти было призвано правительство «молодых рефор-

[228] Там же.

[229] См.: Абалкин Л.И. Выбор за Россией. М., 1998. С. 44 и др.

маторов» во главе с С.В. Кириенко. Результат начавшейся «второй волны» реформ сказался буквально через несколько месяцев. 17 августа 1998 г. произошло то, что было совершенно неминуемым. Рухнула финансовая потемкинская деревня, исчезли практически валютный и фондовый рынки, стала разваливаться паразитическая банковская система. Все, что ставили себя в заслугу наши «реформаторы», исчезло.

Подводя итоги августовскому обвалу, Александр Яковлевич Лившиц, бывший вице-премьер и министр финансов в правительстве Черномырдина, бывший (до самого обвала) заместитель главы администрации президента и его советник по экономическим вопроса сказал: «...Терять нам нечего по той простой причине, что все, что мы сделали большими усилиями, после 17 августа утрачено, этого больше нет, мы все это потеряли...».[230]

Но крах «реформ» произошел вовсе не в августе 1998 г. Собственно, все предшествовавшие семь лет были периодом сплошного экономического, социального и политического кризиса, который завершился полной катастрофой. Крах «реформ» очевиден был давно. Об этом писали все сколько-нибудь трезвые наблюдатели, как у нас, так и за рубежом.

В целях экономии места, ограничусь лишь высказыванием человека, который вдохновлял и планировал эти преобразования, возглавляя группу западных экспертов при правительстве и президенте России. Я имею в виду уже упоминавшегося американского экономиста Дж. Сакса. Вот, что он говорил еще в конце 1997 г.: «Это нельзя назвать экономической реформой... На мой взгляд, все происходящее здесь отвратительно и заслуживает осуждения... Реформа обернулась для страны огромным и непредвиденным бедствием, вызвала колоссальный дефицит бюджета, превратила в прах банковские сбережения и личные накопления, а широко распространившиеся чувства неуверенности в завтрашнем дне трагическим образом содействовали сокращению продолжительности жизни взрослого мужского населения. Я считаю, что реформа потерпела поражение по всем статьям».[231]

Но основная реальная, а не провозглашенная в декларациях цель американских вдохновителей «реформ» была достигнута. Исчез и, как они имеют основания надеяться, навсегда самый опасный конкурент. Россия потеряла экономическую, а тем самым реальную политическую независимость (разумеется, при формальном сохранении последней). В этом смысле происшедшие в ней после 1991 г. перемены нельзя иначе охарактеризовать как контрреволюцию. В России произошла реставрация паракапитализма, она снова стала зависимой страной, снова вошла в состав мировой периферии.

Об этом достаточно четко было сказано в статье известного общественного деятеля Соединенных Штатов, главного редактора одного из ведущих еженедельников страны «Ю. Эс. Ньюс энд Уорлд Рипорт» Мортимера Цукермана, опубликованной в этом журнале 8 февраля 1999 г. Вот его впечатления от поездки в Россию: «Эта страна не просто обанкротилась. Как я пишу в данном номере журнала, она находится в свободном падении... Стремительно растут бедность, преступность и инфляция. То, что десять лет тому назад с чем-то представляло из себя самодостаточную и самообеспечивающуюся экономику, сохранявшую обширные золотые запасы, превратилось в нечто, полностью зависящее от иностранной помощи. Практически в одночасье эта когда-то

[230] См. Притча о старом палаче // СР. 01.10 1998

[231] Сакс Дж. Порочное зачатие капитализма в России // НВ. 1997. № 49. С. 14.

гордая супердержава потеряла имя, флаг, объединяющую идеологию и половину территории... Запад, и прежде всего клинтоновская администрация, несет определенную долю вины за подталкивание этой страны к безрассудному бегству от коммунизма к дикому капитализму. Соединенные Штаты, Международный валютный фонд, Германия и другие страны уже перекачали в Россию более 150 миллиардов долларов. Никто не может сказать, куда исчезла эта фантастическая сумма, но за каждый представленный Западом доллар русские положили как минимум столько же на счета в зарубежные банки».[232]

Сейчас Россия находится в значительно большей зависимости от западных держав, чем это было до Октября 1917 г. Отношение к реставрации зависимого капитализма у значительной части, если не большинства населения России нашло свое выражение в горькой сентенции: «Как жаль, что «Аврора» в 1917 г. не сделала контрольного выстрела».

5.7.3. Сегодняшняя Россия — зависимая периферийная страна

И. Валлерстайн считал, что Россия вошла в капиталистический мир-экономику в XVIII в. и заняла в ней очень своеобразное положение. С чисто экономической точки зрения она представляла собой периферию. Но одновременно она обладала мощными вооруженными силами, причем расположенными вблизи от европейского «ядра» капиталистической мир-системы. «Поэтому Россия, — писал он, — все-таки не стала колониальной периферией, как и не смогла войти в капиталистическое «ядро». Она превратилась в нечто промежуточное, в полупериферийного военного гиганта».[233]

К настоящему времени в результате «реформ» вооруженные силы России почти полностью развалены. Единственное, что еще осталось от прежнего, — это ракетно-ядерный комплекс, который, однако, с каждым годом ветшает. Золотой мечтой Запада, прежде всего США, является установление над ним своего контроля, а еще лучше — его полная ликвидация.

Россия к настоящему времени обрела все признаки периферийной, зависимой страны, о которых писали Р. Пребиш, П. Баран, Ф. Кардозу, Т. Дус-Сантус, С. Амин, И. Валлерстайн и другие сторонники концепций зависимости и мир-системного подхода и которые были названы выше (5.3).

В России в настоящее время сложилась социальная структура, характерная для периферийных стран. В 2001 г. официальный прожиточный уровень (уровень бедности) в России был установлен в 1400 рублей в месяц на человека (1,6 долларов в день). Это в 2,5 раза меньше, чем установленный по международным критериям уровень бедности для стран, переживающих переходный период (4 доллара в день). Наш официальный прожиточный уровень гарантирует только выживание на физиологическом уровне, но не возможность полноценно питаться, одеваться, оплачивать реальные услуги. Более или менее нормальную жизнь обеспечивает только так называемый минимальный потребительский бюджет, который приближается к 4000 рублям, т.е к тем самым «международным» 4 долларам в день. Так вот, в первом квартале 2001 г. за порогом международного уровня бедности находилось ни много не мало 128 млн

[232] Цукерман М Гордая Россия на коленях // СР. 11.02 1999.
[233] Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500-2010. С. 39.

человек из 145 млн населения России, т.е. 88,2%.[234] В 2000 г. таких людей было 133,9 млн (92,4%), в 1998 г. — 92,5%.[235] Люди, входящие в этот гигантский имущественный разряд, который включает в себя самое мало 80%, а скорее всего 85% населения, не могут быть названы иначе, как *бедными людьми,* или *бедняками.*

Это разряд делится на две основные группы. Первую образуют люди с доходами ниже официального российского прожиточного уровня. Это — *неимущие.* Они живут в крайне тяжелом положении и не могут обеспечить себя полноценным питанием, т.е. недоедают. Низший слой среди неимущих составляют люди, принадлежащие к социальному дну — *нищие.* Вторая группа — люди с доходом выше официального российского прожиточного минимума, но ниже международного уровня бедности. Они способы обеспечить себя более или менее полноценным питанием, но не более. На лечение в случае серьезного заболевания, полноценный отдых в домах отдыха и санаториях, тем более на путешествия даже по родной стране, модную одежду, на приобретение жилища и т.п. их доходов не хватает. Это — *малоимущие.*

Грань между неимущими и малоимущими весьма относительна. Если бедняки в целом в среднем составляют 80—85% населения страны, т.е. 115,2—122,4 млн человек (если исходить из численности населения России на 1 декабря 2001 г. — 144 млн человек), то соотношение между числом неимущих и числом малоимущих постоянно меняется. Ограничимся цифрами за последние 3 года. По официальным данным в первом квартале 2000 г. неимущих было 59,2 млн человек (41,2, во втором — 50,5 млн (34,7%), в третьем — 46,3 млн (31,8%) , в четвертом — 39,2 млн (26,9%), в первом квартале 2001 г. — 52,9 млн 36,6%), во втором — 45,2 млн (31,3%), в третьем — 39,4 млн (27,2%), в четвертом — 34,8 млн (24%), в первом квартале 2002 г. — 47,7 млн (33%).[236] Для сравнения: в 1990 г. люди, получавшие ниже прожиточного уровня составляли 1,6% населения.[237] Правда. приводятся и другие цифры, но во всяком случае число такого рода людей в 80-х годах даже по самым крайним расчетам не превышало 12%. населения.[238] К этому следует добавить, что в 1992 г. по сравнению с 1991 г. граница бедности была снижена в два раза.[239]

Имущественный разряд людей, живущих выше международного уровня бедности (11 млн, или 7,6%, в 2000 г.; 17 млн, или 11,8% в первом квартале 2001 г.) — *состоятельных, или зажиточных,* людей тоже подразделяется на две группы. Одна из них — *среднеимущие (*обеспеченные) люди, знаменитый средний класс, другая — *богатые и очень богатые* люди (богачи и сверхбогачи, многоимущие). Соотношение между ними специалисты определяют по-разному.

В первом квартале 2001 г. 17 млн зажиточных людей (11,8%) сосредоточили

[234] Синдром козы [Интервью главного научного сотрудника Института экономики РАН Людмилы Ржаницыной] // МН. 2001. № 29. С. 9; Басков В. Не сеем, не пашем, не строим... // ОГ. 2001. № 23.

[235] Басков В. Указ. раб.

[236] Основные социально-экономические показатели по Российской Федерации за 1996-2001 годы // ВС. 2002. № 3. С. 69; Головачев В. Жизнь стала лучше, но не у всех // Труд. 22.12.2001; Он жс. Бедные, как всегда, в накладе // Труд. 31.05.2002. Треть населения живет ниже прожиточного уровня // СР.01.06.2002.

[237] Ржаницына Л.С. О бедности в России: причиины, состав, профилактика // Семья в России. 1997. № 3. С. 7.

[238] Чернина Н.В. Бедность как социальный феномен российского общества // Социс. 1994. № 3. С. 54.

[239] Римашевская Н.М. Социальные последствия социальной трансформации в России // Социс. 1997. № 6. С. 55.

в своих руках 858 млрд денежных доходов населения, 128 млн бедняков (88,2%) — 115 млрд. Иначе говоря, состоятельные люди богаче бедняков в 56 раз.[240]

Богатые и состоятельные получают 77,6% денежных доходов.[241] 1,5% населения страны владеют 57% всего национального богатства.[242] По данным Минэкономики, сумма доходов 3% российского населения от предпринимательской деятельности и приватизации госсобственности составляет 810 млрд. рублей в год, а фонд зарплаты трудящихся не достигает и 710 млрд. рублей.[243] Если на Западе доля оплаты труда в конечной цене продукта составляет 60% и более, то в сегодняшней России — 8—12%, самое большое 13—14%.[244] Если доля оплаты наемных работников в США составляет 60% ВВП, Швеции — 58%, Японии — 55%, Великобритании — 54%, в Германии — 53%, Франции — 52%, то в России она не достигает 25%.[245] По другим данным она не превышает 15%.[246]

По данным Госкомстата на долю 10% наиболее обеспеченного населения приходится 31,9% всех денежных доходов, на долю 10% наименее обеспеченных — только 2,3%. Соотношении доходов этих групп, составлявшее в 2000 г. 13,54:1, в 2001 г. выросло до 13,74:1. В Москве этот показатель («децильный» коэффициент) составляет 56:1. В развитых странах, если децильный коэффициент) превышает 10-кратный уровень, это считается сигналом социальной опасности.[247] В СССР в 60—80 гг. децильный коэффициент колебался, по разным оценкам от 3:1 до 5—6:1.[248]

Для полноты картины приведем слова Дж. Сакса, сказанные им в уже цитированной выше статье: «В течение первых трех лет российское правительство своими противоречивыми постановлениями привело в действие процесс безудержной гиперинфляции, давший возможность прикрыть вопиющую коррупцию, масштабы которой, мне думается, не имели аналогов в мире за последние пятьдесят лет. В процессе этих реформ представители крупного бизнеса России присвоили себе природные ресурсы страны на десятки миллиардов долларов. Присвоение естественных богатств принимало невиданные, самые бессовестные формы... И, как мне кажется, — российское руководство превзошло самые фантастические представления марксистов о капитализме; они сочли, что дело государства служить узкому кругу капиталистов, перекачивая в их карманы как можно больше денег и поскорее. Это не шоковая терапия... Это

[240] См.: Басков В. Указ. соч.

[241] Ханин Г. Вранье остается любимым занятием статистиков // ОГ. 02-08.07.1998; Никовская Л., Степанов Е. Конфликтиый потенциал современной политики. Социальный взрыв или политический переворот? // НГ-сценарии. № 10. Октябрь 1998 г.; Григорьев Л. Нам нужны честные и недорогие выборы // МН. 1998. № 51. С. 7; Горшков М. Летние настроения россиян // НГ. 16.07.1999; Савин А. Кризис наплодил «новых бедных», но не тронул «новых русских» // Там же. 22 июля 1999 г.

[242] Львов Д. «Мы плохо работаем потому, что плохо живем» // Правда. 16.05.1998; Гаман-Голутвина О. «Террариум единомышленников» // НГ. 02.06.1999.

[243] Смирнов Е. Назад к госрегулированию // НГ- полиэкономия. 1998 № 16.

[244] Вольский А. Социальный контракт: деноминация обязательств // НГ. 03.08. 2000; Тульский М. Держи карман шире // НО. 2002. № 6.

[245] Починок А. Может ли зарплата быть справедливой? // Труд. 06.11.2001.

[246] Нигматулин Р. Спрос — это прогресс // Труд. 14.05.2002.

[247] См.: Головачев В. Как одолеть порог бедности? // Труд. 21.02.2002; Нокряков В. Выигрышный шанс // Труд. 25.06.2002.

[248] См.· Россия у критической черты: возрождение или катастрофа. М., 1997. С. 60; Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. 2. С. 16-17.

злостная, предумышленная, хорошо продуманная акция, имеющая своей целью широкомасштабное перераспределение богатств в интересах узкого круга людей».[249]

Как и в других паракапиталистических странах, идет непрерывное бегство капитала из России за границу. По официальным данным к марту 2002 г. вывезено за рубеж 300 млрд долларов.[250] Однако по подсчетам ряда видных экономистов и финансистов общая сумма аккумулированных за границей российских капиталов уже к середине 1998 г. достигла в 700 млрд долларов.[251] Бывший управляющий делами президента РФ Павел Павлович Бородин, который знает о бегстве капитала из России не понаслышке, называет в два раза большую цифру — 1,4 трлн долларов.[252] Во всяком случае, по заявлению бывшего федерального прокурора Швейцарии Карлы дель Понте, только в банках этой страны осело 40 млрд долларов, принадлежащих гражданам России.[253]

Эта перекачка капиталов за границу происходила не вопреки политике правительства, а при полной его поддержке. Детально изучив этот вопрос, Н.Я. Петраков пишет: «Вывод очевиден: с началом реформ крупный блок государственной машины целенаправленно заработал на утечку огромных валютных средств из страны. Это тоже российская специфика».[254] Так как капиталы уходят за границу, то наша верхушка, как и правящие круги всех паракапиталистических стран, все надежды возлагала и возлагает на приток иностранных инвестиций.

Широкого масштаба достигла и утечка умов из России. По самым последним данным, за последние 10 лет Россию покинуло 800 тыс. ученых.[255] Они бегут из родной страны не столько потому, что им не на что жить, а главным образом потому, что они из-за нехватки средств лишены возможности вести нормальные научные исследования.

Господствующая верхушка России в своей политике исходила не из интересов страны, а, как мы уже видели, покорно выполняла решения принятые в столицах других государств. По размерам внешнего долга, составлявшего, по подсчетам западных специалистов, на середину 1998 г. 145 млрд. долларов, а на конец августа того же года — уже 155 млрд. долларов, Россия вошла вместе с Бразилией, Мексикой и Индонезией в группу самых крупных должников мира. А с учетом проданных нерезидентам облигаций внешняя задолженность России приблизилась, а может быть уже превысила 200 млрд. долларов. К этому нужно добавить 30 млрд. долларов внешних долгов российских банков и 25 млрд. коммерческих долгов российских компаний.[256]

По самым последним данным, которые довольно противоречивы, к началу 2002 г. внешний государственный долг России снизился до 138,1 млрд. долларов.[257] Но даже если это правда, все равно на шею России надета прочная долговая петля, сбросить

[249] Сакс Дж. Указ раб С. 14.

[250] Объем вывезенного из РФ капитала — 300 млрд долларов // ВМН. 27.03 2002

[251] См.: Макаревич Л. Девальвацию рубля удалось лишь отсрочить // ФИ. 16.06.1998; Ханин Г. Вранье остается любимым занятием статистиков.

[252] Бородин П. В России есть все, чтобы мы быстро вырвались из кризиса // Известия. 24.02.2000

[253] См. заметку. Совет безопасности РФ рассмотрит проблему борьбы с преступностью // Известия. 22.07.1998.

[254] Петраков Н.Я. Русская рулетка. М , 1998. С. 275.

[255] Из загранки возврата нет // Труд. 22.06 2002.

[256] См. Стуруа М. Русский медведь вновь угрожает // НГ. 04.07.1998; Макаревич Л. Указ. раб ; Рогов С. Приоритеты и долги // НГ. 03.10.1998.

[257] См.: Зверева Е. Чувство долга // МК. 22.02 2002.

которую обычным путем невозможно. Как и в случае с другими паракапиалистическими странами, долги после выплат не только не уменьшаются, а, наоборот, растут. Так, например, выплатив к 2000 г. Парижскому клубу кредиторов 17 млрд. долларов из 35 млрд. Россия осталась должна ему... 42 млрд.[258] А после новых крупных выплат этот долг к 1 января 2004 г. вырастет до 46,6 млрд.[259] Советник по экономике нынешнего президента Андрей Николаевич Илларионов в одном из своих интервью привел любопытные цифры. Долг СССР к моменту его краха составлял 72 млрд. долларов. С 1992 по 1998 г. Россия заняла 70 с лишним млрд долларов, выплатила 45 млрд и этот ее долг возрос до 84 млрд долларов.[260]

Если некоторые развивающиеся страны из аграрных к настоящему времени трансформировались в индустриальные и стали поставлять на мировой рынок промышленные товары, то Россия, наоборот, в течение последних лет из высокоиндустриальной с огромным научным потенциалом страны превратилась в сырьевой придаток стран Запада.

Превращение России в зависимую, полуколониальную страну прекрасно, например, показано в книге уже упоминавшегося выше известного экономиста С.Ю. Глазьева «Геноцид. Россия и новый мировой порядок. Стратегия экономического роста на пороге XXI века» (М., 1997; 2-е изд.: Геноцид. М., 1998).

Внутренний рынок страны полностью находится под контролем олигархических и криминальных группировок. Как пишет С.Ю. Глазьев: «...Вследствие криминализации торговли и установления в ней организационных монополий, товаропроводящая сеть оказалась закрытой для российских товаропроизводителей. Через многоступенчатые посреднические монополии, поддерживаемые связанными с органами власти организованными преступными группами, происходит присвоение до 2/3 стоимости продукта, создаваемого в производственной сфере. Потребители вынуждены переплачивать до 100% от реальной цены товаров, сверхдоходы от продажи которых идут на поддержание этих организационных монополий».[261] В результате всего этого растет богатство незначительного меньшинства за счет непрерывного обнищания самых широких масс населения.

В России возник свой вариант паракапитализма, который все единодушно, от националистов и коммунистов до «демократов», или, точнее, буржуафилов (Е.Т. Гайдар, Б.Е. Немцов, А.Б. Чубайс и др.), именуют воровским, разбойничьим, грабительским, бандитским, хищническим, криминальным, олигархическим капитализмом. Эти термины используются для характеристики наших новых экономических порядков и на Западе. «Грабительским капитализмом», «разбойничьим капитализмом» называет, например, наш нынешний общественный порядок известный американский финансист Дж. Сорос.[262]

Бандитским, криминальным наш паракапитализм является во многих отноше-

[258] См.: Айдинова Л. Окинавский рубикон // Век. 2000. № 30.

[259] Дмитриева О, Как мираж в пустыне // ЛГ. 2002. № 40.

[260] Так догоним ли мы Португалию? И когда? Или никогда (Беседа в редакции с Андреем Илларионовым) // НВ. 2002. № 25. С. 13.

[261] Глазьев С.Ю. Геноцид. Россия и новый мировой порядок. Стратегия экономического роста на пороге XXI века.М., 1997. С. 116.

[262] См.: Сорос Дж. Может ли Россия показать миру путь к открытому обществу? // Известия. 08.10.1997; Я думаю, Россия могла бы показать миру путь к открытому обществ. Беседа с Дж. Соросом // Русская мысль. 30.10-05.11.1997; Герасимов Г. При капитализме берут верх беспринципные. Джордж Сорос считает, что «рыночный фундаментализм» опасен // НГ. 13.02.1999.

ниях. Прежде всего, приватизация, которая положила ему начало, представляла собой откровенное разграбление государственной собственности. Все крупные состояния российских предпринимателей и банкиров приобретены в результате самого настоящего грабежа. Получила развитие «теневая» экономика. И все это происходило не просто при попустительстве, а по инициативе и содействии государственной власти. «Специфика процессов криминализации российской экономики, — пишет Н.Я. Петраков, — состоит в том, что она осуществлялась при активном содействии «пролиберальных» правительств и крайне «либеральных» министров и председателей Центробанка».[263]

Неимоверного размаха достигла коррупция. Ею поражен практически весь государственный аппарат России сверху донизу. Высшая власть в России, прежде всего, президент Б.Н. Ельцин, не только не пыталась пресечь коррупцию, но, наоборот, всячески выгораживала прямых преступников.[264] Согласно экспертным оценкам страна ежегодно теряет из-за нечестных чиновников 50 млрд. рублей.[265] «Масштабы разворовывания государственных ресурсов и собственности, — писал в 1999 г. в докладной записке премьер-министру России Евгению Максимовичу Примакову министр внутренних дел, — достигли беспрецедентных в истории человечества пределов, поставив страну на грань катастрофы».[266] По данным руководителя фонда «ИНДЕМ» Георгия Александровича Сатарова россияне ежегодно тратят на взятки не менее 37 млрд долларов.[267]

Открывая слушания об организованной преступности в России в конгрессе США член палаты представителей Бенджамен Гилмен сказал: «зачастую практически невозможно провести черту между российской организованной преступностью и российским государством. Во многом деятельность российского государства — это чистейшая клептократия, призванная обогатить власть предержащих и их помощников».[268]

Наконец, наряду с поголовным воровством, совершаемым нашими чиновниками, банкирам и бизнесменами («ворами в законе»), пышно расцвела преступность в привычном понимании этого слова: воровство, грабежи, убийства. Если до начала «реформ» в 1990 г. в России было зарегистрировано 1839,5 тыс. преступлений, то в 1999 г. — 3001,7 тыс. Число убийств и покушений на убийство с 1990 г. по 1999 г. выросло с 15,6 тыс. до 31,1 тыс., а в 2001 достигло цифры в 33583.[269] За первые три месяца 2002 г. было зарегистрировано более 750 тысяч преступлений. В Москве за это время уличная преступность выросла более чем на 90%. В целом рост преступности был отмечен в данном году в 28 субъектах федерации.[270]

Если раньше преступники («воры вне закона») в большинстве своем были кустарями-одиночками, то теперь возникли грандиозные мафиозные клики, власть которых не только сравнялась с государственной, но кое-где превзошла последнюю. Если

[263] Петраков Н. Успела ли наша мафия стать бессмертной? // ОГ. 25.02-03.03.1999.

[264] См.: Семенов Ю.И. Россия: Что с ней было, что с ней происходит, что ее ожидает в будущем. С. 25-27.

[265] См.: Горшков М. Разлагающее влияние коррупции // НГ. 19.06.1998.

[266] Цит.: Примаков Е.М. Восемь месяцев плюс... М., 2001. С. 193.

[267] См.: Ринаева И. Ни дня без взятки // МК. 22.05.2002.

[268] Цит.: Хлебников П. Крестный отец Кремля Борис Березовский или История разграбления России. М., 2001. С. 314.

[269] Российский статистический ежегодник. М., 2000. С.243; Преступление — выбор бедных, малообразованных и пьющих // ВН. 18.06.2002; На 2-е место...// Труд. 21.06.2002.

[270] См.: Будберг А. Преступность в Кремле. Путин требует очистить улицы // МК. 01.06.2002.

по статистике МВД РФ в 1990 г. в России было 785 преступных группировок, то в 1998 г. их число их достигло 10 тыс.[271]

Мафиозные объединения контролируют значительную часть экономики. По данным МВД РФ уже к 1997 г. удельный вес теневого сектора составил 45% (вместо 10—11% в 1990—1991 гг.). В денежном отношении это почти 750 млрд. рублей, или более 100 млрд. долларов. В России действуют около 80 тысяч членов организованных преступных группировок, под влиянием и контролем находятся 40% частных, 60% государственных предприятий, 85% банков.[272]

Непрерывно растет детская преступность. По сообщению генерального прокурора РФ Владимира Васильевича Устинова, в 2001 г. в милицию за различного рода правонарушения было доставлено более 1 млн 400 тыс. подростков (в два раза больше, чем 10 лет назад), 300 тыс. из них младше 13 лет, 295 тыс. нигде не учатся и не работают, а 45 тыс. оказались вообще неграмотными.[273]

И все это совершенно не случайно. Вот, что говорит о преступности вообще, коррупции в частности бывший начальник отдела «П» Службы безопасности Президента Валерий Андреевич Стрелецкий: «В стране произошел захват власти небольшой группой людей, которая в своих целях приватизировала государственный аппарат, да и государство в целом. Получилось так, что общество по своей глупости сотворило такое государство, которое представляет интересы узкого круга олигархов, а они начисто забыли о существовании всего остального населения. В данных условиях госаппарат вынужден действовать не по закону, а «по понятиям». Сейчас, по разным источникам, лишь около 1,5—2% людей реально ворочают всеми российскими финансами, участвуют в управлении экономикой, реально обладают политической властью. Их цели коренным образом расходятся с интересами общества. До тех пор, пока мы не изменим существующую систему власти и законодательства, не поставим под контроль общества государственный аппарат, забудьте о всякой борьбе с коррупцией, о законности и правопорядке...Если власть сосредоточена в руках одного человека, вокруг него неизбежно начинает формироваться среда, которая за счет общества пытается создать для себя привилегированные условия существования и в экономическом, и в политическом, и в правовом плане... Происходит разложение всей правоохранительной системы. А знаете, почему? Потому что на сегодняшний день органы стоят на стороне олигархов и в центра, и на местах. За деньги готовы выполнить любой заказ: невиновного посадить за решетку, даже жизни лишить, а виноватого оправдать; где нужно, готовы закрывать глаза на творящиеся беззакония. Главное — приказ сверху. Особенно в этом преуспела судебная система. В России судьи защищены от закона (я не оговорился, именно от закона). Деньги они получают огромные как от государства, так и от других «заказчиков», поэтому и идут на любое нарушение, действуют «по понятиям»».[274]

Некоторые политологи говорят о возникновении у нас номенклатурного капитализма. Как известно, термин номенклатура использовался многими исследователями для обозначения класса неополитаристов, существовавшего как в СССР, так и в других странах бывшего второго мира. В реальности, политаризм к настоящему времени

[271] Там же.

[272] См.: Объемы теневой экономики России превысили сорок процентов // ФИ. 24.02.1998; Куликов А. Тень накрыла 60 миллионов россиян // ОГ. 30-0 5.08.1998; Коррупция обходится России в 15 млрд долларов ежегодно // ВРМ. 29.01.2001.

[273] См.: Озерова М. «Беспризорная» статистика // МК. 21.02.2002.

[274] Стрелецкий В. «Нужно менять систему власти!» // НО. 2002. № 21.

в нашей стране исчез. Скорее всего, наш паракапитализм можно охарактеризовать как гибридный строй, сочетающий в себе, с одной стороны, возникший в результате разложения неополитаризме своеобразный тоже новый нобиларизм, с другой, капитализм.

Наш общественный строй не только сходен с паракапитализмом «третьего мира», но и отличен от него. Во всех странах идет рост населения, в России — сокращение. Причины — хроническое недоедание, рост заболеваемости, дороговизна лекарств, развал системы здравоохранения, лишение возможности курортного лечения и полноценного отдыха. Не имея возможности вдаваться в подробности, ограничусь лишь несколькими примерами.

По данным Академии медицинских наук за 10 лет (1989—1990 гг.) инфекционные и паразитарные заболевания возросли на 18%, эндокринные, иммунные расстройства — на 85,9%, болезни кровообращения — на 64%, органов пищеварения — на 17%, органов дыхания — на 13%, мочеполовой системы — на 73,8%, костно-мышечной системы — на 46%. Наркомания за 9 лет выросла в 10,7 раз.[275] За 10 лет число лиц, погибших от употребления наркотиков увеличилось в 12 раз, а среди детей — в 42 раза.[276]

Туберкулез — болезнь нищеты и трущоб, с которой было практически покончено в годы советской власти, снова возродился и уносит все больше жертв. По заболеваемости туберкулезом Россия сейчас оказалась на 9-м с конца месте в мире.[277] Количество больных сифилисом за семь лет возросло в 57 раз: с 8 тыс. человек в 1990 г. до 450 тыс. в 1997 г.[278] Число буйных помешанных за десять лет выросло в два раза — с 45 до 70 тыс. человек.[279] Каждый год удваивается число больных СПИДом, сейчас их 192 тыс.[280] Не лучше, если не хуже обстоит и с другими болезнями. Как следствие, если в 1989 г. средняя продолжительность жизни в России составляла 69,6 года (для мужчин — 64,2 года, для женщин — 74,5) , то в 2000 г. — 65,8 года (для мужчин — 59,8 года, для женщин — 72,2).[281]

Особенно плохо обстоит дело со здоровьем детей и подростков. До начала «реформ» с первого по десятый (позже — одиннадцатый) класс численность вполне здоровых школьников увеличивалась. В 90-е годы положение коренным образом изменилось. Количество больных за годы школьного обучения резко возрастает: с первого по четвертый класс — с 27 до 45 процентов, с пятого по восьмой — с 45 до 69.[282] В докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Олега Орестовича Миронова сообщается, что у более чем 50% детей в возрасте до 9 лет и более чем у 60% старшеклассников диагностируются хронические заболевания, многие из которых в дальнейшем могут привести к инвалидности. В трудоспособный и репродуктивный возраст вступает больное поколение. В докладе делается вывод, что «этот страшный симптом можно расценить как начало вырождения нации».[283]

[275] Ханжин Б.М. Российская академия медицинских наук констатирует: вымирание (статья написана по материалам 10 сессии общего собрания РАМН // СР.31.01.2002.

[276] Горбачева А. Предсказание по генетическому коду // НГ. 27.06.2002.

[277] См.: Лесков С. Правительство будет бороться с чахоткой. А с трущобами? // Известия. 20.06.1998; Ночуйкина А. Наступление чахотки // МН. 1999 г. № 2. С. 21.

[278] Сэттер Д. Три кита разрухи // НГ-политэкономия. 1999 № 1.

[279] См.: Елков И. Выплюньте пельмени // Труд. 26.03.2002.

[280] Республика СПИД // МК. 05.06.2002.

[281] Народное хозяйство СССР в 1989 г. М., 1990. С. 43; Российский статистический ежегодник. М., 2000. С. 601; Неутешительные демографические рекорды // НГ. 17.07.2001.

[282] Минздрав предупреждает [беседа с заместителем директора НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков доктором медицинских наук Людмилой Михайловной Сухаревой] // Труд. 06.06.2001.

[283] См.: Павелецкий С. Зигзаги на правовом поле // НО. 2002. № 20.

В результате, если еще в 1990 г. население РСФСР увеличилось на 332,9 тыс., то после начала реформ Россия стала буквально вымирать: в 1992 г. естественная убыль населения составила 219,8 тыс. человек, в 1993 г. — 750,3 тыс., в 1994 г. — 893,2 тыс., в 1995 г. — 840 тыс., в 1996 — 777,6, в 1997 г. — 755,9 , в 1998 г. — 705,4, в 1999 г. — 929,6, в 2000 г. — 958,5 тыс.; в 2001 г. — 943 тыс., за первое полугодие 2002 г. — 473,1 тыс.[284] По прогнозу Госкомстата к концу 2050 г. в самом лучшем случае население России снизится до 122,6 млн человек (на 15%), в худшем — до 77,2 млн (почти на 50%), наиболее вероятный вариант — 101,9 млн (снижение на 30%).[285]

Американский демограф Николас Эберштадт в 1999 г. в журнала «Полиси ревью» писал, комментируя данные о демографических сдвигах в России: «Статистические данные о состоянии здоровья этой нации не идут ни в какое сравнение с аналогичными показателями промышленно развитых стран. Фактически они во многих отношениях даже хуже, чем в странах третьего мира». А американский же журналист Джемс Манн свою статью в газете «Лос-Анжелес таймс» за 19 мая 1999 г, посвященную демографической ситуации в нашей стране озаглавил «Мрачный диагноз: Россия одной ногой в могиле».[286] Как заметил публицист Вадим Владимирович Белоцерковский, все правительства России с августа 1991 г. вплоть до осени 1998 г. вели политику каннибализма по отношению к собственному народу.[287]

Причем эта политика была совершенно сознательной. Экономисты-«демократы» занимались ее теоретическим обоснованием и преуспели в этом деле. Старые людоеды сейчас готовят кадры новых каннибалов. И это сказано, отнюдь, не для красного словца. 30 ноября 2001 г. в отнюдь не левой газете «Московский комсомолец» была опубликована статья известного журналиста Александра Минкина «Молодые людоеды». В ней он приводит запись своей беседы с двумя бакалаврами Государственного университета — Высшей школы экономики (ГУ-ВШЭ) — Антоном и Анной:

«Минкин. Вы сказали: если сократятся люди, зарплата вырастет. Зарплата вырастает из производства. Нефтяные скважины, газ... Если умирают историки, лингвисты, то производство не уменьшается.

Антон. Совершенно верно. А умрут в первую очередь именно они. Вот мы и видим вымирание учителей, вымирание военных.

Минкин. Значит, должны остаться только те, что бурят скважины?

Антон. Естественно... У нас социальные выплаты достаточно большие. Если мы их сократим, что у нас произойдет?

Минкин. Если перемрут историки и пенсионеры...

Антон. Мы на них не будем деньги тратить. Это плохо, но сейчас у общества не хватает денег на развитие... Мне не интересен человек, который занимается наукой ради науки. Мне интересен человек, который занимается наукой, чтобы получить большие деньги. Вот этот человек заслуживает внимания.

Минкин. Вы сказали: «Меня интересует только тот ученый, который приносит мне деньги».

[284] Российский статистический ежегодник. 1999 г. М., 2000. С. 76; Российский статистический ежегодник. 2000 г. М., 2001. С. 104; Содружество независимых государств в 2001 г. М., 2002. С. 109; Бают Е. Россия вымирает медленнее // МК. 21.08.2002.

[285] О возможных путях демографического развития России в первой половине XXI века (по материалам Госкомстата России // ВС. 2002.№ 3.

[286] См.: Симонова И. Скорбиая статистика // НГ. 03 07.1999.

[287] Белоцерковский В. Моральная деградация — главная причина катастрофы // НГ. 22.10.1998.

Антон. Совершенно верно. Вот они и останутся жить.

Минкин. А тот ученый, который расшифровывает письменность Урарту, он должен умереть?

Антон. А он прибыль какую-нибудь приносит?

Минкин. ...должен умереть?

Антон. Что поделаешь.

Минкин. В жизни есть ценности кроме экономики.

Анна. Все эти ценности хороши в сытом обществе.

Минкин. Вы говорите примерно следующее: вот сейчас существует Россия, 145 миллионов жителей, 70 — должны умереть, потому что они балласт..

Антон. Да. Они не нужны обществу».

Добавим лишь к этому, что ректором ГУ-ВШЭ является Ярослав Иванович Кузьминов, а научным руководителем шкоды — Евгений Григорьевич Ясин, который в бытность свою экономическим советником президента и министром экономики занимался людоедством не только в теории, но и на практике.[288] И старый заслуженный каннибал не успокоился на достигнутых результатах. Им и его достойными сообщниками в 2002 г. подготовлена новая людоедская программа.[289]

То, что Россия к настоящему времени оказалась в полном тупике, понимают и за рубежом. Вот мнение уже известного нам Л. Саммерса: «Короче говоря, в свете азиатского кризиса не может быть хуже новости из России, чем та, что от одной неработающей экономической системы и нескольких лет реформ там вплотную приблизились к созданию другой, не менее сомнительной».[290] Или еще слова крупного американского экономиста Маршалла Голдмана: «Честно говоря, эта система вобрала все худшее из капитализма и коммунизма. Я не знаю, как долго русский народ будет терпеть все это».[291]

В связи с той трансформацией, которую претерпела Россия за последние годы, невольно вспоминается горькая острота замечательного польского сатирика Ежи Станислава Леца: «Ну пробил ты головой стену. Что ты будешь делать в соседней камере?»

5.3.4. Периферийный («криминальный») капитализм в России — результат «демократических реформ» или непоследовательности в их проведении?

Понимали ли люди, которые начали «демократические реформы», возможность сползания Россию в «третий мир»? Если судить по книге Е.Т. Гайдара «Государство и эволюция», опубликованной два года спустя (М.,1994), то, по крайней мере, он это осознавал. «..В странах «третьего мира», — читаем мы в ней, — людей живет куда больше, чем в странах «первого мира», а из нашего бывшего «второго мира» ворота открыты как в один — с его процветанием, так и в другой с его удручающей нищетой».[292] «Весь вопрос, — продолжает он, — заключается только в одном: какую стратегию выбрать, чтобы не оказаться в «третьем мире», в зоне вечной застойной бедности...?»[293]

[288] См.: Хлебников П. Указ. раб. С. 102-103.

[289] См.: Ясин Е. С отвагой Ильича // МН. 2002. № 42.

[290] Цит.: Явлинский Г.Азиатский грипп и российская пневмония // Известия.23.06.1998.

[291] Голдман М. Вы можете честно презирать то общество, которое построили // Новая газета. 15-21 июня 1998 г.

[292] Гайдар Е. Указ раб. 1997. С.11.

[293] Там же. С.153.

И далее он пытается убедить, что единственная стратегия, исключающая такой вариант развития, эта та, которая им была выработана и которую он проводил, когда стоял во главе правительства. Никакую другую поборники «демократического капитализма» (так Е.Т. Гайдар именует капитализм «первого мир») предложить не могут. Все иные стратегии могут быть предложены исключительно лишь «патриотами», коммунистами и вообще критиками капитализма. И все эти линии политики должны быть решительно отвергнуты, ибо с неизбежностью приведут в «третий мир». И подобные вещи Е.Т. Гайдар писал тогда, когда уже никакого такого выбора не было, когда в результате его мудрой политики страна стремительно проваливалась в «третий мир».

Е.Т. Гайдар и его сподвижники были одинаково прозорливы и в стратегии, и в тактике. Ведь это они в начале 1992 г. предсказывали, что уже к осени прекратится спад производства и начнется его рост, что цены за год вырастут самое большое в 3—4 раза, а валютный курс зафиксируется к августу на уровне, примерно, 80 рублей за один доллар. На деле только за этот год цены выросли в 26 раз, курс доллара к середине 1997 г. достиг отметки 5782 рубля, а падение роста производства продолжалось восемь лет.[294]

По существу позднее и сам Е.Т. Гайдар и его достойные соратники фактически вынуждены были признать, что их прогнозы оправдались с точность до наоборот, когда они дружно заголосили о том, что в России возник не «демократический», а номенклатурный (другие эпитеты: вороватый, грабительский, бандитский, олигархический) капитализм, который сам же Е.Т. Гайдар считал характерным для «третьего мира».[295]

Столь же прозорливым был Е.Т. Гайдар не только в экономике, но и политике. Так, после поражения своей партии на парламентских выборах в декабре 1995 г., когда она даже не смогла перевалить через пятипроцентный барьер, он 5 января 1996 г. с апломбом заявил: «Я скажу так: следующие выборы, которые будут, будут нашими».[296] На выборах 1999 г. его партия набрала 8,7%.

Чтобы оправдать себя, Е.Т. Гайдар и его приспешники прибегали к самым различным приемам. Они неоднократно выступали с утверждениями, что проводимая ими линия привела к улучшению экономического положения в стране и повышению жизненного уровня ее обитателей. Люди стали жить лучше.[297]

Но факты есть факты. Они — упрямы. И в результате Е.Т. Гайдар в одном и том же интервью умудрился заявить, с одной стороны, о том, что в результате реформ благосостояние жителей России выросло, а с другой, что падение доходов жителей этой страны оказалось гораздо большим, чем ожидалось.[298]

Там, где Е.Т. Гайдар и его сторонники вынуждены были признать, что экономика России находится в весьма печальном положении, а основная масса населения страны обнищала, они сваливали вину на правительство, которое пришло к власти после отставки Е.Т. Гайдара и допустило многочисленные отступления от его политики.[299]

[294] Абалкин Л.И. Указ. раб. С. 59, 125 и др.

[295] Гайдар Е. Указ раб., С.254-255; Он же. Экономические реформы и иерархические структуры. Аномалии экономического роста. Статьи. М.,1997. С. 752-753.

[296] Гайдар Е. «На следующих парламентских выборах победят либералы» // НГ. 05.01.1996.

[297] Гайдар Е. Государство и эволюция... С. 139-140.

[298] Гайдар Е. : «Я не убежден, что страна обречена на выбор между Зюгановым, Лебедем и Лужковым» // НВ 1998. № 20. С. 16.

[299] См.: Там же.

У буржуафилов вообще стало модным все списывать на Государственную Думу, которая де все время ставила палки в колеса исполнительной власти. И это — не ново. Вплоть до осени 1993 г. всю вину за развал экономики гайдаровцы сваливали на Верховный Совет. Тогдашний парламент разогнали и расстреляли. Приняли антидемократическую, авторитарную, полумонархическую конституцию, в которой вся полнота власти передавалась президенту, а парламент превращался в ширму, прикрывающую президентский деспотизм. Но ничего не помогло — экономика продолжала разваливаться нарастающими темпами. Если в 1993 г. объем ВВП сократился на 8,7%, а промышленное производство — на 14,1%, то в 1994 г. ВВП уменьшился на 12,7%, а промышленное производство — на 20,9%.[300]

Сравнительно недавно группа, все еще продолжающих свято верить в Гайдара представителей т.н. творческой интеллигенции, за которыми даже в далеко не левой прессе закрепилась кличка демшизоидов, или демшизы, наконец-то нашла ответ на вопрос о том, кто виноват в крушении нашей экономики. На полном серьезе они заявили, что «саботаж коммунистами и их союзниками необходимых России реформ привел к резкому ухудшению условий жизни народа, к появлению массового недовольства».[301]

В общем, у гайдаровцев и вообще буржуафилов все получилось как в известном анекдоте об адвокате, взявшемся защищать дворянина, которого купец обвинил в том, что он взял у него ковер, прожег и не вернул. Адвокат опроверг все обвинения. Как заявил он: его подзащитный, во-первых, ковра не брал, во-вторых, когда он взял его, тот уже был с дырой, а, в-третьих, давно уже вернул ковер хозяину, причем совершенно целым.

В действительности крах российской экономики и нищета подавляющей части населения — результаты не отклонения от гайдаровского курса, а более или менее последовательного проведения его в жизнь. Это совершенно ясно всем знающим свое дело экономистам, независимо от их идеологических и политических пристрастий.

В 1994 г., чуть раньше появления названного выше сочинения Е.Т. Гайдара в журнале «Проблемы прогнозирования» было опубликовано «Заявление о намерениях Группы экономических преобразований», подписанное значительным числом российских и американских экономистов, к которому позднее присоединилось еще несколько ученых США. Среди подписавшихся было пять лауреатов Нобелевской премии по экономики: Лоуренс Кляйн, Василий Леонтьев, Дуглас Норт, Кеннет Эрроу, Джеймс Тобин.

Ни коммунистов, ни вообще принципиальных противников капитализма среди подписавших «Заявление» не было. Но это не помешало им заявить о гибельности курса, проводимого правительством России, и необходимости радикального изменения стратегии.[302] К сожалению, данный в «Заявлении» прогноз дальнейшего развития российской экономики в случае, если будет сохранен прежний курс, полностью оправдался, чего никак нельзя сказать о пророчествах Е.Т. Гайдара и его единомышленников.

Примерно то же самое мы находим и вышедшей в России в том же самом году книге американского экономиста К.Ф. Флекснера «Просвещенное общество. Эконо-

[300] См.: Богомолов А.Т. Реформы в зеркале международных сравнений. М., 1998. Приложение 1. Россия. Основные экономические показатели.

[301] К гражданам России // НГ. 13.02.1999.

[302] Заявление о намерениях Группы экономических преобразований // Проблемы прогнозирования. 1994. № 4; Реформы глазами американских и российских ученых. М., 1996.

мика с человеческим лицом» (М., 1994). Все причины бед России автор видит в том, что ей пытаются навязать свободнорыночный капитализм, который был отвергнут США и другими странами Западе еще во время Великой депрессии 30-х годов. «...Западные наблюдатели и сторонники «шоковой терапии», — пишет он, — утверждают, что катастрофическое положение экономики является лишь продолжением условий, унаследованных от старой системы».[303] Факты же показывают, что оно — следствие проводимых в стране реформ. «Все, что необходимо, дабы довершить разгром российской экономики, — продолжает автор, — это слепое следование курсу «шоковой терапии».[304]

Могут сказать, что предупреждения запоздали, ибо реформы начались не в 1994 г., а в 1992 г.

Но еще в начале 1992 г. под руководством Австрийской академии наук и Международного института мира (Вена) группой экономистов, юристов и политологов, представлявших 11 стран, был подготовлен и тогда же опубликован документ «Рыночный шок. Материалы группы «Адженда» по социально-экономической реконструкции Центральной и Восточной Европы» (русск. перевод: Вена, 1994). В ней было совершенно четко предсказано, что навязанная МВФ стратегия преобразований плановых экономик в свободные рыночные ошибочна и приведет к тяжелым последствиям во всех областях. «Новые руководители восточноевропейских государств и их советники с Запада, — говорилось в документе, — кажется, пытаются навязать народам, жившим в командной экономике, повторение Великого преобразования в виде «Большого скачка вперед». Теперь это называется «Шоковая терапия» или «Сильный удар». К 1992 г. опасение, что новый «Большой скачок вперед» и на этот раз кончится катастрофой, стало явью. Нарастающее ослабление экономик, подлежащих трансформации, очевидно. Ни в одной стране не удалось избежать падения производства, уменьшения капиталовложений, роста безработицы, ни тем более изменить эти тенденции на обратные».[305]

Как писал позднее один из руководителей проекта профессор Эгон Матцер, происшедшего за 1992—1998 гг. гигантского уничтожения хозяйственных ценностей можно было бы избежать, если бы были приняты альтернативные предложения, обоснованные в книге. Но с ними не посчитались. Принятый Россией курс ни к чему другому, кроме экономического краха, привести не мог.[306]

По существу гибельность проводимого им курса признал и сам Е.Т. Гайдар в выступлении на съезде своей партии, состоявшемся в 1996 г. Там он прямо заявил, что ему уже в 1992 г., т.е. тогда, когда он еще стоял у власти и беспрепятственно реализовал свою экономическую стратегию, было ясно, что развитие России идет по пути к номенклатурному капитализму, т.е. в «третий мир».[307] А еще раньше он писал: «Нравится ли мне тот капитализм, который сформировался в России? Конечно, нет. Он отвратителен и ужасен. Он вороват и социально несправедлив. Мог ли он быть другим? Думаю, что нет. Другое дело, что я прекрасно понимал, каким будет этот российский капитализм после краха коммунизма, ужет в тот момент, когда Говорухин снимал известный нам всем фильм «Так жить нельзя»».[308] Правда, это ни тогда, ни сейчас

[303] Флекснер К.Ф. Просвещенное общество. Экономнка с человеческим лицом. М., 1994. С. 289.
[304] Там же.
[305] Крегель Я., Мацнер Э., Грабер Г. Рыночный шок. Материалы группы «Адженда» по социально-экономической реконструкции Центральной и Восточной Европы. Вена, 1994. С. 123.
[306] Матцер Э. Почему экономика России находится в упадке? // НГ-сценарии. 1999. № 2.
[307] Наш капитализм — вороват // Русская мысль. 26.09-01.10.1996.
[308] Гайдар Е. Испытания выборами // Известия. 28.06.1995.

ничуть не мешает ни самому Е.Т. Гайдару, ни его сообщникам утверждать, что выработанная ими и проводимая им в жизнь стратегия и была, и является единственно правильной.

И только где-то в конце 90-х годов некоторые члены гайдаровской команды начали понимать, что беспардонная ложь не самый лучший способ политического выживания. Петр Олегович Авен, министр внешнеэкономических связей в гайдаровском правительстве, прямо признал, что бывшие его сослуживцы присвоили себе «право на мифотворчество и ложь. На ложь о достижениях в том числе в тех областях, которые сами реформаторы считали важными».[309] Стремление увековечить свою ложь делало этих людей совершенно невосприимчивыми к критике. «С невосприимчивостью к критике, — пишет П.О. Авен, — пересекается и еще одно фундаментальное свойство наших реформаторов — абсолютная неспособность признавать свои ошибки. Правы всегда и во всем — даже если отрицательный результат всем давно очевиден».[310]

И совсем уникальным было интервью, данное бывшим вице-премьером российского правительства и бывшим главой Госкомимущества РФ Альфредом Рейнгольдовичем Кохом. Это человек был не только влиятельнейшим членом российского руководства, но также единомышленником Е.Т. Гайдара и ближайшим другом А.Б. Чубайса. Его деятельность в правительстве получила в свое время крайне высокую оценку со стороны Б.Н. Ельцина. Уже после ухода из правительства он дал четкий и ясный ответ на вопрос о том, чем занималась, начиная с 1991 г., правящая верхушка России во главе с Б.Н. Ельциным, в своей вышедшей в 1998 г. США книге, которая носила красноречивое название «Распродажа советской империи» («The Selling of the Soviet Empire»). Эти люди занимались распродажей собственной страны. И всю ее распродали.

Вот, что содержится в интервью, которое А.Р. Кох дал в конце 1998 г. одной из американских радиостанций (ответы А.Р. Коха выделены курсивом): «Высказывается мнение, что в России катастрофа и экономическое будущее призрачно. Как вам кажется? *Мне тоже так кажется.* Не видите света в конце туннеля? *Нет.* А как вы прогнозируете экономическое будущее России? *Сырьевой придаток. ... Далее — развал, превращение в десяток маленьких государств...* Прогнозируете ли приход инвестиций в Россию, будет ли он в той мере, в какой его ожидают? *Нет, потому что Россия никому не нужна* (*смеется*), *не нужна Россия никому* (*смеется*), *как вы не поймете!* Словом, вы не видите никаких перспектив?.. *Я — нет (смеется)...* Как, по вашему, может повернуться экономическая политика российского правительства? Будет ли возврат к старым методам? *Какое это имеет значение? Как не верти, все равно это обанкротившаяся страна.* И вы полагаете, что никакие методы хозяйствования Россию не спасут? *Я думаю, что бесполезно..* .Если исходить из вашего взгляда на завтрашнее России, то весьма безрадостная картина создается.. *Да, безрадостная. А почему она должна быть радостной?* (*смех*). ...На ваш взгляд, как все это произошло, к этому вели какие-то предпосылки? *Это произошло просто по глупости, которая привела к катастрофе и признанию долга Советского Союза... Запад обманул Россию, Запад обещал реструктурировать этот долг и не реструктурировал его. Запад обещал экономическую помощь — и не оказал ее, и оставил Россию один на один с этим долгом.. .Я думаю, что это элемент специальной стратегии — страте-*

[309] Авен П. Экономика торга. О «крахе» либеральных реформ в России // Коммерсантъ. 27.01.1999.
[310] Там же.

гии ослабления России, стратегии Запада... Насколько Запад понимает, что хаос в России может быть угрозой миру? *Я откровенно говоря не понимаю, почему хаос в России может быть угрозой всему миру. Только лишь потому, что у нее есть атомное оружие?* Вот именно. А разве этого мало? *Я думаю, для того, чтобы отобрать у нас атомное оружие, достаточно парашютно-десантной дивизии. Однажды высадить и забрать эти ракеты к чертовой матери. Наша армия не в состоянии оказать никакого сопротивления. Чеченская война это показала блестящим образом...»*[311] И за прошедшие годы взгляды этого человека не изменились. Как заявил Р.А. Кох в январе 2002 г., под большинством «тезисов» своего интервью он бы подписался и сегодня.[312]

Итак, как откровенно признает один из влиятельнейших в прошлом членов российской верхушки, эти люди сообща сделали свое дело — завели Россию в тупик, причем, как они с достаточным основанием полагают, совершенно безысходный. В определенной степени его интервью представляет собой неофициальный, но весьма правдивый отчет Е.Т. Гайдара и его единомышленников о результатах проводившихся ими «реформ».

В свете всего сказанного как совершеннейшее издевательство над фактами и здравым смыслом звучит политическая декларация руководимого Е.Т. Гайдаром, А.Б. Чубайсом, Б.Е. Немцовым и др. Союза правых сил (СПС), принятая на съезде этой партии в мае 2001 г. «В XX веке Россия была отброшена назад, — говорится в ней. — Но благодаря самоотверженным усилиям диссидентов-правозащитников, политиков-демократов, экономистов-реформаторов и первых российских предпринимателей Россия сделала гигантский шаг вперед в своем политическом, экономическом и нравственном развитии».[313]

Не будучи в состоянии сказать что-либо конкретное о достижениях России в последнее десятилетие, ибо таковых как не было, так и нет, наши «демократы» продолжают без конца говорить о преступлениях сталинского режима. Сейчас СПС переиздал стотысячным тиражом сочинение «Черная книга коммунизма» (М., 2001) для бесплатной рассылки в библиотеки. Вряд ли это им поможет. В последние десять лет они так много лгали, что им теперь уже больше не верят. В частности, ими выдумывались все новые и новые цифры жертв сталинского террора. Рекорд здесь побила Ирина Муцуовна Хакамада — член руководства СПС, назвавшая в одной из телевизионных передач совершенно несусветную цифру — 95 млн. человек.

Когда-то в пору застоя Леонид Ильич Брежнев и его окружение предприняли попытку реабилитировать И.В. Сталина. Она наткнулась на упорное сопротивление общественности и если не полностью, то во многом сорвалась. Но то, что не удалось Л.И. Брежневу, сделали наши «демократы». В результате их многогранной деятельности в области экономики, внутренней и внешней политики и идеологии, И.В. Сталин был полностью реабилитирован в глазах значительной, если не большей части народа. Он предстал перед ними как великий государственный деятель, патриот, последовательно отстаивавший интересы страны, вырвавший ее из отсталости и превративший в одну из двух сверхдержав мира. А «Архипелаг ГУЛАГ» все чаще называют «Страшными сказками дедушки Солженицына».

[311] Прощай, умытая Россия // Новая газета. 1998 № 43 2-6 ноября. С. 5.
[312] См.: Касьяненко Ж. «Россия только мешает...» // СР. 02.02.2002.
[313] Политическая декларация «Союза правых сил» // НГ. 29.05.2001.

Но самое главное, как сказал известный русский поэт Николай Константинович Доризо:

Разоблачаем зло
ушедших лет,
Однако за спиной разоблачений
Не спрятать
правду наших новых бед
И беззаконья новых
преступлений.[314]

5.3.5. Россия на распутье

Защитники и пропагандисты «реформ», признавая воровской, криминальный характер российского капитализм, в то же время уверяют, что причина этого заключается в его молодости. Всякий капитализм начинался с грабежа, но затем он становился добропорядочным и цивилизованным. То же самое произойдет и с российским капитализмом С течением времени капитализм у нас станет точь-в-точь таким, как на Западе.

Для этого нужно не только терпеть, но и прилагать все усилия, чтобы войти в мировое (международное) сообщество, от которого мы так долго были совершенно изолированы, приобщиться, наконец, к цивилизации. Другие пропагандисты этой идеи, понимая, что говорить о вхождении России в мировое сообщество и приобщении к цивилизации нелепо, ибо она давно уже в этом сообществе состоит и давно является цивилизованной страной, расшифровывают эти призывы. Речь идет о вхождении не в мировое, а в западное сообщество, и приобщении не к цивилизации вообще, а к западноевропейской. И ни в коем случае нельзя ссориться с западным сообществом, нужно всячески угождать и неукоснительно следовать ее предписаниям. Только в таком случае Россия достигнет того же уровня развития, что и Запад

Известно высказывание З. Бжезинского относительно криминального характера российского капитализма. «Иногда, — сказал он, — мои русские друзья мне говорят. да наши олигархи — воры, но ведь и в Америке в 90-х годах прошлого столетия были бароны-грабители, например, Рокфеллер, Карнеги и т.д. Мой ответ очень простой. Да, они крали, но деньги они вкладывали все же в Америке. Куда вкладывают деньги ваши русские бароны? Деньги уходят на Кипр, на Ривьеру, Коста Брава, на них покупают недвижимость в Лондоне, во Флориде, в Калифорнии, но они не идут в Россию. Вот в чем разница. Я не знаю ни о каких крупных инвестициях в России за последние 10 лет, основанных на русских деньгах».[315] Но дело не просто в своеобразии криминальности российского капитализма.

Спору нет, что российский капитализм обладает рядом признаков, роднящих его с ранним западным капитализмом. Но вся суть в том, что наш капитализм не просто ранний, первоначальный. Эта — капитализм периферийный, а значит тупиковый, не способный перерасти в капитализм, существующий в центре. И всякая пропаганда, подобная изложенной выше, означает агитацию за сохранение существующего положения вещей, за капитуляцию перед Западом, а тем самым за увековечение нищеты

[314] Доризо Н «Разоблачаем зло » // Труд-7 09 08 2001 С 11

[315] Бжезинский З Я не считаю, что нынешияя Россия распадется на несколько отдельных государств // НГ 31 12 1998

большей части населения России. Она крайне выгодна Западу и хорошо им оплачивается, что особенно ярко вскрылось во время известного скандала с НТВ.

Но дело не только и не просто в Западе. В сохранении существующего положения кровно заинтересована наша компрадорская буржуазия и ее передовой отряд, за которым у нас закрепилось имя олигархов. Эта буржуазия (и тесно связанное с ней высшее чиновничество) завязана на отношения с Западом, переводит туда свои капиталы, владеет там домами и виллами, учит там своих детей и видит в Западе место, куда можно бежать в случае беды. В НАТО она видит не врага, а друга, который в случае неприятностей может ее спасти

Прекрасная характеристика нашей компрадорской олигархии дана уже известным нам С.Ю. Глазьевым: «Последняя, присвоив себе государственную власть и большую часть национального богатства страны, рассматривает ее лишь как источник наживы. По структуре своих интересов властвующая олигархия антинациональна — она заинтересована в уничтожении национального суверенитета России, максимальном ослаблении государственной власти и закреплении своего господствующего положения. Поэтому властвующая олигархия не станет решать ни одну из надвигающихся угроз и проблем страны. Более того, она будет препятствовать их решению, как уже успешно блокирует все попытки оздоровления системы денежного обращения, формирования институтов развития, государственного стимулирования инвестиций и научно-технического прогресса».[316]

Совершенно иными являются объективные интересы российского социоисторического организма, которые одновременно являются и интересами основной части ее населения, прежде всего эксплуатируемых масс. Никакие успехи в экономическом развитии России, никакое улучшение положения широких народных масс в России невозможно без освобождения от экономической и политической зависимости от стран Запада и прежде всего США. Это все в большей и большей степени осознается и рядовыми людьми, и всей большей частью интеллигенции.

Директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) Юрий Александрович Левада с горечью признает, что большинство россиян убеждено, что *«Запад не заинтересован в процветании России»*».[317] «Казалось бы, — продолжает он, — по мере сближения с западным миром такие мнения должны сходить на нет. А на деле они становятся все более распространенными. Восемь лет тому назад 42 процента опрошенных считали, что «Россия всегда вызывала у других государств враждебные чувства», что «нам никто не желает добра». А в 2001 г. в этом были уверены уже 64 процента респондентов».[318] И как же он это объясняет? «Такие черты россиян, как *противопоставление остальному миру,* поиск врагов, представление о собственной исключительности, неуважение к личности — чрезвычайно живучи, ибо корни уходят в минувшие века и историческую психологию».[319]

Но если факты, приводимые Ю.А. Левадой, интересны, то их истолкование более чем удивительно. Прежде всего, он на ходу подменяет положение о растущей неприязни россиян к Западу тезисом об их противопоставлении себя всему остальному миру. Далее, если принять, что недоверие к Западу представляет собой всего лишь пережи-

[316] Глазьев С Кто в стране хозяин? М , 2001 С 6
[317] О чем задумалась Россия // Труд 12 03 2002
[318] Там же
[319] Там же

ток «проклятого прошлого», то совершенно непонятно, почему же оно не снижается, а стремительно растет.

В действительности рост этот обусловлен существующим положением вещей. Вместе с осознанием печальных последствий зависимости от Запада идет нарастание стремления избавиться от этого гнета. Именно последнее имеет в виду Ю.А. Левада, когда говорит об «усилении идей великодержавности» и видит в этом грозную опасность.[320] Опасность в этом действительно есть, но только не для России, а для тех, кто ее эксплуатирует, и их идеологической обслуги.

Осознание экономической и политической зависимости от Запада и её гибельности для России, осознание пагубности развития по капиталистическому пути нарастает в самых широких массах населения. Тот же самый Ю.А. Левада с великой горечью сообщает, что по самым последним материалам ВЦИОМ на вопрос. по какому историческому пути должна идти Россия только 5% респондентов заявили, что она должна двигаться «по общему для современного мира пути европейской цивилизации». 18% опрошенных предпочли бы «вернуться на путь, по которому двигался Советский Союз», 60% выразили желание «идти по собственному, особому пути», затруднились с ответом 7%. И самое печальное, по мнению Ю.А. Левады, заключается в том, что число противников западного пути непрерывно возрастает: в 1996 г. они составляли 54%, в 2000 г. — 68%, в октябре 2001 г. — 71%.[321]

Но осознание пагубности периферийного капитализма, как правило, происходит в широких массах не столько в адекватной, сколько в иллюзорной форме. Это выражается в быстром нарастании не только антизападнических, прежде всего антиамериканских, но и националистических настроений. С этим связан рост популярности евразийства. А так как в правительственных верхах, высшем слое компрадорской буржуазии России и в средствах массовой информации (СМИ) заметное место занимали и занимают евреи, то в националистические настроения с неизбежностью вплетается и антисемитская струя.[322]

Как уже было показано (1.9.4) получает определенное распространение расизм, главным образом в форме этнорасизма, перерастающий в своеобразную разновидность фашистской идеологии.[323] Ширится движение скинхедов.[324] И их акции не просто дебоши на почве безделья. «Сейчас, — сказал в беседе с журналистов один из скинов, — очень многие разделяют национальные идеи. Когда мы раздаем листовки, к нам подходят и бабушки, и девчонки молодые, говорят, что только на нас и надеются. Если не бороться, нас очень скоро выкинут из своей же страны».[325] Как утверждают скинхеды, сегодня говорить о них как о политической организации еще рано, но то ли еще будет: со временем и до партии дорастут.[326] По данным ВЦИОМ националистиче-

[320] О чем задумалась Россия // Труд. 12 03.2002

[321] Там же.

[322] См., напрнмер, любопытнейший документ: Тополь Э. «Возлюбите Россию, Борис Абрамович!» Открытое письмо Березовскому, Гусинскому, Смоленскому, Ходорковскому и остальным олигархам // Аргументы и факты. 1998. № 38.

[323] См.: Политическая ксенофобия. Радикальные группы. Представления лидеров. Роль церкви. М., 1999; Лихачев В. Нацизм в России. М., 2002; Дадиани Л.Я. Фашизм в России: мифы и реалии // Социс. 2002. № 3.

[324] См.: Тарасов А Бритоголовые. Новая профашистская молодежная субкультура в России // Дружба народов // 2000. № 2.

[325] См.: Царев Р. Бритые идут // НО. 2002. № 8.

[326] Там же.

ские лозунги скинхедов одобряются 16% опрошенных. Еще 14% готовы вторить призыву: «Россия — для русских».[327]

В этих условиях возникает настоятельная нужда в адекватном осознании вставших перед страной объективных задач и выработке пути, который бы привел к обретению экономической и политической независимости. Главная задача заключается в освобождении России от экономической и политической зависимости от ортокапиталистического центра. А это невозможно без уничтожения паракапитализма. Национализм здесь не только ничем помочь не может, но, наоборот, с неизбежностью станет препятствием, раскалывая массы трудящихся. Иное дело — патриотизм, понимаемый как отстаивание интересов России и основной массы ее населения, независимо от расовых и этнических различий. И этот патриотизм носит классовый характер. Национально-освободительная борьба одновременно является и борьбой классовой. Настоящими патриотами могут быть только носители левых идей. И только левые в нынешней России могут быть патриотами.

Россия стоит перед выбором: ей нужно либо смириться со своим теперешним положением, либо попытаться выбраться из периферийного болота. И в ней идет борьба между капитулянтами, предателями национальных интересов, каковыми являются все наши «реформаторы», включая, разумеется Б.Н. Ельцина и всех его присных, и левыми патриотическими силами, отстаивающими интересы страны. И каждая из этих сторон имеет свои символы, которые сами по себе говорят о многом. Первые выступают под трехцветными флагами — теми самыми, под которыми белые армии в союзе с интервентами сражались за закабаление своего отечества, которые был приняты столь чтимыми «демократической» прессой прямыми изменниками родины — власовцами и которые были брошены во время Парада победы руками советских солдат на брусчатку Красной площади вместе со штандартами гитлеровских вооруженных сил. Вторые борются под красным знаменем, под которым Россия освободилась от зависимости от ортокапиталистического центра и разгромила фашизм. И здесь совершенно не причем великодержавные, имперские амбиции, как пытаются доказать «демократы».

И если Е.Т. Гайдар, как мы видели, не последователен в оправданиях, то совершенно последователен в одном: в стремлении не только загнать Россию в периферию, но и увековечить ее пребывание в ней. Е.Т. Гайдар всегда приветствовал расширение НАТО и его продвижение на восток, считал возможным и нужным отдать Эстонии исконно русский Печерский край, выступал против союза с Белоруссией, против сближения с Китаем, требовал передачи Южных Курил Японии и т.п.[328] Такую политическую линию нельзя охарактеризовать иначе как антироссийскую, и одновременно, конечно, как проамериканскую, пронатовскую, т.е. предательскую по отношению к своей стране. Не отстают от Е.Т. Гайдара и другие «демократы». За теснейшую связь с Западом и против союза с Белоруссией всегда выступал и продолжает выступать Г.А. Явлинский и его соратники по «Яблоку».[329]

[327] См.: Выжутович В. Запрет на этикетку // ВМН. 15.05.2002.

[328] См. Сапожникова Г. Как понять этих русских // КП. 13.07.1995.; Гайдар Е. Государство и эволюция... С. 501; Он же. Экономические реформы и иерархические структуры... М.,1997. С. 760-762.

[329] См., например: Явлинский Г. Последняя фаза агонии? // ОГ. 10-16.06.1999; Лукин В. Что будет после Косово // МН. 1999. № 21; Явлинский против интеграционных авралов // НГ. 10.07.1999.

Но, пожалуй, рекорд среди «демократов» побил бывший экономический советник президента и министр экономики Е.Г. Ясин, который горько сожалел, что Россия так и не была оккупирована иностранными войсками, т.е., надо полагать, армиями США и НАТО. Вот, что он сказал в одном из своих интервью по поводу экономических трудностей, которые испытывала ельцинская Россия: «Японцам и немцам было проще, потому что у них была просто разрушенная промышленность, была оккупационная власть, и уже многое было сделано для того, чтобы расчистить почву и начать сначала. Россия, к сожалению, не находится в такой ситуации».[330]

Так или иначе осознавая, что они вступили на путь предательства интересов своей страны, «демократы» пытаются оправдать предательство вообще. С этим связаны и бесконечные повторения приведенного выше (1.8.14) высказывания С. Джонсона о патриотизме как последнем прибежище негодяев, бесконечные восхваления Власова, Пеньковского, Резуна и других изменников родины, всемерная апология и защита политических организаций стран СНГ, занимающих антироссийские позиции (Рух, БНФ и др.) и столь же активное шельмование политиков, выступающих за дружбу и союз с Россией.

Освобождение России от экономической и политической зависимости от Запада, конечно, находится в непримиримом противоречии с интересами паракапиталистического центра. Поэтому любая попытка России добиться независимости с неизбежностью встретит яростное сопротивление Запада, который не захочет выпускать свою жертву.

После августовского краха 1998 г. в обстановке резко обострившегося не только экономического, но и политического кризиса Б.Н. Ельцин, чтобы спасти себя, был вынужден в сентябре назначить премьером России Евгения Максимовича Примакова. В правительство впервые после начала «реформ» вошли коммунисты. Его экономический блок возглавил член ЦК КПРФ Юрий Дмитриевич Маслюков. Новое правительство в тяжелейших условиях сумело найти пути выхода из экономической катастрофы.

Оно впервые после начала «реформ» отказалось послушно выполнять указания МВФ. Е.М. Примаков в выступлении в Белгороде 21 ноября 1998 г. заявил: «Меня раздражает, например, когда приезжает делегация, состоящая из молодых людей, которые в жизни почти ничего не видели... не зная условий нашей страны, не зная как следует наше положение, начинают рекомендовать, диктовать какие-то условия».[331]

Впервые после начала «реформ» не только начали регулярно выплачиваться заработная плата бюджетникам, пенсии и пособия, но и постепенно погашаться накопившаяся за многие месяцы задолженность. Были созданы условия для прекращения спада производства и даже его подъема. Е.М. Примаков пытался начать борьбу с коррупцией, вести более независимую внешнюю политику. Все это дорого ему обошлось.

Уже первые, довольно робкие и не всегда последовательные шаги «розового» российского правительства, направленные к изменению политического и экономического курса, встретили нарастающее сопротивление со стороны Запада и прежде всего США и МВФ. По существу от России потребовали стать на колени, сместить недостаточно покорное правительство и заменить его более послушным. Выполняя волю заокеанских господ и российской компрадорской буржуазии, шумную компанию за смещение правительства Е М. Примакова развернули наши «демократические», т.е.

[330] Цит : Хлебников П Указ раб С 103.
[331] Цит Сафрончук В Ахиллесова пята СНГ // СР. 01 12 1998

буржуафильские, средства массовой информации. Особенно усилился нажим после начала агрессии НАТО против Югославии. 12 мая 1999 г. президент Б.Н. Ельцин сместил правительство В.М. Примакова. Премьером стал бесцветный и послушный Сергей Вадимович Степашин.

Вскоре после этого события я писал в книге «Философии истории» (М., 1999): «Прогнозы сейчас строить трудно. Но одно можно сказать с уверенностью. Никакое полностью проамериканское, прозападное правительство в России долго не удержится».[332] Это поняли и на самом верху.

Назначенному 9 августа 1999 г. новым премьер-министром Владимиру Владимировичу Путину был спешно создан имидж патриота, свято блюдущего национальные интересы страны и не поддающегося никакому внешнему, включая американский, нажиму. Ненавидимый подавляющем большинством населения страны, Б.Н. Ельцин 31 декабря 1999 г. ушел в отставку с поста главы государства, И.о. президента РФ стал В.В. Путин. Заручившись славой патриота, державника и располагая всеми рычагами власти, В.В. Путин 25 марте 2000 г. одержал победу на выборах и стал президентом Российской Федерации. Пост премьер-министра занял Михаил Михайлович Касьянов.

Новый президент оказался в тяжелейшей ситуации. В классовом обществе государственная власть всегда должна защищать интересы господствующего класса. Но она обязательно должна служить и интересам социоисторического организма, т.е. национальным. И хорошо для человека, стоящего у власти, когда интересы господствующего класса и интересы социоисторического организма хотя бы частично совпадают. В.В. Путин же пришел к власти в условия, когда интересы господствующего класса и интересы социоисторического организма, национальные абсолютно разошлись.

Важнейшие вопросы, которые встали перед новым президентом — внутренняя, прежде всего экономическая, и внешняя политика. Чтобы создать имидж патриота, В.В. Путину нужно было не только говорить, но и действовать. Один его козырь — Чечня. Другой — внешняя политика. После его прихода к руководству продолжал проводиться курс, основу которого заложил Е.М. Примаков, когда он в 1996 г. сменил американскую марионетку Андрея Владимировича Козырева на посту министра иностранных дел. Но Е.М. Примакову постоянно мешал Б.Н. Ельцин и его камарилья. В.В. Путин так скован не был. На протяжении двух лет им было предпринято немало акций, вызвавших недовольство на Западе: налаживание связей с Ираном, Ираком, КНДР, Кубой, поддержка Ирака, договор с Китаем и т.п. В США возникли серьезные опасения, что новый президент поведет независимую политику, будет исходить из национальных интересов страны. Все это способствовало росту популярности В.В. Путина внутри страны.

Но самой важной является все же внутренняя политика. Долгое время ахиллесовой пятой левых патриотических сил, представленных прежде всего КПРФ, было отсутствие разработанной экономической политики. Были общие лозунги, но не было тщательно подготовленной программы. К настоящему времени положение изменилось. Усилиями С.Ю. Глазьева и его единомышленников такая программа создана. Претворение ее в жизнь означало бы освобождение страны от экономической, а тем самым и политической, зависимости от ортокапиталистического центра, уверенный рост

[332] Семенов Ю.И Философия истории от истоков до наших дней: Основные проблемы и концепции М , 1999 С 302

общественного производства, а тем самым и ВВП, повышение жизненного уровня населения страны.

В течение некоторого времени во властных верхах России конкурировали две программы будущего экономического развития страны. Одна из них была разработана комиссией Государственного совета, которую возглавил губернатор Хабаровского края Виктор Иванович Ишаев. В основных своих положениях она во многом совпадала с программой С.Ю. Глазьева. Она предполагала продолжение политики, начатой правительством Е.М. Примакова, и в частности, усиление роли государственного регулирования экономики. Ее претворение в жизнь обеспечило бы уверенный рост ВВП, по меньшей мере, на 6% в год.

Однако В.В. Путин после ряда колебаний в целом одобрил совершенно иную программу, составленную министром экономического развития и торговли Германом Оскаровичем Грефом и его командой. Эта программа предусматривает последовательное продолжение политики, начатой под диктовку США и МВФ правительством Е.Т. Гайдара. Как писал один независимый эксперт: «На деле в усеченном виде *реализуется экономическая программа Гайдара, хотя, по понятным соображениям, власть об этом предпочитает не распространяться*».[333] Начался новый, уже третий по счету «реформаторский» прорыв.

Программа Г.О. Грефа, которая охватывает не только сферу экономики, но и ряд других областей, в основном уже принята и для ее обеспечения исполнительная власть, прежде всего президент, частично уже протолкнула, частично усиленно проталкивает целый пакет законов, выгодных олигархам. Принят закон о равной налоговой ставке (13%) для всех слоев населения: для бедняков она повышена, на состоятельных и особенно богатых резко снижена. Образовавшаяся дыра в бюджете затыкается за счет повышения косвенных налогов, т.е. за счет карманов бедняков. Власть утверждала, что в результате снижения налоговой ставки доходы будут выведены из тени. Если она действительно на это надеялась, то просчиталась. В 2001 г. из 548,78 млрд рублей было собрано лишь 256,7. млрд. Недоплачено налогов на 292 млрд, т.е. остались в тени доходы на 2,2 трлн рублей.[334] В 2002 г. в России было укрыто от налогов 3,3 трлн рублей.[335]

Принят новый Кодекс законов о труде (КЗоТ), лишающий работников многих прав, которыми они пользовались раньше, во многом превращающий их в рабов. «Практика правового урегулирования рабочего времени в Трудовом кодексе, — пишет доктор юридических наук Владимир Миронов, — сводится к предоставлению работодателю бесплатно использовать труд работников столько, сколько ему потребуется. Взамен работники ничего не получают — даже минимально пристойной зарплаты».[336]

Приняты Земельный кодекс и Закон об обороте земель сельскохозяйственного назначения, разрешающие свободную продажу земли. До сих пор наш паракапитализм отличала от латиноамериканского его варианта одна особенность — отсутствие латифундий. Последние — одно из серьезнейших препятствий на пути социального и экономического развития стран Латинской Америки. Поэтому руководством некоторых из них принимаются меры, направленные к ликвидации латифундий. Политика нашей исполнительной власти — прямо противоположна. Свободный оборот земли с неизбежностью

[333] Орешкин Д. Год победившего либерализма // МН. 2001. № 52. С. 7.
[334] См.: Головачев В. Доходы остаются в тени // Труд. 06.06.2002.
[335] См.: Головачев В. Доходы остаются в тени // Труд. 05.02.2003.
[336] Миронов В. Уздечка для трудящихся // ВМН. 11.01.2002.

приведет к обезземеливанию значительной части сельского населения и возникновению не ферм и не крупных аграрных предприятий, а классических латифундий. Часть земель будет при этом пустовать, а на остальных трудиться кабальные арендаторы.

Компания за введение свободного оборота земель велась под демагогическим лозунгом обеспечения права крестьян на землю, хотя ее вдохновители прекрасно понимали, что результатом предлагаемых ими мер будет потеря ими этого права. Впрочем, иногда они проговаривались. Так, газета «Известия» после бесконечных стенаний о том, что законодатели, не допуская свободной продажи земли, тем самым не хотят дать землю крестьянам, вдруг поместила ликующую статью под названием «В российское село пришел помещик-реформатор».[337] В результате все стало на свое место.

Пенсионная реформа имеет целью снять с государства ответственность за обеспечение людей, достигших старости В результате уже начавшей претворяться в жизнь т.н реформы жилищно-коммунального хозяйства на плечи малообеспеченной части населения взваливается непосильное финансовое бремя. По существу вся эта «реформа» состоит лишь в резком повышении платы за жилище и коммунальные услуги. Ничего другого, кроме попытки сбросить с государства всякую ответственность за жилищно-коммунальное хозяйстве, в ней не просматривается.

Одобренные пропутинским большинством Государственной Думы законы о реформировании естественных монополий (РАО «ЕЭС», МПС) приведут к дальнейшему разрыву экономического единства страны, а для потребителей выльются в дикий рост цен. Начинается очередная реформа образования, которая окончательно развалит образовательную систему и закроет доступ к высшему образованию выходцам из малообеспеченных слоев населения.

Правительство ставит целью вхождение России во Всемирную торговую организацию (ВТО), хотя это, обеспечив ряд небольших преимуществ, подорвет народное хозяйство России. Как считает вице-президент Российского союза товаропроизводителей А. Уваров присоединение России к ВТО приведет к открытию внутреннего рынка для иностранцев, банкротству 140 тысяч неконкурентоспособных российских предприятий и появлению 30 млн новых безработных.[338]

Новый, уже третий по счету «реформаторский» прорыв с неизбежностью кончится еще более печально, чем первые два. Прежде в распоряжении «реформаторов» был гигантский материальный задел, созданный в годы советской власти. Страна в 1991—2002 гг во многом жила «проеданием» старых запасов. Через 2—3 года эта благодать кончится. Все будет без остатка «проедено». К тому же к этому времени настанет срок выплаты значительной части внешнего долга. В 2003 г. Россия должна будет выплатить 17 млрд. долларов при намеченном на данный год бюджете страны в 76,4 млрд. долларов. Страна окажется в еще большей экономической, а тем самым неизбежно и в политической зависимости от Запада.

С 1992 г. в России шел непрерывный спад производства и уменьшение ВВП. По итогам 1997 г. было объявлено об увеличении ВВП на 0,5% или даже на 0,9%. В действительности же эта цифра появилась в результате использования Госкомстатом нового метода расчета. Если бы он был проведен по прежнему методу, то дал бы падение ВВП на 2—2,5%. В июле 1998 г. сокращение ВВП составило 4,5%, в сентябре — 10% по сравнению с началом года Спад промышленного производства достиг 14,5%.

[337] Коновалов В В российское село пришел помещик-реформатор // Известия 14 01.1998.
[338] См Сорокин К С аплодисментами слегка поторопились // Труд 06 11 2001.

В 1999 г. в результате политики правительства Е.М. Примакова впервые началось реальное увеличение ВВП. В апреле 1999 г. промышленное производство на 1,5% превысило докризисный уровень апреля 1998 г.[339] В 1999 г. ВВП по первоначальным данным Госкомстата возрос на 3,5%, по последующим — на 5,4%. В следующем, 2000 году, когда по инерции продолжалась прежняя экономическая политика, объем ВВП возрос еще больше, чему в огромной степени способствовал рост цен на нефть. Это уже был год Путина. Поэтому, если первоначально Госкомстатом было объявлено, что в 2000 г. ВВП вырос на 7,7%, то в последующем, по-видимому, не без указания сверху цифра была увеличена до 8,3%.[340]

Но, уже начиная с 2001 г, стала претворяться в жизнь грефовская программа. И результаты не замедлили сказаться. Период устойчивого роста закончился. Промышленность лихорадит: небольшой рост попеременно сменяется небольшим спадом. Большая часть ее отраслей находится в состоянии депрессии. По официальным данным рост ВВП в 2001 г. составил 5%, т.е. меньше чем в 2000 г.[341] При этом имеются все основания полагать, что эта цифра завышена. Именно таким был год, который в одной из статей, подводивших итоги, был с полным правом назван «годом победившего либерализма».[342]

А в правительственном проекте бюджета на 2002 г. была поставлена задача поддержания темпов прироста ВВП в еще меньших пределах — 4,3%. И это происходило в обстановке гораздо более благоприятной, чем те, в которых пришлось действовать «розовому» правительству Примакова-Маслюкова. Последнее добилось начала подъема производства в условиях, когда цена на нефть на внешнем рынке не превышала 7 долларов за баррель. Правительство Касьянова-Грефа положило конец росту темпов экономического развития в условиях, когда цена на нефть выросла более чем втрое.

Дальнейшее следование новой сверхлиберальной программе приведет к еще большему сокращению роста производства и ВВП.

В определенной степени это начали осознавать и творцы этой экономической стратегии. Уже в начале 2002 г. они пришли к выводу что рост ВВП за год не превысит 3,4%. В конце февраля 2002 г. правительство одобрило разработанные министерством экономического развития и торговли (МЭРТ) сценарии развития российской экономики на 2003—2005 гг. Если цены на нефть на мировом рынке будут составлять 18,5 долларов за баррель, то рост ВВП составит 3,5% в год, если 21,5 долларов за баррель — 4,5%. Прогноз на следующие годы — 5—5,5% роста ВВП.[343]

Это вызвало гнев президента. 8 апреля 2002 г. он, подвергнув резкой критике предложенные сценарии развития, потребовал от правительства обеспечения более высоких темпов прироста ВВП.[344] По словам одних, В.В. Путин потребовал довести рост до 6—8%, по словам других — даже до 8—10%. Министры частично отмолчались, частично дали понять, что такие темпы недостижимы. Тогда В.В. Путин через месяц снова

[339] Примаков Е. Если не мы, то кто? // Коммерсантъ. 16.06.1999.

[340] Викторов С. Россия была Таиландом // Коммерсантъ. 07.05.2001; Соколин В. Масштабы бедности в стране завышаются // Труд-7. 14.06.2001.

[341] Орлов Д. Шесть угроз для роста // ВМН. 20.02.2002; Борисов В. Опасная сила инерции // Труд. 10.04.2002.

[342] Орешкии Д. Год победившего либерализма // МН. 2001. № 52.

[343] Правительство одобрило разработаиные МЭРТ сценарные условия развития российской экономики иа 2003—2005 годы // ВМН. 01.03.2002.

[344] Кузнецова В., Гуревич В. Больше амбиций // ВН. 09.04.2002.

обрушился на них, потребовав выполнения своих пожеланий. «Прошел уже месяц, — заявил он, — но пока я новых цифр не видел».[345] В ответ на это один из высокопоставленных чиновников правительства сказал журналистам: «Темпы роста не устанавливаются директивами. Заставлять людей переводить в конкретику цифр идеологические президентские наказы означает загнать себя в тупик».[346] А затем и М.М. Касьянов категорически заявил, что никаких «прорывов» в экономике в ближайшие годы не будет. Добавить можно в прогнозы самое большое несколько десятых процента.[347]

В.В. Путина и можно понять, и одновременно понять нельзя. Можно, ибо еще будучи премьером, он провозглашал о необходимости обеспечить рост ВВП на уровне 8—10%. Можно, ибо Г.О. Греф и его сотрудники уверяли тогда, что их программа обеспечит такого рода рост.[348] Нельзя, ибо еще в то время, когда грефовская программа не стала законом, ведущие экономисты страны убедительно доказывали, что она приведет к сокращению темпов роста ВВП, а затем, в конечном счете, к новому краху экономики.[349] Нельзя, ибо весь последующий ход событий полностью подтвердил все эти печальные прогнозы.

Неужели президенту не было известно, что в 2001 г. рост ВВП снизился до 5%, что в течение всего четвертого квартала этого года никакого роста вообще не было. Неужели ему неизвестно, что его советник по проблемам экономики А.Н. Илларионов, который по своей должности должен быть знаком с состоянием российской экономики, заявил на состоявшейся в третьей декаде марта 2002 г. международной конференции «Экономический рост: после коммунизма», что после нулевого роста ВВП и снижения промышленного производства в четвертом квартале 2001 г. никакого роста ВВП по всей вероятности, не будет и в первом квартале 2002 г.[350] На той же конференции А.Н. Илларионов заявил, что налицо «переход экономики в депрессивную стадию» с периодическим ростом в 0—2%».[351]

Правда, по сведениям МЭРТ в первом квартале 2002 г. рост ВВП все же составил 3,3%. Но понять, каким образом это произошло, совершенно невозможно. По данным того же учреждения, рост промышленного производства в январе 2002 г. равнялся нулю, в феврале — 0,7%, в марте — 1,1%.[352] Есть и другие данные — по заявлению первого заместителя председателя Госкомстата Александра Суринова в январе 2002 г. промышленное производство упало по сравнению с декабрем 2001 г. на 0,4%.[353] В конце концов А.Н. Илларионов, подводя итоги, заявил в июне 2002 г., что

[345] Цит.: Кобылкина И. Президент заждался иовых планов роста экономики // Труд-7. 08.05.2002.

[346] См.: Кузнецова В. В ожидании цифр // ВН. 07.05.02.

[347] См.: Колесников А. Через две весны // ВМН. 16.05.2002.

[348] См.: Так догоним ли мы Португалию?... С. 14.

[349] См.: Глазьев С.Ю. Хватит нас ломать, пора строить // СР. 06.07. 2000; Он же. О правительственном плане действий в области социальной политики и модернизации экономики на 2000-2001 годы // РЭЖ. 2000. № 8; Он же. Апокалипсис для России // Завтра. 2000. № 44; Он же. Депрессанты // СР. 11.08.2001; Абалкин Л. Несостоятельность программы Грефа // НГ. 18.08.2000; Маевский В. Опасное несоответствие // Там же; Делягин М. Либеральный тупик // Завтра. 2001. № 43.С. 6.; Малиецкий Г. Коллапс через 10 лет // Век. 2001. № 46 и др.

[350] См.: Желенин А. Расслабляться или напрягаться // ВМН. 21.03.2002. Самое поразительное заключается в том, что месяцем ранее тот же самый А.Н. Иларионов заявил, что вопреки пессимистическим прогнозам, ВВП в четвертом квартале 2001 г. вырос на 5%. (см.: Квитко Е. С чувством глубокого удовлетворения // МН. 2002. № 5. С. 11). Хороши же экономические советники у нашего президента!

[351] Скогорева А. Как жить дальше? // Газета. 21.03.2002.

[352] Орлов Д. Гайдар не верит Грефу и МВФ // ВМН. 30.04.2002; Астафьев А. Курс на стагнацию // НО. 2002. № 20.

[353] См.: Желенин А. Рост вниз // ВМН. 19.02.2002.

в четвертом квартале 2001 г. ВВП сократился по сравнению с третьим кварталом на 0,4%, а в первом квартале 2002 г. — еще на 0,5%.[354]

Пять месяцев (ноябрь, декабрь 2001 г., январь, март и апрель 2002 г.) шло падение индекса интенсивности производства.[355] В апреле 2002 г. по данным Госкомстата объем промышленного производства снизился по сравнению с мартом на 4,3%, а с поправкой на различное количество рабочих дней — на 6,5%.[356] Министр по налогам и сборам Геннадий Букаев, объясняя недобор налогов в январе-апреля 2002 г., сказал, что эти месяцы характеризуются падением объемов производства всего народного хозяйства.[357]

Исходя из этого, нельзя не признать, что обнародованные в феврале прогнозы правительства относительно развития российской экономики на 2003—2005 гг. не только не занижены, но, наоборот, завышены. При грефовском курсе и таких результатов достигнуть будет трудно. Министры, по-видимому, исходили из того, что всегда остается возможность надавить на Госкомстат с тем, что он добавил 1—2—3 недостающих процента. Но приписать 5—6%, тем более 7—8%, — это уж слишком. Не то, чтобы это совершенно невозможно, но такая неумеренная фальсификация сразу же вскроется.

В конце мая министры, поупиравшись, все-таки вынуждены были как-то учесть критику президента, и внести некоторые поправки в сценарий развития. Но, конечно, ни о каких 6%, тем более 8% роста они даже не заикнулись. В новом прогнозе темпы экономического развития были увеличены на 2002 г. с 3,4% до 3,6%, а на последующие годы до 2005 г... на 1%.[358] И президент с этим смирился. В бюджетном послании, направленным им Федеральному собранию и правительству в начале июня, нет никаких требований радикального ускорения роста российской экономики.[359] Осенью 2002 г. М.М. Касьянов и другие министры рисовали светлую картину: рост ВВП к концу года возможно будет составлять 3,8, 3,9, а то и 4,0%. Но в начале ноября на заседании правительства премьер-министр вынужден был признать, что «качество роста ВВП» в 2002 г. неуклонно ухудшается. Оказывается, что 60% роста было достигнуто за счет хорошей нефтяной конъюнктуры. Премьер поведал также, что экспорт сокращается, импорт увеличивается, иностранные товары вытесняют с внутреннего рынка отечественную продукцию. Повторяется картина, которая предшествовала кризису 1998 г.[360]

В.В. Путину можно только напомнить русскую поговорку о том, что «снявши голову, о волосах не плачут». Он пожинает плоды своего собственного выбора экономической стратегии России. По существу, президент хочет устранить неприятные следствия, сохраняя порождающие их причины. Но так не бывает. Чтобы обеспечить высокой рост российской экономики, нужно изменить экономическую стратегию. А этого В.В. Путин сделать не хочет или не может

И совершенно неизбежно одобренная В.В. Путиным политика неуклонно ведет к

[354] Неприятности // Труд. 18.06.2002.

[355] См.: Головачев В. Бедные, как всегда, в накладе // Труд. 31.05.2002.

[356] См.: Неприятности // Труд. 04.06.2002.

[357] См.: Проценко А. Подтянуть пояса // Труд-7. 14-19.2002.

[358] См.: Проценко А. Один процент амбиций // Труд. 22.05.2002; Он же А. Бизнес и власть // Труд. 31.05.2002.

[359] См.: Алексеев В. Растаявшие амбиции // Труд. 04.06.2002.

[360] Неприятности // Труд. 05.11.2002.

дальнейшему обнищанию основной массы населения. И в этом нет никакой неожиданности. Еще в 2000 г. уже известная нам Н.М. Римашевская выступила на специальном заседании Совета безопасности РФ с резкой критикой социальной части программы Г.О. Грефа. Основные положения выступления были изложены в статье с весьма красноречивым названием «Эта программа будет посильнее шоковой терапии Гайдара». Социальные последствия реализации предложений команды Германа Грефа помогут богатым, но ускорят обнищание большинства россиян и подорвут человеческий потенциал страны».[361]

Начала нарастать инфляция. В начале 2001 г. правительство рассчитывало, что она в течение года не превысит 12%, но эта цифра была превышена уже к середине года. К концу этого года инфляция достигла по официальным данным 18,6%. В действительности она значительно выше. За год реальный рост цен и тарифов на платные услуги населению в целом составил 36,9%, на жилищно-коммунальные услуги — 56,8%, на услуги учреждений культуры — 32,7%, на пассажирские перевозки — 25,3%.[362] Если в Москве годовая инфляция в 2001 г. составила, как и в среднем по стране, 18,6%, то при этом цены на мясо и рыбу выросли на 44%, на молоко и сыр — на 26%, на свежие овощи — на 60%.[363] В результате все прибавки к зарплате и пенсиям ею практически съедены. Не состоялась многократно обещанная индексация пенсий с 1 ноября. С 1 октября на 1 декабря 2001 г. было перенесено повышение зарплаты бюджетникам.

Два зарубежных специалиста — директор проекта Российско-Европейского центра экономической политики Иван Самсон и редактор Обзора российской экономики Сея Лайнела на пресс-конференции, состоявшейся в середине января 2002 г., обратили внимание на наметившееся снижение темпов промышленного роста и роста ВВП и подчеркнули, что имевший место экономический рост сопровождался ростом бедности и неравенства в распределении доходов между различными группами населения.[364] И это действительно так. Как свидетельствуют данные Госкомстата, в нынешней России ускоренными темпами идет процесс расслоения работающих по уровню материального обеспечения. Средняя зарплата 10% высокооплачиваемых россиян превышала среднюю зарплату 10% низкооплачиваемых в октябре 1999 г. в 32,1 раза, в апреле 2000 г. — в 34 раза, в апреле 2001 г. — в 39,6 раза.[365]

С 1 января 2002 г. были отменены льготы по налогу на добавленную стоимость (НДС) на лекарства. Независимые эксперты давно уже предупреждали, что это приведет к резкому скачку цен. Министры успокаивали: цены по расчетам правительства поднимутся незначительно, самое большее на 3%—5%. Цены уже в январе взлетели в среднем на 12%, а в некоторых регионах на 30—40%, и идет их дальнейший рост.[366] Лекарства и раньше были недоступны для значительной части населения (до 40%), что убийственно сказывалось на здоровье людей. Сейчас круг обреченных значительно расширился. Правительство беспомощно разводит руками, обвиняя торговых посредников и розницу.

[361] Римашевская Н. Эта программа будет посильнее шоковой терапии Гайдара... // КЖ. 2000. № 14.

[362] См.: Матросова Е. Рубль вырос на девять процентов // ФИ. 26.02.2002.

[363] См.: Грекова О. Цен буддизм // МК. 05.06.2002.

[364] См.. Желенин А. Чудес не предвидится // ВМН. 23 01.2002.

[365] См.: Борисов В. Непрожиточный уровень // Труд. 25.01.2002.

[366] См.: Горбачева А Будет ли отменен НДС на медикаменты? // НГ. 06.06.2002.

Но вот что пишет руководитель центра по ценообразованию и экономическому анализу Сергей Уланов: «Группа ООН по проблемам бедности в России уже не один год констатирует в своих докладах, что из-за нехватки денег «многие россияне отказываются от назначенных врачами лекарств, процедур и лечения». Очень многим нуждающимся из альтернативы «жизнь или кошелек» пустой карман часто мешает выбрать жизнь. К сожалению, есть прямая связь между возможностью лечиться, ростом смертности и сокращением численности населения. Просто новый виток цен, спровоцированный НДС, переполнил чашу терпения и обнажил проблему. А она в том, что правительство несколько лет делает всё, чтобы цены на лекарства неуклонно ползли вверх».[367]

Когда член Комитета по охране здоровья и спорта Госдумы академик Сергей Колесников пытался выяснить у Г.О. Грефа, просчитал ли тот социальные последствия борьбы с льготами для производителей лекарств, министр ему ответил, что не его это дело — просчитывать социальные последствия.[368]

Отменены льготы и на печатную продукции. Цены сразу начали расти, делая недоступными для подавляющего большинства населения. И правительство понять можно: неграмотным народом проще управлять. С 15 января были увеличены тарифы на пассажирские железнодорожные перевозки формально на 30%, а на деле — значительно выше (50—60%).

14 января было принято решение о повышении тарифов на электроэнергию на 32%, цен на газ — на 35%. Но инфляция сразу скакнула настолько, что правительство под нажимом президента вынуждено было пойти на попятный — новым решением цены на газа были с середины февраля повышены на 20%, на электроэнергию с марта — на 18%, на грузовые пассажирские перевозки — на 16%. При заложенной правительством в бюджете на 2002 г. инфляции в 12%—14%, она уже в январе достигла 3,1%, за четыре первых месяца составила 6,6%, за пять месяцев — более 8%.[369] После замедления темпов инфляции в сентябре 2002 г. октябрь открылся рекордным ростом цен — за первую неделю инфляция составила 0,6%. Как убеждены все крупные аналитики, фактический уровень инфляции в 2002 г. будет равняться 16,5—17%. Убеждены они и в том, что Госкомстат постарается подогнать ее к запланированному правительством уровню и оценит в 13,8—14,2%.[370]

Если в течение 1999 г. и в январе-мае 2000 задолженность по зарплате снижалась, то начиная с июня она начала снова расти.[371] В 2001 г. рост задолженности продолжался. Уже в конце 2001 г. по России снова прокатилась волна забастовок и голодовок учителей, которым в течение нескольких месяцев не выдавали зарплату.[372] В 2002 г. положение еще больше ухудшилось. Просроченная задолженность по зарплате бюджетникам выросла в январе на 392 млн рублей, вся задолженность, включая и небюджетную сферу, — на 2,88 млрд рублей и достигла 32,83 млрд рублей.[373] По данным Госкомстата на 1 марта в отраслях социальной сферы было не выплачено

[367] Уланов С. Где найти лекарство от безответственности // ВМН. 01.02.2002.

[368] См.: Костик Е. Несердечная пилюля для сердца // ВМН. 04.06.2002.

[369] Главное, чтобы дело не свелось к изменению прогнозов // Газета. 30.05.2002; Рустамов А. Семь рублей на сотню // Труд-7. 06.06.2002.

[370] Турбин М. Инфляция взбесилась // НГ. 10.10.2002; Демьянов Д., Ивочкин А. Цены входят в штопор // ВМН. 11.10.2002.

[371] Задолженность по зарплате увеличивается // НГ. 18.08.2000.

[372] Люди бедны и не верят власти. Сибирские социологи возражают столичным оптимистам // ОГ. 2002. № 3.

[373] См.: Головачев В. Где застряла получка? // Труд. 20.02.2002.

3027 млн рублей, что на 415 млн больше, чем было на 1 февраля. А всего бюджетники недополучили 4673 млн. рублей. По вине федерального центра задолженность образовалась в 37 субъектах РФ, по вине местных властей — в 58 регионах. В целом просроченная задолженность, включая небюджетный сектор, увеличилась за февраль на 1,75 млрд рублей и тем достигла цифры в 34,6 млрд. рублей.[374] По данным ЦК профсоюза работников народного образования на 4 апреля задолженность только учителям и только по статье «оплата труда» составила 1272 млн рублей, а общая задолженность — 5342 млн.[375] С середины апреля по середину июня задолженность по зарплате учителям выросла еще на полмиллиарда рублей. Имелись районы, где зарплата была выдана лишь за январь-май.[376] На 17 июля задолженность учителям по зарплате составила 1719 млн рублей. Долги медикам равнялись 1379 млн.[377] За июль задолженность по зарплате бюджетникам выросла на 6,7% и составила 5,5 млрд рублей, а в целом по экономике — на 2,1% до 35,9 млрд.

Дело настолько ухудшилось, что был вынужден вмешаться президент. Первый раз в конце июля, второй — в начале августа он дал строгие-престрогие указания немедленно ликвидировать задолженность медикам и учителям по зарплате и выплатить последним отпускные. Вице-премьер, курирующий эту сферу, и министр финансов тут поклялись сделать это в считанные сроки, но пользы от этого было немного. Значительная часть учителей, если и получила отпускные, то только после окончания отпуска. После некоторого снижения в августе долги в сентябре стали снова нарастать. К началу октября суммарная задолженность достигла 35 млрд 426 млн рублей. Задолженность бюджетникам за сентябрь увеличилась на 392 млн рублей и составила 4,7 млрд рублей. По сравнению с началом года задолженность работниками здравоохранения возросла в 3 раза, в сфере культуры и искусства в 1,7 раз.[378]

Официально было объявлено, что в 2001 г. доходы населения выросли на 6%. Но даже если эта цифра верна, то необходимо учесть огромный разрыв в доходах между слоями населения (выше уже были приведены цифры, характеризующие разрыв в зарплате). На примере США мы выше видели, что рост ВВП на душу населения может сопровождаться снижением реальных доходов 80% населения, ибо весь этот прирост приходится на богатое меньшинство. Кроме того, нужно принять во внимание, что у нас при исчислении дохода, когда речь идет о заработной плате, учитывается не полученная людьми зарплата, а начисленная. В феврале 2002 г. 38% наемных рабочих получали зарплату, на которую не только семью прокормить было невозможно, но самому продержаться целый месяц.[379] Во всяком случае, по данным Госкомстата в первом квартале 2002 г. число людей с доходами ниже прожиточного уровня (неимущих) по сравнению с четвертым кварталом 2001 г. увеличилось на 12,9 млн, а именно с 34,8 млн (24% населения) до 47,7 млн (33%). У 8 млн россиян среднедушевые доходы составили от 16 до 25 рублей в день, т.е. крайнюю степень бедности.[380]

[374] Головачев В. Как справиться с невыплатами зарплаты // 23.03.2002; Тульский М. Держи карман // НО. 2002. № 10.

[375] Салтыков И. Железная леди социалки // Правда. 23-24.04.2002.

[376] Отпуск за свой счет // Труд. 25.06.2002.

[377] Карпова О. Зарплата голодающим // ВМН. 27.08.2002.

[378] Головачев В. Сотня до получки // Труд. 22.10.2002; Починок А. «Уравниловки не будет» // НГ. 21.10.2002.

[379] См.: Головачев В. Зарплата и «зряплата» // Труд-7. 30.05.2002.

[380] См.: Головачев В. Бедные, как всегда, в накладе // Труд. 31.05.2002; Неприятности // Там же. 04.06.2002.

В бюджете на 2003 г. не предусмотрено повышение благосостояния населения. Как заявил М.М. Касьянов, одной из основных задач на новый год должно стать «сохранение доходов населения на уровне не ниже, чем в текущем году».[381] А это означает, что они снизятся. Что же касается долгосрочной программы правительства, то в ней предусматривается, что в 2002 г. неимущие составят 27%, в 2003 г. — 26—27%, в 2004 г. — 24—26%, в 2005 г. — 23—25%.[382]

Проводимая сейчас президентом и правительством экономическая политика исключает возможность возрождения экономической мощи России и повышения жизненного уровня ее населения. Она увековечивает зависимость нашей страны от ортокапиталистического центра. С.Ю. Глазьев еще в 2000 г. подчеркивал, что, если экономическая политика будет «проводиться в интересах финансовых спекулянтов, финансовой олигархии и международного капитала, как это делается сегодня, то мы обречены. Нетрудно просчитать, что в таком случае через 2—3 года российский производственный потенциал вследствие выбытия устаревших производственных мощностей сократиться на четверть. Еще через 3 года вдвое. То есть к 2008 году абсолютная экономическая мощь снизиться вдвое. Об относительной и говорить не хочется... Останется большая территория, осваиваемая транснациональными корпорациями. С нищим вымирающим населением».[383] Другой известный экономист, бывший директор Института проблем глобализации М.Г. Делягин писал через год: «Говорить о будущем России бессмысленно, потому что будущего России при нынешней системе власти нет. Нас снова ожидает девальвация — к концу 2004 года максимум».[384]

Не менее категоричен заместитель директора Института прикладной математики РАН доктор физико-математических наук Г. Малинецкий, занимающийся математическим моделированием и прогнозированием экономических процессов. Он и его сотрудники предсказали наступление дефолта, случившегося в России в августе 1998 г., за три года до этого события. Но к их голосу не захотели прислушиваться. Вот, что он сказал в интервью в 2001 г.: «А вообще мы не разделяем оптимизма правительства. Наши оценки показывают, что в предстоящие 10 лет стране угрожает коллапс. Она у черты, за которой износ оборудования предприятий приведет к лавине техногенных и социальных катастроф, уничтожению обрабатывающей промышленности, росту цен на транспорт и окончательному распаду страны».[385]

И эта лавина катастроф уже началась. Затопление г. Ленска в 2001 г. Бесконечные авиационные катастрофы. Постоянное разрушение многоэтажных домов. Невиданные по масштабам лесные пожары. Грандиозное бедствие, постигшее Северный Кавказ в июне 2002 г. И во всех случаях невозможно все свалить на разгул природной стихии. Ведь по всей стране в целях экономии было закрыто большинство метеорологических и сейсмических станций, рассыпается система прогнозирования и предупреждения стихийных бедствий, в частности почти полностью прекращены строительство и ремонт дамб, подпорных стенок и мостов, чистка и углубление русел рек и т.д. Только на Северном Кавказе было закрыто 80% наблюдательных станций и постов.[386] Условия для катастроф создаются хищническим способом ведения сельского и лесного

[381] См · Проценко А Подтянуть пояса // Труд-7. 14-19. 2002.
[382] Понамарев П. Пенальти с летальным исходом // НО 2002. № 21.
[383] Глазьев С. Апокалипсис для России.. С. 2.
[384] Делягин М Либеральный тупик // Завтра. 2001. № 43.С. 6.
[385] Малинецкий Г. Коллапс через 10 лет // Век. 2001. № 46.
[386] См . Шавлохова М. Стрелочники-синоптики // ВМН. 04.07.2002.

хозяйства.[387] В Московской области было уничтожена гарантировавшая от пожаров система оборотного технического водоснабжения на базе шатурских озер. Не только в этой области, но и по всей стране практически прекратилась авиаразведка лесных пожаров. На их ликвидацию не хватало ни техники, ни горючего для техники, ни денег на закупку горючего и техники. В результате выгорали не только леса и поля, но и целые деревни.[388] Страну потрясла трагедия, которая произошла в результате схода ледника Колка в Северной Осетии. А затем выяснилось, что после 1969 г, когда произошел сход меньшего масштаба, над ледником был установлено наблюдение. 10 лет назад в целях экономии оно было снято. Нехватка денег помешала вовремя получить информацию с МКС о надвигающей катастрофе. На снятии наблюдения сэкономили по 1 млн рублей в год, результат — более сотни загубленные жизней.[389]

Крайне нерадостными оказались и конечные итоги 2002 г. В сентябре снова началось падении индекса интенсивности производства (−0,1), которое продолжалось в октябре (−0,5), ноябре (−0,7) и декабре (−0,4).[390] Инфляция взмыла настолько, что правительство вынуждено было признать, что она превысила его прогнозы и достигла 15,1%. Пока наши руководители еще окончательно не договорились относительно того, какими цифрами прироста ВВП нас порадовать: говорится и о 4,0%, и о 4,1%, и даже о 4,3%. Но последнее число явно из области фантазии. Говоря о росте в 4,0%, М.М. Касьянов, тут же был вынужден снова признать, что 60% прироста достигнуто за счет повышения на внешнем рынке цен на сырье.[392] Об этом же несколько ранее говорил и главный экономист московского офиса ВБ Кристоф Рюль.[393] Как указывал он, отрасли обрабатывающей промышленности России показывают нулевой рост или даже спад. Еще одним важным источником прироста ВВП явилось повышение тарифов на услуги транспорта и связи.[394] Иначе говоря, в самом лучшем случае реальный прирост ВВП в 2002 г. не достиг даже 2%.

Было объявлено, что в 2002 г. доходы населения возросли на 8,5%. Но если принять во внимание , что на долю 15% населения России приходится 85% всех сбережений в банковской системе, 57% денежных доходов, 92% доходов от собственности и 96% расходов на покупку валюты, а остальные 85% располагают лишь 8% доходов от собственности и 15% сбережений, то эта цифра может свидетельствовать лишь о продолжении абсолютного обнищании основной массы населения России.[395] Есть цифры еще более выразительные. По данным журнала «Форбс» совокупное состояние 17 российских олигархов составляет 1 трлн 74,15 млрд рублей, т.е. более 50% всей денежной массы страны. На долю остальных 145 млн россиян приходится менее 50%.[396]

Безрадостно и начало 2003 г. Галопирует инфляция. При правительственном прогнозе в 12% она выросла в январе на 2,4%, в феврале — почти на 2%, т.е. более трети от запланированного на год уровня. Даже президент выразил по этому поводу беспокойство и потребовал от правительства удержать ее в запланированных рамках.

[387] См.: Субботина Е. И синоптикам жарко // ВРМ. 06.07.2002.

[388] Сафрончук В. Сохранится ли планета Земля // СР. 11.09.2002.

[389] Головачев В. Смерть можно было отменить // Труд. 01.10.2002.

[390] Головачев В. Со знаком минус // Труд. 30.01.2003.

[391] «Наши товары должны приглянуться нам самим». Интервью премьер-министра Михаила Касьянова газете «Время новостей» // ВН. 17.01.2003.

[393] См.: Ситнина В. Хорошая экономика с плохими перпективами // ВН. 23.12.2002.

[394] См.: Дейкин А. Бедность на обочине // ВМН. 05.03 2003.

[395] Бернштейн Э. Налоговая реформа // ВМН 06.03.2003.

[396] См. МН. 2003. № 8. С. 3.

Эксперты считают это трудным, если вообще выполнимым.[397] Ведь с начала 2003 г. выросли тарифы на электроэнергию на 20%, на бытовой газ — на 25%, на услуги связи — на 10–16%, на пассажирские перевозки — на 12%. Поднялись цены на бензин, на сахар и другие продукты питания.[398] В некоторых регионах страны тарифы на электричество выросли даже на 40–60%, что вызвало возмущение президента.[399] Но ничего не изменилось.

На начало 2003 г. задолженность по зарплате на 2% превышала долги, существовавшие на 1 января 2002 г. Она равнялась 30575 млн рублей.[400] В январе эта сумма увеличилась на 2650 млн, достигнув к 1 февраля 33220 млн. Из них 2369,5 млн приходились на отрасли социальной сферы. Если в начале года 6 млн человек не получили заработной платы, то 1 февраля число обиженных достигло 6,5 млн (каждый десятый, официально занятый в экономике).[401] Как поведал президент, в феврале задолженность по зарплате бюджетникам выросла на 8%. Выразив озабоченность, президент в то же время заявил, что в этом «никакой трагедии нет».[402] Для него, конечно, нет. Но не для тех, кто, отработав, остался без средств существования. В результате в начале года по всей России снова прокатилась волна забастовок, главным образом, учителей. Во Всероссийской акции протеста, организованной профсоюзами народного образования и науки, здравоохранения и культуры, которая происходила 26—28 февраля, приняли участие сотни тысяч людей.

Известный экономист Александр Дейкин, подводя итоги 2002 г., пишет, что они «ставят жирный крест на всей экономической политике, проводившейся (или, точнее, не проводившейся) в России в последние три года».[403] Это вынуждены были признать и руководители нашей экономики. Сам Г.О. Греф 20 февраля 2003 г. на заседании правительства заявил, что если развитие экономики будет идти так, как оно шло последние два-три года, то темпы роста ВВП при самых благоприятных условиях не будут превышать 1–2% в года, а при неблагоприятных — начнется его падение. Поэтому МЭРТ предложил новую программу социально-экономического развития России до 2005 г.[404] Но так как она базируется на тех же самых «гайдаровских» принципах, то можно заранее сказать, что все останется по-прежнему.

Таким образом, внутренняя политика В.В. Путина приобретает все более антинациональный и антинародный характер. Она диктуется потребностями наших олигархов, которые расходятся с интересами страны и подавляющего большинства ее населения. Когда олигархи на встрече с В.В. Путиным потребовали либерализации валютной политики, в части снижения нормы обязательной продажи Центробанку валютной выручки экспортерами с 75% до 50%, он послушно пошел им навстречу, хотя эта мера должна губительно сказаться на экономике страны. А с 2003 г. норма снижена до

[397] См.: Рост цен набирает ход // МН. 2003. № 5; Короп Е. Президет требует от правительства удержать инфляцию, не навредив промышленности // Известия. 05.03.2003.

[398] См.: Френкель А., Райская Н., Лобзова А., Матвеева О., Рощина Л.; Продолжаем выживать // НО. 2003. № 4; Петраков Н. Опасность застойной бедности // Труд. 31.01.2003.

[399] См.: Классон М. Вчера уже Владимир Путин, обращаясь к кабинету министров, назвал недопустимым повышение в регионах тарифов на 40-60% // ВМН. 18.02.2003.

[400] См.: Неприятности недели // Труд. 28.01.2003.

[401] Головачев В. На мели // Труд. 21.02.2003.

[402] См.: ВН. 05.03.2003.

[403] Дейкин А. Указ. раб.

[404] См.: Ситнина В, Воробьев М. Греф пошел другим путем // ВН. 18.02.2003; Воробьев М., Колева О., Долгов В. И чтобы никакой нефтезависимости // ВН. 21.02.2003.

30%. В 2002 г. из России было вывезено денег на 18,1% больше, чем в 2001 г. Все это будет способствовать дальнейшему бегству капитала, которое и до этого при новом президенте не только не сократилось, а увеличилось. По зарубежным данным в 2000 г. утечка денег за границу возросла по сравнению с 1999 г. на 30%.[405]

В угоду олигархам и чиновничеству за время правления В.В. Путина не принято никаких мер по борьбе с коррупцией. Россия была и остается одной из самых коррумпированных стран мира. По индексу коррупционности за 2001 г. составленному международной организацией «Транспренси интернэшнл», в который включено 91 государство, Россия оказалась в числе 11 самых неблагополучных стран.[406] В общем, как сказано в названии одной газетной статьи, в которой рассказывается о встрече президента с олигархами, «Владимир Путин делает для бизнесменов все возможное».[407]

В течение определенного времени существовал известный разрыв между внутренней политикой В.В. Путина, которая обрекает Россию на зависимость от Запада, и внешней политикой, отличавшейся известной самостоятельностью. В результате он стоял одной ногой в одной лодке, а другой — в другой. Но лодки все больше расходились. Неизбежностью был выбор одной из них. Настаивание на грефовской программе необходимо обрекало на следование в фарватере Запада.

Нельзя не заметить, что внешняя политика В.В. Путина и раньше не отличалась последовательностью. Он настоял на ратификации крайне невыгодного России договора СНВ-2, постоянно заговаривал о возможности вхождения России в НАТО. И как писала наша и зарубежная пресса, жесткий нажим президента на Госдуму с тем, чтобы заставить принять Земельный кодекс и КЗоТ в первой половине июля 2001 г., т.е. до начала встречи руководителей восьми ведущих стран мир, намеченной на 20—22 июля в Генуе, во многом имел целью угодить им и создать образ последовательного и удачливого либерального реформатора. Вопреки протестам российской общественности, но в угоду американцам была утоплена космическая орбитальная станция «Мир». Наметившийся прозападный и проамериканский курс окончательно оформился после взрывов 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне.

Но это еще не конец истории. Рано или поздно Россия вынуждена будет встать на путь борьбы за экономическую самостоятельность. Однако результаты ее усилий будут успешны лишь в том случае, когда она станет действовать рука об руку с другими участниками глобальной классовой борьбы.

5.8. ГЛОБАЛЬНАЯ КЛАССОВАЯ БОРЬБА: ЕЕ ВОЗМОЖНЫЙ ХОД И РЕЗУЛЬТАТЫ

5.8.1. Ультраимпериализм переходит в наступление

Результат существующего в мире положения вещей может быть только один — нарастание глобальной классовой борьбы. И она с неизбежностью будет обостряться, ибо люди, живущие в странах периферии, борются даже не за улучшение своего существования, а за свое выживание. К цифрам, приведенным выше (5.5.5), добавим еще

[405] См.: Николаев Л. Тень Бруклина // СР. 06 03 2001
[406] Резник Б. Безрадостный имидж России // ВМН. 18.07.2001.
[407] См . Денисов А , Малкина Т., Гордеев И. // ВН. 26.11.2001.

несколько. Если в 1960 г. подушевой доход «золотого миллиарда» был в 30 раз больше, чем у 20% беднейшей части обитателей планеты, то сейчас вторые беднее первых в 78 раз.[408] На опасность разрыва между уровнем развития стран центра и периферии указывают многие общественные деятели. Как считает американский экономист Р. Уэйд, это приведет не только к расколу планеты на «зону мира и зону мятежа», но и «сотрясет стабильность государств зоны благосостояния».[409] «Если этот разрыв не будет преодолен, — пишет Дж. Сорос, — глобальная капиталистическая система не сможет выжить».[410] Но ни одна страна центра нисколько не озабочена (на деле, а не на словах) в ликвидации этого разрыва. И центр никогда не пойдет на это иначе как под давлением мощной силы. Но такой силы в мире пока нет. Периферийные страны на современном этапе не наступают. Они лишь сопротивляются насилию, причем крайне неорганизованно, стихийно.

Наступающей стороной является ортокапиталистический центр. Сейчас снова приобретает значение термин, который одно время почти вышел из употребления — слово «империализм». В применении к новому и новейшему времени оно имеет несколько смыслов. Здесь упор будет делаться лишь на одном значении — деятельность капиталистических государств и/или капиталистических корпораций, имеющая целью подчинение и ограбление периферийных стран.

Капиталистический империализм в своей самой яркой и неприкрытой форме выступил в конце XIX — начале XX вв. Именно тогда появились первые теории империализма (Дж. Гобсон, Р. Гильфердинг, Н.И. Бухарин, В.И. Ленин, Р. Люксембург). После победы Октябрьской рабоче-крестьянской революции в России империализм был вынужден считаться с существованием СССР, которое накладывало на него определенные ограничения. После окончания второй мировой войны и особенно утверждения неополитарной мировой системы на империализм был надет своеобразный намордник.

Периферийный мир перешел в наступление. Рухнула старая колониальная система. Страны центра, включая США, потерпели ряд тягчайших поражений (Китай, Вьетнам, Алжир, Индонезия и т.п.). Часть периферийных стран полностью избавилась от зависимости от центра. В отношении остальных государства центра были вынуждены ограничиться в основном лишь экономическим закабалением, причем и здесь их возможности значительно сузились. Лавирование между ортокапиталистической и неополитарной мировыми системами открывало для периферийных стран возможность немалой свободы рук. В результате про империализм перестали говорить.

Вся суть всемирной истории в период с 1945 г. по 1991 г. состояла в борьбе стран Запада, возглавляемых США , за свободу рук, за освобождение от намордника, без чего невозможно было и мечтать о достижении мирового господства. И главным врагом был СССР. Именно он мешал империалистическому зверю сбросить намордник и поработить весь мир. Преследуя цель освободиться, Запад и прежде всего его — США использовали все возможные средства. Творилось и совершенствовалось ядерное оружие, создавались военные союзы (НАТО, СЕНТО, СЕАТО и др.) и военные базы в соседних с СССР странах (Турция и др), вырабатывались планы атомного нападения на СССР («Пинчер» — 1946 г., «Бройлер» — 1947 г., «Граббер» и «Фливуд» —

[408] Григорьев Е. Глобализм — «да», но с «человеческим лицом» // НГ. 04.08.2001.

[409] Там же.

[410] Сорос Дж. Будущее капиталистической системы зависит от упрочения глобального открытого общества // ФИ. 15.01.1998.

1948 г., «Дропшот» — 1949 г. и др.). Американские самолеты не только постоянно кружились вокруг границ СССР, но и далеко вторгались в ее воздушное пространство (в 50-х годах американские бомбардировщики В-47 долетали до Новгорода, Смоленска, Киева, английские бомбардировщики «Канберра» до Киева, Харькова, Волгограда, самолет У-2 Ф. Пауэрса был сбит у Свердловска и т.п.). Все это вынуждало СССР принимать ответные меры.

Шла гонка вооружений, инициатором в которой всегда был Запад. «Давайте не будем наводить тень на ясный день, — писал ветеран американской дипломатии Дж. Кеннан, — сваливая всю ответственность на наших противников. Мы должны помнить, что именно мы, американцы, на каждом повороте пути были инициаторами дальнейшей разработки подобного (ядерного — Ю.С.) оружия. Мы первые создали и провели испытание такого устройства, мы повысили степень его разрушительности, создав водородную бомбу, мы первые создали многозарядную боеголовку, мы отклоняли всякие предложения отказаться в принципе от применения ядерного оружия первыми, и мы одни — да простит нам бог — — употребили это оружие против других людей, против десятков тысяч беззащитных мирных граждан».[411]

В начале 90-х годов исчез СССР и распалась неополитарная мировая система. В результате положение в мире резко изменилось. Запад стался единственным центром. Страны бывшего второго центра стали периферийными. Со стран Запада не только свалился намордник, но и одновременно значительно расширилась зависимая от них периферия. Создалось положение, в определенной степени сходное с тем, что существовало в начале XX в., и в то же время резко отличное от него.

Одно из отличий — изменение самого центра. В первые десятилетия XX в. мировая ортокапиталистическая система была расколота на враждующие группировки, что привело к двум мировым войнам. После 1945 г. раскол был преодолен. Все страны Запада объединились в союз во главе с США. Конечно, между ними, особенно между США и Западной Европой, всегда существовали и существуют противоречия. Но они отходят на задний план перед их общими интересами. Единство в центре невозможно без гегемона, а таким гегемоном сейчас могут быть только США. И западноевропейцы вынуждены мириться с диктатом этой страны. С другой стороны и сами Соединенные Штаты долгое время считали, что без союза с Западной Европой обойтись невозможно. К настоящему времени все центральные страны вместе взятые превратились в своеобразного коллективного империалиста.

О возможности такого союза писал в 1902 г. Дж. Гобсон в работе «Империализм. Исследование» (2.9.1). В последующем К. Каутский назвал объединение всех империалистов мира ультраимпериализмом.[412] В его время он был невозможен. Сейчас ультраимпериализм стал реальностью.

Объективные интересы ортокапиталистических стран требуют сейчас полного не только экономического, но и политического подчинения всего остального мира, не только стран зависимой периферии, но и всех тех периферийных государств, которые еще сохраняют независимость. Без диктата над миром невозможно сохранить привилегированное положение той части человечества, которую принято именовать «золотым миллиардом».

[411] Цит.: Откуда исходит угроза миру. М., 1987. С. 12.

[412] Kautsky K. Zwei Schriften zum Umlernen // Die Neue Zeit. 1915 Jg. 33, Bd. 2, Nr. 5. 30 April S. 144-145.

Делает такое развитие возможным не только наличие ультраимпериалистического центра, но еще одна особенность современной эпохи — начавшийся процесс глобализации, который сейчас выливается в создание глобального классового общества. Становление такого общества требует создания всемирной державы. Соответственно трансформация периферии в эксплуатируемый класс глобального общества с необходимостью предполагает превращение каждого из периферийных государств в колонию центра.

Но это колония нового типа. Возникновение ее не предполагает перехода власти в социоисторическом организме в руки людей, прибывших из ультраимпериалистической метрополии. Это невыгодно по многим причинам. Одна из них заключается в том, что создание типично колониальной администрации неизбежно приведет к тому, что метрополии придется тратиться на инфраструктуру, образование и т.п. Поэтому будет создаваться современный вариант того, что в добрые старые колониальные времена называлось системой косвенного управления. Сохранятся все внешние атрибуты государственности: парламент, правительство и т.п. Но практически все высшие должностные лица будут назначаться метрополией. Ультраимпериалистическим центром будут всецело определяться все основные направления политики. В сугубо местных делах такая колония будет пользоваться той или иной степенью автономии. Уже известный нам А.А. Зиновьев еще в 1993 г. назвал подобную форму организации общества «колониальной демократией».[413]

Сейчас на Западе все чаще говорят о необходимости ограничения суверенитета существующих на земном шаре государств. Наши «демократические» публицисты в восторге от этой идеи.[414] Трудно сказать, действительно ли они не понимают сущности этой концепции, или только притворяются. Формально речь идет, конечно, об ограничении суверенитета всех государств во имя торжества всеобщих духовных ценностей, прежде всего, прав человека. Реально же имеется в виду ограничение или даже ликвидация суверенитета периферийных государств и их полное подчинение власти ультраимпериалистического центра во главе с США.

Это понимают многие лидеры периферийных стран. «Глобализованный мир, — говорил еще в 1997 г. Махатхир Мохамад, — будет принадлежать сильным господствующим странам. Они будут навязывать свою волю всем остальным, положение которых будет не лучше, чем в те времена, когда они были колониями богатых стран. Похоже, в течение жизни лишь двух поколений круг истории замкнулся. Процесс деколонизации, начатый пятьдесят лет тому назад, в течение менее чем двадцати лет практически завершился. Но еще до того, как все колонии Запада получили освобождение, и уж наверняка до того, как они стали подлинно и совершенно независимыми, начался процесс реколонизации и начали ее те же самые люди, прежние колонизаторы... Данный прогноз мрачен и полон пессимизма. Он не несет больших надежд слабым и бедным. Но, к сожалению, он может оказаться полностью состоятельным».[415]

Уже сейчас начался процесс формирования не только глобального классового общества, но и глобальной державы. Создан своеобразный совет старейшин, который реально возглавляет союз ортокапиталистических стран и практически претендует на роль мирового правительства. Это — знаменитая «большая семерка», состоящая из руководителей США, Германии, Франции, Великобритании, Италии, Канады и Японии.

[413] Зиновьев А. От коммунизма к колониальной демократии // Континент. 1994. № 77 [1993].
[414] См., например: Радзиховский Л. Казус Милошевича // НГ. 04.07.2001.
[415] Махатхир Мохамад. Указ соч. С. 156.

Главными орудиями экономического закабаления периферии были и являются находящиеся под полным контролем Вашингтона МВФ и ВБ. Но в условиях нарастающего раскола возникающего глобального социоисторического организма на глобальные классы одного лишь экономического принуждения становится явно недостаточно. Возникновение глобального классового общества с неизбежностью предполагает возникновение глобального аппарата принуждения и насилия. Глобальное классовое общество требует глобального государства.

Чтобы держать периферийные страны в повиновении необходимо экономическое принуждение дополнить прямым физическим. Центру нужны особые отряды вооруженных людей, которые могли бы подавлять сопротивление эксплуатируемых периферийных стран, нужна всемирная полиция, глобальная армия. И такая международная полицейская сила создается. Средством прямого вооруженного подавления сопротивления паракапиталистических стран становится НАТО. Этот военный союз ортокапиталистических стран на наших глазах превращается в мирового жандарма. Опираясь на свои вооруженные силы и силы НАТО, США стремятся превратиться в господина всего мира.

Выше уже отмечалось, что зачинщиком гонки вооружений в период после второй мировой войны были США. Если у кого-либо еще оставались сомнения в этом, то теперь они должны рассеяться. СССР нет. Его преемница — Россия не только не наращивает вооружения, но даже неспособна сохранить существующие. Нет сейчас в мире ни одной страны, которая по бы по своей военной мощи могла бы приблизиться к США. Но Америка продолжает усиленно вооружаться. В предложенном президентом США Джорджем Уокером Бушем бюджете на 2003 финансовый год, начинающийся с октября 2002 г, военные расходы предлагается увеличить на 48 млрд долларов, в результате чего они достигнут цифры в 379 млрд долларов. Рост военного бюджета планируется каждый год, и за пятилетку общая его сумма составит более 2 трлн долларов.

«Сумасшедшая гонка вооружений! — пишет известный журналист-международник Станислав Николаевич Кондрашов, — Но с кем? Прежний соучастник легендарной гонки XX века сошел с дистанции (и скончался) десять лет назад. У саморазорившейся России, этого ракетно-ядерного наследника самоликвидировавшегося СССР, все бюджетные расходы меньше одной лишь бушевский добавки к расходам Пентагона. Россия — не сверхдержава и не соперник. Итак, гонки вооружений нет? Гонка кончилась? Да, гонка кончилась, но — как бы это сказать? — американская самогонка ускоряется. Президент-самогонщик Джордж Буш-младший пробует себя на новой исторической дистанции — в одиночку».[416] И у С.Н. Кондрашова нет сомнений относительно цели, которую ставят перед собой правящие круги Америки. США занимаются самогонкой вооружений «ради однополярного Pax Americana, для утверждения своей мировой гегемонии».[417]

Американское министерство энергетика сообщило, что оно возобновляет работу над новым поколением ядерного оружия, что будут выделены новые ассигнования для повышения готовности полигона в Неваде и что после приятия политического решения испытания могут состояться через месяц-два.[418] Идет разработка лазерного оружия.[419]

[416] Кондрашов С. Самогонка Буша-младшего // ВМН. 09.02.2002.
[417] Там же.
[418] Фельгенгауэр П. Чистенькая ядерная бомбочка // МН. 2002. № 12.
[419] См.: Коновалов Б. Зачем американцам лазер // Век. 2001. № 40.

Чтобы держать в повиновении периферийные страны, нужно вмешиваться в их внутренние дела: сохранять у власти в этих странах таких правительств, которые готовы послушно выполнять волю Запада вообще, США в первую очередь, и отстранять от власти всех тех, которые пытаются проявить самостоятельность и вести независимую политику.

С этой целью США и НАТО поставили своей задачей уничтожение всего сложившегося после окончания второй мировой войны международного порядка. В этот период впервые в истории человечества утвердился своеобразный кодекс международного права, главным пунктом которого стало осуждение господствовавшего раньше кулачного права, права сильного делать все, что ему заблагорассудится с теми, кто не способен оказать сопротивление. Агрессивная война оказалась вне закона. Согласно Уставу ООН ни одна страна или группа стран не может применить силу в отношении суверенного государства без санкции Совета Безопасности ООН. Конечно, определенные нарушения этого порядка были, но в целом это правило обеспечивалось балансом сил двух основных существовавших мире лагерей. Исчезновение этого баланса создало благоприятные условия для реализации поставленной ортокапиталистическим центром цели.

В настоящее время США и НАТО принимают попытку за попыткой добиться признания за ними права вмешательства в дела любой страны, которая чем-то вызвала их недовольство, включая бомбовые и ракетные удары по ее территории и введение туда своих вооруженных сил.

Одна из первостепенных задач, которые ставит перед собой ультраимпериалистический центр — это ликвидация независимой периферии, превращение всей периферии в зависимую. Именно независимые периферийные государства представляют наибольшее препятствие для установления мирового господства. С ними нужно покончить в первую очередь. С главной независимой периферийной страной — Китаем справиться центру пока не по силам. Первый удар был нанесен по Ираку. Он не принес полной удачи. Ирак потерпел военное поражение, но заменить его руководство иным, послушным пока не удалось. Вторая проба была предпринята на территории Боснии и Герцеговины и в целом удалась. Страна фактически стала настоящей колонией Запада.

В качестве следующей жертвы была намечена Союзная республика Югославия. Предлог — действия югославской полиции и армии по подавлению вооруженных выступлений албанских сепаратистов в Косово. О том, что это не более, чем предлог, говорит хотя бы факт не просто полного безразличия, но, наоборот, помощи, которую оказывало НАТО турецкой армии в многолетней истребительной войне против курдского народа. Реальная причина заключается в том, что Югославия — единственная, кроме Белоруссии, страна Европы, которая была независимой от центра.

Готовя бандитское нападение на Югославию, правительства стран НАТО и послушные им СМИ развернули компанию по обработке общественного мнения. По телевидению, радио, в печати без конца повторялось, что в Косово идет чудовищная расправа с мирными, ни в чем не повинными люди. Сообщалось, что с помощью спутников обнаружено множество гигантских захоронений, заполненных трупами албанских детей, женщин и стариков. Утверждалось, что число убитых уже достигло 100 тысяч и каждый день приносит все новые и новые жертвы. Единственный способ прекратить геноцид — вмешательство НАТО. Все это принималось рядовыми американцами и западноевропейцами за непреложную истину. Никто из них не задался вопро-

сом, каким образом из космоса было установлено, что в захоронениях, если они существуют, лежат именно дети, женщины и старики, причем албанской национальности.

Когда военные действия закончились и Косово было оккупировано натовцами, туда направились бригады следователей-экспертов из разных стран. В результате их работы выяснилось, что многие из указанные НАТО «массовых захоронений» таковыми не являются. В шахтах Трепча, например, где ожидали найти 700 трупов, не нашли не одного. Когда это стало известно, разгорелся скандал. Депутаты палаты общин британского парламента обвинили министра иностранных дел Роберта Кука и других лидеров страны в «сознательной дезинформации» общественного мнения. По их мнению, число жертв было в 40 раз меньше, чем сообщалось. Специалисты-эксперты, работавшие в Косово, пришли к выводу, что число убитых было завышено не в десятки, а в сотни раз. Их не более 200—300 человек. Наконец, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе опубликовала обстоятельный доклад, в котором прямо утверждалось, что до начала военной операции НАТО в Косово не было ни расправ над мирным населением, ни «этнических чисток».[420] Что же касается найденных экспертами трупов, то в большинстве случаев это тела не мирных жителей, а боевиков Освободительной армии Косово (ОАК), погибших в боях с югославской армией и полицией.

Даже в обвинительном заключении, который предъявил Гаагский трибунал бывшему президенту СРЮ Слободану Милошевичу, число убитых косовских албанцев было определено всего лишь в 900 человек. При этом никаких доказательств, что эти люди были мирными жителями, а не боевиками ОАК, предъявлено не было. Во всяком случае, в отношении захоронения 45 человек в Рачаке, обнаружение которого послужило оправданием начала военных действий, к настоящему времени доказано, что все эти люди были боевиками, погибшими в бою с югославскими силами безопасности.[421]

24 марта 1999 г. — одна из самых черных дат в истории не только Европы, но и всего мира. В этот день страны НАТО начали агрессию против суверенного государства, виновного лишь в том, что оно не захотело подчиниться чужому диктату. Рухнул существовавший с 1945 г. мировой порядок. Наступило господство права джунглей, права сильного.

Практика международного разбоя получила официальное признание и оформление в одобренной на состоявшейся в Вашингтоне 23—24 апреля 1999 г. встрече глав государств и правительств стран НАТО новой стратегической концепции этой организации, в которой провозглашается ее право на вооруженные действия в любой части мира.[422]

Как известно, в руководстве Россия не было единства в вопросе о Югославии. Е.М. Примаковым был совершен знаменитый «разворот над Атлантикой», когда он, узнав о намерении НАТО совершить нападение на Югославию в ближайшие часы, отказался от визита в США. Но в дальнейшем премьер был полностью отстранен от

[420] См.: Робин Кук ввел в заблуждение союзников по НАТО. Лондон в сорок раз завысил число жертв «этнических чисток» в Косово // Известия. 02.11.1999; Глебова Е. «Те, кто поддерживал НАТО, стали жертвами надувательства». Международные представители в Косово недоумевают // Там же. 10.11.1999; Юсин М. Неожиданные выводы. До начала мартовской операции в Косово не было массовых «чисток» и убийств, утверждает ОБСЕ // Там же. 07.12.1999.

[421] Дебеж Г. Милошевич судит НАТО // НО. 2002. № 6; Иванов Д. Обвинение обвинителей // Труд 20:02. 2002.

[422] Стратегическая концепция НАТО // НВО. 30.04—06.05 1999 г. С. 5.

участия в разрешении балканского кризиса, а затем отправлен в отставку. Б.Н. Ельцин, действуя через В.С. Черномырдина, заставил руководство Югославии капитулировать.

Заставив при помощи России югославское правительство пойти на уступки, США и их союзники в последующем при помощи местных «демократов» устранили прежнее руководство страны и лишили ее былой независимости от Запада. Поставленная цель была реализована — Югославия вошла в состав зависимой периферии.

В свете таких намерений и действий США и НАТО народы и правительства стран периферии по-своему воспринимают стремление западных государств воспрепятствовать распространению ракетной техники и средств массового поражения, в первую очередь ядерного оружия. Они видят в этом вовсе не заботу о судьбах мира, как уверяют США и их союзники, а желание обеспечить условия для безнаказанного удара по их территории и вообще любых актов агрессии со стороны западных государств. Ведь все теперь понимают, что если бы Югославия имела ракетно-ядерное оружие, НАТО бы не осмелилось напасть на нее.

Поэтому объясним восторг, с которым народы не только Индийского субконтинента, но многих других периферийных стран восприняли в свое время известие об испытаниях атомного оружия в Индии и Пакистане, хотя объективно это усиливает опасность самоистребления человечества. Для многих обитателей периферии ядерное оружие в руках хотя бы части стран «третьего мира» — не столько угроза существованию человечества, сколько гарантия против агрессии стран эксплуататорского центра.

В этих условиях центру и прежде всего его лидеру — США нужно было принимать меры. Выход из положения был найден в проекте создания системы обороны, которая бы прикрывала всю территорию США от ракетного нападения. Прикрывшись таким щитом, Соединенные Штаты обеспечили бы себе возможность диктовать всем периферийным странам свои условия и безнаказанно совершать удары по любой из них. Но создание системы Национальной противоракетной обороны (НПРО) было запрещено договором о противоракетной обороне (ПРО) между США и СССР, подписанным в 1972 г. И США уже в 1999 г. поставили перед правопреемницей СССР Россией вопрос о пересмотре договора, угрожая в противном случае выходом из него. Уже тогда было совершенно ясно, что речь идет не о пересмотре договора, а об отказе от него и что США в любом случае приступят к созданию НПРО.[423]

С приходом к власти в США новой администрации во внешней политике страны окончательно возобладал подход, который получил название унилатералистского. Суть его заключается в том, что США должны следовать только собственным интересам, не считаясь ни с другими странами, ни с международными организациями. США вообще не должны заключать ни с кем никаких договоров и соглашений, ничем себя не ограничивать. Они должны обладать полной свободой рук. Как говорит директор российских и азиатских программ Центра оборонной информации (Вашингтон) Николай Злобин: «Американцы сегодня вообще отказываются от подписания каких бы то ни было договоров, которые связывали бы им руки. Международное сообщество, считают в Вашингтоне, не должно влиять на внешнюю политику США, поэтому от обязательств перед международными структурами нужно избавляться».[424] США отказались ратифицировать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ВЗЯИ), ведут дело к развалу Конвенции по химическому разоружению, отвергли предложенный

[423] См.: Семенов Ю.И. Философия истории... С. 326.
[424] Злобин Н. «Ось», конечно, зла // МН. 2002. № 10.

ООН проект соглашения по контролю за выполнением международной конвенции о запрете биологического оружия 1972 г., отказались подписать экологический Киотский протокол. На очередной сессии Конференции по разоружению, проходившей в Женеве, Россия и Китай при поддержке большинства представили совместный проект, который предусматривает подписание нового международного договора о недопущении милитаризации космоса. Против выступили только США.[425] 1 июля 2002 г. вступил в силу статут Международного уголовного суда. США сразу же по сути дела предъявили мировому сообществу ультиматум, в принципе отвергая любую международною подсудность своих военнослужащих, действующих за пределами страны, не говоря уже о их делах внутри страны.[426]

5.8.2. Современное противодействие натиску ультраимпериализма

Ультраимпериалистический центр представляет в значительном ряде отношений во многом единое целое. Периферия же раздроблена, расколота. Между странами периферии существует масса противоречий, нередко порождающих конфликты, иногда даже вооруженные. Такое положение использует центр. Он принимает все меры для формирования своеобразного промежуточного пояса, состоящего из тех периферийных государств, которые можно было бы использовать для борьбы против других внецентральных стран, лакейскую, или холопскую периферию. В нее охотно готовы войти страны Центральной Европы и ряд государств СНГ.

Если исключить холопскую периферию, то результатом обрисованных выше замыслов и действий ультраимпериалистического центра является нарастание сопротивления периферийных стран.

Глобальная классовая борьба имеет две неразрывно связанные стороны. Одна сторона, о которой в основном и шла речь, эта борьба против ортокапиталистического центра. Но этот центр имеет союзников в периферийных странах в лице местной олигархической верхушки и нередко выполняющей волю этой верхушки верховной государственной власти. Поэтому борьба против зависимости от центра неизбежно становится и борьбой против его союзников и прислужников внутри зависимых стран. Борьба против зависимости от центра и ортокапитализма не может не быть борьбой против паракапитализма и паракапиталистов.

Глобальная классовая борьба, как и любая политическая борьба, требует выработки определенной идеологии, определенного набора программных установок и их идейного обоснования. Но силы, борющиеся против зависимости от центра, не представляют собой единого целого. Участники этой борьбы нередко враждуют друг с другом. Не существует никакой единой идеологии. В качестве идейного знамени антиортокапиталистической борьбы выступали в свое время марксизм с его социалистическими лозунгами (Россия, Китай, Вьетнам), различные виды немарксистского социализма (Индия во время правления Индийского национального конгресса, Бирма, Танзания), исламский фундаментализм (Иран), светский милитаризм (Ирак) и т.п.

В настоящее время антиортокапиталистические идеологические течения всего периферийного мира все в большей и большей степени приобретают антиевропейскую, антизападную, прежде всего антиамериканскую окраску. Борьба против ультраимпе-

[425] См . Базавлук С. Оружия в космосе нет. Пока // Труд. 05 07.2002.
[426] См. Кондрашов С. Сверхчеловеки сверхдержавы // ВМН. 06.07.2002

риализма все в большей степени начинает вестись под лозунгами защиты традиционных культурных ценностей.

Если раньше резко антизападную позицию занимали лишь Ирак и Иран, то теперь в этом направлении эволюционирует Индия. Дважды за последние годы на парламентских выборах победу одержала коалиция национальных и традиционалистских партий во главе с Бхаратия Джаната парти (БДП), важным пунктом программы которой было обещание отлучить Индию от западной цивилизации.[427] Индийский национальный конгресс, пропагандировавший западные ценности, потерпел поражение. Тринадцатым премьер-министром страны стал лидер БДП — Атал Бихари Виджпаи.

Так как борьба против ортокапитализма все чаще идет под знаменем защиты традиционных культур от пагубного влияния западной, то она предстает в глазах многих ее участников и наблюдателей как битва незападных цивилизаций против западной. Такая трактовка стала особенно модной с появлением статьи С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» (1993), а затем его же книги «Столкновение цивилизаций и перестройка мирового порядка» (1996). Она присутствует и в работах наших евразийцев. Таким образом, все эти люди идеологическое оформление борьбы между ортокапиталистическим и паракапиталистическим мирами принимает за реальную причину их столкновения.

Правда, было бы крайним упрощением понимать борьбу против западного влияния, западной культуры только как простое идеологическое оформление глобальной политической и экономической классовой борьбы. Как уже отмечалось (5.3.3; 5.3.4), сейчас из стран центра по всему миру распространяется не великая западная ортокультура, а массовая культура, коммерцкультура, представляющая собой по существу антиткультуру. Замещение масскультурой традиционных культур стран периферии означает не прогрес, а регресс, по существу гибель культуры вообще.

«Разговоры о том, что Запад несет нам более высокую цивилизацию, — говорит А.А. Зиновьев, — это вздор... Западнизация, глобализация несет в целом не повышение некого цивилизационного уровня, если иметь в виду интеллектуальный, нравственный уровень, систему ценностей и т.д., а наоборот — деградацию. И на самом Западе, несмотря на колоссальный научно-технический прогресс, а во многом вследствие этого прогресса, эволюция вступила на нисходящую ветвь. Начался, как я уже сказал, общий эволюционный спад».[428] Поэтому защита традционных культур есть борьба за спасение культуры. Но, вместе с тем нельзя не сказать, что отвержение западной масскультуры нередко перерастает и в отторжение западной ортокультуры.

В странах периферии существует масса обветшавших норм поведения, масса запретов, которые нередко становятся препятствием для их развития. Но взамен этой во многом устаревшей морали Запад сейчас предлагает не новую более прогрессивную мораль, а аморализм (5.3.4), снятие всех и всяческих нравственных запретов и ценностей, что может вести и ведет к дегуманизации, к оскотиниванию человека. И в этих условиях борьба за сохранение старых несовершенных моральных норм превращается в борьбу за сохранение человечности в человека. Самая худшая мораль лучше отсутствия всякой морали. Но вполне понятно, что борьба против навязываемого Западом аморализма нередко перерастает и в борьбу против тех истинных ценностей, которые были когда-то выработаны Западом и во многом сейчас преданы им самим.

[427] См.: Дунаев С. Почти революция // НГ-религия. 15 июля 1998.
[427] Зиновьев А. После ударов по Америке // Правда. 16-19.11.2001.

То, что наступление ультраимпериализма с неизбежностью ведет не только к уничтожению национальных государств, но и оскотиниванию людей, все в большей степени осознается участниками борьбы. Вот, что пишет об ультраимпериалистической глобализации («четвертой мировой войне») руководитель движения индейцев мексиканского штата Чьяпас легендарный «субкомандante Маркос»: «Это — конец национальных государств. И не только их — это конец людей, из которых состоят эти государства. Единственное, что важно — это закон рынка: именно он определяет, что если ты производишь столько-то — то стоишь столько-то, а если потребляешь столько-то, то то стоишь столько-то. Достоинство, сопротивление, солидарность — помехи. Все, что мешает превращению человека в машину по производству и покупке товаров, — это враг, который должен быть уничтожен. Поэтому мы говорим, что противником в Четвертой мировой войне является весь род человеческий. Не уничтожая его физически, она уничтожает в нем все человеческое».[429]

Выше уже говорилось о том, что глобальные классы состоят прежде всего из социоисторических организмов. Эта истина, но далеко не вся. Ведь социоисторические организмы всегда совокупности людей. Тем самым глобальные классы всегда состоят и из индивидов. Однако ошибочным было бы считать, что все население ортокапиталистических социоисторических организмов составляет господствующий глобальный класс и соответственно все население паракапиталистических — угнетенный глобальный класс. Между социорными и персональными составами глобальных классов нет полного совпадения.

В состав господствующего глобального класса входит значительная часть верхушки паракапиталистических обществ, во всяком случае, вся компрадорская буржуазия. А с другой стороны, определенная часть населения ортокапиталистических стран вливается в состав угнетенного глобального класса. И речь в последнем случае идет не только об иммигрантах из стран периферии, число которых в государствах центра непрерывно возрастает, но и о части коренного населения. Это прежде всего низы ортокапиталистического общества, а также часть средних его слоев, страдающих от глобализации, которая обрекает их на обнищание.

Только учет и социорного, и персонального, не совпадающего с социорным, составов глобальных классов дает ключ к пониманию глобальной классовой борьбы. Лишь принимая во внимание существование двух принципов рекрутирования состава глобальных классов, можно объяснить многие факты, поражающие и политиков, и особенно журналистов. Один из них — активное участия в борьбе с ультраимперализмом обеспеченных и даже богатых людей, происходящих из периферийных стран (Усамы бен Ладена, например). Вхождение этих людей в глобальный угнетенный класс определяется их принадлежностью к периферийным социоисторическим организмам. Другой — столь же активное участие в борьбе против глобализма представителей аборигенного населения стран Запада. Что же касается предательской роли верхушки и правителей многих зависимых периферийных стран, то здесь все настолько понятно, что не нуждается в особом объяснении. Все эти люди служат господствующему глобальному классу, в состав которого входят и интересы которого ставят выше социорных, национальных.

В силу двойного принципа рекрутирования глобальных классов глобальная классовая борьба проявляется не только в конфликтах внутри государств и трениях меж-

[429] Субкомандante Маркос. Другая революция. Сапатисты против нового мирового порядка. М., 2002. С. 151.

ду государствами. Она выливается и в форму широких движений, не знающих государственных границ.

Буквально в самые последние годы в масштабах почти всего мира сформировалось общественное движение, которое получило название антиглобалистского. Первое крупное выступление антиглобалистов произошло в конце 1999 г. в Сиэтле. За ним в 2000—2001 гг. последовали Прага, Квебек, Ницца, Зальцбург, Гетеборг, Генуя. Идеология этого движения более или менее адекватно отражает реальность. Его приверженцы прямо говорят, что они борются против глобализации в той ее форме, в которой она сейчас протекает, потому, что она способствуют дальнейшему обогащению богатых стран и обнищанию остального мира. А протекает она именно так, потому что является капиталистической. Поэтому они — противники капитализма. Антиглобалисты не только протестуют против эксплуатации центром стран периферии, но в той или иной форме ставят вопрос о переходе от капитализма к более высокой стадии общественного развития, которая бы сохранила и усвоила все достижения, достигнутые при буржуазной форме организации общества. Их идеал лежит в будущем.

Иной характер носит набирающее силу движение, идущее под знаменем исламского фундаментализма. Я буду для краткости называть его исламизмом. Для его сторонников борьба против глобализации, против зависимости от Запада становится и борьбой против всех его достижений, включая экономические, политические и культурные: демократию, свободу совести, равенство мужчин и женщин, всеобщую грамотность и т.п. Они борются против капитализма во имя возвращения к прошлому, к средневековью, если не к варварству. Нередкое их оружие — террор.

С этим связано частое отождествление исламизма и терроризма. Оно ошибочно. Не только не все мусульмане — исламисты, но и не все исламисты — поборники террора. Но именно из их рядов рекрутируются террористы, ставящие своей целью борьбу против глобализации, капитализма и западного мира — глобальные террористы.

Их нельзя смешивать с теми, кто использует террор для борьбы против правящих режимов конкретных отдельных обществ во имя местных конкретных целей. Это — местные, внутрисоциорные террористы. Все это ясно, когда речь идет о тех боевиках,. которые не являются исламистами и вообще мусульманами (ЭТА, ИРА, тамильские националисты в Шри Ланка и т.п.). Но это различие чаще всего не принимается во внимание, когда террором занимаются мусульманские (чеченские, кашмирские, уйгурские и т.п.) сепаратисты. Во многом это связано с тем, что, когда борьбу ведут мятежники-мусульмане, глобально-террористические организации помогают им и деньгами, и оружием, и людьми.

Исламистское течение, являясь антиглобалистским и антикапиталистическим, в то же время не только не способствует, но, наоборот, серьезно препятствует борьбе против ортокапиталистического центра. Серьезной помехой являются выдвигаемые им лозунги возвращения к средневековью. Отталкивают и применяемые глобальными террористами методы борьбы, ведущие к гибели ни в чем неповинных людей. Выдвигаемые ими лозунги объединения всех мусульман для священной борьбы (джихада) против всех неверных ведут к расколу периферийного мира по конфессиональному признаку, к натравливанию одной части этого мира на другую его часть. И дело, как уже было отмечено, не только в лозунгах. Когда глобальные террористы помогают сепаратистам в борьбе против законных правительств периферийных стран, то тем самым они оказывают бесценную поддержку ортокапиталистическому центру в его стремлении разобщить страны периферии.

Но как бы ни было велико значение интернациональных массовых движений против глобализации, все-таки не они представляют собой решающую силу.

5.8.3. Необходимость объединения периферии

Сейчас и политики, и политологи без конца говорят об однополюсности, монополярности современного мира. Но это не значит, что мир действительно един. Современный мир расколот на две части, интересы которых непримиримы, — центр и периферию. В этом смысле он биполярен. Когда говорят об однополюсности мира, имеют в виду, что в нем теперь нет двух равных по величине центров сил, как это было до крушения СССР. Сейчас только центр во главе с США есть сила. Периферия такой силы не представляет.

Действие с неизбежностью вызывает противодействие. Все попытки США и стран центра подавить сопротивление периферии вызывают все большее и большее недовольство периферийных государств. Давление центра побуждает их к отпору и толкает к объединению усилий в этой борьбе. Такое объединение стран периферии возможно лишь вокруг какого-то ядра. Им могут стать только Россия, Китай и Индия, вместе взятые.

Идея необходимости такого союза в нашей науке была детально обоснована известным востоковедом Александром Григорьевичем Яковлевым в серии статей, опубликованных в 1993—1999 гг., прежде всего в таких работах, как «Россия, Китай и Индия в условиях становления новой биполярности мира» (1996), «Биполярность — главный параметр мирового сообщества и вчера, и сегодня, и завтра» (1997: Сейчас эти и другие работы собраны в книгу: Яковлев А.Г. Россия, Китай и мир. М., 2002). Идея объединения периферии вокруг России, Китая и Индии и воссоздания биполярного мира составляет центральный момент развиваемой им целостной концепции дальнейшей эволюции человечества.

«Только борьба за восстановление силового (в самом широком смысле) паритета между двумя глобальными полюсами, — пишет А.Г. Яковлев, — способна создать предпосылки для их конструктивного и позитивного взаимодействия, для преодоления их общими усилиями наиболее опасных угроз и вызовов нашего времени».[430] «Поляризация сил в мире именно в связи с этим вопросом совершенно неизбежна. И только установление равновесия между ними может стать самой надежной гарантией выживания не какой-то избранной части, а всего человечества, в благополучном переходе всего мирового сообщества в новое цивилизованное состояние. Только при этом равновесии будет возможно строительство более или менее демократического и справедливого международного порядка».[431] А.Г Яковлев категорически выступает против концепции многополярности мира, характеризуя ее как идейное обоснование раскола периферии, обрекающего ее на поражение в борьбе с центром.

Существование на периферии крупных государств, подобных России, Китаю и Индии, опасно для центра. Последний будет прилагать все усилия для того, чтобы

[430] Яковлев А.Г. Биполярность — главный параметр мирового сообщества и вчера, и сегодня, и завтра // Китай в мировой и региональной политике. Информационный бюллетень Института Дальнего Востока. № 13. 1997. С. 46.

[431] Яковлев А.Г. Россия, Китай и Индия в условиях становления новой биполярности мира // Китай в мировой и региональной политике. Информационный бюллетень Института Дальнего Востока. № 13. 1996. С. 18-19.

раздробить эти страны на мелкие и поэтому неопасные для центра государства. Расчленение Югославии — первый и успешный опыт.

Сама логика жизни с неизбежностью подталкивает Россию, Индию и Китай к объединению. И это постепенно начинает осознаваться руководящими деятелями этих стран. Как известно, бывший премьер-министр России Е.М. Примаков еще в декабре 1998 г. во время визита в Индию заявил о необходимости создания «стратегического треугольника Россия — Индия — Китай».

Нападение НАТО на Югославию способствовало дальнейшему сближению позиций указанных трех держав. Не только Россия, но также Китай и Индия резко осудили натовскую агрессию и потребовали ее прекращения.

Но в последующем никто из руководителей этих стран не осмелился прямо призвать к созданию их союза, имеющего целью обуздать Запад. Е.М. Примаков был отстранен от власти, а руководители Китая и Индии оказались чрезмерно осторожными. Единственным государственным деятелем периферийного мира, который не только осознал необходимость объединения, но призывает эту идею по возможности скорее претворить в жизнь, является президент Белоруссии А.Г. Лукашенко.

«Международные события, — говорил он в феврале 1999 г. на десятой сессии Парламентского Собрания Союза Беларуси и России, — показывают все более явную однополюсность мира. Соединенные Штаты Америки заняли гегемонистскую позицию, присвоили право подменять международные организация. Слабые страны в противостоянии с ними в одиночку не выживут. Трагедия Югославии, бомбардировки некоторых других стран доказывают, что с одиночками, с государствами, ослабленными внутренними раздорами, не пользующимися мощной поддержкой союзников, никто не считается. В этой ситуации Союз Беларуси и России мог бы и должен стать тем ядром, вокруг которого сформировался бы мощный цивилизационный центр на нашей планете. Центр экономически независимый, с высоким уровнем самодостаточности. Способный эффективно решать не только экономические, но и политические вопросы. Союз Беларуси и России должен стать реальным противовесом сложившемуся ныне однополярному миру, мощным двигателем в прорыве агрессивного, трансатлантического монополизма, интеграционным ядром нового единения государств».[432] В последующих своих выступлениях и интервью белорусский лидер поставил вопрос о необходимости создания военно-политического союза России, Белоруссии, Китая, Индии, Ирана и других стран, который стал бы противовесом США и НАТО.[433]

Но хотя сейчас руководители ни России, ни Индия, ни Китая не ставят в качестве сознательной цели создание союза этих стран, стихийно делаются шаги, создающие основу для этого объединения. В июне 2001 г. «шанхайская пятерка» (Россия, Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан), созданная в 1996 г. с весьма ограниченной целью — урегулирования пограничных проблем, не только пополнилась еще одним членом — Узбекистаном, но и превратилась в постоянную «Шанхайскую организацию сотрудничеств» (ШОС). Еще в конце 2000 г. заявку на вступление в это объединение подал Пакистан. К участию в работе организации проявляют интерес Индия, Иран и Монголия. 16 июля 2001 г. в Москве был подписан широкомасштабный договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой «О дружбе,

[432] Лукашенко А.Г. Новый этап в единении // СР. 28.01.1999.

[433] См.: Белоруссия // НГ. 24.02.1999; Карпекова С. Белорусский президент хочет спасти планету // Известия. 24.02.1999. и др.

соседстве и сотрудничестве». И хотя в договоре специально оговаривается, что «основой межгосударственных отношений нового типа» является «невступление в союз, неконфронтационность и ненаправленность против третьих стран», суть его более или менее ясна всем.

К объединению стран периферии призывают многие деятели этих государств. «...Развивающимся странам, — говорил в 1998 г. Махатхир Мохамад, — необходимо выступить единым фронтом и развивать разумное и дальновидное партнерство в целях адекватной реакции на вызовы глобализации. Сейчас это стало тем более необходимым, ибо развивающийся мир находится в осаде».[434] А еще раньше, в своем выступлении, в котором он прогнозировал превращение периферийных стран снова в колонии Запада, Махатхир Мохамад говорил, что этот мрачный прогноз «претворится в жизнь, если только слабые и бедные не осознают эту вероятность и не будут всеми силами бороться против ее реализации. Борьба против сильных возможна. Это будет своего рода партизанская война, но она может увенчаться успехом. И такая борьба может начаться лишь в том случае, если будет понято, что означает глобализация».[435] К созданию единого фронта беднейших стран для борьбы против диктата «сильных мира сего» призвал на сессии ВТО, состоявшейся в конце 1999 г. министр иностранных дел Кубы Рикардо Кабрас Руис.[436]

Однако стихийно, само собой объединения стран периферии не произойдет. Необходима активная целенаправленная деятельность глав ведущих государств периферии и, прежде всего, России. Именно от ее позиции во многом зависит, возникнет или не возникнет союз периферийных стран, а тем самым и будущее человечества.

5.8.4. Роль России в современном мировом историческом процессе

Решающая роль России в определении дальнейшего хода мировой истории достаточно четко осознается людьми, глубоко понимающими современное положение вещей. «...Моя цель, — пишет, например, известный итальянский публицист Джульетто Кьеза в книге «Русская рулетка. Что случиться в мире, если Россия распадется?» (1999), — обозначить некоторые существенные тенденции развития, которые диктуются положением в России, но от которых будут зависеть судьбы всего мира в ближайшие десятилетия. Я убежден и надеюсь убедить читателя, что Россия обречена, хочет того она или не хочет, играть решающую роль в определении границ будущих центров власти в мире. Если, разумеется, что-нибудь от мира останется».[437] В России он видит единственную надежду на лучшее будущее человечества. «..Сегодня вижу, — обращается он к россиянам, — мобилизация здоровых сил еще возможна. Используйте этот шанс! Если вы сдадитесь, то мы все будем жить по американским правилам. Главное понять — что жизненные интересы России не совпадают с интересами Запада, если под «Западом» понимать американское стремление к мировому господству. Заявляю это совершенно ответственно».[438]

И Дж. Кьеза не одинок. Подобного мнения придерживаются многие политические деятели периферии. Вот, например, что говорил в 1996 г. во время официального

[434] Махатхир Мохамад. Указ. раб. С. 229
[435] Там же. С. 156.
[436] Борисова М. Замыкая круг // ВМН. 03 12.1999.
[437] Кьеза Дж. Русская рулетка. Что случится в мире, если Россия распадется. М., 2000. С. 7.
[438] Кьеза Дж. Невероятные откровения итальянца в России // ОГ. 29.04-12.05.1999.

визита в Россию тогдашний министр иностранных дел Венесуэлы Мигель Анхель: «Россия для всех нас — волшебник. Русь — это символ единства вселенной, это символ единства, в котором нуждается человечество для того, чтобы установить баланс его существования... Если бы России не существовало, ее пришлось бы выдумать, потому что в мире должен быть баланс. Мы не можем находиться под властью одной страны. В мире надлежит искать противовесы. Россия со своим размахом, со своей атомной силой, со своей историей, самой обширной в мире литературой, со своей способностью к пониманию — это естественный баланс. Это точка встречи цивилизаций, которую ищет мир».[439]

Напомню, что во время визита в Москву, который пришелся на самый разгар натовской агрессии против Югославии, премьер-министр Индии А.Б. Виджпаи, и министр иностранных дел этой страны Джасванта Сингх резко осудили эту акцию. Большего официально они сказать не могли. Люди из их окружения были более откровенны. Они в кулуарах прямо высказывались, что больше нельзя ограничиваться только словами. По их уверению, индийское руководство готово на любые акции, в том числе совместно с Россией, чтобы остановить войну и наказать НАТО. Их крайне огорчила осторожность, с которой действовало российское руководство. «Вы не знаете, насколько сильны, и не умеете пользоваться своей мощью», — говорили российским должностным лицам индийские дипломаты, сопровождавшие Дж. Сингха.[440]

В существовании сильной России, способной вести самостоятельную политику и противостоять США, заинтересованы и широкие круги общественности арабских государства, включая и те страны, что поддерживают самые тесные отношения с единственной сейчас сверхдержавой. «Это общая беда, — говорил российскому журналисту главный редактор влиятельной саудовской газеты «Аль-Джезира» Халед аль-Малик, — что мы мало знаем друг друга, а арабы разобщены и безвольны. Отношения между Саудией и Россией сейчас хорошие. Но позиции России слабы, с ней мало кто считается, поэтому мы весьма заинтересованы в том, чтобы она вновь стала сильной и влиятельной на международной арене. Сейчас же США безраздельно господствуют в информационной сфере, определяют даже, сколько танков, каких и где могут позволить себе приобрести арабы, допускают и поощряют произвол Израиля в Палестине».[441]

Нельзя не отметить, что в этой стране, руководство которой долгие годы было верным союзником США, согласно закрытому правительственному опросу общественного мнения свыше 90% населения проникнуты антиамериканскими настроениями, что сейчас побуждает короля Фахда бен Абдель Азиза и его окружение во избежание печальных последствий несколько дистанцироваться от Америки, в частности попытаться сократить ее военное присутствие. Во время афганской компании саудовское правительство запретило боевые вылеты американских самолетов с арендуемой США авиабазы имени принца Султана, что вызвало негодование американской прессы.[442]

И чем более явственным становятся замыслы США установить свое господство над всем миром, тем большим становится тяготение периферийных стран к России, причем даже тех, которые долгое время занимали совершенно иные позиции. Осенью 2002 г. в разгар подготовки американской агрессии против Ирака, в России побывал

[439] Цит.· Дабагян Э. Неудобный посол // НГ. 27.10.2001.

[440] См.: Тамилин А. Гнев индийского министра // НГ. 26.05. 1999 г.

[441] См.: Степанов А. Оазис посредине пустыни // Труд. 06.02.2002.

[442] Тыссовский Ю. Испытание войной. Эр-Риад против американских баз на свей территории // Век. 2002. № 4; Степанов А. Открытие Аравии // Труд. 02.02.2002.

принц Турки аль Фейсал — человек, который с 1977 г. возглавлял Службу общей разведки Саудовской Аравии, в частности, обеспечивал деньгами и координировал действия моджахедов, боровшихся против советского контингента в Афганистане, который лично причастен к финансированию и засылке арабских наемников в Чечню. А теперь в тексте лекции, с которой он должен был выступить в МГИМО, принц заявил, что Чечня безусловно является частью России и осудил мятежников. По существу он присоединился к многим арабским политикам, которые обвиняют сепаратистски настроенных чеченских мусульман в том, что они своими действиями ослабляют Россию и тем самым мешают ей стать центром, который мог бы противостоять гегемонистским планам США и на который могли бы ориентироваться арабские страны. По существу Турки аль Фейсал предложил России сотрудничество во всех основных областях деятельности, и в частности в сфере добычи и торговли нефтью и газом.[443]

Выше уже говорилось о различных формах зависимости периферии от центра. Одна из них, которая пока не рассматривалась, — технологическая зависимость. В наше время невозможно никакое развитие без создания и внедрения новых технологий, что в свою очередь немыслимо без науки. Полноценной наукой обладает сейчас Запад, прежде всего США. Периферийные государства, если исключить Россию, ни по отдельности, ни вместе взятые такой науки не имеют. Иначе обстоит дело с Россией.

Уже говорилось о том, что все периферийные страны в большей или меньшей степени усвоили достижения западноевропейской капиталистической цивилизации. В наивысшей степени из всех обществ, которые сейчас входят в периферию, это было сделано Россией, а затем СССР. Россия — единственная страна за пределами Запада, в которой в течение двух веков под влиянием Запада расцвела великая культура, которая является по своей сущности западной и в то же время глубоко оригинальной. В отличие от других стран периферии культура России к началу XX в. была нисколько не ниже культуры Франции, Великобритании, Германии и выше культуры США. Каким бы ни был неополитаризм во многих других отношениях, но только он поднял грамотность населения России с 21% до 100% и способствовал сохранению и широкому распространению в массах не только российской, но и западноевропейской ортокультуры.

Коммерцкультура в СССР не возникла, хотя элементы все время просачивались с Запада, который в течении второй половины XX в. практически почти полностью потерял свою ортокультуру. В результате «реформ» в Россию хлынула западная, прежде всего, американская коммерцкультура. Разрушающее ее влияние все больше и больше сказывается. И, тем не менее, Россия до сих пор является последним очагом западной по существу ортокультуры. «Если Америка и Западная Европа— пишет политолог Александр Николаевич Тарасов, — последовательно погибли как центры европейской классической цивилизации, то Россия остается *последним форпостом* этой культуры-цивилизации. И либо теперь Россия сможет выстоять именно как цивилизация, либо — повторит судьбу США и Западной Европы».[444] «С точки зрения мировой истории и мировой культуры, — продолжает он, — потеря европейской классической цивилизации на постсоветском пространстве — трагедия...».[445]

[443] См.: Шерматова С. Подарок от бывшего врага // МН. 2002. № 43. С. 13.

[444] Тарасов А. Очень своевременная повесть. Феминистка как стриптизерша: культурологический анализ. М., 1999. С. 64.

[445] Там же. С. 67.

Россия является единственной незападной страной, в которой уже к концу XIX — началу XX вв. сложилось подлинное научное сообщество и возникла полноценная наука, появились ученые мирового уровня, ни в чем не уступавшие западноевропейским (Н.И. Лобачевский, Д.И. Менделеев, И.П. Павлов и др.). Все это было сохранено и приумножено в 1917—1991 гг. В годы «реформ» российской науке был нанесен колоссальный ущерб. Но она пока все еще существует. И при материальной поддержке других периферийных государств российская наука способна обеспечить независимое от Запада развитие новейших технологий. В этом отношении позиция России является ключевой. Именно поэтому она в принципе способна помочь всему периферийному миру совершить рывок к новой общественно-экономической формации.

5.8.5. Путинский поворот к Западу

В принципе для России открываются три возможности: (1) выступить в роли инициатора создания союза периферийных стран, противостоящего ортокапиталистическому центру, (2) попытаться занять нейтральную позицию, (3) стать союзником Запада. Но второй вариант по существу отпадает. России реально можно выбирать лишь между первым и третьим вариантами.

В России правит компрадорская буржуазия. Именно она вынудила В.В. Путина принять грефовскую сверхлиберальную экономическую стратегию, обрекающую Россию на полную зависимость от ортокапиталистического центра, а ее народ — на беспросветную нищету. Уже это само по себе, даже без дальнейшего давления олигархов, сделало неизбежным поворот во внешней политики России. Если же принять во внимание, что такое давление продолжалось, то понятно, что вопрос стоял лишь о том, когда В.В. Путин открыто объявит об этом. Это случилось после взрывов 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне.

«Демократические» публицисты, являющиеся верными лакеями олигархов, давно уже говорили о необходимости нашей власти сделать окончательно выбор. Вот что, например, писал еще в феврале 2001 г. известный журналист Леонид Радзиховский: «С кем же идти власти — с антизападным большинством или прозападным меньшинством? Вот вопрос, от которого Путину не спрятаться. Не коммунальная реформа, не земельная, ни судебная, не военная являются решающим вопросом нашей политики. Каждая из этих реформ — часть общей мозаики. Эти реформы можно вести так или иначе в зависимости от ответа на «основной вопрос философии»: какую общую систему Путин хочет построить в России? И здесь естественно два реальных ответа. Или сознательно строить «прозападную» систему — экономическую, социальную политическую... Тогда надо, ломая свои комплексы и комплексы Запада, в третий раз (после Горбачева и раннего Ельцина), не пытаться бороться с ПРО или с расширением НАТО, а, наоборот, по возможности приветствовать это, понимая, что таковы национальные интересы России. Эти интересы в одном — поскорее стать частью того самого Запада... Или продолжать играть в подростковые игры и почаще публично «разворачивать самолеты над Атлантикой». Реально мы все равно будем плестись за Западом... Мы можем оставаться гордой и независимой помойкой Запада. Но третьего пути просто нет».[446]

Чуть позднее, в апреле, анализируя послание президента, Л. Радзиховский пришел к выводу, что В.В. Путин уже сделал выбор в пользу Запада, причем давно.

[446] Радзиховский Л. Рваться на Запад // Сегодня. 20.02.2001.

Просто он был вынужден, чтобы прийти к власти и закрепиться, притворяться. Прежние попытки интеграции в западный мир кончились провалом. «Отсюда, — пишет Л. Радзиховский — вымученный мазохистский патриотизм последних лет. Именно на волне этого, не до конца отрефлексированного, но мощного настроения Путин и пришел к власти. Многие видели в нем «национально-государственническую» альтернативу «западнику» Ельцину. Путин, как мог, поощрял эти иллюзии. А вот когда прошел год, тогда он и ответил своей по внешности аполитичной, сухой, конкретной речью этим своим «горячим сторонникам»: товарищи, вы ошиблись дверью (как ошибаетесь все последние 15 лет). Мне на Запад. А вам куда?».[447] Но как отмечает Л. Радзиховский, все это было тогда сказано между строк. В сентябре все стало на место.

В В. Путин полностью оправдал надежды олигархии, надежды СПС и «Яблока» — поворот к Западу был свершен И что же теперь может от него ждать Россия?

Чтобы понять это, прежде всего нужно выяснить какими же были результаты первой и второй попыток поворота к Западу. Л. Радзиховский, нужно отдать ему должное, довольно откровенен «В 1987 — 1997 годах от СССР — России Запад, — пишет он, — требовал двух вещей· разоружиться (и развалиться) и одновременно показать, что русские медведи могут кое-как сидеть за столом, чистить зубы, в общем, могут отдаленно напоминать людей. При соблюдении этих условий голодной России совали какие-то объедки с «большого стола». А когда Россия разоружилась, ей сказали, что зубы у нее все равно желтые и в дальнейших поставках объедков стали отказывать».[448]

Гарантию успешности третьего захода, Л. Радзиховский видит в осознании США того, что им без поддержки России в борьбе с опасностью, исходящей от «третьего мира» не обойтись. Доля истины в этом рассуждении содержится. Новая администрация США начала свою внешнеполитическую деятельность с довольно жестких заявлений в адрес как России, так и Китая. Но в последующие месяцы тон, по крайней мере, в отношении России, начал меняться.

Еще до прихода к власти новой администрации и как напутствие ней 18 декабря 2000 г. был опубликован доклад «Глобальные тенденции 2015 года», составленный группой авторитетнейших американских неправительственных экспертов. В нем, в частности, говорилось о том, что США в ближайшем будущем столкнуться с геостратегическим союзом Россия — Китай — Индия, международной коалицией террористов и взрывом на Ближнем Востоке.[449] Вначале от него, по-видимому, отмахнулись. Но затем в апреле 2001 г последовала известная история с американским разведывательным самолетом, столкнувшимся с китайским истребителем, получившим повреждения и вынужденным приземлиться на о. Хайнань Администрация США, начавшая чуть ли не с ультиматумов и посылки военных кораблей, столкнувшись с жесткой и одновременной выдержанной позицией китайских властей, вынуждена была пойти на попятный. По существу США капитулировали, приняв все китайские условия. Им четко и недвусмысленно показали, что они если и хозяева, то, во всяком случае, не во все мире.

В результате США стали принимать меры, чтобы указанный союз не состоялся. С Россией стали говорить значительно мягче. После первой встречи В.В. Путина и Дж. Буша (Любляна, июнь 2001 г.) последний заявил даже, что Россия теперь не только партнер, но и союзник. Однако советник президента США по национальной безопасности Кондолиза Райс сразу же разъяснила, что ни о каком «союзничестве» ни

[447] Радзиховский Л Пароль и отзыв // Сегодня 06 04 2001
[448] Радзиховский Л Год Путина // ВМН 06 11 2001
[449] Сычева В И чего вы такие мрачные? // Сегодня 19 12 2000

в дипломатическом, ни в политическом плане речи быть не может.[450] После взрывов в Нью-Йорке и Вашингтоне в умах руководителей США, по-видимому, все же окончательно оформилась мысль об использовании России в качестве силы, которая помогала бы держать в повиновении периферию. Как писал Л. Радзиховский: «Западу позарез нужна прозападная Россия как «жандарм для Азии»».[451]

России дали понять, что США готовы рассматривать ее не только как партнера, но и союзника. У российского руководства «от радости в зобу дыханье сперло». В.В. Путин поторопился поддержать американскую акцию в Афганистане, дал добро на использование американцами военных баз в Центральной Азии (Узбекистан, Киргизия, Таджикистан), заявил о закрытии крайне досаждавшего американцам Центра радиоразведки в Лурдесе (Куба)[452], об отказе от когда-то созданной американцами военно-морской базы в бухте Камрань (Вьетнам). Возможно, по своей наивности ожидал, что американцы в знак благодарности сделают встречные шаги, будут рассматривать Россию как равную им по статусу державу, может быть даже пойдут на сокращение внешнего долга. Но если у него такие надежды, то они совершенно не оправдались. Например, на закрытие РЛС в Лурдесе, американцы ответили разворачиванием в восточной Латвии мощной радиолокационной станции, призванной следит за небом над Россией. Создаются еще две такие РЛС: одна в той же Латвии, другая — в Эстонии.[453] Последняя в марте 2003 г. вступила в строй.

Не помогло и фактическое согласие В.В. Путина на расширение НАТО на восток. Вот что он сказал в Нью-Йорке в интервью местной радиостанции NPR, отвечая на вопрос ведущего об отношении России к включению в НАТО стран Восточной Европы, включая Балтию: «Мы, разумеется, не собираемся говорить людям, что им делать. Мы не можем запретить людям делать соответствующий выбор, если они хотят повысить уровень своей безопасности определенным образом... Если мы изменим качество, формат отношений между Россией и НАТО, тогда, как я думаю, расширение НАТО перестанет быть вопросом, оно просто не будет заслуживать внимания».[454]

«Медовому месяцу» отношений между Россией и США быстро пришел конец. Как пишут все наши публицисты, включая «демократических», российских президент, будучи готов дать согласие на фактический отказ США соблюдать договор о ПРО, настаивал на хотя бы чисто «символическом» его сохранении.[455] Но, невзирая на все его увещевания, Дж. Буш принял другое решение. 13 декабря 2001 г. посол США в Москве Александр Вершбоу в 17 часов по московскому времени посетил первого заместителя министра иностранных дел России Александра Авдеева и передал ему официальное уведомление об одностороннем выходе Соединенных Штатов из договора по ПРО 1972 года.

[450] Васильев Е Цена партнерства // ВМН. 19.06. 2001.

[451] Радзиховский Л. Год Путина // ВМН. 06.11.2001. См также: Он же. Жандарм для Азии // Там ж. 16.10.2001; Он же. Клонирование и государство // Там же. 04.12.2001.

[452] Генерал-полковник Л.Г. Ивашов рассказывает, что когда удивленный заявлением В.В. Путина о закрытии Центра в Лурдесе Ф. Кастро обратился к находившемуся на Кубе главе президентской администрации А. Волошину с просьбой объяснить ему причины, последний откровенно признался: таков приказ из Вашингтона (Ивашов Л. Жало осы // СР. 30.11.2002.).

[453] См.: Пороскоов Н. Пентагоново око // ВН. 04.09.2002.

[454] Цит.: Николаев Л. Буря на Мальте, ливень в Техасе // СР. 30.11.2001.

[455] Фельгенгауэр П. Союз на вечные времена // МН. 2001. № 45. С. 5, Он же. Вашингтон ставит Россию на место // Там же. № 51. С.5; Фролов В. От самоизоляции к взаимодействию // ВМН. 23.11.2001; Николаев Л. Буря на Мальте, ливеиь в Техасе.

Во всем мире политики и публицисты, от крайне проамериканских до антиамериканских, от левых до правых расценили это как «публичную пощечину» России, как «плевок» в лицо мировому сообществу и, в первую очередь, В.В. Путину.[456] Известный своими прозападными симпатиями обозреватель Павел Фельгенгауэр писал, оценивая американский ход: «...В Вашингтоне решились на грубую (впервые в мировой истории) денонсацию международного соглашения по ограничению ядерных вооружений, очевидно, в первую очередь для того, чтобы поставить Россию на место».[457] Российский президент тихо утерся.[458]

А затем плевок последовал за плевком: Дж. Буш заявляет о намерении США в ближайшем будущем возобновить испытания ядерного оружия; Россия была оставлена в списке стран, которые официально подозреваются в распространении оружия массового поражения, а поэтому на нее распространились ограничения на поставку высоких технологий; заблокированы счета российских организаций, ведущих дела с неугодными США странами, прежде всего Ираном; введены по сути запретительные пошлины на российскую сталь; после нескольких месяцев затишья госдепартамент США снова выступил с резкими заявлениями по поводу нарушения прав человек в Чечне и потребовал вступить в переговоры с мятежниками; посланцам Аслана Масхадова были вновь устроены встречи и с представителями госдепартамента США и официальными деятелями ПАСЕ; было официально выражено разочарование по поводу ситуации вокруг ТВ-6; американские дипломаты демонстративно участвуют в пикете, связанном с делом Г. Пасько, осужденным по обвинению в государственной измене, американские военные появляются и прочно оседают в Грузии, 9 марта в газете «Лос-Анжелес таймс» публикуется секретный доклад Пентагона «Обзор ядерной политики», в котором Россия фигурирует в списке из 7 стран (другие шесть — КНДР, Ирак, Иран, Сирия, Ливия, Китай), на которые нацелены американские ракеты с ядерными зарядами, причем, как подчеркивается в документе, не только ради сдерживания, но и для ведения войны, сенат США отказался отменить поправку Джексона-Вэника и т.п.[459]

Российскому президенту не позавидуешь: он не успевает утираться. А действительно, почему бы Америки и не поупражняться в плевках. Ведь сам же В.В. Путин в интервью в Нью-Йорке сказал, что чтобы Дж. Буш ни сделал, «не при каких обстоятельствах это не приведет к каким-либо трениям между Россией и Соединенными Штатами».[460] А когда его попросили высказаться по поводу появления американских военных в Закавказье, он заявил: «Никакой трагедии нет и быть не может. Почему в Средней Азии можно, а в Грузии нельзя?»[461]

На протяжении весьма краткого промежутка времени России было продемонстрировано то, что всем здравомыслящим людям было понятно уже давно. Америка уважает только силу и считается только с силой. Всякие уступки, особенно безвозмездные, она расценивает как проявление слабости и начинает обращаться с такой

[456] См.: Софрончук. Утирайся, чем придется...// СР. 18.12.2001; Фельгеигаэр П. Вашингтон ставит Россию на место // МН. 2001. № 51. С. 5.

[457] Фельгенгауэр П. Вашингтон ставить Россию на место. № 51. С. 5.

[458] Заявление президента Владимира Путина // Труд. 15.12.2001.

[459] См.: Теткин В. Ползучие санкции // СР. 09.01.2002; Николаев Л. Перегрузки «медового месяца» // СР. 17.01.2002; Никонов В. Российско-американские качели // Труд. 19.01.2002; Россия может стать целью американского ядерного удара // НО. 2002. № 8; Блинов А. Пентагон взорвал бомбу // ВМН.12.03.2002.

[460] Цит.: Николаев Л. Буря на Мальте, ливень в Техасе // СР. 30.11.2001.

[461] См.: Кожанов Н. А где же интересы российские?// Правда. 5-6.03 2002.

страной совершенно по-хамски даже тогда, когда в конечном счете это может обернуться ей большими неприятностями. Пытаясь заручиться дружбой с США, российский президент пошел на большой риск, ибо не только основная масса населения России, но и определенная часть руководящих кругов, особенно военные, настроена резко антиамерикански. В этих условиях российскому президенту было крайне важно убедить, что Россия стала уважаемым и равноправным союзником Америки и что этот союз уже приносит и в дальнейшем принесет стране большие дивиденды.

Руководство же США сделало все, чтобы убедить людей в противном. Хорошо информированный старший аналитик агентства ЮПИ Мартин Сиф писал в статье, распространенной 18 марта 2002 г., что среди ведущих чиновников в области внешней и оборонной политик администрации Буша в последнее время взял верх «опасный подход» к России (вернее к ее руководству): «Вы более ничего для нас не значите. Но тогда, когда что-то значите, в любом случае будете делать только то, что вам будет сказано делать».[462]

США, возможно, и правы, полагая, что В.В. Путин теперь никуда не денется. Ему трудно свернуть с проложенного пути. Он вынужден будет продолжать делать уступку за уступкой и утираться после каждого очередного американского плевка. Но ведь В.В. Путин не вечен. Как видно, американское руководство нисколько не умнее нашего. Отличие лишь в том, что может действовать с позиции силы. К нему вполне можно применить поговорку: «Сила есть, ума не надо».

Таким образом, России дали понять, что они никогда не станет равноправным союзником США, ее участь быть подручным, холопом Запада. Надо сказать, что этого не отрицают и самые ярые из наших поборников западной ориентации. Вот что пишет Л. Радзиховский: «Геополитическая судьба России неизменна 1000 лет: «Мы как послушные холопы, / Держали щит меж двух враждебных рас / Монголов и Европы». Уйти от этой судьбы России некуда — из своей шкуры не вылезешь...».[463] Это он писал в октябре 2001 г.

Возвращаясь к этому вопросу в конце января 2002 г., когда российский президент за все свои заслуги перед США получил от американского руководства массу затрещин, Л. Радзиховский отмечает, что сейчас новую внешнюю политику В.В. Путина обсуждают в терминах: «успех или провал?». Это связано, по его мнению, с тем, что после путинского поворота «вся пишущая братия, как водится, впала в эйфорию», ожидая за наши уступки американцам «взамен нечто неведомое, но невыразимо прекрасное».[464] А вместо этого последовали пощечина за пощечиной. В результате эйфория сменилась раздражением и последовали очень аккуратные, очень осторожные, тем не менее критические статьи в адрес внешней политики Путина.

Прежде всего следует сказать, что эйфория охватила не всю пишущую братью, а только «демократическую». Левая патриотическая печать с самого начала выступила с критикой, причем далеко не «аккуратной», путинского поворота, охарактеризовав новую внешнюю политику президента как антинациональную, предательскую и заранее предсказав ее печальные результаты. Но по-видимому для Л. Радзиховского левой патриотической печати не существует. Он знает только свою, родную ему «демократическую», т.е. служащую олигархами, «пишущую братию».

[462] См.: Николаев Л. В политике администрации Буша к России берет верх опасный подход. // СР. 26.03.02.

[463] Радзиховский Л. Жандарм для Азии // ВМН. 16.10.2001.

[464] Радзиховский Л. Успех или провал? // ВМН. 29.01.2002.

Как указывает Л. Радзиховский, у него эйфории не было. Он заранее знал, что равноправных партнерских отношений между Россией и США в принципе быть не может. Самое лучшее, что нам светит, — стать «младшим партнером» США. Но и это положение получить не просто,. «...Американцы совершенно не рвутся предоставить России статус своих хотя бы младших союзников».[465] Положение холуя США нужно еще заслужить. Единственный путь — смирение, терпение и покорность. «Может быть, на жестоковыйных янки не повлияет и такое наше смирение, они по-прежнему будут нас в чем-то подозревать, буду и дальше коснеть в своей русофобии. Может быть. Но это означает только одно — надо будет сделать еще одни шаг в их сторону. Вот и все. Нам не нужно бояться что-то сдать Западу. Все, что реально что-то стоило, мы давно «сдали»... Нам нужно не считаться с США «шагами» (как подростки считаются звонками), а набраться терпения и смирения — и идти на Запад».[466] Нельзя противостоять США «ни по одной позиции». Нужно не только противиться, но, наоборот, приветствовать и торопить закрепление США в Средней Азии, вступление в НАТО не только Прибалтики, но и Украины.

Ну допустим, что США в конце концов, когда мы все полностью сдадим, смилуются над нами и примут нас в слуги. Что же мы тогда получим? Насколько Л. Радзиховский красноречив в агитации за полную капитуляцию России перед США и Западом вообще, настолько он сдержан в обрисовке той награды, которую она получит. Россия войдет в западную систему. Допустим. Но ведь, как уже показал Л. Радзиховский, войдет она туда в качестве не равноправного партнера, а холопа. Это, уверяет он, даст возможность подняться экономически и политически. Полная потеря политической независимости, превращение страны в колонию — всегда политическое и экономические падение, а не подъем.

В одной из более поздних статей Л. Радзиховский уныло признает, что в обмен на все свое холуйство Россия до сих пор ничего от США не получила. «Что же делать? Может все-таки решиться не останавливаться с обиженным выражением на полпути, а закусить губу и идти до конца — опять и опять доказывать США, что мы их союзники, «набиваться в союзники»? Малоприятное занятие. Малопочтенное занятие. Малорезультативное занятие. Гневно осуждать его легко. Но альтернативу ни один умник не придумал. Дорога на Запад, дорога к США. Дорога без конца?»[467]

Надежду на экономический подъем России с помощь Запада выражают многие «демократы. Уже известная нам И.М. Хакамада в своем выступлении на заседании «круглого стола» аналитической программы «Постскриптум» изложила внешнеполитическую доктрину Союза правых сил (СПС). Суть ее заключается в том, что прозападный курс соответствует национальным интересам России, ибо только благодаря Западу мы сможем войти в глобальную цивилизацию, обеспечить прорыв в область наукоемких технологий.[468]

Заявление более чем нелепое. Ведь хорошо известно, что сейчас западные страны принимают все меры для того, чтобы не допустить на мировой рынок те российские предприятия, которые производят технику, не уступающую западной или превосходящую ее. Вот что писал по этому поводу выдающийся физик, математик, инженер, действительный член РАН Борис Викторович Раушенбах (1915—2001): «Не надо думать,

[465] Там же
[466] Там же
[467] Радзиховский Л Два ответа на один вопрос // ВМН 19 02 2002.
[468] См Ципко А Добровольная стерилизация // ЛГ 2001 № 52.

что на Западе нас любят. Это наивно. Везде, где мы обогнали Запад, нас зажимают, не дают выйти с конкурентоспособной продукцией на рынок. Это касается ракетостроения, атомной промышленности, других наукоемких областей. Говорю определенно: как только мы выходим на мировой рынок с продукцией лучше западной или не уступающей ей, так нам сразу же «перекрывают кислород». Мало создать конкурентоспособную продукцию, надо завоевать рынок. А нас пускают только на рынок сырья».[469]

Конкуренты странам центра не нужны. Не для того Запад затратил столько сил, чтобы столкнуть Россию в трясину периферийного капитализма, чтобы затем помочь ей оттуда выбраться. Напрасны и выражаемые некоторыми «демократами» надежды, что Запад спишет нам долги. Не для того на Россию набросили долговую петлю, чтобы затем ее снять. Ни о каком прощении долгов России не может быть речи. Как еще довольно давно писал один «демократический» публицист: «Россия не может позволить себе роскошь стать антизападной страной по одной простой причине — мы являемся страной-должником в большей степени, чем страной-кредитором».[470]

Совсем недавно Запад категорически отказал России даже в реструктуризации внешнего долга. И понятно почему. Экономическое положение России в 1999—2001 гг. несколько улучшилось. И если пойти ей навстречу, то она может использовать дополнительные средства на промышленный рост. Вот когда положение значительно ухудшится и страна начнет задыхаться, то тогда петлю несколько ослабят, чтобы снова затянуть ее, когда ситуация станет более благоприятной. Западу опасна самостоятельная Россия, но и не нужна и совершенно задушенная, мертвая. Он старается держать ее в полузадушенном состоянии с веревкой на шее, которую всегда можно в нужный момент затянуть до нужного уровня.

Аргумент, приведенный, кстати, Л. Радзиховским, — если Россия не пойдет на союз с Западом, она окажется под новым «монгольским игом», ее просто растопчут «копыта всадников».[471] Азия вообще, Китай и мусульманские страны в первую очередь, — главная опасность для России, которой невозможно противостоять без опоры на Запад. На это можно сказать только одно. Если Россия станет жандармом Азии на службе у Запада, как Л. Радзиховский рекомендует в статье «Жандарм Азии», тогда страны этой части света действительно могут превратиться в ее врагов. Это признает в другой статье тот же самый автор: «Конечно, тактически нам такой пакт (с США. — *Ю.С.*) страшно невыгоден — мы теряем экономически связи в том же Ираке, резко увеличивается вражда к нам со стороны арабского мира. .. Прямой военно-полицейский союз с США (об Израиле я уж не говорю) — и мы становимся врагами № 1, и «козлами отпущения» почище самих США».[472] Если же она вступит в союз с Китаем, Индией, Ираном, Ираком то никакая сколько-нибудь серьезная угроза исходить для нее из Азии не будет.

Запугиванием угрозой со стороны Азии вообще, Китая прежде всего стало привычным мотивом в «демократической» прессе. Политолог Владимир Фролов категорически утверждает, что внешнеполитический курс Е.М. Примакова был опасен для России, ибо концентрировал внимание на «вымышленной угрозе с Запада» и игнорировал «более реальные угрозы с Юга» и «перспективные озабоченности на Востоке (рост военной мощи Китая)».[473]

[469] Раушенбах Б. Из книги «Праздные мысли» // ОГ. 2002. № 3. С. 16.
[470] Новопрудский С. Коктейль Молотова-Риббентропа // Известия. 08.12.2001.
[471] Радзиховский Л. Жандарм для Азии // ВМН. 16.10.2001.
[472] Радзиховский Л. Ищите партию войны // ВМН. 05.11.2002.
[473] Фролов В. От самоизоляции к взаимодействию // ВМН. 23.11.2001.

Доводя подобные мысли до логического конца военный обозреватель П. Фельгенгаур требует, чтобы Россия ликвидировала свой Северный флот, ибо вся его огневая мощь направлена против США. Взамен нужно нацелить наши ракеты с ядерными боеголовками на Китай и Пакистан.[474] Пакистан, конечно, упомянут лишь для маскировки, а Китай — всерьез. В.В. Путин сейчас действительно предпринял действия, направленные на ослабление Северного флота. Снято все его руководство, причем, как пишется в печати, прежде всего за неприязнь к американцам и патриотические настроения. Первый шаг сделан.

Еще дальше в том же направлении, что и П. Фельгенгаур заходит заведующий аналитическим отделом Института политического и анализа Александр Храмчихин, который без всяких обиняков заявляет: «Да, Китай наш главный стратегический противник. Он представляет для нас главную угрозу, причем и ядерную, и обычную. Поэтому вступление в НАТО позволило бы нам решить не только проблему Америки, но самое главное — проблему Китая: воевать со всем НАТО китайцы не будут: они тоже люди прагматичные».[475]

Известный «демократ», доктор исторических наук Юрий Николаевич Афанасьев категорически требует развивать сотрудничество с «цивилизованным миром», под которым он понимает исключительно лишь страны Запада, и перестать «якшаться со «странами-изгоями», продавать оружие Ирану, подрывать международные санкции против Ирака, обниматься с руководителями Северной Кореи, вынашивать бредовые идеи оси «Москва-Пекин-Дели».[476] Одним росчерком пера все незападные страны, включая Россию, лишены права считаться цивилизованными. Как уже отмечалось, это — обычная позиция российских «демократов».

Главная идея, которую усиленно пропагандируют «демократы» заключается в том, что Россия сейчас не в состоянии противостоять Западу, не в состоянии предотвратить ни выход США из договора по ПРО, ни расширение НАТО на Восток и т.п. Она может протестовать, махать кулаками, может изображать возмущение, но никто считаться с этим не будет. Она только станет всеобщим посмешищем. Так не лучше ли смириться, сделать хорошую позу при плохой игре, и может быть Запад в награду за послушание что-нибудь России и подбросит. Нужно добиваться улучшения отношений с США, а для этого нет другого способа кроме как принять ее точку зрения по всем фундаментальным проблемам (договор по ПРО, расширение НАТО и т.п.).

Нужно торопиться капитулировать, иначе будет хуже. Об этом пишет Л. Радзиховский. Похоже развиваются мысли Александром Евгеньевичем Бовиным, когда-то смелым публицистом, неоднократно нарушавшим цековские табу, а теперь ставшим смиренным холуем олигархов, готовым за деньги писать всё, что прикажут.[477] Об этом говорила и И.М. Хакамада, излагая внешнеполитическую программу СПС, об этом пишут и другие «демократические» публицисты.[478]

И до взрывов в Америке некоторые наши «демократы», в частности Л. Радзиховский, пропагандировали идею ограничения суверенитета государств в пользу «международного сообщества».[479] После этого события их усилия удвоились и приняли но-

[474] Фельгенгауэр П. «Ястребы» не нужны // МН. 2001. № 49. С. 7.
[475] См.: Мороз О., Храмчихин А. Доктрины и бомбы // ЛГ. 2002. № 18-19.
[476] Афанасьев Ю. Между прозреньем и тьмой // ОГ. 2001. № 40.
[477] Бовин А. Поражения или победы? // Вск. 2002. № 1-2.
[478] Фролов В. От самоизоляции к взаимодействию // ВМН. 23.11.2001.
[479] См., например, Радзиховский Л. Казус Милошевича // НГ. 04.07.2001.

вую окраску. Как пишет тот же самый Л. Радзиховский, в новых условиях «речь идет об ограничении национально-государственного суверенитета в самой болезненной сфере — военной, сфере безопасности».[480] Но если он раньше ратовал за ограничение национального суверенитета в пользу «международного сообщества», то теперь он предельно откровенен: военный суверенитет всех стран должен быть ограничен «не в пользу ООН (то есть «никого»), а в пользу вполне конкретных США. Кроме них, сегодня роль абсолютно необходимого мирового жандарма играть некому».[481] В заключение автор говорит о неизбежности движения человечества к единому мировому правительству, которое, как явствует из предшествующей части статьи, будет американским и никаким другим.

Те же идеи, но под демократическим флёром развивает доктор исторических наук Дмитрий Ефимович Фурман. «Ясно, — пишет он, — что ответом на все более глобальные угрозы нашему все более единому и хрупкому миру может быть лишь создание целостной системы всемирной власти, — в конечном счете единое мировое государство. Это — четко обозначившаяся «повестка дня» XXI века. Процесс его становления уже идет».[482] «В конечном счете этот процесс должен привести к возникновению всемирного демократического общества, где будет осуществлен принцип «один человек — один голос». Только такое общество соответствует нашим ценностям и только такое общество может дать действительно порядок».[483] Прочитав такое, хочется плакать от умиления.

Однако дальше сразу же следуют слова: «Но хотя конечная цель может быть только такой, процесс создания всемирного государства предполагает элементы патернализма и диктат, навязывания либеральным меньшинством тех норм, без соблюдения которых погибнут все. Цивилизованный мир неизбежно должен выступить сейчас в авторитарной роли полицейского, учителя, «цивилизатора». Иного пути просто нет».[484]

Таким образом, под покровом демократических фраз нам предлагается новый вариант знаменитого «бремени белого человека». За маской демократа и гуманиста скрывается апологет ультраимпериализма, неоколониализма. Кстати, об этом неплохо сказал С.Н. Кондрашов. Признавая нынешнюю борьбу против терроризма необходимой, он далее предупреждает, что она «превратится в ширму для укрепления мировой гегемонии США под знаменем всепобеждающего учения — глобализма-империализма».[485] Вот обоснованием и пропагандой этого учения и занимается Д.Е. Фурман.

Назови его идеологом нового фашизма, он, конечно, обидится. Но ведь по существу между гитлеровской концепцией «нового порядка» в мире, при котором подавляющее большинство населения Земли должно гнуть спины на избранное меньшинство, и пропагандируемой им идеей нет никакого принципиального различия, разве только нацисты не называли эксплуататорское меньшинство либеральным.

Кстати сказать, гитлеровцы не ограничивали избранное меньшинство только немцами. Они были готовы допустить в его состав датчан, шведов, норвежцев, фламандцев, голландцев, англо-саксов, итальянцев, испанцев, часть французов, а из неевропейских народов — японцев, но, разумеется, при условии безоговорочного признания гегемонии

[480] Радзиховский Л. Клонирование и государство // ВМН. 04.12.2001.
[481] Там же.
[482] Фурман Д. Наперегонки с апокалипсисом // ОГ. 2001. № 40.
[483] Там же.
[484] Там же.
[485] Кондрашов С. Шашлык по-техасски // ВМН. 17.11.2001.

за немцами. И сейчас в избранное меньшинство, в «золотой миллиард» должны входить те же самые народы, но при признании руководящей роли за американцами. Но какое презрение питает наш «демократ» и «гуманист» к народам периферии. Все они не относятся к числу цивилизованных людей. Кто же они такие — дикари, варвары? Кстати сказать, отнесение к цивилизованному миру только стран Запада — общее место в статьях и книгах всех наших «демократов».

Д.Е. Фурман утверждает, что глобальный террор делает необходимым и неизбежным создание мирового правительство. Дело обстоит как раз наоборот: именно стремление Запада установить свое полное господство над миром с неизбежностью породило сопротивление, которое приняло в числе других и такую форму, как глобальный террор.

Выше уже упоминался вопрос о сокращении стратегических арсеналов России и США. Российское руководство выразило желание сократить число ядерных боеголовок на межконтинентальных ракетах наземного и морского базирования с 6000 до 1500, американское — с 7000 до 1700—2200. Во время встречи в ноябре 2001 г. в Техасе Дж. Буш продолжал настаивать на том, чтобы не оформлять грядущее сокращение стратегических ядерных вооружений в виде договора, соблюдение которого обязательно для обеих сторон. По его мнению, вполне достаточно простого заявления каждой из двух сторон и рукопожатия двух президентов. Российский президент на это не согласился. Он считал, что необходимо детально зафиксировать договоренности и меры контроля на бумаге. Было решено продолжить переговоры на уровне дипломатических и военных ведомств обеих стран.

14 января 2001 г. начался первый раунд российско-американских консультаций по выработке совместных договоренностей по этой проблеме. Но буквально накануне администрацией США был направлен в конгресс доклад о пересмотре ядерной стратегии США, в котором предусматривается сохранение значительной части демонтируемых ядерных зарядов в боеготовом резерве. Это еще одна пощечина В.В. Путину. Ведь российское руководство исходило из того, что сокращения СНВ должны быть не только проверяемыми, но и необратимыми.[486]

Уже тогда все трезвомыслящие наблюдатели предсказывали, что если Россия будет продолжать категорически настаивать на своем, т.е. на заключении детального договора, включающего положение о ликвидации сокращаемых ядерных боеприпасов, то переговоры кончатся ничем. Возможен лишь вариант, при котором подписывается самое общее заявление, где все спорные вопросы обходятся. Это по сути будет означать полную капитуляцию России. Уже тогда зарубежные наблюдатели считали, что В.В. Путин готов смириться с этим.

В беседе с корреспондентами английской газеты «Файнэншл таймс», состоявшейся в день, когда Дж. Буш объявил о выходе из договора по ПРО, на вопрос о том, что произойдет, если США откажутся от юридически обязательного договора с Москвой о сокращении числа боеголовок, В.В. Путин ответил: «Это будет зависеть от конечного результата, которого мы достигнем. Это зависит от пути, по которому мы развиваем наши отношения. Если отношения между Россией и Западом, Россией и НАТО, Россией и США продолжат развиваться в духе партнерства и даже союзничества, никакого ущерба нанесено не будет».[487] Английские корреспонденты так комментируют эти

[486] Фролов В Новый старт на берегах Потомака // ВМН 15.01. 2001.
[487] Цит.: Николаев Л. Зажег свечу с обоих концов // СР. 20.12.2001.

слова: «Это не то, что должно ожидать от лидера ядерной державы на самой ранней стадии длинного и сложного процесса переговоров по разоружению. Они лишь усиливают впечатление, что Путин в большей степени заложник, чем мастер собственной политики. Поставив Россию практически на односторонний новый прозападный курс, у него нет другого выхода, как делать хорошее лицо при любом варианте развития событий».[488]

Но главное даже не в этом. Стремление российского руководства вести переговоры о сокращении стратегических вооружений, предусматривающее уменьшение числа ядерных боеголовок на российских носителях до 1500 имело еще какой-то смысл до выхода США из договора по ПРО, хотя и это весьма спорно. Во всяком случае какие-то аргументы в пользу этого можно было наскрести. Но после решения США такое намерение российского руководства является либо прямым безумием или откровенным предательством интересов страны.

Как просчитали американские специалисты, и в этом отношении с ним согласны и российские, когда американцами создадут первую очередь НПРО, то она будет способная перехватить 1500 боеголовок, но не больше. В своем заявлении по поводу решения США о выходе из договора по ПРО В.В. Путин заявил, что оно не создает угрозы для национальной безопасности России.[489] Сейчас, пока у нас 6000 боеголовок, а НПРО в США не создано, это действительно так. Но когда через какой-то десяток лет НПРО в Америке будет создана, а у нас по решению президента останется всего лишь 1500 боеголовок, Россия окажется совершенно беззащитной перед США.

Наши «демократические» публицисты во всю заверяют, что США и НАТО никогда не нападут на нас. Пока, конечно, нет. Да и в последующем, вероятно, тоже. Ни один агрессор не стремится к войне самой по себе. Ему нужно добиться своей цели, скажем, подчинения или поглощения той или страны. И если намеченная жертва сразу же капитулирует, он воевать не будет. Гитлеровская Германия не воевала ни с Австрией, ни с Чехословакией. Не стала бы она воевать ни Польшей, ни с СССР, если бы эти страны сразу же сдались. Также и США и НАТО. Придвинувшись вплотную к ее границам, создав в соседних с ней странах свои военно-воздушные базы, в условиях, когда Россия не способна будет нанести ответный удар по американской территории, США будут навязывать ей свою волю. Россия окончательно станет колонией, причем такой, людские и военные ресурсы которой. будут использоваться колонизаторами для покорения остального мира.

Все это не ново. В армии древнего Рима, кроме римских легионов, входили войска союзников — вассальных государств. Англичане использовали войска, набранные из числа жителей колониальной Индии, — сипаев для подчинения все новых и новых стран. Но, вероятно, не нужно ждать ни создания в Америке НПРО, ни сокращения числа российских боеголовок до 1500. Российское руководство и сейчас готово превратить страну в колонию Запада. Кстати, американцы оправдывают свое стремление сохранить демонтированные боеголовки тем, что положение в мире может измениться по сравнению с сегодняшним, в частности, наращиванием ядерного вооружения займется Китай. Но главное, о чем они не говорят, это, конечно, страх, что в России могут прийти к власти силы, стоящие на защите интересов страны.

Если бы у нынешних правителей России сохранилась хотя бы капля разума и

[488] Цит.: Там же.

[489] Заявление президента Владимира Путина // Труд. 15.12.2001.

какая-либо толика ответственности за судьбу страны, то единственный выход из существующего положения был бы тот, который содержится в статьях Федерального закона о ратификации договора СНВ-2. Там говорится, что в случае отказа США от договора о ПРО 1972 г. договор СНВ-2 теряет силу. В.В. Путин, который в своей речи на заседании Госдумы, стремясь убедить депутатов ратифицировать договор, пообещал, что в случае нарушения США положений договора по ПРО Россия выйдет не только из СНВ-2, но, возможно, из других соглашений, связанных и с ядерным оружием и с другими вооружениями, сейчас ведет себя так, как если бы никакого такого заявления и в помине не было. Это можно объяснить только допустив, что он в угоду США не собирается его выполнять.

Насущно необходимо было прекращение всяких переговоров о сокращении стратегических вооружений. Россия должна самостоятельно решать эти вопросы, представив США действовать таким же образом. Будут ли они сокращать боеголовки или нет — это их внутреннее дело. России нужно прежде всего сохранить и модернизировать сохранившиеся пока у нее ракеты наземного базирования с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН), которые мы были обязаны уничтожить согласно СНВ-2, прежде всего ракеты Р-36М, известные на Западе как СС-18 или «Сатана». От этих ракет, каждая из которых несет 10 боеголовок и несколько ложных головных частей, и других еще сохранившихся носителей с РГЧ ИН в отличие от моноблочных «Тополей-М», которые ставятся сейчас (вернее, ставились, ибо постановки их к настоящему времени практически прекратилась), не способна защитить никакая американская ПРО.

Нельзя не отметить, что уже тогда, когда стало ясным, что США в ближайшее время выйдут из договора по ПРО, у нас продолжалось уничтожение СС-18 и шахт, в которых они находились. Более того. СС-18 продолжали уничтожаться и после объявлении о выходе США из договора по ПРО. Например, в конце мая 2002 г. близ г. Карталы была снята последняя из находившихся там ранее 6-ти таких ракет, а пусковая шахта взорвана.[490] Это что — глупость или преднамеренное предательство?

Причем совершенно не нужно действовать так, как это было в советское время, когда в ответ на создание США такого количества ракет, которые были способны несколько раз уничтожить нашу страну, мы наращивали силу, способную уничтожить США тоже несколько раз. Вполне сейчас достаточно иметь столько носителей и столько боеголовок, чтобы даже при наличии самой совершенной американской НПРО, они были способы с гарантией уничтожить США всего лишь один раз. Если дело будет обстоять именно так, мы будем полностью избавлены от угроз со стороны США и НАТО.

И, наконец, если Россия своими силами не будет способна создать такое количество стратегического оружия, которое гарантировало бы ее безопасность от США, то ей нужно объявить о выходе из договора о нераспространении ядерного оружия. Тогда Россия вместе с ее союзниками из числа периферийных стран будет обладать таким арсеналом, перед которым не устоит никакая НПРО.

Но все эти рассуждения имели бы смысл, если в России была бы верховная власть, руководствующая интересами страны. Нынешняя же власть способна только на капитуляцию перед Западом. Если подвести итоги «медового месяца» отношений России с

[490] Писанов В. Смерть «Сатаны» // Труд. 28.05.2002; Белозерцев А. Взрывают нашу мощь // СР. 01.06.2002.

США, то можно только поражаться тому, как много наша страна за этот краткий срок потеряла: пришел конец договору по ПРО, она лишилась станции в Лурдесе (последняя была поспешно демонтирована уже к концу января 2002 г.) и базы в Камрани (столь же поспешно покинутой), причем США тут же выразили желания взять ее в аренду, США расположились не только в Афганистане, но проникли в Среднюю Азию, потеснив (а по сути — вытеснив) Россию, а затем и в Грузию.

Завершением цепи капитуляций было подписание в время визита Дж. Буша в Москву 24 мая 2002 г. Договора о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП). По форме Вашингтон пошел на уступки Москве: вместо устного соглашения между президентами был подписан договор, который. подлежит ратификации законодательными учреждениями обеих стран. Но по существу, как и ожидалось, Россия сдала все свои позиции. Об этом пишет не только зарубежная и левая отечественная печать. Не могут не признать это и те «демократические» публицисты, которые в какой-то степени дорожат своей репутацией.

Вот, например, мнение крайне прозападно настроенного военного обозревателя П. Фельгенгауэра. «По сути, однако, — пишет он, — получилась филькина грамота в три страницы длиной. В то время как, скажем, договор СНВ-1 — это сотни страниц мелкого шрифта с техническими приложениями, определяющими порядок и график сокращения конкретных систем, меры проверки, методы подсчета боеголовок и т.д. Новый «договор» состоит из сравнительно большой преамбулы, которая содержит словесную шелуху о том, что стороны осознают свою ответственность перед человечеством» и т.д. Собственно договор — страничка текста, в котором сказано, что к 2012 году США и Россия оставят себе по 2200—1700 боеголовок вместо нынешних 5000—6000. Но нет ничего о том, какие конкретно системы и когда будут сокращены, каков механизм подсчета боеголовок. О проверке соглашения лишь упомянуто, что до 2009-го будет использоваться механизм инспекций на местах из договора СНВ-1. Но потом срок действия договора СНВ-1 кончится, а что дальше — неизвестно. Поскольку нет метода подсчета боеголовок и нет определения, что такое «одна боеголовка», можно, скажем засчитать ядерную подлодку, способную нести почти 500 боезарядов, в качестве одной или 10 «боеголовок», если заряды временно снять и складировать. По сути американцы (как, впрочем, и Россия) смогут сформировать свою наступательную ядерную триаду так, как сочтут нужным, и новый договор их никак не связывает. К 2012 году США будут иметь не 2200, а, по оценкам американских специалистов, 4500—4600 реальных боевых блоков, либо уже развернутых, либо готовых к развертыванию в два-три недели. У России к тому времени хорошо если останется 1500».[491]

К этому добавлю лишь, что ни о каком обязательном уничтожении снятых боеголовок в договоре нет и речи. Каждая сторона вольна ими распоряжаться: может уничтожить, а может складировать. И другие специалисты считают, что для постановки снятых боеголовок нужны не месяцы или недели, а дни и даже часы.[492]

Чтобы заставить Россию смириться с расширением НАТО на восток, ей бросили подачку. С огромной помпой 28 мая 2002 г. на итальянской военной базе близ Рима была подписана Декларация (именно декларация, а не договор) «Отношения Россия-НАТО: новое качество», согласно которой создается совет Россия-НАТО («двадцатка»). Наша рептильная «демократическая» пресса по этому поводу подняла шум до

[491] Фельгеигауэр П. Зачем мы делали ракеты // МН. 2002. № 19.
[492] Издевательством над здравым смыслом // НО. 2002. № 17.

небес: Россия получает возможность равноправного участия в принятии и исполнении решений этой организацией и даже право вето. Реально же Россия получает право голоса при обсуждении узкого круга вопросов, не имеющих принципиального значения. Все же важнейшие проблемы, как и прежде, будут обсуждаться за закрытыми дверями, и решения по ним будут приниматься без участия России. В частности, Россия не сможет воспрепятствовать расширению НАТО за счет ее ближайших соседей. Поэтому даже такой ярый апологет путинской внешней политики как президент фонда «Политика» Вячеслав Никонов вынужден был отметить, что партнерство России с НАТО и ЕС напоминает «потемкинские деревеньки, в которых имеется в основном только пышный фасад».[493]

На прошедшем сразу же после римской встречи 29 мая саммите Россия-ЕС было произнесено много пышных фраз о развитии всесторонних отношений между сторонами. Но как только дело дошло до конкретных вопросов, то выяснилось, в частности, категорическое нежелание западноевропейцев идти на какие-либо компромиссы по принципиальной для нашей страны проблеме транспортных связей Калининградской области с остальной территорией России.

Это вынудило даже такую прозападную газету как «Время новостей» опубликовать статью, в которой говорилось: «Процесс активного собирательства Соединенных Штатов Европы... запущен на полную катушку. Разумеется, без России. Военно-политические и экономические ставки слишком высоки для Запада, чтобы упускать период российской слабости и не удовлетворять свои самые нескромные геостратегические аппетиты. Реальное, т.е. в конкретных показателях, наше возрождение как великой державы... означало бы для процветающего Запада появление мощного конкурента. и не где-то в другой части глобуса, а здесь, под боком, со всеми вытекающими последствиями для давно поделенного рынка товаров, услуг, труда, технической специализации. Вот для чего, вернее от чего, и нужен есовский и натовский «заборы». Получается, что зрелой Европе с ее устоявшимся благополучием выгодно вести дело к тому, чтобы Россия подольше выкарабкивалась из трясины социально-экономических проблем, оставаясь на «нефтяной игле», строгой дозированности технологической подпитки и вообще на «жесткой сцепке», не позволяющей нарушать выбранную Западом дистанцию конкурентоспособности... С их стороны это не злой умысел. Это нормальная самозащита. Фактически — «профилактика» возрождения России».[494]

В результате, подводя итоги встречи, обозреватель тоже сейчас полностью прозападной «Независимой газеты» вынужден был признать: «Так что похоже, что саммит Евросоюза в Москве стал очередным международным протокольным спектаклем, который вряд ли приведет к каким-то конкретным результатам».[495]

Но так как одним из главных действующих лиц во всех описанных выше действах был В.В. Путин: именно он капитулировал перед США и подписал «филькину грамоту», он участвовал в строительстве римской «потемкинской деревеньки» и он играл роль хозяина в московско-есовском «спектакле», рептильная печать возвела все эти события до уровня потрясших мир. «Три майских саммита — Россия-США, Россия-НАТО и Россия-ЕС, — читаем мы во «Времени МН», — заполнили лишь шесть календарных дней, но вместе взятые они произвели тектонический сдвиг в междуна-

[493] Никонов В Только без забегания... // Труд. 01.06.2002.
[494] Виденко В. Европа на два дома // ВН. 03.06.2002.
[495] Евросоюз отказал России в визе // НГ. 29 05.2002.

родной политике».[496] «Прошедший месяц, — захлебывается от восторга председатель Совета по внешней и оборонной политике Сергей Александрович Карганов, — был небывало успешным и продуктивным для российской внешней политики и дипломатии».[497]

Практически ничего не получив от Запада, В.В. Путин продолжает сдавать позицию за позицией. В частности он заявил о согласии России на вступление стран Прибалтики в НАТО. На состоявшейся в конце июня пресс-конференции, отвечая на вопрос: «Отказалась ли Россия от попыток противостоять вступлению стран Балтии в НАТО?», В.В. Путин сказал: «Было бы абсолютно неверным с тактической, и со стратегической точки зрения препятствовать вступлению Эстонии в НАТО. Ну, хочет Эстония — пусть вступает».[498]

Путинский курс, ведущий к превращению России в покорного холопа США, не дав никаких дивидендов в отношениях с Западом, в то же время заметно ухудшил отношения со странами Азии, прежде всего Китаем, который сейчас в результате политики нашего президента поставлен перед фактом американского пребывания на своих северных и западных границах (в добавление к их присутствию на востоке: в Японии, Южной Корее и на Тайване) и перспективой перехода России в западный лагерь. Если высшие лидеры Китая пока воздерживаются от публичного выражения своего недовольства, то руководители меньших рангов стесняются гораздо меньше.

«Россия, — говорит один из них, — зашла слишком далеко в своем сотрудничестве с Соединенными Штатами, учитывая, что США под флагом антитерроризма захватывают все новые масштабы, расширяют свое влияние».[499] «Вам не следует забывать уроки Второй мировой войны, мюнхенского сговора», — предостерегает российских собеседников другой.[500] Особенно озабочены китайские военные. Как заявил начальник генерального штаба народно-освободительной армии Китая (НОАК) генерал Фу Цюанью, намерение США разместить свои войска в Средней Азии «представляет прямую угрозу безопасности Китая».[501] Участники «круглого стола», состоявшегося в Пекине после саммита Путин-Буш, пришли к выводу, что сближение России с США меняет соотношение сил между державами в целом, причем однозначно в пользу последних. В результате, как заключает эксперт университета Цинхуа Пан Чжуньин, Китаю не остается ничего другого, кроме как срочно «корректировать свою внешнеполитическую стратегию».[502]

Политика В.В. Путина, направленная на угождение США, и предоставление Узбекистаном, Таджикистаном и Киргизией (а в перспективе и Казахстаном) баз американцам во многом лишает Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) реального значения. Об этом свидетельствует встреча лидеров ШОС 7 июня 2002 г. в Санкт-Петербурге, которая носила в значительной степени декларативный характер.

Западная печать с удовлетворением отмечает, что Россия теряет свое влияние в Азии. «...Для многомиллиардного населения Азии, — пишет в газете «Вельт» Петер

[496] Блинов А., Сигов Ю. Европозиция России // ВМН. 01.06.2002.

[497] Карганов С. Наше крыльцо — безопасность // МН. 2002. № 23.

[498] Цит.: Теткин В. Царь-птица и лисицы // СР. 04.07.2002.

[499] Цит.: Лемберг В. Упрек с Востока // МН. 2002. № 22.

[500] Там же.

[501] Цит.: Гелмор Э. Недовольство растет по мере увеличения числа американских военных баз: цена и возможные последствия присутствия американцев в Средней Азии начинают проясняться // Коммерсантъ. 23.01.02.

[502] См.: Верлин Е. И вызовы, и возможности // ВМН. 16.07.2002.

Шолль-Латур, — огромная по территории Российская федерация, где, впрочем проживает, только 140 млн человек, теряет свое геостратегическое значение. Тот, кого вытеснили из Афганистана, кто никак не может разобраться с проблемами Чечни, которая представляет США базы на своей территории и по темпам экономического прогресса не может соревноваться с Китаем, подвергается опасности потерять свое лицо в глазах азиатских народов».[503]

Потеряно доверие к России не только в Азии, но и в Латинской Америке. Для стран периферии Россия была притягательна как противовес Америке. Россия как слуга Запада им не нужна. И все эти потери России были одновременно приобретениями Америки. Уже на этом примере можно наглядно видеть, что интересы России и Америки диаметрально противоположны. Что хорошо для одной страны, плохо для другой. Потеряв многое, Россия не получила ничего и можно уверенно сказать не получит ничего в будущем, если не считать, конечно, плевков и пощечин. Америка же выиграла и только выиграла. Она не поступилась ничем.

Под давлением США Россия уже сейчас вступила на путь предательства экономических интересов периферийных стран В начале 2002 г. правительство России по просьбе Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК) приняло решение о сокращении экспорта на 150 тыс. баррелей в сутки. Это способствовало повышению цен на нефть, что было выгодно России. 31 мая М.М. Касьянов объявил о выходе России с 1 июля из этих ограничений Это, конечно, удар по ОПЕК и другим нефтедобывающим странам. Незадолго до этого Г.А. Явлинский призвал Россию помочь США «добиться ликвидации монополии ОПЕК на мировом рынке нефти и, следовательно, освободиться от энергетической зависимости».[504] Сейчас идут переговоры об организации массированных поставок нефти в США. И в этом специалисты усматривают подыгрывание США не только в вопросах экономики. Готовясь к удару по Ираку, США опасаются прекращения поставок нефти из стран Персидского залива. Российская нефть должна в таком случае заменить арабскую.

Нельзя при этом не вспомнить, что реакции России на американские угрозы Ираку была весьма умеренной, более мягкой, чем со стороны ряда стран Западной Европы. Более того, когда во время очередного вояжа, российскому министру иностранных дел Игорю Сергеевичу Иванову корреспондентом «Таймс» был задан вопрос, выйдет ли Россия из антитеррористической коалиции в ответ на военную акцию против Ирака, последний ответил: «Было бы нецелесообразным публиковать какие-либо ультиматумы, говорить, что мы выйдем из коалиции... Участие в коалиции — это не какой-то подарок или дар кому-то, оно соответствует нашим собственным интересам».[505] Иначе говоря, Россия готова сдать Ирак.

Независимая политика Белоруссии и ее президента давно раздражает и Запад, прежде всего США, и наших олигархов. США давно стремились превратить эту республику в «демократическую колонию», по пока у них ничего не получалось. Все дело в том, что Белоруссия в отличие от России экономически независима от Запада: у ней практически нет внешнего долга Западу, она полностью обеспечивает себя продуктами питания. На нее США невозможно нажать экономически, а все политические нажимы кончились крахом.

[503] Шолль-Латур П Россия потеряла свое влияние в Азии // Коммерсантъ 10 06 2002
[504] Явлинский Г Дверь в Европу находится в Вашингтоне // ОГ 2002 № 20.
[505] Цит Скосырев В Россия сдает Ирак? // ВМН 16 03 2000

Но не завися от Запада, Белоруссия в определенной степени экономически зависит от России, которая является для этой страны главным рынком сбыта и поставщиком нефти и газа. Поэтому щекотливое дело ликвидации независимости Белоруссии и устранения ее непокорного президента было поручено В.В. Путину. 13 июня 2002 г. он разразился серией нелепых и противоречивых высказываний, из которых следовало, только одно: он крайне недоволен и проектом создания Российско-белорусского государства, и политикой, и личностью А.Г. Лукашенко. Его высказывания вызвали восторг и прозападной, антирусской оппозиции в Белоруссии, и наших «демократических» органов печати, которые помимо всего прочего усмотрели в этом стремление добиться смещения А.Г. Лукашенко с поста президента. Весьма возможно, что своей грубостью В.В. Путин пытался вызвать А.Г. Лукашенко на резкую ответную реакцию, а затем свалить на него вину за распад союза. Однако президент Белоруссии ответил с величайшей сдержанностью и достоинством. По-видимому В.В. Путину доложили о том неблагоприятно впечатлении, который вызвали его выпады против Белоруссии, и он вынужден был на своей пресс-конференции, которая состоялась 24 июня, несколько сбавить тон, а наши рептильные СМИ стали доказывать, что его не так поняли.[506]

Нельзя не отметить, что почти одновременно с демаршем В.В. Путина, атаки на Белоруссию и ее руководство были предприняты в конгрессе США. Конгрессмен Кристофер Смит внес на рассмотрение американского парламента законопроект «Акт о демократии в Белоруссии-2», предполагающий различного рода санкции против этой страны, а также выделение 40 млн долларов белорусской оппозиции.[507]

12 августа 2002 г. заместитель госсекретаря США Стивен Пайфер, сообщив о неоднократном обсуждении проблемы Белоруссии президентами США и России, выразил надежду, «что Россия сможет использовать свое влияние в Белоруссии».[508] Надежда оправдалась. 14 августа 2002 г. В.В. Путин фактически выступил против создания союзного государства. Он предложил два варианта объединительного процесса. Первый заключался в том, что Белоруссия лишается собственной государственности и входит в состав Российской Федерации либо целиком в качестве одного из ее субъектов, наряду с Башкирией, Татарстаном, Московской областью и т.п., либо субъектами РФ становятся составляющие Белоруссию области, а сама она как особое образование исчезает. Второй вариант — объединение типа Европейского сообщества. Российская «демократическая» пресса ликовала, прославляя хитрый ход российского президента. Если раньше в роли инициатора объединения всегда выступал А.Г. Лукашенко, а российские руководители формально соглашаясь с ним, всячески тормозили дело, то теперь российский президент выступил в роли поборника не просто интеграции, а суперинтеграции, не просто объединителя, а сверхъобъединителя. Если А.Г. Лукашенко согласится с первым вариантом, то будет покончено и с ним самим, и с самостоятельностью руководимой им страны от Запада, а сама Белоруссия и ее народ станет объектом грабежа и российских, и иностранных олигархов. Если же Г.А. Лукашенко откажется, что наиболее вероятно, то тогда можно будет обвинить его в том, что

[506] См.: Чугаев С. Русобелия отменяется // КП. 15.06.2002; Он же. России и Белоруссии суждено соединиться по-путински //КП. 26.06.2002; Федута А. Обида минского фокусника // МН. 2002. № 23; Софрончук В. Путин хоронит союз // СР.18.06 2002; Степаненко О. Это — оскорбление белорусского народа // Правда. 120.06.2002; Лукашенко А. Мы — не 3 процента // Завтра. 2002. № 26; Путин В. «Я знаю и чувствую, чем живут российские граждане» // Труд. 25.06.2002.

[507] См.: Викторова Н. Белорусским чиновникам готовят санкции // ВН. 03.07.2002.

[508] См.: Викторова Н. Чего изволите? // ВН. 14.08.2002.

он на деле является противником объединения, что вся его предшествующая политика была лицемерной, ибо его целью было вовсе не объединение двух стран, а льготное использование сырьевых и прочих ресурсов России, причем не в интересах своей страны, а исключительно ради сохранения своей личной власти. Отказ даст российскому руководству основание для организации своеобразной экономической блокады Белоруссии, что приведет к ухудшению положения ее экономики, снижению жизненного уровня ее населения, нарастанию оппозиционных настроений и, в конечном счете, к отстранению А.Г. Лукашенко от власти, к приходу к власти «демократов», которые покончат с самостоятельностью страны от Запада и отдадут ее на разграбление иностранным капиталистам. Вообще, в любом случае Запад выигрывает, добивается реализации российскими руками давно вынашиваемой цели.[509]

Запад действительно выигрывает. Зато Россия от новой путинской политики в отношении Белоруссии проигрывает и только проигрывает, причем проигрывает во всех отношениях и при любом варианте развития событий. Ясно одно: Белоруссия никогда не согласиться на первый вариант. И дело не в амбициях Г.А. Лукашенко, как пытаются это представить наши «демократические» публицисты. На это не пошел бы ни один руководитель этой страны, кем бы он ни был. Но уже само по себе такое предложение не может не породить у белорусов недоверия к России и даже росту антирусских настроений, которые большинству белорусов никогда не были присущи (см. 1.8.14), создаст благоприятные условия для националистической пропаганды. Такое предложение закрывает путь к политической интеграции постсоветского пространства, ибо ни одна из бывших союзных республик на подобные условия объединения с Россией никогда не согласиться. В случае экономической блокады Белоруссии Россия лишится своего единственного верного союзника. Не очень реальны надежды на отстранение А.Г. Лукашенко от власти. А если это и произойдет, то Россия только проиграет, ибо «демократическая» белорусская оппозиция будет проводить прозападную, антироссийскую политику. В результате наши олигархи останутся ни с чем. Грабить Белоруссию будут не они, а местные «демократы» и их западные опекуны.

Но самое печальное, что наше руководство не ограничивается только словами. С ведома отдельных лиц из администрации президента РФ лидер СПС Б.Е. Немцов начал переговоры с белорусской оппозицией, имеющие целью поиски путей к свержению Г.А. Лукашенко.[510] Но самое главное — была предпринята попытка применить против Белоруссии экономические санкции. Было объявлено, что с 1 ноября 2002 г. вдвое будут сокращены поставки газа из России в эту страну. «Демократическая» пресса с нескрываемым ликованием писала, что в ближайшее время Белоруссия останется без газа и начнет замерзать.

Официальные лица заявляли, что сокращение поставок газа вызвано не политическими, а чисто коммерческими соображениями: слишком низкими ценами и задолженностью. Это, конечно, же ложь. Ведь поставляем мы электроэнергию и газ в Грузию по более низкими, чем мировые, ценам, а практически бесплатно, в долг, который никак не погашается. Когда руководители РФ, реагируя на явно антироссийскую

[509] См.: Акопов П., Попова С., Ратиани Н. Товарищ, «Нет» // Известия. 15.08.2002; Сысоев Г. Лучше быть первым Батькой на деревне // Коммерсантъ.16.08.2002; Ганкин Л. Цена вопроса // Там же; За что так досталось Александру Лукашенко? // Там же; Синицын Л. Как продлить удовольствие // МН. 2002. № 39; Игрунов В. Лукашенко может стать марионеткой // НГ. 12.09.2002 и др.

[510] См.: «Беспокоит приемная Немцова...» // СР. 03.09.2002.

политику Грузии, все же намекнули на возможность экономических санкций, последовал окрик из Вашингтона и все осталось по-прежнему [511]

Негодование подавляющего большинства россиян и веские аргументы, приведенные белорусской стороной во время переговоров в начале глав правительств, а затем президентов обеих стран, заставили В.В. Путина пойти на попятный. Но все это до нового американского нажима.

Говоря о новой внешней политике России, Г.А. Явлинский писал: «...Мы выступаем за этот курс еще и потому, что, если этот выбор будет последовательным и долгосрочным, он неизбежно позитивно повлияет и на внутреннее развитие страны Такой курс в исторической перспективе будет несовместим с системой олигархического капитализма, обрекающего на нищету подавляющее большинство народа, с построением управляемой демократии, с ограничением свободы слова и прав человека».[512]

Дело обстоит как раз наоборот. Путинский курс, если он будет последовательно претворятся в жизнь лишит нашу страну возможности избавиться от зависимости от Запада и тем самым вырваться из капкана, в котором она оказалась в результате политики наших «демократов», увековечит ее прозябание в болоте периферийного капитализма, а тем самым господство олигархов, обречет ее на отсталость, а основную часть ее населения — на беспросветную нищету, приведет к установлению авторитарного режима. Современное положение России и ее будущее в случае продолжения этого курса, можно охарактеризовать словами поэта Леонида Корнилова, написанными им в дни, когда вся страна терзалось тревогой за судьбу подводной лодки «Курск» и ее экипажа:

Что там «быть или не быть»,
когда не встать, когда не всплыть.
Когда меняют на мошну
границы, славу и страну. <..>
Мы на мели, мы на мели
Смешном подобии земли <..>
Но на мели не повернуть
в спасительный обратный путь.
Моей стране как лодке «Курск»
уже не встать — не лечь на курс.
Она сама как в западне
лежит на дне, лежит на дне.[513]

Из печального факта капитуляции (пусть даже временной) России перед Западом и нужно исходить при попытке нарисовать наиболее вероятный в настоящее время вариант развертывания глобальной классовой борьбы.

5.8.6. Пессимистический (для периферии и человечества) вариант развертывания глобальной классовой борьбы

Если Россия окончательно станет пособником Запада, то никакого союза ее с Китаем и Индией не возникнет и не произойдет объединения периферийных стран. Периферия останется разобщенной.

[511] Перевозкина М Белорусам перекрыли трубу // МК 04 11 2002, Викторова Н Минск нервничает // ВН 04 11 2002

[512] Явлинский Г Дружба на время или союз навсегда // ОГ 2002 № 4 С 1

[513] Корнилов Л В западне // СР 19 09 2000

Разобщению периферии, кроме позиции занятой сейчас Россией, во многом способствует глобальный террор, начало которому было положено исламистами. Кем бы ни были организованы взрывы 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне, это событие очень умело было использовано администрацией США. Президент Соединенных Штатов Дж. Буш в своем выступлении 20 сентября 2001 г. в конгрессе предельно четко сказал, что задача США состоит в борьбе не только и просто против террористов, но против всех тех стран, которые их поддерживают, а тем самым и против их правительств. А таких стран он насчитал более шестидесяти. Первым был назван талибский Афганистан. Обращаясь к миру, Дж. Буш угрожающе заявил, что любая страна в любом регионе должна принять решение: либо вы с нами, либо с террористами. Таким образом, под лозунгом «кто не с нами, тот против нас» была предпринята попытка создать руководимый США союз ортокапиталистического центра с частью периферийных стран, направленный против остальных государств периферии.

Карательная операция против Афганистана началась 7 октября 2001 г. А уже 8 октября постоянный представитель США в ООН Джон Негропонте уведомил эту организацию, что подобного рода действия могут быть предприняты США и против других стран, причем право выбора жертвы они оставляют за собой. Таким образом, США присвоили себя право быть одновременно обвинителем, судьей и палачом.

«В четверг в конгрессе Соединенных штатов, — прокомментировал выступление Дж. Буша руководитель Кубы Фидель Кастро, — была намечена идея всемирной военной диктатуры под исключительной эгидой силы, без законов и без каких-либо международных учреждений. Организация Объединенных Наций, полностью игнорируемая в нынешнем кризисе, не будет иметь какого бы то ни было авторитета и прерогатив; будет только один вождь, только один судья, только один закон. Все мы получили приказ примкнуть к правительству Соединенных Штатов или к терроризму».[514] И эти слова нашли свое полное подтверждение в дальнейших шагах американского руководства

После ликвидации режима талибов в Афганистане Дж. Буш 29 января 2002 г. в своем послании конгрессу заявил о существовании «оси зла», в которую входят Ирак, Иран и КНДР. Несколько позднее к этому списку американскими государственными деятелями были добавлены Ливия, Сирия и Куба. В докладе заместителя госсекретаря США Джона Болтана «За пределами оси зла» им было предъявлено обвинение в разработке программ по созданию оружия массового уничтожения. А затем в этом же докладе Россия и Китай были обвинены в пособничестве странам-террористам. Особо было подчеркнуто, что США недовольны российско-иранским научно-техническим сотрудничеством.[515]

США по существу прямо заявили о своей решимость вступить на путь войны с непокорными или недостаточно покорными периферийными страны с целью превращения их в колонии. Вот, что писал уже известный нам Н. Злобин о нынешней внешнеполитической доктрине США: «Суть ее в том, что *внешняя политика США становится политикой военного времени*.. В основу новой доктрины положена другая (чем у Клинтона — Ю.С.) идея: лучшая оборона — это нападение. Администрация исхо-

[514] Кастро Ф. Мир поймет и поднимет голос против страшной драмы, которая ему угрожает и которая вот-вот начнется. Выступление 22 сентября 2001 г. // НГ. 22.09. 2001.

[515] Алексеев С. Злой «ос» жалит США // НО. 2002. № 16.

дит из принципа, что нельзя предотвратить все возможные атаки, поэтому нужно уничтожить источник, из которого они будут исходить. Отсюда и появляется список стран, по которым могут быть нанесены превентивные удары, и в нем уже есть даже второй и третий ряд».[516]

Дело не может ограничиться только превентивными ударами. Как пояснили влиятельные американские государственные деятели, участвующие в разработке внешней политики США, в беседе с группой руководящих российских работников: «Мы считаем, что когда в такой стране, как Ирак или Иран, есть диктаторский режим (читай: ее руководители не испытывают желания плясать под американскую дудку — Ю.С.), то они склонны поддерживать терроризм, и мы собираемся с этим покончить. *Мы не намерены позволить правительствам такого типа существовать в будущем*».[517]

Спустя несколько месяцев, все это повторил Дж. Буш в выступлении по поводу 200-ой годовщины Военной академии Уэст-Пойнт перед ее выпускниками. «Если мы будем ждать, — сказал президент США, — чтобы угрозы полностью материализовались, мы будем ждать слишком долго. В мире, в который мы вступили, единственный путь к безопасности — это путь действий. И наша страна будет действовать... Наша безопасность потребует, чтобы мы преобразовали военную силу, которой вы будете руководить, которая должна быть готова к немедленной атаке в любом дальнем уголке мира. И наша безопасность потребует, чтобы мы были готовы к превентивной атаке, когда будет необходимо защищать нашу свободу и наши жизни. Мы должны обнаружить террористические ячейки в 60 странах и более того... Вместе с нашими друзьями и союзниками мы должны выступить против их распространения и бороться с режимами, которые покровительствуют терроризму, так, как это будет нужно в каждом отдельном случае... Мы отправим дипломатов туда, где они будут нужны, и пошлем вас, наших солдат, где вы будете нужны. Мы не оставим безопасность Америки и мир на планете на милость горстки террористов и безумных тиранов. Мы уничтожим эту мрачную угрозу нашей стране и миру... Выступая против зла и анархических режимов, мы не создаем проблему, а выявляем ее. И мы возглавим мир в борьбе против этой проблемы».[518]

Такова стратегия. А относительно тактики Н. Злобин пишет: «Другая важная черта (нынешней доктрины — Ю.С.) — Буш начинает отдалять Америку от любых традиционных международных организаций, в которых США традиционно участвовали, даже от НАТО и ООН. Администрация считает: гораздо удобнее достигать своих целей в рамках временных коалиций. Поэтому коалицию, созданную перед войной в Афганистане, не будут непременно сохранять, готовясь к действиям в Ираке. Ели будет акция против Северной Кореи, возникнет нечто третье... При этом американцы говорят всем: хотите — входите в нашу коалицию, хотите — нет. Нам все равно. Но при этом они сами определяют цели коалиции... Реальность такова, что в военно-техническом отношении рядом с Америкой не может стоять ни одно государство, в том числе и все ее западные союзники, вместе взятые. Поэтому американцы готовы вести любые военные действия практически в одиночку».[519]

США и раньше господствовали в НАТО, теперь же они стремятся превратить

[516] Злобин Н. «Ось», конечно, зла... // МН. 2002 № 10. С. 14.

[517] «Мы начнем с Ирака» [из стенограммы закрытых консультаций группы российских и американских политиков] // МН. 2002. № 8. С. 8

[518] Цит.: Кастро Ф. Кубинский народ никогда не был и не может быть сломлен // СР. 14.06.2002.

[519] Злобин Н. Там же.

своих союзников в простых исполнителей своей воли. «Мы приближаемся к военному апартеиду в НАТО, — пишет известный американский военный обозреватель Томас Фридмен. -— Америка становится поваром, составляющем меню и готовящем главные блюда, а союзники по НАТО — подсобными работниками, присутствующими, чтобы производить уборку и сохранять мир».[520]

Теперь эта стратегия и тактика нашли свое выражение и закрепление в опубликованном в сентябре 2002 г. 33-страничном документе под названием «Стратегия Соединенных Штатов Америки в области национальной безопасности». Прежде всего в нем говорится, что США ни в коему случае не допустят, чтобы какая-либо страна попыталась превзойти ее военный потенциал. А далее провозглашается, что США будут наносить упреждающие удары по любой стране, которую они заподозрят в том, что она представляет для них опасность, в частности, по государствам, которые подозреваются в спонсировании террористов и стремлении заполучить оружие массового поражения. Такие удары должны заменить международные договоры о нераспространении ядерного оружия.[521]

Сразу же после ликвидации талибского режима в качестве очередной жертвы был намечен Ирак. В начале февраля 2002 г. госсекретарь США Колин Пауэлл прямо заявил: «Ликвидация этого режима (Саддама Хусейна — Ю.С.) — мера, которую Соединенные Штаты могут предпринять самостоятельно».[522] Спустя некоторое время он снова вернулся к этому сюжету: «Мы рассматриваем варианты изменения этого режима, потому что народы регионы, народы мира и народ Ирака чувствовали бы себя лучше при другом режиме».[523] С весны 2002 г. о необходимости отстранения Саддама Хусейна от власти стал без конца говорить Дж. Буш. Дело не ограничилось словами. США начали самую активную подготовку к нападению на Ирак и его оккупации. Рассматриваются планы и расчленения Ирака, и создания в стране марионеточного «демократического» правительства из представителей обитающей в западных странах антисаддамовской оппозиции, и воссоздания королевства с возведением на престол одного из представителей правившей до революции 1958 г. династии, и, наконец, установления режима прямой военной оккупации во главе с американским генералом.

Помимо стремления покончить еще с одной из оставшихся пока независимыми от Запада стран, действует еще один крайне серьезный мотив. Как пишут все серьезные аналитики, для того, чтобы экономика США начала выходить из кризиса, необходимо снижение цен на нефть с нынешних 25—30 долларов за баррель до 7—8. «Ирак, — прямо заявляет вице-президент США Р. Чейни, — сидит на 10 процентах мировой нефти».[524] Захватив Ирак, США рассчитывают не только добиться этой цели, но и поставить под полный свой контроль нефтяные ресурсы не только этой страны, но и всех эмиратов Персидского залива. Аппетит приходит во время еды. После победы над Ираком в качестве ближайших целей намечены Саудовская Аравия и Иран. Старший помощник министра обороны США Кен Эйделмен назвал Саудовскую Аравию «коррумпированным тиранический режимом», который боится, что в результате аме-

[520] Цит.: Блинов А. Революция В Пентагоне // ВМН. 22.02.2002.

[521] См.: Злобин А. Ковбой стреляет первым // ВН. 23.09.2002; Сиснев В. Ивановы Белый дом не убедили // Труд. 24.09.2002; Янов А. Буш как Наполеон // МН. 2002. № 38.

[522] Цит.: Сиснёв В. Ирак под прицелом // Труд. 09.02.2002.

[523] Цит.: Сиснёв В. Особый случай // Труд. 15.02.2002.

[524] Цит.: Тыссовский Ю. Слабо не покажется // НО. 2002. № 31.

риканских действий под боком у него возникнет новое демократическое государство.[525] Дж. Буш окрестил Иран «главным спонсором терроризма», а затем пообещал народу этой страны «поддержку» в его «движении в направлению будущего с более широкими свободами».[526] В ответ президент Ирана Мохаммад Хатами заявил, что Дж. Буш действует как Адольф Гитлер.[527] Завладев главными источниками энергетических ресурсов мира, США намереваются не только полностью обеспечить себя нефтью, но диктовать свои условия всем странам мира, включая и западные.

Дж. Кьеза считает, что агрессивность США связана не просто с очередным экономическим кризисом, а общим кризисом всей американской и вообще капиталистической экономической системы. «...Весь Запад, — пишет он, — сейчас остановился, развитие Америки затормозилось... Они... почти полностью потеряли контроль над финансовыми потоками... Уже сейчас ясно, что старые экономические сценарии не работают. Производительность всех процессов в Америке падает, причем падает как бы сама собой без видимых серьезных причин извне. Это очень похоже на то, что произошло с СССР в конце прошлого века. Держава рухнула по воле собственного руководства, никто ее не громил. Были только серьезные внутренние противоречия. И сейчас то же самое происходит, но только с Америкой. Они ожидали, что будет постоянно растущий уровень потребления, а получили кризис перепроизводства и финансов. В ближайшее время там будет закрыто огромное количество заводов, потому что нет потребителей... Теперь требуются дополнительные усилия, чтобы заставить весь мир вертеться вокруг Америки. Наступил кризис гегемонии. Никто не может заставить европейских и арабских инвесторов засылать свои капитала на Уолл-стрит. Все расшаталось. В этой ситуации Америке потребовался новый противник, новая победоносная война, уже горячая, в отличие от той, что она вела с СССР. И новый противник объявился 11 сентября. Это международный исламский терроризм... Американцы уверенно идут на убийство Саддама Хусейна. Но, повторяю, не это их главная цель. Их задача — перманентная война, напряженность, когда в центре приложения мировых сил снова оказываются американцы».[528]

В начале октября 2002 г. Дж. Буш добился одобрения и палатой представителей, и сенатом резолюции, дающей президенту право напасть на Ирак. 17 октября сенат принял «под Саддама» военный бюджет страны на 2003 финансовый год. Всего было выделено 355,4 млрд долларов, что на 34,4 млрд больше, чем в 2002 г.[529] Хуже обстоит дело с внешнеполитической подготовкой агрессии. Хотя руководители США неоднократно заявляли, что они не будут считаться с мнением других стран и вполне справятся с Ираком и в одиночку, они все бы хотели бы заручиться фиговым листком в виде резолюции Совета безопасности ООН. Это тем более необходимо, что некоторые из соседних с Ираком стран, не желая поддерживать агрессию и в то же время боясь рассориться с США, заявили, что они разрешат использовать базы, расположенные на их территории, лишь в случае принятия Советом безопасности соответствующей резолюции.

Но все попытки США добиться даже не военной поддержки, а одобрения нападения на Ирак не привели к желаемому результату. По существу все, кроме Великобри-

[525] Андреев А. Вашингтон уже не Мекка // Труд. 30.08. 2002.
[526] Тыссовский Ю. Указ раб.
[527] Буш прямо как Гитлер // СР. 17.08 2002.
[528] Кьеза Дж. Тоталитарная диктатура Америки // Завтра. 2002. № 43.
[529] Злобин А. Буш выбил деньги иа Саддама // ВН. 18.10.2002.

тании, страны Запада, которые послушно приняли участие в агрессии против Югославии, не только отказали США в поддержке, но выступили с осуждением. Резко отмежевалась Канада. Вице-премьер Джон Манли заявил, что его страна не намерена участвовать в американском ударе по Ираку, так как не видит достаточных доказательств того, что Ирак разрабатывает оружие массового уничтожения или поддерживал какие-либо связи с террористами «Аль-Каиды».[530] В Западной Европе начался подъем антиамериканских настроений. Только на волне антиамериканизма смогла сохранить власть коалиция социал-демократов и зеленых в Германии. Идя на выборы, которые не сулили ему ничего хорошего, канцлер Герхард Шрёдер сумел преломить настроение электората, пообещав не оказывать никакой поддержки США в военных действиях против Ирака даже в том случае, если они будут санкционированы ООН. «При моем руководстве, — сказал он на одном из предвыборных митингов, — страна не пойдет на авантюры».[531] Еще дальше пошла Герта Дойблин-Гмелин, занимавшая пост министра юстиции. Она сравнила действия американского президента с методами А. Гитлера. «Джордж Буш, — сказала она, — хочет отвести внимание от своих внутренних проблем. Это классическая тактика. Ею пользовался Гитлер».[532] От нее, правда, официально отмежевались, она ушла в отставку, но дело было сделано — за правительственную коалицию 22 сентября 2002 г. проголосовала даже часть сторонников Партии демократического социализма. Против намерения напасть на Ирак сразу же резко выступила Франция. «У Америки переизбыток военной мощи, но ей явно не хватает мудрости», — саркастически заявил министр обороны Юбер Ведрин.[533]

Полным провалом закончилась поездка вице-президента Ричарда (Дика) Чейни в 9 арабских государств и Турцию. Везде он натолкнулся на сопротивление. Саудовская Аравия заявила, что она не позволит использовать базы, находящиеся на ее территории, даже в случае принятия резолюции Совета безопасности, санкционирующей нападение на Ирак. Более того, принц Альвалид бен Талал, племянник короля Фахда, призвал США «не устраивать в Ираке очередной Вьетнам», намекая на то, что Саудовская Аравия выступит при таком развитии событий в роли, которую сыграл в вьетнамской войне СССР.[534] Иран заявил, что в случае агрессии против Ирака он не может остаться нейтральными. Министр иностранных дел Саудовской Аравии посещает Иран, который всегда был непримиримым врагом Эр-Рияда, и там принимается совместное заявление, в котором говорится о недопустимости военного удара по Ираку.[535] Президент Египта Хосни Мубарак предупредил Вашингтон, что в случае удара по Ираку арабские лидеры не смогут контролировать «врыв негодования народных масс». По его мнению, любая военная акция против Ирака приведет к хаосу во всем регионе.[536] Генеральный секретарь Лиги арабских стран Амр Муса заявил, что нападение на Ирак «откроет врата ада» на Ближнем Востоке. После встречи министров иностранных дел стран, входящих в организацию, генсек подчеркнул, что ни одно арабское государство не поддержит военную компанию против Ирака.[537]

[530] Коротко // Труд. 10.09.2002.

[531] Славин А. Лишь бы не было бойни. До выборов // Правда. 15.08.2002.

[532] См : Труд 21.09.2002.

[533] Цит.: Мошкин М.«Сила» есть, ума не надо // МК. 20.03.2002.

[534] Дунаев С. Ностальгия по злодею // НО. 2002. № 33.

[535] Нагорный А. 11 сентября — 2 // Завтра. 2002. № 33; Злобин Н. Саудовская бомба // ВМН. 07.09 2002.

[536] Андреев А. Указ раб.

[537] Коротко // Труд, 13.09.2002.

Не спешит с одобрением и Пакистан. Более того, президент страны генерал Первез Мушарраф выступает с заявлением, что Усама бен Ладен не мог иметь никакого отношения к акту 11 сентября 2001.[538] Против планируемой акции резко выступил Китай. Нажим США на турецкое правительство, имевший целью заручится поддержкой агрессии против Ирака, привел к тому, что на выборах 3 ноября 2002 г. партии, стоявшие у власти потерпели сокрушительное поражение, успеха добились исламисты.

Как подчеркивают все оппоненты США, американцы не смогли представить никаких доказательств, что Ирак имел хоть какое-либо отношения к взрывам 11 сентября 2001 г., что он сотрудничает с бен Ладеном и его организацией. Несмотря на бесконечные разглагольствования Дж. Буша и его сотрудников, нет никаких доказательств, что Ирак занимается производством оружия массового уничтожения. То, что планируемая американским высшим руководством операция не имеет никакого отношения к борьбе против глобального терроризма и ни в каком отношении не ставит своей целью устранение угрозы, якобы нависшей над США и миром, стало особенно зримым, когда руководство Ирака в середине сентября 2002 г. уведомило ООН, что готово принять международных инспекторов без всяких предварительных условий. Американцы вначале разразилось истерическими криками, что никакой инспекции не нужно и что им и так все ясно. Более того, они категорически заявили, что не допустят поездки международных инспекторов в Ирак. Когда Ганс Бликс — глава комиссии ООН по наблюдению, контролю и инспекциям в Ираке (ЮНМОВИК) заявил, что международные инспектора готовы в ближайшее время отправиться в эту страну, его пригласили к госсекретарю США К. Пауэллу. После беседы, состоявшейся 4 октября, Г. Бликс заявил, что международные эксперты не поедут в Ирак до принятия Советом безопасности новой резолюции. США внесли для обсуждения на Совете безопасности проект резолюции, в котором Ираку предъявлялись явно неприемлемые условия и предусматривалось одобрение немедленного, без каких-либо дальнейших обсуждений нападения на эту страну в случае, если она не выполнит все эти требования. Против такого решения выступила Франция, ее поддержали Россия и Китай. В конце концов был достигнут компромисс.

В резолюции СБ № 1441, принятой 8 ноября 2002 г., остались некоторые из американских требования, но было подчеркнуто, что в случае невыполнения этих условий Ираком решение по вопросу о дальнейших действиях должен будет принять Совет безопасности.

Добившись принятия данной резолюции, США полагали, что они загонят Ирак в ловушку, ибо он с неизбежностью нарушит те или иные содержащиеся в ней требования. Но на деле они сами оказались в ловушке. Иракские власти создали все условия для работы инспекторов ЮНМОВИК и Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). Им позволили осматривать все объекты, включая те, что ранее были совершенно запретными. И инспектора нигде не обнаружили ни малейших признаков наличия у Ирака оружия массового уничтожения (ОМУ). Глава МАГАТЭ Мухаммад Аль-Барадей в своих докладах Совету безопасности категорически заявил, что у Ирака нет и не может быть никакого ядерного оружия. С этим вынуждены были молчаливо согласиться и США. Но они продолжали настаивать, что Ирак обладает запасами химического и бактериологического оружия и что, если оно не найдено, то это говорит лишь о необычайном искусстве, с которым оно спрятано, и о коварных замыслах

[538] Нагорный А. Указ. раб.

иракского руководство. Отсюда делался вывод, что Ирак не хочет разоружиться добровольно и поэтому нужно его разоружить силой. Понимая ущербность подобной логики, США заявили, что они располагают данными о наличии у Ирака ОМУ и ознакомят с ними Совет безопасности и мировую общественность. Но широко разрекламированное выступление госсекретаря США К. Пауэлла 5 февраля на заседании СБ окончилось полным провалом. Всем стало ясным, что никакими доказательствами наличия у Ирака химического и бактериологического оружия США не располагают, что они руководствуются одним единственными принципом, прекрасно сформулированным в известной басне Ивана Андреевича Крылова (1769—1844): «Ты виноват уже тем, что хочется мне кушать».

Все это необычайно способствовало невиданному подъему массового движения, направленного против агрессивных замыслов США. 18 января 2003 г. по всему миру прокатилась волна антивоенных демонстраций, которая не обошла и США. В Нью-Йорке на улицы вышло более полмиллиона человек, в Вашингтоне — по разным оценкам от 200 до 500 тысяч. Через месяц, 15 февраля грандиозные демонстрации против войны с Ираком прошли в 600 городах мира. В них приняли участие десятки миллионов людей. В Лондоне вышло на улицы около 2 млн человек, в Барселоне — 2 млн., в Мадриде — более 1,5 млн, в Сарагосе — 400 тыс., в Валенсии — 280 тыс., в Севилье — 250 тыс., в Риме — 2 млн, в Берлине — 500 тыс., в Нью-Йорке — около 500 тыс., в Париже — 200 тыс., в Афинах — 200 тыс., в Брюсселе — 100 тыс., в Сиднее — 200 тыс., в Монреале — 100 тыс., в Вене, Берне, Амстердаме, Стокгольме, Осло, Копенгагене, Хельсинки — десятки тысяч. Огромные демонстрации состоялись также в Каире, Дамаске, Бейруте, не говоря уже о Багдаде. Как сказал один обозреватель: «С началом войны американцы опоздали. Им действительно удалось сплотить весь «цивилизованный мир», как грозился Буш. Но на этот раз против себя».[539]

Если США раньше высокомерно утверждали, что они готовы напасть на Ирак в одиночку и без одобрения СБ ООН, то в создавшихся условиях возникла настоятельная необходимость в легитимизации их действий в глазах мировой общественности. Дж. Буш и подельники стали утверждать, что США всего навсего лишь возглавили коалицию стран, стремящихся разоружить Ирак и тем предотвратить мировую катастрофу. Поэтому настоятельно нужным стало одобрение войны против Ирака Советом безопасности. И здесь возникли новые трудности.

Массовые антивоенные протесты были одной, правда, не единственной и не главной, причиной определенных изменений в политике Франции и Германии. Руководители этих стран с самого начала не одобряли планы США напасть на Ирак. Но если раньше они ограничивались лишь словесным осуждением и заявлениями об отказе принимать участие в этой авантюре, то в последующем они встали на путь активного противодействия агрессивным стремлениям США. В качестве важнейшей задачи они поставили не допустить принятия СБ резолюции, которая могла бы быть истолкована как разрешение на военную операцию против Ирака.

Если первоначально расчет делался на то, что США не наберут 9 голосов, необходимых для одобрения нужной им резолюции, то в последующем Франция дала понять, что она не остановится перед наложением на эту резолюцию вето, т.е. готова пойти на прямую конфронтации с США. Когда правительство Турции, согласившись на участие в военной авантюре, обратилось к Совету НАТО с просьбой оказать помощь для

[539] Дунаев С Буря в болоте // НО 2003 № 6

защиты от Ирака (читай: оказать поддержку совместному с США нападению на Ирак), то Франция, Германия и Бельгия 10 февраля заблокировали нужное США решение. Западная Европа раскололась. К позиции Франции и Германии и Бельгии присоединились Австрия, Швеция, Люксембург. В поддержку действий США высказались, кроме Великобритании, Италия, Испания, Португалия, Голландия, Дания. Руководящие деятели США разразились потоками брани против Франции и Германии. Министр обороны США Дональд Рамсфелд назвал французов и немцев трусами и предателями.

Охарактеризовав эти страны как «старую Европу», американцы попытались им противопоставить «новую Европу», подразумевая под ней государства Центральной и Восточной Европы, частично принятые в НАТО, частично ждущие своей очереди. Лакейская периферия (Венгрия, Польша, Чехия, Хорватия, Албания, Болгария, Румыния, Словакия, Словения, Румыния, Латвия, Литва и Эстония) дружно стала на сторону США, забыв при этом, что главная их цель заключается в том, чтобы быть принятыми в Европейское Сообщество (ЕС), где доминируют Франция и Германия. И последние страны сразу же дали понять «новой Европе», что при такой ее политике приема в ЕС придется ждать долго. Как сказал президент Франции Жак Ширак, «эти страны слишком грубо и опрометчиво подстроились под США... Если они хотят уменьшить свой шанс на вступление в ЕС, то лучшего повода нельзя и найти».[540]

Нельзя не отметить, что во всех странах Европы, правительства которых выступили в поддержку США, подавляющее большинство населения осуждает американскую политику: в Испании — 85%, в Венгрии — 82%, в Великобритании — 80%, в Польше — 76%. 51% британцев презрительно называют премьера Тони Блэра «пуделем президента Буша». Но мнение народа для правительства не указ: такова современная (и не только современная) буржуазная демократия:

В этих условиях хуже всех пришлось людям, стоящим у власти в России. Казалось бы, если руководствоваться интересами страны, то нужно принять все меры с тем, чтобы не допустить нападения на Ирак. Необходимо всячески использовать раскол ортокапиталистического центра с тем, чтобы добиться этой цели. Но для нашего президента и его окружения интересы страны не значат ровным счетом ничего. Главную свою задачу они видят в том, чтобы верно служить Западу. Но на их беду Запад, хотя бы и на время, раскололся. И теперь перед нашим руководством встала проблема: какому Западу служить: американскому или франко-германскому, перед кем пресмыкаться, перед кем ползать на брюхе. Начались метания между двумя хозяевами и попытки их примирить.

«Демократическая» печать переполнилась горькими сетованиями по поводу западного раздора и горячими пожеланиями его быстрейшего преодоления. А в западной прессе наш президент получил прозвища «эквилибриста» и «канатоходца». Как бы то ни было, в начале 2003 г. Россия стала ключевой фигурой на международной шахматной доске. От того, чью сторону она примет, во многом зависит, как развернутся дальнейшие события. Обозреватель газеты «Вашингтон пост» Дэвид Игнатиус посоветовал Дж. Бушу добиваться от В.В. Путина американской позиции в вопросе об Ираке. «Выступление В. Путина в поддержку Соединенных Штатов, — писал он, — сразу же подкрепило бы дипломатические позиции США, которые в настоящее время подвергаются критике со всех сторон. Поддержка русских сразу же бы превратила

[540] Цит : Злобин А «Пятая колонна» Дядюшки Сэма // ВН 19.02.2003.

слабую антииракскую коалицию в сильную. Кроме того, это помогло бы оставить играющих на публику французов и немцев в растерянности и изоляции».[541]

А обстановка для США складывается не самым лучшим образом. Как с горечью заметил один из наших патриотов Америки: «Трудно припомнить, когда еще в истории войн существовала столь неблагоприятная обстановка для начала боевых действий».[542] К тому, чтоб было уже сказано, добавилось еще многое. Руководители курдов Ирака заявили, что если турецкие войска даже с ведома американцев вторгнутся в северные районы Ирака, то будут встречены огнем. Правительство Турции было готово на размещения в стране для нанесения удара по Ираку 62 тыс. американских солдат, 255 самолетов и 65 вертолетов. Однако парламент страны 1 марта 2003 г. не дал на это согласие. Американские транспорты, простояв несколько недель в турецких портах, отправились в Кувейт. Северный фронт не состоялся.

Прошедшие друг за другом встречи Движения за неприсоединение (Куала-Лумпур; 24—25 февраля; около 12 тысяч делегатов из 114 стран Азии, Африки и Латинской Америки), Лиги арабских стран (1 марта), Организации исламской конференции (5 марта) выступили против американской агрессии. Готовящееся вторжение в Ирак осудили глава католической церкви Иоанн Павел II, глава англиканской церкви, Всемирный совет церквей и многие другие религиозные организации.

Полтора года политической и идеологической борьбы вокруг Ирака с необычайной ясностью высветили создавшееся в мире положение вещей. Стало совершенно зримо, что США стремятся к установлению своего полного господства над всем миром, что они хотят не только превратить в колонии все страны периферии, но и подмять под себя все страны Запада. Даже те, кто продолжает говорить о том, что США и другие страны Запада ведут борьбу за утверждение демократии и прав *человека во* все мире, теперь в это совершенно не верят. Им просто это выгодно утверждать — хорошо платят. Вряд ли можно называть США мировым жандармом. Все-таки жандармы в принципе руководствуются хотя бы каким-то законами. США — мировой бандит, совершенно осатаневший от осознания своей силы, которой никто в отдельности не может противостоять. Он, размахивая гигантской дубиной, выбирает жертву. И все страны, исключая лишь западные и пока еще Россию и Китай, с ужасом думают, когда наступит их черед. Но озабочены и западные государства. Премьер-министр Канады Жан Кретьен, реагируя на призыв США «сменить режим» в Ираке, недавно публично задал вопрос: «Если начать «менять режимы», то где вы собираетесь остановиться? Кто следующий? Покажите мне список».[543] Почти все страны, включая и западные, осуждают намерение США напасть на Ирак, но покорно ждут, когда это случится. Ни на какие реальные действия, способные эту помешать, они не решаются. Они лишь надеются, что бандит может быть все же раздумает.

В такой ситуации единственная надежда заключается в том, что американцы встретят в Ираке упорное сопротивление, которое может вызвать детонацию во все арабском мире. Тогда результатом агрессии будет не выздоровление американской экономики, а ее крах, что, приведет к подрыву мощи США. Но, к сожалению, вероятность такого развития событий, не слишком велика.

[541] Цит.: Сафрончук В Вашингтон начинает сдавать назад // СР. 04.03.2003.
[542] Мирский Г Буш как ученик Наполеона // ВМН 18 02 2003
[543] Цит Сафарин А. Кто следующий // СР 07.03.2003

Если нападение на Ирак завершиться успехом агрессора, то это будет лишь началом. Почувствовав всеобщую робость, трусость и свою полную безнаказанность, мировой бандит и дальше пойдет по этой дороге. И хотя сейчас наметились определенные расхождения между США и рядом, а может быть даже и большинством других стран Запада, не нужно их переоценивать. Рядовые бандиты могут быть недовольны своим атаманом, который слишком зарвался и оставляет себе слишком большую часть добычи, но это еще не означает их выхода из разбойничьей шайки. На прошедшей осенью 2002 г. в брюссельском дворце Эгмонт конференции, посвященной защите Европы от терроризма была выработана новая военная концепция НАТО и ЕС. Североатлантический блок предлагается преобразовать из организации обороны Западной Европы и США в союз, способный реагировать на угрозу в любой точке земного шара.[544] «Это решение, — объяснил директор Исследовательского института при германском Совете по внешней политике Карл Кайзер, — подводит итог спору между США и их европейскими союзниками, начатому еще в 1999 году. Американцы требовали расширения зоны ответственности НАТО на весь мир, европейцы хотели остаться в рамках евроатлантического региона. Теперь принято решение: где бы на земном шаре ни возникла бы опасность — в Индонезии или Афганистане, например, — НАТО будет бороться с этой опасностью».[545]

Если периферийные страны и дальше будут разобщены, тем более натравлены друг на друга, ультраимпериалистический центр во главе с США начнет реализовывать свою цель, состоящую в установлении диктатуры над миром. Одна страна за другой будут превращаться в колонии. Единственное, что смогут сделать даже самые крупные государства, это замкнуться в себе. И тогда в качестве единственной силы, способной оказать активное сопротивление выступит исламистское движение. Вовлекая все большее число сторонников и опираясь на сочувствие всех противников Запада, оно развернет по всему миру компанию террора против американцев и западноевропейцев.

Не нужно при этом забывать, что уже сейчас одновременно с обострением глобальной классовой борьбы в масштабе человечества происходит ее своеобразное проникновение во внутрь центра. Идет миграция все более возрастающего числа обитателей периферии, среди которых преобладают мусульмане, в страны центра, где они оказываются в положении людей второго сорта. Уже сейчас в странах Западной Европы только легально проживает более 10 млн. иммигрантов. Наряду с ними существует огромная масса нелегалов. И вал иммиграции нарастает.[546]

«В мучительном отчаянии, лишенные всякой надежды, живущие на периферии народные массы, — пишет Ж. Аттали, — будут зреть яркую картину процветания и богатства в другом полушарии. В тех районах, которые географически близки к Северу, а в культурном отношении связаны с ним, в частности Мексика, страны Центральной Америки и Северной Африки, миллионы людей будут все сильнее подвергаться искушению богатством, испытывать раздражение и гнев из-за невозможности удовлетворить свои постоянно растущие потребности. Тогда они начнут отдавать себе отчет в том, что чужое благополучие частично достигнуто и за счет ухудшения условий их жизни, а также хищнического использования окружающей среды. Этих лишенных

[544] НАТО готовится бороться с террором везде // МН. 2002. № 41.
[545] Цит.: Там же.
[546] См.: Катин В. Иммигранты штурмуют Европу // НГ. 20.02.1999.

собственного будущего в век интенсивных воздушных перевозок, телевизионной связи, абсолютно обнищавших людей будут на Севере стричь под одну гребенку и рассматривать как беспрецедентную по масштабам толпу «экономических беженцев» и мигрантов. Переселение народов уже началось...».[547]

Хуже всего приходится нелегальным мигрантам, которые фактически находится на положении рабов. Они работают 15—16 часов в сутки без перерыва, получают гроши, из которых вычитаются деньги за еду и жилье. И таких рабов только во Франции 500 тыс. человек, по столько же их соответственно в Испании и Германии. Огромные барыши приносит торговля женщинами. В настоящее время в кичащихся своей цивилизованность и приверженностью к правам человека странах Европейского союза эксплуатируется около 500 тыс. проституток-рабынь из Центральной и Восточной Европы. А всего в мире в настоящее время по данным Международной организации труда на положении рабов находятся 200 млн. человек, среди которых огромное множество детей.[548]

Следствие миграции из третьего мира в страны центра — обострение социальных конфликтов в последних, рост расистских настроение. По заданию Европейского союза был проведен опрос, имеющий целью выяснить, насколько терпимо европейское население к эмигрантам. Было опрошено 16 тыс. человек из 12 стран. К числу расистов отнесли себя 83% бельгийцев и датчан, 78 % финнов, 75% французов, 65% британцев. Наименьший показатель у жителей одной из самых бедных стран—Португалии — 42%.[549] Все попытки воздвигнуть прочные барьеры на путях миграции кончаются неудачей и приводят к еще большему обострению противоречий.

В самом центре в результате крушения СССР развернулось контрнаступление буржуазии. В случае установления власти ультраимпериалистической «железной пяты» над миром, в центре окажется огромная масса обездоленных не только из числа иммигрантов и потомков иммигрантов из периферии, но и местного населения.

Исламистское движение и связанный с ним глобальный терроризм, как уже указывалось, есть одно из проявлений глобальной классовой борьбы. Эта истина начинает усваиваться западными интеллектуалами. Вот, что пишет по этому поводу испанский политолог Энрико Кордолес в статье «Башни Нью-Йорка — это Зимний дворец 1917-го. На пороге эпохи революций»: «Для меня мир стал разваливаться буквально на глазах. Все разделилось на «до» и «после» 11 сентября. Эпоха, когда Запад надеялся, что избавиться от революций можно путем «экспортирования» за его пределы голода, нищеты, безграмотности и высокой смертности, закончился. Теперь эти «революции» стали, как бумеранг, возвращаться к нам обратно... В тех частях планеты, в которых осталась память от древней истории и культуры, где сохранилась вера, стали появляться лидеры, чьей целью становится опять революция, направленная против нас. Эти азиатские мусульманские революционеры думают, что башни в Нью-Йорке — это русский Зимний дворец образца 1917 года. Они вспоминают времена халифов, когда те разрушили две крупнейшие империи той эпохи... Они теперь не решают свои локальные национальные задачи. Они мобилизуют огромную массу людей, которые стали выбрасывать свою боль на другие континенты. И там они находят понимание и поддержку прежде всего в рядах многочисленных иммигрантов, выходцев из азиат-

[547] Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. С. 27-28.
[548] См : Бангерский А. Невольники XX века // НГ. 05.05.1998.
[549] См.: Европа строга к себе // МН. 16.03.1998.

ских стран... Смысл современной революции прост: бедные поднимаются опять против богатых. Кто на сей раз победит? Ответа у меня нет».[550]

Французский философ Жан Бодрийяр сравнил глобализм с самоубийством западной цивилизации и в статье «Дух терроризма» заявил, что сейчас началась и повсеместно идет «четвертая мировая война», ибо мир сопротивляется глобализации.[551]

Ф. Кастро в выступлении на конференции против расизма в Дурбане в сентябре 2001 г. говорил: «Развитые и богатые капиталистические страны являются сегодня участниками империалистической системы и навязанного миру экономического порядка, основанных на философии эгоизма, жестокой конкуренции между людьми, странами и блоками, которая полностью чужда любому чувству солидарности и искреннему международному сотрудничеству. Они живут в обманчивой, безответственной и помрачающей рассудок атмосфере обществ потребления. Какими бы искренними ни были слепая веру в эту систему и убеждения ее самых серьезных государственных деятелей, будут ли они способны понять всю остроту проблем современного мира, которым правят в его непоследовательном и неравном развитии слепые законы, колоссальная мощь и интересы транснациональных предприятий, с каждым днем все более крупных, все более бесконтрольных и независимы? Поймут ли они, что надвигаются хаос и всемирный мятеж?»[552]

В случае движения человечества по рассматриваемому пути организованные исламистами, и стихийно вспыхивающие выступления, как на периферии, так и в центре, рано или поздно сольются в грандиозный социальный поток, который сметет весь центральный мир. Если человечество даже и выживет, наступит всеобщее одичание. Таков один — самый пессимистический (для периферии и человечества) сценарий будущего развития истории.

Подобного рода пессимистические прогнозы делаются и многими западными мыслителями, которые все чаще и чаще сопоставляют нынешнее состояние человечества с эпохой крушения античного мира. Сходство действительно существует. Начала отказывать старая экономическая система. В городах скопилась масса людей, которые жили в основном на подачки. Современный аналог — знаменитый вэлфер в США. Нарастал кризис духовной культуры: шел процесс аморализации, рушились старые духовные ценности, теряли влияние традицонные религии, нарастала волна мистики, иррационализма, мракобесия, деградировала философия, которая из светской все больше превращалась в религиозную и даже полностью замещалась теологией. Получили широкое распространение всевозможные виды разврата

Существовало резкое деление на античный мир и варварскую периферию, которую античный центр постоянно грабил и которая относилась к нему одновременно и с завистью и с отчетливо выраженной враждебностью. Начиная с определенного времени варварская периферия начала переходить от обороны к наступление. Варвары не только нападали на границы античного мира, но проникали во внутрь его. Шла широкая варварская инфильтрация, сопоставимая с нынешней миграцией из стран третьего мира. Античный мир гнил и не было никаких внутренних сил, способных его преобразовать в новое общество. В конце концов он рухнул под ударами варваров.

Попытку представить будущее западноевропейского мира на основе аналогии с тем, что происходило в конце античности мы находим, например, у уже известных нам

[550] Кордолес Э. Башни Нью-Йорка — это Зимний дворец 1917-го // Век. 2001. № 41. С. 1-2.
[551] См.: Колесников А. Из Давоса в Нью-Йорк // ВМН. 31.01.2002.
[552] Кастро Ф. Верю в человека // СР. 20.09.2001.

Л. Туроу[553] и Ж. Аталли. «Если Север и впредь будет проявлять пассивность и полное безразличие к их бедственному положению..., — пишет последний, имея в виду обитателей «третьего мира», — то народы, живущие на периферии, неизбежно поднимут мятеж, а в один прекрасный день начнут и войну. Они постараются снести подобие Берлинской стены, которую в настоящее время возводит Север, чтобы отгородиться от Юга. Это будет война, невиданная в новейшей истории, она будет напоминать губительные набеги варваров в VII и VIII столетиях, когда Европе было нанесено ощутимое поражение и она погрузилась в такое мрачное состояние, которое впоследствии получило название Средневековья».[554]

Ж. Аттали — либерал, причем несколько левого толка. Но сходную картину рисует один из самых ярых консерваторов, реакционер до мозга костей — американец Патрик Дж. Бьюкенен в книге «Смерть Запада: Каким образом вымирающее население и вторжение иммигрантов угрожают нашей стране и цивилизации» (2001). Он убежден, что в недалеком будущем нынешние глобальные лидеры либо будут отброшены на уровень «третьего мира», либо совсем исчезнут с лица Земли. И сейчас уже поздно что-либо предпринимать. Апокалипсис неизбежен.[555] Другого варианта развития ни Ж. Аттали, ни П. Бьюкенен не видят.

Антагонист П. Бьюкенена левый радикал Л. Ларуш, говоря о гниении всей экономической системы США, начавшемся еще в 1966 г. сравнивает эту, вырождающуюся все более ускоряющимися темпами страну с Римской империей эпохи упадка.[556]

5.8.7. Оптимистический (для периферии и человечества) вариант развертывания глобальной классовой борьбы

В действительности возможен и другой — оптимистический (для периферии и человечества) вариант.

Проводя политику сближения с Западом и США, В.В. Путин утверждает: «Понимание того, что эта политика соответствует национальным интересам страны, есть у подавляющего большинства населения, потому что основными нашими задачами сегодня являются обеспечение темпов экономического роста и поднятия жизненного уровня населения. Это невозможно сделать, не обеспечив благоприятную внешнеполитическую атмосферу вокруг России. Вот в этом направлении мы и действуем..»[557] Не будем задаваться вопросом: находится ли президент сам в заблуждении или же он сознательно вводит в заблуждение? Ясно одно: его утверждение ложно. Это сознают и многие сторонники проводимого им курса.

Ведь тот же самый Л. Радзиховский, который столь привержен идее превращения России в холопа Запада, вынужден отметить, что проамериканский курс поддерживает меньшинство населения страны. «В Пакистане 60 проц. населения осуждают США. Я думаю в России цифры примерно такие же. В первый момент на фоне жесткой проамериканской позиции Путина эти настроения могут слегка отступить, но затем все равно выползут, никуда не денутся».[558] О том, что большинство и даже подав-

[553] Туроу Л.К. Указ. раб. с. 310-318.

[554] Аттали Ж. Указ. раб. С. 28.

[555] См.: Ройфе А. Страх и ненависть в Америке, или Апокалипсис по Патрику Бьюкенену // КО. 2002. № 1-2.

[556] Ларуш Л. «США ждет судьба Римской империи эпохи упадка» // Век. 2002. № 23.

[557] Цит.: Идем к единой Европе // Труд. 09.04 2002.

[558] Радзиховский Л. Чужая война // ВМН. 09.10.2001.

ляющее большинство россиян не доверяют Западу и США, пишут все: и западные, и российские специалисты По утверждению давно изучающего нашу страну авторитетнейшего эксперта из фонда Карнеги М. Макфола, «более 80% россиян полагают: политика Вашингтона умышленно направлена на то, чтобы превратить Россию во второразрядную державу».[559]

В докладе Института комплексных социальных исследований РАН, Российского независимого института социальных и национальных проблем и представительства германского Фонда имени Эберта в РФ указывается, что более 60% граждан РФ определяют свое восприятие США формулой «американцы всегда и везде ведут себя нагло».[560] Согласно проведенному в марте 2002 г. ВЦИОМ опросу о своем доверии к США заявили всего 20% опрошенных, о недоверии — 73%.[561] По данным опроса, проведенного Фондом общественного мнения (ФОМ) в начале сентября 2002 г. 77% россиян рассматривают США как «недружественного государство».[562]

По мнению Л. Радзиховского, существует возможность возникновения серьезной оппозиции планам В.В. Путина. К этому приведут не сами по себе антиамериканские настроения, а надвигающийся экономический кризис и неизбежно связанное с ним падение жизненного уровня населения России. Л. Радзиховский видит причину этого будущего кризиса в России во всемирном экономическом кризисе. О действительной его причине он предпочитает помолчать и понятно почему. Ведь она заключена в той восхваляемой им прозападной ультралиберальной экономической политике, которая была выработана командой Г.О. Грефа и одобрена В.В. Путиным.

С падением жизненного уровня возникнет массовое недовольство. «Удар по желудку согнет рейтинг Путина пополам! На голодный желудок антиамериканизм проснется и зарычит. Чьим конкретно голосом будет производиться этот рык, совершенно неважно. Голос всегда находится, когда он нужен... Но ясно одно — экономический спад обязательно приведет к политическому кризису. И кризису более глубокому, чем во время дефолта 1998-го. Тогда не было кризиса доверия к Ельцину — потому, что давно уже не было никакого доверия. Сегодня доверие к Путину стоит высоко. С такой вышины падать будет и шумно, и больно».[563] Л. Радзиховский лелеет надежду, что его любимый герой все же каким-либо способом выкрутиться. Ведь сумел же он сохранить высокий рейтинг и после поворота на Запад.

Но здесь Л. Радзиховский либо добросовестно ошибается, либо сознательно вводит в заблуждение. Высокий рейтинг В.В. Путина — 70—75% — и раньше во многом был мифом, созданный прикормленными властью социологами. По данным ФОМ еще в начале апреля 2001 г. доверяли президенту 41%, а к середине этого месяца — 37%. По Москве цифры соответственно — 29% и 25%.[564] По данным новосибирских социологов, которые не столь зависимы от власти, как столичные, к началу 2002 г. испытывали доверие к В.В. Путину лишь 30% сибиряков.[565] Смело можно полагать, что и в других регионах России уровень доверия к нему не выше.

Любопытнейшая статья была опубликована в апреле 2002 г. в одной из «сверх-

[559] Цит.: Ган В. Джордж Буш: я заглянул в его душу // ПГ. 18.12.2001.
[560] См. Так дальше жить можно // ОГ. 2002. № 10.
[561] Седов Л. Россия в тисках ксенофобии // ВН. 01.04.2002.
[562] Заграница // НО. 2002. № 34.
[563] Радзиховский Л. Проверка на прочность // ВМН. 13.11.2001.
[564] Рейтинг президента снизился // НГ. 24.04 2001.
[565] Люди бедны и не верят власти Сибирские социологи возражают столичным оптимистам // ОГ. 2002. № 3.

демократических» газет. Автор — сотрудник ВЦИОМ сообщает, что по данным опросов деятельность В.В. Путина в январе 2002 г. одобряли 75%, в марте — 72%. А чуть ниже, в том столбце он же утверждает, что в январе 2002 г. В.В. Путину доверяли 47%, в марте — 42%.[566] А несколько позднее тот же автор сообщает, что в марте-апреле уровень доверия к президенту упал на 11%, не приводя при этом ни начальной, ни исходной цифр.[567]

И о снижении доверия к нему прекрасно знает и сам президент. Именно это подвигло его и на телевизионный дорого стоящий «диалог с народом» 24 декабря 2001 г., который был повторен 19 декабря 2002 г., и на широковещательную компанию, имеющую целью представить президента как истинного поборника православной веры. Но в стране, где лишь около половины населения объявляет себя православными, а из числа последних воцерквлены, т.е. посещают церковь и исполняют обряды, по одним данным 4—7%, по другим 7—8%, самое большое 10%, т.е. от 2 до 5% всего населения[568], последнее мероприятие вряд ли принесет пользу.

Все это толкает президента к установлению прямой диктатуры. И общество к этому постепенно приучают. Придворный кремлевский политолог Глеб Олегович Павловский еще в середине 2001 г. заговорил о необходимости поставить ограничения деятельности той части общества, которая поддерживает КПРФ, в частности запретить протестные акции коммунистов и ликвидировать все радикальные политические организации.[569] А помощник президента Сергей Ястржембский осенью 2002 г. радостно уведомил весь мир: «Эпоха вакханалии в России свободы слова закончилась».[570]

И недаром Л. Радзиховский, который еще сравнительно недавно ревниво пекся о демократии, сейчас не только смиряется с тем, что у нас В.В. Путиным создается «полицейское государство», но считает, что оно должно быть еще более жестким.[571] Без установления открытой диктатуры обойтись невозможно.

Знаменательно, что еще в ноябре 2001 г. американская печать начала говорить о возможность отстранения В.В. Путина от власти. Такая участь ему грозит, если ему, в конечном счете, не удастся получить серьезные ответные уступки со стороны США.[572] А крупный американский бизнесмен Скотт К. Антел заявил в конце мая 2002 г. в интервью одной из российских газет: «Не будучи лидером мировой державы, Путин провел себя как мировой лидер. Он совершил политический подвиг 11 сентября, но, быть может, и политический суицид».[573] Французская газета «Эко», комментируя захват чеченскими террористами Театрального центра на Дубровке, предупреждает, что если в России не будет изменен курс внутренний политики, то страна будет перманентно двигаться от одного кризиса к другому, постепенно выходя на «магистраль катаклизма национального масштаба».[574]

[566] Седов Л. Весеннее обострение // ВН. 09.04.2002.

[567] Седов Л. От партии власти уходят налево // ОГ. 2002. № 20.

[568] См.: Кирьязов О. Традиционно верующих становится меньше // НГ. 25.09.1999; Тульский М. Изменение религиозной принадлежности населения за 100 лет // НГ. 23.01.2001; Левада Ю. О чем задумалась Россия // Труд. 12.03.2002.

[569] См.: Андрусенко Л. Пойдет ли Россия в союзники к США. Политологи советуют Владимиру Путину выдвинуть Америке условия и закрутить гайки внутри страны // НГ. 21.09.2001.

[570] Цит.: Баранов А. Лучше жевать, чем говорить // НО. 2002. № 37.

[571] Радзиховский Л. ТВ-6 и молчание общества // ВМН. 15.01.2002.

[572] См.: Тарасов С. «Вашингтон пост» размышляет о возможности государственного переворота в России // Век. 2001. № 45. С.1,3.

[573] Россия — уже сейчас страна с рыночной экономикой // Газета. 27.05.2005.

[574] Тарасов С. В России — внутренний переворот? // Век. 2002. № 38.

Во всяком случае, далеко не исключено, что в России может быть отстранена от власти компрадорская олигархия и возьмут верх патриотические левые силы. Ни одно руководство, ни в одной стране не может без конца служить интересам чужих государств и игнорировать национальные интересы. Национальные интересы — объективная вещь. Ими можно определенное время пренебрегать, но отменить их не в силах никто. И рано или поздно они прорвутся.

В таком случае коренным образом изменится как внутренняя, так и внешняя политика страны. Как писал М.Г. Делягин: «Если вдруг Россия начнет развиваться, а она начнет развиваться вне либеральной парадигмы, поскольку оставаться в этих рамках для нас означает автоматическую смерть, то развитие России создает крайне неприятную альтернативу для Запада».[575]

Россия будет набирать силы. Возникнет союз России, Китая и Индии, который станет ядром, вокруг которого объединятся, если не все, то большинство стран периферии. Уже сейчас к России, несмотря на фактически предательскую политику ее руководства, тяготеют многие страны периферии. Речь об этом выше уже шла. Если в России придут к власти левые патриотические силы, то это тяготение, несомненно, усилится.

В Африке надежными союзниками могут стать, и при таком развитии событий обязательно станут Южноафриканская республика, где правит левоцентриский Африканский национальный конгресс в союзе с Южнофариканской коммунистической партией, и Намибия, где у власти стоят левые силы.

Особенно благоприятные условия создаются сейчас в Латинской Америке, где идет процесс не только и не просто дальнейшего нарастания традиционных для нее антиамериканских настроений, но и одновременно радикального полевения. В Венесуэле с 1999 г. стоит у власти радикально настроенный У. Чавес, поддерживающий дружеские отношения с Кубой и ее руководителем Ф. Кастро. Он давно уже предпринимает усилия для того, чтобы установить партнерские отношения с Россией. Все это страшно раздражает США, которые в апреле 2002 г. предприняли попытку с помощью местных олигархов и реакционно настроенной части военных насильственно отстранить У. Чавеса от власти. Она провалилась. Кончилась крахом начатая 2 декабря 2002 г. и длившаяся более двух месяцев забастовка, имевшая целью заставить У. Чавеса уйти в отставку. 29 октября 2002 г. президентом Бразилии был избран социалист, лидер Партии трудящихся Луис Инасиу Лулу да Силва. 20 октября 2002 г. в первом туре президентских выборов в Эквадоре первое место занял бывший полковник Лусио Гутьеррес, не скрывающий своих симпатий к Ф. Кастро и У. Чавесу. Во втором туре он был избран президентом страны. На общенациональных выборах в Боливии обошел конкурентов крестьянский вожак Эво Моралес. Он не стал президентом потому, что в этой стране нет второго тура: право выбора из претендентов, набравших наибольшее число голосов принадлежит парламенту.[576]

В результате объединения стран периферии вокруг ядра, состоящего из России, Китая и Индии, возникнет новая международная организация, которая одновременно станет и военным союзом, своеобразным АнтиНАТО, имеющим своей целью оградить периферийные страны от угроз и агрессии Запада. Тем самым начнет исчезать, а затем и полностью исчезнет почва, которая питает исламизм и глобальный террор. Вновь,

[575] Делягин М. Либеральный тупик // Завтра. 2001. № 43.

[576] См.: Кочук Г. Бывший полковник против бананового магната // Труд. 22.10.2002; Кармен А. Хроника объявленной победы // ВМН. 29.10.2002; Богомолов П. Пылающий континент сворачивает влево // Правда. 31.10.2002.

как это было до крушения СССР, возникнет вторая мировая система, второй центр, возникнет сила, способная дать отпор всем притязаниям Запада. Объединившись, периферия рано или поздно добьется ликвидации экономической и политической зависимости от Запада, в частности, аннулирования внешней задолженности, и тем самым перестает быть периферией. Исчезнет паракапитализм. Рухнет глобальное классовое общество.

В результате Запад лишится возможности эксплуатировать незападные страны. Однако это еще не все. Выше уже приводились цифры, из которых следует, что даже по чисто физическим причинам страны периферии в принципе не могут сравняться по уровню производства и потребления с государствами центра. Но это не единственный и даже не главный вывод.

Суть состоит в том, что развитие стран периферии невозможно без ограничения потребления природных ресурсов странами ортокапиталистического центра. Ясно, что центр на это никогда добровольно не пойдет. Источники природных ресурсов, используемые им, в большинстве своем находятся на территории периферийных стран. Запад настолько кровно заинтересован в свободном доступе к этим источникам, что в новой «Стратегической концепции НАТО», одобренной в апреле 1999 г., специально оговаривается, что союз оставляет за собой право на вооруженные действия в любой части мира в случае перебоев в поставке жизненно важных ресурсов. С созданием второго центра, обладающего реальной силой, доступ ортокапиталистического центра к природным ресурсам будет резко ограничен.

Лишившись возможности эксплуатировать незападные страны и использовать в неограниченном количестве их природные ресурсы, ортокапиталистический центр вынужден будет пойти на перестройку всей своей социально-экономической структуры. Уничтожение паракапитализма с неизбежностью приведет к крушению и ортокапитализма. Капитализм не земле перестанет существовать. Его сменит иной общественный строй.

5.9. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ГРЯДУЩЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Когда говорилось, что паракапитализм — тупиковая разновидность капитализма, имелось в виду, что он никогда не смóжет трансформироваться в ортокапитализм. Но это вовсе не означало отрицание возможности прогресса паракапиталистических обществ. Но этот прогресс мог состоять только в одном — в ликвидации зависимости от мировой ортокапиталистический системы, т.е. в уничтожении паракапитализма, а тем самым и ортокапитализма. Он возможен лишь при реализации второго, оптимистического варианта развития глобальной классовой борьбы. Только развертывание глобальной классовой борьбы согласно такому сценарию может обеспечить смену капитализма коммунизмом. И если эта смена произойдет, то только в эстафетной форме.

Гарантий развития человеческой истории именно по такой линии нет. Вполне может осуществиться и первый, пессимистический вариант, при котором человечество обречено на варваризацию, одичание и даже гибель. Реализоваться могут и различного рода варианты, промежуточные между двумя крайними. И, наконец, при варианте развития событий, ведущем к появлению второй мировой системы и второго мирового центра, нет никакой гарантии, что между двумя мировыми силами не вспыхнет война с применением ядерного оружия, которая приведет к уничтожению человечества.

Такую возможность допускает известный нам С. Хантингтон в одном из своих последних прогнозов. «...Запад, — пишет он, — напрасно уповает на то, что рано или поздно его демократические стандарты завоюют мир. Этого не произойдет. В XXI веке человечество ждет деградация западных ценностей и резкое возвышение азиатских цивилизаций. Столкновение между ними небезопасно. Вопрос о том, выживет ли в результате схватки двух противоположных миров человечество, остается открытым».[577]

Если реализуется оптимистическая альтернатива или другая, близкая к ней, на Земле утвердится принципиально новый общественный строй — коммунистический. Скорее всего, человечество при этом пройдет переходный период, когда рынок будет еще действовать, но под строгим контролем общества. Общество будет вырабатывать стратегию, а рынок обеспечивать нужную тактику. Когда же производство вещей окончательно превратится (а развитие ведет именно к этому) в автономный единый процесс, происходящий под контролем компьютеров, и во многом уподобится естественным, природным процессам, то функционирование рынка станет и ненужным и невозможным, и он с неизбежностью исчезнет.

[577] См.: Игра в карту // ОГ. 1999-2000. № 52/1.

ЛИТЕРАТУРА[1]

К КНИГЕ В ЦЕЛОМ

По истории философии истории (историософии)[2]

Аксельрод-Ортодокс Л.И. Критика основ буржуазного обществоведения и исторический материализм. Иваново-Вознесенск, 1924.

Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.

Арон Р. Критическая философия истории // Р. Арон. Избранное: Введение в философию истории. М.-СПб., 2000.

Асмус В.Ф. Маркс и буржуазный историзм // Избр. философ. труды. Т. 2. М., 1971.

Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987.

Барг М.А., Авдеева К.Д. От Макиавелли до Юма. Становление историзма. М., 1998.

Бернгейм Э. Введение в историческую науку. СПб , 1908.

Бернгейм Э. Философия истории, ее история и задачи. М., 1910.

Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага, 1925.

Бобкова М.С. Историческое знание в XVI—XVIII вв. М., 2001.

Виппер Р. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе. СПб., 1900, М., 1908, 1913; Иваново-Вознесенск, 1925.

Виппер Р. Очерки теории исторического познания. М., 1911.

Герье В.И. Философия истории от Августина до Гегеля. М., 1915.

Гобозов И.А. Современная французская буржуазная философия истории. М., 1978.

Грееф Г. де. Общественный прогресс и регресс. СПб., 1896.

Гречко П.К. Концептуальные модели истории. М., 1995.

[1] При составлении указателя литературы автор исходил из того, что у нас крайне плохо обстоит с библиографией вообще, с библиографией по философии истории в частности Нередко человеку, который заинтересовался той или иной философско-исторической проблемой, стоит неимоверных усилий и затраты массы времени узнать, какая литература существует по этому вопросу и как ее можно найти. Цель данного раздела книги — облегчить решение этой задачи Прежде всего я привожу литературу на русском языке, причем по возможности изданную совсем или сравнительно недавно Старые и малодоступные издания я указываю лишь тогда, когда других не существует Труды на иностранных языках, как правило, приводится только в случае, если они не переведены на русский язык, причем в список включены лишь те работы, которые имеются в библиотеках России Литература подобрана так, чтобы желающий мог ознакомиться со всем спектром точек зрения, существующих по тому или иному вопросу, совершенно не зависимого от того, согласуются ли они или расходятся со взглядами составителя Имеющиеся в некоторых случаях несовпадения между выходными данными одних и тех же работ в тексте книге и в указателе объясняется тем, что в тексте были даны ссылки на первые издания, в указателе же — приведены издания, наиболее доступные для читателя

[2] Помимо книг, специально посвященных истории философии истории, сюда включены и различного рода работы, содержащие более или менее обширные разделы, в которых прослеживается эволюция философско-исторических идей

Губман Б.Л. Смысл истории. Очерк современных западных концепций. М., 1991.

Ионов И.Н., Хачатурян В.М. Теория цивилизаций от античности до конца XIX века. СПб, 2002.

История теоретической социологии. Т. 1. От Платона до Канта. М., 1995; Т. 2. Социология XIX века. М., 1997.

История теоретической социологии. Т. 1. М., 1997; Т. 2. 1998; Т. 3. 1998; Т. 4. СПб., 2000.

Кареев Н. Основные вопросы философии истории. Критика историософических идей и опыт научной теории исторического прогресса. Т. 1—2. М., 1883; 2-е изд., перераб. Ч. 1—2, СПб.,1887.

Кареев Н. Сущность исторического процесса и роль личности в истории (Основные вопросы философии истории. Ч. 3). СПб, 1890; 1914.

Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб., 1996.

Ковалевский М.М. Современные социологи // Соч. в 2-х т. Т. 2. СПб., 1997.

Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980.

Кроче Б. Теория и история историографии. М., 1998.

Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Вып. 1. СПб., 1910; Вып. 2. 1913.

Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Вып. 1. Пг., 1923.

Малинов А.В. Философия истории в России. СПб., 2001.

Миненков Г.Я. Введение в историю российской социологии. Минск, 2000.

Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории. М., 1997; 1999.

Очерк русской философии истории. Антология. М., 1996.

Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Избр. философ. произв. в 5-ти т. Т. 1. М., 1956.

Плеханов Г.В. Очерки по истории материализма // Там же. Т. 2. М., 1956.

Плеханов Г.В. Материалистическое понимание истории // Там же.

Раппопорт Х.Л. Философия истории в ее главнейших течениях. СПб., 1898.

Румянцева М.Ф. Теории истории. М., 2002.

Русакова О.Ф. Философия и методология истории в XX веке. Екатеринбург, 2000.

Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997.

Семенов Ю.И. Секреты Клио. Сжатое введение в философию истории. М., 1996.

Солнцев С.И. Общественные классы. Важнейшие моменты в развитии проблемы классов и основные учения. Пг., 1923.

Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. Сост. Б.С. Ерасов. М., 1998.

Стасюлевич М. Философия истории в главнейших ее системах. СПб., 1908.

Сыров В.Н. Расцвет и закат европейской философии истории (от Бэкона к Шпенглеру). Томск, 1997.

Тарле Е.В. Очерк развития философии истории // Из литературного наследия академика Е.В. Тарле. М., 1981.

Трельч Э. Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории. М., 1994.

Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002.

Философия истории. Антология. Сост., ред., вступ. ст. Ю. Кимелева. М., 1995.

Философия истории. Под ред. А.С. Панарина. М., 1999.

Философия истории в России. Хрестоматия. Сост. Г.К. Овчинников. М., 1996.

Хвостов В.М. Социология. Введение. Ч. 1. Исторический очерк учений об обществе. М., 1917.

Шпет Г. История как проблема логики. М., 2002.

Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

Bury J.B. The Idea of Progress: An Enquiry into Its Origin and Growth. London, 1924.

Doren Ch. van. The Idea of Progress. New York, 1967.

Flint R. The Philosophy of History in France and Germany. Edinburgh and London, 1874.

Flint R. Historical Philosophy in France and French Belgium and Switzerland. Edinburgh and London, 1893.

Ginsberg M. The Idea of Progress. A Revelation. London, 1953; Westport, Conn., 1973.

The Idea of Progress. Readings. Ed. by F.J. Teggert. Berkeley. 1940.

Kelly D. Faces of History. Western Historiography from Herodotus to Herder. New Haven, London, 1998.

Meek R. L. Social Science and Ignoble Savage. Cambridge etc., 1976.

Nisbet R. History of the Idea of Progress. New York, 1980.

Pollard S. The Idea of Progress. History and Society. New York, 1968.

Readings in Early Anthropology. Ed. By J.S. Slotkin. Chicago, 1965.

Trompf G.W. The Idea of Historical Reccurence in Western Thought: From Antiquity to the Reformation. Berkeley etc., 1979.

По истории исторической и смежных наук (историографии)

Бартольд В. История изучения Востока в Европе и России. 2-е изд. Л. , 1925. // Соч. Т. 9. М., 1977.

Бузескул В. Лекции по истории Греции. Т. 1. Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки. Изд. 3-е, перераб. Пг., 1915.

Бузескул В. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Ч. 1. Л., 1929; Ч. 2. 1931.

Вейнберг И.П. Рождение истории. Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н.э. М., 1993.

Вайнштейн О.Л. Историография средних веков. М.-Л., 1940.

Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. М.-Л., 1964.

Вернадский Г.В. Русская историография. М., 1998.

Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002.

Грин В. Периодизация в европейской и мировой истории // Время мира. Вып. 2. Структуры истории. Новосибирск, 2001.

Гутнова Е.В. Историография истории средних веков (середина XIX в. — 1917 г.). М., 1974; 2-е изд. перераб. и доп., 1985.

Историография античной истории. М., 1980.

Историография нового времени стран Европы и Америки. М., 1967.

Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1968; 1977.

Историография истории нового времени стран Европы и Америки. М., 1990.

Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки. М., 2000.

Историческая наука в XX веке. Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки. М., 2002.

Косминский Е. А. Историография средних веков. М., 1963.

Куббель Л.Е., Першиц А.И., Тер-Акопян Н.Б. Историография первобытной истории // История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983.

Марков Г. Е. Очерки истории немецкой науки о народах. Ч. 1—2. М., 1993.

Немировский А. И. Рождение Клио: У истоков исторической науки. Воронеж, 1986.

Низе Б. Очерк римской истории и источниковедения. 3-е изд. СПб., 1910.

Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. М., 1955; Т. 2. 1960; Т. 3. 1963; Т. 4. 1966.

Пельман Р. фон. Очерки греческой истории и источниковедения. СПБ., 1999.

Репина Л.П. Социальная история в историографии XX столетия. М., 2001.

Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941.

Соколова М.Н. Современная французская историография. Основные тенденции в объяснении исторического процесса. М., 1979.

Токарев С.А. Истоки этнографической науки. М., 1978.

Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М., 1978.

Фролов Э.Д. Русская наука об античности. СПб., 1999.

Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993.

Barnes H.E. A History of Historical Writing. Norman, 1937.

Breisach E. Historiography: Ancient, Medieval, and Modern. Chicago, 1983.

Daniel G. A Hundred and Fifty Years of Archaeology. London, 1975.

Development of the Historiography. Ed. by M. Fitzsimons et all. Port Washington, 1967.

Ferguson W.K. The Renaissanse in Historical Thought. Five Centuries of Interpretation. Boston etc., 1948.

Heussi K. Altertum, Mittelalter und Neuzeit in der Kirchegeschichte. Ein Beitrag zur Problem der historischen Periodisierung. Tübingen,1921.

Kelly D. Faces of History. Western Historiography from Herodotus to Herder. New Haven, London, 1998.

Pearson L. Early Ionian Historians. Oxford,1939.

Thompson J.W. and Holm B.J. A History of History Writing. Vols. 1—2. New York, 1942.

Voget F. W. A History of Ethnology. New York etc., 1975.

К ЧАСТИ 1

Общая

Семенов Ю.И. Общество, этнос, нация // Этнополитический вестник (Этнополис). 1995. № 4 (10).

Семенов Ю.И. Общество, страны, народы // ЭО. 1996. № 2.

К разделу 1.1

Барт П. Философия истории как социология. СПб., 1902.

Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. Л., 1940; М.-Киев, 1994.

Вольтман Л. Политическая антропология. Исследование о влиянии эволюционной теории на учение о политическом развитии народов. СПб., 1905; М., 2000.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. Л., 1989;1990 и др.

Карсавин Л.П. Философия истории. Берлин, 1923; СПб., 1993.

Ключевский В.О. Методология русской истории // Цивилизации: Прошлое, настоящее и будущее человека. М., 1988.

Кульпин Э.С., Пантин В.И. Решающий опыт // Генезис кризисов природы и общества в России. Вып. 1. М., 1993.

Мейер Э. Теоретические и методологические вопросы истории. Философско-исторические иследования. М., 1904.

Периодизация всемирной истории (учебное пособие). Под редакцией проф. Шофмана А.С. Казань, 1984.

Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1917; 1993; 2000 и др.

Поршнев Б.Ф. Мыслима ли история одной страны? // Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения. М., 1969.

Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1990.

Соловьев С.М. Наблюдения над исторической жизнью народов // Собрание сочинений. СПб., *б.* г.

Соловьев С.М. Исторические письма // Там же.

Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1991.

Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М., 2000.

Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923.

Широкогоров С.М. Этнографические исследования. Владивосток, 2001.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гешальт и действительность. М., 1993; Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. М., 1998.

Эрн В.Ф. Методы исторического исследования и книга Гарнака «Сущность христианства» // Сочинения. М., 1991.

Bagby Ph. Culture and History. Prolegomena to the Comparative Study of Civilizations. London etc., 1958.

Gumplowicz L. Der Rassenkampf. Sociologische Untrsuchungen. Insbruck,1883; 1909.

Quigley C. The Evolution of Civilizations. An Introduction to Historical Analysis. New York, 1961.

Lamprecht K. Individualitat, Idee und sozialpsychische Kraft in der Geschichte // Jahrbhcher fur Nationalökonomie. Dritte Folge, Band LXVII (III. Folge, Band XIII). Jena, 1897.

К разделу 1.2

Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. М., 1990.

Вормс Р. Общественный организм. СПб., 1897.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод в социологии. М., 1991.

Историография античной истории. М., 1980.

Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. СПб., 1897.

Лилиенфельд П.Ф. Органический метод в социологии // ФиО. 1997. № 4.

Лучицкий И.В. Отношение истории к науке об обществе // Знание. 1875. № 1.

Мизес Л. фон. Теория и история. Интерпретация социально-экономической эволюции. М., 2001.

Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. М., 1993; Т. 2. Ч. 1; Т. 2. Ч. 2. 1994; Т. 3. 1995.

Морган Л. Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1933; 1934.

Мэн Г.С. Древнее право, его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям. СПб., 1873.

Мэн Г.С. Древнейшая история учреждений. Лекции. СПб., 1876.

П.Л. [Лилиенфельд П.Ф.] Мысли о социальной науке будущего. Ч. 1. СПб., 1872.

Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Ж.-Ж. Руссо. Трактаты. М., 1969; Ж.-Ж. Руссо. Об общественном договоре. Трактаты. М,. 1998.

Семенов Ю.И. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки // ВИ. 1966. № 8.

Семенов Ю.И. Теория общественно-экономических формаций и всемирная история // Общественно-экономические формации: Проблемы теории. М., 1978.

Семенов Ю.И. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества // СЭ. 1982. № 2.

Спенсер Г. Социальный организм // Г. Спенсер. Научные, политические и философские опыты. Т. I. СПб., 1866; Г. Спенсер. Опыты научные, политические и философские. Минск, 1998.

Спенсер Г. Основания социологии. СПб., 1898.

Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1991.

Франк С.Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию. Нью-Йорк, 1988; // Русское зарубежье. Из истории социальной и правовой мысли. Л., 1991; *Франк С.Л.* Духовная жизнь общества. М.,1992.

Фуллье А. Современная наука об обществе. М., 1895.

Хайек Ф.А. фон. Познание, конкуренция и свобода. Антология сочинений. СПб., 1999.

Хвостов В.М. Социальный организм // В.М. Хвостов. Нравственная личность и общество. Очерки по этике и социологии. М., 1911.

Хвостов В.М. Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории. Курс лекций. 2-е изд. М., 1914.

Эспинас А. Социальная жизнь животных. Опыт сравнительной психологии с прибавлением краткой истории социологии. СПб., 1882

Alavi H. The Structure of Peripheral Capitalism // Introduction to the Sociology of «Developing Societies». Ed. by H. Alawi and T. Shanin. New York and London, 1982.

Althusser L. et al. Livre le Capital. T. 1—2. Paris, 1995.

Althusser L. and Balibar E. Reading Capital. London, 1977.

Amin S. Accumulation on a World Scale. Critique of the Theory of Underdevelopment. New York and London, 1974. [1970]

Amin S. Unequal Development. An Essay on the Social Formations of Peripheral Capitalism. New York and London, 1976. [1973]

Terray E. Marxism and «Primitive» Societies Two Studies. New York and London, 1972 [1969]

К разделу 1.3

Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973.

Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.

Казьмина О.Е., Пучков П.И. Основы этнодемографии. М., 1994.

Каутский К. Борьба национальностей и государственное право в Австрии. Киев, 1906.

Каутский К. Кризис Австрии (язык и нация). Киев, 1905.

Каутский К Национальность и международность. // К. Каутский. Национальные проблемы. Пг., 1918.

Козлов В.И. Этнос. Нация. Национализм Сущность и проблематика. М., 1999.

Морган Л.Г. Лига Ходеносауни, или ирокезов. М., 1983.

Семенов Ю.И. К определению понятия «нация» // НАА. 1967. № 4.

Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Соч. Т. 2.

Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923.

Этнические и этно-социальные категории. // Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6. М., 1995.

Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.

К разделу 1.4

Антология исследования культуры. Т. 1. СПб., 1997.

Клакхон К.К.М. Зеркало для человека. Введение в антропологию. М., 1998.

Культурология. XX век. Словарь. СПб., 1997.

Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 1—2. СПб., 1998.

Маркарян Э.С. Очерки по теории культуры. Ереван, 1969.

Моль А. Социодинамика культуры. М. 1973.

Муравьев Ю.А. Истина. Культура. Идеал М., 1995.

Kroeber A.L. Kluckhohn C. Culture: A Critical Review of Concepts and Divinitions / Papers of Peabody Museum. Vol. XLVII. № 1. Cambridge, Mass., 1952; New York. 1963.

К разделу 1.5

Семенов Ю.И. Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии: Прагосударство и аграрные отношения // Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1980.

Семенов Ю.И. Как возникло человечество. М., 1966; 2-е изд. с новым предисловием и приложениями. М., 2002.

Семенов Ю.И. На заре человеческой истории. М., 1989.

Семенов Ю.И. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. Ч. 1–3. М., 1993.

Семенов Ю.И. Проблема перехода от первобытного общества к классовому: Пути и варианты развития // ЭО. 1993. № 1, № 2.

Семенов Ю.И. Война и мир в земледельческих предклассовых и ранних классовых обществах // А.И. Першиц, Ю.И. Семенов, В.А. Шнирельман. Война и мир в ранней истории человечества. Т. 2. М., 1994.

Этнические и этно-социальные категории / Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6. М., 1995.

Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982

К разделу 1.6

Аверкиева Ю.П. История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979.

Александренков Э.Г. Диффузионизм в современной западной этнографии // Концепции зарубежной этнологии. Критические этюды. М., 1976.

Артановский С.Н. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Л., 1967.

Богораз-Тан В.Г. Распространение культуры на Земле. Основы этногеографии. М.-Л., 1928.

Марков Г. Е. Очерки истории немецкой науки о народах. Ч. 1. М., 1993.

Преображенский П.Ф. Курс этнологии. М.-Л., 1929.

Семенов Ю. И. Этнология и гносеология // ЭО. 1993. № 6.

Соколовский С.В. Этнографические исследования: Идеал и действительность // ЭО. 1993. № 2, № 3.

Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М., 1989.

Токарев С. А. История зарубежной этнографии. М., 1978.

Шандыбин С.А. Постмодернистская антропология и сфера применимости ее культурной модели // ЭО. 1998. № 1.

Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. М., 1993.

Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. / Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 2. М., 1988.

Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.

Frobenius L. Der Ursprung der afrikanischen Kulturen. Berlin,1898.

Harris M. History and Significance of the Emic-Etic Distinction // ARA. Vol. 5. 1976.

Headland T.N. et al. Emics and Etics. The Insider/Outsider Debate. London, 1990.

Herscovits M. Cultural Anthropology. New York,1948; 1955.

Pike K. Etic and Emic Standpoints for the Discription of Behavior // Communication and Culture: Readings in the Codes of Human Interaction. Ed. by A.G. Smith. New York, 1966. [1954]

Pike K.L. Language in Relation to Unified Theory of the Structure of Human Behavior. 2nd edn. The Hague and Paris. 1967. [1954]

Stocking G. Victorian Anthropology. New York, 1987.

Voget F. W. A History of Ethnology. New York etc., 1975.

К разделу 1.7

Семенов Ю.И. Война и мир в земледельческих предклассовых и ранних классовых обществах // А.И. Першиц, Ю.И. Семенов, В.А. Шнирельман. Война и мир в ранней истории человечества. Т. 2. М., 1994.

Семенов Ю.И. Поздние первобытные и предклассовые общества Севера Европейской России, Сибири и Русской Америки в составе Российской империи // Национальная политика в императорской России. Поздние первобытные и предклассовые общества Севера Европейской России, Сибири и Русской Америки. М., 1998.

Семенов Ю.И. Предмет этнографии (этнологии) и основные составляющие ее научные дисциплины // ЭО. 1998. № 2.

Шнирельман В.А. Классообразование и дифференциация культуры // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985.

К разделу 1.8

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М., 2000.

Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909.

Биркенбах Х.-М. Расследование фактов как средство превентивной дипломатии. Взгляды международных организаций на конфликт по вопросу гражданства в Эстонии и Латвии. М., 1998.

Виллар Ж. и К. Формирование французской нации. М., 1957.

Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.

Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М., 1998.

Казьмина О.Е., Пучков П.И. Основы этнодемографии. М., 1994.

Каутский К. Национальность нашего времени. Киев, 1905.

Каутский К. Кризис Австрии (язык и нация). Киев, 1905.

Каутский К. Борьба национальностей и государственное право в Австрии. Киев, 1906.

Каутский К Национальность и международность. // К. Каутский. Национальные проблемы. Пг., 1918.

Каутский К. Освобождение национальностей // Там же

Козинг А. Нация в истории и современности. М., 1978.

Козлов В.И. Этнос. Нация Национализм. Сущность и проблематика. М., 1999.

Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 24.

Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 25.

Линц Х. Формирование государств и наций // Панорама-форум. (Казань). 1997. № 1 (8).

Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 4.

Нации и национализм (Сборник работ западных исследователей). М., 2002.

Норден А. Во имя нации. М., 1953.

Семенов Ю.И. Из истории теоретической разработки В.И. Лениным национального вопроса // НАА. 1966. № 4.

Семенов Ю.И. К определению понятия «нация» // НАА 1967 № 4

Семенов Ю. И. Место советского народа среди исторических общностей людей // НАА. 1973. № 5.

Смирин М.М. Роль народных масс на заре борьбы за государственное единство Германии (XV—XVI вв.) // ВИ. 1954. № 1.

Сорокин П. Основные черты русской нации в двадцатом столетии // О России и русской философской культуре. М., 1990.

Социологические теории национализма. Научно-аналитический обзор. М., 1991.

Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // Соч., Т.2.

Твен М. О патриотизме // Собр. соч. в 12-ти т. Т. 11. М., 1961.

Твен М. В защиту генерала Фанстона // Там же.

Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.

Федотов Г.П. Сумерки отечества // Г.П. Федотов. Судьбы и грехи России. Т. 1. СПб., 1992.

Федотов Г.П. Новое отечество // Там же. Т. 2. СПб., 1992.

Хейзинга Й. Патриотизм и национализм в европейской истории // Й. Хейзинга. Об исторических жизненных идеалах и другие лекции. London, 1992

Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998.

Хюбнер К. Нация: От забвения к возрождению. М., 2001.

Шпрингер Р. [Реннер К.]. Национальная проблема (Борьба национальностей в Австрии). СПб., 1909.

Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 21.

Энгельс Ф. Роль насилия в истории // Там же.

Этнические и этно-социальные категории / Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6. М., 1995.

Kohn H. The Idea of Nationalism. New York, 1946.

К разделу 1.9

Алексеев В.П. География человеческих рас. М., 1974.

Безверхий В.Н. Философия истории // Волхв. Журнал венедов. 1993. № 1 (7).

Бердяев Н.А. Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии // Русское зарубежье. Из истории социальной и правовой мысли. Л., 1991.

Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994.

Вольтман Л. Политическая антропология. Исследование о влиянии эволюционной теории на учение о политическом развитии народов. СПб., 1905; М., 2000.

Гитлер А. Моя борьба. М., 1998; Каунас, б.г.

Гобино Ж.А. Опыт о неравенстве человеческих рас. М., 2001.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. Л., 1990.

Документы обличают расизм. М., 1968.

Зайцев В.А. Рец.: Катрфаж. Единство рода человеческого // Избр. соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1934.

Зубов А. А. Проблемы внутривидовой систематики рода Homo в связи с современными представлениями о биологической дифференциации человечества // Современная антропология и генетика и проблема рас у человека. М., 1995.

Клейн Л. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л.Н. Гумилева // Нева. 1992. № 4.

Кун К.С. Климат и расы // Х. Шепли. Изменение климата. М., 1958.

Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1895; 1995.

Лебон Г. Психология толп // Психология толп. М., 1998.

Левонтин Р. Человеческая индивидуальность: Генетика и среда. М., 1993.

Млечин Л. Кто взорвал Америку? Империя террора: От «Красных бригад» до «Исламского джихада». М., 2002.

Нестурх М. Ф. Человеческие расы. М., 1958.

«Нет» расизму. М., 1969.

Нитобург Э.Л. Церковь афроамериканцев в США. М., 1995.

Пестряков А.П. Расы человека в краниологической классификации населения тропического пояса // Современная антропология и генетика и проблема рас у человека. М., 1995.

Поляков Л. Арийский миф. Исследование истоков расизма. СПб., 1996.

Предложения по биологическмим аспектам расовой проблемы ЮНЕСКО. Совещание экспертов по биологическим проблемам расовой проблемы. Москва, 12—18 августа 1964 г. // Вопросы антропологии. Вып. 20. 1965.

Проблема расы в российской физической антропологии. М. 2002.

Расовая проблема и общество. М., 1957.

Розенберг А. Миф XX века. Оценка духовно-интеллектуальной борьбы фигур нашего времени. Tallinn, 1998.

Солнцев С.И. Общественные классы. Важнейшие моменты в развитии проблемы классов и основные учения. Пг., 1923.

Хрисанфова Е.Н., Перевозчиков И.В. Антропология. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999.

Чемберлен Х.С. Арийское миросозерцание. М., 1913.

Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы / Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 2. М., 1988.

AAPA Statement on Biological Aspects of Race // American Journal of Physical Anthropology. 1996. Vol. 101. № 4.

Cartmill M. The Status of Race Concept in Physical Anthropology // AA. 1999. Vol. 1000. № 3.

Reynolds L.T. A Retrospective on «Race»: The Career of a Concept // Sociological Focus. 1992. Vol. 25. № 1.

К ЧАСТИ 2

К разделу 2.1
Источники

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. М., 1991; СПб., 1995.

Карсавин Л. П. Философия истории. Берлин, 1923; СПб., 1993.

Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1991.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гешальт и действительность. М., 1993.

К разделу 2.2
Источники

Августин Блаженный. О граде Божием. Т. 1—4. М., 1994; // Творения. Т. 3—4. СПб.-Киев, 1998; Минск-М., 2000.

Аристотель. Афинская полития. Государственное устройство афинян. М.—Л., 1936; М., 1995.; // Античная демократия в свидетельствах современников. М.,1996.

Аристотель. Политика // Соч. в 4-х т. Т. 4. М., 1983; М. 2002.

Аристотель. Политика. Афинская полития. М., 1997.

Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск, 1998.

Библия. Книга Даниила.

Варрон. Сельское хозяйство. М.—Л., 1963.

Виндельбанд В. История и естествознание // В. Виндельбанд. Прелюдии. СПб., 1904.

Геродот. История. М., 1972; 1993.

Гесиод. Труды и дни // Эллинские поэты. М., 1963; 1999.

Демокрит в его фрагментах и свидетельствах древности. М., 1935.

Иероним Блаженный. Изложение Хроники Евсевия Памфила. Хроника Блаженного Иеронима // Творения Блаженного Иеронима Стридонского. Ч. 5. Киев, 1879.

Иероним Блаженный. Одна книга толкований на пророка Даниила // Творения Блаженного Иеронима Стридонского. Ч. 12. Киев, 1894.

Лукиан. Как следует писать историю // Избранная проза. М., 1992.

Лукреций. О природе вещей. Т. 1—2. М., 1946—1947; М., 1958.

Лурье С. Я. Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования. Л., 1970.

Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. М., 1955.

Орозий Павел. История против язычников. Кн. 1—3. СПб., 2001; Кн. 4—5. 2002.

Платон. Государство // Соч. в 3-х т. Т. 3. Ч. 1. М., 1971.

Платон. Политик // Там же. Т. 3. Ч. 2. М., 1972.

Платон. Законы // Там же.

Платон. Государство. Законы. Политик. М., 1998.

Полибий. Всеобщая история. Т. 1. СПб., 1994; Т. 2, 3. 1995.

Риккерт Г. Границы естественно-научного образования понятий. Логическое введение в историю науки. СПб., 1903, 1997.

Риккерт Г. Философия истории. СПб., 1908; // Г. Риккерт. Философия жизни. Киев, 1998.; Г. Риккерт. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998.

Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911; // Г. Риккерт. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998.

Фукидид. История. М., 1981; 1993; Т. 1—2, СПб., 1994.

Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae» // ВДИ. 1954. № 2, 3, 4.

Carr E. H. What is History? London, 1961; Harmondsworth, 1964; 1965; 1967.

Прочие работы

Бартольд В. История изучения Востока в Европе и России. 2-е изд. Л., 1925.

Бузескул В. Лекции по истории Греции. Т. 1. Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки. 3-е изд., перераб. Пг., 1915.

Вейнберг И.П. Рождение истории. Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н. э. М., 1993.

Голенищев-Кутузов И.Н. Средневековая латинская литература Италии. М., 1972.

Дуров В.С. Художественная историография Древнего Рима. СПб., 1993.

Кессиди Ф.Х. Была ли у греков идея истории? // ВФ. 1987. № 8.

Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980.

Кузнецова Т.И., Миллер Т.А. Античная эпическая историография. Геродот. Тит Ливий. М., 1984.

Лосев А. Ф. Античная философия истории. М., 1977.

Лурье С. Я. Геродот. М.-Л., 1947.

Лурье С. Я. Очерки по истории античной науки. М.-Л., 1947.

Немировский А. И. Рождение Клио: У истоков исторической науки. Воронеж, 1986.

Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.

Семенов Ю. И. Этнология и гносеология // ЭО. 1993. № 6.

Тронский И.М. Корнелий Тацит // Корнелий Тацит. Соч. в 2-х т. Т. 2. Л., 1969.

Уколова В. И. Философия истории Августина Блаженного // Религии мира. История и современность. Ежегодник. 1985. М., 1986.

Heussi K. Altertum, Mittelalter und Neuzeit in der Kirchegeschichte. Ein Beitrag zur Problem der historischen Periodisierung. Tübingen,1921.

Idea of History in the Ancient Near East. Ed. By R.C. Dentan. New Haven, 1955.

Pearson L. Early Ionian Historians. Oxford,1939.

Swain J.W. The Theory of the Four Monarchies: Opposition History under the Roman Empire // Classical Philology. 1940. Vol. 40. № 1.

К разделу 2.3

К подразделу 2.3.1
Источники

Иоахим Флорский. Согласование Ветхого и Нового Заветов [извлечение] // Антология средневековой мысли. Теология и философия европейского средневековья. Т. 1. СПб., 2001.

Прочие работы

Бибиков М.В. Византийская историческая проза. М , 1996.

Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. СПб., 1995.

Вайнштейн О.Л. Историография средних веков. М.-Л., 1940.

Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. М.-Л., 1964.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.

Лобковиц Н. Иоахим Флорский и миллениум // ВФ. 2002. № 3.

Стам С.М. Учение Иоахима Калабрийского // Вопросы истории религии и атеизма. Сб. статей. 7. М., 1959.

К подразделу 2.3.2
Источники

Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. Л., 1940; М.-Киев, 1994.

Гвиччардини Ф. Заметки о делах политических и гражданских // Сочинения. М., 1934.

Ибн Халдун. Введение [извлечение] // Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX — XIV вв. М., 1961.

Ибн-Хальдун. Пролегомены к «Книге поучительных примеров...» [извлечение] // А А. Игнатенко. Ибн-Хальдун. М., 1980.

Макьявелли Н. История Флоренции. Л., 1973; 1987.

Макиавелли Н. Государь. М., 1990.

Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., 1996, Минск, 1998.

Макиавелли Н. Государь [Сочинения]. М. — Харьков, 1998.

Макиавелли Н. Сочинения. СПб., 1998.

Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия [в новом переводе]. Государь. М., 2002.

Ibn Khaldun. The Muqaddimah: An Introduction to History. Vols. 1—3. New York, 1958.

Ibn Khaldun. An Arab Philosophy of History. Selections from the Prolegomena of Ibn Khaldun of Tunis (1332—1406). London, 1950.

Прочие работы

Барг М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987.

Барг М.А., Авдеева К.Д. От Макиавелли до Юма. Становление историзма. М., 1998.

Бациева С.М. Историко-социологический трактат Ибн Халдуна «Мукаддима». М., 1965.

Игнатенко. А.А. Ибн-Хальдун. М., 1980.

Киссель М.Н. Джомбаттиста Вико. М., 1980.

К подразделам 2.3.3—2.3.6
Источники

Боден Ж. Метод легкого познания истории. М., 2000.

Бруно Дж. Пир на пепле // Дж. Бруно. Диалоги. М., 1949.

Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 1936; Избр. произв. в 2-х т. Т. 2. М., 1964; Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1991.

Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1956; 1994.

Декарт Р. Рассуждение о методе // Избранные произведения. М., 1950.

Десницкий С. Е. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения в различных состояниях общежительства... говоренное апреля 21 дня 1781 года // Избр. произв. русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 1. М., 1952.

Кондорсэ Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936.

Локк Дж. О государственном правлении // Избр. философ. произв. в 2-х т. Т. 1. М., 1960; Соч. в 3-х т. Т. 3. М., 1988.

Мабли Г. О законодательстве или принципе законов // Избранные произведения. М., 1950.

Мабли Г. Сомнения, предложенные философам-экономистам по поводу естественного и необходимого порядка политического общества // Там же.

Монтень М. Опыты. Кн. 1—3. М., 1954—1960.

Морелли. Кодекс природы или истинный дух её законов. М.-Л., 1957.

Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Ж.-Ж. Руссо. Трактаты. М., 1969; *Ж.-Ж. Руссо.* Об общественном договоре. Трактаты. М,. 1998.

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962.

Спиноза Б. Политический трактат // Избр. призвед. в 2-х т. Т. 2. М., 1957.

Толанд Дж. Письма к Серене // Избранные сочинения. М.-Л., 1927; Английские материалисты XVIII в. Собр. произв. в 3-х т. Т. 1. М., 1967.

Тюрго А. Р. Рассуждения о всеобщей истории // Избранные философские произведения. М., 1937.

Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М., 2000.

Юм Д. Трактат о человеческой природе // Соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1965; Соч. в 2-х т. Т. 1. М.,1996.

Millar J. The Origin of the Distinction of Ranks; or, An Inquiry in the Circumstance which Give Rise to Influence and Authority in the Different Members of Society. 3rd edn. London, 1781.

Millar J. A Historical View of the English Government from the Settlement of Saxon in Britain to the Revolution in 1688. 4th edn. Vol. 4. London, 1803.

Readings in Early Anthropology. Ed. By J.S. Slotkin. Chicago, 1965.

Robertson W. The History of America. Vols. 1—3. 14th edn., London, 1821.

Прочие работы

Бадентер Э. Бадентер Р. Кондорсе (1743—1794). Ученый в политике. М., 2001.

Мчедлова М.М. Вопросы цивилизации во французском обществознании. М., 1996.

Токарев С.А. Истоки этнографической науки. М.,1978.

Февр Л. Цивилизация: эволюция слова и группы идей // Л. Февр. Бои за историю. М., 1991.

Bénéton P. Histoire des mots: culture et civilization. Paris,1973.

Jahoda G. Images of Savages. Ancient Roots of Modern Prejudice in Western Culture. London,1998.

Meek R. L. Social Science and Ignoble Savage. Cambridge etc.,1976.

Moras I. Ursprung und Entwicklung des Begriffs der Zivilisation in Frankreich Hamburg,1930.

Voget F.W. A History of Ethnology. New York etc., 1975.

К подразделам 2.3.7—2.3.10
Источники

Бернье Ф. История последних политических переворотов в государстве Великого Могола. М.-Л., 1936.

Вольтер. Философия истории. СПб., 1968.

Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. Ч. 1-7. М., 1883—1886; Ч. 1—7. СПб., 1997—2000.

Гиббон Э. Закат и падение Римской империи. Т. 1—7. М., 1997.

Изложение учения Сен-Симона. 1828—1829. М., 1961.

Монтескье Ш. О духе законов // Избранные произведения. М., 1955.

Монтескье Ш. О духе законов [Сочинения]. М., 1999.

Петрарка Ф. Книга писем о делах повседневнных // Ф. Петрарка. Эстетические фрагменты. М., 1982.

Рейналь Г. Философическая и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях. Ч. 1—6. СПб., 1805—1811; 1834—1835.

Робертсон У. История государствования императора Карла V с описанием устройства гражданских обществ в Европе, от разрушения Римской империи до начала шестнадцатого столетия. Т. 1. М., 1839.

Сен-Симон. Избранные сочинения (1819—1825). М.-Пг., 1923.

Сен-Симон А. Избранные сочинения. Т. 1—2. М.-Л., 1948.

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962.

Прочие работы

Аникин А.В. Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. М., 1979.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 2. Игры обмена. М., 1988.

Вайнштейн О.Л. Историография средних веков. М.-Л., 1940.

Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. М.-Л., 1964.

Волгин В.П. Предисловие // Сен-Симон. Избранные сочинения. М.-Пг., 1923.

Грин В. Периодизация в европейской и мировой истории // Время мира. Вып. 2. Структуры истории. Новосибирск, 2001.

Историография нового времени стран Европы и Америки. М.,1967.

Попов-Ленский И.А. Антуан Барнав и материалистическое понимание истории. М.-Л., 1924.

Хейзинга Й. Задачи истории культуры // Й. Хейзинга. Об исторических жизненных идеалах и другие лекции. London, 1992.

Burr G.L. How the Middle Ages Got their Name // The American Historical Review. 1915. Vol. XX. № 4.

Ferguson W.K. The Renaissanse in Historical Thought. Five Centuries of Interpretation. Boston etc,, 1948.

Heussi K. Altertum, Mittelalter und Neuzeit in der Kirchegeschichte. Ein Beitrag zur Problem der historischen Periodisierung. Tubingen,1921.

Kelley D.R. De Origine Feodorum // Speculum. 1964. Vol. 39. № 1.

К разделу 2.4
Классики марксизма

Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 13.

Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных записок» // Там же. Т. 19.

Маркс К. Письмо П. В. Анненкову, 28 декабря 1846 г. // Там же. Т. 27.

Маркс К. Письмо Л. Кугельману, 17 апреля 1871 г. // Там же. Т. 33.

Энгельс Ф. Карл Маркс // Там же. Т. 19.

Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Там же. Т. 19.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Там же. Т. 20.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Там же. Т. 21.

Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Там же.

Энгельс Ф. Письмо П. Эрнсту, 5 июня 1890 г. // Там же. Т. 37.

Энгельс Ф. Письмо К. Шмидту, 5 августа 1890 г. // Там же.

Энгельс Ф. Письмо Й. Блоху, 21-22 сентября 1890 г. // Там же.

Энгельс Ф. Письмо К. Шмидту, 27 октября 1890 г. // Там же.

Энгельс Ф. Письмо Ф. Мерингу, 14 июля 1893 г. // Там же. Т. 39.

Энгельс Ф. Письмо В. Боргиусу, 25 января 1894 г. // Там же.

Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Полн. собр. соч. Т. 1.

Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // Там же.

Прочие авторы

Андерсон П. Размышления о западном марксизме. М., 1991.

Андерсон П. На путях исторического материализма // П. Андерсон. Размышления о западном марксизме. М., 1991.

Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. 4-е изд., доп. и испр. М.-Л., 1925.

Бухарин Н.И. Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. 3-е изд. М.-Пг., [1924].

Васильев Л С., Стучевский И.А. Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ // ВИ. 1966. № 5.

Гуковский А.И., Трахтенберг О.В. Очерк истории докапиталистического общества и возникновения капитализма. М.-Л., 1931.

Гуревич А.Я. К дискуссии о докапиталистических формациях: Формация и уклад // ВФ. 1968, № 2.

Данилова Л.В. Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ // Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. I. М., 1968.

Дьяконов И.М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М., 1994.

Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов Е.И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979.

Илюшечкин В.П. Система и структура добуржуазной частнособственнической эксплуатации. Вып. 1—2. М., 1980.

Илюшечкин В.П. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах (Опыт системно-структурного исследования). М., 1990.

Кобищанов Ю. М. Феодализм, рабство и азиатский способ производства // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (азиатский способ производства). М., 1966.

Конрад Н.И. Запад и Восток. Статьи. М., 1966.

Момджян К.Х. Введение в социальную философию. М., 1997.

Неронова В. Д. Введение в историю древнего мира. Пермь, 1973.

Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. М., 1975; 2-е изд. 1977.

Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (азиатский способ производства). М., 1966.

Петров М.Т. Проблема Возрождения в советской науке. Л., 1989.

Плеханов Г.В. Основные вопросы марксизма // Избр. философ. произв. В 5-х т. Т. 3. М., 1957.

Семенов Ю.И. Теория общественно-экономических формаций и всемирный исторический процесс // НАА. 1970. № 5.

Семенов Ю.И. Теория общественно-экономических формаций и всемирная история // Общественно-экономические формации: Проблемы теории. М., 1978.

Семенов Ю.И. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. Ч. 1. М., 1993.

Семенов Ю.И. Проблема перехода от первобытного общества к классовому: пути и варианты развития // ЭО. 1993. № 1, 2.

Семенов Ю.И. Материалистическое понимание истории: За и против // Восток. 1995. № 2.

Слонимский М.М. Периодизация древней истории в советской историографии. Воронеж, 1970.

Струве В.В. Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ Древнего Востока // ИГАИМК. Вып. 77. 1934.

Тальгеймер А. Введение в диалектический материализм. М.-Л., 1928.

К разделу 2.5

К подразделам 2.5.1—2.5.2
Источники

Гизо Ф. История цивилизации в Европе. СПб., 1906.

Гизо Ф. История цивилизации во Франции. СПб., 1861; Т. 1—4. 1877—1891.

Гобино Ж.А. Опыт о неравенстве человеческих рас. М., 2001.

Ruckert H. Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung. Bd. 1–2. Leipzig, 1857.

Прочие работы

Ионов И.Н. Понятие и теория локальных цивилизаций: Проблема историографического приоритета // Цивилизации. Вып. 4. М., 1997.

Мчедлова М.М. Вопросы цивилизации во французском обществознании. М., 1996.

Февр Л. Цивилизация: эволюция слова и группы идей // Л. Февр. Бои за историю. М., 1991.

Bénéton P. Histoire des mots: Culture et civilization. Paris, 1973.

Moras I. Ursprung und Entwicklung des Begriffs der Zivilisation in Frankreich Hamburg, 1930.

К подразделу 2.5.3
Источники

Аксаков К.С. О том же // Очерк русской философии истории. Антология. М., 1996.

Герцен А.И. С того берега // Соч. в 9-ти т. Т.3. М., 1956.

Герцен А.И. О развитии революционных идей в России // Там же.

Герцен А.И. Русские немцы и немецкие русские // Там же, Т. 7. М., 1958.

Герцен А.И. Концы и начала // Там же

Герцен А.И. Порядок торжествует! // Там же. Т. 8. М., 1958.

Герцен А.И. Пролегомена // Там же.

Киреевский И.В. Девятнадцатый век // И.В. Киреевский Критика и эстетика. М., 1979; 1998.

Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Там же.

Одоевский В.Ф. Русские ночи. М., 1975.

Самарин Ю.Ф. По поводу мнения «Русского вестника» о занятиях философией, о народных началах и об отношении их к цивилизации // Избранные произведения. М., 1996.

Тютчев Ф.И. Россия и Германия // Полное собрание сочинений. СПб., 1913.

Тютчев Ф.И. Россия и Запад // Литературное наследство. 97. Ф.И. Тютчев. Кн. 1 М., 1988.

Хомяков А.С. Работы по историософии // Соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1994.

Чаадаев П.Я. Философические письма // Сочинения. М., 1989.

Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего // Там же.

Прочие работы

Зеньковский В.В. Русская мысль и Европа. М., 1997.

Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории. М., 1999.

Хачатурян В.М. Теория локальной цивилизации в русской цивилиографии второй трети XIX в. Славнофилы и П. Чаадаев // Цивилизации. Вып. 4. М., 1997.

К подразделу 2.5.4
Источники

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. М., 1991; СПб., 1995; М., 2002; 2003.

Данилевский Н.Я. Горе победителям. М., 1998.

Ламанский В.И. Три мира Азийско-Европейского материка. СПб., 1892; Пг., 1916.

Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Избранное. М., 1993; К.Н. Леонтьев. Восток, Россия и славянство. М., 1997; К.Н. Леонтьев. Поздняя осень России. М., 2000.

Прочие работы

Аринин А.Н., Михеев В.М. Самобытные идеи Данилевского. М., 1996.

Балуев Б.П. Споры о судьбах России. Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». Тверь, 2001.

Бажов С.И. Философия истории Данилевского. М., 1997.

Ионов И.Н. Понятие и теория локальных цивилизаций: Проблема историографического приоритета // Цивилизации. Вып. 4. М., 1997.

Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории. М., 1997.

Пивоваров Ю.С. Николай Данилевский: В русской культуре и мировой науке // Мир России. 1992. Т. 1. № 2.

Пушкин С.Н. Историософия русского консерватизма XIX века. Нижний Новгород, 1998.

Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Выпуск второй // Соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1989.

Страхов Н.Н. Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н.Я. Данилевского // Русский вестник. 1894. Октябрь [№ 10].

Чесноков Г.Д. Современная буржуазная философия истории. Горький, 1972.

К разделу 2.6
Источники

Винклер Г. Западная Азия в древние времена // История человечества. Всемирная история. Под общей ред. Г. Гельмольта. Т. 3. СПб., 1903.

Винклер Г. Вавилонская культура в ее отношении к культурному развитию человечества. М., 1913.

Гумплович Л. Социология и политика. М., 1895.

Гумплович Л. Основы социологии. СПб., 1899.

Дарвин Ч. Р. Происхождение человека и половой отбор // Соч. Т. 5. М., 1953.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод в социологии. М., 1991.

Максимов А.Н. Избранные труды. М., 1997.

Леббок Д. Доисторические времена, или Первобытная эпоха человечества М., 1876.

Масперо Ж. Древняя история народов Востока. М., 1895; 1903; 1911.

Мейер Э. Рабство в древности. СПб., 1899.

Мейер Э. Рабство в древнем мире. М., 1907.

Мейер Э. Экономическое развитие древнего мира. СПб., 1898; М., 1910.

Морган Л. Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1934.

Мортилье Г. и А. де. Доисторическая жизнь. СПб., 1903.

Петрушевский Д. Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1907.

Ростовцев М.Н. Капитализм и народное хозяйство древнего мира // Русская мысль. 1900. № 3.

Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М., 1989.

Прочие работы

Аверкиева Ю. П. История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979.

Бузескул В. П. Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира. Ч. I. Восток. Пб., 1923; Ч. II. Греческий мир. 1924.

История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983: Введение; Глава 2. Историография первобытной истории.

Керам К. Боги, гробницы, ученые. Роман археологии. М., 1960.

Марков Г. Е. Очерки истории немецкой науки о народах. Ч.1. М., 1993.

Никишенков А. А. Из истории английской этнографии. Критика функционализма. М., 1986.

Протасова С. И. История древнего мира в построении Эд. Мейера // ВДИ. 1938. № 3.

Семенов Ю.И. Предмет этнографии (этнологии) и основные составляющиее ее научные дисциплины // ЭО. 1998. № 2.

Токарев С. А. История зарубежной этнографии. М., 1978.

Тураев Б. А. История Древнего Востока. Т. 1. Л., 1936. [Раздел] — История науки.

Церен Э. Библейские холмы. М., 1966.

Шампольон Ж.Ф. О египетском иероглифическом алфавите. М., 1950.

Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы / Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 2. М., 1988.

Daniel G. A Hundred and Fifty Years of Archaeology. London, 1975.

Stocking G.W. After Tylor. British Social Anthropology. 1888—1951. Madison, Wisconsin, 1995.

Voget F. W. A History of Ethnology. New York etc., 1975.

К разделу 2.7

К подразделу 2.7.1
Источники

Алексеев Н.Н. Русский народ и государство.М., 1998.

Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Ч. 1. Прага, 1927; СПб., 2000.

Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. М.-Тверь,1996.

Вернадский Г.В. История России. Киевская Русь. М.-Тверь, 1996.

Вернадский Г.В. История России. Монголы и Русь. М.-Тверь, 1997.

Вернадский Г.В. История России. Россия в средние века. М.-Тверь, 1997.
Вернадский Г.В. История России. Московское царство. Ч. 1—2. М.-Тверь, 1997.
Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992.
Исход к Востоку. М., 1997.
Мир России-Евразии: Антология. М., 1995.
Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьба России. М., 1992.
Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993.
Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. Сборник трудов евразийцев. М., 1997.
Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997.
Трубецкой Н.С. Европа и человечество. София, 1920 // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М., 1995.
Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М., 1995.
Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., 1999.

Прочие работы

Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «Евразийский соблазн». М., 1997.
Пащенко В.Я. Идеология евразийства. М., 2000.
Половинкин С.М. Евразийство и русская эмиграция // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М., 1995.
Пушкин С.Н. Историософия евразийства. СПб., 1999.

К подразделам 2.7.2—2.7.5
Источники

Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. Л., 1990.
Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. Л., 1990.
Бердяев Н.А. Конец Европы // Н.А. Бердяев. Судьба России. СПб., 1918; М., 1990; М.— Харьков, 1999.
Ландау Г. Сумерки Европы // Северные записки. 1914. Декабрь.
Ландау Г. Сумерки Европы. Берлин. 1923.
Сорокин П.А. Социологические теории современности. М., 1992.
Сорокин П. Человек. Цивилизации. Общество. М., 1992.
Сорокин П.А. Социокультурная динамика и эволюционизм // Американская социологическая мысль. М., 1994.
Сорокин П. Социальная и культурная динамика. М., 2000.
Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. Сост. Б.С. Ерасов. М., 1998.
Тойнби А.Дж. Постижение истории. М., 1991; 1996; 2001.
Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. М.-СПб., 1995.
Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 2002.
Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1.
Хантингтон С.П. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
Хантингтон С.П. Запад уникален, но не универсален // МЭМО. 1997. № 8.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гешальт и действительность. М.-Пг., 1923; М., 1993; 1998; Новосибирск, 1993; Ростов-на-Дону, 1998; Минск, 1998; Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. М., 1998.

Bagby Ph. Culture and History. Prolegomena to the Comparative Study of Civilizations. London etc., 1958.

Quigley C. The Evolution of Civilizations. An Introduction to Historical Analysis. New York, 1961.

Huntington S. Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order. New York, 1996.

Toynbee A. J. A Study of History. Vols. 1–3. London etc.,1934; Vols. 4–6. 1946; Vols. 7–10. 1954. Vol. 11. 1959; Vol. 12. 1961.

Toynbee A. A Study of History. A New Edition Revised and Abridged by the Author and Jane Caplan. London,1972; 1977.

Прочие работы

Маркарян Э.С. О концепции локальных цивилизаций. Критический очерк. Ереван, 1962.

Семенов Ю.Н. Социальная философия А. Тойнби. Критический очерк. М., 1980.

Современные теории цивилизаций (Реферативный сборник). М., 1995.

Чесноков Г.Д. Современная буржуазная философия истории. Горький, 1972.

К подразделу 2.7.6
Источники

Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства (Легенда о «государстве пресвитера Иоанна»). М., 1970.

Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.

Гумилев Л.Н. От Руси к России: Очерки этнической истории. М., 1992.

Клейн Л. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л.Н. Гумилева // Нева. 1992. № 4.

Кореняко В. Этнонационализм, квазиисториография и академическая наука // Реальность энических мифов. М., 2000.

Лурье Я.С. Древняя Русь в сочинениях Л.Н. Гумилева // Звезда. 1994. № 10

Лурье Я.С. История России в летописании и в восприятии нового времени // Я.С. Лурье. Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997.

Рыбаков Б.А. О преодолении самообмана (по поводу книги Л.Н. Гумилева «Поиски вымышленного царства». М., 1970) // ВИ. 1971. № 3.

Февр Л. От Шпенглера к Тойнби // Л. Февр. Бои за историю. М., 1991.

К разделу 2.8

К подразделу 2.8.1
Источники

Бернал Дж.Д. Наука и общество. М., 1958.

Бернал Дж.Д. Мир без войны. М., 1960.

Чайльд В.Г. Прогресс и археология. М., 1949.

Чайльд В.Г. У истоков европейской цивилизации. М., 1952.
Чайльд В.Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956.
Baillie J. The Belief in Progress. New York, 1965.
Doren Ch. van. The Idea of Progress. New York, 1967.
Ginsberg M. The Idea of Progress. A Revalution. London, 1953; Westport, Conn., 1973.
Nisbet R. History of the Idea of Progress. New York, 1980.
Pollard S. The Idea of Progress. History and Society. New York, 1968.
Salomon A. The Tyranny of Progress. New York,1955.

К подразделу 2.8.2
Источники

Fried M.H. The Evolution of Political Society. An Essay in Political Anthropology. New York, 1967.
Service E.R. Primitive Social Organization. An Evolutionary Perspective. New York, 1962.
Service E.R. Origin of States and Civilization. The Process of Cultural Evolution. New York, 1975.
Steward J.H. Theory of Culture Change. The Methodology of Multilinear Evolution. Urbana, 1955.
White L.A. The Evolution of Culture. The Development of Civilization to the Fall of Rome. New York etc., 1959.

К подразделу 2.8.3
Источники

Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.
Морган Л.Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1934.
Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997.
Тэйлор Э. Антропология. СПб., 1908; Пг.-М., 1924.
Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1939. Гл. 6.
Duncan O. D. Social Organisation and Ecosystem. // Handbook of Modern Sociology. Ed. by R.E.L. Faris. Chicago, 1964.
Habermas J. Zur Rekonstruktion des Historischen Materialismus. Frankfurt a. M.,1976.
Hahn E. Die Haustiere und ihre Beziehung zur Wirtschaft des Menschen. Stuttgart, 1896.
Lenski G. E. Power and Privilege. A Theory of Social Stratification. New York, 1966.
Lenski G. E. and Lenski J. Human Societies: An Introduction in Macrosociology. Hew York, 1978.
Matras J. Population and Societies. Englewood Cliffs. 1973.
Parson T. Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. Englewood Cliffs. 1966.

К подразделу 2.8.4
Источники

Aron R. The Industrial Society: Three Essays on Ideology and Development. New York, 1966.

Aron R. Eighteen Lectures on Industrial Society. London, 1967.

Aron R. Progress and Disillusion. The Dialectics of Modern Society. New York, 1969.

Fourastie J. Le grand espoir du XX siécle. Paris, 1949.

Прочие работы

Badham R.J. Theories of Industrial Society. London, Sidney, 1986.

К подразделу 2.8.5
Источники

Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.

Белл Д. Мятеж против современности // Социс. 1989. № 5.

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999.[1973]

Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М., 1998.

Кан Г. Грядущий подъем: экономический, политический, социальный // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.

Медоуз Д.Х., Медоуз Д.А., Рандерс Й., Беренс III В.В. Пределы роста. М., 1988; 1991.

Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999.

Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.

Переосмысливая грядущее. Крупнейшие американские экономисты и социологи о перспективах и противоречиях современного развития // МЭМО. 1998. № 11.

Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985.

Попов Г.Х. Будет ли у России второе тысячелетие. М., 1998.

Римский клуб. История создания. Избранные доклады и выступления. Официальные материалы. М., 1997.

Тоффлер О. Будущее труда // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.

Тоффлер О. Раса, власть и культура// Там же.

Тоффлер О. Проблемы власти на пороге XXI века // СМ. 1992. № 2.

Тоффлер О. Эра смещения власти // Философия истории. Антология. М., 1995.

Тоффлер А. Футурошок. СПб., 1997; Шок будущего. М., 2001.[1971]

Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999 [1980].

Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Знание, сила и богатство на пороге XXI века. М., 2001 [1990].

Турен А. От обмена к коммуникации: Рождение программированного общества // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.

Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии М., 1998.

Bookchin M. Post-Scarcity Anarchism. Berkeley, 1971.

Boulding K.E. The Meaning of the 20th Centure. The Great Transition. NewYork, 1964.

Brzezinski Z. Between two Ages. American's Role in the Technotronic Era. Hew York, 1970.

Clark C. The Conditions of Economic Progress. 3rd edn. London, 1957.

Etzioni A. The Active Society. A Theory of Societal and Political Processes. London, New York, 1968.

Darendorf R. Recent Changes in the Class Structure of European Societies // Daedalus. 1964. Vol. 93. № 1.

Darendorf R. New Liberty: Survival and Jistice in Changing World. London,1975.

Drucker P. F. The Age of Discontinuity. Guidelines to Our Changing Society. New York and Evanstone, 1968.

Fourastie J. Lettre ouverte 4 quatre milliards d'hommes. Paris, 1970.

Fuchs V.R. The Service Economy. New York, 1968.

Galtung J. On the Future of International System // Mankind 2000. Ed. by R. Jungk, J. Galtung. Oslo, London, 1970 [1969].

Halmos P. The Personal Service Society. London,1970.

Heilbroner R.L. Economic Problems of «Postindustrial» Society // Dimensions of Society. Ed. by D. Potter and Ph. Sarre. London, 1974.

*Illich I.*Tools for Convivality. New York etc., 1973.

Kahn H. and Wiener A.J. The Year 2000. A Framework for Speculation on the Next Thirty-Three Years. London, 1967.

Kumar K. Prophecy and Progress. The Sociology of Industrial and Post-Industrial Society. London, 1978.

Kumar K. The Rise of Modern Society. Aspects of the Social and Political Development of the West. Oxford, New York, 1988.

Lichtheim G. The New Europe: Today — and Tomorrow. New York,1963.

Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. Wachington, 1981; 1983.

Roszak Th. Where the Wasteland Ends. Politics and Transcendence in Postindustrial Society. New York, 1973.

Touraine A. La société post-industrielle. Paris, 1969.

Прочие работы

Иноземцев В.Л. Две концепции исторического развития: марксизм и постиндустриализм // Философские исследования. 1997. № 3.

Badham R.J. Theories of Industrial Society. London, Sidney, 1986.

Frankel B. The Post-Industrial Utopians. Cambridge, 1987.

К подразделу 2.8.7
Источники

Бергер П. Капиталистическая революция. 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе. М., 1994.

Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». М., 1972.

Ростоу В.В. Стадии экономического роста. Нью-Йорк, 1961.

Ростоу У. Политика и стадии роста. Вып. 1—2. М., 1973.

Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. Сост. Б.С. Ерасов. М., 1998.

Black C.E. The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History. New York etc., 1966.

Eisenstadt S. Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs, 1966.

Eisenstadt S.N. Breakdowns of Modernization// Readings in Social Evolutiont and Development. Oxford etc.,1970.

Kerr C., Dunlop J.N., Harbison F. and Myers Ch.A. Industrialism and Industrial Man. Cambridge, Mass., 1960.

Laue T.H. von. World Revolution of Westernization. The Twentieth Centure in Global Perspective. New York, Oxford, 1987.

Lerner D. Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. 1958; London, 1966.

Smith A.D. The Concept of Social Change. A Critique of the Functionalist Theory of Social Change. London and Boston, 1973.

Tipps D.C. Modernization Theory and Comparatie Study of Societies: A Critical Perspective // CSSH. 1973. Vol. 15. № 2.

Wallerstein I. Modernization: Requiescat in Pace // Uses and Controvercy of Sociology. Ed. By L. Coser and O. Larsen. New York, 1976.

Прочие работы

Зарубина М.М. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб., 1998.

Критика теории модернизации. Научно-аналитический обзор. М., 1985.

Критический анализ буржуазных теорий модернизации. Сборник обзоров. М., 1985.

Сентэш Т. «Третий мир». Проблемы развития. М., 1974.

Славный Б.И. Немарксистская политэкономия о проблемах отсталости и зависимости в развивающемся мире. М., 1982.

Смелзер Н. Социология. М., 1994.

Современные буржуазные теории общественного развития. М., 1984.

Тодаро М.П. Экономическое развитие. М., 1997.

Традиционное общество и мировая экономика: критика теорий модернизации. Сборник обзоров. М., 1981.

Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

К разделу 2.9

К подразделу 2.9.1
Источники

Бухарин Н.И. Мировое хозяйство и империализм // Н.И. Бухарин. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989.

Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Исследование новейшей фазы в развитии капитализма. М.,1959.

Гобсон Дж. Империализм. Харьков, 1918; Л., 1927.

Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма (популярный очерк) // Полн. собр. соч. Т. 27.

Люксембург Р. Введение в политическую экономию. М., 1960.

Люксембург Р. Накопление капитала. Т. 1—2. М.-Л., 1931.

Штернберг Ф. Империализм и кризисы. Дискуссия. М., 1930.

Sternberg F. Der Imperialismus. Berlin, 1926.

The Theory of Capitalist Imperialism. Ed. by D.K. Fieldhouse. London, 1967; 1974.

Прочие работы

Кемп Т. Theories of Imperialism. London, 1967.

К подразделам 2.9.2—2.9.8
Источники

Амин С. Будущее социализма // МЭМИ. 1991. № 7.

Баран П. К экономической теории общественного развития. М., 1960.

Бергер П. Капиталистическая революция. 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе. М., 1994.

Кардозо Ф.Э., Фалетто Э. Зависимость и развитие Латинской Америки. Опыт социологической интерпретации. М., 2002.

Мюрдаль Г. Мировая экономика. Проблемы и перспективы. М., 1958.

Пребиш Р. Актуальные проблемы социально-экономического развития // ЛА. 1977. № 6.

Пребиш Р. Периферийный капитализм: Есть ли ему альтернатива? М., 1992.

Amin S. Accumulation on a World Scale. Critique of the Theory of Underdevelopment. New York and London, 1974.

Amin S. Unequal Development. An Essay on the Social Formations of Peripheral Capitalism. New York and London, 1976.

Cardoso F.H. Dependency and Development in Latin America // Introduction to the Sociology of «Developing Societies». Ed. by H. Alawi and T. Shanin. New York and London, 1982.

Cardoso F. and *Faletto E.* Dependency and Development in Latin America. Berkeley, 1969.

Dos Santos T. The Structure of Dependence // American Economic Review. 1970. Vol. 60. № 2; Readings in U.S. Imperialism. Ed. by K.T. Fann and D.C. Hodges. Boston, 1971.

Dos Santos T. The Crisis of Development Theory and the Problem of Dependence Latin America // Underdevelopment and Development. The Third World Today. Ed. by H. Bernstein. Harmondsworth, 1976.

Emmanuel A. Unequal Excange. A Study of the Imperialism of Trade. London, 1972 [1969].

Furtado C. Economic Development of Latin America. A Survey from Colonial Times to the Cubin Revolution. Cambridge, 1970.

Furtado C. Development and Underdevelopment. Berkeley, 1971.

George V. Wealth, Poverty and Starvation: An International Perspective. New York, 1988.

Harrison P. Inside the Third World. The Anatomy of Poverty. Brighton, Sussex. 1980 [1979].

Imperialism and Underdevelopment: A Reader. Ed. By R.I. Rhodes. New York and London, 1970.

Introduction to the Sociology of «Developing Societies». Ed. by H. Alawi and T. Shanin. New York and London, 1982.

Prebisch R. The Economic Development of Latin America and Its Principal Problems. Lake Success, 1950.

Prebisch R. Commercial Policy in the Underdeveloped Countries // American Economic Review. 1959. Vol 59. № 2

Readings in U.S. Imperialism. Ed. By K.T. Fann and D.C. Hodges. Boston, 1971.

Underdevelopment and Development. The Third World Today. Ed. by H. Bernstein. Harmondsworth, 1976.[1973]

Прочие работы

Давыдов В.М. Латиноамериканская периферия мирового капитализма. М., 1991.

Зарубежные концепции исторического развития Латинской Америки. Реферативный сборник. М., 1980.

Критика концепции зависимого развития. Сборник обзоров. М., 1983.

Общественная мысль развивающихся стран. М., 1988.

Сентэш Т. «Третий мир». Проблемы развития. М., 1974.

Сентеш Т. Буржуазные и «новолевые» теории мирового капиталистического хозяйства. М.,1984.

Славный Б.И. Немарксистская политэкономия о проблемах отсталости и зависимости в развивающемся мире. М., 1982.

Тодаро М.П. Экономическое развитие. М., 1997.

Традиционное общество и мировая экономика: Критика теорий модернизации. Сборник обзоров. М , 1981.

Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

Ярошевский Б.Е. Теория периферийной экономики. М., 1973.

Cohen B.J. The Question of Imperialism. The Political Economy of Dominance and Dependence. New York. 1973.

Warren B. Imperialism Pioneer of Capitalism. London, 1980.

К разделу 2.10
Источники

Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1993.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв., Т. 1. Структуры повседневности. возможное и невозможное. М., 1986; Т. 2. Игры обмена. 1988; Т. 3. Время мира. 1992.

Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. В 3-х ч. Ч. 1. М., 2002 4.2.2003.

Валлерстайн И. Америка и мир сегодня, вчера и завтра // СМ. 1995. № 2, 4.

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире [Сб. статей]. СПб , 2001.

Глобальные и региональные проблемы в работах Иммануила Валлерстайна. М., 1998.

Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. Сост. Б.С. Ерасов. М., 1998.

Уоллерстейн И. Общественное развитие или развитие мировой системы // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1.

Франк А.Г. Экономические парадоксы в мировой политике // Восток. 1992. № 6.

Frank A G. The Development of Underdevelopment // Monthly Review. 1966. № 9

Frank A.G. Sociology of Development and Underdevelopment of Sociology // Catalyst. 1967. № 2

Frank A.G. Latin America: Underdevelopment or Revolution. New York and London, 1969.

Wallerstein I. The Rise and Future Demises of World Capitalist System: Concepts For Comparative Analysis // CSSH.1974. Vol. 16. № 4.

Wallerstein I. The Modern World System I. Capitalist Agriculture and the Origin of the European World Economy. New York, 1974.

Wallerstein I. The Modern World-System II. Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750. New York etc., 1980.

Wallerstein I. The Modern World System III. The Second Era of Great Expansion the Capitalist World-Economy, 1730–1840s. San Diego etc., 1989.

Wallerstein I. The Present State of the Debate on World Inequality // World Inequality. Origin and Perspective on the World System. Ed. by I. Wallerstein. Montreal, 1975.

Wallerstein I. Modernization: Requiescat in Pace // The Uses and Controverses of Sociology. Ed. by L. Coser and O. Larsen. New York, 1976.

Wallerstein I. From Feudalism to Capitalism: Transition or Transitions // Social Forces. 1976. Vol. 55. № 2.

Wallerstein I. World-System Perspective on the Social Sciences // British Journal of Sociology. 1976. Vol. 27. № 3.

Wallerstein I. Unthinking Social Science: The Limits of Nineteenth-Centure Paradigms. Cambridge, 1991.

Wallerstein I. The West, Capitalism, and the Modern World- System. // Review. 1992.Vol.15. № 4.

Прочие работы

Завалько Г.А. Возникновение, развитие и современное состояние миросистемного подхода // Общественные науки и современность. 1998. № 2.

Завалько Г.А. Мировой капитализм глазами И. Валлерстайна // Альтернативы. 1998. № 4.

Критика миросистемного подхода и концепции капитализма И. Валлерстайна. М., 1992.

Мир-системный анализ и его критики. Научно-аналитический обзор. М., 1996.

Мир-системный анализ: интерпретация послевоенного периода (1945–1991). Научно-аналитический обзор. М., 1997.

Развитие азиатских обществ XVII – начала XX в.: Современные западные теории. Выпуск 3. Мир-системный подход. М., 1991.

Сентеш Т. Буржуазные и «новолевые» теории мирвого капиталистического хозяйства. М.,1984.

Фурсов А.И. Школа мир-системного анализа (основные положения концепции И. Валлерстайна) // Восток. 1992. № 1.

Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

К разделу 2.11
Источники

Алданов М. Ульмская ночь. Философия случая // Соч. в 6 кн. Кн. 6. М., 1996.

Анкерсмит Ф.Р. Историография и постмодернизм // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996.

Арон Р. Введение в философию истории // Р. Арон. Избранное: Введение в философию истории. М.-СПб., 2000.

Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М., 1998.

Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1—2. М., 1992.

Поппер К. Нищета историцизма. М., 1993.

Хайек Ф.А. фон. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992.

Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. М., 2000.[1948].

Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

Hayek F.A. The Counter-Revolution of Science: Studies of the Abuse of Reason. Chicago, 1952.

Nisbet R. Social Change and History. New York, 1969.

Nisbet R. Developmentalism: A Critical Analysis // Theoretical Sociology. Ed. by J.C. McKinney and E.A. Tiryakian. New York, 1970.

Nisbet R. History of the Idee of Progress. New York, 1980.

Nisbet R. Prejudices. A Philosophical Dictionary. Cambridge, Mass., and London, 1982.

Tilly Ch. Big Structures. Large Processes. Huge Comparisons. New York,1984.

Wallerstein I. Unthinking Social Science: The Limits of Nineteenth-Centure Paradigms. Cambridge, 1991.

Прочие работы

К новому пониманию человека в истории. Очерки развития современной западной исторической мысли. Томск, 1994.

Культура и общество в средние века — раннее новое время. Методология и методика современных зарубежных и отечественных исследований. Сборник аналитических и реферативных обзоров. М., 1998.

Перспективы постмодернизма // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996.

Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998.

Соколова М.Н. Современная французская историография. Основные тенденции в объяснении исторического процесса. М., 1979.

Стоун Л. Будущее истории // Thesis. 1994. Т. 2. Вып. 4. Научный метод.

Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

«Эпоха науки» в зеркале модернистско-постмодернистского спора. Научно-аналитический обзор. М., 1996.

К разделу 2.12
Источники

Абу-Луход Дж. Переструктурируя миросистему, предшествующую Новому времени // Время мира. Вып. 2. Структуры истории. Новосибирск, 2001.

Бентли Дж. Межкультурные взаимодействия и периодизация всемирной истории // Время мира. Вып. 2. Структуры истории. Новосибирск, 2001.

Винклер Г. Вавилонская культура в ее отношении к культурному развитию человечества. М., 1913.

Виппер Р. Ю. «С Востока свет». М., 1907.

Делич Ф. Библия и Вавилон. Апологетический очерк. СПб., 1904; 1906; 1907; 1912.

Мак-Нил В. Цивилизация, цивилизации и мировая система // Цивилизации. Вып. 2. М., 1993.

Мэннинг П. Проблема взаимодействия во всемирной истории // Время мира. Вып. 2. Структуры истории. Новосибирск, 2001.

Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. Сост. Б.С. Ерасов. М., 1998.

Франк А.Г. Формационные переходы и мифологемы способов производства // Восток. 1992. № 2.

Франк А.Г. Экономические парадоксы в мировой политике // Восток. 1992. № 6.

Франк А.Г. Смещение мировых центров с Востока на Запад // ЛА. 1993. № 2.

Чейз-Данн К., Холл Т. Две, три, много миросистем // Время мира. Вып. 2. Структуры истории. Новосибирск, 2001.

Abu-Lughod J. Before European Hegemony: The World-System AD 1250–1350. New York, 1989.

Amin S. The Ancient World-System Versus Modern World-System // Review. 1991.Vol.14. № 3.

Chase-Dunn C. Comparing World-Systems: Toward a Theory of Semiperipheral Development // Comparative Civilisation Review. 1988. № 19.

Chase-Dunn C. The Comparative Study of World-Systems // Review. 1992. Vol.15. № 3.

Civilization and World-Systems: Studying World-Historical Change. Ed. by S.K. Sanderson. Walnut Creek, 1995.

Core/ Periphery Relations in Precapitalistic Worlds. Ed. by C. Chase-Dann and A. Willard. Boulder, 1993.

Gills B.K., Frank A.G. World System Cycles, Crise and Hegemonial Shifts, 1700 BC to 1700 AD // Review. 1992. Vol.15. № 4.

McNeill W.H. The Rise of West. A History of the Human Community. Chicago and London, 1963.

McNeill W.H. Organised Concepts for World History // Review. 1986. Vol. 10. № 2.

Wallerstein I. World-System Analysys: The Second Phases // Review. 1990. Vol. 13. № 3.

The World System. Five Hundred Years or Five Thousand? Ed. by A. G. Frank and B. K. Gills. London and New York, 1993.

Прочие работы

Завалько Г.А. Всемирная история глазами сторонников мир-системного подхода // ФиО. 1998. № 5.

К разделу 2.13

К подразделу 2.13.1
Источники

Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., 1996.

Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия [в новом переводе]. Государь. М., 2002.

Российский Хронограф. Ч. 1. Хронограф редакции 1512 года / Полн. собр. русских летописей. Т. 22. СПб., 1911.

Филофей. Послание к великому князю Василию, в нем же о исправлении крестного знамения и о содомском блудъ // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984.

Прочие работы

Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973

Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. М.-Л., 1964.

Гольдберг А.Л. Три послания Филофея (опыт текстологического анализа) // ТОДРЛ. Т. 29. Л., 1974.

Гольдберг А.Л. Идея «Москва—Третий Рим» в цикле сочинений первой половины XVI в. // ТОДРЛ. Т. 37. Л., 1983.

Жданов И.Н. Повести о Вавилоне и «Сказание о князех Владимирских». СПб., 1891.

Косминский Е.А. Историография средних веков. М., 1963.

Кириллов И. Третий Рим Очерк исторического развития русского мессионизма. М., 1914

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.

Синицина Н.В. Третий Рим: История и эволюция русской средневековой концепции. XV—XVI вв. М., 1998.

Скрипиль М.О. Сказание о Вавилоне граде // ТОДРЛ. Т. 9. М -Л., 1953.

К подразделам 2.13.2—2.13.6
Источники

Боден Ж. Метод легкого познания истории. М., 2000.

Боден. Шесть книг о государстве (извлечение) // Антология мировой философии. Т. 2. М., 1970.

Вольней. Руины, или размышления о расцвете и упадке империй // Избранные атеистические произведения. М., 1962.

Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.

Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч. в 6-ти т. Т. 6. М., 1966.

Мабли Г.Б. де. Об изучении истории. О том, как писать историю. М., 1993.

Тюрго А.Р. Последовательные успехи человеческого разума // Избранные философские произведения. М., 1937.

Фихте И.Г. Основные черты современной эпохи. СПб., 1906; // Соч. в 2-х т. Т. 2. СПб., 1993.

Фихте И.Г. Несколько лекций о назначении ученого. Назначение человека. Основные черты современной эпохи. Минск, 1998.

Шлегель Ф. Философия истории (фрагмент) // Ф. Шлегель. Эстетика. Философия. Критика. Т. 2. М., 1983.

Hakewill G. An Apologie or Declaration of the Power and Providence of God in the Government of the World, consisting in an Examination ad Cencure of the common Errour, etc. (fragments) // REA.

Le Roy L. De la vicissitude ou variété des choses en l'univers. Selections with introduction by B. W. Bates. Princeton, 1944.

Прочие работы

Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. М.-Л., 1964.

Габитова Р.М. Философия немецкого романтизма. М., 1978.

Косминский Е.А. Историография средних веков. М., 1963.

Стасюлевич М. Философия истории в главнейших ее системах. СПб., 1908.

Bury J.B. The Idea of Progress: An Enquiry into Its Origin and Growth. London, 1924.

К подразделу 2.13.7
Источники

Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Соч. Т. 8. М., 1935.

Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993, 2000.

Ballanche P.-S. Essais de palinégésie sociale. Paris, 1827.

Cousin V. Cours de philosophie. IntroductionB l'histoire de la philosophie. I–X. Paris, 1828.

*Hegel G.W.F.*Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte. Herausgegeben von E. Hans // G.W.F. Hegel's Werke. Bd. 9. Berlin, 1837.

*Hegel G.W.F.*Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte. Herausgegeben von E. Hans. Zweite Auflage beforgt von Dr. Karl Hegel // G.W.F. Hegel's Werke. Zweite Auflage. Bd. 9. Berlin, 1840.

Hegel G.W.F. Vorlesungen über die Philosophie der Weltgeschichte. Auf Grund des aufbehaltenen handschriftlichen Materials neu herausgegen von George Lasson. Bd. I. Die Vernunft in der Geschichte. Einleitung in die Philosophie der Weltgeschichte. Lepzig, 1917; Bd. II. Die orientalische Welt. 1919; Bd. III. Die griechische und die römische Welt. 1920; Bd. IV. Die germanische Welt. 1920.

Hegel G.W.F. Die Vernunft in der Geschichte. Herausgegeben von Johannes Hoffmeister. Berlin, 1966.

Hegel G.W.F. Vorlesungen über die Philosophie der Weltgeschichte. Erste Hälfte. Bd. I. Die Vernunft in der Geschichte. Herausgegeben von Johannes Hoffmeister; Bd. II.

Die orientalische Welt. Herausgegeben von George Lasson. Berlin, 1970; Zweite Hälfte. Bd. III. Die griechische und die römische Welt. Hrsg. von G. Lasson; Bd. IV. Die germanische Welt. Hrsg. von G. Lasson. 1970.

Hegel G.W.F. Lectures on the Philosophy of World History. Introduction: Reason in History. Translated from German Edition of J. Hoffmeister by H.B. Nisbet. Cambridge etc., 1975.

Michelet J. Introduction B l'histoire universelle. Paris, 1831.

Прочие работы

Каримский А.М. Философия истории Гегеля . М., 1988.

Плеханов Г.В. К шестидесятой головщине смерти Гегеля // Избр. философ. произвед. в 5-ти т. Т. 1. М., 1956.

Реизов Б.Г. Французская романтическая историография (1815—1830). Л., 1956.

К подразделу 2.13.8
Источники

Герцен А.И. С того берега // Соч. в 9-ти т. Т.3. М., 1956

Герцен А.И. Русские немцы и немецкие русские // Там же. Т. 7. М., 1958.

Герцен А.И. Концы и начала // Там же.

Герцен А.И. Порядок торжествует! // Там же. Т. 8. М., 1958.

Герцен А.И. Пролегомена // Там же.

Киреевский И.В. Девятнадцатый век // И.В. Киреевский Критика и эстетика. М., 1979; 1998.

Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Там же.

Одоевский В.Ф. Русские ночи. М., 1975.

Хомяков А.С. Работы по историософии // Соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1994.

Тютчев Ф.И. Россия и Германия // Полное собрание сочинений. СПб., 1913.

Тютчев Ф.И. Россия и Запад // Литературное наследство. 97. Кн. 1. І., 1988.

Чаадаев П.Я. Философические письма // Сочинения. М., 1989.

Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего // Там же.

К подразделу 2.13.9
Источники

Виппер Р. Очерки теории исторического познания. М., 1911.

Кетле А. Социальная система и законы ею управляющие. СПб., 1866.

Ключевский В.О. Методология русской истории // Цивилизации: прошлое, настоящее и будущее человека. М., 1988.

Семенов Ю.И. Теория общественно-экономических формаций и всемирный исторический процесс // НАА. 1970. № 5.

Семенов Ю.И. Теория общественно-экономических формаций и всемирная история // Общественно-экономические формации: Проблемы теории. М. , 1978.

Gellner E.A. Russian Marxist Philosophy of History // Soviet and Western Anthropology. London. 1980.

Gellner E. One Highway or Many? // E. Gellner. State and Society in Soviet Thought. Oxford. 1988.

Semenov Yu.I. The Theory of Socio-Economic Formation and World History // Soviet and Western Anthropology. London. 1980.

Прочие работы

Протасова С.И. История древнего мира в построении Эд. Мейера // ВДИ. 1938. № 3.

К ЧАСТИ 3

К разделу 3.1
Источники

Августин Блаженный. О граде Божием. Т. 1—4. М., 1994.

Платон. Законы // Соч. в 3-х т. Т. 3. Ч. 2. М., 1972.

Прочие работы

Уколова В.И. Философия истории Августина Блаженного // Религии мира. История и современность. Ежегодник.1985.М.,1986.

К разделу 3.2
Источники

Макьявелли Н. История Флоренции. Л., 1973; 1987.

Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь. М., 2002.

К разделу 3.3
Источники

Болингброк Письма об изучении и пользе истории. М., 1978.

Боссюэт И.Б. Разговор о всеобщей истории. Ч. 1—3. М., 1761—1762. (очень архаичный перевод).

Боссюет И.Б. Всеобщая история, для наследника французской короны сочиненная. Ч. 1—3. М., 1774. (очень архаичный перевод).

Bossuet [J.B.] Discours l'histoire universelle. Édition conforme a celle de 1700, troiséme et derniére Édition revue par l'auteur. Paris,1892.

Прочие работы

Косминский Е.А. Историография средних веков. М., 1963.

Flint R. Historical Philosophy in France and French Belgium and Switzerland. Edinburgh and London,1893.

Nisbet R. History of the Idee of Progress. New York, 1980.

К разделу 3.4
Источники

Аристотель. Политика // Соч. в 4-х т. Т. 4. М., 1983.

Боден Ж. Метод легкого познания истории. М., 2000.

Боден. Шесть книг о государстве (отрывки) // Антология мировой философии. Т. 2. М., 1970.

Бэкон Ф. Опыты или наставления нравственные и политические. // Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1972).

Дюбо Ж.-Б. Критические рассуждения о поэзии и живописи. М., 1976.

Гиппократ. О воздухе, водах и местностях // Избранные книги. М., 1936; 1994.

Монтескье Ш. О духе законов // Избранные произведения. М., 1955.

Монтескье Ш. О духе законов [Сочинения]. М., 1999.

Фонтенель Б. Отступление по поводу древних и новых // Б. Фонтенель. Рассуждения о религии, природе и разуме. М., 1979.

К разделу 3.5
Источники

Барнав А. Введение во Французскую революцию // Хрестоматия по французскому материализму XVIII века. Выпуск 2-ой. Пг., 1923.

Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. Л., 1940; М.-Киев, 1994.

Гельвеций К.А. Об уме // Соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1974.

Гельвеций К.А. О человеке // Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1974.

Морелли. Кодекс природы или истинный дух её законов. М.-Л., 1957.

Франклин В. Заметки по некоторым из предшествующих наблюдений, подробно показывающими влияние нравов на население // Избранные произведения. М., 1956.

Townsend J.A Dissertation of the Poor Laws by a Well-Wisher to Mankind. Berkeley etc., 1971[1786].

Прочие работы

Попов-Ленский И.А. Антуан Барнав и материалистическое понимание истории. М.-Л., 1924.

К разделу 3.6
Источники

Гельвеций К.А. Об уме // Соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1974.

Гельвеций К.А. О человеке // Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1974.

Гольбах П. Система природы, или о законах мира физического и духовного // Избр. произв. в 2-х т. Т. 1. М., 1963.

Гольбах П. Основы всеобщей морали, или катехизис природы // Избр. произв. в 2-х т. Т. 2. М., 1963.

Дидро Д. Добавления к «Путешествию» Бугенвиля // Избранные атеистические произведения. М., 1956.

Дидро Д. Последовательное опровержение книги Гельвеция «О человеке» // Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1991.

Ламетри Ж. Анти-Сенека, или Рассуждение о счастье // Сочинения. 2-е изд. М., 1983.

Прочие работы

Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Избр. философ. произв. в 5-ти т. Т. 1. М., 1956.

К разделу 3.7
Источники

Вольтер. Летопись империи от Карла Великого до нынешних времен. Ч. 1—5. СПб., 1786—1787. (архаичный перевод)

Вольтер. Философия истории. СПб., 1868.

Вольтер. История Карла XII // Собр. соч. в 3-х т. Т. 2. М., 1998.

Вольтер. История Карла XII, короля Швеции, и Петра Великого, императора России. СПб., 1999.

Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Соч. Т. 8. М., 1935.

Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993.

Гегель Г.В.Ф. Письмо Нитхаммеру. Нюрнберг, 12 июля 1816 г. // Работы разных лет. Т. 2. М., 1971.

Гольбах П. Здравый смысл, или естественные идеи, противопоставленные идеям сверхъестественным // П. Гольбах. Письма к Евгении. Здравый смысл. М., 1956.

Гольбах П. Система природы, или О законах мира физического и духовного // Избр. произв. в 2-х т. Т. 1. М., 1963.

Дидро Д. Последовательное опровержение книги Гельвеция «О человеке» // Соч. в 2-х т. Т. 2.М., 1991.

Кондорсэ Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936.

Местр Ж. де. Рассуждения о Франции. М., 1997 [1797].

Паскаль Б. Мысли. М., 1995; СПб., 1995.

Ранке [Л.] Об эпохах новой истории. Лекции, читанные баварскому королю Максимилиану II (в 1854 г.). М., 1898.

Прочие работы

Косминский Е.А. Вольтер как историк // Вольтер. Статьи и материалы. М.-Л., 1948.

Косминский Е.А. Историография средних веков. М., 1963.

Лукач Г. Экономика иенского периода // ВФ. 1956. № 5.

Плеханов Г.В. К шестидесятой годовщине смерти Гегеля // Избр. философ. произв. в 5-ти т. Т. 1. М., 1956.

Рокэн Ф. Движение общественной мысли во Франции в XVIII веке. 1715—1789 гг. СПб., 1902.

Соловьев Э.Ю. Разделял ли Гегель трудовую теорию стоимости? // ВФ. 1959. № 3.

К разделу 3.8
Источники

Аппиан. Гражданские войны. Л., 1935; М., 1994.

Аппиан Александрийский. Римская история. М., 1998; 2002.

Аристотель. Политика // Соч. в 4 т.т. Т. 4. М., 1983; 2002.

Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. Л., 1940; М. - Киев, 1994.

Гай Саллюстий Крисп. О заговоре Катилины // Сочинения. М., 1981.

Гельвеций К.А. О человеке // Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1974.

Гизо Ф. История цивилизации в Европе. СПб., 1906.

Гизо Ф. История цивилизации во Франции. СПб., 1861; Т. 1-4. М., 1877—1881.

Гизо Ф. История Английской революции. Т. 1-2. Ростов на Дону. 1996.

Дидро Д. Последовательное опровержение книги Гельвеция «О человеке» // Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1991.

Компанелла. О наилучшем государстве // Кампанелла. Город Солнца. М., 1954.

Мабли Г. О законодательстве или принципе законов // Избранные произведения. М., 1950.

Мабли Г. Сомнения, предложенные философам-экономистам по поводу естественного и необходимого порядка политического общества // Там же.

Макьявелли Н. История Флоренции. Л., 1973; 1987.

Мелье Ж. Завещание. Т. 1—3. М., 1954.

Минье Ф. История Французской революции. Т. 1—2. СПб., 1866—1867; 1901; 1906.

Мор Т. Утопия. М., 1953.

Морелли. Кодекс природы или истинный дух её законов. М.-Л., 1957.

Платон. Государство // Соч. в 3-х т. Т. 3. Ч. 1. М., 1971.

Рейналь Г. Философическая и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях. Ч. 1—6. СПб., 1805—1811; 1834—1835.

Тит Ливий. История Рима от основания города. Т. 1. М., 1989.

Тьер А. История Французской революции. Т. 1-5. СПб., 1873—1877.

Тьерри О. Городские коммуны во Франции в средние века. СПб., 1901.

Тьерри О. Опыт истории происхождения и успехов третьего сословия // Избранные сочинения. М., 1937.

Тьерри О. Подлинная история Жака Простака, написанная на основании подлинных документов // Там же.

Linguet N. Théorie des loix civiles,ou Princi pes fondamentaux de la société. T. 1—2. London, 1767.

Прочие работы

Алпатов М.А. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX века. М.-Л., 1949.

Виппер Р. Очерки исторической мысли в XIX веке. Либерализм и первая историческая формула борьбы классов // Мир божий 1901. № 3. Март.

Волгин В.П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., 1977.

Плеханов Г.В Огюстен Тьерри и материалистическое понимание истории // Соч. Т. 8., М.-Пг., 1923.

Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Избр. философ. произв. в 5-ти т. Т. 1. М., 1956.

Плеханов Г.В. Первые фазы учения о классовой борьбе // Там же. Т. 2. М., 1956.

Попов-Ленский И.А. Антуан Барнав и материалистическое понимание истории. М.-Л., 1924.

Реизов Б.Г. Французская романтическая историография (1815—1830). Л., 1956.

Фагэ Э. Политические мыслители и моралисты первой трети XIX века М., 1900.

К разделу 3.9
Источники

Аристотель. Политика // Соч. в 4-х т. Т. 4. М., 1983; М., 2002.

Аристотель. Никомахова этика // Там же.

Буагильбер П. Рассуждения о природе богатства, денег и налогов. Горький, 1973.

Вебер М. Избранные произведения. М.,1990.

Кенэ Ф. Избранные экономические произведения. М., 1960.

Ксенофонт. Домострой. // Ксенофонт. Сократические сочинения. СПб., 1993.

Петти У. Трактат о налогах и сборах // Антология экономической классики. Т. 1. М., 1993.

Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения // Соч. Т. 1. М., 1955.

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962.

Тимофеев Л. Институциональная коррупция. Очерки теории. М., 2000.

Тюрго А.Р.Ж. Размышления о создании и распределении богатств // Избранные экономические произведения. М., 1961.

Прочие работы

Аникин А.В. Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. М., 1979.

Polanyi K. Aristotle Discoveres the Economy // Polanyi K. Primitive, Archic and Modern Economies. Essays of Karl Polanyi Ed. by G. Dalton. New York, 1968.

К разделу 3.10
Источники

Брей Дж.Ф. Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению. М., 1956.

Годвин У. О собственности. М., 1958.

Грей Дж. Лекции о человеческом счастье // Сочинения. М., 1955.

Мальтус Т. Опыт о законе народонаселения.. Т 1—2. СПб., 1868.

Мальтус Т. Опыт о законе народонаселения (в сокращении) // Антология экономической классики. Т. 2. М., 1993.

Chall Ch. The Effects of Civilization on the People of European States. New York, 1965 [1805]

Thompson W. An Inquiry into Principles of the Distribution of Wealth Most Coductive to Human Happines. 3rd edn. London, 1869. [1822]

Townsend J. A Dissertation of the Poor Laws by a Well-Wisher to Mankind. Berkeley etc., 1971. [1786]

Прочие работы

Валлич Э.И. Законы о бедных в английской публицистике конца XVIII века и теория нищеты Чарлза Холла. М.,1990.

Солнцев С.И. Общественные классы. Важнейшие моменты в развитии проблемы классов и основные учения. Пгр., 1923.

К разделу 3.11
Источники

Годскин Т. Защита труда против притязаний капитала // Сочинения. М., 1938.

Годскин Т. Популярная политическая экономия. Четыре лекции, прочитанные в Лондонском институте механики // Там же.

Джонс Р. Опыт о распределении богатства и об источниках налогов // Экономические сочинения. Л., 1937.

Джонс Р. Вводная лекция по политической экономии // Там же.

Джонс Р. Лекции о труде и капитале // Там же.

Джонс Р. Политическая экономия народов // Там же.

К разделу 3.12
Источники

Сен-Симон. Избранные сочинения (1819—1825). М.-Пг., 1923.

Сен-Симон А. Избранные сочинения. Т. 1—2. М.- Л., 1948.

Конт О. Дух позитивной философии (извлечение) // Западно-европейская социология XIX века. Тексты. М., 1996.

Конт О. Курс положительной философии (извлечение) // Западно-европейская социология XIX века Тексты. М., 1996.

Конт О. Общий обзор позитивизма (извлечение) // Западно-европейская социология XIX века. Тексты. М., 1996.

К разделу 3.13. (См. также литературу к разделу 2.4.)
Источники

Богданов А. Краткий курс экономической науки. 8-е изд. М., 1906.

Бухарин Н.И. Экономика переходного периода // Избранные произведения. М., 1990.

Бухарин Н.И. К постановке проблемы теории исторического материализма // Вестник Социалистической академии. 1923. Кн. 3.

Бухарин Н.И. Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. 3-е изд. М.-Пг., 1924.

Зомбарт В. Современный капитализм. Т.1. Вып. 1. М., 1903; Т. 1. Вып. 2. 1903; Т. 2. 1905. [1902].

Каутский К. Материалистическое понимание истории. Т. 2. Государство и развитие человечества. М.-Л., 1931.

Кунов Г. Марксова теория исторического процесса, общества и государства. Т.2. М.-Л., 1930.

Ленин В.И. Замечания на книгу Н.И. Бухарина «Экономика переходного периода» // Ленинский сборник. XI. М.-Л., 1929.

Леонтьев В. Современное значение экономической теории К. Маркса // В. Леонтьев Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. М., 1990.

Маслов П. Аграрный вопрос в России (условия развития крестьянского хозяйства в России). СПб., 1903; 1905.

Петраков Н.Я. Русская рулетка. Экономический эксперимент ценой 150 миллионов жизней. М., 1998.

Поланьи К. Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002.

Плеханов Г.В. К вопросу о роли личности в истории // Избр. философ. произв. в 5-ти т. Т. 2. М., 1956.

Плеханов Г.В. Основные вопросы марксизма // Там же. Т. 3. М., 1956.

Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1—2. М., 1992.

Салинз М. Экономика каменного века. М., 1999.

Семенов Ю.И. Детерминизм абсолютный (лапласовский) и детерминизм диалектический // Философские проблемы современной физики. М., 1969.

Семенов Ю.И Теоретические проблемы «экономической антропологии» // Этнологические исследования за рубежом. Критические очерки. М., 1973.

Семенов Ю.И. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. Ч. 1—3. М., 1993.

Струве П. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып. 1. СПб., 1894.

Струве П. Проблема роста производительных сил в теории социального развития // Сборник статей, посвященных В.О. Ключевскому.. М., 1909.

Черняк Е.Б. Цивилиография. Наука о цивилизации. М., 1996.

Шмелев Н.П. Либо сила, либо рубль // Знамя. 1989. № 1.

Barton R.F. Ifugao Ecomomics // University of California Publications in Amercan Archaeology and Ethnology. Vol. 15. № 5. Berkeley, 1922.

Bohannan P. and L. Tiv Economy. Evanston,1968.

Dalton G. Economic Anthropology and Development. Essays on Tribal and Peasant Economies. New York, 1968.

Economic Anthropology. Readings in Theory and Analysis. Ed. by E.L. LeClair and H.K. Schneider. New York, 1968.

Firth R. Primitive Polynesian Economy. London, 1965 [1939].

Herscovits M.J. Economic Anthropology. The Economic Life of Primitive Peoples. New York, 1965.

Lee R.B. The !Kung Sun. Men, Women, and Work in a Foraging Society. Cambridge etc., 1979.

Malinowski B. Argonauts of Western Pacific. London, 1922.

Nadel S.F. A Black Byzantium. The Kingdom Nupe in Nigeria. London etc., 1965 [1942].

Oliver D.L. A Solomon Island Society. Kinship and Leadership Among the Siuai of Bougainville. Cambridge, Mass., 1955.

Polanyi K. The Great Transformation: The Political and Economic Origins of our Times. New York, Toronto, 1944; Boston, 1957.

Polanyi K. Primitive, Archic and Modern Economies. Essays of Karl Polanyi. Ed. by G. Dalton. New York, 1968.

Polanyi K. The Livelhood of Man. New York etc., 1977.

Pospisil L. Kapauku Papuan Economy // Yale University Publications in Anthropology. 67. New Haven, 1963.

Salisbury R.F. From Stone to Steel. Economic Consequenses of a Technological Change in New Guinea. Melbourne,1962.

К разделу 3.14

К подразделу 3.14.1
Источники

Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1993.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986; Т. 2. Игры обмена. 1988; Т. 3. Время мира. 1992.

Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 1. Пространство и история. М., 1994; Кн. 2. Люди и вещи. Ч. 1. М., 1995; Кн. 2. Ч. 2. М., 1997.

Довнар-Запольский М.В. Исторический процесс русского народа в русской исторической науке (вступительная лекция, прочитанная в 1901 г.). М., 1906.

Зелигман Э. Экономическое понимание истории. СПб., б.г.

Ковалевский М. Общественный строй Англии в конце средних веков. М., 1880. С. 1.

Ковалевский М.М. Развитие народного хозяйства в Западной Европе. СПб., 1899. С. 2.

Лафарг П. Экономический детерминизм Карла Маркса // Соч. Т. 3. М.-Л., 1931.

Ленин В.И. Замечания на книгу В. Шулятикова «Оправдание капитализма в западноевропейской философии. От Декарта до Э. Маха» // Полн. собр. соч. Т. 29.

Лучицкий И. Джемс Сорольд Роджерс // Юридический вестник. 1891. Т. 7. Кн. 2 (сентябрь).

Л-кий [Лучицкий] И. Обзор литературы по философии истории за 1872 год // Знание.1873. № 9. Сентябрь.

Петрушевский Д. Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1907.

Пискорский В.К. О предмете, методах и задачах науки всеобщей истории. Казань,1906.

Рейналь Г. Философическая и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях. Ч. 1—6. СПб., 1805—1811; 1834—1835.

Роджерс Т. История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX в. СПб., 1899.

Рожков Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Т. 1—12. М.-Пг.-Л., 1919—1926.

Ростоу В.В. Стадии экономического роста. Нью-Йорк, 1961.

Тарле Е.В. Чем объясняется современный интерес к экономической истории // Соч. в 12-ти т. Т. 1. М., 1957.

Тарле Е.В. Очерк развития философии истории // Из литературного наследия академика Е.В. Тарле. М., 1981.

Февр Л. История или политика? // Февр Л. Бои за историю. М., 1991.

Чернышевский Н.Г. Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X // Избр. философ. соч. Т. 2. М., 1950.

Чернышевский Н.Г. Кавеньяк // Там же.

Чернышевский Н.Г. Июльская монархия // Там же. Т. 3. М., 1951.

Шулятиков В. Оправдание капитализма в западноевропейской философии. От Декарта до Э. Маха. М., 1908.

Эшли У. Экономическая история Англии в связи с экономической теорией. М., 1887.

*Harrington J.*The Commonwealth of Oceania. London, 1887. [1656]

Millar J. The Origin of the Distinction of Ranks; or, An Inquiry in the Circumstance which Give Rise to Influence and Authority in the Different Members of Society. 3rd edn. London, 1781.

Rogers J.E.T. A History of Agriculture and Price in England. Vol. 1. Oxford, 1866.

Wallerstein I. The Modern World System. Vol. 1. Capitalist Agriculture and the Origin of the European World Economy. New York,1974.

Прочие работы

Виноградов К.Б. Очерки английской историографии нового и новейшего времени. 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1975.

Гутнова Е.В. Историография истории средних веков (середина XIX в. — 1917 г.). М., 1974; 2-е изд. перераб. и доп., 1985.

Далин В.М. Французские историки XX века (Судьбы школы «Анналов») // В.М. Далин. Историки Франции XIX—XX веков. М., 1981.

Лаптин П.Ф. Община в русской историографии. Киев, 1971.

Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. — начала 900-х годов. Томск, 1969.

Попов-Ленский И.А. Антуан Барнав и материалистическое понимание истории. М.-Л., 1924.

Семенов Ю.И Теоретические проблемы «экономической антропологии. // Этнологические исследования за рубежом. М., 1973.

Соколова М.Н. Современная французская историография. Основные тенденции в объяснении исторического процесса. М., 1979.

Стеклов Ю.М. Н.Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность. 1828—1889. Т. 1—2. М.-Л., 1928.

Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993.

Meek R.L. Social Science and Ignoble Savage. Cambridge etc., 1976.

К подразделу 3.14.2
Источники

Бокль Г.Т. История цивилизации в Англии. СПб., 1914; Т. 1—2. М., 2000—2002.

Варга Е. Об азиатском способе производства // Е. Варга. Очерки по политэкономии капитализма. М., 1964.

Гаджиев К.С. Геополитика. М., 1997.

Гаджиев К.С. Введение в геополитику. М., 1998.

Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997.

Жириновский В.В. Геополитика и русский вопрос. М., 1998.

Зюганов Г. Держава. Изд. 2-е, дораб. и доп. М., 1995.

Зюганов Г. Уроки жизни. М., 1997.

Зюганов Г. География победы: Основы российской геополитики. М., 1997.

Макиндер Х. Географическая ось истории // Элементы. Евразийское обозрение. № 7. 1996.

Мечников Л. И. Цивилизации и великие исторические реки (Географическая теория прогресса и социального развития). М., 1924; 1995.

Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на Французскую революцию и империю. Т. 1—2. М.-Л., 1940; М., 2002.

Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю 1660—1783. СПб., 1995; М., 2002.

Семенов-Тян-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Пг.,1915; // Рождение нации. М., 1996.

Сидоренко Н.В., Сидоренко В.Н. Эссе на тему: феномены проявления солнечной активности и золотой пропорции в истории России. М., 2001.

Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России. М.,1996.

Ратцель Ф. Земля и жизнь. Сравнительное землеведение. Т. 1—2. СПб., 1905—1909.

Ратцель Ф. Земля, общество и государство // Землеведение. 1907. Кн. 3—4.

Трубецкой Г.Н. Россия как великая держава. СПб., 1910.

Трубецкой Е.Н. Национальный вопрос, Константинополь и София. М., 1915; // Е.Н. Трубецкой. Смысл жизни. М., 1994.

Хаусхофер К. О геополитике. Труды разных лет. М., 2001.

Хоррабин Дж.Ф. Очерк историко-экономической географии мира. 6-е изд. М.-Л., 1930.

Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1924; 1992.

Чижевский А.Л. Земля в объятиях Солнца // А.Л. Чижевский. Космический пульс жизни. М., 1995.

Шмитт К. Новый «номос» Земли // Элементы. Евразийское обозрение. № 3. 1993.

Шмитт К. Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние Земли и Моря // Элементы. Евразийское обозрение. № 8. 1996.

Semple E.Ch. American History and its Geographic Conditions. Boston etc., 1903; 1933.

Semple E.Ch. Influences of Geographic Environment. On the Basis of Ratzel's System of Anthropo-Geography. London, New York, 1911; 1937.

Semple E.Ch. The Geography of Mediterranean Region, Its Relations to Ancient History. New York, 1931.

Wittfogel K.A. Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven, 1957.

Прочие работы

Андрианова Т.В. Геополитические теории XX в. (социально-философское исследование). М., 1996.

Виттфогель К. Геополитика, географический материализм и марксизм // ПЗМ. 1929. № 2–3.

Гейден Г. Критика немецкой геополитики. М., 1960.

Ковалевский М.М. Современные социологи // Соч. в 2-х т. Т. 2. СПб., 1997.

Михайлов Т.А. Эволюция геополитических идей. М., 1999.

Соколова М.Н. Современная французская историография. Основные тенденции в объяснении исторического процесса. М., 1979.

К подразделу 3.14.3
Источники

Богданов А. Краткий курс экономической науки. 8-е изд. М., 1906.

Гумплович Л. Социология и политика. М., 1895.

Гумплович Л. Основы социологии. СПб., 1899.

Гумплович Л. Основания социологии (извлечения) // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков. Тексты. М.,1996.

Менделеев Д.И. Заветные мысли. СПб, 1903–1905; М., 1995.

Менделеев Д.И. К познанию России. СПб, 1906; 1906; 1907; М., 2002.

Carneiro R.L. Slash-and-Burn Cultivation Among the Kiukuru and its Implications For Cultural Development in the Amazon Basin // Native Southamericans. Ethnology of Least Known Continent. Ed. by P.J. Lyon. Boston, 1964.

Duncan O.D. Social Organization and Ecosystem // Handbook of Modern Sociology. Ed. by R.E.L. Faris. Chicago, 1964.

Matras J. Population and Societies. Englewood Cliffs. 1973.

Matras J. Introduction to Population: A Sociological Approach. Englewood Cliffs, 1977.

Simon J.L. The Economics of Population Growth. Princeton, 1977.

Simon J.L. Theory of Population and Economic Growth. Oxford, New York, 1986.

Прочие работы

Ковалевский М.М. Современные социологи // Соч. в 2-х т. Т. 2. СПб., 1997.

Коростелев Г.М., Краев В.С. Буржуазные концепции народонаселения. Критический анализ. М., 1981.

Соколова М.Н. Современная французская историография. Основные тенденции в объяснении исторического процесса. М., 1979.

Судоплатов А.П. Демографические концепции. М., 1974.

К разделу 3.14.4
Источники

Тоффлер А. Футурошок. СПб , 1997; Шок будущего. М., 2001. [1971]

Lenski G.E. Power and Privilege. A Theory of Social Stratification. New York, 1966.

Lenski G.E. and *Lenski J.* Human Societies: An Introduction in Macrosociology. Hew York, 1978.

White L.A. The Evolution of Culture. The Development of Civilization to the Fall of Rome. New York etc., 1959.

К разделу 3.14.5
Источники

Кларк Дж. Доисторическая Европа: Экономический очерк. М., 1953.

Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае. М., 1990.

Кульпин Э.С. Социоестественная история: Предмет, метод, концепция. М., 1992.

Кульпин Э.С. Путь России. М., 1995.

Кульпин Э.С. Бифуркация Запад-Восток. М., 1996.

Ле Руа Ладюри Э. История климата с 1000 года. Л., 1971.

Ле Руа Ладюри Э. Застывшая история // Thesis. Т.1. Вып. 2. 1993.

Маретина С.А. Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. М., 1980.

Прусаков Д.Б. Природа и человек в древнем Египте. М., 1999.

Ратцель Ф. Земля и жизнь. Сравнительное землеведение. Т. 1—2. СПб., 1905—1909.

Duncan O.D. Social Organization and Ecosystem. // Handbook of Modern Sociology. Ed. by R.E.L. Faris. Chicago, 1964.

Harris M. The Rise of Anthropological Theory. A History of Theories of Culture. New York, 1968.

Steward J.H. Theory of Culture Change. The Methodology of Multilinear Evolution. Urbana, 1955.

Прочие работы

Аверкиева Ю.П. История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979.

Далин В.М. Французские историки XX века (Судьбы школы «Анналов») // В.М. Далин. Историки Франции XIX—XX веков. М., 1981.

Марков Г.Е. Очерки истории немецкой науки о народах. Ч. 1. М., 1993.

Соколова М.Н. Современная французская историография. Основные тенденции в объяснении исторического процесса. М., 1979.

Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М., 1978.

Orlove B.S. Ecological Anthropology // ARA. Vol. 9. 1980.

К подразделу 3.14.6
Источники

Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории // Т. Карлейль. Теперь и прежде. М., 1994.

Кроче Б. Теория и история историографии. М., 1998.

Лавров П.Л. Исторические письма // Избр. соч. на социально-политические темы. Т. 1. М., 1934; П.Л. Лавров. Философия и социология. Избр. произв. в 2-х т. Т. 2. М., 1965.

Михайловский Н.К. Герои и толпа // Соч. Т. 2. СПб., 1896, Избр. труды по социологии. Т. 2. СПб., 1998.

Михайловский Н.К. Граф Бисмарк // Соч. Т. 6. СПб., 1897.

Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1990.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Избранные труды. М., 1997.

Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1—2. М., 1992.

Поппер К. Нищета историцизма. М., 1993.

Хук С. «Если бы» в истории // Thesis. Вып. 5. М., 1994.

Шелгунов Н.А. Фатализм исторического процесса // Соч. 2-е изд. Т. 1. СПб., 1895.

Шелгунов Н.А. Социально-экономический фатализм // Соч. 2-е изд. Т. 2. СПб., 1895.

Шелгунов Н.А. Историческая сила критической личности // Там же.

Hook S. The Hero in History. A Study in Limitation and Possibility. Boston, 1955.

К подразделу 3.14.7
Источники

Волкогонов Д. Ленин. Политический портрет. В двух книгах. М., 1994: 1998.

Жириновский В.В. Последний удар по России. М., 1995; 1998.

Зюганов Г.А. Россия и современный мир. М., 1995.

Зюганов Г. Уроки жизни. М., 1997.

Иоанн (митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский). Борьба за Россию. Саратов, 1993

Иоанн (митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский). Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. Саратов, 1995.

Козенков Ю. Голгофа России. Завоеватели: Краткая хроника преступлений мирового сионизма, масонства и Запада против России. От Петра I до Сталина. М., 2001.

Крыленко Н.К. Денежная держава. Тайные механизмы истории. М., 2002. [1997]

Марков Н.Е. Войны темных сил. М.,1993, 2002. [1928—1930].

Мизес Л. фон. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М., 1993.

Нилус С.А. Близ есть, при дверех: О том, чему не желают верить и что так близко. Сергиев Посад, 1917; СПб., 1997; М.-СПб., 1999.

Нилус С.А. Великое в малом и антихрист как близкая политическая возможность. Записки православного. 2-е изд. испр. и доп. Царское село, 1905; Сергиев Посад, 1992; СПб., 1996.

Платонов О. Тайная история России. XX век. М., 1996.

Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731—1996. 2-е изд. испр. и доп. М., 1996.

Платонов О.А. Терновый венец России. Загадка сионских протоколов. М., 1999.

Протоколы сионских мудрецов. Б. м., 1990.

Саттон Э. Как Орден организует войны и революции. М., 1995.

Саттон Э. Уолл-Стрит и большевицкая революция. М., 1998.

Солженицын А. Ленин в Цюрихе. Paris. 1975.

Солженицын А. Публицистика. Т. 1—3. Ярославль, 1995—1997.

Тайна Октябрьского переворота. Ленин и немецко-большевистский заговор. Документы, статьи, воспоминания. СПб., 2001.

Эпперсон Р. Невидимая рука. Введение во взгляд на историю как на заговор. СПб., 1996; 1999.

Прочие работы

Багдасарян В.Э. «Теория заговора» в отечественной историографии второй половины XIX—XX вв. М., 1999.

Бен-Ито Х. Ложь, которая не хочет умирать: «Протоколы сионских мудрецов»: Столетняя история. М., 2001.

Дудаков С. История одного мифа. Очерки русской литературы XIX—XX вв. М., 1993.

Кон Н. Благословение на геноцид. Миф о всемирном заговоре евреев и «Протоколах сионских мудрецов». М., 1990.

Лакер У. Черная сотня. Истоки русского фашизма. Вашингтон, 1994.

Скуратовский В. Проблема авторства «Протоколов сионских мудрецов». Киев, 2001.

Черняк Е.Б. Невидимые империи. Тайные общества старого и нового времени на Западе. М., 1987.

Энтин Дж. Теория заговоров и конспиративистский менталитет // НИИ. 2000. № 1.

Hofstadter R. The Paranoid Style in American Politics and other Essays. New York, 1965.

Pipes D. Conspiracy: How the Paranoidal Style Flourishes and Where it Comes from. New York, 1997.

К подразделу 3.14.8
Источники

Блан Л. История Великой Французской революции. СПб., 1871.

Блан Л. История Французской революции. СПб., 1907.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1990.

Дубинин Н.П. Философские и социологические аспекты генетики человека // ВФ. 1971. № 1.

Лабриола А. Очерки материалистического понимания истории. М., 1960.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.,1992.

Новалис. Гейнрих фон Офтердинген. Фрагменты. Ученики в Саисе . СПб., 1995

Новалис. Генрих фон Офтердинген. Гимны к ночи. Духовные песни // Голубой цветок и дьявол. М., 1998.

Плеханов Г.В. О материалистическом понимании истории // Избр. философ. произв. в 5-ти т. Т. 2. М., 1956.

Сорокин П. Кризис нашего времени // П. Сорокин. Человек. Цивилизации. Общество. М., 1992.

Сорокин П. О так называемых факторах социальной эволюции // Там же.

Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М., 1997.

Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М., 2000.

Февр Л. Бои за историю. М.,1991.

Фукуяма Ф. Конец истории? // Философия истории. Антология. М., 1995.

Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М., 1993.

Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.

Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.-СПб., 1997.

Ясперс К. Истоки истории и ее цель // К. Ясперс. Смысл и назначение истории. М., 1991.

Heidegger M. What is Philosophy? New Haven,Conn., 1956 [1955].

Kaplan D. The Superorganic: Science or Metaphisics ? // AA. 1965. Vol. 67. № 4.

*Kroeber A. L,*The Superorganic // A.L. Kroeber. The Nature of Culture. Chicago, 1952.

Прочие работы

Габитова Р.М. Философия немецкого романтизма. М.,1978.

Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. 1. М., 1989.

Гуревич А.Я. Послесловие. Жак Ле Гофф и «Новая историческая наука» во Франции // Ж. Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.

Гуревич А.Я. Исторический синтез и «Школа» Анналов. М., 1993.

Далин В.М. Французские историки XX века (Судьбы школы «Анналов») // В.М. Далин. Историки Франции XIX— XX веков. М., 1981.

Соколова М.Н. Современная французская историография. Основные тенденции в объяснении исторического процесса. М., 1979.

К подразделу 3.14.9
Источники

Бутовская М.Л., Плюснин Ю.М. Принципы организации пространственного поведения у человека и высших приматов (сравнительный анализ) // Современная антропология и генетика и проблема рас у человека. Сборник статей. М., 1995.

Бутовская М.Л., Файнберг Л.А. У истоков человеческого общества. М.,1993.

Зайцев В.А. Учение о пище, общепонятно изложенное Молешоттом // Избр. соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1934.

Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Философское исследование учения Фрейда. Киев, 1995.

Молешотт Я. Физиологические эскизы. М., 1865.

Павлов И.П. Двадцатилетний опыт объективного исследования высшей нервной деятельности (поведения) животных. Сборник статей, докладов, лекций и речей. 7-е изд. с прилож. М., 1952.

Писарев Д.И. Физиологические эскизы Молешотта // Соч. Ч. 6. Пб., 1866.

Райх В. Психология масс и фашизм. СПб., 1997.

Райх В. Сексуальная революция. СПб.-М., 1997.

Фрейд З. Тотем и табу // З. Фрейд «Я» и «Оно». Труды разных лет. Кн. 1. Тбилиси, 1991; СПб., 1997; З. Фрейд. Я и Оно. М.-Харьков, 1998.

Фрейд З. Человек Моисей и монотеистическая религия // З. Фрейд. Психоанализ. Религия. Культура. М., 1992.

Эфроимсон В.П. Родословная альтруизма // Новый мир. 1961. № 10, В.П. Эфроимсон. Гениальность и генетика. М., 1998.

Эфроимсон В.П. Генетика этики и эстетики. СПб., 1995.

Bigelow R. The Dawn Warriors. Man's Evolution Toward Peace. Boston, 1969.

Duby G. La société aux XIe et XIIe siécles dans la région mâconaise. Paris, 1971.

Fox R. Primate Kin and Human Kinship. // Biosocial Anthropology. London, 1975.

Tiger L., Fox R. The Zoological Perspective in Social Science // Man. 1966. Vol. I. № 1.

Wilson E.O. Sociobiology: The New Synthesis. Cambridge, Mass., 1975; 1980.

Wilson E.O. Sociobiology: A New Approach to Understanding the Basis of Human Nature.// New Scientist. 1976. Vol. 70,№ 1000.

Прочие работы

Соколова М.Н. Современная французская историография. Основные тенденции в объяснении исторического процесса. М., 1979.

К подразделу 3.14.10
Источники

Андреев Д. Роза мира. М., 1992.

Бердяев Н.А. Смысл истории. Берлин, 1923; Paris, 1969; М., 1990.

Бердяев Н.А Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии // Русское зарубежье. Из истории социальной и правовой мысли. Л., 1991.

Булгаков С.Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М., 1994.

Вехи // Вехи. Из глубины. М., 1991.

Дугин А.Г. Конспирология (Наука о заговорах, тайных обществах и оккультной войне). М., 1993

Зюганов Г. Манифест НСПР. М., 1998.

Карсавин Л.П. Философия истории. Берлин, 1923; СПб , 1993.

Померанц Г. Лекции по философии истории // З. Миркина. Огонь и пепел; Г. Померанц. Лекции по философии истории. М., 1993.

Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве // Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1989.

Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1990.

Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и всемирной истории // Там же.

Франк С.Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию // Русское зарубежье. Из истории социальной и правовой мысли. Л., 1991: С.Л. Франк. Духовная жизнь общества. М., 1992.

Прочие работы

Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Парадигма русской философии истории // Очерк русской философии истории. Антология. М., 1996

Семенов Ю.И. О русской религиозной философии конца XIX – начала XX вв. // ФиО. 1997. № 4; Новый безбожник. 2001. № 2; Коммунист. 2001. № 6.

К подразделу 3.14.11
Источники

Бергсон А. Творческая эволюция. М., 1998

Бергсон А. Два источника морали и религии М., 1994.

Винклер Г. Западная Азия в древние времена // История человечества. Всемирная история. Под общей редакцией Г. Гельмольта. Т. 3. СПб., 1903.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. Л., 1990; М., 1994.

Васильев Н.А. Вопрос о падении Западной Римской империи и античной культуры в историографической литературе и в истории философии в связи с теорией истощения народов и человечества // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. 31. Вып. 2-3. Казань, 1920.

Масперо Ж. Древняя история народов Востока. М., 1895; 1903; 1911.

Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1991.

Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. М.-СПб., 1995.

Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. М. 2002.

Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. М., 1993.

К подразделу 3.14.12

История России. С древнейших времен до конца XVII века. М., 1996.

Коротаев А.В. Факторы социальной эволюции. М., 1997.

Манекин Р.В., Шемякин Я.Г., Коротаев А.В., Ионов И.Н., Дмитриев М.В. Альтернативность истории / Анналы. Научно-публицистический альманах. Донецк, 1992.

Bunge M. Scientific Materialism. Dordrecht etc., 1981.

Huntington E. Mainsprings of Civilization. New York, London, 1945.

К ЧАСТИ 4

К разделу 4.2

Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. 4-е изд. доп. и исправл.Т.1. М., 1925.

Ковалев С.И., Некрасова Е.К., Равдоникас В.И., Смирнов И.И. Краткое введение в историю докапиталистических формаций / ИГАИМК. Вып. 99. М., 1934.

Колганов М.В. Собственность. Докапиталистические формации. М., 1962.

Коранашвили Г.В. Докапиталистические способы производства. Тбилиси, 1988.

Кузищев В.И. Античное рабство как экономическая система. М., 1990.

Курс политической экономии в двух томах. Под ред. Н.А. Цаголова. 3-е изд. Т. 1. Досоциалистические способы производства. М., 1973.

Ленин В.И. Рецензия: А. Богданов. Краткий курс экономической науки. М., 1897. // Полн. собр. соч. Т. 4.

Ленин В.И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности // Там же. Т. 36.

Ленин В.И. Великий почин // Там же. Т. 39.

Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857-1858 годов) // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 12.

Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Там же. Т. 13.

Маркс К. Капитал. Т. 1 // Там же. Т. 23.

Мейман М.Н. Экономический закон движения рабовладельческого способа производства // ИЗ. Т. 22. М., 1947.

Мейман М.Н. Движение феодального способа производства // ИЗ. Т. 42. М., 1953.

Нуреев Р.М. Экономический строй докапиталистических формаций. Душанбе, 1889.

Нуреев Р.М. Политическая экономия. Докапиталистические способы производства. Основные закономерности развития. М., 1991.

Островитянов К.В. Докапиталистические формации. М., 1945; Избр. соч в 2-х т. Т. 1. М.,1972.

Политическая экономия. Под ред. Г.А. Козлова. Т. 1. М., 1969.

*Полянский Ф.Я.*Товарное производство в условиях феодализма. М.-Л., 1969.

Полянский Ф.Я. Вопросы политической экономии феодализма. М., 1980,

Поршнев Б.Ф. Очерк политической экономии феодализма. М., 1956.

Поршнев Б.Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964.

Преображенский В.Д. Краткий очерк экономики докапиталистических формаций. М., 1933.

Рейхардт В.В. Очерки по экономике докапиталистических формаций. М.-Л., 1934.

Семенов Ю.И. Общественно-экономические уклады // Теория общественно-экономической формации. М., 1982.

Семенов Ю.И. Об особенностях развития производительных сил докапиталистических классовых обществ // ФН. 1985. № 5.

Семенов Ю.И. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. Ч. 1-3. М., 1993.

Семенов Ю.И. Россия: что с ней случилось в XX веке // Российский этнограф. Вып. 20. М., 1993.

Семенов Ю.И. Секреты Клио. Сжатое введение в философию истории. М., 1996.

Семенов Ю.И. Введение во всемирную историю. Вып. 1. Проблема и понятийный аппарат. Возникновение человеческого общества. М., 1997.

Семенов Ю.И. Введение во всемирную историю. Вып. 3 История цивилизованного общества (XXX в. до н.э. — XX в. н.э.). М., 2001.

Шилюк Н.Ф. Закономерности развития рабовладельческого общества. Свердловск, 1982.

Finley M. The Ancient Economy. London, 1973.

Genovese E. The Political Economy of Slavery. New York, 1967.

Hindess B. and Hirst P.Q. Pre-Capitalist Modes of Production. London and Boston. 1975.

Patterson O. Slavery and Social Death. Cambridge, Mass., 1982.

Rader T. The Economics of Feudalism. New York, London, Paris, 1971.

К разделу 4.3

К подразделу 4.3.1

История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983.

Семенов Ю.И. Как возникло человечество. М.,1966; 2-е изд. с новым предисловием и приложениями. М., 2002.

Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М., 1974.

Семенов Ю.И. На заре человеческой истории. М., 1989.

Семенов Ю.И. Введение во всемирную историю. Вып. 1. Проблема и понятийный аппарат. Возникновение человеческого общества. М., 1997.

Encyclopedia of Human Evolution and Prehistory. Ed. by I. Tattersall, E. Delson, J. Van Couvering. New York and London, 1988.

К подразделу 4.3.2

Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. М., 1999; 2001.

История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986.

История первобытного общества. Эпоха классообразования. М., 1988.

Морган Л.Г. Древнее общество. Л., 1934.

Першиц А.И, Семенов Ю.И., Шнирельман В.А. Война и мир в ранней истории человечества. Т. 1—2. М., 1995.

Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М., 1974.

Семенов Ю.И. Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии: Прагосударство и аграрные отношения // Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1980.

Семенов Ю.И. О первобытном коммунизме, марксизме и сущности человека // ЭО. 1992. № 3.

Семенов Ю.И. Об «архаическом обществе», классогенезе, политогенезе и еще о десятке подобного же рода сюжетов // Восток. 1993. № 5.

Семенов Ю.И. Переход от первобытного общества к классовому: Пути и варианты развития // ЭО. 1993. № 1, 2.

Семенов Ю.И. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. Ч. 1—3. М., 1993.

Семенов Ю.И. Обычное право в доклассовом обществе: возникновение, сущность и эволюция // Обычное право народов Сибири (буряты, якуты, алтайцы, шорцы). М. 1997.

Семенов Ю.И. Введение во всемирную историю. Вып. 2. История первобытного общества. М., 1999.

Семенов Ю.И. Введение во всемирную историю. Вып. 3. История цивилизованного общества (XXX в. до н.э. — XX в. н.э.). М., 2001.

Шнирельман В.А. Возникновение производящего хозяйства. М., 1989.

Encyclopedia of Human Evolution and Prehistory. Ed. by I. Tattersall, E. Delson, J. Van Couvering. New York and London, 1988.

К подразделу 4.3.3

Альбедиль М.Ф. Забытая цивилизация в долине Инда. СПб.,1991.

Антонова Е.В. Месопотамия на пути к первым государствам. М., 1998.

Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1956.

Ван-дер Варден Б. Пробуждающаяся наука. Математика Древнего Египта, Вавилона и Греции. М., 1959.

Ван дер Варден Б. Пробуждающаяся наука. II. Рождение астрономии. М.,1991.

Гельб И.Е. Опыт изучения письма (Основы грамматологии). М., 1982.

Даннеман Ф. История естествознания. Т. 1. От зачатков науки до эпохи Возрождения. М., 1932.

История Востока. Т. 1. Восток в древности. М., 1997.

История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. Месопотамия. М., 1983, Ч. 2. Передняя Азия Египет. М., 1988

История древнего мира. Ранняя древность. 2-е изд. М.,1983, 3-е изд. 1989.

История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М., 1986.

Ламберг-Карловски К., Саблов Дж. Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика. М., 1992.

Ллойд С. Археология Месопотамии. М., 1984.

Мифология древнего мира. М., 1977.

Оппенхейм А. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. М.,1990.

Першиц А.И, Семенов Ю.И., Шнирельман В.А. Война и мир в ранней истории человечества. Т. 1-2. М., 1995.

Сайко Э.В. Древнейший город. Природа и генезис. Ближний Восток IV—II тысячелетий до н.э. М., 1996.

Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М., 1974.

Семенов Ю.И. Об одном из типов социальных структур Африки и Азии: Прагосударство и аграрные отношения. // Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М.,1980.

Семенов Ю.И. Социально-экономический строй Древнего Востока: Современное состояние проблемы // НАА. 1988. № 2.

Семенов Ю.И. Введение во всемирную историю. Вып. 3 История цивилизованного общества (XXX в. до н.э. — XX в. н.э.). М., 2001.

Хенниг Р. Неведомые земли. Т.1. М., 1961.

К подразделу 4.3.4

Андреев Ю.В. Раннегреческий полис (гомеровский период) Л., 1976.

Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т. 1—2. М.,1983.

Берве Г. Тираны Греции. Ростов-на-Дону, 1997.

Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1956.

Ван-дер-Варден Б. Пробуждающаяся наука. Математика Древнего Египта, Вавилона и Греции. М., 1959.

Даннеман Ф. История естествознания. Т. 1. От зачатков науки до эпохи Возрождения. М., 1932.

Ельницкий Л.А. Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII—III вв. до н.э. М., 1964.

Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII—V вв. до н.э. Л., 1985.

История древнего мира. Расцвет древних обществ. 2-е изд. М., 1983; 3-е изд. 1989.

История древнего мира. Упадок древних обществ. 2-е изд. М.,1983; 3-е изд. 1989.

История Европы. Т.1. Древняя Европа. М., 1988.

Кузищин В.И. Античное классическое рабство как экономическая система. М., 1990.

Левек П. Эллинистический мир. М., 1989.

Маяк И.Л. Рим первых царей. Генезис римского полиса. М., 1983.

Петрушевский Д.М. Общество и государство у Гомера. М., 1913.

Рожанский И.Д. Античная наука. М., 1980.

Рожанский И.Д. История естествознания в эпоху эллинизма и Римской империи. М., 1988.

Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской империи. Т. 1—2. СПб., 2000—2001.

Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М., 1974.

Семенов Ю.И. Переход от первобытного общества к классовому: Пути и варианты развития // ЭО. 1993. № 2.

Семенов Ю.И. Введение во всемирную историю. Вып. 3 История цивилизованного общества (XXX в. до н.э. — XX в. н.э.). М., 2001.

Федотов В.В. Историческая география античного мира. М., 1996.

Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988.

Хенниг Р. Неведомые земли. Т. 1. М., 1961.

Шишова И.А. Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. М., 1991.

Штаерман Е.М. Древний Рим. Проблемы экономического развития. М., 1978.

Штаерман Е.М. История крестьянства в древнем Риме. М., 1996.

Эллинизм: Экономика, политика, культура. М., 1990.

Эллинизм: Восток и Запад. М., 1992.

Яйленко В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990.

Burkert W. Orientalizing Revolution: Near Eastern Influence on Greek Culture in the Early Archaic Age. New Haven, 1992.

Finley M.I. The Ancient Economy. London, 1973.

Finley M.I. The World of Odysseys. Harmondsworth, 1980.

Fisher N.R.E. Slavery in Classical Greece. London, 1993.

The Greek City from Homer to Alexander. Ed. by O. Murrey and S. Price. Oxford, 1990.

Garlan Y. Slavery in Ancient Greece. Ithaca, 1988.

Lintott A. Violence, Civil Strife and Revolution in the Classical City. 750—330 BC. Baltimore, 1982.

Murray O. Early Greece. London, 1993.

Osborne R. Greece in Making. 1200-479. London, 1996.

Smith Ch.J. Early Rome and Latium. Economy and Society c. 1000—500 BC. Oxford, 1996.

Starr C.S. The Economic and Social Growth of Early Greece. 800—500 B.C. New York, 1977.

К подразделу 4.3.5

Берзин Э.О. Юго-Восточная Азия с древнейших времен до XIII века. М., 1995.

Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000.

Васильев Л.С. История Востока. Т. 1. М., 1998.

История Востока. Т. 1. М., 1997.

История древнего мира. Расцвет древних обществ. 2-е изд. М., 1983; 3-е изд. 1989.

История древнего мира. Упадок древних обществ. 2-е изд. М., 1983; 3-е изд. 1989.

История Латинской Америки. Доколумбова эпоха — 70-е годы XIX века. М., 1991.

История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М., 1986.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб., 1994.

Семенов Ю.И. Введение во всемирную историю. Вып. 3 История цивилизованного общества (XXX в. до н.э. — XX в. н.э.). М., 2001.

Федоров-Давыдов Г.А. На окраинах античного мира. М., 1975.

Федотов В.В. Историческая география Северо-Восточной Евразии в эпоху античных цивилизаций. М., 1996.

Sharma J. Republics in Ancient India. Leiden, 1968.

К подразделу 4.3.6

Берзин Э.О. Юго-Восточная Азия с древнейших времен до XIII века. М., 1995.

Берзин Э.О. Юго-Восточная Азия в XIII—XVI веках. М., 1982.

Березкин Ю.Е. Инки: Исторический опыт империи. Л., 1991.

Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1956.

Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. Тверь, Москва. 1996.

Вернадский Г.В. История России. Киевская Русь. Тверь, Москва. 1996.

Вернадский Г.В. История России. Монголы и Русь. Тверь, Москва. 1996.

Гуковский М.А. Итальянское Возрождение. Т. 1. Л., 1947; Т. 2. 1961.

Даннеман Ф. История естествознания. Т. 1. От зачатков науки до эпохи Возрождения. М., 1932.

Диль Ш. Основные проблемы византийской истории. М., 1947.

Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. М., 1980.

История Востока. Т. 2. Восток в средние века. М., 1995.

История Европы. Т. 2. Средневековая Европа. М., 1992.

История Латинской Америки. Доколумбова эпоха — 70-е годы XIX века. М., 1991.

История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М., 1986.

Клуде Д. История вестготов. СПб., 2002.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб., 1994.

Ламберг-Карловски К., Саблов Дж. Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика. М., 1992.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.

Любавский М. История западных славян. М., 1918.

Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996.

Мюссе Л. Варварские нашествия на Европу. Вторая волна. СПб., 2001.

Неусыхин А. Общественный строй древних германцев. М., 1929; 2001.

Першиц А.И. Война и мир на пороге цивилизации: Кочевые скотоводы // А.И. Першиц, Ю.И. Семенов, В.А. Шнирельман. Война и мир в ранней истории человечества. Т. 2. М., 1994.

Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998.

Пиренн А. Средневековые города и возрождение торговли. Горький, 1941.

Свердлов М.Б. Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997.

Седов В.В. Древнерусская народность. М., 1999.

Семенов Ю.И. Переход от первобытного общества к классовому: Пути и варианты развития // ЭО. 1993, № 2.

Семенов Ю.И. Введение во всемирную историю. Вып. 3 История цивилизованного общества (XXX в. до н.э. — XX в. н.э.). М., 2001.

Стриннгольм А. Походы викингов. М., 2002.

Уоллес-Хедрил Дж. М. Варварский Запад. Раннее Средневековье. 400—1000. СПб., 2002.

Хенниг Р. Неведомые земли. Т. 2. М.,1961; Т. 3. 1962; Т. 4. 1963.

Anderson P. Passages from Antiquity to Feudalism. London, 1978.

Bloch M. Feudal Society. Vols 1—2. Chicago, 1961.

Gimpel J. The Medieval Machine. The Industrial Revolution of Middle Age. Harmondsworth, 1983.

Lopez R.S. The Commercial Revolution of the Middle Ages. 950-1350. Cambridge etc., 1984.

Waley D. The Italian City-Republics. London, 1969.

К подразделам 4.3.7—4.3.8

Берзин Э.О. Юго-Восточная Азия в XIII—XVI веках. М., 1982.

Берзин Э.О. Юго-Восточная Азия и экспансия Запада в XVII — начале XVIII века. М., 1982.

Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1956.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. Т.1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986; Т. 2. Игры обмена. 1988; Т. 3. Время мира. 1992.

Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1993.

Делюмо Ж. Ужасы на Западе. М., 1994.

История Европы. Т. 3. От средневековья к новому времени (конец XV — первая половина XVII вв.). М., 1993.

История Европы. Т. 4. Европа нового времени (XVII—XVIII века). М., 1994.

История Востока. Т. 3. Восток на рубеже средневековья и нового времени XVI—XVIII вв. М., 1999.

История Латинской Америки. Доколумбова эпоха — 70-е годы XIX века. М., 1991.

История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М., 1986.

Ли Г.Ч. История инквизиции в средние века. Т. 1—2. СПб. 1911—1912; Смоленск, 2001.

Магидович И.П. Очерки по истории географических открытий. М., 1957.

Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996.

Новая история колониальных и зависимых стран. Т. 1. М., 1940.

Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой Французской революции 1789—1814 гг. 3-е изд., доп. СПб., 1996.

Роббинс Р.Х. Энциклопедия колдовства и демонологии. М., 1996.

Скрынников Р.Г. История российская IX—XVII вв. М., 1997.

Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М., 1974.

Семенов Ю.И. Введение во всемирную историю. Вып. 3 История цивилизованного общества (XXX в. до н.э. — XX в. н.э.). М., 2001.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 1 (Т. 1-2). М.,1962.

Тарле Е.В. Падение абсолютизма в Западной Европе и России. 2-е доп. изд. Пг., 1924.

Тарле Е.В. Европа в эпоху империализма // Соч. Т. 5. М., 1958.

Тарле Е.В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV — начало XIX вв.). М.-Л.,1965.

Три века колониальной Америки. О типологии феодализма в Западном полушарии. СПб., 1992.

Хобсбаум Э. Век революции. 1789—1848. Ростов-на-Дону. 1999.

Хобсбаум Э. Век капитала. 1848—1875. Ростов-на-Дону. 1999.

Хобсбаум Э. Век империи. 1875—1914. Ростов-на-Дону 1999.

Черняк Е.Б. Вековые конфликты. М., 1988.

Чистозвонов А.Н. Генезис капитализма: Проблемы методологии. М., 1985.

Wallerstein I. The Modern World-System I. Capitalist Agriculture and Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. New York etc.,1974.

Wallerstein I. The Modern World-System II. Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy,1600—1750. New York etc.,1980.

Wallerstein I. The Modern World System III. The Second Era of Great Expansion the Capitalist World-Economy, 1730—1840s. San Diego etc., 1989.

К подразделу 4.3.9

Арин О. Царская Россия: Мифы и реальность. М., 1999.

Амин С. Перспектива социализма в свете требований развития // Проблемы мира и социализма. 1989. № 5.

Ананьич Б.В. Россия и международный капитал.1897—1914. Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970.

Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988.

Бухарин Н.И. Мировое хозяйство и империализм // Н.И. Бухарин. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989.

Гиндин И.Ф. О величине и характере русского государственного долга в конце 1917 г. // История СССР. 1957. № 5.

Зив В.С. Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышленности. Пг., 1917.

Оль П.В. Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России. Л., 1925.

Парвус. Россия и революция. СПб., [1906].

Ленин В.И. Две тактики социал-демократии в демократической революции // Полн. собр. соч. Т. 11.

Ленин В.И. Пробуждение Азии // Там же. Т. 23.

Ленин В.И. Как увеличить размеры душевого потребления в России? // Там же. Т. 23.

Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // Там же. Т. 25.

Ленин В.И. О двух линиях революции // Там же. Т. 27.

Ленин В.И. К пересмотру партийной программы // Там же. Т. 34.

Люксембург Р. Русская революция // Р. Люксембург. О социализме и русской революции. М., 1991. [1906]

Лященко П.И. История народного хозйства СССР. Т. 2. Капитализм. М., 1950.

Об особенностях империализма в России. М., 1963.

Посвольский А и Моултон Г. Русские долги и восстановление России. М., 1925.

Семенов Ю.И. Введение во всемирную историю. Вып. 3 История цивилизованного общества (XXX в. до н.э. – XX в. н.э.). М., 2001.

Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны. М., 1960.

Тарновский К.Н. Социально-экономическая история России. Начало XX в. Советская историография середины 50–60-х годов. М., 1990.

Троцкий Л.Д. Итоги и перспективы. Движущие силы революции // Л.Д. Троцкий. К истории русской революции. М., 1990. [1906]

Троцкий Л.Д. Что же такое перманентная революция? (Основные положения) // Там же.[1930]

Фиск Г. Финансовое положение Европы и Америки после войны. М., 1926.

Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 →1917–1922. М., 1998.

Шванебах П.Х. Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901.

Шебалдин Ю.Н. Государственный бюджет России в начале XX в. (до первой мировой войны) // ИЗ. 65. М., 1959.

Alavi H. The Structure of Peripheral Capitalism // Introduction to the Sociology of «Developing Societies». Ed. by H. Alawi and T. Shanin. New York and London, 1982.

Campeanu P. The Genesis of the Stalinist Social Order. New York and London, 1988.

Falkus M.E. The Industrialisation of Russia. 1700-1913. London and Basingstoke, 1972.

Furtado C. Development and Underdevelopment. Berkeley, 1971.

McKay J.P. Pioneers of Profit. Foreign Entrepreneurship and Russian Indusrialization. 1885—1913. Chicago and London, 1970.

Kort M. The Soviet Colossus. The Rise and Fall of the USSR. 3rd. edn. New York and London, 1993.

Kochan L. The Making of Modern Russia. Harmondsworth,1977. [1962]

Kochan L. Russia in Revolution,1890-1918. London,1966; 1970.

Kumar K. The Rise of Modern Society. Aspects of the Social and Political Development of the West. Oxford, New York, 1988.

Laue Th.H. Why Lenin? Why Stalin?: A Reappraisal of Russian Revolution. 1900—1930. Philadelphia, New York, 1964.

Moore B. Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston, 1966.

Shanin T. Russia as a «Developing Society». London, 1985.

К подразделу 4.3.10

Александров Ю. СССР: Логика истории. М., 1997.

Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.

Бжезинский З. Большой провал. Рождение и смерть коммунизма в двадцатом веке. Нью-Йорк,1989.

Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 1—2. М., 1994.

Боффа Дж. От СССР к России: История неоконченного кризиса. 1964—1994. М., 1996.

Бухарин Н.И. Мировое хозяйство и империализм // Н.И. Бухарин. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989.

Ванден Берге И. Историческое недоразумение. «Холодная война». 1917—1990. М., 1996.

Верт Н. История Советского государства. 1900—1991. 2-е испр. изд. М., 1998.

Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. Кн. 1—2. М., 1989.

Волкогонов Д.А. Троцкий. Политический портрет. Кн. 1—2. М., 1992.

Волкогонов Д. Ленин: Исторический портрет. Кн. 1—2. М., 1994.

Воронов Ю.М. Становление идеократии: Истоки, ментальность, аппарат (1917—1929). Иваново, 1993.

Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.,1991.

Джилас М. Новый класс // М. Джилас. Лицо тоталитаризма. М., 1992.

Желев Ж. Фашизм. Тоталитарное государство. М., 1991.

История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М., 1986.

Каратуев А.Г. Советская бюрократия. Система политико-экономического господства и ее кризис (1919—1991). Белгород, 1993.

Карр Э. История советской России. Книга 1. Большевистская революция. 1917—1923.Т. 1—2. М., 1990.

Карр Э. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917—1923. М., 1990.

Каутский К. Материалистическое понимание истории. Т. 2. М., 1931.

Каутский К. Большевизм в тупике. М., 2002.

Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1948 // Антология экономической классики. Т. 2. М., 1993; М., 1999.

Кларк Р. Ленин. Человек без маски. Вып. 1—2. М., 1989.

Конквест Р. Большой террор. Т. 1—2. Рига, 1991.

Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888—1938. М., 1992.

Краус Т. Советский термидор. Духовные предпосылки сталинского поворота. 1917—1928. Будапешт, 1997.

Куртуа С. и др. Черная книга коммунизма. Преступления. Террор. Репрессии. М., 1999.

Ли Ван Чон. От Ленина к сталинизму. 1917—1939. М., 1997.

Леонов С.В. Рождение советской империи: Государство и идеология. 1917—1922 гг. М., 1997.

Медведев Р.А. О Сталине и сталинизме. М., 1990.

Мизес Л. фон. Социализм. Экономический и социологический анализ. М., 1994; 1995.

Мизес Л. фон. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М., 1993.

Редлих Р. Советское общество (Очерки большевизмоведения. Кн. 2). Frankfurt/ Main, 1972. [1955]

Роговин В.З. Была ли альтернатива? «Троцкизм»: Взгляд через годы. М., 1992.

Роговин В.З. Власть и оппозиция (1928—1933 годы). М., 1993.

Роговин В.З. Сталинский неонэп. М., 1994.

Роговин В.З. 1937. М., 1996.

Роговин В.З. Партия расстрелянных. М., 1997.

Роговин В.З. Мировая революция и мировая война. М., 1998.

Рютин М.Н. Сталин и кризис пролетарской диктатуры // Реабилитация. Политические процессы 30—50-х годов. М., 1991.

Семенов Ю.И. Россия: Что с ней случилось в двадцатом веке // Российский этнограф. Вып. 20. М , 1993.

Семенов Ю.И. Введение во всемирную историю. Вып. 3 История цивилизованного общества (XXX в. до н.э — XX в. н.э.). М., 2001.

Соловьев А.В. Этюды о капитализме России XX века (становление капитализма в СССР). Кострома, 1995.

Стариков Е.Н. Общество-казарма от фараонов до наших дней. Новосибирск, 1996.

Стецовский Ю. История советских репрессий. Т. 1—2. М., 1997.

Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879—1929. История и личность. М., 1991.

Такер Р. Сталин у власти. История и личность. 1928—1941. М., 1997

Троцкий Л. Преданная революция. М., 1992. [1936]

Трукан Г.А. Путь к тоталитаризму. 1917—1929 гг., М., 1994.

Фишер Л. Жизнь Ленина. Т. 1—2. М., 1997.

Флекснер К.Ф. Просвещенное общество. Экономика с человеческим лицом. М., 1994.

Фридман и Хайек о свободе. Минск, 1990.

Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М., 1998.

Хайек Ф.А. Дорога к рабству. М., 1992.

Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. М., 1992.

Шанин Т. Революция как момент истины. Россия. 1905—1907→1917-1922. М., 1998.

Шафаревич И.Р. Социализм как явление мировой истории // И.Р. Шафаревич. Есть ли у России будущее? М., 1991. [1977]

Catreapu P. The Genesis of the Stalinist Social Order. New York and London, 1988.

Kochan L. The Making of Modern Russia. Harmondsworth,1977. [1962]

Kochan L. Russia in Revolution,1890-1918. London,1966; 1970.

Laue Th.H. Why Lenin? Why Stalin?: A Reappraisal of Russian Revolution. 1900—1930. Philadelphia, New York, 1964.

Moore B. Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston, 1966.

Shanin T. Russia as a «Developing Society». London, 1985.

К ЧАСТИ 5

Абалкин Л.И. Выбор за Россией. М., 1998.

Альбер М. Капитализм против капитализма. СПб., 1998.

Альтерглобализм. Теория и практика антиглобалистского движения. М., 2003.

Арин О.А. Россия в стратегическом капкане. М., 1997.

Арин О.А. Мир без России. М., 2002.

Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. М., 1993.

Белоруссия: Путь к новым горизонтам. М., 1998.

Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализации — ответы на глобализацию. М., 2001.

Белая книга. Экономические реформы в России 1991—2001 г. М., 2002.

Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 1998.

Богомолов О.Т. Реформы в зеркале международных сравнений, М., 1998.

Богомолов О.Т. Моя летопись переходного времени. М., 2000.

Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500—2010. // СМ. 1996. № 5.

Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.

Видал Г. Почему нас ненавидят? Вечная война ради вечного мира. М., 2003.

Володин А.Г., Широков Г.К. Глобализация: начала, тенденции, перспективы. М., 2002.

Гайдар Е. Государство и эволюция. Дни поражений и побед. М., 1997.

Гайдар Е. Экономические реформы и экономические структуры. Аномалии экономического роста. Статьи. М., 1997.

Галенович Ю.М. Прав ли Дэн Сяопин, или Китайские инакомыслящие на пороге XXI века. М., 2000.

Ганшин Г.А. Экономическая реформа в Китае. Эволюция и реальные плоды. М.,1997.

Генис А. Вавилонская башня. Искусство настоящего времени. Эссе. М.,1997.

Глазьев С. Геноцид. Россия и новый мировой порядок. Стратегия экономического роста на пороге XXI века. М., 1997.

Глазьев С. Геноцид. М., 1998.

Глазьев С. Кто в стране хозяин? М., 2001.

Голанский М.М. Новые тенденции в мировой экономике и участь отставших стран. М., 1995.

Голанский М. Россия на перекрестке двух дорог // Москва. 1997. № 8.

Гор Эл. Земля на чаше весов. Экология и человеческий дух. М., 1993.

Гордон А.В. Цивилизация нового времени между мир-культурой и культурным ареалом (Европа и Азия в XVII—XX вв.). Научно-аналитический обзор. М., 1998.

Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969.

Долгов С.И. Глобализация: Новое слово или новое явление. М., 1998 г.

Дэвис Дж. Капитализм и его культура. М., 1949.

Заринов И.Ю. Белоруссия после распада СССР: Этнополитический аспект. М., 1998.

Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. М., 1995.

Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М., 1994.

Иноземцев В. Расколотое общество. М., 1999.

Кагарлицкий Б.Ю. Реставрация в России. М., 2000.

Кальвокоресси П. Мировая политика после 1945 г. Т. 1—2. М., 2000.

Кастельс И. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М., 2000.

Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века. М., 1999.

Кеннеди П. Вступая в двадцать первый век. М., 1997.

Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. М., 1991.

Китай на пути модернизации и реформ. М., 1999.

Кларк К. Преступность в США. М., 1975; 2002 [1970].

Конец ельцинщины. Будапешт, 1999.

Коэн С. Изучение России без России. Крах американской постсоветологии. М., 1999.

Коэн С. Провал крестового похода. США и трагедия постокоммунистической России. М., 2001.

Ключников Б.Ф. Дьявольский насос // Наш современник. 1998. № 1112.

Кожев А. Тирания и мудрость // ВФ. 1998. № 6.

Кокошин А.А. Путь Россси к глобальной экономике. М., 1999.

Конотопов М., Сметанин С. Из тупика: Экономический опыт мира и путь России. М., 2000.

Крегель Я., Мацнер Э., Грабер Г. Рыночный шок. Материалы группы «Адженда» по социально-экономической реконструкции Центральной и Восточной Европы. Вена, 1994. С. 123.

Кристол И. В конце II тысячелетия. Размышления о западной цивилизации. (Статьи 70—90-х годов). М., 1996.

Кьеза Дж. Прощай, Россия! М., 1997.

Кьеза Дж. Русская рулетка. Что случится в мире, если Россия распадется? М., 2000.

Латинская Америка: Что принесли неолиберальные преобразования? М., 1997.

Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М., 2002. [1995[

Макаревич Л.Н. Кризис постсоветской банковской системы. М., 1998.

Максимов В. Самоистребление. М., 1995.

Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 1994.

Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западня глобализации. Атака на процветание и демократию. М., 2001.

Медведев Р.А. Капитализм в России? М., 1998.

Медведев Р.А., Медведев Ж.А. Россия и Запад в конце XX века. М., 1997.

Медоуз Д.Х., Медоуз Д.А., Рандерс Й., Беренс III В.В. Пределы роста. М., 1988; 1991.

Медоуз Д.Х., Медоуз Д.А., Рандерс Й. За пределами роста: предотвратить глобальную катастрофу, обеспечить устойчивое будущее. М., 1994.

Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1990.

Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999.

Петраков Н.Я. Русская рулетка. Экономический эксперимент ценой 150 миллионов жизней. М., 1998.

Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985.

Пивоварова Э.П. Социализм с китайской спецификой. М., 1999.

Примаков Е. Восемь месяцев плюс... М., 2001.

Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства // Х. Ортега-и-Гассет. Эстетика. Философия. Культура. М., 1991.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Избранные труды. М., 1997.

Поликарпов В.С. Наука и мистицизм в XX веке. М., 1990.

Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики. М., 1999.

Райнов Б. Черный роман. М., 1975.

Райнов Б. Массовая культура. М., 1979.

Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы. М., 1997.

Реформирование России: мифы и реальность. М., 1994.

Реформы глазами американских и российских ученых. М., 1996.

Розанваллон П. Новый социальный вопрос. Переосмысливая государство всеобщего благосостояния. М., 1997.

Россия у критической черты: возрождение или катастрофа. М., 1997.

Россия: новый этап неолиберальных реформ. М., 1997.

Сакс Дж. Порочное зачатие капитализма в России // НВ. 1997. № 49.

Сакс Дж.Д., Фелипе Л.Б. Макроэкономика. Глобальный подход. М., 1999.

Семенов Ю.И. Россия: Что с ней было, что с ней происходит и что ее ожидает в будущем. М., 1995.

Семенов Ю.И. Введение во всемирную историю. Вып. 3 История цивилизованного общества (XXX в. до н.э. – XX в. н.э.). М., 2001.

Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. М., 1999.

Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. М., 2001.

Сото Э.де. Загадка капитала: почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражения во всем остальном мире. М., 2001.

Ставинский И. Капитализм сегодня и капитализм завтра. М., 1997.

Теплиц К.Т. Все для всех. Массовая культура и современный человек. М., 1996.

Титаренко М.Л. Китай: цивилизация и реформы. М., 1999.

Туроу Л.К. Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир. Новосибирск, 1999.

Уильмсон О.И. Экономические институты капитализма. СПб., 1996.

Уткин А.И. Вызов Запада и ответ России. М., 1997; 2002.

Флекснер К.Ф. Просвещенное общество. Экономика с человеческим лицом. М., 1994.

Франк А.Г. Экономические парадоксы в мировой политике // Восток. 1992. № 6.

Фукуяма Ф. Конец истории? // Философия истории. Антология. М., 1995.

Фурсов А. Колокола истории. Ч. 1—2. М., 1996.

Хантингтон С.П. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

Хлебников П. Крестный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России. М., 2001.

Хомский Н. Прибыль на людях. Неолиберализм и мировой порядок. М., 2002.

Хоркхаймер М. Адорно Т.В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.-СПб., 1997.

Хей Л. Новое тысячелетие. Позитивный подход. М., 2000.

Шаванс Б. Экономические реформы в Восточной Европе: 50—90-е годы. М., 1994.

Эрлер Г. Глобальная монополия: мировая политика после распада СССР. М., 1999.

Эволюция теории и практики «государства благосостояния» в 80-е годы. М., 1991.

Яковлев А.Г. Российско-китайский узел в мировой политике // Обозреватель. Специальный выпуск. Россия: проблемы внешней политики. № 22 (26). М., 1993.

Яковлев А.Г. Россия и Китай как субъекты мировой политики // Обозреватель. Информационной-аналитический журнал. 19-20. М., 1994

Яковлев А.Г. Россия, Китай и Индия в условиях становления новой биполярности мира. // Китай в мировой и региональной политики. Институт Дальнего Востока. Информационный бюллетень № 13. М., 1996.

Яковлев А.Г. Биполярность — главный параметр мирового сообщества и вчера, и сегодня, и завтра // Там же. № 13. М., 1997.

Яковлев А.Г. Россия и Китай в строительстве нового мирового порядка // Проблемы Дальнего Востока. 1998 № 6.

Яковлев А.Г. Россия, Китай и мир. М., 2002.

Buchanan P. The Death of West. New York, 2002.

Cook F.I. The Corrupted Land. The Social Morality of Modern America. New York, 1967.

Europe in Global Competition. Ed. by S. Urban. Wiesbaden, 1997.

Fukuyama F. The End of History and Last Man. New York, 1992.

Grey J. False Dawn: The Delusion of Global Capitalism. London, 1998.

The Global Economy in Transition. Ed. by P.W. Daniels and W.F. Level. London, 1996.

Harrison P. Inside the Third World. The Anatomy of Poverty. Brighton, Sussex. 1980 [1979].

Harrison P. Inside the Inner City. Life under Cutting Edge. Harmondsworth, 1983.

Henwood D. Wall Street. How It Works and for Whom. New York, 1997.

Herstein R.J. and Murray Ch. The Bell Curve: Intelligence and Class Strueture in American Life. New Yorkıo 1994.

Hirsch F. Social Limits to Growth. Cambridge, Mass. and London, 1976.

Huntington S. Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order. New York, 1996.

Kim T. International Money and Banking. London, 1993.

Kojeve A. Introduction to the Reading of Hegel. New York. 1969.

Kristol I. Two Cheers for Capitalism. New York, 1978.

Kumar K. The Rise of Modern Society. Aspects of the Social and Political Development of the West. Oxford, New York, 1988.

Lamont M. Money, Morals and Manners. Chicago, 1992.

O'Brien R. Global Financial Integration. The End of Geography. London, 1992.

Reddaway P. and Glinski D. The Tragedy of Russia's Reform. Market Bolshevism Against Democracy. Washington, 2001.

Room G. «New Poverty» in the European Community. London,1990.

Smith R., Walter J. Global Banking. New York, 1997.

Tawney R.N. The Acqusitive Society. Brighton, Sussex, 1982 [1921].

Waters M. Globalisation. London and New York, 1995; 1996.

СОКРАЩЕНИЯ

ВДИ — Вестник древней истории. Москва.

ВИ — Вопросы истории. Москва.

ВКА — Вестник Коммунистической академии. Москва.

ВМН — Время МН. Москва.

ВН — Время новостей. Москва.

ВС — Вопросы статистики. Москва.

ВФ — Вопросы философии. Москва.

ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры. Москва

ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Москва.

ИЗ — Исторические записки. Москва.

КЖ — Круг Жизни. Москва.

КП — Комсомольская правда. Москва.

ЛА — Латинская Америка. Москва.

ЛГ — Литературная газета. Москва.

МЭМО — Мировая экономика и международные отношения. Москва.

МК — Московский комсомолец.

МН — Московские новости. Москва.

НАА — Народы Азии и Африки. Москва.

НВ — Новое время. Москва.

НВО — Независимое военное обозрение. Москва.

НГ — Независимая газета. Москва.

НМ — Новый мир. Москва.

ННИ — Новая и новейшая история. Москва.

НО — Независимое обозрение. Москва.

ОГ — Общая газета. Москва.

ОИ — Отечественная история. Москва.

ПГ — Парламентская газета. Москва.

ПЗМ — Под знаменем марксизма. Москва.

РЭЖ — Российский экономический журнал. Москва.

ПДВ — Проблемы Дальнего Востока. Москва.

СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. Москва.

СМ — Свободная мысль. Москва.

СР — Советская Россия. Москва.

СЭ — Советская этнография. Москва.

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. Ленинград.

ЭО — Этнографическое обозрение. Москва.

ФИ — Финансовые известия. Москва.

ФиО — Философия и общество. Москва.

AA — American Anthropologist.

ARA — Annual Review of Anthropology. Palo Alto.

REA — Readings in Early Anthropology. Ed. by J.S. Slotkin.// Viking Fund Publications in Anthropology. Number Forty. Chicago, 1965.

CSSH — Comparative Studies in Society and History.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абалкин Л.И., 571
Абдулла И.С., 211
Абу-Лугход Ж., 232
Август (Гай Юлий Цезарь Октавиан), 269
Августин Аврелий (Блаженный), 96-99,102,221,262,416
Авдеев А., 624
Авен П.О., 586
Агиляр А., 209, 213, 488
Адорно Т., 395-396, 529, 532
Акоста Х.де, 110, 111
Аксаков К.С., 155
Акулинин В.Н., 411
Алави Х., 28, 492
Алаев Л.Б., 393
Аларих, 97, 121
Алданов М. (Ландау М.А.), 223-224
Александр Македонский, 22, 101, 102, 269, 456
Александр Михайлович в.к., 504
Алексеев В.П., 80
Алексеев Н.Н., 172
Аль-Барадей М., 646
Альбер М., 514
Альвалид бен Талал, 645
Альтюссер Л.П., 27
Амин С., 28, 212, 216, 232, 573
Аммон О., 86
Амр Муса, 645
Ананьич Б.В., 494
Андреев Д.Л., 418
Анкерсмит Ф.Р.,
Антел С.К., 655
Антиох IV, 102
Антисери Д., 16
Антонович М.А., 85
Анхель М., 620
Аппиан, 289
Аракчеев А.А., 387
Аристотель, 17, 84, 100, 268, 288, 305, 393
Арнольд В.И., 534-535
Арон Р., 192, 223, 422
Арриджи Дж., 232
Артаксеркс II, 101
Архимед, 392
Аршинов В., 567
Аспарух, 467
Аттали Ж., 545, 650, 651, 653
Аурангзеб, 124
Афанасьев Ю.Н., 629
Ашшурбанипал, 163
Аэций, 461
Багдасарян В.Э., 386
Багчи А.К., 211
Базар С.-А., 125
Байджлоу Р., 404
Байрон Дж.Н.Г., 484-485
Балакин В.Д., 120
Балибар Э., 27
Балланш П.С., 152, 244
Бальзак О.де, 523
Баран П., 210-211, 212, 573
Барг М.А., 144, 185
Барнав А., 272-273
Барнет Т., 109
Барриэль О., 382-383
Барт П., 11, 12
Бартольд В.В., 248
Бартон Р.Ф., 347
Бауэр О., 36
Бебель А., 362
Бейли Дж., 187

Бейлин Б., 126
Безверхий В.Н., 86-87
Беккер К., 187
Белинский В.Г., 387
Белл Д., 192, 193
Белло У., 555
Белоцерковский В В., 581
Бельцони Д Б , 162
Беневист Э., 113
Бергер П., 212, 521
Бергсон А., 420
Бердяев Н А., 8, 86, 176, 387, 411-412, 415-416
Берец Я., 389
Берлускони С., 541
Бернал Дж.Д., 187
Бернгейм Э., 337
Бернетт Дж. (лорд Монбоддо), 55, 116
Бернштейн А , 339
Бернштейн Э., 603
Бернье Ф., 124
Берр А., 94
Бжезинский З., 193, 330, 564, 588
Бибиков М В , 103
Бирд Ч.О., 364
Биркенбах Х.-М., 78
Бицилли П.М., 393
Блан Л., 331, 390
Бланки А., 187
Бланш В. де ля, 369
Бликс Г., 646
Блок А.А., 410
Блок М., 10, 364, 397, 466
Блох Й., 362
Блох М., 126
Блэк С.Е., 201-202
Блэр Т., 648
Боас Ф., 55, 170
Бовин А.Е., 629
Бовыкин В.И., 495
Богомолов А.Т., 584
Богданов (Малиновский) А.А., 141, 340, 344, 351, 359, 362, 371, 422, 431
Богораз-Тан В.Г., 53
Боден Ж , 108, 110, 113, 122, 236-237, 268, 368, 394
Бодрийяр Ж , 652
Бокль Г.Т., 359, 366
Болингброк лорд (Сент-Джон Г.), 268
Болтан Дж., 641
Бональд Л.Г.А.де, 283
Бондарев В.С., 331
Бор М.З., 115
Боргиус В., 362
Бородин П.П., 576
Босеруп Э., 372
Боссюз Ж.Б., 264-266, 279, 283
Ботта П.Э., 162
Боулдинг К., 193
Бояшан Л., 348
Бояшан П., 348
Бранденбург Э., 342
Браун Дж. 113
Браун Н.О., 525
Браччолини Г.Г., 263
Брежнев Л И., 587
Брей Дж Ф., 320-321
Бродель Ф., 187, 214-215, 220, 228, 332, 364
Бруни Л., 120, 283
Бруно Дж., 108
Брюсов В.Я., 175, 248-249, 410, 418-419
Буагильбер П.Л.де, 306
Бувье Ж. 364
Будда, 416
Будон Р., 225-226
Букаев Г., 598
Букчин М., 193
Буланже Н.А., 113
Булгаков С.Н., 387, 411-412, 414, 416
Буленвилье А.де, 293
Бунге М., 423
Бунин И.А., 168
Бусси Д.А., 121
Бутовская М.Л., 404

Бутрос Бутрос Гали, 548
Бухарин Н.И., 140, 204, 341-342, 344-345, 353, 376, 501, 606
Буш Дж.У., 609, 623, 625, 631, 634, 641, 642, 643, 644, 646, 647, 648
Буше де Перт Ж., 166-167
Бьондо Ф., 120-121
Бьюкенен П.Дж., 653
Бьярни Херюльфсон, 468
Бэгби Ф., 14, 178
Бэкон Ф., 268
Бюрнуф Э., 152
Бюффон Ж.Л.Л.де, 272
Бюхер К.В., 344, 359
Вайнер Г.А., 531
Ваккаро А.В., 404
Валент, 97
Валлерстайн (Уоллерстайн) И., 204, 214, 215-221, 227, 228, 229, 232, 233, 364, 548-549, 560, 573
Варга Е.С., 367
Варрон Марк Теренций, 99
Василий III, 235
Васильев Л.С., 142
Васильев Н.А., 419-420
Вебер М., 16, 191, 396-397, 509
Веблен Т.Б., 516-517
Вебстер Н.Х., 384
Ведрин Ю., 645
Вейн В., 423
Вейнберг И.П., 343
Вейнер Э., 193
Велехов Л., 389
Вернадский Г.В., 172, 173, 174
Вершбоу А., 624
Вигнараджа П., 211
Виджпаи А.Б., 614, 620
Ведьманов В.М., 560
Вико Дж., 13, 63, 07-108, 180, 244, 266-267, 272, 290
Вильгельм Молчаливый, 202
Виндельбанд В., 93, 183
Винклер Г., 54, 164, 168, 230, 418
Виноградов П.Г., 360
Виппер Р.Ю., 230, 248
Витте С.В., 495
Виттфогель К.А., 367
Вишняк М.В., 412
Владимир Мономах, 235, 236
Власов А.А., 387, 592
Волкогонов Д.А , 388
Володихин Д.М., 5
Волошин А., 624
Волошин М.А., 410
Вольней (Шосбеф К.Ф.), 240-241, 244, 292
Вольтер (Аруэ Ф.М.), 98, 123, 279-280, 290, 328, 382
Вольтман Л., 14, 79
Вольфсон С.Я., 393
Вормс Р., 19
Ворсо Я., 166
Врангель П.Н., 385
Вулли Ч.Л., 453
Вулфенсон Дж., 549
Выдра Д., 530
Вышеславцев Б.П., 412
Гаджиев К.С., 369
Гайдар Е.Т., 388-389, 561, 568, 577, 582-583, 584, 585-586, 587, 591, 594
Галтунг Й., 195
Гама Васко да, 481
Ганс Э., 241
Гаррингтон Дж., 356
Гаррисон П., 536
Гвиччардини Ф., 106
Гегель Г.В.Ф., 241-243, 244, 246, 284-287, 354, 355
Гегель К., 241
Гекатей Милетский, 91-92
Геллнер Э., 191, 249-250
Гельвеций К.А., 18, 116, 271, 272, 273, 278, 290-291
Генис А., 530, 546
Гераклит, 392

Гердер И.Г., 116, 239-240, 278-279
Геродот, 92, 98
Герцен А.И., 157, 158, 246, 387
Гершензон М О., 410
Гесиод, 99, 100
Гиббон Э., 123
Гизо Ф.П.Г., 152, 292-293, 294, 296, 299, 300
Гиллз Б.К., 232
Гилмен М., 562
Гилмен Б., 578
Гильфердинг Р., 204, 606
Гиммлер Г., 78
Гиндин И.Ф., 493, 494, 503
Гинсберг М., 187
Гиппократ, 267
Гитлер А., 78, 86, 384, 644, 645
Глазков Н.И., 97
Глазьев С.Ю., 547, 577, 589, 593, 602
Гоббс Т., 54, 111-112, 354, 521
Гобино Ж.А.де, 84, 86, 87, 152, 174, 185, 418
Гобсон Дж.А., 204, 606, 607
Гоге А.И., 116
Годвин У., 314, 319
Годскин Т., 321-324, 325, 327, 328, 330
Голдман М., 198, 582
Голдшмидт У., 190
Гольбах П.А.Д., 273, 277-278, 281, 354
Голдроп Д., 202
Гомер, 392
Гомперц Т., 453
Гор А., 518, 556
Горев Б.И., 341
Горький (Пешков) А.М., 404, 497, 525-526
Грабер Г., 585
Гранж де ля, 280
Грановский Т.Н., 246
Гребнер Ф., 53, 54
Гревс И.М., 360
Грей Дж., 320
Греф Г.О., 594, 597, 599, 600, 604, 654
Гротенфенд Г.Ф., 162
Гроций Г. (Гроот Х.де), 111, 114
Губман Б .Л., 8
Губогло М.Н., 168
Гуковский А.И., 141
Гуларт Ж., 207
Гумбольдт А.фон, 152
Гумилев Л.Н., 5, 14, 79, 179, 180, 181-183, 387, 421-422
Гумплович Л., 11, 171, 174, 370
Гуревич А.Я., 10, 94, 133-134, 223, 397-398, 399
Гуревич П.С., 418
Гусарова Т.П., 474
Гутенберг И., 474
Гутьеррес Л., 656
Гэлбрейт Дж.К., 198, 548
Гюнтер Г.Ф.К., 86
Давиденков С.Н., 401
Дадиани Л.Я., 590
Далримпл Д., 116
Дальтон Дж. 347-348, 350, 351
Даниил, 102
Данилевский Н.Я., 14, 90, 91, 158-161, 173, 174, 180, 183, 184, 254, 387
Данилова Л.В., 143
Данлоп Дж., 201
Дантон Ж., 282
Дарвин Ч.Р., 167, 404
Дарендорф Р., 193
Дарий I, 162
Двойлацкий Ш.М., 344
Дедков Н.И., 388
Дейкин А., 604
Декарт Р., 113
Делич Ф., 54, 230
Делюмо Ж., 476-477
Делюсин Л, 560
Делягин М.Г., 558, 602, 656
Демокрит, 99, 100
Державин Г.Р., 137

Десницкий С.Е., 117
Дешан Л.М., 118
Джаггер М., 515
Джевонс У.С., 345
Дженовезе Э., 431
Джон Э., 515
Джонс Р., 324-327, 328, 330, 343, 357
Джонсон С , 77, 592
Джордж В , 21
Джордж С., 555
Дидро Д., 273, 278, 291
Дикеарх, 99, 115
Дилигенский Г.Г., 423
Дионисий Галикарнасский, 288
Дмитриев М.В., 393, 423
Доватур А.И., 458
Довнар-Запольский М.В., 169, 360, 361
Дойблин-Гмелин Г., 645
Дойг Д , 109
Долгов С.И., 511
Донхэм Д., 126
Дорен С.ван, 187
Доризо Н.К., 588
Драккер П.Ф., 193, 198
Дубинин Н.П., 401
Дугин А.Г., 369, 417-418
Дунаев С., 647
Дункан О.Д., 190, 372
Дус- Сантус Т., 206, 207-208, 213, 488, 573
Дуров В.С., 92
Дьяконов И.М., 147-151
Дюби Ж., 404
Дюбо Ж.-Б., 269-270, 271
Дюбуа Э., 167
Дюпон Немур П.С.де, 116
Дюркгейм Э., 18, 170, 171, 371
Евсевий Памфил, 102
Елисеева О., 5-6
Ельцин Б.Н., 386, 557, 564, 578, 586, 592
Ерасов Б.С., 185
Ефимов А., 341
Жак К., 8
Жанна д'Арк, 64
Жданов И.Н , 236
Жириновский В.В., 370, 386
Жоспен Л., 541
Жюйар Э., 366
Зайцев В.А., 85, 408
Заратустра, 392, 393
Зарубина Н.Н., 396
Заславская Т.И., 575
Зеньковский В.В., 414
Зив В.С., 493
Зиновьев А.А., 517, 530, 608, 614
Златкин И.Я., 148
Злобин Н., 612,ь 641, 642
Золя Э., 523
Зомбарт В., 331-332
Зубов А.А., 80
Зырянов П.Н., 496
Зюганов Г.А., 369-370, 386-387, 418
Ибн Халдун, 104, 105, 180
Иван III (Великий), 235, 471
Иван IV (Грозный), 480
Иванов И.С., 637
Иванов Л.Г., 517, 550, 624
Игнатенко А.А., 105
Игнатиус Д., 648
Игорь, 468
Иероним (Блаженный), 102
Израитель В.Я., 133
Иисус Христос, 265
Илларионов А.Н., 577, 597
Иллич И., 193
Ильин Г.Ф., 148, 149
Ильин И.А., 412
Илюшечкин В.П., 142
Инама-Штернегг К.Т., 359
Иноземцев В.Л., 197-198
Инфантино Л., 16
Иоанн, 386
Иоанн Павел II, 649
Иоанн Скот Эриугена, 103

Иоахим Флорский, 103, 104
Ионов И.Н., 393, 423
Искендеров А.А , 10
Иуда Маккавей, 102
Ишаев В.И., 594
Кавальо Д., 557
Каванг Дж., 554
Кагарлицкий Б.Ю., 555
Кайзер К., 650
Калигула (Гай Цезарь Август Германик), 459
Кальман И., 530
Камдессю М., 533, 562
Кампанелла Д.Д.(Т.), 289-290
Кан Г., 193
Кант И., 240
Каплан Дж., 177
Капстейн Э., 546
Карамзин Н.М., 12, 244
Карганов С.А., 636
Кардозу Ф.Э. 206, 207-208, 213, 488, 573
Кареев Н.И., 15, 17, 357
Карл Великий, 265
Карл Мартелл, 464
Карл Простоватый, 468
Карлейль Т., 378, 380
Карнейро Р., 371-372
Карр Э.Н., 94
Карсавин Л.П., 11, 91, 393, 416
Картье Ж., 109
Касимовский К.Р., 87
Кастро Ф , 624, 641, 652, 656
Касьянов М.М., 593, 597, 598, 602, 603, 637
Катилина (Луций Сергий Катилина), 289
Катрфаж А.де, 85
Каутский К., 35, 69, 342, 352, 376, 548, 607
Квигли К., 14, 178-179
Кейнс Дж.М., 506
Келле В.Ж., 396
Келлер К. (Целлариус Х.), 121
Кельтуяла В.А., 363
Кенез П., 383
Кеннан Дж., 607
Кеннеди П., 532, 534
Кенэ Ф., 116, 306-307
Керр К., 201, 202
Кетле Л.А., 246-247
Ким Г.Ф., 149
Кинг А., 544-545
Киплинг Дж Р., 58, 165, 175, 478, 483, 484, 485
Киприан Расций Цецилий, 109
Кир II, 265, 456
Киреевский И.В., 154, 155, 245
Кириенко С.В., 562, 567, 572
Кирк У.ван, 533
Киссинджер Г., 556
Клавдий (Тиберий Клавдий Цезарь Август Германик), 459
Клайв Р., 484
Клакхон К К М., 43
Кларк Дж.Б , 345
Кларк Дж.Г.Д., 376
Кларк К., 194
Клейн Л.С., 79, 181, 183
Клемансо Ж., 503, 532
Клинтон У.Д., 528, 548
Ключевский В.О., 13, 247
Кляйн Л., 584
Кобищанов Ю.М., 142
Ковалев С.И., 430
Ковалевский М М., 169, 358-359, 360
Ковальзон М.Я., 398
Кожев (Кожевников) А В., 510
Козенков Ю., 386
Козырев А.В., 593
Кокошин А.А., 38
Колганов М.В., 431
Колесников С., 600
Колумб Х., 109, 481
Колчак А.В., 383-384
Кон А.Ф., 344
Кондильяк Э.Б.де, 291

Кондорсе М.Ж.А.Н , 117-118, 281
328, 390
Кондрашов С.Н., 609, 630
Конрад Н.И., 147, 148
Константин Великий, 265
Конт О., 18, 221, 330, 390
Конфуций, 392
Коперник Н., 174
Коранашвили Г.В., 431
Кордолес Э., 651-652
Корелин А.П., 496
Корнилов В.Н., 526
Корнилов Л., 640
Коростовцев М.А., 148
Коротаев А.В., 393, 423
Корт М., 495
Косминский Е.А., 280
Кост А., 371
Котельникова Л А., 474
Котхари Р., 211
Коул Дж.Д.Х., 364
Кофи Анан, 558
Кох А.Р., 586-587
Кочен Л., 499
Коэн М.Н., 372
Коэн С., 562
Крёбер А.Л., 43
Крегель Я., 585
Кретьен Ж., 649
Кристол И., 520
Крицман Л.Н., 344
Кроче Б., 380
Крыленко А.К., 389
Крылов И.А., 647
Крымов А.Г., 148
Крюков М.В., 182
Ксенофонт, 305
Ктесий, 101
Кувакин В.А., 522
Кузен В., 243-244
Кузищев В.И., 431
Кузьминов Я.И., 582
Кук Р., 611
Кук Ф., 520
Кульпин Э.С., 14, 377
Кумар К., 196-197, 333, 499, 520
Кун Т., 535
Кунов Г., 338-339, 425
Курно А.О., 223, 361
Куртц П., 522
Кушнер (Кнышев) П.И., 141, 165
Кьеза Дж., 619, 644
Кьеркегор С., 532
Лабриола А., 398
Лабрусс Э.К., 364
Лавров П.Л., 157, 246, 378, 380
Лазо Э.фон, 393
Лайнела С., 599
Лайярд О.Г., 162
Лакомб П., 80
Ламанский В.И., 161
Ламетри Ж.О.де, 273
Лампрехт К., 13, 359
Ландау Г.А., 175-176
Лао-цзы, 392
Лаплас П.С., 355
Лардро Ж., 228
Ларуш Л.Х., 547, 555, 653
Лассен Х., 152
Лассон Г., 241-242
Лауэ Т.фон, 498-499
Лафарг П., 355, 362
Лафито Ж.Ф., 110, 111
Ле Пен Ж.М., 541
Ле Руа Ладюри Э., 377
Лёббок Дж. (лорд Эвербери), 167
Лебон Г., 84-85
Лев III, 265
Лев X, 269
Левада Ю.А., 589-590
Левассер П.Э., 419
Легар Ф., 530
Лейв Счастливый, 468
Ленге С.Н.А., 291-292, 300

Ленгле дю Френуа Н., 262
Ленин В И., 21, 69, 76, 131, 139,
204-205, 363, 388, 495, 498, 500, 504, 606
Ленски Г.Е , 189-190, 374
Ленски Дж., 189-190, 374
Лео Дж., 522-523
Леонтьев В В., 333, 387, 584
Леонтьев К.Н., 161, 179
Лепсиус Р., 162
Лермонтов М Ю., 156, 529
Лернер Д , 199
Леруа Л., 122, 238-239
Лефевр Ж., 364
Лефранк Ф., 382
Лец Е.С., 582
Ли Р.Б., 348
Лившиц А.Я., 572
Лилиенфельд П.Ф., 19
Литгейм Дж., 193
Лихачев В., 590
Лихачев Д.С., 58
Ллойд Джордж Д , 384-385
Ллойд-Уэббер Э., 515
Лобачевский Н.И., 622
Локк Дж., 112
Лондон Дж., 501
Лукашенко А.Г., 563-564, 618
Лукреций (Тит Лукреций Кар), 100
Лурье С.Я., 99
Лурье Я.С., 182-183
Лучицкий И.В., 20, 360-361
Лысенко Т.Д , 81
Львов Д С., 511
Людовик XIV, 269
Людовик XVI, 293
Людовик XVIII, 293
Люксембург Р., 205, 497, 606
Ляпуж Ж.В.де, 86
Лященко П.И., 495
Мабли Г.Б.де, 114, 119, 239, 290
Магеллан (Магальяинш) Ф., 481
Мадонна, 515
Майбурд Е.М., 331
Майерс Ч , 201
Майнинг Д., 369
Майор Ф., 550
Макаревич Л Н , 511
Маккартни П., 515
Макгвир Р., 126
Макенна Т., 408
Макинтош К., 515
Маккиндер Х Дж , 369
Мак-Нилл У Х , 230-232
Максимов А.Н., 170
Макфол М., 654
Макьявелли Н.Б.ди, 105-106, 120, 236,
263-264
Малинецкий Г., 602
Малиновский Б.К , 170, 347
Мальтус Т.Р., 315-316, 538
Малявин В.В , 182
Манли Дж., 645
Манн Дж., 581
Манекин Р.В., 393, 423
Марат Ж.П., 282
Маретина С А., 377
Марини Р.М., 206, 208, 213, 216
Мариэтт О., 162
Маркарян Э.С., 44
Марков Н.Е., 384
Маркович Д.Ж., 115
Маркс К., 21, 125, 128, 132, 134, 139, 140, 151, 187,
221, 249, 331-338, 343, 350, 351, 352, 353, 354, 362,
422, 425, 426, 429, 437, 479, 509, 510, 519, 520,
528, 529, 548
Маркузе Г , 408, 528
Марр Н Я., 363
Мартин Г.-П , 517, 527, 534, 536, 537-538,
539, 540, 545, 550
Мартир П., 109,111
Мартин Р., 494
Маршалл А , 345
Маслов П.П., 341
Маслюков Ю Д., 592

Масперо Г.К.Ш., 163-164, 418
Масуда Й., 193
Масхадов А., 625
Матрас Дж., 190, 372
Маттеуцци Г., 367
Матцер Э., 585
Матьез А., 364
Махатхир Мохамад, 552, 553, 554, 556, 557, 608, 619
Медоуз Д.Л., 195, 542
Медоуз Д.Х., 542
Мейер Э., 13, 164, 230
Мейман М.Н., 431
Мейн (Мэн) Г.Д.С., 28, 453
Мелотти У., 216
Мелье Ж., 290
Менгер К., 345
Менгин О., 170
Менделеев Д.И., 371, 622
Менений Агриппа, 288
Мережковский Д.С., 412
Мерinг Ф., 362
Местр Ж.М. де, 152, 283
Метнер Э.К. (Вольфинг), 85
Мехта Н., 211
Мечников Л.И., 367
Мизес Л.фон, 16, 223, 381-382, 384, 501, 510, 538
Мик Р.Л., 356
Миллар Дж., 114-115, 116, 119, 271, 356
Милов Л.В., 367-368
Милошевич С., 611
Мильнер лорд, 503
Милюков П.Н., 20
Минаев Д.Д., 85
Минкин А., 581
Минье Ф.О.М., 293, 294, 295, 296, 297-298, 300, 477
Мирабо В.де, 113, 116, 356
Мирабо О.Г.Р., 282
Миронов В., 594
Миронов О.О., 580
Михайловский Н.К., 140, 379-380
Мишле Ж., 94, 244
Моисеев Н.И., 372-373
Мойл У., 106-107
Молешотт Я., 408
Моль А., 43
Момджян К.Х., 145
Монкретьен А., 305
Монлозье Ф-Д.Р.де, 293
Монтелиус О., 170
Монтень М., 111, 114
Монтескье Ш.Л., 123, 270-271, 366, 368, 383
Мопассан Ги де,
Мор Т., 289
Моралес Э., 656
Морган Л.Г., 28-29, 42, 115, 169, 189
Морган Т.Г., 401
Морелли, 114, 118, 272, 290
Моррис Д., 525
Мортилье А.де, 167
Мортилье Г.де, 167
Моултон Г., 494
Мо-цзы, 392
Мубарак Х., 645
Мур Б., 499
Мур У., 201
Муравьев Ю.А., 43
Мухаммед, 416
Мушарраф П., 646
Мэхэн А.Т., 369
Мюллер С.О., 170
Мюрдаль Г.К., 203, 210, 211
Мюррей Ч., 538
Набоков В.В., 530
Надель З.Ф., 347
Наполеон Бонапарт, 11, 161, 282
Негропонте Дж., 641
Некрасов Н.А., 304
Некрасова Е.К., 430
Немцов Б.Е., 577, 587, 639
Непомнин О.Е., 145

Нерон (Нерон Клавдий Цезарь Август Германик), 459
Неронова В.Д., 148
Несмелов А. (Митропольский А.И.), 417
Нечкина М.В., 355
Нибур Б.Г., 28
Никифоров В.Н., 129, 148, 149
Николай Кузанский (Кребс), 121
Никольский В.К., 430
Никонов В., 635
Нилус С.А., 383, 385
Нисбет Р., 187, 224-225, 226, 227
Нитобург Э.Л., 88
Ницше Ф., 380, 520, 532
Новалис (Харденберг Ф.фон), 395
Новиков С.П.,
Нордау М. (Зюдфельд С.), 175
Норт Д., 584
Носовский Г.В., 5
Нуреев Р.М., 431
Ньютон И., 54
Огилби Дж., 110
Одоевский В.Ф., 156, 245
Олег, 468
Олейников Д., 6
Оливер Д., 348
Оль П.В., 493
Омо-Фадака Дж., 211
Опперт Ю., 163
Орозий Павел, 102
Ортега-и-Гассет Х., 380-381, 523-524, 528, 531
Оруэлл Дж. (Блэр Э.), 160
Осипский (Оболенский) В.В., 344
Островитянов К.В., 431
Отейсу Э., 211
Оттон I, 120, 235
Оттон Фрейзингенский, 120
Павлов И.П., 404-405, 622
Павловский Г.О., 655
Пайк К.Л., 57
Пайпс Д., 389-390
Пайфер С., 638
Пан Чжунъин, 636
Панцов А.В., 388
Парвус (Гельфанд А.Л.)., 497
Парето В., 511
Парменид, 392, 395
Парсонс Т., 191
Паскаль Б., 278, 280
Пасько Г., 625
Патрици Ф., 106
Паттерсон О., 431
Пауэлл К., 643, 646, 647
Пеньковский О.В., 387, 592
Переверзев В.Ф., 363
Перевозчиков И.В., 80
Перепелкин Ю.Я., 8
Перри У.Дж., 54, 230
Перщиц А.И., 440
Пестряков А.П., 80
Петр I (Великий), 481
Петр Амьенский, 280
Петраков Н.Я., 346-347, 576, 578
Петрарка Ф., 120, 123
Петров М.Т., 147
Петрушевский Д.М., 164-165, 360, 364
Петти У., 305-306
Печчеи А., 517, 518, 542-544
Пиночет А., 387
Пиренн А., 364
Писарев Д.И., 408
Пискорский В.К., 360, 363
Платон, 100, 261, 288, 392
Платонов О.А., 385, 386
Платонов С.Ф., 12
Плетников Ю.К., 339
Плеханов Г.В., 140, 141, 142, 274, 339-340, 351, 367, 398, 422
Плюснин Ю.М., 404
По К.де, 116
Победоносцев К.П., 387
Покровский М.Н., 344, 355

Поланьи К., 217, 347, 349, 350, 351
Полевой Н.А., 12
Полетаев А.В., 228
Полибий, 101, 104, 268
Полищук В., 527
Поллард С., 187
Полянский Ф.Я., 431
Померанц Г.С., 417
Помпей Трог, 102
Понте К.дель, 576
Попов П.В., 136
Попов Г.Х., 197
Поппе А., 182
Поппер К.Р., 16, 221-223, 224, 225, 226, 227, 331-332, 381, 510
Поршнев Б.Ф., 14, 145
Посвольский А., 494
Посипсил Л.Я., 348
Постан М., 364
Пребиш Р., 205-207, 211, 213, 216, 488, 573, 611, 618
Преображенский В.Д., 430
Преображенский Е.А., 344
Преображенский П.Ф., 53
Примаков Е.М., 578, 592-593, 628
Прусаков Д.Б., 377
Пул Э.(Элия Мохаммед), 87
Путин В.В., 593, 594, 596, 597, 598, 604-605, 622-627, 631, 633, 635-636, 638-640, 645, 653, 654, 655
Пуфендорф (Фрайхерр) С.фон, 112
Пушкин А.С., 308, 529
Равдоникас В И., 115, 430
Радер Т., 431
Радзиховский Л., 622-624, 626-630, 653-654, 655
Радищев А.Н., 387
Радклифф-Браун А.Р., 170
Радышевский Д.,
Райнов Б., 524
Райс К., 623-624
Райт У., 163
Райх В., 406-407
Рамонета И., 558
Рамсфелд Д., 648
Рандерс Й., 542
Ранке Л.фон, 94, 284
Рассам О., 163
Рассел Б., 337-338
Ратцель Ф , 53, 368, 369, 375
Раушенбах Б.В., 627-628
Рачковский П.И., 383
Рахман А., 211
Ребане А., 78
Резун В Б , 592
Рейвенстон П., 319
Рейналь Г.Т.Ф., 124, 239, 291, 300, 356-357
Рейхардт В.В., 430-431
Ренувье Ш., 152
Решин А.И., 466
Ржаницына Л.С., 574
Риверс У Х.Р., 53
Рикардо Д , 287, 308-311, 312, 321
Риккерт Г., 93, 186
Римашевская Н.М., 566, 574, 599
Рич К.Дж., 162
Ричи Г., 515
Роберт Гвискар, 468
Робертсон У., 114, 116, 123, 356
Робеспьер М., 282
Робинсон Дж., 382
Робинсон Дж.Х., 199
Рогов С.М , 562
Роджерс Дж.Т., 358
Рожков Н.А., 363
Розанов В.В., 411
Розенберг А., 86
Роззак Т., 193
Роллон, 468
Ромул Августул, 461
Росс Дж., 550
Ростовцев М.И , 164, 364
Ростоу У.У., 200-201, 202, 213, 215-216, 365-366
Роулинсон Г.К., 162

Роуч С., 537
Рохатин Ф., 546
Рубинштейн Н.Л , 480
Рузвельт Ф.Д., 506
Руис Р К., 619
Руссо Ж -Ж., 18, 118, 290, 383
Рыбаков Б А., 182
Рюккерт Г., 152-153, 158, 159, 161, 174, 180, 183, 185, 186
Рюккерт Ф., 186
Рюль К ,
Савельева И.М., 228
Савин А Н , 360
Савицкий П.Н., 172, 369
Саддам Хусейн, 643
Саймон Дж.Л., 372
Сакс Дж., 554, 556, 572, 575
Салинз М., 348, 350
Саллюстий (Гай Саллюстий Крисп), 289
Саломон А., 187
Самарин Ю.Ф., 155
Саммерс Л., 561, 582
Само, 467
Самсон И , 599
Сапько В., 566
Саргон (Древний), 448
Саргон II, 162
Сарзек Э.де, 163
Сатаров Г.А., 578
Саттон Э., 384
Сафронов М В , 182
Сахаров А.Н., 423-424
Сегье, 281
Седов Л., 655
Сейс А.Г., 163
Секретан А., 371
Селигмен Э.Р.А., 355, 364
Семенов-Тян-Шанский В.П., 369
Семпл Э.Ч., 368-369
Сен-Реаль С.Р.де, 262
Сен-Симон К А., 125, 191, 197, 328, 330, 366, 390
Сервис Э Р., 188
Сергеев В.С , 141, 165
Сидоренко В.Н., 370
Сидоренко И В , 370
Сидоров А Л , 494
Сиера Д., 216
Сийес Э Ж., 76
Силва Л.И.да, 656
Симиан Ф., 364
Симон Р., 265
Сингх Дж., 620
Сиф М , 626
Скворцов (Степанов) И.И., 141, 344, 431
Скрипиль М.О., 235
Следзевский И.В., 185
Слонимский М М., 148
Смаджа К., 556
Смелзер Н , 199-200
Смирнов И.И., 430
Смит А., 63, 114, 116, 117, 124, 203, 287, 308-311, 312, 318-319, 324, 348
Смит Дж., 163
Смит К., 638
Соеджатмоко А., 211
Соколин В Л., 569, 596
Соколова М.Н., 404
Соколов Н.С., 282
Сократ, 329
Солженицын А И , 384-385, 411, 587
Соловьев В.С., 11, 158, 235, 410, 414-415
Соловьев С М , 12, 480
Соломон, 265
Солсбери Р.Ф , 348
Сорокин К.Э., 369
Сорокин П.А., 180, 227, 390-391
Сорос Дж., 521, 547, 577, 606
Спайкмен Н., 369
Спенсер Г., 18, 538
Спенсер Э., 109
Спиноза Б., 111, 265

Спиридон-Савва, 235, 236
Ставиицкий И., 548
Сталин И.В., 35, 66, 146, 501, 502, 587
Стамм С.М., 104
Стеклов (Нахамкис) Ю.М., 360
Степашин С.В., 593
Стиглиц Дж., 557
Столыпин П.А., 387
Страхов Н.Н., 12, 158-159
Стрелецкий В.А., 579
Струве В.В , 146, 149
Струве П.Б., 340, 411
Стуруа М.Г., 522-523
Стучевский И.А., 142
Стьюард Дж.Х., 188, 233, 377
Субкоманданте Маркос, 615
Сулла Луций Корнелий, 459
Суринов А., 597
Сухарева Л.М., 580
Сципион Публий Корнелий, 265
Сычев С.В., 136
Сэ А., 359
Тайлор Э.Б., 51, 169, 189
Тальгеймер А., 140-141
Тарасов А.Н., 590, 621
Тард Г., 379
Тарле Е.В., 357, 360, 361, 364, 477
Тарновский К.Н., 495
Таунсенд Дж., 272, 312-314, 404, 538
Тацит Корнелий, 113
Твен М. (Клеменс С.Л.), 77
Текстье Ш.Ф.М., 163
Темпл У., 54, 239, 268
Террей Э., 28
Тетюкин С.В., 388
Тиберий (Тиберий Цезарь Август), 459
Тилли Ч., 226-227
Тимофеев Л.М., 311-312
Тимофеев-Ресовский Н.В., 421-422
Тит Ливии, 288-289
Титмейер Г., 512
Тишков В.А., 70
Тобин Дж., 584
Тодаро М.П , 212, 550, 551
Тойнби А. 187
Тойнби А.Дж., 14, 79, 91, 176-178, 179, 180, 181, 183, 221, 420-421
Толанд Дж., 110
Томпсон У., 320
Томсен К.Ю , 166
Тополь Э.В., 590
Тоуни Р.Г., 364, 520
Тоффлер О., 193, 375
Тош Дж., 127
Трахтенберг О.В., 141, 341
Третьяков В.Т., 561-562
Тронский И.М., 92
Трофимов Ж.А., 388
Троцкий (Бронштейн) Л.Д., 388, 397
Трубецкой Г.Н., 369
Трубецкой Е.Н., 369, 385, 387
Трубецкой Н.С., 172-173
Трубецкой С.Н., 369, 387
Трубников В., 389
Труви К., 527
Тульский М., 565, 566
Тураев Б.А., 247
Турен А., 193-194, 196
Турки аль Фейсал, 621
Туроу Л.К., 198, 523, 536, 537, 538-539, 633
Тьер Л.А., 293
Тьерри Ж.Н.О., 292, 293-294, 296, 300, 330
Тэйби М., 528
Тюрго А.Р.Ж., 116, 117, 239, 306, 307-308, 311, 330
Тюрин А., 533
Тютчев Ф.И., 97, 156
Уайт Л.О., 170, 188, 373, 374
Уатт Дж., 323
Уваров А., 595
Уиллард Э., 232
Уилсон Д., 167
Уилсон Э.О., 403
Уланов С., 600

Уоллес Р., 272
Уоррен Б., 212
Урбан VI, 280
Усама бен Ладен, 646
Устинов В.В., 579
Уэйд Р , 606
Уэссмен Дж.У., 126
Фалес, 393
Фалетто Э., 208
Фард У.Д. (Фард Мохаммед), 87
Фахд бен Абдель Азиз, 620, 645
Февр Л., 180-181
Фейерабенд П., 535
Фельгенгауэр П , 625, 629, 634
Фергюсон А., 13, 63, 114-115, 119, 169, 442
Ферс Р., 347
Филипп II, 102, 269
Филофей, 235
Финли М., 431
Фиск Г., 494, 503
Фихте И.Г., 240
Фишер Л., 503-504, 584-585
Флекснер К.Ф., 507, 584-585
Флоренский П.А., 387, 411
Фогт К., 408
Фома Аквинский, 104
Фоменко А.Т., 5
Фонтанель Б.де, 268-269
Фосс И.Г., 285
Франк А.Г., 212-213, 214, 216, 232, 233, 559
Франк С.Л., 17, 412
Франклин Б., 272
Франко Ф , 387
Фрейд З., 405-406, 407
Френкель Б., 196
Фрид М.Г., 188
Фридмен М., 501-502, 538, 554
Фридмен Т., 643
Фриче В.М., 363
Фробениус Л., 14, 53-54, 174, 402, 420
Фролов В., 628
Фу Цюанью, 636
Фукидид, 92, 392
Фукс В., 193
Фукуяма Ф., 198, 396, 487, 509-510
Фулье А., 19
Фурастье Ж., 191-192, 193
Фурман Д.Е., 630-631
Фуртаду С., 207, 208, 216, 492
Фурье Ш., 197
Хабермас Ю., 191
Хабиб И , 216, 221
Хазанов А.М., 182
Хазин М.Л., 547
Хайдеггер М., 394-395, 532
Хайек Ф.А.фон, 16, 223, 501
Хайлбрун Дж., 564
Хайтмейер В., 527
Хак В., 211
Хакамада И.М., 587, 627, 629
Халед аль-Малик, 620
Халмос П., 193
Хаммурапи, 152
Хан Э., 189
Ханин Г.И., 576
Хантингтон С.П., 179, 202, 614, 657-658
Хантингтон Э., 422-423
Харбисон Ф., 201
Харрис М., 377
Харрисон Дж., 515
Харузин Н.Н., 169
Хатами М., 644
Хатчесон Ф., 114
Хауманн Х., 496
Хаусхофер К., 369
Хвостов В М., 20
Хейквилл Дж., 238
Хейлброннер Р., 195-196
Хеймсон Л., 496
Хеллер А. 228
Херсковиц М.Дж , 55, 347
Херстейн Р.Дж , 538

Хиндесс Б , 431
Хинкс Э , 163
Хирст П , 431
Хирш Ф , 520
Хлодвиг, 464
Холл Ч., 317-319
Хомяков А.С., 155, 245-246
Хопкинс Т., 232
Хорган Дж , 535
Хоркхаймер М , 395-396, 529, 532
Хоррабин Дж Ф , 367
Хоум Г. (лорд Кеймс), 114, 116
Хофмейстер И., 242
Хофстадтер Р., 398
Храмчихин А , 629
Хрисанфорва Е Н., 80
Ху Депин, 560
Хук С., 382
Цезарь Гай Юлий, 113, 269
Цицерон Марк Тулий, 97
Цукерман М., 572-573
Чаадаев П Я , 154, 158, 245
Чавес У Р , 355, 358, 656
Чайльд В.Г., 185, 186
Чампеану П , 499
Чейз-Данн К., 232
Чейни Р., 643, 645
Челлен Ю Р., 368
Чемберлен Х С., 85
Черепнин Л В., 235
Чернина Н.В , 574
Чернов В М., 341
Черномырдин В С., 557, 561, 562, 571, 572
Чернышевский Н.Г , 359-360
Черняк Е Б , 144, 338, 383, 476
Чесноков Д.И , 398
Чечевишников А.Л., 388
Чжан Сяосун, 104
Чижевский А.Л., 370
Чингисхан (Темучин), 471
Чубайс А Б , 561, 569, 577, 587
Чудинова В П , 534
Шампольон Ж.Ф., 162
Шанин Т , 499
Шапиро А.Л., 480
Шателлю Ф.Ж.де, 272
Шатобриан Ф.Р.де, 283
Шванебах П.Х., 493-494
Шебалдин Ю Н., 493
Шевалье Л , 372
Шелгунов Н.В., 378-379, 380
Шелохаев В.В., 496
Шемякин Я.Г., 393, 423
Шеффле А Э , 19
Шилюк Н.Ф., 431
Ширак Ж., 541, 648
Широкогоров С.М., 14
Шлегель Ф., 241
Шлиман Г., 163
Шмелев Н.П., 346
Шмидт В , 53
Шмидт К., 362
Шмитт К , 369
Шмоллер Г., 359
Шнайдер Б., 544-545
Шнирельман В.А., 59
Шолль-Латур П., 637
Шопенгауэр А., 531
Шпенглер О , 14, 54, 79, 87, 90, 91, 161, 171, 174-175, 180-181, 183, 420, 532
Шрайб Ф , 540
Шредер Г., 645
Штаерман Е.М., 247
Штернберг Л.Я., 169
Штернберг Ф., 205
Штомпка П., 212, 227-228, 396
Штраус И., 530
Шувалов И.И., 280
Шульгин В.В., 385
Шулятиков В.М., 362-363
Шуманн Х., 517, 527, 534, 536, 537-538, 539, 540, 545, 550
Щеглов А.Д., 466
Эберштадт Н., 581

Эйделмен К., 643
Эйзенстадт Ш.Н., 201-202, 204
Эйрик Рыжий, 468
Эллиот-Смит Г., 54, 230
Эмелий Сура, 235
Эммануэль А., 216
Энгельс Ф., 5, 21, 67, 115, 125, 135, 142, 187, 249, 331, 343-344, 350, 353-354, 362, 425, 426, 429, 431, 437, 479, 502-503, 519-520, 548
Энтин Дж., 390
Эпикур, 100
Эпперсон Р., 389
Эразм Роттердамский (Герхардес Г.), 122
Эрманрих, 461
Эрн В.Ф., 10
Эрроу К., 584
Эспинас В.А., 19
Этциони А., 193
Эфроимсон В.П., 401, 404
Эхнатон (Аменхотеп IV), 8
Эшли У.Д., 358
Юлий II, 269
Юм Д., 112-113
Юнг Т., 162
Юркевич П.Д., 409
Юстин Марк Юниан, 102
Явлинский Г.А., 570, 571, 591, 637, 640
Яйленко В.П., 453
Яковлев А.Г., 617
Яновский В.С., 412
Ясин Е.Г., 582, 592
Ясперс К., 8, 392-394, 395, 532

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

абсолютизм в Западной Европе 476—477
    см также. политаризм
абсолютное обнищание
    в Западной Европе конца XVIII — первой половины XIX вв. 312—319, 478—479
    на современном Западе 536—541
австралопитеки 441
аграрная (агрикультурная, неолитическая) революция 186, 373, 446
агрессия НАТО против Югославии 610—611
азиатский способ производства
    история вопроса 124, 128—129, 326—327
    см также: политаризм
аккультурация 56, 199
альтернативности истории проблема 286, 355
аморализация
    при капитализме 518—528, 614—615
    см также одичание человека, оскотинивание человека
антиглобалистское движение 616
антиисторизм (антиисторицизм) 221—227, 381
античность
    возникновение понятия 120—121
антиэволюционизм
    возникновение 169—171
антропогенез — см антропосоциогенез
антропосоциогенез 46, 441
архантропы 441
археологическая культура 51
археологический памятник 51—52
археология первобытности
    возникновение 166—167
ассимиляторства политика 73
ассимиляция (этническая) — см. этнические процессы
ассириология
    возникновение 162—163
базис — см базис и надстройка
базис и надстройка 337
бедность (нищета)
    в периферийном мире 549—551, 604—606
    в современной России 566—587, 573—575, 599—604
    на современном Западе 535—537
безработица на современном Западе 536—537
биологизаторские (биологические) концепции общества и истории 402—408

см. также: социобиология, этология человека, фрейдизм
фрейдомарксизм
бронзовый век 100, 166
бытие
значение слова 335—336
см. также: материя, общественное бытие, социальная материя
варварство
возникновение понятия 112—113
см. также: трех стадий эволюции (дикость, варварство, цивилизация) концепция; трехчленная схема (дикость, варварство, цивилизация) периодизации истории
ведовские процессы в Западной Европе 476—477
Великих географических открытий эпоха 109, 481
Великое переселение народов 34, 460—461, 464—465
вероятности в истории проблема 355
вестернизация 199, 255, 487, 489
см. также: европеизация, модернизация, внутрисоциарные межстадиальные (горизонтальные, диахронные) связи в истории
вождество — см. протополитархия
возможности и действительности в истории проблема 355
Возрождение (эпоха) 119—120, 413
волюнтаризм (во взглядах на историю) 95, 261, 262—263, 278, 281—282, 377—390
см. также: конспиративистские концепции истории
всемирное историческое пространство 481, 490, 505
возникновение 481, 490
вульгарный социологизм 362—363
генетический демосоциорный конгломерат 47—49
географический детерминизм
возникновение 267—271
современный 366—370
см. также: геополитика, космический детерминизм, экологический детерминизм
генетико-культурная общность 47—49
геополитика
возникновение 368—369
и современность 369—370
геосоциальный организм — см. социоисторический организм
геосоциорная аннигиляция 253
геосоциорная ассимиляция 253
германо-романский синтез —
см. романо-германский синтез
гипердиффузионизм 54, 230, 255
см. также: диффузионизм, панвавилонизм, панегиптизм
глобализация 510—514
глобальная классовая борьба 512—514, 605—617, 641—657
см. также: антиглобалистское движение, глобальный терроризм
глобально-стадиальное понимание истории

— см унитарно-стадиальные концепции истории
глобальное классовое общество 510—514
глобальные проблемы современности 542
глобальные классы 513—514, 615—616
глобальный терроризм 616, 650, 651—652, 656
государство
два значения слова 22
гражданская война в России (1917—1922) 503—504
деградации человечества концепции —
см регресса и деградации человечества концепции
демографический детерминизм 271—273, 316, 323, 359, 419
возникновение 271—273,
современный 370—373
демократия
возникновение 455
демосоциальный организм — см социоисторический организм
демосоциорная аннигиляция 253
демосоциорная ассимиляция 253, 465
демосоциорная ассоциация 49—50
демосоциорная интервенция (интрузия) 253
демосоциорная интродукция 253
демосоциорная инфильтрация 253
демосоциорный сверхсоюз 50—51
демосоциорный союз 50—51
держава (ультрасоциор) — см социоисторический организм
детерминизм
абсолютный (лапласовский) 277—279, 354—355
относительный (диалектический) 355
«Диалог» культур 56
дикость
возникновение понятия 109—110
см также трех стадий эволюции (дикость, варварство, цивилизация) концепция,
трехчленная схема (дикость, варварство, цивилизация) периодизации истории
дискриминация
расовая 81, 87
этническая 67—68
см также национальный гнет, расизм
диффузионизм 52—55, 170, 229—230, 255
см также гипердиффузионизм, культурная диффузия
доминаризм 444—445, 454
приживальчество 444
брако-приживальчество 444
кабальничество 444
рабство (домашнее, патриархальное) 444
наймитство 444
см также доминомагнаризм
доминомагнаризм 444—445, 459—460

Древний Восток
возникновение понятия 122
духовно-социального фактора развития общества концепции —
см социально-духовного фактора развития общества концепции
европеизация 153, 199, 255
см также вестернизация, модернизация
европоцентризм 160, 174, 486
евразийство 172—173
египтология
возникновение 161—163
железный век 100, 166
зависимости (зависимого развития) концепции 205—211, 487—488, 492
заговора концепции истории — см конспиративистские концепции истории
западничество (в России XIX в) 154—156
земледелие 188—189
ручное (огородничество, хортикультура) 189
плужное (пашенное, полевое) 189
см также. аграрная (агрикультурная, неолитическая) революция
иждивенческо-потребительская ячейка 440
империализм 606—607
см также ультраимпериализм
империализма теории 204—205
имущественные разряды 320, 515—516, 573—575
индивидуализм
зоологический 520, 524—525
при капитализме 520—521
индустриальное общество 125, 191—197, 301
индустриального общества концепции191—192
инквизиция 476—477
инобытие (иносуществование) 130, 134
интересы (социальные) 77, 263
классовые 77, 294—295
общесоциорные (национальные) 62—63, 77, 522
информония 521-524
искусство
и капитализм 528-531
его коммерциализация 529—531
снобистское 531
исламский фундаментализм (исламизм) 173, 616, 650—651
историко-экономическое направление в историологии 357—361, 364—365
историология (историческая наука) 3—4
возникновение 91—92
праисториология 168—169
преисториология 91—92, 103
палеоисториология 167—169
возникновение 167—169
неоисториология 167-169

нарративная 4—5
теоретическая 4—6
общая 4
частная 4
историософия
значения слова 3, 4
см также философия истории
«историцизм» — см антиисторизм (антиисторицизм)
историческая арена 447, 456, 462—464, 470—471, 481—483
историческая зона 456—457, 466—470, 472, 479—482
историческая наука — см историология
историческая периферия — см периферия историческая
исторический материализм — см материалистическое понимание истории
исторический мир 254, 443, 446, 469—470, 491
определение понятия 254
исторический субмир 446, 491
исторический центр — см центр всемирно-исторического развития
исторического круговорота концепции
ранние 104—108, 180
см также плюрально-циклическое понимание истории
исторического познания специфика 92—94
см также холизация
историческое гнездо 446, 447, 451, 455, 462
гнездовой социоисторический организм 446
гнездовая социорная система 23—24, 446
историческое пространство — см центральное историческое пространство,
всемирное историческое пространство
исторической эстафеты идея
и концепции 231—249, 549
см также унитарно-стадиальные концепции истории,
каменный век 100, 166, 167
см также палеолит, неолит
капитал
возникновение термина 124—125
капитализм
возникновение термина 331—332
возникновение строя 475—479
развитие вглубь 475—479
развитие вширь 479—491
центра (ортокапитализм) 488—491
ранний 514
раннепоздний (средний, переходный) 514
поздний 514—535
позднейший (глобальный) 635—542
общий кризис 542—549,
периферийный (паракапитализм) 206—211, 488, 490—492, 493—499, 505,
507—508, 549—560, 561—604, 657
см также мировая система, рынок, экономика

капиталист
возникновение термина 124
квазинациональные движения 69, 78
классовая борьба 263—264, 287—322, 516
идеи и концепции 263—264, 287—300, 316, 321—322
см. также: глобальная классовая борьба
классовые общества (цивилизации)
первичные 447
вторичные 447
их гибель 448
классы — см. общественные классы
книгопечатание
возникновение 474
колониализм 481—485
возникновение 481—485
историческое значение 485
крушение 507, 605
возрождение 606—607
колонизация (переселенческая) 34—35, 253, 482, 490
коммунизм
первобытный — см. первобытное общество, первобытного коммунизма идея, первобытного коммунизма концепции
посткапиталистический 543, 658
конвергенции концепции 202
конспиративистские концепции истории 382—390
консьюмеризм 516—517
коррупция
в современной России 578, 605
космический детерминизм 370
кочевые общества 462—463, 467, 471
культура 43—46, 152
вообще 43—45
в целом 46
локальная 46, 152
первобытная 59
в докапиталистических классовых обществе 59—60
элитарная 59—60, 451, 473—474
простонародная (крестьянская) 59—60, 449, 451, 473—474
массовая 528—534
общесоциорная (национальная) 529
ортокультура 529, 532, 621—622
см. также: искусство, эвазионизм, эйскапизм
культурная диффузия 52—55, 229—230
см. также: диффузионизм
культурный детерминизм 399—402
культурный релятивизм 55—58, 83
латерализация — см. социорная суперииндукция

легальный марксизм 340
любовь (половая)
исчезновение при капитализме 525—527
линейно-стадиальное понимание прогресса —
см. унитарно-стадиальные концепции истории
магнаризм 444, 445, 454, 459, 460
арендный 444
кабальный 444
приживальческий 444
рабский 444
см также: доминомагнаризм
массовая культура — см. культура
материалистическое понимания истории
(исторический материализм) 337—338, 425—426
материя 276
см. также: бытие, социальная материя
медиократия 522, 523
меднокаменный век 100
медный век 100
международная (интернациональная) капиталистическая система 489, 490, 505—508
межсоциорное взаимодействие в истории 252—258
см. также. социорная индукция, социорная
супериндукция
межсоциорные (горизонтальные, синхронные)
связи в истории 144—145, 229—234, 250—251
см. также: вестернизация, европеизация, культурная диффузия, модернизация,
ориентализация, романизация, эллинизация миграционизм
ментальностей концепция 397—399
ментальности 397—399
см. также: общественная психология
миграционизм 52, 171
миграция 34—35, 52, 650—651
мировая война
первая 499
вторая 507
мировая система социоисторических организмов 254, 447, 487—489
определение 225, 447
ближневосточная древнеполитарная 447, 451, 456, 486, 489
средиземноморская серварная (античная) 456, 486, 489
западноевропейская феодальная (феодально-бюргерская) 466, 473—476, 486, 489
западная капиталистическая 475, 479, 486—489, 490, 505—507, 512, 606—608, 613,
617, 621, 650, 652
неополитарная («социалистическая») 505—507, 512—513,
см также центр всемирно-исторического развития
мир-системный подход (анализ) 214—221, 228—229, 232—233
модернизации концепции 198—204, 213—214, 255, 487, 489

модернизация 198—203, 487
запаздывающая (догоняющая) 203
мораль 518—519, 522
и капитализм 518—528
и экономика 519—520, 522
надстройка — см. базис и надстройка
наркомания
на современном Западе 534
в современной России 568
народ
значения слова применительно
к классовому обществу 35, 60—61
к первобытному обществу 50, 60—61
население
возникновение как особого явления 31
наука
возникновение 455
деградация на современном Западе 534—535
см. также: преднаука
научно-техническая революция (НТР) 187
нациезация этноса 68
национализм 75—79, 385, 590—591
национальные движения 61, 66—69
см. также. квазинациональные движения
национальный гнет 67—68, 75
нация
определение 62, 75
возникновение 62, 63—64, 68—69, 70
и общество 62—63, 73—75
и этнос 65—66, 73—74, 75
как политическая сила 61, 63—64
полиэтничная 66—67
этнонация 68—69
соционация 68—69
суперпация 72—73
субнация 72—73
неоантропы (Homo sapiens) 441
необходимости и случайности в истории проблема —
см. случайности и необходимости в истории проблемс
неолит 167
неокантианство 92—94
неоэволюционизм
в этнологии 187—188
в социологии 188—191
см. также: эволюционизм
нобиларизм 444, 445, 465, 469

новое время
возникновение понятия 120—121
номинализм 130, 221—222, 224
обмен (экономический) 430, 432, 433—434, 435
образ производства 427—428
см. также: способ производства, общественно-экономический подуклад
общего и отдельного проблема 26—27, 129—134
общественная воля — см. мораль, право, инфорномия, этикет
общественная психология 397—398
см. также: ментальности
общественное бытие 335—336
см. также: социальная материя
общественное мнение 523
общественное сознание 336—337
натурарное 336—337
социарное 336—337
общественно-экономическая параформация 255—257, 428, 429, 454, 469, 480, 489—490
химерная 460, 469
общественно-экономическая проформация 445—446, 453—454, 469
см. также: предклассовое общество
общественно-экономическая формация 127—128, 428
вообще 132—133
конкретная формация 129, 131—133
см. также: первобытное общество,
политаризм, серваризм, феодализм,
капитализм
общественно-экономический подуклад 427, 440
см. также: образ производства
общественно-экономический уклад
определение 427
доминирующий (господствующий) 428, 440
подчиненный 428
стержневой 428—429, 440
формационный 429
параформационный 429
дополнительный 428—429, 440
гибридный 444—445
общественно-экономических формаций теория 127—146, 250
линейно-формационный вариант 145—197, 234
глобально-формационный вариант 250—259, 426, 486—487, 549
см. также: материалистическое понимание истории
общественные классы
определение 438
парно-антагонистические 438
одиночные 438
и имущественные разряды 514—515

см также глобальные классы, глобальная классовая борьба,
классовая борьба, происхождения классов концепции
общество
основные значения слова 15—27
проблема его природы 15—21
см также общество вообще, общество вообще определенного типа,
социоисторический организм, система социоисторических организмов,
человеческое общество в целом, социологический реализм,
социологический номинализм
общество вообще 26
общество вообще определенного типа (тип общества, особенное общество) 26—27
община
раннепервобытная 46—47
позднепервобытная 46—47
пракрестьянская 47
крестьянская 60, 449, 473—474, 478
общиносоциор 48, 50
одичание человека
при капитализме 524—527, 530—531
см также аморализация, оскотинивание человека
организационно-трудовые отношения 429—430
органическая школа в социологии 19—20
ориентализация 255, 258, 453—454
осевого времени концепция 392—394
оскотинивание человека
при капитализме 524—528, 530—531, 549, 614—615
см также аморализации, одичание человека
особенное общество — см общество вообще
определенного типа
палеоантропология
возникновение 167
палеоантропы 441
палеолит 167
панвавилонизм 230, 255
панегиптизм 230, 255
параформация — см общественно-экономическая
параформация
патриотизм 75—77
первобытное общество 46, 442
раннее (первобытно-коммунистическое) 46, 48, 442—443
позднее (первобытно-престижное) 46, 48, 442—443
см также предклассовое общество
первобытного коммунизма идея 110—112, 118—119
первобытного коммунизма концепции 114—115
первобытные общества
апополитейные 442
синполитейные 442

первобытный коммунизм — см. первобытное общество
перераспределение 435
перерастания буржуазной революции в социалистическую теория 497
перестройка в СССР (1985—1991) 508
периферийный капитализм — см. капитализм
периферия историческая 613—619
внешняя 456—457, 479—481, 490—491
внутренняя 456—457, 479—481, 490—491
зависимая 491, 513, 607—610
старая 513, 549—558
новая 513, 558—560
лакейская 613
независимая 491, 513, 559, 609—611, 643
периферия и центр — см центр и периферия
перманентной революции теория 497
печать (ежедневная) — см средства массовой информации
племя 42—43, 47, 49—50
различные значения слова 42—43, 47, 49—50
см также трибосоциор
плюрально-циклическое понимание истории 89—91
возникновение 152—153, 158—161, 171
в XX веке 172—180
критика историками 180—183
историческое значение 183—184
см. также евразийство исторического круговорота концепции
политаризм 439
протополитаризм 444, 445, 446
орбополитаризм 446—447
урбополитаризм 446—447
палеополитаризм (древнеполитарный способ
производства и древнеполитарная формация) 439, 447—452, 457
462—464, 469, 472, 482—483, 489, 491
политаризм в позднем античном обществе 459—461
политаризм в Скандинавии 469
политаризм в Западной Европе в конце
средних веков и начале нового времени 476—477
политаризм в дореволюционной России 480—481
неополитаризм 500—503, 505—508
см. также абсолютизм в Западной Европе
политарх 439
политархия 439
см также протополитархия
политическая экономия
зачатки 305
возникновение 301, 304—305
меркантилизм 304—305
классическая 305—312

неоклассическая (маржинализм) 345
см также экономическая этнология
политосистема 439
пользование 432—433
и потребление (использование) 433
порнобизнес 525
постиндустриального общества концепции 192—198
постмодернизм
в историологии 228
в философии 228, 532, 535
в этнографии 57—58
потребление 435
см также престижное потребление, консьюмеризм
право
и мораль 520—521
пралюди 441
см также архантропы, палеоантропы
праобщество 441
праобщина 441
предклассовое общество 46, 115, 442—446
пракрестьянское 445
пракрестьянскодоминарное 445
протополитарное 445
протополитомагнарное 445
протонобиларное 445
протодоминомагнарное 445
протонобиломагнарное 445
протомилитомагнарное 445
см также доминомагнаризм, доминааризм, магнаризм,
нобиларизм, политаризм, общественно-экономическая проформация
предлюди 441
см также австралопитеки, хабилисы
преднаука 451—452
предопределенности и неопределенности в истории проблема 96, 286, 354—355
престижная экономика — см экономика
престижное потребление 516—518
см также консьюмеризм
преступность
на современном Западе 527—528
в современной России 577—579
см также коррупция
провиденциализм 97—98, 103, 262, 263, 264—266, 270, 283—284, 408—409, 415, 417—418
прогресса человечества идеи и концепции 99—100, 108—119, 187
см также индустриального общества концепции, модернизации концепции,
общественно-экономических формаций теория, постиндустриального
общества концепции, унитарно-стадиальные концепции истории, эволюционизм

продуктивность общественного производства
определение 436—437
естественная 336
социальная 436—437
техническая 436—437
социально-гуманитарная 436—437
суммарная 436—437
способы ее повышения
темпоральный 449—450, 457
демографический 457—458
технический (технологический) 449—450, 477—478
производительные силы общества
определение 435—436
возникновение понятия 320, 322—323, 325, 335
проблема источника развития 338—343, 349—354
уровень развития 436
см также: продуктивность общественного производства
производственные отношения — см. социально-экономические отношения
производство (материальных благ) 333—334, 427, 429—430, 435—436
собственно (в узком смысле) 435
в широком смысле (как единство собственно производства, распределения, обмена и потребления) 435
см. также. производитеьные силы, социально-экономические отношения, способ производства, образ производства
происхождения классов концепции
биологизаторские 313—314, 315—316
завоевания 298—299
организаторская 319
расистские 82—86
промышленная (индустриальная) революция 187, 478
Просвещение (век и школы) 114
французское 114
шотландское (шотландская школа) 114
протополитаризм — см политаризм
протополитархия 47, 50
проформация — см общественно-экономическая проформация
психорасизм 81—82
рабство
античное — см серваризм
патриархальное (домашнее) — см доминаризм
экзогенное 458—459
эндогенное 459
расизм 81—88
возникновение 84
реально-расовый (расорасизм) 82—85
этнический (этнорасизм) 78, 82

социально-классовый (социорасизм) 82, 85—86
«белый» 84—87
«желтый» 87
«черный» 87—88
расистская историософия 84—87
см также психорасизм
расовый детерминизм — см. расистская историософия
расслоение (социальное) 443—444
аристарное 443
плутарное 443
расы (человеческие) 80—81
распоряжение 432—433
распределение 432—434
определение 433
первичное 434
вторичное 434
третичное 434
по потребностям 434
по труду 434
по собственности 434
см также перераспределение
реализм (как противоположность номинализму) 130, 222
революции в развитии производительных сил
см аграрная (агрикультурная, неолитическая) революция, промышленная (индустриальная) революция, научно-техническая революция (НТР)
регресса и деградации человечества идеи и концепции 99, 109—110, 237—238
религия
ее несовместимость с наукой 414
Ренессанс — см Возрождение
Римский клуб 194—195, 517, 542, 544
романизация 255, 457
романо-германский синтез 123, 465—466
рынок 301—304, 346—347, 568—569
капиталистический 301—304, 348—349
в современной России 568—570, 577
самобытие (самосуществование) 130, 134
свободы и необходимости в истории проблема 262, 277—286, 354—355
сексуальная революция 408, 524—527
серваризм 454—460
см также рабство
система социоисторических организмов (социорная система) 23—25
гнездовая 23—24, 446—447
см также мировая система социоисторических организмов, историческая арена, историческое гнездо, историческая зона, историческое пространство
славянофильство 154—156
случайности и необходимости в истории проблема 277—278, 286, 354—355
смысла истории проблема 8

снобистское искусство — см искусство
собственность
определение 432
общественная (социорная) 437
обособленная (особая) 438
персональная 438
групповая 438
отдельная 440
персональная 440
групповая 440
частная
определение 438
полная 438, 439
верховная 438
персональная 439
групповая 439
общеклассовая 439
персонально-корпоративная 440
корпоративно-персонализированная 440
см также пользование, распоряжение, распределение, обмен, ячейка собственности, ячейка частной собственности, хозяйственная (экономическая) ячейка, иждивенческо-потребительская ячейка
собственности отношения
экономические 300—304, 432—434
волевые (имущественные) 296, 300, 301, 303, 432, 433
моральные 432
юридические (правовые) 300, 303, 432
событийность и процессуальность в истории 92—94
социал-дарвинизм 404
социальная материя 276—277, 335—337, 354
см также общественное бытие
социальная постройка (конструкция) 336
социальная революция
в античности 454
буржуазная (антиабсолютистская)
Нидерландская 477
Английская 477
Великая Французская 282, 293, 447
социорно-освободительная
1896—1899 гг на Филиппинах 493
1895 г. на Кубе 493
1905—1907 гг в России 493
1905—1911гг в Иране 493
1911—1912 гг в Китае (Синьхайская) 493
1908—1909 гг в Турции 493
1911—1917 гг в Мексике 493
Февральская 1917 г в России 499

Великая Октябрьская 499—501, 502—503, 516, 573, 605
1944—1948 г.г. в странах Центральной Европы 507
в странах Азии и Африки после второй мировой войны 507
1979 г. в Иране 507
в Латинской Америке после второй мировой войны 507
социально-духовного фактора развития общества концепции 281—281, 327—330
см также. культурный детерминизм, ментальностей концепция, осевого времени концепция
социально-исторический организм — см. социоисторический организм
социально-экономические (производственные) отношения 301—302, 429—435
отношения распределения 432—435
отношения обмена 432—437
и собственность 300—301, 432—435
см. также: обмен (экономический), распределение, перераспределение, собственность, собственности отношения,
социально-экономический строй 427—428
одноукладный 428
многоукладный 428
химерный 429
социальный организм
история термина 18—21
социобиология 403—404
социогенез — см. антропосоциогенез
социоисторический идеализм 276—277, 402
социоисторический (социально-исторический) организм (социор) 21—25, 27—35
определение 21
проблема границы 22, 29—33
демосоциальный (демосоциор) 31—34
геосоциальный (геосоциор) 30—31, 33—34
супериорный 254, 488
инфериорный 254, 487, 488
магистральный 254
эксмагистральный 254
латеральный 256
ультрасоциор (держава) 22, 24—25, 252
инфрасоциор 25, 252
нуклесоциор 24—25, 252
гемисоциор 25, 252
субсоциор 449
социологический номинализм 15—17
социологический реализм 17—21
социорная индукция 253—254
социорная реорганизация (реконструкция) 250—253
социорная супериндукция 254—258
ее результаты
прогрессизация 255
регрессизация 255

стагнатизация 255
деконструктизация 250
латерализация 256, 469, 489, 490
суперіоризация 255 487, 489, 490
ультрасуперіоризация 256—260, 453—454, 465—466
см. также: вестернизация, европеизация, культурная диффузия, модернизация, ориентализация, романизация, эллинизация
способ производства 127—129, 427—429
определение 127, 427
основной (формационный) 429
параформационный 429
дополнительный 429
гибридный 444—445
средние века
возникновение понятия 121
средства массовой информации (СМИ)
общественная роль 478, 521—524
ежедневная печать 478
телевидение 521—524
см. также: информономия, медиократия
страна 12, 14, 30—31
см. также: геосоциальный организм
субъект истории
проблема 7, 10
точки зрения 10—14
судьба (в историологии) 95—96, 98, 261—262, 263, 278, 282
судьба-рок 95—96, 98, 261, 263, 278
судьба-фортуна 95—96, 98, 261, 263; 278
суперіоризация — см. социорная супериндукция
террор (глобальный) см. глобальный терроризм
технический (технологический) детерминизм 373—375
возникновение 373
трех мировых эпох (античность, средние века, новое время) схема периодизации истории 119—122
трех стадий эволюции (дикость, варварство, цивилизация) концепция 108—109, 114—115
трехчленная (дикость, варварство, цивилизация) схема периодизации истории 108—109, 114—115
трибализм (трайбализм) 70
трибосоциор 47—48
угасающей и пульсирующей силы концепции истории 418—422
уклад общественно-экономический — см. общественно-экономический уклад
ультраимпериализм 607—610, 613, 616, 650
см. также. империализм, империализма теории
ультрасуперіоризация — см. социорная супериндукция
унитарные концепции истории 89, 91

унитарно-стадиальные концепции истории 89, 91
возникновение 103, 108—124
господство и упадок в XIX веке 124—125, 151—152, 161—165, 169—171
возрождение в XX веке 186—203
линейно-стадиальные 145—151, 183, 201, 207, 213, 227, 233—234, 487
линейно-формационная 145—197, 234, 487
эстафетно-стадиальные 236—240, 242—243, 249
глобально-стадиальные 236—240, 242—243, 249, 250—251, 259
глобально-формационная 234, 250—259, 426, 486—487, 549
см. также: общественно-экономических формаций теория
уровень развития производительных сил —
см. производительные силы, продуктивность общественного производства
факторов исторического развития проблема 260—262
факторов исторического развития концепции
однофакторные (монофакторные) 261—262
многофакторные (полифакторные) 261—262, 422—424
иерархофакторные 260—261
см. также: биологизаторские (биологические) концепции общества и истории, волюнтаризм, демографический детерминизм, географический детерминизм, конспиративистские концепции истории, космический детерминизм, материалистическое понимание истории, провиденциализм, социально-духовного фактора развития общества концепции, технический (технологический) детерминизм, угасающей и пульсирующей силы концепции истории, экологический детерминизм, экономический детерминизм
феноменализм 222
фашизм 506, 507
феодализм 62, 64, 123—125, 465—466, 473
зарождение концепции 125
возникновение строя 465—466, 473
феодальная «революция» 466
философия
возникновение 455
русская религиозная конца XIX — начала XX вв. 408—417
деградация на современном Западе 531—532
философия истории
значения словосочетания 3—4
как теория исторического познания 3, 6
как общая теория исторического процесса 3—4, 6
см. также: историософия
формация — см. общественно-экономическая формация
фрейдизм 406—408
фрейдомарксизм 407—408
хабилисы 441
хеттология
возникновение 163
хозяйственная (экономическая) ячейка 437, 440

хозяйственный (экономический) организм 437, 440
холизация 93—94
цели истории проблема 8
центр всемирно-исторического развития 254—255, 447, 474, 475, 486, 489
см. также мировая система
центр и периферия 254—255
возникновение понятия 206, 250, 488
применительно
к цивилизованной истории человечества в целом 254—255, 447—491
к международной капиталистической системе 205—210, 486—491, 505, 513
см. также: центр всемирно-исторического развития, мировая система социоисторических организмов, периферия историческая
центральное историческое пространство 456—457, 466—471, 479—481
возникновение 456—457
цивилизация
возникновение понятия 113,
как стадия развития 113, 114—115
локальная 151—153
см. также: трех стадий эволюции (дикость, варварство, цивилизация) концепция; трехчленная (дикость, варварство, цивилизация) схема периодизации истории
«цивилизационный» подход к истории — см. плюрально-циклическое понимание истории
циклического развития концепции — см. исторического круговорота концепции, плюрально-циклические концепции истории
человеческое общество в целом 25—26
человечество 11—12, 25
значение термина 25
четырех мировых монархий концепция 101—102, 234
четырех мировых эпох (древневосточной, античной, средневековой, новой) схема периодизации истории 119—122
четырех стадий (охотничье-собирательская, пастушеская, землелельческая, торгово-промышленная) эволюции концепция 108—109, 115—117
четырехчленная (охотничье-собирательская, пастушеская, землелельческая, торгово-промышленная) схема периодизации истории 108—109, 115—117
шоу-бизнес 530
эвазионизм 533—534
эйскапизм 533—534
эволюционизм 51, 169—170
см. также: неоэволюционизм
экологический детерминизм 375—377
см. также: географический детерминизм
экономика 429—440
определение понятия 357—358, 429
некапиталистическая 343—351, 430—432

первобытная 347—351
жизнеобеспечивающая 443
престижная 443, 516—517
крестьянская 365
с рынками 302
рыночная 301—304
см. также: общественно-экономический уклад, производство (материальное), рынок, социально-экономические отношения, социально-экономический строй
экономическая этнология (антропология) 199, 347—349, 365
возникновение и развитие 199, 347—349
основные направления
субстантивизм 348
формализм 348
экономические отношения — см. собственности отношения, социально-экономические отношения, приватно-экономические отношения
экономический детерминизм 326, 355—366
экономический материализм 355
экономический подход к истории — см. историко-экономическое направление в историологии
экономическое понимание истории 355
эксплуатация 422—425, 434, 438, 440
методы 428, 435, 443
образы 428, 443
способы 428
эллинизация 255, 457
эмный и этный подходы 56—57
эссенциализация 93—94
эссенциализм 130
материалистический 130
объективно-идеалистический (реализм) 130
см. также: общего и отдельного проблема, реализм
эсхатология 99
этикет 521
этническая мобилизация 68, 77, 78
этнические процессы 38—40
этническая ассимиляция (растворение) 38—39
этническая дивергенция (расщепление) 40
этническая инкорпорация (включение) 40
этническая консолидация (слияние) 40
этнократия 78
см. также: национализм
этнология (этнография)
возникновение 166
см. также: экономическая этнология
этноним 37
этнос (этническая общность) 35—43
определение 35—39

возникновение 40—41, 58—59
ранний 65
поздний 65
позднейший 65
структура 39—40
субэтнос 39
этнографическая группа 39
и общество 41—42
и нация 61, 65—66, 73—75
этноцентризм 55
этный подход — см. эмный и этный подходы
этология человека 403—404
ячейка собственности (собъячейка, владъячейка) 432—434
см. также: собственность
ячейка частной собственности 440
см. также: собственность
Homo sapiens — см. неоантропы (Homo sapiens)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

1. ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА (человечество, общество, общества, государства, страны, народы, этносы, нации, цивилизации, культуры, расы) 10

1.1. Вводные замечания 10

1.2. Общество, государство, цивилизация, страна 15

1.2.1. Многозначность слова «общество» 15

1.2.2. Два взгляда на общество: (1) как на простую совокупность людей и (2) как на целостное образование (организм) 15

1.2.3. Первое значение слова «общество» — социально-исторический (социоисторический) организм 21

1.2.4. Второе значение слова «общество» — система социально-исторических (социоисторических) организмов. 23

1.2.5. Третье значение слова «общество» — человеческое общество в целом 25

1.2.6. Четвертое значение слова «общество» — общество вообще 26

1.2.7. Пятое значение слова «общество» — общество вообще определенного типа (тип общества или особенное общество) 26

1.2.8. Понятие социоисторического организма — одна из самых важных категорий наук об обществе и его истории 27

1.2.9. Открытие двух основных видов социоисторических организмов (Б. Нибур, Г. Мейн, Л. Морган) 28

1.2.10. Проблема границ социально-исторических организмов 29

1.2.11. Геосоциальные организмы (геосоциоры) 30

1.2.12. Значение слова «страна» 30

1.2.13. Геосоциальный организм и его население 31

1.2.14. Демосоциальные организмы (демосоциоры) 31

1.2.15. Еще о различии между демосоциальными и геосоциальными организмами 33

1.3. Народ, этнос, этнические процессы, социоисторический организм 35

1.3.1. Многозначность слова «народ» в его применении к классовому обществу 35

1.3.2. Этническая общность, или этнос 35

1.3.3. Структура этноса 39

1.3.4. Этнические процессы 40

1.3.5. Этнос и геосоциальный организм 41

1.3.6. Этнос и племя 42

1.4. Культура вообще, локальные культуры, человеческая культура в целом 43

1.4.1. Понятие культуры вообще ... 43
1.4.2. Культуры (локальные культуры) и человеческая культура в целом ... 45
1.5. Демосоциорные конгломераты, ассоциации и союзы ... 46
1.5.1. Генетические культурно-языковые общности и генетические демосоциорные конгломераты ... 46
1.5.2. Демосоциорные ассоциации ... 49
1.5.3. Демосоциорные союзы и сверхсоюзы ... 50
1.6. Культура вообще, локальные культуры и культурные процессы ... 51
1.6.1. Передача культуры от поколения к поколению и эволюционистские концепции культуры ... 51
1.6.2. Распространение культуры путем миграций: миграционизм ... 51
1.6.3. Культурная диффузия и диффузионизм ... 52
1.6.4. Культурный релятивизм ... 55
1.7. Переход к классовому обществу, превращение демосоциальных организмов в геосоциальные, возникновение этносов и раздвоение культуры ... 58
1.7.1. Превращение демосоциальных организмов в геосоциальные и возникновение этнических общностей ... 58
1.7.2. Раздвоение культуры с переходом от первобытного общества к классовому ... 59
1.7.3. Коренное различие смыслов слова «народ» в применении к первобытному и классовому обществам ... 60
1.8. Общество, этнос, нация ... 61
1.8.1. Проблема отношения этноса и нации ... 61
1.8.2. Возникновение наций в Западной Европе ... 62
1.8.3. Нация и социально-исторический организм ... 62
1.8.4. Нация как политическая сила ... 63
1.8.5. Нация и этнос ... 65
1.8.6. Полиэтничные нации ... 66
1.8.7. Нация и национальное движение ... 67
1.8.8. Формирование наций в Америке ... 69
1.8.9. Становление наций в Африке южнее Сахары ... 70
1.8.10. Две современные концепции нации ... 70
1.8.11. Нация: объективно существующее явление или только конструкция сознания? ... 71
1.8.12. Субнации и супернации, мононациезация и полинациезация ... 72
1.8.13. Еще раз об обществе, нации и этносе ... 73
1.8.14. Национализм и патриотизм ... 75
1.9. Расы, расизм и концепция расового детерминизма ... 79
1.9.1. Концепция этносов и суперэтносов Л.Н. Гумилева ... 79
1.9.2. Расовое деление человечества ... 80

1.9.3. Сущность расизма и его основные разновидности 81
1.9.4. Расистская историософия 84

2. ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: ЕГО ПОНИМАНИЕ И ИСТОЛКОВАНИЕ (унитаристский и плюралистский подходы к истории, линейно-стадиальное и глобально-стадиальное понимание исторического прогресса) 89
2.1. Два основных подхода к истории: унитарно-стадиальный и плюрально-циклический 89
2.2. Античный мир: первые шаги к унитарно-стадиальному пониманию истории 91
2.2.1. Возникновение исторической науки (историологии) 91
2.2.2. Событийность и процессуальность в истории 92
2.2.3. Два направления развития исторической и историософской мысли 95
2.2.4. Историческая мысль в поисках причин исторических событий 95
2.2.5. Понятие судьбы у античных историков 95
2.2.6. Провиденциализм Августина Аврелия и начало философии истории 96
2.2.7. Идеи исторического прогресса и регресса в античную эпоху 99
2.2.8. Античные мыслители в поисках общего, особенного и повторяющегося в истории 100
2.2.9. Концепция четырех мировых монархий 101
2.3. Конец средних веков и новое время: возникновение и развитие унитарно-стадиального понимания истории 103
2 3.1. Вводные замечания 103
2.3.2. Ранние концепции циклизма: Ибн Халдун, Н. Макьявелли, Ф. Патрици, Дж. Вико 104
2 3.3. Открытие Америки и его значение для понимания истории 108
2.3.4. Трехчленная стадиальная типология человеческих обществ: дикарские, варварские, цивилизованные 114
2.3.5. Четырехчленная периодизация истории человечества: охотничье-собирательская, пастушеская, земледельческая и торгово-промышленная стадии 115
2.3.6. Идея прогресса в XVIII веке: оптимизм (Ж.А. Кондорсе) и пессимизм (Ж.-Ж. Руссо) 117
2.3.7. Выделение трех всемирно-исторических эпох: античности, средних веков и нового времени 119
2.3.8. Выявление еще одной всемирно-исторической эпохи — эры Древнего Востока 122
2.3.9. Движение исторической мысли XVIII века: от расчленения писаной истории во времени — к стадиальной типологии цивилизованных социально-исторических организмов 122
2.3.10. Философско-историческая концепция А. Сен-Симона 125
2.4. Марксистская теория исторического развития 125

2.4.1. Вводные замечания 125
2.4.2. Марксистская стадиальная типология социально-исторических организмов 127
2.4.3. Марксова схема развития и смены общественно-экономических формаций 128
2.4.4. Как и где существуют общественно-экономические формации 129
2.4.5. Проблема интерпретации марксовой схемы смены общественно-экономических формаций 134
2.4.6. Противоречие между ортодоксальным пониманием смены общественно-экономических формаций и исторической реальностью 136
2.4.7. Основоположники марксизма и ортодоксальное понимание смены общественно-экономических формаций 139
2.4.8. Интерпретации смены общественно-экономических формаций в марксистской литературе после Маркса 140
2.4.9. Пороки ортодоксального понимания смены общественно-экономических формаций 143
2.4.10. Линейно-стадиальный вариант унитарно-стадиального понимания истории 145
2.4.11. Линейно-стадиальное понимание истории и советская (ныне российская) историология Древнего мира вообще, историология Древнего Востока в первую очередь 146
2.5. Возникновение плюрально-циклического взгляда на историю 151
2.5.1. От «цивилизации» к «цивилизациям» 151
2.5.2. Ж.Гобино и Г.Рюккерт 152
2.5.3. Русская философско-историческая мысль 30–60-х годов XIX в. (П.Я. Чаадаев, И.В. Киреевский, В.Ф. Одоевский, Ф.И. Тютчев, А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин, А.И. Герцен, П.Л. Лавров) 153
2.5.4. Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, В.И. Ламанский 158
2.6. Историология и смежные науки в конце XIX – начале XX веков 161
2.6.1. Вводные замечания 161
2.6.2. Новые данные исторической науки и линейно-стадиальное понимание истории 161
2.6.3. Возникновение этнологии, первобытной археологии и палеоантропологии 165
2.6.4. Возникновение науки о первобытной истории (палеоисториологии) и ее качественное отличие от историологии цивилизованного общества (неоисториологии) 167
2.6.5. Этнология и археология: от эволюционизма к антиэволюционизму 169
2.6.6. Плюрально-циклические концепции в социологии 171
2.7. Развитие плюрально-циклического взгляда на историю в XX веке 172
2.7.1. Н.С. Трубецкой и евразийство 172

2.7.2. О. Шпенглер ... 174
2.7.3. А.Дж. Тойнби ... 176
2.7.4. Ф. Бэгби, К. Квигли, С. Хантингтон, Л.Н. Гумилев, П.А. Сорокин ... 178
2.7.5. Два разных циклизма ... 180
2.7.6. Специалисты-историки о построениях О. Шпенглера, А.Дж. Тойнби и Л.Н. Гумилева ... 180
2.7.7. Значение исторического плюрализма в развитии философско-исторической мысли ... 183
2.8. Возрождение унитарно-стадиальных концепций общественного развития в социальных науках на Западе во второй половине XX века ... 186
2.8.1. Вводные замечания ... 186
2.8.2. Возрождение эволюционизма в этнологии ... 187
2.8.3. Эволюционизм в социологии ... 189
2.8.4. Концепции индустриального общества ... 191
2.8.5. Возникновение и упадок концепций постиндустриального общества ... 192
2.8.6. Еще одна современная стадиальная типология социоисторических организмов: премодерное, модерное и постмодерное общество ... 198
2.8.7. Концепции модернизации ... 198
2.9. Концепции зависимости, или зависимого развития ... 204
2.9.1. Предыстория — концепции империализма ... 204
2.9.2. Концепции центра-периферии и периферийного капитализма (Р. Пребиш) ... 205
2.9.3. Депендетизм (Т. Дус-Сантус, Р.М. Марини) ... 207
2.9.4. Концепция зависимо-ассоциированного общества (Ф.Э. Кардозу, Э. Фалетто) ... 208
2.9.5. Концепция капитализма субразвития (А. Агиляр) ... 209
2.9.6. Латинская Америка — родина концепций зависимого развития и периферийного капитализма ... 209
2.9.7. Разработка концепций зависимости западными экономистами ... 210
2.9.8. Концепции альтернативного развития, опоры на собственные силы и нового международного экономического порядка ... 211
2.9.8. Критика концепций зависимости апологетами капитализма ... 212
2.10. Мир-системный подход ... 212
2.10.1. А.Г. Франк и его взгляд на недоразвитость и развитость стран мира ... 212
2.10.2. Концепция миров-экономик (Ф. Бродель) ... 214
2.10.3. Мир-системный анализ (И.Валлерстайн) ... 215
2.10.4. Мир-системный подход: плюсы и минусы ... 220
2.11. Современный антиисторизм («антиисторицизм») ... 221
2.11.1. К. Поппер, Ф. Хайек, Л. Мизес и Р. Арон ... 221

2.11.2. Р. Нисбет и Р. Будон ... 224
2.11.3. Ч. Тилли, П. Штомпка и постмодернисты ... 226
2.12. Исследование межсоциорных связей и попытки создания целостной картины всемирной истории ... 228
2.12.1. Вводное замечание ... 228
2.12.2. Диффузионизм и всемирная история ... 229
2.12.3. Всемирная история в работе У. Мак-Нилла «Подъем Запада. История человеческой общности» ... 230
2.12 4. Сторонники мир-системного подхода и их попытки создания целостной картины всемирной истории ... 232
2.12.5. Выход из тупика — глобально-стадиальное понимание истории ... 233
2.13. Возникновение и развитие идеи исторической эстафеты и глобально-стадиального понимания истории ... 234
2.13.1. Идея исторической эстафеты ... 234
2.13.2. Ж. Боден ... 236
2.13.3. Л. Леруа ... 237
2.13.4. Дж. Хейквилл и У. Темпл ... 238
2.13.5. Ж. Тюрго, Г. Мабли, Г. Рейналь, И. Гердер, И. Кант, И. Фихте, Вольней ... 239
2.13 6. Г.В.Ф. Гегель ... 241
2.13.7. В. Кузен, Ж. Мишле, П. Балланш ... 243
2.13.8. Н.М. Карамзин и русские мыслители 30—60-х годов XIX века (П.Я. Чаадаев, И.В. Киреевский, В.Ф. Одоевский, А.С. Хомяков, А.И. Герцен, П.Л. Лавров, Т.Н. Грановский) ... 244
2.13.9. Современность ... 246
2.14. Глобально-формационное понимание истории: сущность и категориальный аппарат ... 250
2.14.1. Вводные замечания ... 250
2.14.2. Межсоциорное взаимодействие ... 252
2.14.3. Социорная реорганизация ... 252
2.14.4. Социорная индукция ... 253
2.14.5. Неравномерность исторического развития. Супериорные и инфериорные социоры. Исторические миры ... 254
2.14.6. Исторический центр и историческая периферия. Супериндукция ... 254
2.14.7. Супериоризация ... 255
2.14.8. Латерализация и общественно-экономические параформации ... 256
2.14.9. Эндогенная стадиальная трансформация, супериоризация и латерализация как формы смены социально-экономических типов общества ... 256
2.14.10. Ультрасупериоризация. Передача исторической эстафеты, или эстафетная смена общественно-экономических формаций ... 257
2.14.11. Заключение ... 258

3. ИСТОРИЧЕСКАЯ И ИСТОРИОСОФСКАЯ МЫСЛЬ В ПОИСКАХ ОСНОВЫ ОБЩЕСТВА И ДВИЖУЩИХ СИЛ ИСТОРИИ ... 260
3.1. Введение ... 260
3.2. Гуманистическая историография. Снова Н. Макьявелли ... 262
3.3. Провиденциализм не сдается: Ж.Б.Боссюэ ... 264
3.4. Возникновение географического детерминизма ... 267
3.4.1. Вводное замечание ... 267
3.4.2. Предтечи (Гиппократ, Аристотель, Полибий) ... 267
3.4.3. Снова Ж. Боден ... 268
3.4.4. Ф. Бэкон, У. Темпл, Б. Фонтанель ... 268
3.4.5. Ж.-Б. Дюбо ... 269
3.4.6. Ш. Монтескье ... 270
3.5. Возникновение демографического детерминизма: К. Гельвеций, А. Барнав ... 271
3.6. Французские материалисты XVIII в. и порочный круг в их рассуждениях об обществе и его истории ... 273
3.6.1. Французские материалисты XVIII века ... 273
3.6.2. От человеческих действий к общественному мнению ... 273
3.6.3. От общественного мнения к общественной среде, а от нее — снова к общественному мнению ... 274
3.6.4. Порочный круг: попытки его разорвать ... 274
3.6.5. Социоисторический идеализм ... 276
3.7. Проблема свободы и необходимости на стыке веков (XVIII—XIX) ... 277
3.7.1. Абсолютный детерминизм: что это означает для истории ... 277
3.7.2. Абсолютный детерминизм и волюнтаризм: как они могли совмещаться? ... 278
3.7.3. Снова И. Гердер ... 278
3.7.4. Вольтер-историк ... 279
3.7.5. Волюнтаризм как теоретическое обоснование борьбы против существующего строя ... 281
3.7.6. Великая Французская революция и крушение волюнтаризма ... 282
3.7.7. Проблема свободы и необходимости в философии истории Г. Гегеля ... 284
3.8. Французские историки эпохи Реставрации: открытие ими общественных классов и классовой борьбы ... 287
3.8.1. Предтечи (от Платона до Вольнея) ... 287
3.8.2. Эпоха Реставрации ... 292
3.8.3. От изучения революции к исследованию борьбы классов ... 293
3.8.4. Из-за чего борются классы? ... 294
3.8.5. Общественные классы: что это такое? ... 295
3.8.6. Имущественные отношения ... 296

3.8.7. Народные массы и выдающиеся личности 296
3.8.8. Классовая борьба — историческая закономерность 297
3.8.9. История как объективный, закономерный процесс 297
3.8.10. Проблема происхождения общественных классов 298
3.8.11. Что помешало французскими историкам Реставрации пойти дальше? 299
3.9. Возникновение политической экономии и открытие социально-экономических отношений 301
3.9.1. Прочему экономические отношения могли быть открыты только с возникновением капитализма? 301
3.9.2. Возникновение политической экономии. Меркантилизм 304
3.9.3. Начало классической политической экономии: У. Петти, П. Буагильбер, Ф. Кенэ, Ж. Тюрго 305
3.9.4. Создатели теоретических систем: А. Смит и Д. Рикардо 308
3.10. Проблема нищеты, общественных классов, классовой борьбы и движущих сил истории в трудах английских мыслителей конца XVIII — начала XIX веков 312
3.10.1. Вводное замечание. 312
3.10.2. Дж. Таунсенд 312
3.10.3. У. Годвин 314
3.10.4. Т. Мальтус 315
3.10.5. Ч. Холл 316
3.10.6. П. Рейвенстон, У. Томпсон, Дж. Грей, Дж. Брей 319
3.11. Концепции общественного развития английских экономистов первой половины XIX века 321
3.11.1. Т. Годскин 321
3.11.2. Р. Джонс 324
3.12. Снова А. Сен-Симон 327
3.13. Материалистическое понимание истории и проблема основы общества и движущих сил истории 331
3.13.1. Был ли К. Маркс экономистом и знатоком капиталистической экономики? 331
3.13.2. Открытие социальной материи 333
3.13.3. Постановка и решение проблемы источника развития производительных сил общества в работах Г.В. Плеханова, П.Б. Струве, А.А. Богданова, П.П. Маслова, К. Каутского, Н.И. Бухарина 338
3.13.4. Источник развития производительных сил при капитализме 342
3.13.5. Проблема некапиталистических экономических систем и ее решения 343
3.13.6. Экономическая этнология (экономическая антропология) 347
3.13.7. Значение теории первобытной экономики для материалистического понимания истории вообще, для решения проблемы источника развития производительных сил в частности 349

3.13.8. Проблема взаимоотношения между производительными силами и производственными отношениями ... 351
3.13.9. Исторический материализм и проблема свободы и необходимости в истории ... 354
3.14. Иные (кроме марксистской) современные концепции основы общества и движущих сил истории ... 355
3.14.1. Экономический детерминизм, экономический материализм и экономический подход к истории вообще (от Дж. Миллара, Р. Джонса и Дж. Роджерса до К. Лабрусса и У. Ростоу) ... 355
3.14.2. Географический детерминизм и иные, близкие к нему концепции (Т. Бокль, Э. Жюйар, Л.И. Мечников, Ф. Ратцель, Э. Семпл, Х. Маккиндер, А. Мэхэн, А.Л. Чижевский и др.) ... 366
3.14 3. Демографический детерминизм (Л. Гумплович, А. Кост, Э. Дюркгейм, Д.И. Менделеев, А.А. Богданов, Р. Карнейро, О. Дуглас, Дж. Матрас, Дж. Саймон, Л. Шевалье, Н.И. Моисеев и др.) ... 370
3.14.4. Технический, или технологический, детерминизм (Л. Уайт, Г. Ленски, О. Тоффлер и др.) ... 373
3.14.5. Экологический детерминизм (Дж. Кларк, Дж. Стюард, М. Харрис, Э. Ле Руа Ладюри, Э.С. Кульпин и др.) ... 375
3.14.6. Классический волюнтаризм (Т. Карлейль, П.Л. Лавров, Н.В. Шелгунов, Х. Ортега-и-Гассет, К. Поппер, Л. Мизес и др.) ... 377
3.14.7. Конспиративистский вариант волюнтаризма (концепции заговора от С.А. Нилуса до Е.Т. Гайдара) ... 382
3.14 8. Концепции определяющей роли социально-духовного фактора (Л. Блан, П. Сорокин, К. Ясперс, М. Хайдеггер, Ф. Фукуяма, школа «Анналов» и др.) ... 390
3.14.9. Биологические и социально-биологические концепции (Э. Уилсон, Ж. Дюби, И.П. Павлов, З. Фрейд, В. Райх и др.) ... 402
3.14.10. Провиденциализм и русская религиозная философия конца XIX — начала XX вв. ... 408
3.14.11. Концепции угасающей или пульсирующей силы общественного развития (Ж. Гобино, Н.А. Васильев, О. Шпенглер, А. Тойнби, Л.Н. Гумилев и др.) ... 418
3.14.12. В заключение: еще о многофакторном подходе к развитию общества ... 422

4. ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В СВЕТЕ ГЛОБАЛЬНО-ФОРМАЦИОННОГО ПОДХОДА ... 425
4.1. Вступление ... 425
4.2. Категориальный аппарат ... 426
4.2.1. Вводные замечания ... 426
4.2.2. Социально-экономический строй общества, общественно-экономический уклад, способ производства, общественно-экономическая формация и параформация ... 427

4.2.3. Экономика и экономики ... 429
4.2.4. Собственность и социально-экономические отношения ... 432
4.2.5. Общественное производство и производительные силы общества ... 435
4.2.6. Ячейки собственности, хозяйственные ячейки, иждивенческо-потребительские ячейки, хозяйственные организмы ... 437
4.3. Общий ход мировой истории ... 441
4.3.1. Период праобщества и праистории (1,6 – 0,04 млн. лет) ... 441
4.3.2. Эпоха первобытного (доклассового) общества, или палеоисторий (40 – 6 тыс. лет) ... 441
4.3.3. Эпоха Древнего Востока (III – II тысячелетия до н.э.) ... 446
4.3.4. Античная эпоха (VIII в. до н.э. – V в.н.э.). Мир в пределах центрального исторического пространства ... 452
4.3.5. Мир в античную эпоху за пределами центрального исторического пространства ... 462
4.3.6. Эпоха средних веков (VI – XV вв.). ... 464
4.3.7. Эпоха нового времени (XVI в. – 1917 г.) – развитие капитализма вглубь ... 475
4.3.8. Новое время (с начала XVI в. до конца XIX в.) – развитие капитализма вширь ... 479
4.3.9. Конец нового времени (1895 – 1917 гг.). Первая волна социорно-освободительных революций ... 491
4.3.10. Новейшая история (1917 – 1991 гг.). Вторая волна социорно-освободительных революций ... 500

5. СОВРЕМЕННОСТЬ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ... 509
5.1. Конец истории? ... 509
5.2. Глобализация и глобальное классовое общество ... 510
5.3. Современный ортокапитализм ... 514
5.3.1. Основные этапы развития ортокапитализма ... 514
5.3.2. Поздний ортокапитализм и консьюмеризм ... 514
5.3.3. Аморализация и дегуманизация ... 518
5.3.4. Кризис духовной культуры ... 528
5.3.5. Деградация науки ... 534
5.3.6. Переход от позднего ортокапитализма к позднейшему: следствия и причины ... 535
5.3.7. Современный ортокапитализм и глобальные проблемы экологии ... 542
5.4. Капитализм – общество без будущего. Проблема его замены другим общественным строем ... 542
5.5. Старая паракапиталистическая периферия ... 549
5.6. Место бывших неополитарных стран в современном мире ... 558
5.7. Превращение России в зависимую периферийную страну ... 561

5.7.1 Запад и «демократические реформы» в России 561
5.7.2. Результаты «демократических реформ» в России 564
5.7.3. Сегодняшняя Россия — зависимая периферийная страна 573
5.7.4. Периферийный («криминальный») капитализм в России — результат «демократических реформ» или непоследовательности в их проведении? 582
5.7.5. Россия на распутье 588
5.8. Глобальная классовая борьба: ее возможный ход и результаты 605
5 8.1. Ультраимпериализм переходит в наступление 605
5.8.2. Современное противодействие натиску ультраимпериализма 613
5.8.3. Необходимость объединения периферии 617
5.8.4. Роль России в современном мировом историческом процессе 619
5.8.5. Путинский поворот к Западу 622
5.8.6. Пессимистический (для периферии и человечества) вариант развертывания глобальной классовой борьбы 640
5.8.7. Оптимистический (для периферии и человечества) вариант развертывания глобальной классовой борьбы 653
5.9. Заключение: Перспективы грядущего исторического развития 657

ЛИТЕРАТУРА 659
СОКРАЩЕНИЯ 726
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 528
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ 744

Научная библиотека «Современных тетрадей»
Философия

Семенов Ю. И.

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ.
(Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней)

Издательство «Современные тетради»

На обложке
верхняя часть колосса фараона XVIII династии
Эхнатона (Аменхатепа IV) из Карнака

Лицензия № 040548 от 30 12 97 г

Сдано в набор 16 12 2002 г Подписано в печать 29 07 2003 г
Формат 60X90/$_{16}$ Объем 48,5 п л Тираж 2500 экз Заказ 3779

Отпечатано с готовых диапозитивов в
ОАО «Ивановская областная типография»
153008, г Иваново, ул Типографская, 6
E-mail 091-018@adminet ivanovo ru